

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

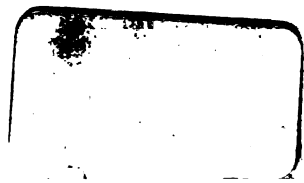
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919817 6

* QCA

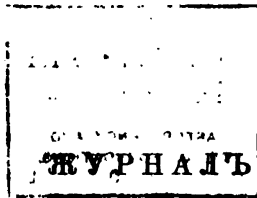

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. БАТКОВЫНЪ.

***

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ.

№ 66

***

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К^о).
На Страстномъ бульварѣ.

1866.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
CANCELLED
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1910 L

8432

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ.

Н О Я Б Р Ъ .

Стр.

Расколъ какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій. Гл. IV—IX. <i>Г.</i>	5
Преступленіе и наказаніе. Романъ. Часть третья. Гл. I—VI. <i>Ө. М. Достоевскаго.</i>	79
Въ Шумавскихъ горахъ. Повѣсть Божены Нѣмцовой. Переводъ съ чешскаго. Гл. IX—XI.	156
Николай Михайловичъ Карамзинъ. <i>П. К. Щербальскаго.</i>	191
Грязные вулканы въ Крыму	262
Атлантическій телеграфъ	277

Въ приложеніи:

Наканунъ Мартинова дня. Романъ мистрисъ Генри Вудъ. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Окончаніе. Часть вторая. Гл. I—VIII.	
---	--

Д Е К А Б Р Ъ .

	<i>Стр.</i>
✓ Въ чужомъ полѣ. Романъ въ двухъ книгахъ. Окончаніе. <i>П. Д. Боборыкина</i>	289
Черногорцы. Поэма Ивана Мажуранича. Переводъ съ сербско-хорватскаго. <i>М. П—я</i>	372
✓ Въ Шумавскихъ горахъ. Подѣсть Божены Нѣмцовой. Переводъ съ чешскаго. Окончаніе.	407
! Преступленіе и наказаніе. Романъ. Окончаніе. <i>Ф. М. Достоевскаго</i>	450
Нѣсколько словъ о восточномъ вопросѣ. <i>В. С. Неклюдова</i>	489
Матеріалы для русской исторіи. Дневникъ Корба. <i>С. К. Смирнова</i>	500
Современная политика Франціи. <i>Алека</i>	533

Въ приложеніи:

✓ Наканунѣ Мартинова дня. Романъ мистрисъ Генри Вудъ. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе.	
--	--

РАСКОЛЬ КАКЪ ОРУДИЕ

ВРАЖДЕБНЫХЪ РОССИИ ПАРТІЙ *

IV.

Турецко-польско-раскольничій союзъ, о которомъ мы ска-
ли въ предыдущей главѣ, становился все тѣснѣе по мѣрѣ
эго, какъ приходило время открытаго разрыва между Рос-
сіей и Турціей. Самы Некрасовцы, сами раскольничьи насе-
ленія Придунайскихъ областей, конечно, не принимали ни
малѣйшаго участія въ этомъ союзѣ и даже не имѣли о немъ
никакого понятія; если не единственнымъ, то главнымъ и
чуждымъ дѣятельнымъ представителемъ ихъ былъ здѣсь все
отъ же Осипъ Семеновичъ Гончаровъ. Его поѣздки въ Кон-
стантинополь стали повторяться чаще и чаще; сношенія съ
Куковскимъ, Садыкъ-пашой, Алиономъ сдѣлались живѣе и
достояннѣе; есть извѣстіе, что однажды онъ будто бы былъ
приглашенъ даже въ верховный совѣтъ, занимавшійся въ
присутствіи самого султана рѣшеніемъ вопроса, начинать ли
войну съ Россіей.

Нѣтъ сомнѣнія, что турецкія власта и иностранные поли-
тическіе агенты вовсе не думали дѣлать Гончарова участ-
никомъ своихъ плановъ и намѣреній: имъ пользовались
только какъ удобнымъ орудіемъ для извѣстныхъ цѣлей,
какъ человѣкомъ, на преданность котораго вполне надѣя-

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 9.

лись, и который въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ дать полезный совѣтъ, вообще оказать немаловажную услугу. Въ этихъ прелестествовавшихъ войнахъ сношеніяхъ своихъ съ турецкимъ правительствомъ и членами польской пропаганды, Гончаровъ занятъ былъ исполненіемъ двухъ порученныхъ ему обязанностей: онъ долженъ былъ, вопервыхъ, собирать и доставлять по принадлежности свѣдѣнія изъ Россіи и о Россіи,—о военныхъ приготовленіяхъ внутри имперіи, о разныхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, о настроеніи общественнаго мнѣнія и т. п., особенно же о мѣстахъ и лицахъ, которыми можно было бы воспользоваться въ борьбѣ противъ Русскихъ; во вторыхъ, онъ долженъ былъ постепенно приготовить самихъ Некрасовцевъ къ наступающимъ событіямъ,—внушить имъ увѣренность въ несомнѣнномъ успѣхѣ турецкаго оружія въ предстоящей войнѣ съ Русскими, поддержать въ нихъ преданность султану и подогрѣть старую вражду противъ Россіи.

Давнишнія тѣсныя связи съ русскими раскольниками, особенно ближайшихъ мѣстъ, какъ напримѣръ, Бессарабію, и давно установившіяся удобства взаимныхъ съ ними сношеній открывали Гончарову возможность собирать свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ Россіи, и въ частности о томъ, какія военныя приготовленія происходятъ въ мѣстахъ, ближайшихъ къ будущему театру войны; благодаря тѣмъ же близкимъ связямъ съ живущими въ Россіи раскольниками, онъ могъ отыскать между ними и людей, готовыхъ измѣнически дѣйствовать во вредъ Россіи. Достаточнымъ подтвержденіемъ сказаннаго могутъ служить обнаружившіяся въ послѣдствіи сношенія Гончарова съ богатымъ измаильскимъ купцомъ Никитой Бѣляевымъ. Бѣляевъ состоялъ въ родствѣ съ Гончаровымъ чрезъ зятя своего, измаильскаго же купца Нестора Качалкина, и какъ горячій ревнитель раскола, вполне сочувствовалъ заботамъ Гончарова объ учрежденіи заграничной раскольничьей іерархіи и всѣмъ его замысламъ, клонившимся ко вреду русскаго правительства, къ которому и самъ питалъ непріязненные чувства за стѣсненіе раскольниковъ. На эти предпріятія онъ доставлялъ Гончарову даже значительныя суммы денегъ * и вообще состоялъ съ нимъ,

* Дозвано было, напримѣръ, что Бѣляевъ однажды передалъ Гончарову въ его распоряженіе 2.000 червонцевъ.

и чрезъ него съ Некрасовцами, въ близкихъ сношеніяхъ. Для большаго удобства этихъ сношеній, незадолго передъ войной (именно осенью 1852 г.), Бѣляевъ снялъ казенныя и городскія рыбныя ловли въ Георгіевскомъ гирлѣ Дуная, по сосѣдству съ некрасовскими поселеніями. Зять Бѣяева, Качалкинъ, а самъ Некрасовецъ по происхожденію, въ званіи управляющаго рыбнымъ промысломъ, переѣхалъ сюда на жительство и такимъ образомъ получилъ возможность часто и совершенно безпрепятственно ѣздить въ некрасовскія селенія. Чрезъ него-то Гончаровъ съ полнымъ удобствомъ могъ получать свѣдѣнія изъ Россіи отъ Бѣяева, который притомъ ѣзжалъ и самъ въ Журиловку для личныхъ свиданій и совѣщаній съ Осипомъ Семеновымъ.* Можно догадываться, что когда Бѣляевъ бралъ на откупъ рыбныя ловли по сосѣдству съ Добруджей, то это дѣлалось не безъ злонамѣренной цѣли; по крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что по открытіи военныхъ дѣйствій, всѣ принадлежавшія Бѣяеву рыбацкія лодки поступили въ распоряженіе Турокъ и Некрасовцевъ, а самъ Качалкинъ, выправивъ билетъ на званіе маркитанта при русскихъ войскахъ и получивъ такимъ образомъ свободный доступъ въ русскій лагерь, привозилъ оттуда самыя свѣжія извѣстія для передачи своимъ друзьямъ.

Доставляя въ Тульчу и Константинополь нужныя свѣдѣнія о Россіи, Гончаровъ въ свою очередь получалъ здѣсь отъ Жуковского и Садыкъ-паши запасъ другаго рода интересныхъ новостей, съ которыми обыкновенно и возвращался въ свою Журиловку. Всѣ новости, которыми Садыкъ-паша и Жуковский считали полезнымъ снабжать Гончарова, были политическаго свойства; будучи передаваемы съ самой невыгодной для Русскихъ стороны, онѣ имѣли назначеніе—внушать раскольникамъ увѣренность въ неизбежномъ пораже-

---

* Довѣсеніе новороссійскаго генералъ-губернатора, отъ 4-го октября 1854 г. Аркадій (первый) въ Суздачѣ также объяснилъ: „съ Бѣяевымъ познакомился осенью 1852 г., когда онъ взялъ Георгіевскій островъ на откупъ. Видѣлся съ нимъ въ Журиловкѣ, куда привезъ мнѣ боченокъ зернистой акры и далъ нѣсколько денегъ на поминъ своего семейства. Приходилъ ко мнѣ въ келью; оставался въ Журиловкѣ у Осипа Семенова.“

ни ожидающемъ Россію. Съ этими новостями изъ Журиловки Гончаровъ отправлялся обыкновенно въ Славскій скитъ къ своему другу Аркадію, и потомъ общими силами они распространяли ихъ по некрасовскимъ селеніямъ. Такимъ образомъ чрезъ Гончарова Некрасовцы узнали какая страшная готовится противъ Россіи коалиція, какихъ могущественныхъ союзниковъ будетъ имѣть Турція въ войнѣ съ Русскими, и какъ вообще трудно будетъ Россіи вести предстоящую войну. Послѣ одной поѣздки онъ разказывалъ, на примѣръ, что когда князь Меншиковъ прибылъ въ Константинополь, то султанъ, не желая его видѣть, притворился больнымъ и до тѣхъ поръ его не принималъ, пока не пріѣхали посланники изъ Франціи и Англіи; что эти посланники сказали султану: „если хочешь воевать, начинай,—мы давно ждемъ этой поры и тебя не выдадимъ“; что султанъ все еще колебался, но что всѣ министры и весь народъ настоятельно требуютъ отъ Абдуль-Меджида войны и угрожаютъ въ случаѣ несогласія низложеніемъ съ престола и возведеніемъ на его мѣсто Абдуль-Азиса. Въ другой разъ онъ привезъ переведенную на русскій языкъ выписку изъ какой-то французской газеты, гдѣ говорилось, что Наполеонъ III пожертвовалъ Туркамъ для войны противъ Русскихъ 40.000 ружей и подарилъ польскому выходцу графу Потоцкому шпагу, на одной сторонѣ которой вырѣзавъ французскій гербъ и надпись: „честь и вольность“, а на другой — гербъ польскій и надпись: „за отечество и вѣру“. * Когда между некрасовскими политиками заходила рѣчь объ Австріи, приметъ ли она участіе съ прочими великими державами въ войнѣ противъ Русскихъ, то Гончаровъ, со словъ Жуковскаго, увѣрялъ рѣшительно, что „Австрія обманетъ Россію“; а о Французахъ и Англичанахъ передавалъ рѣчи того же Жуковскаго, что „пусть только они высылаютъ въ Ригъ 10.000 войска, къ нимъ немедленно явится на подмогу 100.000: тогда увидятъ, что будетъ въ Польшѣ и съ Россіей.“

Скоро слухи и толки о войнѣ должны были перейти въ дѣйствительность: русскія войска заняли Княжества и гото-

---

* Аркадію говорилъ, что онъ самъ читалъ привезенную Гончаровымъ выписку.

вились къ переправѣ черезъ Дунай. Пришло время испытать на самомъ дѣлѣ преданность раскольниковъ турецко-польскому дѣлу и готовность служить противъ Россіи, которая такъ усердно и искусно старалась возбудить въ нихъ. Садыкъ-паша, въ качествѣ давнишняго друга и благодѣтеля Некрасовцевъ, самъ явился набирать изъ нихъ отрядъ для турецкой арміи, причемъ, само собою разумѣется, Гончаровъ служилъ ему необходимымъ и дѣятельнымъ помощникомъ. Нельзя думать, чтобы личное участіе Садыкъ-паша и самого Гончарова въ этомъ дѣлѣ могло привести ему особенную пользу, или обезпечить несомнѣнный успѣхъ. Чайковскій пользовался большимъ уваженіемъ у Гончарова, Лаврентьевскаго Аркадія и другихъ подобныхъ лицъ, на которыхъ дѣйствительно и могъ имѣть сильное вліяніе; но въ массѣ раскольничьяго населенія Турціи авторитетъ его былъ не весьма значителенъ. Некрасовцы, народъ грубый и невѣжественный, мало цѣнили, да и не были способны оцѣнить вѣжливую заботливость объ нихъ этого благодѣтеля изъ „нехристей“, и по свидѣтельству знающихъ людей, даже очень подозрительно и весьма неблагоклонно смотрѣли на самого Гончарова — именно по причинѣ его слѣшкомъ тѣсныхъ связей съ Турками и польскими выходцами, планы которыхъ были совершенно непонятны для нихъ, и которыхъ они считали едва ли не хуже Турокъ; по крайней мѣрѣ тотъ знакъ отличія, который полученъ былъ Гончаровымъ за его усердіе къ дѣлу польской пропаганды, они серіозно считали какимъ-то масонскимъ знакомъ, — а хуже масонства они не могли уже ничего представить. Если формированіе казачьяго отряда изъ Некрасовцевъ шло успѣшно, то во первыхъ потому, что Некрасовцы, въ силу давнихъ условій съ турецкимъ правительствомъ и въ силу коренныхъ казацкихъ обычаевъ, вынесенныхъ изъ Россіи и завѣщанныхъ самимъ атаманомъ Некрасовымъ, считаютъ себя обязанными въ военное время поставлять на службу молодыхъ людей изъ своего общества; во вторыхъ — вслѣдствіе тѣхъ воинственныхъ наклонностей, которыми вообще отличаются потомки Некрасовской дружины. Нельзя отрицать и того, что старая вражда къ русскому правительству, искусно подогрѣтая въ послѣднее время, также привела не мало отчаянныхъ головъ въ отрядъ Чайковскаго, трудъ котораго собственно и состоялъ въ наборѣ охотни-

ковъ изъ этой вольницы. * При всемъ томъ, составленный изъ Некрасовцевъ казачій отрядъ былъ незначителенъ по числу людей, а одѣтъ и вооруженъ былъ довольно плохо, на счетъ самихъ раскольничьихъ обществъ. ** Когда отрядъ Чайковского былъ окончательно устроенъ и готовъ былъ отправиться въ походъ, архіепископъ славскій Аркадій (первый), по обычаю, отслужилъ торжественный молебенъ, окропилъ всѣхъ находившихся въ строю освященною водою, и благословилъ на ратное дѣло.

Въ то же время турецкое правительство предложило Некрасовцамъ, не пожелаютъ ли они переселиться на время куда-нибудь подальше отъ театра начавшейся войны. Это переселеніе предлагалось, конечно, въ видахъ обезопасенія раскольничьихъ семействъ отъ бѣдствій непріятельскаго нашествія и какъ новый опытъ заботливости объ нихъ турецкаго правительства; въ сущности же, правительство дѣлало это приглашеніе, какъ и во время прежнихъ войнъ съ Россіей, для своего собственнаго успокоенія, желая удалить отъ неизбѣжнаго сношенія съ Русскими людьми, имѣющихъ съ ними слишкомъ много родственной связи и на преданность которыхъ оно, какъ видно, мало надѣялось и теперь. Такая именно цѣль довольно ясно обнаружилась въ томъ замѣчательномъ обстоятельстве, что къ переселенію изъ Добруджи старались особенно склонить и даже, какъ увидимъ, принудить силою высшее раскольничье духовенство, самихъ некрасовскихъ архіереевъ: примѣромъ ихъ, конечно, хотѣли подѣйствовать на другихъ, и во всякомъ случаѣ разчитывали, что ихъ пребываніе между Турками будетъ служить ручательствомъ за вѣрность турецкому правительству и всего общества Некрасовцевъ, тогда какъ, напротивъ, можно было опасаться, что оставаясь въ мѣстахъ занятыхъ Русскими и войдя въ близкія съ ними сношенія, раскольничьи епископы легко могутъ своимъ примѣромъ и влияніемъ увлечь и всѣ некрасовскія населенія къ дѣйствіямъ, невыгоднымъ для Турокъ. Дѣй-

---

* Аркадій въ Суздаля, между прочимъ, объяснилъ: „Чайковский, по приказанію султана, вербовалъ въ казаки *солдату*.“

** Тотъ же Аркадій въ Кіевѣ объяснилъ: „Къ войска поставленные 200 казаковъ сформированы и снабжены незначительнымъ оружіемъ на счетъ общинъ и учились военному дѣлу сами.“

ствительно ли по чувству кровнаго родства съ Русскими, которое такъ тревожило турецкія власти, по нежеланію ли разстаться съ своими домашними очагами, или по чему другому, только Некрасовцы не обнаружили большой готовности къ переселенію предъ ожидаемымъ вступленіемъ русскихъ войскъ въ Добруджу; и всего менѣе расположенъ былъ къ тому самъ архіепископъ славскій, Аркадій. Но чтобы тѣ семейства, которыя изъявили готовность переселиться, не остались во время странствія безъ высшаго духовнаго пастыря и не имѣли повода за это сѣтовать на него, онъ рѣшился поставить для нихъ особаго, новаго епископа. Тогда-то (именно 1-го января 1854 г.), по усиленной просьбѣ Гончарова, онъ поставилъ въ архіереи столь часто упоминаемаго нами инока Аркадія Лаврентьевскаго, котораго при поставленіи назвалъ „епископомъ странствующихъ христіанъ“.* Цѣлую зиму просбирался въ путь и тѣ изъ Некрасовцевъ, которые рѣшились бѣжать отъ Русскихъ. Они тогда только пустились въ путь, когда изъ турецкой арміи дано было знать, что русскія войска перешли уже черезъ Дунай. Это было въ первыхъ числахъ марта мѣсяца. Турецкій офицеръ съ конвоемъ солдатъ прискакалъ и въ Славскій скитъ, чтобы взять архіепископа съ двумя другими архіереями и также немедленно выпроводить изъ Добруджи. Архіепископъ Аркадій, какъ мы сказали, не намѣренъ былъ оставлять своего постоянного мѣстопробыванія; онъ объявилъ офицеру, что по причинѣ разныхъ лежащихъ на немъ обязанностей и по слабости здоровья онъ ѣхать не можетъ. Но посланный, очевидно, имѣлъ относительно Аркадія самыя точныя и ясныя приказанія; онъ не принялъ во вниманіе никакихъ отговорокъ и требовалъ непрекословнаго повиновенія. Тогда Аркадій, чтобы избавиться отъ

---

* Въ этомъ случаѣ Аркадій дѣйствительно уступилъ лишь настоятельнымъ просьбамъ Гончарова, который указывалъ при томъ на особыя, трудныя обстоятельства времени, дозволяющія якобы отступленіе отъ правилъ; самъ же онъ видѣлъ законное препятствіе къ поставленію Аркадія Лаврентьевскаго въ томъ обстоятельствѣ, что у этого послѣдняго была жена, которая вступила съ нимъ въ бракъ, будучи вдовою. На этомъ основаніи еще Амвросій призналъ невозможнымъ произвести его въ епископы, и вообще на священныя степени, когда въ числѣ кандидатовъ на епископство представляемъ былъ задунайскими раскольниками и этотъ Аркадій.

такого принужденія, употребилъ хитрость: подъ предлогомъ необходимыхъ дорожныхъ сборовъ, онъ вышелъ изъ комнаты и скрылся въ одной изъ отдаленныхъ монастырскихъ келій, гдѣ Турки не могли отыскать его. * Офицеру пришлось отравиться въ путь съ однимъ только недавно поставленнымъ епископомъ странствующихъ христіанъ, такъ какъ третьяго епископа, Алимпія Тульчинскаго, въ Славскомъ скиту въ ту пору не было, а находился онъ по некоторымъ дѣламъ въ Тульчѣ, гдѣ у него былъ и собственный домъ.

---

* Такъ именно передавалъ всѣ эти подробности самъ архіепископъ Аркадія. Вотъ что онъ между прочимъ говорилъ: „въ мартѣ 1854 года, когда началась переходъ Русскихъ за Дунай, прискакалъ въ Славскій скитъ турецкій офицеръ съ конвоемъ, съ такимъ приказомъ, чтобы меня взять и увести во внутрь Турціи. Не имѣя къ тому желанія, я отговаривался нездоровьемъ, дѣйствительно я былъ слабъ, и иными обязанностями. Но это не имѣло успѣха, и я, показывая видъ, что собираюсь, скрылся въ одной изъ отдаленныхъ келій, а Турки, боясь быть захваченными Русскими, отправились безъ меня, захвативъ епископа Аркадія. Алимпій же мату пору случился въ Тульчѣ.“ Тѣ же обстоятельства Алимпій передавалъ нѣсколько иначе. Онъ говорилъ на допросѣ, что Аркадія понуждали ѣхать не Турки, а сами Некрасовцы, собравшіеся въ путь, и что отъ нихъ-то онъ скрылся. Вотъ слова Алимпія: „Когда началась военная дѣйствія, то взяли Тульчу, то журиловскіе жители возмущались ѣхать, то пріѣхали въ Славскій монастырь ночью, и взяли своего епископа Аркадія, и хотѣли взять и архіепископа Аркадія, и съ принужденіемъ большимъ, то онъ отъ нихъ скрылся, и уѣхалъ епископъ Аркадія и съ нимъ четыре монаха изъ монастыря, и изъ Журиловки уѣхалъ полкъ, который поставленъ 1847 г., и съ нимъ четыре семьи Журиловцевъ, а прочіе не успѣли выѣхать, остались. А я былъ тогда въ Тульчѣ для исправленія церковныхъ дѣлъ.“ Очевидно, что показаніе самого Аркадія должно имѣть вѣдѣть гораздо большую достовѣрность нежели показаніе Алимпія, который зналъ обстоятельства дѣла только по слуху. Но въ обоихъ показаніяхъ важно то особенно, что Аркадія, несмотря на понужденіе и полную возможность бѣжать отъ Русскихъ, предпочелъ остаться на мѣстѣ. Что же побудило его къ этому? Родственное ли расположеніе къ Русскимъ и надежда встрѣтить въ нихъ тоже не враговъ, а людей близкихъ, желаніе ли не разлучаться съ своею паствой и раздѣлить общую съ нею участь,

По переходѣ чрезъ Дунай войска наши, какъ извѣстно, заняли тѣ самыя мѣста, гдѣ находятся главныя поселенія Некрасовцевъ. Здѣсь же, по прибрежьямъ Дуная, происходили большею частію и стычки казаковъ Чайковскаго съ отрядами нашихъ войскъ. Разказываютъ, что Некрасовцы дрались съ своею привычною храбростію и особенно вредили намъ своими неожиданными нападеніями, искусно пользуясь для того совершеннымъ знаніемъ мѣстности: засѣвъ въ высокихъ и густыхъ камышахъ, которыми поросли берега Дуная, и въ которыхъ имъ извѣстны были всѣ недоступныя другимъ входы и выходы, они подстрѣливали солдатъ, неосторожно приближавшихся къ мѣсту засады. Вообще турецкое правительство не имѣло поводовъ жаловаться на ихъ службу. Что же касается всего остальнаго народонаселенія Добруджи, то въ немъ, конечно, было не безъ людей готовыхъ воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы вредить Русскимъ, и даже самымъ дѣломъ показавшихъ свою неприязнь къ нимъ и вмѣстѣ къ православнымъ подданнымъ Турціи, съ такими отрядными надеждами встрѣтившимъ русскія войска; * едва ли однакоже было бы справедливо сказать, что такая вражда и неприязненность были общею характеристическою чертой въ отношеніяхъ раскольничьяго населенія Добруджи къ русскимъ солдатамъ; преобладающимъ чувствомъ, которое овла-

рѣшимость ли вполнѣ вручить судьбу свою волю Божіей, или наконецъ все это вмѣстѣ? Дальнѣйшее его поведеніе даетъ поводъ именно къ этому послѣднему предположенію, и во всякомъ случаѣ поступокъ Аркадія, о которомъ говоримъ, обнаруживаетъ въ немъ характеръ достойный уваженія.

* Напримѣръ, жители раскольничьяго селенія Камель въ это время производили грабежи и разорили православную церковь. Объ этомъ писалъ между прочимъ и Аркадій (второй) въ Бѣлаю-Кривцу: съ Камеля погнали человекъ 20 за разные грабежи и противозаконныя дѣла, есть и добрые люди, но пострадали отъ дураковъ: дураки во время таковыхъ тревогъ разорили надъ Дунаемъ молдавскій монастырь близъ Камеля, ограбили утварь, и добрые люди вѣрно принимали отъ нихъ церковныя вещи, за сіе и пострадали (писано отъ 12-го іюня 1854 г.). Неподалеку отъ Константинаполя два раскольника также самымъ гнуснымъ образомъ осквернили православную церковь, за что даже турецкимъ правительствомъ были преданы суду.

дѣло Некрасовцами при извѣстіи о переходѣ Русскихъ чрезъ Дунай, былъ скорѣе нѣкоторый страхъ предъ ними и опасеніе кары за измѣну Россіи. Когда же эти опасенія оказались неосновательными, и присутствіе русской арміи не такъ страшнымъ, какъ предполагали, когда увидѣли, что кромѣ неизбѣжныхъ тягостей военнаго времени, никакихъ притѣсненій отъ русскаго солдата они не терпятъ, что напротивъ этотъ послѣдній, услышавъ чистую русскую рѣчь на басурманской землѣ, встрѣчаетъ ихъ какъ земляковъ, невѣдомыми судьбами занесенныхъ въ Туречину, и вообще дружелюбно съ ними обращается: тогда и въ самихъ Некрасовцахъ не могло не пробудиться чувство національнаго родства съ Русскими, подъ вліяніемъ котораго должно было умолкнуть и самое чувство религиозной вражды къ нимъ. Ничего особенно враждебнаго, дѣйствительно, не было замѣчено во взаимныхъ отношеніяхъ между добруджинскими старообрядцами и занимавшими Добруджу нашими войсками, пока одно, прискорбное для старообрядцевъ, обстоятельство не нарушило этихъ мирныхъ отношеній. Мы разумѣемъ неожиданное взятіе и отправленіе въ Россію обоихъ оставшихся въ Добруджѣ раскольничьихъ архіереевъ.

V.

Аркадій и Алимпій показывали своимъ духовнымъ дѣтямъ примѣръ тѣхъ добрыхъ и мирныхъ отношеній къ русскому войску, о которыхъ мы сейчасъ сказали, чего именно, какъ замѣчено выше, и опасалось турецкое правительство, желавшее увезти ихъ подальше отъ театра войны. Дѣйствительно, оба архіерея вели себя въ отношеніи къ Русскимъ свободно и довѣрчиво, не скрывая ни своего происхожденія, ни своего сана и положенія въ старообрядческомъ обществѣ: а Русскіе, съ своей стороны, не давали имъ никакого повода къ опасеніямъ за свою безопасность. Когда дошелъ до нихъ слухъ, что нѣкоторые изъ военныхъ начальниковъ желаютъ посмотрѣть, какъ совершаютъ они архіерейскую службу, то на Пасхѣ Аркадій съ Алимпіемъ нарочно ѣздили

въ Тульчу и тамъ въ присутствіи генерала Ушакова и многихъ русскихъ офицеровъ совершали литургію. Послѣ этого Аркадій просилъ позволенія представиться генералу и поднести по русскому обычаю хлѣбъ-соль. Подъ предлогомъ болѣзни, самъ генералъ къ нему не вышелъ, а поручилъ взять отъ него хлѣбъ-соль своему адъютанту. Обстоятельство это нѣсколько смутило Аркадія, — внушило ему опасеніе, которое въ послѣдствіи оказалось не напраснымъ. Изъ Тульчи онъ благополучно возвратился въ свой Славскій скитъ; но спустя нѣсколько дней послѣ этого, именно вечеромъ 23-го апрѣля, въ Славу пріѣхалъ русскій штабъ-офицеръ съ небольшимъ отрядомъ казаковъ. Остановившись ночевать въ домѣ одного зажиточнаго старообрядца, Василья Спиридонова, онъ среди разговора сообщилъ хозяину, что имѣетъ надобность повидаться съ ихъ архіепископомъ. Спиридоновъ предчувствовалъ, что это свиданіе не кончится добромъ для Аркадія, и ночью же поспѣшилъ увѣдомить его о предстоящей опасности, въ надеждѣ, что онъ воспользуется удобнымъ временемъ и скроется куда-нибудь. Но Аркадій и на этотъ разъ предпочелъ покориться своей участи. Утромъ офицеръ дѣйствительно явился въ скитъ и пригласилъ Аркадія немедленно отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Исакчу, для свиданія съ генераломъ, который будто бы желаетъ съ нимъ поговорить объ одномъ нужномъ дѣлѣ. Аркадій спросилъ только, что можетъ онъ взять съ собой, — и сталъ спокойно собираться. Тогда же приглашенъ былъ въ келью епископъ Алимпій и также получилъ приказаніе немедленно собираться въ путь. Офицеръ приказалъ еще позвать іеромонаха Іакова; но Іаковъ воспользовался удобною минутой и убѣжалъ въ лѣсъ, гдѣ отыскать его не могли. Обоихъ архіереевъ дѣйствительно привезли въ Исакчу; но свиданія съ генераломъ Ушаковымъ они здѣсь не имѣли, а вмѣсто того, посадили ихъ въ приготовленную для каждаго темную кибитку и отправили въ Кіевъ, откуда въ послѣдствіи они и посланы въ Суздальскій Спасо-Евхиміевъ монастырь *. Тогда же взятъ былъ

* Вотъ что самъ Аркадій говорилъ о томъ, какъ онъ взятъ былъ изъ Славскаго скита и отправленъ въ Россію: „на Пасхѣ съ Алимпіемъ были въ Тульчѣ, служили: намъ сказали, что желательно господамъ начальствующимъ посмотреть службы. Мы дожидались нѣсколько дней въ Тульчѣ позволенія представиться съ хлѣбомъ-солью генералу Ушакову, но не удостои-

и отправленъ въ одномъ экипажѣ съ Алимніемъ тульчинскій попъ Федоръ, чловѣкъ поведенія далеко не безукоризненнаго и даже заподозрѣнный въ дѣланіи фальшивой русской монеты, каковое подозрѣніе въ послѣдствіи оказалось вполне основательнымъ *. Федоръ былъ отчасти виной и печальной перемены въ судьбѣ обоихъ епископовъ, болѣе мѣсяца спокойно проживавшихъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ русскими войсками. Есть извѣстіе, что у него возникло неудовольствие съ однимъ офицеромъ русской арміи по денежному дѣлу, гдѣ вина была, впрочемъ, не на его сторонѣ, и что въ отмщеніе ему офицеръ обратилъ вниманіе начальства на раскольниковъ поповъ и архіереевъ въ Турціи, о которыхъ было извѣстно, что они въ сущности бѣжавшіе изъ Россіи русскіе подданные **. Дѣйствительно ли два раскольничьи

лишь этой чести по его нездоровью, какъ намъ объявили, что привело насъ въ нѣкоторое сомнѣніе. Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи моемъ въ Славскій скитъ дали мнѣ знать, что прибыли тульчинскій комендантъ Р — ѳ и съ нимъ 35 чловѣкъ команды. Мнѣ посоветовали бѣжать, но я предпочелъ остаться и покориться своей участи, какаѣ бы ни ожидала меня. 24-го апрѣля офицеры, придя ко мнѣ, приглашали явиться въ Исаичу, подъ предлогомъ, что генералъ желаетъ поговорить со мной о способахъ къ возврату изъ Турціи уведенныхъ, или ушедшихъ нашихъ единовѣрцевъ. Изъ Исаичи я отправился въ Кіевъ вмѣстѣ съ Алимніемъ и попомъ Федоромъ. * Другія подробности мы заимствовали изъ письма Лаврентьевскаго Аркадія въ Бѣлаю-Кривцу отъ 12-го іюня 1854 года. Письмо это весьма любопытно и по многимъ другимъ извѣстіямъ, которыми мы еще будемъ пользоваться. Въ приложеніяхъ, подъ № 4, печатаемъ его вполне, за исключеніемъ только одного мѣста, содержащаго подробности объ устройствѣ подвижныхъ престоловъ и нѣкоторыхъ церковныхъ вещей, не относящихся къ предмету настоящей статьи и мало интереснаго для читателей

* Спустя два года по взятіи попа Федора, въ домѣ его случайнымъ образомъ отысканы были фальшивые русскіе имперіалы. Объ этомъ обстоятельствѣ Аркадій (второй) извѣщалъ тогда митрополита Кирилла, причемъ требовалъ отъ него совѣта, какъ надобно судить о поступкѣ Федора, и вмѣстѣ предлагалъ собственное мнѣніе по сему случаю. Печатаемъ и это письмо, также не лишнее значенія, въ приложеніи подъ № 5. Кстати замѣтимъ здѣсь, что Федоръ въ послѣдствіи возвратился на родину, но вскорѣ по возвращеніи сошелъ съ ума.

** Изъ нѣкоторыхъ документовъ видно, что одинъ офицеръ забралъ у Федора значительный запасъ сѣна, въ полной увѣренности, что этотъ

епископа взяты были только по интригамъ и вслѣдствіе мед- кой притязательности нѣкоторыхъ военныхъ чиновниковъ, а же главному начальнику отряда, расположеннаго въ Добруджѣ, даны были на этотъ счетъ прямыя приказанія отъ высшаго начальства,—сказать рѣшительно мы не можемъ, за неимѣніемъ точныхъ извѣстій; но во всякомъ случаѣ, взятіе двухъ раскольниковыхъ архіереевъ было событіемъ, сильно поразившимъ некрасовскія населенія и рѣшительно измѣнив- шимъ ихъ отношенія къ расположенному среди нихъ рус- скому войску. Это событіе распространило большой страхъ между старообрядцами и пробудило сильный ропотъ противъ русскаго правительства, ропотъ, котораго только изъ стра- ха не смѣли выражать громко; стали жалѣть, что не вос- пользовались предложеніемъ турецкихъ властей заблаговре- менно уйти подальше отъ театра войны и что слишкомъ понадѣялись на родственныя чувства Русскихъ; нѣкоторые даже теперь, несмотря на явную опасность, рѣшались бѣ- жать къ своимъ „странствующимъ“ братьямъ,—бросали все имущество и на маленькихъ лодкахъ, съ женами и грудными дѣтьми, пускались въ открытое море, такъ что Англичане, наблюдавшіе за ними съ своихъ кораблей, приходили въ изумленіе отъ такой отчаянной отважности *. Особенно встре- вожилось раскольниковое духовенство: попы, дьяконы, про- стые монахи бѣжали въ лѣса и камыши искать себѣ убѣжи- ща. Тревога распространилась до самой Бѣлокриницкой ма- трополіа. И здѣсь считали себя не безопасными, слыша о первоначальныхъ успѣхахъ русскаго оружія и о томъ, что постигло задунайскихъ епископовъ. Кириллъ извѣщалъ Аркадія, епископа странствующихъ христіанъ, что его, Кирилла, „обдержитъ недоумѣніе и опасность“, и что онъ помышляетъ

вслѣдствіе не станетъ требовать съ него платы; но Федоръ вовсе не намѣренъ былъ терпѣть убытки и слѣдующихъ ему денегъ по- требовалъ. За такую обиду офицеръ пригрозилъ отмстить Федору, что и привезъ въ исполненіе. Другой, болѣе значительный, офи- церъ желалъ получить съ раскольниковъ деньги за сохраненіе въ безопасности ихъ архіереевъ, но Некрасовцы удовлетворить его желаніе не могли, или не хотѣли, а сдѣланный самимъ Аркадіемъ подарокъ (15 червонцевъ) казался ему слишкомъ ничтож- нымъ. Достоинно замѣчанія, что взятъ Аркадія явился именно оба эти офицера.

* См. въ приложеніи письмо Аркадія, № 5.

на случай нужды о надежномъ убѣжищѣ. * Теперь у Некрасовцевъ не могло быть и рѣчи о пріязненныхъ отношеніяхъ къ Русскимъ, а если они не отваживались явно вредить имъ, то втайнѣ готовы были сдѣлать всякую непріятность. Вообще взятіемъ двухъ раскольниковыхъ епископовъ оказана была съ нашей стороны немаловажная услуга турецкому правительству; мы помогли ему достигнуть того, о чемъ само оно усердно, но безуспѣшно заботилось передъ этимъ: удалили отъ Некрасовцевъ ихъ духовныхъ владыкъ, которые могли бы имѣть и дѣйствительно имѣли не малое вліяніе на установленіе ихъ добрыхъ къ намъ отношеній, и этимъ самымъ сдѣлавъ имъ чувствительнѣйшую обиду, пробудили въ нихъ старую, готовую заглухнуть вражду противъ насъ. А было ли удобно возбуждать такую непріязненность въ населеніи, съ которымъ наши войска должны были входить въ неизбѣжныя сношенія, и выгодно ли было вообще въ интересахъ Россіи,—понять не трудно; еще болѣе понятно, что взятіемъ двухъ заграничныхъ раскольниковыхъ архіереевъ не могло быть сдѣлано никакого ущерба расколу ни за границей, ни въ Россіи; напротивъ, только давался поводъ къ упроченію его и тамъ и здѣсь: архіереевъ у заграничныхъ раскольниковъ не убавило,—кромѣ возвратившагося въ Славскій скитъ епископа странствующихъ христіанъ, у нихъ явился еще новый архіерей, третій Аркадій, названный архіепископомъ Васлуйскимъ и поставленный Кирилломъ именно въ замѣну взятыхъ (12-го августа 1854 г.) **; а взятые и для заграничныхъ, и для русскихъ старообрядцевъ получили авторитетъ страдальцевъ за вѣру и своею судьбой постоянно напоминали имъ о долгѣ какъ можно крѣпче держаться этой, говимой въ лицѣ ихъ вѣры ***.

* Тамъ же.

** Въ отищеніе за взятіе Аркадія и Алимпія въ Бѣлой-Криницѣ хотѣли поставить даже нѣсколькихъ новыхъ епископовъ, для чего шѣли въ виду между прочимъ инокъ Павла и Симеона, и только некоторые изъ болѣе благоразумныхъ лицъ успѣли отклонить бѣлокриницкія власти отъ этого намѣренія.

*** Вскорѣ послѣ взятія Аркадія и Алимпія у раскольниковъ явилась составленная въ честь ихъ стихира, которая начиналась такъ: „Придите братія и сестры, дадимъ послѣднее поклоненіе любимымъ нашимъ пастырямъ, архіепископу Аркадію и епископу Алимпію, себо отъ насъ отлучаются и яко птица на небо возлетаютъ“ и т. д.

А между тѣмъ, въ то самое время какъ взятіемъ двухъ епископовъ распространень былъ между старообрядцами въ Добруджѣ такой страхъ и такой затаенный ропотъ противъ Русскихъ, турецкое правительство, съ своей стороны, оказывало всевозможные знаки вниманія тѣмъ изъ добруджинскихъ раскольниковъ, которые приняли его предложеніе переселиться на время поближе къ Константинополю. Выше было замѣчено, что немногія некрасовскія семейства рѣшились отправиться въ странствіе съ Аркадіемъ и Гончаровымъ, который, само собою разумѣется, стоялъ во главѣ переселенцевъ, какъ покровитель и ходатай ихъ предъ правительствомъ. Нѣкоторые, совсѣмъ уже приготовившись въ путь, въ самый часъ отъѣзда перемѣнили свое намѣреніе и остались въ родныхъ селеніяхъ, съ которыми для нихъ слишкомъ тяжело было разстаться. Первые переселенцы успѣли забрать съ собою имущество, даже скотъ и хозяйственныя принадлежности. Они спустились по Дунаю на большихъ, приспособленныхъ къ морскому плаванію лодкахъ, называемыхъ *потдами*, и направились прямо къ Царьграду. Здѣсь немедленно назначили имъ мѣсто для жительства: Садыкъ-паша, продолжая свою роль благодѣтеля Некрасовцевъ, уступилъ для переселенцевъ одинъ изъ принадлежавшихъ ему чифликовъ (хуторъ), гдѣ они могли удобно расположиться и въ продолженіе дѣта заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ; * а на осень и зимнее время имъ назначенъ былъ для жительства Бюостъ, достопамятнѣйшій для нихъ, между прочимъ, какъ мѣсто родины Амвросія: здѣсь, при лиманѣ, они могли въ теченіе осени съ полнымъ удобствомъ заниматься рыбными ловлями, своимъ обычнымъ ремесломъ. Къ нимъ присоединилось потомъ нѣсколько новыхъ выходцевъ, поспѣшно бѣжавшихъ изъ Добруджи, послѣ взятія архіереевъ, распространившаго такое смятеніе между Некрасовцами. Они принесли съ родины печальные рассказы о томъ, что тамъ происходитъ, — „какъ отцы скорбятъ, како священницы кроются, какъ ихъ ищутъ, какъ миръ стонетъ и бѣжанію время миновало“; а „странниковъ“ нашли удобно устроившихся на привольномъ мѣстѣ и жившихъ очень спо-

* Въ письмѣ Аркадія (см. приложение № 4) сказано: „Мы находимся на чифлику *одного пашы*“; по свидѣтельству шюкз Оуфріа, это былъ именно Садыкъ-паша.

койно. Заботы султанскаго правительства о добруджинскихъ выходцахъ не ограничились однимъ выборомъ и назначеніемъ удобныхъ мѣстъ для ихъ поселенія: оно старалось чрезъ Аркадія и Гончарова узнавать объ ихъ нуждахъ и изъявляло полную готовность удовлетворять всѣ ихъ желанія, такъ что, по словамъ Аркадія, имъ нужно было только сказать, кому слѣдуетъ, чтобы получить какое-либо мѣсто въ свое полное владѣніе. Гончаровъ часто ѣздилъ въ Константинополь, то по своимъ дѣламъ, то за разными порученіями отъ правительства; * иногда сопровождалъ его въ столицу и Аркадій. Здѣсь-то приходилось имъ видѣть самую предупредительную внимательность отъ высшихъ правительственныхъ лицъ имперіи. Однажды великій визирь нарочно пригласилъ ихъ къ себѣ, чтобы лично освѣдомиться, хорошо ли имъ жить и не нуждаются ли въ чемъ-нибудь: милость, которая привела въ изумленіе Турокъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, даже люди порядочные (не абы какіе, по выраженію Аркадія) удивлялись, какъ стало у Аркадія съ Гончаровымъ смѣлости на свиданіе съ такою высокою особой, и говорили, что еслибъ ихъ потребовалъ сарказанъ, они умерли бы со страху. Поблагодаривъ его свѣтлость за такое вниманіе и за всѣ милости, оказанныя странникамъ, Гончаровъ воспользовался случаемъ, чтобы предложить визирю: одну только просьбу о выдачѣ Аркадію тискаря (паспорта), такъ какъ за поспѣшностью онъ не могъ взять его изъ мѣстнаго управленія: просьба эта имѣла для Аркадія не малую важность: видѣ, полученный отъ визиря,

---

* Есть извѣстіе, что Гончаровъ, по порученію Омеръ-паши, исполнялъ иногда должность шпіона; его употребляли между прочимъ для разузнанія направленія умовъ въ болгарскихъ селеніяхъ, для чего Гончаровъ, дабы сблизиться съ Болгарами, одѣвался въ мундиръ русскаго офицера (донес. новороссійскаго губернатора). За свои услуги турецкому правительству во время послѣдней восточной войны Гончаровъ получалъ отъ султана орденъ, которымъ весьма гордится. Разказываютъ, что одному весьма значительному лицу изъ Русскихъ, спросившему, за что онъ получилъ орденъ, Гончаровъ съ наглостью отвѣтилъ: „за то наградили насъ, что не пустили въ Константинополь насъ“. Турецкій вельможа, бывшій при этомъ, будто бы пришелъ отъ такого отвѣта въ величайшій восторгъ и называлъ Гончарова молодцомъ.

за неизбѣимъ ставленной грамоты и даже митрополичьяго свидѣтельства, могъ служить ему на случай документомъ, удостоверяющимъ въ дѣйствительности его епископскаго сана. Визирь немедленно одѣлалъ распоряженіе, чтобы тисляръ Аркадію былъ приготовленъ, и увѣрилъ, что два черезъ три можно будетъ получить его. Въ первый же разъ какъ пришлось быть снова въ Константинополь, Гончаровъ явился къ визирю напомнить о видѣ для Аркадія, и дѣйствительно получилъ его безъ всякаго замедленія изъ собственныхъ рукъ визиря, имъ самимъ подписанный и оскрѣпленный его печатью. Во время этой же поѣздки своей въ Константинополь, Гончаровъ удостоился необыкновенныхъ знаковъ вниманія даже со стороны султана, котораго случайно встрѣтилъ на улицѣ. Султанъ, ѣхавшій въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты, самъ замѣтилъ некрасовскаго атамана, и обмѣнявшись нѣсколькими словами съ визиремъ, велѣлъ остановить экипажъ, подозвалъ Гончарова и въ ласковыхъ выраженіяхъ обѣщалъ ему полное свое покровительство.* Вообще, положеніе переселенцевъ было такъ удобно и хорошо, что Аркадій предлагалъ даже митрополиту Кириллу убѣжище у себя на тотъ случай, еслибъ онъ увидалъ свое пребываніе въ Бѣлой-Кривицѣ не безопаснымъ: „Если кому судьба приведетъ, писалъ онъ къ Кириллу, можно у насъ пробыть и милость имѣть предъ императоромъ.... Если что Богъ въ васъ устроитъ, или превратитъ вашу судьбу, то первѣе предуперите насъ письмомъ, и мы выѣдемъ въ Царьградъ, и будемъ ждать вашего парохода и примемъ васъ въ свою обитель.“ **

Всѣ эти знаки необыкновенной внимательности турецкаго правительства къ раскольникамъ и самой предупредительной заботливости объ ихъ нуждахъ происходили изъ того же источника, изъ тѣхъ же видовъ и побужденій, какъ и прежнія его милости къ Некрасовцамъ. Теперь даже еще болѣе чѣмъ прежде настояла надобность явить отеческую заботливость о раскольникахъ, по крайней мѣрѣ въ лицѣ некрасовскихъ переселенцевъ, чтобы посредствомъ ихъ поддержать вѣрность турецкому правительству и во всемъ раскольничьемъ населеніи занятыхъ нашими войсками областей. Но эти

* См. письмо Аркадія въ прилож. № 4.

** Тамъ же.

новыя заботы привязать къ себѣ раскольниковъ, такъ же какъ и прежнія, едва ли принесли бы Туркамъ какую-либо пользу, еслибы мы сами не помогли имъ въ этомъ случаѣ, причинивъ Некрасовцамъ столько огорченія и возбудивъ такое недовольство противъ насъ взятіемъ ихъ архіереевъ. Турецкія власти хорошо поняли выгодную для нихъ сторону этого событія и постарались еще болѣе уемлить свою внимательность къ переселенцамъ, * чтобъ еще рѣзче выставить всю противоположность собственныхъ дѣйствій относительно раскольниковъ въ сравненіи съ дѣйствіями русскаго правительства и тѣмъ еще больше привлечь ихъ къ себѣ и вооружить противъ этого послѣдняго — не только на время войны, но и на долгое время послѣ. Разчетъ сдѣланъ былъ довольно вѣрно: приходившіе отъ „странниковъ“ слухи, а потомъ, когда они возвратились изъ странствія, ихъ разказы о свободномъ и безбѣдномъ пребываніи подъ кровомъ благодѣтельнаго оттоманскаго правительства должны были, очевидно, дѣлать еще чувствительнѣе для Некрасовцевъ нанесенную имъ Русскими обиду, о которой они надолго сохранили и, конечно, хранить доселѣ горькое воспоминаніе, къ немалой радости и турецкихъ, и польскихъ зложелателей Россіи, столь усердно старающихся поддерживать въ заграничныхъ раскольникахъ враждебныя къ намъ чувства.

VI.

Взятіе двухъ задунайскихъ архіереевъ дѣйствительно осталось у заграничныхъ раскольниковъ самымъ памятнымъ изъ всѣхъ событій послѣдней восточной войны и наравнѣ съ заточеніемъ Амвросія стаало служить для нихъ предлогомъ жаловаться на притѣсненія отъ русскаго правительства. Чайковскій и подобные ему зложелатели Россіи не замедлили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Будучи не совсѣмъ довольны исходомъ войны и разочаровавшись нѣсколько въ своихъ надеждахъ на сочувствіе и расположеніе къ нимъ всего заграничнаго раскольничьяго населенія, они видѣли нужду снова приняться за старое ремесло науски-

* Описанные выше случаи такой внимательности къ нимъ со стороны визиря и самого султана происходили ижеже послѣ взятія Аркадія и Алимпія.

ванья турецкихъ раскольниковъ на русское правительство и были очень довольны, что одно изъ лучшихъ къ тому средствъ дали имъ сами же Русскіе, отнявъ у раскольниковъ двухъ уважаемыхъ архіереевъ: оставалось только поддерживать въ раскольникахъ тѣ враждебныя чувства противъ Россіи, которыя возбуждены были нанесеннымъ имъ оскорбленіемъ, и съ этою цѣлю поощрять ихъ на разныя бесплодныя попытки возвратитъ изъ Россіи взятыхъ архіереевъ. Подъ вліяніемъ Чайковскаго съ братіей, чрезъ посредство ихъ неизмѣннаго друга и слуги Осипа Гончарова, старообрядцы дѣйствительно поднимали нѣсколько разъ дѣло „о заточенныхъ архипастыряхъ“, обращались съ просьбой о ихъ возвращеніи и непосредственно къ русскому правительству, и чрезъ посредство правительствъ иностранныхъ, въ той увѣренности, что они могутъ будто бы заставить Россію возвратитъ раскольникамъ ихъ архіереевъ, прибѣгали и къ другимъ не менѣе бесполезнымъ средствамъ. Неудачи всѣхъ этихъ попытокъ, хорошо предвидѣныя таинственными руководителями старообрядцевъ, только питали и поддерживали въ послѣднихъ раздраженіе противъ русскаго правительства, что собственно и было желательнымъ для помянутыхъ руководителей. Въ собственноручныхъ письмахъ Аркадія, которыя по возвращеніи изъ „странствія“ писалъ онъ довольно нерѣдко въ Бѣлую Криницу, и въ разныхъ другихъ документахъ нашли мы извѣстія, по которымъ можно составить понятіе о ходѣ этихъ раскольничьихъ попытокъ возвратитъ на свое мѣсто „заточенныхъ архипастырей“ и вмѣстѣ перенести свое дѣло, такъ сказать, на судъ Европы.

Въ первое время послѣ того какъ увезены были въ Россію Аркадій и Алимпій, подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній этого сколько неожиданнаго, столько же прискорбнаго для старообрядцевъ событія, являлись между Некрасовцами такіе ревнители древняго благочестія, которые готовы были прибѣгнуть къ самымъ отчаяннымъ средствамъ, чтобы только возвратитъ своихъ „архипастырей“, или по крайней мѣрѣ отмстить тому, кого они считали главнымъ виновникомъ постигшей ихъ бѣды. Садыкъ-паша и Гончаровъ, съ своей стороны, охотно поощряли такихъ ревнителей на самыя безумныя предпріятія, нисколько не рискуя своею личностью въ случаѣ ихъ неуспѣха, и напротивъ ожидая очень многого,

еслибы подобныя предпріятія могли удался. Въ томъ же 1854 году, когда взятъ былъ Аркадій съ Аллипиемъ, нѣсколько отчаянныхъ раскольниковъ отправились изъ Турціи въ Россію съ намѣреніями въ высшей степени преступными: они должны были, повидавшись съ пѣвными архіереями въ Москвѣ, отправиться оттуда въ Петербургъ и выждать случая, чтобы привести въ исполненіе чудовищный замыселъ царевубійства.... Въ Турціи снабдили ихъ нужными документами и деньгами, обѣщая, кромѣ того, денежное и всякое пособіе отъ русскихъ раскольниковъ: съ этою цѣлію Гончаровъ далъ имъ рекомендательныя письма къ богатѣйшимъ и болѣе вліятельнымъ между раскольниками лицамъ, а Садыкъ-паша обѣщалъ чины, почести и богатство предводителю этихъ отчаянныхъ головъ, если онъ возвратится въ Турцію, удачно исполнивъ главное предпріятіе, которое, какъ видно, особенно нравилось благородному пашѣ. Въ преступный замыселъ царевубійства изъ русскихъ старообрядцевъ посвященъ былъ одинъ только Никита Бѣляевъ; къ нему, какъ надобно полагать, раскольничьи эмиссары заѣзжали въ Измаилъ на пути въ Россію, и на его имя условлено было пересылать письма изъ Россіи въ случаѣ надобности. По крайней мѣрѣ у Бѣляева, во время обыска, найдено было письмо одного изъ этихъ эмиссаровъ, какого-то Стефана. Изъ этого письма можно получить понятіе объ ихъ намѣреніяхъ и планахъ.

Въ письмѣ говорилось между прочимъ: „когда мы были въ (Москвѣ), видали тамъ нашихъ узниковъ, ане (они) какъ тіе (тіи) агци (агнцы) готовы положить животъ свой за Христа и вѣру готовіе въ пичи огнени (?). Мочи нѣтъ доліе хранить все. А когда придетъ часъ умереть, тогда помянуть насъ сорокоустомъ. Иракъ (sic) * нашъ уже въ Питери, онъ хорошо выполнить всіо; онъ придетъ вездѣ; ему обѣщаны большія милости *пашето*, а когда онъ самъ живъ возвратится, то ему чинъ, почести и богатства велики дадутъ. Нужна лишь смерть....; его не будетъ, все пойдетъ благо, и козлы уйдутся. Когда Ираку Господь не поможетъ, то Васиай успѣеть, аль Федоръ. Они въ Москвѣ у первыхъ вельможъ (?) ужъ бываютъ. Гончаровъ имъ письма далъ, а о деньгахъ всѣ

* Слѣдуетъ читать, вѣроятно, *Имръкъ*, то-есть имя рекъ,—лицо, извѣстное тому, къ кому письмо писано.

миромъ мулатъ, * гдѣ ни зайдутъ они, вездѣ мулатъ, и я, благодаря Бога, имѣю ужь довольно и нашимъ узникамъ по-собой. Что у васъ слышно, пиши чрезъ Дмитрія. Богомолецъ Стефанъ.“

Съ помощью денегъ и при содѣяствіи разныхъ покровителей, некрасовскіе выходцы успѣли-таки увидѣть своихъ пѣвчихъ архіереевъ; что же касается ихъ главнаго предпріятія, то, какъ само собою понятво, они не могли привести въ исполненіе этого чудовищнаго дѣла, какъ ни были увѣрены въ успѣхъ, — и что сталося потомъ съ таинственнымъ Иракомъ и его товарищами, — намъ неизвѣстно. Но тотъ фактъ, что Садыкъ-паша и Гончаровъ отправляли въ Россію Некрасовцевъ-раскольниковъ совершить гнуснѣйшее изъ преступленій, не подлежитъ сомнѣнію и падаетъ темнымъ пятномъ на современную исторію раскола. Для насъ, въ настоящемъ случаѣ, этотъ фактъ особенно важенъ какъ доказательство того, какъ были оскорблены заграничные раскольники взятіемъ ихъ архіереевъ и на какія отчаянныя средства они были готовы, чтобы только освободить ихъ, или по крайней мѣрѣ отмстить за нихъ.

Между тѣмъ ходъ военныхъ дѣйствій становился болѣе и болѣе для насъ невыгоднымъ. Послѣдоваала кончина императора Николая I. Открылись переговоры о мирѣ. Все это — и наши военныя неудачи, и неожиданная кончина государя, и невыгодныя для Россіи условія Парижскаго трактата, принято было съ радостью заграничными раскольниками и внушило имъ надежду, что теперь, при помощи турецкаго правительства и прочихъ иностранныхъ державъ, не трудно будетъ возвратить изъ Россіи взятыхъ въ Добруджѣ архіереевъ. Гончаровъ отправился хлопотать по этому дѣлу въ Константинополь. Онъ подалъ на имя визира прошеніе, въ которомъ объяснилъ, что правительство турецкое имѣетъ полное право требовать отъ Россіи взятыхъ во время войны, но состоящихъ въ его подданствѣ, раскольничьихъ архіереевъ. Ему обѣщано было, что Порта не оставитъ дѣла безъ вниманія и войдетъ по этому предмету въ сношенія съ русскимъ правительствомъ, и именно обѣщано, что дѣло это можетъ устроить отправляющійся въ Россію, для присутствія на коронаціи Государя Императора, турецкій послан-

* Прокляты.

никъ. Гончаровъ питалъ полную надежду на успѣхъ, и чтобъ удобнѣе слѣдить за ходомъ дѣла, почти поселился въ Константинополь. Въ концѣ 1856 г. онъ извѣщалъ своего друга Аркадія, что удалось уже возвратить изъ числа взятыхъ въ плѣнъ Некрасовцевъ тринадцать человекъ и что онъ надѣется вытребовать и плѣнныхъ архипастырей *. Такія добрыя извѣстія отъ Гончарова пробудили надежду на скорое возвращеніе архіереевъ и во всемъ раскольничьемъ населеніи Добруджи; распространился даже слухъ, что архіереевъ привезли уже въ Одессу и оттуда въ Константинополь. Но скоро пришло отъ Гончарова извѣстіе, что слухъ этотъ ложный, что дѣло о возвращеніи „архипастырей“ встрѣтило даже нѣкоторыя затрудненія и, какъ онъ ни хлопочетъ, медленно подвигается вперед **. Впрочемъ, онъ не терялъ еще надежды на успѣхъ и все поджидалъ возвращенія изъ Петербурга турецкаго посла, отъ котораго надѣялся получить точныя и рѣшительныя извѣстія относительно своего дѣла. *** Наконецъ, возвратился изъ Петербурга и турецкій посланникъ; но привезенныя имъ извѣстія были неутѣшительны для Гончарова и Некрасовцевъ: едва ли даже онъ имѣлъ время и удобство хлопотать предъ русскимъ правительствомъ за раскольничьихъ архіереевъ, если только имѣлъ подобнаго рода порученіе. Тогда Гончаровъ обратился съ новыми настоятельными просьбами о возвращеніи Аркадія и Алимпія къ турецкимъ министрамъ, и они рѣшились начать дѣло по этому предмету обыкновеннымъ дипломатическимъ путемъ. Дѣйствительно, въ концѣ 1857 г., турецкое правительство обратилось къ управлявшему нашею миссіей

* Письмо Аркадія къ Кириллу отъ 7-го марта 1857 г. „Гончаровъ въ Царьградѣ, пишетъ, что онъ изъ плѣна вытребовалъ тринадцать человекъ, еще требуетъ шестерыхъ, надѣется истребовать и архипастырей.“

** Его же письмо отъ 7-го сентября 1857 г. „Прощая мова, будто нашихъ іерарховъ привезли на Адесъ въ Царь-градъ. Но это ложно; только говорятъ, что іерей Θεодоръ изъ заточенія бѣжалъ и скоро будетъ къ намъ. А Гончаровъ въ Царь-градѣ много хлопочетъ объ нихъ, но безъ успѣха.“

*** Его же письмо отъ 6-го ноября 1857 г. „Іосифъ Семеновичъ Гончаровъ изъ Царя-града пишетъ, что съ коронаціи изъ Россіи цареградскаго посланника еще нѣтъ и о заточенныхъ извѣстія нѣтъ никакого.“

въ Константинополь, г. Бутеневу, съ ходатайствомъ, на основаніи Парижскаго трактата, возвратить Некрасовцамъ взятыхъ во время войны ихъ архіереевъ. Отъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ послѣдовалъ отвѣтъ, что Аркадій и Алимпій, какъ русскіе подданные, бѣжавшіе изъ Россіи, не могутъ получить позволенія возвратиться въ Турцію.

Съ этимъ отвѣтомъ Гончаровъ пріѣхалъ въ Журиловку и, казалось бы, долженъ былъ убѣдиться въ совершенной безполезности всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ вытребовать изъ Россіи своихъ плѣнныхъ „архипастырей“. Но отступать предъ такого рода затрудненіями, какъ отрицательный отвѣтъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, вовсе не въ характерѣ Осипа Семеновича Гончарова. Отъ пана Чайковскаго онъ слышалъ верѣдко, что со времени послѣдней войны голосъ Россіи значительно утратилъ свою силу предъ судомъ общеевропейской политики, и поэтому отвѣтъ русскаго министра вовсе не расположенъ былъ считать окончательнымъ рѣшеніемъ своего дѣла. Онъ пріѣхалъ изъ Царяграда главнымъ образомъ для того, чтобы посовѣтоваться о дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ по общему дѣлу съ другомъ своимъ, епископомъ Аркадіемъ, дипломатомъ не менѣе опытнымъ, какъ и самъ Гончаровъ. На общемъ совѣтѣ они признали за лучшее перенести свое дѣло на судъ Европы, сдѣлать изъ него въ нѣкоторомъ родѣ международный вопросъ. По мнѣнію Гончарова, слѣдовало непосредственно обратиться къ главному рѣшителю всѣхъ европейскихъ вопросовъ—императору Наполеону III; но такъ какъ дѣло касалось лицъ духовныхъ, имѣло отчасти церковный характеръ, то Аркадій, кромѣ того, призналъ за нужное перенести его и на судъ Пія IX, котораго, какъ надобно полагать, готовъ былъ признать въ настоящемъ случаѣ такимъ же главою и верховнымъ судіей по дѣламъ церковнымъ, какимъ Гончаровъ почиталъ Наполеона въ области всемірной дипломатіи. Но планъ этотъ, своею грандіозностью, еще нѣсколько смущалъ журиловскихъ политиковъ; они разсудили, что къ нему нужно будетъ прибѣгнуть какъ къ послѣднему уже средству, а прежде слѣдуетъ испытать другія, не столь рѣшительныя. Именно, они рѣшились напередъ обратиться къ великому вѣзирю съ новымъ прошеніемъ, чтобъ онъ отправилъ въ Петербургъ особо-уполномоченнаго чиновника ходатай-

ствовать объ освобожденіи епископовъ непосредственно передъ самимъ Государемъ Императоромъ. Съ этою цѣлю и Гончаровъ, и Аркадій вмѣстѣ поѣхали въ Константинополь. Кромѣ главнаго дѣла, имѣли они въ виду лично ходатайствовать передъ визиремъ о выдачѣ нѣкоторыхъ необходимыхъ документовъ, частью утраченныхъ во время войны. Было и еще обстоятельство, по которому они желали имѣть личное объясненіе съ визиремъ: оно касалось Бѣлокриницкой митрополіи и вообще раскольничьяго духовенства въ Австріи.

VII.

Бѣлокриницкіе цюки, съ того времени какъ подъ защитой „новодарованной конституціи“ открыли свой запечатанный монастырь, жили очень спокойно, не думая стѣсняться существующими законами Австрійской имперіи и не слѣшкомъ заботясь даже о точномъ исполненіи утвержденныхъ императоромъ правилъ, на которыхъ первоначально дозволено существованіе ихъ іерархіи. Усиѣхи русскаго оружія на Дунаѣ и слухи объ увезенныхъ оттуда епископахъ, при недостаточнo опредѣлившихся отношеніяхъ Австріи къ воюющимъ сторонамъ, какъ мы видѣли, навели было тревогу и на бѣлокриницкихъ обитателей, такъ что Кириллъ даже помышлялъ о болѣе безопасномъ мѣстѣ, куда бы могъ въ случаѣ нужды удалиться изъ своей митрополіи. Но эти страхи и опасенія скоро миновались; напротивъ, достигшіе до Бѣлой-Кривицы слухи о нашихъ военныхъ неудачахъ породили и тамъ надежду—вѣльзя ли извлечь какую-либо пользу для митрополіи изъ стѣсненнаго положенія Россіи, съ которою и само австрійское правительство, столь многимъ ей обязанное не задолго передъ этимъ, поступило такимъ вѣроломнымъ образомъ. Въ Бѣлой-Кривицѣ есть свой Гончаровъ, такой же охотникъ и искусникъ хлопотать по всевозможнымъ дѣламъ, особенно по дѣламъ дипломатическаго свойства, — хорошо знакомый читателямъ цюкъ Алимпій. Онъ сейчасъ сообразилъ, что настала удобная пора возобновить старыя, неконченныя счеты съ русскимъ правительствомъ. Подвѣять дѣло объ Амвросіи было неудобно, такъ какъ дѣло это рѣшено было самимъ австрійскимъ правительствомъ, — да и хлопотать о возвращеніи Амвросія не было особенной надобности, оно

не обѣщало особенной пользы. Гораздо интереснѣе было дѣло о задержаніи Геронтія со всѣми находившимися при немъ денежными и другими пожертвованіями русскихъ раскольниковъ для Бѣлой-Кривицы (болѣе 15 тыс. руб.). Это забытое дѣло Алимпій и рѣшилъ возобновить, пользуясь, какъ онъ полагалъ, благоприятными обстоятельствами, когда австрійское правительство можетъ обращаться къ русскому съ требованіями болѣе настоятельными чѣмъ прежде. И дѣйствительно, въ то самое время какъ Гончаровъ хлопоталъ чрезъ турецкое министерство о возвращеніи задунайскихъ епископовъ изъ Россіи, Алимпій, отъ имени всего бѣлокривицкаго братства, подалъ въ Серетѣ форштеру Войнаровичу прошеніе о понужденіи русскаго правительства къ скорѣйшему возвращенію задержаннаго въ Россіи настоятеля ихъ, архимандрита Геронтія, со всѣми находившимися при немъ деньгами и вещами. Прошеніе составлено было съ большимъ достоинствомъ: Алимпій изложилъ въ немъ довольно подробно обстоятельства дѣла, напомнилъ, сколько разъ безуспѣшно хлопоталъ объ его рѣшеніи, и въ заключеніе писалъ: „наконѣцъ гдѣ нынѣ уже искать правосудія недоумѣемъ, или сказать—не знаемъ; но по крайней мѣрѣ просимъ извѣстить насъ, 'въ живыхъ ли онъ (т.-е. Геронтій) еще существуетъ, или уже преселился къ лику прежнихъ страдальцевъ въ безконечный покой будущихъ воздаяній“ *. Но прошло болѣе года,—и никакого отвѣта на прошеніе не было; послѣдовалъ наконѣцъ и отвѣтъ, но вовсе не такой, какого надѣялся Алимпій съ братіей: и о Геронтіѣ, такъ же какъ о задунайскихъ еписко-

* Прошеніе помѣчено: іюля 19/25 1856 года. Вотъ что сказано въ немъ о прежнихъ ходатайствахъ за Геронтія: „Мы подавали 12/24 іюля и 11-го ноября 1847 года въ И. К. Крайзамтный преизидіумъ (sic) просьбы о вытребованіи изъ Россіи невинно вятыхъ нашихъ людей съ вещами и при архимандритѣ бывшемъ не маломъ количествѣ. На каковыя наши просьбы мы только получили извѣстіе изъ Крайзамта отъ 17-го января 1848 года, что губернiальнымъ декретомъ отъ 10-го декабря 1847 года за № 86.139, чрезъ производство въ дипломатическомъ министерствѣ между имперіями австрійскимъ и русскимъ правительствомъ, ожидать въ терпѣнiи конѣцъ дѣла. Послѣ того мы еще повторяли просьбою въ губернію въ январѣ мѣсцѣ 1854 года, но никакого не имѣемъ на то отвѣта“.

пахъ, русское правительство отозвалось, что онъ и прочіе съ нимъ „возвратиться въ Австрію не могутъ по причинѣ показанія ихъ въ Россіи своего рожденія“.*

Такимъ образомъ новый дипломатическій походъ Алимпія Милорадова противъ Россіи оказался столь же неудаченъ какъ и прежніе. А между тѣмъ, Бѣлокриницкую митрополию, интересы которой онъ такъ горячо защищалъ предъ австрійскимъ правительствомъ, въ скоромъ времени ожидала серьезная опасность со стороны этого самаго правительства. Упомянутый выше форштеръ Войнаровичъ былъ человѣкъ вовсе не расположенный смотрѣть сквозь пальцы на разныя происходившія въ Бѣлой-Криницѣ противозаконности и безпорядки, какъ дѣлали это его свисходительные предшественники. Для него не было секретомъ, что монастырь, въ которомъ свободно отправлялись службы и всѣ монастырскіе порядки, официально числился запечатаннымъ; что другой женскій монастырь въ той же Бѣлой-Криницѣ существовалъ вовсе даже безъ всякаго со стороны правительства дозволенія; что въ оба монастыря свободно принимаютъ всякаго бѣгло раскольника, не требуя никакихъ видовъ; что въ митрополиі происходятъ посвященія поповъ и даже архіереевъ для заграничныхъ раскольниковъ, вопреки прямому запрещенію правительства. Кроме того, онъ былъ крайне недоволенъ, что бѣлокриницкіе инокъ и всѣ вообще липованы упорно отказываются отъ подчиненія разнымъ постановленіямъ, признаннымъ необходимыми въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ, какъ-то: не хотятъ заводить метрическихъ записей о родившихся, вступившихъ въ бракъ и умершихъ, считаютъ ненужнымъ обращаться къ гражданской власти за дозволеніемъ совершать браки, хоронятъ умершихъ безъ медицинскаго осмотра и полицейскаго свидѣтельства, упорно отказываются отъ принятія присяги, отъ прививанія оспы, равно и отъ всякихъ медицинскихъ пособій, и т. п. О всѣхъ такихъ безпорядкахъ и отступленіяхъ отъ закона Войнаровичъ доносилъ областному правительству, требуя принять мѣры къ прекращенію ихъ на будущее время, — и вслѣдствіе его донесеній, въ концѣ февраля 1858 года послѣдовало назначеніе

---

* Увѣдомленіе въ Бѣло-Криницкій монастырь изъ Серетскаго бедиркванта отъ 20-го ноября 1857 г. № 1323.

въ монастырь слѣдственной комиссіи, подъ начальствомъ особаго чиновника (актуара) г-на Штокера *. Задолго до прибытія и даже назначенія комиссіи, въ монастырѣ уже получили извѣстіе о предстоявшей ему бѣдѣ, и все пришло въ страшное смятеніе: еще въ ноябрѣ 1857 года человекъ 30 изъ монастырскаго братства, — всѣ которые опасались что не въ состояніи будутъ скрыть свое не-липованское происхожденіе, — поспѣшили убраться изъ Бѣлой-Криницы и большею частію бѣжали въ Молдавію, въ Мануиловскій монастырь, гдѣ это прибытіе заразъ столькихъ монаховъ также обратило на себя вниманіе правительства и чуть не подвергло бѣглецовъ новой опасности; тогда же намѣстникъ митрополіи Онуфрій, за неспособностію Кирилла распорядившійся монастырскими дѣлами, щедрою рукою раздавалъ

* Достоиню замѣчанія, что старообрядцы главною причиною бѣды, постигшей тогда Бѣлую-Криницу, почитали собственно упорный отказъ липованъ вести метрическія записи. Въ упорствѣ же этомъ выразились сѣбѣ извѣстной лужковской секты, вліяніе которой простиралось и на нѣкоторыя другія раскольничьи общества за границей. Такъ въ Молдавію возстаніе противъ метрику учинили въ 1862 г. нѣкоторые жители Браилова, Галаца, Хутора, Татръ и др. раскольничьихъ селеній. Однимъ изъ главныхъ возмутителей, кѣкто Хрипатый, написалъ двѣ церкви въ лицахъ: первая, которая не приняла метрику, — тамъ сидитъ Христосъ и принимаетъ младенца отъ купели, а ангелъ записуетъ въ свитокъ; вторая, гдѣ приняла метрику, — тамъ сидитъ дьяволъ при крещеніи и принимаетъ младенца, а другой дьяволъ записываетъ въ свитокъ* (письмо изъ Кагула къ московскому протопопу Георгію 9-го мая 1862 г.). Эта дерзкая картина смущала многихъ и вооружала противъ принятія метрику. Къ возмутителямъ присоединился и сталъ во главѣ ихъ браиловскій попъ Иванъ Іюдинъ, о которомъ было сказано въ одномъ письмѣ, что на него „надобно непремѣнно соборъ собрать, а еще не примирится ко святѣй церкви, то подобаетъ такового послать къ отцу его Іудѣ, иже самого Христа невинно предаде на распятіе“ (письмо Омнина къ Кириалу отъ 2-го ноября 1862 г.). Молдавскіе старообрядцы ожидали себѣ также большихъ неприємностей отъ правительства по милости этихъ кривошаковъ, и борьба съ ними тянулась долго: въ концѣ ноября 1862 г. въ Браиловѣ составленъ былъ даже по сему случаю соборъ, подъ предѣлательствомъ Аркадія Васлуйскаго, на которомъ попъ Иванъ Іюдинъ изверженъ былъ изъ сана; но и соборъ не положилъ конца дѣлу о метрикахъ. Въ бѣлокриницкомъ архивѣ есть много любопытныхъ бумагъ относящихся къ этому дѣлу.

нескудную монастырскую казну каждому, кто ни попроситъ, и особенно собравшимся въ бѣгство цюкамъ, а книги, вещи и всё вообще драгоценности старался куда бы то ни было припрятать. Между тѣмъ цюкъ Алимпій поскакалъ въ Вѣну, искать защиты въ министеріяхъ отъ притѣсненія мѣстныхъ начальствъ. Здѣсь, при помощи Дворачка, составлено было прошеніе, одинъ экземпляръ котораго Алимпій подалъ министру внутреннихъ дѣлъ, а другой—министру просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Въ прошеніи оный доказывалъ, что въ силу известной привилегіи, полученной отъ императора Иосифа II, липованамъ предоставлена полная религіозная свобода; а такъ какъ оспонпрививаніе и другія дѣйствія, требуемая полицейскою властію, съ ихъ религіей не согласны, то и къ исполненію оныхъ принуждать липованъ незаконно; что монастырь Бѣлокриницкій съ митрополитомъ, его намѣстникомъ и прочимъ духовнымъ чиномъ существуетъ на основаніи декрета, даннаго императоромъ Фердинандомъ I; старался оправдать и существованіе женскаго монастыря—его религіозными, благотворительными и воспитательными дѣлами. Въ заключеніе оный писалъ: „да благоволитъ высокое императорско-королевское министерство освободить наши старовѣрческія общества отъ всякаго нововведенія въ существовавшемъ у насъ доселѣ домашнемъ и общественномъ положеніи и въ исполненіи нашихъ религіозныхъ обрядовъ, и уже назначеннаго высокимъ окружнымъ правительствомъ въ Бѣлокриницкій монастырь комиссара отозвать обратно“.

Между тѣмъ этотъ назначенный отъ областного правительства комиссаръ успѣлъ пріѣхать въ Бѣлокриницкій монастырь, вмѣстѣ съ другимъ актуаромъ и довольно значительною свитой. Этотъ г. Штокеръ извѣстенъ былъ какъ человекъ необыкновенно строгаго характера и непреклонной воли, способный однимъ своимъ колоссальнымъ ростомъ и суровою наружностью приводить въ трепетъ подсудимыхъ. Прибывъ въ монастырь, оный безъ церемоніи занялъ лучшія монастырскія келліи и приступилъ къ слѣдствію. Кириллъ и все монастырское братство пришли въ ужасъ; они придумали одно средство избавиться отъ раззоренія: телеграфировать въ Вѣну къ министру-президенту о притѣсненіяхъ, чинимыхъ монастырю отъ слѣдственной комиссіи, и просить его защиты. 1-го (13-го) марта Кириллъ отправилъ къ барону Баху длинную депешу, въ которой писалъ

между прочимъ: „Въ моихъ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ осмѣливаюсь искать защиты и милости у вашего превосходительства... По распоряженію высокаго буковинскаго правительства, Серетскій бециркзамтъ прислалъ въ Бѣлую-Кривицу для устраненія будто бы какихъ-то между нами непозволительныхъ дѣйствій тамошняго актуара Штокера. Этотъ чиновникъ, вмѣстѣ съ другимъ актуаромъ и двумя канцеляристами, съ женами, дѣтьми и прислугой помѣстились въ моемъ и моего намѣстника монастырскомъ домѣ, занявъ притомъ лучшія комнаты, такъ что я и мой намѣстникъ находимся въ великомъ стѣсненіи.... Мы вполне вѣрны нашему отечеству, всѣ требуемыя отъ насъ повинности исполняемъ въ точности и не чувствуемъ за собою никакой вины, за которую должны были бы терпѣть такое притѣсненіе.... Посему покорнѣйше прошу ваше превосходительство избавить насъ отъ незаслуженной нами столь строгой экзекуціи“.

* Вскорѣ послѣ этого, именно 3-го марта, Кириллъ послалъ жалобу на Штокера и въ областное буковинское управленіе, на имя президента (Bucowinär K. K. Landes President). Туда же (an eine hochlöbliche Bucowinär K. K. Landes-Regierung) отправили прошеніе Липоване—обитатели слободъ Бѣлой Кривицы, Климоуцъ, Миттоки-Драгомарны, Лукавецъ и Бергометь. Они ходатайствовали собственно, какъ значится въ надписи ихъ прошенія, „объ утвержденіи дальнѣйшаго существованія учрежденной въ Бѣлой-Кривицѣ богадѣльни для убогихъ, слѣпыхъ и разслабленныхъ женщинъ“, ** то-есть женскаго монастыря, которому они дали невинное названіе богадѣльни. Такъ какъ защитить существованіе женскаго монастыря, основаннаго безъ всякихъ сношеній съ правительствомъ, было особенно трудно, и Штокеръ прежде всего обратилъ вниманіе на это дѣло и уже разогналъ всѣхъ собранныхъ въ монастырѣ женщинъ

* На спускѣ немецкаго текста телеграммы помѣчено рукой чтеца Θεодора (въ послѣдствіи архидіаконъ Филаретъ): „телеграфировано 1-го (13-го) марта 1868 г. 304 слова. Запачено 45 левовъ сер. конвент. монетою“.

** „Bialekiernitza, Klimoutz, Mitoka-Dragomirna, Lukawetz und Berhometh altgläubige Lipowanergemeinde, nebst ihren Mytropolitzen Kiril, bitten um die Genehmigung des für die armen, blinden und arbeitsunfähigen Individuen des weiblichen Geschlechts zu Bialokiernitza errichteten Armenhaus.“

и двѣдцѣ, то бѣлокранцкіе иноки и придумали сдѣлать ходатаями за женскій монастырь депутатовъ отъ самихъ липованскихъ обществъ, какъ будто бы особенно заинтересованныхъ въ существованіи этой общины, которой притомъ дали значеніе собственно благотворительнаго заведенія, только имѣвшаго храмъ для отправленія въ немъ богослуженія (nebst einer Kapellen zur Abhaltung des Gottesdienstes). Описавъ очень краснорѣчиво, какимъ благодѣяніемъ служило для нихъ это учрежденіе, дававшее пріютъ всѣмъ больнымъ, престарѣлымъ и безпріютнымъ женщинамъ, и также сиротамъ-дѣвцамъ, которые пріучались къ трудовой жизни, и какъ жестоко поступилъ съ этимъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ уполномоченный отъ Серетскаго бедиркзамта актуаръ Штокеръ, мгновенно (augenblicklich) разогнавшій всѣхъ его обитательницъ, депутаты нижайше просили высокославное (hochlöbliche) правительство „предписать кому слѣдуетъ, чтобъ ихъ богадѣленный домъ былъ возстановленъ попрежнему, и впредь не подвергался раззорѣнію, чтобы бѣдныя женщины были возвращены въ ихъ прежній пріютъ, гдѣ онѣ будутъ вести тихую и благочестивую жизнь и ежечасно молить Бога о здравіи всемилостивѣйшаго монарха и ихъ благодѣтелей (und für das Wohlergehen unserer allergnädigsten Monarchen und ihrer Wohlthäter stündlich Gott angefleht haben).“

Въ то же время Алимпій усердно хлопоталъ въ Вѣнѣ. Онъ подалъ министру внутреннихъ дѣлъ новое прошеніе о защитѣ монастыря отъ притѣсненій слѣдственной комиссіи. Это новое прошеніе, писанное также Дворачкомъ, было составлено весьма искусно. Въ немъ говорилось, что принуждать старообрядцевъ къ принятію какихъ-либо нововведеній значило поступать вопреки всякой справедливости. „Мы, старообрядцы, съ непоколебимымъ постоянствомъ держимся нашихъ вѣками освященныхъ обычаевъ и нравовъ, и никакого нововведенія принять не можемъ, какъ противнаго нашей совѣсти. И поелику у насъ церковная жизнь самымъ тѣснымъ образомъ связана съ жизнью народною,—религія такъ глубоко проникла въ народъ, что его по справедливости можно назвать церковнымъ народомъ (dasselbe ist fürwahr ein kirchisches Volk), то все несогласное съ нашею религіею не согласно и съ обычаями нашей жизни. Высокое правитель-

* Пр. шен.е послано 16-го марта.

ство всегда уважало наши религіозныя вѣрованія, и мы съ своей стороны никогда не подавали повода упрекать насъ въ чемъ-либо. Трудъ и молитва — вотъ нашъ лозунгъ; вѣрность, покорность и преданность всепресвѣтлѣйшему дому Габсбурговъ—вотъ наши подданныческія добродѣтели“ (Arbeit und Gebet ist unsere Losung; Treue, Gehorsam und Anhänglichkeit an das Allerdurchlauchtigste Haus Habsburg sind unsere Unterthanstugenden).... Не взирая на то, высокославное черновицкое мѣстное начальство требуетъ отъ насъ исполненія нѣкоторыхъ полицейскихъ и другихъ распоряженій, которыхъ мы принять не можемъ и къ которымъ въ теченіе семидесятилѣтняго мирнаго и безпрепятственнаго обитанія въ Буковинѣ никогда принуждаемы не были; теперь въ нашъ монастырь прислакъ уже одинъ нарочито опредѣленный комиссаръ и безъ всякаго уваженія къ имѣющимъ у насъ величайшимъ привилегіямъ, не принимая въ соображеніе нашего особеннаго положенія и не обращая вниманія на наши религіозныя правила, на наши патріархальныя нравы и обычаи, усиливается непремѣнно водворить у насъ разныя нововведенія.“ За тѣмъ слѣдуетъ обстоятельное указаніе причинъ, по которымъ старообрядцы не могутъ принять этихъ нововведеній. Для примѣра укажемъ, что говорится въ прошеніи противъ оспонрививанія и другихъ подобныхъ установленій. „Къ прививанію оспы мы имѣемъ крайнее отвращеніе, и наши религіозныя правила рѣшительно воспрепятствуютъ намъ всякое смѣшеніе нашей крови съ веществомъ животныхъ (unsere Religionsprincipien verbieten uns ausdrücklich jede Vermischung unseres Blutes mit der animalischen Substanz); а любовь къ порядку, чистота, частое строгое пощеніе удаляютъ отъ насъ всякую болѣзнь, и не было примѣра, чтобъ изъ 2.000 нашихъ единовѣрцевъ кто-либо умеръ отъ оспы. Мы не принимаемъ также никакихъ лѣкарей, ибо, съ одной стороны, мы смотримъ на болѣзнь какъ на посылаемое свыше испытаніе и временное наказаніе, съ другой—исцѣленія болѣзней надѣемся получить не отъ человѣческаго искусства, а отъ Того, котораго неизреченное имя спасло насъ отъ жесточайшей болѣзни прародительскаго грѣха, и котораго несповѣдимыя суды управляютъ и нашу скорбь, и нашу радость. Столь же мало дозволяютъ намъ правила нашей церкви приносить клятвенную присягу: къ этому обязываетъ насъ заповѣдь Святаго Евангелія: *ей-ей, ни-ни; а что сверзъ*

сею, то грѣхъ. * И ни одинъ липованинъ, произносившій: да, да; нѣтъ, нѣтъ, не былъ еще обличенъ во лжи" (?!). Въ такомъ же родѣ и въ такомъ же тонѣ защищаются далѣе права Бѣлокрилицкаго монастыря на существованіе съ архіереями и прочимъ духовенствомъ, а равно основанія, на которыхъ существовалъ монастырь женскій. **

Такъ все было пущено въ ходъ, чтобъ устранить постигшую Бѣлокрилицкій монастырь невзгоду. Но ни телеграммы Кирилла, ни слезныя жалобы липованскихъ общинъ, ни скудные софистическіе доводы Алимпиевыхъ прошеній, — ничто не помогало. Правительству хотѣлось дознаться правды относительно липованской митрополіи, съ ея монастырями, иноками и инокинями; Штокеръ ревностно производилъ свои разысканія и выводилъ наружу то одно, то другое обстоятельство, сильно компрометирующее Кирилла съ братіей. Дѣло тянулось около полутора года: только въ августѣ 1859 послѣдовало императорское опредѣленіе, которымъ существованіе обоихъ монастырей въ Бѣлой-Крилицѣ, и мужскаго и женскаго, было дозволено, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они отнюдь не смѣли принимать къ себѣ людей не состоящихъ въ австрійскомъ подданствѣ; существованіе митрополита и его намѣстника въ Бѣлой-Крилицѣ также дозволено, но со многими ограничивающими ихъ дѣятельность условіями: такъ, посвященіе ихъ можетъ происходить не иначе, какъ послѣ предварительнаго разрѣшенія отъ областного правительства и министра духовныхъ дѣлъ; безъ разрѣшенія правительства они не имѣютъ права выѣзжать за границу; рѣшительно воспрещено поставлять поповъ и архіереевъ для заграничныхъ раскольниковъ, и даже для австрійскихъ липованъ не дозволено посвящать поповъ

---

* Hierin dient uns die Vorschrift des h. Evangeliums: „ja-ja, nein-kein, was darüber, ist eine Sünde“. Такимъ образомъ Алимпій въ своемъ прошеніи употребилъ произвольное чтеніе столь извѣстнаго стиха 5 гл. Ев. отъ Маттея, чего старообрядцы никакъ не простали бы православному. Конечно, съ его стороны это былъ грѣхъ невѣдѣнія.

** Какъ замѣчательный образецъ дѣловыхъ бумагъ по сношеніямъ липованской митрополіи съ австрійскимъ правительствомъ, которыхъ не мало имѣется въ бѣлокрилицкомъ архивѣ, мы печатаемъ это прошеніе въ полномъ его видѣ, въ приложеніи подъ № 6.

больше опредѣленнаго количества.* 14-го января 1860 года рѣшеніе это было объявлено Кириллу областнымъ черновицкимъ управленіемъ, причѣмъ вмѣнено ему въ обязанность, чтобы въ теченіе восьми сутокъ представилъ онъ, въ двухъ экземплярахъ, именныя списки всѣхъ находящихся налицо липованскихъ священниковъ, иноковъ и инокинь.**

Итакъ, спустя полтора года со времени Штокеровской комиссіи существованіе Бѣлокрилицкой митрополіи съ ея іерархіей и монастырями наконецъ обезпечено было законнымъ утвержденіемъ отъ австрійскаго правительства, хотя на условіяхъ очень для нея стѣснительныхъ. Но эти полтора года стоили Кириллу съ братіей многихъ тревогъ и опасеній. Особенно тяжкимъ, почти безвыходнымъ казалось его положеніе въ первое время, когда Штокеръ производилъ свѣдѣніе, властно распоряжаясь въ монастырѣ, и когда всѣ

* Что же касается другихъ обстоятельствъ, вызвавшихъ назначеніе комиссіи, какъ-то: укаженіе отъ осподрививанія, веденія метрики и проч., — то объ нихъ въ императорскомъ указѣ не упомянуто; но рѣшеніе объ нихъ состоялось еще прежде, и конечно не въ пользу монастыря; для веденія метрики назначенъ былъ даже особый чиновникъ отъ правительства. Объ этомъ и о хлопотахъ митрополіи избавиться отъ веденія метрики очень любопытныя извѣстія встрѣчаемъ въ грамотѣ Кирилла, 30-го окт. 1862 г., къ брацлавскимъ и хуторскимъ метрикоборцамъ: „Посаѣ комиссіи мачаломъ мы стараніе къ старанію прилагати во еже бы избѣжати веденія метрическихъ книгъ и не щадихомъ ни заата, ни самѣхъ себе; четырежды посылахомъ въ городъ Вѣну для личнаго съ царемъ свиданія, на что болѣе 2.000 червонцевъ издержахомъ. Но что же услыхомъ? Отнюдь ничего. Министеретво, не взирая на всѣ наши прошенія и домогательства, опредѣлило единого изъ чиновниковъ, которому мѣстопребываніе назначило въ самой Бѣлокрилицкой митрополіи на общественномъ и нашемъ содержаніи для веденія метрическихъ книгъ, иже и до днесь постоянно здѣ пребываетъ и свою должность исполняетъ (копія съ грам. въ бѣлокр. арх.).“

** На основаніи этого-то постановленія судили Кирилла за самозваную поѣздку въ Москву и за поставленіе для Москвы новаго архіерея — Антонія второго, о чемъ подробно говорено было въ статьяхъ *Современныя движенія въ расколѣ*. Такъ какъ этотъ документъ составляетъ главное основаніе для существованія Бѣлокрилицкой митрополіи въ настоящее время, то по причинѣ такой его важности для современной исторіи раскола, мы почли не лишнимъ напечатать его въ приложеніяхъ, подъ № 7.

жалобы на его притѣсненія и всѣ ходатайства о защитѣ предъ высшими правительственными лицами въ имперіи оставались безъ уваженія. Достоинно замѣчанія, что въ это время всѣ свои невзгоды и неудачи бѣлокриницкіе „думные люди“ объясняли не инымъ чѣмъ какъ кознями русскаго правительства, хотя незадолго передъ этимъ сами же думали воспользоваться мнимымъ ослабленіемъ его значенія предъ правительствами прочихъ европейскихъ державъ, — полагали за несомнѣнное, что это именно правительство, по распоряженію котораго взяты прежде Геронтій и Аркадіи съ Алимпіемъ, по настоятельнымъ требованіямъ котораго заточенъ былъ и самъ Амвросій, — что оно же теперь понудило Австрійцевъ принять противъ Бѣлокриницкой митрополіи самыя строгія мѣры, очевидно направленныя къ прекращенію самого ея существованія. Кириллъ находился въ полной увѣренности, что его ожидаетъ участь Амвросія, и сталъ серьезно помышлять о средствахъ заблаговременно убраться изъ австрійскихъ владѣній. Лучшаго и болѣе безопаснаго убѣжища онъ не могъ избрать себѣ какъ въ Турецкой имперіи, подъ крыломъ султана, явившаго столько опытовъ вниманія къ старообрядцамъ, — тѣмъ болѣе, что нѣкогда Аркадіи уже предлагалъ ему убѣжище въ султанскихъ владѣніяхъ на тотъ случай, если послѣдуетъ какое-либо *преображеніе* въ судьбѣ. Теперь именно ожидается такое „преображеніе“, и Кириллъ, въ іюнь мѣсяцѣ, дѣйствительно, написалъ Аркадію, что вслѣдствіе происковъ Россіи, претерпѣвая страшныя притѣсненія отъ австрійскаго правительства и почитая самое пребываніе свое въ Бѣлой-Криницѣ не безопаснымъ, онъ желалъ бы переселиться съ главными лицами бѣлокриницкаго братства во владѣнія султана, въ чемъ и просить у него, Аркадія, помощи. Ревнуя объ интересахъ раскола, такъ тѣсно связаннаго съ судьбой Бѣлокриницкой митрополіи, и видя въ стѣсненномъ положеніи Кирилла новый опытъ преслѣдованія старообрядцевъ со стороны русскаго правительства, Аркадіи и теперь готовъ былъ оказать Кириллу желаемое содѣйствіе, хотя, по его мнѣнію, сдѣлать это теперь было уже не такъ легко какъ прежде. Онъ зналъ, что перейти къ нимъ тайкомъ и жить у нихъ можно всякому. Некрасовцы сумѣютъ уладить это дѣло и не выдадутъ своихъ; но чтобъ открыто перейти въ турецкія владѣнія и поселиться тамъ на жительство, особенно такому лицу какъ митро-

полить, этого дѣла онъ не находилъ возможнымъ устроить безъ предварительнаго дозволенія отъ правительства. Того же мнѣнія былъ и Гончаровъ, и потому они общимъ совѣтомъ рѣшили не отклонять Кирилла съ братіей отъ намѣренія переходить въ Турцію, какъ бы скоро ни представилась къ тому нужда, * но въ то же время заявить объ этомъ ихъ намѣреніи правительству и ходатайствовать предъ диваномъ о формальномъ дозволеніи имъ переселиться въ турецкія владѣнія. Это и было, кромѣ указанныхъ выше, новымъ побужденіемъ, почему Аркадій и Гончаровъ почли нужнымъ вмѣстѣ отправиться въ Константинополь для личнаго свиданія съ великимъ визиремъ.

VIII.

Мы оставили ихъ готовыми отправиться въ путь. По дорогѣ изъ Журиловки до Тульчи, они заѣхали въ Камень, откуда взяли съ собою попа Василья, — лицо довольно представительное въ турецкой раскольничьей іерархіи, — очевид-

* Это видно изъ письма, которое Аркадій, еще до поѣздки въ Константинополь, писалъ къ Кириллову намѣстнику, Онуфрію. Аркадій извѣщалъ Онуфрія, что въ случаѣ крайности они могутъ немедленно переходить въ Турцію, но для безопасности необходимо будетъ соблюсти некоторыя не легкія формальности, или же передать секретно, такъ какъ со времени послѣдней войны учрежденъ въ Турціи строгій надзоръ за мучественниками. Вотъ подлинныя слова изъ этого Аркадіева письма: „Я вамъ уже писалъ, что *приходите*. Въ Тульчѣ или Мачинѣ дадутъ за поруками тискарю съ именемъ папаса (то-есть попъ, духовная особа): тогда сѣла попечители защитятъ; да и границу молдавскую нужно пройти формой; а если не формой, то нужно секретно поѣхать. Точно, *Турки глухи*; но вотъ какія переѣзды отъ прошлой войны: съ Камня до насъ 4 кордона, отъ насъ до Тульчи 2 кордона, и на всакій являлся: гдѣ проишуть, а гдѣ и не померятъ, — только явись. И вотъ какія взысканія: журиловскій человекъ ѣхалъ въ Тульчу; онъ въ Тульчѣ не былъ; за то судица, зачѣмъ ты въ Тульчѣ не былъ, ты, видно, недобрый человекъ. Другой ѣхалъ изъ Тульчи на Бабу; на кордонахъ писали, а въ Бабѣ не явился; дослѣ сего судица, зачѣмъ ты въ Бабѣ не явился. И много такихъ дѣловъ и переѣздовъ, — говорятъ, и школы будутъ казенныя всѣмъ народамъ. Вкратцѣ вамъ прописалъ переѣзжныя обстоятельства.“ (письмо отъ 8-го іюля 1858 г.).

но для того, чтобы придать болѣе значенія своей депутаціи предъ великимъ визиремъ. Въ Тульчѣ 13-го іюля они сѣли на пароходъ и 15-го пріѣхали въ Константинополь. Здѣсь до представленія визирю они прожили четверо сутокъ, — время, которое, безъ сомнѣнія, употребили на свиданіе и совѣщанія съ друзьями и покровителями изъ польскихъ пашей, отъ содѣйствія которыхъ и чаяли главнымъ образомъ успѣха своему дѣлу, равно какъ полученія самой аудіенціи у великаго визиря. 20-го іюля эта аудіенція послѣдовала: всѣ три депутата отъ турецкаго старообрядчества были приняты визиремъ, и какъ прежде, съ наружными знаками полного вниманія къ нимъ и готовности исполнить ихъ просьбы. Гончаровъ прежде всего повелѣ рѣчь о плѣнныхъ архіереяхъ, — о томъ, чтобы визирь принялъ мѣры къ ихъ возвращенію; именно, онъ просилъ для удобнѣйшаго и скорѣйшаго рѣшенія дѣла послать въ Петербургъ нарочнаго чиновника съ просьбой отъ старообрядцевъ и чрезъ посредство турецкаго посланника при Петербургскомъ дворѣ вручить ее самому Государю Императору. Гончаровъ представилъ визирю и самую эту просьбу, предварительно заготовленную. Визирь принялъ просьбу и обѣщавъ исполнить все такъ, какъ желалъ Гончаровъ. Послѣ этого Осипъ Семеновъ повелѣ рѣчь о Кириллѣ и прочей бѣлокриницкой братіи, о томъ, что Россія крайне притѣсняетъ старообрядческихъ архіереевъ въ Нѣмечинѣ, что вслѣдствіе такихъ притѣсненій эти архіереи съ своимъ духовенствомъ не видятъ возможности долѣе тамъ оставаться и чрезъ посредство явившихся теперь къ его свѣтлости депутатовъ просятъ о дозволеніи переселиться во владѣнія всепресвѣтлѣйшаго султана, подъ могучею державой котораго они надѣются жить вполне спокойно, въ совершенной безопасности отъ преслѣдованій враждебнаго имъ русскаго правительства. Какой-то паша, присутствовавшій на аудіенціи, немедленно выразилъ согласіе на эту просьбу: „Пусть приходятъ“, отвѣчалъ онъ Гончарову; но визирь взглянулъ на дѣло нѣсколько иначе. Зная, что такимъ дозволеніемъ можно поставить себя въ непріятныя отношенія не только къ русскому, но и къ австрійскому правительству, съ другой стороны, не желая рѣшительно отказывать раскольникамъ, чтобы не выйдти изъ роли ихъ неизмѣннаго защитника и покровителя, онъ далъ отвѣтъ довольно уклончивый,

согласился, чтобъ австрійское раскольничье духовенство переходило въ Туречину, но предупредилъ и о томъ, чтобы дѣлалось это осторожно, не гласно, какъ бы безъ вѣдома правительства. На всѣ другія просьбы Аркадія и Гончарова визирь изъявилъ полное согласіе*.

Аркадій и Гончаровъ были вообще довольны пріемомъ визиря; но его отвѣтъ на просьбу о переходѣ австрійскаго раскольничьяго духовенства въ Турцію они поняли въ томъ смыслѣ, что турецкое правительство не расположено сочувствовать этому переходу, и потому приняли за лучшее не поспирать къ тому и Кирилла. Возвратившись же въ Тульчу, они узнали, что въ Браиловѣ ктиторъ тамошней церкви, Семень Семеновъ, получилъ изъ Бѣлой-Криницы письмо, въ которомъ просили его выслать Кириллу два паспорта, что Семень Семеновъ и исполнилъ: изъ этого Аркадій и Гончаровъ поняли, что Кириллъ рѣшилъ уже дѣло о переселеніи въ Турцію и что остается только ожидать его.** Оста-

* Вотъ какъ описывалъ это свиданіе съ визиремъ самъ Аркадій въ письмѣ къ Кириллу отъ 3-го октября 1858 г.: „юля мѣсяца 13-го числа отравились мы съ Тульчи парходомъ съ каменскимъ священникомъ Василиемъ и Осипомъ Семеновичемъ Гончаровымъ, а въ Царь-градъ прибыли 15-го числа; 20-го іюля были у садра-вана всѣ трое. 1-е, Осипъ Семеновичъ просилъ о освобожденіи вачоченныхъ архипастырей (рей), и подали прошеніе, каковое будетъ послано съ чиновникомъ особыхъ порученій въ Петербургъ къ турецкому министру, а онъ дабы подалъ самому царю. 2-е, Осипъ Семеновичъ объявлялъ Садрану, что *Россия тиснитъ съ Нѣмечины нашия диспотове*, и они къ намъ приходятъ. Одинъ наша оказалъ: пусть приходятъ, а садранъ подумалъ и сказалъ: евашъ, евашъ, то-есть потише, помядельку. 3-е, Подали просьбы: первую, о старой нашей церкви, что по взятіи диспотовъ погибли наши документы, требуемъ фирманъ: сіе завели въ журналъ; требуемъ огранчить нашу землю: сіе объямаю; выстроили мы архіерейскій домъ желаемъ въ немъ устроить церковь: объямаю фирманъ; и еще подаа просьбу, что въ Тульчѣ взяли полъ и документъ потерявъ на церковь: въ журналъ завели, объямаю фирманъ.“

** Въ томъ же письмѣ Аркадія отъ 3-го октября сказано: „Мы прибывши съ Майнова (изъ Константинополя они ѡбѣждали въ Майноть) въ Тульчу и слышали отъ іерея Григорія, что вы прислали просьбу къ Семю Семенову, чтобы вамъ прислать два *векселя*, или *купчія крѣпости* (подъ этими названіями, безъ сомнѣнія, раз-умѣются именно паспорта), которыя съ Галацъ и посланы къ вамъ

навливать Кирилла они не хотѣли, а только сдѣлали распоряженіе на случай его пріѣзда, именно поручили тульчинскому и каменскому попомъ, чтобъ они, если пріѣдетъ Кириллъ, выправили для него поповскій или иноческій тискарь и посекретяѣе проводили его въ Славскій скитъ.

Но прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ, а ни Кириллъ и никто изъ его братства не приходили. Въ Бѣлой-Кривицѣ не бросили мысли о переселеніи въ Турцію; но, видно, привести ее въ исполненіе было не легко. Войнаровичъ и Штокеръ бдительно слѣдили за Кирилломъ и за всѣмъ что дѣлается въ монастырѣ; правительство явнымъ образомъ покровительствовало ихъ образу дѣйствій относительно митрополіи; надежды на спасеніе представлялось мало. Тогда, въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, кому-то изъ бѣлокривицкихъ политиковъ (какъ надобно полагать, Алимпію) пришла въ голову та же счастливая мысль, которую давно уже таили между собой Аркадій и Гончаровъ, мысль обратиться къ европейскому ареопагу съ жалобой на притѣвленія отъ Россіи, которая, какъ имъ казалось, не даетъ покоя старообрядцамъ даже въ турецкихъ и австрійскихъ владѣніяхъ. Онъ составилъ въ этомъ смыслѣ и прошеніе на имя главнаго изъ европейскихъ властителей — Наполеона III. Кириллъ, съ своей стороны, одобрилъ и мысль, и самое прошеніе. Но возникалъ вопросъ: какъ подать прошеніе? Нашли, что самимъ подать его невозможно: Алимпій, бывавшій

съ Θεодоромъ какимъ-то. Посему я и не писалъ къ вамъ, думалъ, что скоро васъ увижу. Но теперь изъ дѣла видно, что ваши дѣла тянутся." Котати объ упомянутомъ здѣсь Семенѣ Семеновѣ. У него была продолжительная ссора съ Браиловскимъ попомъ Егоромъ, которую разбирали и Кириллъ, и Аркадій Славскій, и Аркадій Васлуйскій. Славскій Аркадій держалъ сторону Семена Семенова и объ немъ лично имѣлъ очень высокое почитаніе. Вотъ что между прочимъ Аркадій писалъ объ немъ къ Кириллу: "Семенъ Семеновъ точно горячъ и пылокъ, но о церкви также горячъ и пылокъ и себя не щадитъ. У него Семенъ Семеновъ, а у насъ Гончаровъ. Легче попа найти нежели добраго строителя, какъ есть и писано: крестить всякій попу можетъ, а проповѣдывать рѣдкій. Такъ Семенъ Семеновъ и Гончаровъ люди рѣдкіе, а крестить, вѣнчать и прочая и Гома Славской умѣетъ, а написать дѣло строку не можетъ, а врачество подать слова не можетъ." (Письмо отъ 3-го октября 1858 г.)

во дворцѣ австрійскихъ императоровъ, не затруднился бы, конечно, проникнуть и въ Тюльери или Сентъ-Клу; но при тогдашнихъ обстоятельствахъ ему трудно было добраться до Парижа и вообще выѣхать за границу; при томъ же въ его присутствіи дома теперь чувствовалась особенная необходимость. Послѣ Алимпія, болѣе способнаго исполнить такое порученіе не находили никого, кромѣ Осипа Семеновича Гончарова. Къ нему дѣйствительно и рѣшились обратиться. Кириллъ написалъ (точнѣе подписалъ) письмо къ Аркадію, и въ это письмо вложилъ другое на имя Гончарова, съ изложеніемъ дѣла и вложеніемъ самого прошенія. 29-го сентября пакетъ со всѣми этими письмами благополучно дошелъ до Аркадія, который немедленно отправился съ нимъ въ Журиловку къ Осипу Семенову: здѣсь вмѣстѣ они читали и обсуживали интересныя бѣлокриницкія посланія. Мысль призвать Европу къ защитѣ старообрядчества отъ русскихъ притѣсненій имъ очень нравилась, потому что совпадала съ ихъ собственными мыслями и желаніями, которыя такимъ образомъ нашли теперь поддержку со стороны самого главы старообрядческой іерархіи; но и на этотъ разъ журиловскіе политики не увлеклись мечтами, показали благоразумія больше нежели бѣлокриницкіе. Какъ подать прошеніе, этимъ они не затруднялись ни мало: оба готовы были ѣхать и въ Римъ, и въ Парижъ; но имъ казалось недостаточнымъ подать прошеніе только отъ имени австрійскихъ и турецкихъ старообрядцевъ, безъ участія главной силы старообрядческаго міра—старообрядцевъ русскихъ; считали необходимымъ, чтобъ эти послѣдніе по крайней мѣрѣ знали объ ихъ намѣреніи и изъявили на то свое согласіе, дабы въ противномъ случаѣ не получить серьезныхъ неприяностей, ибо легко можетъ случиться, что русское правительство, недовольное вмѣшательствомъ Европы въ старообрядскія дѣла, еще болѣе усилитъ свою строгость въ отношеніи къ подвластнымъ ему старообрядцамъ, и тогда эти послѣдніе будутъ имѣть полное право сѣтовать на заграничныхъ, зачѣмъ они начали безъ ихъ вѣдома такое важное и опасное для нихъ дѣло. Что же касается самого прошенія, присланнаго изъ Бѣлой-Криницы, то Аркадію съ Гончаровымъ оно, очевидно, понравилось, и имъ желательно было, чтобъ оно во всякомъ случаѣ сдѣлалось известнымъ въ Европѣ. Это находили и удобнымъ. При-

помнили, что какъ-то разъ Гончаровъ написалъ стишоки противъ покойнаго государя, и когда показалъ ихъ въ Константинополь своимъ европейскимъ друзьямъ, то есть Чайковскому съ братіей, то они читали его произведеніе съ наслажденіемъ и просили, чтобы позволилъ напечатать его въ газетахъ, на что однако Гончаровъ не согласился; что же если теперь дать имъ въ руки протестъ самого Бѣлокриницкаго митрополита противъ притѣвленій Россіи и Австріи?—съ какимъ восторгомъ они примутъ его и какъ охотно обнародуютъ! Но и этого Аркадій съ Гончаровымъ не рѣшились сдѣлать безъ предварительнаго согласія со стороны самого Кирилла. Итакъ они положили не переносить своего дѣла на европейское судилище, пока и русскіе старообрядцы не дадутъ своего одобренія и согласія на это предпріятіе, а на обнародованіе Бѣлокриницкаго прошенія испросить у Кирилла новое разрѣшеніе. Въ этомъ смыслѣ, 3-го октября 1858 г., Аркадій написалъ письмо въ Бѣлаую-Кривицу, на имя Кирилла и Онуфрія. Вотъ подлинныя, относящіяся сюда выраженія этого замѣчательнаго письма: „Г-ну Гончарову письмо вручилъ, и жалобу во Францію мы читали. Сходно съ моими мыслями. Я всегда помышлялъ, чтобы нашу обиду донести европейскимъ державамъ и Папѣ; но только какъ за свое мѣшаніе, такъ равно и за ваше недоумѣю, что будетъ ли оно въ пользу. Еслибы посовѣтоваться съ сѣверными,—какъ тѣ скажутъ? Еслибы тѣ просили, то бы мы оба поехали въ Парижъ и подали бы жалобу Наполеону (sic) и Папѣ. Но на это нуженъ советъ всего сѣвера. Гончаровъ составилъ стихи отъ себя противъ Николая и читалъ въ Царь-градѣ: у него просили *Европейцы*, хотѣли въ газетахъ печатать, но Гончаровъ не далъ. И сію афишку подхватываютъ. Но только просимъ повторенія, да еслибы и отъ сѣвера было приглашено.“ *

Но дѣла въ Бѣлой-Кривицѣ, по выраженію того же Аркадія, „затянулись“. Къ мысли о подачѣ прошенія Наполеону охладѣли; переселеніе въ турецкія владѣнія также отлагалось дальше и дальше по причинѣ разныхъ затрудненій и неблагопрі-

---

* Надобно полагать, что Аркадій дѣйствительно входилъ въ сношеніе съ „сѣверными“ по этому дѣлу, какъ можно видѣть изъ одного очень любопытнаго письма къ нему, отъ Антонія Московскаго, писаннаго въ ноябрѣ 1858 г. О письмѣ этомъ будетъ сказано ниже.

ятныхъ отзвонъ изъ самой Турціи *. Впрочемъ, намѣренія переселиться изъ Бѣлой-Кривицы Кириллъ не оставлялъ рѣшительно даже и въ 1860 и 1861 годахъ, какъ видно это изъ писемъ Аркадія. Въ это время по поводу дѣла о Кирилловомъ переселеніи у Аркадія возникла даже довольно неприятная переписка съ нѣкоторыми лицами и съ самимъ Кирилломъ. Слухъ о намѣреніи Кирилла переѣхать въ Турцію дошелъ до Москвы, и московскій Антоній былъ очень не доволенъ этою его затѣей; онъ писалъ къ Аркадію въ Славву: „я слышанъ, якобы митрополитъ желаетъ переселиться къ вамъ, то всеусердно я васъ прошу, вы ему напишите, чтобы онъ отнюдь къ вамъ не ѣздилъ, ежели онъ пріѣдетъ къ вамъ, онъ большое зло сдѣлаетъ вамъ, ибо объ немъ правительство понимаетъ худо, за самаго злѣйшаго еретика, чрезъ чтò вы потеряете свои довѣріи у своего и *французскаго*, ибо Австріи императоръ донесетъ вашему императору, а вашъ можетъ его выслать съ безчестіемъ **.“

* Еще вскорѣ по возвращеніи изъ Константинополя Голчаровъ поручилъ Аркадію Васлуйскому извѣстить Кирилла, чтобъ онъ удержался отъ переселенія въ Турцію, чтò Васлуйскій и исполнилъ, хотя не скоро. Вотъ чтò писалъ онъ Кириллу, отъ 3-го октября 1858 г.: „имѣлъ счастье видѣть Осипа Семеновича Г., и онъ мнѣ совѣтъ предлагалъ къ вамъ писать, если возможно вамъ въ своемъ мѣстѣ быть хотя мало-малыоки, пусть бы не тревожились итить, а если тайно скроеется, то на дѣлѣи свѣтъ будетъ республика (sic), а еретицы восторжествуютъ, а наши едиковѣрные въ печали будутъ, но только ревностнымъ нашимъ суетрамъ будетъ малая отрада, что вы будете подъ скрытіемъ сидѣть. А по моему мнѣнію, если вы будете на своемъ мѣстѣ жить, хотя и безъ дѣйствія, то ваше одо саово будетъ имѣть силу и распоряженіе, а если подъ скрытіемъ, то иначе. По сей причинѣ, какъ можно своего мѣста безъ вины не оставите, послѣ будете и сожалѣть.“

** Пис. Амт. къ Арк. Славскому; съ копіи находящейся въ бѣлокрин. архивѣ. О Кириллѣ Антоній выражается такъ рѣзко за его упрямство въ дѣлѣ о метрикахъ, чтѣмъ онъ весьма уронилъ себя въ глазахъ австрійскаго правительства. Вотъ чтò именно писалъ объ этомъ Антоній: „невѣжество и грубость послѣдовали отъ митрополита Кирилла чрезъ непринатіе метрическихъ книгъ. Сія ихъ пагуба душевная и тѣлесная обратится на ихъ главу, за оскорбленіе вся церквѣ. Я не получалъ отъ нихъ никакихъ свѣдѣній о ихъ происшествіи, но получалъ свѣдѣнія отъ посторонняго лица, бывшаго у меня, который доходилъ до австрійскаго министерства (рѣчь

Это Антоніево письмо, исполненное такихъ интересныхъ дипломатическихъ соображеній, Аркадіи сообщилъ для обсужденія нѣкоторымъ почетнымъ лицамъ изъ раскольничьяго духовенства и въ томъ числѣ Аркадію Васлуйскому. Этотъ послѣдній прислалъ Аркадію выговоръ, зачѣмъ онъ „пустилъ въ свѣтъ и явилъ всему міру“ столь укоризненное для митрополита письмо. Аркадіи отвѣчалъ, что онъ сообщилъ письмо только тульчинскому попу, да каменскому, да яескому протопопу Никифору на разсужденіе: „всѣ эти люди секретныя, прибавлялъ онъ,—и дѣла таковыя передаютъ другъ другу, черезъ ихъ руки и самыя епископы проходятъ, и митрополитъ не минуетъ ихъ рукъ, и предосторожность имъ нужна. Сверхъ сего и то помнимъ: когда Осипъ Семеновичъ Гончаровъ спросилъ садразана о приходящихъ дис-

цетъ, очевидно, о какомъ-нибудь значительномъ московскомъ старообрядцѣ, вѣдвшемъ за границу) и спрашивалъ о Липованахъ, что они, почему пресѣдуемы? Отвѣтъ получалъ отъ министерства, что эта люди—ихъ вѣра зайшая всѣхъ еретиковъ, которыхъ еще на земномъ кругѣ не обрѣтается“. Письмо Антонія особенно важно какъ доказательство, что ему извѣстны были намѣренія Аркадія войти въ сношенія съ французскимъ императоромъ, на благоволеніе котораго къ турецкимъ старообрядцамъ Аркадіи имѣлъ уже основаніе разчитывать, и даже писалъ объ этомъ благоволеніи къ Антонію, какъ показываетъ одно изъ приведенныхъ выше словъ этого послѣдняго: „потеряете свои довѣрія... у французскаго правительства“. Ниже Антоній выражается объ этомъ еще яснѣе: „принять мудрыя мѣры, просить турецкаго и французскаго императоровъ о утвержденіи епископа въ Новую Молдаву, и поставить изъ тамошнихъ жителей, дабы не имѣлъ россійскій императоръ къ чему придратъся и навести на него судъ“. Достойно замѣчанія, что Аркадіи въ копіи почелъ мужнымъ выпустить нѣкоторыя мѣста изъ подлиннаго Антоніева письма. Онъ самъ подписалъ надъ нимъ: „копія съ письма архіепископа Антонія, привезеннаго съ Москвы Михайлою Ивановымъ (зять Гончарова: не пріѣзжалъ ли онъ въ Москву именно для совѣта съ „сверхными“?) и Егоромъ Михайловымъ; мною получено и переписано слово въ слово, кромѣ того, что *протчили не требуется читать*. Е. Аркадіи“. По смыслу не трудно замѣтить, что выпущено нѣчто передъ словами: „принять мудрыя мѣры“ и пр. ч. Надобно полагать, что въ томъ что прочимъ не требовалось читать, рѣчь шла именно о предложеніяхъ Аркадія войти въ сношенія съ Наполеономъ III и касалось мнѣнія „сверхныхъ“ на этотъ счетъ.

потахъ, то-есть епископахъ, то садразявъ (то-есть царскій намѣстникъ) сказалъ: потише, потише. Посему я и приказываю іереямъ Григорію и Василю, если прибудеть Конокъ епископъ *, или и самъ митрополитъ, то не приводить въ отчаяніе, но взявъ поповскій или инокескій тискаръ и посекрытъше проводить въ скитъ.“ Дошло объ Антоніевомъ письмѣ и до самого Кирилла: этотъ прислалъ Аркадію грозный выговоръ за разглашеніе столь оскорбительнаго для его особы московскаго посланія. Аркадіи оправдывался и предъ нимъ, описалъ ему подробно всѣ обстоятельства дѣла и въ концѣ объясненія прибавилъ: „и теперь, владыко святыи, въздъ къ намъ епископовъ не иначе, какъ съ епископскою бумагою, которая пропшется въ Тульчѣ у австрійскаго концула (sic), и дастся ему турецкій тискаръ, если же не будетъ имѣть нѣмецкой бумаги, то долженъ быть секретно. Турки сего не преслѣдуютъ, но раздорники могутъ наклеветать и тѣмъ повредить общее спокойствіе **.“ Очевидно, Аркадіи уже не только не сочувствовалъ переселенію Кирилла изъ Бѣлой-Кримицы въ султанскія владѣнія, но и старался всячески отклонить его отъ этого намѣренія. Между тѣмъ уже возникли у Кирилла неприятели съ Москвою, сначала по Антоніеву дѣлу, потомъ по поводу *Окружнаго Посланія*; начался нескончаемый раздоръ по всему лицу раскольничьяго міра; послѣдовало множество наиприискорбнѣйшихъ для Кирилла и для всего старообрядчества событій: помышлять о переселеніи подъ защиту султана было тѣмъ болѣе не время, и намѣреніе это такимъ образомъ было оставлено. Возвратимся и мы къ дѣлу о плѣнныхъ архіереяхъ.

---

* Конокъ Новозыбковскій лѣтомъ 1858 г. отправился изъ Москвы въ Бѣлую-Кримицу, но за неимѣніемъ надлежащаго вида, дальше Черновидъ пропущенъ не былъ. Здѣсь онъ видѣлся съ Аадиміемъ и вручилъ ему привезенныя изъ Москвы 850 руб. денегъ. Тогда-то, вѣроятно, было предложено, чтобы Конокъ перешелъ въ турецкія владѣнія; но онъ отправился назадъ въ Россію и здѣсь на пути изъ Кіева въ Куревскій монастырь, 16-го октября 1858 г., взятъ полиціей.

** Письмо Аркадія къ Карладу отъ 7-го апрѣля 1861 г.

IX.

Мы видѣли, что великій визирь обѣщалъ Гончарову и Аркадію послать нарочнаго чиновника въ Петербургъ съ прошеніемъ турецкихъ раскольниковъ на имя самого Государя — о возвращеніи взятыхъ во время войны епископовъ. Трудно повѣрить, чтобы великій визирь, давая это обѣщаніе, серьезно думалъ его исполнить. Послѣ того какъ одинъ разъ дипломатическимъ путемъ уже полученъ былъ изъ Россіи категорической отвѣтъ, что взятые возвращены быть не могутъ, ибо оказались бѣглыми русскими подданными, могъ ли онъ считать нужнымъ и удобнымъ снова начинать это бесполезное дѣло? И для кого бы сталъ онъ хлопотать съ такимъ усердіемъ? Для раскольниковъ подвластныхъ султану? Было время, когда ихъ нужно было ласкать всячески, дѣлать все имъ угодное; но время это миновало. Правда, и теперь полезно оказывать имъ безубыточную внимательность и знаки покровительства: отчего же поэтому не дать обѣщанія принять посредство въ ходатайствѣ предъ Русскимъ Императоромъ о возвращеніи къ нимъ заточенныхъ „диспотовъ“? Дать обѣщаніе можно, но его можно и не исполнить. Въ послѣднемъ случаѣ есть надежда достигнуть даже нѣкоторой пользы: пусть думаютъ раскольники, что несмотря на всѣ хлопоты благопопечительнаго турецкаго правительства, жестокое правительство русское не отпускаетъ ихъ „святителей“. Прошелъ дѣйствительно годъ, прошло полтора года,—а о плѣнныхъ архіереяхъ слуху не было, и что сдѣлано обѣщаннымъ экстреннымъ посольствомъ—оставалось неизвѣстно. Въ массѣ турецкаго раскольничьяго населенія эта неизвѣстность и это напрасное ожиданіе „архипастырей“, конечно, только поддерживали раздраженіе противъ Россіи и благоговѣнное уваженіе къ страдальцамъ-святителямъ: находились между ними люди, которые нарочно отправлялись въ Россію, въ Суздаль, чтобы только посѣтить „въ узахъ сѣдящихъ“ *. Но люди

* Въ одномъ письмѣ Аркадія Васлуйскаго (отъ 7-го марта 1860 г.) сказано: „старецъ Іаковъ прокусаѣ (sic) туда (то-есть въ Суз-

попроицательнѣе, какъ на примѣръ Гончаровъ съ Аркадіемъ, понимали, что здѣсь уже не одна Россія виновата, что турецкое правительство, столь предупредительное на словахъ, не слишкомъ-то хлопочетъ по ихъ дѣлу. И такъ какъ изъ Россіи все чаще и чаще приходили къ нимъ извѣстія о кроткомъ и благодушномъ характерѣ русскаго Государя, о милостяхъ, какія оказывалъ онъ старообрядцамъ, измѣнивъ самую систему правительственныхъ отношеній къ расколу, то Гончаровъ рѣшился, минуя турецкое правительство, обратиться непосредственно къ русскому посланнику въ Константинополь съ прошеніемъ объ „архипастыряхъ“ на имя Государя Императора. Прошеніе это, 7-го декабря 1859 года, онъ дѣйствительно вручилъ русскому посланнику при оттоманскомъ дворѣ.* Оно было препровождено посланникомъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, и отвѣтъ на него послѣдовалъ попрежнему отрицательный. Гончарову сообщено было, что Аркадій возвращенъ быть не можетъ, потому что онъ оказался русскимъ подданнымъ *. Въ Турціи же

даль) изъ Турціи послалъ епископовъ въ узакъ сѣдующихъ поспѣть, между тѣмъ и самаго посадили туда же.* Этотъ Яковъ-прокусай былъ однакоже скоро выпущенъ на свободу и даже на казенный счетъ доведенъ до Одессы, такъ какъ имѣлъ при себѣ законный видъ, полученный отъ турецкаго правительства.

* Аркадій уроженецъ селенія Куницы въ Бессарабской области, куда его родители переселились изъ Вѣтки вскорѣ послѣ такъ-называемой „второй вѣтковской выгонки“, бывшей въ 1768 году. Отецъ Аркадія простой поселянинъ по прозванію Лысый. Аркадій, будучи еще шестнадцати лѣтъ отъ роду оставилъ родительскій домъ и ушелъ за границу. Это было въ 1824 году. Онъ жилъ сначала въ Яскахъ мальчикомъ въ лавкахъ тамошнихъ старообрядцевъ, потомъ нѣсколько времени былъ послушникомъ въ старообрядскомъ Мануиловскомъ монастырѣ, что въ Молдавіи. Въ 1829 году Аркадій воротился въ Россію, жилъ въ Лаврентьевѣ монастырѣ (Гомельскаго уѣзда Могилевской губерніи). Отсюда въ партіи монаховъ и бѣльцовъ ходилъ онъ въ странствіе по разнымъ мѣстамъ Востока отыскивать небывалыхъ старообрядскихъ архіереевъ. Возвратясь изъ странствія, Аркадій поселился въ Молдавіи. Мы слышали отъ достовѣрныхъ людей, имѣвшихъ случаи по дѣламъ службы быть въ тюремномъ отдѣленіи Суздаальскаго Спасо-Евфиміева монастыря года черезъ два по заключеніи туда Аркадія, что онъ доводилъ своимъ поведеніемъ, такъ какъ, говорилъ онъ, постоянною цѣлюю его было жить отшельникомъ гдѣ-нибудь въ уединенной кельѣ.

между старообрядцами былъ да и теперь есть слухъ, будто Аркадія не выпускаютъ изъ Суздаля потому, что онъ, во время послѣдней войны, благословилъ Некрасовцевъ сражаться противъ Русскихъ *.

Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ и не оставались безъ вліянія даже на судьбу заграничныхъ раскольниковъ. Изъ Россіи приходили и прискорбные, и отрадные для нихъ слухи. Получено было извѣстіе, что одинъ изъ павныхъ архіереевъ—Алимпій, находившійся въ прекопныхъ уже лѣтахъ, умеръ; ** но зато все чаще и чаще приходили вѣсти, что старообрядцамъ въ Россіи стало жить хорошо, ихъ не преслѣдуютъ, не стѣсняютъ. Въ то же время въ Турецкой имперіи началось какое-то глухое движеніе между подвластными ей народами, отъ котораго турецкіе раскольники не чаяли себѣ ничего добраго, да и само правительство уже не оказывало имъ прежнихъ льготъ и любезностей. Присматриваясь и прислушиваясь ко всему этому, некрасовскіе „думные люди“, повидимому, оставили заботу о возвращеніи находившагося въ живыхъ заточеннаго „архипастыря“ и больше помышляли объ ожидающей ихъ будущности, при чемъ, какъ будто, съ нѣкоторою родственною привязанностью стали обращать взоры на Россію. Такой, по крайней мѣрѣ, характеръ принимаютъ съ 1860 г. письма Аркадія Славскаго: о намѣреніи и попыткахъ возвратитъ суздальскаго узника въ нихъ нѣтъ уже рѣчи, напротивъ, верѣдко говорится о милостяхъ русскаго Государя къ старообрядцамъ, о необходимости сохранять добрыя къ Россіи отношенія и т. п.;—и только въ письмѣ отъ 13-го іюля 1862 г. неожиданно встрѣчаемъ слѣдующее очень краткое, но въ высшей степени замѣчательное извѣстіе: „господинъ Гончаровъ былъ въ Парижѣ и лично подалъ Наполеону прошеніе о заточенномъ архіепископѣ“. Итакъ великій замыселъ наконецъ приведенъ былъ въ исполненіе! Гончаровъ, въ это время уже познакомившійся и съ Парижемъ, и съ Лон-

* Слышано отъ самого Гончарова улюкомъ Іоасафомъ.

** Въ Турцію извѣстіе объ этомъ привезла нѣкая схимница Таисія. Аркадію Василуіскій, отъ 7-го марта 1860 г., писалъ къ Кириллу: „Епископъ Алимпій померъ. Сказывала намъ сіе улюкина схимница Таисія, которая ѣздилъ въ Суздальскій монастырь съ женою Федора, бывшаго попа тульчинскаго, кой вѣзъ въ Россію, для разысканія онаго.“ Алимпій умеръ 25-го августа 1859 г. послѣ двухнедѣльной болѣзни.

довомъ, самъ лично имѣлъ счастье вручить императору Французовъ просьбу съ жалобами на несправедливость Россіи къ старообрядцамъ. Какъ происходило это великое событіе, гдѣ именно, котораго мѣсяца и числа Гончаровъ представлялся Наполеону и что говорилъ ему рѣшитель судьбы Европы,—свѣдѣній о всемъ этомъ въ нашихъ источникахъ, къ сожалѣнію, мы не имамъ. Но что представленіе могло устроиться довольно легко, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться: чрезъ Чайковскаго Гончарову не трудно было найти въ Парижѣ людей готовыхъ помочь ему и даже лично представить его французскому императору. Такъ, дѣйствительно, и было. Садыкъ-паша, очевидно посвященный въ планы Гончарова и сочувствовавшій имъ, выхлопоталъ Осипу Семенову паспортъ на имя офицера турецкой службы, съ которымъ благополучно и прибылъ онъ въ Парижъ; тотъ же Садыкъ-паша заблаговременно извѣстилъ о путешествіи и даже о времени прибытія Гончарова въ Парижъ своихъ парижскихъ пріятелей, которые были весьма заинтересованы и самою личностью путешественника, и его оригинальнымъ предпріятіемъ—вручить дѣло раскольниковъ защитѣ и покровительству французскаго императора, и съ своей стороны готовы были сдѣлать для него все нужное; многіе изъ этихъ новыхъ покровителей встрѣтили Гончарова даже на станціи желѣзной дороги и немедленно взяли его подъ свое покровительство. Гончаровъ разказывалъ послѣ, что въ Парижѣ ему случалось бывать въ такихъ чертогахъ, которые и описать трудно: по всей вѣроятности, ему радушно открыты были и двери Ламбертова отеля. Когда состоялась аудіенція у императора и нужно было отправляться изъ Парижа, то, по разказамъ Гончарова, не менѣе тридцати экипажей провожало его на станцію желѣзной дороги, и провожали все такіе важные господа, что Гончаровъ, путешествующій обыкновенно въ вагонахъ третьяго класса, дабы не посрамить себя предъ ними, взялъ скрѣпя сердце билетъ на мѣсто перваго класса. Относительно бесѣды съ Наполеономъ III отъ Гончарова слышали, что онъ имѣлъ рѣчь съ властителемъ Франціи о другѣ своемъ Аркадіи Славскомъ и въ такихъ чертахъ изобразилъ его характеръ и подвиги, что Наполеонъ пожелалъ имѣть портретъ Аркадія. По сему случаю Аркадіи дѣйствительно ѣздилъ нарочно въ Константинополь, чтобы сняться въ лучшей изъ тамошнихъ фотографій, и великолѣпный

портретъ, изображающій его въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, препровожденъ былъ къ новому державному покровителю раскола *. Этотъ покровитель, конечно, не имѣлъ намѣренія дѣлать какія-либо серьезныя услуги расколу; но что онъ могъ принять Гончарова, обласкать и оказать сочувствіе дѣлу расколу, это тѣмъ болѣе вѣроятно, что онъ уже разыгрывалъ тогда роль верховнаго покровителя угнетенныхъ народностей и религій на Востокѣ, что особенно ясно обнаружилось въ дѣйствіяхъ созданнаго имъ владѣтеля Румыніи, князя Кузы. Объ отношеніяхъ Кузы къ раскольникамъ мы намѣрены сказать здѣсь два-три слова.

Будучи креатурой Наполеона III, во всемъ слѣдуя данному имъ направленію, и въ силу тюльерійскихъ инструкцій стѣсняя и ограничивая въ средствахъ и правахъ православное духовенство Румыніи, князь Куза, напротивъ, готовъ былъ покровительствовать всякому неправославному обществу, особенно если это покровительство могло какимъ-либо образомъ вести къ разъединенію между населеніями Княжествъ и Россіи, когда-то сдѣлавшей такъ много для Румыніи. Въ этомъ отношеніи раскольники, которыхъ не мало въ обоихъ Княжествахъ, должны были также обратить на себя благосклонное вниманіе князя Кузы. ** У молдо-валахскихъ раскольниковъ былъ уже свой епископъ — Аркадій Васлуйскій; но онъ еще не былъ признанъ въ санѣ своемъ румынскимъ правительствомъ, и епископъ ихъ пріѣзжалъ къ нимъ секретнымъ образомъ. Когда Куза принялъ въ управленіе Румынію, молдо-валахскіе старообрядцы скоро поняли, что обстоятельства перемѣняются въ ихъ пользу, что они могутъ теперь гораздо свободнѣе принимать къ себѣ своего архіепископа и даже начать хлопотать предъ правительствомъ о законномъ его утвержденіи. Дѣйствительно, они

---

* Одинъ странствователь по сушѣ и морямъ, не очень давно бывшій въ Константинополѣ, сказывалъ намъ, что видѣлъ тамъ въ магазинахъ останповъ выставленные въ окнахъ великолѣпно-раскрашенные фотографическіе портреты Аркадія: это, вѣроятно, дублеты посланнаго въ Парижъ. Сейчасъ приведенный разказъ о пребываніи Гончарова въ Парижѣ слышалъ лично отъ него самого инокъ отцомъ Иосафомъ, со словъ котораго мы и писали.

** Неизвѣстно припомнить здѣсь слова Антонія: „Просить французскаго императора объ утвержденіи епископа на Новую Молдаву.“

нисколько не стѣснялись теперь въ отправленіи своихъ церковныхъ службъ и приглашали Аркадія пріѣзжать къ нимъ безпрепятственно; мѣстныя гражданскія власти не только смотрѣли сквозь пальцы на такія дѣйствія раскольниковъ, но и поощряли ихъ къ тому, оказывая ихъ архіепископу такія же почести, какъ и православнымъ архіереямъ. Въ февралѣ 1860 года, Аркадій Васлуйскій пріѣхалъ въ Новую Молдавію, — участокъ, по Парижскому трактату пріобрѣтанный къ Молдавіи отъ россійскихъ владѣній, въ которомъ раскольниковъ было не мало. Мѣстный исправникъ не только дозволилъ Аркадію пріѣхать, но и предписалъ пограничнымъ и полицейскимъ чиновникамъ, чтобы встрѣчали его съ должнымъ почетомъ. Въ Измаилѣ Аркадій нѣсколько разъ служилъ торжественно, при большомъ стеченіи народа. Раскольники ликовали, начались совращенія въ расколъ. Все это, какъ и слѣдовало ожидать, произвело большое смущеніе въ православномъ духовенствѣ. Мѣстная консисторія отправила нѣсколько донесеній къ яскому митрополиту съ описаніемъ происходившаго въ Измаилѣ и убѣдительно просила его ходатайствовать предъ княземъ о прекращеніи на будущее время раскольничьихъ своеволій. „Правительство, сказано было въ одномъ изъ представленій консисторіи, питаетъ въ своихъ нѣдрахъ зловредныхъ враговъ, которые всегда готовы учинить зло, которые во время войны Турціи съ Русскими и Греками, подымали противъ Россіи руки болѣе чѣмъ Турки.“ Съ своей стороны консисторія предлагала мнѣніе, что слѣдуетъ держаться въ отношеніи къ раскольникамъ тѣхъ же правилъ, какихъ держались до присоединенія къ Молдавіи новаго участка или, вѣрнѣе, до вступленія князя Кузы въ управленіе Румыніей.* Вслѣдствіе

* Въ Яссахъ есть купецъ-раскольникъ, Василий Васильевъ Омиль, извѣстный какъ одинъ изъ главныхъ ходатаевъ по раскольничьимъ дѣламъ за границей, человекъ, дѣйствительно, не безъ значенія между старообрядцами, ибо чрезъ его руки проходятъ всѣ деньги и вещи, а также депешы и письма, пересылаемыя изъ Россіи заграничнымъ раскольниковымъ, и кромѣ того, онъ безконтрольно распоряжается капиталами раскольничьяго богача въ Яссахъ, Дюлгана Богослова. Этотъ В. В. Омилъ, о которомъ нѣтъ ни одного слова въ книгѣ, изданной Кирилломъ о томъ, что „посѣщеніе г-на архіепископа весьма возбуждало измаильскую консисторію“, въ письмѣ своемъ помѣстилъ и копію съ одного изъ консу-

этихъ жалобъ измаильской консисторіи, митрополитъ Софроній входилъ съ представленіемъ о принятіи мѣръ къ обузданію раскольниковъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Но, какъ извѣщалъ Кирилла яскій раскольниковій дѣлопроизводитель Василій Васильевъ Оминъ, „получилъ отвѣтъ, что теперь по Парижской конвенции всѣмъ вѣраемъ свободно, то министерство не можетъ запретить; но вы, если хотите, то представьте министерству церковныхъ имуществъ. Благодареніе Всевышнему, прибавлялъ Оминъ, что гражданское начальство защищаетъ. Я полагаю, что митрополитъ, получа таковой отвѣтъ, то еще болѣе огорчился и, должно-быть, представить о насъ еще болѣе клаузы въ общее собраніе, которое теперь есть въ Яссахъ для уложенія всѣхъ законовъ.“ *

Ободренные такимъ потворствомъ со стороны правительства, раскольники не усомнились теперь и сами подать прошеніе о законномъ утвержденіи ихъ архіепископа. 14-го апрѣля они подали такого рода прошеніе въ министерство церковныхъ имуществъ, а вскорѣ потомъ и въ верховный совѣтъ, откуда, какъ они надѣялись, дѣло должно было перейти на разсмотрѣніе общественнаго собранія. ** Въ маѣ Оминъ снова извѣщалъ Кирилла, что ихъ дѣло объ утвержденіи архіерея приближается къ концу и что только препятствіе къ окончательному его рѣшенію подано со стороны старообрядцевъ недавно присоединеннаго Кагула, которые упорно отказываются отъ введенія между ними оспонпрививанія и метрическихъ записей, чѣмъ навлекли на себя сильное подозрѣніе со стороны правительства. ***

сторскихъ представленій яскому митрополиту. Видно и за границей раскольники имѣютъ возможность доставать изъ присутственныхъ мѣстъ интересныя для нихъ документы. Письмо Омина, составляющее поэтому также не безынтересный документъ, печатаемъ въ приложеніи подъ № 8.

* Письмо Омина, въ приложеніи № 8.

** Тамъ же.

*** Вотъ что именно писалъ Оминъ: „Честь имѣю уведомить васъ, что дѣло наше насчетъ утвержденія архіерея на Молдавію стоитъ неокончено только черезъ однихъ Кагульскихъ, за ихъ непокорство. Осталось на томъ, что если исправникъ будетъ рапортовать, что они уже примирились, то верховный совѣтъ утвердитъ намъ нашего архіерея на Молдавію. Дѣло состоитъ только въ томъ, что нуж-

Между тѣмъ, въ сентябрѣ ожидали въ Измаилъ министра внутреннихъ дѣлъ. Его прїѣздомъ раскольники хотѣли воспользоваться, чтобы представить ему лично своего архіерея и подать прошеніе о законномъ дозволеніи ему святительствовать въ Молдавіи. 26-го числа министръ, дѣйствительно, прїѣхалъ, и раскольничьи старшины вмѣстѣ съ Аркадіемъ Васлуйскимъ явились привѣтствовать его съ хлѣбомъ-солью, подавъ предварительно свое прошеніе. Все принято было какъ нельзя болѣе благосклонно: послѣдовало немедленно распоряженіе о выдачѣ васлуйскому архіепископу надлежащаго вида на свободный проѣздъ по всей Молдавіи, а законное утвержденіе въ званіи архіепископа Молдавіи общаю выслать изъ Яссъ. Отпустивъ депутацію, министръ оставилъ у себя для интимной бесѣды только Аркадія съ измаильскимъ попомъ Маркеломъ, и этимъ-то двумъ полуграмотнымъ и еще сильно перепугавшимся раскольникамъ, министръ князя Кузы подробно и съ самоуслажденіемъ излагалъ намѣренія правительства утвердить въ Румыніи полную вѣротерпимость на широкихъ основаніяхъ Парижскаго трактата, даже въ ущербъ господствующему вѣроисповѣданію, и въ частности толковалъ объ особенной готовности покровительствовать старообрядческому духовенству, все, вѣроятно, въ силу того же Парижскаго трактата... Аркадіи Васлуйскій, въ письмѣ къ Кириллу, описалъ свое свиданіе съ министромъ, и читая наивный разказъ его, нельзя не чувствовать всего комизма этой интимной бесѣды его съ савонникомъ князя Кузы. Мы приводимъ здѣсь разказъ Васлуйскаго вполнѣ. „Честъ имѣю увѣдомить васъ въ слѣдующемъ. Ожидаемый нами министръ внутреннихъ дѣлъ прибылъ въ Измаилъ 26 сентября въ полдень, и въ вечери старики подали прошеніе для моего опредѣленія, и министръ принялъ, приказалъ, чтобы утромъ въ 7-мъ часу явился къ нему со мною. Мы тако и сотворили. И благодареніе Всевышнему, принялъ насъ весьма ласково, и по принятіи хлѣба-соли старикамъ велѣлъ вытѣть изъ комнаты, а насъ съ отцомъ Маркеломъ оставилъ. И мы весьма оробѣли, равно и вси старики, помышляли, какъ бы

по хорошенько упробить казульскаго доктора и исправника, чтобы рапортовали за нихъ хорошенько.“ (Письмо отъ 14-го мая 1860 года.)

не сталь ничто истязовать; и онъ намъ даже ни одного слова противнаго не оказалъ и ничего ни пыталъ, а только много о челяхъ говорилъ, а болѣе всего о свободѣ жвалился (!) въ Молдавіи всякой науки тѣригалъ (sic) по парижскому трактату; и наконецъ сказалъ министръ такъ: много на васъ было представленій отъ митрополита и здѣшней консисторіи въ министерство, дабы воспретить вамъ въ Молдавіи быть, но правительство на ихъ прошеніе не обратило на малѣйшаго вниманія, но ради спокойствія липованскихъ обществъ дозволяетъ вамъ правительство на всегдашнее проживаніе имѣть въ Молдавіи. И приказалъ министръ исправнику выдать мнѣ равашъ на проѣздъ по всей Молдавіи, а настоящую бумагу нащеть опредѣленія общамся выслать съ Яссы. Прочія обстоятельства всѣ благополучны.“ *

Министръ сдержалъ данное Аркадію обѣщаніе о „настоящей бумагѣ нащеть опредѣленія“. 17 октября дѣло о дозволѣніи раскольникамъ имѣть своего архіепископа, вопреки всѣмъ представленіямъ яскаго митрополита, было рѣшено верховнымъ совѣтомъ въ пользу раскольниковъ, и 6 ноября это рѣшеніе изъ министерства церковныхъ имуществъ препровождено было для свѣдѣнія въ яскую митрополию. Вотъ чтò писалъ по этому случаю Оминая къ Бѣлокриницкому Кириллу: „Извѣщаю васъ, что дѣло нащеть всегдашняго пребыванія въ Молдавіи нашего архіерея вышло въ нашу пользу. 17 минувшаго октября верховный совѣтъ опровергъ всѣ кляузы покойнаго митрополита Софронія Миклеску, что онъ не хотѣлъ признать нашего архіерея за архіерея, потому что нѣтъ признанной въ (у) Липованъ какой-либо церковной іерархіи. Но верховный совѣтъ рѣшилъ, что по 46 статьѣ изъ конвенціи Липоване-христіане ** пользуются своимъ духовенствомъ. Это рѣшеніе 6 ноября послано министерствомъ церковныхъ имуществъ къ намѣстнику митрополита для свѣдѣнія и порядка. Намѣстникъ получа оное прочиталъ и приказалъ положить въ архиву. И такъ уже враждебники замолчали, и архіепископъ нашъ

* Письмо отъ 30 сентября 1860 г.

** „Подъ именемъ Липоване называются скопцы, молакале и немодяки; а насъ называли Липоване-христіане“ (прим. Оминая).

уже остается безъ всякой опасности, ибо его имя по всѣмъ министерствамъ извѣстно съ 1857 года.“ *

Если Аркадій Васлуйскій съ прочимъ раскольничьимъ духовенствомъ Молдавіи могъ существовать „безъ всякой опасности“ подъ стѣною либеральнаго правительства Румыніи, руководимаго отеческою рукой императора Наполеона, то другой Аркадій—экархъ некрасовскій, слыша въ своемъ славскомъ уединеніи объ этой же самой онекѣ Европы надъ Турецкою имперіей и обсуживая могущія произойти и уже происходившія отсюда послѣдствія, напротивъ, ожидалъ не много хорошаго для будущности подвластнаго Турціи старообрядчества, и какъ мы замѣтили выше, началъ даже съ меньшей враждебностью смотрѣть на Россію. „Времена превратны, писалъ онъ Кириллу въ 1860 году, Турція всколебалась и принимаетъ новый видъ и новыя постановленія, Европа взошла въ распоряженіи Азіи, и Турки изумились и пришли въ отчаяніе, не знаютъ, на кого готовить оружіе.“ ** Въ связи съ этими новыми постановленіями находился распространившійся между Некрасовцами слухъ, что отъ ихъ духовенства будетъ потребована какая-то присяга,—дѣло небывалое и сильно смутившее Аркадія; онъ даже приходилъ въ недоумѣніе, какъ нужно будетъ поступить въ

* Письмо Омиана отъ 23-го декабря 1861 года. Признательность къ новому правительству за такое покровительство раскольничьему духовенству однакоже не препятствовала Омиану жаловаться на другія распоряженія князя Кузы, отъ которыхъ приходилось терпѣть и старообрядцамъ. Напримѣръ, въ одномъ письмѣ къ Кириллу, въ отвѣтъ на его просьбу посбирать у яскихъ раскольниковъ на отѣлку Бѣлокриницкой церкви, онъ писалъ слѣдующее: „Въ настоящее время нѣтъ никакой надежды къ собранію чего-нибудь. По случаю перенесенія резиденціи въ Букарестъ вовсе ни стало ни торговли ни прочихъ заработковъ; теперь кто имѣетъ какую-нибудь, то въ три ула завазываетъ и говоритъ: не до милостины,—во дай Богъ только подати уплатить, да семейство прокормить. Вотъ какова время дождалицы! А это все происходитъ чрезъ соединеніе Княжествъ; теперь Валахія процвѣтаетъ, а Молдавія вовсе стала вынуть. Дай Богъ, чтобы была какая-нибудь перемѣна къ лучшему, но только Богъ вѣсть, день отъ дня хуже и хуже; теперь наши Ясы, вмѣсто столичнаго молдавскаго города, остались только одинъ уѣздный городъ, какъ Баташань.“ (Письмо отъ 24 іюля 1862 г.)

** Письмо отъ 25 августа 1860 г.

такимъ случаетъ: „съ часу на часъ ожидаемъ, писалъ онъ тогда же въ Бѣлую Кривицу, что епископы наши будутъ приведены къ присягѣ. Но что заключается въ этой присягѣ намъ неизвѣстно. Если она будетъ вредительна церкви и христіанству, мы безъ сомнѣнія увѣрены, что за то святитель подлежитъ изверженію. Если же на подданство и на вѣрность государству, то какъ ваше мнѣніе? А въ правилахъ всякія клятвы отвержены и разсужденія въ правилахъ много не видится.“ * Умеръ Абдуль-Меджидъ: для Аркадія новое огорченіе. Смерть этого султана, отъ котораго онъ видѣлъ столько милостей, сопоставляя онъ съ явленіемъ бывшей тогда кометы и въ обоихъ событіяхъ видѣлъ несчастныя для старообрядцевъ предзнаменованія. „Я, писалъ онъ одному московскому благопріятелю, сидя въ горнищѣ разсуждаю о такихъ чудовищахъ: а) о кометѣ и о послѣдствіяхъ ея, ибо она устрашаетъ насъ и каждой ночи слѣдимъ ея. б) Смерть добраго султана, друга царемъ Европы, крестоносца кроткаго (ибо онъ пожаловалъ крестомъ); онъ понизилъ мусульманство, онъ началъ Турокъ мирить съ Европейцами; но онъ умеръ къ непокою востока, а можетъ-быть и многихъ.“ ** Наконецъ, весьма сильно занимало Аркадія происходившее тогда въ мусульманскомъ мірѣ движеніе, переходъ крымскихъ Татаръ и Черкесовъ въ Турцію, и переходъ изъ Турціи въ Россію, какъ бы въ замѣнъ ихъ, народовъ славянскаго происхожденія. Онъ опасался, какъ бы общимъ потокомъ не увлечены были и турецкіе старообрядцы; ибо видѣлъ, что нѣкоторые изъ нихъ были къ тому наклонны и даже открыли сношенія по вопросу о переселеніи съ русскимъ правительствомъ. Его именно занимала мысль, какъ поступить ему съ его духовенствомъ, если большинство турецкихъ старообрядцевъ переселится въ Россію. Повидимому, онъ склонялся къ тому, чтобы послѣдовать за большинствомъ, если условія къ переходу будутъ благопріятны, хотя съ другой стороны весьма жалѣлъ, что придется оставить въ запустѣніи многія хорошо устроенныя старообрядческія церкви и обители. Въ апрѣлѣ 1861 года онъ писалъ къ Кириллу: „за нужное почитаю вашему высокопреосвященству прописать немаловажную статью. Болѣе

* Письмо отъ 25 августа 1860 г.

** Письмо отъ 27 іюля 1861 г.

года идутъ отъ насъ въ Россію по большей части Малороссіяне, а старообрядцамъ полной свободы къ выходу не было, но они докучали русскому консулу, также молоканы и скопцы. Измаильскій консулъ на сихъ дняхъ молоканомъ объявилъ, что получилъ повелѣніе принимать молокановъ и старообрядцевъ, кромѣ скопцовъ, и увѣряетъ, что русскій царь даетъ всѣмъ религіямъ полную свободу и позволяетъ будто бы епископамъ и священникамъ всѣмъ выходить въ Россію въ своемъ званіи. И консулъ послалъ повѣстку нашимъ сельскимъ старшинамъ, чтобы къ нему явились и подали бы желаніе; а консулъ пошлетъ бумагу губернатору, а губернаторъ царю... И если начнется выходная, то Татары крымскіе, разсѣянные близъ насъ, вселятся въ дома нашихъ христіанъ, и церкви Христовы восплачутся. Если останется большая половина, то еще можно жить; а если останется меньшая половина, то будетъ худо.*

Смотря такимъ образомъ довольно мрачно на происходившія въ Турецкой имперіи событія, и замѣчая, кромѣ того, что сами Турки стали не очень дружелюбно смотрѣть на живущихъ между ними старообрядцевъ, которыхъ подозрѣвали въ тайной приверженности къ Россіи, Аркадій по необходимости обратилъ свой пытливый выжидательный взоръ также на Россію, гдѣ, вмѣсто прежняго вредоноснаго, по его выраженію, сѣвернаго повѣтрія, замѣчалъ онъ благо-раствореніе воздуховъ, среди котораго легко стало дышать старообрядцамъ, и которымъ при удобныхъ обстоятельствахъ хорошо было бы воспользоваться и ему. Повидимому, его взглядъ на Россію дѣйствительно измѣнился, и онъ сталъ усердно заботиться объ установленіи и упроченіи добрыхъ отношеній къ русскому правительству. Это особенно ясно обнаружилось въ его поведеніи по дѣлу о частицѣ изъ пятой просфоры. Извѣстный невѣжда и фанатикъ, Антоній московскій (первый) проповѣдывалъ, что за царя, какъ пребывающаго въ ереси, вынимать назначенную въ служебникѣ частицу (т.-е. изъ пятой просфоры) не подобаешь, и даже составилъ о семъ предметѣ нелѣпную тетрадку, которую раздавалъ всѣмъ рукоположеннымъ отъ него раскольничьимъ попамъ, строго заповѣдуя держаться изложеннаго въ ней наставленія. Эта нелѣпная тетрадка и этотъ образъ

* Письмо отъ 7-го апр. 1861 г.

дѣйствій Антонія вызвали сильный протестъ со стороны тогдашняго коломенскаго епископа Пафнутія, который по сему случаю нещадно обличалъ Антонія и въ невѣжествѣ, и въ изувѣрствѣ, угрожая, кромѣ того, отдать его дѣйствія на судъ митрополіи и собора епископовъ. Но Антоній и самъ послалъ тетрадь свою за границу къ подобному же себѣ фанатику, Аркадію Васлуйскому, чтобъ онъ далъ ее на разсмотрѣніе и прочимъ заграничнымъ раскольничьимъ архіереямъ. Отъ Васлуйскаго она дѣйствительно была доставлена и въ митрополію, и къ Аркадію Славскому *. Такимъ образомъ возникъ вопросъ о частицѣ изъ пятой просфоры. Васлуйскій, раздвляя, мнѣніе Антонія и писалъ къ Кириллу, чтобъ онъ воздержался отъ противнаго рѣшенія. Аркадій Славскій, напротивъ, возсталъ рѣшительно противъ Антоніева лжеученія, находя его несогласнымъ съ ученіемъ церкви, совершенно неблаговременнымъ и крайне опаснымъ для старообрядства. Свое мнѣніе онъ изложилъ подробно въ письмахъ къ Кириллу и самому Васлуйскому. Въ этихъ-то письмахъ и выразилъ онъ довольно ясно свой взглядъ на то, какъ должны заботиться старообрядцы въ настоящее время о сохраненіи своихъ добрыхъ отношеній особенно къ русскому правительству. Вотъ что писалъ онъ къ Кириллу: „получилъ я о частицахъ отъ архіепископа Антонія, который воспріицаетъ вынимать часть за царя, а ведетъ вынимать за духовнаго отца. А въ нашей епархіи почти всѣмъ іереямъ духовникъ епископъ, то и приходится за него вынимать двѣ частицы, т.-е. двѣ просфоры. Нужно Антоніево мнѣніе сообразить съ божественнымъ писаніемъ,—въ началѣ

---

* Тетрадка Антонія расхотилась по рукамъ раскольниковъ и вездѣ возбуждала споры. Изъ Яссы Ѳсминъ писалъ Кириллу: „Копію о частицахъ въ (у) насъ читали два архимандрита Іоасафъ и Варсолюфій и нашъ протоіерей Георгій, и много разсуждали, — одинъ одобряетъ ее, а другой нѣтъ“ (письмо отъ 25-го янв. 1862 г.). Въ другомъ письмѣ: „Насчетъ частицъ, это нужно бы вамъ написать къ экзарху Аркадію, чтобъ онъ о семъ предметѣ постарался размыслить изъ божественнаго писанія и составилъ бы книжку, дабы знали всѣ священники, какъ дѣйствовать, ибо теперь одни вынимаютъ за державнаго, а другіе даже и на екминіяхъ болятся произнести имя державнаго. Объ этомъ нужно вамъ, какъ верховной власти, позаботиться, дабы не было разногласія, и что слѣдуетъ, такъ и установить“ (письмо отъ 17-го февр. 1862 г.).

разсмотрѣть Евангеліе Господа Нашего Іисуса Христа, потомъ спросить пророковъ и апостоловъ, также церковныхъ учителей, разсмотрѣть и древній обычай церковный.“ Вслѣдъ за симъ онъ дѣйствительно приводитъ разныя свидѣтельства въ защиту той мысли, что приносить жертву за царя, хотя бы даже иновѣрнаго и нехристіанскаго, необходимо, — взиная эти свидѣтельства сказаніемъ о извѣстныхъ Галилеянахъ, возбравъшихъ жертвоприношенія за Кесаря, и которыхъ Пилатъ предалъ за это смерти, смѣсивъ кровь ихъ съ жертвами. „Если, пишетъ далѣе Аркадій, узнаетъ русское правительство о старообрядцахъ, что такое начинаютъ, если узнаетъ Австрія о нашей митрополіи, и даже Турція (но оно откроется вскорѣ отъ самихъ нашихъ необузданій), то случится съ нами то самое, что и съ Галилеянами. Россія печатаетъ о всѣхъ вредныхъ сектахъ безпоповскихъ: и о семъ не умолчитъ. Если нынѣшнія образованная времена сему не поустыятъ быть, еже смѣсати кровь съ жертвами; но смѣсять насъ съ вредными ересьми, какъ было уже и подходило.... Если митрополія потеряла себя за непріятіе метричь ^{*}, не постраждемъ ли большаго за устраненіе царя, еже не поминати во святыхъ тайнахъ. Русское духовенство вознесетъ рогъ, разстроитъ добраго царя Александра, который добръ являлся нашимъ христіанамъ. Они и безъ этого часто внушали царямъ, что если раскольникамъ дать свободу, то они поставятъ своего царя; а теперь и статья подходитъ, что изъ седми просфиръ царская просфара уничтожается. Не скажу о россійскихъ враждебникахъ, но о нашихъ раздорникахъ, какія они сплетали бредни на церковь, но и теперь сплетаютъ, что будто бы съ Россією имѣемъ переписи, клеветуютъ на кунакъ аянамъ, кадіямъ и прочимъ членамъ афендіи: „у нихъ въ книгахъ вся фамилія русскаго царя“ и прочія нечѣности, какъ-то: за папу Бога молятъ; теперь же съ дерзостію зарыкаютъ, что уже за султана и Бога не молятъ и прочая. Господинъ архіепископъ Васлуйскій прислалъ мнѣ Антоніеву тетрадь о семъ предметѣ. Я, показавши начитаннымъ инокамъ, которые согласно со мною отвергли Антоніево мнѣніе, и я о семъ отписалъ обратно г-ну Васлуйскому, на сей

^{*} Рѣчь идетъ о томъ, что было во время Штокеровской коммисіи.

почтѣ буду писать и въ Москву, что мы несогласны сему послѣдовать, а остаемся при описанныхъ выше сего свидѣтельствахъ. Архіепископъ Васлуйскій отъ себя приписалъ, что есть книга въ митрополи, въ коей запрещаетъ за инославнаго царя вынимать частицу,—книга старописьменная. Есть и у насъ книга древленисьменная, въ которой есть статья о 12-ти пятницахъ, есть и другая, въ которой описанъ церемоніалъ, какъ возять на колесницѣ солнце, множество ангелъ служитъ ему, которые поливаютъ водой, а другіе иныя службы и почести творять соляду. Можно ли вѣрить тому, что въ писаніи не имѣется! * Тѣ же мысли Аркадій выражаетъ и въ письмѣ къ самому Васлуйскому. „Обсудить подобаетъ, писалъ онъ между прочимъ, если откроется въ Россіи сіе дѣйствіе, потеряютъ наши старообрядцы свое уваженіе, и запишетъ Россія насъ въ числѣ вредныхъ сектъ.... Лишены мы были церковей, монастырей и священства.... Александръ же Николаевичъ даетъ свободу всѣмъ иновѣрнымъ, равно и старообрядцамъ. Всякъ языкъ исповѣдаетъ, возвращайтесь въ свое отечество, изомроша бо ищущіи душу отчати. Иосифъ патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ вопіетъ: *не будьте измѣнниками*, идите въ свое отечество.“ **

Такъ измѣнилъ тонъ своихъ рѣчей объ Россіи и объ отношеніяхъ къ ея правительству одинъ изъ главныхъ представителей и руководителей заграничнаго старообрядства, задуманный другъ Гончарова, усердный почитатель Чайковскаго и прочихъ „Европейцевъ“ и преданнѣйшій рабъ турецкаго султана, видѣвшій въ немъ еще недавно высокаго защитника старообрядцевъ отъ „утѣсеніи сѣвера“. Съ одной стороны, неблагопріятныя перемены, происходившія во владѣніяхъ этого высокаго покровителя, съ другой, добрыя извѣстія о положеніи старообрядцевъ, приходившія изъ Россіи, и на него, какъ видно, произвели вліяніе, такъ что даже возвращеніе въ Россію стало для него предметомъ желаній и надеждъ. Но „владыка Аркадій“ старецъ многоопытный и слишкомъ искушенъ жизнію, чтобы могъ до вѣрчиво предаваться надеждамъ и отраднымъ ожиданіямъ.

* Письмо отъ 19-го марта 1862 г.

** Копія съ Аркадіева письма, присланная Васлуйскимъ въ Бѣаую-Кривоцу.

Обративъ свои испытующіе взоры на Россію и, повидимому серьезно, помышляя о возвращеніи въ нее заграничныхъ старообрядцевъ, онъ не думалъ однакоже разрывать своихъ связей съ старыми друзьями и покровителями, и даже на всякій случай протягивалъ руку новымъ, извѣстнымъ своею враждебностью къ русскому правительству. Приглашая старообрядцевъ драгоценнымъ для нихъ именемъ патріарха Іосифа „не быть болѣе измѣнниками“, самъ онъ въ то же время не отказался войти въ сношенія съ новою партіей „Европейцевъ“, уже російскаго происхожденія, имѣвшею тогда свое главное мѣстопробываніе въ Лондонѣ и пожелавшею сблизиться съ раскольниками въ видахъ, крайне враждебныхъ Россіи..

(Продолженіе будетъ.)

Г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

4. Письмо Аркадія, епископа странствующихъ христіанъ, къ блжккриницкому митрополиту Кириллу.

Ты Господи сохраниши ны и соблюдеши ны отъ рода сего и во вѣки.

Высокопреосвященному и боголюбивому митрополиту всѣхъ православныхъ христіанъ на востокъ, сѣверъ и западъ, по Духу Святому отцу нашему

господицу Кирилъ,

и сослужителю вашему епископу Ануфрию со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всею братією земно кланяюсь и прошу вашего благословенія и святыхъ молитвъ. Честь имѣю донести вашему пресвященству, по прибытіи нашемъ въ Ц. Г. (Царьградъ) и по расположеніи на временное пребываніе, спустя 6 дней изыскали случай и послали вамъ письмо отъ 9-го мая, и до Петрова дни не получали отвѣта, считали, что оно погибло. Съ Петрова дни изготовилъ я другое и отправилъ его въ Ц. Г. съ моимъ путешественникомъ Іосифомъ Семеновичемъ Гончаровымъ, который прибылъ къ нашему корреспонденту, отъ коего и получилъ ваше письмо на другой

день Петрова дни, и привезъ его мнѣ на чифликъ 4-го юля. Онъ тамъ былъ занятъ дѣлами, хлопоталъ за майнозскихъ жителей по министерству, потому и замедлялъ; а разстояніе наше отъ Ц. Гр. не болѣе пяти часовъ. Писмы ваши мы читали съ великимъ восторгомъ и духовною радостію, что не погубило ни наше, ни ваше донесеніе; благодаримъ Господа Бога что Онъ соблюлъ; благодаримъ и васъ и радуемся, видя ваше существованіе. Теперь принимаю ваше посланіе и отвѣчаю на каждую статью, а потомъ буду прописывать и за новыя обстоятельства.

Изводите писать, что мое донесеніе къ вамъ о моемъ поставленіи, а отъ гос(подима) архі(епископа) Арк(адія) не было и быть не надежно. Совершенно мы освѣдомились, что имъ посаждовало вотъ что: архіепископъ, не знаю по приглашенію генерала или иначе, только то намъ сказано, что онъ послѣ Пасхи былъ въ Тулчу, служилъ литургію и былъ въ литургіи генералъ русской и многіе офицеры. Прежде сего, или послѣ архіепископъ подавалъ хлѣбъ-соль генералу. Принялъ адъютантъ, а самъ генералъ не удостоилъ принять лично.... Послѣ того по немногихъ дняхъ ярибылъ во Славу казачій офицеръ и 30 человекъ казаковъ. Остановились въ домѣ Василія Спиридонова и говорятъ, что онъ ѣдетъ проѣздомъ въ Силестру, и между прочимъ говорятъ: нужно мнѣ повидаться съ вашимъ архіепископомъ. И такъ заночевалъ. Васиіей Спиридоновъ тотчасъ посалазъ нарочнаго съ извѣстіемъ къ архіепископу, чтобы предостерегся. Архіепископъ не вылазъ сему. На утро офицеръ взялъ изъ Славы запасную подводу и поѣхалъ въ архіепископію, и ярибылъ въ келію архіепископа, и говоритъ ему: владыко, генералъ желаетъ съ вами повидаться, собирайтесь съ нами. Архіепископъ говоритъ: что же мнѣ съ собой брать? Офицеръ оказалъ: возьмите что нужно. Потомъ говоритъ: позовите епископа Алимпія, который пришолазъ; и того также пригласилъ и приказалъ собирать ся. Еще сказалъ: позовите отца Іакова. За нимъ побѣжали; но тотъ удалился въ абсъ. И такъ собрались и сѣли на подводы. Епископа Алимпія видѣли плачущаго. И такъ поѣхали съ офицеромъ и тридцатью казаками. Ярибыли въ Сакчу, или Сакша; спустились къ Дунаю, гдѣ устроенъ мостъ, и остановились; главуца—стоятъ двѣ темныя кибитки. Офицеръ соскочилъ, отперъ кибитку и приглашаетъ туда архіепископа и сказалъ: если будетъ душно, то вверху открой окошечко. Его келейникъ Мартирій, провожавшій его, просиася съ нимъ, но ему не позволено. Заперъ замкомъ. Въ другую посадили епископа Алимпія, — и вдругъ привезли пона тулчинскаго Теодора: его посадили къ епископу Алимпію, и заперъ замкомъ. Поѣхали мостомъ въ Измаилъ и далѣе.... Офицеръ Мартирія принялъ на свою подводу, привезъ его въ Тулчу, а изъ Тулчи Мартирій отправилася въ обитель и повѣдалъ братіи все сіе.... Взаты 23-го апрѣля. Отъ сего удара братія и миръ весь пришли въ недоумѣніе и повнади, что ушола часть и время

удобное ко спасенію. Изволите писать, что остава(емную) грамоту) выдать вамъ неудобно. * Мы сіе возлагаемъ на Бога и на ваше разсужденіе; точно отъ насъ никто не спрашиваетъ. Отецъ Алексій, князь Александръ, ** говорилъ, что его хиротонисалъ одинъ архіерей и печально выѣхалъ, или какъ удалился; а ставленную получилъ отъ другаго. Но мы возлагаемъ на Божію промысль. Также и нареченіе совершенное еще не прислѣ; *** ибо мы находимся на чифлику одного пашу, какъ сказать на богатомъ хуторѣ, гдѣ довольно скотоводства и хлѣбовашества; а мои странники имѣютъ довольно скота и лошадей, посему и удобно. А какъ въ непродолжительномъ времени приблизится осень, тогда намѣреваются перейти къ лиману для рыболовства. А лиманъ отъ насъ часа три, отъ Царяграда будетъ часовъ восемь. А настоящее еще скрыто въ судьбахъ божіихъ наше коренное пребываніе. Молва у насъ носитъ, что австрійскій императоръ и прусскій король сводятъ на миръ высокія державы: если замурится миръ, то, Богъ вѣсть, можетъ и назадъ поидемъ....

....Далѣе прописываете, что изъ Яссы вамъ писали за нашихъ

* Очевидно, Аркадій въ предыдущемъ письмѣ, извѣщая Кирилла о своемъ поставленіи, просилъ о выдачѣ ставленной грамоты, которой рукополагавшій его архіепископъ Аркадій выдать ему не успѣлъ. Ниче онъ опять говоритъ о необходимости имѣть хотя какое-нибудь свидѣтельство въ удостовѣреніе дѣйствительности его сана. Но ни грамоты, ни свидѣтельства получить отъ Кирилла ему не удалось.

** То-есть въ почетѣ Александръ; попъ Алексій Бугаковъ былъ бѣглый отъ православной церкви.

*** Рѣчь идетъ о названіи по вѣсту епархіи, такъ какъ названіе *епископъ странствующимъ христіанъ* было дано Аркадію только на время, по случайнымъ обстоятельствамъ. Въ другихъ письмахъ къ Кириллу, писанныхъ уже по возвращеніи изъ странствія, Аркадій снова спрашивалъ какъ ему слѣдуетъ называться, поставивъ на видъ, что первоначальное его нареченіе теперь, когда странствіе кончилось, болѣе не имѣетъ уже смысла. Такъ въ письмѣ отъ 26-го января 1856 г. онъ писалъ: „Теперь еще единаго вопросу: титулъ мой странствующимъ христіанъ, и мы странствіе потерпѣли полтора года.... и я остаюсь уже въ своей обители; теперь осмѣливаюсь вамъ предложить: какое будетъ мое наименованіе? Во время произведенія моего въ сей санъ нѣкоторые отцы настаивали дать мнѣ наименованіе Журналовскимъ, и архіепископъ согласился, а потомъ переименовалъ на Странствующимъ. Теперь же и странствіе наше пережидается на старое жительство, а господинъ архіепископъ славской повелѣлъ по осѣдлости мѣста именоваться. За симъ и прошу ваше высокопреосвященство благословить мнѣ наименованіе, какое Господь вамъ вложитъ въ умъ вашъ.“ Этого благословенія однакоже Аркадій не получилъ и самъ началъ подписываться сперва епископомъ „возвратившимся изъ странствія“, а потомъ съ 1857 г. смиреннымъ епископомъ, славскаго архіепископскаго престола блюстителемъ и всѣхъ Некрасовцевъ епархомъ*.

архипастырей должно быть вѣрно; а Паладіи долженъ остаться на мѣстѣ. Намъ было извѣстно, какъ епископъ Алимпій съ Паладіемъ въѣхали въ Тулачу, и городъ атаковали безъ малѣйшаго сопротивленія... и грабили турецкіе дома и лавки, и епископа Алимпія ограбили. И генералъ допрашивалъ его, и онъ разказалъ всю истину и родъ жизни, и былъ отпущенъ, дождеже взяты, какъ выше писано (взяты на Георгіевъ праздникъ). Трое прочіе попы и дьяконы скрываются; наши іеромонахи Ефросинъ и Іаковъ и дьякомъ Георгій, камекской Василиій, и вновь поставляемый журиловскій дьякомъ Симеонъ во священники и дьякомъ журиловскій Сергій кроются по лѣсамъ и камышамъ.

Еще пишете, что Задунайцевъ гнали черезъ Балту; Задунайцевъ еще не гнали, кромѣ только съ Камня погнали челоуѣкъ 20 за разныя грабежи и противозаконныя дѣла. Есть и добрые люди, но пострадали черезъ дураковъ; дураки во время такихъ тревогъ разорили надъ Дунаемъ молдавской монастырь близъ Камня, ограбили утварь, а добрые люди вѣрно принимали отъ нихъ церковныя вещи, за сіе и пострадали. А если черезъ Балту гнали, не иначе изъ Галацъ, Браила и прочихъ мѣстъ прописныхъ.

Отцу Павлу буди отъ насъ вѣчная память,—все бо умремъ, цари же и князи. *

Далѣе спрашиваете, прибавляется ли наше стадо. Журиловскій почтенный старикъ Василя Петровичъ тогда собирался поѣдой (есть лодка морская, такъ именуется) и нагрузили на нее множество тяжестей, и прочіе меншими лодками, и хотѣли уже вмѣстѣ съ нами отправиться, но аки Лотова жена оглянулася на Журиловку, и все единодушно возвратились вспять и выгрузились съ лодокъ. Сей Василя Петровичъ все свое имѣніе движимое и недвижимое оставилъ и малою лодкою съ сыномъ прибыли въ Царьградъ, оставя старуху, а сынъ семнадцатилѣтнюю жену, которымъ Агаичане дивились, какъ отважились малою лодкою по Черномъ морю плавать (Агаичане стоять и плаваютъ по морю пароходами и кораблями). Послѣ ихъ прибыли такою же лодкою два челоуѣка, одного жена съ детюнкомъ съ нами вмѣстѣ бѣжала, а другой безженный; они намъ разказали все обстоятельства и всю подробность,—какъ наши отцы скорбятъ, какъ наши священники кроются, какъ ихъ ищутъ, како міръ стонеть и бѣжанію время миковало, ибо объявлено, кого поймаютъ, военнымъ судомъ судить, т.-е. расстрѣлать. Отецъ Макарій многократно сбирался, но мѣтъ возможности. А что намъ разказовали, что за нами ѣхали прочіе, то бысть все ложно, одна молва.

Выше написано: по замуреніи и по благополучіи можетъ и назадъ возвратимся. Еслибы насъ было много, то правительство навсегда

* Рѣчь идетъ о Павлѣ, основателѣ бѣнокривцкой іерархіи, скончавшемся 5-го мая 1854 г.

готово всю нашу просьбу исполнить, — и вотъ что мы видимъ въ Царѣградѣ и чѣмъ пользуемся, изволите слушать: 1-е Въ Царѣградѣ слава Богу все благополучно, хатѣ не дорогъ, о военныхъ движеніяхъ писать не наше дѣло, а наше дѣло молить Господа Бога да миръ всемірянѣй даруетъ.

Во время турецкаго праздника, называемаго Бадрама, 14-го іюня былъ я и съ прочими въ числѣ зрителей на торжественномъ церемоніалѣ, когда султанъ ѣхалъ верхомъ къ Чимси (аже бысть много церковь святыхъ Апостолъ, въ ней же и соборы быша и Златоустъ служилъ). Весь его свита съ нимъ, сенаторы и министры въ блестящемъ златомъ одѣяніи, гвардія шла, также мундиры, палаты, и все въ золотѣ, и въ киверахъ, со всею европейскою церемоніею. Мы стояли близъ самой церкви на площади. Черезъ краткое время обратно ѣхалъ тѣмъ же порядкомъ съ крикомъ народнымъ и воздравленіями.

По простествіи нѣкотораго времени правитель Турціи, садразанъ, т.-е. второй по султану, потребовалъ насъ къ себѣ, меня и Гончарова, ради свиданія, и мы прибыли къ нему въ диванъ 22-го іюня. Говорилъ съ нами весьма ласково и пріятно и привѣтствовалъ, какъ бываетъ у высокихъ особъ, и спрашивалъ, хорошо ли вамъ жить. Мы отвѣчали: слава Богу, хорошо, благодаримъ вашу свѣтлость. Кончивши разговоръ, объявили ему, — сказалъ Гончаровъ: когда мы ѣздили съ своего мѣста весьма поспѣшно, диспортъ * нашъ (указывая на меня) не успѣлъ взять тискаря, т.-е. паспорта, то вы намъ выдайте. Онъ ту минуту кинувъ своего секретаря, приказалъ ему написать. Секретарь посмотрѣлъ на меня и пошелъ въ канцелярію. Сказалъ садразанъ, что черезъ три дни получите. Мы пропустили болѣе недѣли. Гончаровъ поѣхалъ по дѣлу въ Царѣградъ, прибылъ къ садразану, напомнилъ за бумагу. Садразанъ далъ ему говаза (sic) и приказалъ съ нимъ идти въ государственную канцелярію. Пришли они туда къ царскому секретарю, — онъ тотчасъ и выдалъ; поблагодарилъ секретаря; возвратился къ садразану: онъ ее подписалъ, и печать приложилъ, и вручилъ Гончарову, а Гончаровъ доставилъ мнѣ. Это есть необыкновенная рѣдкость въ Царѣградѣ; Турки, не абы какіе, говорятъ: еслибы меня потребовалъ садразанъ, а бы умеръ.

Въ сію самую бытность Гончаровъ хлопоталъ за майнозскихъ ** тоже у садразана, и бывши недалеко царскаго дворца, и шолъ улицю — видитъ, что и сдѣлалось нѣкое смѣненіе, или движеніе въ народѣ, разсматриваетъ и видитъ, что ѣдетъ султанъ въ коляскѣ, съ правой стороны верхомъ садразанъ, а съ лѣвой вѣтъ султанской и

* То-есть господинъ, епископъ.

** Жителей Майноса (Бая-Эвле), раскольничьяго селенія въ Малой Азіи, на южномъ берегу Мраморнаго моря.

сзади генералитетъ и гвардія. Гончаровъ по своему обычаю снялъ шапку, сталъ въ ряду съ народомъ и поклонился низко. Султанъ, смотря на него, заговорилъ съ садразамомъ по-французски. Остановили лошадей. Садразамъ кинувъ Гончарова: оны подошеаъ ближе, подѣловалъ коласку и сталъ. Султанъ говоритъ ему: „отуръ рогатень, отуръ рогатень, отуръ рогатень, то-есть будь епокоюмъ, всѣ твои прошеміи уважаю“ и прочее.

Вы изволите писать, что и васъ обдержитъ недоуміе и опасность. Мы слава Богу по сіе число благополучны; если кому судьба приведетъ, можно у насъ пребыть и милость имѣть предъ императоромъ; всѣ наши просьбы исполняютъ съ удовольствіемъ,—еслибы потребовали землю, тотчасъ бы отвели. Если что Богъ въ васъ устроитъ, или превратитъ вашу судьбу, или найдется по нашей просьбѣ духовникъ, подходящий настоящему предмету, то верьте предварите насъ писмомъ, и мы выѣдемъ въ Царь-градъ, и будемъ ждать вашего парохода и примемъ васъ въ свою обитель. Богъ вѣсть, можетъ и Аванасій прибудеть, — а оны можетъ перемести путевые труды. Еслибы вы соблаговолили и отца Іоасафа, который отъ васъ въ Катры выбылъ, приняли бы мы его за ваше благословеніе. Все возлагаемъ на волю Божию.

Выше прописано, что журиловскій дьяконъ Симеонъ, по выѣздѣ нашемъ и священника Давида, поставленъ попомъ. Враждебники, или злые люди хотять предать его русскому начальству, а цыме провожаютъ его къ намъ; равно и діакона молодого, тоже послѣ насъ поставленнаго, ожидаемъ къ себѣ. Если отецъ Виталий въ (у) васъ, то скажите ему, что братъ его Пафкутій преставился 20-го декабря.

Майновцы народъ дикой, но частію наклоняются къ намъ. * Помолитесь-ца вы о ихъ заблужденіяхъ. Померъ ихъ и христіанскій ругатель, ихъ называемый попъ: сами говорятъ, что такого ругателя еще не было.

Я требую духовника, каковаго имѣть необходимо нужно, и откуда Богъ пришлетъ, не извѣстно. Да и Майнову нужно послать епископа: отецъ Аванасій можетъ понести таковой трудъ,—оны знаетъ сей народъ и нѣсколько турецкаго азыка,—оны способенъ. Но если его имѣть, можно и потерять; или не имѣется ли цымаго, способнаго на таковое дѣло и обще съ Божіею помощію потрудились бы о семъ народѣ.

Если не прибудеть къ намъ изъ Журиловки дьяконъ, что первѣе сотворимъ: діакона безъ церкви становить, или церковь святиъ безъ діакона?

* Майновскіе Некрасовцы долго не признавали блжквинцкой іерархіи и попрежнему держались блжгопопства: это Аркадій и имѣгъ въ виду здѣсь.

Мы ѣхавши Адрианъ (ополемъ), тамошняго наши чиновникъ, родомъ Сербинъ, насъ спросилъ о нѣкоторыхъ вещахъ, — о нашемъ обрядѣ, даже и до хиротоніи; и въ Царѣ градѣ мы часто встрѣваемся съ такими людьми, которые много любопытствуютъ за нашъ обрядъ, и молва о насъ по Царюграду и по Турціи громко носится, да и въ патриархіи хотя еще не была, а Богъ вѣсть не придется ли быть, и въ такомъ случаѣ нужно иногда имѣть какой-нибудь видъ, если и не грамоту, но хотя какое малое свидѣтельство отъ своего митрополита и съ его печатію. Простите Господа ради что докучаю вамъ моими просьбами; буди воля Божія и ваше разсужденіе.

Если получите полное извѣстіе о нашихъ архипастыряхъ, насъ уведомите. Изъ писма вашего видно, что вы имѣете готовые антипсы: благоволите прислать, ибо у насъ одинъ освященный, а другой не священъ, да и мощей гдѣ взять, Богъ вѣсть. Если возможна въ посылкѣ, или какъ иначе, то пришлите, — не потребуется ли и Майкозу....

Требующія вашего благословенія и святыхъ молитвъ

Божіею милостию смиренный епископъ Аркадій,
странствующихъ христіанъ.

1851 года іюля 12-го дня.

Константинополь, благополучно.

б. Другое письмо Аркадія къ Кириллу, 1-го сентября 1856 г.

Какъ уже извѣстно вамъ о архипастыряхъ и при нихъ взятымъ священникѣ Теодорѣ Туачинскомъ, на коего было доказательство о фальшивыхъ полуимперіалахъ, онъ вслѣдствіи изворачивался и на духу о томъ совершенно не сознался. Прошло два года ихъ заключенія и на его мѣсто готовится человекъ; а просьбы вообще объ нихъ посланы къ вышему начальству; теперь остается ожидать ихъ прибытія.

Сего дѣла мальчишки дурачилися на дворѣ Феодора и стали выдирать воробьиныя гнѣзда изъ подстрѣхъ и вытаскивали узелъ; развезли его и направи въ немъ 14 или болѣе имперіаловъ русскихъ фальшивыхъ, показали своимъ родителямъ, а родители скрыли сіе злато съ чашіемъ употребить его въ дѣло, пустить въ ходъ. Тѣмъ дедами туачинское общество просило меня къ празднику Св. Троицы, и я по ихъ скудости исполнялъ ихъ просьбу, отказавъ каменскимъ праздникъ ихъ храма, а поѣхавъ въ Туачу. Попечители храма объявили мнѣ о семъ происшествіи и просили изслѣдовать дѣло. Я началъ разыскивать. Старикъ сего семейства сознался, что сіи златицы въ (у) старшаго его сына. Я требовалъ сына на испытаніе, но онъ сталъ отъ меня уклоняться; а я уже готовился увѣзти въ обитель, — только разсвѣло — приходитъ подъ окно старшій сынъ и проситъ меня идти къ нимъ въ домъ дать молитву роже-

ницы, а потомъ и крестить младенца). Я все исповѣдалъ и они вѣрно напоужены рожденіемъ младенца) той часъ выдали мнѣ оныя монеты. Я ихъ получа, призвалъ попечителя и показавъ, и пошелъ съ нимъ на Дунай. Я ихъ пересчиталъ и далъ попечителю въ руки и онъ бросилъ ихъ въ Дунай.

Сіе дѣло, или сія находка многимъ была извѣстна и порокъ сей утвердился, что Теодоръ есть дѣлатель влатицъ. А какъ вмѣе прописано, что мы ожидаемъ ихъ изъ плѣна и если Богъ ихъ возвратитъ на свои мѣста, что будемъ дѣлать съ Теодоромъ? онъ будетъ по одному дѣлу исповѣдникъ, а по другому преступникъ; а и законы гражданскіе жестоко таковыхъ наказуютъ, и правды святыхъ отецъ бракъ разрушаютъ: еще жена исповѣсть на мужа замышляющаго на царя и прочее. О прошедшемъ уже поминать не слѣтъ есть, но сіе новое весьма будетъ препятствовать его священству и можетъ быти мятежъ боліи прежняго, ибо пороки прошедшіе забвенію предаются исправленіемъ жизни, а напоминаніемъ и поновленіемъ прошедшихъ грѣховъ и пороковъ заѣе аваются и вѣтерныи бывають.

Я допому до свидѣнія В(ашего) В(ысоко) П(реосвященства); долженъ объявить и Архипастырю, еще возвратится на престолъ; а исполненіе лежитъ на главахъ рукоположенія и высочайшей власти.

Е. А.

6. *Прошеніе, поданное Алимліемъ министру внутреннихъ дѣлъ въ Виль. Марта 1858 г.**

Высокое И. К. Министерство!

Подъ высокославнымъ правительствомъ достопамятнаго Его Величества Императора Іозифа 2-го на основаніи императорской привилегіи, данной въ Вѣнѣ 9-го октября 1783 года, перемѣнили тогда на Черномъ морѣ обитающія наши старовѣрческія общества съ ихъ священствомъ ихъ обитающе съ находящимися отъ ихъ потомковъ въ Буковинѣ нынѣ обитающими въ Бѣлой-Криницѣ (Фонтана альба) подъ именемъ липованскія общества, существующія въ количествѣ болѣе 70 лѣтъ, всегда достойны показались всевысочайшаго покровительства, касательно исполненія ихъ религіозныхъ основаній. О справедливости же нашего всепресвѣтѣйшаго Монарха, Его Императорскаго Королевскаго Апостолическаго Величества Франца Іозифа I-го и всевысочайшаго Его правленія твердо увѣрены, живемъ мы въ полной надеждѣ, что и въ настоящее время наше право непоколебимо будетъ, ибо мы не подали ни малѣйшей причины къ прекращенію того. А какъ теперь дѣло есть о томъ: хотѣтъ цѣлое наше существованіе въ вопросъ постановить, начиная козѣбать основаніе нашего религіознаго вѣроисповѣданія. Но мы старовѣрцы держимся съ непоколебимою постоянностію на нашихъ

* Переводъ съ нѣмецкаго сдѣланный для Бѣлой-Криницы.

черезъ столѣтія освященныхъ правахъ и обычаяхъ твердыхъ, и каждая новость, естли мы чувствуемъ разительныя совѣсти нашей прелестія, есть для насъ непереложная невозможность, и какъ каждое вѣроисповѣданіе, имѣть и намъ одиобразку церкву, однако у насъ также и народу, сторону; ибо наша религія есть съ народомъ въ одно сращена, и поистинѣ есть церковный народъ: следовательно что съ нашею религіею есть несогласно, то остается и съ нашимъ свѣтскимъ житіемъ несогласно. Наше религиозное увѣреніе было всегда отъ высокаго правительства уважаемо, и мы никогда ни малѣйшаго повода не подали, чтобы насъ къ отвѣтственности требовали. Руководвіе и молитва есть нашъ завѣтъ: вѣрность, покорность и приверженность къ всепресвѣтѣйшему дому Габсбургскому есть наши подданичскія добродѣтели.

Въ началѣ помянутая императорская привилегія, данная въ Виенѣ 9-го октября 1783 года, которая нашими предками, по многократномъ переименіи ихъ жительства, отворила твердое мѣсто-връѣжище въ Австрію, и исправила наши обстоятельства зависимости, а также и всевысочайшее рѣшеніе, данное 18-го сентября 1844 года, и наши статуты (монастырскіи уставъ) отъ 6/18 юня 1841 года, которыя намъ, по заключительномъ приложеніи предстоящаго всевысочайшаго рѣшенія, къ сохраненію и управленію возвращаемы, образуютъ у насъ фундаментальныя основанія нашего существованія и нашего церковнаго и содружественнаго устроенія.

Не взирая на то, высокославное черноецкое мѣстное начальство поставляетъ къ исполненію дѣятельнаго требованія отъ насъ поставленныхъ пунктовъ, коихъ мы принять и выполнять не можемъ, какъ-то: веденіе метрики, щепленіе оспы, изысканіе начальственнаго позволенія къ супружеству и принатіе аѣкарскихъ свидѣтельствъ при смертныхъ случаяхъ и клятвенную присягу и другія политическія и полицейскія предписанія, объ которыхъ мы во время 70-лѣтнаго нашего мирнаго и безпрепятственнаго обитанія въ Буковинѣ до нынѣ никогда не были такъ принуждаемыми. А теперь въ нашъ монастырь уже присланъ одинъ нарочито опредѣленный комиссаръ и безъ всякаго уваженія нашихъ всевысочайшимъ патентомъ отъ 9-го октября 1783 года даннымъ намъ правъ отъ освященнаго его величества императора Іозифа 2-го своеручно подтвержденныя имъ привилегіи, совершенно безъ разсужденія нашихъ особыхъ обстоятельствъ и безъ малѣйшаго уваженія нашихъ религіозныхъ основаній, патріархальныхъ нравовъ и обычая, введеніе всѣхъ этихъ новостей наложить и производить усиливается. Прежде всего отзываемся мы на частопомынаемую всевысочайшую привилегію отъ 9-го октября 1783 года, которая, за исключеніемъ 20 годовъ платить иѣющихъ податей, котормя всегда отъ насъ точно заплачиваемы бывали, ни о каковыхъ болѣе обязанностяхъ не поминаеть; но еще болѣе изъясняется выраженіемъ императорское

милостивое увѣреніе, что и дѣлать дѣтей нашихъ предковъ совершенное свободное исполненіе религіи позволено есть. А совершенное исполненіе нашей религіи запрещаетъ принять что-либо новое и несогласное древнимъ святоотеческимъ преданіямъ. По какой причинѣ ни одинъ изъ нашихъ священниковъ на то не согласится—принять такую новость, вести метрику, которая наша старовѣрческая церковь отъ предковъ древлеотеческаго преданія никогда и во употребленіи не имѣла. А притомъ ни одинъ изъ нашихъ священниковъ и нѣмецкаго азыка не разумѣетъ, и потому не ищетъ наше духовенство никакаго жалованья или денежной помощи отъ высокаго правительства, но успокоено есть изъ парихиальныхъ своихъ доходовъ. Впрочемъ можетъ достигать высокое правительство свою цѣль вмѣсто метрики чрезъ конкорданцію, которая точнѣйшій взглядъ о рожденныхъ, бракосочетанныхъ и умершихъ подаютъ. Противъ щепаченія оспы также имѣемъ мы чрезвычайную мерзость (страхъ); наши религіиныя основанія запрещаютъ намъ изъ(вы)разительно: всякое смѣшеніе нашей крови съ скотскимъ веществомъ. Любовь къ порядку, чистота и частое строгое пощеніе удаляютъ отъ насъ всякую болѣзнь, и мы не имѣемъ къ этому примѣра между нашихъ 2.000 числомъ единовѣрныхъ, чтобы который отъ нашихъ въ случаѣ оспы умеръ. Мы также не принимаемъ никакихъ лѣкарей, ибо мы съ одной стороны болѣзни, какъ испытаніе и временныя наказанія, свыше опредѣляемыя разумѣемъ, а съ другой стороны исцѣленіе болѣзней не человеческому искусству, но Оному имовѣрно разумѣемъ, котораго неизреченное имя насъ отъ тяжчайшей болѣзни—прародительнаго грѣха спасло, и коего неизслѣдимыя совѣты всю нашу скорбь и радость управляютъ. Также не менше не позволяютъ правила нашей церкви дѣлать клятвенную присягу. Къ чему служить намъ приказаніе святаго Евангелія какъ только: „ей, ей,—ни, ни, а чѣмъ болѣе того клятися грѣхомъ есть возбранено“. Ни одинъ единовѣрный нашъ старовѣрецъ, который бы въ вѣрномъ доказательствѣ показаніи: „Ей, ей,—ни, ни“, изрекше, могъ нѣкогда уличенъ быть въ противномъ. Потому вообще всѣ заведенія и устроенія, были бы отъ политическаго или полицейскаго разрада, отъ которыхъ мы доселе свободны были, естли оныя къ душевному нашему спасенію неужны, и съ нашими церковными преданіями въ согласіе соединиться не могутъ, такковыя есть для насъ неполезны и излишни. Потому мы всѣ прещенія (угрозы) опредѣленнаго г. комиссара касательно введенія этихъ новостей, за нарушеніе нашихъ правъ терпѣливо принять имѣли бы и увѣраемъ, что впредь мы, не имѣя никакаго сопротивленія, ни мало противиться не будемъ, естли и самая, намъ въ видѣ показанная, войсковая ѣкзекуція притити бы имѣла. Да, всевысочайшимъ патентомъ отъ 9-го октября 1783 года даетъ намъ освобожденіе отъ всякой воинской повинности и постоя, для чего, какъ

извѣстно, есть намъ одобреніе, будучи мы по нашей религіи ни противъ кого ополченіемъ подвигнуты не можемъ, но всегда въ мирѣ и согласіи остаемся соизволяемъ въ твердой надеждѣ, что всевысочайшая императорская привилегія, которая предковъ нашихъ опредѣлила ихъ обиталища перемѣнить, всегда уважена будетъ, и никто не будетъ насъ въ нашемъ совершенно свободномъ исполненіи религіи никогда впредь оскорбленіемъ тревожить. Вслѣдствіе вышепомянутого всевысочайшаго рѣшенія 18-го сентября 1844 года, всемилостивѣйше намъ позволено одного верховнаго святителя имѣть, который бы могъ нашимъ инокамъ высшее посвященіе подать и ижесть своего наслѣдника опредѣлить имѣлъ, который также бы опять до высвященія духовенства, какъ и до предназначенія и высвященія своего наслѣдника долженствовалъ. Еслибы это всевысочайшее рѣшеніе для нашего существованія свою дѣятельность имѣло, то натурально не могло оно иначе гласить, какъ оно дѣйствительно гласить. Въ разсужденіи обстоятельства того, какъ это съ очень великими тягостями и большими издержками связано было, одного изъ-за границы верховнаго пастыря къ намъ привести, чтобы подобныя неудобства навсегда могли быть устранены—это можно только чрезъ то постигнуть, если верховный пастырь своего наслѣдника, и сверхъ того одного намѣстника наименовать и опредѣлить бы его могъ. Но въ какомъ времени всѣ эти опредѣленія быть имѣютъ, въ всевысочайшемъ рѣшеніи не означено, а только свободное наименованіе и опредѣленіе какъ верховному пастырю, такъ и его наслѣднику вообще предоставляемо. Потому могутъ какъ верховный пастырь, такъ и его наслѣдникъ, о принадлежащемъ имъ наименованіи и опредѣленіи, когда случится, опредѣленіе дѣлать; если же еще разсудится, что по правиламъ восточной церкви, а также и западной церкви, ни кто въ высшее достоинство самъ себя произвестъ не смѣетъ и не можетъ, отчего является сама по себѣ потребность, чтобы для безопасности утвердить наслѣдство верховнаго пастырства, необходимо три лица въ одно время епископское достоинство одѣвать должны, чтобы на случай смерти верховнаго пастыря, его наслѣдникъ чрезъ нѣкотораго въ чинѣ верховнаго пастыря произведемъ бы былъ. Вслѣдствіе того имѣемъ мы въ одно время одного верховнаго пастыря и его наслѣдника и одного намѣстника, что во всякомъ случаѣ согласно съ всевысочайшимъ рѣшеніемъ, равно какъ и съ основаніемъ дальнѣйшаго существованія нашего духовнаго содружества въ тѣснѣйшемъ союзѣ состоятъ. И при всемъ этомъ завидать намъ такую императорскую милость, хотать насъ опять въ отчаяніе привести, которое бы намъ при существованіи только двухъ епископскихъ особъ необходимо послѣдовать имѣло. Наши епископы, которые строгую монастырскую жизнь ведутъ, чрезъ цѣлую ихъ жизнь только постать и молиться, и только отъ 4—6 часовъ въ зимнія ночи въ сну

покая себѣ позволяютъ, и въ томъ же самомъ времени сверхъ церковной службы узаконенное келейное иноческое правило съ поклонами неотвѣнно исполняютъ, которое покаяненіе занимаетъ молитвеннаго время поайтора часа, а въ прочемъ времени въ божественномъ писаніи упражняются, ни подаютъ міру ни малѣйшаго къ селазу претыканія. Однако не только наши епископы, но и наши мужскій и женскій монастыри ихъ зазору подвержены, пока выразное позволеніе къ ихъ существованію не пришается, по его опредѣленію должны быть заперты. По этому видно, что съ всевысочайшимъ рѣшеніемъ отъ 18-го сентября 1844 года данное намъ всемиаостивѣйшее утвержденіе нашъ въ Бѣлой Крилицѣ отъ многихъ лѣтъ находящійся монастырь, опять въ вопросъ поставляется, хотя по правиламъ нашей религіи высшее священство только изъ иноковъ происходитъ и въ иноческомъ чинѣ остается, какъ и въдовствующіе священники ограничено только монастырскую жизнь вести должны. Облеченіе же въ нашъ иноческій чинъ бываетъ по предварительномъ явномъ достоинствѣ со стороны священства и всего монастырскаго общератства, и только по мѣрѣ потребности, а часто даже на смертномъ одрѣ. Увѣдомленіе же каждаго единственнаго только въ иноческій чинъ принатія къ высокому правительству, по нашему мнѣнію, показывается безъ всякой цѣли; ибо мы никакого вспомошествованія отъ высочайшаго Епаріума не получаемъ, напротивъ каждое посвященіе епископа въ смыслѣ высочайшаго опредѣленія отъ 18-го сентября 1844 года правильно къ высокому мѣсту для увѣдомленія доносится. Также и нашъ женскій монастырь, который есть сильнѣйшее побужденіе къ вѣроисповѣданію, къ благонравію и цѣломудрію для женскаго пола нашихъ обществъ. Женское юношество пріемаетъ въ немъ наставленіе въ чтеніи, писаніи, швеніи, вышиваніи и руководствуется къ добродѣтели и нравственности подъ добросовѣстнымъ надзоромъ. Здѣсь находятъ убогія женскаго пола лица пристанище, беспомощныя и оставленныя сироты прибѣжище, старыя больныя и изувѣченныя надзоръ, и совершенно ведутъ сіи монархи Богу и человечеству посвященную жизнь. Но какъ высокое правительство взглядъ имѣетъ вообще на женскія монастыри на равномъ основаніи съ мужскими монастырями, и нашъ женскій монастырь одно существенную часть свободаго исполненія религіи образуетъ, которыя какъ нашему священству такъ и женскому въ вѣроисповѣданіи содружеству обезпечено есть; то можемъ мы съ упованіемъ ожидать, что нашъ предизвѣстный мѣстному начальству отъ многихъ лѣтъ существующій женскій монастырь въ его благословно богатомъ дѣйствованіи не будетъ боате тревоженъ.

Покорнѣйшія старовѣрческія липованскія общества и бѣлокрилицкіе инокъ въ Буковинѣ, поелику они за благосостояніе ихъ всепресвѣтѣйшаго государя императора усерднѣе къ всевыш-

ему Богу молатся, держаютъ представить ихъ всепокорнѣйшее прошение: высокое императорское королевское министерство благоизволило бы изрѣчи, чтобъ въ Бѣлой Криницѣ существующіе мужскій и женскій монастыри въ ихъ существованіи непрепятствуемы были, и старовѣрческія общества отъ всякой новости касательно до ихъ домашнихъ и общественныхъ дѣлъ были бы уважены, и въ ихъ до нынѣ существовавшихъ устройствахъ и совершенно свободномъ исповѣніи религіи непрепятствуемыми бы остались; также и оны, въ Бѣлокриницкій монастырь для введенія этихъ новостей отъ высокаго мѣстнаго начальства опредѣляемый комиссаръ вмѣстѣ съ находящимися при немъ служителями казандъ отозванъ бы былъ.

Вѣна, 1 марта 1858 года.

Инокъ Олимпій Младрадовъ, уполномоченный Бѣлокриницкихъ монастырей мужскаго и женскаго, и старовѣрческіхъ липованскихъ обществъ въ Буковинѣ.

7. Высочайше утвержденныя правила для Бѣлокриницкой митрополіи, сообщенныя Кириллу изъ областного черноморскаго управления, 14-го января 1860 года, за № 3.208. *

Преосвященному Липованскому Верховному Святителю
Г-ну Кириллу въ Бѣлой-Криницѣ.

Его императорское королевское апостольское величество поставило съ всевысочайшимъ рѣшеніемъ отъ 18 августа 1859 года о правахъ церковнаго содержанія Липовановъ слѣдующія опредѣленія:

Я соизволилъ, чтобы поповскія Липоване въ Буковинѣ также впредь верховнаго пастыря имѣли, который да именуется Святителемъ, и еще при жизни своей имѣть намістника себѣ высвятить.

Для предпріятія сего посвященія получить позволеніе отъ Буковинскаго областного правленія, а для посвященнаго намістника подтвержденіе отъ министра духовныхъ дѣлъ.

Ни святитель, ни его намістникъ не смѣетъ безъ позволенія областного начальства за границу путь предпринять.

Ни единому отъ нихъ не дозволяется заграничныхъ на поповское или епископское достоинство произвести.

Число лицъ, которое имѣетъ на священниковъ посвящаться, ограничивается на потребованіе здѣшнихъ обществъ.

Святитель имѣетъ къ назначенію сего числа позволеніе отъ областного начальника получить и тому также посвященныхъ объявлять.

Посвященный намістникъ имѣетъ при жизни святителя отъ всѣхъ епископскихъ дѣлъ воздержаться.

* Переводъ сдѣланный для Бѣлой-Криницы. Оригиналъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Каждое преступленіе сего предписанія соразмѣрно проступка накажется.

По обстоятельствамъ святителю, или того намѣстнику самое отправление епископской должности запрещается.

Инокескій мужескій и женскій монастырь въ Бѣлой-Крыницѣ имѣють позволеніе впредь пребывать, однако не смѣють ни въ одномъ чужестранцы быть приняты.

За каждое принатіе инока окружному правленію объявленіе доносить.

Надзоръ относительно иноковъ предоставляется управленію по слѣдующаго.

То же самое относится также и на безпоповскихъ Липованъ монастыри.

Отъ сего въ основаніи изданія высокаго министерства духовныхъ дѣлъ отъ 30 августа 1859 года, подъ № 18.021-мъ сюда доставленнаго высочайшаго рѣшенія дается вашему преосвященству съ означеніемъ для точнѣйшаго исполненія во извѣстіе, что подъ свѣдѣніемъ сего правила церковнаго содержанія Липованъ и содержащихъ назначеній также увѣдомлено будетъ липованскимъ обществамъ чрезъ Серетское императорское королевское увѣдное начальство.

Вмѣстѣ съ тѣмъ требуется отъ вашего преосвященства, дабы предложили чрезъ 8 дней сугубое (двое описаніе) имѣяное показаніе всѣхъ теперь находящихся липованскихъ священниковъ, съ показаніемъ ихъ мѣста, притомъ равныя показанію всѣхъ теперь находящихся иноковъ и инокинь.

Черновецъ 14 января 1860.

8. Письмо Ѳомина къ Кириллу.

Христосъ воскрес!

Высокопреосвященнѣйшій Владыко Бѣлокрыницкій

Господиъ митрополитъ Кирилл!

Прошу вашего мира и благословенія и святыхъ молитвъ. Честь имѣю увѣдомить васъ, что вчерашней почтой посламо вамъ изъ числа оныхъ денегъ, что находятся въ (у) Попова, * 500 пять сотъ червонцевъ австрійскихъ. Съ полученія покорнѣйше прошу увѣдомить.

Письмо ваше, въ коемъ копія съ императорскаго рѣшенія получила, ** за что чувствительно васъ благодарю. Очень хорошо, что

* Киевскій корреспондентъ, къ которому посылались первоначально изъ Москвы деньги и посылки, и который потомъ уже пересылалъ ихъ Ѳомину для доставленія по принадлежности.

** Рѣчь идетъ о документѣ, напечатанномъ передъ симъ. Прежде, 24-го февраля, Ѳомиръ писалъ Кириллу, что до него дошли слухи о бумагѣ „полученной изъ Вѣны отъ Царя, и что яскіе не ожида-

монастыри будутъ существовать: однако очень строгіе уложеніи. Боже сохрани въ случаѣ чрезъ одного какого-нибудь самозванца можно пострадать. Но да сохранить отъ такого искушенія десница Всевышняго.

Извѣщаю васъ, что посѣщеніе г. Измаила г. архіепископомъ весьма возбѣсило измаильскую консисторію, которая тремя рапортами доноситъ разнымъ местнымъ властямъ къ епископу митрополиту, и такъ завралась, что наконецъ и сами не знаютъ, что пишутъ.

Въ двухъ рапортахъ пишутъ за прежнія дѣйствіи, какъ подъ именемъ липованскаго владыки грізжалъ изъ-за Дуная какой-то Аркадій и какъ церковь освящалъ въ Виаковѣ, и прочіи сауженіи, что совершалъ.

Но въ третьемъ отъ 11-го февраля доноситъ, „что гражданское начальство, вмѣсто чтобы прекратить все дѣйствіи Липованамъ, но оное еще больше дадо разрѣшенія; исправникъ предписалъ всѣмъ полиціямъ, гдѣ живутъ Липоване, и пограничнымъ капитанамъ, когда будетъ ѣхать архіерей липованскій, то чтобы встрѣтить его съ надлежащею честью, и по этому разрѣшенію прибылъ изъ Турціи какой-то бродяга оживый подъ именемъ архіерея Амвросія (?) и его приняли съ большою честью, который 7-го февраля служилъ въ одной церкви, а 10-го февраля въ другой и множество народа собралъ въ церкви и на квартирѣ, и утверждалъ народъ, чтобы крѣпки были въ вѣрѣ и чтобы прочіихъ привлекали къ себѣ, и для такого дѣйствія собрали множество денегъ и положили въ церкви, чтобы легковѣрныхъ привлечь въ свою схиму, и если что коснется отъ начальства, то чтобы оными деньгами откупиться, и такое ихъ продержаніе великій вредъ дѣлаетъ православнои церкви, отъ чего сдѣлалось 90 молодыхъ, 40 скопцовъ и 10 Липованъ. Вотъ какой вредъ дѣлаютъ въ невоопредѣленной части къ Молдавіи, въ которой всѣяли зловердную мысль! Вотъ правительство какихъ зловердныхъ враговъ итаетъ въ своихъ недрахъ, которые всегда готовы мачать зло, которые во время войны Турокъ съ Русскими и Греками подымали противъ Россіи руку болѣе чѣмъ Турки! Консисторія даетъ свое мнѣніе, покажется какъ будетъ рѣшено законами о сектахъ, теперь чтобы было на ономъ положеніи, какъ Липоване находились подъ Россією, а именно: 1) чтобы не дерзали принять откуда-нибудь попа, или діакона безъ разрѣшенія вашего вѣекопреосвященства епархіальнаго архіерея; 2) поповъ и діаконовъ, что они имѣютъ теперь, допросить, откуда они, и если они не хиротонисаны законными

отъ этой бумаги ничего добраго для митрополіи: „Боже сохрани, какъ бы не уничтожили вовсе монастырь, ибо ни съ одной стороны нѣту, чтобы кто хорошева сказалъ, но все аки львы рыкаютъ, ищуще всегда поглотивти“. Впрочемъ, для устреленія этихъ снсеній Кириллъ и высалъ Омину конію съ императорскаго рѣшенія.

„архіереями, то чтобы не дерзали ходить въ ризѣ по улицѣ и совершать съ церемоніальною службою окромѣ липованской церкви; 3) чтобы запретить окончательно пріѣзды въ Княжество бродягамъ не-извѣстными, которые имѣютъ себя архіереями липованскими; 4) чтобы запретить звонъ въ церквахъ и прочихъ молитвенныхъ домахъ; 5) чтобы ни подъ какимъ видомъ не позволять постройку церквей и пачьку таковыхъ, покаместъ закономъ не рѣшится о сектахъ. Въ такомъ положеніи консисторія проситъ Ваше Высочайшее конгрессовое священство представить на бумагахъ Его Высочеству Князю, дабы прекратить стизму липованскую въ показанныхъ здѣсь мѣстахъ.“ Довѣ изъ рапорта.

Это представлено въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и проситъ митрополита, чтобы принять скорѣйшія мѣры, запретить таковыя дѣйствіи; но получивъ отвѣтъ, „что теперь, по Парижской конвенціи всѣмъ вѣрамъ свободно, то министерство не можетъ запретить; но вы, если хотите, то представьте министерству церковныхъ имуществъ“.

Благодареніе Всевышнему, что гражданское начальство защищаетъ. Я полагаю, что митрополитъ получа таковой отвѣтъ, то еще болѣе огорчился и должно-быть представить о насъ еще болѣе князю въ общее собраніе, которое теперь есть въ Яссахъ для уложенія всѣхъ законовъ.

Мы 14-го апрѣля подали прошеніе въ министерство церковныхъ имуществъ, но еще отвѣту не получили. Сего дни подадимъ прошеніе въ Верховный Совѣтъ. Должны, кажется, и наше прошеніе представить общественному собранію.

Итакъ остаюсь на всегда вашъ слуга

В. Фоминъ.*

* Числа на письмѣ не поставлено; но по всему видно, что оно писано въ концѣ апрѣля 1860 г.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ И НАКАЗАНИЕ

Р О М А Н Ъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Для Раскольникова наступило странное время: точно туманъ упалъ вдругъ передъ нимъ и заключилъ его въ безвыходное и тяжелое уединеніе. Припоминая это время потомъ, уже долго спустя, онъ догадывался, что сознаніе его иногда какъ бы тусклоло, и что такъ продолжалось, съ нѣкоторыми промежутками, вплоть до окончательной катастрофы. Онъ былъ убѣжденъ положительно, что во многомъ тогда ошибался, напримѣръ, въ срокахъ и времени нѣкоторыхъ происшествій. По крайней мѣрѣ, припоминая въ послѣдствіи и силясь уяснить себѣ припоминаемое, онъ многое узналъ о себѣ самомъ, уже руководясь свѣдѣніями полученными отъ постороннихъ. Одно событіе онъ смѣшивалъ, напримѣръ, съ другимъ; другое считалъ послѣдствіемъ происшествія, существовавшего только въ его воображеніи. Порой овладѣвала имъ болѣзненно-мучительная тревога, перерождавшаяся даже въ паническій страхъ. Но онъ помнилъ тоже, что бывали минуты, часы и даже, можетъ-быть, дни, полные апатіи, овладѣвавшей имъ, какъ бы въ противоположность прежнему страху, — апатіи, похожей на болѣзненно-равнодушное состояніе иныхъ умирающихъ. Вообще же въ эти послѣдніе дни онъ и самъ какъ бы старался убѣжать отъ

яснаго и полнаго пониманія своего положенія; цныя насущныя факты, требовавшіе немедленнаго разъясненія, особенно тяготили его; но какъ радъ бы онъ былъ освободиться и убѣжать отъ цныхъ заботъ, забвеніе которыхъ грозило, впрочемъ, полною и неминуемою гибелью въ его положеніи.

Особенно тревожилъ его Свидригайловъ; можно даже было сказать, что онъ какъ будто остановился на Свидригайловѣ. Со времени слишкомъ грозныхъ для него и слишкомъ ясно высказанныхъ словъ Свидригайлова, въ квартирѣ у Сои, въ минуту смерти Катерины Ивановны, какъ бы нарушилось обыкновенное теченіе его мыслей. Но несмотря на то что этотъ новый фактъ чрезвычайно его беспокоилъ, Раскольниковъ какъ-то не спѣшилъ разъясненіемъ дѣла. Порой, вдругъ находя себя гдѣ-нибудь въ отдаленной и уединенной части города, въ какомъ-нибудь жалкомъ трактирѣ, одного, за столомъ, въ размышленіи, и едва помня какъ онъ попалъ сюда, онъ вспоминалъ вдругъ о Свидригайловѣ: ему вдругъ слишкомъ ясно и тревожно создавалось, что надо бы, какъ можно скорѣе, сговориться съ этимъ человѣкомъ и, что возможно, порѣшить окончательно. Одинъ разъ, зайдя куда-то за заставу, онъ даже вообразилъ себѣ, что ждетъ здѣсь Свидригайлова и что здѣсь назначено у нихъ свиданіе. Въ другой разъ онъ проснулся предъ разсвѣтомъ гдѣ-то на землѣ, въ кустахъ и почти не понималъ какъ забрелъ сюда. Впрочемъ, въ эти два-три дня послѣ смерти Катерины Ивановны онъ уже раза два встрѣчался съ Свидригайловымъ, всегда почти въ квартирѣ у Сои, куда онъ заходилъ какъ-то безъ цѣли, но всегда почти на минуту. Они перекидывались всегда короткими словами и ни разу ни заговорили о капитальномъ пунктѣ, какъ будто между ними такъ само собою и условилось, чтобы молчать объ этомъ до времени. Тѣло Катерины Ивановны еще лежало въ гробу. Свидригайловъ распоряжался похоронами и хлопоталъ. Соня тоже была очень занята. Въ послѣднюю встрѣчу Свидригайловъ объяснилъ Раскольникову, что съ дѣтьми Катерины Ивановны онъ какъ-то покончилъ, и покончилъ удачно; что у него, благодаря кой-какимъ связямъ, отыскались такія лица, съ помощью которыхъ можно было помѣстить всѣхъ троихъ сиротъ, немедленно, въ весьма приличныя для нихъ заведенія; что отложенныя для нихъ

деньги тоже многому помогали, такъ какъ сиротъ съ капиталомъ помѣстить гораздо легче чѣмъ сиротъ нищихъ. Сказалъ онъ что-то и про Сою, обѣщавъ какъ-нибудь зайти на дняхъ самъ къ Раскольникову и упомянулъ, что „желалъ бы посоветоваться; что очень надо бы поговорить, что есть такіа дѣла....“ Разговоръ этотъ происходилъ въ сѣняхъ, у лѣстницы. Свидригайловъ пристально смотрѣлъ въ глаза Раскольникову и вдругъ, помолчавъ и понизивъ голосъ, спросилъ:

— Да, что вы, Родионъ Романовичъ, такой самъ не свой? Право! Слушаете и глядите, а какъ будто и не понимаете. Вы ободритесь. Вотъ, дайте поговоримъ; жаль только что дѣла много и чужаго, и своего..... Эхъ, Родионъ Романовичъ, прибавилъ онъ вдругъ, — всѣмъ человѣкамъ надобно воздуху, воздуху, воздуху-съ.... Прежде всего!

Онъ вдругъ постороился, чтобы пропустить входящаго на лѣстницу священника и дьячка. Они шли служить паннихиду. По распоряженію Свидригайлова, паннихиды служились два раза въ день, аккуратно. Свидригайловъ пошелъ своею дорогой. Раскольниковъ постоялъ, подумалъ и вошелъ вслѣдъ за священникомъ въ квартиру Сою.

Онъ сталъ въ дверяхъ. Начиналась служба, тихо, чинно, грустно. Въ сознаніи о смерти и въ ощущеніи присутствія смерти всегда для него было что-то тяжелое и мистически ужасное, съ самаго дѣтства; да и давно уже онъ не слышалъ паннихиды. Да и было еще тутъ что-то другое, слишкомъ ужасное и безпокойное. Онъ смотрѣлъ на дѣтей: всѣ они стояли у гроба, на колѣняхъ, Полечка плакала. Сзади нихъ, тихо и какъ бы робко плача, молилась Сою. „А вѣдь она въ эти дни ни разу на меня не взглянула и ни слова мнѣ не сказала“, подумалось вдругъ Раскольникову. Солнце ярко освѣщало комнату; кадильный дымъ восходилъ клубами; священникъ читалъ: „Упокой, Господи.“ Раскольниковъ стоялъ всю службу. Благословляя и прощаясь, священникъ какъ-то странно осматривался. Послѣ службы, Раскольниковъ подошелъ къ Соѣ. Та вдругъ взяла его за обѣ руки и преклонила къ его плечу голову. Этотъ короткій дружескій жестъ даже поразилъ Раскольникова недоумѣніемъ; даже странно было: какъ? ни малѣйшаго отвращенія, ни малѣйшаго омерзенія къ нему, ни малѣйшаго содраганія въ ея рукѣ! Это ужъ была какая-то безконечность собственнаго

уничженія. Такъ по крайней мѣрѣ онъ это понималъ. Сова ничего не говорила. Раскольниковъ пожалъ ей руку и вышелъ. Ему стало ужасно тяжело. Еслибы возможно было уйти куда-нибудь въ эту минуту и остаться совсѣмъ одному, хотя бы на всю жизнь, то онъ почелъ бы себя счастливымъ. Но дѣло въ томъ, что онъ въ послѣднее время, хотъ и всегда почти былъ одинъ, никакъ не могъ почувствовать что онъ одинъ. Случалось ему уходить за городъ, выходить на большую дорогу, даже разъ онъ вышелъ въ какую-то рощу; но чѣмъ уединеннѣе было мѣсто, тѣмъ сильнѣе онъ сознавалъ какъ-будто чье-то близкое и тревожное присутствіе, не то чтобы страшное, а какъ-то ужъ очень досаждающее, такъ что поскорѣе возвращался въ городъ, смѣшивался съ толпой, входилъ въ трактиры, въ распивочныя, шелъ на Толкуцій, на Сѣнную. Здѣсь было ужъ какъ-будто бы легче и даже уединеннѣе. Въ одной харчевнѣ, передъ вечеромъ, пѣли пѣсни: онъ просидѣлъ цѣлый часъ, слушая, и помнилъ, что ему даже было очень пріятно. Но подъ конецъ онъ вдругъ сталъ опять беспокоенъ; точно угрызение совѣсти вдругъ начало его мучить: „Вотъ, сижу, пѣсни слушаю, а развѣ то мнѣ надобно дѣлать!“ какъ будто подумалъ онъ. Впрочемъ, онъ тутъ же догадался, что и не это одно его тревожитъ; было что-то другое, что-то требующее немедленнаго разрѣшенія, но чего ни осмыслить, ни словами нельзя было передать. Все въ какой-то клубокъ сматывалось. „Нѣтъ, ужъ лучше бы какая борьба! Лучше бы опять Порфирій... или Свидригайловъ.... Поскорѣй бы опять какой-нибудь вызовъ, чье-нибудь нападеніе.... Да! да!“ думалъ онъ. Онъ вышелъ изъ харчевни и бросился чуть не бѣжать. Мысль о Дунѣ и матери навела на него вдругъ, почему-то, какъ бы паническій страхъ. Въ эту-то ночь, передъ утромъ, онъ и проснулся въ кустахъ, на Крестовскомъ островѣ, весь издрогнувшій, въ лихорадкѣ; онъ пошелъ домой и пришелъ уже ражнимъ утромъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ сна, лихорадка прошла, но проснулся онъ уже поздно: было два часа пополудни.

Онъ вспомнилъ, что въ этотъ день назначены похороны Катерины Ивановны, и обрадовался, что не присутствовалъ на нихъ. Настасья принесла ему ѣсть; онъ ѣлъ и пилъ съ большимъ аппетитомъ, чуть не съ жадностью. Голова его была свѣжѣе, и онъ самъ спокойнѣе чѣмъ въ эти послѣдніе три

дня. Онъ даже подвинулся, мелькомъ, прежнимъ приливомъ своего паническаго страха. Дверь отворилась, и вошелъ Разумихинъ.

— А! вотъ, стало-быть не болеть! сказалъ Разумихинъ, взявъ стулъ и сѣлъ за столъ противъ Раскольниково. Онъ былъ встревоженъ и не старался этого скрыть. Говорилъ онъ съ видимою досадою, но не торопясь и не возвышая особенно голоса. Можно бы подумать, что въ немъ засѣло какое-то особое и даже исключительное намѣреніе. — Слушай, началъ онъ рѣшительно, — мнѣ тамъ чортъ съ вами со всѣми, но по тому, что я вижу теперь, вижу ясно, что ничего не могу понять; пожалуста, не считай, что я пришелъ допрашивать. Наплевать! Самъ не хочу! Самъ теперь все открывай, всѣ ваши секреты, такъ я еще и слушать-то, можетъ-быть, не стану, плюну и уйду. Я пришелъ только узнать лично и окончательно: правда ли, впервыхъ, что ты сумасшедшій? Про тебя, видишь ли, существуетъ убѣжденіе (ну, тамъ, гдѣ-нибудь), что ты, можетъ-быть, сумасшедшій или очень къ тому склоненъ. Признаюсь тебѣ, я и самъ сильно былъ склоненъ поддерживать это мнѣніе, впервыхъ, судя по твоимъ глупымъ и отчасти гнуснымъ поступкамъ (ничѣмъ необъяснимымъ), а ввторыхъ, по твоему недавнему поведенію съ матерью и сестрой. Только извергъ и подлець, если не сумасшедшій, могъ бы такъ поступить съ ними, какъ ты поступилъ; а слѣдственно, ты сумасшедшій....

— Ты давно ихъ видѣлъ?

— Сейчасъ. А ты съ тѣхъ поръ не видалъ? Гдѣ ты шляешься, скажи мнѣ, пожалуста, я ужъ къ тебѣ три раза заходилъ. Мать больна со вчерашняго дня серьезно. Собралась къ тебѣ; Авдотья Романовна стала удерживать; слушать ничего не хочетъ: „Если онъ, говоритъ, боленъ, если у него умъ мѣшается, кто же ему поможетъ, какъ не мать?“ Пришли мы сюда всѣ, потому, не бросать же намъ ее одну. До самыхъ твоихъ дверей упрасивали успокоиться. Вошли, тебя нѣтъ; вотъ здѣсь она и сидѣла. Просидѣла десять минутъ, мы надъ нею стояли, молча. Встала наконецъ и говоритъ: „Если онъ со двора выходитъ, а стало-быть здоровъ, и мать забылъ, значитъ неприлично и стыдно матери у порога его стоять и ласки, какъ подачки,

выпрашивать. „Домой воротилась и слегла; теперь въ жару: „Вижу, говоритъ, что для *своей* у него есть время“. Она полагаетъ, что *своя*-то это Софья Семеновна, твоя невеста, или любовница, ужъ не знаю. Я пошелъ-было тотчасъ къ Софьѣ Семеновнѣ, потому, братъ, я хотѣлъ все разузнать,—прихожу, смотрю: гробъ стоитъ, дѣти плачутъ. Софья Семеновна траурныя платья имъ примѣряетъ. Тебя нѣтъ. Посмотрѣлъ, извинился и вышелъ, такъ и Авдотьѣ Романовнѣ донесъ. Все, стало-быть, это вздоръ, и нѣтъ тутъ никакой *своей*, вѣрнѣе всего, стало-быть, сумашествіе. Но вотъ ты сидишь и вареную говядину жрешь, точно три дня не ѣлъ. Оно, положимъ, и сумашедшіе тоже ѣдятъ, но хотъ ты и слова со мной не сказалъ, но ты... несумашедшій! въ этомъ я поклянусь. Прежде всего не сумашедшій. Итакъ, чортъ съ вами со всѣми, потому что тутъ какая-то тайна, какой-то секретъ; а я надъ вашими секретами ломать головы не намѣренъ. Такъ только зашелъ обругаться, заключилъ онъ, вставая,—душу отвести, а я знаю, что мнѣ теперь дѣлать!

— Что же ты теперь хочешь дѣлать?

— А тебѣ какое дѣло, что я теперь хочу дѣлать?

— Смотри, ты запьешь!

— Почему.... почему ты это узналъ?

— Ну, вотъ еще!

Разумихимъ помолчалъ съ минуту.

— Ты всегда былъ очень разсудительный человѣкъ и никогда, никогда ты не былъ сумашедшимъ, замѣтилъ онъ вдругъ, съ жаромъ. Это такъ: я запью! Прощай! И онъ двинулся идти.

— Я о тебѣ, третьяго дня, кажется, съ сестрой говорилъ Разумихинъ.

— Обо мнѣ! Да.... ты гдѣ же ее могъ видѣть третьяго дня? вдругъ остановился Разумихинъ, даже поблѣднѣлъ немного. Можно было угадать, что сердце его медленно и съ напряженіемъ застучало въ груди.

— Оза сюда приходила, одна, здѣсь сидѣла, говорила со мной.

— Она!

— Да, она.

— Что же ты говорилъ.... я хочу сказать, обо мнѣ-то?

— Я сказалъ ей, что ты очень хорошій, честный и трудо-

любивый человекъ. Что ты ее любишь, я ей не говорилъ, потому, она это сама знаетъ.

— Сама знаетъ?

— Ну, вотъ еще! Куда бы я ни отправился, что бы со мной ни случилось, — ты бы остался у нихъ провидѣніемъ. Я, такъ сказать, передаю ихъ тебѣ, Разумихинъ. Говорю это, потому что совершенно знаю какъ ты ее любишь и убѣжденъ въ чистотѣ твоего сердца. Знаю тоже, что и она тебя можетъ любить и даже, можетъ-быть, ужь и любитъ. Теперь самъ рѣшай, какъ знаешь лучше, — надо или не надо тебѣ запивать.

— Родька... Видишь... Ну... Ахъ, чортъ! А ты-то куда хочешь отправиться? Видишь: если все это секретъ, то ужь пусть! Но я... я узнаю секретъ... И увѣренъ, что непременно какой-нибудь вздоръ и страшные пустяки, и что ты одинъ все и затѣялъ. А впрочемъ, ты отличнѣйшій человекъ! Отличнѣйшій человекъ!...

— А я именно хотѣлъ тебѣ прибавить, да ты перебилъ, что ты это очень хорошо давеча разсудилъ, чтобы тайны и секреты эти не узнавать. Оставь до времени, не безпокойся. Все въ свое время узнаешь, именно тогда, когда надо будетъ. Вчера мнѣ одинъ человекъ сказалъ, что надо воздуху человеку, воздуху, воздуху! Я хочу къ нему сходить сейчасъ и узнать, что онъ подъ этимъ разумѣетъ.

Разумихинъ стоялъ въ задумчивости и въ волненіи и что-то соображалъ.

„Это политическій заговорщикъ! Навѣрно! И онъ накажетъ какого-нибудь рѣшительнаго шага, — это навѣрно! Иначе быть не можетъ и... и Дуня знаетъ...“ подумалъ онъ вдругъ про себя.

— Такъ къ тебѣ ходитъ Авдотья Романовна, проговорилъ онъ, скандируя слова, — а ты самъ хочешь видѣться съ человекомъ, который говоритъ, что воздуху надо больше, воздуху и... и, стало-быть, и это письмо... это тоже что-нибудь изъ того же, заключилъ онъ какъ бы про себя.

— Какое письмо?

— Она письмо одно получила, сегодня, ее очень встревожило. Очень. Слишкомъ ужь даже. Я заговорилъ о тебѣ — просила замолчать. Потомъ... потомъ сказала, что, можетъ, мы очень скоро разстанемся, потомъ стала меня за что-то горячо благодарить; потомъ ушла къ себѣ и заперлась.

— Она письмо получила? задумчиво переспросилъ Раскольниковъ.

— Да, письмо; а ты не зналъ? Гмъ.

Они оба помолчали.

— Прощай, Родіонъ. Я, братъ.... было одно время... а, впрочемъ, прощай, видишь, было одно время.... Ну, прощай! Мнѣ тоже пора. Пусть не буду. Теперь не надо.... врешь!

Онъ торопился; но уже выходя и ужь почти затворивъ за собою дверь, вдругъ отворилъ ее снова и сказалъ, глядя куда-то въ сторону:

— Кстати! Помнишь это убійство, ну, вотъ Порфирій-то: старуху-то? Ну, такъ знай, что убійца этотъ отыскался, сознался самъ и доказательства всѣ представилъ. Это одинъ изъ тѣхъ самыхъ работниковъ, красильщики-то, представъ себя, помнишь, я ихъ тутъ еще защищалъ? Вѣрять ли, что всю эту сцену драки и смѣху на лѣстницѣ, съ своимъ товарищемъ, когда тѣ-то собирались, дворникъ и два свидѣтеля, онъ нарочно устроилъ и именно для отвода. Какова хитрость, каково присутствіе духа въ эдакомъ ценкѣ! Повѣрить трудно; да самъ разъяснилъ, самъ во всемъ признался! И какъ я-то влопался! Что жь, по-моему, это только геній притворства и находчивости, геній юридическаго отвода, — а, стало-быть, и нечему особенно удивляться! Развѣ такіе не могутъ быть? А что онъ не выдержалъ характера и сознался, такъ я ему за это еще больше вѣрю. Правдоподобіе.... Но какъ я-то, я-то тогда влопался! За нихъ на стѣну лѣзъ!

— Скажи пожалуйста, откуда ты это узналъ, и почему тебя это такъ интересуеть? съ видимымъ волненіемъ спросилъ Раскольниковъ.

— Ну, вотъ еще! Почему меня интересуеть! Спросилъ!... А узналъ я отъ Порфирія, въ числѣ другихъ. Впрочемъ, отъ него почти все и узналъ.

— Отъ Порфирія?

— Отъ Порфирія.

— Что же... что же онъ? испуганно спросилъ Раскольниковъ.

— Онъ это отлично мнѣ разъяснилъ. Психологически разъяснилъ, по-своему.

— Онъ разъяснилъ? Самъ же тебѣ и разъяснялъ?

— Самъ, самъ; прощай! Потомъ еще кой-что расскажу, а

теперь дѣло есть. Тамъ.... было одно время, что я подумалъ.... Ну, да что; потомъ!.. Зачѣмъ мнѣ теперь напиваться. Ты меня и безъ вина напоилъ. Пьянъ вѣдь я, Родька! Безъ вина пьянъ теперь, ну, да прощай; зайду; очень скоро.

Онъ вышелъ.

„Это, это политическій заговорщикъ, это навѣрно, навѣрно!“ окончательно рѣшилъ про себя Разуმიхинъ, медленно спускаясь съ лѣстницы. „И сестру втянулъ; это очень, очень можетъ быть съ характеромъ Авдотьи Романовны. Свиданія у нихъ пошли.... А вѣдь она тоже мнѣ намекала. По многимъ ея словамъ.... и словечкамъ.... и намекамъ, все это выходитъ именно такъ! Да и какъ иначе объяснить всю эту путаницу? Гмъ! А я было думалъ.... О Господи, что это я было вздумалъ. Да-съ, это было затмѣніе, и я предъ вами виноватъ! Это онъ тогда у лампы, въ корридорѣ, затмѣніе на меня навелъ. Тьфу! Какая скверная, грубая, подлая мысль съ моей стороны! Молодецъ Николка, что признался.... Да и прежде теперь какъ все объясняется! Эта болтовня его тогда, его странные всѣ такіе поступки, даже и прежде, прежде, еще въ университетѣ, какой онъ былъ всегда мрачный, угрюмый.... Но что же значитъ теперь это письмо? Тутъ, пожалуй, что-нибудь тоже есть. Отъ кого это письмо? И что это за джентльменъ съ бѣлокурою бородой?... Я подозреваю.... Гмъ. Нѣтъ, это я все разумею.“

Онъ вспомнилъ и сообразилъ все о Дунечкѣ, и сердце его замерло. Онъ сорвался съ мѣста и побѣжалъ.

Раскольниковъ, какъ только вышелъ Разуმიхинъ, всталъ, повернулся къ окну, толкнулся въ уголъ, въ другой, какъ бы забывъ о тѣснотѣ своей кануры, и.... сѣлъ опять на диванъ. Онъ весь какъ бы обновился; опять борьба—значитъ нашелся исходъ!

„Да, значитъ нашелся исходъ! А то ужь слишкомъ все сперлось и закупорилось, мучительно стало давить, дурманъ нападалъ какой-то. Съ самой сцены съ Миколкой у Порфирія началъ онъ задыхаться безъ выхода, въ тѣснотѣ. Послѣ Миколки, въ тотъ же день была сцена у Сови; велъ и кончилъ онъ ее совѣмъ, совѣмъ не такъ, какъ бы могъ ображать себя прежде.... ослабѣлъ значитъ, мгновенно и радикально! Разомъ! И вѣдь согласился же онъ тогда съ Соной, самъ согласился, сердцемъ согласился, что такъ ему

одному съ эдакимъ дѣломъ на душѣ не прожить! А Свидригайловъ? Свидригайловъ загадка.... Свидригайловъ безпокоить его, это правда, но какъ-то не съ той стороны. Съ Свидригайловымъ, можетъ-быть, еще тоже предстоитъ борьба. Свидригайловъ, можетъ-быть, тоже цѣлый исходъ; но Порфирій дѣло другое.“

„Итакъ Порфирій самъ еще и разъяснял Разумихину, *психологически* ему разъяснял! Опять свою проклятую психологію подводитъ началъ! Порфирій-то? Да чтобы Порфирій повѣрилъ хоть на одну минуту, что Миколка виновенъ, послѣ того-то, что между ними было тогда, послѣ той сцены, глазъ на глазъ, до Миколки, на которую нельзя найдти правильнаго толкованія, кромѣ *одного*? (Раскольникову вѣсколько разъ въ эти дни мелькалась и вспоминалась клочками вся эта сцена съ Порфиріемъ; въ цѣломъ онъ бы не могъ вынести воспоминанія.) Были въ то время произнесены между ними такія слова, произошли такія движенія и жесты, обмѣнялись они такими взглядами, сказано было кой-что такимъ голосомъ, доходило до такихъ предѣловъ, что ужъ послѣ этого не Миколкѣ (котораго Порфирій наизусть съ перваго слова и жеста угадалъ), не Миколкѣ было колебать самую основу его убѣжденій.“

„А каково! Даже Разумихинъ началъ-было подозрѣвать! Сцена въ корридорѣ, у лампы, прошла значить тогда не даромъ. Вотъ онъ бросился къ Порфирію... Но съ какой же стати этоть-то сталъ его такъ надувать? Чтѣ у него за цѣль отводить глаза у Разумихина на Миколку? Нѣтъ, онъ непременно что-то задумалъ; тутъ есть намѣренія, но какія? Правда, съ того утра прошло много времени, — слишкомъ, слишкомъ много, а о Порфиріи не было ни слуху, ни духу. Чтѣ жь, это конечно хуже...“ Раскольниковъ взялъ фуражку и, задумавшись, пошелъ изъ комнаты. Первый день, во все это время, онъ чувствовалъ себя по крайней мѣрѣ въ здоровомъ сознаніи. „Надо кончить съ Свидригайловымъ, думалъ онъ, — и во чтѣ бы ни стало какъ можно скорѣй; этоть тоже, кажется, ждетъ, чтобъ я самъ къ нему пришелъ.“ И въ это мгновеніе такая ненависть поднялась вдругъ изъ его усталаго сердца, что, можетъ-быть, онъ бы могъ убить кого-нибудь изъ этихъ двухъ: Свидригайлова или Порфирія. По крайней мѣрѣ, онъ почувствовалъ, что если не теперь, то

въ послѣдствіи онъ въ состояніи это сдѣлать. „Посмотримъ, посмотримъ“, повторялъ онъ про себя.

Но только что онъ отворилъ дверь въ сѣни, какъ вдругъ столкнулся съ самимъ Порфиріемъ. Тотъ входилъ къ нему. Раскольниковъ остолбенѣлъ на минуту, но только на одну минуту. Странно, онъ не очень удивился Порфирію и почти его не испугался. Онъ только вздрогнулъ, но быстро, мгновенно приготовился. „Можетъ-быть развязка! Но какъ же это онъ подошелъ тихонько, какъ кошка, и я ничего не слышалъ? Неужели подслушивалъ?“

— Не ждали гостя, Родионъ Романычъ! вскричалъ, смѣясь, Порфирій Петровичъ. — Давно завернуть собирался, прохожу, думаю — почему не зайти минутъ на пять провѣдать. Куда-то собрались? Не задержу. Только вотъ одну папиросочку, если позволите.....

— Да садитесь, Порфирій Петровичъ, садитесь, — усаживалъ Раскольниковъ, съ такимъ, повидимому, довольнымъ и дружескимъ видомъ, что, право, самъ бы на себя подивился, еслибы могъ на себя поглядѣть. Поса́дки, подонки выскребывались! Иногда этакъ человѣкъ вытерпитъ полчаса смертнаго страха съ разбойникомъ, а какъ приложить ему ножъ къ горлу окончателно, такъ тутъ даже и страхъ пройдетъ. Онъ прямо усѣлся предъ Порфиріемъ, и не смигнувъ, смотрѣлъ на него. Порфирій прицурился и началъ закуривать папиросу.

„Ну, говори же, говори же,“ какъ будто такъ и хотѣло выпрыгнуть изъ сердца Раскольникова. „Ну, что же, что же, что же ты не говоришь?“

II.

— Вѣдь вотъ эти папироски! заговорилъ наконецъ Порфирій Петровичъ, кончивъ закуривать и отдыгнувшись: — вредъ, чистый вредъ, а отстать не могу! Кашляю-сь, першитъ начало, и одышка. Я, знаете, трусливъ-сь, поѣхалъ на медни къ Б—ну, — каждаго большаго минимш по получасу осматриваетъ; такъ даже разсмѣялся, на меня глядя: и стучалъ, и слушалъ, — вамъ, говорить, между прочимъ, табакъ не годится; легкія расширены. Ну, а какъ я его брошу? Чѣмъ замѣню? Не пью-сь, вотъ вся и бѣда, хе-хе-хе,

что не пью-то бѣда! Все вѣдь относительно, Родіонъ Романычъ, все относительно!

„Что же это онъ, за свою прежнюю казенщину принимается, что-ли!“ съ отвращеніемъ подумалось Раскольникову. Вся недавняя сцена послѣдняго ихъ свиданія внезапно ему врипомнилась, и чувство тогдашней ненависти волною прихлынуло къ его сердцу.

— А вѣдь я къ вамъ уже заходилъ третьяго дня вечеромъ; вы и не знаете? продолжалъ Порфирій Петровичъ, осматривая комнату: — въ комнату, въ эту самую входилъ. Тоже, какъ и сегодня, прохожу мимо — да, думаю, визитикъ-то ему отдамъ. Зашелъ, а комната настень; осмотрѣлся, — подождаль, да и служанкѣ вашей не доложился — вышелъ. Не запираете?

Лицо Раскольникова омрачалось болѣе и болѣе. Порфирій точно угадалъ его мысли.

— Объяснитесь пришель, голубчикъ Родіонъ Романычъ, объяснитесь-съ! Долженъ и обязанъ предъ вами объясненіемъ-съ, продолжалъ онъ съ улыбкой и даже слегка стукнулъ ладонью по колѣнкѣ Раскольникова, но почти въ то же мгновеніе лицо его вдругъ приняло серьезную и озабоченную мину; даже какъ будто грустью подернулось, къ удивленію Раскольникова. Онъ никогда еще не видалъ и не подозревалъ у него такого лица.—Страшная сцена произошла въ послѣдній разъ между вами, Родіонъ Романычъ. Оно, пожалуй, и въ первое наше свиданіе между нами происходила тоже страшная сцена; но тогда... Ну, теперь ужь все одно къ одному! Вотъ чтѣ-съ: я, можетъ-быть, и очень виноватъ передъ вами выхожу; я это чувствую-съ. Вѣдь мы какъ разстались-то помните ли: у васъ нервы поютъ и подколѣнки дрожать, и у меня нервы поютъ и подколѣнки дрожать. И знаете, какъ-то оно даже и непорядочно между нами тогда вышло, не поджентльменски. А вѣдь мы все-таки джентльмены; то-есть, во всякомъ случаѣ, прежде всего джентльмены; это надо понимать-съ. Вѣдь, помните, до чего доходило... совсѣмъ уже даже и неприлично-съ.

„Что жь это онъ, за кого меня принимаетъ?“ съ изумленіемъ спрашивалъ себя Раскольниковъ, приподнявъ голову и во всѣ глаза смотря на Порфирія.

— Я разсудилъ, что вамъ по откровенности теперь дѣла-

свогать лучше, продолжалъ Порфирій Петровичъ, немно-го отвернувъ голову и опустивъ глаза, какъ бы не желая болѣе смущать своимъ взглядомъ свою прежнюю жертву и какъ бы пренебрегая своими прежними приемами и уловками;— да-съ, такіа подозрѣнія и такіа сцены продолжаться долго не могутъ. Разрѣшилъ насъ тогда Миколака, а то я и не знаю, до чего бы между вами дошло. Этотъ проклятый мѣщанишка просидѣлъ у меня тогда за перегородкой, — можете себѣ это представить? Вы, конечно, ужь это знаете; да и самому мнѣ извѣстно, что омы къ вамъ потомъ захо-дилъ; но то, что вы тогда предположили, того не было: ни за кѣмъ я не посылалъ и ни въ чемъ еще я тогда не рас-порядился. Спробуйте, почему не распорядился? А какъ вамъ сказать: самого меня это все тогда какъ бы пристукнуло. Я и за дворниками-то едва распорядился послать. (Дворни-ковъ-то, небось, замѣтили, проходил.) Мысль тогда у меня пронеслась, такъ одна, быстро, какъ молнія; крѣпко ужь, видите ли, убѣжденъ я былъ тогда, Родионъ Романычъ. Дай же, я думаю, — хоть и упушу на время одно, за то другое схвачу за хвостъ, — своего-то, своего-то, по крайности, не упушу. Раздражительны вы ужь очень, Родионъ Рома-нычъ, отъ природы-съ; даже ужь слышкомъ-съ, при всѣхъ-то другихъ основныхъ свойствахъ вашего характера и сер-дца, которыя, я льщу себя надеждой, что отчасти постигъ-съ. Ну, ужь конечно, и я могъ, даже и тогда, разсудить, что не всег-да такъ случается, чтобы вотъ всталъ человѣкъ, да и брак-нулъ вамъ всю подноготную. Это хоть и случается, въ осо-бенности, когда человѣка изъ послѣдняго терпѣнія выведешь, но, во всякомъ случаѣ, рѣдко. Это и я могъ разсудить. Нѣтъ, думаю, мнѣ бы хоть черточку! хоть бы самую ма-хочкую черточку, только одну, но только такую, чтобы ужь такъ руками можно взять было, чтобы ужь вещь была, а не то что одну эту психологию. Потому, думалъ я, если че-ловѣкъ виновель, то ужь конечно можно, во всякомъ слу-чаѣ, чего-нибудь существеннаго отъ него дожидаться; позво-лительно даже и на самый неожиданный результатъ рассчиты-вать. На характеръ вашъ я тогда рассчитывалъ, Родионъ Романычъ, больше всего на характеръ-съ! Надѣялся ужь очень тогда на васъ.

. — Да вы... да что же вы теперь-то все такъ говорите, пробормоталъ наконецъ Раскольниковъ, даже не осмысливъ

хорошенько вопроса. „Объ чемъ онъ говоритъ, терялся онъ про себя, — неужели-же въ самомъ дѣлѣ за невиннаго меня принимаютъ?“

— Чтò такъ говорю? А объясниться пришелъ-съ, такъ сказать, долгомъ святымъ почитаю. Хочу вамъ все до глѣ изложить, какъ все было, всю эту исторію всего этого тогдашняго, такъ сказать, омраченія. Много я заставилъ васъ перестрадать, Родионъ Романычъ. Я не извергъ-съ. Вѣдь понимаю же и я, какво это все перетащить на себѣ человѣку, удрученному, но гордому, властному и нетерпѣливому, въ особенности нетерпѣливому! Я васъ, во всякомъ случаѣ, за человѣка наиблагороднѣйшаго почитаю-съ, и даже съ зачатками великодушія-съ, хоть и не согласенъ съ вами во всѣхъ убѣжденіяхъ вашихъ, о чемъ долгомъ считаю заявить напередъ, прямо и съ совершенною искренностью, ибо прежде всего не желаю обманывать. Познавъ васъ, почувствовалъ къ вамъ привязанность. Вы, можете-быть, на такія мои слова разсѣнетесь? Право имѣете-съ. Знаю, что вы меня и съ перваго взгляда не полюбиаи, потому, въ сущности, и не за чтò полюбить-съ. Но считайте, какъ хотите, а теперь желаю, съ моей стороны, всѣми средствами загладить произведенное впечатлѣніе и доказать, что и я человѣкъ съ сердцемъ и совѣстью. Искренно говорю-съ.

Порфирій Петровичъ пріостановился съ достоинствомъ. Раскольниковъ почувствовалъ приливъ какого-то новаго испуга. Мысль о томъ, что Порфирій считаетъ его за невиннаго, начала вдругъ пугать его.

— Разказывать все по порядку, какъ это вдругъ тогда началось, врядъ ли нужно, продолжалъ Порфирій Петровичъ;— я думаю, даже и лишнее. Да и врядъ ли я смогу-съ. Потому, какъ это объяснить обстоятельно? Первоначально слухи пошли. О томъ, какіе это были слухи, и отъ кого, и когда... и по какому поводу собственно до васъ дѣло дошло,—тоже, я думаю, лишнее. Лишь же у меня началось со случайности, съ одной стороны и совершенно случайной случайности, которая въ высшей степени могла быть и могла не быть,—какой? Гмъ, я думаю, тоже нечего говорить. Все это, и слухи и случайности, совпало у меня тогда въ одну мысль. Признаюсь откровенно, потому, если ужъ признаваться, такъ во всемъ,—это я первый на васъ тогда и напалъ. Эти, тамъ,

положимъ, старухины отмѣтки на вещахъ и прочее, и прочее—все это вздоръ-съ. Такихъ штукъ сотню можно начесть. Имѣлъ я тоже случай тогда до подробности разузнать о оценѣ въ конторѣ квартала, тоже случайно-съ, и не то чтобы такъ мимоходомъ, а отъ разкащика особеннаго, капитальнаго, который, и самъ того не вѣдая, удивительно эту сцену осилить, по моимъ настояніямъ, то-есть, а то бы онъ и совсѣмъ пропустилъ ее мимо. Все вѣдь это одно къ одному-съ, одно къ одному-съ, Родионъ Романовичъ, голубчикъ! Ну, какъ тутъ было не повернуться въ извѣстную сторону? Изъ ста кроликовъ никогда не составитя лошадь, изъ ста подозрѣній никогда не составитя доказательства, вѣдь вотъ какъ одна англійская пословица говоритъ, да вѣдь это только благоразуміе-съ, а со страстями-то, со страстями попробуйте справиться, потому, и слѣдователь человѣкъ-съ. Вспомнилъ тутъ я и вашу статейку, въ журнальцѣ-то, помните, еще въ первое-то ваше посѣщеніе въ подробности о ней-то говорила. Я тогда поглумился, но это для того, чтобы васъ на дальнѣйшее вызвать. Повторяю, нетерпѣливы и больны вы очень, Родионъ Романовичъ. Что вы смѣлы, завосчивы, серіозны и.... чувствовали, много ужъ чувствовали, все это я давно уже зналъ-съ. Мнѣ всѣ эти ощущенія знакомы, и статейку вашу я прочелъ какъ знакомую. Въ бессонныя ночи и въ изступленіи она замышлялась, съ подыманіемъ и стукашемъ сердца, съ энтузіазмомъ подавленнымъ. А опасенъ этотъ подавленный, гордый энтузіазмъ въ молодежи! Я тогда поглумился, а теперь вамъ скажу, что ужасно люблю вообще, то-есть какъ любитель, эту первую, юную, горячую пробу пера. Дымъ, туманъ, струна звенить въ туманѣ. Статья ваша велика и фантастична, но въ ней мелькаетъ такая искренность, въ ней гордость юная и неподкупная, въ ней смѣлость отчаянія; она мрачная статья-съ, да это хорошо-съ. Статейку вашу я тогда прочелъ, да и отложилъ, и.... какъ отложилъ ее тогда, да и подумалъ: „ду, съ этимъ человѣкомъ такъ не пройдетъ!“ Ну, такъ какъ же, скажите теперь, послѣ такого предыдущаго не увлечься было послѣдующимъ! Ахъ, Господи? да развѣ я говорю что-нибудь? Развѣ я что-нибудь теперь утверждаю? Я тогда только замѣтилъ и жду-съ. Чего тутъ, думаю? Тутъ ничего, то-есть ровно ничего, и, можетъ-быть, въ высшей степени ничего. Да и увлекаться эдакъ мнѣ, слѣдователю, совсѣмъ даже неприлично: у меня вонъ

Миколка на рукахъ, и уже съ фактами,—тамъ, какъ хотите, а факты! И тоже свою психологію подводите; имъ надо позаняться; потому, тутъ дѣло жизни и смерти. Для чего я вамъ теперь все это объясняю? А чтобы вы знали и съ вашимъ умомъ и сердцемъ не обвинили меня за мое злобное тогдашнее поведеніе. Не злобное-съ, искренно говорю-съ, хе-хе! Вы чтѣ думаете: я у васъ тогда не былъ съ обыскомъ? Былъ-съ, былъ-съ, хе-хе, былъ-съ, когда вы вотъ здѣсь больной въ постелькѣ лежали. Не официально и не своимъ лицомъ, а былъ-съ. До послѣдняго волоска у васъ, въ квартирѣ, было осмотрѣно, по первымъ даже слѣдамъ; но—imponst! Думаю: теперь этотъ человѣкъ придетъ, самъ придетъ, и очень скоро; какъ виноватъ, такъ ужъ непремѣнно придетъ. Другой не придетъ, а этотъ придетъ. А помните, какъ господинъ Разумихинъ началъ вамъ проговариваться? Это мы устроили съ тѣмъ чтобы васъ взволновать, потому мы нарочно и пустили слухъ, чтобъ онъ вамъ проговаривался, а господинъ Разумихинъ такой человѣкъ, что негодованія не выдержать. Господину Заметову прежде всего вашъ гнѣвъ и ваша открытая смѣлость въ глаза бросилась: ну, какъ это въ трактирѣ вдругъ бракнутъ: „я убилъ!“ Слишкомъ смѣло-съ, слишкомъ дерзко-съ, и если, думаю, онъ виновенъ, то это страшный боецъ! Такъ тогда и подумалъ-съ. Жду-съ! Жду васъ изо всѣхъ силъ, а Заметова вы тогда просто придавили и... вѣдь въ томъ-то и штука, что вся эта проклятая психологія о двухъ концахъ! Ну, такъ жду я васъ, смотрю, а васъ Богъ и даетъ,—идете! Такъ у меня и стукнуло сердце. Эхъ! Ну, зачѣмъ вамъ было тогда приходиться? Смѣхъ-то, смѣхъ-то вашъ, какъ вошла тогда, помните, вѣдь вотъ точно сквозь стекло я все тогда угадалъ, а не жди я васъ такимъ особеннымъ образомъ, и въ смѣхѣ вашемъ ничего бы не замѣтилъ. Вотъ оно чтѣ значить въ настроеніи-то быть. И господинъ-то Разумихинъ тогда,—ахъ! камень-то, камень-то, помните, камень-то, вотъ еще подъ которыми-то спрятаны? Ну, вотъ точно вижу его гдѣ-нибудь тамъ, въ огородѣ—въ огородѣ вѣдь говорили вы, Заметову-то, а потомъ, у меня-то во второй разъ? А какъ начали мы тогда эту вашу статью перебирать, какъ стали вы излагать,—такъ вотъ каждое-то слово ваше вдвойнѣ принимаешь, точно другое подъ нимъ сидитъ! Ну, вотъ, Родионъ Романычъ, такимъ-то вотъ образомъ я и дошелъ до послѣднихъ столбовъ, да

какъ стукнулся лбомъ, и опомнился. Нѣтъ, говорю, что жь это я! Вѣдь если захотѣть, то все это, говорю, до послѣдней черты можно въ другую сторону объяснить, даже еще натуральнѣе выйдетъ. Самъ вѣдь себя признаю, что натуральнѣе выйдетъ. Мука-съ! „Нѣтъ, думаю, мнѣ бы ужь лучше черточку“!... Да какъ услышалъ тогда про эти колокольчики, такъ весь даже такъ и замеръ, даже дрожь прохватила. Ну, думаю, вотъ она черточка и есть! Оно! Да ужь и не разсуждалъ я тогда, просто не хотѣлъ. Тысячу бы рублей въ ту минуту я далъ, своихъ собственныхъ, чтобы только на васъ *въ свои глаза* посмотрѣть: какъ вы тогда сто шаговъ съ мѣщаниншккой рядомъ шли, послѣ того какъ онъ вамъ „убійцу“ въ глаза сказалъ, и ничего у него, цѣлыхъ сто шаговъ, спросить не посмѣли!... Ну, а холодъ-то этотъ въ спинномъ мозгу? Колокольчики-то эти, въ болѣзнь-то, въ полубредѣ-то? Итакъ, Родионъ Романычъ, что жь вамъ послѣ того и удивляться, что я съ вами тогда такія шутки шутилъ? И зачѣмъ вы сами въ ту самую минуту пришли? Вѣдь и васъ кто-то какъ будто подталкивалъ, ей-Богу, а еслибы не разреалъ насъ Миколка, то... а Миколку-то тогда помните? Хорошо запомнили? Вѣдь это былъ громъ-съ! Вѣдь это громъ грянулъ изъ тучи, громовая стрѣла! Ну, а какъ я его встрѣтилъ? Стрѣлъ-то вотъ ни на столечко не повѣрилъ, сами изволили видѣть! Да куда! Ужь потомъ, послѣ васъ, когда онъ сталъ весьма и весьма складно на цыме пункты отвѣчать, такъ что я самъ удивился, и потомъ ему ни на грошъ не повѣрилъ! Вотъ чтò значить укрѣпился, какъ адамантъ. Нѣтъ, думаю, моргенъ фри! какой ужь тутъ Миколка!

— Мнѣ Разумихинъ сейчасъ говорилъ, что вы и теперь обвиняете Николая и сами Разумихина въ томъ увѣряли....

Духъ у него захватило, и онъ не докончилъ. Онъ слушалъ въ невыразимомъ волненіи, какъ человѣкъ, навзвозь его раскусившій, отъ самого себя отрекался. Онъ боялся повѣрить и не вѣрилъ. Въ двусмысленныхъ ещѣ словахъ онъ жадно искалъ и ловилъ чего-нибудь болѣе точнаго и окончательнаго.

— Господинъ-то Разумихинъ! вскричалъ Порфирій Петровичъ, точно обрадовавшись вопросу все молчавшаго Раскольникова: — хе! хе! хе! Да господина! Разумихина такъ и надо было прочь отвести: двоимъ любо, третій не суйся. Господинъ Разумихинъ не то-съ, да и человѣкъ посторонній,

прибѣжалъ ко мнѣ весь такой блѣдный.... Ну, да Богъ съ нимъ, что его сюда мѣшаты! А насчетъ Миколки угодно ли вамъ знать, что это за сюжетъ, въ томъ видѣ, какъ, то-есть, я его понимаю? Перво-на-перво это еще дитя несовершеннѣе, и не то чтобы трусь, а такъ, въ родѣ какъ бы художника какого-нибудь. Право-съ, вы не смѣйтесь, что я такъ его изъясняю. Невиненъ и ко всему воспріимчивъ. Сердце имѣеть; фантастъ. Онъ и пѣть, онъ и плясать, онъ и сказки, говорятъ, такъ рассказываетъ, что изъ другихъ мѣстъ сходятся слушать. И въ школу ходить, и хохотать до упаду оттого что пальчикъ покажутъ, и пьянствовать до безчувствія, не то чтобы отъ разврата, а такъ, полосами, когда напоятъ, по-дѣтски еще. Онъ тогда вотъ и укралъ, а и самъ этого не знаетъ; потому, „коли на земаѣ подымалъ, что за укралъ?“ А извѣстно ли вамъ, что онъ изъ раскольниковъ, да и не то чтобы изъ раскольниковъ, а просто сектантъ; у него въ родѣ бѣгуны бывали, и самъ онъ еще недавно, цѣлыхъ два года, въ деревнѣ, у нѣкоего старца подъ духовнымъ началомъ былъ. Все это я отъ Миколки и отъ зарайскихъ его узналъ. Да куды! просто въ пустыню бѣжать хотѣлъ! Ревнѣе имѣлъ по ночамъ Богу молиться, книги старыя, „истинныя“ читалъ и зачитывался. Петербургъ на него сильно подѣйствовалъ, особенно женскій полъ, ну, и вино. Воспріимчивъ-съ, и старца, и все забылъ. Извѣстно мнѣ, его художникъ одинокъ здѣсь полюбилъ, къ нему ходить сталъ, да вотъ этотъ случай и подошелъ! Ну, обробѣлъ—вѣшаться! Бѣжать! Что жъ дѣлать съ понятіемъ, которое прошло въ народѣ о нашей юридикѣ! Иному вѣдь страшно слово „засудить“. Кто виноватъ! Вотъ что-то новые суды скажутъ. Охъ, далъ бы Богъ! Ну-съ; въ острогъ-то и вспомнилъ видно теперь честной старецъ; Бибія тоже явилась опять. Знаете ли, Родіонъ Романычъ, что значитъ у цыгъ изъ нихъ „пострадать“? Это не то чтобы за кого-нибудь, а такъ просто „пострадать надо“; страданіе, значитъ, принять, а отъ властей, такъ тѣмъ паче. Сидѣлъ въ мое время одинокъ смиреннѣйшій арестантъ цѣлый годъ въ острогѣ, на печи по ночамъ все Бибію читалъ, ну, и зачитался, да зачитался, знаете, совсѣмъ, да такъ, что ни съ того, ни съ сего, сгребъ кирпичъ и кинулъ въ начальника, безо всякой обиды съ его стороны. Да и какъ кинулъ-то: нарочно на аршинъ мимо взялъ, чтобы какого вреда не произвести! Ну,

извѣстно, какой конецъ арестанту, который съ оружіемъ кидается на начальство: и „привалъ, значить, страданіе“. Такъ вотъ, я и подозреваю теперь, что Миколка хочетъ „страданіе принять“, или въ родѣ того. Это я навѣрно, даже по фактамъ, знаю-съ. Онъ только самъ не знаетъ, что я знаю. Чтѣ, не допускаете что ли, чтобъ изъ такого народа выходили люди фантастическіе? Да сплошь. Старецъ теперь опять началъ дѣйствовать, особенно послѣ пети-то припомался. А впрочемъ, самъ мнѣ все разкажетъ, придетъ. Вы думаете, выдержитъ? Подождите, еще отопрется! Съ часу на часъ жду, что придетъ отъ показанія отказываться. Я этого Миколку полюбилъ и его досконально изслѣдую. И какъ бы вы думали! Хе! хе! на цыме-то пункты весьма складно мнѣ отвѣчалъ, очевидно, нужныя свѣдѣнія получилъ, ловко приготовился; ну, а по другимъ пунктамъ просто какъ въ лужу, ничевошечко не знаетъ, не вѣдаетъ, да и самъ не подозреваетъ, что не вѣдаетъ! Нѣтъ, батюшка Родіонъ Романычъ, тутъ не Миколка! Тутъ дѣло фантастическое, мрачное, дѣло современное, нашего времени случай-съ, когда помутилось сердце человѣческое; когда цитруется фраза, что кровь „освѣжаетъ“; когда вся жизнь проповѣдуется въ комфортѣ. Тутъ—книжныя мечты-съ, тутъ теоретически раздраженное сердце; тутъ видна рѣшимость на первый шагъ, но рѣшимость особаго рода,—рѣшился, да какъ съ горы точно упалъ, или съ колокольни слетѣлъ, да и на преступленіе-то словно не своими ногами пришелъ. Дверь за собой забылъ притворить, а убилъ, двухъ убилъ, по теоріи. Убилъ, да и денегъ взять не сумѣлъ, а чтѣ успѣлъ захватить, то подъ камень снесъ. Мало было ему, что муку вынесъ, когда за дверью сидѣлъ, а въ дверь ломался, и колокольчикъ звонилъ,—нѣтъ, онъ потомъ ужъ на пустую квартиру, въ полубредѣ, припомнить этотъ колокольчикъ идетъ, холоду спинаго опять испытать потребовалось.... Ну, да это, положимъ, въ болѣзни, а то вотъ еще: убилъ, да за честнаго человѣка себя почитаетъ, людей презираетъ, блѣднымъ аягеломъ ходить,—нѣтъ, ужъ какой тутъ Миколка, голубчикъ Родіонъ Романычъ, тутъ не Миколка!

Эти послѣднія слова, послѣ всего прежде сказаннаго и такъ похожаго на отреченіе, были слишкомъ ужъ неожиданнымъ. Раскольниковъ весь задрожалъ, какъ будто пронзенный.

— Такъ.... кто же.... убилъ?... спросилъ онъ, не выдержавъ,

задыхающимся голосомъ. Порфирій Петровичъ даже отшатнулся на спинку стула, точно ужъ такъ неожиданно и онъ былъ изумленъ вопросомъ.

— Какъ кто убилъ?... переговорилъ онъ, точно не вѣря ушамъ своимъ:—да вы убили, Родіонъ Романычъ! Вы и убили-съ.... прибавилъ онъ почти шепотомъ, севершенно убѣжденнымъ голосомъ.

Раскольниковъ вскочилъ съ дивана, постоялъ-было нѣсколько секундъ и сѣлъ опять, не говоря ни слова. Мелкія конвульсіи вдругъ прошли по всему его лицу, и верхняя губа задрожала мелкою нервною дрожью.

— Губка-то опять, какъ и тогда, вздрагиваетъ, пробормоталъ какъ бы даже съ участіемъ Порфирій Петровичъ. — Вы меня, Родіонъ Романычъ, кажется, не такъ поняли-съ, прибавилъ онъ нѣсколько помолчавъ,—оттого такъ и изумился. Я именно пришелъ съ тѣмъ, чтобъ уже все сказать, и дѣло повести на открытую.

— Это не я убилъ, прошепталъ-было Раскольниковъ, точно испуганныя маленькія дѣти, когда ихъ захватываютъ на мѣстѣ преступленія.

— Нѣтъ, это вы-съ, Родіонъ Романычъ, вы-съ, и некому больше-съ, строго и убѣжденно прошепталъ Порфирій.

Они оба замолчали, и молчаніе длилось даже до странности долго, минутъ съ десять. Раскольниковъ облокотился на столъ и молча ерошилъ пальцами свои волосы. Порфирій Петровичъ сидѣлъ смирно и ждалъ. Вдругъ Раскольниковъ презрительно посмотрѣлъ на Порфирія.

— Опять вы за старое, Порфирій Петровичъ! Все за тѣ же ваши приемы: какъ это вамъ не надобно, въ самомъ дѣлѣ?

— Э, полноте, что мнѣ теперь приемы! Другое бы дѣло, еслибы тутъ находились свидѣтели; а то вѣдь мы одинъ на одинъ шепчемъ. Сами видите, я не съ тѣмъ къ вамъ пришелъ, чтобы гнать и ловить васъ, какъ зайца. Признаётесь, аль нѣтъ, — въ эту минуту мнѣ все равно. Про себя-то я и безъ васъ убѣжденъ.

— А коли такъ, зачѣмъ вы пришли? раздражительно спросилъ Раскольниковъ.—Я вамъ прежній вопросъ задаю: если вы меня виновнымъ считаете, зачѣмъ не берете вы меня въ острогъ?

— Ну, вотъ это вопросъ! По пунктамъ вамъ и отвѣчу:

во-первыхъ, взять васъ такъ прямо подъ арестъ мнѣ не выгодно.

— Какъ не выгодно! Коли вы убѣждены, такъ вы должны...

— Эхъ, что жь что я убѣжденъ? Вѣдь все это покамѣнь мои мечты-сь. Да и что я васъ на покой-то туда посажу? Сами знаете, коли сами проситесь. Приведу я, на примѣръ, уличать васъ мѣщаниншкю, а вы ему скажете: „Ты пьянъ аль нѣтъ? Кто меня съ тобой видѣлъ? Я тебя просто за пьянаго и принималъ, да ты и былъ пьянъ,“—ну, что я вамъ тогда на это скажу, тѣмъ паче, что ваше-то еще правдоподобнѣе чѣмъ его, потому что въ его показаніи одна психологія, — что его рылу даже и не прилично, — а вы-то въ самую точку попадаете, потому что пьеть мерзавецъ горькую и слишкомъ даже извѣстенъ: Да и самъ я вамъ откровенно признавался, уже нѣсколько разъ, что психологія эта о двухъ концахъ и что второй-то конецъ больше будетъ, да и гораздо правдоподобнѣе, а что кромѣ этого противъ васъ у меня пока и нѣтъ ничего. И хоть я васъ все-таки посажу и даже самъ вотъ пришелъ (совсѣмъ не по-людски) вамъ обо всемъ впередъ объявить, а все-таки прямо вамъ говорю (тоже не по-людски), что мнѣ это будетъ невыгодно. Ну-сь, восторыхъ, я потому къ вамъ пришелъ...

— Ну, да, восторыхъ? (Раскольниковъ все еще задыхался.)

— Потому что, какъ я ужь и объявилъ давеча, считаю себя обязаннымъ вамъ объясненіемъ. Не хочу, чтобы вы меня за изверга почитали, тѣмъ паче, что искренно къ вамъ расположенъ, вѣрьте, не вѣрьте. Вслѣдствіе чего, втретийхъ, и пришелъ къ вамъ съ открытымъ и прямымъ предложеніемъ—уничинить ляку съ повинною. Это вамъ будетъ безчисленно выгоднѣе, да и мнѣ тоже выгоднѣе,—потому съ плечъ долой. Ну, что, откровенно или нѣтъ съ моей стороны?

Раскольниковъ подумалъ съ минуту.

— Послушайте, Порфирій Петровичъ, вы вѣдь сами говорите: одна психологія, а между тѣмъ вѣхали въ математику. Ну что,—ну что, если и сами вы теперь ошибаетесь?

— Нѣтъ, Родіонъ Романовичъ, не ошибаюсь. Черточку такую имѣю. Черточку-то эту я тогда вѣдь нашель-сь; послаалъ Господь!

— Какую черточку?

— Не скажу какую, Родіонъ Романовичъ! Да и во всякомъ случаѣ теперь и права не имѣю больше отсрочивать; поса-

жу-съ. Такъ вы разсудите: мнѣ *теперь* ужь все равно, а слѣдственно, я единственно только для васъ. Ей Богу, лучше будетъ, Родіонъ Романычъ!

Раскольниковъ злобно усмѣхнулся.

— Вѣдь это не только смѣшно, это даже ужь безстыдно. Ну, будь я даже виновень (чего я вовсе не говорю), ну, съ какой стати мнѣ къ вамъ являться съ повинною, когда сами вы ужь говорите, что я сяду къ вамъ туда *на покой*?

— Эхъ, Родіонъ Романычъ, не совсѣмъ словамъ вѣрьте; можетъ, и не совсѣмъ будетъ *на покой*! Вѣдь это только теорія, да еще моя-съ, а я вамъ что за авторитетъ? Я, можетъ-быть, и самъ отъ васъ кой-что даже и теперь скрываю-съ. Не все же мнѣ вамъ такъ взять да и выложить, хе! хе! Второе дѣло: какъ-какая выгода? Да извѣстно ли вамъ, какая вамъ за это воспослѣдуетъ сбавка? Вѣдь вы когда явитесь-то, въ какую минуту? Вы это только разсудите! Когда другой уже на себя преступленіе привялъ и все дѣло спуталъ? А я вамъ, вотъ самымъ Богомъ клянусь, такъ „тамъ“ поддѣлаю и устрою, что ваша явка выйдеть какъ будто совсѣмъ никому неожиданная. Всю эту психологію мы совсѣмъ уничтожимъ, всѣ подозрѣнія на васъ въ ничто обращу, такъ что ваше преступленіе въ родѣ помраченія какого-то представится, потому, по совѣсти, оно помраченіе и есть. Я честный человѣкъ, Родіонъ Романычъ, и свое слово сдержу.

Раскольниковъ грустно замолчалъ и поныкъ головой; онъ долго думалъ и наконецъ опять усмѣхнулся, но улыбка его была уже кроткая и грустная:

— Эхъ, не надо! проговорилъ онъ, какъ бы уже совсѣмъ не скрываясь съ Порфиріемъ. — Не стоить! Не надо мнѣ совсѣмъ вашей сбавки!

— Ну, вотъ этого-то я и боялся! горячо и какъ бы невольно воскликнулъ Порфирій: — вотъ этого-то я и боялся, что не надо вамъ нашей сбавки.

Раскольниковъ грустно и внушительно поглядѣлъ на него.

— Эй, жизнью не брезгайте! продолжалъ Порфирій:—много ея впереди еще будетъ. Какъ не надо сбавки, какъ не надо! Нетерпѣливый вы человѣкъ!

— Чего впереди много будетъ?

— Жизни! Вы что-за пророкъ, много ль вы знаете? Ищи-

те и обращете. Васъ, можетъ, Богъ на этомъ и ждалъ. Да и не на вѣкъ она, цѣпь-то....

— Сбавка будетъ.... засмѣялся Раскольниковъ.

— А что, стыда буржуазнаго что ли испугались? Это можетъ быть, что и испугались, да и сами того не знаете, — потому молодо! А все-таки не вамъ бы бояться, али тамъ стыдиться явки съ повинною.

— Э-эхъ, наплевать! презрительно и съ отвращеніемъ пропенталь Раскольниковъ, какъ бы и говорить не желая. Онъ было опять привсталъ, точно хотѣлъ куда-нибудь выйти, но опять сѣлъ въ видимомъ отчаяніи.

— То-то наплевать! Извѣрился, да и думаете, что я вамъ грубо льщу; да много ль вы еще и жили-то? Много ль понимаете-то? Теорію выдумалъ, да и стыдно стало, что сорвалось, что ужъ очень не оригинально вышло! Вышло-то подло, это правда, да вы-то все-таки не безнадежный подлець. Совсѣмъ не такой подлець! По крайней мѣрѣ долго себя не морочилъ, разомъ до послѣднихъ столбовъ дошелъ. Я вѣдь васъ за кого почитаю? Я васъ почитаю за одного изъ такихъ, которымъ хоть кишки вырѣзай, а онъ будетъ стоять, да съ улыбкой смотрѣтъ на мучителей, — если только вѣру иль Бога найдетъ. Ну, и найдите, и будете жить. Вамъ, во-первыхъ, давно уже воздухъ перемѣнить надо. Чтожь, страданье тоже дѣло хорошее. Пострадайте. Миколка-то, можетъ, и правъ, что страданья хочетъ. Знаю, что не вѣруется, — а вы лукаво не мудрствуйте; отдайтесь жизни прямо, не разсуждая; не беспокойтесь, — прямо на берегъ вынесетъ и на ноги поставитъ. На какой берегъ? А я почему знаю? Я только вѣрую, что вамъ еще много жить. Знаю, что вы всѣ слова мои какъ рацею теперь принимаете заученную; да, можетъ, послѣ вспомните, пригодится когда-нибудь; для того и говорю. Еще хорошо, что вы старушонку только убили. А выдумай вы другую теорію, такъ, пожалуй, еще и въ сто милліоновъ разъ безобразнѣе дѣло бы сдѣлали! Еще Бога, можетъ, надо благодарить; почему вы знаете: можетъ, васъ Богъ для чего и бережетъ. А вы великое сердце имѣйте, да поменьше бойтесь. Великаго предстоящаго исполненія-то струсили? Нѣтъ, тутъ ужъ стыдно трусить. Коли сдѣлали такой шагъ, такъ ужъ крѣпитесь. Тутъ ужъ справедливость. Вотъ исполните-ка что требуетъ справедливость. Знаю, что не вѣруете, а ей-Богу, жизнь вынесетъ. Самому

послѣ слябится. Вамъ теперъ только воздуху надо, воздуху, воздуху!

Раскольниковъ даже вздрогнулъ.

— Да вы-то кто такой, вскричалъ онъ, — вы-то что за пророкъ? Съ высоты какого-то спокойствія величаваго вы мнѣ премудрствующія пророчества изрекаете?

— Кто, я? Я поконченный человѣкъ, больше ничего. Человѣкъ, пожалуй, чувствующій и сочувствующій, пожалуй, кой-что и знающій, но ужь совершенно поконченный. А вы — другая статья; вамъ Богъ жизнь приготовилъ (а кто знаетъ, можетъ, и у васъ такъ только дымомъ пройдетъ, ничего не будетъ). Ну, что жь, что вы въ другой разрядъ людей перейдете? Не комфорта же жалѣть, вамъ-то, съ вашимъ-то сердцемъ? Что жь, что васъ, можетъ-быть, слухомъ долго никто не увидитъ? Не во времени дѣло, а въ васъ самомъ. Станьте солнцемъ, васъ всѣ и увидятъ. Солнцу прежде всего надо быть солнцемъ. Вы чего опять улыбаетесь: что я такой Шиллеръ? И бьюсь объ закладъ, предполагаете, что я къ вамъ теперъ подольщаюсь! А что жь, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ подольщаюсь, хе! хе! хе! Вы мнѣ, Родионъ Романовичъ, на слово-то, пожалуй, и не вѣрьте, пожалуй, даже и никогда не вѣрьте вполнѣ, — это ужь такой мой поровъ, согласенъ; только вотъ что прибавлю: на сколько я низкій человѣкъ и на сколько я честный, сами, кажется, можете разсудить!

— Вы когда меня думаете арестовать?

— Да денька полтора али два могу еще дать вамъ погулять. Подумайте-ка, голубчикъ, помолитесь-ка Богу. Да и выгодаѣе, ей-Богу, выгодаѣе.

— А ну, какъ я убѣгу? какъ-то странно усмѣхаюсь, спросилъ Раскольниковъ.

— Нѣтъ, не убѣжите. Мужикъ убѣжить, модный сектантъ убѣжить, — лакей чужой мысли, — потому, ему только кончикъ пальчика показать, какъ мичману Дыркѣ, такъ онъ на всю жизнь во что хотите повѣритъ. А вы, вѣдь, вашей теоріи ужь больше не вѣрите, — съ чѣмъ же вы убѣжите? Да и чего вамъ въ бѣгахъ? Въ бѣгахъ гадко и трудно, а вамъ прежде всего надо жизни и положенія опредѣленнаго, воздуху соотвѣтственнаго, ну, а вашъ ли тамъ воздухъ? Убѣжите и сами воротитесь. *Безъ насъ вамъ нельзя обойтись.* А засади я васъ въ тюремный-то замокъ, — ну, мѣсяцъ, ну, два,

ну, три посидите, а тамъ, вдругъ и помянете мое слово, сами и явитесь, да еще какъ, пожалуй себѣ самому неожиданно. Сами еще за часъ знать не будете, что придете съ повинною. Я даже вотъ увѣренъ, что вы „страданье надумаетесь принять“; мнѣ-то на слово не вѣрите, а сами на томъ остановитесь. Потому, страданье, Родіонъ Романычъ, великая вещь; вы не глядите на то, что я отолстѣлъ, нужды нѣтъ, за то знаю, не смѣйтесь надъ этимъ, въ страданіи есть идея. Миколка-то правъ. Нѣтъ, не убѣжите, Родіонъ Романычъ.

Раскольниковъ всталъ съ мѣста и взялъ фуражку. Порфирій Петровичъ тоже всталъ.

— Прогуляться собираетесь? Вечерокъ-то будетъ хорошъ, только грозы бы вотъ не было. А, впрочемъ, и лучше, кабы освѣжило....

Онъ тоже взялся за фуражку.

— Вы, Порфирій Петровичъ, пожалуста, не заберите себѣ въ голову, съ суровою настойчивостью произнесъ Раскольниковъ, — что я вамъ сегодня сознался. Вы человѣкъ странный, и слушалъ я васъ изъ одного любопытства. А я вамъ ни въ чемъ не сознался.... Запомните это.

— Ну, да ужъ знаю, запомню, — ишь вѣдь, даже дрожить. Не беспокойтесь голубчикъ; ваша воля да будетъ. Погуляйте немножко; только слѣшкомъ-то ужъ много нельзя гулять. На всякій случай есть у меня и еще къ вамъ просьбица, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, — щекотливенькая она, а важная: если, то-есть на всякій случай (чему я, впрочемъ, не вѣрую и считаю васъ вполнѣ неспособнымъ), еслибы на случай, — ну такъ, на всякій случай, — пришла бы вамъ охота въ эти сорокъ-пятьдесятъ часовъ, какъ-нибудь дѣло покончить иначе, фантастическимъ какимъ образомъ, — ручки этакъ на себя подыять (предположеніе нелѣпное, ну, да ужъ вы мнѣ его простите), то — оставьте краткую, но обстоятельную записочку. Такъ, двѣ строчки, двѣ только строчки, и объ камнѣ упомяните: благородяѣе будетъ-съ. Ну-съ, прощайте.... Добрыхъ мыслей, благихъ начинаній!

Порфирій вышелъ какъ-то согнувшись, и какъ бы избѣгая глядѣть на Раскольникова. Раскольниковъ подошелъ къ окну и съ раздражительнымъ нетерпѣніемъ выжидалъ время, когда, по расчету, тотъ выйдетъ на улицу и отойдетъ подалее. Затѣмъ поспѣшно вышелъ самъ изъ комнаты.

III.

Онъ спѣшилъ къ Свидригайлову. Чего онъ могъ надѣяться отъ этого человѣка—онъ и самъ не зналъ. Но въ этомъ человѣкѣ таилась какая-то власть надъ нимъ. Сознавъ это разъ, онъ уже не могъ успокоиться, а теперь къ тому же и пришло время.

Дорогой, одинъ вопросъ особенно мучилъ его: былъ ли Свидригайловъ у Порфирія?

Сколько онъ могъ судить и въ чемъ бы онъ присягулъ,—нѣтъ, не былъ! Онъ подумалъ еще и еще, припомнилъ все посвященіе Порфирія, сообразилъ: нѣтъ, не былъ, конечно не былъ!

Но если не былъ еще, то пойдетъ или не пойдетъ онъ къ Порфирію?

Теперь покаместъ ему казалось, что не пойдетъ. Почему? Онъ не могъ бы объяснить и этого, но еслибъ и могъ объяснить, то теперь онъ бы не сталъ надъ этимъ особенно ломать голову. Все это его мучило, и въ то же время ему было какъ-то не до того. Странное дѣло, никто бы, можетъ-быть, не повѣрилъ этому, но о своей теперешней, немедленной судьбѣ онъ какъ-то слабо, разсѣянно заботился. Его мучило что-то другое, гораздо болѣе важное, чрезвычайное,—о немъ же самомъ и не о комъ другомъ, но что-то другое, что-то главное. Къ тому же, онъ чувствовалъ безпредѣльную нравственную усталость, хотя разсудокъ его въ это утро работалъ лучше чѣмъ во всѣ эти послѣдніе дни.

Да и стоило ль теперь, послѣ всего что было, стараться побуждать всѣ эти новыя мизерныя затрудненія? Стоило ль, напримѣръ, стараться интриговать, чтобы Свидригайловъ не ходилъ къ Порфирію; изучать, разузнавать, терять время на какого-нибудь Свидригайлова!

О, какъ надоѣло все это Раскольникову!

А между тѣмъ онъ все-таки спѣшилъ къ Свидригайлову; ужъ не ожидалъ ли онъ чего-нибудь отъ него *новаго*, указаній, выхода? И за соломенку вѣдь хватаются! Не судьба ль, не цвѣстикъ ли какой сводить ихъ вмѣстѣ? Можетъ-быть, это была только усталость, отчаяніе; можетъ-быть, надо было

не Свидригайлова, а кого-то другого, а Свидригайловъ только такъ тутъ подвернулся. Сося? Да и зачѣмъ бы онъ пошелъ теперь къ Сося? Опять просить у ней ея слезъ? Да и страшна была ему Сося. Сося представляла собою неумолимый приговоръ, рѣшеніе безъ перемѣн. Тутъ — или ея дорога или его. Особенно въ эту минуту онъ не въ состояніи былъ ее видѣть. Нѣтъ, не лучше ли испытать Свидригайлова: что это такое? И онъ не могъ не сознаться внутри, что и дѣйствительно тотъ на что-то ему давно уже какъ бы нуженъ.

Ну, однакожь, что можетъ быть между ними общаго? Даже и злодѣйство не могло бы быть у нихъ одинаково. Этотъ человѣкъ очень къ тому же былъ неприятель, очевидно чрезвычайно развратель, непремѣнно хитеръ и обманчивъ, можетъ-быть, очень злой. Про него ходятъ такіе разказы. Правда, онъ хлопоталъ за дѣтей Катерины Ивановны; но кто знаетъ для чего, и что это означаетъ? У этого человѣка вѣчно какія-то намѣренія и проекты.

Мелькала постоянно во всѣ эти дни у Раскольниковъ еще одна мысль и страшно его беспокоила, хотя онъ даже старался прогонять ее отъ себя, такъ она была тяжела для него! Онъ думалъ иногда: Свидригайловъ все вертѣлся около него, да и теперь вертится; Свидригайловъ узналъ его тайну; Свидригайловъ имѣлъ замыслы противъ Дуни. А если и теперь имѣеть? Почти навѣрное можно сказать, что да. А если теперь, узнавъ его тайну и такимъ образомъ получивъ надъ нимъ власть, онъ захочетъ употребить ее какъ оружіе противъ Дуни?

Мысль эта иногда, даже во снѣ, мучила его, но въ первый еще разъ она явилась ему такъ сознательно ярко, какъ теперь, когда онъ шелъ къ Свидригайлову. Одна уже мысль эта приводила его въ холодную, мрачную ярость. Впервые, тогда уже все измѣнится, даже въ его собственномъ положеніи: слѣдуетъ тотчасъ же открыть тайну Дунечкѣ. Слѣдуетъ, можетъ-быть, предать самого себя, чтобъ отвлечь Дунечку отъ какого-нибудь неосторожнаго шага. Письмо? Ниче утромъ Дуня получила какое-то письмо! Отъ кого въ Петербургѣ могла бы она получать письма? (Лужинъ развѣ?) Правда, тамъ стережетъ Разумихинъ; но Разумихинъ ничего не знаетъ. Можетъ-быть, слѣдуетъ открыться и Разумихину? Раскольниковъ съ омерзевіемъ подумалъ объ этомъ.

Во всякомъ случаѣ, Свидригайлова надо увидать какъ можно скорѣе, рѣшилъ онъ про себя окончательно. Слава Богу, тутъ не такъ нужны подробности, сколько сущность дѣла; но если, если только способенъ онъ, если Свидригайловъ что-нибудь интригуетъ противъ Дуки,—то....

Раскольниковъ до того усталъ за все это время, за весь этотъ мѣсяцъ, что уже не могъ разрѣшать теперь подобныхъ вопросовъ иначе какъ только однимъ рѣшеніемъ: „тогда я убью его“, подумалъ онъ въ холодномъ отчаяніи. Тяжелое чувство сдавило его сердце; онъ остановился во срединѣ улицы и сталъ осматриваться: по какой дорогѣ онъ идетъ и куда онъ зашелъ? Онъ находился на —скомъ проспектѣ, шагахъ въ тридцати или въ сорока отъ Святой, которую прошелъ. Весь второй этажъ дома надѣво былъ занятъ трактиромъ. Всѣ окна были отворены настежь; трактиръ, судя по двигавшимся фигурамъ въ окнахъ, былъ набитъ биткомъ. Въ залѣ разливались пѣсенники, звенѣли кларнетъ, скрипка и гремѣлъ турецкій барабанъ. Слышны были женскіе взвизги. Онъ было хотѣлъ пойдти назадъ, недоумѣвая, зачѣмъ онъ повернулъ на —скій проспектъ, какъ вдругъ, въ одномъ изъ крайнихъ отворенныхъ оконъ трактира, увидѣлъ сидѣвшаго у самаго окна, за чайнымъ столомъ, съ трубкою въ зубахъ, Свидригайлова. Это страшно, до ужаса поразило его. Свидригайловъ наблюдалъ и разсматривалъ его, молча, и, что тоже тотчасъ же поразило Раскольникова, кажется, хотѣлъ было встать, чтобы потихоньку успѣть уйдти, пока его не замѣтили. Раскольниковъ тотчасъ сдѣлалъ видъ, что какъ будто и самъ не замѣтилъ его и смотритъ, задумавшись, въ сторону, а самъ продолжалъ его наблюдать краемъ глаза. Сердце его тревожно билось. Такъ и есть: Свидригайловъ, очевидно, не хочетъ чтобъ его видѣли. Онъ отвелъ отъ губъ трубку и уже хотѣлъ спрятаться; но поднявшись и отодвинувъ стулъ, вѣроятно, вдругъ замѣтилъ, что Раскольниковъ его видитъ и наблюдаетъ. Между ними произошло нѣчто похожее на сцену ихъ перваго свиданія у Раскольникова, во время сна. Плутовская улыбка показалась на лицѣ Свидригайлова и все болѣе расширялась. И тотъ, и другой знали, что оба видятъ и наблюдаютъ другъ друга. Наконецъ Свидригайловъ громко расхохотался.

— Ну, ну! входите ужъ, коли хотите; я здѣсь! крикнулъ онъ изъ окна.

Раскольниковъ поднялся въ трактиръ.

Онъ нашелъ его въ очень маленькой, задней комнаткѣ, въ одно окно, примыкавшей къ большой пятиоконной залѣ, гдѣ на двадцати маленькихъ столикахъ, при крикахъ отчаяннаго хора пѣсенниковъ, пили чай купцы, чиновники и множество всякаго люда. Откуда-то долеталъ стукъ шаровъ на биллиардѣ. На столикѣ предъ Свидригайловымъ стояла початая бутылка шампанскаго и стаканъ, до половины полный вина. Въ комнаткѣ находились еще мальчикъ-шарманщикъ, съ маленькимъ ручнымъ органчикомъ, и здоровая, краснощекая дѣвушка, въ подтыканной, полосатой юбкѣ и въ тирольской шляпѣ съ лентами, пѣвица, лѣтъ восемнадцати, которая, не смотря на хоровую пѣсню въ другой комнатѣ, пѣла подъ аккомпаниментъ органчика, довольно сильнымъ контрабасомъ, какую-то лакейскую пѣсню....

— Ну, и довольно! прервалъ ее Свидригайловъ, при входѣ Раскольникова.

Дѣвушка тотчасъ же оборвала и остановилась въ почтительномъ ожиданіи. Пѣла она свою ризмованную лакейщину тоже съ какимъ-то серьезнымъ и почтительнымъ отъякомъ въ лицѣ.

— Эй, Филиппъ, стаканъ! крикнулъ Свидригайловъ.

— Я не стану пить вина, сказалъ Раскольниковъ.

— Какъ хотите, я не для васъ. Пей, Катя! Сегодня ничего больше не понадобится, ступай! Онъ налилъ ей цѣлый стаканъ вина и выложилъ желтенькій билетикъ. Катя выпила стаканъ разомъ, какъ пьютъ вино женщины, то-есть не отрываясь, въ двадцать глотковъ, взяла билетикъ, поцѣловала у Свидригайлова руку, которую тотъ весьма серьезно допустилъ поцѣловать, и вышла изъ комнаты, а за нею послѣдовалъ и мальчишка съ органомъ. Оба они были приведены съ улицы. Свидригайловъ и недѣли не жилъ въ Петербургѣ, а ужъ все около него было на какой-то патриархальной ногѣ. Трактирный лакей, Филиппъ, тоже былъ уже „знакомый“ и подобострастничалъ. Дверь въ залу запиралась; Свидригайловъ въ этой комнаткѣ былъ какъ у себя, и проводилъ въ ней, можетъ-быть, цѣлые дни. Трактиръ былъ грязный, дрянной и даже не средней руки.

— Я къ вамъ шелъ и васъ отыскивалъ, началъ Раскольниковъ;—но почему теперь я вдругъ поворотилъ на —скій про-

спектъ съ Свѣной? Я никогда сюда не поворачиваю и не захожу. Я поворачиваю съ Свѣной направо. Да и дорога къ вамъ не сюда. Только поворотилъ, вотъ и вы! Это странно!

— Зачѣмъ же вы прямо не скажете: это чудо!

— Потому что это, можетъ-быть, только случай.

— Вѣдь какая складка у всего этого народа! захохоталъ Свидригайловъ:—не сознается, хоть бы даже внутри и вѣрилъ чуду! Вѣдь ужъ сами говорите, что „можетъ-быть“ только случай. И какіе здѣсь все трусишки насчетъ своего собственного мнѣнія, вы представить себѣ не можете, Родионъ Романовичъ! Я не про васъ. Вы имѣете собственное мнѣніе и не струсили имѣть его. Тѣмъ-то вы и завлекли мое любопытство.

— Больше ничѣмъ?

— Да.... а этого вѣдь довольно.

Свидригайловъ былъ очевидно въ возбужденномъ состояніи, но всего только на капельку; вина выпилъ онъ всего только подстакана.

— Мнѣ кажется, вы пришли ко мнѣ раньше чѣмъ узнали о томъ, что я способенъ имѣть то, что вы называете собственнымъ мнѣніемъ, замѣтилъ Раскольниковъ.

— Ну, тогда было дѣло другое. У всякаго свои шаги. А насчетъ чуда скажу вамъ, что вы, кажется, эти послѣдніе два-три дня проспали. Я вамъ самъ назначилъ этотъ трактиръ и никакого тутъ чуда не было, что вы прямо пришли; самъ растолковалъ всю дорогу, рассказалъ мѣсто гдѣ онъ стоитъ и часы, въ которые можно меня здѣсь застать. Помните?

— Забылъ, отвѣчалъ съ удивленіемъ Раскольниковъ.

— Вѣрю. Два раза я вамъ говорилъ. Адресъ отчеканился у васъ въ памяти механически. Вы и повернули сюда механически, а между тѣмъ строго по адресу, сами того не зная. Я и говоря-то вамъ тогда, не надѣялся, что вы меня поняли. Очень ужъ вы себя выдаете, Родионъ Романовичъ. Да вотъ еще: я убѣжденъ, что въ Петербургѣ много народу, ходя, говорятъ сами съ собой. Это городъ полусумашедшихъ. Еслибъ у насъ были науки, то медики, юристы и философы могли бы сдѣлать надъ Петербургомъ драгоценнѣйшія изслѣдованія, каждый по своей специальности. Рѣдко гдѣ найдется столько мрачныхъ, рѣзкихъ и странныхъ вліаній на душу человѣка, какъ въ Петербургѣ. Чего стоятъ одни

климатическія вліянія! Между тѣмъ это административный центръ всей Россіи, и характеръ его долженъ отражаться на всемъ. Но не въ томъ теперь дѣло, а въ томъ, что я уже нѣсколько разъ смотрѣлъ на васъ сбоку. Вы выходите изъ дому—еще держите голову прямо. Съ двадцати шаговъ вы уже ее опускаете, руки складываете назадъ. Вы смотрите и, очевидно, ни предъ собою, ни по бокамъ уже ничего не видите. Наконецъ начинаете шевелить губами и разговаривать сами съ собой, причемъ иногда вы высвобождаете руку и декламируете, наконецъ останавливаетесь среди дороги и задолго. Это очень не хорошо-съ. Можеть-быть, васъ кто и замѣчаетъ, кромѣ меня, а ужъ это не выгодно. Мнѣ въ сущности все равно, и я васъ не выѣмчу, но вы, конечно, меня понимаете.

— А вы знаете, что за мною слѣдятъ? спросилъ Раскольниковъ, пытливо на него взглядывая.

— Нѣтъ, ничего не знаю, какъ бы съ удивленіемъ спросилъ Свидригайловъ.

— Ну, такъ и оставимъ меня въ покоѣ, нахмурившись пробормоталъ Раскольниковъ.

— Хорошо, оставимъ васъ въ покоѣ.

— Скажите лучше, если вы сюда приходите пить и сами мнѣ назначали два раза, чтобъ я къ вамъ сюда же пришелъ, то почему вы теперь, когда я смотрѣлъ въ окно съ улицы, прятались и хотѣли уйти? Я это очень хорошо замѣтилъ.

— Хе! хе! А почему вы, когда я тогда стоялъ у васъ на порогѣ, лежали на своей софѣ съ закрытыми глазами и притворялись, что спите, тогда какъ вы вовсе не спали? Я это очень хорошо замѣтилъ.

— Я могъ имѣть.... причины.... вы сами это знаете.

— И я могъ имѣть свои причины, хотя вы ихъ и не узнаете.

Раскольниковъ опустилъ правый локоть на столъ, подперъ тремя пальцами правой руки снизу свой подбородокъ и пристально уставился на Свидригайлова. Онъ разсматривалъ съ минуту его лицо, которое всегда его поражало и прежде. Это было какое-то странное лицо, похожее какъ бы на маску: блѣлое, румяное, съ румяными, алыми губами, съ свѣтло-бѣлокурою бородой и съ довольно еще густыми бѣлокурыми волосами. Глаза были какъ-то слишкомъ голубые, а взглядъ

ихъ какъ-то слишкомъ тяжелъ и неподвиженъ. Что-то было ужасно неприятное въ этомъ красивомъ и чрезвычайно молоджавомъ, судя по лѣтамъ, лицѣ. Одежда Свидригайлова была щегольская, лѣтная, легкая, въ особенности щеголялъ онъ бѣльемъ. На пальцѣ былъ огромный перстень съ дорогимъ камнемъ.

— Да неужели же мнѣ и съ вами еще тоже надо возиться, сказалъ вдругъ Раскольниковъ, выходя съ судорожнымъ нетерпѣнiемъ прямо на открытую, — хотя вы, можетъ-быть, и самый опасный человѣкъ, если захотите вредить, да я-то не хочу ломать себя больше. Я вамъ покажу сейчасъ, что не такъ дорожу собою, какъ вы, вѣроятно, думаете. Знайте же, я пришелъ къ вамъ прямо сказать, что если вы держите ваше прежнее намѣренiе насчетъ моей сестры и если для этого думаете чѣмъ-нибудь воспользоваться изъ того, что открыто въ послѣднее время, то я васъ убью прежде чѣмъ вы меня въ острогъ посадите. Мое слово вѣрно: вы знаете, что я сумѣю сдержать его. Второе, если хотите мнѣ что-нибудь объявить, — потому что мнѣ все это время казалось, что вы какъ будто хотите мнѣ что-то сказать, — то объявляйте скорѣе, потому что время дорого и, можетъ-быть, очень скоро будетъ уже поздно.

— Да куда вы это такъ торопитесь? спросилъ Свидригайловъ, любопытно его разглядывая.

— У всякаго свои шаги, мрачно и нетерпѣливо проговорилъ Раскольниковъ.

— Вы сами же вызывали сейчасъ на откровенность, а на первый же вопросъ и отказываетесь отвѣчать, замѣтилъ Свидригайловъ съ улыбкой. — Вамъ все кажется, что у меня какія-то цѣли, а потому и глядите на меня подозрительно. Что жь, это совершенно понятво въ вашемъ положенiи. Но какъ я ни желаю сойтись съ вами, я все-таки не возьму на себя труда разувѣрять васъ въ противномъ. Ей-Богу, игра не стоить свѣчъ, да и говорить-то съ вами я ни о чемъ такомъ особенномъ не намѣревался.

— Зачѣмъ же я тогда вамъ такъ понадобился? Вѣдь вы же около меня ухаживали?

— Да просто какъ любопытный субъектъ для наблюденiя. Мнѣ понравились вы фантастичностью вашего положенiя, — вотъ чѣмъ! Кромѣ того, вы братъ особы, которая меня очень интересовала и, наконецъ, отъ самой этой особы въ

свое время я ужасно много и часто слышалъ о васъ, изъ чего и заключилъ, что вы имѣете надъ нею большое вліяніе; развѣ этого мало? Хе-хе-хе! Впрочемъ, сознаюсь, вашъ вопросъ для меня весьма сложенъ, и мнѣ трудно на него вамъ отвѣтить. Ну, вотъ, напримѣръ, вѣдь вы пришли ко мнѣ теперь мало того что по дѣлу, а за чѣмъ-нибудь новенькимъ? Вѣдь такъ? Вѣдь такъ? востановилъ Свидригайловъ съ плутовскою улыбкой: — ну, представьте же себѣ послѣ этого, что я самъ-то, еще вѣхавъ сюда, въ вагонѣ, на васъ же рассчитывалъ, что вы мнѣ тоже скажете что-нибудь *новенькаго*, и что отъ васъ же удастся мнѣ чѣмъ-нибудь позаимствоваться! Вотъ какіе мы богачи!

— Чѣмъ это позаимствоваться?

— Да что вамъ сказать? Развѣ я знаю чѣмъ? Видите, въ какомъ трактиршкѣ все время просиживаю, и это мнѣ всласть, то-есть не то чтобы всласть, а такъ, надо же гдѣ-нибудь сѣсть. Ну, вотъ хоть эта бѣдная Катя — видѣли?... Ну, былъ бы я, напримѣръ, хоть обжора, клубный гастронômъ, а то вѣдь вотъ что я могу вѣсть! (Онъ ткнулъ пальцемъ въ уголъ, гдѣ на маленькомъ столикѣ, на жестяномъ блюдѣ, стояли остатки ужаснаго бифштекса съ картофелемъ.) Кстати, обѣдали вы? Я перекусилъ и больше не хочу. Вива, напримѣръ, совсѣмъ не пью. Кромѣ шампанскаго никакаго, да и шампанскаго-то въ цѣлый вечеръ одинъ стаканъ, да и то голова болитъ. Это я теперь, чтобы подмостироваться, велѣлъ подать, потому что я куда-то собираюсь, и вы видите меня въ особомъ расположеніи духа. Я потому давеча и спрятался какъ школьникъ, что думалъ, что вы мнѣ помѣшаете; но, кажется (онъ вынулъ часы), могу пробыть съ вами часъ; теперь половина пятого. Вѣрите ли, хотя бы что-нибудь было; ну, помѣщикомъ быть, ну, отцомъ, ну, уланомъ, фотографомъ, журналистомъ.... и-ничего, никакой специальности! Иногда даже скучно. Право, думалъ, что вы мнѣ скажете что-нибудь новенькаго.

— Да кто вы такой и зачѣмъ вы сюда пріѣхали?

— Я кто такой? Вы знаете: дворянинъ, служилъ два года въ кавалеріи, потомъ такъ здѣсь въ Петербургѣ шаялся, потомъ женился на Марѣ Петровнѣ и жилъ въ деревнѣ. Вотъ моя біографія!

— Ну, вотъ, вы стало-быть игрокъ?

— Нѣтъ, какой я игрокъ. Шулеръ — не игрокъ.

— А вы были шулеромъ?

— Да, былъ и шулеромъ.

— Что же, васъ бивали?

— Случалось. А что?

— Ну, стало-быть, вызвать на дуэль могли.... да и вообще, оживляетъ.

— Не противорѣчу вамъ и притомъ не мастеръ я философствовать. Признаюсь вамъ, я сюда больше насчетъ женщинъ поскорѣе прѣхалъ.

— Только-что похоронили Марю Петровну?

— Ну да, улыбнулся съ побѣждающею откровенностию Свидригайловъ. — Такъ что жь? Вы, кажется, находите что-то дурное, что я о женщинахъ такъ говорю?

— То-есть, нахожу я или нѣтъ дурное въ развратѣ?

— Въ развратѣ? Ну, вотъ вы куда! А, впрочемъ, по порядку прежде отвѣчу вамъ насчетъ женщины вообще; знаете, я расположенъ болтать. Скажите, для чего я буду себя сдерживать? Зачѣмъ же бросать женщинъ, коли я хоть до нихъ охотникъ? По крайней мѣрѣ занятіе.

— Такъ вы здѣсь только на развратъ одинъ и надѣветесь?

— Ну, такъ что жь, ну, и на развратѣ! Дался вамъ развратъ. Да люблю, по крайней мѣрѣ, прямой вопросъ. Въ этомъ развратѣ, по крайней мѣрѣ, есть нѣчто постоянное, основанное даже на природѣ и не подверженное фантази, нѣчто всегдашнимъ разожженнымъ уголькомъ въ крови пребывающее, вѣчно поджигающее, которое и долго еще, и съ лѣтами, можетъ-быть, не такъ скоро зальешь. Согласитесь сами, развѣ не занятіе въ своемъ родѣ?

— Чему же тутъ радоваться? Это болѣзнь и опасная.

— А, вотъ вы куда? Я согласенъ, что это болѣзнь, какъ и все происходящее черезъ мѣру, — а тутъ непременно придется перейти черезъ мѣру, — но вѣдь это, во первыхъ, у одного такъ, у другого иначе, а воть вторыхъ, разумѣется, во всемъ держи мѣру, разчетъ, хоть и подлый, но вѣдь что же дѣлать? Не будь этого, вѣдь эдакъ застрѣлиться, пожалуй, пришлось бы. Я согласенъ, что порядочный человѣкъ обязанъ скучать, но вѣдь, однакожь....

— А вы могли бы застрѣлиться?

— Ну, вотъ! съ отвращеніемъ отпарировалъ Свидригайловъ: — сдѣлайте одолженіе, не говорите объ этомъ, прибавилъ онъ поспѣшно и даже безъ всякаго фанфаронства,

которое выказывалось во всѣхъ прежнихъ его словахъ. Даже лицо его какъ будто измѣнилось. — Сознаюсь въ непростительной слабости, но что дѣлать: боюсь смерти и не люблю, когда говорятъ о ней. Знаете ли, что я мистикъ отчасти?

— А! призраки Марѣы Петровны! Что жь, приходится продолжать?

— Ну ихъ, не поминайте; въ Петербургѣ еще не было; да и чортъ съ ними! вскричалъ онъ съ какимъ-то раздражительнымъ видомъ. — Нѣтъ, будемте лучше объ этомъ... да впрочемъ... Гмъ! Эхъ, мало времени, не могу я съ вами долго остаться, а жаль! Было бы что сообщить.

— А что у васъ, женщина?

— Да, женщина, такъ печальный одинъ случай... нѣтъ, я не про то.

— Ну, а мерзость, мерзость всей этой обстановки на васъ уже не дѣйствуетъ? уже потеряли силу остановиться?

— А вы и на силу претендуете? Хе-хе-хе! Удивили же вы меня сейчасъ, Родионъ Романычъ, хоть я заранѣе зналъ, что это такъ будетъ. Вы же толкуете мнѣ о развратѣ и объ эстетикѣ! Вы—Шиллеръ, вы—идеалистъ! Все это, конечно, такъ и должно быть и надо бы удивляться, еслибъ оно было иначе, но однакожь, какъ-то все-таки странно въ дѣйствительности.... Ахъ, жаль, что времени мало, потому вы сами прелюбопытный субъектъ? А кстати, вы любите Шиллера? Я ужасно люблю.

— Но какой вы, однакоже, фанфаронъ! съ нѣкоторымъ отвращеніемъ произнесъ Раскольниковъ.

— Ну, ей-Богу же, нѣтъ! хохоча отвѣчалъ Свидригайловъ,— а впрочемъ, не спорю, пусть и фанфаронъ; но вѣдь почему же и не пофанфаронить, когда оно безобидно. Я семь лѣтъ прожилъ въ деревнѣ у Марѣы Петровны, а потому, набросившись теперь на умнаго человѣка какъ вы,—на умнаго и въ высшей степени любопытнаго, просто, радъ поболтать, да кромѣ того выпилъ эти полстакана вина и уже капельку въ голову ударило. А, главное, существуетъ одно обстоятельство, которое меня очень монтировало, но о которомъ я... умолчу. Куда же вы? съ испугомъ спросилъ вдругъ Свидригайловъ.

Раскольниковъ сталъ-было вставать. Ему сдѣлалось и тяжело, и душно, и какъ-то неловко, что онъ пришелъ сюда.

Въ Свидригайловѣ онъ убѣдился какъ въ самомъ пустѣишемъ и ничтожнѣйшемъ злодѣѣ въ мѣрѣ.

— Э-эхъ! Посидите, оставайтесь, упрасивалъ Свидригайловъ,—да ведите себѣ принести хоть чаю. Ну, посидите, ну, я не буду болтать вздору, о себѣ то-есть. Я вамъ что-нибудь разкажу. Ну, хотите, я вамъ разкажу, какъ меня женщина, говоря вашимъ слогомъ, „спасала“? Это будетъ даже отвѣтомъ на вашъ первый вопросъ, потому что особа эта—ваша сестра. Можно разказывать? Да и время убьемъ.

— Разказывайте, но я надѣюсь вы....

— О, не беспокойтесь! Притомъ же Авдотья Романовна даже и въ такомъ скверномъ и пустомъ человѣкѣ, какъ я, можетъ вселить только одно глубочайшее уваженіе.

IV.

— Вы знаете, можетъ-быть (да я впрочемъ и самъ вамъ разказывалъ), началъ Свидригайловъ,—что я сидѣлъ здѣсь въ долговой тюрьмѣ, по огромному счету, и не имѣя ни малѣйшихъ средствъ въ виду для уплаты. Нечего подробничать о томъ, какъ выкупила меня тогда Марѳа Петровна; знаете ли до какой степени одурманенія можетъ иногда полюбить женщина? Это была женщина честная, весьма неглупая (хотя и совершенно необразованная). Представьте же себѣ, что эта-та самая, ревнивая и честная женщина, рѣшилась снизойти, послѣ многихъ ужасныхъ изступленій и попрековъ, на нѣкотораго рода со мною контрактъ, который и исполняла во все время нашего брака. Дѣло въ томъ, что она была значительно старше меня, кромѣ того постоянно носила во рту какую-то гвоздичку. Я имѣлъ на столько свинства въ душѣ и своего рода честности, чтобъ объявить ей прямо, что совершенно вѣренъ ей быть не могу. Это признаніе привело ее въ изступленіе, но, кажется, моя грубая откровенность ей въ нѣкоторомъ родѣ понравилась: „Значить, дескать, самъ не хочетъ обманывать, коли заранѣе такъ объявляетъ,—ну, а для ревнивой женщины это первое. Послѣ долгихъ слезъ состоялся между нами такого рода изустный контрактъ: первое, я никогда не оставлю Марѳу Петровну и всегда пребуду ея мужемъ; второе, безъ ея позволенія не отлучусь никуда; третье: постоянной

любовницы не заведу никогда; четвертое, за это Марѳа Петровна позволяет мнѣ приглашать иногда на свѣнныхъ дѣвухекъ, но не иначе какъ съ ея секретнаго вѣдома; пятое: Боже сохрани меня полюбить женщину изъ нашего сословія; шестое: если на случай, чего Боже сохрани, меня постигнетъ какая-нибудь страсть, большая и серьезная, то я долженъ открыться Марѳѣ Петровнѣ. Насчетъ послѣдняго пункта Марѳа Петровна была, впрочемъ, во все время довольно спокойна; это была умная женщина, а слѣдственно не могла же на меня смотрѣть иначе какъ на развратника и потаскуна, который серьезно полюбить не въ состояніи. Но умная женщина и ревнивая женщина, два предмета разные, и вотъ въ этомъ-то и бѣда. Впрочемъ, чтобы безпристрастно судить о нѣкоторыхъ людяхъ нужно заранѣе отказаться отъ чужихъ предвзятыхъ взглядовъ и отъ обыкновенной привычки къ обыкновенно-окружающимъ насъ людямъ и предметамъ. На ваше сужденіе, болѣе чѣмъ на чье-нибудь, я имѣю право надѣяться. Можетъ-быть, вы уже очень много слышали о Марѳѣ Петровнѣ смѣшнаго и нелѣпаго. Дѣйствительно, у ней были чужія весьма смѣшныя привычки; но скажу вамъ прямо, что я искренно сожалѣю о безчисленныхъ горестяхъ, которыхъ я былъ причиною. Ну, и довольно, кажется, для весьма приличнаго *raison funèbre* вѣжливѣйшей женѣ вѣжливѣйшаго мужа. Въ случаяхъ нашихъ ссоръ я, большею частію, молчалъ и не раздражался, и это джентельменничанье всегда почти достигало цѣли; оно на нее вліяло, и ей даже нравилось; бывали случаи, что она мною даже гордилась. Но сестрицы вашей все-таки не вынесла. И какимъ образомъ это случилось, что она рискнула взять такую разкрасавицу въ свой домъ, въ гувернантку! Я объясняю тѣмъ, что Марѳа Петровна была женщина пламенная и воспріимчивая, и что, просто-за-просто, она сама влюбилась, — буквально влюбилась, — въ вашу сестрицу. Ну, да и Авдотья-то Романовна! Я очень хорошо появлялъ, съ перваго взгляда, что тутъ дѣло плохо и, — что вы думаете? — рѣшился было и глазъ не подымать на нее. Но Авдотья Романовна сама сдѣлала первый шагъ, — вѣрите или нѣтъ? Вѣрите ли вы тоже, что Марѳа Петровна до того доходила, что даже на меня сердилась сначала за мое всегдашнее молчаніе о вашей сестрѣ, за то, что я такъ равнодушенъ на ея непрерывные и влюбленные отзывы объ Авдотѣ Романовнѣ?

Самъ не понимаю чего ей хотѣлось! Ну, ужь конечно, Мар-еа Петровна разказала Авдотѣ Романовнѣ обо мнѣ всю подноготную. У нея была несчастная черта, рѣшительно всѣмъ разказывать всѣ ваши семейныя тайны и всѣмъ безпрерывно на меня жаловаться; какъ же было пропустить такого новаго и прекраснаго друга? Полагаю, что у нихъ и разговору иного не было какъ обо мнѣ, и ужь безъ сомнѣнiя, Авдотѣ Романовнѣ стали извѣстны всѣ эти мрачныя, таинственныя сказки, которыя мнѣ приписываютъ.... Бьюсь объ закладъ, что вы ужь что-нибудь въ этомъ родѣ тоже слышали?

— Слышалъ. Лужинъ обвинялъ васъ, что вы даже были причиною смерти ребенка. Правда это?

— Сдѣлайте одолженiе, оставьте всѣ эти пошлости въ покоѣ, съ отвращенiемъ и брюзгаиво отговорился Свидригайловъ; если вы такъ непремѣнно захотите узнать обо всей этой бессмыслицѣ, то я когда-нибудь разкажу вамъ особю, а теперь....

— Говорили тоже о какомъ-то вашемъ лакеѣ въ деревнѣ и что, будто бы, вы были тоже чему-то причиною, прибавилъ Раскольниковъ.

— Сдѣлайте одолженiе, довольно! перебилъ опять съ явнымъ нетерпѣнiемъ Свидригайловъ.

— Это не тотъ ли лакей, который вамъ послѣ смерти трубку приходилъ набивать.... еще сами мнѣ разказывали?

Свидригайловъ внимательно поглядѣлъ на Раскольникова, и тому показалось, что во взглядѣ этомъ блеснула мгновенно, какъ молнiя, злобая усмѣшка, но Свидригайловъ удержался и весьма вѣжливо отвѣчалъ:

— Это тотъ самый. Я вижу, что васъ тоже все это чрезвычайно интересуеть, и почту за долгъ, при первомъ удобномъ случаѣ, по всѣмъ пунктамъ удовлетворить ваше любопытство. Чортъ возьми! Я вижу, что дѣйствительно могу показаться кому-нибудь лицомъ романтическимъ. Судите же до какой степени я обязанъ послѣ того благодарить покойницу Марю Петровну за то, что она наговорила вашей сестрицѣ обо мнѣ столько таинственнаго и любопытнаго. Не смѣю судить о впечатлѣнiи; но, во всякомъ случаѣ, это было для меня выгодно. При всемъ естественномъ отвращенiи ко мнѣ Авдотьи Романовны, и несмотря на мой всегдашнiй мрачный и отталкивающiй видъ,—ей стало наконецъ жаль меня

жалъ пропадающаго человѣка. А когда сердцу дѣвушки станетъ жаль, то, ужь разумѣется, это для нея всего опаснѣе. Тутъ ужь непременно захочется и „спасти“, и образумить, и воскресить, и призвать къ болѣе благороднымъ цѣлямъ, и возродить къ новой жизни и дѣятельности, — ну, извѣстно, что можно намечтать въ этомъ родѣ. Я тотчасъ же смекнулъ, что птичка сама летитъ въ сѣтку и, въ свою очередь, приготовилъ. Вы, кажется, хмуритесь, Родионъ Романовичъ? ничего-съ, дѣло, какъ вы знаете, обошлось пустяками. (Чортъ возьми, сколько я пью вина!) Знаете, мнѣ всегда было жаль, съ самаго начала, что судьба не дала родиться вашей сестрѣ во второмъ или третьемъ столѣтіи нашей эры, гдѣ-нибудь, дочерью владѣтельнаго князька или тамъ какого-нибудь правителя, или проконсула въ Малой Азіи. Она, безъ сомнѣнія, была бы одна изъ тѣхъ, которыя претерпѣли мученичество, и ужь конечно бы улыбалась, когда бы ей жгли грудь раскаленными щипцами. Она бы пошла на это нарочно сама, а въ четвертомъ и въ пятомъ вѣкахъ ушла бы въ Египетскую пустыню, и жила бы тамъ тридцать лѣтъ, питаясь кореньями, восторгами и видѣніями. Сама она только того и жаждетъ, и требуетъ, чтобы за кого-нибудь какую-нибудь муку поскорѣе принять, а не дай ей этой муки, такъ она, пожалуй, и въ окно выскочитъ. Я слышалъ что-то о какомъ-то господинѣ Разумихинѣ. Онъ малый, говорятъ, разсудительный (что и фамилія его показываетъ, семинаристъ должно-быть), ну, такъ пусть и бережетъ вашу сестру. Однимъ словомъ, я, кажется, ее понялъ, что и считаю себя за честь. Но тогда, то-есть въ началѣ знакомства, сами знаете, бываешь всегда какъ-то легкомысленнѣе и глупѣе, смотришь ошибочно, видишь не то. Чортъ возьми, зачѣмъ же она такъ хороша? Я не виноватъ! Однимъ словомъ, у меня началось съ самаго неудержимаго сладострастнаго порыва. Авдотья Романовна цѣломудренна ужасно, неслыханно и невиданно (Замѣйте себя, что я вамъ сообщаю это о вашей сестрѣ, какъ фактъ. Она цѣломудренна, можетъ-быть, до болѣзни, несмотря на весь свой широкій умъ, и это ей повредитъ.) Тутъ у насъ случилась одна дѣвушка, Параша, черноокая Параша, которую только что привезли изъ другой деревни, сѣнная дѣвушка, и которую я еще никогда не видывалъ, — хорошенькая очень, но глупа до

невѣроятности: въ слезы, подвѣла вой на весь дворъ, и вышла скандалъ. Разъ, послѣ обѣда, Авдотья Романовна нарочно отыскала меня одного въ аллеѣ въ саду, и съ сверкающими глазами *потребовала* отъ меня, чтобъ я оставилъ бѣдную Парашу въ покоѣ. Это былъ чуть ли не первый разговоръ нашъ вдвоемъ. Я, разумѣется, почелъ за честь удовлетворить ея желанію, постарался прикинуться пораженнымъ, смущеннымъ, ну, однимъ словомъ, сыгралъ роль не дурно. Начались сношенія, таинственные разговоры, нравоченія, поученія, упрощиванія, умаливанія, даже слезы,—верите ли, даже слезы! Вотъ до какой силы доходить у цыгъ дѣвушекъ страсть къ пропагандѣ! Я, конечно, все свалилъ на свою судьбу, прикинулся алчущимъ и жаждущимъ свѣта и наконецъ пустилъ въ ходъ величайшее и неизбежное средство къ покоренію женскаго сердца, средство, которое никогда и никого не обманетъ и которое дѣйствуетъ рѣшительно на всѣхъ до единой, безъ всякаго исключенія. Это средство извѣстное, лесть. Нѣтъ ничего въ мірѣ труднѣе прямодушія и нѣтъ ничего легче лести. Если въ прямодушіи только одна сотая доля нотки фальшивая, то происходитъ тотчасъ диссонансъ, а за нимъ—скандалъ. Если же въ лести даже все до послѣдней нотки фальшивое, и тогда она пріятна и слушается не безъ удовольствія; хотя бы и съ грубымъ удовольствіемъ, но все-таки съ удовольствіемъ. И какъ бы ни груба была лесть, въ ней непременно, по крайней мѣрѣ, половина кажется правдою. И это для всѣхъ развитій и слоевъ общества. Даже весталку можно соблазнить лестью. А ужъ про обыкновенныхъ людей и говорить нечего. Безъ смѣху не могу себѣ припомнить, какъ одинъ разъ соблазнялъ я одну, преданную своему мужу, своимъ дѣтямъ и своимъ добродѣтелямъ, барыню. Какъ это было весело и какъ мало было работы! А барыня дѣйствительно была добродѣтельна, по крайней мѣрѣ, по-своему. Вся моя тактика состояла въ томъ, что я просто былъ каждую минуту раздавленъ и падалъ ницъ предъ ея цѣломудріемъ. Я льстилъ безбожно и только что бывало добьюсь пожатія руки, даже взгляда, то укоряю себя, что это я вырвалъ его у нея силой, что она сопротивлялась, что она такъ сопротивлялась, что я навѣрное бы никогда ничего не получилъ, еслибъ я самъ не былъ такъ пороченъ; что она, въ невинности своей, не предусмотрѣла коварства и поддалась неумыш-

ленно, сама того не зная, не вѣдая, и прочее, и прочее. Однимъ словомъ, я достигъ всего, а моя барыня оставалась въ высшей степени увѣрена, что она невинна и цѣломудренна и исполняетъ всѣ долги и обязанности, а погибла совершенно всчужно. И какъ же она разсердилась на меня, когда я объявилъ ей въ концѣ концовъ, что по моему искреннему убѣжденію, она точно такъ же искала наслажденій, какъ и я. Бѣдная Марѳа Петровна тоже ужасно поддавалась на лесть, и еслибы только я захотѣлъ, то конечно отписалъ бы все ея имѣніе на себя еще при жизни. (Однако я ужасно много пью вина и болтаю.) Надѣюсь, что вы не разсердитесь, если я упомяну теперь, что тотъ же самый эффектъ началъ сбываться и съ Авдотьей Романовной. Да я самъ былъ глупъ и нетерпѣливъ и все дѣло испортилъ. Авдотья Романовна еще нѣсколько разъ и прежде (а одинъ разъ какъ-то особенно) ужасно не понравилось выраженіе глазъ моихъ, вѣрите вы этому? Однимъ словомъ, въ нихъ все смѣяше и неосторожнѣ вспыхивалъ нѣкоторый огонь, который пугалъ ее и сталъ ей наконецъ ненавистенъ. Нечего разказывать подробности, но мы разошлись. Тутъ я опять сглупилъ. Пустился грубѣйшимъ образомъ издѣваться насчетъ всѣхъ этихъ пропагандъ и обращеній; Параша опять выступила на сцену, да и не она одна,—однимъ словомъ, начался содомъ. Охъ, еслибы вы видѣли, Родіонъ Романычъ, хоть разъ въ жизни глазки вашей сестрицы такъ, какъ они иногда умѣютъ сверкать! Это ничего, что я теперь пьянъ и вотъ уже цѣлый стаканъ вина выпилъ, я правду говорю; увѣряю васъ, что этотъ взглядъ мнѣ свисалъ; шелестъ платья ея я уже наконецъ не могъ выносить. Право, я думалъ, что со мною сдѣлается падучая, никогда не воображалъ, что могу дойти до такого изступленія. Однимъ словомъ, необходимо было помириться; но это было уже невозможно. И представьте себѣ что я тогда сдѣлалъ? До какой степени отупѣнія бѣшенство можетъ довести человѣка! Никогда не предпринимайте ничего въ бѣшенствѣ, Родіонъ Романычъ. Разчитывая, что Авдотья Романовна въ сущности вѣдь нищая (ахъ, извините, я не то хотѣлъ.... но, вѣдь, не все ли равно, если выражается то же понятіе?) однимъ словомъ, живетъ трудами рукъ своихъ,— что у ней на содержаніи и мать, и вы (ахъ, чортъ, опять морщитесь....), я и рѣшилъ предложить ей всѣ мои деньги

(тысячъ до тридцати я могъ и тогда осуществить) съ тѣмъ, чтобъ она бѣжала со мной хоть сюда, въ Петербургъ. Разумѣется, я бы тутъ поклялся въ вѣчной любви, блаженствѣ, и прочее, и прочее. Вѣрите ли, я до того тогда врѣзался, что скажи она мнѣ: зарѣжь или отрави Марѳу Петровну и женись на мнѣ,—это тотчасъ же было бы сдѣлано! Но кончилось все катастрофой, вамъ уже извѣстною, и сами можете судить, до какого бѣшенства могъ я дойти, узнавъ, что Марѳа Петровна достала тогда этого подлѣйшаго приказнаго, Лужина, и чуть не смастерила свадьбу,—что, въ сущности, было бы то же самое, что и я предлагалъ. Такъ ли? Такъ ли? Вѣдь такъ? Я замѣчаю, что вы что-то очень внимательно стали слушать... интересный молодой человекъ....

Свидригайловъ въ нетерпѣннѣи ударилъ кулакомъ по столу. Онъ покраснѣлся. Раскольниковъ видѣлъ ясно, что стаканъ или полтора шампанскаго, которые онъ выпилъ, отхлебывая непримѣтно, глотками, подѣйствовали на него болѣзненно,—и рѣшился воспользоваться случаемъ. Свидригайловъ былъ ему очень подозрителенъ.

— Ну, ужъ послѣ этого я вполне убѣжденъ, что вы и сюда прѣехали, имѣя въ виду мою сестру, сказалъ онъ Свидригайлову прямо и не скрываясь, чтобъ еще болѣе раздражить его.

— Эхъ, полноте, какъ бы спохватился вдругъ Свидригайловъ, — я вѣдь вамъ говорилъ.... и кромѣ того ваша сестра терпѣть меня не можетъ.

— Да въ этомъ-то и я убѣжденъ, что не можетъ, да не въ томъ теперь дѣло.

— А вы убѣждены, что не можетъ? (Свидригайловъ прищурился и насмѣшливо улыбнулся.) Вы правы, она меня не любитъ; но никогда не ручайтесь въ дѣлахъ, бывшихъ между мужемъ и женой или любовникомъ и любовницей. Тутъ есть всегда одинъ уголокъ, который всегда всему свѣту остается неизвѣстенъ и который, можетъ-быть, извѣстенъ только имъ двумъ. Вы ручаетесь, что Авдотья Романовна на меня съ отвращеніемъ смотрѣла?

— По нѣкоторымъ словамъ и словечкамъ вашимъ во время вашего разказа я замѣчаю, что у васъ и теперь свои виды и самыя неотлагательныя намѣренія на Дуню, разумѣется, подлая.

— Какъ! У меня вырывались такіа слова и словечки? пренаивно испугался вдругъ Свидригайловъ, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на эпитетъ, приданный его намѣреніямъ.

— Да, они и теперь вырываются. Ну, чего вы, напримѣръ, такъ боитесь? Чего вы вдругъ теперь испугались?

— Я боюсь и пугаюсь? Пугаюсь васъ? Скорѣе вамъ бояться меня, снѣгъ амі. И какая однакожь дичь... А впрочемъ, я охмѣлѣлъ, я это вижу; чуть было опять не проговорился. Къ чорту вино! Эй, воды!

Онъ схватилъ бутылку и безъ церемоніи вышвырнулъ ее за окошко. Филиппъ принесъ воды.

— Это все вздоръ, сказалъ Свидригайловъ намачивая полотенце и прикладывая его къ головѣ, — а я васъ однимъ словомъ могу осадить и всѣ ваши подозрѣнія въ прахъ уничтожить. Знаете-ль вы, напримѣръ, что я женюсь?

— Вы уже это маѣ и прежде говорили.

— Говорилъ? Забылъ. Но тогда я не могъ говорить утвердительно, потому даже невѣсты еще не видалъ; я только намѣревался. Ну, а теперь у меня ужъ есть и невѣста, и дѣло одѣлано, и еслибы только не дѣла, неотлагательныя, то я бы непременно васъ взялъ и сейчасъ къ нимъ повезъ, — потому я вашего совѣта хочу спросить. Эхъ, чортъ! Всего десять минутъ остается. Видите, смотрите на часы; а, впрочемъ, я вамъ разкажу, потому это интересная вещица, моя женитьба-то, въ своемъ то-есть родѣ, — куда вы? Опять уходить?

— Нѣтъ, я ужъ теперь не уйду.

— Совсѣмъ не уйдете? Посмотримъ! Я васъ туда свезу, это правда, покажу невѣсту, но только не теперь, а теперь вамъ скоро будетъ пора. Вы направо, я налево. Вы эту Реслихъ знаете? Вотъ эту самую Реслихъ, у которой я теперь живу, — а? Слышите? Нѣтъ, вы что думаете, вотъ та самая, про которую говорятъ, что дѣвчонка-то, въ водѣ-то, зимой-то, — ну, слышите ли? Слышите ли? Ну, такъ она маѣ все это и состряпала; тебѣ, говорить, такъ-то скучно, развлекись время. А я вѣдь человѣкъ мрачный, скучный. Вы думаете веселый? Нѣтъ, мрачный: вреда не дѣлаю, а сижу въ углу; иной разъ три дня не разговаривать. А Реслихъ эта шельма, я вамъ скажу, она вѣдь что въ умѣ держитъ: я наскучу, жену-то брошу и уйду, а жена ей достанется, она

ее и пустить въ оборотъ; въ нашемъ слою то-есть, да по-выше. Есть, говорить, одинъ такой разслабленный отецъ, отставной чиновникъ, въ креслѣ сидитъ и третій годъ ногами не двигается. Есть, говорить, и мать, дама разсудительная, мамаша-то. Сынъ гдѣ-то въ губерніи служить, не помогаетъ. Дочь вышла замужъ и не навѣщаетъ, а на рукахъ два маленькіе племянника (своихъ-то мало), да взяли, не комчивъ курса, изъ гимназіи дѣвочку, дочь свою послѣднюю, черезъ мѣсяцъ только что шестнадцать лѣтъ минетъ, значить, черезъ мѣсяцъ ее и выдать можно. Это за меня-то. Мы повѣхали; какъ это у нихъ смѣшно; представляюсь: помѣщикъ, вдовецъ, извѣстной фамиліи, съ такими-то связями, съ капиталомъ,—ну, что-жъ что мнѣ пятьдесятъ, а той и шестнадцать лѣтъ? Кто жъ на это смотритъ? Ну, а вѣдь заманчиво, а? Вѣдь заманчиво, ха! ха! Посмотрѣли бы вы какъ я разговаривался съ папашей да съ мамашей! Заплатить надо, чтобы только посмотрѣть на меня въ это время. Выходитъ она, пристѣдаетъ, ну, можете себѣ представить, еще въ коротенькомъ платьицѣ, неразвернувшійся бутончикъ, краснѣетъ, вспыхиваетъ, какъ заря (сказали ей, конечно). Не знаю какъ вы насчетъ женскихъ личекъ, но, по-моему, эти шестнадцать лѣтъ, эти дѣтскіе еще глазки, эта робость и слезинки стыдливости,—по-моему, это лучше красоты, а она еще къ тому жъ и собой картинка. Свѣтленькіе волоски, въ маленькіе локочки барашкомъ взбитые, губки пухленькія, аменькія, ножки—прелесты.. Ну, познакомились, я объявилъ, что спѣшу по домашнимъ обстоятельствамъ, и на другой же день, третьяго дня то-есть, насъ и благословили. Съ тѣхъ поръ какъ пріѣду, такъ сейчасъ ее къ себѣ на колѣни, да такъ и не спускаю... Ну вспыхиваетъ, какъ заря, разумѣется, а я цѣлую поминутно; мамаша-то, разумѣется, внушаетъ, что это, дескать, твой мужъ и что это такъ требуется, однимъ словомъ малина! И это состояніе теперешнее, жениховое, право, можетъ-быть, лучше и мужняго. Тутъ что называется *la nature et la verite!* Ха! ха! Я съ нею раза два переговаривалъ—куда не гаупа дѣвочка; иной разъ такъ украдкой на меня взглянетъ, — ажю прожжетъ. А знаете, у ней личико въ родѣ Рафаелевой Мадонны. Вѣдь у Сикстинской Мадонны лицо фантастическое, лицо скорбной юродивой, вамъ это не бросилось въ глаза? Ну, такъ въ этомъ родѣ. Только что насъ благословили, я на другой день

на полторы тысячи и привезъ: бриллиантовый уборъ одинъ, жемчужный другой, да серебряную дамскую туалетную шкатулку, — вотъ такой величины, со всякими разностями, такъ даже у ней, у Мадонны-то, личико зардѣлось. Посадила я ее вчера на колѣни, да, должно-быть, ужь очень безцеременно, — вся вспыхнула и слезинки брызнули, да выдать-то не хочетъ, сама вся горитъ. Ушли всѣ на минутку, мы съ нею какъ есть одни остались, вдругъ бросается мнѣ на шею (сама въ первый разъ), обнимаетъ меня обѣими ручонками, цѣлуетъ и клянется, что она будетъ мнѣ послушною, вѣрною и доброю женою, что она сдѣлаетъ меня счастливымъ, что она употребитъ всю свою жизнь, всякую минуту своей жизни, всѣмъ, всѣмъ пожертвуетъ, а за все это желаетъ имѣть отъ меня только *одно мое уваженіе* и больше мнѣ, говоритъ—,ничего, ничего, ничего не надо, никакихъ подарковъ!“ Согласитесь сами, cher ami, что выслушать подобное признаніе наединѣ отъ такого шестнадцатилѣтняго ангельчика, въ тюлевомъ платьицѣ, со взбитыми докончиками, съ краскою дѣвичьяго стыда и со слезинками энтузіазма въ глазахъ, — согласитесь сами, оно довольно заманчиво. Вѣдь заманчиво? Вѣдь стѣбитъ чего-нибудь, а? Ну, вѣдь стѣбитъ? Ну... ну слушайте... ну, поѣдемте къ моей невѣстѣ.... только не сейчасъ!

— Однимъ словомъ, въ васъ эта чудовищная разница лѣтъ и развитій и возбуждаетъ сладострастіе! И неужели вы въ самомъ дѣлѣ такъ женитесь.

— А что жь? Непремѣнно. Всякъ объ себѣ самъ промышляетъ и всѣхъ веселѣй тотъ и живетъ, кто всѣхъ лучше себя сумѣетъ надуть. Ха! ха! Да что вы въ добродѣтель-то такъ всѣмъ дыпломъ вѣхали? Пощадите, батюшка, я человѣкъ грѣшный. Хе! хе! хе!

— Вы однакожь пристроили дѣтей Катерины Ивановны. Впрочемъ.... впрочемъ вы имѣли на это свои причины.... я теперь все понимаю.

— Дѣтей я вообще люблю, я очень люблю дѣтей, захохоталъ Свидригайловъ. — На этотъ счетъ я вамъ могу даже разказать прелюбопытный одинъ эпизодъ, который и до сихъ поръ продолжается. Въ первый же день по прѣздѣ пошелъ я по разнымъ этимъ клоакамъ, ну, послѣ семи-то лѣтъ такъ и набросился. Вы, вѣроятно, замѣчаете, что я со своею компаніею не спѣшу сходиться, съ прежними-то друзь-

ями и пріятелями. Ну, да и какъ можно дольше безъ нихъ протяну. Знаете: у Маремъ Петровны въ деревнѣ меня до смерти измучила воспоминанія о всѣхъ этихъ таинственныхъ мѣстахъ и мѣстечкахъ, въ которыхъ, кто знаетъ, тотъ много можетъ найдти. Чортъ возьми! Народъ пьянствуетъ, молодежь образованная отъ бездѣйствія перегораеъ въ несбыточныхъ снахъ и грезахъ, уродуется въ теоріяхъ; откуда-то Жиды наѣхали, прячутъ деньги, а все остальное развратичаетъ. Такъ и пахнулъ на меня этотъ городъ съ первыхъ часовъ знакомымъ запахомъ. Попалъ я на одинъ танцевальный такъ-называемый вечеръ, — клоакъ страшный (а я люблю клоаки именно съ грязнотой), ну, разумѣется, канканъ какихъ нѣту и какихъ въ мое время и не было. Да-съ, въ этомъ прогрессъ. Вдругъ, смотрю, дѣвочка, лѣтъ тринадцати, премило одѣтая, танцуетъ съ однимъ виртуозомъ; другой предъ ней визави. У стѣнки же на стулѣ сидитъ ея мать. Ну, можете себѣ представить каковъ канканъ! Дѣвочка конфузится, краснѣетъ, наконецъ, принимаетъ себѣ въ обиду и начинаетъ плакать. Виртуозъ подхватываетъ ее и начинаетъ ее вертѣть и предъ нею представлять, всѣ кругомъ хохочутъ и—люблю въ такія мгновенія нашу публицу, хотя бы даже и канканную, хохочутъ и кричатъ: „И дѣло, такъ и надо! А не возить дѣтей!“ Ну, мнѣ-то наплевать, да и дѣла нѣтъ: логично аль не логично сами себя они утѣшаютъ! Я тотчасъ мое мѣсто намѣтилъ, подсѣлъ къ матери, и начинаю о томъ, что я тоже пріѣзжій, что какія все тутъ невѣжи, что они не умѣютъ отличать истинныхъ достоинствъ и питать достодолжнаго уваженія; далъ знать, что у меня денегъ много; пригласилъ довести въ своей каретѣ; доведъ домой, познакомился (въ какой-то каморкѣ отъ жильцовъ стоятъ, только что пріѣхали). Мнѣ объявили, что мое знакомство и она, и дочь ея могутъ принимать не иначе какъ за честь; узнаю, что у нихъ ни кола, ни двора, а пріѣхали хлопотать о чемъ-то въ какомъ-то присутствіи; предлагаю услуги, деньги; узнаю, что они ошибкой поѣхали на вечеръ, думая, что дѣйствительно танцовать тамъ учатъ; предлагаю способствовать съ своей стороны воспитанію молодой дѣвицы, французскому языку и танцамъ. Принимаютъ съ восторгомъ, считаютъ за честь, и до сихъ поръ знакомъ.... Хотите, поѣдемъ,—только не сейчасъ.

— Оставьте, оставьте, ваши подлые, низкіе анекдоты, развратный, низкій, сладострастный человекъ!

— Шиллеръ-то, Шиллеръ-то нашъ, Шиллеръ-то! *Où va-t-elle la vertu se nicher?* А знаете, я нарочно буду вамъ эдакія вещи разказывать, чтобы слышать ваши вскрикиванія. Наслажденіе!

— Еще бы, развѣ я самъ себѣ въ эту минуту не смѣшенъ? со злобою пробормоталъ Раскольниковъ.

Свидригайловъ хохоталъ во все горло; наконецъ кликнулъ Филиппа, расплатился и сталъ вставать:

— Ну, да и пьянъ же я, *assez causé!* сказалъ онъ:—наслажденіе!

— Еще бы вамъ-то не ощущать наслажденья, вскрикнулъ Раскольниковъ тоже вставая;—развѣ для истаркавшагося развратника разказывать о своихъ похожденияхъ,—имѣя въ виду какое-нибудь чудовищное намѣреніе въ этомъ же родѣ,—не наслажденіе, да еще при такихъ обстоятельствахъ и такому человеку, какъ я... Разжигаетъ.

— Ну, если такъ, даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ отвѣтилъ Свидригайловъ, разсматривая Раскольникова, — если такъ, то вы и сами порядочный циникъ. Матеріалъ, по крайней мѣрѣ, заключаете въ себѣ огромный. Сознать много можете, много.... ну, да вы и дѣлать-то много можете. Ну, однакожъ, довольно. Искренно жалѣю, что съ вами мало переговорилъ, да вы отъ меня не уйдете.... Вотъ подождите только....

Свидригайловъ пошелъ вонъ изъ трактира. Раскольниковъ за нимъ. Свидригайловъ былъ однако не очень много хмѣленъ; въ голову только на мгновеніе ударило, хмѣль же уходилъ съ каждою минутой. Онъ былъ чѣмъ-то очень озабоченъ, чѣмъ-то чрезвычайно важнымъ, и хмурился. Какое-то ожиданіе видимо волновало его и беспокоило. Съ Раскольниковымъ въ послѣднія минуты онъ какъ-то вдругъ измѣнился и съ каждою минутой становился грубѣе и насмѣшливѣе. Раскольниковъ все это примѣтилъ и былъ тоже въ тревогѣ. Свидригайловъ сталъ ему очень подозрителенъ; онъ рѣшился пойдти за нимъ.

Сошли на тротуаръ.

— Вамъ направо, а мнѣ налево, или, пожалуй, наоборотъ, только—*adieu mon plaisir*, до радостнаго свиданія!

И онъ пошелъ направо къ Свѣной.

V.

Раскольниковъ пошелъ вслѣдъ за нимъ.

— Это чтò! вскричалъ Свидригайловъ, оборачиваясь:— я вѣдь, кажется, сказалъ....

— Это значитъ то, что я отъ васъ теперь не отстану.

— Чтò-о-о?

Оба остановились, и оба съ минуту глядѣли другъ на друга, какъ бы мѣряясь.

— Изъ всѣхъ вашихъ полупьяныхъ разказовъ, рѣзко отрѣзалъ Раскольниковъ,—я заключилъ *положительно*, что вы не только не оставили вашихъ подлѣйшихъ замысловъ на мою сестру, но даже болѣе чѣмъ когда-нибудь ими заняты. Мнѣ извѣстно, что сегодня утромъ сестра моя получила какое-то письмо. Вамъ все время не сидѣлось на мѣстѣ... Вы, положимъ, могли откопать по дорогѣ какую-нибудь жену; но это ничего не значитъ. Я желаю удостовѣриться лично...

Раскольниковъ врядъ ли и самъ могъ опредѣлить чего ему именно теперь хотѣлось и въ чемъ именно желалъ онъ удостовѣриться лично.

— Вотъ какъ! А хотите, я сейчасъ полицію кликну?

— Кличь!

Они опять постояли съ минуту другъ предъ другомъ. Наконецъ лицо Свидригайлова измѣнилось. Удостоверившись, что Раскольниковъ не испугался угрозы, онъ принялъ вдругъ самый веселый и дружескій видъ.

— Вѣдь эдакой! Я нарочно о вашемъ дѣлѣ съ вами не заговаривалъ, хоть меня, разумѣется, мучитъ любопытство. Дѣло фантастическое. Отложилъ-было до другаго раза, да, право, вы способны и мертваго раздражить... Ну, пойдете, только заранѣе окажу: я теперь только на минутку домой, чтобы денегъ захватить; потомъ запираю квартиру, беру извозчика и на цѣлый вечеръ на острова. Ну, куда же вамъ за мной?

— Я покамѣсть на квартиру, да и то не къ вамъ, а къ Софьѣ Семеновнѣ, извиниться, что на похоронахъ не былъ.

— Это какъ вамъ угодно, но Софьи Семеновны дома нѣтъ.

Она всѣхъ дѣтей отвела къ одной дамѣ, къ одной знатной дамѣ-старушкѣ, къ моей прежней давнишней знакомой и распорядительницѣ въ какихъ-то сиротскихъ заведеніяхъ. Я очаровалъ эту даму, внеся ей деньги за всѣхъ трехъ птенцовъ Катерины Ивановны, кромѣ того, и на заведенія пожертвовалъ еще денегъ; наконецъ, разказалъ ей исторію Софьи Семеновны, даже со всѣми операми, ничего не скрывая. Эффектъ произвело неописанный. Вотъ почему Софья Семеновна и назначено было явиться сегодня же, прямо въ —ую отель, гдѣ временно, съ дачи, присутствуетъ моя барыня.

— Нужды нѣтъ, я все-таки зайду.

— Какъ хотите, только я-то вамъ не товарищъ; а мнѣ что! Вотъ мы сейчасъ и дома. Скажите, я убѣжденъ, вы оттого на меня смотрите подозрительно, что я самъ былъ настолько деликатенъ и до сихъ поръ не беспокоилъ васъ разспросами.... вы понимаете? Вамъ показалось это дѣломъ необыкновеннымъ; буюсь объ закладъ, что такъ! Ну, вотъ и будьте послѣ того деликатнымъ.

— И подслушивайте у дверей!

— А, вы про это? засмѣялся Свидригайловъ:— да, я бы удивился, еслибы, послѣ всего, вы пропустили это безъ замѣчанія. Ха! ха! Я хоть и въ что и попалъ изъ того, что вы тогда.... тамъ.... накуралесили и Софья Семеновна сами разказывали, но, однако, что жъ это такое? Я, можетъ, со-всѣмъ отсталый человѣкъ и яичего ужъ понимать не могу. Объясните, ради Бога, голубчикъ! Просвѣтите новѣйшими началами.

— Ничего вы не могли слышать, врите вы все!

— Да я не про то, не про то (хоть я, впрочемъ, кое-что и слышалъ), нѣтъ, я про то, что вы вотъ все охаете, да охаете! Шиддеръ - то въ васъ смущается поминутно. А теперь вотъ и у дверей не подслушивай. Если такъ, ступайте да и объявите по начальству, что вотъ, дескать, такъ и такъ, случился со мной такой казусъ: въ теоріи ошибочка небольшая вышла. Если же убѣждены, что у дверей нельзя подслушивать, а старушенокъ можно лущить чѣмъ попало, въ свое удовольствіе, такъ увѣжайте куда-нибудь поскорѣе въ Америку! Бѣгите, молодой человѣкъ! Можетъ, есть еще время. Я искренно говорю. Денегъ, что ли, нѣтъ? Я дамъ на дорогу.

— Я совсѣмъ объ этомъ не думаю, перерывъ было Раскольниковъ съ отвращеніемъ.

— Понимаю (вы впрочемъ не утруждайте себя: если хотите, то много и не говорите); понимаю какіе у васъ вопросы въ ходу: нравственные, что ли? вопросы гражданина и человѣка? А вы ихъ по боку; зачѣмъ они вамъ теперь-то? Хе, хе! Затѣмъ, что все еще и гражданинъ и человѣкъ? А коли такъ, такъ и соваться не надо-было; нечего не за свое дѣло браться. Ну, застрѣлитесь; чтѣ, аль не хочется?

— Вы, кажется, нарочно хотите меня раздражить, чтобъ я только отъ васъ теперь отсталъ...

— Вотъ чудакъ-то, да мы ужъ пришли, милости просимъ на лѣстницу. Видите, вотъ тутъ входъ къ Софьѣ Семеновнѣ, смотрите, нѣтъ никого! Не вѣрите? спросите у Капернаумова; она имъ ключъ отдастъ. Вотъ она и сама madame de Капернаумовъ, а? Что? (она глуха немного) ушла? Куда? Ну, вотъ слышали теперь? Нѣтъ ея и не будетъ до глубокаго, можетъ-быть, вечера. Ну, теперь пойдѣте ко мнѣ. Вѣдь вы хотѣли и ко мнѣ? Ну, вотъ мы и у меня. Madame Ресликъ нѣтъ дома. Эта женщина вѣчно въ хлопотахъ, но хорошая женщина, увѣряю васъ. . . можетъ-быть, она бы вамъ пригодилась, еслибы вы были нѣсколько разсудительнѣе. Ну, вотъ изволите видѣть: я беру изъ бюро этотъ пятипроцентный билетъ (вотъ у меня ихъ еще сколько!) а этотъ сегодня по боку у мнѣялы поидѣтъ. Ну, видѣли? Болѣе мнѣ терять времени нечего. Бюро запирается, квартира запирается, и мы опять на лѣстницѣ. Ну, хотите, наймѣте извозчика: я вѣдь на острова. Не угодно ли прокатиться? Вотъ я беру эту коляску на Елагинъ, чтѣ? Отказываетесь? Не выдержали? Прокатитесь, ничего. Кажется, дождь надвигается, ничего, спустимъ верхъ...

Свидригайловъ уже сидѣлъ въ коляскѣ. Раскольниковъ разсудилъ, что подозрѣнія его, по крайней мѣрѣ въ эту минуту, несправедливы. Не отвѣчая ни слова, онъ повернулся и пошелъ обратно по направленію къ Сѣнной. Еслибъ онъ обернулся хоть разъ дорогой, то успѣлъ бы увидѣть, какъ Свидригайловъ, отъѣхавъ не болѣе ста шаговъ, расплатился съ коляской и самъ очутился на тротуарѣ. Но онъ ничего уже не могъ видѣть и зашелъ уже за уголъ. Глубокое отвращеніе влекло его прочь отъ Свидригайлова. „И я могъ хоть мгновеніе ожидать чего-нибудь отъ этого

грубаго злодѣя, отъ этого сладострастнаго развратника и подлеца!" вскричалъ онъ невольно. Правда, что сужденіе свое Раскольниковъ произнесъ слишкомъ поспѣшно и легкомысленно. Было нѣчто во всей обстановкѣ Свидригайлова, что во крайней мѣрѣ придавало ему хоть нѣкоторую оригинальность, если не таинственность. Что же касалось во всемъ этомъ сестры, то Раскольниковъ оставался все-таки убѣжденъ навѣрно, что Свидригайловъ не оставитъ ея въ покоѣ. Но слишкомъ ужъ тяжело и невыносимо становилось обо всемъ этомъ думать и передумывать!

По обыкновенію своему, онъ, оставшись одинъ, съ двадцати шаговъ впалъ въ глубокую задумчивость. Взойдя на мостъ, онъ остановился у перилъ и сталъ смотрѣть на воду. А между тѣмъ надъ нимъ стояла Авдотья Романовна.

Онъ повстрѣчался съ нею при входѣ на мостъ, но прошелъ мимо, не рассмотрѣвъ ея. Дунечка еще никогда не встрѣчала его такимъ на улицѣ и была поражена до испуга. Она остановилась и не знала: окликнуть его или нѣтъ? Вдругъ она замѣтила поспѣшно подходящаго со стороны Свѣной Свидригайлова.

Но тотъ, казалось, приближался таинственно и осторожно. Онъ не взошелъ на мостъ, а остановился въ сторонѣ, на тротуарѣ, стараясь всѣми силами, чтобы Раскольниковъ не увидалъ его. Дуноу онъ уже давно замѣтилъ и сталъ дѣлать ей знаки. Ей показалось, что знаками своими онъ упрашивалъ ее не окликать брата и оставить его въ покоѣ, а звалъ ее къ себѣ.

Такъ Дуня и сдѣлала. Она потихоньку обошла брата и приблизилась къ Свидригайлову.

— Пойдемте поскорѣе, прошепталъ ей Свидригайловъ.—Я не желаю, чтобы Родионъ Романовичъ зналъ о нашемъ свиданіи. Предупреждаю васъ, что я съ нимъ сидѣлъ тутъ недалеко, въ трактирѣ, гдѣ онъ отыскалъ меня самъ, и на силу отъ него отвязался. Онъ знаетъ почему-то о моемъ къ вамъ письмѣ и что-то подозреваетъ. Ужъ конечно не вы ему открыли? А если не вы, такъ кто же?

— Вотъ мы уже поворотили за уголъ, перебила Дуня,—теперь насъ братъ не увидитъ. Объявляю вамъ, что я не пойду съ вами дальше. Скажите мнѣ все здѣсь; все это можно сказать и на улицѣ.

— Впервые, этого никакъ нельзя сказать на улицѣ;

во вторыхъ, вы должны выслушать и Софью Семеновну; в третьихъ, я покажу вамъ кое-какіе документы.... Ну да, наконецъ, если вы не согласитесь войти ко мнѣ, то я отказываюсь отъ всякихъ разъясненій и тотчасъ же уйду. При этомъ попрошу васъ не забывать, что весьма любопытная тайна вашего возлюбленнаго брата находится совершенно въ моихъ рукахъ.

Дуня остановилась въ нерѣшительности и прозающимъ взглядомъ смотрѣла на Свидригайлова.

— Чего вы боитесь! замѣтилъ тотъ спокойно: — городъ не деревня. И въ деревнѣ вреда сдѣлали больше вы мнѣ чѣмъ я вамъ, а тутъ...

— Софья Семеновна предупреждена?

— Нѣтъ, я не говорилъ ей ни слова и даже не совѣтъ увѣренъ дома ли она теперь? Впрочемъ, вѣроятно, дома. Она сегодня похоронила свою родственницу: не такой день чтобы по гостямъ ходить. До времени, я никому не хочу говорить объ этомъ и даже раскаиваюсь отчасти что вамъ сообщалъ. Тутъ малѣйшая неосторожность равняется уже доносу. Я живу вотъ тутъ, вотъ въ этомъ домѣ, вотъ мы и подходимъ. Вотъ это дворникъ нашего дома; дворникъ очень хорошо меня знаетъ; вотъ онъ кланяется; онъ видитъ, что я иду съ дамой, и ужъ конечно успѣлъ замѣтить ваше лицо, а это вамъ пригодится, если вы очень боитесь и меня подозреваете. Извините, что я такъ грубо говорю. Самъ я живу отъ жильцовъ. Софья Семеновна живетъ со мною стѣна обѣ стѣну, тоже отъ жильцовъ. Весь этажъ въ жильцахъ. Чего же вамъ бояться, какъ ребенку? Или я ужъ такъ очень страшенъ?

Лицо Свидригайлова искривилось въ снисходительную улыбку; но ему было уже не до улыбки. Сердце его стучало, и дыханіе спиралось въ груди. Онъ нарочно говорилъ громче, чтобы скрыть свое возраставшее волненіе; но Дуня не успѣла замѣтить этого особеннаго волненія; ужъ слишкомъ раздражило ее замѣчаніе о томъ, что она боится его какъ ребенокъ и что онъ такъ для нея страшенъ.

— Хоть я и знаю, что вы человекъ... безъ чести, но я васъ нисколько не боюсь. Идите впередъ, сказала она, видимому спокойно, но лицо ея было очень блѣдно.

Свидригайловъ остановился у квартиры Софи.

— Позвольте справиться, дома ли. Нѣту. Неудача! Но я

знаю что она можетъ придти очень скоро. Если она вышла, то не иначе какъ къ одной дамѣ, по поводу своихъ сиротъ. У нихъ мать умерла. Я тутъ также ввязался и распорядился. Если Софья Семеновна не воротится черезъ десять минутъ, то я пришлю ее къ вамъ самое, если хотите, сегодня же; ну, вотъ и мой номеръ. Вотъ мои двѣ комнаты. За дверью помѣщается моя хозяйка, госпожа Реслихъ. Теперь взгляните сюда, я вамъ покажу мои главные документы: изъ моей спальни эта вотъ дверь ведетъ въ совершенно пустыя двѣ комнаты, которыя отдаются въ наемъ. Вотъ овѣ... на это вамъ нужно взглянуть вѣсколько внимательнѣе...

Свидригайловъ занималъ двѣ меблированныя, довольно просторныя комнаты. Дунечка недовѣрчиво осматривалась, но ничего особеннаго не замѣтила ни въ убранствѣ, ни въ расположеніи комнатъ, хотя бы и можно было кой-что замѣтить, напримѣръ, что квартира Свидригайлова приходилась какъ-то между двумя почти необитаемыми квартирами. Входъ къ нему былъ не прямо изъ корридора, а черезъ двѣ хозяйкины комнаты, почти пустыя. Изъ спальни же Свидригайловъ, отомкнувъ дверь, запертую на ключъ, показалъ Дунечкѣ тоже пустую, отдающуюся въ наемъ квартиру. Дунечка остановилась было на порогѣ, не понимая для чего ее приглашаютъ смотрѣть, но Свидригайловъ поспѣшилъ съ разъясненіемъ:

— Вотъ, посмотрите сюда, въ эту вторую большую комнату. Замѣтите эту дверь, она заперта на ключъ. Возлѣ дверей стоитъ стулъ, всего одинъ стулъ въ обихъ комнатахъ. Это я принесъ изъ своей квартиры, чтобъ удобнѣе слушать. Вотъ тамъ сейчасъ за дверью стоитъ столъ Софьи Семеновны; тамъ она сидѣла и разговаривала съ Родиономъ Романычемъ. А я здѣсь подслушивалъ, сидя на стулѣ, два вечера сряду, оба раза часа по два, — и ужъ, конечно, могъ узнать что-нибудь, какъ вы думаете?

— Вы подслушивали?

— Да, я подслушивалъ; теперь пойдѣте ко мнѣ; здѣсь и сѣсть негдѣ.

Онъ привелъ Авдотью Романовну обратно въ свою первую комнату, служившую ему залой, и пригласилъ ее сѣсть на стулъ. Самъ сѣлъ на другомъ концѣ стола, по крайней мѣрѣ отъ нея на сажень, но, вѣроятно, въ глазахъ его уже блисталъ тотъ же самый пламень, который такъ испу-

галъ когда-то Дунечку. Она вздрогнула и еще разъ недоувѣрчиво осмотрѣлась. Жестъ ея былъ невольный: ей видимо не хотѣлось выказывать недоувѣрчивости. Но уединенное положеніе квартиры Свидригайлова наконецъ ее поразило. Ей хотѣлось было спросить, дома ли, по крайней мѣрѣ, его хозяѣнка, но она не спросила... изъ гордости. Къ тому же и другое, несоразмѣрно большее страданіе чѣмъ страхъ за себя было въ ея сердцѣ. Она нестерпимо мучилась.

— Вотъ ваше письмо, начала она, положивъ его на столъ. — Развѣ возможно то, что вы пишете? Вы намекаете на преступленіе, совершенное будто бы братомъ. Вы слишкомъ ясно намекаете, вы не смѣете теперь отговариваться. Знайте же, что я еще до васъ слышала объ этой глупой сказкѣ и не вѣрю ей ни въ одномъ словѣ. Это грустное и смѣшное подозрѣніе. Я знаю исторію, и какъ и отчего она выдумалась. У васъ не можетъ быть никакихъ доказательствъ. Вы обѣщали доказать: говорите же! Но заранѣе знайте, что я вамъ не вѣрю! Не вѣрю!...

Дунечка проговорила это скороговоркой, торопясь, и на мгновеніе краска бросилась ей въ лицо.

— Еслибы вы не вѣрили, то могло ли сбыться, чтобы вы рискнули придти одна ко мнѣ? Зачѣмъ же вы пришли? изъ одного любопытства?

— Не мучьте меня, говорите, говорите!

— Нечего и говорить, что вы храбрая дѣвушка. Ей-Богу, я думалъ, что вы попросите господина Разумихина сопроводить васъ сюда. Но его ни съ вами, ни кругомъ васъ не было; я-таки смотрѣлъ; это отважно; хотѣли, значитъ, пощадить Родиона Романыча. Впрочемъ, въ васъ все божественно... Что же касается до вашего брата, то что я вамъ скажу? Вы сейчасъ его видѣли сами. Каковъ?

— Не на этомъ же одномъ вы основываете?

— Нѣтъ, не на этомъ, а на его собственныхъ словахъ. Вотъ сюда два вечера сряду онъ приходилъ къ Софьѣ Семеновнѣ. Я вамъ показывалъ гдѣ они сидѣли. Онъ сообщалъ ей полную свою исповѣдь. Онъ убійца. Онъ убилъ старуху-чиновницу, процентщицу, у которой и самъ закладывалъ вещи; убилъ тоже сестру ея, торговку, по имени Лизавету, нечаянно вошедшую во время убійства сестры. Убилъ онъ ихъ обѣихъ топоромъ, который принесъ съ собою. Онъ ихъ убилъ чтобъ ограбить, и ограбилъ; взялъ

деньги и кой-какія вещи... Онъ самъ это все передавалъ слово въ слово Софьѣ Семеновнѣ, которая одна и знаетъ секретъ, но въ убійствѣ не участвовала ни словомъ, ни дѣломъ, а напротивъ ужаснулась такъ же, какъ и вы теперь. Будьте покойны, она его не выдастъ.

— Этого быть не можетъ! бормотала Дунечка блѣдными, помертвѣвшими губами; она задыхалась;—быть не можетъ, нѣтъ никакой, ни малѣйшей причины, никакого повода... Это ложь! ложь!

— Онъ ограбилъ, вотъ и вся причина. Онъ взялъ деньги и вещи. Правда, онъ, по собственному своему признанію, не воспользовался ни деньгами, ни вещами, а снесъ ихъ куда-то подъ камень, гдѣ онъ и теперь лежатъ. Но это потому, что онъ не посмѣлъ воспользоваться.

— Да развѣ вѣроятно, чтобъ онъ могъ украсть, ограбить? Чтобъ онъ могъ объ этомъ только помыслить? вскричала Дуня и вскочила со стула. — Вѣдь вы его знаете, видѣли? развѣ онъ можетъ быть воромъ?

Она точно умаливада Свидригайлова; она весь свой страхъ забыла.

— Тутъ, Авдотья Романовна, тысячи и миллионы комбинацій и сортировокъ. Воръ воруетъ, зато ужъ онъ про себя и знаетъ, что онъ подлецъ; а вотъ я слышалъ про одного благороднаго человѣка, что почту разбилъ; такъ кто его знаетъ, можетъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что порядочное дѣло сдѣлалъ! Разумѣется, я бы и самъ не повѣрилъ, такъ же какъ и вы, еслибы мнѣ передали со стороны. Но своимъ собственнымъ ушамъ я повѣрилъ. Онъ Софьѣ Семеновнѣ и причины всѣ объяснялъ; но та и ушамъ своимъ сначала не повѣрила, да глазамъ наконецъ повѣрила, своимъ собственнымъ глазамъ. Онъ вѣдь самъ ей лично передавалъ.

— Какія же, какія причины!

— Дѣло длинное, Авдотья Романовна. Тутъ, какъ бы вамъ это выразить, своего рода теорія, то же самое дѣло, по которому я нахожу, напримѣръ, что единичное злодѣйство позволительно, если главная цѣль хороша. Единичное зло и сто добрыхъ дѣлъ! Оно, конечно, обидно для молодого человѣка съ достоинствами и съ самолюбіемъ непомернымъ знать, что были бы, напримѣръ, всего только тысячи три, и вся карьера, все будущее въ его жизненной цѣли формируется иначе, а между тѣмъ нѣтъ этихъ трехъ тысячъ.

Прибавьте къ этому раздраженіе отъ голода, отъ тѣсной квартиры, отъ рублища, отъ яркаго сознанія красоты своего соціальнаго положенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ положенія сестры и матери. Пуще же всего тщеславіе, гордость и тщеславіе, а впрочемъ, Богъ его знаетъ, можетъ, и при хорошихъ наклонностяхъ... Я вѣдь его не вижу, не думайте пожалуста; да и не мое дѣло. Тутъ была тоже одна собственная теоріяка, — такъ себѣ теорія, — по которой люди раздѣляются, видите ли, на матеріаль и на особенныхъ людей, т.-е. на такихъ людей, для которыхъ, по ихъ высокому положенію, законъ не писанъ, а напротивъ, которые сами сочиняютъ законы остальнымъ людямъ, матеріалу-то, сору-то. Ничего, такъ-себѣ теоріяка; une thèorie comme une autre. Наполеонъ его ужасно увлекъ, т.-е. собственно увлекло его то, что очень многіе гениальные люди на единичное зло не смотрѣли, а шагали черезъ, не задумываясь. Онъ, кажется, вообразилъ себѣ, что и онъ гениальный человѣкъ, — то-есть былъ въ томъ нѣкоторое время увѣренъ. Онъ очень страдалъ и теперь страдаетъ отъ мысли, что теорію-то сочинить онъ умѣлъ, а перешагнуть-то, не задумываясь, и не въ состояніи, стало-быть, человѣкъ не гениальный. Онъ бѣсится теперь, что вышло не такъ, что вышло какъ-будто бы подражаніе. Ну, а ужъ это для молодаго человѣка съ самолюбіемъ и унизительно, въ нашъ вѣкъ-то особенно...

— А угрызеніе совѣсти? Вы отрицаете въ немъ, стало-быть, всякое нравственное чувство? Да развѣ онъ таковъ?

— Ахъ, Авдотья Романовна, теперь все помутилось, т.-е., впрочемъ, оно и никогда въ порядкѣ-то особенномъ не было. Русскіе люди вообще широкіе люди, Авдотья Романовна, широкіе, какъ ихъ земля, и чрезвычайно склонны къ фаптастическому, къ безпорядочному; но бѣда быть широкимъ безъ особенной гениальности. А помните, какъ много мы въ этомъ же родѣ и на эту же тему переговорили съ вами вдвоемъ, сидя по вечерамъ на террасѣ въ саду, каждый разъ послѣ ужина. Еще вы меня именно этою широкостью укоряли. Кто знаетъ, можетъ, въ то же самое время и говорили, когда онъ здѣсь лежалъ, да свое обдумывалъ. У насъ въ образованномъ обществѣ особенно священныхъ преданій вѣдь нѣтъ, Авдотья Романовна: развѣ кто какъ-нибудь себѣ по книгамъ составить.... али изъ лѣтописей что-нибудь выведетъ. Но вѣдь это больше ученые и, знаете, въ своемъ

родѣ все колпаки, такъ что даже и неприлично свѣтскому человѣку. Впрочемъ, мои мнѣнія вообще вы знаете; я никого рѣшительно не обвиняю. Самъ я бѣлоручка, этого и придерживаюсь. Да мы объ этомъ уже не разъ говорили. Я даже шмыгъ счастье интересоваться васъ моими сужденіями... Вы очень блѣдны, Авдотья Романовна?

— Я эту теорію его знаю. Я читала его статью въ журналѣ о людяхъ, которымъ все разрѣшается..... Мнѣ приносилъ Разумихинъ...

— Господинъ Разумихинъ? Статью вашего брата? въ журналѣ? Есть такая статья? Не зналъ я. Вотъ, должно-быть, любопытно-то! Но куда же вы, Авдотья Романовна?

— Я хочу видѣть Софью Семеновну, сказала, запыхалась, Дунечка.—Куда къ ней пройти? Она, можетъ, и пришла; я непременно сейчасъ хочу ее видѣть. Пусть она....

Авдотья Романовна не могла договорить; дыханіе ея буквально пресѣклось.

— Софья Семеновна не воротится до ночи. Я такъ полагаю. Она должна была придти очень скоро, если же нѣтъ, то ужъ очень поздно....

— А, такъ ты лжешь! Я вижу... ты лгалъ... ты все лгалъ!.. Я тебѣ не вѣрю! не вѣрю! не вѣрю! кричала Дунечка въ настоящемъ изступленіи, совершенно теряя голову.

Почти въ обморокѣ упала она на стулъ, который послѣдшій ей подставилъ Свидригайловъ.

— Авдотья Романовна, чѣмъ съ вами, очнитесь! Вотъ вода. Отпейте одинъ глотокъ...

Онъ брызнулъ на нее воды. Дунечка вздрогнула и очнулась.

— Сильно подѣйствовало! бормоталъ про себя Свидригайловъ, нахмурясь.—Авдотья Романовна, успокойтесь! Знайте, что у него есть друзья. Мы его спасемъ, выручимъ. Хотите, я увезу его за границу? У меня есть деньги; я въ три дня достану билетъ. А насчетъ того что онъ убилъ, то онъ еще надѣлаетъ много добрыхъ дѣлъ, такъ что все это загладится; успокойтесь. Великимъ человѣкомъ еще можетъ быть. Ну, чѣмъ съ вами? Какъ вы себя чувствуете?

— Злой человѣкъ! онъ еще насмѣхается. Пустите меня....

— Куда вы? Да куда вы?

— Къ нему. Гдѣ онъ? Вы знаете? Отчего эта дверь заперта? Мы сюда вошли въ эту дверь, а теперь она заперта на ключъ. Когда вы успѣли запереть ее на ключъ?

— Нельзя же было кричать на всѣ комнаты о томъ, что мы здѣсь говорили. Я вовсе не насмѣхаюсь; мнѣ только говорить этимъ языкомъ надоѣло. Ну, куда вы такая пойдете? Или вы хотите предать его? Вы его доведете до бѣшенства, и онъ предастъ себя самъ. Знайте, что ужъ за нимъ слѣдять, уже попали на слѣдъ. Вы только его выдадите. Подождите; я видѣлъ его и говорилъ съ нимъ сейчасъ; его еще можно спасти. Подождите, сядьте, обдумаемъ вмѣстѣ. Я для того и звалъ васъ, чтобы поговорить объ этомъ наединѣ и хорошенько обдумать. Да сядьте же!

— Какимъ образомъ вы можете его спасти? Развѣ его можно спасти?

Дуня сѣла. Свидригайловъ сѣлъ подлѣ нея.

— Все это отъ васъ зависитъ, отъ васъ, отъ васъ одной, началъ онъ съ сверкающими глазами, почти шепотомъ, сбиваясь и даже не выговаривая иныхъ словъ отъ волненія.

Дуня въ испугѣ отшатнулась отъ него дальше. Онъ тоже весь дрожалъ.

— Вы... одно ваше слово, и онъ спасенъ! Я... я его спасу. У меня есть деньги и друзья. Я тотчасъ отправлю его, а самъ возьму паспортъ, два паспорта. Одинъ его, другой мой. У меня друзья; у меня есть дѣловые люди.... Хотите? Я возьму еще вамъ паспортъ.... вашей матери... зачѣмъ вамъ Разумихинъ? Я васъ также люблю... Я васъ безконечно люблю. Дайте мнѣ край вашего платья поцѣловать, дайте! Дайте! Я не могу слышать, какъ оно шумитъ. Скажите мнѣ: слѣлай то, и я слѣлаю! Я все слѣлаю. Я невозможное слѣлаю. Чему вы вѣруете, тому и я буду вѣровать. Я все, все слѣлаю! Не смотрите, не смотрите на меня такъ! Знаете ли, что вы меня убиваете...

Онъ начиналъ даже бредить. Съ нимъ что-то вдругъ слѣлалось, точно ему въ голову вдругъ ударило. Дуня вскочила и бросилась къ дверямъ.

— Отворите! отворите! кричала она чрезъ дверь, призывая кого-нибудь и потрясая дверь руками. Отворите же! Неужели нѣтъ никого?

Свидригайловъ всталъ и опомнился. Злобная и насмѣшливая улыбка медленно вылаживалась на дрожавшихъ еще губахъ его.

— Тамъ никого нѣтъ дома, проговорилъ онъ тихо и съ

разстановками;—хозяйка ушла, и напрасный трудъ такъ кричать; только себя волнуете понапрасну.

— Гдѣ ключъ? Отвори сейчасъ дверь, сейчасъ, низкій человекъ!

— Я ключъ потерялъ и не могу его отыскать.

— А! Такъ это насиліе! вскричала Дуня, поблѣднѣла какъ смерть и бросилась въ уголъ, гдѣ поскорѣй заслонилась столикомъ, случившимся подъ рукой. Она не кричала; но она впилась взглядомъ въ своего мучителя и зорко слѣдила за каждымъ его движеніемъ. Свидригайловъ тоже не двигался съ мѣста и стоялъ противъ нея на другомъ концѣ комнаты. Онъ даже овладѣлъ собою, по крайней мѣрѣ снаружи. Но лицо его было блѣдно попрежнему. Насмѣшливая улыбка не покидала его.

— Вы сказали сейчасъ „насиліе“, Авдотья Романовна. Если насиліе, то сами можете разсудить, что я принялъ мѣры. Софьи Семеновны дома нѣтъ; до Капернаумовыхъ очень далеко, пять запертыхъ комнатъ. Наконецъ, я по крайней мѣрѣ вдвое сильнѣе васъ и, кромѣ того, мнѣ бояться нечего, потому что вамъ и потомъ нельзя жаловаться: вѣдь не захотите же вы предать въ самомъ дѣлѣ вашего брата? Да и не повѣрять вамъ никто: ну, съ какой стати дѣвушка пошла одна къ одинокому человекъ на квартиру? Это во всякомъ случаѣ подозрительно. Вы далеко совершеннѣе и свой собственный разсудокъ имѣете, такъ что, если даже и братомъ пожертвуете, то и тутъ ничего не докажете: насиліе очень трудно доказать, Авдотья Романовна.

— Подлецъ! прошептала Дуня въ негодованіи.

— Какъ хотите, но замѣйте, я говорилъ еще только въ видѣ предположенія. По моему же личному убѣжденію вы совершенно правы: насиліе—мерзость. Я говорилъ только къ тому, что на совѣсти вашей ровно ничего не останется, еслибы даже.... еслибы даже вы и захотѣли спасти вашего брата добровольно, такъ какъ я вамъ предлагаю. Вы просто, значить, подчинились обстоятельствамъ, ну силѣ, наконецъ, если ужъ безъ этого слова нельзя. Подумайте объ этомъ и знайте, что судьба вашего брата и вашей матери въ вашихъ рукахъ. Я же буду вашъ рабъ... всю жизнь... я вотъ здѣсь буду ждать...

Свидригайловъ сѣлъ на диванъ, шагахъ въ восьми отъ

Дуни. Для нея уже не было ни малѣйшаго сомнѣнiя въ его непоколебимой рѣшимости. Къ тому же она его знала...

Вдругъ она вынула изъ кармана револьверъ, взвела курокъ и опустила руку съ револьверомъ на столикъ. Свидригайловъ вскочилъ съ мѣста.

— Ага! Такъ вотъ какъ! вскричалъ онъ въ удивленiи, но злобно усмѣхаясь;—ну, это совершенно измѣняетъ ходъ дѣла! Вы мнѣ чрезвычайно облегчаете дѣло сами, Авдотья Романовна! Да гдѣ это вы револьверъ достали? Ужь не господинъ ли Разумихинъ? Ба! Да револьверъ - то мой! Старый знакомый! А я-то его тогда какъ искалъ!.. Наши деревенскiе уроки стрѣльбы, которые я имѣлъ честь вамъ давать, не пропали таки даромъ.

— Не твой револьверъ, а Марѳы Петровны, которую ты убилъ, злодѣи! У тебя ничего не было своего въ ея домѣ. Я взяла его какъ стала подозрѣвать, на чтѣ ты способенъ. Смѣи шагнуть хоть одинъ шагъ и клянусь, я убью тебя!

Дуня была въ изступленiи. Револьверъ она держала на готовѣ.

— Ну, а братъ? Изъ любопытства спрашиваю, спросилъ Свидригайловъ, все еще стоя на мѣстѣ.

— Докоси, если хочешь! Ни съ мѣста! Не сходи! Я выстрѣлю! Ты жену отравилъ, я знаю, ты самъ убійца!...

— А вы твердо увѣрены, что я Марѳу Петровну отравилъ?

— Ты! Ты мнѣ самъ намекалъ; ты мнѣ говорилъ объ ядѣ... я знаю, ты за нимъ ѣздилъ... у тебя было готово... Это ты... Это непременно ты... подлецъ!

— Еслибы даже это была и правда, такъ изъ-за тебя же... все-таки ты же была бы причиной.

— Джешь! Я тебя ненавижу всегда, всегда...

— Эге, Авдотья Романовна! видно забыли, какъ въ жару пропаганды уже склонялись и маѣли... Я по глазкамъ видѣлъ; помните вечеромъ-то, при лунѣ-то, соловей-то еще свисталъ?

— Джешь! (бѣшенство засверкало въ глазахъ Дуни) джешь, клеветникъ!

— Лгу? Ну, пожалуй, и лгу. Солгалъ. Женщинамъ про эти вещицы поминать не слѣдуетъ. (Онъ усмѣхнулся.) Знаю, что выстрѣлишь, звѣрокъ хорошенькiй. Ну, и стрѣляй!

Дуня подняла револьверъ, и мертво-блѣдная, съ побѣлѣв-

шею, дрожавшею нижнею губкой, съ сверкающими, какъ огонь, большими черными глазами, смотрѣла на него, рѣшившись, измѣряя и выжидая перваго движенія съ его стороны. Никогда еще онъ не видалъ ея столь прекрасною. Огонь, сверкнувшій изъ глазъ ея въ ту минуту, когда она поднимала револьверъ, точно обжегъ его, и сердце его съ болью сжалось. Онъ ступилъ шагъ и выстрѣлъ раздался. Пуля скользнула по его волосамъ и ударилась сзади въ стѣну. Онъ остановился и тихо засмѣялся:

— Укусила оса! Прямо въ голову мѣтять.... Что это? Кровь! Онъ вынулъ платокъ, чтобъ обтереть кровь, тоненькою струйкой стекавшую по его правому виску; вѣроятно, пуля чуть-чуть задѣла по кожѣ черепа. Дуня опустила револьверъ и смотрѣла на Свидригайлова не то что въ страхъ, а въ какомъ-то дикомъ недоумѣніи. Она какъ бы сама уже не понимала что такое она сдѣлала и что это дѣлается!

— Ну что жь, промахъ! Стрѣляйте еще, я жду, тихо проговорилъ Свидригайловъ, все еще усмѣхаясь, но какъ-то мрачно; этакъ я васъ схватить успѣю, прежде чѣмъ вы взведете курокъ!

Дунечка вздрогнула, быстро взвела курокъ и опять подняла револьверъ.

— Оставьте меня! проговорила она въ отчаяніи: клянусь, я опять выстрѣлю... Я... убью!..

— Ну что жь... въ трехъ шагахъ и нельзя не убить. Ну, а не убьете... тогда... Глаза его засверкали, и онъ ступилъ еще два шага.

Дунечка выстрѣлила, осыпая!

— Зарядили неаккуратно. Ничего! У васъ тамъ еще есть капсюль. Поправьте, я подожду.

Онъ стоялъ предъ нею въ двухъ шагахъ, ждалъ и смотрѣлъ на нее съ дикою рѣшимостью, воспаленно-страстнымъ, тяжелымъ взглядомъ. Дуня поняла, что онъ скорѣе умретъ чѣмъ отпуститъ ее. „И... и ужь конечно она убьетъ его теперь, въ двухъ шагахъ!“...

Вдругъ она отбросила револьверъ.

— Бросила! съ удивленіемъ проговорилъ Свидригайловъ и глубоко перевелъ духъ. Что-то какъ бы разомъ отошло у него отъ сердца и, можетъ-быть, не одна тягость смертнаго страха; да врядъ ли онъ и ощущалъ его въ эту минуту. Это было избавленіе отъ другаго, болѣе скорбнаго и мрач-

наго, чувства, котораго бы онъ и самъ не могъ во всей силѣ опредѣлить.

Онъ подошелъ къ Дуни и тихо обнялъ ее рукой за талию. Она не сопротивлялась, но вся трепеща какъ листъ, смотрѣла на него умоляющими глазами. Онъ было хотѣлъ что-то сказать, но только губы его кривились, а выговорить онъ не могъ.

— Отпусти меня! умоляя сказала Дуня.

Свидригайловъ вздрогнулъ: это *ты* было уже какъ-то не такъ проговорено, какъ давешнее.

— Такъ не любишь? тихо спросилъ онъ.

Дуня отрицательно, повела головой.

— И... не можешь?.. Никогда? съ отчаяніемъ прошептала онъ.

— Никогда! прошептала Дуня.

Прошло мгновеніе ужасной, нѣмой борьбы въ душѣ Свидригайлова. Невыразимымъ взглядомъ глядѣлъ онъ на нее. Вдругъ онъ отнялъ руку, отвернулся, быстро отошелъ къ окну и сталъ предъ нимъ.

Прошло еще мгновеніе.

— Вотъ ключъ! (Онъ вынулъ его изъ лѣваго кармана пальто и положилъ сзади себя на столъ, не глядя и не оборачиваясь къ Дуни.) Берите; уходите скорѣй!..

Онъ упорно смотрѣлъ въ окно.

Дуня подошла къ столу взять ключъ.

— Скорѣй! Скорѣй! повторилъ Свидригайловъ, все еще не двигаясь и не оборачиваясь. Но въ этомъ: „скорѣй“ видно прозвучала какая-то страшная нотка.

Дуня поняла ее, схватила ключъ, бросилась къ дверямъ, быстро отомкнула ихъ и вырвалась изъ комнаты. Черезъ минуту, какъ безумная, не помня себя, выбѣжала она на канаву и побѣжала по направленію къ — му мосту.

Свидригайловъ простоялъ еще у окна минуты три; наконецъ медленно обернулся, осмотрѣлся кругомъ и тихо провелъ ладонью по лбу. Странная улыбка искривила его лицо, жалкая, печальная, слабая улыбка, улыбка отчаянія. Кровь, уже засыхавшая, запачкала ему ладонь; онъ посмотрѣлъ на кровь со злобою; затѣмъ намочилъ полотенце и вымылъ себѣ високъ. Револьверъ, отброшенный Дуней и отлетѣвшій къ дверямъ, вдругъ попался ему на глаза. Онъ поднялъ и осмотрѣлъ его. Это былъ маленькій, карманный трехъ-

ударный револьверъ, стараго устройства; въ немъ оставалось еще два заряда и одинъ капсуль. Одинъ разъ можно было выстрѣлить. Онъ подумалъ, сунулъ револьверъ въ карманъ, взялъ шляпу и вышелъ.

VI.

Весь этотъ вечеръ до десяти часовъ онъ провелъ по разнымъ трактирамъ и клоакамъ, переходя изъ одного въ другой. Отыскалась гдѣ-то и Катя, которая опять пѣла другую лакейскую пѣсню о томъ, какъ кто-то, „подлецъ и тиранъ“,

„Началъ Катю цѣловать.“

Свидригайловъ поилъ и Катю, и шарманщика, и пѣсенниковъ, и лакеевъ, и двухъ какихъ-то писарышекъ. Съ этими писарышками онъ связался собственно потому, что оба они были съ кривыми носами: у одного носъ шелъ криво вправо, а у другаго влѣво. Это поразило Свидригайлова. Они увлекли его наконецъ въ какой-то увеселительный садъ, гдѣ онъ заплатилъ за нихъ и за входъ. Въ этомъ саду была одна тоненькая, трехлѣтняя елка и три кустика. Кромѣ того, выстроены были „вакзалъ“, въ сущности распивочная, но тамъ можно было получать и чай, да сверхъ того стояло нѣсколько зеленыхъ столиковъ и стульевъ. Хоръ скверныхъ пѣсенниковъ и какой-то пьяный монахенскій Нѣмецъ въ родѣ паяца, съ краснымъ носомъ, но отчего-то чрезвычайно улыбай, увеселяли публику. Писарышки поссорились съ какими-то другими писарышками и затѣяли-было драку. Свидригайловъ выбранъ былъ ими судьей. Онъ судилъ ихъ уже съ полчаса, но они такъ кричали, что не было ни малѣйшей возможности что-нибудь разобрать. Вѣрнѣе всего было то, что одинъ изъ нихъ что-то укралъ и даже успѣлъ тутъ же продать какому-то подвернувшемуся Жиду; но продавъ, не захотѣлъ подѣлиться съ своимъ товарищемъ. Оказалось, наконецъ, что проданный предметъ была чайная ложка, принадлежавшая вакзалу. Въ вакзалѣ хватились ея, и дѣло стало принимать размѣры хлопотливые. Свидригайловъ заплатилъ за ложку, всталъ и вышелъ изъ сада. Было часовъ около десяти. Самъ онъ не выпилъ во все это время ни одной капли вина и всего только

спросилъ себѣ въ вокзалѣ чаю, да и то больше для порядка. Между тѣмъ вечеръ былъ душный и мрачный. Къ десяти часамъ надвинулись со всѣхъ сторонъ страшныя тучи; ударилъ громъ, и дождь хлынулъ какъ водопадъ. Вода падала не каплями, а цѣлыми струями хлестала на землю. Молнія сверкала поминутно, и можно было сосчитать до пяти разъ въ продолженіе каждаго зарева. Весь промокшій до нитки, дошелъ онъ домой, заперся, отворилъ свое бюро, вынулъ всѣ свои деньги и разорвалъ двѣ-три бумаги. Затѣмъ, сунувъ деньги въ карманъ, онъ хотѣлъ-было переимѣнить на себѣ платье, но посмотрѣвъ въ окно и прислушавшись къ грозѣ и дождю, махнулъ рукой, взялъ шляпу и вышелъ не заперевъ квартиры. Онъ прошелъ прямо къ Сонѣ. Та была дома.

Она была не одна; кругомъ нея было четверо маленькихъ дѣтей Капернаумова. Софья Семеновна поила ихъ чаемъ. Она молча и почтительно встрѣтила Свидригайлова, съ удивленіемъ оглядѣла его измокшее платье, но не сказала ни слова. Дѣти же всѣ тотчасъ убѣжали въ неопisanномъ ужасѣ.

Свидригайловъ сѣлъ къ столу, а Соню попросилъ сѣсть подлѣ. Та робко приготовилась слушать.

— Я, Софья Семеновна, можетъ, въ Америку уѣду, сказалъ Свидригайловъ, — и такъ какъ мы видимся съ вами, вѣроятно, въ послѣдній разъ, то я пришелъ кой-какія распоряженія сдѣлать. Ну, вы эту даму сегодня видѣли? Я знаю что она вамъ говорила, нечего пересказывать. (Соня сдѣлала-было движеніе и покраснѣла.) У этого народа извѣстная складка. Что же касается до сестрицъ и до брата вашего, то они дѣйствительно пристроены, и деньги, причитающіяся имъ, выданы мною на каждаго, подъ росписки, куда слѣдуетъ, въ вѣрныя руки. Вы, впрочемъ, эти росписки возьмите себѣ, такъ, на всякій случай. Вотъ, возьмите! Ну-съ, теперь это кончено. Вотъ три пятипроцентныя билета, всего на три тысячи. Это вы возьмите себѣ, собственно себѣ, и пусть это такъ между нами и будетъ, чтобы никто и не зналъ, что бы тамъ вы ни услышали. Они же вамъ понадобятся, потому, Софья Семеновна, такъ жить, попрежнему — скверно, да и нужды вамъ болѣе нѣтъ никакой.

— Я-съ вами такъ благодѣтельствована, и сироты-съ, и покойница, заторопилась Соня, — что если до сихъ поръ я васъ мало такъ благодарила, то.... не считите....

— Э, полноте, полноте.

— А, эти деньги, Аркадій Ивановичъ, я вамъ очень благодарна, но я вѣдь теперь въ нихъ не нуждаюсь. Я себя одну всегда прокормлю, не сочтите неблагодарностью: если вы такіе благодарѣтельные, то эти деньги-съ....

— Вамъ, вамъ, Софья Семеновна, и пожалуста безъ особенныхъ разговоровъ, потому, даже мнѣ и некогда. А вамъ понадобятся. У Родіона Романыча двѣ дороги: или пуля въ лобъ, или по Владиміркѣ. (Соня дико посмотрѣла на него и задрожала.) Не беспокойтесь, я все знаю, отъ него же самого, и я не болтуя; никому не скажу. Это вы его хорошо учили тогда, чтобъ онъ самъ на себя пошелъ и сказалъ. Это ему будетъ гораздо выгоднѣе. Ну, какъ выйдетъ Владимірка — онъ по ней, а вы вѣдь за нимъ? Вѣдь такъ? Вѣдь такъ? Ну, а коли такъ, то значить деньги вотъ и понадобятся. Для него же понадобятся, понимаете? Давая вамъ, я все равно что ему даю. Къ тому же вы вотъ обѣщались и Амаліи Ивановнѣ долгъ заплатить; я вѣдь слышала. Чтò это вы, Софья Семеновна, такъ необдуманно все такіе контракты и обязательства на себя берете? Вѣдь Катерина Ивановна осталась должна этой Нѣмкѣ, а не вы, такъ и наплевать бы вамъ на Нѣмку. Такъ на свѣтѣ не проживешь. Ну-съ, если васъ когда кто будетъ спрашивать, — ну, завтра или послѣзавтра, — обо мнѣ, или насчетъ меня (а васъ-то будутъ спрашивать), то вы о томъ, что я теперь къ вамъ захожу, не упоминайте и деньги отнюдь не показывайте и не оказывайте, что я вамъ дала, никому. Ну, теперь до свиданья. (Онъ всталъ со стула.) Родіону Романычу поклонъ. Кстати: держите-ка деньги-то до времени хоть у господина Разумихина. Знаете господина Разумихина? Ужь конечно знаете. Это малый такъ себѣ. Снесите-ка къ нему завтра, или.... когда придетъ время. А до тѣхъ поръ подальше спрячьте.

Соня также вскочила со стула и испуганно смотрѣла на него. Ей очень хотѣлось что-то сказать, что-то спросить, но она въ первыя минуты не смѣла, да и не знала какъ ей вачать.

— Какъ же вы... какъ же вы-съ, теперь же въ такой дождь и пойдете?

— Ну, въ Америку собираться, да дождя бояться, хе! хе! ащайте голубчикъ, Софья Семеновна! Живите и много

живите, вы другимъ пригодитесь. Кстати.... скажите-ка господину Разумихину, что я велѣлъ ему кланяться. Такъ-таки и передайте: Аркадій, дескать, Ивановичъ Свидригайловъ кланяется. Да непременно же.

Онъ вышелъ, оставивъ Союю въ изумленіи, въ испугѣ и въ какомъ-то неясномъ и тяжеломъ подозрѣніи.

Оказалось потомъ, что въ этотъ же вечеръ, часу въ двѣнадцать, онъ сдѣлалъ и еще одинъ весьма эксцентрическій и неожиданный визитъ. Дождь все еще не переставалъ. Весь мокрый, вошелъ онъ въ двадцать минутъ двѣнадцатаго въ тѣсную квартирку родителей своей невесты, на Васильевскомъ островѣ, въ третьей линіи, на Маломъ проспектѣ. На силу достучался и въ началѣ произвелъ было большое смятеніе; но Аркадій Ивановичъ, когда хотѣлъ, былъ чловѣкъ съ весьма обворожительными манерами, такъ что первоначальная (хотя, впрочемъ, весьма остроумная) догадка благоразумныхъ родителей невесты, что Аркадій Ивановичъ, вѣроятно, до того уже гдѣ-нибудь нахлестался пьянъ, что ужъ и себя не помнитъ, — тотчасъ же пала сама собою. Разслабленнаго родителя выкатили въ креслѣ къ Аркадію Ивановичу сердобольная и благоразумная мать невесты, и по своему обыкновенію, тотчасъ же приступила къ кой-какимъ отдаленнымъ вопросамъ. (Эта женщина никогда не дѣлала вопросовъ прямыхъ, а всегда пускала въ ходъ сперва улыбки и потиранія рукъ, а потомъ, если надо было что-нибудь узнать непременно и вѣрно, наприкладъ: когда угодно будетъ Аркадію Ивановичу назначить свадьбу, то начинала любопытнѣйшими и почти жадными вопросами о Парижѣ и о тамошней придворной жизни, и развѣ потомъ уже доходила по порядку и до третьей линіи Васильевского острова.) Въ другое время все это, конечно, внушало много уваженія, но на этотъ разъ Аркадій Ивановичъ оказался какъ-то особенно нетерпѣливымъ и наотрѣвъ пожелалъ видѣть поскорѣе невесту, хотя ему уже и доложили въ самомъ началѣ, что невеста легла уже спать. Разумѣется, невеста явилась. Аркадій Ивановичъ прямо сообщилъ ей, что на время долженъ по одному весьма важному обстоятельству уѣхать изъ Петербурга, а потому и принесъ ей пятнадцать тысячъ рублей серебромъ, въ разныхъ билетахъ, прося принять ихъ отъ него въ видѣ подарка, такъ какъ онъ и давно собирався

подарить ей эту бездѣлку предъ свадьбой. Особенной логической связи подарка съ немедленнымъ отъѣздомъ и непремѣнною необходимостью придти для того въ дождь и въ полночь, конечно, этими объясненіями вичуть не выказывалось, но дѣло однакоже обошлось весьма складно. Даже самыя необходимыя оханья и аханья, разпросы и удивленія сдѣлались какъ-то вдругъ необыкновенно умѣренны и сдержанны; зато благодарность была выказана самая пламенная и подкрѣплена даже слезами благоразумнѣйшей матери. Аркадій Ивановичъ всталъ, засмѣялся, поцѣловалъ невѣсту, потрепалъ ее по щецкѣ, подтвердилъ, что скоро пріѣдетъ, и замѣтивъ въ ея глазкахъ хотя и дѣтское любопытство, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какой-то очель серіозный, нѣмой вопросъ, подумалъ, поцѣловалъ ее въ другой разъ и тутъ же искренно подосадовалъ въ душѣ, что подарокъ пойдетъ немедленно на сохраненіе подъ замокъ благоразумнѣйшей изъ матерей. Онъ вышелъ, оставивъ всѣхъ въ необыкновенно возбужденномъ состояніи. Но сердобольная мамаша тотчасъ же, полупешотомъ и скороговоркой, разрѣшила нѣкоторыя важнѣйшія недоумѣнія, а именно, что Аркадій Ивановичъ человѣкъ большой, человѣкъ съ дѣлами и со связями, богачъ, — Богъ знаетъ, что тамъ у него въ головѣ, вздумалъ и похвѣлъ, вздумалъ и деньги отдалъ, а стало-быть и дивиться нечего. Конечно, странно, что онъ весь мокрый, но Англичане, мапримѣръ, и того эксцентричнѣе, да и всѣ эти высшаго тона не смотрятъ на то, что о нихъ скажутъ, и не церемонятся. Можетъ-быть, онъ даже и нарочно такъ ходитъ, чтобы показывать, что онъ никого не боится. А главное, объ этомъ ни слова никому не говорить, потому что Богъ знаетъ еще что изъ этого выйдетъ, а деньги поскорѣе подъ замокъ и ужь, конечно, самое лучшее во всемъ этомъ, что Федосья просидѣла въ кухнѣ, а главное отнюдь, отнюдь, отнюдь, не надо сообщать ничего этой пройдохѣ Реслихъ, и прочее и прочее. Просидѣла и прошептала часовъ до двухъ. Невѣста, впрочемъ, ушла спать гораздо раньше, удивленная и даже немного грустная.

А Свиригайловъ между тѣмъ ровнехонько въ полночь переходилъ чрезъ —ковъ мостъ, по направленію на Петербургскую сторону. Дождь пересталъ, но шумѣлъ вѣтеръ. Онъ начиналъ дрожать и одну минуту съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ и даже съ вопросомъ посмотрѣлъ на

черную воду Малой Невы. Но скоро ему показалось очень холодно стоять надъ водой; онъ повернулся и пошелъ на —ой проспектъ. Онъ шагаль по бесконечному —ому проспекту уже очень долго, почти съ полчаса, не разъ обрываясь въ темнотѣ на деревянной мостовой, но не переставаль чего-то съ любопытствомъ разыскивать по правой сторонѣ проспекта. Тутъ гдѣ-то, уже въ концѣ проспекта, онъ замѣтилъ, какъ-то проѣзжая недавно мимо, одну гостиницу, деревянную, но обширную, и имя ея, сколько ему помнилось, было что-то въ родѣ Адрианополя. Онъ не ошибся въ своихъ расчетахъ: эта гостиница въ такой глуши была такою видною точкой, что возможности не было не отыскать ея, даже среди темноты. Это было длинное, деревянное, почернѣвшее зданіе, въ которомъ, несмотря на поздній часъ, еще свѣтились огни и замѣчалось нѣкоторое оживленіе. Онъ вошелъ и у встрѣтившагося ему въ корридорѣ оборванца спросилъ номеръ. Оборванецъ, окинувъ взглядомъ Свидригайлова, встряхнулся и тотчасъ же повелъ его въ отдаленный номеръ, душный и тѣсный, гдѣ-то въ самомъ концѣ корридора, въ углу, подъ лѣстницей. Но другаго не было; всѣ были заняты. Оборванецъ смотрѣлъ вопросительно.

— Чай есть? спросилъ Свидригайловъ.

— Это можно-съ.

— Еще что есть?

— Телятина-съ, водка-съ, закуска-съ.

— Привеси телятины и чаю.

— А больше ничего не потребуется? спросилъ даже въ нѣкоторомъ недоумѣніи оборванецъ.

— Ничего, ничего!

Оборванецъ удалился, совершенно разочарованный.

„Хорошее, должно-быть, мѣсто, подумаль Свидригайловъ;— какъ это я не зналь. Я тоже, вѣроятно, имѣю видъ возвращающагося откуда-нибудь изъ кафе-шантана, но уже имѣвшего дорогой исторію. А любопытно однакожь, кто здѣсь останавливается и ночуетъ?“

Онъ зажегъ свѣчу и осмотрѣлъ номеръ подробнѣе. Это была клѣтушка до того маленькая, что даже почти не подь ростъ Свидригайлову, въ одно окно; постель очень грязная, простой крашеный столъ и стулъ занимали почти все пространство. Стѣны имѣли видъ какъ бы сколоченныхъ изъ досокъ съ (. . .) парканными обоями, до того уже пыльными и

изодранными, что цвѣтъ ихъ (желтый) угадать еще можно было, но рисунка уже нельзя было распознать никакого. Одна часть стѣны и потолка была срѣзана на-косъ, какъ обыкновенно въ мавсардахъ, но тутъ надъ этимъ косякомъ шла лѣстница. Свидригайловъ поставилъ свѣчу, сѣлъ на кровать и задумался. Но странный и непрерывный шепотъ, иногда подымавшійся чуть не до крику, въ сосѣдней клѣткѣ, обратилъ наконецъ его вниманіе. Этотъ шепотъ не переставалъ съ того времени какъ онъ вошелъ. Онъ прислушался: кто-то ругалъ и чуть ли не со слезами укорялъ другаго, но слышался одинъ только голосъ. Свидригайловъ всталъ, заслонилъ рукою свѣчку и на стѣнѣ тотчасъ же блеснула щелочка; онъ подошелъ и сталъ смотрѣть. Въ нумерѣ, нѣсколько большею чѣмъ его собственный, было двое посѣтителей. Одинъ изъ нихъ безъ сюртука, съ чрезвычайно курчавою головою и съ краснымъ, воспаленнымъ лицомъ, стоялъ въ ораторской позѣ, раздвинувъ ноги, чтобъ удержать равновѣсіе, и ударяя себя рукою въ грудь, патетически укорялъ другаго въ томъ, что тотъ нищій и что даже чина на себѣ не имѣетъ, что онъ вытащилъ его изъ грязи и что когда захочетъ, тогда и можетъ выгнать его, и что все это видитъ одинъ только перстъ Всевышняго. Укоряемый другъ сидѣлъ на стулѣ и имѣлъ видъ человѣка чрезвычайно желающаго чихнуть, но которому это никакъ не удается. Онъ изрѣдка, бараньимъ и мутнымъ взглядомъ глядѣлъ на оратора, но очевидно не имѣлъ никакого понятія о чемъ идетъ рѣчь и врядъ ли что-нибудь даже и слышалъ. На столѣ догорала свѣча, стоялъ почти пустой графинъ водки, рюмки, хлѣбъ, стаканы, огурцы и посуда съ давно уже выпитымъ чаемъ. Осмотрѣвъ внимательно эту картину, Свидригайловъ безучастно отошелъ отъ щелочки и сѣлъ опять на кровать.

Оборванецъ, воротившійся съ чаемъ и съ телятиной, не могъ удержаться, чтобы не спросить еще разъ: „не надо ли еще чего-нибудь?“ и выслушавъ опять отвѣтъ отрицательный, удалился окончательно. Свидригайловъ набросился на чай, чтобы согрѣться, и выпилъ стаканъ, но съѣсть не могъ ни куска, за совершенною потерей аппетита. Въ немъ видимо начиналась лихорадка. Онъ снялъ съ себя пальто, жакетку, закутался въ одѣяло и легъ на постель. Ему было досадно:

„все бы лучше на этотъ разъ быть здоровымъ“, подумалъ онъ и усмѣхнулся. Въ комнатѣ было душно, свѣчка горѣла тускло, на дворѣ шумѣлъ вѣтеръ, гдѣ-то въ углу скребла мышь да и во всей комнатѣ будто пахло мышами и чѣмъ-то кожанымъ. Онъ лежалъ и словно грезилъ: мысль смѣнялась мыслью. Казалось, ему очень бы хотѣлось хоть къ чему-нибудь особенно прицѣпиться воображеніемъ, словно онъ ощущалъ внутри себя безсознательно скрытую, таинственную тревогу. „Это подъ окномъ, должно-быть, какой-нибудь садъ, подумалъ онъ,—шумятъ деревья; какъ я не люблю шумъ деревьевъ ночью, въ бурю и въ темноту, скверное ощущеніе!“ И онъ вспомнилъ, какъ проходя давеча мимо Петровскаго парка, съ отвращеніемъ даже подумалъ о немъ. Тутъ онъ вспомнилъ кстати и о —ковѣ мостѣ, и о Малой Невѣ, и ему опять какъ бы стало холодно, какъ давеча, когда онъ стоялъ надъ водой. „Никогда въ жизнь мою не любилъ я воды, даже въ пейзажахъ, подумалъ онъ вновь и вдругъ опять усмѣхнулся на одну странную мысль: „вѣдь вотъ, кажется, теперь бы должно быть все равно насчетъ всей этой эстетики и комфорта, а тутъ-то именно и разборчивъ сталъ, точно звѣрь, который непремѣнно мѣсто себѣ выбираетъ.... въ подобномъ же случаѣ. Именно повернуть бы давеча на Петровскій! Небось темно показалось, холодно, хе! хе! Чуть ли не ощущеній пріятныхъ понадобилось!... Кстати, зачѣмъ я свѣчку не затушу? (Онъ задулъ ее.) У сосѣдей улегался, подумалъ онъ, не видя свѣта въ давишной щелочкѣ. „Вѣдь вотъ, Марья Петровна, вотъ бы теперь вамъ и пожаловать, и темно, и мѣсто пригодное, и минута оригинальная. А вѣдь вотъ именно теперь-то и не придете...“

Ему вдругъ почему-то вспомнилось, какъ давеча, за часъ до исполненія замысла надъ Дунечкой, онъ рекомендовалъ Раскольникову поручить ее охраненію Разуმიкина. „Въ самомъ дѣлѣ я, пожалуй, пуце для своего собственнаго задора тогда это говорилъ, какъ и угадалъ Раскольниковъ. А шельма, однакожъ, этотъ Раскольниковъ! Много на себѣ перетащилъ. Большою шельмой можетъ быть современемъ, когда вздоръ повскочить, а теперь *слишкомъ* ужъ жить ему хочется! Насчетъ этого пункта этотъ народъ—подлецы. Ну, да чортъ съ нимъ, какъ хочетъ, мнѣ чдѣ.

Ему все не спалось. Мало-по-малу давишній образъ Дунечки сталъ возникать предъ нимъ, и вдругъ дрожь прошла

но его тѣлу. „Нѣтъ, это ужь надо теперь бросить,“ подумалъ онъ, очнувшись, „надо о чемъ-нибудь другомъ думать. Странно и смѣшно: ни къ кому я никогда не имѣлъ большой ненависти, даже мстить никогда особенно не желалъ, а вѣдь это дурной признакъ, дурной признакъ! Спорить тоже не любилъ и не горячился—тоже дурной признакъ! А сколько я ей давеча наобѣщалъ—фу, чортъ! А вѣдь, пожалуй, и перемолола бы меня какъ-нибудь.... Онъ опять замолчалъ и стиснулъ зубы: опять образъ Дунечки появился предъ нимъ токъ въ токъ какъ была она, когда, выстрѣливъ въ первый разъ, ужасно испугалась, опустила револьверъ, и помертвѣвъ, смотрѣла на него, такъ что онъ два раза успѣлъ бы схватить ее, а она и руки бы не подняла въ защиту, еслибъ онъ самъ ей не напомнилъ. Онъ вспоминалъ, какъ ему въ то мгновеніе точно жалко стало ее, какъ бы сердце сдавило ему.... „Э, къ чорту! Опять эти мысли, все это надо бросить, бросить!...“

Онъ уже забывался; лихорадочная дрожь утихала; вдругъ какъ бы что-то пробѣжало подъ одѣяломъ по рукѣ его и по ногѣ. Онъ вздрогнулъ: „фу, чортъ, да это чуть ли не мышъ!“ подумалъ онъ: „это я телатину оставилъ на столѣ...“ Ему ужасно не хотѣлось раскрываться, вставать, мерзнуть, но вдругъ опять что-то неприятно шоркнуло ему по ногѣ; онъ сорвалъ съ себя одѣяло и зажегъ свѣчу. Дрожа отъ лихорадочнаго холода, нагнулся онъ осмотрѣть постель, — ничего не было; онъ встряхнулъ одѣяло, и вдругъ на простыню выскочила мышъ. Онъ бросился ловить ее; но мышъ не сбѣгала съ постели, а мелькала зигзагами во всѣ стороны, скользила изъ-подъ его пальцевъ, перебѣгала по рукѣ и вдругъ юркнула подъ подушку; онъ сбросилъ подушки, но въ одно мгновеніе почувствовалъ, какъ что-то вскочило ему за пазуху, шоркаетъ по тѣлу, и уже за спиной, подъ рубашкой. Онъ нервно задрожалъ и проснулся. Въ комнатѣ было темно, онъ лежалъ на кровати, закутавшись, какъ давеча, въ одѣяло, подъ окномъ вылъ вѣтеръ: „Экая скверность!“ подумалъ онъ съ досадою.

Онъ всталъ и усѣлся на краю постели, спиной къ окну. „Лучше ужь совсѣмъ не спать,“ рѣшился онъ. Отъ окна было, впрочемъ, холодно и сыро; не вставая съ мѣста, онъ натаскалъ на себя одѣяло и закутался въ него. Свѣчи онъ не зажигалъ. Изъ сосѣдней комнаты слышался густой храпъ.

Онъ ни о чемъ не думалъ, да и не хотѣлъ думать; но грезы вставали одна за другою, мелькали отрывки мыслей, безъ начала и конца и безъ связи. Какъ будто онъ впадалъ въ полудремоту. Холодъ ли, мракъ ли, сырость ли, вѣтеръ ли, завывавшій подъ окномъ и качавшій деревья, вызвали въ немъ какую-то упорную фантастическую наклонность и желанія, — но ему все стали представляться цвѣты. Ему вообразился прелестный цвѣтущій пейзажъ; свѣтлый, теплый, почти жаркій день, праздничный день, Троицынъ день. Богатый, роскошный, деревенскій коттеджъ, въ англійскомъ вкусѣ, весь обросшій душистыми клумбами нестрыхъ цвѣтовъ, обсаженный градами, плущими кругомъ всего дома; крыльцо, увитое вьющимися растеніями, заставленное градами розъ въ фарфоровыхъ банкахъ; свѣтлая, прохладная лѣстница уставленная роскошнымъ ковромъ, обставленная рѣдкими цвѣтами въ китайскихъ банкахъ. Онъ особенно замѣтилъ въ банкахъ съ водой, на окнахъ, букеты бѣлыхъ и вѣжныхъ нарцисовъ, склоняющихся на своихъ ярко-зеленыхъ, тучныхъ и длинныхъ стебляхъ съ сильнымъ ароматнымъ запахомъ. Ему даже отойти отъ нихъ не хотѣлось, но онъ поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ большую, высокую залу, и опять и тутъ вездѣ, у оконъ, около растворенныхъ дверей на террасу, на самой террасѣ, вездѣ были цвѣты. Полы были усыпаны свѣжею накошенной душистою травой, окна были отворены, свѣжій, легкій, прохладный воздухъ проникалъ въ комнату, птички чирикали подъ окнами, а посреди залы, на покрытыхъ бѣлыми атласными пеленами столахъ, стоялъ гробъ. Этотъ гробъ былъ обитъ бѣлымъ гроденаплетемъ и обшитъ бѣлымъ густымъ рюшемъ. Гирлянды цвѣтовъ обвивали его со всѣхъ сторонъ. Вся въ цвѣтахъ лежала въ немъ дѣвочка, въ бѣломъ тюлевымъ платьѣ, со сложенными и прижатыми на груди, точно выточенными изъ мрамора, руками. Но распущенные волосы ея, волосы свѣтлой блондинки, были мокры; вѣнокъ изъ розъ обвивалъ ея голову. Строгий и уже окостенѣлый профиль ея лица былъ тоже какъ бы выточенъ изъ мрамора, но улыбка на блѣдныхъ губахъ ея была полна какой-то недѣтской, безпредѣльной скорби и великой жалобы. Свидригайловъ зналъ эту дѣвочку; ни образа, ни зажженныхъ свѣчей не было у этого гроба и не слышно было молитвъ. Эта дѣвочка была самоубійца, — утопленница. Ей было только

четыренадцать лѣтъ, но это было уже разбитое сердце, и оно погубило себя, оскорбленное обидой, ужаснувшее и удивившее это молодое, дѣтское сознаніе, залитое незаслуженнымъ стыдомъ ея ангельски-чистую душу и вырвавшее послѣдній крикъ отчаянія, не услышанный, а нагло поруганный въ темную ночь, во мракѣ, въ холодѣ, въ сырую оттепель, когда выль вѣтеръ....

Свидригайловъ очнулся, всталъ съ постели и шагнулъ къ окну. Онъ ощупью нашелъ задвижку и отворилъ окно. Вѣтеръ хлынулъ неистово въ его тѣсную каморку и какъ бы морознымъ ивеемъ облѣпилъ ему лицо и прикрытую одною рубашкой грудь. Подъ окномъ, должно-быть, дѣйствительно было что-то въ родѣ сада и, кажется, тоже увеселительнаго; вѣроятно, днемъ здѣсь тоже пѣвали пѣсенники и выносились на столики чай. Теперь же съ деревьевъ и кустовъ летѣли въ окно брызги, было темно какъ въ погребѣ, такъ что едва-едва можно было различить только какія-то темныя пятна, обозначавшія предметы. Свидригайловъ, нагнувшись и опираясь локтами на подоконникъ, смотрѣлъ уже минутъ пять, не отрываясь, въ эту мглау. Среди мрака и ночи раздался пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой.

„А, сигналъ! Вода прибываетъ“, подумалъ онъ, — „къ утру хлынетъ, тамъ, гдѣ пониже мѣсто, на улицы, зальетъ подвалы и погреба, всплывутъ крысы, и среди дождя и вѣтра люди начнутъ, ругаясь, мокрые, перетаскивать свой соръ въ верхніе этажи.... А который-то теперь часъ?“ И только-что подумалъ онъ это, гдѣ-то близко, должно-быть въ самой гостиницѣ, такая и какъ бы торопясь изо всей мочи, стѣнные часы пробили три. — „Эге, да черезъ часъ уже будетъ свѣтать! Чего дожидаться? Выйду сейчасъ, пойду прямо по грязному, деревянному тротуару на Петровскій: тамъ гдѣ-нибудь выберу большой кустъ, весь облитый дождемъ, такъ что чуть-чуть плечомъ задѣть, и миллионы брызгъ обдадутъ всю голову... Онъ отошелъ отъ окна, заперъ его, зажегъ свѣчу, натянулъ на себя жилетку, пальто, надѣлъ шляпу и вышелъ со свѣчой въ корридоръ, чтобъ отыскать гдѣ-нибудь спавшаго въ каморкѣ между всякимъ уломомъ и свѣчными огарками оборванца, расплатиться съ нимъ за номеръ и выйдти изъ гостиницы. — „Самая лучшая минута, нельзя лучше и выбрать!“

Онъ долго ходилъ по всему длинному и узкому корридору,

не находя никого, и хотѣлъ уже громко кликнуть, какъ вдругъ въ темномъ углу, между старымъ шкафомъ и дверью, разглядѣлъ какой-то странный предметъ, что-то будто бы живое. Онъ нагнулся со свѣчой и увидѣлъ ребенка — дѣвочку лѣтъ пяти не болѣе, въ измокшемъ какъ поломоиная тряпка платьишкѣ, дрожавшую и плакавшую. Она какъ будто и не испугалась Свидригайлова, но смотрѣла на него съ тупымъ удивленіемъ своими большими черными глазенками и изрѣдка всхлипывала, какъ дѣти, которыя долго плакали, но уже перестали и даже утѣшились, а между тѣмъ, нѣтъ-нѣтъ, и вдругъ опять всхлипнуть. Личико дѣвочки было блѣдное и измуренное; она окостенѣла отъ холода, но— „какъ же она попала сюда? Значитъ, она здѣсь спряталась и не спала всю ночь.“ Онъ сталъ ее разспрашивать. Дѣвочка вдругъ ожи-вилась и быстро-быстро зашептала ему что-то на своемъ дѣтскомъ языкѣ. Тутъ было что-то про „мамасю“ и что „мамася плибьетъ“, про какую-то чашку, которую „разбила“ (разбила). Дѣвочка говорила не умолкая; кое-какъ можно было угадать изъ всѣхъ этихъ разказовъ, что это нелюбимый ребенокъ, котораго мать, какая-нибудь вѣчно пьяная кухарка, вѣроятно, изъ здѣшней же гостиницы, заколотила и запугала; что дѣвочка разбила мамашину чашку и что до того испугалась, что сбѣжала еще съ вечера; долго, вѣроятно, скрывалась гдѣ-нибудь на дворѣ, подъ дождемъ, наконецъ пробралась сюда, спряталась за шкафомъ и просидѣла здѣсь въ углу всю ночь, плача, дрожа отъ сырости, отъ темноты и отъ страха что ее теперь больно за все это при-бьютъ. Онъ взялъ ее на руки, пошелъ къ себѣ въ номеръ, посадилъ на кровать и сталъ раздѣвать. Дырявые башма-чонки ея, на босу ногу, были такъ мокры, какъ будто всю ночь пролежали въ лужѣ. Раздѣвъ, онъ положилъ ее на по-стель, накрылъ и закуталъ совсѣмъ съ головой въ одѣяло. Она тотчасъ заснула. Кончивъ все, онъ опять угрюмо задумался.

„Вотъ еще вздумалъ связаться!“ рѣшилъ онъ вдругъ съ тяжелымъ и злобнымъ ощущеніемъ. — „Какой вздоръ!“ Въ досадѣ взялъ онъ свѣчу, чтобъ идти и отыскать во что бы то ни стало оборванца и поскорѣй уйти отсюда. „Эхъ, дѣв-чонка!“ подумалъ онъ съ проклятіемъ, уже растворяя дверь, но вернулся, еще разъ посмотрѣлъ на дѣвочку, спитъ ли она и какъ она спитъ? Онъ осторожно приподнялъ одѣяло. Дѣвочка спала крѣпкимъ и блаженнымъ сномъ. Она согрѣ-

лась подъ одѣяломъ, и краска уже разлилась по ея бѣднымъ щечкамъ. Но странно: эта краска обозначалась какъ бы ярче и сильнѣе чѣмъ могъ быть обыкновенный дѣтскій румянецъ. „Это лихорадочный румянецъ“, подумалъ Свидригайловъ, это—точно румянецъ отъ вина, точно какъ будто ей дали выпить цѣлый стаканъ. Алая губки точно горятъ, пышутъ, но что это? Ему вдругъ показалось, что длинная черная рѣсница ея [какъ будто вздрагиваютъ и мигаютъ, какъ бы приподнимаются, и изъ-подъ нихъ выглядываетъ лукавый, острый, какой-то не дѣтски-подмигивающій глазокъ, точно дѣвочка не спитъ, и притворяется. Да, такъ и есть: ея губки раздвигаются въ улыбку; кончики губокъ вздрагиваютъ, какъ бы еще сдерживаясь. Но вотъ уже она совсѣмъ перестала сдерживаться; это уже смѣхъ, явный смѣхъ; что-то нахальное, вызывающее свѣтится въ этомъ совсѣмъ не дѣтскомъ лицѣ; это развратъ, это лицо камелии, нахальное лицо продажной камелии изъ Французенокъ. Вотъ, уже совсѣмъ не таясь, открываются оба глаза: они обводятъ его огненнымъ и безстыднымъ взглядомъ, они зовутъ его, смѣются.... Что-то безконечно безобразное и оскорбительное было въ этомъ смѣхѣ, въ этихъ глазахъ, во всей этой мерзости въ лицѣ ребенка. „Какъ! Пятилѣтняя!“ прошепталъ въ настоящемъ ужасѣ Свидригайловъ: „это.... что жь это такое?“ Но вотъ она уже совсѣмъ поворачивается къ нему всѣмъ пылающимъ личикомъ, простираетъ руки.... „А, проклятая!“ вскричалъ въ ужасѣ Свидригайловъ, заноса надъ ней руку... Но въ ту же минуту проснулся.

Онъ на той же постелѣ, также закутанный въ одѣяло; свѣча не зажжена, а ужъ въ окнахъ бѣлѣетъ полный день.

„Кошмаръ во всю ночь!“ Онъ злобно приподнялся, чувствуя, что весь разбитъ; кости его боляли. На дворѣ совершенно густой туманъ и ничего разглядѣть нельзя. Часъ пятый въ исходѣ; проспалъ! Онъ всталъ и надѣлъ свою jacketку и пальто, еще сырые. Нащупавъ въ карманѣ револьверъ, онъ вынулъ его и поправилъ капсуль; потомъ сѣлъ, вынулъ изъ кармана записную книжку и на заглавномъ, самомъ замѣтномъ листкѣ, написалъ крупно нѣсколько строкъ. Перечитавъ ихъ, онъ задумался, облокотясь на столъ. Револьверъ и записная книжка лежали тутъ же, у локтя. Проснувшіяся мухи лѣпились на ветронутую порцію телятины, стоявшую тутъ же на столѣ. Онъ долго смотрѣлъ на нихъ

и наконецъ свободною правою рукою началъ ловить одну муху. Долго истощался онъ въ усиляхъ, но никакъ не могъ поймать. Наконецъ, поймавъ себя на этомъ интересномъ занятіи, очнулся, вздрогнулъ, всталъ и рѣшительно пошелъ изъ комнаты. Черезъ минуту онъ былъ на улицѣ.

Молочный, густой туманъ лежалъ надъ городомъ. Свидригайловъ пошелъ по скользкой, грязной, деревянной мостовой, по направленію къ Малой Невѣ. Ему мерещились высоко поднявшаяся за ночь вода Малой Невы, Петровскій островъ, мокрая дорожка, мокрая трава, мокрая деревья и кусты и наконецъ тотъ самый кустъ.... Съ досадой сталъ онъ разсматривать дома, чтобы думать о чемъ-нибудь другомъ. Ни прохожаго, ни извозчика не встрѣчалось по проспекту. Уныло и грязно смотрѣли яркожелтые, деревянные домики, съ закрытыми ставнями. Холодъ и сырость прохватывали все его тѣло, и его стало знобить. Изрѣдка онъ натѣкался на лавочныя и овощныя вывѣски и каждую тщательно прочитывалъ. Вотъ уже кончилась деревянная мостовая. Онъ уже поравнялся съ большимъ каменнымъ домомъ. Грязная, издрогшая собачонка, съ поджатымъ хвостомъ, перебѣжала ему дорогу. Какой-то мертво-пьяный, въ шинели, лицомъ внизъ, лежалъ поперекъ тротуара. Онъ остановился, поглядѣлъ на него и пошелъ далѣе. Высокая каланча мелькнула ему влѣво. — Ба! подумалъ онъ, да вотъ и мѣсто, зачѣмъ на Петровскій? По крайней мѣрѣ при официальномъ свидѣтель.... Онъ чуть не усмѣхнулся этой новой мысли и поворотилъ въ —скую улицу. Тутъ-то стоялъ большой домъ съ каланчой. У запертыхъ большихъ воротъ дома стоялъ, прислонясь къ нимъ плечомъ, небольшой человѣчекъ, закутанный въ сѣрое, солдатское пальто и въ мѣдной ахиллесовской каскѣ. Дремающимъ взглядомъ, холодно покосился онъ на подошедшаго Свидригайлова. На лицѣ его виднѣлась та вѣковѣчная брюзгливая скорбь, кисло отпечатавшаяся на всѣхъ безъ исключенія лицахъ еврейскаго племени. Оба они, Свидригайловъ и Ахиллесъ, нѣсколько времени, молча, разсматривали одинъ другаго. Ахиллесу наконецъ показалось не порядкомъ, что человѣкъ не пьянъ, а стоитъ передъ нимъ въ трехъ шагахъ, глядитъ въ упоръ и ничего не говорить.

— А-зе, сто-зе вамъ и здѣся на-а-до? проговорилъ онъ, все еще не шевелясь и не измѣняя своего положенія.

— Да ничего, братъ, здравствуй! отвѣтилъ Свидригайловъ.

— Здѣсь не мѣста.

— Я, братъ, ѣду въ чужіе края.

— Въ чужіе края?

— Въ Америку.

— Въ Америку?

Свидригайловъ вынулъ револьверъ и взвелъ курокъ. Ахилесъ приподнялъ брови.

— А-зе, сто-зе, эти сутки (шутки) здѣсь не мѣста!

— Да почему же бы и не мѣсто?

— А потому се сто не мѣста.

— Ну, братъ, это все равно. Мѣсто хорошее; коли тебя станутъ спрашивать, такъ и отвѣчай, что поѣхалъ дескать въ Америку.

Онъ приставилъ револьверъ къ своему правому виску.

— А-зе здѣсь нельзя, здѣсь не мѣста! встрепенулся Ахилесъ, расширяя все больше и больше зрачки.

Свидригайловъ спустилъ курокъ....

Ф. ДОСТОЕВСКІЙ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №.)

ВЪ ШУМАВСКИХЪ ГОРАХЪ

ПОВѢСТЬ БОЖЕНЫ НВМЦОВОЙ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЧЕШСКАГО.

IX.

Въ великую пятницу, еще до солнечнаго восхода, дѣвушки спѣшили на ключъ умываться, чтобы быть здоровыми и красивыми на цѣлый годъ. Въ великую субботу хозяева кропили святою водою поля и сады, чтобъ былъ хорошій урожай; хозяйки всѣ эти дни сильно хлопотали, и въ первый день Воскресенія Христова вся деревня сіяла. Крестьянки сняли синія юбки, бѣлые фартуки и бѣлыя ленты, которыя они носили весь постъ, и нарядились въ пестрое платье; дѣвушки словно пионы, всѣ въ новыхъ шпензерѣхъ, и парни тоже были щегольски одѣты.

Въ поведѣльникъ *дыновочка*; * дѣвушки боязливо выходили изъ дому, и идя по деревнѣ, только мелькали какъ пугливыя серны; идя же въ церкви и изъ церкви, онѣ прикрывали фартукомъ свои клугленькія плечи отъ хлыстиковъ парней. Съ самаго разсвѣта подыался шумъ и крикъ въ деревнѣ и въ замкѣ. Одинъ только Мича не похлесталъ свою жену, а по своему родному обычаю, вылилъ на нее ковшъ воды.

Какъ только Язъ пришелъ къ старостѣ, то маленькій Гонзикъ тотчасъ разказалъ ему, что тятя сдѣлалъ съ мамою, и тотъ сказавъ ему съ улыбкой:

---

* Въ этотъ день парни носятъ при себѣ хлысть, сплетенный или свитый изъ восьми вербовыхъ прутьевъ, которыми они бьютъ всѣхъ встрѣчающихся имъ женщизъ.

— Вѣдь въ Пасху всегда бываетъ обливанье. Еслибъ я былъ дома, то бросилъ бы Илену и Марису въ рѣку.

— Зачѣмъ въ рѣку? спросила съ удивленіемъ Манка.— Вѣдь съ испугу можно захворать.

— И, вѣтъ: вѣдь дѣвушки проворно выскакиваютъ; а если парни опять ихъ поймаютъ и опять бросятъ въ рѣку, тогда уже онѣ дрожатъ отъ холода, чуть переводятъ духъ. „Ухъ! бранятъ онѣ парней, чтобы васъ падучая скрючила!“

— Еще бы не дрожать отъ холода и не браниться, когда бросятъ въ ледяную воду, а у васъ еще холоднѣе чѣмъ здѣсь! Имъ бы слѣдовало отплатить за это такъ, какъ у насъ. Завтра я отомщу Мичѣ, отвѣчала старостиха.

— Конечно.... завтра у насъ дѣвушки обливаютъ парней. Завтра каждый парень будетъ пятиться отъ дѣвушки, какъ бѣсъ отъ креста, чтобы она не облила его; но еслибы всѣ парни взлѣзли на дерево, то и тутъ ихъ отыщутъ и обольютъ, сказалъ съ улыбкой Янъ.

Долгу еще рано утромъ похлесталъ Иоза, потому пришли Мича и Янъ на коляду, а когда она шла изъ церкви, къ ней подошелъ Петръ.

— Помилосердуй! просила она, замѣтивъ, что онъ вытаскиваетъ изъ-подъ куртки хлысть, свитый изъ вербовыхъ вѣтокъ и украшенный на концѣ краснымъ бантомъ.

— Вѣдь я только слегка, чтобы блохи не кусали, отвѣчалъ съ улыбкой Петръ, дотрогиваясь до голаго плеча, испещренного красными полосами.— Еслибы было можно на тебя сердиться, то я имѣлъ бы на это право, злая дѣвушка, сказалъ онъ.

— Почему? чѣмъ я тебя обидѣла?

— Посмотри вонъ на парней, на каждомъ изъ нихъ новая куртка, а я въ старой, и въ этомъ виновата ты. Скажи же правду, почему ты не хотѣла мнѣ ее вышить?

— У меня было много работы для дѣвужекъ, имъ хотѣлось имѣть новые шпезеры. Вѣдь я тебѣ уже говорила.

— Такъ, хорошо; теперь ты кончила эту работу, и у тебя вѣтъ больше отговорки, такъ ты можешь мнѣ вышить куртку? Я хочу, чтобы она была вышита только тобою.

— Если ты такъ непременно хочешь, пожалуй. Ты вѣрно собираешься жениться, что такъ торопишься?

— Да, ты права, скоро будетъ свадьба; но невѣста моя еще не родилась. Я бы былъ болѣе радъ, еслибы меня позвалъ на свадьбу тотъ, кто къ ней ближе нежели я, замѣтилъ Петръ.

При этихъ словахъ розовый румянецъ исчезъ съ лица Дорлы, потому что она ихъ объяснила иначе. Она въ замѣшательствѣ стала играть букетомъ за шпензеромъ, вытаскивая его и понюхала. Петръ все это хорошо замѣтилъ.

— Кто тебѣ далъ этотъ прекрасный букетъ? Овъ, можетъ-быть, изъ барскаго сада? спросилъ овъ.

— Кто далъ? Базилика у меня есть за окномъ, а фіалокъ я нарвала въ саду. На, понюхай.

— Я очень люблю фіалки, сказалъ задумчиво Петръ, держа въ рукахъ букетъ;—но уже давно я ихъ не рвалъ.

— Когда Анечка учителя не была еще замужемъ, она мнѣ часто давала букеты изъ фіалокъ, потому что ихъ очень много у нихъ въ саду. У нея бывали отличные букеты!

Какъ Дорла поблѣднѣла, такъ Петръ покраснѣлъ при ея словахъ. Но спустя немного овъ опять улыбнулся и сказалъ:

— Не помогаютъ ли фіалки и базилика отъ хвори? Я принимаюсь, дѣвушка, за лѣченіе!

— Ну, такъ ты не будешь водить хлѣба-соли съ нашею бабушкой, отвѣчала со смѣхомъ Дорла.

— То, что я знаю, даже бабушка не знаетъ. Я угадываю болѣзни, которымъ бабушка и названія не знаетъ, а въ этомъ главная-то суть и есть. — Ну, такъ скажи мнѣ, отъ какой болѣзни помогаютъ фіалки, и я тебѣ скажу потомъ, кто боленъ.

— Овъ служатъ только къ увеселенію сердца, отвѣчала съ улыбкой Дорла.

— Я какъ будто это предчувствовалъ, именно такое лѣкарство мнѣ и нужно. Дай мнѣ его, просилъ Петръ, указывая на букетъ, который не хотѣлъ больше выпустить изъ рукъ.

Въ это время подошелъ Іоза, привѣтствовалъ словомъ Божьимъ и тотчасъ спросилъ о Павлѣ:

— Всѣ эти дни овъ не былъ даже въ церкви. Что дѣлается съ этимъ парнемъ?

— Ему не хорошо, овъ боленъ, отвѣчалъ Петръ.

— Боленъ? И бабушка не знаетъ объ этомъ? Ты шутишь.

— Вѣдь не буду же я болтать вздоръ, въ особенности въ такой праздникъ! Онъ въ самомъ дѣлѣ боленъ; но стыдится сказать объ этомъ и не хочетъ никакого лѣкаря. Вѣдь ты знаешь, что мы, парни, охотно хвастаемся тѣмъ, что насъ ничто не пройметъ.

— Кто о себѣ много думаетъ, о томъ мало думаютъ люди! замѣтила съ усмѣшкой Дорла.

Петръ хотѣлъ ей отвѣтить тѣмъ же, но Иоза опять спросилъ его, на что жалуется Павелъ.

— У него и голова, и сердце не въ порядкѣ, сказалъ Петръ такъ серьезно, что Дорла боязливо посмотрѣла на него.

— Ну, если это правда, то ему не мѣшало бы все-таки съ кѣмъ-нибудь посоветоваться. Мнѣ онъ давно уже не нравится; кто знаетъ, можетъ-быть, онъ уже и тогда былъ боленъ, сказалъ Иоза.

— Я уже говорилъ съ лѣкаремъ и несу Павлу корень, отъ котораго онъ навѣрное поправится, отвѣчалъ Петръ, и взглянувъ на Дорлу, спряталъ букетъ за жилетъ.

Дѣвушка была въ величайшемъ замѣшательствѣ, потупила глаза, а лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ.

Они подошли къ дому, и Петръ долженъ былъ зайти за колядой. На столѣ лежалъ куличъ, при немъ ножикъ; бабушка тотчасъ попросила Петра, чтобъ онъ отрѣзалъ себѣ освященнаго хлѣба, а Дорла принесла три краенныя яичка, изъ которыхъ одно было разрисовано, и подала ихъ Петру какъ коляду.

Окно въ садъ было отворено, и Петръ выглянулъ въ него.

— Сейчасъ видно, гдѣ есть дѣвичьи руки, замѣтилъ онъ.— Еслибъ я всталъ на голову, то и тутъ не сумѣлъ бы устроить такъ свой садикъ. Какіе у тебя славные розмарины и мушкаты!

— Зимой они у меня стояли въ сараѣ, а теперь я на день оставляю ихъ въ саду; вѣроятно, ужъ не будетъ морозовъ. Вѣдьмы уже вынесли зиму и принесли весну, сказала Дорла.

— Весна предвѣщаетъ Благовѣщеніе, а не выгоняетъ зиму, отозвалась бабушка у очага.

— Ты мнѣ должна дать немножко мушкату, ужъ какъ хочешь, сказалъ Петръ, обращаясь къ Дорлѣ.

— Пожалуй, немножко мушкату вѣдь не Богъ знаетъ что такое, погоди! отвѣчала Дорла, собиравась идти за цвѣтами.

— Я пойду съ тобой, уже пора обѣдать, чтобы мнѣ не досталось отъ невѣстки за то, что я нарушаю домашній порядокъ.

— Такъ и должно быть, потому что хозяйнѣ служить челяди примѣромъ, замѣтила бабушка.

— Поклонись Павлу и скажи, что я навѣщу его, сказалъ Иоза.

— Скажу. Желаю вамъ хорошо провести праздники, сказалъ Петръ, выходя изъ комнаты.

Дорла пошла съ нимъ.

— Вотъ это моя коляда, сказалъ Петръ у завалины, пряча въ карманъ два красныя яичка;— а вотъ это, съ сердечкомъ, я далъ Павлу, потому что онъ самъ не можетъ придти за колядой. Вѣдь такъ хорошо будетъ, Дорла?

— Я даю коляду тому, кто придетъ за нею, и онъ можетъ съ нею дѣлать, что ему угодно; отъ моего же имени давать ее никто не смѣетъ, отвѣчала дѣвушка серьезно.

— А иначе она для него ничего не значитъ.

— Не говори мнѣ, Петръ, что передъ глазами зелено, когда я вижу, что бѣло, сказала съ досадою Дорла, отворяя воротца въ садъ. — Мнѣ глаза не намылишь.

— Кто же хочетъ ихъ намыливать? Все что я сказалъ правда, суцая правда.

Дорла подняла на него свои черные глаза, и когда она замѣтила въ ясномъ взорѣ выраженіе правдивости и искренности, то насмѣшка, готовая сорваться съ языка, засѣла у нея въ горлѣ. Она наклонилась за мушкатомъ.

— Ты хочешь его посадить, или только нюхать? спросила она.

— Можетъ-быть и то, и другое: дорогой буду его нюхать, а дома посажу. Дай мнѣ еще немножко розмарина, вѣдь у тебя его еще достанетъ на свадьбу.

— Ты правъ, до тѣхъ поръ онъ выростетъ выше тополя.

— Ты вилаешь какъ рыбка въ водѣ. Но того ужъ, дѣвушка, не скроешь, о чемъ ласточки щебечуть.

— Если ты понимаешь ихъ языкъ, то ты знаешь больше меня, а же ничего не знаю о женихѣ.

— Я скажу по-твоему, чтобы ты не сажала мнѣ бѣльмо на глаза; у меня, слава Богу, глаза здоровые.

— Тебѣ бы слѣдовало имѣть очи Господни, если ты хочешь видѣть моего суженаго; объ этомъ знаетъ только онъ, отвѣчала дѣвушка, подавая Петру мушкаты.

— А Янъ-то?

— Онъ крестный сынъ Мицовой матери, отвѣчала со смѣхомъ Дорла.

— Онъ твой женихъ, не правда ли?

Дорла раскохоталась такъ громко, что слышно было въ комнатѣ, и бабушка подивилась, что такъ понравилось этой дѣвучкѣ, которая уже давно такъ не смѣялась.

— Вѣдь вы знаете, что Петръ всегда отпускаетъ шутки, замѣтилъ Иоза.

Дорла же въ садикѣ сказала Петру:

— И ты этому повѣрилъ! Далека пятка отъ ока, батюшка! Если ты ждешь этой свадьбы, то можешь ждать до самой смерти.

Лицо Дорлы никогда не обманывало, и поэтому Петръ обрадовался, узнавъ, что онъ не ошибся.

— Дорла! вскричалъ онъ. — Еслибъ я только смѣлъ, взялъ бы тебя на руки, перескочилъ бы съ тобою черезъ плетень, такъ я радъ этому слову! А что же скажетъ Павелъ?

— Павелъ? спросила дѣвушка, и улыбка, какъ будто сдунутая холоднымъ вѣтромъ, исчезла съ ея лица. — Павелъ.... такія мысли, мнѣ кажется, не должны быть въ его головѣ.

— Не прикидывайся, пожалуста, такую незнайкой, вѣдь ты поняла на что я намекалъ.

— Я поняла, что ты мнѣ подводишь турысы на колесахъ, но я вѣдь не дура.

— Если я говорилъ такъ таинственно, то это для того чтобы тебя вывѣдать, а теперь я скажу настоящую, чистую правду: Павелъ боленъ и тоскуетъ только по тебѣ.

— А Анна-Лиза? спросила Дорла, потупляя глаза.

— Родственница Михля, содержателя баварской гостиницы, отвѣчалъ Петръ улыбаясь.

— И невѣста Павла.

— И ты этому повѣрила! Далека пятка отъ ока! отвѣчалъ ей Петръ съ усмѣшкой.

— Да вѣдь это сказала его родная племянница нашей бабушкѣ, замѣтила Дорла, играя розмариномъ.

— Въ трактирѣ, да на родинахъ всего больше бываетъ сплетень; это ужь извѣстная вещь.

— Да и безъ того онъ самъ оказалъ на святкахъ, вотъ здѣсь у воротъ, что идетъ къ Аннѣ-Лизѣ; такъ это ужь не сплетни.

— Вѣдь это такъ болтали; онъ уже, вѣроятно, былъ на что-нибудь сердитъ и нарочно оказалъ такъ. Это иногда обманываетъ и муха на стѣнѣ, а если еще онъ видѣлъ тебя съ Яномъ, то тотчасъ и вспыхнулъ. Вѣдь ты знаешь: что мы въ сердцѣ носимъ, за то и боимся. — Я же тебѣ говорю искренно, по совѣсти, что Павелъ тебя очень любитъ. Пусть останется это въ твоемъ сердцѣ; но я прошу тебя, не откажи ему въ ласковомъ словѣ, по крайней мѣрѣ, и не дѣлай его еще несчастнѣе: отъ ласковаго слова языкъ не заболитъ.

— А чѣмъ же онъ несчастный? спросила Дорла чрезъ минуту, въ продолженіе которой она нѣсколько разъ мѣнялась въ лицѣ.

Петръ началъ ей разказывать о Павлѣ только то, что ей надлежало знать, чтобъ онъ не потерялъ въ ея глазахъ; разказалъ объ его страсти къ лѣсничеству, которая вовлекаетъ его даже въ браконьерство, и о злоумышленности Шершня, а все остальное, думалъ онъ, она угадаетъ сама.

— Такихъ головъ очень мало, на которыя бы не подѣивствовали клеветы и наговоры, прибавилъ онъ. — Человѣкъ долженъ одно миновать, другое пропустить, а въ третій разъ промолчать, говоривала матушка.

— Я тебѣ вѣрю, но кто знаетъ что скажетъ бабушка.

— Бабушка вѣдь умная голова; она знаетъ что бываетъ, а умное ухо не слушаетъ, что глупый языкъ болтаетъ. Ну, дай же мнѣ руку, что ты не будешь мучить Павла. Теперь же пойду, чтобы развеселить его немножко колядой и букетомъ.

— Дѣлай съ этимъ, что хочешь, но, прошу тебя, не говори Павлу, что это я ему посылаю, сказала Дорла, подавая Петру руку вмѣстѣ съ зелеными стручками.

Тутъ она замѣтила значительную рану на рукѣ Петра.

— Боже мой, какъ ты это сдѣлалъ?

— Ударилъ полѣномъ, отвѣчалъ смѣясь Петръ.

— Почему же ты не сказалъ тогда же? Бабушка дала бы

тебѣ мазь. Бѣдняжка, мнѣ тебя жалко, тебѣ, чай, было очень больно! сказала съ состраданіемъ дѣвушка.

— Вы, женщины, странный народъ; о царапинѣ, которая заживетъ черезъ нѣсколько часовъ, вы жалуете, натащите мази и Богъ знаетъ чего; а надъ болью, ломающею силу паря какъ отбель и пожирающею его сердце какъ ржавчина, вы смѣтаетесь!

— Ты несправедливъ ко мнѣ, мнѣ очень жаль Павла.

— Онь состраданія не проситъ; пожалѣть всякій сумѣетъ. Ты должна его любить, если хочешь помочь ему. Понимаешь? Ну, прощай, мнѣ некогда. Павлу же я скажу всю правду.

Съ этими словами онъ скользнулъ въ воротца и окорыми шагами пошелъ къ деревнѣ.

— Петръ, Петръ! закричала ему Дорла; но онъ нарочно не оглянулся. — Ахъ я глупая дѣвушка! вскричала она — Онъ навѣрное все замѣтилъ! Что подумаетъ обо мнѣ Павелъ?... Что я ему навязываюсь? Боже, зачѣмъ я говорила о немъ! А если Петръ обманулъ меня, если онъ не боленъ.... а если онъ все-таки любитъ Анну-Лизу?... О, зачѣмъ я такъ полюбила его!

И закрывъ лицо обѣими руками, она глубоко вздохнула и стояла нѣсколько минутъ въ задумчивости. Человѣческое сердце иногда уподобляется морю: оно также богато, глубоко, неизвѣданно и обманчиво, также полно красотъ и чудесъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ужаса. Глядя въ ясныя очи Дорлы, кто бы не сказалъ, что это хрустальное зеркало тихаго лѣснаго родника, сквозь которое видно и самое дно? Кто бы сказалъ, что у этого сердца есть свои глубины!.. Никто не зналъ за кѣмъ летать ея мысли, когда она сидитъ за станкомъ, и челнокъ снуетъ изъ одной руки въ другую; кому бы она связала букетъ изъ цвѣтовъ, которые она вышиваетъ по шелку и сукну, еслибъ они были живые; за кого она читаетъ первое и послѣднее *Отче Нашъ*; никто не зналъ, да и не угадалъ бы, кому она желаетъ въ душѣ доброй ночи, опуская голову на подушку.

Бабушка и не предполагала, чтобъ эта дѣвушка могла думать о парнѣ, и если женщины доносили ей, что и тотъ, и другой, и третій влюблены въ Дорлу, то она ворчала на нихъ и не хотѣла слышать о замужествѣ своей любимицы. Дорла была ея утѣшеніемъ и гордостью, она ее любила, можетъ-быть, больше

своей родной дочери, и поэтому боялась зг. нее; а если иногда она и начинала размышлять о томъ, что будетъ далѣе, то не знала, кого выбрать ей въ мужа, судейскаго ли внука, или Петра, или Яна, котораго всѣ назначали ей въ суженые и котораго Мича тоже прочилъ ей и не разъ уже говорилъ отъ этого бабушкѣ. Янъ нравился бабушкѣ; нравились ей его откровенность, привязанность къ ней, къ Іозѣ и Дорлѣ, его набожность, красота и молодость. Въ деревнѣ молодежь женилась и выходила замужъ въ очень молодыхъ лѣтахъ, и на родинѣ Мичи былъ такой же обычай, почему молодость Яна и Дорлы нисколько не могла служить препятствіемъ. Янъ былъ красивѣе всѣхъ парней, которыхъ бабушка когда-либо знала; она и думала, что онъ былъ бы подъ пару Дорлѣ, еслибы только было навѣрное извѣстно, что онъ останется въ деревнѣ. Она не хотѣла, чтобы Дорла покинула домъ; она должна была закрыть ей глаза и по смерти ея сдѣлаться матерью Іозѣ; поэтому она такъ много думала о замужествѣ Дорлы и боялась, чтобы Дорла не полюбила Яна раньше нежели будетъ извѣстно, что онъ рѣшился остаться въ деревнѣ.

Послѣ Яна, ей всѣхъ больше нравился Петръ, хотя бы она и желала, чтобы онъ не былъ такимъ свѣтскимъ; но его отецъ, говорятъ, былъ съ молодости проказникъ, а потому все-таки былъ примѣрнымъ мужемъ; она надѣялась, что и съ Петромъ будетъ то же.

Она полагала, что и Дорлѣ, кромѣ Яна, всѣхъ больше нравится Петръ. Мича же былъ увѣренъ, что Янъ и Дорла сотворены одинъ для другаго. Но ни бабушкѣ, ни Мичѣ не пришло въ голову, что сердце Дорлы не обращало вниманія на мнѣніе бабушки и избрало уже себѣ того, который почти никому не нравился.

А Янъ? что думалъ онъ?... Онъ заботился только о работѣ, дѣлалъ все что ему приказывали, на досугѣ учился, рисовать, вырѣзывалъ и т. д. Въ воскресенье послѣ вечерни онъ забавлялся въ обществѣ своихъ земляковъ, или сидѣлъ у бабушки; иногда же по приглашенію графа ходилъ съ Іозой въ замокъ, что было для него всегда большимъ праздникомъ. Онъ не обращалъ никакого вниманія на толки и мнѣнія людей, которые высказывались на его счетъ. Въ церкви онъ никогда не замѣчалъ кто за нимъ наблюдаетъ. Всегда становился на одно и то же мѣсто у колонны, п

своей привычкѣ, и горячо молился. Если же поднималъ глаза, то обращалъ ихъ на прекрасный образъ Пресвятой Дѣвы Маріи, вглядываясь въ ея прекрасное лицо; чѣмъ долѣе онъ смотрѣлъ на него, тѣмъ прекраснѣе оно ему казалось. Яркій блескъ вокругъ нея распространялся все болѣе и болѣе, разсылая огненные лучи во всѣ стороны; предъ взоромъ Яна исчезалъ сводъ храма, и онъ видѣлъ предъ собою весь небосклонъ, какъ единственный алтарь, на которомъ возсѣдала царица небесная въ коронѣ изъ самыхъ яркихъ звѣздъ.... Онъ видѣлъ, какъ вокругъ нея на розовыхъ облакахъ носились ангелы, слышалъ небесные гимны, восхвалявшіе ее. Казалось, что она милостиво улыбается ему, что рука ея мавить его.... и съ чувствомъ благоговѣнія, которое рѣчь человѣческая не въ силахъ передать, онъ падалъ къ ея ногамъ, отдаваясь ей всею душой.

Янъ очень удивился, услыхавъ отъ Мичи, что тотчасъ послѣ праздниковъ они поѣдутъ вмѣстѣ домой, и спросилъ его, почему это ему вздумалось? Мича охотно бы сказалъ ему, но промолчалъ, потому что далъ барышнѣ слово молчать; Манка же, зная обо всемъ, не могла вытерпѣть, но не сказала Яну, а только намекнула.

— Ахъ ты курица, не умѣешь помолчать! прикрикнулъ Мича на жену, замѣтивъ изъ словъ Яна, что онъ кое-что знаетъ.

— Вотъ еще! отвѣчала Манка.—Еслибъ это было что-нибудь печальное, то я бы оставила при себѣ; но никогда не слѣдуетъ откладывать то, что можетъ обрадовать человѣка. На это бы и господа согласились.

Что же оставалось дѣлать. О чемъ намекнула Манка, о томъ разказалъ Мича. Янъ какъ будто помѣшался, услышавъ, что Илена богаче судейской дочери, что въ Юрьевъ день будетъ ея свадьба и кому она обязана за это счастье. Онъ не могъ придти въ себя, и когда наконецъ понялъ все, то отъ радости кричалъ, плакалъ, плясалъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ среды, когда они должны были вмѣстѣ съ графомъ отправиться въ Прагу, а оттуда уже одни на родину.

Прошли праздники. Во вторникъ на Пасхѣ Янъ пошелъ вечеромъ еще разъ поцѣловать руку священника, проститься съ учителемъ, а потомъ зашелъ къ бабушкѣ проститься и показать красивую повязку, которую Еленка подарила

Иленъ. Дорла уже видѣла ее, но бабушка разсматривала ее, любовалась ею и разказывала, что въ старину и у нихъ въ деревнѣ дѣвушки носили такія повязки, только иначе вышитыя. Иза попросилъ, чтобъ ему описали ее, оцупалъ еще и тоже подтвердилъ, что она очень красива. Янъ только улыбался на ихъ похвалы и отъ радости не могъ сказать ни слова.

— А что же я пошлю твоей сестрѣ? размышляла Дорла; потомъ сбѣгала въ свою каморку и привнесла оттуда образокъ въ золоченой рамкѣ. Это была прекрасная гравюра Маріи съ оригинала Мурильо. — Я получила его въ награду въ школѣ, и онъ милъ мнѣ, поэтому я и даю его Иленъ. Она любитъ образа?

— Еще бы нѣтъ! Ахъ, какая прелесть! вскричалъ Янъ, и полюбавшись имъ еще, поцѣловалъ его и спряталъ въ карманъ.

Они распрощались.

Иза сжалъ Яну руку, сказалъ ему, чтобы привезъ новыхъ пѣсенъ; бабушка благословила его крестикомъ, а Дорла протянула руку. Отъ бабушки онъ прошелъ чрезъ калитку въ господскій садъ, чтобы проститься съ садовникомъ, съ которымъ онъ былъ очень друженъ.

Подойдя къ замку, онъ остановился, и присловившись къ дереву, смотрѣлъ задумчиво на освѣщенные окна. Грусть прокралась въ его сердце, и онъ невольно высказалъ свою мысль въ пѣснѣ, которую запѣвалъ сдержаннымъ голосомъ:

Боже мой, отче мой, на этой долині
 Никто не спроситъ: что съ тобой пареньъ?
 А что же со мной! Головушка моя болитъ,
 Головушка болитъ, сердечко играетъ.
 Милыи, всемогущій Боже, что же это значить?

Онъ не сознавалъ, что за ликованіе было въ душѣ, что за радость захватывала у него иногда дыханіе, отчего такъ разыгралось сердце, что хочется закричать отъ радости, и что это въ немъ ликуя плачетъ.

Погруженный въ мечты, онъ стоялъ подъ деревомъ, закрывъ глаза; но предъ внутреннимъ его взоромъ стоялъ образъ ясный, полный блеска и благоуханія. Онъ съ одушевленіемъ смотрѣлъ на этотъ ангельскій призракъ и жадно протягивалъ къ нему руки; но руки опускались, не осмѣли-

взясь дотронуться даже до его тѣла. То не былъ образъ Доры.

При мысли о ней лицо его не сіяло, звукъ ея голоса не казался ему самымъ лучшимъ пѣніемъ, букеты, хотя и увядшіе, но все-таки свято хранимые имъ, сорваны не ея рукой! Та, которую онъ, самъ не сознавая этого, любилъ всюю горячностью молодого, чистого сердца, не принадлежала къ его классу, та принадлежала къ семьѣ, которую онъ ставилъ выше всѣхъ людей, которыхъ когда-либо зналъ, и которую уважалъ и чтилъ какъ святыню. Дору онъ любилъ почти такъ же какъ сестру Илену, охотно шутилъ съ нею, какъ и со всякою иною, былъ съ ней откровененъ, любилъ и всю ея семью; но ему никогда не приходило желаніе стать къ ней поближе, въ чемъ его подозрѣвали и чего желалъ Мича.

Х.

Въ то время какъ Янъ стоялъ подъ освѣщенными окнами маленькой залы, въ ней сидѣла вся графская семья. Ужасъ былъ уже оконченъ; графиня что-то нездоровилось, поэтому она покоилась въ мягкомъ креслѣ; изъ постороннихъ никого не было.

Они разговаривали. Графъ шутилъ, желая развеселить мать и воспрепятствовать возникновенію меланхолическихъ мыслей, которыя всегда мучили ее во время болѣзни. Еленка сидѣла на низенькомъ стулѣ, прильнувъ къ колѣнамъ графини, и смѣялась отъ души каждый разъ, какъ около губъ графини показывалась только тѣнь улыбки; смотря на ея прелестное личико, графиня забывала о своей болѣзни, а графъ о томъ, что онъ разказывалъ.

Мысли ихъ перелетали съ предмета на предметъ, изъ замка въ Прагу, а изъ Праги опять въ деревню.

— Куда ты ходила сегодня съ бабушкой? спросилъ графъ Еленку. — Я видѣлъ въ окно какъ вы шли по деревнѣ.

— Я ходила посмотреть что дѣлаетъ Дора, но она куда-то ушла, и я пошла поэтому съ бабушкой къ Матернамъ. У нихъ захворалъ ребенокъ, и они прислали за ней. Когда мы пришли туда, мать держала ребенка на колѣняхъ и горько плакала, а Матерна сидѣлъ возлѣ и держалъ его за ручку, накрывая ее поцѣлуями. „Утѣшь васъ Господи, что случилось?“ спросила бабушка, здороваясь. — „Анечка у насъ

захворала, со вчерашняго дня такъ и лежитъ, вся въ жару,“ сказалъ Матерна, а жена его подала бабушкѣ ребенка, не будучи въ состоянїи выговорить слова. Ахъ, мамочка, я никогда не видала ребенка красивѣе этого! Бабушка сняла съ него красный чепчикъ, распеленала его, и онъ лежалъ какъ ангельчикъ. Желтые волоски, кудрявые, бѣленькій лобикъ, маленькій ротикъ и кругленькія плечики... ахъ, мамочка, я бы ихъ расцѣловала, и не знаю что бы сдѣлала, только бы онъ не умеръ! вскричала Еленка, но вдругъ замолчала, и лицо ея вспыхнуло яркимъ румянцемъ. Взоръ ея встрѣтился со взоромъ Гануша, выражавшимъ сочувствіе и такую горячую любовь, чего она прежде никогда не замѣчала.

— Ну, а что же сказала бабушка? разказывай, сказала графиня.

Еленка вздохнула, встала и продолжала: „Осмотрѣвъ Анечку, она велѣла принести хлѣба и святой воды, помочила корочку въ святую воду и положила ее Анечкѣ на голову. Потомъ положила ее въ колыбельку, сказавъ, чтобъ ея тамъ не трогали, что она сходитъ за девятью корями и *доброю* водой и сдѣлаетъ ей ванну. У нея вѣроятно будетъ или оспа, или рожа, сказала она. Я ихъ спросила, не хотятъ ли они позвать доктора, что можно послать за нимъ, но они отвѣчали, что полагаются на бабушку; бабушка же сказала имъ, чтобъ они полагались на Бога и что лѣкарь тоже не помогъ бы такому котелочку, который не можетъ разказать, что и гдѣ болитъ у него.

„— Мы бы воспитали ее на булочкахъ, если бы только Господь намъ сохранилъ ее, сказала мать, и спросила бабушку, отчего это Анечка во снѣ открываетъ глаза, и быстро шевелитъ губами, какъ будто собирается заплакать или засмѣяться; одна крестьянка сказала ей, будто бы это признакъ воспаленія селезенки.

„— Ахъ, не вѣрьте, въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго, сонъ играетъ съ нею, отвѣчала имъ бабушка. Я спросила, какъ это понять, и бабушка, сѣвъ возлѣ колыбельки, сказала:

„— Когда сонъ закроетъ ребенку глаза, къ нему приходятъ ангельчики, поютъ ему и приносятъ съ неба райскія яблочки и цвѣты, кладутъ ихъ въ колыбельку и играютъ съ нимъ, а ребенокъ во снѣ улыбается и ловитъ ихъ ручками, поэтому и говорится, что сонъ играетъ съ нимъ. А я вамъ разкажу еще кое-что, послушайте и вы, барышня, продолжала она; — Когда я была еще молодою женщиной, — конечно, это было

уже давно, — у меня былъ хворый ребенокъ, мой первенецъ: Я пошла съ нимъ на богомолье къ Св. Аннѣ, тамъ я его посвятила Богу на маленькомъ алтарѣ предъ прекраснымъ образомъ Св. Анны и попросила святую бабушку, чтобъ она вымолила ему здоровье у своего внука, Иисуса Христа. Послѣ молитвы я зашла за церковь, сѣла въ сторонкѣ на траву и стала укачивать дитя. Оно такъ разумно смотрѣло на меня, какъ будто хотѣло мнѣ что-то разказать, а закрывая глазки, улыбалось. Я плакала, такъ что сердце надрывалось. Вдругъ около меня очутилась женщина въ бѣлой пеленѣ и спрашиваетъ о чемъ я плачу. И говоритъ: „Не жалѣй, мать, объ этомъ ребенкѣ, онъ бы стосковался на свѣтѣ и былъ бы несчастливъ; ангелы выпросили его у Бога. Посмотри какъ онъ улыбается, играетъ съ нами, они показываютъ ему рай, куда они скоро отвесутъ его. Не жалѣй о немъ, вѣдь ты не можешь дать ему рай! Послушай: пока дѣти маленькія, имъ снится о раѣ, они играютъ съ ангелами, а какъ скоро они становятся разумнѣе, въ сны ихъ вмѣшивается свѣтъ. Они не могутъ дожидаться, когда они будутъ большіе, чтобы поскорѣе узнать свѣтъ; они думаютъ, что они уже самостоятельны, не хотятъ больше играть съ ангелами и думаютъ найдти рай въ свѣтѣ. Тогда ангелы говорятъ имъ: „Теперь мы уже не будемъ играть съ вами такъ, какъ мы прежде играли; но если вы не забудете насъ, то мы опять придемъ къ вамъ и будемъ разказывать о небѣ.“ Дѣти уже не обращаютъ на это вниманія и, слома голову, рвутся въ свѣтъ. Но свѣтъ сопротивлетъ. Господь Богъ налагаетъ крестъ. Человѣку грустно, онъ не знаетъ куда дѣваться. Онъ востокуетъ, восплачетъ о груди материнской, вспомнитъ, какъ ему было хорошо, когда съ нимъ играли ангелы! А какъ только вспомнитъ о нихъ, — такъ они тотчасъ снова являются ему. Они не приносятъ ему уже цвѣтовъ и райскихъ яблоковъ для игры, а поютъ ему пѣсни о небѣ, учатъ его молитвѣ, которую онъ забылъ; и если человѣкъ самъ не спугнетъ ихъ опять, то они не оставляютъ его и до конца жизни. Иди домой и воложись на волю Божию.“ Такъ сказала мнѣ эта женщина, и когда я обернулась къ ней, то никого уже не было. Я пошла домой. Въ ту же ночь мой Говвикъ умеръ; но эта женщина такъ утѣшила меня, что а и не очень плакала.

„— А кто была эта женщина? спросилъ ее.

„— Мнѣ она показалась похожею на Св. Анну, но побожиться въ этомъ я не могу.... оквозь слезы я ничего не видала, да и образокъ, что былъ надъ алтаремъ, не выходилъ у меня изъ головы, отвѣчала бабушка.

„— Можетъ-быть, вамъ и дѣйствительно явилась Св. Анна, замѣтила крестьянка.

„— Будь это хоть ангелъ, или человекъ, но все-таки это былъ добрый духъ, которому Богъ положилъ на сердце, чтобъ онъ меня утѣшилъ, и это великое благо. Я не заслуживаю того, чтобъ онъ дѣлалъ для меня чудеса, отвѣчала бабушка. Потому она простилась, и мы ушли съ нею вмѣстѣ: бабушка домой за кореньями, а я пошла съ нею, чтобы повидаться съ Дордой.“

— Какія прекрасныя мысли, какое горячее, набожное чувство! вскричалъ графъ.—И это простая женщина! И послѣ этого говорить, что народъ суровъ, глупъ, неспособенъ стать выше животнаго, и что съ нимъ надобно обращаться какъ съ рабомъ! Еслибы тѣ, которые говорятъ такъ, спустились немножко съ своей высоты, на которую сами вознесли себя и съ которой имъ трудно различать предметы ввиду, еслибы они спустились немножко, пожили бы между народомъ и послушали бы стукъ его сердца, тогда навѣрное они въ оокруженіи ударили бы себя въ грудь и сказали бы: меа culpa. Но намъ не дожидаться этого. Они критикуютъ книгу, которую они знаютъ по заглавію да по переплету.

— Сердце народа — да это книга, въ страницахъ которой заключается лучшая поэзія, отозвалась графиня.

— Но очень немногіе читаютъ ее, потому что ризма не довольно легка, и форма недостаточно элегантна, замѣтилъ графъ, и проницательная улыбка мелькнула на его губахъ; потомъ, обращаясь къ Еленкѣ, онъ сказалъ съ важностью: — Ты, Еленка, умѣешь читать въ этой книгѣ, тебѣ нравится и форма.

— Еще бы не нравилась, вѣдь вы же научили меня любить ее, отвѣчала она, и сжавъ руку графини, взглянула доверчиво на Гануша.

— Еслибы сердце твое не было обителью любви, ты бы не поняла, хотѣлъ продолжать графъ, но замолчалъ, потому что графиня спросила Еленку гдѣ живутъ Матерямъ.

— За церковью второй домъ, что зовутъ „птичникъ“. Дѣвъ Матерны, какъ разказываетъ бабушка, имѣлъ много птицъ и силки, за что его и прозвали птичникомъ; это прозвище такъ и осталось за домомъ, и еще останется Богъ знаетъ до котораго колѣна. Ты бы была очень довольна, мамочка, еслибы побывала тамъ: у нихъ такъ же чисто и все въ порядкѣ, какъ у бабушки, сказала Еленка.

— Матерна молодой хозяйки, сказалъ графъ; — я часто разговариваю съ ними, и судя по вопросамъ, которыхъ у него всегда большое количество въ запасѣ, онъ обращаетъ вниманіе на все, что бы могло послужить къ улучшенію его хозяйства. Еслибы всё обнаруживали въ этомъ такую любознательность! Не знаю, дождусь ли я плодовъ своего старанія; скоро будетъ уже шесть лѣтъ какъ мы живемъ здѣсь, а все еще улучшения такъ тихо подвигаются впередъ. А вѣдь все это дѣлается для ихъ благополучія! Конечно, борьба съ застарѣлыми обычаями и предрасудками тяжела и медленна, но воевать другимъ оружіемъ, кромѣ разума и любви, было бы напрасно.

— Вотъ почему я и не дотрогиваюсь ни до чего, что свято для народа, хотя нѣкоторыя вещи и несообразны съ разумомъ. Пусть каждый останется при своемъ мнѣніи, и я тоже, пока будущность не откроетъ, на чьей сторонѣ правда. Я не хочу принадлежать къ тѣмъ, которые считаютъ свое мнѣніе непреложнымъ и хотятъ, чтобъ имъ покорились всѣ остальные, которые, конечно, тоже думаютъ, что правда на ихъ сторонѣ. Я охотно поучаю, но также охотно поучаюсь и самъ, и иногда простой человекъ объясняетъ мнѣ то, чего не могли объяснить ученые. Высокомѣрнымъ, своевольнымъ обращеніемъ никто не снищуетъ себѣ довѣрія народа. А кто хочетъ жить съ народомъ, кто взялъ на себя трудъ образовывать его и вывести его на дорогу благосостоянія, тотъ долженъ сначала постараться приобрести его любовь и довѣріе. Отъ кого же я требую любви, тому я долженъ отдать въ залогъ свое сердце, иначе я не снищу довѣрія, а прежде всего, милая Еленка, необходимо терпѣніе. Все, чего мы съ тобою желаемъ, современемъ и выполнится, вдругъ же сдѣлать такія перемѣны невозможно. Ты доживешь и до того, что въ нашей деревнѣ разовьется помятое не только о добромъ и полезномъ, но и объ изящномъ. Надѣйся на своихъ свертлицъ.

— Я думаю, что и при хорошемъ обхожденіи народъ не легко становится довѣрчивымъ. Ты предался ему вполнѣ, Ганушъ, но, кажется, еще не свискалъ полного довѣрія.

— Вѣдь ты, мамочка, знаешь обыкновеніе нашего народа: вѣрь только Богу, да себѣ немножко; какъ же они будутъ вѣрить мнѣ, барину, когда они никогда не чувствовали большой симпатіи къ господамъ! Но вѣдь не всѣ такъ недо-вѣрчивы; есть нѣсколько настоячивыхъ упрямцевъ, кото-рыхъ ничѣмъ не убѣдишь, которые все ставятъ на своемъ, и самый дурной изъ нихъ, какъ я слышу, какой-то Серна, контрабандная торговля котораго пришла въ упадокъ съ тѣхъ поръ, какъ крестьяне начинаютъ немножко понимать законы. Виною этого онъ считаетъ меня; а такъ какъ эта работа кажется ему честною и полезною для крестьянъ, потому что онъ доставляетъ имъ всѣ товары по дешевой цѣнѣ, то онъ и думаетъ, что я поступаю несправедливо, отклоняя ихъ отъ этого. Они, мнѣ кажется, не долюбиваютъ не только меня, но и вообще весь порядокъ!

— И Дорда мнѣ говорила, что Серна дурной человѣкъ и что онъ портитъ своего племянника Павла, сказала Еленка.

— Павла! Не тотъ ли это молодой человѣкъ, брюнетъ, ко-торый пѣлъ иногда на хорахъ? спросилъ графъ.

— Да, отвѣчала Еленка.

— Я и вижу, и слушаю его всегда съ удовольствіемъ. У него сильный, приятный, хотя и необработанный басъ. Лицо его, какъ мнѣ кажется, выражаетъ больше энергіи и ума нежели обыкновенно видишь. Онъ давно уже не пѣлъ, даже и[эти дни не былъ на хорахъ, да и съ Петромъ, съ которымъ я постоянно его видалъ, онъ тоже не ходитъ, сказалъ графъ.

— Странно. Дорда говорила, что они неразлучные друзья. Павелъ спасъ ему жизнь, когда онъ почти замерзъ въ лѣсу, и съ тѣхъ поръ Петръ не покидалъ его. Онъ, говорятъ, добрый, веселый парень!... Это тотъ, мамочка, приличное обра-щеніе котораго тебѣ такъ нравится и съ которымъ я всегда танцую на вечеринкѣ, которую вы имъ даете, сказала Еленка графинѣ, которая не знала поселянъ такъ хорошо, какъ ея дѣти.

— Учитель тоже хвалилъ его, сказалъ графъ,—и говорить, что этой деликатности онъ научился отъ женщинъ; у него была, говорятъ, прекрасная мать, и пока дочь учителя не вышла замужъ, онъ былъ у нихъ какъ дома и дѣлалъ все

что приказывала Амечка. Такимъ образомъ онъ понаучился многому; но съ тѣхъ поръ какъ она вышла замужъ, и Петръ сильно измѣнился: часто, говорятъ, дѣлается необузданнымъ. Но учитель его увѣщаетъ, какъ будто знаетъ, что это происходитъ не отъ легкомыслія.

— Учитель этотъ хорошій человекъ, сказала графиня;— хотя и кажется, что онъ изучаетъ больше цвѣты чѣмъ своихъ учениковъ, но это не такъ; онъ терпѣливо изучаетъ хорошія и дурныя качества и тѣхъ, и другихъ, и слѣдитъ за ними даже и тогда, когда они уже покидаютъ школьную скамью. Я часто спрашиваю его о комъ-нибудь, и онъ всегда бываетъ щедръ на похвалы и всегда умѣетъ извинить недостатки, за что я его очень уважаю.

— Онъ знаетъ деревенскій народъ, навѣрное всегда говорить правду и не станетъ обижать, замѣтилъ графъ, и обращаясь къ Еленкѣ, спросилъ: — а чѣмъ Серна испортилъ Павла?

— Онъ соблазняетъ его ходить съ нимъ за границу, гдѣ онъ учится пить и картежничать. Подстрекаетъ его, говорить, къ браконьерству, возстановляетъ противъ всѣхъ добрыхъ людей и дѣлаетъ его такимъ образомъ злымъ человекомъ.

— Странно, что Петръ не воспротивится этому и что онъ не умѣетъ на него вліянія, замѣтила графиня.

— Я тоже говорила такъ, но Дорла сказала, что у Павла есть недостатокъ: онъ упрямъ, настойчивъ, дикъ; онъ не умѣетъ уступать; но онъ не золъ.

— Онъ, вѣроятно, и есть тотъ странный браконьеръ, за которымъ слѣдитъ старый полѣсовщикъ! вскричалъ графъ. — Недавно онъ опять жаловался мнѣ, что не можетъ напасть на слѣдъ этого паута, хотя и сторожить его; онъ теряетъ уже терпѣніе!

— Зачѣмъ же? Вѣдь полѣсовщикъ говоритъ, что этотъ браконьеръ что ни застрѣлить, все принести тайкомъ къ его дому? Онъ, стало-быть, не наноситъ вреда, и на него не за что сердиться, сказала Еленка.

— Не удивляйся, что полѣсовщикъ сердится на смѣльчака, который уже такъ давно стрѣляетъ въ его участкѣ и доходить до его дома, но котораго все-таки никто не можетъ поймать. Предъ Рождествомъ лѣсничій долго караулилъ лисицу и не могъ ее поймать, и вдругъ неожиданно-негаданно неиз-

вѣстный браконьеръ, застрѣливъ ее, повѣсилъ ночью ему подъ окна, и ни одна собака не тавкнула. Прежде браконьеры дѣлали много вреда въ здѣшнихъ лѣсахъ, въ особенности иностранные, и жизнь польсовщиковъ была всегда въ опасности; въ послѣдніе годы этого не было, хотя иностранцы иногда еще посѣщаютъ наши лѣса. Но никто изъ нихъ не былъ бы такъ честенъ. Что Серна браконьерствовалъ въ молодости, это уже доказано; а что онъ никогда не былъ настолько честенъ, чтобы возвращать застрѣленную дичь, это могъ бы доказать докторъ, его постоянный покупатель. Поэтому онъ бросилъ это ремесло, потому что контрабанда доставляетъ ему больше выгодъ чѣмъ браконьерство; но я не буду спорить о томъ, чтобы онъ не сталъ склонять на это другаго; если же ему удалось склонить Павла, то этотъ браконьеръ, стрѣляющій, какъ кажется, только изъ удовольствія, никто иной, какъ Павелъ. Мы бы хотѣлось разузнать объ этомъ; я надѣюсь на твою помощь, добавилъ графъ, взглянувъ воспросительно на Еленку.

— На мою? спросила съ удивленіемъ Еленка.

— Да, на твою. Развѣ Дорла не говорила тебѣ ничего? Ты таинственно улыбаешься! Не правда ли, я угадалъ? сказалъ съ улыбкой графъ.

— Если и говорила, то все-таки я должна хранить тайну.

— Если такъ, то я не буду выпытывать; но думаю, что эта тайна не будетъ похоронена въ вашихъ сердцахъ. Вернувшись изъ Праги, я самъ пушусь въ розыски, замѣтилъ графъ, улыбаясь.

— А когда ты думаешь вернуться? спросила графиня.

— Думаю, что къ первому мая, Богъ дастъ, вернемся всѣ, я, Миша и Янъ.

Минуту спустя графъ всталъ и началъ прощаться съ обѣими, рассчитывая выѣхать рано утромъ. Мать, по обыкновенію, сначала благословила его, а потомъ поцѣловала въ щеку. Прежде Еленка безъ всякаго замѣшательства обнимала его и подставляла губки къ поцѣлюю, и онъ всегда одинаково горячо прижималъ ее къ сердцу. Тогда она была его сестрою; но эта подрастающая сестра изгнала изъ его сердца всякій женскій образъ, и на нее только должна была походить его будущая жена, такъ мечталъ онъ.

Когда на Рождествѣ баронъ сталъ говорить намеками о какомъ-то графѣ, который бы желалъ вступить въ тѣснѣ-

шее родство съ графскимъ семействомъ; когда полковникъ прямо сказалъ графинѣ, что богатый дворянинъ, его знакомый, хочетъ сдѣлать предложеніе Еленкѣ, что онъ видѣлъ ее въ Прагѣ и влюбился, тогда въ сердцѣ графа повзвѣнула досада и какаѣ-то боль, противорѣчившая чувству братской любви, и онъ успокоился не раяше, какъ мать вывѣдала отъ Еленки, что ей не нравится ни тотъ, ни другой изъ вышеупомянутыхъ жениховъ.

Графъ былъ для Еленки идеаломъ всѣхъ добродѣтелей и еслибы кто-нибудь спросилъ ее, то она бы должна была даже сознаться, что любить его больше чѣмъ мать. Ни о чемъ далѣе она не думала, пока Боръ не поговорилъ съ ними въ полѣ. Старичокъ и не предполагалъ, что возбуждалъ очень пріятное чувство, затронувъ нечаянно струны ихъ сердца. До самой глубины сердца проникъ сладкій звукъ этихъ простыхъ словъ: они высказали тайную мечту графа; въ Еленкѣ же проснулось дремавшее до сихъ поръ сознаніе, что Ганушъ для нея больше чѣмъ братъ, чѣмъ мать, что свѣтъ показался бы ей пустыней, еслибы его не было; въ ту минуту какъ старикъ благословялъ ее какъ женщину и мать, она чувствовала, что только съ Ганушемъ можетъ быть счастлива. Но это сознаніе изгнало ея дѣтскую игривость, веселость и непринужденность въ обращеніи съ Ганушемъ. Прежде они играли вмѣстѣ, шалили какъ дѣти; иногда Еленка ласкалась къ нему, какъ молодая лань къ горделивому оленю, иногда прижималась къ нему, какъ воркующая голубка, а иногда, сидя возлѣ него, она вся превращалась во вниманіе, едва дышала и не спускала съ него глазъ, чтобы не проронить ни одного его слова.

Съ тѣхъ поръ какъ они почувствовали, что они ближе другъ къ другу чѣмъ братъ и сестра, прежняя непринужденность въ ихъ обращеніи совершенно исчезла. Оба они чувствовали, что о многомъ должны поговорить, а бывая вмѣстѣ, говорили только о постороннихъ людяхъ, объ Африкѣ, Америкѣ, и боялись коснуться того, что у нихъ лежало на сердцѣ.

Когда графъ сталъ прощаться, Еленка не подставила ему щечки для поцѣлуя, и онъ тоже не обнялъ ее, какъ это всегда бывало прежде. — Они подали другъ другу руку, онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и выбѣжалъ изъ двери. Еленка привила къ колѣнямъ графини и закрыла лицо. Графиня

замѣтила растроганность и замѣшательство ихъ обоихъ; лицо ея озарилось радостью и довольная улыбка заиграла на ея устахъ, когда она, какъ бы благословляя, положила руку на голову любимой дѣвушки.

Рано утромъ путники выѣзжали изъ воротъ замка. На дворѣ было уже движеніе; старостиха стояла вмѣстѣ съ остальной прислугой; ей хотѣлось плакать, но она стыдилась передъ графомъ; когда же Мича, выѣзжая изъ воротъ, закричалъ еще разъ: „да хранить васъ Господи!“ она не могла больше удержаться и съ плачемъ пошла въ комнату.

Въ барскихъ покояхъ было еще тихо, только одно окно со стороны сада было открыто, и къ нему-то обратили свои взоры графъ и Янъ, выѣзжая изъ воротъ. Еленка закричала имъ: „съ Богомъ!“ Графъ махнулъ рукою и поклонился; а Янъ снялъ шляпу и оставался съ открытою головою, пока они не проѣхали; тутъ только онъ перевелъ свой взоръ отъ окна на зеленый лѣсъ и надвинулъ шапку на глаза, чтобы никто не замѣтилъ ихъ влажности.

Мича осматривалъ озими направо и налево отъ дороги и чуть не дѣлалъ себѣ упрека въ томъ, что покидаетъ все это для собственнаго удовольствія; но вспомнивъ что все это остается въ добрыхъ рукахъ, онъ успокоился и пустился въ разговоръ съ кучеромъ, что прервало задумчивость и графа, и Яна, сидѣвшихъ позади него въ экипажѣ.

На полѣ не было еще видно рабочихъ, вездѣ было тихо, раздавалась только пѣсня жаворонка, да радостный лай Беллы, которую графъ взялъ съ собой. По дорогѣ въ городъ попадались уже крестьяне изъ околныхъ деревень, несшіе въ городъ что-нибудь на продажу, или шедшіе за покупками.

Когда они вѣзжали въ городскія ворота, въ двери корчмы, находившейся около самыхъ воротъ, входилъ мущина, одѣтый въ сельскій нарядъ пограничныхъ Баварцевъ. Путники почти не обратили на него вниманія; онъ же торопливо посмотрѣлъ на нихъ и съ испугомъ бросился въ сѣни. Въ эту минуту Белла завывала, однимъ прыжкомъ очутилась около двери и схватила его за ногу. Но мущина схватилъ собаку за глотку выбросилъ вонъ и такъ быстро заперъ дверь, что путники не успѣли даже рассмотреть его лицо.

— Белла! Белла! кричалъ графъ на собаку, которая лаяла

и царапала дверь. Что это, ты съ ума сошла, что бросаешься на людей!

Но собака, всегда очень послушная, не хотѣла покориться, бѣгала отъ экипажа къ двери и не переставала лаять.

— Удивляюсь, что это дѣлается съ собакой, сказалъ графъ, снова зова ея.

— Она, вѣрно, увидала кошку, которыхъ она не долюбливаетъ; какъ только увидитъ нашего кота, такъ со вѣхъ ногъ бросится за нимъ, замѣтилъ Мича, и соскочивъ съ козель, схватилъ Беллу за ошейникъ и по приказанію барина посадилъ ее въ экипажъ.

Графъ пригрозилъ собакѣ, чтобъ она успокоилась; но она на протяженіи почти всего города лаяла и визжала.

А неизвѣстный наблюдалъ за ними изъ окна корчмы, и на суровомъ лицѣ его выражалась бѣсовская радость, когда на его вопросъ, кто эти путешественники, корчмарь отвѣчалъ, что это графъ Брезенскій со своими слугами, прибавивъ, что онъ удивляется собакѣ, которая никогда никого не обижала.

— Бестія! прошепталъ незнакомецъ:— чуть-чуть не выдала меня.

XI.

Рана Павла, полученная имъ во время драки, была немаловажна. Когда утромъ мать вышла въ сарай, его была лихорадка, глаза налились кровью, лицо было синее, а голова горѣла, какъ въ огнѣ.

— Охъ, парень, кто это тебя ушибъ! воскликнула мать.

— Не пугайтесь, матушка, вѣдь еще не очень плохо. Мы зашли въ баварскую гостиницу, тамъ были пьяные крестьяне, разсердили меня, ну, а что было далѣе, вы знаете сами. Еслибы не было Петра, то вы едва ли увидели бы меня живаго.

— Не даромъ мнѣ спилось, что у меня выпалъ зубъ. Я не знаю, что это съ тобой, ты точно на иголкахъ, какъ только встанешь. Къ чему все это приведетъ, парень? жаловалась мать.

— Я знаю, что я поступалъ глупо, простите меня; вѣдь вы знаете, что человекъ иногда самъ не свой!

— Боиъ простить тебя, парень; я знаю, что ты не былъ

бы такимъ, еслибы не дая. У него ты останешься на совѣсти. Но покажи мнѣ голову, я посмотрю на твою рану.

— Нѣтъ, матушка, вѣдь вы не можете видѣть рану, съ вами дѣлается обморокъ.

— Это только чужую, а для тебя я превозмогу себя, увидала мать, желая открыть его голову.

Но Павелъ не позволилъ.

— Будь же умнѣе, вѣдь я должна разказать бабушкѣ что съ тобой.

— Пожалуста, матушка, если хотите угодить мнѣ, то принесите мнѣ жбанъ *доброй* воды; но никому не говорите, что я боленъ.

— Матерь Божія, какъ же ты хочешь выздороветь, не сказавъ бабушкѣ!

— А развѣ бабушка должна знать все на свѣтѣ? Вѣдь на свѣтѣ довольно умныхъ людей. Я лучше пойду въ городъ къ фельдшеру, по крайней мѣрѣ тогда не будетъ сплетенъ въ деревнѣ, сказалъ Павелъ.

Мать, хотя и противъ воли, исполнила его желаніе и прикладывала къ головѣ только *добрую* воду; но постоянно намекала, что еслибы пришла бабушка, то все было бы иначе, что она дала бы какую-нибудь мазь, и что рана тотчасъ бы зажила. Но Павелъ не хотѣлъ объ этомъ и слышать.

На другой день Петръ пришелъ посмотрѣть что дѣлаетъ Павелъ и страшно испугался, увидавъ днемъ его лицо. Вотъ разбойникъ-то! сказалъ Петръ. — Какъ онъ тебя отдѣлалъ! вѣдь у тебя лицо какъ бочка!

Павлу и въ голову не приходило посмотрѣться въ зеркало; но послѣ словъ Петра, онъ взялъ съ окна зеркальце и посмотрѣлся въ него; онъ такъ испугался и разсердился, что бросилъ зеркало на полъ.

— Боже праведный! вскричалъ онъ: — вѣдь этакъ и черезъ недѣлю нельзя будетъ показаться въ люди.

— Съ такимъ лицомъ нельзя показаться и черезъ три недѣли, если не хочешь, чтобы тебя спрашивали, чей кулакъ тебя такъ погладилъ.

— Только бы не разболтали; мнѣ бы было неприятно, сказалъ со страхомъ Павелъ, думая при этомъ только о Дорѣ.

— Я не скажу никому, ты это знаешь. Наши спрашивали гдѣ я ушибъ руку, но я не сказалъ имъ; они не знаютъ

ничего. Помощники дяди не изъ нашихъ, а будетъ ли молчать дядя, за это я не ручаюсь.

Онъ не ошибся. Шершень былъ не такой человекъ, который бы отказался отъ своего намѣренія. Зная, что племянникъ такъ же упрямъ, какъ онъ самъ, и что со злобой къ нему нечего и являться, онъ явился съ любезностями, сыпалъ словами какъ золотомъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, и замѣтивъ рану, сказалъ: еслибъ я зналъ, что между вами выйдетъ такая исторія, то я помогъ бы тебѣ; но я вѣдь думалъ, что вы только немножко отведете душу.

Павелъ даже не отвѣтилъ ему; онъ не хотѣлъ съ нимъ говорить, что было весьма приятно его матери. Шершень же не обращалъ на это вниманія, думая про себя: „ужь онъ отъ меня не уйдетъ!“

Въ понедѣльникъ на Пасхѣ Петръ нарочно поджидалъ Дору, чтобы вывѣдать отъ нея, правда ли, что она любитъ проволочника. Онъ узналъ обо всемъ, и объяснивъ Дорѣ поведение Павла, думалъ, что такимъ образомъ принесеть значительное облегченіе обѣимъ сторонамъ.

Отъ Доры онъ побѣжалъ домой, а тотчасъ послѣ обѣда бросился къ Павлу, и подавая ему букетъ и красненькое яичко, онъ сказалъ: вотъ тебѣ: одинъ для увеселенія сердца, а другое коляда отъ дѣвушки, которая для тебя краше всего на свѣтѣ. Яичко это освященное, съѣвъ его, чтобы тебѣ не сбиться * съ той дороги, которая ведетъ къ бабушкиной кельѣ. Понимаешь? Не смотри на меня такъ недоувѣрчиво, я говорю святую правду. Вѣдь я всегда говорилъ тебѣ, что не бываетъ тому, что говорятъ люди; а ты позволилъ перевернуть свою голову лицомъ къ затылку.

Павелъ оставался нѣсколько секундъ въ радостномъ недоумѣніи, но вдругъ на него напало опять сомнѣніе, и отстраняя подарки, онъ сказалъ: оставь ихъ себѣ, Петръ, я не отнимаю ихъ у тебя; но что она ихъ дала кому-нибудь другому, а не тебѣ, объ этомъ ты мнѣ и не говори.

— Конечно, отвѣчалъ Петръ,—она мнѣ этого такъ прямо, какъ я тебѣ, не сказала, но иногда глаза говорятъ больше чѣмъ уста, и я хорошо понималъ ее. Бери то, что я тебѣ даю,

* На Пасхѣ хозяйки разрѣзаютъ освященные яйца на четвертушки, и каждый изъ домашнихъ получаетъ по куску, чтобы не заблудиться.

да прими еще вотъ этотъ стручокъ, который она дала мнѣ, чтобы посадить; себѣ же я оставаю мушкаты. А при первой встрѣчѣ съ нею, ты поблагодари ее хорошенько и тогда увидишь лгалъ ли я. Еслибы ты только не былъ такимъ страшнымъ! Мнѣ нужно опять сходить къ тому доктору и спросить его что сдѣлать, чтобы ты могъ поскорѣе выйдти. Онъ большой весельчакъ, и какъ же онъ смѣялся, когда я ему разказалъ обо всемъ. Какъ у тебя лицо будетъ получше, ты долженъ сходить къ нему. Всѣ меня спрашиваютъ что съ тобой; я всѣмъ говорю, что у тебя, вѣроятно, будетъ горячка, чтобы люди боялись приходить къ тебѣ. Юза хочетъ навѣстить тебя; но онъ вѣдь не видитъ, а еслибъ и видѣлъ и зналъ, то не выдалъ бы.

— А Янъ.... ужь уѣхалъ? спросилъ Павелъ.

— Нѣтъ, онъ уѣдетъ послѣ завтра, и староста тоже съ нимъ, а графъ поѣдетъ въ Прагу; ахъ, еслибы мнѣ можно было съ нимъ ѣхать, какъ бы я былъ радъ; но это невозможно, потому что у меня много работы, развѣ ужь, Богъ дастъ, лѣтомъ, и тогда, Павелъ, ты долженъ ѣхать со мною.

— Что до этого, то я уже два года сряду собираюсь въ Прагу, но никогда не было столько лишнихъ денегъ, чтобы доѣхать туда и пожить тамъ, потому что желудокъ не насытитъ тѣмъ, чѣмъ насыщаются глаза. Я могъ бы, конечно, приберечь тѣ деньги, которыя я напрасно издерживаю въ гостиницѣ, безъ всякаго удовольствія. Я не разъ думалъ объ этомъ и далъ себѣ слово не ходить больше въ гостиницу и копить деньги, но вѣдь, знаешь, человекъ всегда самъ себѣ вредитъ.

— Павелъ, ты иногда говоришь какъ по-писанному, и я отдаю тебѣ справедливость. Ну, а зачѣмъ же намъ самимъ вредить себѣ? Бросимъ-ка эти трактиры, они мнѣ давно опротивѣли; но я въ угоду тебѣ заходилъ въ нихъ иногда, а теперь они мнѣ ужь слишкомъ надоѣли.

— И мнѣ тоже, отвѣчалъ Павелъ совершенно искренно.

— Ну такъ.... чортъ съ вами.... не будемъ ходить! Будемъ копить деньги, а лѣтомъ поѣдемъ въ Прагу. Вѣдь намъ это не будетъ дорого стоить, потому что, какъ тебѣ извѣстно, всѣ пришедшіе въ Прагу изъ нашей деревни получаютъ ночлегъ въ домѣ графа.

Въ эту минуту въ сѣняхъ раздался голосъ матери Павла, которая привѣтствовала Юзу и отворяла ему дверь. Павелъ

лежалъ на лавкѣ, а Петръ, ходившій по комнать, взялъ тотчасъ Иозу за руку и ввелъ его; мать Павла попросила его отрѣзать себѣ кулича, лежавшаго на столѣ, и потомъ опять скрылась, оставивъ парней однихъ, и они снова принялись за разговоръ, прерванный приходомъ Иозы. Иоза сообщилъ имъ предположеніе, что во время вакаціи учителя, Дорла и онъ поѣдутъ съ графскимъ семействомъ въ Прагу. Не знаю, что скажетъ на это бабушка, прибавилъ онъ.

Павелъ вздрогнулъ, заслышавъ имя Дорлы.

— А Дорла что будетъ тамъ дѣлать? спросилъ онъ.

— И какъ ты объ этомъ спрашиваешь? Ей все можетъ доставить удовольствіе, она все можетъ видѣть и слышать; ты бы вотъ лучше спросилъ что буду дѣлать я? Но я бы наслаждался только музыкой, въ особенности церковною, это было бы моимъ единственнымъ удовольствіемъ, и я бы навѣрное кое-чему понаучился, сказалъ сѣдой.

Такимъ образомъ они провели время до вечера. Павелъ говорилъ мало. Уходя, Иоза пожелалъ ему скорѣйшаго выздоровленія, чтобъ онъ могъ опять пѣть. Петръ пошелъ съ Иозою въ церковь, и Павлу сильно хотѣлось бѣжать съ ними, чтобъ снова увидать Дору, поговорить съ нею и убѣдиться въ томъ, что Петръ сказалъ ему правду. Но стыдъ удержалъ его.

— Что бы она сказала, еслибъ увидала меня въ такомъ видѣ? говорилъ онъ самъ съ собою, и раздумавшись, онъ сознался, что за эту драку Дорла не можетъ еще слишкомъ сердиться на него, но что онъ надѣлалъ много легкомысленныхъ поступковъ, которые долженъ былъ скрывать отъ нея; въ эту минуту онъ отдалъ бы Богъ знаетъ что, еслибы только могъ не дѣлать себѣ упрековъ. Тутъ онъ далъ себѣ слово исправиться, не вѣрить розказнямъ дяди, отказаться отъ ружья и шатающа по ночамъ, и обѣщалъ дѣлать все, чѣмъ только можетъ заслужить любовь Дорлы.

Шершень видѣлъ, какъ Петръ шелъ съ Доруою; зная, что Иоза ходитъ къ Павлу, и подумалъ: „все это пустяки; а вотъ если онъ попадетъ въ ихъ руки, то для меня онъ потерянъ“. И въ одинъ прекрасный день онъ подстерегъ бабушку, когда она шла въ поле, и зная, что бабушка съ нимъ явче не остановится, сталъ жаловаться на страшный ревматизмъ.

— Чортъ тебя возьми, чего жь ты хочешь, когда ты все шатаешься по лѣсамъ; поработай-ка денекъ въ полѣ, а ночью отдохни, и не будетъ ревматизма. Вѣдь ты уже не молодой, а не знаешь покоя, говорила сердито бабушка, когда онъ началъ жаловаться на болѣзнь, которой у него и не бывало.

— Вы правы, бабушка, но это дьявольская привычка, отъ которой человѣкъ не отстанетъ. Вы бы не могли не бродить по дому, а я по границѣ, всякому свое. Но тѣмъ же Богу даетъ мнѣ силы, я довольно здоровъ и довольно счастливъ, все мнѣ удачно сходитъ съ рукъ. Человѣку на это и умъ данъ.

— Еслибы ты свой умъ употреблялъ на что-нибудь годное, а не на такое ремесло! Я никогда не покупала ни контрабандной соли, ни полотна, ничего другаго; это на бабку дешевле, да на двѣ дороже, какъ и всякій дешевый товаръ. Еслибы люди были поумнѣе, да не покупали у васъ, такъ было бы лучше. Ты и Павла-то сбиваешь, это останется у тебя на совѣсти, Серна!

— Эхъ, бабушка, это мнѣ не помѣшаетъ спать. Я его не сбиваю, а онъ самъ лѣзетъ, такъ что мнѣ иногда и противно. Кто заманилъ его въ великую середу въ баварскую гостиницу? Его привлекала туда дѣвушка. Кто велѣлъ ему тамъ драться до упаду? Они тамъ были съ Петромъ.... онъ помогалъ ему, и досталось же обоимъ: Павлу разбили голову, а Петру руку. Ну, вотъ вамъ горячая натура, такъ и вспыхнетъ.... и уговорить нельзя. Да и Петръ не лучше, веселаго отца веселый сынъ!

— Ужь тотъ покойникъ! Не говори о немъ такъ зло, Серна; отецъ Петра былъ весельчакъ, но хорошій человѣкъ.

— Вы знаете, бабушка, что когда пиво устоится, то ужь не выбиваетъ втулку; то же будетъ и съ этими парнями. Предоставимъ имъ это удовольствіе, пусть въ нихъ хорошенько перебродитъ. Когда женятся, такъ не будутъ скакать черезъ заборы. Анна-Лиза дѣвушка словно искра, Павелъ ее очень любитъ, изъ-за этого и была драка-то: одинъ изъ крестьянъ хотѣлъ ее подѣловать. Женувшись, онъ не оставитъ ее тамъ, а перевезетъ къ себѣ. Онъ получитъ за ней нѣсколько тысячъ и заведется порядочнымъ хозяйствомъ. Тогда онъ не отстанетъ отъ другихъ, у него расудка-то довольно. Тогда люди иначе будутъ смотрѣть на него, а на пиву выпьемъ, бабушка, сколько душѣ угодно.

— Не крести того, кто еще не родился. Языкомъ людей проведешь, а отъ совѣсти не избавишься. Впрочемъ, тутъ не мое дѣло, каждый самъ за себя отвѣчаетъ. Пришли ко мнѣ, я тебѣ дамъ мазь, натри ею больное мѣсто, выпей потогоннаго, да полежи на печкѣ.

Сказавъ это довольно сердито, бабушка отвернулась и пошла своею дорогою. Серна усмѣхнулась.

— Милая бабушка, сказалъ онъ про себя,—еслибы ты знала то, что я знаю, ты бы верчала еще больше. Погоди, Дорла, удивишься ты какъ бабушка начнетъ тебѣ разказывать о Пазлѣ. А ты, Павелъ, удивишься тому, какъ тебя примутъ; ужь перетащу же я тебя на свою сторону и будешь ты меня слушаться!—Щелкнулъ пальцами и пошелъ во свояси.

Возвратившись съ поля, бабушка застала у себя Еленку. Дорла сидѣла у окна и вышивала; Иоза разложилъ на столѣ клавиатуру стараго фортепіано, которое онъ исправлялъ. Еленка положила работу къ себѣ на колѣни. Хотя она уже давно смотрѣла на руки Иозы, но еще не могла надивиться его ловкости, какъ искусно умѣетъ онъ обращаться съ ножомъ и какъ онъ знаетъ мѣсто каждаго колка, каждаго молоточка. Она всегда съ удивленіемъ смотрѣла на его руки и думала, что она съ своимъ здоровымъ зрѣніемъ не сумѣла бы разобрать и снова привести въ порядокъ инструментъ, а онъ дѣлаетъ это ничего не вида.

Бабушка поздоровалась съ барышней, посмотрѣла на столъ и не увидавъ на немъ хлѣба, побранила Дорлу за то, что она такъ приняла гостя.

— Дорла тотчасъ хотѣла мнѣ принести хлѣба, масла и меду, такъ какъ она знаетъ, что я у васъ всегда ѣмъ съ аппетитомъ; но сегодня я не хочу ничего. Какъ тутъ быть, бабушка!

— Ну, этому не бывать, чтобы гость ушелъ отъ меня, не скушавъ даже кусочка хлѣба.

И не обращая ни на что вниманія, вынула изъ ящика хлѣбъ, завернутый въ чистую салфетку, положила его на столъ, и Еленка должна была отрѣзать себѣ кусочекъ.

— Ужь наша матушка ни за что въ свѣтъ не откажется отъ своихъ старыхъ обмкновеній, будьте ужь терпѣливы, барышня! оказалъ Иоза, когда бабушка вышла еще за медомъ и масломъ.

— Не думаете ли, вы, Иоза, что мнѣ не нравится обыкно-

веніе вашей матери; но для меня этого дѣлать бы не нужно, потому что я у васъ какъ дома.

— Но все-таки не домашняя; а у насъ ужь въ обыкновеніи подавать хлѣбъ и частому, и рѣдкому гостю; когда приходятъ дѣти, то и имъ мать подаетъ ломоть хлѣба.

— Который хозяинъ запираетъ передъ гостемъ двери и не подаетъ ему хлѣба-соли, тому Господь не дастъ дара Божьяго, сказала бабушка, заслышавъ послѣднія слова Іозы.

— Ну, такъ простите меня, бабушка, я впередъ никогда не буду отказываться отъ вашего угощенія, сказала Елена, и вставъ, намазала себѣ хлѣбъ масломъ и накапала меду.

— Отличный медъ, даже у священника не лучше, замѣтила бабушка, выхваляя медъ своихъ пчелокъ. Потомъ сходила въ каморку, привнесла оттуда маленькую завязанную бавочку и поставила ее на печку говоря:—надо, чтобъ она у меня была на глазахъ, а то забуду.

— Для кого это вы приготовили мазь, бабушка? спросила Дорла.

— Сернѣ; онъ говоритъ, что у него ревматизмъ!

— Которому Сернѣ, молодому или старому? спросилъ Іоза, а Дорла не могла перевести духъ.

— Будто у молодого бываетъ ревматизмъ! Старый мнѣ попался на дорогѣ. У молодого, говорятъ, разбита голова, онъ подраася въ баварской гостиницѣ, и Петръ помогалъ ему. Хороши эти парни, и Петръ молчитъ какъ пень, даже и не похвалится! Да и ты, Іоза, не оказалъ правды, замѣтила рѣзко бабушка.

„Такъ вотъ какъ!“ подумала Дорла, вспоминая слова Петра и его равеную руку, однакожь промолчала.

Іоза же улыбнулся и сказалъ:

— Я и самъ не зналъ правды, если только справедливо то, что сказалъ Шершень. Я зналъ только, что у Павла голова обвязана, а Петръ оказалъ, что ходилъ въ городъ къ доктору и что у Павла, вѣроятно, будетъ горячка. Изъ всего видно, что парни не хотятъ чтобъ это разнеслось, и со стороны дяди Павла очень низко разказывать объ этомъ. Помните, матушка, что они еще молоды.

— Ну, ужь они не слишкомъ молоды, чтобы не понимать такихъ вещей. Около страды Павлу будетъ девятнадцать лѣтъ. Въ тотъ годъ, какъ онъ родился, были сильнѣе жары, и жатва началась раньше обыкновеннаго. Мать

его была въ полѣ, и меня позвали туда къ ней... и тамъ на ихъ полѣ родилса Павелъ. Тогда же его дѣдъ, идя со мною съ крестинъ, сказалъ: „ну, паренекъ, быть тебѣ охотникомъ, родилса ты подъ значкомъ Стрѣльца, да въ пространномъ полѣ.“— „Только бы онъ не сбѣлаася бродягой,“ замѣтилъ другой кумъ. „Будетъ тѣмъ, чѣмъ Богъ велить, но нѣкоторые люди родятся съ своимъ особеннымъ характеромъ, и никто уже ихъ не передѣлаетъ,“ сказалъ его старый дѣдъ и, кажется, былъ правъ, потому что съ этимъ парнемъ нѣтъ ладовъ, еще въ пеленкахъ никого не сауталса. Петръ родился въ здѣшній храмовой праздникъ; тогда отецъ его былъ судьей, это было двадцать два года тому назадъ; во время его крестинъ дудакъ заигралъ подъ окномъ, и судья такъ обрадовался этому, что далъ ему талеръ и большой гостинецъ. Вотъ будетъ веселый паренъ говорили кумушки. И онъ былъ всегда хорошій паръ, веселый, и вотъ только нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ сталъ кутить; жаль мнѣ его. Старый Шершень сбивастъ съ тодку Павла, да и Петра собьетъ; не слѣдовало бы ему съ ними связываться.

— Петръ довольно благоразуменъ, онъ не допуститъ Шершля сбить себя съ тодку, а Павелъ, повѣрьте мнѣ, мама, не такъ дуренъ, какъ вы думаете, сказалъ Иоза и сталъ пересчитывать хорешія качества Павла, упомянувъ и о томъ, что Павелъ не разъ уже жертвовалъ своею жизнью для другихъ; вспомнилъ, какъ онъ спасъ Гораку не только сына, но и корову, какъ ходилъ съ волышкой, чтобы жена водынщика не терпѣла нужды, и разказалъ обо всемъ, чѣмъ бы Павелъ никогда не похвастался передъ Иозою, еслибы его не выдавалъ Петръ.

— Вѣдь мы всѣ же безъ недостатковъ, матушка, прибавилъ онъ.

— Да вѣдь я не презираю его, сохрани Господи, но зачѣмъ позорить себя такими гадостями... воруетъ дичь...

— Можетъ-быть, это не правда, перебила ее Еленка.

— По-настоящему, мнѣ бы не слѣдовало говорить этого при барышнѣ; ну, да ужъ что дѣлать. Я не ручаюсь за правду, ходитъ онъ съ ружьемъ или не ходитъ... только говорятъ. Бывало, что иной и не посовѣтится застрѣлить зайца и съѣсть его, или продать. Зайцы наносили вредъ полямъ, поэтому крестьяне и не сердились на браконьерство. Но съ тѣхъ поръ какъ графъ живетъ здѣсь, у насъ все стало

иначе. Графъ не допускаетъ зайцевъ наносить вредъ, а когда выѣзжаетъ на ловъ, то и намъ достается по зайцу на десертъ. Какъ разберемъ все хорошенько, такъ это и выйдетъ дурно, кража все кража, дѣлается ли она для пана или для нищаго, какъ говоритъ священникъ. Если Павелъ хочетъ заработать нѣсколько крейцеровъ, то пусть заработаетъ ихъ честнымъ образомъ, а не такъ.

— Вѣдь нѣтъ и слуху, чтобъ онъ продавалъ какую-нибудь дичь, сказалъ Иоза.

— Онъ ее доставляетъ опять полѣсовщику, братъ знаетъ объ этомъ, замѣтила Еленка, желая оправдать Павла.

— Это другое дѣло! вскричала бабушка съ удивленіемъ; — почему же этотъ паренъ не скажетъ объ этомъ и позволяетъ такъ ругать себя?

Еленка пожалала плечами; Дорла, смотрѣвшая постоянно на свою работу, съ благодарностью взглянула на Еленку, но промолчала.

Иоза началъ потирать себѣ руки и ударивъ въ ладоши, сказалъ:

— Видите ли, мама, онъ вовсе не такъ дуренъ; не можетъ быть, чтобы все, что разказываетъ этотъ негодный Шершень, было справедливо. А эта драка... Богъ знаетъ изъ-за чего она вышла; Павелъ вспылчивъ, можетъ-быть, кто-нибудь изъ парней обидѣлъ его.

— Одинъ изъ нихъ хотѣлъ, говорятъ, поцѣловать его невѣсту.

— Невѣсту? спросили съ удивленіемъ Иоза и Еленка; а Дорла поблѣднѣла какъ полотно.

— Кажется, родственницу Михля... я все забываю ея имя.

— Вы думаете Анну-Лизу, мама? сказалъ Иоза. — Это только шутка; Павелъ охотно шутитъ съ дѣвухами.

— Серна говорилъ, что Павелъ ее очень любитъ, что получить за нею деньги, что онъ тогда заведетъ себѣ хозяйство и что изъ него можетъ выйдти хорошій хозяинъ. Такъ мнѣ сказалъ старый; понимайте какъ хотите; я продаю за что купила.

— Мнѣ ничего изъ этого не надо, все это безсовѣстная ложь, сказалъ Иоза. — Я вѣрю Петру, онъ всѣхъ лучше знаетъ его, а еслибы все это было правда, то онъ бы первый зналъ объ этомъ; вѣдь они закадычные друзья.

— Не сердись такъ, паренъ; пусть женится на этой..

какъ ее зовуть?... ну хоть Маркита... или на другой, дай Богъ ему счастья; мы съ нимъ жить не будемъ, такъ нечего намъ и заботиться. Сейчасъ вспомнила, что мнѣ еще надо зайти къ Митерновой Анечкѣ.

— Я была у ней; ей уже лучше; можетъ быть, Богъ дастъ, она и не умретъ.

— Ну, барышня, этого еще нельзя сказать; но кажется, что она поправляется. Это вѣрно къ зубамъ. Если же придуть за мазью, то она стоитъ вотъ здѣсь; ты отдай ее, Дорла. Я скоро вернусь назадъ, если меня кто спроситъ. Прощайте. Съ этими словами она накинула на себя платокъ и ушла, не подозрѣвая того, какъ она опечалила Дорлу, бѣдность которой ее такъ тревожила.

— Какой негодяй этотъ Шершень! сказалъ Иоза. — Онъ мнѣ никогда не нравился; онъ говоритъ, точно плачтъ. Все это ложь, я это знаю, пустая ложь... Павелъ и не думаетъ объ этой дѣвушкѣ.

Тутъ изъ стѣнной груди Дорлы вырвался глубокій вздохъ, и слезы брызнули изъ глазъ. Еленка схватила ее за руку, и доверчиво посмотрѣвъ на нее, приложила къ губамъ палецъ. Потомъ обратилась къ Иозѣ съ просьбой, чтобъ онъ уговорилъ Павла посоветоваться съ докторомъ, если онъ раненъ.

— Эхъ, барышня, наши парни мало обращаютъ вниманія на такія рамы. Петръ говорилъ мнѣ, что онъ ходилъ въ городъ къ доктору, что совѣтовался съ нимъ, а Павелъ скоро опять уже пойдетъ на работу.

— Ну, тогда пусть уже самъ защищается отъ злыхъ языковъ; я надѣюсь, что все опять исправится, сказала Еленка, сжимая руки Дорлы; потомъ завела разговоръ объ Янѣ и Мицѣ, и Иоза разказалъ, что Манка боится, чтобы мужу ея не слишкомъ понравилось дома и чтобъ ему не вздумалось перебраться на родину.

Поговоривъ еще, Еленка пошла домой. Дорла вышла провожать ее.

— О чемъ ты такъ расплакалась, Дорла? спросила Еленка, когда они были уже въ саду, гдѣ ихъ никто не могъ слышать.

— Какъ мнѣ не плакать, когда у меня сердце колетъ. Ничто на свѣтѣ не веселитъ меня; ни работа, ни пѣніе, ни игры, ни музыка; когда хочу пѣть; всегда вачну плакать.

Только о немъ и думаю; куда бы я ни шла, только за него и молюсь. Сердце у меня разрывается отъ жалости, когда люди такъ бранятъ его.

— Какъ же ты можешь вѣрить и обращать на это вниманіе, если ты его любишь? Вѣрь только своему сердцу!

— Охъ, барышня, я никогда не сомнѣваюсь въ немъ, что-то говоритъ мнѣ, что онъ любитъ меня; но какъ вѣрить, когда со всѣхъ сторонъ слышишь совѣтъ другое. Вѣдь вы слышали, что говоритъ бабушка!

— Она повторала со словъ другихъ то, чему она сама не вѣрить.

— Не вѣрить? Кто же знаетъ, что она не вѣрить, она вѣдь тоже не долюбиваетъ Павла... вѣтъ въ немъ ничего пріятнаго, и грубъ-то онъ... и не знаю что еще... такъ что мнѣ даже досадно на нее.

— Но вѣдь у бабушки глаза-то не твои, подумай объ этомъ, а когда бабушка убѣдится, что онъ порядочный человекъ, тогда и она навѣрное полюбитъ его.

— Но все-таки не позволить ему ходить къ намъ, замѣтила Дора съ грустью.

— Почему же не позволить?

— Потому что о немъ дурно говорятъ.

— Дурное мнѣніе о себѣ онъ можетъ измѣнить хорошимъ поведеніемъ.

— Конечно, но говорить-то все-таки будутъ. Бабушкѣ было бы пріятнѣе, еслибы я вышла за Петра. Онъ изъ порядочнаго семейства и сынъ крестьянина.

— Развѣ сынъ крестьянина лучше чѣмъ сынъ бобыля? спросила Елена.

— Думаютъ, что сынъ бобыля меньше значитъ чѣмъ сынъ крестьянина, потому что этотъ посажиточивѣ. Павелъ же мало обращалъ на это вниманія, и всѣ его боялись, даже гордый Ондра. Мнѣ очень нравится въ немъ то, что онъ никого не боится. Но что же въ этомъ, если бабушка все-таки желала бы, чтобъ я вышла за другаго; онъ ей можетъ казаться бѣднѣмъ въ сравненіи съ Петромъ.

— Вѣдь онъ еще молодъ, можетъ себѣ заработать деньги и тогда жениться на тебѣ.

— Дѣйствительно, я бы могла ждать его хоть десять лѣтъ и больше; еслибы мнѣ другой предлагалъ даже хлѣба похотѣла, а онъ оказалъ бы только: Дора, я люблю тебя, но

у меня ровно ничего нѣтъ! то я бы все-таки оказала ему: я останусь съ тобой!

— Ты мнѣ еще не говорила о томъ, что ты его такъ любишь, сказала Еленка, взявъ ее за руку.

— Ахъ, барышня, да я даже не умѣю выразить какъ я его люблю! Я только дѣлаю видъ, какъ будто я равнодушна къ нему.

— Зачѣмъ же?

— Зачѣмъ? Какъ же я могу обнаружить, что люблю его, когда я не знаю, любить ли онъ меня? Чтѣ бы онъ подумалъ обо мнѣ, и чтѣ бы сказала бабушка, еслибъ она замѣтила? Чтѣ я съ ума сошла; и всѣ бы стали надо мною смѣяться. Я бы должна была умереть со стыда.

— Но Петръ сказалъ тебѣ, что Павелъ тоже тоскуетъ по тебѣ?

— Онъ сказалъ, и я ему повѣрила, и еслибы меня не беспокоила его болѣзнь, то я была бы тогда счастлива; а теперь вы сами видите чтѣ дѣлается. Боже мой, чѣмъ я провинилась, что ты такъ наказуешь меня! сказала Дорла со вздохомъ и принялась опять плакать.

— Развѣ любовь наказанье?

— О, вы этого не знаете, барышня, вы всѣхъ больше на свѣтѣ любите свою маменьку, да брата.

— Вѣдь онъ мнѣ не братъ, сказала Еленка и покраснѣла.

— Ну, почти братъ, и эта любовь не такая. Я очень люблю Иозу и бабушку, и васъ, барышня, но Павелъ для меня все-таки выше всего, онъ для меня милѣе, краше, лучше всѣхъ, и только съ нимъ хотѣла бы я жить! Вамъ все равно, барышня, еслибы графъ любилъ другую еще больше; еслибъ онъ ввелъ въ свой домъ молодую хозяйку, то вы бы любили ее какъ сестру; а я бы измучилась, еслибы Павелъ привезъ сюда эту Нѣмку.

Еленка молчала.

— О, эта Нѣмка! продолжала со вздохомъ Дорла:—она должна быть хороша собою, если нравится ему; а для меня она все-таки пугало, и я боюсь ея. Когда мы встрѣчаемся съ Павломъ, я бы отдала не знаю чтѣ, только бы сказать съ нимъ слово: сердце такъ и рвется къ нему; но вдругъ вспомню, морозъ пробѣжитъ по мнѣ, я отворачиваюсь и прохожу мимо. Если же онъ гордо обернется, или запышетъ, то у меня сердце плачетъ въ груди. Я боюсь взгля-

нуть на него, чтобъ онъ не замѣтилъ какъ я его люблю, а все-таки мнѣ бы хотѣлось, чтобъ онъ зналъ объ этомъ!

— А еслибъ онъ сказалъ тебѣ что любитъ тебя, ты бы ему повѣрила вполнѣ? спросила Еленка.

— Какъ же не повѣрить? Если онъ скажетъ: я тебя люблю! то это будетъ правда; онъ бы меня не сталъ мучить! сказала Дорла съ увѣренностью.

— Выбрось вонъ эти мучительныя мысли; молись, вѣрь, надѣйся, можетъ-быть, исполнится все, чего ты желаешь.

— Я никогда не прошу Бога, чтобъ онъ далъ мнѣ его: на вымоленномъ мужѣ нѣтъ благословенья; бабушка говоритъ, что кто хочетъ вымолить у Бога что-нибудь насильно, тотъ самъ налагаетъ на себя наказаніе. У одной изъ нашихъ былъ вымоленный мужъ. Она два раза ходила на Горку (около Клатова) на богомолье, и всегда на колѣняхъ вползала на гору и горячо молилась о томъ, чтобы въ мужа ей достался тотъ, кого она любила. Вышла она за него, но они дурно жили. Онъ сжестокително упрекалъ ее въ томъ, что она его вымолила. Богъ наказалъ ее. Я прошу только Бога, чтобъ онъ предохранилъ Павла отъ всего злаго и облегчалъ бы мое мученіе, сказала дѣвушка со вздохомъ.

— И получишь облегченіе, только надѣйся! сказала Еленка ей въ утѣшеніе, и обнявъ ее, обтерла ея заплаканное личико.

Со двора послышался голосъ бабушки; дѣвочки разошлись. Дорла побѣжала къ колодезю, чтобы смыть слѣды слезъ, а Еленка прошла чрезъ маленькую калитку въ господскій садъ. Она шла въ задумчивости къ замку.

— Такъ для меня было бы все равно, еслибъ онъ любилъ другую... еслибы привезъ сюда другую, то я бы любила ее какъ сестру? шептала она, останавливаясь передъ замкомъ. У ней выступилъ потъ, на лицѣ выражался страхъ.—Прочь, черныя тучи, прочь! вы не смѣете закрывать мое солнце! сказала она съ рѣшимостью, и помахавъ бѣлымъ платкомъ какъ будто съ желаніемъ разогнать стаю комаровъ, игравшихъ надъ ея головой, вбѣжала по ступенямъ на балконъ, на которомъ въ эту минуту показалась графиня, и бросилась къ ней въ объятія.

— Что тебя такъ гонить? спросила графиня съ удивленіемъ.

— Тоска по миломъ сердцѣ, отвѣчала Еленка, и вздохнувъ, спрятала свое пылающее лицо на груди графини.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАРАМЗИНЪ

I.

Еще не сошло со сцены поколѣніе людей, которые воспитались на сочиненіяхъ Карамзина. Люди родившіеся въ первомъ и даже во второмъ десятилѣтіи этого вѣка, дѣтьми находили *Аониды* и *Письма русскаго путешественника* между книгами своихъ отцовъ, и зачитывались ихъ; отрывки изъ нихъ встрѣчались во всѣхъ хрестоматіяхъ съ отрывками изъ *Исторіи государства россійскаго* и *Марьи посадницы*, со стихотвореніями Карамзина, и *Похвальнымъ словомъ Екатерины*. На это поколѣніе еще вѣяло духомъ Карамзина, и можетъ-быть, многіе изъ людей, теперь посѣдѣвшихъ, горько плакали, дѣтьми, услышавъ о его смерти. Сказать хоть нѣсколько словъ о Карамзинѣ въ настоящую минуту, когда Россія празднуетъ столѣтній юбилей его, есть для такихъ людей сердечная потребность. Это можетъ-быть даже ихъ обязанность, въ виду тѣхъ строгихъ, иногда суровыхъ, а нерѣдко и придирчивыхъ оцѣнокъ, съ которыми въ недавнее время обращалась къ нему критика, какъ къ историку и беллетристу; это ихъ обязанность еще болѣе, въ виду желчныхъ укоризнъ, которыя еще недавно были направлены противъ него, какъ человѣка и публициста.

Въ настоящемъ случаѣ я не имѣю намѣренія пускаться въ изслѣдованія объ ученыхъ и литературныхъ заслугахъ Карамзина. Мнѣ хотѣлось бы начертать нравственный его образъ, изобразить тотъ идеалъ человѣка и тѣ понятія объ устройствѣ политическихъ обществъ, которые сложились въ душѣ его и которые онъ вносилъ въ свои ученые и литературные труды, въ отношенія семейныя и общественныя, въ исполненіе своихъ гражданскихъ обязанностей. Слѣдуетъ думать, что изученіе Карамзина съ этой точки зрѣнія не бесполезно. Каждая

эпоха, какъ мнѣ кажется, имѣеть своего представителя въ лицѣ одного изъ своихъ сыновъ, на которомъ съ большею или меньшею яркостью отражаются ея качества, и въ которомъ съ большею или меньшею полнотою совмѣщаются типическія черты современнаго идеала. Такими типическими людьми для Россіи можно почитать Петра Великаго и Ломоносова въ первой половинѣ XVIII вѣка. Натура Карамзина была менѣе всестороння чѣмъ натура этихъ гениальныхъ людей и не представляетъ такого полнаго современнаго типа; но зато въ Карамзинѣ яснѣе выразилась идеальная сторона современнаго ему общества и всѣ лучшія его стремленія. Нельзя сказать, чтобы Карамзинъ воплотилъ въ себѣ Россію конца XVIII и начала XIX вѣка, съ ея добрыми и дурными сторонами, съ ея молодыми, кипящими силами, съ ея пороками и недостатками; но еслибы мы захотѣли совмѣстить въ одномъ человѣкѣ всѣ благороднѣйшіе инстинкты поколѣнія воспитаннаго Екатериной, еслибы мы пожелали изобразить нравственный идеалъ, носившійся передъ этимъ поколѣніемъ, то должны были бы нарисовать портретъ Карамзина. Человѣкъ подобный ему не могъ явиться непосредственно послѣ великой, но крутой реформы Петра; онъ сдѣлался возможенъ только послѣ тѣхъ цивилизующихъ и смягчающихъ вліяній, которыя обнаружались у насъ во второй половинѣ XVIII вѣка. Изученіе подобной личности столько же занимательно сколько и поучительно. Подобная задача была бы довольно трудна еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но она значительно облегчилась съ изданіемъ переписки Карамзина съ различными лицами * и особенно И. И. Дмитріевымъ, которая, обнимая 40-лѣтній періодъ времени, изображаетъ почти день за днемъ состояніе духа и образъ мыслей Карамзина и объясняетъ отношенія, существовавшія въ данную минуту между сочиненіями и личностію ихъ автора. Еще болѣе сдѣлалъ въ этомъ отношеніи академикъ Погодинъ, посвятившій вечеръ своей дѣятельной жизни біографіи славнаго своего наставника, въ которой онъ собралъ и сопоставилъ отрывки изъ напечатанныхъ сочиненій Карамзина и изъ частныхъ его писемъ, дополнивъ этотъ любо-

* Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, изданныя по порученію Академіи гг. Грѣтомъ и Цекарскимъ, 1866 г., и Неизданныя сочиненія и Переписка Н. М. Карамзина, 1862 г.

пытый матеріалъ свидѣніями собранными о немъ у людей, находившихся въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ. * Благодаря всѣмъ этимъ источникамъ, настоящій трудъ мой былъ несравненно болѣе пріятенъ чѣмъ утомителенъ.

Многіе, родившись въ одинъ годъ съ Карамзинымъ и даже равнѣ его, были поставлены судьбой въ болѣе выгодныя условія для своего развитія чѣмъ онъ: припомнимъ хотя Дмитріева, дѣтство котораго протекало подѣ вліаніемъ матери, не лишеной литературнаго образованія, отца, который интересовался современною политикою, и нѣсколькихъ ихъ пріятелей, людей болѣе или менѣе образованныхъ. Карамзинъ, симбирскій уроженецъ, какъ и Дмитріевъ, потерялъ мать ребенкомъ, а отецъ его, по словамъ г. Погодина, былъ человекъ „очень добрый и простой“. Такимъ образомъ онъ обязанъ своимъ высокимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ болѣе всего себѣ самому и тѣмъ превосходнымъ зачаткамъ, которые дала ему природа. Однако „простой и добрый“ отецъ Карамзина дѣлалъ что могъ для его воспитанія; онъ далъ ему нѣмецкаго учителя, и этотъ учитель, онъ же и медикъ, былъ, какъ можно заключать по слѣдующему извѣстію, прекраснѣйшее германское существо, преисполненное симпатіи и способное внушать ее къ себѣ. Онъ лѣчилъ брата И. И. Дмитріева, который говоритъ въ своихъ *Запискахъ*, что ухаживая за своимъ маленькимъ пациентомъ, „добрый старикъ думалъ утѣшать его, привозя къ нему разные дѣтскіе гостинцы; но такъ какъ эти вещи лишь больше раздражали больного, который не могъ ихъ видѣть, то онъ обратился къ другому оредству: перевезъ къ малюткѣ маленькій свой клавесинъ, и въ каждое посѣщеніе игралъ на немъ по одной штучкѣ, желая тѣмъ сколько-нибудь развлекать и успокоивать своего маленькаго пациента“. Можетъ-быть, этому доброму учителю, остроумному въ своей попечительности, удалось взлелѣвать задатки любви, которою обильно надѣлено было природой сердце Карамзина, и которая обнаружилась въ немъ съ самаго ранняго дѣтства. Но къ чему могли обратиться первыя сочувствія ребенка, который росъ, какъ кажется, безъ товарищей и подругъ? Къ природѣ, горячая любовь къ которой въ первую половину его жизни

* Н. М. Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ, М. Погодина, 1866.

доходила въ немъ почти до страсти. Мы невольно улыбаемся читая въ *Письмахъ русскаго путешественника* о слезахъ, которыя авторъ проливалъ иногда, любуясь видами Швейцаріи, о поцѣлуяхъ, которыми онъ осыпалъ землю. Нельзя не согласиться, что до нѣкоторой степени, это была дань литературнымъ приемамъ того времени; но несомнѣнно и то, что Карамзинъ-юноша былъ чрезвычайно впечатлителенъ и что чувствительность къ красотамъ природы составляла господствующую въ немъ черту, до того времени, пока лѣта и серіозные умственные труды не успокоили его чрезвычайной чувствительности. „Какія мѣста! восклицаетъ Карамзинъ, въ первомъ письмѣ своемъ изъ Швейцаріи. Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтуцій берегъ зеленаго Рейна и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Счастливые Швейцары! Всякій ли день, всякій ли часъ благодарите вы небо за свое счастье, живучи въ объятіяхъ прелестной природы, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу?“ Въ другомъ письмѣ изъ Швейцаріи же Карамзинъ пишетъ: „Со всѣхъ сторонъ представлялись намъ дикіе виды горъ, полагавшихъ тѣсныя предѣлы нашему зрѣнію. Если мнѣ когда-нибудь наскучитъ свѣтъ; если сердце мое когда-нибудь умретъ всѣмъ радостямъ общечитія; если уже не будетъ для него ни одного сочувствующаго сердца: то я удалюсь въ эту пустыню, которую сама натура оградила высокими стѣнами, неприступными для пороковъ, и гдѣ все, все забыть можно, все, кромѣ Бога и природы.“ Въ другомъ мѣстѣ Карамзинъ пишетъ: „Еслибы спросили меня: чѣмъ нельзя никогда насытиться? то я отвѣчалъ бы: хорошими видами.“ Собираясь оставить Женеву, въ которой онъ прожилъ нѣсколько недѣль, и готовясь къ отъѣзду, Карамзинъ восклицаетъ: „Наслаждайся мое зрѣніе! Я долженъ оставить сію землю.... Величественный рельефъ природы, впечатлѣвайся въ моей памяти!...“

Нельзя пропустить безъ вниманія, что природа дѣйствовала на Карамзина не одною своею пластическою красотой; она почти всегда вызывала въ немъ мысль или чувство, и это чувство было любовь къ людямъ и къ Творцу природы и человѣковъ. Такъ, въ вышенаведенномъ отрывкѣ, въ которомъ Карамзинъ прощается съ окрестностями Женевы, онъ говоритъ: „Построю хижину на голубой Юрѣ,

и жизнь моя протечетъ какъ восхитительный сонъ.... Но ахъ, здѣсь нѣтъ друзей моихъ!...“ Взобравшись въ первый разъ на одну изъ альпійскихъ вершинъ, онъ восклицаетъ: „Я преклонилъ колѣно, устремилъ взоръ свой на небо и принесъ жертву сердечнаго моленія Тому, Кто въ сихъ гранитахъ и свѣгахъ напечатлѣлъ столь явственно свое всемогущество, свое величiе, свою вѣчностъ!... Друзья мои! я стоялъ на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могутъ для поклоненія Всевышнему!... Языкъ мой не могъ произнести ни одного слова; но я никогда такъ усердно не молился какъ въ сію минуту.... Здѣсь смертный чувствуетъ свое высокое опредѣленіе, забываетъ земное отечество и дѣлается гражданиномъ вселенной; здѣсь, смотря на хребты каменныхъ твердынь, ледяными цѣпями скованныхъ и осыпанныхъ свѣгомъ, на которомъ столѣтія оставляютъ едва приметныя слѣды, забываетъ онъ время и мыслію своей вѣчностъ углубляется; здѣсь въ благоговѣнномъ ужасѣ трепещетъ сердце его, когда онъ помышляетъ о той Всемогущей рукѣ, которая вознесла къ небесамъ сіи громады и повергнетъ ихъ нѣкогда въ бездну морскую.“ Карамзинъ посвящаетъ многіе дни обзорѣнiю несравненнаго Женевскаго озера, которое въ концѣ прошедшаго вѣка, безъ сомнѣнія, представляло еще гораздо болѣе прелести для цѣнителя красоты природы чѣмъ теперь; но онъ дѣлаетъ это обзорѣніе съ экземпляромъ *Новой Элоизы* въ рукахъ. Онъ ищетъ въ окрестностяхъ Лозанны, въ Вевелъ и Кларенсѣ слѣдовъ Элоизы и Сенъ-Прѣ, и духъ Руссо носится надъ нимъ неотступно: „Недавно, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, былъ я на островѣ Св. Петра, гдѣ величайшій изъ писателей осьмаго на десять вѣка укрывался отъ злобы и предразсудчивой человѣческихъ, которыя какъ фурию гнали его изъ мѣста на мѣсто. День былъ очень хорошъ. Въ нѣсколько часовъ исходилъ я весь островъ и вездѣ искалъ слѣдовъ женевскаго гражданина и философа. Здѣсь, думалъ я, забудь жестокихъ и неблагодарныхъ людей.... неблагодарныхъ и жестокихъ! Боже мой! какъ горестно это чувствовать и писать... здѣсь, забывъ всѣ бури мірскія, наслаждался онъ уединеніемъ и тихимъ вечеромъ жизни; здѣсь отдыхала душа его послѣ великихъ трудовъ своихъ; здѣсь въ тихой, сладостной дремотѣ покоились его чувства! Гдѣ онъ? Все осталось какъ при немъ было; но его нѣтъ,—нѣтъ! Тутъ слышалось мнѣ,

что и лѣсъ, и луга вздохнули или повторили глубокій вздохъ моего сердца. Я смотрѣлъ вокругъ себя — и весь островъ показался мнѣ въ траурѣ. Печальный флеръ зимы лежалъ на природѣ. Ноги мои устали. Я сѣлъ на краю острова. Бильское озеро свѣтлѣло и покоилось во всемъ пространствѣ своемъ; на берегахъ его дымились деревни; вдали видны были городки Биль и Нидау. Воображеніе мое представило плывущую по зеркальнымъ водамъ лодку; зефиръ вѣялъ вокругъ ея и правилъ ею вмѣсто кормчаго. Въ лодкѣ лежалъ старецъ почтеннаго вида, въ азіятской одеждѣ; * взоры его, на небеса устремленные, показывали великую душу, глубокомысліе, пріятную задумчивость. Это онъ, онъ, тотъ, кого выгнали изъ Франціи, Женевы, Нѣшателя, какъ будто бы за то, что небо одарило его отъѣвнымъ разумомъ, что онъ былъ добръ, кѣженъ и человѣколюбивъ! Какими живыми красками описываетъ Руссо пріятную жизнь свою на островѣ Св. Петра,—жизнь, совершенно бездѣйственную! Кто никогда не истощалъ душевныхъ силъ своихъ въ ночныхъ размышленіяхъ, тотъ, конечно, не можетъ понять блаженства сего рода,—блаженства *субботы*, которою наслаждаются одни великіе духи (умы), при концѣ земнаго странствованія и которыя готовятъ ихъ къ новой дѣятельности, начинающейся за порогомъ смерти.“

Такъ любвеобильное сердце Карамзина сливало въ одномъ горячемъ чувствѣ природу и человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ возносилось къ Творцу міровъ и Источнику добра и правды. Мы уже видѣли, какія возвышенныя чувства возбуждены были въ Карамзинѣ, когда, взойдя на одну изъ альпійскихъ вершинъ, онъ почувствовалъ вокругъ себя торжественную тишину и какъ бы близость Бога. Приведенное мѣсто и множество другихъ, разсѣянныхъ въ сочиненіяхъ Карамзина въ первый періодъ его литературной дѣятельности, характеризуютъ особую его религіозность,—говорю: *особую*, потому что чувство, замѣчаемое въ нашемъ молодомъ путешественникѣ, не имѣетъ большого сходства съ тою набожностію, которая обыкновенно пріобрѣтается въ русскомъ семействѣ. Мы не удивимся этому, если припомнимъ, что Карамзинъ очень рано лишился матери, что

* Это намекъ на мѣховую шапку и шубу, подаренную Руссо Екатериною.

отецъ его едва ли имѣлъ вліяніе на его духовное развитіе и что первыя глубокія впечатлѣнія на его душу произведены были природою и, можетъ-быть, еще учителемъ изъ Нѣмцевъ, вѣроятно потерапиномъ. Въ сердца большей части изъ насъ сѣмена религіознаго чувства брошены съ самаго ранняго дѣтства, и ростки ихъ обнаруживаются прежде чѣмъ оказываются первые признаки мысли; мы помнимъ разказы матерей нашихъ о грѣхопаденіи и страданіяхъ Искупителя; мы любили и вѣровали, мы молились прежде чѣмъ могли понимать что любимъ, во что вѣруемъ, кому молимся. Съ Карамзинымъ было другое; силы природы обнаружили ему Бога: „Ударъ грома, скатившійся надъ моею головою съ небснаго свода, говоритъ онъ, сообщилъ мнѣ первое понятіе о величествѣ Міроправителя, и сей ударъ былъ основаніемъ моея религіи.“ Въ одной изъ первыхъ и мало извѣстныхъ своихъ повѣстей, онъ относитъ къ герою этой повѣсти, Леону, слѣдующій случай изъ собственной жизни: „Въ одинъ жаркій день, онъ (Леонъ), по своему обыкновенію, читалъ книгу подъ сѣнію древняго дуба; старикъ-дядька сидѣлъ на травѣ въ десяти шагахъ отъ него. Вдругъ нашла туча, и солнце закрылось черными парами. Дядька звалъ домою Леона: „Погоди,“ отвѣчалъ онъ, не спуская глазъ съ книги. Блеснула молнія, загремѣлъ громъ, пошелъ дождикъ. Старикъ невремѣнно хотѣлъ идти домой. Леонъ завернулъ книгу въ платокъ, всталъ и посмотрѣлъ на бурное небо. Гроза усиливалась: онъ любовался блескомъ молніи и шелъ тихо, безъ всякаго страха. Вдругъ изъ густаго лѣса выбѣжалъ медвѣдь и прямо бросился на Леона. Дядька не могъ даже и закричать отъ ужаса. Двадцать шаговъ отдѣляютъ нашего маленькаго друга отъ неизбежной смерти; онъ задумался и не видитъ опасности: еще секунда, лѣ... и несчастный будетъ жертвою яростнаго звѣря. Грануль страшный громъ... какому Леонъ никогда не слыхивалъ; казалось, что небо надъ нимъ обрушилось, и что молнія обвѣдалась вокругъ головы его. Онъ закрылъ глаза, упалъ на колѣни и только могъ сказать: „Господи!“ Черезъ полминуты взглянулъ и видитъ предъ собою убитаго громомъ медвѣдя. Дядька насилу могъ образумиться и сказать ему, какимъ чудеснымъ образомъ Богъ спасъ его. Леонъ все еще стоялъ на колѣнахъ, дрожалъ отъ страха и дѣйствія электрической силы; наконецъ, устремилъ глаза на небо и, несмотря на черныя

тучи, онъ видѣлъ, онъ чувствовалъ тамъ присутствіе Бога Спасителя; онъ молился, и молитва его была благодарность.... Леонъ не будетъ уже никогда атеистомъ, если прочитаетъ и Спинозу, и Гоббеса, и *Систему натуръ*.”

Г. Погодинъ увѣренъ, что этотъ случай относится къ самому Карамзину; но можно утверждать кромѣ того, что къ Карамзину относится не только самый фактъ, а и всѣ его послѣдствія. Если, говоря словами самого автора, это было „основаніемъ его религіи“, то и характеръ религіозности Карамзина опредѣляется вышеприведенными словами: „Онъ чувствовалъ тамъ присутствіе Бога Спасителя.... онъ молился и молитва его была—благодарность.“ Пусть прочтутъ нѣсколько слѣдующихъ строкъ Карамзина, исполненныхъ религіозной поэзіи: „*Женева декабря 1-го 1789 г.* Нынѣ минуло мнѣ двадцать четыре года! Въ шесть часовъ утра вышелъ я на берегъ Женевскаго озера и, устремивъ глаза на голубую воду его, думалъ о жизни человѣческой. Друзья мои! дайте мнѣ руку, и пусть вихрь времени мчитъ насъ куда хочетъ! Довѣренность къ Провидѣнію — довѣренность къ той невидимой рукѣ, которая движетъ и міры, и атомы, которая бережетъ и червя, и человѣка — должна быть основаніемъ нашего спокойствія!“ Въ одной изъ первыхъ своихъ повѣстей, Карамзинъ дѣлаетъ слѣдующую характеристику нравственнаго настроенія своего героя, которую мы имѣемъ полное право приложить къ самому автору: „Въ нѣжной Леоновой душѣ непримѣтнымъ образомъ, но буквами неизгладимыми, начерталось слѣдствіе: итакъ любезность и добродѣтель одно! итакъ зло безобразно и гнусно! итакъ добродѣтельный всегда побѣждаетъ, а злодѣй гибнетъ! Сколько такое чувство спасительно въ жизни, какою твердою опорой служить оно для доброй нравственности, нѣтъ нужды доказывать. Ахъ! Леонъ въ совершенныхъ лѣтахъ часто увидитъ противное, но сердце его не разстанется съ своею утѣшительною системою; вопреки самой очевидности, онъ скажетъ: „нѣтъ, нѣтъ! торжество порока есть обманъ и призракъ.“

Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что въ понятіяхъ Карамзина Божество представляется преимущественно источникомъ благодати, а религія основаніемъ добродѣтели — обстоятельство, которое слѣдуетъ отнести столько же къ воспитанію Карамзина, сколько и къ его лич-

ности, въ которой надъ всѣми способностями преобладала способность любить.

Можно было бы сдѣлать безчисленное множество выписокъ подтверждающихъ это замѣчаніе, но кажется и тѣхъ, которыя уже приведены, достаточно, чтобы уловить то различіе, какое существуетъ между религіозностію Карамзина и религіозностію Державина или Ломоносова. Во время своего путешествія, на перѣздѣ изъ Мейсена въ Лейпцигъ, разговарывая съ однимъ изъ своихъ спутниковъ о вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ, онъ прямо оказалъ ему, что послѣднихъ надо искать въ сердцѣ и что Божество представляется ему преимущественно какъ источникъ вѣчной и всеобъемлющей любви. Любуясь однажды окрестностями Дрездена, онъ написалъ слѣдующія характеристическія строки. „Едва ли когда-нибудь чувствовалъ я такъ живо, что мы созданы наслаждаться и быть счастливыми, и едва ли когда-нибудь въ сердцѣ своемъ былъ я такъ добръ и такъ благодаренъ противъ моего Творца, какъ въ сіи минуты. Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ самой Любви и что онѣ должны смыть нѣкоторыя черныя пятна въ книгѣ жизни моей.“

Понятно, что изъ такого обильнаго источника любви, какой заключало сердце молодого Карамзина, любовь лилась на человѣчество; его любимыми авторами были тѣ, у которыхъ, хотя и при различной степени таланта, обнаруживались задумчивость и любовь къ природѣ и человѣку; эти авторы были задумчивый Томсъ, еще болѣе трогательный чѣмъ юмористическій Стернъ, Геллертъ, Геснеръ, Руссо. Уваженіе и любовь его къ этому послѣднему была безпредѣльна. „Человѣкъ рѣдкій, авторъ единственный, говоритъ о немъ Карамзинъ; пылкій въ страстяхъ и словѣ, убѣдительный въ самыхъ заблужденіяхъ, любезный въ самыхъ слабостяхъ; младенецъ сердцемъ до старости; мизантропъ, любви исполненный; несчастный по своему характеру между людьми, и завидно счастливый по своей душевной нѣжности въ объятіяхъ натуры, въ присутствіи невидимаго Божества, въ чувствахъ Его благодати и красоты творенія!“...

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что къ числу „слабостей“ своего любимого писателя Карамзинъ причислялъ мизантропію или, правильнѣе, раздражительность Руссо, ибо это чувство было вполнѣ чуждо нашему автору. Нельзя отрицать, что

сильный талантъ, безпощадно бичующій открытый порокъ и смѣло срывающій маску съ лицемѣра, приносить пользу человечеству и честно служить ему; но нельзя отрицать и того, что источникъ сатиры заключается въ серафъ исполняемомъ желчью, хотя бы и праведно накопившею. Ожесточеніе противъ порока все-таки не можетъ возбуждать столько сочувствія; да и приноситъ столько пользы, какъ горячая любовь къ добру. Вотъ почему Карамзинъ, отдавая справедливость и великому уму, и многимъ полезнымъ сторонамъ дѣятельности Вольтера, говоритъ о немъ съ уваженіемъ, но холодно. Никто изъ большаго числа знаменитыхъ современниковъ, съ которыми Карамзинъ познакомился во время своего путешествія, не сдѣлалъ на него такого глубокаго впечатлѣнія, какъ Болие, котораго онъ называетъ „философомъ съ чувствомъ“.

Замѣтимъ также, что Карамзинъ любилъ людей не въ отвлеченныхъ образахъ, какъ это можно сказать о многихъ народолюбцахъ и человеколюбцахъ, не исключая, можетъ-быть и самого Руссо. Карамзинъ любилъ людей въ плоти и крови. Ко всѣмъ героямъ своихъ повѣстей онъ относился съ глубокимъ сочувствіемъ и уклонялся отъ изображенія людей порочныхъ, а живыхъ людей онъ даже идеализировалъ, какъ можно заключать, напримѣръ, по слѣдующему описанію симбирскихъ друзей его отца (въ повѣсти: *Рыцарь нашего времени*):

„Капитанъ Радущинъ, отецъ Леоновъ, любилъ угощать добрыхъ друзей, чѣмъ Богъ послалъ. Сынъ всякій разъ съ великимъ удовольствіемъ бѣжалъ сказать ему: „батюшка! вѣдутъ гости!“ а капитанъ нашъ отвѣчалъ: добро пожаловать! надѣвалъ круглый парикъ свой, и шелъ къ нимъ навстрѣчу съ лицомъ веселымъ. Провинціалы наши не могли наговориться другъ съ другомъ; не знали, что за звѣрь политика и литература, а разсуждали, сворили и шумѣли. Деревенское хозяйство, извѣстныя тяжбы въ губерніи, анекдоты старинныя, служили богатою матеріею для разказовъ и прамѣчаній... Ахъ, давно уже смерть и время бросили на васъ темный покровъ забвенія, витязи С...скаго уѣзда, вѣрные друзья капитана Радущина! Лебрюкъ и Лампи не сохранили для насъ вашего образа; но я не даромъ авторъ Леоновой исторіи: зеркало памяти моея ясно. Какъ теперь смотрю на тебя, заслуженный майоръ Фадей Громиловъ, въ черномъ большомъ

парикъ, зимою и лѣтомъ въ малиновомъ бархатномъ камзолѣ, съ кортикомъ на бедрѣ и въ желтыхъ татарскихъ сапогахъ; слышу, слышу, какъ ты, не привыкнувъ ходить на цыпкахъ въ комнатахъ знатныхъ господъ, стучишь ногами еще за двѣ горницы, и подаешь о себѣ вѣсть издали громкимъ своимъ голосомъ, которому нѣкогда рота ладмилиціи повиновалась, и который въ яркихъ звукахъ своихъ нерѣдко ужасалъ дурныхъ воеводъ провинціи! Вижу и тебя, сѣдовавший ротмистръ Буриловъ, прострѣленный насквозь башкирскою стрѣлою въ степяхъ Уфимскихъ; слабый ногами, но твердый душою, ходившій на клюкахъ, но сильно матавшій ими, когда надлежало тебѣ представить живо или ударъ твоего эскадрона, или омерзенеіе свое къ безчестному дѣлу какого-нибудь недостойнаго дворянина нашего уѣзда. Гляжу и на важную осанку твою, бывшій воеводскій товарищъ Прямодушинъ, и на ораный носъ твой, за который не могъ водить тебя секретарь провинціи, ибо совѣтъ умѣе ключотворства; вижу, какъ ты, разказывая о Бирокѣ и тайной канцеляріи, опираешься на длинную трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, которую подарилъ тебѣ фельдмаршалъ Минихъ.... вижу всѣхъ васъ, достойные матадоры провинціи.“

Всякій замѣтитъ въ приведенныхъ строкахъ добрую долю идеализаціи; но это тоже важная черта для психическаго изученія Карамзина. Молодость не обладаетъ трезвостію воображенія и выраженія; она идеализируетъ въ ту или другую сторону; поэтому преувеличеніе, въ которое впадаетъ Карамзинъ въ приведенномъ отрывкѣ, служитъ новымъ доказательствомъ, какъ много любви и снисхожденія носилъ Карамзинъ съ своимъ сердцѣмъ,—черта тѣмъ болѣе замѣчательная, что въ послѣдствіи мы нерѣдко услышимъ изъ устъ его слова строгаго и даже рѣзкаго порицанія.

Сообщительность, искренность, живость ощущеній, рвущихся наружу, были основаніемъ характера Карамзина и независимо отъ привлекательныхъ качествъ его ума и отъ литературной славы, привлекали къ нему людей и окружали его друзьями. Еще въ ранней молодости Карамзинъ имѣлъ многихъ друзей, изъ коихъ съ нѣкоторыми (съ Петровымъ и Дмитриевымъ) онъ оставался въ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ, пока смерть ихъ не разлучила. Нѣкоторые изъ нихъ остались не безъ вліянія на его умственное и нравственное развитіе. Замѣтимъ однакожъ, что весьма ошибся

бы тотъ, кто, вида въ Карамзинѣ-юношѣ доврчивую и открытую впечатлѣніямъ душу, вообразилъ бы, что онъ легко поддавался чужому вліянію. Напротивъ, можно сказать утвердительно, что Карамзинъ сближался лишь съ тѣми, съ которыми сближала его общность стремленій и вкусовъ, и сближался на столько, на сколько оказывалось общности вкусовъ и стремленій между нимъ и этими людьми. Это видно ясно изъ отношеній его къ знаменитому въ свое время Дружескому Обществу, о которыхъ надо сказать нѣсколько подробнѣе.

Первоначальное образованіе Карамзина ограничилось пребываніемъ въ пансіонѣ Шадева (въ Москвѣ) и посѣщеніемъ „разныхъ классовъ Московскаго университета,“ какъ свидѣтельствуемъ г. Погодинъ. Весь этотъ необширный кругъ образованія окончился для Карамзина въ 1782 или 1783 году, слѣдовательно, когда ему было 16 или 17 лѣтъ. Въ 1783 году онъ ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ числился въ Преображенскомъ полку, но въ концѣ того же года, получивъ извѣстіе о смерти отца, онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Симбирокъ, чтобъ устроить свои дѣла по имѣнію, въ которомъ, какъ замѣчаетъ Дмитріевъ, онъ игралъ роль „надежнаго на себя свѣтскаго человѣка“, и здѣсь слегка занимался литературой; осенью 1784 года онъ пріѣхалъ въ Москву и былъ представленъ И. П. Тургеневымъ главѣ и основателю Дружескаго Общества, Новикову. „Здѣсь - то, пишетъ Дмитріевъ, онъ имѣлъ случай обращаться въ кругу людей степенныхъ, соединенныхъ дружбою и просвѣщеніемъ.“ Новиковъ, извѣстный еще въ первую половину царствованія Екатерины какъ писатель и журналистъ, составитель *Древней Россійской Виллюетки* и *Слованъ Россійскихъ Писателей*, переселясь изъ Петербурга въ Москву, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, сгруппировалъ вокругъ себя нѣсколькихъ ревнителей отечественнаго просвѣщенія, и съ помощію какъ собственныхъ, такъ и ихъ средствъ, далъ довольно сильное движеніе дѣятельности авторской, издательской и педагогической. Проникнутые однимъ духомъ и стремясь къ одной цѣли, всѣ эти люди, замѣчаетъ биографъ Новикова, г. Ловгиновъ, представляютъ зрѣлище до тѣхъ поръ у насъ не бывалое: „Въ нихъ виденъ духъ единства, предполагающій одну мысль и цѣль“; а какъ сильно проникались они этою мыслью и этою цѣлью, доказываютъ значитель-

ныя матеріальныя ихъ пожертвованія: иѣкоторые, по слову Новикова, приносили все состояніе свое на общее дѣло. Эти-то люди образовали Дружеское Общество, привлекавшее къ себѣ лучшія умственныя силы Москвы. Къ этому же Обществу обращались и молодые люди, не имѣвшіе ни положенія въ свѣтѣ, ни средствъ для довершенія своего образованія, получали отъ него нужныя для нихъ книги, и хотя скудно, но исправно оплачиваемую работу — по большей части переводы, которые они дѣлали по указаніямъ членовъ Общества.

Въ кругъ этихъ вполнѣ почтенныхъ и благородныхъ людей введенъ былъ въ 1784 году сѣмнадцатилѣтній Карамзинъ и принялъ дѣятельное участіе въ литературныхъ его трудахъ,—разумѣется въ качествѣ мелкаго адента, какъ переводчикъ піесъ, признаваемыхъ полезными для распространенія въ Россіи. Подобнаго рода занятія, соединенныя съ упорнымъ трудомъ, приносятъ, конечно, несомнѣнную пользу; весьма полезно было, безъ сомнѣнія, для молодого Карамзина и пребываніе въ кругу благородныхъ, глубоко убѣжденныхъ и горячо преданныхъ своему дѣлу людей; но позволительно сомнѣваться, чтобы Дружеское Общество было, какъ говоритъ г. Погодинъ, „университетскимъ курсомъ Карамзина“. Новиковъ и его друзья имѣли цѣлю, кромѣ распространенія просвѣщенія, противоудѣствовать повсюду усиливавшемуся вольтеріанизму, а это привело ихъ къ противоположной крайности—къ мистицизму, подобно какъ и многихъ знаменитыхъ ихъ современниковъ въ западной Европѣ. Если не всѣ члены Дружескаго Общества, то большая ихъ часть были масонами, а одинъ изъ самыхъ видныхъ между ними, профессоръ Шварцъ, умершій за нѣсколько мѣсяцевъ передъ прибытіемъ Карамзина въ Москву, внесъ въ Общество сильный отбѣнокъ мартинизма. Такимъ образомъ, исходная точка Общества и направленіе, данное ему Новиковымъ, были превосходны; но то, что привилось къ нему въ послѣдствіи, далеко не заслуживаетъ безусловной похвалы. Начавъ почтеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ противоудѣствиемъ безвѣрію, это Общество въ послѣдствіи вдалось въ упрямое и одностороннее отрицаніе духа времени и требованій разума. Оно съ теченіемъ времени приняло характеръ секты; сочиненія, которыя оно переводило для русской публики, были вообще темны, туманны, односторонни и скучны.

Таковы между прочимъ и тѣ, которыя, по порученію Общества, принужденъ былъ переводить Карамзинъ. Его живая, воспріимчивая натура, его ясный и здравый умъ должны были изъ чуждаться; воображеніе его требовало пластичныхъ образовъ, уму его были нужны истинныя явныя и твердо поставленныя, его сердце, какъ мы видѣли, было полно любовью къ Творцу, но искали Его не въ мистическихъ сочетаніяхъ помысловъ, а въ ясныхъ образахъ видимой природы и въ проявленіяхъ Его промысла надъ человекомъ. Карамзинъ не устранился вовсе отъ людей, которыхъ не могъ не уважать, и продолжалъ работать по ихъ указаніямъ, но чуждаясь ихъ туманной метафизики и назидательныхъ ихъ масонскіе обряды, онъ устроилъ для себя другую, болѣе сочувственную сферу дѣятельности, въ которой свободно и съ истиннымъ увлеченіемъ работали его умъ, сердце и воображеніе. Эта сфера состояла изъ маленькаго числа людей близкихъ ему по возрасту и еще болѣе по вкусамъ и стремленіямъ.

Первымъ изъ нихъ надо назвать И. И. Дмитріева, который, будучи старше Карамзина шестью годами, увлекалъ его на литературную дѣятельность собственнымъ примѣромъ и, кажется, руководилъ своими совѣтами. Въ 1783 году, сдѣловательно еще до обличенія Карамзина съ московскими масонами и мартинистами, во время кратковременнаго пребыванія своего въ Петербургѣ, онъ дружески сошелся съ своимъ самбирскимъ землякомъ: „Склонность наша къ словесности, говоритъ этотъ послѣдній, можетъ-быть что-то сходное и въ нравственныхъ качествахъ, укрѣпляли нашу связь день отъ дня болѣе: мы давали взаимный отчетъ въ нашемъ чтеніи. Между тѣмъ я показывалъ ему иногда мелкіе мои переводы, которые были печатаны особо и въ тогдашнихъ журналахъ; слѣдуя моему примѣру, онъ принялся и самъ за переводы.“ Вскорѣ потомъ встрѣтившись въ Самбирскѣ, эти два молодые пріятели „геройски отражали сонъ ночью, читая Юнга въ ожиданіи солнца.“ Но Дмитріевъ служилъ въ Петербургѣ; сношенія его съ Карамзинымъ происходили сдѣловательно главнѣйше при посредствѣ почты, а вотому онъ не могъ имѣть на его развитіе такого вліянія какъ тѣ, съ которыми Карамзину удалось сблизиться въ Москвѣ. Этими короткихъ пріятелей онъ нашелъ между молодыми адептами и сотрудниками Дружескаго Общества; одинъ изъ

никъ, Петровъ, „оцѣлался задшественнымъ его другомъ и, по собственному его свидѣтельству, руководителемъ. „Одинакіе вкусы могутъ быть и въ различныхъ свойствахъ души, писалъ Карамзинъ; Агатовъ (Петровъ) и я любилъ одне, но любилъ различнымъ образомъ. Гдѣ онъ одобрялъ съ покойною улыбкою, тамъ я восхищался; огненной пылкости моею противопоставлялъ онъ холодную свою разсудительность; я былъ мечтатель, онъ дѣятельный философъ.“ — „Свѣтъ былъ тогда чужимъ и мнѣ и ему: ему еще болѣе нежели мнѣ; но мы любили книги и не думали о свѣтѣ; имѣли немного, немногимъ были довольны, и не чувствовали недостатка. Прелести разума, прелести душевная, казались намъ всего любезнѣе — ими пѣвнялись мы, ими въ твореніяхъ великихъ умовъ наслаждались, и нерѣдко за Оссианомъ, Шекспиромъ, Боннетомъ, просиживали половину зимнихъ ночей. Часто духъ нашъ на крыльяхъ воображенія облеталъ небесныя пространства, гдѣ Оріонъ и Сиріусъ въ златыхъ вѣнцахъ сіяютъ; тамъ искали мы нѣжныхъ друзей своему сердцу, и часто заря утрення красила восточное небо, когда я разставался съ Агатовомъ и возвращался домой съ покойною душою, съ новыми знаніями или съ новыми идеями.“

Въ обществѣ Петрова, въ безпрестанномъ чтеніи и размышленіи, началось и развилось гораздо болѣе, какъ мнѣ кажется, нежели послѣ вліяніемъ Дружескаго Общества, серьезное, самостоятельное и своеобразное воспитаніе Карамзина. Здѣсь, въ маленькой квартиркѣ на Чистыхъ Прудахъ, раздѣленной, по словамъ Дмитріева, тремя перегородками, и украшенной лишь изображеніемъ Спасителя, да гипсовымъ бюстомъ Шварца, предпріяты были Карамзиннымъ первыя его серьезныя работы: переведенъ *Юлій Цезарь* Шекспира и *Эмилія Галотти* Лессинга. Здѣсь же, со всѣмъ жаромъ юности, онъ предавался разрѣшенію высшихъ вопросовъ науки, искусства и философіи. Молодые умы Карамзина и Петрова еще были не въ состояніи разрѣшить этихъ высокихъ вопросовъ. Мысль о томъ: „что я есть и что я буду“, много лѣтъ тревожила Карамзина; онъ обращался за ея объясненіемъ къ нѣкоторымъ изъ европейскихъ знаменитостей, съ которыми познакомился за границей, — къ Виланду, Гердеру, Бонне, Канту. Очевидно, объясненіе, которое могло предложить на подобныя запросы Дружеское Общество, не удовлетворяло пытливаго юношу. Но это постоянное

напряженіе его мысли, это серьезное изученіе великихъ писателей, новыхъ и древнихъ, эта упорная работа надъ греческимъ и англійскимъ языкомъ, которые изучать началъ Карамзинъ во время пребыванія въ Москвѣ, быстро развернули умственные его силы. Послѣ полтора или двухъ лѣтъ разлуки, Дмитріевъ не узналъ его. „Послѣ свиданія нашего въ Симбирскѣ, говоритъ онъ, какую перемену я нашелъ въ милomъ моемъ пріятелѣ! Это былъ уже не тотъ юноша, который читалъ все безъ разбора, плѣвался славою воина, мечталъ быть завоевателемъ чернойбровой, пылкой Черкешенки: но благочестивый ученикъ мудрости съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенствованію въ себѣ чловѣка. Тотъ же веселый нравъ, та же любезность, но между тѣмъ главная мысль, первыя желанія его стремились къ высокой цѣли. Тогда я почувствовалъ передъ нимъ всю мою незначительность, и удивлялся, за чтѣ онъ любитъ меня еще попрежнему“.

II.

Съ пріобрѣтеннымъ такимъ образомъ запасомъ знаній и съ достаточно развитою силою мысли, Карамзинъ отправился весной 1789 году за границу, посѣтилъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію, и осенью слѣдующаго года возвратился въ Россію. Мы уже видѣли, какъ подѣйствовало на него зрѣлище новой и прекрасной природы; посмотримъ, какія мысли и наблюденія онъ сдѣлалъ надъ чловѣкомъ, какъ гражданиномъ, и надъ новыми для него общественными и политическими формами.

Къ сожалѣнію, для подобныхъ наблюденій Карамзинъ не имѣлъ въ то время достаточной подготовки. Между множествомъ авторовъ прочтенныхъ имъ какъ въ Москвѣ, такъ и Симбирскѣ, мы не замѣчаемъ ни юристовъ, ни экономистовъ, ни политическихъ мыслителей, ни даже первоклассныхъ писателей по части чисто-исторической; едва ли ему знакомы были тогда даже знаменитые Вико и Монтескье, равно какъ и Гиббонъ, капитальное сочиненіе котораго о паденіи Римской имперіи, оконченное въ 1787 году, открывало совершенно новые пути для исторической науки. Карамзинъ еще не помышлялъ въ то время сдѣлаться историкомъ. Нельзя не

замѣтить также, что политическая и гражданская сторона общества не обращала на себя особеннаго его вниманія. Выѣхавъ изъ Петербурга въ то время, когда во Франціи совершались преобразованія, приковывавшія вниманіе всѣхъ политиковъ Европы, онъ не торопится въ Парижъ и отдаетъ цѣлый годъ посвященію германскихъ университетовъ, бесѣдамъ съ учеными литераторами о предметахъ высокихъ и отвлеченныхъ, и наслаждается „въ объятіяхъ натуры“. Въ самомъ Парижѣ, академія привлекаетъ его вниманіе больше чѣмъ зала засѣданій учредительнаго собранія или клубы, гдѣ вырабатывалась будущая исторія Франціи. Мы не замѣчаемъ даже, чтобы парламентъ и вообще государственное устройство Англіи были предметомъ особенныхъ наблюденій Карамзина. Скажутъ, можетъ-быть, что если Карамзинъ и посѣщалъ политическія собранія Парижа и Лондона, если и дѣлалъ наблюденія надъ устройствомъ, которое создавалось во Франціи, то обо всемъ этомъ неудобно было печатать въ *Письмахъ русскаго путешественника*. Правда; но неужели ни одному изъ многочисленныхъ своихъ друзей Карамзинъ не сообщилъ бы объ этомъ и неужели такая важная черта въ его жизни могла пропасть совершенно безслѣдно для его не слишкомъ отдаленнаго потомства? Впрочемъ, не вступая въ область предположеній, посмотримъ, какія политическія убѣжденія, или, по крайней мѣрѣ, впечатлѣнія извлекъ онъ изъ зрѣлища тѣхъ событій, которыя имѣлъ возможность наблюдать. „Не думайте, пишетъ онъ по прибытіи своемъ въ Парижъ, не думайте однакожъ, чтобы вся нація участвовала въ трагедіи, которая игралась во Франціи. Едва ли сотая часть дѣйствуетъ; всѣ другіе смотрятъ, судятъ, спорятъ, плачутъ или смѣются, бьютъ въ ладоши или освистываютъ, какъ въ театрѣ. Тѣ, которымъ потерять нечего, дерзки какъ хищные волки; тѣ, которые всего могутъ лишиться, робки какъ зайцы; одни хотятъ все отнять, другіе хотятъ спасти что-нибудь; оборонительная война съ наглымъ непріятелемъ рѣдко бываетъ счастлива. Исторія не кончилась; но по сіе время французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона.“ Таковъ первый, быстрый и совершенно вѣрный взглядъ Карамзина на положеніе Франціи въ 1790 году. Оно вызываетъ въ немъ слѣдующія размышленія: „Всякое гражданское общество, вѣками утверждаемое, есть святая

для добрыхъ гражданъ, и въ самомъ несовершеннѣйшемъ надобно удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку.“ — „Всякія насильственныя потрясенія губельны, и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ. Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть Провидѣнія; оно конечно имѣетъ свой планъ; въ его рукѣ сердца государей, и доволно. Легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякой переменѣ и живутъ тихо. Французская монархія производила великихъ государей, великихъ министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ; подъ ея мирною сѣнью возрастала наука и художества; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей, бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ; богатый наслаждался своимъ избыткомъ.... Но дерзкіе подняли взоры на священное древо, говоря: мы лучше сдѣлаемъ....“ Этому образу мыслей, замѣчаетъ г. Погодинъ, Карамзинъ остался вѣрнѣе до гроба. Дѣйствительно, не говоря о познѣйшемъ времени, когда лѣта, заодно съ различными вліяніями, развили въ Карамзинѣ консерватизмъ, изъ сочиненій писанныхъ имъ вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы и изъ частныхъ его писемъ видно, что юношескія его убѣжденія были сильно поколеблены тѣми неистовствами, которыя въ это самое время совершалъ „самый образованный и самый любезный народъ въ мірѣ“. „Новыя ужасныя происшествія въ Европѣ, говоритъ онъ устами одного изъ своихъ героевъ, разрушили всю прежнюю утѣшительную систему твою, разрушили и повергнули тебя въ море неизвѣстности и недоумѣній: мучительное состояніе для умовъ дѣятельныхъ!“ И вотъ отвѣтъ, который Карамзинъ извлекаетъ очевидно изъ своей же души, изъ своей же философіи. „Неужели, видя Бога въ естественномъ мірѣ, видя руку Его въ теченіи планетъ, въ порядкахъ солнечныхъ, въ переменѣ годовыхъ временъ и во всѣхъ физическихъ явленіяхъ нашей земной обители, будемъ мы отрицать Его содѣйствіе въ одномъ нравственномъ мірѣ, который, по существу своему долженъ быть, если смѣю сказать, ближе перваго къ сердцу Великаго Божества? Соглашаюсь, что порядокъ нравственный не столь ясенъ для насъ, какъ порядокъ физическій; но сіе затрудненіе не происходитъ ли отъ слабости нашего разума?“ — „Можетъ-быть, то, что кажется смертному великимъ неустройствомъ, есть чудесное согласіе для

ангеловъ; можетъ-быть то, что кажется намъ разрушеніемъ, есть для ихъ небесныхъ очей новое, совершеннѣйшее бытіе. Сія мысль ведутъ меня ко святилищу божественной премудрости, густымъ мракомъ окруженному; духъ мой, бремя плотію одѣянный, не можетъ проникнуть въ оное: упадаю во прахъ своего ничтожества, и въ младенческомъ сердцѣ обожаю Всетворящаго.“—„Не будемъ требовать отъ вѣчной премудрости отчета въ темныхъ путяхъ ея; не будемъ требовать того для собственнаго нашего спокойствія!“—„Сія драгоценная вѣра можетъ чудеснымъ образомъ успокоить доброе сердце, возмущенное страшными феноменами на театрѣ міра. Вкуси сладость ея, мой любезный другъ, и лучъ утѣшенія кротко озаритъ мракъ души твоей. Горе той философіи, которая все рѣшить хочетъ! Теряясь въ лабиринтѣ неизяснимыхъ затрудненій, она можетъ довести насъ до отчаянія, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ естественно добрѣе сердце наше.“

Такова была философія, которую въ письмѣ *Филалета* къ *Милодору* Карамзинъ проповѣдывалъ относительно дѣла живаго міра. Не такъ смотрѣлъ на вещи человѣкъ мѣтѣ развитый, можетъ-быть, чѣмъ Карамзинъ, но болѣе его принимавшій непосредственное участіе въ дѣлахъ человеческихъ, Новиковъ. Будучи выпущенъ изъ крѣпости, гдѣ содержался за свои „мистическія бредни“, онъ написалъ Карамзину: „Молодой Филалетъ съ стоическою холодностію философствуетъ, а философія холодная мнѣ не нравится; истинная философія, кажется мнѣ, должна быть огненною, ибо она небснаго происхожденія.“ Дѣйствительно, философія Карамзина была въ это время слишкомъ отвлеченна и едва ли не черезчуръ уже примирительна, хотя и проникнута тѣмъ тоскливымъ чувствомъ, которое нерѣдко замѣчается и въ самыхъ раннихъ его произведеніяхъ. Въ послѣдствіи, духъ его пріобрѣлъ болѣе мужества, и зло вызывало въ немъ болѣе негодованія; нельзя не замѣтить однакожь, что это негодованіе никогда не переходило за извѣстные предѣлы. Даже личныя непріятности и несчастія, которыя приходилось ему испытывать, были переносимы имъ съ замѣчательною покорностію. Эти непріятности ему пришлось испытать очень скоро послѣ возвращенія въ отечество. Незирая на то что его отношенія къ Дружескому Обществу никогда не были особенно коротки и что, по возвращеніи Карамзина изъ-за границы, они едва

ли не прекратились вовсе, разгромъ, которому подверглось Общество, не вполнѣ миновалъ и его. При сѣдствіи, которое было произведено надъ Новиковымъ и его друзьями, произнесено было имя Карамзина и это, безъ сомнѣнія, какъ замѣчаетъ г. Погодинъ, было причиною, что императрица Екатерина не оказала ни малѣйшаго знака вниманія къ его литературному таланту; напротивъ, многія мѣста изъ писемъ Карамзина того времени доказываютъ, что правительство смотрѣло на него неблагосклонно. Чтò же дѣлаетъ онъ? Жалуется, но не раздражается; ослабляетъ свою литературную дѣятельность и отдаетъ часть своего времени свѣтскимъ развлеченіямъ. Но вотъ наступаетъ новое царствованіе. Подобно многимъ, Карамзинъ предается надеждѣ, что оно будетъ свѣтлою эрой правосудія, милости, просвѣщенія, и выражаетъ эту надежду въ одѣ, которою привѣтствуетъ новое царствованіе. Дѣйствительность скоро доказала, что недовольные послѣдними годами Екатеринина царствованія напрасно радовались происшедшимъ переменамъ. Тѣ изъ этихъ переменъ, которыя коснулись непосредственно Карамзина, не оправдали его надеждъ. „Голова моя, писалъ онъ къ Дмитріеву, все какъ-то несвободна: то заботы, то неудовольствія.“ — „Цензура какъ черный медвѣдь стоитъ на дорогѣ; къ самымъ бездѣлицамъ придирается. Я, кажется, и самъ могу знать чтò полезно и чтò не должно позволять. Досадно, когда въ безгрѣшномъ находятъ грѣшное.“ — „Я, какъ авторъ, могу исчезнуть заживо. Здѣшніе цензоры при новой эдиціи *Аениды* поставили x (крестъ) на моемъ посланіи къ женщинамъ. Такая участь ожидаетъ и *Аглаю*, и *Мои бездѣлки*, и *Письма русскаго путешественника*, то-есть, вѣроятно, что цензоры, при новыхъ изданіяхъ, захотятъ вымарывать и поправлять, а я лучше все брошу нежели соглашусь на такую гнусную операцію...“ Вотъ и всѣ жалобы Карамзина! А между тѣмъ дѣло шло для него о томъ, чтобы „авторски погнѣнуть“ такому человѣку, который съ большимъ правомъ чѣмъ А. Шенье могъ сказать про свою голову: „Il y avait là pourtant quelque chose!“

Но поищемъ въ болѣе глубокихъ тайникахъ сердца Карамзина. Онъ не былъ нечувствителенъ ни къ женской красотѣ, ни къ женской любви. Онъ много и часто говаривалъ о красотѣ и любви какъ прозой, такъ и стихами, но слишкомъ сильныхъ звуковъ страсти мы нигдѣ не находимъ. Изъ

переписки его съ Дмитріевымъ мы видимъ, что многія изъ московскихъ красавицъ того времени привлекали его сердце, и что Дафны и Аглая, которыхъ онъ воспѣвалъ, были живыя существа; но эта же переписка доказываетъ, что любовь не производила глубокихъ переворотовъ въ его сердцѣ. Въ 1797 году Карамзинъ имѣлъ какую-то сердечную привязанность, по поводу которой онъ пишетъ Дмитріеву: „Чрезмѣрно беспокоюсь, мой другъ, о другомъ человѣкѣ. Она выѣхала изъ Москвы больная, увѣривъ меня самымъ нѣжнымъ, самымъ трогательнымъ образомъ въ любви своей. Не знаю, что съ нею дѣлается! Жива ли, здорова ли она! Писать? но можетъ-быть ей не отгадаютъ письма моего.“—„Клянусь Богомъ, что готовъ отказаться отъ любви ея, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ она была жива, здорова и счастлива!“ Такое заключеніе едва ли можно назвать доказательствомъ страстной любви. А вотъ и другое мѣсто, относящееся вѣроятно къ той же особѣ: „Милая и несчастная вѣтреница скатилась съ моего сердечнаго горизонта безъ грозы и бури. Осталось одно нѣжное воспоминаніе, какъ тихая заря вечерняя.“ Немного сожалѣнія, но еще менѣе горечи! Напротивъ, объ этой „милой вѣтреницѣ“ Карамзинъ сохранилъ доброе, сочувственное воспоминаніе; только природное его расположеніе къ грусти еще усилится. Въ этомъ настроеніи написано имъ слѣдующее трогательное четверостишіе:

Богъ далъ мнѣ свѣтъ ума: я истины искалъ,
И видѣлъ ложь вездѣ: свѣтлякикъ погашаю;
Богъ далъ мнѣ сердце: я страдалъ
И Богу сердце возвращаю.

Очевидно, сердце Карамзина создано было не для пылкихъ порывовъ, не для клокотанія страстей, но для тихой и постоянной привязанности. Дружба занимала въ немъ гораздо болѣе мѣста чѣмъ любовь. И дѣйствительно, смерть Петрова сдѣлала на Карамзина несравненно болѣе глубокое впечатлѣніе нежели измѣна „милой вѣтреницы“; привязанность его къ Дмитріеву продолжалась непрерывно сорокъ лѣтъ и кончилась съ его смертію. То же можно сказать о привязанности его къ семейству Плещеевыхъ. Дружба Карамзина къ г-жѣ Плещеевой исполнена такой нѣжности, что ей хочется дать другое названіе. Но тотъ же отбѣнокъ нѣжности замѣчается и въ письмахъ

его къ Дмитріеву. „Я какъ ребенокъ, — пишетъ онъ однажды, благодаря за ласковое письмо, — люблю чтобы меня ласкали друзья мои.“ Это писано Карамзинымъ, когда ему было уже 31 годъ. Самая женитьба Карамзина имѣетъ отчасти характеръ дружественной связи. Онъ былъ женатъ два раза. Первую жену свою онъ началъ звать еще дѣвочкой 13-ти лѣтъ, прежде чѣмъ соединился съ нею бракомъ, и многіе читатели біографіи Карамзина, вѣроятно, съ недоумѣніемъ прочтутъ въ ней то письмо, которымъ онъ извѣщаетъ брата о своей женитьбѣ: такъ оно спокойно. Проходитъ однакожь немного времени, и искренняя привязанность къ женѣ овладѣваетъ его сердцемъ. „Я совершенно доволенъ своимъ состояніемъ, пишетъ онъ брату по истеченіи медоваго мѣсяца и благодарю судьбу. Моя Лизанька очень мила, и еслибы вы узнали ее лично, то конечно полюбили бы.“ — „Я работаю, сижу дома и оставилъ почти всѣ свои знакомства, будучи веселъ и счастливъ дома.“ Но вскорѣ г-жа Карамзина занемогла, и болѣзнь ея сдѣлалась опасною. „Пять дней я какъ сумашедшій, пишетъ Карамзинъ, тоскую и плачу, и еще долженъ скрывать отъ нея мою тоску... Однимъ словомъ, я никогда въ жизни не былъ такъ несчастливъ какъ нынче. любя мою Лизоньку во сто разъ болѣе самого себя... Пожалуйте о вашемъ бѣдномъ братѣ, который не многого проситъ у судьбы для своего счастья, и у котораго она грозитъ отнять все утѣшеніе въ свѣтѣ! Простите, милый братъ. У меня теперь только одна мысль и одно чувство“.... Во все время болѣзни жены своей Карамзинъ имѣлъ срочныя работы, которыя доставляли главнѣйшія средства къ существованію ему и его семейству. Онъ безпрестанно отрывался отъ нихъ, чтобы взглянуть на умирающую жену и снова оставялъ ее, чтобы написать нѣсколько строкъ... Она скончалась, родивъ дочь. Смерть ея послѣдовала на дачѣ, гдѣ она съ мужемъ проводила лѣто, и вотъ какъ современники описываютъ Карамзина во время обряда погребенія: „Съ блѣднымъ лицомъ и открытою головою шелъ Карамзинъ около пятнадцати верстъ подлѣ печальной колесницы, положила руку на гробъ; самъ опускалъ его въ могилу; бросилъ первую горсть земли. Друзья подошли къ нему, предлагая ему мѣсто въ каретѣ. „Оставьте, отвѣчалъ Карамзинъ; приходите завтра.“ Слезы изсыпали у бѣднаго мужа: онъ ихъ не находить въ своемъ сокрушенномъ сердцѣ

и не чувствуетъ физическаго изнеможенія. Трогательная, торжественная, горестъ, напоминающая Гизо, читающаго Библию умирающей женѣ своей! У Карамзина осталась малютка дочь, на которую онъ изливаетъ всю теплоту своей души, а между тѣмъ и работа, неумолимая работа не даетъ ему забытья: „Снова, пишетъ онъ, принимаюсь за работу, которая нужна для Сонюшки, если Богъ и ея не отниметъ у меня. Но прежде работа была мнѣ удовольствіемъ, а теперь быть можетъ только однимъ минутнымъ разсѣяніемъ. Все для меня исчезло, любезный братъ; въ предметъ остается одна могила. Стану заниматься трудами сколько могу: Лизанька того хотѣла.“ — „Сонюшку люблю безъ памяти, пишетъ Карамзинъ своему брату недѣлю спустя, — но эта любовь для меня теперь не радость, а страхъ; не смѣю и думать, чтобъ я имѣлъ утѣшеніе видѣть ея большую.“ — „Теперь она, слава Богу, здорова. Боюсь того времени, какъ у ней пойдутъ зубки.“

III.

Тридцати лѣтъ отъ роду, Карамзинъ пользовался такою извѣстностію и популярностію, какой не имѣлъ передъ тѣмъ никто изъ русскихъ авторовъ. Ветеранъ нашей литературы, О. Н. Глинка, свидѣтельствуетъ какое впечатлѣніе производили въ глухихъ закоулкахъ Россіи первыя сочиненія Карамзина, изданныя вскорѣ по возвращеніи его изъ-за границы. „У насъ въ Духовщинѣ, говоритъ онъ, почти ничего не читали,—вдругъ появились у насъ въ домѣ *Мои бездѣлки*. Намъ прислали эту книгу изъ Москвы, и какъ описать впечатлѣніе произведенное ею? Всѣ бросились къ книгѣ и погрузились въ нее: читали, читали, перечитывали, и наконецъ вытвердили наизусть. Отъ насъ пошла книга по всему околотку и возвратилась къ намъ уже въ лепесткахъ. Такъ случилось, я думаю, и вездѣ съ первыми опытами Карамзина.“ — „Кадеты, въ рекреационныя часы и въ классахъ, заслонясь лавкою, читали и вытверживали наизусть музыкальную прозу и стихи, такъ легко укладывавшіяся въ памяти. Смѣло могу сказать, что изъ 1200 кадетъ, рѣдкій не повторялъ наизусть какой-нибудь страницы изъ *Острова*

Борнгольма. И это уваженіе, эта любовь къ Карамзину доходила до того, что во многихъ кадетскихъ кружкахъ любимымъ разговоромъ и лучшимъ желаніемъ было: какъ бы пойти пѣшкомъ въ Москву поклониться Карамзину!⁴

Такъ шевелили сердца нашихъ дѣдовъ повѣсти и стихи Карамзина. А между тѣмъ всякій согласится, что ни повѣсти и философскія статьи, ни элегіи и стансы не составляютъ основанія его славы. Карамзинъ не былъ рожденъ повтомъ; у него нѣтъ ни той фантазіи, которая облакаетъ идею въ образы, ни той живости ощущеній и той страстности, которая есть источникъ поэзіи:

Надо сильно бурѣ
Море взволновать,
Чтобъ око въ борельи
Выбросило пераъ;
Надо сильно чувству
Душу потрасти,
Чтобъ оми въ восторгѣ
Выразили мысль.

Восторговъ мы не замѣчаемъ въ Карамзинѣ, и *бурѣ* не испытало его сердце: мы видѣли его молодость, не чуждую увлеченій, но которыя никогда однакожь не помрачали разсудка. Мы не замѣчаемъ въ немъ и той наблюдательности въ отношеніи мелкихъ движеній жизни, которыя составили основаніе репутаціи многихъ романистовъ....

Все это, повидимому, чувствовалъ самъ Карамзинъ и сталъ пріискивать такой кругъ литературной дѣятельности, который бы болѣе согласовался со свойствами его таланта. Живя въ Москвѣ, онъ волею-неволею долженъ былъ встрѣтиться съ интересами болѣе практическими и осязательными чѣмъ безусловное искусство и философскія теоріи. У него самого оказались такіе интересы, которые привязывали его къ дѣйствительности. Во время первой своей молодости, когда вопросы науки и искусства поглощали всю его душу, онъ былъ, можно сказать, гражданиномъ вселенной, и вопросы общечеловѣческіе гораздо болѣе занимали его нежели вопросы касавшіеся Россіи. „Все народное ничто передъ челоуѣческимъ, читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ изъ Парижа. Главное дѣло быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ.“

Воспоминаніе о далекой родинѣ нерѣдко посѣщаетъ Карамзина и въ Швейцаріи, и во Франціи, но эти воспомина- нія навѣваетъ ему какой-нибудь напѣвъ, въ которомъ слы- шится нѣсколько нотъ русской пѣсни, чувство своего оди- чества на чужбинѣ и т. п. Совѣтъ другаго рода отноше- нія между Карамзинымъ и его отечествомъ устанавливают- ся въ Москвѣ, гдѣ, повторяю, онъ очутился лицомъ къ лицу съ интересами болѣе осязательными. Успѣхъ, который имѣ- ли его сочиненія, критики, которымъ они подвергались, при- дирки цензуры и поклоненіе молодыхъ писателей, — словомъ, живое участіе въ живомъ дѣлѣ оказало свое обыкновенное дѣйствіе на Карамзина. Онъ заинтересовался своимъ поло- женіемъ русскаго литератора, — но еще не гражданина. Пись- ма его къ Дмитріеву, относящіяся къ этому времени, можно сказать, исчерпываютъ крупныя и мелкія вопросы текущей русской литературы, но остаются еще совершенно чуждыми вопросамъ социальнымъ и государственнымъ. Однако и въ это время въ его душѣ уже звучитъ мысль:

Мы не Греки и не Римляне,
Намъ другія сказки надобны, —

и онъ пишетъ *Илью Муромца* и *Марю Посадницу*. Правда, *Илья* сынъ Ивановичъ, и *Марья* Борецкая, и князь *Холм- скій* мало похожи на своихъ соименниковъ, какими они из- ображены въ сказкахъ и лѣтописяхъ; но мы видимъ, къ ка- кимъ предметамъ начинаетъ въ это время (1803) обращать- ся мысль Карамзина. Даже еще ранѣе, именно съ 1796 года, его начинаютъ занимать, кромѣ художественныхъ и фило- софскихъ, еще и социальныя вопросы. Стихотвореніе на вос- шествіе на престолъ императора Павла заключаетъ въ себѣ уже чисто гражданскіе мотивы. Около этого же времени ему приходитъ мысль написать похвальное слово Петру I и Ломо- носову. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Дмитріеву въ 1799 году онъ пишетъ, что купилъ нѣсколько историческихъ со- чиненій; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ уже зачитывался *Несторомъ*; проводя лѣто въ Кузцовѣ, онъ любитъ, какъ и прежде, живописнымъ его мѣстоположеніемъ; но говоря о немъ въ одномъ изъ дружескихъ писемъ своихъ, онъ ка- сается и исторіи этого стариннаго Нарышкинскаго имѣнія. Видно, что мысль Карамзина ищетъ новыхъ задачъ, что

силы его просить новаго рода дѣятельности. Онъ рѣшается сдѣлаться публицистомъ. *Вѣстникъ Европы*, обозначающій новый фазисъ въ духовномъ развитіи Карамзина, открываетъ собою и новую сторону литературнаго движенія въ Россіи; въ этомъ журналѣ напечатаны первыя живыя и общедоступныя историческія статьи по русской исторіи и первыя въ Россіи журнальныя статьи по иностранной политикѣ. Къ этому же времени относится и *Историческое похвальное слово Екатерины II* (1808), которое мы можемъ во многихъ отношеніяхъ почитать политическою исповѣдью Карамзина, тѣмъ болѣе, что о царствованіи этой государыни мысли его мало измѣнились въ послѣдствіи, хотя о ея личности онъ отзывался нѣсколько лѣтъ спустя довольно строго.

Начальныя слова этого знаменитаго *Похвальнаго слова* у многихъ, вѣроятно, не вышли еще изъ памяти. „Сограждане,—такъ начинается Карамзинъ,—дерзаю говорить о Екатеринѣ,—и величіе предмета изумляетъ меня...“ На какія же стороны этого величія Карамзинъ обратитъ особенное вниманіе? Выставить ли онъ со всею силою своего краснорѣчія блескъ Екатеринина двора, громкія ея побѣды? Конечно, онъ дастъ и тому и другому широкое мѣсто; онъ съ гордостью укажетъ на то высокое положеніе, которое было доставлено Россіи этими побѣдами; но вниманіе его остановится съ еще болѣшимъ сочувствіемъ на мѣрахъ государыни къ устройству внутренняго благосостоянія Богомъ вѣренной ей страны. Самыя одушевленныя страницы *Похвальнаго слова* посвящены разсмотрѣнію *Наказа*, какъ выраженія правительственныхъ видовъ государыни и отношеній царя къ своимъ подданнымъ. „Она уважаетъ, замѣчаетъ Карамзинъ, въ подданномъ самъ человѣка, моральнаго существа, созданнаго для счастья въ гражданской жизни.“ — „Екатерина преломила обвитый молніями жезлъ страха, взяла масляную вѣтвь любви, и не только объявила торжественно, что владыки земные должны властвовать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долготѣннымъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину, которая отнынѣ будетъ правиломъ російскаго трона.“ — „Самое высшее искусство монарха состоитъ въ томъ, чтобы знать, въ какихъ случаяхъ должно употреблять власть свою: ибо благополучіе самодержавія есть отчасти кроткое и снисходительное правленіе.

Надобно, чтобы государь только ободрялъ, и чтобы одни законы угрожали. Несчастливо то государство, въ которомъ никто не дерзаетъ представить своего опасенія въ разсужденіи будущаго, не дерзаетъ свободно объявить своего мнѣнія.“ Далѣе, приводя знаменитое изреченіе *Наказа*: „даскатели любятъ увѣрять монарховъ, что народы для нихъ сотворены; однако мы думаемъ, и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа“,—Карамзинъ восклицаетъ: „Сограждане! сердце мое трепещетъ отъ восторга: удивленіе и благодарность производить его. Я лобызая державную руку, которая божественнымъ вдохновеніемъ души начертала сіи священныя строки. Какой монархъ на тронѣ дерзнулъ,—такъ, *дерзнулъ* объявить своему народу, что слава и власть вѣнценосца должны быть подчинены благу народному; что не подданные существуютъ для монарховъ, а монархи для подданныхъ!“—„Монархиня говоритъ, продолжаетъ ораторъ, что истинное оскорбленіе величества есть только злодѣйскій *умыселъ* противъ государя; что не должно наказывать за слова какъ за дѣйствія, кромѣ случая, въ которомъ возмутитель проповѣдуетъ мятежъ и бунтъ, слѣдственно уже *дѣйствуетъ*; что слова всего болѣе подвержены изъясненіямъ и толкамъ, что безразсудная нескромность не есть злоба, что для самаго безумнаго поносителя имени царей должно опредѣлить только исправительное наказаніе, что въ самодержавномъ государствѣ хотя и нетерпимы язвительныя сочиненія, но что ихъ не должно вмѣнять въ преступленіе, ибо излишняя строгость въ разсужденіи сего будетъ угнетеніемъ разума, производить невѣжество, отнимаетъ охоту писать и гаситъ дарованія ума.“

Такова политическая исповѣдь Карамзина. Онъ является въ ней другомъ свободы, но свободы не имѣющей ничего общаго съ своеволіемъ. Въ ранней молодости, Карамзина прельщали республиканскія идеи, а по словамъ Тургенева (*La Russie et les Russes*), онъ даже горячо сочувствовалъ Робеспьеру. Но неистовства французскихъ санюлотовъ изгнѣчили его отъ этого увлеченія, весьма свойственнаго юности; въ періодъ его развитія, который мы теперь разсматриваемъ, равно какъ и въ послѣдствіи, идея гражданской свободы брала въ понятіи Карамзина верхъ надъ идеей свободы политической, а первая можетъ процвѣтать подъ знаменемъ

самодержавія. Онъ весьма ясно выразилъ эту мысль въ слѣдующихъ стихахъ оды на коронацію императора Александра:

Сколь необузданность ужасна,
Столь ты, свобода, намъ мила
И съ пользою царей согласна....

Въ той же одѣ онъ совѣтуетъ царямъ подражать боже-
ству, которое

.....можетъ все, но свято чтить
Его жь премудрости законы.

Эту мысль Карамзинъ развиваетъ въ *Вѣстникѣ*. „Наступившій послѣ революціонныхъ бурь девятнадцатый вѣкъ, говоритъ онъ, долженъ увѣрить народы въ необходимости законнаго повиновенія, а государей въ необходимости благодѣтельнаго, твердаго, но отеческаго правленія.“ Въ другомъ мѣстѣ онъ съ гордостью и сочувствіемъ приводитъ слѣдующія слова изъ предложенія сенату, впрочемъ не русскому, а корфіотскому, сдѣланнаго императоромъ Александромъ чрезъ консула въ Корфу: „Мнѣніе, что народы, для спокойствія и безопасности правителей, должны пресмыкаться во тьмѣ невѣжества, есть ложное и для человѣчества оскорбительное мнѣніе.“

Всѣ приведенныя здѣсь мысли Карамзина довольно ясно обрисовываютъ его политическія убѣжденія въ описываемую эпоху; но нельзя не замѣтить, что онѣ заключаются въ однихъ общихъ началахъ, безъ дальнѣйшаго развитія и примѣненія. Что правители должны свято сохранять издаваемые ими законы, пецись о благѣ вѣранныхъ имъ народовъ и желать, чтобъ они не пресмыкались во тьмѣ невѣжества; что, съ другой стороны, народы должны повиноваться законамъ и предпочитать анархіи, какъ говоритъ Карамзинъ, даже турецкій деспотизмъ,—все это мысли общія, отвлеченныя, и Карамзинъ не спускается въ этомъ случаѣ съ теоретическихъ высотъ. Можетъ-быть, развитіе политическихъ теорій, даже самыхъ умѣренныхъ, встрѣтило бы затрудненія со стороны цензуры? Весьма вѣроятно; но Карамзинъ и самъ не почиталъ этого дѣломъ приличнымъ частному человѣку. „Революція, говоритъ онъ въ своемъ журналѣ, объяснила идеи: мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть

его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства; что разбивая сію благодѣтельную вѣгду, народъ дѣлается жертвой ужасныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновенныхъ злоупотребленій власти; что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силой ума; что одно время и благая воля законныхъ правительствъ должны исправить несовершенства гражданскихъ обществъ, и что съ сею довѣренностью къ дѣйствию времени и къ мудрости властей должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и дѣлать всевозможное добро вокругъ себя.“

Итакъ Карамзинъ совѣтуетъ народамъ быть терпѣливыми; онъ говоритъ, что „учрежденія древности имѣютъ магическую силу“ (мысль, въ которой его еще болѣе утвердили историческіе труды); но онъ вовсе не проповѣдуетъ неподвижности и осуждаетъ людей предающихся квіетизму. Онъ говоритъ: „Есть два рода людей, у насъ и вездѣ: одни вѣрятъ силѣ и легкимъ успѣхамъ добра, радуются намѣреніямъ его, какъ дѣламъ и, мимо всѣхъ возможныхъ или необходимыхъ препятствій, летятъ мыслию къ счастливому исполненію плана; другіе трясутъ головою при всякой новой идеѣ челоуѣколюбія, тотчасъ находятъ невозможности, съ удивительною методою раздѣляютъ ихъ на классы и статьи, улыбаются и заключаютъ обыкновеннымъ припѣвомъ лѣниваго ума: „Какъ ни мудри, а все будетъ по-старому!“ Въ доказательство нашего безпристрастія согласимся, что первые нерѣдко обманываются; согласимся даже, что вторые чаще бываютъ правы: но скажемъ и то, что люди не успѣли бы ни въ чемъ хорошемъ и благородномъ, еслибы всѣ имѣли такой образъ мыслей.“

Послѣдній отрывокъ очевидно заключаетъ въ себѣ намекъ на дѣйствительность. Онъ извлеченъ изъ статьи „О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей,“ напечатанной въ *Вѣстникѣ Европы* въ 1803 году. Это было время первыхъ преобразованій, ознаменовавшихъ царствованіе Александра I; они еще не возбуждали ропота, какъ нѣсколько лѣтъ спустя, но начинали тревожить. Карамзинъ прислушивается къ толкамъ московскаго общества, провѣряетъ свои теоріи приговорами практической житейской мудрости и подчиняетъ имъ нѣкоторыя изъ своихъ теорій. Московское общество сильно тревожили слухи о предположеніяхъ правительства измѣнить

отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, къ чему подавалъ поводъ извѣстный указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Карамзинъ коснулся въ своемъ журналѣ и этого щекотливаго вопроса и коснулся его съ большею энергіей и опредѣлительностію нежели вопросовъ публичнаго права. Онъ выразился за сохраненіе помѣщичьихъ правъ, безъ чего, по его мнѣнію, крестьяне могли предаться лѣности, пьянству и воровству. „Иностранные глубокомысленные политики, говоря о Россіи, знаютъ все, кромѣ Россіи, говоритъ Карамзинъ отъ имени нѣкаго помѣщика, тоже увлекавшагося утопіями. У насъ много вольныхъ крестьянъ; но лучше ли господскихъ обрабатываютъ они землю? По большей части, напротивъ. Съ нѣкотораго времени хлѣбопашество во всѣхъ губерніяхъ приходитъ въ лучшее состояніе: отъ чего же? Отъ старанія помѣщиковъ: плоды ихъ экономіи, ихъ смотрѣнія надѣляютъ изобиліемъ рынки столицъ. Еслибы они, принявъ совѣтъ иностранныхъ филантроповъ, всѣ дѣлали то же, что я прежде дѣлалъ: положили на крестьянъ оброкъ, отдали имъ всю землю, и сами навсегда уѣхали въ городъ, то я увѣренъ, что на другой годъ пришло бы гораздо менѣ хлѣбныхъ барокъ какъ въ Москву, такъ и въ Петербургъ. Не знаю, что вышло бы черезъ пятьдесятъ или столѣтъ: время, конечно, имѣетъ благотворное дѣйствіе; но первые годы, безъ сомнѣнія, поколебали бы систему мудрыхъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ головъ. Время подвигаетъ впередъ разумъ народовъ, но тихо и медленно: бѣда законодателю облетѣть его. Мудрый идетъ шагъ за шагомъ, и смотритъ вокругъ себя. Богъ видитъ, люблю ли человечество и народъ русскій; имѣю ли предрасудки, обожаю ли гнусный идолъ корысти; но для истиннаго благополучія земледѣльцевъ нашихъ желаю единственно того, чтобъ они имѣли добрыхъ господъ и средства просвѣщенія, которое одно, одно сдѣлаетъ все хорошее возможнымъ.“

Итакъ Карамзинъ отстаивалъ крѣпостное право. Можетъ-быть, его многіе осудятъ въ настоящее время; но это будетъ не совсѣмъ справедливо: онъ былъ сынъ своей, а не нашей эпохи. Во всякомъ случаѣ онъ защищалъ не собственный личный интересъ, потому что у него въ это время было не болѣе 150 душъ крестьянъ, доходъ съ которыхъ не могъ составлять слѣшкомъ важной статьи въ его бюджетѣ. Съ увѣренностію можно сказать, что изъ всѣхъ

защитниковъ крѣпостнаго права, онъ былъ самый безкорыстный. Притомъ въ его время еще не были испробованы всѣ средства развязать крестьянскій вопросъ нечувствительнымъ образомъ. Карамзинъ возлагалъ большія упованія на просвѣщеніе и съ жаромъ привѣтствовалъ указъ объ учрежденіи народныхъ школъ: „Да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ“, восклицаетъ онъ, не подозревая, конечно, что воспользоваться этимъ свѣтомъ и не подумаетъ человѣкъ, который не считаетъ своимъ ни эту хижину, ни свое время, ни свой трудъ, ни даже свое семейство!

Весьма замѣчательнъ крутой поворотъ отъ космополитизма, который просвѣчиваетъ въ *Письмахъ русскаго путешественника*, къ патриотическому настроенію, проникающему *Вѣстникъ Европы*. Въ одной изъ книжекъ этого журнала Карамзинъ говоритъ: „Не говорю, чтобы любовь къ отечеству должна ослаблять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но Русскій долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщаютъ, ибо обстоятельства были для нихъ счастливы; но почувствуемъ же и всѣ благодѣанія судьбы въ разсужденіи народа русскаго; станемъ смѣло на ряду съ другими, скажемъ ясно имя свое, и повторимъ его съ благородною гордостью.“—„Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славой: французскіе и англійскіе авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но Русскимъ нужно, по крайней мѣрѣ, вниманіе Русскихъ. Я осмѣлюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые, зная лучше парижскихъ писателей всѣ произведенія французской литературы, не хотятъ и взглянуть на русскую книгу. Того ли они желаютъ, чтобъ иностранцы уведомляли ихъ о русскихъ талантахъ? Пусть же читаютъ французскіе и нѣмецкіе критическіе журналы, которые отдають справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ. Кому не будетъ обидно походить на Даламбертову мамку, которая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему услышала отъ другихъ, что онъ умный человѣкъ?“

IV.

Итакъ, въ послѣдніе годы XVIII и въ первые годы XIX вѣка въ Карамзинѣ совершился большой переворотъ. Долго тревожившія его сомнѣнія о цѣли человѣческаго бытія и объ отношеніяхъ творенія къ Творцу, повидимому, успокоились; по крайней мѣрѣ мы ихъ не замѣчаемъ болѣе; богатый запасъ любви, сбереженный имъ въ сердцѣ, сосредоточивается на отечествѣ, на небольшомъ кругѣ друзей и на собственномъ семействѣ; нѣкоторая нетерпѣливость въ желаніи добра смиряется предъ силою вещей и уваженіе къ опытности и опыту явно начинается въ Карамзинѣ переиспывать юношескую довѣрчивость къ непогрѣшимости человеческого разума; его неизмѣнная задумчивость, растворимая живостью и впечатлительностью молодости, становится опредѣленнѣе и густыми тѣнями ложится на его душу. Таковъ былъ Карамзинъ, когда онъ, тридцати семи лѣтъ отъ роду, приступилъ къ великому подвигу своей жизни, къ составленію *Исторіи государства Россійскаго*. Быть историкомъ—въ этомъ состояло призваніе Карамзина. Карамзинъ-поэтъ холоденъ, Карамзинъ-беллетристъ не выходитъ изъ ряда хорошихъ, но обыкновенныхъ писателей; Карамзинъ-публицистъ не имѣетъ необходимаго для этого увлеченія, — да и какая публицистика могла быть въ Россіи лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ! Но исторія была истинною сферой Карамзина; онъ былъ созданъ для великаго историческаго труда, и я осмѣливаюсь думать, что не много было людей, — и не въ одной только Россіи,—соединявшихъ въ себѣ болѣе данныхъ для того, чтобы сдѣлаться историкомъ. Между великими дѣятелями науки одни превосходили Карамзина ученостію, другіе—глубокомысліемъ, третьи—оригинальностію; но люди болѣе его ученые бывали сухи и безжизненны, люди съ весьма самостоятельнымъ взглядомъ вдавались въ парадоксы или односторонность, а историки-поэты — въ сатиру или панегирикъ. Въ Карамзинѣ ни одно качество не было развито насчетъ другихъ, и въ этой удивительной гармоніи всѣхъ частей его духа и всѣхъ сторонъ его умственныхъ силъ заключается его главное достоинство, его рѣдкая и завидная оригинальность.

Въ сентябрѣ 1803 года онъ обратился съ письменнымъ

ходатайствомъ къ тогдашнему товарищу министра народнаго просвѣщенія, М. Н. Муравьеву, и черезъ мѣсяцъ состоялась высочайшій рескриптъ о назначеніи Карамзина исторіографомъ съ правомъ пользоваться всѣми архивами и съ сохраненіемъ въ 2.000 р.

И вотъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, посвященныхъ предварительнымъ сношеніямъ съ разными мѣстами, откуда можно было получить старыя рукописи, Карамзинъ принялся за работу въ деревенскомъ уединеніи, въ селѣ Остафьевѣ, принадлежавшемъ князю Андрею Ивановичу Вяземскому, на дочери котораго онъ женился въ началѣ 1804 года. Вотъ какъ описываетъ М. П. Погодинъ это мѣсто (въ 30 верстахъ отъ Москвы), къ которому наши внуки, болѣе чувствительные чѣмъ мы къ заслугамъ своихъ соотечественниковъ, будутъ ѣздить на поклоненіе:

„Огромный барскій домъ въ нѣсколько этажей возвышается на пригоркѣ; внизу, за луговиною, блещетъ обширный проточный прудъ; въ сторонѣ отъ него сельская церковь, освѣщенная густыми липами. По другую сторону дома обширный тѣнистый садъ. Кабинетъ Карамзина помѣщался въ верхнемъ этажѣ, въ углу, съ окнами, обращенными къ саду; ходъ былъ къ нему по особенной лѣстницѣ. Я былъ тамъ, въ этомъ святилищѣ русской исторіи, въ этомъ славномъ затворѣ, гдѣ двѣнадцать лѣтъ съ утра до вечера сидѣлъ одинъ-одинехонокъ знаменитый нашъ труженникъ, надъ египетскою работою, углубленный въ мысли о великомъ своемъ предпріятіи, съ твердымъ намѣреніемъ совершить его во что бы ни стало, гдѣ онъ, въ тишинѣ уединенія, читалъ, писалъ, тосковалъ, радовался, утѣшался своими открытіями, куда приходились къ нему любезныя тѣни Несторовъ, Сергіевъ, Сильвестровъ, Аврааміевъ, — гдѣ онъ бесѣдовалъ съ ними, спрашивалъ о судьбахъ отечества, слышалъ внутреннимъ слухомъ вѣщій ихъ голосъ и передавалъ откровенія златыми устами.

„Голыя штукатурныя стѣны, выкрашенныя бѣлою краскою, широкій сосновый столъ въ переднемъ углу подъ окнами стоящій и ничѣмъ не прикрытый, простой деревянный стулъ, нѣсколько козловъ съ положенными досками, на которыхъ раскладены рукописи, книги, тетради, бумаги; не было ни одного шкафа, ни креселъ, ни дивановъ, ни этажерокъ, ни люцитовъ, ни ковровъ, ни подушекъ. Нѣсколько ветхихъ стульевъ около стѣны въ безпорядкѣ.

„Вставалъ Карамзинъ обыкновенно (по свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, въ отвѣтъ на мои вопросы) часу въ 9-мъ утра; „тогдашъ послѣ дѣлалъ прогулку нѣшкомъ или верхомъ, во всякое время года, и во всякую погоду. Прогулка продолжалась часъ. Возвратясь съ прогулки, завтракалъ онъ съ

„семействомъ, выкуривалъ трубку турецкаго табаку, и тотъ часъ послѣ уходилъ въ свой кабинетъ и садился за работу, вплоть до самаго обѣда, то-есть до трехъ или до четырехъ часовъ. Помню одно время, пишетъ князь Вяземскій, когда онъ, еще при отцѣ моемъ, съ нами даже не обѣдывалъ, а обѣдалъ часомъ позднѣе, чтобъ имѣть болѣе часовъ для своихъ занятій. Это было въ первый годъ что онъ принялся за исторію. Во время работы отдохновеній у него не было, и утро его исключительно принадлежало исторіи и было не нарушимо и неприкосновенно. Въ эти часы ничто такъ не сердило и не огорчало его, какъ посѣщеніе, отъ котораго онъ не могъ избавиться. Но эти посѣщенія были очень рѣдки. Въ кабинетѣ жена его часто сидѣла за работой или за книгой, а дѣти играли, а иногда и шумѣли. Онъ, бывало, взглянетъ на нихъ, улыбаясь, скажетъ слово и опять примется писать.“

Отнынѣ и на многіе годы кабинетъ, заваленный древними рукописями и книгами, семейство и самый небольшой кружокъ короткихъ пріятелей сдѣлаются тѣмъ міромъ, въ которомъ Карамзинъ будетъ обращаться исключительно, и изъ котораго онъ будетъ обозрѣвать рядъ минувшихъ вѣковъ, внимательно слѣдить за ходомъ текущихъ событій и писать „завѣщаніе предковъ потомству“. „Не только единственное дѣло, но и главное удовольствіе мое есть теперь исторія,“ писалъ онъ Муравьеву нѣсколько мѣсяцевъ послѣ приступленія къ своему труду. Въ концѣ года онъ писалъ брату: „Я дѣлаю все что могу, и совершенно почти отказался отъ свѣта; даже обѣдаю съ нѣкотораго времени одинъ, не равнѣ пятого часа, и нерѣдко лишаю себя удовольствія быть съ моею любезною женой. Провидѣнію остается увѣнчать мой ревностный трудъ успѣхами.“

Славное, счастливое время для Карамзина! Говорю *счастли-вое*, хотя увѣренъ, что многіе не поймутъ подобаго счастья, состоящаго въ приобрѣтеніи какого-нибудь древняго столбца или неизвѣстнаго списка лѣтописи, въ разъясненіи непонятнаго выраженія или запутаннаго обстоятельства. А между тѣмъ именно въ этомъ, да еще въ глубокомъ мирѣ семейнаго быта заключалось счастье Карамзина. „Жизнь мила, писалъ онъ, когда человѣкъ счастливъ домашними и умѣетъ заниматься безъ скуки!“

Но оставимъ этотъ мирный пріютъ, гдѣ жило столько счастья и гдѣ тихо уготовлялось столько славы. Наше вниманіе должно обратиться на тѣ измѣненія въ настроеніи духа и образѣ мыслей Карамзина, которыя неминуемо

должны были произойти подъ вліяніемъ новыхъ его занятій, времени и хода современныхъ событій. Наблюдая жизнь нашихъ предковъ, онъ до нѣкоторой степени проникался и ихъ духомъ. Космополитизмъ уступилъ въ немъ мѣсто болѣе опредѣленнымъ понятіямъ. Карамзинъ былъ въ это время не только христіаниномъ, чѣмъ онъ былъ, кажется, всегда, но и ревностнымъ православнымъ, какъ можно заключать изъ слѣдующаго мѣста въ одномъ изъ писемъ его къ А. П. Тургеневу: „Наши лѣтописцы не говорятъ, чтобы Джемдмитрій былъ именно орудіемъ іезуитовъ; но все *обнимаетъ* его въ привязанности къ религіи католической.“ Весьма вѣроятно, что и теперь, какъ за пятнадцать лѣтъ, Карамзинъ не почелъ бы кощунствомъ молиться въ католическомъ храмѣ: но отступничество Русскаго отъ православія, или тайныя его козни претивъ православія не могли не быть обвинительнымъ пунктомъ въ глазахъ человѣка, извѣдавшаго, какое обширное мѣсто въ жизни и судьбахъ русскаго народа имѣла его религія. Выступъ съ тѣмъ, Карамзинъ все болѣе и болѣе проникался любовію къ своему отечеству. „Я не вѣрю, говорилъ онъ въ это время, той любви къ отечеству, которая презираетъ отечественныя лѣтописи, или не занимается ими; надо знать что любишь, а чтобы знать настоящее, должно имѣть свѣдѣнія о прошедшемъ.“ Изъ своего кабинета Карамзинъ слѣдитъ за ходомъ событій въ Европѣ; но онъ слѣдитъ не въ качествѣ только просвѣщеннаго человѣка, кому „ничто человѣческое не чуждо“, а какъ Русскій, какъ гражданинъ русскаго государства, связаннаго интересами политики со всѣмъ что совершалось въ это время въ Европѣ, со всѣмъ что замышлялось въ Тюльерійскомъ кабинетѣ и что говорилось въ лондонскомъ парламентѣ; во всѣхъ извѣстіяхъ европейской дипломатіи, во всѣхъ передвиженіяхъ французской, прусской и австрійской армій, Карамзинъ видитъ благопріятныя или неблагопріятныя признаки для своего отечества. Мы видимъ въ немъ уже не прежняго безучастнаго и, такъ сказать, объективнаго наблюдателя, одинаково заинтересованнаго Робеспьеромъ и Руссо, Виландомъ и Питтомъ, но политика, и политика русскаго. Понятно, слѣдовательно, что когда въ 1806 году громъ французскаго оружія сталъ приближаться къ Вислѣ, Карамзинъ предался самой сильной тревогѣ. „Здѣсь теперь много живостей и много пустыхъ; пишеть онъ къ брату, но то, кажется, достоверно, что Прус-

ѣки разбили одинъ французскій корпусъ. Наше войско, подъ командою Беннигсена, вошло уже въ прусское владѣнiе: мы идемъ противъ Французовъ. Будемъ ли счастливы (чѣмъ въ 1805 г.)? — увидимъ. Боюсь, чтобъ они уже не упривились съ Пруссаками до прихода Русскихъ. Австрийцы ни съ мѣста и даютъ Бонапарте время раздавить Пруссию. Дѣла чудныя! Бонапарте долженъ быть помѣшанъ: перебьетъ и перестрѣляетъ онъ еще многихъ, пока совершенно не сойдетъ съ ума, не взбѣситя. Такого медвѣдя давно не было въ свѣтѣ.“ Потомъ, когда выраженный имъ выше опасенiя оправдались, онъ написалъ: „Вы уже знаете чѣмъ кончились наши военныя дѣйствiя. Я нѣсколько ночей не спалъ и теперь еще не могу привыкнуть къ этой мысли.“

Подобно многимъ, Карамзинъ потерялъ вѣру въ способность молодыхъ совѣтниковъ государя справиться съ тѣми реформами, о которыхъ они мечтали, и еще въ *Вѣстникѣ Европы* онъ подтрунивалъ надъ „нашими англоманами и гаццманами“, вѣроятно, подразумѣвая въ ихъ числѣ Новосильцова и Кошуба. Къ Сперанскому, по крайней мѣрѣ къ его способностямъ, онъ питалъ болѣе уваженiя; но Карамзинъ, довольно консервативный еще во время изданiя *Вѣстника Европы*, въ послѣдствiи получилъ рѣшительное отвращенiе отъ тѣхъ рѣзкихъ реформъ, которыя производились руками Сперанскаго и которыя состояли главнѣйше въ передѣлкѣ бюрократической машины, ни мало не касаясь самой жизни. Этого обстоятельства никакъ не должно терять изъ виду при оцѣнкѣ политическихъ понятiй Карамзина въ эту эпоху, а равно и тѣхъ влiанiй, которымъ не можетъ, болѣе или менѣе, не поддаться даже и самый сильный и самостоятельный умъ. Не забудемъ, что Карамзинъ жилъ въ Москвѣ, которая вообще мало сочувствовала нововодителямъ, и что между короткими прiятелями его находились самые рѣшительные противники Сперанскаго: достаточно сказать, что между ними былъ графъ Растропчинъ, который, по сильному уму своему и еще болѣе по практическому знакомству съ дѣлами, не могъ не быть авторитетомъ въ глазахъ даже Карамзина.

Къ всему этому, чтобъ ясно понять тогдашнее настроенiе Карамзина, надо прибавить слѣдующiя обстоятельства. Попечителемъ университета въ Москвѣ былъ въ эту пору П. И. Кутузовъ, нѣкогда членъ Дружескаго Общества. Говоря

объ этомъ Обществѣ, я замѣтилъ, что оно стремилось къ двумъ цѣлямъ, которыя легко совмѣщаются въ умахъ высокихъ, но которыя при обыкновенныхъ условіяхъ, и въ рукахъ людей съ мелкими вонатіями, взаимно исключаютъ другъ друга. Эти двѣ цѣли были: распространеніе просвѣщенія и противоѣдствіе безвѣрію. Высокіе умы всегда были увѣрены, что христіанство не боится просвѣщенія и что чувство вѣры можетъ совмѣщаться съ дѣятельностію мысла. Къ несчастію, дѣйствія очень многихъ практическихъ людей противорѣчатъ этой истинѣ. Искренно исповѣдуя величіе и премудрость Творца, они,—можетъ-быть, невѣдомо для самихъ себя,—презираютъ совершеннѣйшую изъ тварей, человека, и думаютъ, что свобода и наука неизбѣжно ведутъ къ безначалію и безвѣрію, а потому со всею искренностію фанатиковъ преслѣдуютъ и свободу, и знаніе. И у насъ, какъ всюду, не мало бывало подобныхъ личностей, которыя иногда почерпали боольшую силу въ современныхъ обстоятельствахъ, давали смѣлымъ отпоръ прогрессивному движенію человечества и съ нечестивымъ ликованіемъ вырывали пшеницу вмѣстѣ съ плевелами. Однимъ изъ такихъ людей и достойнымъ предшественникомъ Магницкаго былъ Кутузовъ. Въ твердомъ сознаніи, что совершаетъ важный гражданскій подвигъ, онъ написалъ въ 1810 году слѣдующее письмо на имя тогдашняго министра народнаго просвѣщенія.

„Ревнуя о единомъ благѣ, стремясь къ единой цѣли, не могу равнодушно глядѣть на распространяющееся у насъ уваженіе къ сочиненіямъ г. Карамзина; вы знаете, что оныя исполнены вольнодумческаго и якобинскаго ада. Но его похвалятели и одобрители подыали теперь еще болѣе голову, ибо его сочиненія одобрены пожалованіемъ ему ордена и рескриптомъ его сопровождавшимъ. О семъ надобно очень подумать, будѣ не для насъ, то для потомства. Государь не знаетъ, какой гибельный ядъ въ сочиненіяхъ Карамзина кроется. Оныя сдѣлались классическими. Какъ могу то воспринять, когда оныя рескриптомъ торжественно одобрены? Карамзинъ явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе. Не орденъ ему надобно бы дать, а давно бы пора ихъ сжечь. Вы не по имени министръ просвѣщенія, вы мужъ вѣдающій, что есть истинное просвѣщеніе, вы орудіе Божіе, озаренное внутреннимъ свѣтомъ, и подкрѣпляемое силою свыше; васъ, безъ всякаго исканія, самъ Господь призвалъ на дѣло Его и распространеніе Его свѣта; въ планѣ несповѣдимыхъ судьбъ Его вы должны быть органомъ истины, вопиющимъ противу

козней лукаваго и его проклятыхъ орудій. И вы, и я дадимъ отвѣты предъ судомъ Божиимъ, когда не ополчимся противу сего ада, во тѣмъ пресмыкающагося, и не поставимъ оplots сей таетворной водѣ, всякое благочестіе потопить угрожающей. Ваше есть дѣло открытъ государю глаза и показать Карамзина во всей его гнусной наготѣ, яко врага Божія, врага всякаго блага и яко орудіе тьмы. Я долженъ сіе къ вамъ написать, дабы не имѣть укоризны на совѣсти; еслибы я не былъ попечитель, я бы вздыхалъ, моллился и молчалъ; но увѣренъ будучи, что Богу дамъ отвѣтъ за вѣренное мнѣ стадо, какъ я умолачу предъ вами, начальникомъ моимъ и благодѣтелемъ? Карамзина превозносятъ, боготворятъ. Во всемъ университетѣ, въ пансіонѣ читають, знаютъ наизусть: чтó изъ этого будетъ? Подумайте и попечитесь о семъ. Онъ цѣлится не менѣе, какъ въ Сіесы или въ первые консулы,—это здѣсь всѣ знаютъ и всѣ слышатъ. Я молчу и никому о семъ ни слова ни писалъ, ни говорилъ, а къ вамъ я обязанъ это сдѣлать. Пусть чтó хотятъ, то дѣлають, но объ университетахъ надобно подумать и сію заразу какъ-нибудь истребить. Вы меня разумнѣе, опытибѣе; вы мудрости и доброты болѣе меня въ тысячу разъ преисполнены! Попечитесь о семъ. Тутъ не мое частное благо, а всеобщее! Въ томъ вамъ самъ Господь поможетъ.“

Іереміада Кутузова не имѣла, по счастію, послѣдствій, равно какъ и другой доносъ, подаанный въ 1811 году, о бывшихъ будто бы у Карамзина сношеніяхъ съ какимъ-то Французомъ, — масономъ и, вѣроятно, шпиономъ французскаго правительства. Но все эти тайныя обличенія, доказывающія весьма неудовлетворительное состояніе и тогдашней общественной нравственности и тогдашнихъ учрежденій, были неприяностями, которыя глубоко отзывались въ воспріимчивомъ сердцѣ Карамзина и наполняли его недовольствомъ и горечью. Къ этому присоединились и нѣкоторыя семейныя горести и, наконецъ, вліяніе того общаго тревожнаго состоянія умовъ, которое предшествовало двѣнадцатому году. Континентальная система, къ которой приступила Россія послѣ Тильзитскаго мира, подняла всѣ цѣны до неслыханныхъ размѣровъ и раззоряла народъ. Ропотъ слышался отовсюду, и тѣмъ сильнѣе, что это раззореніе производилось въ угоду врагамъ и по ихъ требованію. Россія бѣдствовала, и для людей даже не весьма проныцательныхъ было очевидно, что ей угрожаетъ вскорѣ война жестокая, истребительная, — а между тѣмъ „выскачка и проходимецъ“, — такъ называли Сперанскаго, — съ какимъ-то оскорбительнымъ безстрастіемъ занимается пере-

именованіемъ учрежденій, переводомъ дѣлъ изъ одного вѣдомства въ другое,—и все это въ подражаніе—кому же? Тому самому императору Французовъ, который надѣлалъ Россіи столько зла и угрожалъ ей новыми бѣдствіями!

Подъ такими-то впечатлѣніями составленъ былъ Карамзинымъ знаменитый памфлетъ *О древней и новой Россіи*,—единственное сочиненіе нашего автора, въ которомъ мы не замѣчаемъ обыкновеннаго его спокойствія, и въ которомъ, напротивъ, онъ является придирчивымъ и раздраженнымъ.

Великая княгиня Екатерина Павловна проживала въ это время въ Твери, гдѣ ея супругъ, герцогъ Ольденбургскій, былъ генераль-губернаторомъ. Будучи, какъ говорилъ о ней Карамзинъ, „русскою женщиной“ и познакомившись съ нимъ въ Москвѣ, она, естественно, пожелала узнать поближе одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей того времени. Карамзинъ былъ у ней въ Твери въ первый разъ зимою 1809—1810 года и потомъ бывалъ нѣсколько разъ. Во время этихъ посѣщеній бесѣды между августѣйшими хозяевами и ихъ гостемъ касались не столько древнихъ эпохъ русскоѣ исторіи, сколько современнаго ея положенія. По видимому, Карамзинъ откровенно высказывалъ свой образъ мыслей, и этотъ образъ мыслей, надо думать, показался великой княгинѣ замѣчательнымъ, какъ отголосокъ общественнаго мнѣнія и какъ заявленіе челоѣка съ большимъ авторитетомъ. Она попросила Карамзина изложить на бумагѣ то что онъ говорилъ,—и вотъ исторія записки *О древней и новой Россіи*. Мы не остановимся на ней, во первыхъ потому, что она болѣе или менѣе извѣстна русской публикѣ, хотя никогда не была напечатана вполне, а во вторыхъ и потому, что ее нельзя признать вѣрнымъ изображеніемъ образа мыслей Карамзина. Она была написана съ опредѣленною цѣлю, — подѣйствовать на особу, близкую къ престолу, и даже на самого государя; поэтому Карамзинъ долженъ былъ прибѣгать къ приемамъ публициста, скорѣе чѣмъ историка или философа, и, согласно своей цѣли, класть то слишкомъ густыя тѣни, то освѣщать черезчуръ яркимъ свѣтомъ. Такъ, по моему убѣжденію, надо смотрѣть на *Записку* Карамзина. Какъ произведеніе историка и философа — она неудовлетворительна; серьезный и спокойный умъ замѣтитъ въ ней разительную несоотвѣтственность между обиліемъ критической силы и бѣдностію положительныхъ мыслей; но она

заслуживаетъ вниманіе какъ отголосокъ тогдашняго общественнаго мнѣнія, раздраженнаго и всеобщю необыкновенною дороговизной, и увеличенными налогами, и оскорбительнымъ Тильзитскимъ трактатомъ, и этими нескончаемыми реформами, которыя производились по мысли Сперанскаго и ограничивались одними административными сферами, не внося никакихъ существенныхъ улучшеній въ самую жизнь. Еще болѣе заслуживаетъ вниманія эта *Записка* какъ рѣдкій подвигъ гражданскаго мужества. Рѣшимость Карамзина довести голосъ общественнаго мнѣнія до слуха государева, схватиться съ находившимся на верху своего могущества Сперанскимъ и открыто противорѣчить системѣ, которая хотя и вызывала всеобщій ропотъ, но одобряема была государемъ, — есть дѣло великаго гражданина, и этой славы никто не отниметъ у Карамзина.

Записка его была составлена, какъ сказано, по желанію великой княгини Екатерины Павловны и вручена ей Карамзиннымъ, вызваннымъ въ Тверь для представленія государю первыхъ томовъ своей исторіи. Объ этомъ пребываніи своемъ въ Твери Карамзинъ писалъ къ брату слѣдующее: „Осыпанный милостивыми привѣтствіями императора, я читалъ ему нѣкоторыя мѣста изъ моей исторіи. Онъ былъ доволенъ, четыре раза обѣдали мы съ нимъ у великой княгини; онъ звалъ меня и жену мою въ Петербургъ и простился съ нами въ кабинетѣ; даже предлагалъ намъ жить въ Анчиковскомъ дворцѣ.“ — „Я читалъ ему свою исторію болѣе двухъ часовъ, писалъ Карамзинъ Дмитріеву, послѣ чего говорилъ съ нимъ не мало, — о чемъ же? О самодержавіи. Я не имѣлъ счастья быть согласенъ съ нѣкоторыми его мыслями.“ (За самодержавіе былъ въ этомъ спорѣ Карамзинъ, замѣчаетъ его биографъ.)

Но все это, по замѣчанію г. Погодина, происходитъ до прочтенія государемъ *Записки*, которая была вручена ему великою княгиней вечеромъ, наканунѣ его отъѣзда. Пробѣжавъ, повидимому, нѣсколько мѣстъ, государь остался доволенъ ею и выразилъ это на другой день весьма недвусмысленнымъ образомъ: онъ милостиво прощался со всѣми при отъѣздѣ изъ Твери, но на Карамзина взглянулъ лишь издали. Слѣшу прибавить, что неудовольствіе государя было, какъ впрочемъ извѣстно, не продолжительно.

Между тѣмъ политическій горизонтъ заволакивался ту-

чашу; буря надвигалась на Россію, и Карамзинъ, внимательно читавшій газеты, знавшій кромѣ того о положеніи дѣлъ по близости своей къ великой княгинѣ Ольденбургской и по своему положенію въ кругу московской знати, конечно, тревожился болѣе многихъ другихъ; когда же Наполеонъ вторгнулся въ Россію, всѣ фибры Карамзина задрожали. Осторожные люди начинали уже помаленьку выпираться изъ Москвы; Карамзинъ, проводившій лѣто въ деревнѣ, напротивъ, оставивъ тамъ семейство, возвратился въ Москву: „Мы положили не выѣзжать изъ Москвы безъ крайности: не хочу служить примѣромъ робости“, писалъ онъ въ то время, когда подъ Смоленскомъ кипѣлъ трехдневный бой. Между тѣмъ наши арміи продолжали отступать; Москва начинала пустѣть. Карамзинъ отпускаетъ жену (съ которою до того ни на минуту неразлучался) съ дѣтьми въ Ярославль, а самъ остается. „Душа моя тверда“, пишетъ онъ за нѣсколько дней до Бородинской битвы; но кабинетная работа уже давно брошена; историкъ уступилъ мѣсто гражданину. Молодые Калайдовичъ и Жуковский и юноша Вяземскій, братъ его жены, уѣзжаютъ въ армію. Прощаясь съ первымъ изъ нихъ, Карамзинъ со слезами на глазахъ говоритъ: „Жалью, что у меня нѣтъ сына, чтобы послать его умирать за отечество.“—„Мое пребываніе здѣсь бесполезно для отечества, пишетъ онъ 23 августа; по крайней мѣрѣ не уподоблюсь трусамъ и служу примѣромъ государственной, такъ сказать, нравственности.“—„Живу у Растопчина безъ всякаго дѣла и безъ всякой пользы. Душѣ моей противна мысль быть бѣглецомъ; для этого не выйду изъ Москвы, пока все не рѣшится. Вчера (26 августа) началось кровопролитное сраженіе и вынѣ возобновилось. Слышно, что мы еще удерживаемъ мѣсто. Убитыхъ множество; Франгузовъ болѣе. Изъ нашихъ генераловъ ранены: Багратионъ, Воронцовъ, Горчаковъ, Коновницынъ. Съ обѣихъ сторонъ дерутся отчаянно. Богъ да будетъ намъ поборникъ! Черезъ нѣсколько часовъ окажется, что Россія спасена или что она пала!“

Пала! Чтобы государство, слававшееся почти десять вѣковъ, пережившее татарское владычество, эпоху самозванцевъ, плѣненіе Москвы и неурядицу, послѣдовавшую за смертію Петра, пала отъ одного удара, какъ бы ни былъ онъ жестокъ, этого не могъ думать человѣкъ изучившій ея исто-

рiю, взрвавшій въ великiя историческiя судьбы ея. Горькое слово сорвалось съ языка его помимо сознанiя. Нѣсколько часовъ спустя, прямо съ Бородинскаго поля, прискакалъ къ Растропчину состоявшій при немъ А. Я. Булгаковъ, и передалъ ему все то, чему былъ очевидцемъ. Нѣсколько минутъ спустя—тогда же записалъ онъ своею дневникъ, „отворилась дверь кабинета, и къ намъ вошли Н. М. Карамзинъ и сенаторъ Ю. А. Нелединскiй-Мелецкiй; графъ (Растропчинъ) ихъ обоихъ отличилъ, любилъ и уважалъ, и они имѣли во всякое время свободный къ нему доступъ. Разговоръ продолжался еще болѣе получаса о томъ же предметѣ. Я никогда не забуду пророческихъ изрѣченiй нашего историографа, который предугадывалъ уже тогда начало очищенiя Россiи отъ несноснаго ига Наполеонова. Карамзинъ скорбѣлъ о Багратионѣ, Тучковыхъ, Кутайсовѣ, объ ужасныхъ нашихъ потеряхъ въ Бородинѣ и наконецъ прибавилъ: „Ну, мы испили „до дна горькую чашу... но за то наступаетъ начало *его* „(Наполеона) и конецъ нашихъ бѣдствiй. Повѣрьте, графъ, „обязанъ будучи всѣми успѣхами своими дерзости, Наполеонъ отъ дерзости и погибнетъ!...“ Въ Карамзинѣ было что-то вдохновенное, увлекательное, и вмѣстѣ съ тѣмъ, отрадное. Онъ возвышалъ свой прiятный мужественный, голосъ; прекрасные его глаза, исполненные выраженiя; сверкали. Въ жару разговора онъ часто вставалъ вдругъ съ мѣста, ходилъ по комнатѣ, все говоря, и опять садился. Нелединскiй плакалъ; Растропчинъ,—этотъ желѣзный человекъ, былъ раздавленъ страшною вѣстiю о Бородинскомъ побоищѣ.... Карамзинъ одинъ не потерялъ вѣры въ Россiю и въ умъ своею находилъ подтвержденiе этой вѣрѣ, У Наполеона, продолжалъ онъ говорить, все движется страхомъ, насилiемъ; онъ какъ бы отрѣзалъ себя отъ Францiи. „Сегодня союзники Наполеона за него, завтра будутъ за насъ. Можно ли думать, чтобъ Австрийцы, Пруссаки охотно дрались противъ насъ? Зачѣмъ будутъ они кровь проливать? Для того ли чтобъ утвердить еще болѣе гибельное, гнусное могущество всеобщаго врага? Нѣтъ, не можетъ долго продолжаться положенiе, сдѣлавшееся для всѣхъ нестерпимымъ!... Одного можно бояться...“ вдругъ произнесъ онъ остановившись.

„— Вы боитесь чтобы Государь не заключилъ мира? быстро подхватилъ Растропчинъ.

„— Вотъ чего можно бояться... Но этотъ страхъ не имѣетъ основанія. Всѣ постороннія уваженія, всѣ посторонніе прощаски уступать прозорливости государя нашего?...“

Разумѣется, ни Карамзинъ, ни Растопчинъ не ожидали, что ихъ бесѣда попадетъ въ исторію, и зато въ какихъ ярко-характеристическихъ чертахъ являются въ ней они оба! одинъ спокойный и въ полномъ обладаніи своими умственными способностями среди сильной душевной тревоги; другой раздавленный подъ силою своихъ впечатлѣній! Разумѣется, Растопчинъ былъ оглушенъ только на минуту, и предвидя невозможность отстоять Москву, онъ тогда же рѣшился сжечь ее.

Карамзинъ оставилъ Москву наканунѣ вступленія Французовъ. Онъ забралъ свое семейство, находившееся въ Ярославлѣ и перѣхалъ съ нимъ въ Нижній. Отсюда онъ слѣдилъ за событіями съ грустью во полную надежды души. Въ окончательномъ торжествѣ отечества онъ не сомнѣвался, но горько жаловался на ошибки нашихъ генераловъ, которыя мы нынѣ разбираемъ съ спокойствіемъ хладнокровныхъ критиковъ. Какъ скоро гибель непріятели сдѣлалась очевидна, въ Карамзинѣ пробуждается желаніе возвратиться къ своимъ занятіямъ. „Не знаю, писать онъ въ ноябрѣ, гдѣ буду жить: на московскомъ пепелищѣ или въ Петербургѣ, гдѣ единственно могу продолжать исторію, то-есть найти нужныя для меня книги, утративъ свою библіотеку.“— „Грущу по своей библіотекѣ, которую я собиралъ четверть вѣка“. Жаль Пушкинскихъ манускриптовъ, они всѣ сгорѣли, кромѣ бывшихъ у меня.“ — „Сижу безъ дѣла, безъ матеріаловъ, въ несносной праздности и въ ожиданіи горячки, которая здѣсь и во многихъ мѣстахъ свирѣпствуетъ; просторно будетъ въ Европѣ и у насъ!“— „Желаю работать, только не имѣю всего что надобно. Читаю Мильтона и Тацита: они жили также въ бурныя времена.“— „Въ какія времена живемъ!... Любя дѣтей нашихъ истинно, для нихъ, а не для себя, право, кажется, должны мы оплакивать тѣхъ, которые остаются, а не тѣхъ, которые въ чистотѣ ангельской оставляютъ міръ сей и присоединяются къ чистѣйшимъ еуществамъ въ райскихъ селеніяхъ.“ Вотъ мысли, которыя характеризуютъ состояніе души Карамзина во время его пребыванія въ Нижнемъ. Лѣтомъ онъ рѣшился возвратиться на развалины Москвы. „Я плакалъ дорогою, плакалъ и здѣсь, смотря на развалины.

Москвы вѣтъ; остался только уголокъ ея. Не одни дома сгорѣли, самая нравственность людей измѣнилась въ худое, какъ увѣряютъ. Замѣтно ожесточеніе, видна и дерзость, которой прежде не бывало. Между тѣмъ, какъ птицы страхи-вающія капли дождя посаѣ бури и радостно привѣтствующія первые лучи солнца, начинаютъ перекликаться между собою молодые пріятели и поклонники Карамзина, А. Тургеневъ, Батюшковъ, Дашковъ, Уваровъ, Вяземскій, Жуковскій,—эта талантливая, свѣтлая плеяда, которой суждено было сохранить и передать послѣдующему поколѣнію Карамзинскій духъ, Карамзинскія преданія; они шлютъ другъ другу привѣтствія, кто съ береговъ Рейна, кто съ Московскаго пепелища, кто изъ вятскихъ лѣсовъ; но никто изъ нихъ не забываетъ передать почтительный привѣтъ Карамзину или навѣдаться о немъ. Карамзинъ, не напечатавшій въ продолженіи почти десяти лѣтъ ни въ одной стрѣки, является тѣмъ не менѣе въ это время главою литературной школы, высоко-чтимымъ патриархомъ той группы талантливыхъ молодыхъ людей, которые готовились занять видное положеніе какъ въ литературѣ, такъ и въ государственной службѣ.

V.

Съ самаго возвращенія изъ-за границы, Карамзинъ жилъ въ Москвѣ безвыѣздно, если не считать временнаго пребыванія его въ Нижнемъ, въ 1812 году. Кабинетный трудъ, семейныя радости и печали, весьма тѣсный кружокъ друзей,—вотъ жизнь его во все время занятія его исторіей. Этой исторіи уже было написано восемь томовъ; Карамзинъ хотѣлъ напечатать ихъ, но считалъ обязанностію предварительно представить ихъ Государю, по волѣ котораго они были написаны. Онъ рѣшился сдѣлать это по окончаніи всѣхъ тревогъ, сопровождавшихъ всеобщее замиреніе, и въ началѣ 1816 года пріѣхалъ въ Петербургъ. По его соображенію, на напечатаніе написанныхъ имъ восьми томовъ нужно было до 60.000 руб. Получить ли онъ эту сумму, весьма немаловажную, но безъ которой онъ не могъ издать въ свѣтъ своего труда, поглотившаго лучшіе годы жизни? Прошло ли неудовольствіе, которое обнаружилъ въ отношеніи его Государь по поводу поданной ему въ Твери записки, и

не окажется ли оно вліянія на изданіе его исторіи, съ которою связана была вся жизнь, все честолюбіе Карамзина? Чѣмъ явится Карамзинъ при дворѣ: куртизаномъ или мужемъ мыслю и науки? Не запугаетъ ли его воспоминаніе о неудовольствіи, которое онъ однажды уже навлекъ на себя? Не подкупятъ ли его ласка и похвалы?

Прибытіе его въ Петербургъ произвело впечатлѣніе. Старые и новые литературные друзья окружили его заботливымъ вниманіемъ, прежніе его критики протянули руку; *Арзамаская* молодежь обнаружила къ нему сердечную преданность, старикъ Державинъ спѣшилъ познакомить его съ своими литературными и нелитературными друзьями; его звали на перерывъ на обѣды, на вечера и жаждали услышать отрывки изъ его драгоценныхъ рукописей. Вотъ какъ описываетъ одинъ современникъ подобное чтеніе. „Я встрѣтилъ его въ первый разъ у С. П. Свѣчиной; онъ читалъ намъ вслухъ блистательный отрывокъ изъ своей *Исторіи*, а именно: о Дмитрѣвѣ Донскомъ; я внималъ ему въ толпѣ слушателей, отчасти любопытныхъ, отчасти не довѣрявшихъ его учености и таланту. Сквозь легкомысліе и вѣжливое лицемеріе въ которыхъ проглядывало глубокое, иногда забавное изумленіе. Эти домашнія чтенія повторялись во многихъ почетныхъ домахъ; вездѣ сыпались на автора похвалы, которыя онъ принималъ безъ услады и восторга, просто, съ неподражаемымъ добродушіемъ.“ А вотъ слова Жуковскаго, относящіяся къ тому же времени: „Здѣсь (въ Петербургѣ) всѣ жаждутъ его узнать, и видѣть его въ этомъ кругу такъ же пріятно, какъ и быть съ нимъ въ его семьѣ.... Недавно провелъ я у него самый пріятный вечеръ. Онъ читалъ намъ описаніе взятія Казани. Какое совершенство! И какая эпоха для Русскаго — появленіе этой *Исторіи*! Какое сокровище для языка, для поэзіи,—не говорю уже о той дѣятельности, которая должна будетъ родиться въ умахъ. Эту *Исторію* можно назвать воскресителемъ прошедшихъ вѣковъ бытія нашего народа. По сію пору они были для насъ только мертвыми муміями, и всѣ исторіи русскаго народа, доселѣ извѣстныя, можно назвать только гробами, въ которыхъ мы видѣли лежащими эти безобразныя муміи. Теперь всѣ оживятся, подымутся и получатъ величественный, привлекательный образъ.“

Карамзинъ читалъ отрывки изъ своей *Исторіи* и въ кото-

рымъ особамъ царской фамилии. Императрица Марія и великія княгини были къ нему необыкновенно милостивы. Только относительно благосклонности къ себѣ государя Карамзинъ имѣлъ сомнѣнія. „Меня увѣряютъ, писалъ онъ женѣ своей, что всѣ особы августѣйшей фамилии милостиво отзываются обо мнѣ, — всѣ, кромѣ самого государя, о расположеніи котораго не имѣю никакаго понятія.“ Прошло между тѣмъ нѣсколько недѣль, государь все еще не изъявлялъ желанія принять Карамзина и взглянуть на его трудъ. Проходили еще дни и недѣли, вопросъ о напечатаніи *Исторіи* не подвигался, и историографъ, осыпанный знаками милости членовъ императорской фамилии, не удостоивался проникнуть въ кабинетъ государя. Это возбуждало въ немъ горькія мысли. „Je l'admire, писалъ онъ женѣ своей, et je voudrais l'aimer beaucoup.“ Въ послѣдствіи онъ выразился гораздо положительнѣе въ письмахъ къ женѣ, единственной повѣренной всѣхъ движеній его души.... „Мѣра терпѣнія моего исполняется. J'ai assez bien vu les choses, étant encore à Moscou. J'ai fait ce que je devais faire; ton ami sait ce qu'il doit à son souverain, mais il sait aussi ce qu'il doit à sa propre dignité morale.“ — „Буду молчать до третьей недѣли поста; а тамъ скажу, что мнѣ пора домой. У твоего друга нѣтъ покровителей: разумѣешь меня? Hélas, j'ai déjà peu de temps à vivre: changerai-je de caractère? Je ne suis rien aux yeux de mon Dieu; mais les hommes ne me feront pas baisser les yeux.“ О рѣшеніи своемъ не оставаться въ Петербургѣ далѣе извѣстнаго срока Карамзинъ выразился передъ великою княгиней Маріей Павловною. „Я уже рѣшился, писалъ онъ женѣ, не говорить объ *Исторіи*, везти ее назадъ, спрятать до иныхъ временъ и подписать надъ манускриптомъ: à l'usage de mes enfans et de la postérité.“ — „Не сердись; не говори о томъ, для меня; даже и сердцемъ могли бы мы увидиться. Будемъ только жалѣть, и есть объ чемъ жалѣть! Пестро, очень пестро; но все дѣлается какъ Богу угодно; вотъ чтó всегда успокоиваетъ мою душу, исполненную любви къ Россіи и къ ея доброжелательному монарху.“

Небу однакожь не было угодно, чтобы манускриптъ Карамзина былъ отложенъ „до иныхъ временъ“. Государь принялъ историографа, и это случилось, повидимому, при помощи Аракчеева. Карамзинъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, не считалъ нужнымъ сдѣлать ему визита; почему? потому, можетъ-быть,

что у него не лежало сердце къ этому человеку, котораго онъ провически называлъ *вельможей* и *единственнымъ вельможей* въ Петербургѣ, а можетъ-быть и изъ скромности, какъ онъ пишетъ въ одномъ изъ писемъ къ жемъ. Аракчеевъ, съ своей стороны, жаловался на пренебреженіе къ нему исторіографа своимъ пріятелиамъ, съ видимымъ намѣреніемъ, чтобъ эти жалобы были ему переданы. Карамзинъ долго колебался, но наконецъ рѣшился; Аракчеевъ принялъ его очень дружелюбно и даже произвелъ на своего гостя довольно хорошее впечатаніе. Какъ бы извиняясь въ этой уступкѣ силъ обстоятельствъ, Карамзинъ писалъ жемъ своей: „Теперь уже дѣло зашло далеко; не могу пристойнымъ образомъ и просить дозволенія возвратиться въ Москву, не выдавъ государя: мнѣ со всѣхъ сторонъ кладутъ въ ротъ, что онъ расположенъ сдѣлать для меня все справедливое и пристойное.“ Дѣйствительно, на другой день послѣ свиданія съ Аракчеевымъ, Карамзинъ получилъ приглашеніе представиться государю и былъ имъ облаканъ, печатаніе его *Истории* было разрѣшено, и нужныя на это деньги обѣщаны. Государь предложилъ ему переѣхать на житье въ Петербургъ, проводить лѣтніе мѣсяцы въ Царскомъ Селѣ и далъ „право быть искреннимъ“.

Немедленно послѣ свиданія съ государемъ, Карамзинъ отправился въ Москву, — въ обгорѣлую, унылую, безжизненную Москву, въ которой однакожь онъ былъ и могъ всегда оставаться самъ собою, гдѣ никто не заслонялъ и не могъ заслонять ему солнца. Пребываніе въ Петербургѣ оставило въ Карамзинѣ какое-то недовольство, можетъ-быть отчасти и собою, и долго еще потомъ, перебравшись въ Петербургъ для изданія первыхъ восьми томовъ своей *Истории*; онъ стремился душой къ Москвѣ, къ своему мирному уединенію, къ небольшому кружку своихъ друзей, къ своей независимости. „Люблю жить съ женою, съ дѣтьми и съ друзьями,“ писалъ онъ къ своимъ „московскимъ пріятелиамъ“. — „Не могу изобразить, какъ мнѣ бываетъ грустно. Чувствую, что я не созданъ для здѣшней (петербургской) жизни и что мнѣ оставалось бы только доживать вѣкъ свой въ уединеніи съ вами, моими немногими друзьями московскими. Можетъ-быть, я сдѣлалъ ошибку, но „да будетъ воля Божія.“ — „Я не придворный! Исторіографу естественноѣ умереть на градѣ капустной, имъ обработанной, нежели на порогѣ дворца, гдѣ я не глауѣ, но

и не умѣе другихъ.... Да будетъ воля Божія! Все дѣлается для чего-нибудь, хотя не знаемъ для чего.“ Живя въ Царскомъ Селѣ, Карамзинъ часто встрѣчался съ особами императорскоѣ фамиліи, благодаря свободѣ загородной жизни; но наступленіе осени возстановило всѣ права этикета; по этому поводу Карамзинъ писалъ къ Дмитріеву: „Я не видааъ императора и врядъ ли увижу. Мы разстались, повидимому, съ дворомъ. Богъ съ нимъ!“ — „Уже не мое дѣло нравиться людямъ; я старъ, мраченъ, не гибокъ. Дай Богъ только, чтобы мы разстались съ дворомъ въ такомъ къ нему расположеніи, въ какомъ мы теперь къ государю и императрицѣмъ.“

Между тѣмъ печатаніе *Исторіи* подвигалось медленно. Начавшись въ 1816 году, оно окончилось лишь въ 1818. Не взирая на то что всѣ восемь томовъ стоили 55 р., все изданіе, 3.000 экземпляровъ, разошлось въ 25 дней, и тогдашніе книгопродавцы Сленины немедленно приступили ко второму изданію. Успѣхъ былъ, слѣдовательно, неслыханный. Выше приведено нѣсколько современныхъ свидѣтельствъ о томъ впечатлѣніи, которое произвело появленіе *Исторіи*. Говорятъ, будто въ первые дни появленія ея въ книжныхъ магазинахъ, въ Петербургѣ было движеніе по улицамъ болѣе обыкновеннаго. „Россія найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ“, сказалъ юноша Пушкинъ, прочтя первые томы *Исторіи Государства Россійскаго*, а извѣстный мѣткостью своихъ замѣчаній графъ Толстой-Американецъ прямо выразилъ мысль, что эта *Исторія* возвышаетъ Русскаго въ собственныхъ глазахъ. Таковы были отзывы *публики*, то есть людей, не отыскивавшихъ въ трудѣ Карамзина ученыхъ промаховъ и не руководившихся извѣстными доктринами: во всѣхъ приведенныхъ отзывахъ болѣе или мѣнѣ ясно выражается мысль, что твореніе Карамзина содѣйствовало къ возбужденію національнаго чувства въ Россіи,—не того чувства, которое даетъ отпоръ врагамъ, нападающимъ съ оружіемъ въ рукахъ (къ этому способны и дикари), а чувства народной гордости, сознательнаго уваженія къ своему прошедшему и сознательнаго же довѣрія къ своему будущему. Не говорю о томъ, какое дѣйствіе оказала *Исторія Государства Россійскаго* на поколѣніе, которое еще находилось въ школахъ; еще и теперь есть много людей, которые въ состояніи прочитать наизусть цѣлыя ея страницы!

Тѣмъ не менѣе, успѣхъ Карамзина былъ не безусловный, даже если и не упоминать здѣсь о критикѣ ученой, которая не можетъ быть предметомъ настоящей статьи: взгляды Карамзина, его философія, его *тенденціи* были неблагополучно встрѣчены нѣкоторою частію современнаго общества, о чемъ я позволю себѣ поговорить съ нѣкоторою подробностію.

Со времени окончанія Наполеоновскихъ войнъ, въ русскомъ обществѣ начинаетъ обнаруживаться довольно замѣтное умственное движеніе; число книгъ и періодическихъ изданій стало увеличиваться * и въ нѣкоторыя изъ нихъ проникали, или стремились проникнуть такіа мысли, которыя приводили въ смущеніе цензуру. Больше всего преступало цензурныя границы изданіе Яценкова (который, замѣтимъ, самъ былъ цензоромъ), *Духъ Журналовъ*. Еще въ 1814 году, когда Яценковъ представилъ программу задуманнаго имъ изданія, тогдашній министръ полиціи нашелъ, что однихъ изъ его отдѣловъ „Внутреннее обозрѣніе“, въ которомъ предполагалось подвергнуть изслѣдованію „великіе способы Россіи и выгоды, нѣкоторые недостатки и злоупотребленія“ — угрожаетъ общественному порядку. „Нахожу сію статью, писанъ оныъ министру просвѣщенія, совершенно неприличною, ибо упоминаемыя въ ней предметы относятся до поличенія самого правительства и отнюдь не могутъ подлежать сужденію частныхъ лицъ публично.“ Тѣмъ не менѣе Яценковъ касался этихъ щекотливыхъ предметовъ, прибѣгая къ шлоказаніямъ, или говоря о другихъ временахъ и другихъ странахъ. Такъ, оныъ сдѣлалъ нѣсколько намековъ на современность въ статьѣ „О стараніи императрицы Екатерины II

* Въ 1823 году въ одномъ Петербургѣ, какъ видно изъ отчетовъ тогдашней цензуры, выходило 15 періодическихъ изданій, а именно: 1) *Журналъ Человѣколюбиваго Общества*. 2) *Соревнователь благотворительности и просвѣщенія*. 3) *Сынъ Отечества*. 4) Литературныя къ нему прибавленія. 5) *Сибирскій Сборникъ*. 6) *Отечественныя Записки*. 7) *Благонамѣренный*. 8) *Русскій Инвалидъ*. 9) Литературныя къ нему прибавленія. 10) *Сѣверный Архивъ*. 11) Литературныя къ нему прибавленія. 12) *St. Petersburgische Zeitschrift*, 13) *Дѣтскій Музеумъ*. 14) *Сѣверная Арфа*. 15) *Журналъ изящныхъ искусствъ*. Даже въ провинціяхъ находились охотники предпринимать періодическія изданія: капитанъ-лейтенантъ Броневскій просилъ (но не получилъ) разрѣшенія издавать ежедѣльную газету въ Тулѣ.

о дешевой жизни и потребности." Эта статья раздразжила министра полиціи, который выразился о ней въ отношеніи своемъ къ графу Разумовскому слѣдующимъ образомъ: „Статья эта наполнена разсужденіями не только самыми глупыми, бессмысленными, но и дерзкими, неповолятельными, могущими имѣть вредное вліяніе на мнѣніе народное. Какъ дерзнуть человеку, не имѣющему (что все сплетеніе вѣдѣныхъ его разсужденій доказуетъ) ни малѣйшаго понятія о первыхъ началахъ науки, дѣлать примѣненіе и сравненіе относительно мѣръ, принятыхъ и приемлемыхъ правительствомъ въ разные времена по части государственнаго хозяйства?“ Но *Духъ Журналовъ* не удивился и въ 1818 году напечаталъ нѣсколько статей, касавшихся положенія крепостныхъ крестьянъ. Графъ Разумовскій потребовалъ объясненія у журналиста; тотъ сослался на цензурный уставъ 1804 г. и на авторитетъ *Сѣверной Почты*, газеты издававшейся при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ которой „встрѣчаются многократныя повторенія о пользѣ свободнаго книгопечатанія“. О правахъ дарованныхъ крестьянамъ покупать земли въ собственность говорилось въ *Историческомъ*, *Географическомъ* и *Статистическомъ Журналь*, съ присовокупленіемъ мысли, что „главное средство къ возведенію русскаго государства на высочайшую степень благосостоянія состоитъ въ томъ, чтобы доставить крестьянамъ большую гражданскую свободу и даровать въ полной мѣрѣ права и преимущества принадлежащія имъ, какъ существамъ разумнымъ“. Малороссійскій генералъ-губернаторъ, князь Репнинъ, жаловался, что статья, изъ которой приведены эти строки, произвела будто бы волненіе между крестьянами въ одномъ изъ имѣній графа Кочубея; цензоръ и журналистъ подверглись преслѣдованію; цензура удвоивала свое усердіе и требовала усиленія своихъ штатовъ; но ревностно преслѣдуемая мысль безпрестанно появлялась снова то въ одномъ изданіи, то въ другомъ, то въ такой, то въ иной формѣ: духъ критики устремлялся на дѣйствовавшій въ то время тарифъ, говорилъ о запретительной системѣ торговли, разсматривалъ различныя формы государственнаго управленія, касался даже религиозныхъ предметовъ. Въ оборотъ просились совершенно новыя понятія; выдвигались новыя лица. Въ 1818 году собирался выступить на журнальное поприще

еще вовсе неизвѣстный тогда Александръ Бестужевъ, но получилъ отказъ за молодостию и неизвѣстностию.

Замѣчательно, что обнаруживавшееся такимъ образомъ движеніе, сильно преслѣдуемое одною частию правительственныхъ лицъ, находило сочувствіе и даже поддержку со стороны другой. Упомянемъ Козодавлева и канцлера графа Румянцева. Можно полагать, что *Сѣверная Почта* восхваляла свободу печати не безъ вѣдома министра внутреннихъ дѣлъ; Карамзинъ отзывался о немъ и о престарѣломъ канцлерѣ какъ о либералахъ, зашедшихъ едва ли не гораздо далѣе многихъ журналистовъ. Онъ писалъ Дмитріеву: „Давно не говорилъ я тебѣ объ *умномъ министръ* (Козодавлевѣ); онъ всегда ласковъ ко мнѣ и жалуется, что я хвалю самодержавіе, а не либеральныя идеи.“ — „Съ канцлеромъ уже не спорю.“ Ни для кого не было также тайной, что и самъ государь былъ расположенъ къ расторгненію крѣпостной зависимости крестьянъ и къ дарованію націи свободныхъ учрежденій. Его рѣчь на варшавскомъ сеймѣ 1818 года, хотя и конфискованная русскою цензурою (случай болѣе нежели куріозный!) не могла остаться неизвѣстною въ Петербургѣ, Москвѣ и цѣлой Россіи, какъ впрочемъ свидѣтельствуетъ и Карамзинъ: „Варшавскія рѣчи сильно колеблютъ умы“, замѣчалъ онъ въ одномъ изъ писемъ, писанныхъ въ это время. Государь, повидимому, сомнѣвался въ способности Россіи и Русскихъ къ самоуправленію, но, какъ извѣстно, гордился своимъ качествомъ конституціоннаго монарха въ Царствѣ Польскомъ. А если это было такъ, то станемъ ли удивляться, что молодое поколѣніе, — всегда жаждущее новизны, шума и движенія, что поколѣніе, которое не видало мрачныхъ сторонъ французской революціи, но воспиталось подъ влияніемъ понятій, пущенныхъ ею въ оборотъ, — что это молодое поколѣніе было рѣшительно недовольно духомъ господствовавшимъ въ *Исторіи* Карамзина? Г. Погодинъ приводитъ очень любопытное этому свидѣтельство, — а именно, небольшую записку или замѣтку, составленную однимъ изъ корифеевъ тогдашней молодежи, и которая въ свое время ходила по рукамъ въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кругахъ. Молодой критикъ Карамзина ограничиваетъ свой разборъ однимъ предисловіемъ *Исторіи Государства Россійскаго*, въ которомъ, какъ извѣстно, преимущественно выразилась философія историографа. „Мятежныя страсти“, говорилъ

Карамзинъ въ этомъ предисловіи, во всё время волновали гражданское общество; и „благотворная власть ихъ обуздывала“. Власть, возражаетъ критикъ, бывала иногда благотворна, но эти примѣры рѣдки; обыкновенно страстямъ противятся другія страсти, и въ этой борьбѣ нѣтъ ничего бѣдственнаго для общества. „Въ нравственномъ, равно какъ въ физическомъ мірѣ, согласіе цѣлаго основано на бореніи частей.“ Но „трудно малому числу людей быть выше страстей народовъ, къ коимъ принадлежатъ они сами, быть благоразумнѣе вѣка и удерживать стремленіе цѣлыхъ обществъ.“ — „Отъ времени до времени рождаются новыя понятія, новыя мысли; онѣ долго думаются, созрѣваютъ, потомъ быстро распространяются и производятъ долговременныя волненія, за которыми слѣдуетъ новый порядокъ вещей, новая нравственная система. Какой умъ можетъ предвидѣть и объять эти волненія? Какая рука можетъ управлять ихъ ходомъ? Кто дерзнетъ въ высокоуміи своемъ насильствами удержать и самый порядокъ? Кто противостоитъ одинъ общему мнѣнію?“ — „Насильственными средствами и беззаконны, и губельны, ибо высшая политика и высшая нравственность одно и то же.“ Далѣе молодой критикъ съ силою возстаетъ противъ выраженной Карамзинимъ мысли, что исторія, указывая на бѣдствія прежнихъ временъ, миритъ челоѣка съ настоящимъ его положеніемъ. „Конечно, говоритъ онъ, несовершенство есть неразлучный товарищъ всего земнаго; но исторія должна ли только миритъ насъ съ несовершенствомъ, должна ли погружать насъ въ нравственный союзъ квіетизма? Въ томъ ли должна состоять гражданская добродѣтель, которую народное бытописаніе воспламенять обязано? Не миръ, но брань вѣчная должна существовать между зломъ и благомъ: добродѣтельные граждане должны быть въ вѣчномъ союзѣ противъ заблужденій и пороковъ.“ Авторъ *Исторіи Государства Россійскаго* порицаетъ Юма за его холодность: „но часто ли попадались Юму Алфреды, а можно ли любить притѣснителей и заклены? Тацита одушевлено негодованіе.“

Такъ выражалась часть молодого поколѣнія. Челоѣкъ искушенный жизнью можетъ назвать вышеприведенныя разсужденія политической поэзіей; онъ замѣтитъ, что борьба возможна и желательна только въ сферѣ умственной, но что власть обязана строго охранять матеріальный порядокъ; онъ согла-

сится, что исторія не должна мирить со зломъ, но замѣтить, что она должна указать, съ какою медленностію совершается движеніе добраго, надежнаго прогресса, и вразумлять слѣшкомъ нетерпѣливыхъ; во всякомъ случаѣ оны, однакожь, не осудить въ которое нетерпѣніе, обнаруживающееся въ приведенныхъ строкахъ, и расположенъ будетъ найти въ ихъ авторѣ задатки добра... Поэтому, я думаю, читатель не безъ удивленія узнаетъ, что этотъ авторъ былъ Никита Муравьевъ, будущій государственный преступникъ и одинъ изъ предводителей декабристовъ. Въ описываемое время, какъ открыла потомъ сѣдственная коммиссія 1826 года, Муравьевъ принадлежалъ къ обществу „Союза благоденствія“, имѣвшему цѣлю „способствовать всему полезному, если не содѣйствиємъ, то хотя изъявленіемъ одобренія; стараться пресѣкать злоупотребленія, оглашая предосудительные поступки недостойныхъ общей довѣренности чиновниковъ.“ Такимъ образомъ оно не заключало въ себѣ ничего революціоннаго. Но замкнувшись въ тѣсный кружокъ, привлекая новыхъ адептовъ путями прельщенія, сходясь между собою не иначе какъ подъ покровомъ тайны, молодые члены этого общества мало-по-малу привыкли сами смотрѣть на себя какъ на заговорщиковъ и наконецъ дѣйствительно сдѣлались ими.

Вотъ элементы того умственного движенія, которое тихо и тайно совершалось въ средѣ русскаго общества и которому направленіе Карамзина должно было не нравиться,—и не нравиться тѣмъ болѣе, что это неудовольствіе не имѣло возможности высказаться. Съ другой стороны, былъ ли неправъ Карамзинъ, когда оны, не довѣряя этому движенію, возлагалъ свои упованія на Провидѣніе и на внушеніе сердца царева? Не изъ этого ли источника истекли всѣ истинно-либеральныя мѣры, прославившія царствованіе Екатерины? Не она ли сама собственноручно начертала *Наказъ*? Не личнымъ ли ея дѣломъ было созваніе коммисіи уложенія? Не самими ли благими желаніями одушевленъ былъ и Александръ, вступая на престолъ? Лицамъ, окружавшимъ этихъ государей, оставалось бы только облекать въ законодательныя формы ихъ мысли, сообщать ихъ намѣреніямъ плоть и кровь, чтобы навѣки прославить и монарховъ, которымъ служили они, и себя самихъ. А то ли было дѣйствительно? Изъ того немногаго, что открыто намъ объ исторіи наказа и коммисіи

уложенія, мы знаемъ, что именно въ средѣ людей окружавшихъ знаменитую императрицу и обнаруживалось противодѣйствіе ея великодушнымъ намѣреніямъ; они возражали противъ отчужденія пытки и дарованія личныхъ (даже не имущественныхъ) правъ крестьянамъ, они внушали императрицѣ опасенія относительно представителей земства. Небольшая группа молодыхъ людей, окружавшая Александра I при его вступленіи на престолъ, правда, расположена была содѣйствовать его либеральнымъ видамъ; но не имѣя ни нужныхъ способностей, ни необходимаго знанія для того, чтобы выйти изъ круга теоретическихъ умствованій, эти люди отыскиваютъ въ рядахъ мелкаго чиновничества дѣльца, котораго надѣются сдѣлать своимъ орудіемъ. Горькое разочарованіе! Сперанскій мгновенно заслоняетъ ихъ всѣхъ и принимается все ломать и крушить, какъ истый бюрократъ. Одна изъ самыхъ злобныхъ интригъ, какія только представляетъ исторія, вооружась клеветой и эксплуатировавъ патриотическое настроеніе общества, низвергаетъ Сперанскаго. Но что же? Враги его воспользуются ли, наконецъ, вырванною у него властью? Понесутъ ли сами бремя, которое онъ несъ болѣе пяти лѣтъ, не зная усталости и не прося ничьей помощи? Нѣтъ, вмѣсто бывшаго семинариста, они подставляютъ гатчинскаго капрала, и поклоняются ему, и послужатъ ему.

Вотъ что Карамзинъ не только вычиталъ въ старыхъ книгахъ, но видѣлъ собственными глазами. Что видѣлъ онъ дѣше? Видѣлъ ли онъ въ провинціальномъ дворянствѣ (о другихъ сословіяхъ не говорю) горячее стремленіе къ пріобрѣтенію политическихъ правъ и той свободы, о которой любили распространяться тогдашніе либералы? Увы, провинціальное дворянство могло желать только личной и имущественной безопасности, возможности, не опасаясь неприяностей, высказывать свой образъ мыслей хоть на словахъ, не видѣть начальника въ каждомъ чиновникѣ, избавиться отъ формальностей сопровождающихъ каждое личное перемѣщеніе, каждое промышленное предпріятіе, каждый торговый оборотъ.... При такомъ положеніи „привилегированнаго сословія“, кто, кромѣ юныхъ мечтателей, могъ серьезно помышлять о политической свободѣ и почитать тогдашнее русское общество къ ней способнымъ! Вотъ почему, должно сознаться, Карамзинъ обнаруживалъ несравненно болѣе государственной провизцательности нежели иныя правительственныя лица его

времени, когда онъ отвѣчалъ грустною улыбкой на ихъ толки о представительныхъ палатахъ и просилъ только немножко меньше стѣсненій въ частной жизни. Вотъ почему такую горькою правдой дышать слѣдующія слова, занесенныя имъ въ свою памятную книжку: „Аристократы, демократы, либералисты, сервидисты! Кто изъ васъ можетъ похвалиться искренностію, Вы всѣ авгуры, и боитесь заглянуть въ глаза другъ другу! чтобы не умереть со смѣху! Аристократы, сервидисты хотятъ стараго порядка, ибо онъ для нихъ выгоденъ; демократы, либералисты хотятъ новаго безпорядка, ибо надѣются имъ воспользоваться для своихъ личныхъ выгодъ.“

Съ другой стороны, Карамзинъ видѣлъ, что личныя понятія и даже вкусы государей могущественнымъ образомъ отражаются на судьбахъ государства даже и тогда, когда воля государей встрѣчаетъ преграды и когда эти вкусы имѣютъ совершенно приватный характеръ. Либеральные годы царствованія Екатерины и Александра возбуждаютъ умственное движеніе, котораго продолжателемъ и органомъ былъ самъ Карамзинъ; пристрастіе Павла и Александра къ остзейскому и польскому дворянству пустило въ ходъ анти-національныя понятія; набожность и мистицизмъ, которымъ съ 1814 года сталъ поддаваться Александръ, выдвинули цѣлую фалангу ханжей и изуверовъ — Кутузовыхъ, Магницкихъ, готовыхъ преслѣдовать мысль и науку *ad majorem Dei gloriam*.... Что же оставалось дѣлать доброму гражданину? Что оставалось дѣлать Карамзину? Ничего болѣе, какъ принять въ руководство слѣдующую мысль: „Для существа нравственнаго нѣтъ блага безъ свободы.... Свободу мы должны завоевать въ своемъ сердцѣ миромъ совѣсти и довѣренности къ Провидѣнію!“

Такова сущность политической философіи Карамзина. Онъ провозглашалъ и развивалъ ее неизмѣнно и въ *Исторіи* своей, и въ своемъ журналѣ. Но, находясь самъ въ исключительномъ положеніи, онъ принялъ на себя и обязанность исключительную, — святую обязанность представлять государю о состояніи общественнаго мнѣнія и о теченіи дѣлъ съ той точки зрѣнія, съ какой не могли или не желали видѣть ихъ официальные совѣтники государевы. Въ продолженіе семи лѣтъ его близости къ императору Александру подобные случаи представлялись Карамзину довольно часто: „Я не безмолвствовалъ, читаемъ мы въ бумагахъ оставленныхъ имъ

дѣтямъ своимъ,—я не безмолвствовалъ о налогахъ въ мирное время, о нехѣпой Г... (гурьевской) системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о министерствѣ просвѣщенія или *затмѣнія*, о необходимости уменьшить войско, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа, наконецъ, о необходимости имѣть твердые законы гражданскіе и государственные.“ Карамзинъ не безмолвствовалъ о томъ, что самый способный изъ государственныхъ людей того времени, образумленный опытомъ жизни и непосредственнымъ знакомствомъ со страной, Сперанскій, остается не употребленнымъ, и безъ сомнѣнія, способствовалъ его возвращенію; онъ не безмолвствовалъ и о многомъ другомъ, сопровождая государя въ его ежедневныхъ прогулкахъ по аллеямъ Царско-Сельскаго сада. Въ этихъ уединенныхъ бесѣдахъ, вполнѣ искреннихъ съ обѣихъ сторонъ, Карамзинъ имѣлъ возможность узнать многое такое, что оставалось тайною для официальныхъ совѣтниковъ государя, изучать самыя сокровенныя движенія его души и убѣдиться, что душа Александра была несравненно лучше его правленія. Такъ напримѣръ, въ эту вторую половину своего царствованія, которой Карамзинъ былъ закулиснымъ свидѣтелемъ и которую не безъ основанія находятъ совершенно не похожею на первую, государь оставался, говоря вообще, тѣмъ же либеральнымъ человѣкомъ, какъ и въ своей юности, искренно преданнымъ принципу свободы и представительнымъ формамъ правленія. Есть много поводовъ догадываться, что онъ думалъ о практическомъ примѣненіи своихъ мыслей во время обширныхъ административныхъ реформъ, ознаменовавшихъ первую половину его царствованія, но что онъ отсрочивалъ осуществленіе этихъ мыслей, не видя къ нимъ сочувствія въ средѣ окружавшихъ его лицъ и даже встрѣчая имъ явное противодѣйствіе, когда, по удаленіи Сперанскаго, а потомъ и Румянцова, ближайшими къ государю лицами сдѣлались Шиховъ, Аракчеевъ, Балашовъ и т. п. Съ другой стороны, въ 1813 году государь снова встрѣтился съ княземъ Чарторыйскимъ, нѣсколько лѣтъ уже проживавшимъ въ Варшавскомъ Герцогствѣ, и нашелъ въ немъ, какъ и прежде, горячаго поборника представительныхъ формъ правленія и идеи возстановленія Королевства Польскаго. Польская и литовская знать, руководимая Чарторыйскимъ и

графомъ Огинскимъ, горячо ходатайствовавшая за свои старинные сеймы, должна была естественно показаться императору Александру неизмѣримо выше Шишковыхъ, Аракчеевыхъ, Вязитиновыхъ и стоявшихъ за ними царедворцевъ, которые обѣими руками отталкивали политическую, и даже гражданскую свободу, которые находили вънецъ всѣхъ правъ и преимуществъ въ сохраненіи за ними крѣпостнаго права и болѣе ничего не желали. Александръ отшатнулся отъ нихъ душою и предался увлекавшему его теченію. Онъ образовалъ Царство Польское и съ любовью собралъ въ залы варшавскаго замка представителей польскаго земства. Известно, что эти представители не обнаружили ни признательности, ни преданности великодушному для нихъ монарху; но ни неблагодарность ихъ, ни ихъ политическая незрѣлость не могла разочаровать Александра, свисходительнаго къ частнымъ несовершенствамъ любимой имъ системы; притомъ ее горячо защищали Чарторыйскій и другіе приближенные къ государю магнаты, а русскіе его совѣтники, за малыми исключеніями, не видѣли въ томъ никакой бѣды и радовались, что опасные, по ихъ понятіямъ, вкусы императора находятъ удовлетвореніе на маленькомъ клочкѣ земли, достаточно отдаленномъ отъ центра Россіи, чтобы не заразить ея ядомъ парламентаризма, ответственности министровъ, повѣрки бюджета и т. п.

Но группа знатныхъ Поляковъ, увивавшихся вокругъ государя, имѣла свои особые виды. Употребляя въ свою пользу его привязанность къ представительной формѣ правленія, польскіе патриоты проводили мысль о присоединеніи къ маленькому Царству Польскому обширнаго задѣпровскаго края, въ которомъ, говорили они, тоже сохранились преданія политической жизни. Это было какъ нельзя болѣе благовидно и совершенно совпадало съ тою мыслию, которая проглядываетъ въ Вѣнскомъ трактатѣ о присвоенномъ государю правѣ расширить границы Царства внутри своихъ владѣній. На этомъ останавливались желанія польской партіи; но государь шелъ гораздо далѣе; онъ хотѣлъ ввести представительную систему и по сю сторону Днѣпра. Это было имъ прямо высказано въ рѣчи произнесенной на варшавскомъ сеймѣ 1818 года. „Существовавшія въ вашей странѣ учрежденія, сказалъ онъ обращаясь къ польскимъ посланцѣмъ, дозволили немедленное введе-

нѣ въ оной дарованной мною конституціи, съ сохраненіемъ тѣхъ либеральныхъ установленій, которыя никогда не переставали быть предметомъ моихъ попеченій, и благотворное вліяніе которыхъ я надѣюсь, съ помощію Божіей, распространить на всѣ области, вѣрными мнѣ Провидѣніемъ.“ Но для Имперіи собственно—это было бы дѣломъ будущаго, которое, можетъ-быть, пришлось бы отдалить на неопредѣленное время: а между тѣмъ возстановленная въ своихъ прежнихъ границахъ Польша, возбуждаемая въ своемъ національномъ чувствѣ, приобретающая политическія права, а съ ними и новыя нравственныя силы, получила бы такой перевѣсъ, что Россія, коренная Россія, та, которая въ XVIII вѣкѣ подчинила Польшу, — неизбѣжно была бы отброшена какъ лишній грузъ, какъ нѣчто презрѣнное, прикосновеніе коего заражаетъ невѣжествомъ и рабствомъ.

Вотъ опасности, которыя угрожали Россіи отъ польскихъ совѣтниковъ государя. Знали-ль о ихъ замыслахъ русскіе его совѣтники? Не извѣстно; но знаемъ, что тотъ *одинъ*, который рѣшился освѣтить бездну, вырытую и Россіи и ея государю, не принадлежалъ къ числу официальныхъ совѣтниковъ государевыхъ; этотъ человекъ былъ Карамзинъ. 17-го октября 1819 года, совершая обыкновенную прогулку въ Царскосельскомъ саду, съ государемъ, Карамзинъ услышалъ отъ него о предположеніи возстановить Королевство Польское въ старинныхъ его границахъ.... Онъ тотчасъ же спѣшить домой, беретъ перо и быстро набрасываетъ слѣдующія безсмертныя строки:

„Государь! въ волненіи души моея, любящей Отечество и Васъ, спѣшу, послѣ нашего разговора, излить на бумагу нѣкоторыя мысли, не думая ни о краснорѣчьи, ни о строгомъ логическомъ порядкѣ. Какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ Вами.

„Вы думаете возстановить Польшу *въ ея цѣлости*, дѣйствуя какъ христіанинъ, благотворя врагамъ. Государь! Вѣра христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ; есть внутреннее неизглаголанное, небесное чувство; она выше земли и міра; выше всѣхъ законовъ — физическихъ, гражданскихъ, государственныхъ — но ихъ *не отменяетъ*. Солнце течетъ и нынѣ по тѣмъ же законамъ, по коимъ текло до явленія Христа-Спасителя: такъ и гражданскія общества не перемѣнили своихъ коренныхъ уставовъ; все осталось, какъ было на землѣ, и какъ иначе быть не можетъ: только возвысилась душа въ ея сокровенно-

стать, утвердилась въ невидимыхъ связяхъ съ Божествомъ, съ своимъ вѣчнымъ, истиннымъ Отечествомъ, которое внѣ матеріи, внѣ пространства и времени. Мы облизались съ небомъ въ *чувствахъ*, но *дѣйствуемъ* на землѣ, какъ и прежде дѣйствовали. *Письмъ отъ міра сего*, сказалъ Христосъ: а граждане и государства въ семь мірѣ. Христосъ велитъ любить враговъ: любовь есть *чувство*; но Онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ воинамъ оборонять государства. Вы—христианинъ, но Вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи, какъ Греки-язычники истребили Персовъ на поляхъ Эллады; Вы исполняли законъ государственннй, который не принадлежитъ къ религіи, но также данъ Богомъ: законъ естественной обороны, необходимый для существованія всѣхъ земныхъ тварей и гражданскихъ обществъ. Какъ христианинъ любите своихъ личнхъ враговъ; но Богъ далъ Вамъ царство и вмѣстѣ съ нимъ обязанность исключительно заниматься благомъ оваго. *Какъ чело-вѣкъ по чувствамъ души*, озаренной свѣтомъ христианства, Вы можете быть выше Марка Аврелія, но *какъ Царь* Вы то же, что онъ. Евангеліе молчитъ о политикѣ; не даетъ новоя: или мы, захотѣвъ быть христианами-политиками, впадемъ въ противорѣчія и несообразности. Меня удари-ать въ ланиту: я какъ христианинъ долженъ подставить другую. Непрiятель сожжетъ нашъ городъ: впустимъ ли его мирно въ другую, чтобъ онъ также обратилъ его въ пепелъ? Какъ могъ язычникъ Маркъ Аврелій, такъ можетъ и христианинъ Александръ благотворить врагамъ государственнмъ, уже *побѣжденнымъ*, сдѣлая закону чело-вѣколюбія, извѣстнаго и добродѣтельнымъ язычникамъ, но единственно въ такомъ случаѣ, когда сіе благотвореніе не вредно для Отечества. Любите людей, но еще больше любите Россіянъ, ибо они и люди, и Ваши подданные, дѣти Вашего сердца.

„Вы думаете возстановить *древнее* Королевство Польское; но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? согласно ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовію къ Россіи и къ самой справедливости?... Можете ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волинію, Подолю, утвержденную собственность Россіи еще до Вашего царствованія? Не клянутся ли Государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли уже были *Россією*, когда митрополитъ Платонъ вручалъ Вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы Самы назвали *Великою*. Скажутъ ли, что она незаконно раздѣлила Польшу? Но Вы поступили бы еще незаконнѣе, еслибы вздумали заглядить ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечомъ: вотъ ваше право, коему всѣ государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ исторіи за свое дѣло; но оно сдѣлано, и для Васъ Польша есть законное россійское владѣніе. *Старыхъ*

крѣпостей нѣтъ въ политикѣ: иначе мы должны были возстановить и Казанское, Астраханское Царство, Новгородскую Республику, Великое княжество Рязанское, и такъ далѣе. Къ тому же и *по старымъ крѣпостямъ* Бѣлоруссія, Волынія, Подоля, вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у Васъ потребуютъ и Киева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или ничего. Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: *ни пяди ни врагу, ни другу!* Наполеонъ могъ завоевать Россію; но Вы, хотя и Самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижинъ русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушнѣй, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого за благо разсудите? Россія, Государь, безмолвна передъ Вами; но еслибы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела нѣкогда историка достойнаго, искреннаго, безпристрастнаго, то онъ, Государь, осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредное для Вашего истиннаго Отечества, доброй, сильной Россіи. Сей историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говорить Вамъ Поляки; извиняемъ ихъ, но Васъ бы мы, Русскіе, не извинили, еслибы Вы для ихъ рукоплесканія вернули насъ въ отчаяніе. Государь, нынѣ славный, великій, любезный! отвѣтствую Вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу Русскихъ, и знаю ихъ: мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю; остыли бы душою и къ Отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола; ослабили бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ; унизились бы предъ другими и предъ собою. Не опустѣлъ бы, конечно, дворецъ; Вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ: но они служили бы не Отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы.... А Вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу!

„Однимъ словомъ.... и Господь Сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю Вамъ не истину.... однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обогрѣютъ своею кровію землю Польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу!

„Нѣтъ, Государь, никогда Поляки не будутъ намъ искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабые; когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи, конечно не въ Ваше царствованіе, но Вы, Государь, смотрите далѣе своего вѣка, и если не безсмертны тѣломъ, то безсмертны славою! Въ дѣлахъ государственныхъ чув-

ство и благодарность безмолвны; а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Литва, Волянія желаютъ Королевства Польскаго, но мы желаемъ единой Имперіи Россійской. Чей гласъ долженъ быть слышимъ для Вашего сердца? Онъ, въ случаѣ войны, впрочемъ, ни мало не вѣроятной (ибо кому теперь возстать на Россію?) могутъ измѣнить намъ: тогда накажемъ измѣну силою и правомъ: право всегда имѣетъ особенную силу, а бунтъ, какъ беззаконіе, отнимаетъ ее. Поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго, державнаго народа, для насъ опаснѣе Поляковъ-Россіянъ.

„Государь! Богъ далъ Вамъ такую славу и такую державу, что Вамъ безъ неблагодарности, безъ грѣха христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою политикою, нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ; второе хорошими законами и еще лучшему управоу....“

Мѣсяца два съ небольшимъ послѣ того какъ было подано это достопамятное письмо, Карамзинъ отмѣтилъ, съ надписью „Для потомства“, слѣдующее: „Читаю (вышеприведенное письмо) Государю въ тотъ же вечеръ. Я пилъ у Него чай въ кабинетѣ, и мы пробыли вмѣстѣ, съ глазу на глазъ, пять часовъ, отъ семи до часу за полночь. На другой день я у Него обѣдалъ еще въ Петербургѣ.... но мы душою разстались, кажется, на вѣки.... Потомство! Достоинъ ли я быть имени гражданина русскаго? Любилъ ли Отечество? Вѣрилъ ли добродѣтели? Вѣрилъ ли Богу.... я не зналъ нужды по своей бережливости и по милости Божіей, но не имѣлъ достатка, имѣя многочисленное семейство безъ способовъ воспитывать дѣтей, какъ бы мнѣ хотѣлось. Не хочу описывать всего разговора моего съ Государемъ.“—„Но вообще я мало говорилъ и не хотѣлъ говорить. Душа моя остыла....“

Слишкомъ черезъ годъ послѣ представленія своего письма государю, Карамзинъ рѣшился сказать о немъ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Такимъ образомъ о великомъ гражданскомъ подвигѣ Карамзина, высоко возводящимъ его надъ Яковомъ Долгорукимъ, знали въ продолженіе остальной его жизни лишь его жена и царственная чета; какъ вышеприведенное письмо, такъ и прибавленіе „Для потомства“ были имъ запечатаны, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бумагами, въ особый конвертъ съ слѣдующею надписью: „Бумаги для моихъ сыновей, когда они вырастутъ.“

Счастливы сыновья, получающіе подобное наслѣдство!

Вышеприведеннаго достаточно, чтобъ оцѣнить ту степень довѣрія, которою Карамзинъ пользовался со стороны государя. Но отношенія его ко всѣмъ особамъ царской фамилии представляютъ такое исключительное явленіе, что на немъ нельзя не остановиться съ чувствомъ поистинѣ отраднымъ, такъ какъ это явленіе доказываетъ высокія нравственныя качества обѣихъ сторонъ. Императрица Марія Ѳеодоровна вступила съ нимъ въ письменныя сношенія еще во время его пребыванія въ Москвѣ, на основаніи отзывовъ о немъ великой княгини Екатерины Павловны; она же оказала ему, какъ мы видѣли, наиболѣе привѣта въ то время, когда онъ находился, повидимому, въ двусмысленномъ положеніи, прибывъ въ Петербургъ для представленія первыхъ восьми томовъ своей исторіи; она, наконецъ, осыпала его знаками всевозможнаго вниманія, когда онъ переселялся изъ Москвы. Нѣсколько поздне, но не менѣе искренно онъ былъ облаканъ и императрицей Елисаветой Алексѣевною.... Удостоенный ихъ короткости, онъ писалъ Дмитріеву: „Самые пріятнѣйшіе для меня выѣзды — къ двумъ императрицамъ, любимымъ мною душевно: нельзя обходиться милостивѣе и простѣе, какъ онѣ обходятся.“ Онъ былъ дорогимъ и уважаемымъ ихъ собесѣдникомъ; онѣ присылали ему книги для прочтенія, онъ рекомендовалъ имъ авторовъ и ихъ сочиненія, — иногда русскія, если они заслуживали особеннаго вниманія. Карамзинъ не любилъ разлучаться съ своею супругой: императрицы не только принимали ее, но ласкали наравнѣ съ нимъ самимъ; онъ не получалъ почти ни одной записки отъ своихъ августѣйшихъ корреспондентовъ, въ которыхъ бы не было поклона, милостиваго слова къ Екатеринѣ Андреевнѣ (г-жѣ Карамзиной). Вотъ нѣсколько образчиковъ его переписки съ императрицею Елисаветой Алексѣевною. По случаю дня ея рожденія онъ поздравлялъ ее слѣдующимъ письмомъ:

„Примите сердечное поздравленіе и желаніе совершеннаго здоровья отъ нездороваго: это желаніе есть ежедневная, утренная и вечерняя молитва наша, моя и жены моей; но сегодня чувствуемъ его еще живѣе. Вы любимы и любите; живите же какъ можно дольше, то-есть, какъ можно долѣе заслуживайте на землѣ небо! чѣмъ долговременнѣе служба, тѣмъ болѣе награды. Мнѣ грустно, что въ нынѣшній торжественный день не могъ я нарядиться, выѣхать и видѣть

Васъ,—по крайней мѣрѣ быть въ преддверіи Вашего кабинета. Впрочемъ я только что не совѣтъ здоровъ; душа моя свѣтла: праздную! Заключаю просьбою о милости: сказать Государю, что Карамзины, мужъ и жена, усердно поздравляютъ Его со днемъ Вашего рожденія.“

А вотъ послѣдовавшій [въ тотъ же день отвѣтъ императрицы:

„J'apprends avec infiniment de peine, monsieur, que vous ne vous portez pas bien, et ce sentiment prédomine trop en moi, pour que je ne vous l'exprime pas avant ma reconnaissance pour le souvenir si bon, si affectueux, que vous donnez à mon jour de naissance. Je vous remercie de ce que vous me dites, et je reconnais, que vous avez raison: il faut travailler pour mériter, et il y a de la paresse à désirer d'abrégér l'ouvrage. Il en sera, ce qui plaira à Dieu; qu'il daigne au moins conserver ceux, dont l'amitié et l'affection font encore la nourriture de mon ame. Vous sentez que ce vœu vous impose aussi des obligations.

„Je remplirai la commission, dont vous me chargez pour l'empereur. Veuillez remercier madame Karamsin de la part qu'elle a dans les sentiments, que vous m'exprimez, et portez vous bien, je vous en prie; du moins ne négligez rien de ce qui tient à votre santé.“

Вотъ еще одно письмо Карамзина къ государынѣ.

„Жизнь коротка, — и тѣмъ живѣе чувствуемъ ея пріятности; тѣмъ живѣе чувствую Вашу,—если смѣю сказать,—любезность: это слово можно, думаю, употреблять и въ самомъ высокомъ смыслѣ. Воображеніемъ цѣлую Вашу милую ручку, въ надеждѣ поцѣловать ее существенно черезъ нѣсколько часовъ, какъ Вы позволяете.“

„Вѣчно вашъ...“

Переписка между Карамзинымъ и вдовствующею императрицей, какъ весьма уже не молодою женщиной, была еще, можно сказать, дружественнаѣ; она постоянно писала ему по-русски. Вотъ нѣсколько образчиковъ писемъ императрицы Маріи: „Истинно сожалѣю о вашемъ нездоровьи; но надѣюсь, что если вы, батюшка, будете себя беречь, то малыя воспитаницы общества не лишатся присутствія того, кого умѣютъ почитать и любить, столько же сколько старая ихъ начальница.“—„Примите усерднѣйшее мое поздравленіе со днемъ вашего ангела. Богъ васъ сохрани, батюшка, и испошли на васъ все свое благословеніе; будьте счастливы и здоровы. Благодарю васъ за воспоминаніе о сынѣ

моемъ. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣстія о вашемъ выздоровленіи и чтобы вы могли пріѣхать въ нашу семейную бесѣду.“

Что касается до императора Александра, то независимо отъ того обаянія, какую заключаютъ въ себѣ искреннія отношенія къ каждому въяценосцу, онъ проливалъ на Карамзина и его семейство все одному ему вѣдомыя очарованія. Въ 1821 году Карамзинъ писалъ о немъ Дмитріеву: „Кромѣ его любезнаго обхожденія со мною, онъ имѣетъ въ себѣ что-то особенно привлекательное: вижу въ немъ болѣе человека нежели царя; а какъ вспомню что это царь,—нахожу еще любезнѣе. Дай Богъ чтобы вся Россія и потомство отдали ему современемъ справедливость. Желаю того еще болѣе изъ любви къ Россіи нежели изъ любви къ Александру. Судьба страннымъ образомъ приближила меня въ дѣлахъ преклонныхъ къ двору необыкновенному и дала мнѣ искреннюю привязанность къ тѣмъ, чьей милости все ищутъ, но кого рѣдко любятъ.“ — „Моя привязанность къ нему есть сердечная и не имѣетъ нужды въ новыхъ доказательствахъ его къ намъ милости.“ Эти доказательства однако время отъ времени проявлялись, а какъ Карамзинъ принималъ ихъ, видно изъ слѣдующаго письма его къ государю:

„Въ лицѣ исторіографа приношу Вашему Императорскому Величеству подданнѣйшую благодарность за чинъ, которымъ Вы хотѣли изъяснить для публички вниманіе къ трудамъ не бесполезнымъ, можетъ-быть, и въ государственномъ смыслѣ. Теперь же въ лицѣ Карамзина повторю то, что всего болѣе люблю говорить Вамъ: мужъ, жена, дѣти, все мы привязаны къ Вамъ безкорыстно. Богъ съ Вами и съ нами! Будьте здоровы.

„На вѣки съ любовію вѣрноподанный...“

Въ 1820 году случился пожаръ въ Царскосельскомъ дворцѣ, близъ котораго, въ одномъ изъ такъ-называемомъ *кутайскиахъ домиковъ*, жило семейство Карамзиныхъ. „Часу въ третьемъ передъ обѣдомъ,—такъ сообщаетъ этотъ случай Карамзинъ своему неизмѣнному другу Дмитріеву,—я спокойно писалъ въ своемъ новомъ кабинетѣ, и вдругъ увидѣлъ надъ куполомъ церкви (дворцовой) облака дыма съ пламенемъ: бѣгу ко дворцу и нахожу государя, уже дающаго приказанія. Огонь пылалъ, и черезъ десять минутъ головы полетѣли и на исторіографовъ домикъ; кровля наша заго-

рѣлась. Я прибѣжалъ къ своимъ. Катерина Андреевна не терпѣть головы въ такихъ случаяхъ; она собирала дѣтей и хладнокровно сказала мнѣ, чтобъ я спасалъ свои бумаги.... Какъ любезнѣйшій хозяинъ, императоръ вчера же приходилъ къ намъ спросить о здоровьи жены и дѣтей; нынѣ мы у него обѣдаемъ на половинѣ императрицы.“ Два года спустя Карамзинъ былъ опасно боленъ; въ теченіи нѣсколькихъ дней наибольшей опасности государь ежедневно, во время своей прогулки, подходилъ къ домику Карамзина, и не желая тревожить больного, спальня котораго находилась близко отъ двери, останавливался у задняго крыльца, вызывалъ кого-нибудь изъ прислуги и ожидалъ, пока жена или дочь Карамзина выйдетъ сообщить ему, какъ прошла ночь.... Мудрено ли, что оправившись, Карамзинъ писалъ Дмитріеву: „Любовь моя къ государю и къ императрицѣ еще умножилась.“ Мудрено ли, что послѣ кончины своего друга-государя, онъ писалъ: „Мнѣ хочется болѣе плакать нежели писать о немъ. Я любилъ его искренно и нѣжно, иногда негодовалъ, досадовалъ на монарха, и все любилъ человека,—красу человѣчества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, рѣдкимъ незарбіемъ. Не боюсь встрѣтиться съ нимъ на томъ свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣря Богу и добродѣтели.“

Въ 1823 году государь, можно сказать, не цѣнилъ тайнъ отъ Карамзина. Обнародованная на дняхъ переписка этого послѣдняго съ Дмитріевымъ, доказываетъ, что Карамзинъ былъ однимъ изъ числа тѣхъ крайне немногихъ лицъ, которые были посвящены въ тайну отреченія отъ престолонаслѣдія Константина Павловича и назначенія наслѣдникомъ великаго князя Николая. Можетъ-быть, не лишнимъ будетъ напомнить читателямъ главные черты этого дѣла. Не подлежитъ сомнѣнію, что императоръ Александръ возымѣлъ намѣреніе отрѣчься отъ престола еще вскорѣ по окончаніи Наполеоновскихъ войнъ. Основной законъ призывалъ за тѣмъ къ престолу великаго князя Константина; но онъ былъ бездѣтень, поэтому корона должна была рано или поздно достаться великому князю Николаю и его потомству. Потому Государь вознамѣрился при жизни своей сдѣлать соответствующія распоряженія, и въ 1819 году объяснился объ этомъ съ великимъ княземъ Константиномъ. 20-го марта 1820 года послѣдовалъ манифестъ, которымъ узаконялось, что члены

императорской фамилии, вступивъ въ брачный союзъ съ лицомъ не принадлежащимъ къ царствующимъ родамъ, не могутъ сообщить своему потомству правъ, принадлежащихъ императорской фамилии; а какъ вслѣдъ за тѣмъ Константинъ Павловичъ вступилъ въ бракъ съ графинею Грудзинскою (княгинею Ловичъ), то могущее произойти отъ этого брака потомство было устранено отъ престола. Затѣмъ 14 января 1822 года цесаревичъ написалъ формальное отреченіе и отъ собственныхъ своихъ правъ на престолъ, а лѣтомъ того же года архіепископъ, нынѣ митрополитъ Филаретъ московскій сочинилъ, по повелѣнію государя, манифестъ, коимъ объявлялось объ отреченіи цесаревича и назначеніи наследникомъ престола Николая Павловича. Этотъ важный актъ былъ подписанъ государемъ 16-го августа 1823 года и препровожденъ въ Москву для храненія въ Успенскомъ соборѣ, въ запечатанномъ конвертѣ съ слѣдующею собственноручною надписью: „Хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами *до востребованія моего*, а въ случаѣ моей кончины, открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ соборѣ, прежде всякаго другаго дѣйствія.“ Копіи съ этого акта были препровождены въ сенатъ, еи-подъ и государственный совѣтъ, въ конвертахъ съ надписями, подобными вышеприведенной. Все это дѣлалось въ глубочайшей тайнѣ: кромѣ преосвященнаго Филарета, она была повѣрена въ то время лишь Аракчееву и князю А. Н. Голицыну, который собственною рукою переписалъ съ черноваго проекта актъ и три копіи. Но вскорѣ потомъ государь сказалъ объ этомъ и Карамзинымъ, какъ это видно изъ слѣдующаго письма исторіографа къ Дмитріеву (отъ 3-го января 1826 г.) „Ты спрашиваетъ, кто писалъ манифестъ въ августѣ 1823 года? вашъ архипастырь, а конецъ написанъ княземъ А. Н. Голицынымъ, какъ слышалъ я уже давно. Самъ покойный государь еще осенью 1823 года сказывалъ мнѣ и Катеринѣ Андреевнѣ объ этомъ распоряженіи наследства. Мы не измѣнили тайнѣ.“ Такимъ образомъ чета Карамзиныхъ принадлежала къ числу пяти доселѣ извѣстныхъ лицъ, знавшихъ, что ожидаетъ Россію въ случаѣ смерти императора Александра. Можно пожалѣть, что Карамзинъ не убѣдилъ государя огласить свое распоряженіе и тѣмъ, безъ сомнѣнія, предупредить несчастную катастрофу 14

декабря. Впрочемъ, есть много основаній думать, что государь предоставилъ себѣ выбрать минуту для провозглашенія своего наслѣдника: вѣроятно, съ этою цѣлю и было написано на актахъ 16-го августа 1823 года: „Хравить до востребованія моего“; но безъ сомнѣнія, ни государь, ни лица посвященныя въ тайну, не ожидали, чтобы кончина его послѣдовала такъ скоро.

Всѣмъ извѣстно тяжелое недоразумѣнне, обнаружившееся послѣ кончины Александра, которое должно было еще увеличивать скорбь августѣйшаго семейства. Зная въ какихъ отношеніяхъ Карамзинъ находился къ членамъ этого семейства, мы не удивимся, что онъ скорбѣлъ не только какъ подданный, но и какъ человѣкъ лично любившій почившаго въ Бозѣ монарха. Его чувства отражаются въ частной его перепискѣ: „Мы не имѣли времени приготовиться къ удару,— пишетъ онъ Дмитріеву,—изумились и хотѣли было плакать еще болѣе нежели плачемъ, еслибы можно было заплатить слезами всю дань любви и признательности къ незабвенному для насъ Александру. Онъ еще дѣйствуетъ на мою судьбу земную: его мать добродѣтельная, братъ, великія княгини вѣрятъ моей истинной, чистой къ нему любви, и видятъ меня, чтобы плакать вмѣстѣ. Союзъ печали имѣетъ свою сладость.“ — „Я неравнодушенъ къ судьбѣ Россіи, такъ заключаетъ Карамзинъ свое письмо; но теперь сердце занимается только жалостью, что не стало того, кого мы любили.“

Ежедневно посѣщая императрицу Марію въ это время, Карамзинъ часто встрѣчалъ тамъ великаго князя Николая Павловича, высокое призваніе котораго, какъ мы знаемъ, было ему извѣстно. Этими свиданіями съ будущимъ государемъ Россіи онъ вознамѣрился воспользоваться, чтобы предостеречь его отъ ошибокъ предшествующаго царствованія, и оплакивая Александра, какъ горячо любимаго и достойнаго любви человѣка, онъ твердо и даже рѣзко выставлялъ недостатки его правленія. Г. Погодинъ, сообщающій объ этомъ, говоритъ, что однажды Карамзинъ увлекся въ своемъ мужественномъ порицаніи до какой степени, что императрица воскликнула: „Николай Михайловичъ, пощадите сердце матери!“

— Ваше Величество, отвѣчалъ Карамзинъ: я говорю не только матери государя, который скончался, но и матери государя, который готовится царствовать.

VI.

Существуютъ, сколько извѣстно, три портрета Карамзина, писанные въ три различные его возраста; эти портреты наглядно изображаютъ все то, что составляетъ предметъ настоящей статьи, то-есть постепенное развитіе въ Карамзинѣ мысли и послѣдовательное настроеніе его духа. На первомъ изъ этихъ портретовъ мы видимъ юношу съ небольшимъ двадцати лѣтъ, полного жизни, цвѣтущаго здоровьемъ, съ лицомъ чрезвычайно симпатичнымъ и привѣтливымъ: это авторъ *Писемъ Русскаго Путешественника* и *Бѣдной Лизы*, — юноша едва начинающій знакомство съ жизнью, восхищающійся Руссо и обожающій природу и человечество. Другой портретъ * изображаетъ мужчину, лѣта котораго трудно опредѣлить, по причинѣ пудры покрывающей его голову, но который находится въ полномъ развитіи силъ, и на прекрасномъ, нѣсколько задумчивомъ лицѣ котораго покоится печать какого-то торжественнаго спокойствія. Это Карамзинъ пришедшій въ полное сознаніе своихъ силъ, начавшій писать *Исторію Государства Россійскаго*, какъ будто выросшій подъ вліяніемъ высокаго предпріятого имъ дѣла. Наконецъ на третьемъ портретѣ, извѣстномъ по снимкамъ приложеннымъ къ Сленинскому изданію исторіи, мы видимъ человѣка съ нѣсколько склоненною головою, съ лицомъ и взоромъ утомленными, съ глубокими морщинами на впастьхъ щекахъ; мыслящій лобъ и глубоко задумчивый взоръ, — вотъ господствующія черты этого портрета. Это Карамзинъ надломленный жизнью и трудомъ, быстро приближающійся ко гробу...

Здоровье Карамзина очень рано измѣнило ему; изъ писемъ его видно, что онъ особенно часто сталъ хворать переселившись въ Петербургъ; вмѣстѣ съ тѣмъ на душу его, всегда не чуждую задумчивости, начали ложиться все болѣе и болѣе густыя тѣни. „Хуже всего то, что на меня часто находитъ грусть неизъяснимая, безъ всякой причины, и нервы

* Прекрасно гравированный съ него снимокъ приложенъ къ переписку Карамзина съ Дмитріевымъ; на немъ выставлено: 1805 годъ.

мои раздражены до крайности.“ — „Я не совсѣмъ здоровъ отъ излишней раздражительности нервъ; въ мысляхъ черно, а чувствую что мнѣ должно благодарить Бога. Старѣюсь, хотя и здоровъ. Часто свѣтъ кажется мнѣ привидѣаемъ: протремъ себѣ глаза на томъ свѣтѣ!“ — „Молю только Бога, чтобъ Онъ хранилъ мое семейство; а жизнь свою предаю въ Его волю; готовъ и кнѣвъ, и завтра переѣхать на новоселье съ вѣрою и надеждою.“ — „Межъ тѣмъ очень люблю въ здѣшнемъ свѣтѣ и свѣтъ (кромѣ развѣ нашихъ просвѣтителей), и семейство, и друзей, и Россію, и царя, и царицу. Право, все хорошо, но мы здѣсь залетныя птицы: взмахнемъ крыльями — и простите!“

Последнія изъ вышеприведенныхъ строкъ доказываютъ, что не взирая на свое постоянно грустное и даже мрачное настроеніе, сердце Карамзина не очерствѣяло и что въ немъ не изсякалъ до самаго конца источникъ любви и сочувствія: „Гасну, но люблю моихъ друзей“, писалъ онъ незадолго до смерти. Вотъ отрывокъ изъ письма его къ графу Каподистрія, писаннаго уже въ 1825 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины. Сколько еще теплоты и даже поэзіи въ этой душѣ, готовой покинуть разрушающееся тѣло! „Мои скопляющіеся годы, шаткость моего здоровья, печальныя обстоятельства, насъ разлучающія, и которымъ конца не вижу, все это заставляло меня думать, что прошедшее для меня уже не возвратится. Но въ утѣшеніе себѣ говорю: хотя онъ и далеко, но объ насъ помнитъ; а мы бессмертны. Соединеніе душъ не прекращается съ жизнью матеріальною; пережившій сохраняетъ воспоминаніе; отшедшій, быть-можетъ, болѣе выигрываетъ нежели теряетъ. Земные путешественники слишкомъ развѣяны: имъ нѣтъ досуга заботиться о дружбѣ; не прежде, какъ бросивъ свой посохъ, мы можемъ предаться вполнѣ привязанности своего сердца: тогда растерянное во времени будетъ отыскано въ вѣчности. Такіе разговоры съ самимъ собою занимаютъ меня гораздо болѣе всѣхъ разговоровъ въ обществѣ; они сохраняютъ теплоту моей души, которая мнѣ еще нужна для моего милаго семейства, для моихъ друзей, для моей исторіи, подвигающейся къ окончанію (даръ отъ меня потомству, если оно его приметъ, ежели нѣтъ, то нѣтъ). Такъ я старѣюсь, не утасалъ (быть-можетъ придетъ и то). О, какъ я люблю еще моихъ товарищей путешествія! Какъ

трогаетъ меня ихъ бѣдная участь! Какъ вся душа моя полна жалости для столькихъ народовъ! Мы на сихъ дняхъ перѣехали въ Петербургъ изъ Царскаго Села, гдѣ прожили болѣе двухъ мѣсяцевъ въ ненарушимомъ уединеніи: какъ далеко была отъ меня скука въ тѣ минуты, когда я не страдалъ физически! Сколько глубокихъ наслажденій находилъ я въ этомъ ежедневномъ досугѣ, въ кругу моего семейства, иногда одинъ совершенно! Работа, чтеніе, осеннія, нерѣдко ночныя прогулки, шѣли для меня прелесть неизъяснимую! Не слишкомъ боюсь смерти, иногда смотря на нее съ какимъ-то радушіемъ, и любя повторять съ Ж. Ж. Руссо, что засыпающій на рукахъ отца беззаботенъ о своемъ пробужденіи, я допиваю по каплямъ сладкое бытіе земное, я радуюсь имъ по-своему, непримѣтно для зависти. Подходя къ концу жизни, я благодарю Бога за все что Онъ мнѣ даровалъ въ ней; можетъ-быть, ошибаюсь, но совѣсть моя спокойна: милое отечество ни въ чемъ не упрскнетъ меня, я всегда былъ готовъ служить ему, сохраняя достоинство своего характера, за который ему уже обязанъ отвѣтствовать.“

Ближайшею причиною смертельной болѣзни Карамзина была, кажется, простуда, которую онъ получилъ 14-го декабря 1825 года, выйдя изъ дворца на площадь, чтобы сообщить императрицамъ о государѣ. Въ январѣ онъ уже былъ серьезно боленъ. Императрица Марія писала ему: „Какъ вы себя сегодня чувствуете, батюшка? Просту мнѣ о томъ дать знать. Гуляли ли вы сего утра? Надѣюсь, что вы теперь окружены любезными супругою и дѣтьми вашими и занимаетесь приятнымъ чтеніемъ“.... Но Карамзину становилось все хуже, въ немъ развивалась чахотка. Уже самымъ близкимъ къ нему людямъ: Жуковскому, Тургеневу, Бладову, Дашкову, рѣдко удавалось его видѣть; тѣмъ не менѣе, когда минутное улучшение въ здоровьи дозволяло Карамзину принимать, онъ съ прежнимъ участіемъ разспрашивалъ о всемъ, что совершалось въ Россіи и въ Европѣ, или касалось его друзей. Въ концѣ марта, садовательно за два мѣсяца до смерти своей, Карамзинъ уже слабѣющею рукою увѣдомлялъ Дмитріева, что читалъ его апологи и съ величайшимъ участіемъ слушалъ Сперанскаго, разказывавшаго ему о возложенномъ на него порученіи привести въ порядокъ наши законы. Между тѣмъ медики настоятельно требовали, чтобы онъ отправился въ теплый

климатъ, во Флоренцію. Но какъ сдѣлать это? Пуститься въ такой дальній путь со всѣмъ семействомъ не дозволяли средства, а просить пособіе у государя онъ не хотѣлъ. Наконецъ онъ придумалъ средство, а именно вступить на службу въ званіи секретаря русской миссіи во Флоренцію... „Безъ нескромности, писалъ Карамзинъ императору Николаю, кажется, могу сказать, что имѣю понятіе о политическихъ отношеніяхъ Россіи къ державамъ европейскимъ и не хуже другаго исполнилъ бы эту должность.“ Государь поспѣшилъ дать въ распоряженіе Карамзина и его семейства фрегатъ и средства на годовое пребываніе, сопровождая это распоряженіе чрезвычайно милостивымъ собственноручнымъ письмомъ. „Повторяю, писалъ онъ въ заключеніе, мнѣ больно слышать и вѣрить, что вамъ надо вѣхать; дай Богъ чтобы здоровье ваше возстановилось и возвратило бы васъ къ тѣмъ, кои васъ искренно любятъ и уважаютъ: причтите меня къ этимъ...“

Въ апрѣлѣ Карамзинъ сталъ дѣлать приготовленія къ отъѣзду, а между тѣмъ его убѣдили перебраться въ Таврической дворецъ, садъ котораго, надѣялись, поддержитъ его видимо упадавшія силы. Но Карамзинъ уже не въ состояніи былъ предпринять путешествіе. Онъ скончался 22-го мая 1826 года, не покидая любимой имъ Россіи, о которой, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ смертію сказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Для насъ, Русскихъ съ душою, одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ, все иное есть только отношеніе къ ней, привидѣніе. Мыслить, мечтать можемъ въ Германіи, Франціи, Италиі, а дѣла дѣлать единственно въ Россіи, — или нѣтъ гражданина, нѣтъ человѣка: есть только двуногое животное.“

II. ЩЕВАЛЬСКІЙ.

ГРЯЗНЫЕ ВУЛКАНЫ ВЪ КРЫМУ

Нынѣшнею осенью англійскій ученый г. Анстедъ (Ansted), членъ Лондонскаго Королевскаго Общества, посвятилъ свое публичное чтеніе въ Лондонскомъ Королевскомъ Институтѣ описанію грязныхъ вулкановъ въ Крыму, которые были имъ осмотрѣны въ прошедшемъ году. *

Грязные вулканы Кавказа, Таманскаго полуострова и восточной части Крыма, равно какъ минеральные продукты, сопровождающіе ихъ, въ особенности нефть, столь обильная въ окрестностяхъ Баку, были предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій. Въ геологическомъ отношеніи они были изучены Абихомъ; описаніе ихъ находимъ въ весьма многихъ путешествіяхъ, начиная отъ Палласа: у Гмелина, Дюбуа де-Монперё, Березина, Ленца, Демидова, Сухомлина, Будищева, Сумарокова и другихъ. Наконецъ почтенные труды академика Гельмерсена и полковника Романовскаго также касаются этого предмета въ различныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ русская научная литература представляетъ обильный матеріалъ для изученія этого интереснаго явленія. Тѣмъ не менѣ намъ казалось полезнымъ ознакомить читателей съ описаніемъ иностраннаго ученаго, разсматривающаго вопросъ, въ общедоступномъ изложеніи, въ связи съ общими геологическими теоріями и сравнительно съ аналогическими явленіями въ другихъ странахъ.

---

* Чтеніе это помѣщено авторомъ въ извѣстномъ французскомъ изданіи *Revue des Cours Scientifiques*.

I.

Въ восточной части Крыма, въ окрестностяхъ Керчи и на сосѣдномъ Таманскомъ полуостровѣ можно въ значительныхъ размѣрахъ наблюдать изверженія такъ-называемыхъ грязныхъ вулкановъ. Весь восточный берегъ Киммерійскаго Босфора представляется площадью, лежащею почти на уровнѣ моря, но мѣстами покрытою множествомъ небольшихъ возвышеній и холмовъ, которые образовались вслѣдствіе изверженій грязи. Нѣкоторые изъ этихъ холмовъ имѣютъ значительные размѣры и вышину, но вулканическая дѣятельность въ нихъ прекратилась; другіе, тоже обширныя, обнаруживаютъ напротивъ того или постоянныя, или случайно повторяющіяся изверженія. Прошлымъ лѣтомъ я посѣтилъ Крымъ, и хотя въ то время, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ни одинъ изъ самыхъ древнихъ и большихъ вулкановъ не извергалъ грязи, а также не появлялось и новыхъ, мнѣ было не трудно, благодаря значительному числу вулкановъ въ различной степени дѣятельности, замѣтить тѣ главныя видоизмѣненія, которыя они представляютъ. Впрочемъ, прежде чѣмъ описывать ихъ, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ изверженіи подобнаго рода, какое мнѣ случилось наблюдать въ Сициліи во время пребыванія моего на этомъ островѣ. Мнѣ посчастливилось тогда быть свидѣтелемъ образованія грязнаго вулкана, и сравнивая наблюденія, сдѣланныя мною въ Сициліи, съ тѣми, что я видѣлъ въ Крыму, я былъ въ состояніи уяснить себѣ эти любопытныя явленія и описать ихъ на основаніи моихъ собственныхъ заключеній. Изверженіе въ Сициліи началось лишь за семь дней до начала изверженія на островѣ Санторинѣ. Припомнимъ, что и изверженіе Этны, бывшее въ прошломъ году, сопровождалось подземными движеніями въ Эгейскомъ морѣ, на окраинѣ Мореи и даже въ Санторинѣ; такъ что, несмотря на значительность разстоянія, должно допустить здѣсь существованіе подземнаго сообщенія.

Изверженіе грязи близъ Патерно произошло 23-го января на югозападной границѣ остывшихъ лавъ Этны, не далеко

отъ русла рѣки Симето, въ развалинѣ, простирающейся отъ подошвы крутаго обрыва, на которомъ построены Патерно. Явленіе началось изверженіемъ обильной массы воды, которая выбрасывалась, вѣроятно, чрезъ какую-нибудь трещину въ лавѣ. Сперва столбъ кипящей воды выбрасывался изъ одного мѣста и поднимался на высоту до 6 футовъ, затѣмъ на разстояніи нѣсколькихъ метровъ показалось нѣсколько бьющихся ключей, при чемъ первый столбъ уменьшился нѣсколько въ размѣрахъ. Температура ключей стала постепенно упадать. Не было ни шума, ни пламени, ни видимаго пара; но съ водою выдѣлялось большое количество газовъ, и замѣчалось присутствіе горнаго масла. Вода, выброшенная при изверженіи, была съ самаго начала грязною, но въ ней не было ни камней, ни осколковъ, ни слѣдовъ твердыхъ вулканическихъ веществъ. Мѣсто изверженія находилось на высотѣ 600 футовъ надъ уровнемъ моря; эта высота была опредѣлена при помощи барометра анероида. Вода стекала въ Симето и на пути своемъ оставляла слой грязи, который покрывалъ собою почву на значительномъ протяженіи.

Я посѣтилъ эту мѣстность на восьмой день послѣ начала изверженія. Изъ главнаго кратера выбрасывался обширный столбъ грязной воды, сильно насыщенной газомъ. Значительное количество горнаго масла, темно-зеленаго цвѣта, покрывало ея поверхность. Температура воды превышала 48° Ц. Наблюденія были впрочемъ затруднительны, такъ какъ у меня не было термометра для шахини; температура во всякомъ случаѣ была выше означенной, ибо рука не выносила ея. Пузыри въ водѣ были велики и выходили по временамъ клубами; въ теченіе минуты я насчиталъ ихъ до сорока. Газъ былъ преимущественно углекислый. Кромѣ этого главнаго ключа, еще четыре другіе извергали значительное количество теплой воды, и всѣ они были расположены по направленію прямой линіи, соединявшей исходную точку изверженія съ главнымъ конусомъ Этны. Отстояли они одинъ отъ другаго метра на четыре. Множество ключей холодной грязной воды, значительно меньшихъ, било изъ трещинъ въ различныхъ мѣстахъ. Жидкость, извергаемая при этомъ, ни въ какомъ случаѣ не могла быть названа грязью, но высыхая на воздухѣ и испаряясь, она образовывала густую массу. На разстояніи около 330 метровъ отъ мѣста изверженія по направленію къ большому конусу Этны нахо-

дится замѣчательный источникъ, вода котораго насыщена углекислымъ газомъ и имѣетъ температуру въ 18° Ц. Никакихъ замѣтныхъ явленій не произошло въ этомъ источникѣ во время изверженія. За исключеніемъ Пирмонта, мнѣ нигдѣ не приводилось встрѣчать источникъ насыщенный столь большимъ количествомъ углекислаго газа. Не подалеку отъ этого источника находится еще другой, вытекающій изъ-подъ старыхъ лавъ, температура котораго тоже 17° Ц.

Въ разстояніи окло мили (полторы версты) отъ грязнаго вулкана, въ другую сторону отъ источниковъ, лежатъ на естественномъ склонѣ большія массы весьма твердой базальтовой лавы. Эти массы нападали, повидимому, съ базальтоваго обрыва, расположеннаго выше. Если ударять молоткомъ по поверхности этихъ лавъ, онѣ распространяютъ сильный смолистый запахъ; если же отколоть кусокъ, то на поверхности излома представляется множество маленькихъ полостей, наполненныхъ нефтью.

Грязные вулканы Крыма и Таманскаго полуострова весьма многочисленны, и всѣ они расположены въ мѣстности почти параллельной главной оси кавказской цѣпи. Известно, что подобные вулканы находятся близъ Тифлиса, на половинѣ разстоянія Чернаго моря отъ Каспійскаго, близъ Баку, на западномъ берегу Каспія и на островахъ, которые тянутся вдоль восточныхъ береговъ этого моря.

Близъ Еникале замѣчается нѣсколько отдѣльных конусовъ. Нѣкоторые изъ нихъ обнаруживаютъ умѣренную дѣятельность, другіе же не дѣйствуютъ вовсе. Наблюдая конусы, можно приблизительно опредѣлить эпоху ихъ дѣятельности, ибо грязь, которая покрываетъ ихъ, въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ со времени изверженія не способна для растительности; позднѣе они начинаютъ одѣваться растеніями. По этому признаку я могъ убѣдиться, что нѣкоторые конусы извергали грязь еще недавно, хотя поверхность ихъ и представлялась сухою во время моего посѣщенія.

Всѣ конусы изверженія представляютъ одинъ и тотъ же общій характеръ. Грязь медленно стекаетъ съ ихъ вершины; она тягуча и часто густа какъ патока. Въ густой жидкости всегда замѣчаются пузыри газа. Разъ я насчиталъ пятнадцать большихъ пузырей въ минуту, а разъ ихъ было до тридцати. Температура грязи въ одномъ случаѣ была 13° Ц. при другомъ изверженіи доходила до 19° Ц. Я измѣрилъ длину

грязнаго потока и дашель, что отъ конуса изверженія и до того мѣста, даѣе котораго потокъ не подвигался, онъ имѣлъ 60 метровъ. Вся масса конусовъ состоитъ изъ этой грязи.

На небольшомъ разстояніи къ западу отъ Евикале находится другая обширная площадь, вся вскрытая слоемъ грязи позднѣйшаго происхожденія. Грязь имѣетъ и здѣсь тѣ же общіе признаки; она черновата въ сухомъ состояніи, и очень тягуча, когда течетъ. Я замѣчалъ повсюду множество конусовъ желѣзной руды, весьма мелкихъ и довольно равномерно распределенныхъ по поверхности грязныхъ холмовъ. Я замѣчалъ это вообще на всѣхъ конусахъ въ окрестностяхъ Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ. Я видѣлъ также и сохранилъ у себя куски лигнита, выброшеннаго при изверженіи одного грязнаго вулкана въ Сассуоло близъ Модены.

Неподалеку отъ Керчи, къ юго-западу, лежитъ также грязный вулканъ и возлѣ него древній конусъ, весьма большихъ размѣровъ и, очевидно, того же происхожденія. Тутъ же въ этой мѣстности находится нѣсколько небольшихъ грязныхъ источниковъ.

На восточной сторонѣ Керченскаго пролива и внутренней части Таманскаго полуострова, образованнаго дельтой Кубани, находится весьма замѣчательная и обширная группа коническихъ холмовъ изъ мергеля и грязи, которые, безъ сомнѣнія, образовались вслѣдствіе грязныхъ изверженій, происходившихъ въ условіяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя только-что описаны нами. Эти холмы занимаютъ площадь въ нѣсколько квадратныхъ миль. При самомъ устьѣ Кубани встрѣчаемъ обширное протяженіе грязи, на большей части едва на одинъ футъ покрытой водой; вообще весь Таманскій полуостровъ представляетъ гряды, какъ бы плотины грязи, лежащія мѣстами выше, мѣстами ниже уровня воды, съ немногими узкими каналами, по которымъ могутъ проходить мелкія суда. Однообразіе поверхности нарушается лишь грязными холмами.

Палласу обязаны мы подробнымъ описаніемъ изверженія происходившаго на этомъ полуостровѣ въ концѣ прошлаго столѣтія. Это изверженіе образовало широкій коническій холмъ, замѣтный изъ Керчи на разстояніи около 14 миль и привлекающій вниманіе пассажировъ судовъ, проходящихъ проливомъ. Я посѣтилъ этотъ конусъ, хотя и не безъ затрудненій, потому что никто изъ окрестныхъ жителей не

зналъ его, и не было ни пристани, ни проложенной къ нему дороги. Онъ лежитъ насупротивъ Тамани, на противоположной сторонѣ небольшой бухты. Этотъ вулканъ погасъ, но на немъ замѣтны еще слѣды недавняго изверженія грязи, происходившаго въ небольшихъ размѣрахъ. Главный конусъ значительно пострадалъ отъ времени и непогоды. Онъ состоитъ изъ глины съ примѣсью мелкихъ угловатыхъ кусковъ известняка и кусочковъ окиси желѣза. На вершинѣ замѣчается углубленіе или кратеръ. Высоту я опредѣлилъ приблизительно въ 250 футовъ, но не могу ручаться за показанія моего барометра. Этотъ вулканъ извѣстенъ въ настоящее время подъ названіемъ Горѣлой. * На картѣ полковника Джервиса онъ обозначенъ именемъ Куку-оба.

Въ нѣсколькихъ миляхъ къ востоку отъ этого древняго конуса лежитъ Актанизовская станица, возлѣ которой я нашелъ замѣчательную группу грязныхъ вулкановъ, изверженіе коихъ происходило во время моего посѣщенія. Между ними были четыре большіе конуса, и всѣ они выбрасывали грязь. Одинъ вулканъ этой группы, дѣйствовавшій въ 1863 году, былъ покрытъ растительностью. Эти конусы почти такой же высоты, какъ описанный Палласомъ, и занимаютъ значительное пространство. Подобно другимъ, они содержатъ много кусочковъ окиси желѣза. Площадь, которая тянется на нѣсколько миль позади Тамани, точно также состоитъ изъ вулканической грязи.

Слѣды грязныхъ вулкановъ встрѣчаются и у подошвы Кавказа къ востоку до Каспійскаго моря и къ западу до Гнилаго моря, такъ что полоса грязныхъ вулкановъ почти непрерывно идетъ вдоль южнаго склона Кавказа и далеко тянется черезъ степи южной Россіи, повсюду сохраняя свои

---

* *Горѣлая* или Куку-оба. По-татарски Куку-оба значитъ Силая гора. Кромѣ того, у мѣстныхъ жителей извѣстна подъ названіями Гнилой-горы, Грязной-горы, Горила-могила, Пѣка, казаками называется Прѣка. (*Геогр. Стат. Словарь.*) Изъ главнаго кратера первое извѣстное изверженіе происходило 27-го февраля 1794 г. и продолжалось 1 часъ 20 минутъ. Изъ кратера вырывался воспламеняемый газъ, при этомъ потрясалось основаніе горы, и вмѣстѣ съ газомъ выбрасывались камни, куски сланцеватой глины, желѣзной руды, гипса и др. составныхъ частей почвы Таманскаго полуострова.

отличительные признаки. Далѣе къ западу Европы мы уже не находимъ явственныхъ слѣдовъ грязныхъ вулкановъ вплоть до сѣверной Италіи, гдѣ такіе вулканы весьма замѣчательны и хорошо извѣстны въ Сассуолѣ и другихъ мѣстностяхъ, на сѣверныхъ склонахъ Апеннинскихъ горъ, въ провинціяхъ Пармы и Модены. Эти вулканы въ прошломъ столѣтіи обнаруживали всѣ указанная нами явленія и описаны въ классическихъ сочиненіяхъ.

По другую сторону Апеннинъ борные источники близъ Волтерро принадлежатъ къ тому же роду образованій, но здѣсь уже не встрѣчаются настоящіе грязные вулканы, и только достигнувъ Сициліи, мы снова находимъ ихъ у подошвы Этны и на южномъ берегу острова, близъ Джирженти, со всѣми свойственными имъ отличіями. Вулканы этой мѣстности были много разъ описаны.

Грязные вулканы найдены также въ различныхъ мѣстахъ по сѣвернымъ склонамъ Гималайскаго хребта и до Китая. Они свойственны наковецъ и вулканической системѣ Новаго Свѣта, гдѣ мексиканскіе вулканы очень обширны и позднѣйшаго происхожденія. Наконецъ, самые замѣчательные изъ вулкановъ этого рода, но о которыхъ геологи говорятъ наименѣе, находятся на Тринидатѣ, въ Калифорніи и въ Исландіи.

Прежде чѣмъ перейти къ другой части моего очерка, считаю полезнымъ сказать нѣсколько словъ и объ этихъ вулканахъ. Грязные вулканы Тринидата описалъ въ послѣднее время г. Уэлль. По свидѣтельству Бунзена, грязныя изверженія Геклы состоятъ, повидимому, изъ мутной воды пропитанной грязью и очень теплой. Въ этомъ отношеніи они представляютъ болѣе сходства съ вулканами Патерно чѣмъ съ крымскими. Вслѣдствіе близости значительнаго центра вулканической теплоты, явленія совершаются здѣсь путемъ болѣе быстрымъ. То же замѣчается въ округѣ Колорадо въ Калифорніи, по близости потухшихъ огнедышащихъ горъ. Тамъ также температура весьма высока, грязь выбрасываетъ ключомъ во много, иногда даже до ста футовъ вышиною. Осколки пемзы разбросаны въ окрестной равнинѣ, грязь же стекаетъ въ сосѣднее соленое озеро. Въ остальномъ эти грязные вулканы сходны съ подобными вулканами Азіи и Европы, а также и съ гейзерами Геклы.

Итакъ въ результатъ можно принять, что грязные вул-

каны представляют собою рѣзкій примѣръ угасающей вулканической дѣятельности, впрочемъ въ условіяхъ, которыя далеко нельзя назвать общими. Есть многія вулканическія мѣстности, гдѣ вовсе не замѣчается подобныхъ явленій; въ другихъ мы встрѣчаемъ лишь горячіе ключи и минеральные источники, наконецъ въ нѣкоторыхъ особенные минералы, какъ напримѣръ соединенія борной кислоты. Самая грязь, извергаемая вулканами, бываетъ различна, густая или жидкая, содержащая постороннія вещества или лишенная ихъ; температура ея колеблется между точкой кипѣнія воды и среднею годичною температурой мѣста. Но хотя явленія и представляютъ нѣкоторыя различія въ частностяхъ, они постоянны въ главныхъ чертахъ своихъ и всегда слѣдуютъ извѣстному, опредѣленному ходу. Вообще можно сказать, изверженіе начинается выбрасываніемъ горячей воды и газовъ, сопровождаемыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ грязью и даже значительными осколками твердыхъ горныхъ породъ. Такъ какъ сила изверженія сравнительно не велика, то, естественно, и результаты должны быть ограниченные; но и тутъ, какъ и при другихъ вулканическихъ явленіяхъ, подземная сила выражается главнымъ образомъ въ образованіи трещинъ и отдушникъ по направленію наименьшаго сопротивленія. Въ грязныхъ вулканахъ пары, освобождающіеся сквозь трещины, сгущаются и превращаются въ воду прежде нежели они достигнутъ поверхности почвы. Вода уноситъ съ собою земляныя частицы, встрѣченныя ею на своемъ пути, и такимъ образомъ вмѣсто лавы вытекаетъ изъ трещинъ болѣе или менѣе густая грязь. Наконецъ, если грязь не слишкомъ густа, то на поверхность ея въ видѣ пузырей поднимаются углекислый и другіе газы.

II.

Во всѣхъ грязныхъ вулканахъ, о которыхъ мы говорили, равно какъ и въ тѣхъ, которые были подробно описаны компетентными наблюдателями, минеральное масло извергается, повидимому, вмѣстѣ съ грязнымъ потокомъ. Такъ, по

крайней мѣрѣ, бываетъ въ большинствѣ случаевъ; иногда же это вещество выдѣляется въ значительныхъ количествахъ черезъ источники или колодцы, находящіеся по близости. Такъ въ Баку и въ другихъ мѣстностяхъ у береговъ Каспійскаго моря количество нефти, выдѣляемой источниками, расположенными въ окрестностяхъ грязныхъ вулкановъ, весьма обильное, и она вытекаетъ постоянно съ незапамятныхъ временъ. Около Тифлиса существуютъ также замѣчательные нефтяные источники; въ Анапѣ еще недавно былъ вырытъ колодець, изъ котораго нефть была ключомъ. На Таманскомъ полуостровѣ встрѣчаются многочисленные слѣды присутствія горнаго масла въ третичныхъ породахъ. Возлѣ Керчи въблизи тѣхъ вулкановъ, которые были описаны мною, находится большое количество неглубокихъ колодцевъ, вырытыхъ въ третичномъ мергелѣ, изъ которыхъ Татары съ самыхъ отдаленныхъ временъ добывали минеральное масло. Число этихъ колодцевъ такъ значительно, что даже трудно опредѣлить его. Между прочимъ я видѣлъ подобный колодець, доставляющій обильное количество нефти, на разстояніи 12 метровъ отъ дѣйствующаго грязнаго вулкана; другой колодець былъ встрѣченъ мною на самомъ конусѣ одного погасшаго вулкана. Въ иныхъ случаяхъ вода, извергаемая вулканами, бываетъ покрыта слоемъ нефти. Запахъ нефти распространяется по всей странѣ, и соединяясь съ запахомъ сѣрнистаго, а также, можетъ-быть, и фосфористаго водорода, заражаетъ атмосферу Гнилаго моря. Доказано, что во всѣхъ этихъ случаяхъ источники горнаго масла находятся въ связи съ трещинами, образованными въ глинистой почвѣ, которая часто совершенно пропитывается нефтью. Такіе источники проходятъ иногда и известняки, и плотные песчаники, точно также насыщая эти породы. На югѣ Италіи извѣстенъ одинъ источникъ, въ которомъ горное масло плаваетъ на поверхности воды, и тутъ же по близости находятся обширныя залежи горной смолы, почти чистой. Вдоль Апеннинскаго хребта, по восточному склону его, замѣчаются самые очевидные признаки присутствія горной смолы. Къ сѣверу и тамъ, гдѣ горная цѣпь измѣняетъ свое направленіе и становится параллельною главному альпійскому хребту, черезъ скалы пробиваются многочисленные источники нефти и горнаго масла замѣчательной чистоты. Подобныя же явленія замѣчаются и въ Малой

Азіи, у Мертваго моря, на мѣстѣ древнихъ Содома и Гомора, а также и въ Греціи на Ионическихъ островахъ. Завѣтъ славится со временъ Геродота своими источниками горнаго масла. Наконецъ область подобныхъ источниковъ простирается и далѣе къ югу, въ Египеть и Аравію. Во всѣхъ этихъ странахъ горное масло мѣстами встрѣчается въ нѣдрахъ земли въ жидкой или полужидкой формѣ, или же въ состояніи недавняго отверденія, мѣстами же оно течетъ какъ вода, на поверхности почвы. Тринидать и сосѣднія страны южной Америки являютъ намъ также многочисленныя и часто величественныя примѣры грязныхъ вулкановъ съ сопровождающими ихъ обильными источниками нефти и горнаго масла.

Но кромѣ тѣхъ упомянутыхъ мѣстностей, гдѣ горное масло встрѣчается по близости грязныхъ вулкановъ, или стоитъ въ зависимости отъ нихъ на столько, что тотчасъ же возможно опредѣлить существующую между ними непосредственную связь, встрѣчаются также мѣсторожденія минеральнаго масла,—самыя замѣчательныя изъ всѣхъ по обилію этого вещества,—которыя лежатъ вдали отъ всякаго грязнаго вулкана и не полежатъ даже, повидимому, вліянію вулканическихъ силъ. Я подразумѣваю тѣ пространства Сѣверной Америки, гдѣ горное масло поднимается въ количествахъ пропорціональныхъ размѣрамъ каменноугольныхъ пластовъ, черезъ которые оно достигаетъ поверхности почвы.

Вездѣ, гдѣ существуютъ залежи горючаго минеральнаго матеріала и значительныя количества органическихъ веществъ, накопившихся въ теченіе какого-либо геологическаго періода, замѣчаются по близости и мѣсторожденія горнаго масла или же сланцевыя породы. Въ большей части каменноугольныхъ копей встрѣчаются смолистыя глины, известняки и даже желѣзныя руды, на столько пропитанныя горною смолой, что доставляютъ минеральныя масла путемъ дистилляціи при невысокой температурѣ. Геологическая древность пластовъ каменнаго угля имѣетъ при этомъ мало значенія; также и минераль, содержащій смолистыя вещества, можетъ быть самый разнообразный. При этомъ источники минеральнаго масла располагаются преимущественно въ направленіи параллельномъ относительно какихъ-либо большихъ горныхъ хребтовъ. Трудно установить подоб-

ное правило по отношенію къ обширнымъ мѣстонахожденіямъ горной смолы.

Нефтяные источники, обильные у Каспійскаго моря, продолжаются на далекое протяженіе вдоль подошвъ Кавказа. Снова начинаясь у Карпатскихъ горъ, они изобилуютъ въ Галиціи и Валахіи. Въ обѣихъ названныхъ странахъ количество масла, по всему вѣроятію, должно быть весьма значительно. Тамъ, гдѣ Карпаты сливаются съ Альпами, эти источники теряются изъ вида; но мы снова находимъ ихъ въ Апенниннахъ. Часто встрѣчаются они на самыхъ склонахъ Апеннинъ, но еще многочисленнѣе они во Франціи, гдѣ сглаживаются и пропадаютъ въ равнинахъ послѣдніе отроги альпійской цѣпи. Наконецъ они сопровождаютъ также и каменноугольные бассейны южной Франціи. Но самые обильные источники лежатъ въ Сѣверной Америкѣ.

Что касается до смолистыхъ глинъ, то самыя богатая и драгоцѣнныя залежи ихъ находятся среди каменноугольныхъ копей Шотландіи, Ланкашира и Флинтшира, въ составѣ базальтовъ, какъ древняго, такъ и сравнительно поздняго вулканическаго образованія, но всегда далеко отъ большихъ горныхъ хребтовъ и отъ главныхъ осей поднятія. Смолистыя глины встрѣчаются также въ другихъ каменноугольныхъ бассейнахъ, въ связи или рядомъ съ лигнитомъ. Въ подтвержденіе этого могутъ быть приведены многочисленные примѣры въ Европѣ. Подобные же случаи были замѣчены въ послѣднее время и въ Австраліи. Въ Азіи и Америкѣ слоистыя глины точно также сопровождаютъ каменный уголь, но тамъ большею частію эти образованія представляются менѣе существенными и замѣчательными. Впрочемъ, едва ли и можно указать хотя одинъ какой-либо каменноугольный бассейнъ, въ составъ котораго не вошли бы смолистыя глины. Такая связь, столь общая и распространенная, не можетъ не имѣть опредѣленнаго значенія въ исторіи земной коры.

Повидимому, несомнѣнно, что углеводороды, заключенные въ пластахъ земли и лишь съ недавняго времени получившіе полезныя примѣненія, ради коихъ они добываются, участвовали въ исторіи обширныхъ измѣненій, которымъ подвергались въ теченіе всѣхъ періодовъ эти пласты земной коры.

III.

Всѣ минеральныя вещества, которыя, подъ названіями каменнаго масла, нефти, горной смолы, cannel-coal, смолистыхъ глинъ, составляютъ въ настоящее время столь драгоценный и важный матеріалъ, по всему вѣроятію, заимствовали свой углеродъ изъ органическихъ остатковъ. Водородъ ихъ могъ образоваться частью изъ избытка этого газа, входящаго въ составъ всѣхъ органическихъ тѣлъ, частью же чрезъ разложеніе воды. Въ томъ и другомъ случаѣ, ихъ происхожденіе непосредственно связано съ обширнымъ и правильнымъ процессомъ свершающимся въ недрахъ земли. Общее объясненіе заключается въ медленной дистилляціи угля или лигнита, происходящей при сравнительно маломъ потребленіи теплоты и въ теченіи долгаго времени, среди благоприятныхъ для нея условій. Тамъ, гдѣ, какъ на Тринидатѣ, количество горной смолы на столько значительно и происхожденіе ея столь недавнее, что мы можемъ наблюдать даже самое превращеніе веществъ, всегда по близости ея встрѣчаются и обширныя залежи лигнита. У Каспійскаго моря, гдѣ нефть вытекаетъ въ такомъ громадномъ количествѣ и притомъ непрерывно, въ теченіи по крайней мѣрѣ 2.000 лѣтъ, точно также находимъ лигниты. Тоже замѣчается и на склонахъ Кавказа, у подошвы Карпатовъ и Альпъ и въ Апеннинахъ. Не всегда, разумѣется, возможно съ точностью опредѣлить положеніе такихъ пластовъ лигнита, но присутствіе ихъ въ сосѣднихъ горныхъ породахъ не подлежитъ сомнѣнію.

Медленная дистилляція, при невысокой температурѣ, способна образовать минеральное масло и напитать имъ горныя породы, но не достаточно чтобы вызвать полное стараніе матеріала, какъ нельзя болѣе совместима съ явленіями грязныхъ вулкановъ. Можно считать несомнѣннымъ, что если каменное масло и горная смола всегда сопутствуютъ мелкимъ вулканическимъ явленіямъ, каковы грязные вулканы, то напротивъ того, они должны встрѣчаться несравненно рѣже при настоящихъ огнедышащихъ вулканахъ.

Нѣтъ надобности упоминать, что еслибы при каждой органической залежи можно было разчитывать на находеніе

минеральнаго масла, то тѣ мѣста, гдѣ оно должно встрѣчаться, было бы легко открыть по тѣмъ признакамъ, какіе сопровождаютъ каменный уголь и лигнитъ. Но съ другой стороны, нефтяные ключи не всегда находятся въ связи съ каменноугольными образованіями. Для этого должны существовать особыя условія, — разрывъ пластовъ или другое какое-либо проявленіе подземныхъ движеній, — обезпечивающія то существенное химическое дѣйствіе, отъ котораго зависитъ образованіе углеводородовъ.

Еслибы на земной поверхности провести воображаемыя линіи или собственно пояса, въ которые были бы включены: во первыхъ, различныя точки, гдѣ извѣстно, что существуютъ грязные вулканы; во вторыхъ, тѣ мѣста, гдѣ находятся вулканы дѣйствующіе или погашіе, конусы, кратеры или лавы; въ третьихъ, мѣстности замѣчательныя по нефтянымъ ключамъ и источникамъ жидкаго каменнаго масла, или по нахожденію въ нихъ твердой горной смолы; въ четвертыхъ тѣ точки земной поверхности, которыя подверглись недавнему и постепенному поднятію въ значительныхъ размѣрахъ, и въ пятыхъ мѣста, въ которыхъ существуютъ очевидные признаки химическихъ измѣненій и позднѣйшихъ метаморфозъ, — то всѣ эти точки обнаружили бы извѣстное соотвѣтствіе между собою и, во всякомъ случаѣ, представили бы соотношенія, способныя доказать ихъ взаимную связь между собою и свидѣтельствовать о томъ, что всѣ эти различныя явленія обусловлены одною и тою же причиною. Несомнѣнно также, что эта же самая причина вызвала и опредѣлила какъ очертаніе, такъ и положеніе материковъ, что она такимъ образомъ является причиною космической, не ограничивается мѣстнымъ проявленіемъ, а составляетъ результатъ общихъ условій земнаго шара и того отношенія, въ какомъ находится его кора къ ядру. Но допуская однако эти аксіомы, мы должны признать, что вся геологическая исторія, по крайней мѣрѣ отъ конца втораго періода до настоящаго времени, составляетъ одну длинную непрерывную главу. Въ теченіи всего этого періода, или большей части его, непрерывно дѣйствовали подземныя силы по направленію извѣстныхъ линій или геологическихъ осей земнаго шара, которыя въ сущности оставались неизмѣнными. Одна изъ этихъ линій тянется въ экваторіальномъ направленіи на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ миль

поперекъ Европы и Азіи, другая, такой же длины, но въ направленіи меридіана—вдоль обѣихъ Америкъ. По направленію этихъ осей дѣйствовала сила, обусловившая главныя очертанія материковъ; по тому же направленію и въ тѣхъ же предѣлахъ ваіяли и тѣ причины, которыя, при данныхъ условіяхъ, вызвали образованіе мраморовъ, сланцевъ и гранитовъ. Эти же причины, при другихъ условіяхъ, образовали вулканы, произвели наслоенія базальтовъ и лавы, наконецъ, при болѣе ограниченной степени проявленія, могли обусловить происхожденіе грязныхъ вулкановъ, отложеній стры и источниковъ каменнаго масла.

Все что мы знаемъ о вулканическихъ изверженіяхъ въ разныхъ частяхъ земной поверхности, всѣ факты, указывающіе на различную степень и обширность ихъ разрушительныхъ дѣйствій, доказываютъ, что вода, въ состояніи пара, составляетъ непосредственную причину явленія, и кромѣ того, что между всѣми вулканами если не цѣлаго полушарія, то по крайней мѣрѣ опредѣленной области, существуетъ прямое сообщеніе. Дѣйствительно, ни одного изверженія не происходитъ безъ выдѣленія огромнаго количества водяныхъ паровъ. Цѣлыя облака паровъ являются первыми вѣстниками вулканической дѣятельности, какихъ бы размѣровъ и степени она не была. Вода выбрасывается и грязными вулканами. Далѣе, присутствіе въ лавахъ натра, часто въ видѣ углекислаго соединенія, составляетъ фактъ всѣмъ хорошо знакомый, и я имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ нѣсколько разъ при позднѣйшихъ изверженіяхъ Этны и Везувія. Хлоръ въ видѣ газа постоянно участвуетъ при первыхъ актахъ изверженія. Такимъ образомъ становится болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что морская вода проникаетъ въ тѣ внутреннія полости, въ которыхъ изверженіе беретъ свое начало или черезъ которыя проходятъ массы извергаемыхъ веществъ. Вещества, извергаемая всѣми вулканами, въ томъ числѣ и грязными, всегда состоятъ изъ болѣе или менѣе измѣненныхъ и разрушенныхъ породъ, входящихъ въ образованіе почвы и горъ.

Прониканіе морской воды черезъ естественныя трещины въ подобныя полости, представляющія возвышенную температуру, способно дать намъ объясненіе какъ поднятія материковъ вслѣдствіе напора паровъ, такъ и мгновеннаго перерыва поднятія при вулканическомъ изверженіи, такъ какъ

въ этомъ случаѣ пары находятъ себѣ свободный путь между трещинахъ, образованныхъ во время поднятія. Впрочемъ, чтобы такое объясненіе было достаточно, должно допустить, что подобныя полости тянутся на тысячи миль подъ поверхностью земли и лежатъ не на очень значительной глубинѣ.

Нельзя, далѣе, сомнѣваться въ томъ, что во время вулканическихъ изверженій, и долгое время послѣ ихъ, пары и газы, продолжая прокладывать себѣ путь черезъ трещины въ горныхъ породахъ, сильно влияют на эти породы и производятъ въ нихъ глубокія и обширныя химическія измѣненія. Образование каменнаго масла служитъ примѣромъ такого рода измѣненій. Какъ грязный вулканъ, такъ и соотвѣдній съ нимъ источникъ каменнаго масла, происходятъ вслѣдствіе изверженія паровъ и газовъ, проникшихъ сквозь извѣстныя минеральныя вещества, какъ напримѣръ сланцеватую глину, лигнитъ. Первоначально пары имѣютъ весьма высокую температуру, и проходя органическіе пласты, не только разлагаются сами, но медленно и постепенно разлагаютъ и дистиллируютъ также органическія вещества. Часть углерода соединяется съ свободнымъ водородомъ, другая часть съ кислородомъ. Водяные и нефтяные пары, сопровождаемые углекислымъ газомъ поднимаются къ поверхности, и постепенно остывая, превращаются въ капельно-жидкое состояніе. Пройдя черезъ слои глины и не встрѣтивъ расплавленной лавы, жидкость превращается въ грязь и охлажденною доходитъ до поверхности земли. Тогда вмѣсто горячаго пара вулканъ извергаетъ грязь. При этомъ столбъ выбрасываемый вулканомъ менѣе силенъ, изверженіе болѣе медленное и болѣе продолжительное. Часть нефти плаваетъ слоемъ на поверхности воды, другая часть поглощена породами почвы, черезъ которыя она проникала.

Часто случается, что горячіе водяные ключи проникаютъ песчаники, известняки и даже граниты, не встрѣчая ни глины ни каменнаго угля, ни лигнита. Въ такомъ случаѣ образуется водяной вулканъ, вмѣсто грязнаго, и нѣтъ ни нефти, ни горной смолы. Иногда нефть выпирается на поверхность, но безъ воды; или же минеральное масло, не достигнувъ поверхности, проникаетъ въ горныя породы и пропитываетъ ихъ. Такимъ именно путемъ образуются смолистыя глины, песчаники, известняки, или даже базальты, какъ въ Патерно.

АТЛАНТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ

Заимствуемъ изъ статьи извѣстнаго парижскаго академика Бертрана, помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ *Journal des Savants*, нѣсколько свѣдѣній о великомъ предпріятіи соединившемъ въ послѣднее время Европу съ Америкой.

Проложеніе телеграфной проволоки черезъ Ла-Маншъ казалось, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, замѣчательно смѣлымъ предпріятіемъ, на успѣхъ котораго не надѣялись самые компетентные люди. „Что станете вы дѣлать, если не удастся ваше предпріятіе?“ спрашивалъ однажды г. Пердоне англійскаго инженера Крэмптона. „Начну снова.“ — „Но если неудача повторится и на этотъ разъ?“ — „Все-таки начну опять и не останавлиюсь до тѣхъ поръ, пока не добьюсь успѣха.“

Люди, преслѣдовавшіе съ упорствомъ эти первые опыты морскаго телеграфнаго сообщенія и четыре раза въ продолженіе послѣднихъ девяти лѣтъ возобновлявшіе попытки проведенія трансатлантическаго телеграфа, доказали свою настойчивость, и относящіяся къ нимъ слова въ тронной рѣчи англійской королевы совершенно справедливы: „Ея величеству, сказано въ этой рѣчи, особенно пріятно выразить, какъ много цѣнить она подвигъ энергіи людей, которые, не падая духомъ передъ повторявшимися неудачами, успѣли вторично установить непосредственное сообщеніе между обоими материками.“

Счастливый результатъ проведенія новаго трансатлантическаго телеграфа есть нынѣ совершившійся фактъ; этотъ успѣхъ, что бы ни говорили, уже не можетъ быть столь непрочнымъ, какъ оказался онъ въ 1858 г., во время первой удачи; настойчивыя и искусныя усилія, которыми достигнутъ теперь этотъ результатъ, достойны обратить на себя вниманіе и встрѣтить справедливую оцѣнку.

Послѣ прошлогодней неудачи было рѣшено не только озаботиться проведеніемъ новой линіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ принять также мѣры къ отысканію и поднятію конца порваннаго каната, съ цѣлью прикрѣпить къ нему часть, оставшуюся на *Great-Eastern*, и затѣмъ продолжать погруженіе его до станціи Нью-Фаундленда. Чтобы подобное предпріятіе было полезно, необходимо было убѣдиться въ томъ, что конецъ проволоки, погруженный съ іюля мѣсяца 1865 года, сохранилъ способность передавать электрической токъ. Съ этою цѣлью производимы были испытанія въ теченіе девяти мѣсяцевъ на станціи въ Валенціи. Оказалось, что канатъ, со времени погруженія своего, не только сохранилъ эту способность, но даже обнаружилъ нѣкоторое улучшеніе въ этомъ отношеніи.

По разчету расстоянія и величины каната, погруженнаго и оставшагося отъ прежнихъ работъ, было признано достаточнымъ приготовить 3050 километровъ новаго каната.

Вновь приготовленный канатъ отличается отъ того, который погружали въ 1865 году, лишь нѣкоторыми улучшениями. Внутренняя обкладка главной центральной проволоки сдѣлана изъ обыкновенной пеньки, которою замѣнена прежняя ткань изъ индѣйскаго травянистаго растенія; желѣзные проволоки, сплетенныя для образованія наружной оболочки, — гальванизованы; наконецъ, канатныя яриды изъ манильской конопли, которыя покрываютъ снаружи эту проволочную трубку, не смазаны дегтемъ. Такимъ образомъ приготовленный канатъ болѣе проченъ, нѣсколько меньшей тяжести и въ особенности болѣе гибокъ. Въсѣ каждаго километра равняется 860 килограммамъ, тогда какъ километръ прежняго каната въсилъ 982 килограмма; напротивъ того, въсѣ въ водѣ равняется 408, вмѣсто 390. Сопротивленіе разрыву определено въсомъ отъ 7,860 до 8,226 килограммовъ, слѣдовательно, разчитано на тяжесть 21 километра каната, вертикально опущеннаго въ воду, хотя на всемъ протяженіи телеграфной линіи наибольшая глубина морскаго дна не превышаетъ четырехъ съ половиною километровъ.

Great-Eastern не могъ поднять всей тяжести обоихъ канатовъ; поэтому Компанія снарядила еще два парохода *Medway*, въ 1900 тоннъ, и *Albany*, въ 1500 тоннъ, помѣстивъ на нихъ часть прошлогодняго каната. Третій пароходъ, *William Cory*, въ 1500 тоннъ, имѣлъ назначеніе нести и погружать бережную часть каната у берега Ирландіи. Этотъ конецъ каната

громадныхъ размѣровъ; имѣя въ длину до 55 километровъ, онъ состоитъ изъ трехъ частей, изъ коихъ каждая, начиная отъ свободнаго конца, постепенно уменьшается въ диаметрѣ по мѣрѣ приближенія къ точкѣ, гдѣ всѣ эти три части связываются съ главнымъ канатомъ. Главная часть одѣта снаружи, можно сказать, полосами желѣза, вѣситъ при равной длинѣ болѣе чѣмъ вдвое противъ всѣхъ самыхъ тяжелыхъ подобнаго канатовъ, сдѣланныхъ до настоящаго времени. Пароходъ *Medway* долженъ былъ, кромѣ того, нести массивный канатъ въ 176 километровъ длины, который былъ назначенъ для сообщенія Нью-Фаундленда съ материкомъ Америки; наконецъ казенному фрегату, *Terrible*, было поручено, такъ же какъ и въ 1865 году, конвоировать эскадру. въ *Great-Eastern* внимательно исправляли въ продолженіе всей зимы, и въ немъ были сдѣланы многія существенныя измѣненія. Очистивъ подводную часть парохода отъ приставшихъ наростовъ, раковинъ и проч., которые покрывали ее въ нѣкоторыхъ частяхъ слоемъ въ 60 сантиметровъ толщины, удалось уменьшить сопротивленіе воды движущемуся судну. Но главное улучшеніе заключалось въ устройствѣ особаго снаряда, при помощи котораго, менѣе чѣмъ въ четыре минуты, можно было поставить два колеса судна въ всякой зависимости другъ отъ друга, такъ что при направленіи ихъ движенія въ противоположныя стороны *Great-Eastern* долженъ свободно вращаться на своемъ мѣстѣ; такимъ образомъ предотвращались затрудненія, испытанныя въ прошломъ году, когда, чтобы поднять канатъ съ носа, приходилось возможно медленно поворачивать судно подъ вѣтромъ. Радиусъ колесъ и ширина лопатокъ были уменьшены на четвертую долю; вслѣдствіе этого должна была въ значительной степени уменьшиться и быстрота хода, такъ какъ въ прошломъ году движеніе парохода оказалось слишкомъ быстрымъ, и была признана достаточною скорость въ $5\frac{1}{2}$ узловъ (около 10 километровъ въ часъ).

Снарядъ, которымъ развѣртывается и спускается канатъ, дѣйствовалъ въ 1865 году удовлетворительно, и потому теперь ограничались лишь внимательнымъ осмотромъ всѣхъ частей его и усиленіемъ только нѣкоторыхъ, а именно увеличеніемъ диаметра барабановъ. Существенныя предосторожности были приняты съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ необходимости имѣть возможность, при помощи простаго рычага,

немедленно измѣнять направленіе движенія въ снарядѣ, т.-е. наvertывать канатъ, вмѣсто того чтобы спускать его. Снарядъ былъ испытанъ во время нагрузки *Great-Eastern*; при спусканіи каната онъ дѣлалъ 120 оборотовъ въ минуту; остановленный и повороченный рычагами, онъ меньше чѣмъ черезъ минуту приобреталъ ту же скоростъ въ обратномъ направленіи.

Подъемная машина, которая должна была вытаскивать погруженный старый канатъ, новая и работаетъ при помощи паровика въ 80 силъ. *Medway* и *Albany* были снабжены совершенно одинаковыми машинами.

Одну изъ главныхъ причинъ неудачи 1865 г. составлялъ недостатокъ якорныхъ снастей и самыхъ якорей; поэтому въ нынѣшнемъ году запаслись ими съ особенною предусмотрительностью. Кольца, которыми соединяются различныя части снастей, и отъ разрыва коихъ дважды падалъ канатъ, захваченный якорями и уже поднятый на значительную высоту, были приготовлены новымъ способомъ и подвержены тщательному испытанію. Якорные канаты были работаны въ Гривичѣ, представляли общую длину въ 37 километровъ и могли выдержать натяженіе въ 30 тоннъ. Якори были также прочтѣ прошлогоднихъ и представляли три различныя формы: одни обыкновенныя, другіе устроенныя такъ, чтобы твердо удерживать схваченный канатъ, и наконецъ третьи съ острымъ лезвіемъ, могущіе, въ случаѣ надобности, перерѣзать канатъ.

Но самыя значительныя усовершенствованія были сдѣланы въ приемахъ электрическихъ испытаній. Прежде испытанія надъ изолировкой и непрерывностью проволоки производились попеременно, чрезъ опредѣленные промежутки времени; каждыя первые полчаса назначались для измѣренія сопротивленія оболочки, когда свободный конецъ на станціи въ Валенціи былъ изолированъ; въ продолженіе каждой второй половины часа, соединивъ свободный конецъ съ землею, испытывали непрерывность проволоки помощью токовъ, которыхъ направленіе мѣнялось каждыя десять минутъ. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ недостатокъ изолировки могъ быть замѣченъ лишь спустя полчаса послѣ того какъ обнаружился, и потому приходилось напрасно спускать значительную часть каната, которую затѣмъ снова должно было вытаскивать. Притомъ всѣ наблюденія производились на

бортъ судна, и станція Валенція, не имѣя постоянного сообщенія съ пароходами, не получала и не посылала ни одной депеши. Въ нынѣшнемъ году по способу, предложенному Уиллоби (Willoughby) Смитомъ, оба испытанія могли производиться непрерывно и одновременно, и притомъ станція и пароходъ оставались въ постоянномъ сообщеніи. Этотъ новый способъ имѣлъ ту выгоду, что какъ только обнаруживалась ошибка, то наблюденія и вычисленія, получаемыя на двухъ концахъ телеграфнаго каната съ цѣлью опредѣлить его положеніе, могли быть взаимно сообщены и немедленно повѣрены. Притомъ было необходимо, чтобы какъ на станціи, такъ и на пароходѣ находились опытные наблюдатели; вслѣдствіе этого ученые, состоящіе при экспедиціи, раздѣлили между собою трудъ: г. Томсонъ и г. Уиллоби Смитъ отправились въ путь на пароходѣ, г. Верлей остался на станціи вмѣстѣ съ г. Латимеромъ Кларкомъ, которому было поручено отъ имени Компаніи телеграфа принять линію, какъ только она будетъ проведена.

Практическія усовершенствованія были сдѣланы наконецъ и въ отношеніи сигналовъ; кодексъ новыхъ знаковъ, составленный капитаномъ Больтономъ, удвоилъ скорость передачи депешъ, и снаряды, употребляемые на станціяхъ, по словамъ англійскихъ журналовъ, на столько чувствительны, что депеши могутъ быть пересылаемы даже при довольно значительной потерѣ тока, вслѣдствіе недостаточной изоляціи. Очевиднымъ доказательствомъ этого можетъ служить опытъ сдѣланный въ послѣдствіи, когда линія была окончена. На протяженіи болѣе тридцати центиметровъ была снята наружная обкладка каната, вмѣстѣ съ слоемъ гуттаперчи, такъ что внутренняя мѣдная проволока осталась совершенно обнаженною; эту обнаженную часть проволоки оставили въ сообщеніи съ землею, и такимъ образомъ значительная часть тока должна была теряться; но несмотря на это, телеграфное сообщеніе производилось съ полною отчетливостію на всемъ протяженіи каната. Потому мы въ правѣ ожидать, что телеграфная линія долго не перестанетъ дѣйствовать даже въ томъ случаѣ, если обнаружатся въ ней какія-либо, хотя бы довольно серіозныя, поврежденія.

Снаряженіе эскадры шло быстро и не встрѣчало препятствій; телеграфный канатъ, по мѣрѣ изготовленія его, втаскивался на *Great-Eastern* и былъ помѣщенъ въ трехъ боль-

шихъ чанахъ, наполненныхъ водою и находившихся въ передней части, въ срединѣ и на заднемъ концѣ парохода. Все было готово въ-время, и въ субботу, 30 июня, въ полдень, слѣдовательно въ тотъ самый день и часъ какіе за полгода впередъ были назначены для отплытія эскадры, *Great-Eastern* снялся съ своей якорной стоянки и направился къ Берхевену, гдѣ онъ долженъ былъ заpastись каменнымъ углемъ. Недостаточная глубина нѣкоторыхъ мѣстъ въ устьѣ Темзы не позволяла пароходу начать свой путь съ полнымъ грузомъ. Во главѣ эскадры находился г. Квинингъ, главный инженеръ, и г. Андерсонъ, капитанъ парохода. Чтобы не повторились прошлогодня неприятыя случайности, которыя продолжали приписывать заумышленію, рабочіе, взятые на бортъ, были приняты по строгому выбору и снабжены одеждою по особо установленной формѣ, не позволявшей скрыть какое-либо опасное орудіе. По словамъ нѣкоторыхъ газетъ, рабочимъ было заявлено даже, что если кто-либо изъ нихъ будетъ замѣченъ въ малѣйшей преступной попыткѣ, то немедленно будетъ выброшенъ съ борта. Принятіе подобныхъ мѣръ трудно, разумѣется, признать законнымъ, и должно полагать, что рвеніе служащихъ возбуждалось болѣе обѣщаніемъ щедрого вознагражденія въ случаѣ успѣха.

Въ то время какъ въ Берхевенѣ происходили послѣднія работы по снаряженію эскадры, собравшейся тамъ въ полномъ своемъ составѣ, *William Cory* направлялся къ станціи Валенціи съ концомъ телеграфнаго каната, который должно было укрѣпить у берега, что и было исполнено 7-го юля, при помощи брига *Racoon*. Предварительно была вскрыта траншея, въ которую въ прошломъ году былъ помѣщенъ конецъ каната, оказавшійся въ совершенно исправномъ состояніи; новый канатъ былъ доставленъ къ берегу по плашкотному мосту и опущенъ въ ту же траншею рядомъ съ прежнимъ, но концемъ доведенъ былъ только до уровня воды во время отлива; такъ какъ его тяжесть и твердость не позволяли поднять его до болѣе высокаго утеса. Отъ этого уровня и до станціи, расположенной на высотѣ, былъ положенъ канатъ болѣе тонкій. Какъ только конецъ каната былъ укрѣпленъ на берегу, приступлено было къ погруженію каната, и вскорѣ онъ былъ спущенъ на протяженіи тридцати миль. Убѣдившись телеграфическими сигналами

въ непрерывности проволоки, свободный конецъ каната прикрѣпили къ бакену и оставили на глубинѣ пятидесяти брассъ (около 91 метра).

Вечеромъ 12-го юля *Great-Eastern*, обращаясь при помощи своихъ независимыхъ другъ отъ друга колесъ, покинулъ заливъ Бэнтри вмѣстѣ съ пароходами *Terrible*, *Albany* и *Medway*, которые, отчаливъ нѣсколькими часами ранѣе, должны были найдти бакенъ, оставленный въ открытомъ морѣ. Въ ночь съ 12 на 13-е *Great-Eastern* приблизился къ Валенціи; 13-го числа соединеніе двухъ канатовъ было произведено въ нѣсколько часовъ, и немедленно началось погруженіе при самой благоприятной погодѣ и со скоростью пяти съ половиною узловъ въ часъ; 14-го было спущено уже сто семьдесятъ пять морскихъ миль или около 250 километровъ каната. Съ этого момента свѣдѣнія о ходѣ погруженія телеграфнаго каната доставлялись на станцію Валенціи имъ самимъ, и въ свою очередь пассажиры *Great-Eastern*, находясь въ постоянномъ сообщеніи со станціей, могли слѣдить за событіями въ Европѣ. Денеші, посылаемыя съ парохода, сообщали ежедневно директорамъ Компаніи, оставшимся въ Ирландіи, долготу и широту мѣста, протяженіе пройденнаго пути, длину погруженнаго каната, наиболее важныя обстоятельства въ ходѣ работы и даже нѣкоторыя случайности. Такъ, напримѣръ, 15-го числа одинъ рабочій съ парохода *Terrible* упалъ въ воду, но былъ спасенъ. Это приключеніе, телеграфированное на станцію, въ тотъ же день вечеромъ было уже сообщено въ лондонскихъ газетахъ. Съ другой стороны, денеші, посылаемыя со станціи Валенціи и получаемыя на пароходѣ, сообщали о ходѣ военныхъ дѣйствій въ Германіи и Италіи, о биржевомъ курсѣ, а иногда и о размѣрахъ пари наканунѣ состязанія Гладіатора.

Эти денеші обмѣнивались чрезвычайно быстро и съ замѣчательною отчетливостью. 27-го юля г. Кларку передана была просьба собрать въ Лондонѣ самыя свѣжія, поздневѣщія новости объ Индіи и Китаѣ, съ тѣмъ, чтобы сообщить ихъ въ Соединенныхъ Штатахъ тотчасъ же по полученіи. Черезъ восемь минутъ пришелъ отвѣтъ г. Кларка: „Ваша депеша получена и передана въ Лондонъ.“ Впервые еще приходилось судну совершать длинный путь по океану, не прерывая сношеній съ тѣмъ мѣстомъ, откуда начался его рейсъ, и приносить со собою не только тѣ извѣстія,

которыя были собраны имъ въ минуту отплытія, но также и свѣдѣнія о томъ, что произошло на отдаленномъ материкѣ до послѣдней минуты, когда онъ прибылъ уже къ цѣли своего путешествія.

Опасенія были однако очень сильныя на Ирландской телеграфной станціи. Главные акціонеры предпріятія переселились туда, чтобы получать немедленныя свѣдѣнія о судьбѣ ихъ капиталовъ, помѣщенныхъ столь рискованно и смѣло и висколько не обезпеченныхъ прошедшими событіями; числомъ миль погруженнаго каната считали они число препятствій, которыя удалось преодолѣть.

По мѣрѣ удаленія отъ берега Европы, океанъ представляетъ сперва незначительную глубину, но на разстояніи 250 миль, у такъ-называемыхъ Ирландскихъ мелей, шорское дно образуетъ весьма быстрое паденіе, такъ что на протяженіи 55 километровъ глубина увеличивается отъ 365 до 3,650 метровъ. Здѣсь погруженіе каната было сопряжено съ большими опасностями. 15-го іюля, по свѣдѣніямъ принесеннымъ депешами, было пройдено уже 263 мили, и глубина достигала 2,300 метровъ. 16-го пароходъ благополучно миновалъ Ирландскія мели и погружалъ канатъ по ровному дну, которое тянулось на 200 миль. 17-го было пройдено уже 495 миль; тутъ находится внезапный обрывъ, гдѣ дно понижается на глубину отъ 3,600 до 4,000 метровъ, но затѣмъ оно снова медленно поднимается, образуя площадь на 2,750 метрахъ глубины; погрузивъ 682 мили каната, *Great-Eastern* находился надъ этою площадью 18-го іюля, въ 607 миляхъ отъ Валенціи. 20-го числа пройденное пространство равнялось 830 милямъ; работа продолжалась успѣшно, но уже та часть каната, которая помѣщалась въ заднемъ чанѣ парохода, была спущена, и нужно было начинать новый канатъ, свернутый въ передней части, и для этого перенести конецъ его на корму парохода на разстояніе 155 метровъ, что составляло чрезвычайно трудную задачу, при исполненіи которой невниманіе хотя одного рабочаго могло причинить самыя дурныя послѣдствія; но всѣ трудности были счастливо побѣждены.

Пароходъ приближался къ тому мѣсту, гдѣ въ прошломъ году произошелъ разрывъ каната. На протяженіи 120 километровъ, глубина достигала почти до 4,600 метровъ, то-есть равнялась приблизительно высотѣ Монъ-Блана. При такихъ

условіяхъ должно было пустить канатъ свободно, чтобы по возможности уменьшить напряженіе и ускорить ходъ судна съ $5\frac{1}{2}$ на 7 узловъ. 22-го числа пароходъ находился на этомъ достопамятномъ мѣстѣ, и овасенія на станціи возрастали; но 23-го онъ благополучно продолжалъ свой путь, совершивъ уже 1.196 миль; глубина становилась менѣе значительною; 24-го, пройдено было 1.319; начиная отсюда, морское дно постепенно повышалось, и глубина, дошедшая до 2.750 метровъ, была затѣмъ въ 2.100, 1.650 и 1.300 метровъ. 25-го, на пространствѣ 1.430 миль, было погружено 1.610 километровъ каната, но густой туманъ, покрывавшій море, не позволялъ продолжать дальѣйшее плаваніе безъ значительныхъ предосторожностей; путь указывалъ пароходъ *Terrible*, а затѣмъ и приблизившіеся *Medway* и *Albany*. Каждый десять минутъ раздавался пушечный выстрѣлъ поочередно на одномъ изъ пароходовъ. 26-го, оставалось не болѣе 80 миль до Нью-Фаундленда. Наконецъ 27-го іюля въ $4\frac{1}{2}$ часовъ утра погруженіе каната было окончено въ заливъ Heart's Content, на глубинѣ пятидесяти брассъ; въ полдень пароходъ *Medway* сталъ спускать конецъ берегового каната, въ 5 часовъ начали прикрѣплять этотъ конецъ къ главному канату, и эта работа была окончена черезъ три съ половиной часа. Сообщеніе между Нью-Фаундлендомъ и Ирландіей было установлено, и депеши передавались съ замѣчательною легкостью. Г. Латимеръ Кларкъ, которому было поручено принять окончательную телеграфную линію, произвелъ 28-го іюля всѣ необходимыя испытанія, свѣдѣнія о результатахъ коихъ были извлечены изъ письма адресованнаго этимъ ученымъ на имя главнаго секретаря Компаніи и напечатаны въ *Times* 6-го августа: „Электрическія условія телеграфнаго каната весьма удовлетворительны; при помощи употребляемаго снаряда можно свободно передавать по шести словъ въ минуту, но при усовершенствованныхъ снарядахъ онъ будетъ въ состояніи передавать болѣе; я убѣжденъ, что эта скорость дѣйствія телеграфа утронится при усвоеніи новаго кодекса знаковъ. Сигналы, употребляемые въ настоящее время, отчетливы и сильны. По отплатіи отъ Ширнесса, сопротивленіе изоляціи равнялось 713 милліонамъ единицъ Сименса, но по мѣрѣ погруженія оно быстро возрастало и теперь достигаетъ 2.300 милліоновъ; такое увеличеніе отчасти зависитъ отъ температуры, отчасти отъ давленія.“

Извѣстiе объ успѣхѣ, увѣчавшимъ предпріятіе, немедленно разнесенное по всей Европѣ, произвело, несмотря на политическія обстоятельства времени, самое благоприятное впечатлѣніе. Впрочемъ, эффектъ далеко не могъ сравниться съ тѣмъ, что было въ 1858 году: между станціями Валенціи и Хертъсъ Контента обмѣнивались живѣйшія привѣтствія и поздравленія и расточались взаимно самые заслуженные отзывы и похвалы: за исключеніемъ лишь большаго враздумья, даннаго въ Валенціи директоромъ Компаніи, не было никакихъ публичныхъ манифестацій, тогда какъ въ 1858 г., вслѣдъ за проложеніемъ первой линіи, онѣ гремѣли въ Англіи и въ особенности въ Америкѣ. Общественное мнѣніе, привыкшее къ предпріятію, не находило въ немъ, можетъ-быть, ничего чрезвычайнаго; къ тому же и опытъ прежнихъ обманутыхъ ожиданій могъ въ значительной и законной степени ослабить довѣріе къ прочности успѣха въ будущемъ. Такъ какъ, однако, телеграфное сообщеніе между Нью-Йоркомъ и Нью-Фаундлендомъ было случайно прервано въ продолженіе первыхъ дней, то нельзя было получить депешъ непосредственно изъ Америки. Поэтому пришлось даже, когда прибылъ *Great-Eastern*, немедленно снарядить особый пароходъ, чтобъ отвезти въ Нью-Йоркъ извѣстіе о счастливомъ результатѣ экспедиціи и привѣтствіе англійской королевы президенту Соединенныхъ Штатовъ.

Отвѣтъ президента былъ отправленъ тѣмъ же путемъ, и лишь 1-го августа публиковали газеты первую (публичную) депешу пришедшую изъ Нью-Йорка.

По словамъ директоровъ, отвѣтное посланіе президента, отправленное изъ Вашингтона 30-го іюля въ 11½ часовъ утра, было телеграфировано съ Нью-Фаундлендской станціи 31-го іюля въ 3 часа 51 мин. пополудни. Состоя изъ 81 слова, въ 405 буквъ, оно было передано по телеграфу въ 11 мин., со среднею скоростью 7½ словъ въ минуту, и доставлено въ Осборнъ въ 5 часовъ вечера. Этотъ результатъ несомнѣнно превосходитъ результаты 1858 года, такъ какъ тогда для передачи депеши въ 102 слова потребовалось, по словамъ однихъ, 67 минутъ, по словамъ другихъ, 20 часовъ. Въ настоящее время, телеграфная корреспонденція происходитъ непрерывно, съ замѣчательною быстротой и отчетливостью, и Компанія, повидимому, приняла всѣ мѣры, чтобъ извлечь возможную пользу изъ своего успѣха. Цѣна обыкновенной

депеша въ 20 словъ первоначально была опредѣлена, подѣляемая благомыслимъ предположеніемъ избѣжать слишкомъ большаго напыла депешъ, въ 500 фр., такъ что каждое слово должно обходиться въ 25 фр. Принимаемая скорость 7 словъ въ минуту и предполагая, что телеграфъ будетъ дѣйствовать непрерывно, при такомъ тарифѣ линия должна доставить 91.980.000 франковъ въ теченіе одного года и, даже допуская на половину меньшій доходъ, весьма скоро окупить затраченные капиталы. *

Вторая задача предпріятія заключалась въ томъ чтобы продолжить погруженіе каната, порваннаго въ 1865 г. Два различные плана были предложены для приведенія этой задачи въ исполненіе. По одному, болѣе простому, предполагалось производить работу тѣми же приемами, какіе были употреблены въ прошломъ году, пользуясь лишь болѣе сильною подъемною машиною одного изъ пароходовъ. Поднятый канатъ долженъ быть обрѣзанъ у порваннаго конца и плотно прикрѣпленъ къ новому канату. По другому плану, работа должна была производиться одновременнымъ дѣйствіемъ трехъ пароходовъ, расположенныхъ въ одну линію, параллельную направленію погруженнаго каната. *Medway*, стоящій всего ближе надъ оборванными концами каната, дол-

---

* Въ предпріятіи участвуютъ нѣсколько отдѣльныхъ акціонерныхъ компаній, а именно: 1) первоначальная Компанія *Нью-Йорка, Нью-Фаундленда и Лондона*, которая эксплуатируетъ лишь линію между Нью-Йоркомъ и Нью-Фаундлендомъ, и въ настоящее время погружаетъ новый телеграфный канатъ между мысомъ Расъ и мысомъ Бретонъ, чтобы замѣнить прежній. 2) *Трансатлантическая Компанія*, которая купила права и привилегіи предыдущей и истратила капиталъ въ 82.500.000 фр. на всѣ попытки, которыя были сдѣланы до 1865 года включительно; она и въ настоящее время владѣетъ линіей. 3) *Англо-американская Компанія*, которая, недавно организовавшись съ капиталомъ въ 15 милліоновъ франковъ и довершивъ предпріятіе на свой рискъ, взялась эксплуатировать новую линію, получая ежегодно отъ двухъ другихъ компаній по 3.725.000 франковъ и раздѣлая, за вычетомъ процентовъ, чистый доходъ съ Трансатлантической Компаніей. На основаніи принятыхъ условій она имѣетъ возможность устраниваться отъ участія въ предпріятіи до 1-го января 1869 года, приобрѣтая сумму въ 30 милл. франк., и ликвидировать свои дѣла, такъ какъ ея акціонеры, кромѣ приобрѣтенныхъ ими процентовъ и предварительныхъ доходовъ, получаютъ удвоенный капиталъ.

земь спускать якорь съ острымъ лезвиемъ; *Albany*, стоящій послѣднимъ къ востоку, долженъ пользоваться обыкновеннымъ якоремъ; *Graat-Eastern*, помѣщенный по срединѣ, бросаетъ якорь, способный съ силою удержать захваченный имъ канатъ. Когда сомокупными усиліями удастся поднять канатъ на значительную высоту, то остріе передняго якоря должно обрѣзать его; въ то же время *Albany*, удерживая канатъ на обыкновенномъ якорѣ, долженъ приближаться постепенно къ *Great-Eastern*, который, въ свою очередь, вытаскиваетъ на бортъ конецъ каната, захваченный среднимъ якоремъ.

Оба плана были приняты съ тѣмъ, чтобы приводить въ исполненіе послѣдовательно и тотъ, и другой. *Albany*, въ сопровожденіи парохода *Terrible*, снялся 2-го августа съ якорной стоянки у Нью-Фаундленда, получивъ порученіе опредѣлить мѣсто, гдѣ лежитъ конецъ каната и замѣтить его бакенами. Хотя бакены, помѣщенные въ августѣ 1865 г., исчезли въ теченіе зимы, можно было надѣяться на отысканіе нужной точки, такъ какъ она была съ точностію опредѣлена офицерами послѣдней экспедиціи. Вскорѣ за *Albany* послѣдовали *Medway* и *Great-Eastern*, отплывшіе изъ Хертъсъ-Контента съ 7-го на 8-е августа. Такъ какъ можно было ожидать, что старанія поднять канатъ будутъ долго оставаться тщетными, пароходы сдѣлали въ Нью-Фаундлендѣ большой запасъ угля. Эти старанія увѣнчались, однако, полнымъ успѣхомъ, и съ 20-го сентября дѣйствуетъ уже двойная телеграфная линія.

Почти всѣ до сихъ поръ погруженные канаты требовали исправленій. По всему вѣроятію, и новая линія отъ Ирландіи до Нью-Фаундленда не можетъ быть исключеніемъ въ этомъ отношеніи. Но успѣхъ поднятія порваннаго каната въ открытомъ океанѣ, при весьма значительной глубинѣ, даетъ право заключать съ достовѣрностію, что въ случаѣ поврежденія каната всегда будетъ возможно исправить его, и не придется считать потеряннымъ и трудъ, и успѣхъ при первой могущей случиться неудачѣ.

пять и вся въ слезахъ. По прешествіи первыхъ минуток робкой застычивости, она призналась во всемъ, какъ бы очистивъ свою душу, и разказала, какъ ея безразсудность, подъ вліяніемъ которой она бросила ребенка одного съ зажженною игрушкой, стала причиной всего бѣдствія. Мистеръ Сентъ-Джонъ былъ грустно заинтересованъ ея разказомъ о томъ незначительномъ обстоятельстве, что первая мысль объ этой игрушкѣ, то-есть церкви съ освѣщеніемъ, была заимствована на ярмаркѣ, въ тотъ самый день, когда онъ пріѣзжалъ въ Анвикъ; а роковой часъ, въ который они попали на „Выставку Заграничныхъ Рѣдкостей“, былъ часомъ его пріѣзда. На этихъ-то словахъ Гонорія разрыдалась и не могла остановиться.

Какъ бы ни былъ мистеръ Сентъ-Джонъ расположенъ къ порицанію ея безпечности, теперь онъ могъ ощущать одно состраданіе къ несчастной.

— Мнѣ ужъ никогда не знать истиннаго счастья, говорила она, рыдая, — никогда не перестану упрекать себя, пока жива.

Она приняла на себя всю вину; ни словомъ не помянула прежнихъ сомнѣній, и когда мистеръ Сентъ-Джонъ сталъ разспрашивать ее о запертыхъ дверяхъ, она объявила, что не знаетъ какимъ образомъ очутились онѣ на запорѣ, но припомнила рѣшеніе, къ которому пришли домашніе и коронеръ. Они рѣшили, что малютка самъ заложилъ на крючокъ одну дверь, а что касается другой, то нѣкоторые полагаютъ, что она вовсе не была заперта, и только ей, Гоноріи, почудилось это въ попыткахъ; другіе думаютъ, что дверь сама заперлась на задвижку, когда мальчикъ затворялъ ее, и ей самой сдается, что оно такъ и было. Она разказывала про глубокое огорченіе своей госпожи, по свидѣтельству мистрисъ Дарлингъ, а также и про то, какъ она покинула Анвикъ-Галль, потому что не могла переносить его вида: и ни словечкомъ не заикнулась про неприличную сцену, которая случилась въ то памятное послѣбѣденное время. Короче, Гонорія, повидимому, старалась загладить тѣ жесткія и неизвинительныя слова, въ которыхъ она въ бреду отзывалась о своей госпожѣ.

Мистеръ Сентъ-Джонъ спросилъ ее, воротится ли она въ Анвикъ-Галль.

„Никогда, никогда!“ Она вступитъ на службу куда-нибудь какъ можно подальше, гдѣ бы народъ не указывалъ на нее

пальцами, какъ на причину смерти невиннаго дитяти. Не въ вѣнчѣ, — кто же доверится теперь ея способности къ этой должности? — а въ горничныя, или въ прачки.

Подумавъ минутку, мистеръ Сентъ-Джонъ предложилъ ей мѣсто въ своемъ домѣ. Одна изъ горничныхъ выходила замужъ; если Гоморри понравится эта должность, то экономка порѣшитъ съ нею.

Снова потоки слезъ. И на этотъ разъ не плохо подаваемые рыданія, но кроткія слезы нѣжной признательности, потому что въ голосѣ мистера Сентъ-Джона сказывался откровенно участія, дошедшій до сердца несчастной женщины; никто еще такъ не заговаривалъ съ нею съ самаго кануна бѣдственнаго Мартинова дня; и она готова была стать на вѣкъ благоговѣнною рабою мистера Сентъ-Джона. Съ благодарностью приняла она предложенное ей мѣсто; а вслѣдъ затѣмъ порѣшено было съ экономкой, что она вступитъ въ должность черезъ мѣсяцъ, когда и здорье, и душевныя силы ея нѣсколько возобновятся.

На первой же недѣлѣ этого мѣсяца, мистеръ Сентъ-Джонъ преодолѣлъ свое нездоровье и пріѣхалъ въ Анвикъ. Питая деликатное участіе къ мистрисъ Карльтоу Сентъ-Джонъ, онъ считалъ себя обязаннымъ посѣтить ее, тѣмъ болѣе, что не присутствовалъ на похоронахъ. Надо было кстату поговорить и о кое-какихъ дѣлѣшкахъ, по случаю наслѣдства Джорджа, такъ какъ мистеръ Сентъ-Джонъ былъ и его опекуномъ, но уже безъ дополнительной власти, которою онъ пользовался въ отношеніи Вени.

На этотъ разъ онъ поѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Брумъ такъ много наговорилъ ему о лишней долготѣ коннаго пути при теперешнемъ его нездоровьи, что мистеръ Сентъ-Джонъ тотчасъ же согласился и занялъ отдѣльный вагонъ, гдѣ бы онъ могъ быть одинъ съ Брумомъ для услугъ. По пріѣздѣ въ Анвикъ они разспросили о мистрисъ Карльтоу Сентъ-Джонъ и узнали, что она, по общему предположенію, должна быть въ коттеджѣ. Во всякомъ случаѣ ея не было въ Анвикъ-Галлѣ, и мистеръ Сентъ-Джонъ отправился въ коттеджъ.

Опоздай онъ однимъ днемъ, и ему не застать бы той, съ кѣмъ онъ пріѣхалъ повидаться. Мистрисъ Сентъ-Джонъ была на отъѣздѣ; она выѣзжала въ Скарборо и *въ эту же ночь*, какъ выразилась мистрисъ Дарлингъ нѣсколько рѣзкимъ тономъ, точно не одобряя этого ночнаго путешествія.

— Но я предоставляла это Шарлоттѣ, какъ ребенку, на ея волю, шепнула она мистеру Сентъ-Джону, — и она хочетъ поставить на своемъ.

Что болѣе всего поразило мистера Сентъ-Джона въ это поощреніе, такъ это чрезвычайное *спокойствіе*, повидимому, овладѣвшее мистрисъ Карытонъ Сентъ-Джонъ. Она сидѣла какъ нельзя болѣе спокойно, сложивъ руки на колѣнахъ, въ черномъ платьѣ, виспадавшемъ вокругъ ея стройнаго стана мягкими складками, закинувъ назадъ бѣлыми креповыми оборки своего чепчика. Выраженіе склоненнаго лица ея было неподвижно, почти до апатіи; манера и голосъ одинаково подавлены. Горе придавало ей такой юный и прекрасный видъ, что сердце мистера Сентъ-Джона рванулось къ ней полное участія. При первыхъ словахъ его о Венѣ, онъ замѣтилъ легкій трепетъ, пробѣжавшій по всему ея тѣлу: она прошептала, что *горюетъ* о немъ и передала ему цѣлый разказъ о томъ, какъ прибила его въ то роковое послѣобѣда, — о, еслибъ это было поправиме! Это для нея такой тяжкій гнетъ. О, еслибъ она могла, еслибъ только могла она, — и мистеръ Сентъ-Джонъ видѣлъ искренность выражаемаго желанія по тревожному выраженію ея прекрасно-очерченныхъ губъ, по внезапному жесту поднятыхъ и болѣзненно стиснутыхъ рукъ, — еслибъ она могла возвратитъ его къ жизни!

Ей нужна перемена, говорила она; за этимъ и ѣдетъ она въ Скарборо. Джорджъ, повидимому, не поправляется, и она полагаетъ, что поѣздка принесетъ ему пользу. Онъ такъ раздражителенъ, хвораетъ и все плачетъ о Венѣ. Мамаша сердится, что она *выѣзжаетъ* ночью, но кому же лучше знать, какъ не ей самой, какъ долги и скучны ея бессонныя ночи въ постели; ей все Веня представляется. Чуть она задремлетъ, ей снится, что онъ ожилъ, а пробуждаться послѣ этого къ дѣйствительности ужаснѣе всего.

Сидя съ нею и прислушиваясь къ ея жалобному голосу, Исаакъ Сентъ-Джонъ, чрезвычайно соболѣзновалъ о ней. Даже въ тѣсной сферѣ его будничной жизни не было недостатка въ людяхъ, распространявшихся объ удовольствіи, съ какими мистрисъ Сентъ-Джонъ (оставляя въ сторонѣ потерю ребенка и весь ея ужасъ) должна видѣть своего сына наслаждающагося. Теперь Исаакъ Сентъ-Джонъ, негодуя на нихъ,

желалъ бы, чтобъ они въ эту минуту увидѣли и послушали ее. Она соглашалась въ пользѣ перемѣнъ, какъ для нея, такъ и для ребенка, и горячо убѣждалъ ее замѣнить мѣсто назначенія, Скарборо, Веферскимъ замкомъ; тамъ его мачиха, мистрисъ Сентъ-Джонъ; тамъ было бы гораздо покойнѣе чѣмъ на какихъ-то водахъ. Но тщетно она упрашивала. Она благодарила его за любезность, говоря, что теперь предпочитаетъ отправиться въ Скарборо, но воспользуется его приглашеніемъ на будущее время.

О дѣлахъ же она вовсе отказывалась говорить. Если ужъ ему необходимо обсудить ихъ, такъ пусть это будетъ съ мамашей; или, пожалуй, съ мистеромъ Дракомъ, адвокатомъ. Она полагала, что мистеру Драку, какъ по смерти ея мужа, такъ и при жизни его, извѣстно было все и вся, и если мистеръ Сентъ-Джонъ потребуетъ, тотъ, безъ сомнѣнія, радъ будетъ служить ему. При этихъ словахъ въ тонѣ ея слышалась едва замѣтная горечь: будь мистеръ Сентъ-Джонъ человѣкъ тонкій и подозрительный, онъ смекнулъ бы, что она питаетъ въ себѣ нѣкоторую досаду на мужа и мистера Драка. Вѣроятно, по поводу унизительной оговорки въ завѣщаніи. Мистеръ Сентъ-Джонъ спросилъ ее, когда она намѣревается вернуться въ Анвикъ-Галлъ, и она вало отвѣтила ему, что предполагаетъ къ Рождеству.

Такимъ образомъ, пробывъ около двухъ часовъ въ котеджѣ, мистеръ Сентъ-Джонъ выѣхалъ оттуда и на другой день вернулся въ замокъ Веферъ. Ему не удалось упомянуть о томъ, что Гонорія получаетъ у него мѣсто. Когда имя Гоноріи случайно ввернулось въ разговорѣ, въ связи съ происшествіемъ наканунѣ Мартинова дня, мистрисъ Карльтонъ Сентъ-Джонъ выказала признаки раздражительности. „Лучше бы, сказала она, Гоноріи умереть, чѣмъ надѣлать столько зла,“ и Исаакъ, стыдясь признаться, что та найдетъ убѣжище въ его домѣ, замаялъ этотъ предметъ разговора. Мистрисъ Сентъ-Джонъ съ ребенкомъ выѣхали въ Скарборо, въ сопровожденіи Прансъ и еще трехъ или четырехъ человѣкъ изъ прислуги, но безъ мистрисъ Дарлингъ. Младшая леди вѣжливо, но съ настойчивостью отказалась отъ сообщества своей матери. Она, по ея словамъ, предпочитала удивленіе, и мистрисъ Дарлингъ уступила, — какъ и во все время Шарлоттиной жизни.

Но Скарборо, повидимому, не понравился ей. Она и двухъ

ведѣла не пробыва въ немъ, какъ до мистрисъ Дарлингъ дошли слухи, что она уѣхала въ какое-то мѣстечко Вестморландъ; отсюда, послѣ кратковременной побывки, пробралась въ Дувръ. Рождество уже близилось, и мистрисъ Дарлингъ, ощущая некоторое беспокойство, опредѣлила которое и сама не уѣжая, воспѣшила къ ней туда, подъ предлогомъ соупутствія ей при возвращеніи домой. Она нашла, что Шарлоттъ путешествія нисколько не пошла въ прокъ, если вѣрять глазамъ, потому что она еще болѣе прежняго похудѣла, поблѣднѣла и одичала; а Джорджъ все также хворалъ.

Объялся ли Джорджъ Сентъ-Джонъ за пресловутымъ обѣдомъ въ день рожденія, или на нервы его подѣйствовала потрясеніе и ужасъ при видѣ Вени, какъ онъ его видѣлъ, только ребенокъ съ этой ночи сталъ слабѣть. Мистеръ Пимъ лечилъ его отъ несваренія желудка, и на нѣсколько дней ему, казалось, стало получше, но поправленіе здоровья не продолжалось. Прежняго веселаго мальчика какъ не бывало: онъ сталъ капризевъ, раздражителенъ и безпрестанно тосковалъ о Вени; у него обнаружился упадокъ духа, аппетитъ не возвращался. Онъ не болѣе матери воспользовался перемѣной мѣстности, и мистрисъ Дарлингъ все это ясно видѣла по прѣздѣ.

— Что бы такое могло съ нимъ приключиться?

Такожь былъ перамы вопросъ, обращенный мистрисъ Сентъ-Джонъ къ матери, и безумно тревожный взглядъ ея почти напугалъ мистрисъ Дарлингъ.

— Шарлотта, душечка, успокойся; право вѣтъ, вѣтъ причиною тревожиться. Мнѣ кажется, ты слишкомъ много возида его; дѣтямъ порой такъ же нуженъ покой, какъ и намъ. Тишина въ Анвикъ-Галлѣ и заботы мистера Пима скоро поправятъ его. Поѣдемъ скорѣе.

— Я не вернусь въ Анвикъ-Галлъ, сказала Шарлотта.

— Не возвращься! повторила мистрисъ Дарлингъ.

— Не теперь, по крайней мѣрѣ.

— Душечка, Шарлотта, ты должна вернуться. Какъ же въ Анвикъ-Галлѣ встрѣтить Рождество безъ тебя?

— Должна? возразила Шарлотта съ удареніемъ. — Я сама себя госпожа, никому не даю отчета.

— Разумѣется, любя моя, разумѣется; но, Шарлотта, — и мистрисъ Дарлингъ казалась излишне взволнованною, — тебѣ слѣдуетъ провести Рождество тамъ. Джорджикъ теперь насѣдникъ.

— Овъ владѣлецъ, спокойно сказала Шарлотта,—овъ владѣлецъ Анвика, а наследникъ овъ большаго; овъ будетъ сэръ Джорджъ Карвотъ Сентъ-Джонъ, чѣмъ былъ бы и отецъ его, еслибы дожилъ.

— Конечно, сказала мистрисъ Дарвингъ, украдкой косась на дочь, которая склонилась щекой на тонкіе пальцы, устремивъ свой взглядъ кверху.

— Но теперь, мама, а желала бы, чтобы наследникомъ былъ Вена; а желала бы, чтобы Джорджикъ былъ прежнимъ Джорджикомъ. Мнѣ кажется, совершенная перемена мѣстности поправить его, прибавила она, помолчавъ,—и а возьму его за границу теперь же, можетъ-быть на годъ.

Мистрисъ Дарвингъ растерялась.

— Но что же случится съ Анвикъ-Галломъ? Что съ нимъ дѣлать?

— Все равно, равнодушно отвѣтила та,—овъ мой, и а могу поступить съ нимъ, какъ мнѣ угодно, то-есть овъ Джорджиковъ, а кто же у меня потребуеетъ отчета? Живите въ немъ сами, если угодно, выѣжайте изъ него, оставьте въ немъ прислугу, а не забочусь объ этомъ. Джорджикъ теперь моя единственная забота, мамаша, а беру его за границу, чтобъ овъ поправился.

Да, и Анвикъ-Галлъ, и его обширныя запашки стали теперь собственностью Джорджа, но, казалось, не привесли съ собою радости. Не проявлялся ли въ этомъ случаѣ почти неизмѣнный законъ природы, и сладкія яблоки, маняшія желаніе, не оказались ли горче соды по приобритенію ихъ? Шарлотта Сентъ-Джонъ оглядывалась на прошлые дни ея борьбы съ тогдашнимъ порядкомъ вещей, на возмущеніе души ея низшимъ положеніемъ ея ребенка, на суетное, пламенное желаніе, чтобъ овъ сталъ наследникомъ и замѣнилъ Веню. Ну, вотъ оно исполнилось, это желаніе. Но гдѣ радости, которая представлялась ей впереди, какъ бы въ видѣніи, гдѣ торжество? Ихъ не было; они, повидимому, исчезли до-чиста, какъ и самъ бѣдлажка Вена. Что же было, что могло быть этому причиною?

Она вкороѣ переѣхала на континентъ, надѣясь найти тамъ исцѣленіе болѣзни Джорджика и своего душевнаго изнеможенія; а мистрисъ Дарвингъ съ досадою вернулась въ свой коттеджъ Въ Анвикъ-Галлъ царилъ одна прислуга.

XXI. Аделаида де-Кастелла.

Во всѣхъ странахъ міра, также какъ и въ Англіи, наступилъ праздникъ Рождества, и въ этотъ торжественный день двѣдцы высшаго учебнаго заведенія М-ше де-Нимо въ Бельвортѣ собрались утромъ вокругъ камина классной комнаты. Роза Дарлингъ, по обыкновенію, заняла лучшее мѣсто и, по обыкновенію, первенствовала въ этомъ маленькомъ кружкѣ. Роза была въ скверномъ расположеніи духа, воображая, что она самое угнетенное существо въ мірѣ. Она рассчитывала провести праздникъ дома, или по крайней мѣрѣ въ Беркширѣ, и отговорки мистрисъ Дарлингъ, которая сама еще не знала куда она двинется, еще болѣе сердили ее.

— Пожалуйста, не хвастайтесь вашими привилегіями и преимуществами, гнѣвно произнесла она, отталкивая отъ себя дѣвочекъ локтями и откидывая назадъ свои золотистые кудри.—Много смысляютъ ваши Французы въ рождественскихъ празднествахъ? По образованію, Франція на цѣлое столѣтіе отстала отъ Англіи, такъ же какъ французскія дѣвочки отстали отъ насъ, Англичанокъ.

— Славно, Роза! воскликнула Аделаида де-Кастелла.

— Разумѣется, исключая Аделаиды, продолжала Роза, не обращая ни къ кому особенно.—Какъ же? Французы не имѣютъ и понятія объ употребленіи *олема*, а наши родные посылаютъ насъ сюда учиться и воспитываться! Ни святокъ, ни праздниковъ, кромѣ одного мѣсяца вакаціи осенью, когда можно почти быть увѣренными, что мы ею не воспользуемся. Прегнусная страна, пренеестественный порядокъ вещей, и почему англійское правительство не войдетъ въ это и не запретитъ принимать въ эти заведенія англійскихъ дѣвочекъ?

— Но развѣ Французы не празднуютъ Рождества? спросила одна преганная, вновь поступившая воспитанница, Грація Лукасъ.

— Ба! воскликнула Роза.—Какъ будто они празднуютъ что-либо, кромѣ Нового года!

— Кромѣ чего? робко спросила Грація Лукасъ.

— *Qu'elle est bête!* воскликнула Роза съ своимъ обыкновеннымъ легкомысліемъ.

— Будьте подержаннѣе, Роза, сказала Аделина по-французски.

— Вотъ еще! она уже пятьдесятъ разъ слышала это, отвѣчала ей Роза по-англійски.

— Вѣдь не каждый отличается такими способностями какъ вы.

— Способностями къ чему? запаальчиво опросила Роза, краснѣя до ушей. Со времени приключенія съ мистеромъ Мальборо, не совсѣмъ спокойная совѣсть Розы въ каждомъ словѣ отыскивала скрытую насмѣшку.

— Способностями къ изученію французскаго языка, снѣлся отвѣтила Аделина.—А то къ чему же еще?

— Спасибо, съ сердцемъ возразила Роза.—Понимаемъ.

— Не сердитесь, Роза. Развѣ я не для того осталась вдвоемъ, чтобы провести правдику вѣсотъ съ вами? А вы оказываетесь неблагодарною.

— Вамъ хорошо смѣяться и чваниться тѣмъ, что вы остались вдвоемъ, возразила Роза,—когда черезъ семь дней вы совсѣмъ выйдете изъ пансіона.

— Какъ бы Розѣ хотѣлось быть на вашемъ мѣстѣ, прервала ее Мери Карръ.

— Вы бы лучше за себя говорили, а не за другихъ, Мери Карръ, сказала Роза.—Вамъ, кажется, самой хотѣлось бы быть на ея мѣстѣ. Но, знаете, Аделина, въ чемъ я вамъ завидую? На окольных балахъ вы пребываете отъ Рождества до Великаго поста!

Семейство Кастелла не принадлежало къ разряду обыкновенныхъ посѣтителей Бельпорта. Г-нъ де-Кастелла, котораго въ его собственномъ семействѣ чаще всего звали сеньйоромъ де-Кастелла, принадлежалъ по отцу къ благородной испанской фамилии, а мать его была гордая и знатная Итальянка. Обыкновеннымъ его мѣстопробываніемъ былъ Парижъ. Но за нѣсколько лѣтъ до описываемаго нами времени, здоровье Аделины стало замѣтно разстраиваться; медики строго предписывали ей приморскій климатъ, и вотъ ее привезли въ Бельпортъ. Это настолько поправило ее, такъ возстановило ея здоровье и силы, что г-нъ де-Кастелла нанялъ самый красивый и самый большой домъ въ городѣ. Иногда онъ увѣжалъ на продолжительное время въ Парижъ, въ Испанію и въ Италію; г-жа де-Кастелла всегда сопутствовала ему, а Аделину на это время

оставляли у М-ше де-Нимо. Не всей вѣроятности, они проводили теперь послѣднюю зиму въ Бельпортѣ; аѣто они намѣревались провести во французскомъ замкѣ матери г-жи де-Кастелла, родомъ Англичанки, а потому они думали окончательно поселиться въ Парижѣ. Они были очень богаты, со связями въ высшемъ кругу, и пользовались большимъ уваженіемъ. Аделина была ихъ единственная дочь. Старшая сестра ея, Марія, умерла, и съ тѣхъ поръ меньшая дочь стала имъ еще дороже. По мѣрѣ того какъ вы будете читать эти строки, вы познакомитесь съ нею покороче и полюбите ее.

Она должна была скоро вступить въ свѣтъ; ей наступалъ уже 18-й годъ, и день ея рожденія совпадалъ съ днемъ Нового года, а вамъ, вѣроятно, извѣстно, что у Французовъ день Нового года считается самымъ большимъ праздникомъ, конечно, исключая праздника Всѣхъ Святыхъ. Г-жа де-Кастелла разослала приглашенныя билеты къ себѣ на вечеръ, гдѣ и хотѣла въ первый разъ представить Аделину обществу. Пансіонерки называли этотъ балъ *посвященіемъ* Аделины.

Въ числѣ прочихъ тайнъ, тщательно скрываемыхъ воспитанницами пансіона М-ше де-Нимо отъ своихъ наставницъ, была колода такъ-называемыхъ гадательныхъ картъ. Ее привезла въ школу Жанета Доффъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Она прибыла прямо изъ Шотландіи, проникнутая мѣстными суевѣріями, и часто у дѣвочекъ морозъ пробѣгалъ по кожѣ отъ ея разказовъ; ночью въ дортуарѣ, о привидѣніяхъ и *двойномъ зрѣніи*.

Дѣйствительно ли она питала къ этимъ картамъ такую вѣру или престо притворялась, но таинственный и страстный видъ, какой принимала она при каждомъ гаданьи, сильно дѣйствовалъ на воображеніе ея подругъ. Собственно это были вовсе не карты, а маленькіе тонкіе и прозрачныя четырехугольнички, сдѣланные изъ листьезъ цвѣтка „не тронь меня“. На каждомъ четырехугольничкѣ тщательно нарисованъ былъ дѣтскъ, представлявшій собою какую-нибудь эмблему. Роза обозначала счастливую любовь, кавалерская шляпа — печаль, подовѣдничъ — холодную чистоту, вѣсилекъ — пустоту, гадатель — смерть, и т. д. Гадали такимъ образомъ: на ладонь клали по три или по четыре цвѣтка, такъ чтобы нельзя было отличить одинъ четырехугольничекъ отъ другаго. Обыкновенно эти листики мало-по-малу свертывались и слетали съ руки,

но когда какой-либо изъ нихъ приставала къ ладони, это обозначало его тайную симпатію съ гадающимъ и какъ бы предсказывало будущее. Если, напримѣръ, на рукѣ оставалась кавалерская звѣзда, это предвѣщало горе; засилекъ означалъ, что жизнь пустой дѣвочки пройдетъ въ тѣснотѣ.

По правдѣ сказать, это было весьма пустое препровожденіе времени, годное лишь для пустыньскихъ дѣвочекъ, но въ этомъ случаѣ нѣкоторые изъ пансіонерокъ могли, въ оправданіе своего суевѣрія, указать на случай необъяснимый по законамъ разума. Почему, могли онѣ спросить, къ рукѣ Аделины де-Кастелла приставала всегда одна и та же карта, которая такъ вѣрно предсказала ея судьбу? А что карта всегда оставалась у нея, это былъ дѣйствительный фактъ, иначе я и не подумала бы упомянуть о такой дѣтской забавѣ.

Первая проба гадательныхъ картъ происходила въ дортуарѣ, когда всѣ были увѣрены, что воспитанницы уже легли спать. Мамзель Фифима унесла съ собою свѣчку, и Роза должна была зажечь одну изъ своихъ длинныхъ восковыхъ свѣчъ, которыя она держала подъ замкомъ отъ завистливыхъ глазъ. Аделина протянула обѣ руки; на каждой рукѣ у нея было по три квадратика. Пять изъ нихъ скатились очень скоро, екорѣи обыкновеннаго; шестой же приподнялся было слегка, но тихо, тихо опустился и остался у нея на ладони. Жанета сняла его лапонецъ, но опять опустился, какъ бы въ испугѣ.

— Охъ, это скверно, сказала она чуть слышно.

Мери Карр повернула къ себѣ листокъ. Намекъ изображенія была „французскіе ноготки“.

— „Французскіе ноготки—несчастливая любовь; можетъ окончиться смертью“, прочла Жанета Доффъ въ объяснительномъ листкѣ.—Это почти самая дурная карта во всей колодѣ.

Нѣкоторыя дѣвочки задрожали; въ дортуарѣ всегда было холодно. Но Аделина весело засмѣялась. „Это чистый вздоръ“, сказала она. И въ самомъ дѣлѣ говорила то, что думала. Не страннѣе всего было, что Аделина де-Кастелла разъ двѣнадцать послѣ того принималась гадать, и злощастныя „французскіе ноготки“ постоянно оставались на ея рукѣ. Писаніе карточекъ на всѣхъ такой ужасъ, что Жанета Доффъ еще съ самаго начала вынула его изъ колоды. Но „французскіе ноготки“ какъ нарочно не оставались ни у кого кромѣ Аделины.

„Это въ самомъ дѣлѣ страшно“, подумала Аделина, когда загадавъ въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ изъ пансіона, она увидѣла, что „французскіе ноготки“ по обыкновенію остались у нея на рукѣ.

Наступилъ Новый годъ; шумъ экипажей, метерфильный топотъ копытъ и крики сорившихся кучеровъ раздавались въ этотъ вечеръ по улицамъ Бельпорта; весь веселый людъ стекался къ дому сальора де-Кастелла.

Парадная комната, залитая яркимъ свѣтомъ и уставленная разными тропическими растеніями, представляла чудное зрѣлище. Аделина де-Кастелла стояла во главѣ своей матери и принимала гостей. Всѣ ожидали увидѣть ее простелькою, скромно-одѣтою пансіонеркою, какою они знали ее прежде, и никто не угадывалъ ее въ роскошномъ нарядѣ, ослѣпительною красотой. Ея бѣлое кружевное платье, легкое и изящное, блестяло изумрудами; изумрудными цѣпи обвивали ея шею, руки и роскошныя пряди шелковистыхъ волосъ. Это было древнее фамильное украшеніе семейства де-Кастелла, переходившее изъ рода въ родъ. Лицо Аделины, чистое и правильное, какъ мраморное изваяніе, отъ волеянія пылало яркимъ румянцемъ, дѣлавшимъ ее еще очаровательнѣе.

О Аделина, шепнула ей Мери Карръ, какъ скоро была возможность перекинуться съ нею нѣсколькими словами,—какъ вы прекрасны сегодня!

— Какъ! и вы начинаете мнѣ льстить!

— Льстить — вамъ! И можно ль было думать, что Роза затмитъ всѣхъ! Пусть только взглянули бы на васъ!

Миссъ Карръ внезапно умолкла и притаила дыханіе, потому что въ эту минуту въ дверяхъ показались мистеръ и мистрисъ Малборо.

— Да, сказала Аделина, отвѣчая на молчаливое изумленіе Мери Карръ,—мамаши встрѣтила ихъ сегодня въ ту самую минуту, какъ они прибыли изъ Парижа, и взяла съ нихъ обѣщаніе пріѣхать сегодня къ намъ. Они здѣсь проѣздомъ въ Англію. Съ ними лордъ Сеймуръ.

— Чтò скажете на это Роза? произнесла Мери Карръ.

— Мнѣ самой приходило въ голову написать словечко объ этомъ Розѣ, возразила Аделина. — Конечно, еслибы мамаши имѣла хоть малѣйшее помятіе о томъ, чтò мы знаемъ, она,

по всей вѣроятности, не приглашала бы ихъ. Но я вѣспомы-
ла какъ обижаетъ Розу каждый намекъ на это обстоятель-
ство и рѣшилась лучше промолчать. Роза не имѣла такихъ
чтобы сдѣлать сцену, или испугаться ея.

Мистеръ и мистрисъ Мальборо, Аделина и прочіе стоа-
ли въ одной группѣ, когда къ намъ подошла Роза. Ея и въ
голову не приходило кто былъ тутъ, когда вдругъ она очу-
тилась лицомъ къ лицу съ Джорджемъ Мальборо. Какое-то
пустое замѣчаніе, которое она хотѣла было передать Аде-
линѣ, замерло у нея на языкѣ, и она сдѣлалась блѣднѣе по-
лотна. Элеонора вся выпыхнула; положеніе было весьма не-
ловкое, но мистеръ Мальборо скоро нашелся.

— Какъ вы поживаете, миссъ Дарлингъ, оказалъ онъ,
пріятно улыбаясь ей. — Я думаю чуть не замерзли въ этотъ
холодъ. У насъ въ Парижѣ было ужасно холодно.

Роза собралась съ духомъ и начала болтать съ ними что
пришло въ голову, но съ Элеонорой она едва-едва обмѣнилась
обычными привѣтствіями.

— Эленъ, шепнулъ мистеръ Мальборо своей жентѣ, — въ
теченіи вечера можно имѣ протанцовать съ нею кадраль.

— Какъ глупо, что ты меня спрашиваешь объ этомъ. От-
лично сдѣлаешь!

Сказавъ это, мистрисъ Мальборо однако смутилась и по-
краснѣла. Замѣтивъ это, мужъ съ улыбкой отошелъ отъ нея
и черезъ минуту уже танцевалъ съ Розой.

— Что вамъ больше всего нравится изъ моихъ подарковъ?
спросила Аделина у Мери Карръ, указывая ей на огромную
коллекцію разныхъ красивыхъ вещей, разложенныхъ въ
той комнатѣ, гдѣ играла въ карты: это были все подарки,
которые она, по французскому обычаю, получила въ день
Новаго года отъ своихъ родныхъ и друзей.

— Что за прелестьныя часы въ миниатюрѣ! воскликнула Роза
изъ-за плеча Мери Карръ.

— Это настоящіе часы, сказала Аделина, — съ курантами.
Бабушка моя всегда говорила мнѣ, что въ день моего рож-
денія, когда мнѣ минуетъ восемнадцать лѣтъ, она непремѣн-
но подаритъ мнѣ что-нибудь ослднее, и прислала мнѣ эти
часы. Какъ жаль, что она больна и что ей нельзя было при-
ѣхать къ намъ сегодня! Простойте, а пойму пружинку.

Аделинѣ хотѣлось, чтобы Роза и Мери Карръ поскорѣй
услыхали мелодическіе куранты этой затѣливой вещицы, и

она торопливо подняла правую руку, но въ эту минуту цѣпочка отъ ея изумруднаго браслета зацѣпилась за пуговицу въ рукавѣ одного господина, который также стоялъ въ окружавшей ее группѣ. Быстрымъ движеніемъ руки Аделина освободила свою цѣпочку, но вмѣстѣ съ нею увлекла и цѣтокъ, который молодой человѣкъ держалъ въ рукахъ. Цѣтокъ былъ „французскіе ноготки“.

Румянецъ, игравшій на щекахъ Аделины, сталъ еще ярче, при взглядѣ на цѣтокъ. Она обернулась и подама его владѣльцу.

Это былъ незнакомый молодой человѣкъ изящной наружности, съ тѣмъ оттѣнкомъ настоящаго аристократизма, котораго нельзя ни скрыть, ни усвоить по произволу. Онъ былъ удивительно хорошъ собой, и взоры его съ живѣйшимъ восторгомъ устремлены были на Аделину.

Читатель уже знакомъ съ нимъ, но Аделина видѣла его въ первый разъ.

Возвращая ему цѣтокъ, она инстинктивно сказала ему въ извиненіе нѣсколько словъ по-англійски; ей не трудно было угадать, что этотъ высокій, изящный молодой человѣкъ не Французъ. Онъ принялъ цѣтокъ и любезно отвѣчалъ ей, — что прикосновеніе ея прекрасной руки придадо особенное значеніе этому цѣтку. Въ эту минуту къ ихъ кружку подошелъ отецъ Аделины въ сопровожденіи одного пожилаго гостя.

— Аделина, сказалъ онъ, обращаясь къ дочери. — Ты еще не забыла своего стариннаго друга, барона де-ла-Шассъ?

Аделина съ веселымъ восклицаніемъ протянула ему свою руку. Она такъ долго жила между Англичанами, что совершенно усвоила себѣ ихъ обычай привѣтствовать пожатіемъ руки. Старый баронъ, казалось, не понялъ ее и взялъ ее, вмѣсто того, подъ руку. Они отошли отъ кружка, и группа разсѣялась.

— Лотти Сивгльтонъ, начала было Роза, — не знаете ли, кто этотъ красивый господинъ?

— Красивый, возразила миссъ Сивгльтонъ, — у васъ всѣ красивые. По-моему, такъ онъ старъ и безобразенъ.

— Я вовсе не о французскомъ баронѣ говорю, а о красивомъ Англичанинѣ, который держитъ въ рукѣ „французскіе ноготки“.

— О немъ я ничего не знаю. Онъ пріѣхалъ сюда съ Макс-

велами. Я видѣла, какъ сэръ-Самди представлялъ его господа де-Кастелла.

— Откуда онъ досталъ „французскіе ноготки“ въ это время года? съ удивленіемъ замѣтила Роза.

— О, у миссъ Максвеллъ можно найдти разныя диковинки въ ея цвѣточномъ ящикѣ, который имѣеть четыре фута въ квадратъ и который она называетъ своею оранжереей, отвѣчала миссъ Сивгальтонъ.—Онъ, вѣроятно, тамъ и нашелъ ихъ.

— Лордъ Джонъ, закричала Роза, безцеремонно останавливая проходившаго мимо ея Джона Сеймура, котораго она видѣла всего одинъ разъ въ жизни и то нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ,—кто этотъ красивый господинъ, съ которыми вы сейчасъ говорили?

— Это мужъ моей кузины, миссъ Дарлингъ, зашепелявилъ лордъ Джонъ, имѣвшій недостатокъ въ произношеніи.—Молодой Мальборо.

— Я не о немъ говорю, съ нетерпѣніемъ воскликнула Роза, краснѣя при этомъ имени.—Кто этотъ высокій, блѣдный господинъ съ тонкими чертами лица?

— Вы, вѣроятно, разумѣете Сентъ-Джона.

— Кого? повторила опять Роза.

— Фредерика Сентъ-Джона, брата Сентъ-Джона изъ Велфера.

— А! воскликнула Роза протяжно.—Такъ это-то Фредерикъ Сентъ-Джонъ! я слышала о немъ и о его красотѣ.

— Да, онъ дѣйствительно очень хорошъ собою, сказалъ лордъ Джонъ,—но его любезность еще замѣчательнѣе его красоты. Фредерикъ Сентъ-Джонъ славный малый. Мы были съ нимъ вмѣстѣ въ Кристль-Черчъ.

— Онъ живетъ въ Бельпортѣ?

— Нѣтъ, онъ здѣсь проѣздомъ. Онъ обѣдалъ сегодня у Максвелловъ, а они привезли его сюда.

— Представьте мнѣ его пожалуста!

„Какова Роза,“ подумала Мери Карръ, стоявшая возлѣ ея.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ лордъ Джонъ, подавая ей свою руку.

— Нѣтъ, не надо, отвѣтила Роза съ своею измѣнчивою, причудливою, но въ высшей степени привлекательною манерою и также быстро отняла свою руку, какъ и подала ее. Я лучше подойду къ нему сама. Вѣдь мы въ родствѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ лордъ Джонъ.

— Да, мы съ нимъ въ родствѣ, прибавила Роза.

Она выждала минуту, когда мистеръ Сентъ-Джонъ остался одинъ, и подошедши къ нему прямо, протянула ему руку. Сентъ-Джонъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Вы меня не знаете, сказала Роза. — Лордъ Джонъ Сеймуръ вызвался было представить мнѣ васъ, но я ему сказала, что между родными это лишнее. Я много слышала о Фредерикѣ Сентъ-Джонѣ; вѣдь мы съ вами двоюродные. Я Роза Дарлингъ.

Мистеръ Сентъ-Джонъ никакъ не могъ вспомнить этого имени. Онъ съ улыбкой смотрѣлъ на красивую дѣвочку, съ веселыми голубыми глазами и роскошными золотистыми кудрями.

— Вы забыли, я вижу; я сейчасъ объясню вамъ. Моя сестра Шарлотта Норрисъ, вышла замужъ за мистера Карльтона Сентъ-Джона. Мамаша недавно видѣла васъ въ Анвикъ-Галлѣ. И братъ мой Франкъ былъ тамъ.

Вмѣсто отвѣта Фредерикъ Сентъ-Джонъ взялъ Розу за обѣ руки, какъ бы стараясь заглядить передъ нею свою разсѣянность, и увѣрялъ ее, что ему весьма приятно и лестно встрѣтить такую кузину. Роза продолжала разговаривать съ нимъ.

— Какой ужасный случай, смерть этого мальчика! воскликнула она.—Мнѣ многое рассказывали о немъ, о маленькомъ Бенѣ Сентъ-Джонѣ. И онъ-то сгорѣлъ? О, это ужасно! Чья это была вина?

— Нани его. Она оставила его одного съ бумажною игрушкой, въ которую вставлена была зажженная свѣча, и онъ какимъ-то образомъ поджегъ себя. На его-то похоронахъ я и встрѣтилъ капитана Дарлингъ.

— Мамаша писала мнѣ объ этомъ происшествіи, но подробностей я не знаю, сказала Роза.—Она говоритъ, что не въ состояніи ихъ описывать. Бѣдный мальчикъ! Какъ жаль, что его не могли спасти! Чтò вы скажете о Шарлоттѣ?

— О мистрисъ Карльтонъ Сентъ-Джонъ? Я никогда не видѣлъ ея; ея не было на похоронахъ. Я слышалъ, что смерть ребенка имѣло на нее сильное вліяніе, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Она на время уѣхала изъ Анвикъ-Галла и теперь путешествуетъ.

— Знаю, возразила Роза съ особенною интонаціей, въ которой слышалась бездна досады.—Шарлотта какъ отчаянная

бросалась изъ одного мѣста въ другое. Отъ этого и мамаша вела непосѣдную жизнь и не могла взять меня къ себѣ на Рождество. Я просто забѣжала, когда узнала, что меня не возьмутъ домой; представьте себѣ, какой стыдъ, оставлять меня до сихъ поръ въ школѣ, когда мѣтъ скоро минетъ девятнадцать лѣтъ. Мы весь вѣкъ должны были утупать во всемъ Шарлоттѣ.

Мистеръ Сентъ-Джонъ улыбнулся, взглянувъ на ея хорошенькое, надутое, негодующее личико.

— Смерть этого мамотки, кажется, серьезно потрясла вашу сестру, сказалъ онъ, — и переѣзжа мѣста была ей безусловно необходима.

— Ну, такъ я вамъ скажу, что это не въ ея обыкновеніи, потому что Шарлотта не способна слишкомъ предаваться какимъ бы то ни было огорченіямъ. Она скорѣе апатична. Конечно, смерть ребенка не могла не потрясти ея, но я не могу понять, какимъ образомъ она произвела на нее такое продолжительное впечатлѣніе и такъ разстроила ея здоровье, какъ пишетъ мамаша. И теперь, когда ея сынъ сдѣлался наследникомъ... вы, вѣроятно, найдете, что съ моей стороны жестоко говорить все это, мистеръ Сентъ-Джонъ, сказала Роза, внезапно переходя къ другой мысли, — но вы не знаете Шарлотту такъ, какъ я ее знаю. Я увѣрила, что права доставшіяся теперь ея сыну Джоржу давно были ея любимой мечтой, которую она не переставала лелѣять, несмотря на ея кажущуюся неосуществимость.

— Вы, повидимому, не чувствуете большой привязанности къ вашей сестрѣ, миссъ Дарлингъ, замѣтилъ мистеръ Сентъ-Джонъ, не переставая улыбаться.

— Это правда, чистосердечно созналась Роза. — Еслибы вы знали, какъ мамаша заставляла насъ всегда подчиняться Шарлоттѣ, вы бы тогда не удивлялись этому. Я одна возмущалась, *я-то ужъ ни за что бы не покорилась*. Сказать вамъ по секрету, я думаю, мамаша отъ этого-то и отдала меня въ пансіонъ.

Звуки музыки положили конецъ ихъ разговору, и когда Роза выступила съ своимъ кавалеромъ на паркетъ, она увидѣла Фредерика Сентъ-Джона, танцующаго съ Аделиной, съ которою онъ и пробылъ почти весь остальной вечеръ.

— Игра началась, Аделина, шепнула ей Роза, утѣшая вмѣстѣ съ Мери Карръ.

— Какая игра?

— Вы уже влюбились въ прекраснаго незнакомца, это видно по вашему лицу, а онъ въ васъ. Что вы скажете о приключеніи съ французскими ноготками?

— Какія у васъ дикія фантазіи! воскликнула Аделина съ неподдѣльнымъ удивленіемъ.— Влюбилась? я не понимаю о чемъ вы говорите.

— Повѣрьте мнѣ, этотъ человекъ, Фредерикъ Сентъ-Джонъ, будетъ имѣть огромное вліяніе на вашу судьбу.

— О Роза, Роза! съ веселымъ укоромъ сказала Аделина:— мы, вѣдь, не всѣ такъ легко поддаемся *вліянію* какъ вы.

— Когда-нибудь мы всѣ должны испытать это, возразила Роза, не обращая вниманія на упрекъ.— Смотрите, Аделина, не забывайте моего совѣта: *Берегитесь этого незнакомца: французскіе ноготки эмблема несчастной любви.*

Аделина де-Кастелла засмѣялась небрежно-безпечнымъ, торжествующимъ смѣхомъ. Горделивая и самоувѣренная, она отошла отъ Розы Дарлингъ, чтобы возвратиться на свое блестящее мѣсто среди окружавшей ее толпы.

Дитя многихъ странъ,—и ее справедливо можно было называть этимъ именемъ,—она отличалась особенною привлекательностью. Страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ она по предкамъ своимъ принадлежала Англіи, Франціи, Испаніи и Италіи. Но по природѣ она была настоящая Англичанка. За исключеніемъ дочерей нашихъ аристократовъ, трудно встрѣтить такую рѣдкую красоту облика и стана въ соединеніи съ такимъ чуднымъ цвѣтомъ лица, какой былъ у Аделины; а застѣнчиво-скромное изящество ея манеръ и граціозная сдержанность были совершенно англійскія.

Незнакомый съ нею человекъ непременно принялъ бы ее за Англичанку, и ея отличное знаніе языка и отсутствіе иностраннаго акцента непременно сбили бы его съ толку. Она съ дѣтства привыкла къ англійскому языку, о чемъ позаботилась госпожа де-Кастелла, которая говорила по-англійски какъ природная Англичанка; она окружила своихъ дѣтей нянями Англичанками, а потомъ взяла для нихъ гувернантку той же націи, хорошаго происхожденія и воспитанія, но обвѣдѣвшую. Она оставалась у нихъ до смерти старшей дочери и научила Аделину цѣнить и уважать англійскій характеръ, который та незамѣтно усвоила себѣ. Короче ска-

зять, несмотря на свою фамилію и смѣшанное происхожденіе, Аделина де-Кастелла была настоящая Англичанка.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Аделина де-Кастелла навѣщала иногда своихъ старыхъ подругъ у М-ше де-Ниво; но большею частью время ея проходило въ удовольствіяхъ и выѣздахъ. Балы, театры, вечера смѣняли другъ друга, и никогда Аделина не ложилась въ постель ранѣе двухъ часовъ утра, часто и позже. Госпожа де-Кастелла, еще молодая женщина, въ полномъ смыслѣ этого слова, жила постоянно въ свѣтѣ. Памсіонскія подруги Аделины замѣчали, что у нея блѣдное и утомленное лицо, а однажды она пріѣхала къ нимъ послѣ обѣда съ сильнымъ кашлемъ.

— Точно чахоточный кашель! воскликнула Роза, по обыкновенію, необдуманно.

— Я все это время сильно кашляла, замѣтила Аделина,—и теперь этотъ рѣзкій переходъ отъ холоднаго воздуха къ теплой душной атмосферѣ, опять раздражилъ мнѣ легкія.

Никто, однако, не придавалъ серьезнаго значенія ни ея кашлю, ни утомленію. То было еще впереди.

Наступила середина первой недѣли Великаго поста, и Мери Карръ была приглашена провести этотъ день у сирѣнора де-Кастелла. Въ прошедшій понедѣльникъ, Lundi gras, госпожа де-Кастелла давала костюмированный балъ; Роза и Мери были также приглашены, но М-ше де-Ниво отказалась за нихъ наотрѣзъ, отчего Роза пришла чуть не въ изступленіе. Послѣ службы одна изъ служанокъ проводила миссъ Карръ къ госпожѣ де-Кастелла, такъ какъ читателю, вѣроятно, извѣстно, что во Франціи молодая дѣвушка никогда не выходитъ одна.

Въ домѣ замѣтно было необыкновенное движеніе, слуги бѣгали взадъ и впередъ съ растерянными лицами, а госпожа де-Кастелла, когда Мери вошла къ ней, ходила въ шафрокѣ по комнатѣ, конвульсивно рыдая, между тѣмъ какъ остывшій завтракъ стоялъ не тронутый на столѣ. При ней была горничная Сусанна.

— Что это значитъ? вскричала Мери въ испугѣ.

— О, это ужасно! произнесла Сусанна въ видѣ отвѣта:— Несчастливая мадемуазель Аделина!

Мысли Мери Карръ невольно перенеслись къ тому вечеру прошедшей осенью, когда исчезновеніе Розы Дарлингъ произвело такое же смятеніе, какое она видѣла теперь.

„Неужели и она.... О, какъ не стыдно мнѣ“, мысленно воскликнула Мери Карръ, „допустить подобную мысль объ Аделинѣ!“ И она стала умолять ихъ сказать ей что случилось съ Аделивой.

— Она умираетъ! воскликнула мать.—Мое дорогое дитя! мое единственное дитя! Она умираетъ, и я причиной этого! Боже праведный, прости меня!

— О, Сусанна! воскликнула Мери Карръ, обращаясь къ горничной: — что это значитъ?

Сусанна и госпожа ея залились горькими слезами и объяснили, наконецъ, въ чемъ дѣло. Мать и дочь приглашены были во вторникъ на первой недѣлѣ поста присутствовать на послѣднемъ балѣ, которымъ завершалась масленица, но когда пришло время одѣваться, Аделина почувствовала себя столь слабою и утомаевою, что принуждена была отказаться отъ этой мысли. Мать упрашивала ее принудить себя немного и пересилить болязнь, но отецъ вступился и уговорилъ Аделину лечь въ постель. Она легла въ девять часовъ вечера, госпожа де-Кастелла отправилась въ десять на балъ, но вернулась около двѣнадцати, вѣроятно, безпокоясь объ Аделинѣ.

Она взошла въ ея комнату и застала Аделину сильно кашляющею, но что хуже всего, въ сильнѣйшей испаринѣ съ головы до ногъ. Пораженная испугомъ, несчастная женщина стала спрашивать Аделину о причинѣ этого, но Аделина ничего не могла объяснить, кромѣ того, что этотъ убійственный кашель и обильная испарина повторяются каждую ночь. Можно ли было удивляться послѣ того, что ея пробужденіе всегда сопровождалось уныніемъ и усталостью, что она была блѣдна и изнурена.

— Но этотъ кашель, этотъ кашель, запинаясь проговорила несчастная мать, не позволяя себѣ поддаваться страху, — вѣдь ты днемъ немного кашляешь, Аделина.

— Зато я непрерывно кашляю ночью, мамаша, вотъ какъ теперь.

Съ ужасомъ и угрызениями совѣсти выбѣжала безпечная женщина изъ комнаты. Во всемъ домѣ поднялась тревога, послали за докторомъ. Его разбудили и сейчасъ же привезли.

По его мнѣнію, чахотка уже наложилась на Аделину свою печать. Безъ сомнѣнія, зародыши таились въ ней и прежде, хотя до сихъ поръ ихъ нельзя было подозрѣвать; а удоволь-

ствія, которымъ она предавалась этою зимою, быстро развили ихъ; кромѣ того, этому способствовали холодный ночной воздухъ, переходъ отъ сильнаго жара къ холоду, легкія платья, утомленіе и бессонныя ночи. Онъ не сказалъ, что сомнѣвается въ ея выздоровленіи, но потребовалъ консилиума.

Какъ скоро наступилъ день, весь факультетъ французскихъ и англійскихъ докторовъ созванъ былъ на консилиумъ, и всѣ подтвердили мнѣніе домашняго врача.

— Я думаю, что мнѣ нельзя будетъ и повидаться съ ней, сказала Мери Карръ, узнавъ всѣ эти подробности.

— Никакъ нельзя, вмѣшалась горничная. — Ей предписано полнѣйшее спокойствіе. Ей поставили теперь мушку на грудь, и привели сидѣлку.

Но въ эту самую минуту горничная Аделины, Луиза, вошла въ комнату; она передала миссъ Карръ привѣтствіе своей молодой госпожи, которая спрашивала, почему она до сихъ поръ не идетъ къ ней.

— Ну, вотъ! проговорила госпожа де-Кастелла, всхлипывая: — ей сказали-таки, что вы здѣсь. Подите къ ней минутъ на пять; но не оставайтесь долѣе, прошу васъ.

— И, пожалуйста, не позволяйте ей разговаривать, сударыня, прибавила Сусанна.

Мери Карръ послѣдовала за Луизой въ комнату Аделины и на дыпочкахъ подошла къ ея кровати. Слезы выступили у нея на глазахъ, когда она увидѣла Аделину въ постелѣ, блѣдную, исхудалую.

— И вы также заразились ихъ страхомъ, Мери? сказала она, улыбаясь ей съ своего изголовья. — Не смѣшно ли это? Какъ будто бы никому до сихъ поръ не случалось кашлять! Знаете, вѣдь у насъ было сегодня шесть докторовъ?

— Сусанна сказала мнѣ, что была консилиумъ.

— Да, я едва могла удержаться отъ смѣха. Я сказала имъ, что это просто смѣшно, что кромѣ кашля, который ровно ничего не значитъ, и легкой боли въ боку, я здоровѣе всѣхъ ихъ. Докторъ Дорре объявилъ мнѣ, что онъ совершенно со мною согласенъ, и что, по его мнѣнію, я еще всѣхъ ихъ переживу.

— Надѣюсь и даже увѣрена въ этомъ, Аделина! Эта женщина ходитъ за вами?

— Да, сидѣлку взяла. Она Англичанка и привыкла ходить

за больными. Ее зовутъ Брайфордъ. Знаете, въ вашей стра-
нѣ чаютка довольно обыкновенная болѣзнь.

Мери Карръ была того мнѣнія, что доктора сдѣлали
огромную ошибку, открывъ Аделинѣ какая болѣзнь таилась
въ ней. Но ей объ этомъ проговорилась госпожа де-Ка-
стелла въ припадкѣ горя и волненія.

— Все это лишнія хлопоты, замѣтила Аделина.—На грудь
мнѣ поставили мушку, уложили въ постель и будутъ теперь
пичкать лѣкарствами. Ненавижу эти лѣкарства.

— У васъ хорошъ аппетитъ? спросила Мери.

— Совсе никакого, отвѣчала Аделина.—Но, знаете, въ бо-
лѣзни всегда являются разныя прихоти, и Луиза хотѣла-
было привести мнѣ то, чего я желала. Но при сидѣлкѣ это
рѣшительно невозможно. Она до нестерпимости аккуратна и
буквально исполняетъ докторскія приказанія. Передъ самымъ
вашимъ приходомъ я попросила у нея воды съ виномъ; даже
умоляла ее, мнѣ такъ хотѣлось пить! Кажется, я съ жад-
ностью проглотила бы этого трехкопѣчнаго пива, которое
такъ любятъ у насъ въ школѣ нѣкоторыя Англичанки.

— Чтò же, она дала вамъ?

— Нѣтъ. Она сказала, что ни за какія сокровища въ мирѣ
не дастъ мнѣ ни капли вина. Я заплакала, мнѣ было такъ
досадно и такъ хотѣлось пить; кромѣ того, суматоха и вол-
неніе, которыя были у насъ въ домѣ все утро, и тревожное
состояніе папаша и мамаша такъ раздражили меня, что я
не на шутку расплакалась. А она все-таки не дала. Она при-
несла мнѣ сахарной воды и сказала, что приготовить мнѣ
отличное питье, которое будетъ гораздо лучше вина. Вотъ,
она тамъ что-то варить на огнѣ. Превкусное питье будетъ,
вечего сказать!

— Целуйте, дорогая моя Аделина, перебила ее миссъ Карръ.—
Дѣлайте все чего отъ васъ потребуютъ и выполняйте всѣ
предписанія, чтобы только поскорѣй выздоровѣть.

— Да, я непременно такъ поступлю. Моей сидѣлкѣ не
придется сказать, что я капризная пациентка. Мери, вдругъ
сказала она, заливаясь горькими слезами, — какъ вы ду-
аете, дѣйствительно ли я такъ опасна? неужели я такъ из-
мѣнилась?

— Нѣтъ, нѣтъ—*нѣтъ*, Аделина, съ участіемъ отвѣчала ей
Мери.—Вы просто утомлены бессонными ночами и притомъ
простудились. Вотъ и все.

— Я не за себя огорчаюсь; то-есть не очень; хотя и тяжело такъ рано разстаться съ жизнью, когда все мнѣ улыбається, сказала она, рыдая. — Но вы не можете себѣ представить, въ какомъ отчаяніи папаша и мамаша. Онъ съ тѣхъ поръ не выходитъ изъ своего кабинета, а мамаша будто помѣшанная.

Мистрисъ Брайфордъ подошла къ Мери Карръ и шепнула ей, чтобъ она уходила. Всякое волненіе было вредно для Аделины.

— Прощайте, дорогая моя Аделина! Я скоро опять приду навѣстить васъ. И увѣрена, что вамъ тогда будетъ уже лучше.

Она уже дошла до половины комнаты, когда Аделина опять позвала ее къ себѣ. Сидѣлка, возившаяся надъ кострюлей, посмотрѣла на нее съ упрекомъ, хотя не сказала ни слова, но миссъ Карръ все-таки вернулась.

— Мери, шепнула ей Аделина, — подите къ мамашѣ и увѣрьте ее, *убѣдите* ее, что я вовсе не такъ больна, какъ она опасается; ея любовь ко мнѣ преувеличила опасность.

— О, это пустяки! безпечно закричала Роза Дарлингъ, когда миссъ Карръ привезла съ собой въ пансіонъ извѣстіе о болѣзни Аделины. — Она скоро выздоровѣетъ.

— Или умретъ, сказала Мери Карръ.

— Умретъ! Вы такъ же глупы, какъ и французскіе доктора, Мери. Развѣ люди умираютъ отъ нѣсколькихъ выѣздовъ на балъ! только позволили бы *мнѣ* рискнуть!

— Еслибы вы видѣли что у нихъ въ домѣ дѣлается, есибы вы взглянули на госпожу де-Кастелла!

— Очень рада что не видала, прервала ее Роза, — подобные сцены не въ моемъ вкусѣ. Да по нимъ и нельзя еще дѣлать никакого заключенія. Французы всегда вдаются въ крайности—либо въ восторгъ, либо въ отчаяніи. Тѣмъ лучше для нихъ. Они меньше чувствуютъ.

— Слишкомъ было бы жестоко сказать это о госпожѣ де-Кастелла, замѣтила миссъ Карръ. — Большого горя я и не желаю видѣть.

— Разумѣется, она чувствуетъ свое горе такъ, какъ можетъ, а выражается оно у нея, какъ и у всѣхъ Французовъ, неистовыми воплями и истерикою. Я одно могу вамъ сказать, Мери Карръ, что единственное горе, котораго нужно

бояться, которое гложетъ и уничтожаетъ сердце, — это молчаливое горе!

Можно ли было ждать подобнаго замѣчанія отъ Розы Дарлингъ!

XXII. Обрученныя.

Аделина де-Кастелла начала мало-по-малу оправляться и даже, повидимому, совсѣмъ выздоровѣла. Но холодные вѣтры и морозы въ эту зиму стояли особенно долго, до самой половины апрѣля, и на все это время она была заключена въ стѣнахъ своего дома. Медики совѣтовали ей провести слѣдующую зиму въ болѣе тепломъ климатѣ. Поэтому рѣшено было на лѣто отправиться въ замокъ де-Бофуа, а къ осени на югъ.

До пансионерокъ дошли новые слухи, что Аделина выходитъ замужъ. Это извѣстiе привезла съ собой Магдалина де-Гассикуръ, родные которой были коротко знакомы съ семействомъ де-Кастелла.

Это былъ необычайный годъ относительно погоды. Морозъ и снѣгъ, мелкій дождь и холодный, рѣзкій вѣтеръ смѣняли другъ друга до самаго начала мая. Весны совсѣмъ не было, но за то съ мая вдругъ наступило лѣто. Было такъ жарко, какъ рѣдко бываетъ въ июль. И эти жары стояли въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду.

Наступилъ уже второй день этого преждевременнаго лѣта; это былъ четвергъ, обыкновенный праздничный день у М-ше де-Ниво. Всѣ дѣвочки находились на внутреннемъ дворѣ, сами не зная, радоваться ли имъ жару, какъ новинкѣ, или ворчать на его несвоевременность, потому что большая часть изъ нихъ были еще въ зимнихъ платьяхъ. Роза была въ бѣшенствѣ и готова была ссориться со всѣми, оттого что ее не взяли домой, какъ вдругъ послышался стукъ колесъ, и всѣ дѣвочки опрометью бросились къ скважинѣ въ большой деревянной калиткѣ, откуда можно было заглянуть въ наружный дворъ.

— Кто это? кричали стоявшія позади.

— Къ чему спрашивать теперь? возразила Роза. — Еще ничего не видать, кромѣ спянки кареты, вотъ и все!

— Какого она цвѣта, Магдалина де-Гассикуръ?

— Не... не вижу, отвѣчала Магдалина. — Кажется, темная.

— Вы никогда не можете разсмотрѣть ни цвѣта, ни экипажа. Еслибы не Роза, вы и теперь не сумѣли бы сказать, что это, карета или тачка. Очень глупо съ вашей стороны перебивать мѣсто у тѣхъ, которыя *могутъ* видѣть.

— Темносиняго цвѣта, сказала Роза. — Погодите. Вотъ идетъ сквайръ Доу съ ключомъ отпирать ворота.

— Темносиняго, разсуждала Магдалина, которая молча отошла прочь, потому что ужасно обижалась каждымъ намекомъ на свою близорукость. — У де-Кастелла синяя карета. Можете ли вы разглядѣть ливрею?

— Какъ глупо! возразила Роза: — что занесетъ ихъ карету сюда? Видѣлъ ли ее кто-нибудь здѣсь съ тѣхъ поръ какъ она больна! У Сигльтоновъ также синяя карета, и Лотти сказала мнѣ, что пріѣдетъ за мной, если....

Роза вдругъ остановилась. Юлія отворила ворота, и изъ кареты вышла Аделина де-Кастелла въ сопровожденіи своей матери. Раздались восторженные крики дѣвицъ, и не зирая на изумленіе и негодованіе наставницъ, проворные пальцы сдвинули съ мѣста огромный замокъ, и вся группа высыпала на наружный дворъ. Аделина бросилась къ нимъ навстрѣчу съ такимъ же восторгомъ. Госпожа де-Кастелла весело улыбаясь и раскланиваясь, прошла далѣе, въ комнаты М-me де-Нико, а M-lle Henriette приказала Юлію запереть ворота двойнымъ запоромъ.

Аделина безконечно похорошѣла, хотя лицо ея своею блѣдностью напоминало паросекій мраморъ; оно сохранило всю прелесть своихъ очертаній; шелковистые волосы ея рассыпались волнами, а въ темныхъ роскошныхъ глазахъ оставалось то же кроткое и грустное выраженіе. При всей блестящей красотѣ Аделины де-Кастелла, ея лицо постоянно носило какой-то отпечатокъ грусти. Это каждому бросалось въ глаза и всегда придавало ей особенную прелесть, но послѣ болѣзни это стало еще замѣтнѣе. Не душа ли ея, предчувствуя страданія, на которыя она была обречена, набрасывала эту тѣнь на ея черты? Дѣвицы обступили Аделину и молча разсматривали ея зубы, потому что однажды, во время болѣзни Аделины, Шарлотта Сигльтонъ сказала, что прозрачность зубовъ есть несомнѣнный признакъ чахотки, и дѣвицы никакъ не могли рѣшить, дѣйствительно ли ея зубы имѣютъ эту прозрачность.

— Насилу-то я собралась къ вамъ, начала Аделина, садясь

съ своими подругами, Розою и Мери, на скамью, приходившуюся подъ окнами классной комнаты. — Какіе жары наступили вдругъ!

— Какъ вы долго были больны, Аделина! Мы слышали, что вы уѣзжаете въ Ниццу!

— Да, но не раньше осени. И не знаю, въ Ниццу ли именно.

— Вотъ Юлія! закричала Роза, вспрыгнувъ со скамьи. — Юлія, кого берутъ?

— *Pas vous, mademoiselle*, отвѣчала служанка, смѣясь волненію Розы.

— Ахъ, да, Аделина, мы о васъ еще что-то слышали!

— Чтò?

— Да такъ, новость одну. Сказать?

— Теперь неудобно, возразила Аделина, — посмотрите, сколько ушей слушаютъ насъ.

— *Va-t-en! va-t-en!* закричала Роза, вставая, и такъ сильно стала расталкивать собравшихся вокругъ нихъ дѣвочекъ, что привела ихъ въ неопознанное смятеніе.

— *Qu'est-ce que c'est?* закричала мамзель Фифина.

— *Ces filles, diables qu'elles sont!* отвѣчала Роза, никогда не обдумывая того, что говорила своимъ наставницамъ. — *Mademoiselle de-Castella ne peut pas dire un mot, qu'elles s'en aillent d'icil!*

Мамзель Фифина отозвала дѣвочекъ прочь, и Роза тотчасъ же приступила къ разговору.

— Мы слышали, Аделина, что вы выходите замужъ. Правда ли это?

— Да, я думаю, отвѣчала она съ безпечною улыбкой и слегка краснѣя.

— Чтò онъ хорошъ собою? разспрашивала Роза.

Конечно, такая мысль прежде всего могла придти ей.

— Я никогда его не видала.

— О, Аделина! неволью произнесла Мери Карръ, между тѣмъ какъ Роза смотрѣла на нее во всѣ глаза.

— До сихъ поръ нѣтъ еще, на этой недѣлѣ онъ пріѣдетъ къ намъ изъ Парижа.

— Кто онъ такой?

— Баронъ де-ла-Шассъ. Помните, у насъ на балу вы видѣли одного пожилаго господина, который почти все время пробылъ съ нами?

— Да, ну такъ что же? съ нетерпѣніемъ спросила Роза.

— Мнѣ кажется, что онъ тогда уже просилъ моей руки у папаша, хотя мнѣ ничего не сказали объ этомъ, и...

— Но вѣдь это грѣхъ, святотатство, приводить себя въ жертву такому старику, прервала ее Мери Карръ, вскакивая въ изумленіи. — Вѣдь онъ скоро протянетъ ноги!

— Погодите на минутку, сказала Аделина, спокойно взявъ ее за руку. — Ну, кто теперь спѣшитъ? Этотъ старикъ уже протянулъ ноги. Онъ умеръ вскорѣ послѣ нашего праздника, для котораго нарочно пріѣзжалъ изъ Парижа. Они съ папашей были старинные и задушевные друзья; болѣе близкихъ друзей трудно себѣ представить, несмотря на то что между ними лѣтъ двадцать разстоянія. Состояніе и титулъ перешли теперь къ его племяннику, которому и обѣщана моя рука.

— А сколько ему лѣтъ? спросила Роза.

— Я никогда не справлялась объ этомъ, отвѣчала Аделина. — Маменька говоритъ, что онъ хорошъ собою. Какъ видно, они давно уже задумали этотъ союзъ между двумя семействами, хотя мнѣ никогда не говорили объ этомъ. А еслибы моя сестра осталась жива, то эта честь выпала бы на ея долю.

— Надѣюсь, что вы будете счастливы, замѣтила миссъ Карръ.

— Благодарю васъ, Мери. Но вы говорите это такъ нерѣшительно.

— Я искренно желаю этого, но увѣренность въ вашемъ счастіи была бы во мнѣ гораздо тверже, еслибы вы уже знали и любили того, кто будетъ вашимъ мужемъ. Это большой рискъ выходить замужъ за челоуѣка, котораго вы никогда еще не видали.

— Во Франціи это всегда такъ дѣлается, сказала Аделина.

— Вотъ почему у Французовъ такъ мало счастливыхъ браковъ, перебила Роза, которая-было смолкла на время, — и жены ихъ обыкновенно ищутъ себѣ утѣшенія въ интригахъ. Опасная эта игра, Аделина. Берегитесь!

— Надѣюсь, что вы не считаете необходимымъ предостерегать меня отъ подобной опасности, воскликнула Аделина, вся вспыхнувъ.

— Конечно; въ вашей натурѣ нѣтъ ничего французскаго, смѣло возразила Роза. — Вамъ, столь твердой въ правилахъ

уточненной въ чувствахъ, это можетъ только примести страданіе,—стремленіе къ тому, что не достижимо.

— Да, вѣдь, и Англичанки не всегда выходятъ замужъ по любви, задумчиво сказала Аделина.

— Рѣдко или, лучше сказать, никогда, отвѣчала Роза. — Ихъ страсти уже смирѣютъ еще до вступленія въ бракъ. Онѣ больше выѣзжаютъ, имѣютъ въ свои дѣвичьи годы болѣе случаевъ сблизаться съ молодыми людьми чѣмъ вы; такъ проходятъ годы, и когда наступаетъ время свадьбы, сердце ихъ уже спокойно, оно отжило свой вѣкъ.

— Въ такомъ случаѣ ихъ браки, по вашимъ же собственнымъ словамъ, очень близко подходятъ къ тому, который меня ожидаетъ.

— Что касается до брака—да, но пора любви для нихъ миновала, между тѣмъ какъ для васъ она только наступаетъ. Въ этомъ-то вся задача, вся опасность.

— Откуда это вы почерпнули такія мудрыя идеи? спросила Аделина, которую это очень забавяло.

— Я не идиотка, отвѣчала Роза, — и когда меня что поражаетъ, я склонна свободно высказывать свои мысли. Мнѣ всегда казалось, что вы пойдете за Англичанина. Вы часто говорили это, и сами ставите Англичанъ несравненно выше Французовъ. Помните того красиваго Англичанина съ „французскими ноготками“? Я почему-то вбила себѣ въ голову, что ваша судьба непременно должна быть связана съ его судьбой.

— Вы многое себѣ вбивали въ голову, Роза, что никогда не осуществлялось, возразила Аделина съ веселымъ смѣхомъ. — Я его ни разу не видала съ тѣхъ поръ и, вѣроятно, никогда болѣе не увижу.

— Mademoiselle Rose Darling, крикнула Клотильда, высовываясь изъ окна классной комнаты.

— Вотъ радость-то! закричала Роза, убѣгая. — Я знаю, это Сингальтовы.

Роза скоро вернулась совсѣмъ одѣтая, но съ нахмуреннымъ лицомъ.

За ней пріѣхала старая миссъ Максвелль.

— Вы только одно обѣщайте, Аделина, что дадите намъ взглянуть на своего будущаго мужа, сказала она.

— Очень хорошо, отвѣтила Аделина. — Желаю вамъ пріятно провести время, Роза.

— Вы хотите сказать—проскучать весь вечеръ съ глухимъ

сэръ-Санди и его сестрой. Я разчитывала отаравиться къ Сингльтонамъ.

Наконѣцъ баронъ де-ла-Шассѣ пріѣхалъ изъ Парижа и былъ помолвленъ съ Аделиной де-Кастелла. Только немногіе близкіе друзья дома были приглашены на помолвку, и Аделина сдержала свое обѣщаніе относительно Розы и Мери Карръ.

Женихъ былъ лѣтъ тридцати, средняго роста, плотно и хорошо сложенный; черты лица его были пріятны и правильны, каштановые волосы, отъ природы вьющіеся и бае-стящіе, были коротко острижены и стояли какъ щетина, желтые бакенбарды — также, а концы длинныхъ желтыхъ усовъ были закручены кверху. Не знаю почему, Роза, услышавъ отъ Аделины что онъ не дуренъ собой, вообразила его себѣ высокимъ и красивымъ мужчиной, и въ минуту представленія, увидавъ его подстриженные волосы и желтые усы, насилу могла удержаться отъ смѣху, зажавъ себѣ ротъ носовымъ платкомъ. Въ немъ, однако, можно было сейчасъ же замѣтить джентльмена и хорошо воспитаннаго человѣка.

— Мери! шепнула Роза при первомъ удобномъ случаѣ: — на какую жертву обречена Аделина!

— Чтò вы это говорите, Роза! Не въ наружности счастье! А еслибъ и такъ, то баронъ вовсе не такъ дуренъ.

— Но взгляните на его подстриженные волосы и на эти страшные усы! Зачѣмъ онъ не подрѣжетъ кончики и не подкраситъ ихъ?

— Можетъ-быть, онъ боится, чтобъ они не превратились у него въ зеленые, если только онъ прочелъ *Десять тысячъ фунтовъ годоваго дохода*.

— О, Аделина, Аделина, неужели она въ самомъ дѣлѣ обречена съ нимъ?

— Чтò жъ тутъ невѣроятнаго, Роза? сказала Мери Карръ. — Развѣ вы не видите, что у нея на головѣ бѣлый вѣнокъ, а на рукѣ обручальное кольцо?

— Еслибы такой бритый козелъ, какъ онъ, надѣлъ мнѣ кольцо, я непременно высматривала бы кого-нибудь другаго, чтобы снять его, возразила Роза. — Милая Аделина, продолжала она, когда послѣдняя подошла къ ней, — покажите мнѣ ваше кольцо.

Аделина сняла перчатку и вмѣстѣ съ нею кольцо.

— Зачѣмъ вы сняли кольцо? замѣтила Мери Карръ. —

У насъ въ Голландіи есть повѣрье, что если снять обручальное кольцо, оно уже никогда не станетъ вѣнчальнымъ.

— Это чистый вздоръ, какъ и все прочія суевѣрія, сказала Аделина, и совершенное равнодушіе, которое она обнаружила при этомъ, ясно доказывало, что не любовь руководила ея выборомъ. Да и могло ли быть иначе?

— Что вы тамъ дѣлали оба?

— Подписывали контрактъ, а за тѣмъ онъ подаль мнѣ кольцо. Вотъ и все....

— И завершилъ церемонію подѣлуемъ, рѣзко замѣтила Роза.

Яркая краска разлилась по лицу Аделины вплоть до вѣнча бѣлыхъ розъ, украшавшихъ ея прекрасное открытое чело.

— Кому, кромѣ васъ, Роза, придуть въ голову такія пошлыя фамильярности? съ упрекомъ сказала Аделина. — Французы сочли бы это крайне неприличнымъ.

— Неприличнымъ! презрительно воскликнула Роза. — Если бы вы любили, вы не сказали бы этого. Подождите, придетъ время, Аделина, вспомните и мои слова, и свои также. Полюбить человека не долго, если только придется любить, продолжала она въ раздумьи, — что часто случалось съ нею теперь, — какъ будто бы говоря сама съ собою, а не съ другими.

— Вѣроятно, не придется, замѣтила Аделина равнодушно. — Но мнѣ кажется, что и вы, Роза, при всей своей восприимчивости, должны будете сознаться, что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ трудно возникнуть серіозному чувству.

— При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ вы находитесь, даже и года недостаточно, возразила Роза запальчиво. — Уже самый фактъ этотъ, что отъ васъ ожидаютъ и требуютъ любви по заказу, долженъ помѣшать развитію чувства.

Вообще говоря, Роза была права.

— Аделина, нервѣнительно произнесла Мери Карръ, — она касалась весьма щекотливаго вопроса, — дѣйствительно ли вы сочувствуете этому браку?

— Мнѣ кажется, отвѣчала она. — Вѣдь нужно же когда-нибудь выйдти замужъ, а папаша очень высокаго мнѣнія о баронѣ де-ла-Шаестъ.

— И вы безъ малѣйшаго сопротивленія дали свое согласіе?

— Конечно. Что же я могу имѣть противъ этого брака? Я не на столько знаю барона, чтобы любить или не любить его. Но онъ во всякомъ случаѣ выгодная партія.

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ баронъ де-ла-Шассъ и вступилъ съ ними въ разговоръ. Онъ былъ, повидимому, умный и пріятный человекъ, легко и свободно разсуждалъ о литературѣ и обо всемъ современномъ. Въ его обращеніи съ Аделиной, хотя онъ ни на минуту не покидалъ церемонной вѣжливости Француза, была извѣстная доля любезности (я не могла придумать лучшаго выраженія; Французы назвали бы это *empressement*), которую пріятно было видѣть, хотя Роза рѣшила, что онъ ужасно тщеславенъ. Но если можно было найдти въ этой націи человека выше его по умственному развитію, то еще скорѣй можно было встрѣтить людей несравненно ниже его стоявшихъ.

— Пожалуй, они и счастливы будутъ, Роза, замѣтила миссъ Карръ, когда онъ остался вдвоемъ.

— Можетъ-быть. Если только ей удастся заставить его отростить себѣ волосы и разстаться съ этими желтыми хвостами.

— Будьте посерьознѣй, пожалуйста, съ упрекомъ сказала миссъ Карръ. — Мнѣ кажется, онъ готовъ полюбить Аделину.

— Онъ любитъ, гордится ею, противорѣчила Роза, — и безъ всякаго сомнѣнія чрезвычайно доволенъ, что такая прелестная дѣвушка достается ему безъ малѣйшаго усилія съ его стороны. Но если вы говорите о любви, то я очень бы желала знать, какое количество этого чувства входитъ въ составъ французскаго супруга?

Въ это время мать позвала Аделину и спросила ее спѣть дуетъ съ барономъ, музыкальный талантъ котораго былъ имъ извѣстенъ по слухамъ. Но она сконфузилась и отказалась. Скромная, застѣчивая и чрезвычайно чувствительная отъ природы, она не рѣшалась стать передъ публикой рядомъ съ женихомъ. Она еще не пѣла послѣ своей болѣзни и попросила Розу замѣнить ее.

Роза выступила впередъ безъ малѣйшаго смущенія. Послѣ кокетства, она особенно сильна была въ пѣніи. Аделина подѣла къ Мери Карръ и перешептывалась съ нею о прежнемъ веселомъ житьѣ-бытьѣ, о старыхъ школьныхъ подругахъ, о давно миновавшихъ дняхъ.

Ни малѣйшая тѣнь сомнѣнія или опасенія за будущее не омрачала въ этотъ вечеръ душу Аделины. Рѣдко лицо ея сіяло такою радостью, какъ теперъ, когда она прогнала

съ него свойственное ему выраженіе грусти. Въ качествѣ едва обрученной невѣсты и будущей жены, она была кумиромъ всѣхъ окружавшихъ ее; это подстрекало ея тайное тщеславіе и дѣлало ее счастливою. Она находила, что быть невѣстой очень пріятно. Всѣ такъ думаютъ. Почему же Аделинѣ де-Кастелла быть исключеніемъ?

Какъ мало понимала она истинный смыслъ контракта, который только что заключила въ своемъ невѣдѣніи! Какія обязательства налагалъ онъ на нее и какія послѣдствія долженъ былъ онъ повлечь за собою!

Замокъ де-Бофуа, принадлежавшій прежде кавалеру де-Бофуа, былъ теперь собственностью и мѣстопробываніемъ вдовы его. Читателю уже извѣстно, что она была родомъ Англичанка. Изъ двухъ дочерей ея, младшая была замужемъ за сирѣноромъ де-Кастелла, другая, Агнеса де-Бофуа, осталась въ дѣвцахъ и жила всегда съ матерью. Имѣніе это находилось около Одеска, маленькаго городка, отстоявшаго на нѣсколько миль отъ Бельпорта по парижской линіи желѣзныхъ дорогъ.

Де-Кастелла, по обѣщанію, отправились на лѣто въ замокъ. По настоятельнымъ просьбамъ Аделины, съ ними поѣхала и Мери Карръ. Но М-ше де-Ниво отпустила ее только на недѣлю.

Аделина де-Кастелла такими яркими красками описывала ей замокъ, что Мери Карръ была изумлена, чтобы не сказать разочарована, когда увидела его. Это было длинное, прямое, бросавшееся въ глаза, свѣтло-сѣрое зданіе, все испещренное окнами и трубами, съ плоскимъ, казенно-форменнымъ садомъ, простиравшимся впереди его. Правильныя цвѣточныя куртины его представляли только квадраты, овалы и круги, и опять овалы, квадраты и круги, дорожки были длинныя, прямыя и узкія, какими обыкновенно щеголяютъ французскіе сады. Къ парадному входу вела высокая лѣстница съ широкими ступенями, по обѣимъ сторонамъ которой стояли львы, скалившіе зубы на всѣхъ посѣтителей. Только эти неодушевленные выстѣченные изъ камня львы да широкія ступени лѣстницы и придавали нѣкоторое разнообразіе этому обнаженному зданію. Передъ домомъ находились два фонтана, между которыми устроенъ былъ подъѣздъ для экипажей. Каждый изъ нихъ былъ окруженъ восемью львами меньшаго размѣра, съ однимъ гигантскимъ львомъ по сере-

днѣ, изъ части котораго была вода. Все это показалось Мери Каррѣ весьма некрасивымъ и нецѣльнымъ. Но на западной сторонѣ замка представлялось болѣе пріятное зрѣлище. Широкая каменная терраса или родъ колоннады, съ лѣстницами по обѣимъ сторонамъ и въ срединѣ, возвышалась передъ окнами, а вдали видны были предестынные парки и сады. Зеленая волнообразная лужайка, душистые кустарники, уединенныя, крытыя аллеи, скамьи, освѣщенные густыми деревьями, подъ тѣнь которыхъ такъ и мывило въ полуденный жаръ, вьющіеся кустарники, прозрачное озеро, все это было очаровательно. И вѣсьмъ этимъ замокъ обязанъ былъ вкусу своей англійской владѣтельницы. По соудству, въ близкомъ разстояніи отъ Бофуа, находилась еще другіе замки, что давало возможность пользоваться небольшимъ, но пріятнымъ обществомъ. Самый близкій домъ отстоялъ на полмили отъ замка, и мы просимъ читателя обратить на него особенное вниманіе, потому что ему придется не разъ заглянуть въ него. Это не былъ замокъ; взятый вдвое, онъ не составилъ бы и половины Бофуа, жители котораго, по своимъ англійскимъ понятіямъ, окрестили его названіемъ „мызы“. Это былъ маленькій, уютный домикъ, принадлежавшій графу д'Эстиваль, короткому пріятелю семейства де-Бофуа. Г. д'Эстиваль имѣлъ врожденную склонность къ живописи и изящнымъ искусствамъ. Онъ пристроилъ къ „мызѣ“ еще одну комнату, исключительно назначенную для картинъ, часто путешествовалъ и постоянно увеличивалъ свою коллекцію. Между тѣмъ какъ другіе тратили свои деньги на выѣзды и общественныя удовольствія, онъ употреблялъ ихъ (и въ большомъ количествѣ) на покупку картинъ. Мери Каррѣ приходилась ему съ родни: старшій братъ ея, умершій англійскій пасторъ, былъ женатъ на племянницѣ графа, Эммѣ д'Эстиваль. Нѣкоторые изъ читателей, быть-можетъ, имѣли случай познакомиться съ этими Каррѣ въ одномъ изъ новѣйшихъ сочиненій; они знаютъ, что они родились и жили въ Голландіи, слышали о странномъ романѣ ихъ родителей и о ихъ замѣчательномъ процессѣ въ Вестербери, въ силу котораго они были восстановлены, въ своихъ правахъ. Не любя повтореній, не стану надобѣждать ими и читателю.

XXIII. Портретъ.

Госпожа де-Бофуа, урожденная Марія Гольдинггамъ. была веселая, бодрая, но нѣсколько болѣзненная старушка. Ея дочь Агнеса, совершенно сѣдая въ пятьдесятъ лѣтъ, казалась вдвое старше сестры своей госпожи де-Кастелла, хотя между ними было не болѣе десяти лѣтъ разницы. Сестры ничуть не походили другъ на друга; у старшей было простое, широкое, безцвѣтное лицо съ крупными чертами и съ такими же безцвѣтными глазами, между тѣмъ какъ госпожа де-Кастелла отличалась тонкими, нѣжными чертами лица, роскошными черными глазами и яркимъ румянцемъ щекъ. Къ удивленію Мери Карръ, которой Аделина не сказала объ этомъ ни слова, оказалось, что миссъ де-Бофуа хромала. Это было слѣдствіемъ несчастнаго случая въ дѣтствѣ.

На другой день по пріѣздѣ въ Бофуа, Аделина спросила у своей бабушки: не у себя ли господишь д'Эстиваль? Отвѣтъ былъ отрицательный. Ей сказали, что господишь д'Эстиваль пріѣхалъ на нѣсколько дней изъ Парижа, съ гостями, но вслѣдъ за тѣмъ уѣхалъ, и какъ кажется, въ Голландію.

— Тѣмъ лучше, замѣтила Аделина, — мы можемъ теперь ходить когда намъ вздумается въ его картинную галлерю. Вы любите живопись, Мери, для васъ это будетъ истиннымъ наслажденіемъ. да къ тому же вы, въ качествѣ родственницы, пользуетесь въ его домѣ нѣкоторыми правами. Не пойдти ли намъ туда сейчасъ же?

— Сейчасъ? сказала госпожа де-Кастелла. — Въ такую жару!

— А позже будетъ еще жарче, сказала Аделина. — Пойдемте съ нами, мамаша.

Не совѣтъ-то охотно приказала госпожа де-Кастелла подать себѣ шарфъ и шляпку, и не мало сомнительныхъ взглядовъ бросила она на безоблачное небо, откуда сверкало ослѣпительное солнце. Они отправились черезъ аллею кустарниковъ, по самой длинной, но за то наиболѣе прохладной и тѣнистой дорогѣ. А между тѣмъ, покамѣстъ они идутъ, заглянемъ въ эту картинную галлерю:

Трудно было бы описать ея внѣшній видъ, и нѣвшій характеръ отчасти мастеровкой, отчасти пышной картинной гал-

лереи. Это была узкая и продолговатая комната, освѣщенная высокими окнами съ зелеными жалюзи, съ помощію которыхъ художники устраиваютъ нужное имъ освѣщеніе. Стекланныя двери вели изъ этой комнаты въ очаровательный садъ, но въ случаѣ надобности они закрывались ставнями и завѣшивались драпировками. На противоположномъ концѣ комнаты другая дверь, поменьше первой, служила для сообщенія съ остальнымъ домомъ.

Въ этотъ самый день, около семи часовъ утра, какой-то молодой человѣкъ возился въ этой комнатѣ, приводя въ порядокъ французскіе карандаши, кисти и краски, которые такъ и оставались неубранными съ тѣхъ поръ какъ ихъ употребляли въ послѣдній разъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стѣны стоялъ высокій, остроконечный мольбертъ, а подлѣ него станокъ съ красками и палитрами. Кругомъ разставлены были классическія вазы, гипсовые сапки съ лучшихъ моделей; статуи и бюсты изъ порфира и лидійскаго мрамора; голова воина, скульптурной работы, группа гладіаторовъ, плачущая Ніобя, Аполлонъ Бельведерскій, свинки барельефовъ и другіе античныя этюды. Тутъ можно было найдти красоту во всѣхъ ея видахъ, но не было ни безобразія, ни оторванныхъ членовъ, ни уродливыхъ формъ, какъ будто составитель собранія позаботился только о возбужденіи однихъ пріятныхъ ощущеній. По стѣнамъ висѣли коніи съ картинъ великихъ мастеровъ и нѣсколько оригинальныхъ произведеній Микеля Анджео, Сальватора Розы, Рембрандта, Рафаеля, Гвидо, Карла Дольче, Тиціана, и наконецъ даровитаго и несчастнаго Леонарда Да-Винчи. Образцовъ испанской школы было не много: Веласкесъ, Мурильо и Зербарбанъ. Изъ французской школы еще меньше: Николай Пуссенъ, Лебренъ и Ватто; но за то тутъ былъ богатый выборъ коній и оригиналовъ фламандской и голландской школы: Ванъ-Дикъ, Рюисдааль, Вильямъ Вандервельдъ и братья Авраамъ и Исаакъ Остады.

Кончивъ свои приготовленія и приведя въ порядокъ палитры, молодой человѣкъ придвинулъ къ себѣ станокъ и сѣлъ за мольбертъ. Но врежде чѣмъ взяться за кисть, онъ взглянулъ на ближайшее къ нему окно, всталъ на стулъ и еще ниже опустил зеленые жалюзи, чтобъ уменьшить освѣщеніе. Затѣмъ онъ уже окончателно приступилъ къ дѣлу, то насвистывая отрывки какой-то популярной мелодіи, то

капывая про себя вѣсколько тактовъ и вдругъ подхватывая во всю силу звучнаго, пріятнаго голоса. Онъ снималъ копію съ одной извѣстной картины Веласкеза, и быстро подвигался къ концу. Эта была очаровательная женская головка, изображавшая Марію Магдалину. Но ни эта головка, ни вѣ находившіеся тутъ портреты и бюсты, ни даже стоявшій подаѣ него „Эдмундъ“ Жироде не могли затмить собою красоты самого художника.

Никакая кисть, никакой мраморъ не могли бы изобразить этотъ умный, открытый лобъ, эту пріятную улыбку вѣжно очерченныхъ губъ, этотъ серьезный взглядъ темносинихъ глазъ. Но хотя голова его отлита была въ самую безукоризненную форму, которую не скрывали волны роскошныхъ темныхъ волосъ; хотя блѣдное, правильное лицо отличалось почти женственною красотой, — все-таки главная прелесть его заключалась въ *экспрессіи*. Лордъ Джонъ Сеймуръ совершенно справедливо замѣтилъ, что лицо Сентъ-Джона было скорѣе привлекательно нежели красиво (читатель, вѣроятно, уже угадалъ, что этотъ молодой художникъ былъ никто другой какъ Фредерикъ Сентъ-Джонъ), потому что неотразимая прелесть выраженія заставляла забывать о красотѣ чертаній.

Мистеръ Сентъ-Джонъ усердно проработалъ вѣсколько часовъ сряду до самаго полудня. Въ двѣнадцать часовъ онъ всталъ, потянулся, открылъ ставни и драпировки и растворилъ стеклянныя двери.

Эта часть комнаты очевидно назначена была для отдыха и наслажденія; вѣ атрибуты труда сгруппированы были на противоположномъ ей концѣ. Здѣсь же помѣщались двѣ оттоманки, вѣсколько креселъ и диванъ, на которыхъ утомленный художникъ могъ отдыхать и любоваться красотой вѣншей природы, или изящными произведеніями искусства, собранными внутри комнаты. И какой прелестью видъ представлялся изъ окна! Это былъ земной рай въ миниатюрѣ.

По зеленой лужайкѣ пробираясь между мшистыми берегами свѣтлой и прозрачной ручей; группы очаровательныхъ душистыхъ цвѣтовъ росли по окраинамъ луга, а за ними возвышались искусственные холмы и гроты, надъ которыми билъ фонтанъ, пріятно ласкавшій слухъ. И весь этотъ прелестью пейзажъ, не имѣвшій даже полудесятины пространства, огражденъ былъ отъ вліанія вѣншаго міра

живою стѣной высокихъ пахучихъ липъ, сквозь трепещущіе листья которыхъ едва провикали солнечные лучи.

Мистеръ Сентъ - Джонъ бросился на оттоманку и любовался видомъ. Въ рукѣ у него была книга, но онъ не открывалъ ея. Онъ былъ слишкомъ голоденъ, чтобы читать: кромѣ чашки кофе и кусочка хлѣба, онъ ничего не ѣлъ съ шести часовъ утра, и теперь незамѣтно впалъ въ задумчивость.

— Удастся ли мнѣ выдержать характеръ и до конца перенести эту однообразную жизнь? сказалъ онъ вполголоса, бессознательно слѣдя глазами за игрой солнечнаго блеска на лугу.—Нѣсколько мѣсяцевъ этой скромной, дешевой жизни, помогутъ мнѣ окончательно расквитаться съ долгами. Но Исааку я ничѣмъ не хочу быть обязанъ ничѣмъ; и если бы здѣсь нашелся проблескъ жизни, хоть развлеченіе—хоть какое-нибудь развлеченіе—если бы вернулся по крайней мѣрѣ д'Эстиваль...

Въ эту минуту дверь на противоположномъ концѣ комнаты отворилась, и въ нее заглянула дородная, миловидная женщина, которую можно было принять, если не за хозяйку дома, въ простомъ утреннемъ костюмѣ, то за ея почтенную домоправительницу. Она доложила мистеру Сентъ-Джону, что завтракъ готовъ.

— Благодарю васъ, госпожа Баретъ, сказалъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ, и подстрекаемый голодомъ, быстро пошелъ за ней, не замѣтивъ въ торопяхъ, что уронилъ свой носовой платокъ.

Въ это время маленькое общество изъ Бофуа достигло мызы. Госпожа де-Кастелла страшно ворчала на жаръ. Пока дорога шла въ тѣнистыхъ кустарникахъ, она переносила его довольно терпѣливо; но въ открытомъ полѣ, рѣвшемъ колосистою скатертью, гдѣ не было ни изгороди, ни клочка зеленой травы, на которыхъ бы можно было отдохнуть ослабленному взору, жаръ этотъ сдѣлался невыносимымъ. Чтѣ станется теперь съ цвѣтомъ ея лица! Она чувствовала уже, что у нея нарываешь кожа.

— Э, милая мамаша, повѣрьте, что бѣды никакой не будетъ, шутила Аделина,—вы только немножко раскраснѣлись. Пои-дите прямо черезъ камитку въ картинную галерею. А то мадамъ Баретъ заговоритъ насъ до полусмерти, особенно когда она узнаетъ кто такая Мери Карръ.

— Не могу я въ такую жару любоваться на картины, сродито отвѣчала госпожа де-Кастелла. — Вы идите себѣ, пожалуйста, въ галерею, а я отыщу мадамъ Баретъ и попрошу ее дать мнѣ молока. Мнѣ еще никогда не бывало такъ жарко.

Съ этими словами она направилась къ дому, а Мери съ Аделиной прошли въ калиточку уединеннаго сада, и усѣлись въ картинной галереѣ. О, какъ отрадно было войти въ этотъ прохладный уголокъ послѣ ослѣпительнаго полдненнаго зноя! Тамъ, въ открытомъ полѣ, все было сожжено палящимъ солнцемъ, между тѣмъ какъ здѣсь утомленный глазъ отдыхалъ на свѣжей зеленой травѣ; искристый ручей разливалъ кругомъ прохладу, а клумбы предельныхъ цвѣтовъ, окаймлявшихъ лужайку, наполняли воздухъ благоуханіями. Впечатлѣніе, производимое этимъ приятнымъ уголкомъ, можно было сравнить съ впечатлѣніемъ тихой, серебристой лунной ночи послѣ знойнаго дѣтнаго дня.

Аделина первая встала съ своего мѣста. Вниманіе ея было отвлечено чѣмъ-то на другой конецъ комнаты.

— Мери! Взгляните-ка сюда! На мольбертѣ картина! И работа видимо подвигается. Какъ же это бабушка сказала, что господина д'Эстивала нѣтъ дома!

Миссъ Карръ обернулась, и съ перваго взгляда на предметы собранные въ этой комнатѣ, ей показалось, что она еще не видывала болѣе разнохарактерной кучи. Аделина между тѣмъ продолжала смотрѣть на мольбертъ.

— Какая мастерская кисть! Это, вѣрно, работа господина д'Эстивала. Онъ превосходно пишетъ. Многія изъ этихъ копій дѣланы его рукой. А можетъ-быть, не пригласилъ ли онъ сюда какого-нибудь художника?

— Аделина, вы уронили свой носовой платокъ, сказала миссъ Карръ, вставая и поднимая платокъ.

— Нѣтъ, мой въ карманѣ, отвѣчала Аделина, не отрывая глазъ отъ полуоконченной картины. — Это, должно-быть, вашъ.

Миссъ Карръ, все еще убѣжденная что платокъ принадлежалъ Аделинѣ, стала осматривать его углы. На первыхъ трехъ не было никакого имени, а на четвертомъ, вмѣсто ожидаемыхъ ею начальныхъ буквъ: „A. de C.“, стояло полное имя: — Фредерикъ Сентъ-Джонъ, вышитое волосами и украшенное сверху коронкой.

Въ ея умѣ промелькнула догадка; она смутно вспомнила о благородномъ молодомъ человѣкѣ, о французскихъ воготкахъ

и о суетвѣрныхъ опасеніяхъ Розы Дарлингъ, чтобъ этотъ человѣкъ не оказалъ роковаго вліянія на ея судьбу. Въ высшей степени заинтригованная, она торопливо кликнула Аделину, которая на этотъ разъ немедленно поспѣшила на ея зовъ.

— Смотрите, Аделина! сказала она, указывая ей на вышитый уголокъ платка.— Чье это имя?

Аделина равнодушно прочла его.

— Неужели вы не помните— у васъ на балу— французскія ноготки?

— Фредерикъ Сентъ-Джонъ? безопасно сказала Аделина, взявъ въ свои руки платокъ:— да, это то же самое имя, и вѣроятно, то же лицо.

Какъ спокойно, какъ равнодушно она говорила! Будь это совершенно постороннее для нея, ни разу не слыханное имя, она не могла бы отвести къ нему равнодушнѣе. Видно не предчувствовала тогда душа ея, что готовило ей ближайшее будущее.

Въ эту минуту внутренняя дверь отворилась, и мистеръ Сентъ-Джонъ вошелъ въ комнату. Мери Карръ вздрогнула отъ удивленія, потому что она до сихъ поръ не замѣчала этой внутренней двери. Мистеръ Сентъ-Джонъ также остановился на минуту какъ вкопанный, вѣроятно недоумѣвая, кто бы могли быть эти посѣтительницы, и какимъ образомъ могли онѣ попасть сюда, какъ мухи на медъ. Онъ сталъ извиняться передъ ними въ томъ что такъ безцеремонно вошелъ въ комнату, не подозрѣвая о ихъ присутствіи.

— Намъ слѣдуетъ извиняться, мистеръ Сентъ-Джонъ, перебила Аделина.— Вы не узнаете меня? продолжала она, замѣтивъ, что онъ посмотрѣлъ на нее съ большимъ удивленіемъ, когда она назвала его по имени.

Могъ ли онъ припомнить ее? Онъ видѣлъ ее лишь однажды, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ великолѣпномъ бальномъ платьѣ; а теперь она стояла передъ нимъ въ простомъ утреннемъ нарядѣ, и самое лицо ее отлѣнялось полями шляпки.

— Мнѣ, кажется, суждено присвоивать себѣ вашу собственность, продолжала Аделина, подавая ему платокъ.— Въ первый разъ, когда мы встрѣтились, я отняла у васъ цвѣтокъ, а теперь....

— Мадемуазель де-Кастелла! перебилъ онъ ее, сіяя удо-

вольствиемъ и протягивая ей обѣ руки.—Пожалуста, простите меня и не думайте чтобъ я забылъ васъ; но я никакъ не воображалъ встрѣтить васъ здѣсь.

Это было совершенно справедливо. Хотя мистеръ Сентъ-Джонъ зналъ, что въ окрестностяхъ есть замокъ Бофуа, однако онъ ни мало не подозрѣвалъ, чтобы семейство де-Кастелла имѣло къ нему какое-нибудь отношеніе.

— Вы здѣсь гостите? спросила Аделина.

— Да;—и онъ разказалъ ей все: какъ онъ встрѣтился нынѣшнею весной въ Парижѣ съ графомъ д'Эстивалемъ, котораго онъ зналъ еще прежде, и какъ согласился на предложеніе отправиться вмѣстѣ къ нему въ деревню. Вскорѣ по прїѣздѣ ихъ въ имѣніе, графъ былъ вызванъ по семейнымъ дѣламъ въ Голландію и взялъ слово съ мистера Сентъ-Джона, что онъ дождется его возвращенія.

— Вотъ эта молодая особа родственница господина д'Эстивала, сказала Аделина.—Вы, вѣроятно, слышали о голландскихъ Каррахъ изъ Роттердама?

Мистеръ Сентъ-Джонъ улыбнулся.

— Голландскіе Карры составили себѣ извѣстность въ нашемъ графствѣ. Вестерберн до сихъ поръ гордится ихъ знаменитымъ процессомъ.

— Стало-быть, вы должны знать, что Робертъ Карръ былъ женатъ на Эммѣ д'Эстиваль, продолжала Аделина.—А Мери Карръ, которую вы здѣсь видите, его единственная сестра.

Какая неподдѣльная грусть отразилась въ глазахъ Фредерика Сентъ-Джона при этомъ имени, когда онъ сжалъ ея руку. Въ воспоминаніи его живо возникъ образъ покойнаго и дорогаго его сердцу школьнаго товарища.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошла и госпожа де-Кастелла, и всѣ они скоро освоились между собою. Мистеръ Сентъ-Джонъ еще разъ обошелъ съ ними всю галерею, объясняя имъ красоты и достоинства картинъ.

— Я догадываюсь, что и вы также художникъ, замѣтила госпожа де-Кастелла, глядя на картину, стоящую на мольбертѣ.

— Какъ ни люблю я искусство, сколько ни занимался имъ, однако я не болѣе какъ дилеттантъ. Еслибъ я желалъ помянаться съ кѣмъ-либо своимъ положеніемъ, то конечно съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ знаменитыхъ художниковъ.

Какъ мало знаютъ въ Англіи Веласкеса! восклицуаъ онъ, любясь на свой оригиналь.

— Да, и во Франціи также, отвѣчала госпожа де-Кастелла.— Повѣрьте мнѣ, мистеръ Сентъ-Джонъ, что никто не можетъ вполнѣ оцѣнить испанскую школу, не любовавшись богатыми коллекціями ея въ самой Испаніи.

— Вы совершенно правы, отвѣчалъ онъ.

— Бывали ли вы когда-нибудь въ Испаніи?

— Въ Европѣ я, кажется, былъ вездѣ, гдѣ только есть картинныя галлерей.

— А любите ли вы испанскую школу?

— Такъ себѣ.

— Только-то? Мнѣ весьма прискорбно слышать такой отзывъ.

— Испанская живопись имѣеть свой особенный, исключительный характеръ, продолжалъ мистеръ Сентъ-Джонъ.— По крайній мѣрѣ я всегда держался этого мнѣнія. Испанскіе художники были стѣснены въ выборѣ своихъ сюжетовъ: они должны были ограничиваться однимъ религіознымъ матеріаломъ. А будь имъ дано побольше свободы, они оставили бы потомству болѣе драгоценныя памятники своего гевія. Воображеніе есть плоть и кровь живописи. Наложите на него узду, и вы останетесь ни съ чѣмъ.

— Мнѣ кажется, вы правы, сказала госпожа де-Кастелла.

Въ это время въ комнату вошла госпожа Баретъ. Она была родственница графа д'Эстиваль. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мужъ ея, мелкій землевладѣлецъ, посадилъ всѣ свои деньги на какую-то спекуляцію и раззорился. Тогда господинъ д'Эстиваль предложилъ имъ у себя пріютъ, который они приняли лишь подъ условіемъ быть полезными. Госпожа Баретъ занялась домашнимъ хозяйствомъ, а мужъ ея сталъ главноуправляющимъ всего помѣстья и фермы. Но хотя они дѣятельно занимались дѣлами, какъ бы въ качествѣ старшихъ слугъ, благородное происхожденіе давало имъ право на должный почетъ и уваженіе.

— Чья это работа? спросила госпожа де-Кастелла, останавливаясь передъ одною группой.

— Это копія съ одного изъ портретовъ Ванъ-Дика, сказалъ мистеръ Сентъ-Джонъ.— А вотъ и самъ оригиналь. Но копія также превосходно сдѣлана.

— Правда, отвѣчала, госпожа де-Кастелла.— Для моего

непосвященнаго глаза она кажется совершенно одинаковою съ оригиналомъ.

— Почти что такъ, сказалъ мистеръ Сентъ-Джонъ.—Кромя прозрачности кожи, въ которой Ванъ-Дикъ не подражаемъ.

— А чей этотъ роскошный ландшафтъ?

— Это оригинальное произведение Клода Лоррена.

— Такъ, такъ. Я могла бы угадать это по колориту. А эта картина, мистеръ Сентъ-Джонъ?

— Это Корреджіо.

— Она мнѣ не такъ-то нравится.

— Въ ней мало теплоты, но все-таки она безукоризненно правильна, отвѣчалъ мистеръ Сентъ-Джонъ,—какъ вообще всѣ произведенія его кисти.

— Не пишете ли вы портретовъ съ натуры, мистеръ Сентъ-Джонъ?

— Писалъ прежде, и принялся бы опять за эту работу, еслибы нашелъ достойный оригиналъ.

— Зачѣмъ же долго искать? Красивая голова вашей почтенной и доброй хозяйки можетъ посаужить для васъ прекраснымъ оригиналомъ, отвѣчала госпожа де-Кастелла, понижая голосъ.

Сентъ-Джонъ засмѣялся звучнымъ, приятнымъ смѣхомъ. Мери Карръ заключила изъ этого, что ему просто не хочется рисовать старухъ.

— Не позволите ли вы мнѣ лучше попробовать мое искусство на вашемъ портретѣ? сказалъ онъ госпожѣ де-Кастелла.

— Нѣтъ, благодарю васъ, отвѣчала она.—Я уже три раза снимала свой портретъ, и мнѣ надоѣло позировать.

Старинные часы на пьедесталѣ серебристо пробили три, прежде нежели наши почитательницы собрались въ обратный путь. Онѣ не замѣтили какъ прошло время: разговоръ ли Сентъ-Джона былъ тому причиной, или достоинство картинъ,—неизвѣстно. Мистеръ Сентъ-Джонъ проводилъ ихъ черезъ все поле, до калитки ихъ собственнаго парка, и госпожа де-Кастелла пригласила его посѣтить ихъ вечеромъ.

За обѣдомъ разговоръ коснулся новаго знакомаго. Госпожа де-Кастелла выразила свое живѣйшее удовольствіе, что около нихъ поселился такой приятный сосѣдь, и подтрунивала надъ своею сестрой, мадемуазель Агнесой, что она не раз-знавала о немъ раньше. По ея словамъ, это былъ джентльменъ въ полномъ смыслѣ слова, съ высшимъ свѣтскимъ образо-

ваніемъ, который могъ бы развлекать ихъ своимъ обществомъ въ отсутствіи господина де-Кастелла. Они продолжали еще говорить о немъ, когда въ комнату вошелъ самъ мистеръ Сентъ-Джонъ.

Онъ былъ въ легкомъ траурѣ; вечерній нарядъ его былъ простъ и удобенъ, но все въ немъ носило печать какого-то особеннаго изящества. Мери Карръ замужовалась имъ, да, вѣроятно, также и прочіе члены кружка, хотя за другихъ она не могла отвѣчать. Манеры его отличались какою-то особенною прелестью, которой она никогда не встрѣчала въ другихъ муцинахъ. Мери не могла опредѣлить въ чемъ именно заключалась эта прелесть, но она неотразимо влекла къ нему всѣхъ, съ кѣмъ онъ ни сталкивался. Разговоръ его былъ оживленъ и увлекателенъ, но всѣ приемы спокойны и просты. Откалавиваясь, онъ обѣщалъ господину де-Кастелла придти къ нимъ обѣдать на другой день.

Утромъ господинъ де-Кастелла, Аделина и Мери Карръ отправились на мызу, гдѣ и провели нѣсколько часовъ сряду. Господинъ де-Кастелла, въ противоположность женѣ своей, никогда не могъ насмотрѣться на живопись. Время пролетѣло для нихъ незамѣтно, и едва ли нужно говорить, что они скоро сошлись съ мистеромъ Сентъ-Джономъ, какъ будто вѣкъ были друзьями.

Кто-то изъ нихъ шутя замѣтилъ, что нужно бы снять портретъ съ Аделины; но скоро шутка эта перешла въ весьма серьезное намѣреніе. Мери Карръ не знала въ точности какъ это случилось, но вопросъ этотъ былъ окончательно рѣшенъ въ тотъ же самый вечеръ, когда мистеръ Сентъ-Джонъ пришелъ къ нимъ обѣдать. Отецъ и мать Аделины радовались что у нихъ будетъ портретъ дочери, а старая бабушка такъ разохотилась, что просила тотчасъ же начать его живою рукой; Аделина также не противилась: это льстило ея невинному и весьма извинительному тщеславію.

Въ пятницу утромъ,—несчастный день!—Аделина въ первый разъ позировала для мистера Сентъ-Джона. Отецъ ея и миссъ Карръ присутствовали на этомъ первомъ сеансѣ. Вслѣдъ за тѣмъ мистеръ Сентъ-Джонъ снова обѣдалъ въ замкѣ: безъ него вечеръ казался скучнымъ и длиннымъ, хотя, по правдѣ сказать, знакомство ихъ было еще слишкомъ кратковременно. На другой день рано поутру господинъ де-Кастелла уѣхалъ въ Парижъ, а послѣ завтрака Аделина и Мери Карръ отпра-

видись на мызу д'Эстивала въ сопровожденіи госпожи де-Кастелла. Сеансъ былъ продолжителенъ, и госпожа де-Кастелла не могла скрыть своей скуки. Другіе нашли бы удовольствіе въ разсматриваніи картинъ, но она не имѣла особенной любви къ искусству, и послѣ недавняго бѣлаго обзора галереи находила утомительнымъ возвращаться къ тому же занятію. Сверхъ того она сильно жаловалась на утреннія прогулки по жарѣ. Дѣло въ томъ, что во время своихъ періодическихъ визитовъ въ замокъ Бофуа, госпожа де-Кастелла испытывала безконечную скуку. Еще молодая и прекрасная собой, страстно привязанная къ свѣту, она находила эту однообразную жизнь сущимъ для себя наказаніемъ. И между тѣмъ добровольно подчинялась ей изъ любви къ старухѣ-матери, хотя и съ трудомъ скрывала свою скуку.

Итакъ сеансъ въ это утро былъ особенно длиненъ и утомителенъ: еслибы не разговоръ съ мистеромъ Сентъ-Джонъ, госпожа де-Кастелла не высидѣла бы до конца. Больше всего они говорили о Римѣ, такъ что, слушая ихъ, Мери Карръ надѣялась превосходно познакомиться съ Вѣчнымъ Городомъ. Сентъ-Джонъ и госпожа де-Кастелла были его страстными почитателями. Мистеръ Сентъ-Джонъ привезъ оттуда цѣлый портфель рисунковъ, сдѣланныхъ его собственною рукою: нѣкоторые изъ нихъ были превосходныя акварели; другіе лишь простые эскизы, но какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ виденъ былъ несомнѣнный талантъ. Портфель занималъ всѣхъ: даже госпожа де-Кастелла цѣлый часъ любовалась имъ.

Въ немъ находились самые разнообразныя рисунки: эскизы очаровательныхъ албанскихъ холмовъ, развалины стариннаго водопровода, храмъ въ Пестумѣ, изящные пейзажи Тиволи, развалины дворца Цесарей, величественный храмъ Св. Петра, видъ съ высоты *via Appiana*, изображеніе воротъ Санъ-Джованни, фантастическій эскизъ пышнаго дворца въ самую цвѣтущую эпоху древняго Рима, видъ одной изъ современныхъ виллъ, храмъ Юпитера, садъ Саллюстія и сохранившаяся до сихъ поръ гробница Цецилія Метелла. Тутъ были также волшебныя ночныя виды почти необитаемыхъ теперь холмовъ: Палатинскаго, Целійскаго и Авентинскаго. Была мастерски нарисованная мрачная картина сосновой и кипарисовой рощи, возвышавшейся надъ грудой развалинъ. А рядомъ съ нею видъ сада съ мраморными фонтанами и

колоннадами, съ пестрою мозаикою каумбъ, апельсинными и лимонными деревьями въ цвѣту, каскадами и столбами, обвитыми вьющимся виноградомъ, доснающимися статуями и ваннами изъ александрійскаго мрамора, и надъ всѣмъ этимъ разстилалось голубое италіанское небо съ золотистыми лучами италіанскаго солнца.

— Могу ли я просить васъ объ одномъ одолженіи? сказала госпожа де-Кастелла, обращаясь къ госпожѣ Баретъ, когда она уходила.

— Сколько угодно, съ улыбкой отвѣчала добродушная старушка.

— Я не могу выносить этихъ ежедневныхъ прогулокъ по жарѣ во все продолженіе сеансовъ. Когда мнѣ нельзя будетъ приходить сюда самой, то не согласитесь ли вы принять мою дочь подъ ваше покровительство? Луиза будетъ провожать ее сюда.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчала госпожа Баретъ. — Я беру ее подъ свою защиту. Впрочемъ, здѣсь ничто не угрожаетъ мадемуазель де-Кастелла.

— *Я сама беру ее подъ свою защиту, перебилъ Сентъ-Джонъ тихимъ, серьезнымъ голосомъ, обращаясь къ госпожѣ де-Кастелла.* — Ничто недоброе не прикаснется къ ней, я буду охранять ее заботливѣе чѣмъ родную сестру.

Аделина слышала эти слова, и тонъ ихъ заставилъ ее покраснѣть. Въ благородствѣ чувствъ молодаго человѣка и въ его желаніи предохранить ее отъ всякаго дѣйствительнаго или воображаемаго зла не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Мери Каррѣ не знала, что именно разумѣлъ онъ подъ недобрымъ, но прочіе, повидимому, говорили о вѣншней и явной опасности. Мадамъ Баретъ предостерегала Аделину, чтобъ она никогда не ходила черезъ поле, гдѣ пасся дикій быкъ, хотя это была самая кратчайшая дорога, а госпожа де-Кастелла умоляла ее не сидѣть на сквозномъ вѣтру и не снимать шляпки, пока не остынетъ послѣ ходьбы. Аделина смѣялась и обѣщала быть послушною.

Съ поведѣльника горничная госпожи де-Кастелла, Луиза, вступила въ отправленіе своей новой обязанности. Эта прогулка также мало нравилась ей, какъ и ея госпожѣ, и чтобы предохранить себя отъ солнца она раскрывала огромный дождевой зонтъ алаго цвѣта. У дверей картинной галереи она сдавала молодыхъ дѣвушекъ на попеченіе мистера

Сентъ-Джона и уходила. Госпожа де-Кастелла не сомнѣвалась въ томъ, что Луиза оставалась съ своею молодою госпожою во все продолженіе сеанса, не сомнѣвается и до сихъ поръ. Она была увѣрена въ Луизѣ, хотя и поручила свою дочь покровительству госпожи Баретъ. Но Луиза была несправливая болтушка. Молча просидѣть въ присутствіи господъ въ картинной галлерей, зѣвая на недоступныя для ея пониманія красоты, когда можно было поточить ласы съ Жюльетой, горничной мадамъ Баретъ, въ ея рабочей комнатѣ, и съ толстою работницей на кухнѣ,— это уже чистая философія, не сподручная для мадемуазель Луизы. Да и мадамъ Баретъ не всегда сидѣла съ Аделиной. Ея разнообразныя занятія по дому, особенно при такихъ лѣнивыхъ служанкахъ, часто заставляли ее выходить изъ мастерской. Впрочемъ, это ни на минуту не озабочивало ея. Могло ли что-нибудь дурное случиться тутъ съ Аделиной?

— Давно ли вы здѣсь, мистеръ Сентъ-Джонъ? спросила его Мери Карръ, когда, по окончаніи сеанса, прекратившагося равнѣ обыкновеннаго, они вышли въ садъ.

— Около мѣсяца.

— И проведете тутъ все лѣто?

— Да, вѣроятно, и зиму. Я еще самъ не знаю сколько пробуду здѣсь.

— Чтò же можетъ побудить васъ къ этому? Здѣсь зимою, должно-быть, ужасно скучно.

— Я ищу уединенія. Я думаю, трудно было бы найти болѣе пріятный уголокъ, миссъ Карръ.

— Но почему же вы ищете уединенія?

Онъ замаялся и покраснѣлъ.

— Впрочемъ, я не вижу причины скрывать отъ васъ истину.

— О, извините меня, мистеръ Сентъ-Джонъ, перебила она его, краснѣя за свой легкомысленный вопросъ.—Я поступила весьма необдуманно, спросивъ васъ.

— Я былъ расточителемъ, неостороженъ, и тратилъ болѣе нежели получалъ, объяснилъ мистеръ Сентъ-Джонъ.— Продолжая жить въ свѣтѣ, я еще болѣе погрязъ бы въ долги, между тѣмъ какъ здѣсь я почти ничего не проживаю. Немножко терпѣнія, и все придетъ въ прежній порядокъ.

— Какой это кустарникъ, Аделина? спросила Мери Карръ, желая переимѣнить разговоръ, и все еще страдая за свой неуважительный вопросъ.

— По-англійски его зовутъ восковою миртой, отвѣчала Аделина. — Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы жили въ Рамбуле и привезли оттуда черенки этого кустарника. Тамъ онъ растетъ въ изобиліи. Мамаша дала нѣсколько отростковъ господину д'Эстивалю, а онъ посадилъ ихъ здѣсь.

Вдругъ мистеръ Сентъ-Джонъ сдѣлалъ знакъ, чтобъ они замолчали, сжалъ свою ладонь горстью, и нагнувшись къ Аделинѣ, быстро махнулъ рукой у самаго горла молодой дѣвушки.

— Что такое? вскрикнула она съ испугомъ.

— У васъ на шеѣ сидѣла оса. Вотъ ее куда! оказалъ онъ, бросая осу въ воду. — Вы знаете, продолжалъ онъ полуплутиво, полувѣжно, смотря ей въ лицо и останавливая ея попытку благодарить его, — что я взялся охранять васъ отъ всего недобраго и вреднаго. Повѣрьте, что это будетъ отнынѣ навсегда моею искреннѣйшею заботой.

— То-есть до тѣхъ поръ пока это будетъ возможно, мистеръ Сентъ-Джонъ, — со смѣхомъ замѣтила Мери Карръ.

Лицо Аделины было задумчиво и по немъ пробѣжала какая-то безпокойная мысль. Ужь не сожалѣла ли она о своемъ брачномъ обязательствѣ? Да не готова ли она была и вовсе позабыть о немъ? По крайней мѣрѣ ничто не напоминало ей объ этомъ: даже обручальное кольцо, слишкомъ широкое для ея пальца, преспокойно снято было съ ея руки, и, позабытое, лежало въ коробочкѣ вмѣстѣ съ другими ея вещами.

— Мистеръ Сентъ-Джонъ! У васъ ужалена рука!

— Да, оса выместила свою злобу на моей рукѣ, оставивъ тамъ свое жало. Но тѣмъ лучше, это послужитъ для меня извиненіемъ передъ госпожой де-Кастелла за мою выѣшную лѣнь.

— Вы знаете, я завтра уѣзжаю, сказала Мери, обращаясь къ нему. — Не пришлете ли вы мнѣ букетъ этихъ чудныхъ цвѣтовъ для Розы Дарлингъ?

— Приказаніе ваше будетъ исполнено, прекрасная дама. Какъ великъ долженъ быть букетъ? Съ Лузинъ зонтикъ?

— Немного поменьше. Есть ли у васъ въ саду французскіе ноготки?

— Нѣтъ. А для чего вамъ? Развѣ вы любите эти цвѣты?

— Я ненавижу ихъ, съ особеннымъ удареніемъ отвѣчала Мери. — Это безмысленный цвѣтокъ, безъ запаха и красоты.

Но если вы намѣрены послать букетъ Розѣ Дармингъ, то въ немъ непременно должны участвовать французскіе ноготки.

— Но какое отношеніе могутъ имѣть ко мнѣ французскіе ноготки въ умѣ миссъ Розы Дармингъ?

— Этого вы, вѣроятно, никогда не узнаете, мистеръ Сентъ-Джонъ, по крайней мѣрѣ отъ меня.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, но Аделина перемѣнила разговоръ.

На слѣдующее утро мистеръ Сентъ-Джонъ самъ привезъ букетъ. По его словамъ, онъ пришелъ съ двойною цѣлю: проститься съ миссъ Карръ и проводить Аделину на мызу. Онъ предложилъ госпожѣ де-Кастелла вплоть до возвращенія ея мужа постоянно провожать Аделину въ оба конца: на мызу и обратно. Мери Карръ слѣдила за выраженіемъ его лица въ ту минуту какъ онъ говорилъ это, и чувствовала, что въ словахъ его не было задней мысли, что имъ руководила лишь одно побужденіе—охранять Аделину.

Покажѣсть они разговаривали, часы пробили десять, и съ послѣднимъ ударомъ къ крыльцу подъѣхала карета, для доставленія миссъ Карръ въ Одескъ, откуда она должна была отправиться по желѣзной дорогѣ въ Бельпортъ. Она неприятно провела эту недѣлю съ Аделиной, и ей жаль было оставлять замокъ. Мадамъ де-Бюфуа была премилая старушка, вѣчно хлопотавшая о томъ, чтобы всѣмъ вокругъ нея было хорошо, а тетюшка Агнеса была прелезлая собесѣдница, несмотря на то что хромота мѣшала ей быть слишкомъ подвижною.

— Можно мнѣ шепнуть вамъ на ушко одно маленькое предостереженіе? сказала Мери, прощаясь съ Аделиной.

— Предостереженіе? Хоть пятьдесятъ, если хотите!

— Смотрите, не влюбитесь въ Фредерика Сентъ-Джона.

— Мери!

— Въ вашемъ положеніи относительно г. де-ла-Шасса, съ которымъ вы обручены, это можетъ повести къ неисчислимымъ бѣдствіямъ.

— Не беспокойтесь, нѣтъ ни малѣйшей опасности, задыхалась проговорила Аделина.—А еслибъ она и была, то неужели вы думаете, что папаша съ мамашей оставили бы меня въ его обществѣ. И какъ могла вамъ придти въ голову

такая странная мысль, Мери Карръ? Вы начинаете подражать Розѣ.

Папаша съ мамашей! Какая искренность звучала въ ея голосѣ, но какъ мало знала она жизнь!

— Я готова вѣрить вамъ, что опасности нѣтъ, отвѣчала миссъ Карръ.—*Надѣюсь, что вы скажете мнѣ то же самое, когда мы снова встрѣтимся.* Не сердитесь на меня, Аделина, я говорю это только изъ участія къ вамъ.

Мистеръ Сентъ-Джонъ проводилъ миссъ Карръ до кареты, и пожимая ей на прощаньи руку, шутя просилъ ее передать его сердечный привѣтъ Розѣ: они много о ней говорили. Послѣдній взглядъ Мери Карръ устремленъ былъ на него, между тѣмъ какъ онъ стоялъ на ступеняхъ крыльца съ обнаженною головою; и снова промелькнула въ ея головѣ эта тревожная мысль, что Аделинѣ невозможно будетъ жить въ его обществѣ и не полюбить его!

М-me de-Nino встрѣтила миссъ Карръ выговоромъ и общаніемъ наказать ее. Мери просрочила цѣлымъ днемъ, но она свалила всю вину на госпожу де-Кастелла и вручила разгнѣванной директрисѣ письменное извиненіе отъ этой дамы. Директриса немного смягчилась и милостиво отменила наказаніе.

Мери отозвала въ сторону Розу Дарлингъ.

— Неужели вы не восхищаетесь этими очаровательными цвѣтами? спросила она ее.

Роза стояла надувшись. Она была вѣдъ себя отъ зависти во время отсутствія Мери, потому что сама не получила приглашенія въ замокъ.

— А они прислааны именно для васъ, Роза.

— Кѣмъ, Аделиною?

— О, нѣтъ! Изъ всего рода людскаго, кшащаго въ семъ непостоянномъ мірѣ, какъ бы вы думали, Роза, кто поселился теперь въ двухъ шагахъ отъ замка де-Бофуа?

Любопытство Розы было возбуждено, но она все еще продолжала дуться.

— Вѣрно кто-нибудь незнакомый мнѣ?

— Напротивъ, вы его знаете, и онъ вамъ нравится.—Красивый молодой человекъ, который самъ нарвалъ для васъ эти цвѣты—посмотрите какіе чудные!—И просилъ передать ихъ вамъ съ его сердечнымъ привѣтвомъ.

Роза быстро подняла глаза. Мысль ея невольно устремилась

лась къ тому, кто почти никогда не выходилъ у нея изъ памяти. Но она тотчасъ же сообразила, что это невозможно, и заговорила о другомъ лицѣ:

— Быть-можетъ, лордъ Джонъ Сеймуръ?

— И, вѣтъ, съ какой стати онъ попадетъ туда? Фредерикъ Сентъ-Джонъ.

— Не можетъ-быть! Вы шутите, Мери Карръ?

— Ни мало. Онъ гоститъ по близости отъ замка. Мы очень часто видались съ нимъ. И — знаете ли Роза? — онъ снимаетъ теперь портретъ съ Аделины!

— *Aller toujours*, воскликнула Роза, употребляя любимую французскую поговорку. Я уже давно говорила вамъ, Мери Карръ, что этотъ молодой человекъ будетъ имѣть огромное вліяніе на судьбу Аделины де-Кастелла, и теперь еще разъ повторяю это.

XXIV. Первые мечты любви.

Прошли часы, дни, недѣли послѣ отъѣзда миссъ Карръ изъ замка де-Бофуа, и никакой видимой переменъ не произошло въ его обитателяхъ. Но за то какъ сильно измѣнилось одно молодое сердце!

Портретъ подвигался впередъ, хотя и не слишкомъ быстро. Сходство было замѣчательное, и работа превосходная. Сентъ-Джонъ уловилъ именно то грустное выраженіе, которое часто слетало на прекрасныя черты Аделины. Тетушка Агнеса говорила, что мистеръ Сентъ-Джонъ сдѣлалъ ее слишкомъ меланхолическою. Она не понимала, быть-можетъ, что эта смѣсь грусти и ангельской красоты составляла главную прелесть лица Аделины. Еслибы портретъ этотъ удѣлялъ, то въ послѣдствіи, глядя на него, можно было бы прочесть печальную повѣсть ея жизни.

Сентъ-Джонъ давалъ ей также уроки рисованія, или, лучше сказать, старался усовершенствовать ее въ этомъ искусствѣ. Однажды госпожа де-Кастелла велѣла ей привести ея школьные рисунки, такъ какъ по выходѣ изъ пансіона она ничего не рисовала. Аделина принесла вѣсколько головокъ, писанныхъ чернымъ карандашомъ, и два-три ландшафта. Головки не заслужили одобренія мистера Сентъ-Джона, но въ ландшафт-

тахъ онъ замѣтилъ болѣе вкуса; особенно понравился ему видъ Нила съ плавающими на его поверхности лотосами, съ ручейками окруженными финиковыми деревьями, и еще одна прелестная сцена на родинѣ Аделины. Легко было видѣть, что Аделинѣ еще многого не доставало для полнаго усовершенствованія, и потому мистеръ Сентъ-Джонъ вызвался дать ей нѣсколько уроковъ. И госпожа де-Кастелла, и тетюшка Агнеса, и старуха-бабушка, всѣ съ удовольствіемъ приняли его предложеніе. Какъ могли онъ быть такъ слѣпы, такъ легкомысленны? Сентъ-Джонъ дѣйствовалъ на нихъ обаятельно. Госпожа де-Кастелла была чрезвычайно къ нему привязана; она, повидимому, гордилась имъ, какъ гордится нѣжная мать талантами своего единственнаго сына. Онъ часто обѣдалъ у нихъ, а вечера постоянно проводилъ въ ихъ домѣ. Онъ сталъ существенно необходимъ для ихъ обыденной жизни: безъ него все шло наыворотъ, при немъ всѣ были веселы. А между тѣмъ они забывали о другомъ человѣкѣ, который также могъ замѣтить обаяніе, порождаемое его присутствіемъ, — о единственномъ человѣкѣ, которому оно могло надѣлать дѣйствительныхъ бѣдъ. Быть-можетъ, госпожѣ де-Кастелла никогда не приходило въ голову, что сердцу Аделины грозитъ опасность; а можетъ-быть, она думала, что положеніе Аделины, какъ обрученной невѣсты, ограждаетъ ее отъ всякой новой привязанности.

Часто, когда госпожа де-Кастелла, въ простотѣ сердца своего, воображала, что Аделина безмолвно позируетъ въ картинной галлерей, что рядомъ съ ней икусная Луиза вышиваетъ чепчики, а мистеръ Сентъ-Джонъ усердно рисуетъ портретъ, не думая ни о чемъ другомъ, — молодые люди проводили утро подъ тѣнью липовыхъ деревьевъ. Сентъ-Джонъ читалъ ей преимущественно англійскія стихотворенія, темой которыхъ часто была любовь. Иногда онъ нападалъ на такое слово, котораго Аделина не понимала при всемъ своемъ превосходномъ знаніи англійскаго языка. Это нисколько ее не роняло, потому что, благодаря современнымъ нововведеніямъ и черезчуръ глубокомысленной эрудиціи, многіе изъ природныхъ Англичанъ часто принуждены бывають заглядывать въ лексиконъ, если не желаютъ оставаться въ невѣдѣніи. Тогда Сентъ-Джонъ, бросая на минуту книгу, объяснялъ ей мудреное слово нѣжнымъ, вкрадчивымъ голосомъ, столь пріятнымъ для слуха и опаснымъ для сердца. Такимъ обра-

зомъ, часто сидѣли они рука въ руку, упиваясь пѣвнотельными стихами, въ которыхъ было такъ много очарованія. О, какъ опасно было это время для ихъ душевнаго спокойствія! Оба въ самой цвѣтущей порѣ жизни, оба прекрасны, молоды и еще никогда не любили, по крайней мѣрѣ, Аделина. А между тѣмъ никто не мѣшалъ имъ, никто ихъ не оставаливалъ, никто даже не подозрѣвалъ опасности.

Однажды, когда они стояли у открытыхъ дверей картинной галереи, мистеръ Сентъ-Джонъ заговорилъ о замкѣ Веферъ. Онъ еще прежде описывалъ Аделинѣ его естественныя и искусственныя красоты и рисовалъ ей на память нѣкоторыя изъ видовъ. Онъ сказалъ, что когда Веферъ станетъ его собственностію, — а это непременно должно случиться рано или поздно, — онъ пристроитъ къ главному зданію мастерскую, на подобіе той, гдѣ они находятся въ настоящую минуту, а въ воспоминаніе ихъ перваго знакомства, разобьетъ такой же садъ, какъ тотъ, который разстлана теперь передъ ихъ глазами.

— И въ этой комнатѣ, Аделина, продолжалъ онъ, — мы будемъ проводить большую часть нашего времени.

— Мы! воскликнула Аделина.

Это восклицаніе заставило его очнуться. Погруженный въ самого себя, онъ замечтался, не замѣчая, что говоритъ вслухъ. Смѣясь и извиняясь передъ нею, онъ склонилъ къ ней свою голову, и голосъ его опять привалъ тотъ же сладкій, вкрадчивый и опасный тонъ.

Онъ сталъ увѣрять ее, что проговорился случайно, что въ послѣднее время образъ ея сроднился съ его будущими планами, мечтами, съ его домашнимъ очагомъ, съ его счастьемъ; что эти самоувѣренныя мечты вылились у него невольна и бессознательно, но что онъ постарается никогда болѣе не оскорблять ее такимъ образомъ.

Она робко взглянула на него сквозь слезы, вся пылая румянцемъ. Какъ хотѣлось ей сказать ему, что не оскорбленіе чувствовала она, а блаженство!

Въ другой разъ, когда онъ провожалъ ее домой, а Луиза съ своимъ краснымъ дождевымъ зонтомъ, по обыкновенію, шла за подмилу отъ нихъ, у молодой дѣвушки, на прыжкѣ черезъ рывинку, нечаянно подвернулась нога. Въ первую минуту она почувствовала сильную боль: мистеръ Сентъ-Джонъ прочелъ

это на ея лицѣ, и обвивъ ея станъ своими руками, положилъ ея голову на свое плечо.

Для Аделины наступала та неизбежная пора, которую переживаетъ каждый изъ насъ — блаженная пора любви, со всѣми ея очаровательными грезами. Сначала она не понимала волшебной чары, которая незамѣтно охватывала все существо ея, превращая весь окружающій ее міръ въ какой-то прелестный рай. Когда она увѣряла Мери Каррѣ, что ей не грозитъ ни малѣйшая опасность влюбиться въ мистера Сентъ-Джона, золотыя оковы любви уже безъ ея вѣдома тяготѣли надъ ея сердцемъ. А когда эти сладкія ощущенія стали ей понятны, бѣжать отъ нихъ было уже слишкомъ поздно: сила и воля ея равно исчезли.

Такъ какъ ни одинъ человѣкъ не можетъ пережить ощущеній другаго, то и нельзя опредѣлить всѣхъ разнообразныхъ степеней любви. Любовь, ежедневно испытываемая большинствомъ смертныхъ, практичными мужчинами и женщинами, нисколько не похожа на то святое чувство, которое заражается въ исключительно страстныхъ, пылкихъ и высоко-уточенныхъ натурахъ; между этими двумя родами любви нѣтъ ничего общаго. Это послѣднее чувство знакомо лишь немногимъ избраннымъ, и кромѣ ихъ никто не можетъ понять его. Міръ не въ состояніи одѣлать такую любовь; она такъ далеко не подходитъ къ обыкновеннымъ человѣческимъ чувствамъ, что люди только посмѣялись бы надъ нею и сочли бы ее за вымыселъ. Извѣстно, что эта возвышенная страсть, восторги которой неизобразимы никакими словами, почти всегда оканчивается несчастіемъ. Я вѣрю этому. Мечты разрушаются, а вмѣстѣ съ ними и сердце утрачиваетъ свою жизнь. Человѣкъ еще можетъ послѣ того влачить кое-какъ свое безцвѣтное существованіе, но въ немъ уже нѣтъ болѣе участія къ жизни, ничто не согрѣетъ болѣе его охладѣвшую кровь, ничто не заставитъ забиться его измученное, усталое сердце. По временамъ, быть-можетъ, на губахъ его промелькнетъ улыбка, и веселая шутка слетитъ съ его устъ; даже глаза будутъ сверкать весельемъ, но въ душѣ будетъ холодно и пусто, и никто этого не угадаетъ. Читатель, если вы встрѣтите эти слова насмѣшкой и отрицаемъ, то это лишь потому что не можете понять ихъ. Благодарите же судьбу за то, что она лишила васъ способности испытать это роковое чувство.

Это рѣдкое чувство возникло въ груди Аделины де-Кастелла. Слишкомъ сосредоточенная въ самой себѣ, она не могла любить свѣтскою любовью; ея внутренній міръ былъ полонъ поэзіи и чувствъ, которыя только ждали этого магическаго толчка, чтобы пробудиться и заговорить. До сихъ поръ она жила будущимъ, теперь она удивалась настоящимъ, а какъ скоро ей придется жить прошедшимъ! По утру у нея было лишь одно желаніе—видѣть мистера Сентъ-Джона; а ввечеру одна мечта—увидѣть его во снѣ и пробудиться для восторговъ грядущаго дня. Сама природа преобразилась въ ея глазахъ: трава стала зеленѣе, душистые цвѣты получили особенный ароматъ, пѣвіе птицъ, до сихъ поръ лишнее смысла, казалось ей теперь хвалебнымъ гимномъ Творцу, въ вѣтеркѣ ей чудилась музыка, и вся земля какъ-будто ликовала. Аделина жила въ какомъ-то очарованномъ райскомъ снѣ; иначе нельзя было назвать ея настоящую жизнь; она не ходила, а будто носилась окриленная, едва попирая своими ногами роскошныя, нѣжныя цвѣты. Но благо для нея, благо для всѣхъ насъ, что такія мгновенія преходящи и скоротечны. Будь это иначе, кто бы изъ насъ возжелалъ небеснаго царствія?

А что чувствовалъ мистеръ Сентъ-Джонъ? Любилъ ли онъ Аделину? Конечно любилъ, и непременно назвалъ бы ее своею женою. Но какъ знать, была ли она его единственною страстною привязанностью, или онъ чувствовалъ къ ней одно изъ тѣхъ мимолетныхъ влеченій, которымъ такъ часто поддаются мужчины? Чужая душа потемки, увидимъ, что скажетъ намъ дальнѣйшій ходъ событій.

Казалось, сама судьба благоприятствовала сближенію молодыхъ людей: графъ д'Эстиваль писалъ къ мистеру Сентъ-Джону, уговаривая его остаться на мызѣ. Самъ онъ задержанъ былъ въ Голландіи продолжительною болѣзнію своего брата, но его радовала мысль, что его любимыя картины остаются подъ надзоромъ его друга.

Итакъ мистеръ Сентъ-Джонъ продолжалъ гостить на мызѣ, оживляя своимъ присутствіемъ замокъ Бофуа и внося съ собою радость въ сердце Аделины.

Если читатель живалъ когда-либо въ одномъ изъ подобныхъ полу-изолированныхъ французскихъ замковъ, то онъ легко пойметъ какъ одвообразно тянулось время въ Бофуа. Въ одинъ прекрасный день обитательницы его получили при-

глашеніе на обѣдъ къ сосѣдямъ. Старая госпожа де-Бофуа давно отказалась отъ всякихъ выѣздовъ; Аделинѣ также не хотѣлось ѣхать, но такъ какъ мать и тетка приняли приглашеніе, то и она не посмѣла отказаться.

Въ назначенный день и часъ она равнодушно сѣла въ карету, сосредоточенная въ самой себѣ. Мистеръ Сентъ-Джонъ не былъ въ числѣ приглашенныхъ, и она считала потеряннымъ то время, которое не проводила съ нимъ. Госпожа де-Кастелла замѣтила ея задумчивость, и спросила у нея, не больна ли она.

— Такъ что-то голова болитъ, отвѣчала Аделина, слишкомъ хорошо усвоившая себѣ всѣ англійскія привычки, чтобы не воспользоваться этою обыкновенною между Англичанами отговоркой.

— Марія! воскликнула мадемуазель де-Бофуа, внезапно обращаясь къ своей сестрѣ:—посмотри, вѣдь это мистеръ Сентъ-Джонъ! Куда бы это онъ могъ ходить въ такой жаръ?

Аделина обернулась, увидела его, и трепетъ блаженства пробѣжалъ по ея жиламъ. Онъ отвѣчали на его поклонъ, и карета промчалась дальше.

Куда бы могъ онъ ходить? Она догадалась, что онъ выходилъ мелькомъ посмотрѣть на *нее*, когда;будетъ пробѣзжать ихъ карета. И вотъ вся задумчивость ея исчезла, румянецъ заигралъ на щекахъ, глаза ярко заблестали, духъ сталъ бодръ и веселъ, и она пробѣжала весь остальной путь какъ бы въ волшебной колесницѣ.

Впрочемъ не прошло и половины этого длиннаго, скучнаго, неодушевленнаго вечера, какъ бодрость ея опять исчезла. Другимъ, быть-можетъ, этотъ вечеръ показался веселъ, но ея сердце было далеко; она жаждала лишь одного, чтобъ онъ прошелъ поскорѣе и наступило утро. Никакая музыка не могла сравниться для нея съ его голосомъ; никакіе танцы не забавляли ея болѣе. Вотъ еслибъ *онъ* былъ ея кавалеромъ... но такъ какъ *его* не было...

Наконецъ вечеръ кончился, и они снова усѣлись въ карету, чтобъ ѣхать домой. Г-жа де-Кастелла и сестра ея стали дремать, покачиваясь отъ толчковъ на французскихъ проселкахъ, но Аделина не спала. По мѣрѣ того какъ они приближались къ повороту, ведшему на мызу, дыханіе ея становилось все чаще и чаще, и она тревожно смотрѣла изъ окна, вглядываясь въ темноту ночи. Чтô за странная

мысли пробѣгали въ ея головѣ! Ей чудилось, что онъ стоить гдѣ-нибудь на дорогѣ, поджидая ее, такъ какъ поджидаетъ послѣ полудня. Но кругомъ царствовала ненарушимая тишина, и она съ грустью опускалась на подушку кареты, обманутая въ своихъ ожиданіяхъ. Проходила минута, и она опять выглядывала изъ окна, опять ждала, опять надѣялась, до тѣхъ поръ, пока наконецъ карета не въѣхала въ ворота ихъ собственнаго замка. А вѣдь онъ могъ бы выйдти мнѣ навстрѣчу! подумала она. Будь она мужчиною, или имѣла она право остаться въ этотъ поздній часъ одна, на открытомъ воздухѣ, она простояла бы тутъ до утра и какъ щедро, о какъ щедро, была бы она вознаграждена за это ожиданіе, еслибы завидѣла издали его карету! Полная этихъ мыслей, она томно взопла къ себѣ наверхъ.

На другой день было рожденіе мадемуазель де-Бофуа, всегда сопровождавшееся большимъ торжествомъ. Въ замкѣ въ этотъ вечеръ былъ званый обѣдъ, къ которому ожидали и г-на де-Кастелла изъ Парижа. Въ продолженіе дня Аделинѣ подали записку, и она вспыхнула отъ удовольствія, увидавъ знакомый почеркъ. Мистеръ Сентъ-Джонъ писалъ ей, что ему необходимо ѣхать въ Одеску для свиданія съ другомъ, остановившимся тамъ на нѣсколько часовъ проездомъ въ Парижъ, и потому онъ не знаетъ успѣетъ ли вернуться къ обѣду. Это была коротенькая записочка, написанная въ тонѣ брата, обращающагося къ своей сестрѣ; но Аделину она привела въ восторгъ. Прижимая ее къ своему сердцу, она почти плакала отъ блаженства, потомъ, обернувшись въ самый темный уголокъ комнаты, съ румянцемъ стыда на щекахъ, она украдкой поцѣловала послѣднія слова записки — „Фредерикъ Сентъ-Джонъ“. Первая записка отъ любимаго челоука! Какую эпоху составляетъ она въ жизни! Душа свято хранитъ воспоминаніе о ней, какъ о *единственной* запискѣ въ мірѣ, не похожей ни на одну изъ записокъ, получаемыхъ въ послѣдствіи.

Возвращеніе сирьюора де-Кастелла, послѣ нѣсколько продолжительнаго отсутствія, бывало нѣкогда радостнымъ событіемъ для Аделины. Но теперь она ожидала его равнодушно. Не охлажденіе ея къ отцу было тому причиною, а скорѣе сила новой страсти, поглотившей все существо ея, и передъ которой поблѣднѣли всѣ прежнія ея привязанно-

сти. Между тѣмъ день проходилъ, а сивѣоръ не возвращался.

Всѣ приглашенные были уже на лицѣ, кромѣ одного мистера Сентъ-Джона, и общество должно было сейчасъ направиться въ столовую. Аделина напрасно ждала, напрасно надеялась. Мистеръ Сентъ-Джонъ не являлся. Многие изъ присутствовавшихъ на этомъ обѣдѣ помнятъ до сихъ поръ, какъ мила она была въ своемъ вечернемъ нарядѣ съ румянцемъ волненія на щекахъ. Душой ея овладѣло такое тоскливое чувство ожиданія, что она едва понимала происходившее вокругъ нея. Ей предлагали вопросы, на которые она отвѣчала наугадъ, едва сознавая ихъ смыслъ. Неужели и второй вечеръ пройдетъ безъ него?

Вдругъ отворяють двери: слуга распахнулъ ихъ настежь. Аделина бросила туда одинокій мимолетный взглядъ и услышала: „*Monsieur de-Saint John.*“ Эти французскіе слуги, говоря о немъ, всегда прибавляли *де*.

Чтобы скрыть свое волненіе, Аделина обернулась къ своей сосѣдкѣ и начала ей что-то быстро разказывать. Не глядя въ ту сторону, она чувствовала, что онъ подошелъ сначала къ г-жѣ де-Бофуа, потомъ къ г-жѣ де-Кастелла и наконецъ теперь шепотомъ поздравлялъ Агнесу. Она надеялась, что онъ не подойдетъ къ ней въ эту минуту: волненіе ея было слишкомъ велико, чтобъ его можно было скрыть. О, какое невообразимое блаженство привносило ей его присутствіе! И это меземное блаженство доставлялъ ей такой же смертный, какъ и она сама!

Гости стали парами направляться въ столовую. Сентъ-Джонъ разговаривалъ въ это время съ одною изъ дамъ, и Аделина видѣла, что онъ быстро обернулся, какъ бы намѣреваясь подойти къ ней. Но его предупредилъ богатый сосѣдній помѣщикъ съ громкимъ титуломъ графа Ле-Кока де-Монти, и едва прикасаясь къ пальцамъ Аделины, обтянутымъ бѣлою перчаткой, торжественно повелъ ее къ столу.

Впрочемъ, вслѣдствіе ли случайности, или искуснаго маневра, или заранѣе обдуманнаго плана, онъ все-таки сѣлъ подлѣ нея. Сколько разъ въ продолженіи этого роскошнаго обѣда руки ихъ встрѣчались подъ скатертью, и тогда, о, тогда она забывала о цѣломъ мірѣ!

Фредерикъ Сентъ-Джонъ имѣлъ большой успѣхъ въ обществѣ. Красивый безъ аффектаціи, веселый безъ легко-

мыслия, даровитый безъ хвастовства, онъ такъ владѣлъ даромъ слова, такъ умѣлъ придать самому серіозному разговору завлекательную форму, что его можно было заслушаться. Кромѣ того, онъ превосходно говорилъ по-французски, и только природный Французъ могъ бы изрѣдка подмѣтить въ его выговорѣ легкій иностраный акцентъ. Если ему удалось въ этотъ вечеръ очаровать цѣлое общество, то легко себѣ представить въ какомъ упоеніи должна была находиться сама Аделина! Истинною мудростью владѣлъ тотъ, кто первый еказалъ, что сердце мушкетера увлекается посредствомъ глазъ, женское сердце посредствомъ слуха.

Мистеръ Сентъ-Джонъ остался позже другихъ. Когда онъ сталъ прощаться, г-жа де-Кастелла, провожая его, вышла съ нимъ на колоннаду и вмѣстѣ съ нимъ спустилась съ террасы. За ней послѣдовали ея сестра и Аделина. Была прекрасная лѣтняя ночь. Переходъ отъ душной атмосферы освѣщенныхъ комнатъ, къ чистому, прохладному ночному воздуху былъ въ высшей степени пріятенъ, и онъ не только дошелъ съ нимъ до кустовъ, но даже и нѣсколько далѣе. Вдругъ г-жа де-Кастелла вспомнила объ Аделинѣ, и въ голосъ ея послышалась тревога.

— Этотъ быстрый переходъ отъ тепла къ холоду можетъ повредить тебѣ, Аделина. На тебѣ ничего нѣтъ. Побѣжимъ скорѣе назадъ: ну, кто изъ насъ первый добѣжитъ домой? Доброй ночи, мистеръ Сентъ-Джонъ!

Она бросилась бѣжать вмѣстѣ съ Агнесой де-Бофуа, и вскорѣ обѣ скрылись въ извилинахъ аллеи. Аделина хотѣла было посадовать ихъ примѣру, но любимая рука обвилась вокругъ ея талии и не дала ей бѣжать. Фредерикъ Сентъ-Джонъ привлекъ ее къ себѣ и сорвалъ съ ея устъ первый, сладкій, трепетный поцѣлуй любви. Только дѣвственная стыдливость Аделины заставила ее отшатнуться отъ него, а то ей хотѣлось бы вѣчно дать этотъ волшебный поцѣлуй.

— О Фредерикъ! Чтѣ если мамаша... въ смущеніи пробормотала она, убѣгая, и до послѣдней минуты оставляя свою руку въ его рукѣ.

— Вотъ какъ, Аделина! воскликнула тетушка Агнеса, когда она наконецъ присоединилась къ нимъ:—при всей моей хромотѣ я еще могу обогнать тебя.

Аделина пошла къ себѣ на верхъ. Она стала у открытаго окна и смотрѣла на чудный, разстилавшійся передъ нею

ландшафтъ, почти не замѣчая его красоту. Руки ея, сжатые на груди, какъ бы сдерживали избытокъ волненія и счастья. Она взглянула на звѣздное небо и спросила себя, можетъ ли блаженство, обѣщанное намъ за гробомъ, быть выше того, которое она испытывала на землѣ. Казалось, всѣ фантастическія грезы ея дѣтства осуществлялись въ настоящую минуту. Долго ли простояла она въ этомъ забытіи, этого она и сама не могла бы сказать. Молча ходила она взадъ и впередъ по комнатѣ, не будучи въ состояніи заснуть. Ей чудился еще его страстный шепотъ, она вспоминала тѣ скоротечныя минуты, которыя отиѣтили новую эру въ ея жизни, и когда наконецъ тяжелый сонъ сомкнулъ ея вѣки, онъ лишь заставилъ ее снова переживать дѣйствительность и еще разъ ощутить на своихъ устахъ страстный поцѣлуй мистера Сентъ-Джона.

На другой день г-жа де-Бофуа чувствовала себя не совсемъ здоровою. Она жаловалась на расстройство желудка—обыкновенный недугъ Французовъ. Неизвѣстность о мужѣ сильно беспокоила г-жу де-Кастелла; но она надѣялась получить отъ него вечеромъ письмо. Въ тотъ день у нихъ было множество гостей, и Аделина думала, что обѣдъ никогда не кончится.

Послѣ обѣда г-жа де-Бофуа встала съ постели, и не выходя изъ своей уборной, сѣла за карты въ обществѣ своихъ двухъ дочерей. Аделина была внизу одна и тайно поджидала мистера Сентъ-Джона. Она то подходила къ зеркалу, чтобы пригладить свои роскошныя косы, то любовалась на яркій румянецъ, горѣвшій на ея щекахъ отъ ожиданія и волненія, то снова возвращалась къ колоннадѣ, всматривалась и прислушивалась.

Вдругъ кто-то стукнулъ дверь, и Аделина съ страшнымъ бѣшеніемъ сердца поспѣшила въ комнату. Но, о разочарованіе, это просто мамаша пришла что-то искать въ своей рабочей корзинкѣ. „Просто мамаша!“ Какъ неблагоприятно становится наше сердце къ самымъ близкимъ для насъ существамъ, когда имъ овладѣваетъ эта всемогущая страсть къ мушкетѣ!

— Аделина, тетя заложила куда-то свой зеленый сырецъ. Поищи его въ моемъ рабочемъ ящикѣ.

Аделина отперла ящикъ, нашла шелкъ и подала его своей матери. Снова стукнула дверь, и на этотъ разъ сердце ея

забилось не даромъ. Въ комнату вошелъ мистеръ Сентъ-Джонъ.

— Весьма радъ, что госпожа де-Бофуа чувствуетъ себя лучше, сказалъ онъ. — Она сейчасъ кивнула мнѣ изъ своей уборной.

— О, да! благодарю васъ. А вотъ, наконецъ, и письмо! воскликнула госпожа де-Кастелла, завидѣвъ стараго Испанца Сильву съ письмомъ въ рукѣ.

И, извинившись передъ мистеромъ Сентъ-Джономъ, она сломала печать. Въ ней иногда сильно проглядывала французская церемонность.

— Мужа задержали дѣла, объяснила она, вкратцѣ излагая сущность письма, — онъ вернется не ранѣе какъ черезъ недѣлю. Дѣло въ томъ, мистеръ Сентъ-Джонъ, что онъ находитъ этотъ замокъ невыносимо скучнымъ и грустнымъ и пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ чтобъ оставлять его почаше. Аделина, вотъ небольшая приписочка къ тебѣ.

Аделина съ трепетомъ подняла глаза. Подобные инстинкты рѣдко насъ обманываютъ.

— Папаша цѣлуетъ тебя, и—но вѣдь вы теперь другъ нашего дома, мистеръ Сентъ-Джонъ, замѣтила госпожа де-Кастелла, прерывая чтеніе письма, — и потому я могу смѣло говорить при васъ, неправда ли? Мнѣ кажется, вы хорошо знаете о всемъ случившемся въ нашемъ семействѣ. Я смотрю на васъ какъ на роднаго сына, какъ на брата Аделины.

Мистеръ Сентъ-Джонъ поклонился.

— Такъ вотъ что пишетъ папаша, Аделина, продолжала госпожа де-Кастелла, читая слѣдующія строки: — „Передай мой поцѣлуй дорогой моей Аделинѣ, и скажи ей чтобъ она не сердилась на меня за мое долгое отсутствіе. Въ награду за него я привезу съ собою де-ла-Шасса.“ Вамъ, вѣроятно, извѣстно, мистеръ Сентъ-Джонъ, положеніе барона въ нашемъ домѣ относительно Аделины?

Новый поклонъ со стороны мистера Сентъ-Джона.

— А теперь я попрошу васъ извинить меня на нѣсколько минутъ, покажѣсть я отвесу вотъ этотъ шелкъ къ моей матушкѣ, продолжала госпожа де-Кастелла. — Въ болѣзни она всегда немножко требовательна. Но я сейчасъ же возвращусь къ вамъ. Аделина, постарайся занять мистера Сентъ-Джона.

Онъ затворилъ дверь за госпожою де-Кастелла и вернулся къ Аделинѣ, которая молча стояла, прислонившись къ

оковной рамѣ. Напрасно пыталась она сохранить спокойный и беззаботный видъ. Лицо ея было блѣдно, испугано, и она едва держалась на ногахъ. Грозная минута, которой она не смѣла заглянуть въ лицо въ продолженіе этого блаженнаго времени, теперь наступила.

Мистеръ Сентъ-Джонъ взялъ ее въ свои объятія и самъ сталъ ея опорой. Онъ называлъ ее самыми нѣжными именами, онъ осыпалъ ея уста самыми страстными поцѣлуями и умолялъ ее не предаваться отчаянію, увѣряя, что нѣтъ къ тому ни малѣйшей причины, что ей никогда, никогда не бывать женой другаго.

До сихъ поръ онъ еще не дѣлалъ ей открытаго признанія, но теперь онъ весело заговорилъ съ ней о своихъ будущихъ планахъ, о надеждѣ склонить господина де-Кастелла на ихъ будущій союзъ. Онъ сталъ рисовать ей картину ихъ жизни на его редицѣ, которую она такъ любила, и слушая эти утѣшительныя слова, съ полнымъ довѣріемъ къ любимому человѣку, глядя въ его честныя, любящіе глаза, Аделина успокоилась и повеселѣла. Она какъ будто чувствовала, что никакая сила въ мірѣ не въ состояніи разлучить ихъ, если онъ этого не захочетъ.

Когда госпожа де-Кастелла въ счастливомъ невѣдѣніи истины возвратилась эту въ комнату, тамъ уже произнесены были слова, которыя должны были навѣки запечатлѣться, по крайней мѣрѣ въ *одно*мъ сердцѣ. Молодые люди поклялись принадлежать другъ другу, пока не разлучитъ ихъ смерть. Правда, это обрученіе совершилось не по установленной формѣ, но во сколько разъ оно было сердечнѣе и искреннѣе того, въ которомъ Аделина де-Кастелла еще такъ недавно принимала участіе!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

І. Угасающее дитя.

Въ одно прекрасное утро знаменитая содержательница пансіона, М-me de-Nino, получила письмо отъ госпожи де-Кастелла, которая настоятельно звала двухъ ея воспитанницъ,—читателю не трудно будетъ догадаться кого именно,—провести нѣсколько недѣль въ Бафуа.

По окончаніи утреннихъ классовъ, М-me de-Nino позвала обѣихъ молодыхъ дѣвушекъ къ себѣ наверхъ, и объявивъ имъ о приглашеніи, передала каждой изъ нихъ по маленькой запечатанной записочкѣ отъ Аделины. Къ чести М-me de-Nino слѣдуетъ сказать, что какъ ни дуры были у нея супъ и говядина, она никогда не вскрывала писемъ своихъ воспитанницъ.

— Разумѣется, вы не поѣдете, замѣтила М-me de-Nino,—ничего и разчитывать на такое неблагоразуміе.

— О, Madame! воскликнула Роза.

— Но вамъ тогда не получить награды, дѣти, воскликнула М-me de-Nino.—А не забудьте, что это послѣдній, выпускной экзаменъ.

— Но мы уже слишкомъ взрослые, Madame, чтобы дорожить похвальными листами.

— Что касается еще до Mademoiselle Розы, продолжала М-me de-Nino,—то отвѣтственность за ея рѣшеніе падаетъ не на меня. Madame Дарлингъ сама теперь въ городѣ, и я подчиняюсь ея авторитету. Если она допускаетъ столь продолжительное отсутствіе своей дочери изъ пансіона въ самый разгаръ занятій, то, разумѣется, такъ тому и быть; одно скажу, что неблагоразуміе этого я ничего во всю свою жизнь не видывала. Въ такомъ случаѣ вы, Mademoiselle Мери...

— Въ такомъ случаѣ, умоляю васъ, Madame, позвольте и мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нею, прервала ее Мери Карръ свой-

ственнымъ ей тихимъ тономъ спокойной просьбы.—Я знаю, что друзья мои желаютъ этого. Мыза м-сье д'Эстивала въ двухъ шагахъ отъ замка Бофуа.

— Я вижу, что вы составили противъ меня цѣлый заговоръ, возразила М-me de-Nino. — Вы, Англичанки, слишкомъ мало дорожите наградами.

Она удалилась, не прибавивъ ни слова, а Мери Каррѣ приготовила въ Англiю письмоце къ вдовѣ своего покойнаго брата Роберта, бывшей Эммѣ д'Эстиваль, прося ея ходатайства передъ М-me de-Nino.

Изъ словъ послѣдней ясно было, что мистрисъ Дарлингъ находилась въ Бельпортѣ. Она прибыла туда не болѣе двухъ дней назадъ, съ дочерьми своими Маргаритою и Марианною. Но совѣтъ не для свиданiя съ миссъ Розою; цѣль ея была другая, она надѣялась встрѣтить тутъ свою старшую дочь, Шарлотту.

Въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ, оставивъ родимый берегъ, мистрисъ Карльтонъ Севтъ-Джонъ все блуждала по континенту: иначе и нельзя было назвать эти безпрерывные переѣзды съ одного мѣста на другое; сегодня тутъ, завтра тамъ, безъ остановки, безъ отдыха. Обѣхавъ Францію, Германію, Савойю, Швейцарію, она снова возвращалась теперь на берега Франціи съ намѣреніемъ посѣтить оттуда Фландрію и Бельгію. Казалось, какая-то невидимая сила увлекала ее впередъ, заставляя ее безпрестанно мѣнять мѣста; едва успѣвала она расположиться въ какомъ-либо городѣ, говоря что пробудетъ въ немъ довольно долго, какъ вдругъ опять собиралась въ путь и ѣхала дальше. Слуги въ недоумѣніи спрашивали себя, не помѣшалась ли ихъ госпожа, но ее скорѣе терзала какая-то душевная, внутренняя мука. Это было вѣчто похожее на угрызеніе совѣсти, а за чтѣ? Да кто жъ ее знаетъ. Первое безразсудное предположеніе Гоноріи, будто молодой наслѣдникъ Анвика, преграждавшій собою дорогу ея родному сыну, принявъ смерть отъ руки своей мачихи, было, конечно, не справедливо. Какой вздоръ! Это было невѣроятно! А еслибъ и такъ, то какое страшное возмездіе постигло ее за это! Она узнала теперь, что напрасно сгубила свою душу. Анвикъ-Галлъ съ его роскошными угодами быстро ускользалъ отъ нея, вмѣстѣ съ угасающею жизнію ея ребенка, и переходилъ въ чужія руки.

Странная вещь,—люди цдо сихъ поръ толковали объ этомъ,— что Джорджъ Сентъ-Джонъ никакъ не могъ оправиться послѣ этого достопамятнаго вечера въ день его рожденія. *Что же могло повредить ему? Въ этомъ-то и заключалась вся загадка. Не покушалъ ли онъ болѣе чѣмъ слѣдовало? Но расстройство желудка у ребенка проходитъ скоро. Не потрясъ ли его испугъ? Но испугъ не могъ причинить болѣзни, или той слабости, отъ которой онъ теперь изнемогалъ. Его мать съ какимъ-то лихорадочнымъ блескомъ и тревогой въ глазахъ разспрашивала докторовъ о причинѣ его страданій. Никто не могъ дать ей положительнаго отвѣта; всѣ говорили, что онъ, вѣроятно, скоро поправится. Но она знала теперь,— по крайней мѣрѣ должна была знать,—все. Джоржикъ Сентъ-Джонъ страдалъ тою же самою изнурительною болѣзнію, которая такъ незамѣтно сгубила его отца.*

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ матери, съ которою она переписывалась отъ времени до времени, мистрисъ Сентъ-Джонъ упомянула однажды, что по пути изъ Нормандіи во Фландрію она заѣдетъ въ Бельпортъ, съ цѣлію приискать въ этомъ англо-французскомъ городѣ опытную Англичанку въ сидѣлки для своего больнаго Джорджа, и тогда, конечно, навѣститъ Розу. Мистрисъ Дарлингъ, прочитавъ письмо, рѣшилась тоже повидаться кое-съ-къмъ, именно съ самою Шарлоттой. Ея подозрительному материнскому сердцу казалось, что Шарлотта все время искусно уклонялась отъ свиданія съ нею. Всѣ предложенія мистрисъ Дарлингъ навѣститъ дочь были отклонены; всѣ ея планы пробраться въ тѣ мѣста, гдѣ останавливалась Шарлотта, оказывались неисполнимыми, потому что прежде нежели она пускалась въ путь, тайная ея корреспондентка Прякъ обыкновенно извѣщала ее, что мистрисъ Карльтонъ Сентъ-Джонъ уже опять расправляетъ крылья и летѣла въ другое мѣсто. Но когда мистрисъ Дарлингъ получила извѣстіе о предполагаемой поѣздкѣ въ Бельпортъ, она поспѣшно уложила свои вещи, и не теряя ни минуты, собралась въ дорогу. Она прибыла въ Бельпортъ до пріѣзда самой мистрисъ Сентъ-Джонъ, оставивъ Розу въ той увѣренности, что поѣздка эта была предпринята исключительно для нея. Тутъ не было ни малѣйшаго коварства со стороны мистрисъ Дарлингъ. Она была слишкомъ пряма для этого, но ей было въ высшей степени непріятно говорить о дѣлахъ Шарлотты.

Роза не выказала особенной признательности за такое вниманіе. Сердце ея страдало хроническимъ раздраженіемъ противъ матери, за то что ее до сихъ поръ оставляли въ пансіонѣ; а при первомъ свиданіи съ нею она почувствовала нѣкоторую неловкость, не зная на сколько Франкъ посвятилъ ее въ тайну ихъ прошлогодней осенней прогулки въ рыбацкой лодкѣ.

Степеннымъ сестрицамъ своимъ Роза явно выказывала большее презрѣніе и постоянно съ ними ссорилась: онѣ строго относились къ тому, что имъ угодно было называть ея „шаловною рѣзвостью“, а она, какъ истая Француженка, преспокойно пожимала плечиками и вслухъ называла ихъ „старыми дѣвками“.

Роза показала своей матери приглашеніе госпожи де-Кастелла и тутъ же получила ея согласіе на поѣздку. Когда личные интересы не увлекали ея въ противоположную сторону, мистрисъ Дарлингъ была самою свисходительною матерью, точь-въ-точь такою, какою будетъ современемъ сама Роза. Эта послѣдняя упоминала, что мистеръ Сентъ-Джонъ изъ Веферскаго замка гоститъ недалеко отъ Бофуа у родныхъ Мери Карръ.

— Неужели? разсѣянно отозвалась мистрисъ Дарлингъ, думавшая совсѣмъ о другомъ. — Ты говоришь объ Исаакѣ Сентъ-Джонѣ?

— Я говорю о Фредерикѣ, мама.

— Ахъ, да, въ самомъ дѣлѣ, какъ я недогадлива! воскликнула мистрисъ Дарлингъ. — И какъ не пришло мнѣ въ голову, что Исаакъ Сентъ-Джонъ никогда бы не рѣшился оставить свой замокъ для странствій по знакомымъ!

— Вы вѣрно познакомились теперь съ Исаакомъ Сентъ-Джономъ, мама?

— Да, немного.

— А Фредерика вѣрно видѣли на похоронахъ? Что, онъ богатъ?

— Богатъ! Фредерикъ Сентъ-Джонъ? Развѣ только долги, Роза. Фредерикъ Сентъ-Джонъ наслѣдовалъ большое состояніе, когда ему минулъ двадцать одинъ годъ, но теперь все это ушло, или отдано à fonds perdus, или что-то въ этомъ родѣ. Франкъ мнѣ разказывалъ объ этомъ. Короче сказать, онъ пошелъ по избитой тропѣ и, вѣроятно, раскорилъ много денегъ; у него прелюбящее сердце, преоткро-

земная натура, но что раззорило его, такъ это страсть къ высокому искусству, какъ онъ выражается, то-есть къ живописи. Онъ просто помѣшанъ на этомъ; и благодаря страшнымъ суммамъ, которыя онъ тратилъ на покупку картинъ старыхъ и новыхъ мастеровъ, да на странствованія по всевозможнымъ галлереймъ, въ которыя не заглянулъ бы ни одинъ здравомыслящій человекъ, будь онъ даже у него подъ рукою, Фредерикъ Сентъ-Джонъ навсегда простился съ своимъ состояніемъ. А между тѣмъ, при всемъ его безразсудствѣ, нельзя не чувствовать къ нему симпатію.

— За то Исаакъ Сентъ-Джонъ долженъ быть богатъ какъ Крезъ?

— Да, онъ богатъ. Но между ними произошла размолвка, хотя говорятъ, что онъ любитъ Фреда какъ зеницу ока. Въ прошедшемъ году они поссорились, и съ тѣхъ поръ Фредерикъ не ѣздитъ въ замокъ Веферъ. Прошедшею осенью Фредерику достались небольшія деньги, и я увѣрена, что онъ экономничаетъ теперь, стараясь уплатить свои долги. Я знала, что его нѣтъ въ Англіи, къ величайшему огорченію Сары Боклеркъ.

Роза наострила уши.

— Сары Боклеркъ! Это изъ тѣхъ что живутъ въ Итонскомъ замкѣ?

— И, нѣтъ, нѣтъ; совсѣмъ другая отрасль этой фамиліи. По смерти своей матери она жила у декана вестерберійскаго.

— Если не ошибаюсь, я ее видѣла однажды, задумчиво проговорила Роза.—Очаровательная дѣвушка!

— Фредерикъ Сентъ-Джонъ, повидимому, раздѣляетъ твое мнѣніе. Но сестра твоя Маргарита можетъ разказать тебѣ подробнѣе: въ прошедшемъ году она часто видала ихъ въ городѣ. Капитанъ Боддъ, мнѣ помнится, говорилъ, между прочимъ, что между ними не было ничего особеннаго, что это было простое кокетство; а ужъ ему ли не знать, когда онъ до всего добирается! Впрочемъ, Франкъ полагаетъ, что онъ говорилъ это изъ ревности, желая самъ поддѣлаться къ миссъ Сарѣ. Кстати, Роза, вѣдь онъ получалъ свой титулъ и уже не называется болѣе капитаномъ Боддомъ. Впрочемъ, онъ еще до сихъ поръ въ полку; говорятъ, что старый лордъ Рейдортъ....

— Мама, нетерпѣливо перебила ее Роза, не желая слушать о людяхъ, которые ее не интересовали, и незамѣтно

понижая голосъ ради самого предмета разговора, — еслибы что случилось съ маленькимъ Джоржемъ Сентъ-Джономъ, еслибы онъ умеръ, вѣдь Фредерикъ Сентъ-Джонъ сдѣлался бы тогда наследникомъ Аввикъ-Галла, а Исаакъ Сентъ-Джонъ законнымъ его владѣльцемъ?

Мистрисъ Дарлингъ вздрогнула; она украдкой обернулась назадъ, какъ бы желая удостовѣриться, не подслушиваютъ ли ихъ стѣны.

— Тсъ, Роза! Лучше и не думать о подобныхъ вещахъ. Еслибы ты сказала это при Шарлоттѣ, Богъ знаетъ что могло бы изъ этого выйдти. Не надо и намекать о томъ, что жизнь дитяти въ опасности, что ему угрожаетъ смерть.

— Если онъ дѣйствительно такъ плохъ, какъ вы даете мнѣ чувствовать, — а это вы, вѣроятно, знаете черезъ Прясъ, прибавила Роза съ необычайною смѣлостію, такъ какъ и этотъ предметъ былъ запрещенный, — то неужели Шарлотта не видитъ его положенія? Могу васъ увѣрить, мама, что у нея столько же смѣлвости какъ и у васъ.

— Тутъ дѣло не въ смѣлвости. Любовь часто ослабляетъ самые вѣжные, самые зоркіе глаза, Роза.

Роза отбросила назадъ свои золотистые кудри.

— Почему это Шарлоттѣ вѣгдѣ не сидится? спросила она. — Можно подумать, что у нея пляска Св. Витта. Джорджъ оправился бы гораздо скорѣе, еслибы она оставила его въ покоѣ.

— Не тебѣ разсуждать о Шарлоттѣ и объ ея дѣйствіяхъ, Роза, рѣзко замѣтила мистрисъ Дарлингъ. — Если она находитъ, что постоянная перемѣна мѣста необходима для здоровья ея ребенка, то она совершенно права, поступая такимъ образомъ. Надѣюсь, что мы найдемъ его въ лучшемъ состояніи нежели ожидаемъ.

Въ отвѣтъ на выговоръ Роза молча пожала плечами.

— *И также надѣюсь*, что мы найдемъ его въ лучшемъ состояніи, бѣдняжку. Я твердо увѣрена, что Шарлотта тревожится по пустякамъ, что она просто боится потерять Аввикъ.

Новый укорительный жестъ со стороны мистрисъ Дарлингъ за привычку Розы всегда оставлять за собою послѣднее слово.

Но какъ обманчивы были ихъ надежды! Шарлотта Сентъ-Джонъ прибыла наконецъ въ Бельпортъ, и мистрисъ Дарлингъ, едва взглянувъ на ребенка, поняла, что дни его сочтены. Повидимому, онъ ничѣмъ не страдалъ, точно такъ же какъ и

его отецъ; это было медленное угасаніе, едва замѣтное для окружающихъ.

— О, Шарлотта! какъ онъ худъ и изнуренъ! Настоящая тѣнь! неосторожно воскликнула мистрисъ Дарлингъ въ первую минуту свиданія.

Ребенокъ дѣйствительно походилъ на тѣнь. Лицо его было блѣдно и худо, только щеки и голубые глаза горѣли какимъ-то неестественнымъ огнемъ. Маленькія руки были прозрачны, а красивые, бѣлокурые локоны спалились какъ у мертвеца.

— Это отъ усталости, сказала Шарлотта.—Завтра онъ будетъ совсѣмъ другой.

Неужели она дѣйствительно не понимала его настоящаго положенія, или только нарочно себя обманывала? Мистрисъ Дарлингъ была убѣждена, что Шарлотта еще не допускала, *не предвидѣла* возможности близкой смерти ребенка. И она также измѣнилась, даже больше самого Джоржа; ея прелестныя щеки и глаза горѣли какимъ-то дикимъ, изнурительнымъ огнемъ. Судя по ея словамъ, она была совершенно здорова, и этому можно было повѣрить, имѣя въ виду одно физическое здоровье: недугъ ея былъ душевный.

Свиданіе произошло въ *Hôtel du Nord*, такъ какъ мистрисъ Сентъ-Джовъ не приняла предложенія своей матери остановиться у нея, еслибы даже и хватило мѣста для помѣщенія всѣхъ ихъ. Роза пріѣхала къ ней вмѣстѣ съ мистрисъ Дарлингъ, которая всегда оказывала ей предпочтеніе передъ двумя старшими дочерьми.

— Знаешь ли ты, кто я? воскликнула Роза, взявъ малютку Джорджика на колѣни, и дрожа при одной мысли, чтобъ онъ не рассыпался у нея въ рукахъ—такъ былъ онъ хрупокъ и легокъ.—Я никогда, никогда не видала тебя Джорджъ; знаешь ли ты мое имя?

Джорджъ посмотрѣлъ на ея улыбающееся лицо; онъ поднялъ свою блѣдную слабую ручонку, развязалъ голубыя ленты ея хорошенькой шляпки и прикоснулся къ ея золотистымъ локонамъ.

— Нѣтъ, я васъ не знаю, сказалъ онъ.

— Разумѣется, не знаешь, съ мимолетнымъ неудовольствіемъ возразила Роза,—твоя мамаша Шарлотта вѣрно никогда не говорила тебѣ обо мнѣ? Я тебѣ тета Роза, Джорджикъ, сестра твоей мамашы.

— Вы отсюда съ нами поѣдете? спросилъ онъ, видимо очарованный своею новою тетей.—Мнѣ хотѣлось бы съ вами.

— Хорошо, еслибы можно было, сказала Роза,—хоть и сомнительно, чтобъ я ужилась. Но мнѣ нельзя; я въ школь, Джорджикъ, не стыдно ли это? А теперь черезъ день или два я ѣду гостить къ знакомымъ.

Тутъ наступила пауза. Джорджикъ молчалъ и дышалъ по-рыбисто. Миотрисъ Дарлингъ казалась взволнованною; а Шарлотта, по обыкновенію апатичная, не будь какого-то безпокойнаго блеска въ ея глазахъ, смотрѣла на улицу, сидя между малиновыми драпировками довольно высокой гостиной. Наконецъ Джорджъ заговорилъ, обращаясь къ Розѣ:

— Хочется въ Анвикъ. Я хочу къ Венѣ.

— О, дитя мое! воскликнула Роза съ какимъ-то таинственнымъ страхомъ.—Венѣ тамъ нѣтъ.

— Онъ ушелъ на небо, продолжалъ Джорджъ;—но знаете, я могу увидеть его. Мамаша видитъ его иногда. Прощедшею ночью она видѣла его и закричала, и такъ прижала меня къ себѣ, что мнѣ было больно.

Роза бросила несколько взглядовъ на свою безстрастную сестру. Она, Шарлотта, насмѣшица, и вѣрить въ привидѣнія! Нѣтъ, нѣтъ; до этого не могло дойти.

— Я взялъ бы всѣ Веневы игрушки; я сталъ бы ѣздить на его воню, продолжалъ Джорджикъ.—Я увидалъ бы Брава, тета Роза; я хочу домой, въ Анвикъ.

— И хорошее дѣло, мой дружокъ, тамъ тебѣ было бы всего лучше, отвѣчала Роза.—Слышите, Шарлотта? Онъ говоритъ, что ему хочется домой, въ Анвикъ. Я увѣрена, что худоба его происходитъ оттого, что его безпрестанно перевозятъ съ мѣста на мѣсто. Видь у него одна кожа да кости.

— Я пришла къ тому убѣжденію, что въ Анвикѣ дурной воздухъ, замѣтила Шарлотта съ своимъ обычнымъ хладнокровіемъ;—всѣ Сентъ-Джоны тамъ умираютъ.

— Стало-быть, ты не намѣрена ѣхать туда? спросила Роза, ватаивъ дыханіе.

— Въ настоящее время нѣтъ; пусть Джорджикъ сначала поправится.

— Въ Анвикѣ, на своей родинѣ, онъ поправится бы всего скорѣе, настойчиво доказывала Роза.—Будь Анвикъ мой, ужъ я непременно поѣхала бы туда. И какъ ни вреденъ его воз-

духъ, а ужъ я царила бы тамъ, съ цѣлымъ графствомъ у моихъ ногъ.

Она весело засмѣялась; мистрисъ Дарлингъ казалась смущенною. Да и въ самомъ дѣлѣ болѣзненный видъ Шарлотты и Джорджика не на шутку разстроилъ ее. Обойдя малиновый бархатный диванъ, она сѣла около дочери, которая все также безучастно продолжала смотрѣть въ окно.

— Хорошо ли оставлять Анвикъ-Галлъ на попеченіе слугъ, Шарлотта? спросила она.—Я на твоемъ мѣстѣ не сдѣлала бы этого.

— Такъ живите въ немъ сами, мама, если угодно. Мнѣ рѣшительно все равно, кто бы тамъ ни жилъ. Вѣроятно, прислуга содержитъ все въ надлежащемъ порядкѣ въ ожиданіи моего прѣзда. Видь, это все мое теперь, то-есть Джорджика; и я не должна отвѣчать за это никому.

Она говорила спокойно, равнодушно, приглаживая свои блестящія, роскошныя косы. Еслибы не этотъ страшный огонь въ глазахъ, да не чахоточная краска щекъ, можно было бы подумать, что она далека отъ всего земнаго.

— Какъ я рада, что ты не носишь больше своего вдовьяго чепца, Шарлотта! снова заговорила мистрисъ Дарлингъ:—его такъ грустно видѣть на молодой женщинѣ.

— Поневолѣ не ношу, потому что за границей ихъ нигдѣ нельзя достать. Прячься, по возможности, старалась ихъ поддерживать, покамѣстъ я ихъ носила, но они никогда не были опрятны. А гдѣ теперь Гонорія? внезапно спросила она, грозно сверкнувъ очами на мистрисъ Дарлингъ.

Мистрисъ Дарлингъ затрепетала, какое-то безотчетное чувство заставило ее скрыть отъ Шарлотты, что Гонорія перешла въ замокъ Веферъ.

— Она, вѣроятно, взяла какое-нибудь другое мѣсто, Шарлотта. Я не имѣю о ней никакихъ извѣстій.

— Мѣсто! Но гдѣ же, въ Анвикѣ?

— О нѣтъ, не въ Анвикѣ; въ совершенно другомъ графствѣ; кажется, неподалеку отъ ея родины.

— Если вы когда-нибудь увидите ее, мама, то спросите, не преслѣдуетъ ли ее по ночамъ тѣнь умершаго ребенка? Это весьма вѣроятно, потому что она уморила его. Ее слѣдовало бы казнить за это на эшафотѣ. Какъ бы я была рада этому. Я стала бы спокойнѣе.

— О, Шарлотта, Шарлотта! мягко проговорила мистрисъ

Дарливѣ изъ глубины трепетнаго сердца, трепетнаго Богъ вѣсть отчего.

— Подите-ка сюда, посмотрите! шепотомъ прервала Роза.

Обѣ женщины обернулись. Мальчикъ впалъ въ легкое забытье, лежа на колѣняхъ у своей тети и уцѣпившись своею исхудалою ручонкой за голубыя ленты ея шляпки, между тѣмъ какъ прямая складка на его блѣдномъ лбу ясно доказывала, что засыпая, онъ страдалъ.

— Шарлотта, серьезно замѣтила Роза, — я не умѣю обращаться съ дѣтми и, разумѣется, меньше тебя смыслю въ нихъ, но по моему крайнему убѣжденію, этому ребенку нуженъ покой и отдыхъ послѣ такого утомительнаго путешествія. Возможно ли чтобъ это непрерывное движеніе было для него полезно? Оно только изнуряетъ его.

— Ты ничего не смыслишь въ дѣтяхъ, возразила мистрисъ Сентъ-Джонъ, — для него-то я и переѣзжаю съ мѣста на мѣсто. Онъ такъ слабѣетъ, когда мы останавливаемся гдѣ-нибудь надолго. И гдѣ же тебѣ знать дѣтей, Роза? Равнѣ ты няня, или докторъ? Ты даже не мать еще. *A chacun son métier.*

— *Comme tu veux*, возразила Роза, пожимая своими прелестными плечиками.—Знаешь, Шарлотта, я вѣду гостить въ одно мѣсто, гдѣ увижу твоего двоюроднаго брата что ли, — мистера Сентъ-Джона.

— Мистера Сентъ-Джона изъ Веферскаго замка? быстро спросила мистрисъ Сентъ-Джонъ съ гораздо бѣльшимъ участіемъ, нежели она обнаруживала до сихъ поръ.

— Наслѣдника Веферскаго замка, Фредерика Сентъ-Джона.

— Ахъ, его, презрительно проговорила мистрисъ Сентъ-Джонъ и снова впала въ прежнюю апатію.

— Сколько ты пробудешь въ Бельпортѣ, Шарлотта? тихо спросила Роза, чтобы не разбудить ребенка.

— Еще сама не знаю, увидимъ, какъ будетъ чувствовать себя Джорджикъ. Не слышала ли ты о хорошей судѣлкѣ, Роза, изъ Англичанокъ? Мнѣ говорили, что ихъ здѣсь множество.

— Я знаю одну, съ жаромъ подхватила Роза, — и она особенно хороша въ... въ... (Роза во-время остановилась, чтобы не произнести зловѣщаго слова: чахотка, но то, которымъ она замѣнила его, было не многимъ удачнѣе:) въ извурительныхъ болѣзняхъ, договорила она.—Это ея спеціальность.

— Кто говоритъ, что у него извурительная болѣзнь? Кто говоритъ это?

— Никто, сказала Роза,—я только подумала это, глядя на его худобу. Впрочемъ, худоба весьма естественна въ дѣтяхъ. Это превосходная няня, Шарлотта; нѣкто мистрисъ Брайфордъ. Я нѣсколько разъ видѣла ее весной, когда она ходила за Аделиной де-Кастелла.

— А чѣмъ страдала Аделина?

— Говорили, будто у нея чахотка. Мистрисъ Брайфордъ выходила ее какъ нельзя лучше, и теперь она крѣпче и здоровѣй меня. Я думаю, она совершенно годилась бы для тебя, и притомъ славная женщина.

— Гдѣ могу я отыскать ее?

— Не знаю, сказала Роза.—Но это легко узнать отъ привратника сирѣора де-Кастелла. Конечно, она, можетъ-быть, занята теперь, Шарлотта, а можетъ, и не захочетъ брать мѣста въ отъѣздъ.

— Не занимается ли она помѣсячно? спросила мистрисъ Севтъ-Джонъ.—Я такихъ не люблю.

— Нѣтъ! не думаю. Я достану тебѣ ея адресъ, Шарлотта, а ты можешь послать или не послать за ней, какъ тебѣ вздумается. Какъ этотъ ребенокъ вздрагиваетъ!

— Ему будетъ покойнѣе на постели, замѣтила мистрисъ Дарлингъ, осторожно приподнимая его съ колѣвъ Розы.—Я отвѣсу его къ Прясъ.

Пойдти къ Прясъ — вотъ чего давно жаждала душа ея. Мистрисъ Дарлингъ отдала бы цѣлое графство за нѣсколько минутъ разговора съ своею бывшею служанкой. Последняя встрѣтила ее въ дверяхъ спальни, и ребенка осторожно опустили на постель.

— Прясъ, вѣдь онъ умираетъ, прошептала мистрисъ Дарлингъ, стоя у его постели.

Прясъ оглянулась кругомъ, какъ бы желая удостовѣриться, что никто ихъ не подслушиваетъ.

— Это такъ же вѣрно, сударыня, какъ и то, что отецъ его умеръ, и притомъ тою же извурительною болѣзнію. Еще мѣсяць, другой, а тамъ и капутъ!

— Твоя госпожа, кажется, не сознаетъ этого. Замѣчаетъ ли она это, какъ ты думаешь?

— Мнѣ кажется, нѣтъ. Мнѣ кажется, она дѣйствительно убѣждена, что онъ оправится.

— Но вѣдь должна же она, наконецъ, видѣть, что ему все хуже и хуже, иначе для чего было бы брать сидѣлку?

— Это я предложила взять сидѣлку, сказала Прянсъ.— Съ этими хлопотами да переѣздами я совершенно измучилась, сударыня, увѣряю васъ; да такъ и доложила своей госпожѣ. А теперь она стоитъ за это болѣе нежели я сама и сожалѣетъ, что не придумала этого раньше. Для дитяти это будетъ несравненно лучше. Госпожа моя вовсе не умѣетъ ухаживать за больными, да и я не далеко отъ нея ушла.

— Зачѣмъ она такъ часто переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто, Прянсъ?

Женщина наклонилась, чтобы согнать муху со лба Джорджа и отвѣчала, не поднимая головы и глазъ.

— Она говоритъ, что это для ребенка, что онъ становится гораздо слабѣе и безпокойнѣе, когда мы слишкомъ долго останавливаемся на одномъ мѣстѣ. Но отъ чрезмѣрной заботливости о немъ она уже слишкомъ пересаливаетъ; нужно во всемъ знать мѣру. Въ иныхъ городахъ ей просто не нравились доктора, и она тотчасъ же увѣжала.

— О, еслибъ она возвратилась въ Анвикъ, съ сокрушеніемъ сказала мистрисъ Дарлингъ.— Пимъ такъ хорошо изучилъ натуру Семъ-Джонъ. Онъ скорѣе всякаго другаго доктора вылѣчилъ бы ребенка.

— Хорошо, еслибъ она вернулась туда! подтвердила Прянсъ.— Хоть бы вы уговорили ее.

Прянсъ остановилась и стала поспѣшно оправдывать платице Джорджа. Въ комнату вошла мистрисъ Семъ-Джонъ.

Не было никакихъ средствъ склонить ее на возвращеніе въ Анвикъ или по крайней мѣрѣ удержать на нѣсколько времени отъ этого одуряющаго непрерывнаго путешествія. Черезъ нѣсколько дней она оставила Бельпортъ, захвативъ съ собою всю свою прислугу и въ томъ числѣ новую няню, мистрисъ Брайфордъ.

Какъ странно и незаметно для насъ самихъ вяжутся между собою звенья той цѣпи, которую мы называемъ судьбою!

II. И все это изъ-за глупыхъ ноготковъ.

Приглашеніе прійхать въ замокъ Бофуа сдѣлано было молодымъ дѣвушкамъ по настоятельной просьбѣ Аделины. По тревожному тону ея собственныхъ записочекъ, въ которыхъ она убѣждала своихъ подругъ принять приглашеніе ея матери, Мери Карръ догадалась въ чемъ дѣло.

Возвращеніе сирѣна де-Кастелла въ Бофуа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и посѣщенія барона де-ла-Шассѣ, отложены были еще на недѣлю, по истеченіи которой Аделина знала, что наступить неизбѣжный срокъ. Эти ожиданія и опасенія становились для нея невыносимы. Какъ избѣжать барона, когда онъ будетъ единственнымъ посѣтителемъ ихъ дома? Этотъ-то мудреный вопросъ и внушилъ ей мысль пригласить къ себѣ своихъ школьныхъ подругъ. Госпожа де-Кастелла пренаивно поддалась обману и немедленно изъявила свое согласіе. Аделина всегда была ея балованнымъ ребенкомъ.

Но по мѣрѣ того какъ время шло, молодая дѣвушка едва могла скрывать свой ужасъ. Она знала надменный, непреклонный характеръ своего отца и его строгія попятія о чести. Онъ, конечно, не сталъ бы принуждать ее къ ненавистному браку, еслибъ она выразила хотя малѣйшее нерасположеніе къ господину де-ла-Шассу. Предложеніе барона было бы тогда отвергнуто. Но она весело дала свое согласіе на бракъ, свадебные контракты съ обѣихъ сторонъ были уже подписаны, и честное слово господина де-Кастелла даво было безвозвратно.

„Никогда, думала Аделина, не нарушить онъ даннаго слова, никогда не захочетъ онъ принять предложенія другаго жениха.“

Теперь, когда завязка упала съ ея глазъ, она поняла какъ небудумно и рискованно поступила, давъ слово барону де-ла-Шассу, почти незнакому ей человѣку. Тысячи молодыхъ дѣвушекъ поступаютъ также безсознательно и торопливо, не понимая что онъ дѣлаютъ до тѣхъ поръ, пока зло сдѣлается неисправимымъ. Предложеніе мушны льститъ самолюбію дѣвухи, ей улыбаются мысль о собственномъ хозяйствѣ, о

предпочтеніи, которое оказываютъ ей передъ ея подругами. Бракъ представляется ей таинственною книгою, въ которую она жаждетъ заглянуть. И если въ эту рѣшительную минуту голосъ друга или собственное слабое сознаніе совѣтуютъ ей подождать и серьезно обдумать предпринимаемый шагъ, она не слушаетъ ни того, ни другаго. Такимъ образомъ наступаетъ день свадьбы, и легкомысленная дѣвочка вдругъ понимаетъ свое положеніе и видитъ себя жертвой. Она становится женою того, кого при близкомъ знакомствѣ не можетъ не только любить, но даже и уважать. Между ними нѣтъ никакой симпатіи; нѣтъ ничего общаго, ни въ чувствахъ, ни въ наклонностяхъ. Но она добровольно обрекла себя на эту жертву и не должна теперь роптать. Съ полнымъ сознаніемъ, по своей собственной волѣ, связала она свою судьбу съ его судьбой на счастье или на несчастье, на богатство или на бѣдность, до тѣхъ поръ пока не разлучитъ ихъ смерть. Она прикована къ нему цѣпью, которая раздѣляетъ ее отъ всего остальнаго міра; каждая мысль ея сердца по праву принадлежитъ ему; она его подруга, его и никого другаго, и вѣчно должна исполнять его прихоти. Стоя и сидя, за обѣдомъ и въ полночь, она всегда принадлежитъ ему, ему одному и безвозвратно.

Именно такая судьба ожидала Аделину де-Кастелла, есаибъ она не встрѣтила Фредерика Сентъ-Джона. Не думая о будущемъ, не жалѣя о прошедшемъ, она согласилась идти къ алтарю съ господиномъ де-ла-Шассомъ, будучи къ нему совершенно равнодушною. Не менѣе равнодушна была она и къ другимъ мужчинамъ, но тогда это равнодушіе было для нея непонятно, и лишь теперь начинала она уразумѣвать его.

Какое-то странное убѣжденіе, или лучше сказать предчувствіе, овладѣло душой Аделины: ей казалось, что при малѣйшемъ намекѣ на истину, отецъ разлучитъ ее съ мистеромъ Сентъ-Джономъ. Вслѣдствіе этого она вынудила у него обѣщаніе, что онъ будетъ молчать и по крайней мѣрѣ на время пребыванія барона въ ихъ домѣ сохранить роль простаго знакомаго. Присутствіе Розы и родственныя связи мистера Сентъ-Джона съ ея семействомъ могли достаточно объяснять его частыя появленія въ Бофуа. Читатель знаетъ, впрочемъ, что настоящаго родства между ними не было, но Аделина непремѣнно хотѣла ихъ породнить. Сначала мистеръ Сентъ-Джонъ не соглашался на ея желаніе. Правда, что въ

виду своихъ собственныхъ соображеній — долговъ и размовки съ братомъ — онъ предпочелъ бы также отложить до известнаго времени свое объясненіе съ сеньйоромъ де-Кастелла. Но честь была для него выше всего, и молчаніе въ подобномъ случаѣ, хотя бы самое кратковременное, было ему невыносимо. Только слезныя мольбы Аделины склонили его къ уступкѣ, и то на извѣстныхъ условіяхъ.

— Я буду руководиться поведеніемъ самого де-ла-Шасса, сказалъ онъ. — Если только онъ осмѣлится вѣжничать съ тобой, или нахештывать тебѣ о своей любви, то я всякую осторожность пушу по вѣтру и стану между вами.

— О Фредерикъ! отвѣчала она съ румянцемъ дѣвственной стыдливости на потупленномъ лицѣ: — вѣжныя ласки, сладкія рѣчи любви, это такая роскошь, которую не допускаютъ во Франціи въ томъ классѣ общества, гдѣ я вращаюсь. Тебѣ нечего бояться ихъ со стороны барона; повѣрь, что онъ будетъ со мною также вѣжливо церемоненъ, какъ еслибы намъ вѣкъ оставаться чужими другъ для друга.

Аделина была права.

Въ одинъ жаркій, свѣтлый июльскій вечеръ, карета, посланная въ Одескѣ за молодыми путешественницами, вѣхала въ замокъ Бофуа чуть-чуть не въ самую пасть львовъ, украшавшихъ подъездъ. Мери Карръ выглянула изъ экипажа. На широкихъ ступеняхъ дѣвственны, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она видѣла его въ послѣдній разъ, стоялъ мистеръ Сентъ-Джонъ, какъ будто со времени ихъ свиданія прошло не больше часу.

Онъ помогъ молодымъ дѣвушкамъ выйти изъ кареты, а Аделина выбѣжала къ нимъ навстрѣчу, и какъ мила она была въ своемъ утреннемъ бѣломъ платьѣ, съ отдышкой изъ розовыхъ лентъ! Вокорѣ показалась сама г-жа де-Кастелла, которая, поздоровавшись съ своими гостями, приказала кучеру немедленно возвращаться назадъ въ Одескѣ, чтобы поспѣть къ парижскому поѣзду.

— Я ожидаю сегодня моего мужа и господина де-ла-Шасса, пояснила она, обращаясь къ своимъ поспѣтительницамъ.

Мери Карръ невольно взглянула на Аделину, которая, встрѣтившись съ ней глазами, покрасѣла до ушей. Что было причиною этого? Воспоминаніе ли о близкомъ приѣздѣ барона, или о прощальномъ предостереженіи, которое шепнула ей на ухо миссъ Карръ?

Посвятивъ нѣсколько минутъ дружеской болтовнѣ и завтраку, молодыя дѣвушки удалились въ отведенныя имъ комнаты, чтобы разбрать свои вещи и придѣться къ обѣду. Около шести часовъ вечера все общество, не исключая и мистера Сентъ-Джона, собралось въ желтой гостиной, весьма красивой комнатѣ, исключительно предназначенной для официальныхъ пріемовъ, но неприютной и неудобной. Она выходила на проспектъ, ведущій къ замку; глаза присутствовавшихъ устремлены были на то мѣсто, откуда съ минуты на минуту ждали гостей, а Аделина до того поблѣднѣла, что всѣ замѣтили ея волненіе.

— Милое дитя мое! тихо воскликнула Агнеса де-Бофуа. — Ей надо бы выпить воды съ сахаромъ. У меня самой былъ нѣкогда обожатель, мистеръ Сентъ-Джонъ, и потому я знаю какво выносить это ожиданіе.

— Смотрите, смотрите! воскликнула старая госпожа де-Бофуа, ковыляя къ окну. — Не ихъ ли эта карета, вонъ тамъ вдали, на поворотѣ, около мельницы?

Старые глаза оказались наиболѣе зоркими: дѣйствительно, то была карета г-на де-Кастелла, которая быстро приближалась въ направленіи къ замку. Стекла были опущены, и внутри виднѣлись двѣ запыленные фигуры. Г-жа де-Кастелла и ея сестра поспѣшили въ залу навстрѣчу пріѣзжимъ, а старушка высунулась за окно на сколько позволяла ей шея. Аделина приподнялась съ своего мѣста въ страшномъ волненіи и облокотилась на спинку стула, видимо ища опоры; губы ея поблѣднѣли, мистеръ Сентъ-Джонъ подошелъ къ ней и наклонился къ ея уху.

— Жизнь моя, прошепталъ онъ, — тебѣ дурно, а я не смѣю помочь тебѣ какъ бы желалъ. Не бойся, никакихъ неприятныхъ сценъ между имъ и мною не будетъ. Я скорѣе выдамъ себя, нежели допущу это.

Онъ вынулъ флаконъ съ одеколономъ и смочилъ имъ конецъ ея носоваго платка. Мери Карръ смотрѣла на нихъ. Не будучи въ состояніи разобрать его слова, она слышала его тихій, серьезный голосъ, видѣла его взгляды, его движенія, и съ этой минуты поняла все. „Много будетъ здѣсь горя“, думала она, „прежде нежели наступитъ конецъ!“ Но она не предчувствовала того ужаснаго горя, которое такъ скоро должно было разразиться надъ этимъ домомъ.

Баронъ не рѣшился войти въ гостиную, не перемѣнивъ

сначала своего туалета. Когда онъ показался, наружность его была весьма прилична, хотя волосы обстрижены были короче обыкновеннаго, а закрученные концы рыжихъ усовъ стали, повидимому, еще длиннѣе. Свиданіе его съ Аделиной произошло слѣдующимъ образомъ: быстро пройдя черезъ комнату, онъ вдругъ остановился въ трехъ шагахъ отъ своей невѣсты, и ставъ, по выраженію, танцевальщиковъ, въ третью позицію, отвѣсилъ ей вѣскій поклонъ, церемонно проговоривъ:

— Надѣюсь, что я имѣю честь видѣть васъ, мадемуазель, совершенно здоровою.

Вотъ и все. Онъ не осмѣлился даже прикоснуться къ ея рукѣ, такъ какъ подобная фамильярность считается въ высшей степени неприличною въ аристократическомъ французскомъ кругу. Роза едва успѣла подавить взрывъ смѣха при видѣ отвѣщеннаго имъ поклона и сильно ущипнула за руку мистера Сентъ-Джона, такъ что вѣрно на нѣсколько дней оставила ему синякъ. Не менѣе замѣчательнъ былъ поклонъ, которымъ Сентъ-Джонъ привѣтствовалъ барона, когда они были представлены другъ другу — холодный, надменный, самоувѣренный поклонъ, въ которомъ ясно сказывалось сознаніе собственного превосходства. Конечно, въ самой наружности ихъ была огромный контрастъ, и мистеръ Сентъ-Джонъ, казалось, вполнѣ сознавалъ въ этотъ замѣчательный вечеръ свои личныя преимущества. Де-ла-Шассъ былъ одѣтъ роскошно: на немъ былъ голубой атласный камзолъ, необыкновенно тонкое бѣлье, украшенное кружевами и шитьемъ, и множество другихъ великолѣпныхъ бездѣлокъ. На Сентъ-Джонъ былъ простой траурный костюмъ: черное платье, бѣлый гладкій жилетъ, и ничего моднаго или вычурнаго. Но несмотря на эту скромную простоту, Роза Даравагъ находила, что онъ смотритъ принцемъ. Слуга вошелъ съ докладомъ, что кушанье подано. Баронъ Де-ла-Шассъ подошелъ къ старушкѣ Бофуа, Сентъ-Джонъ подавъ руку госпожѣ де-Кастелла, а сивѣдоръ де-Кастелла Розѣ. Миссъ де-Бофуа, Аделина и Мери Карръ вошли вмѣстѣ. Это былъ официальный обѣдъ, который тяжело доставался Аделинѣ.

На другой день поутру три молодыя дѣвушки и баронъ сидѣли вмѣстѣ въ западной гостиной, примыкавшей къ колоннадѣ, если не забыть читатель. Разговоръ шелъ влоо. Де-ла-Шассъ, несмотря на свой умъ, не блисталъ тѣмъ бойкимъ живымъ остроуміемъ, которое было такъ свойственно

Фредерику Сентъ-Джону; а Аделина была погружена въ глубокое уныніе. Мери Карръ отправилась къ себѣ наверхъ, но не успѣла она пробыть тамъ и пяти минутъ, какъ въ комнату ея, подпрыгивая, вбѣжала Роза.

— Гдѣ вы оставили Аделину? спросила ее миссъ Карръ.

— Тамъ же, гдѣ и вы,—съ барономъ. Я подумала, что, быть-можетъ, буду лишняя между ними, и потому удалилась. Вѣдъ непріятно чувствовать себя помѣхой нѣжнымъ излияніямъ, любовнымъ воркованіямъ и всевозможнымъ сладостямъ, какъ говоритъ Шарлотта Сингльтовъ.

— Какой вздоръ, Роза! не забудьте, что мы во Франціи.

А Розѣ очень нужно выслушивать!

— Мери, продолжала она,—не кажется ли вамъ, что между Сентъ-Джономъ и Аделиной есть что-то особенное? Замѣтили вы, какъ вчера вечеромъ онъ шепталъ ей что-то на ухо, стоя у фортепіано, между тѣмъ какъ, повидимому, занятъ былъ перевертываніемъ страницъ для меня? Это значить гоняться за двумя зайцами.

Вслѣдъ за этими словами въ комнату вбѣжала взволнованная Аделина.

— Мери! Роза, Роза! дорогая Мери! Никогда не оставляйте меня одну съ этимъ человѣкомъ! Общайте мнѣ это! Непремѣнно общайте!

— Да что такое? Что онъ сдѣлалъ? спросила онъ съ величайшимъ изумленіемъ.

— Ровно ничего. Но я боюсь оставаться съ нимъ наединѣ, чтобы не говорить о будущемъ. Онъ спрашивалъ меня объ обручальномъ кольцѣ. Тсъ! не спрашивайте меня болѣе, заключила Аделина.—О, какъ была бы я рада, Роза, еслибы вы влюбились въ себя барона!

— Спасибо за такое сокровище, со смѣхомъ отвѣчала Роза.—Прежде уговорите его выкрасить усы: желтый цвѣтъ не въ моемъ вкусѣ.

Де-ла-Шассъ намѣревался пробыть въ замкѣ не болѣе недѣли и хотѣлъ уѣхать во вторникъ утромъ. Пребываніе его въ замкѣ было довольно мирное: несмотря на чрезвычайную холодность къ нему Сентъ-Джона, взрыва между ними не послѣдовало. Будь де-ла-Шассъ Англичанинъ, объясненіе между ними сдѣлалось бы неизбѣжнымъ, такъ какъ Англичанинъ невольно высказалъ бы слово, жестомъ, или

дѣйствіями, что онъ законный обожатель молодой дѣвушки, но Французы поступаютъ иначе.

Госпожа де-Бофуа разослала ко всѣмъ ближайшимъ сосѣдямъ пригласительныя записки, въ которыхъ сказано было, что въ понедѣльникъ въ замкѣ будетъ *soirée dansante*.

Въ понедѣльникъ послѣ обѣда молодая дѣвушка сѣла въ западной гостиной съ госпожою де-Бофуа. Она учила ихъ новому вазавью, но утомившись вышла изъ комнаты, чтобы соснуть своимъ обыкновеннымъ послѣобѣденнымъ сномъ. Не успѣла она удалиться, какъ въ комнату вошелъ баронъ. и обратившись къ Аделинѣ, торжественно просилъ ее удѣлить ему нѣсколько минутъ для разговора.

У Аделины стѣснилось дыханіе; она задрожала отъ страха; испуганный, умоляющій взглядъ ея устремился на Розу и Мери, но все было напрасно, дверь затворилась за ними, и Аделина осталась одна съ своимъ нареченнымъ женихомъ.

Впрочемъ, опасенія ея были напрасны. Баронъ не сказалъ ей ни единого слова, котораго нельзя было бы повторить при ея матери. Онъ досталъ изъ кармана обручальное кольцо, которое только что вернулось изъ Парижа, гдѣ его убавляли, — простое, гладкое, золотое колечко, — и попросилъ ее сдѣлать ему честь, дозволивъ снова надѣть это кольцо на ея палецъ.

Молча, безпрекословно, — что могла бы она возразить на это?—но съ тоской въ сердцѣ, Аделина протянула свою руку, и баронъ рѣшился слегка коснуться ея пальцевъ, пока надѣвалъ ей кольцо. Въ эту минуту дверь отворилась, и въ комнату вошелъ мистеръ Сентъ-Джонъ, вертя въ рукѣ „французскіе поготки“.

Онъ увидалъ ихъ рука въ руку, и лицо его стало темнѣе ночи. Читателю уже извѣстно, что Фредерикъ Сентъ-Джонъ былъ горячъ: онъ способенъ былъ иногда предаваться страшнымъ порывамъ гнѣва. Вѣроятно, и тутъ взрывъ былъ бы неминуемъ, еслибы баронъ не вышелъ изъ комнаты, вѣжливо поклонившись Аделинѣ. А мистеръ Сентъ-Джонъ, хотя вполне увѣренный что во всемъ этомъ не было ни малѣйшаго повода къ ревности, не преминулъ вспылить.

— Такъ вотъ какъ, *Mademoiselle de-Кастелла*, сказалъ онъ, — вы имѣли тайное свиданіе съ вашимъ обожателемъ! И я долженъ просить у васъ извиненія, что неамѣрно помѣшалъ ему.

Она съ укоромъ повернулась къ нему: не говоря ни слова, не защищаясь, она смотрѣла на него съ выраженіемъ такой тоски на лицѣ, и такой чистой, преданной любви въ глазахъ, что чувство справедливости одержало верхъ надъ минутною вспышкой молодого человѣка, и онъ заключилъ ее въ свои объятія.

— Все-таки жестокія слова, рыдая, проговорила она, между тѣмъ какъ онъ на груди ея вымалывалъ себѣ прощенье;— и въ такое время, когда мнѣ и безъ того приходится переносить слишкомъ много!

— Пусть этотъ цвѣтокъ примиритъ насъ, моя дорогая, сказалъ онъ, подавая ей „французскіе ноготки“.

Сентъ-Джонъ давно уже зналъ исторію гаданья, въ которомъ „французскіе ноготки“ постоянно преслѣдовали Аделину. Ему извѣстны были также темныя предчувствія Розы относительно того роковаго вліянія, которое, по ея мнѣнію, онъ долженъ былъ оказать на судьбу ея подруги. Сентъ-Джонъ охотно допускалъ возможность этого вліянія, но лишь въ хорошую сторону, и съ тѣхъ поръ этотъ цвѣтокъ сталъ дорогъ имъ обоимъ. Фредерикъ усердно разводилъ на мылѣ французскіе ноготки, и это былъ первый, распустившійся цвѣтокъ, который онъ успѣшилъ привести Аделинѣ.

— Вотъ это кольцо, Аделина, сказалъ онъ, снимая съ ея пальца обручальное кольцо,—вѣдь оно то самое что баронъ тебѣ надѣлъ? Не правда ли?

— Вѣдь ты видѣла, отвѣчала она.

Онъ опустилъ кольцо въ свой жилетный кармашекъ и посмотрѣлъ на часы.

— Отдай мнѣ его, Фредерикъ.

— Нѣтъ, Аделина. Ему никогда уже не обхватывать твоего пальчика.

— Но что же я скажу, если замѣтятъ что его нѣтъ у меня? Баронъ увѣрилъ меня, что мамаша сама уполномочила его надѣть мнѣ это кольцо. Она невремѣнно спроситъ, куда я его дѣвала.

— Скажи, что хочешь. Что ты уронила его, потеряла, или просто надѣла перчатку и не снимай ея до вечера. Тогда я скажу тебѣ, что нужно дѣлать, а теперь мнѣ вельзя мѣшкать.

Окончавъ свой бальный туалетъ, Мери Карръ пошла на верхъ къ Аделинѣ, которая была уже одѣта. Луиза охора-

шивала свою молодую госпожу, когда въ комнату вошла госпожа де-Кастелла, держа въ рукѣ небольшой овальный футляръ.

— Посмотри, Аделина, сказала она, открывая футляръ и показывая ей дорогой браслетъ, столь изящной работы, что трудно было оторвать отъ него взоръ. То была прелестная золотая цѣпь, между звеньями которой посажены были брилліанты чистѣйшей воды. Отъ нея спускались золотыя панделоки, также украшенныя брилліантами.

— Ахъ, мамаша! въ восторгѣ воскликнула она: — что за прелесть этотъ браслетъ!

— Да, Аделина. Это тебѣ.

— Ciel! воскликнула Луиза, поднимая руки къ небу.

— Какъ мнѣ благодарить васъ, мамаша! сказала Аделина, принимая подарокъ.

— Не за что благодарить меня, Аделина. Это подарокъ барона. Благодари его.

Обратись этотъ браслетъ въ змѣю, Аделина и тутъ же могла бы отбросить ее съ большею поспѣшностію. Не стой тутъ Мери Каррѣ, онъ непремѣнно полетѣлъ бы на полъ. Госпожа де-Кастелла приняла это за случайность.

— Будь осторожнѣе, дитя мое, сказала она. — Надѣнь же его. Ты должна явиться въ немъ сегодня вечеромъ.

— О явѣтъ, явѣтъ, мамаша! отвѣчала она вся вспыхнувъ. — Пожалуста, не сегодня.

— Что за пустяки! воскликнула ея мать. — Ты застѣнчива какъ ребенокъ. Подавая мнѣ этотъ браслетъ, баронъ сказалъ: un petit cadeau pour se voir; застегни же его Луиза.

— Мамаша, умоляла она съ настойчивостію, которую госпожа де-Кастелла нашла совершенно неумѣстною, — не принуждайте меня надѣвать сегодня этотъ браслетъ.

— Напротивъ, Аделина, я *требую*, чтобы ты его надѣла. Люди, мало тебя знающіе, увидятъ не деликатность чувства, а скорѣе аффектацію въ этомъ нежеланіи надѣть подарокъ того, кто скоро станетъ твоимъ мужемъ.

— Но онъ еще не мужъ мой, пробормотала Аделина: — по крайней мѣрѣ до будущаго года.

— Онъ будетъ имъ раньше, Аделина, сказала госпожа де-Кастелла. — До нашего отъѣзда на югъ.

Аделина вспыхнула, потомъ поблѣднѣла; сѣла на стулъ, и задыхаясь, произнесла своими поблѣвшими устами:

— Но мы ѣдемъ на югъ черезъ два мѣсяца!

— Милое дитя мое, съ улыбкой сказала госпожа де-Кастелла,—чего же ты такъ пугаешься? Свадьба дѣло весьма обыкновенное, могу тебя увѣрить, и я на этой же недѣлѣ пишу въ Парижъ, чтобы заказать твое приданое.

Луиза застегнула браслетъ на рукѣ Аделины, и та сошла внизъ, въ пріемныя комнаты, какъ во свѣ. Еслибъ ея молодыя подруги, любовавшіяся ея очаровательною красотой, могли прочесть въ ея сердцѣ то безотрадное чувство, ту мучительную борьбу, которыя разрывали его, онѣ меньше завидовали бы ея судьбѣ. Кромѣ нитки жемчуга въ волосахъ, жемчужнаго ожерелья на шеѣ, да великолѣпнаго браслета господина де-ла-Шасса на рукѣ, на ней не было никакихъ украшеній. Но притаившись подъ волнами кружевъ и лентъ, на груди ея покоился цвѣтокъ Сентъ-Джона, французскіе ноготки.

Гости почти всѣ уже собрались, и Аделина, обмѣнявшись съ ними привѣтствіями, направлялась къ колоннадѣ, когда къ ней подошелъ баронъ. Она жаждала подышать свѣжимъ вечернимъ воздухомъ какъ-будто онъ могъ утолить ея внутренній жаръ!

— Позвольте мнѣ замѣнить этотъ простой цвѣтокъ другимъ, Mademoiselle, сказалъ онъ, подавая ей бѣлую камелію рѣдкой красоты. И онъ почтительно снялъ съ ея груди французскіе ноготки.

Подозрѣвалъ ли де-ла-Шассъ отъ кого шелъ этотъ обожаемый цвѣтокъ, пришло ли ему на память, что онъ въ этотъ же день видѣлъ его въ рукѣ Сентъ-Джона—рѣшить трудно; но онъ выказалъ по поводу этого ничтожнаго обстоятельства гораздо больше настойчивости нежели допускается между Французами.

— Баронъ, вы забываетесь! воскликнула Аделина, разсердившись.—Отдайте мнѣ мой цвѣтокъ.

— Онъ не годится для васъ, Mademoiselle, возразилъ онъ, удерживая его у себя.—Простой, садовый цвѣтокъ не соответствуетъ вашему бальному наряду, и еще менѣе вамъ самимъ.

— Вы злоупотребляете вашимъ положеніемъ, возразила Аделина, отталкивая бѣлую камелію и сисяя подавить свой гнѣвъ и выступавшія слезы.—Не оскорбляйте меня, удерживая мой цвѣтокъ.

— Что такое? спросилъ подошедшій къ нимъ господинъ де-Кастелла.— Ты, кажется, сердиться, Аделина.

— Я, кажется, навлекъ на себя немилость вашей дочери, пояснилъ баронъ, не скрывая евоей досады.— *Mademoiselle* сошла внизъ вотъ съ этимъ ничтожнымъ цвѣткомъ на груди! И она видитъ какое-то оскорбленіе въ томъ, что я предлагаю ей другой, болѣе ея достойный. *Ma foi!* Я тутъ ровно ничего не понимаю.

— И я также, отвѣчалъ господинъ де-Кастелла.— Возьми камелію, Аделина, прибавилъ онъ строго и холодно.— Ты должна быть выше капризовъ и кокетства.

Аделина, не противясь болѣе, взяла камелію, а баронъ съ наслажденіемъ сталъ обрывать лепестки ноготковъ. Аделина залилась слезами и выбѣжала на террасу. И все изъ-за ничтожныхъ французскихъ ноготковъ!

— Пускай ее выплачется на свободѣ, сказалъ господинъ де-Кастелла, удаляясь съ барономъ;— это ее образумитъ. Женское кокетство невообразимо. Всѣ женщины на одинъ покрой. И я, видно, ошибался въ своей дочери, считая ее исключеніемъ.

Вся въ слезахъ и волненіи, Аделина бросилась бѣжать по лугу. Плакать, конечно, было безразсудно, но въ ту минуту достаточно было самаго пустаго обстоятельства, чтобы лишить ее самообладанія. Занѣсколько минутъ передъ тѣмъ она принуждена была надѣть ненавистный браслетъ, выслушать извѣстіе о близости своего брака съ барономъ де-ла-Шассомъ, стоять подлѣ него, въ присутствіи цѣлаго общества, въ качествѣ его признанной невѣсты, и къ довершенію всего. Сентъ-Джонъ еще не являлся. Прижавшись головой къ дереву, она громко рыдала, не боясь чтобы кто-либо могъ ее тутъ услышать. Вдругъ до нея долетѣлъ звукъ чьихъ-то шаговъ, и она уже хотѣла было скрыться, когда узнала любимую походку. Онъ быстро шелъ по аллеѣ, и она поспѣшила выйдти ему на встрѣчу.

— Аделина! воскликнулъ онъ въ удивленіи.

Сдержанная на минуту слезы опять полились ручьемъ, она бросилась въ его объятія и еще громче зарыдала.

— О Аделина, что съ тобою! Что случилось? Успокойся, успокойся, жизнь моя! Я опять съ тобою, и что это за горе, котораго бы я не могъ разсѣять?

Встревоженный ея отчаяніемъ, онъ почти донесъ ее до ближайшей скамейки, усадилъ рядышкомъ съ собою, скло-

вилъ ея головку на свое плечо и вѣжно привлекалъ ее къ себѣ, не говоря ни слова, пока она не успокоилась.

Понемногу, она разказала ему все: и о браслетѣ, и объ угрозахъ матери насчетъ близкой свадьбы, — Аделинѣ слова эти казались *угрозами*, — и, наконецъ, о своей размолвкѣ съ барономъ. Но объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве она говорила весьма уклончиво.

— У меня былъ на груди простой цвѣтокъ, а онъ непременно хотѣлъ замѣнить его рѣдкою камеліей.

Аделина умолчала о томъ, что это былъ тотъ самый цвѣтокъ, который Сентъ-Джонъ далъ ей поутру; она охотнѣе бы увѣрила его въ противномъ, и только ставъ его женою, рѣшилась бы открыть ему вполнѣ свою страстную, безграничную любовь. Но онъ понялъ все; ему не нужно было словъ и увѣреній. И между тѣмъ, зная все это, зная какъ самая жизнь ея связана была съ его жизнью, какъ могъ онъ, спустя двѣ, три недѣли, дѣйствительно или притворно усомниться въ этой вѣрной, преданной любви?

— Аделина, сказалъ онъ, спокойно ходя взадъ и впередъ по узкой дорожкѣ, освѣщенной луною, между тѣмъ какъ она оставалась на скамейкѣ. — Я дурно поступилъ какъ въ отношеніи тебя и твоихъ родныхъ, такъ и въ отношеніи себя и де-ла-Шасса. Теперь я это вижу. Мнѣ слѣдовало объявить о своихъ намѣреніяхъ до пріѣзда его въ Бофуа. Завтра же я переговорю съ господиномъ де-Кастелла.

Она вздрогнула какъ будто на нее пахнуло холодомъ.

— Вспомни свое обѣщаніе, сказала она ему.

— Надо покончить, отвѣчалъ онъ, — я слышкомъ скоро поддался твоему желанію, быть-можетъ, потому что у меня были свои причины желать отсрочки. Но когда на тебя смотрятъ какъ на его будущую жену, обязанную принимать и носить его подарки, это молчаніе не должно болѣе длиться. Мы всѣ трое поставлены въ ложное положеніе, ты должна понимать это. Да къ тому же я не зналъ, что свадьбою такъ спѣшать.

— Завтра утромъ онъ увѣжаетъ, а съ его отъѣздомъ минуетъ ближайшая опасность, умоляла она. — Не торопись же произносить эти слова, которыя могутъ повести, которыя *неизбѣжно* поведутъ... къ нашей разлукѣ. Проведемъ еще недѣлю-другую въ размышленіи и... ну, да... и въ блаженствѣ.

— Я не понимаю, откуда берутся у тебя эти мрачныя

предчувствія, возразилъ онъ. — Почему ты думаешь, что мой разговоръ съ твоимъ отцомъ поведетъ къ разрыву. Повѣрь мнѣ, Аделина, что Сентъ-Джонъ не привыкъ получать отказъ на свои предложенія; они вступали въ союзъ съ благороднѣйшими фамиліями Англій.

— Ахъ, не объ этомъ говорю я, Фредерикъ, ты это очень хорошо знаешь!... Чу! вдругъ рошентала она вокакая съ своего мѣста и какъ бы собираясь бѣжать. — Чьи-то шаги приближаются къ намъ изъ дому. Что, если это папа или де-ла-Шассъ?

— Ну что жь? отвѣчалъ онъ, взявъ ее подъ руку и надменно выпрямляясь во весь ростъ, чтобы встрѣтить непрощенныхъ гостей. — Я имъ все объясню и докажу, что ты не дѣлаешь ничего дурнаго, оставаясь здѣсь со мною, потому что ты моя обрученная невѣста.

Но шаги эти, чьи бы они ни были, направились въ другую сторону, а влюбленная чета, болтая, добралась до береговъ миниатюрнаго озера. Ночь была свѣтлая, теплая, очаровательная. Легкія бѣлыя облачка скользили вокругъ луны; воздухъ, напоенный ароматами цвѣтовъ, нѣжилъ обоняніе своими душистыми струями, окрестная тишь заставила Аделину забыть свое горе.

— Отчего ты такъ поздно вернулся? спросила она. — Мнѣ казалось, что ты пріѣдешь гораздо раньше.

— Я ѣздилъ въ Одескъ.

— Въ Одескъ!

Онъ досталъ изъ кармана маленькую бумажку, въ которой завернуто было простое золотое кольцо. Потомъ сдѣлалъ знакъ Аделинѣ, чтобъ она сняла перчатку; та молча повиновалась; онъ сталъ надѣвать ей на палецъ кольцо, произнося, торжественныя слова:

— Обручаюсь съ тобой этимъ кольцомъ. Боготворю тебя всѣмъ существомъ моимъ; стану дѣлать съ тобою мои земныя блага, пока не разлучитъ насъ смерть: вотъ моя клятва въ вѣрности.

Аделина знала, что эти самыя слова съ небольшими измѣненіями произносятся при англійскомъ свадебномъ обрядѣ, потому что она не разъ слышала ихъ отъ Розы и другихъ подобныхъ ей болтушекъ. Въ голосѣ и манерахъ мистера Сентъ-Джона было вѣчто торжественное, наполнявшее ея душу неизвѣданнымъ доселѣ благоговѣніемъ. Отъ волненія

на глазахъ ея навернулись слезы, трепеть пробѣгалъ по всему тѣлу. Онъ не могъ бы сильнѣй растрогать ее, даже стоя предъ свѣтлыней алтара и клянясь ей въ вѣрности.

— Смотри же, Аделина, береги его и никому не позволяй снимать его, какъ я снялъ то кольцо. Съ нимъ ты будешь и вѣнчаться.

— Это не его кольцо? прошептала она, еще не вполнѣ отдавая себѣ отчетъ во всемъ случившемся, не то же самое?

— *Его!* Смотри сюда, Аделина!

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана другое кольцо, разломленное на двое, и бросилъ его въ воду.

— Вотъ куда его кольцо, Аделина. И пусть вмѣстѣ съ нимъ исчезнутъ и его притязанія!

— Такъ ты для этого ѣздилъ въ Одессу?

— Для этого.

Они повернули къ дому и шли довольно скоро, не желая продлить отсутствія Аделины, чтобъ оно не было замѣчено. Дѣйствительно, какъ ни долго могло оно показаться въ разказѣ, на дѣлѣ оно было весьма непродолжительно. Аделина еще не могла оправиться отъ своихъ опасеній.

— Еслибы можно было уговорить мамашу, чтобъ она временнола заказывать приданое! вдругъ воскликнула она, скорѣе въ отвѣтъ на свои собственные мысли нежели на слова Сентъ-Джона.

— Но я не вижу необходимости мѣшать ей въ этомъ?

Она съ удивленіемъ посмотрѣла ему въ лицо и уловила на немъ многозначительную улыбку, явно выступившую въ свѣтѣ мѣсяца.

— Развѣ не могутъ вещи, заказанныя для госпожи де-ла-Шассъ, пригодиться для мистрисъ Фредерикъ Сентъ-Джонъ?

— Ахъ.... во.... (и ея потупленное лицо загорѣлось яркимъ румянцемъ), пока еще ничего не нужно.... ни для кого.

— Неужели! А я думаю, что всѣ эти вещи весьма скоро понадобятся. Развѣ ты полагаешь, что мнѣ позволятъ увезти тебя на югъ безъ приданого? прибавилъ онъ смѣясь.

— Да я еще не ѣду на югъ, быстро проговорила она.

— Напротивъ, Аделина. Я надѣюсь, что мы проведемъ тамъ зиму.

— Но я теперь совершенно здорова.

— Знаю, что эта предосторожность почти излишняя. Тѣмъ не менѣе, я буду спокойнѣе. Милочка моя! сказалъ онъ, скло-

вившись надъ нею: — тебя не страшитъ мысль провести всю зиму наединѣ со мною?

Страшиться этой мысли! Да съ нимъ она была бы готова уйдти на край свѣта и на всю жизнь. Что такое отецъ, мать, родина, домашній очагъ въ сравненіи съ нимъ?

Въ ту минуту какъ они приближались къ открытой лужайкѣ, чья-то темная фигура перешла имъ дорогу. Аделина смутилась при мысли, что ее увидятъ одну съ мистеромъ Сентъ-Джонемъ. То былъ отецъ Маркъ, священникъ небольшой сосѣдней капеллы, духовникъ семейства де-Кастелла, достойный и благочестивый человѣкъ. Онъ повернулъ голову и взглянулъ на Аделину, но сказалъ только: „*bonsoir mon enfant,*“ и снялъ шляпу мистеру Сентъ-Джону. Мистеръ Сентъ-Джонъ молча приподнялъ свою, а Аделина, словно кающаяся грѣшница, низко потупилась, пробормотавъ въ отвѣтъ:

— *Bonsoir, mon père.*

Потомъ она проскользнула въ домъ черезъ боковую дверь, чтобы прямо пройти въ свою комнату и смыть съ своего лица слѣды слезъ. Между тѣмъ, мистеръ Сентъ-Джонъ обошелъ кругомъ къ главному подъѣзду и поднялъ такой звонъ на парадной лѣстницѣ, что подюжины лакеевъ опрометью кинулись отворять ему.

Стоя подлѣ него въ этотъ вечеръ въ блестящемъ бальномъ залѣ, видя восторгъ, который невольно возбуждалъ онъ во многихъ, и то дружеское вниманіе, съ которымъ относились къ нему ея отецъ и мать; думая объ его аристократическомъ происхожденіи и связяхъ, о богатствѣ и положеніи, которыя должны были достаться ему въ будущемъ, Аделина почти пришла къ той мысли, что предложеніе такого человѣка какъ Сентъ-Джонъ не могло быть отвергнуто ея отцомъ.

Но баронъ замѣтилъ, что она бросила бѣлую камелію. „*Ah petite coquette!*“ подумалъ онъ снисходительно. Французская голова барона де-ла-Шасса никакъ не виѣцала той мысли, что обѣщанная ему молодая особа можетъ мечтать о замужествѣ съ другимъ.

III. Растравленная ревность.

По сѣрымъ стѣнамъ замка Бофуа лѣниво скользили отблескъ заката. Г-нъ и г-жа де-Кастелла, старая г-жа де-Бофуа и тетюшка Агнеса играли въ вистъ въ западной гостиной, окна которой растворены были на террасу, гдѣ пріютилась молодежь подъ сѣнью полосатой зеленой драпировки, опущенной надъ колоннадой. Аделина и Мери Карръ распутывали мотки шелку, въ рабочемъ ящикѣ изъ слововой кости; а Роза Дарлингъ порхала между тропическими растеніями, причемъ въ роскошныхъ волосахъ ея то и дѣло перебѣгали струйки золота отъ случайно-падавшихъ лучей солнца. Она явно кокетничала съ мистеромъ Сентъ-Джономъ и начинала сердиться, потому что онъ дразнилъ ее.

— Что жь, вы написали сегодня въ Англію насчетъ романа? спросила она. — Ахъ, ужь не отвѣчайте, вижу, что забыли.

— Нѣтъ, не писалъ, отвѣчалъ мистеръ Сентъ-Джонъ, — но не потому чтобы забылъ. Вы еще не разучили и того романа, который я выписалъ для васъ.

— Пѣла-пѣла, даже наскучило, противорѣчила Роза.

— Но не при мнѣ.

— Я увѣрена, что если вы и повинны въ какихъ-нибудь письмахъ, то всѣ они посылаются лишь къ одной особѣ, продолжала Роза. — Гдѣ же вамъ помнитъ о другихъ дѣлахъ.

— Неужели! Къ кому же это?

— Теперь я не намѣрена облачать васъ, сказала она, взглянувъ на Аделину. — Я хочу быть сострадательною.

— Не трудитесь дарить меня вашимъ состраданіемъ, *ma belle*, отвѣчалъ мистеръ Сентъ-Джонъ презрительно-насмѣшливымъ тономъ: — я не приму этого дара.

— Состраданіе къ вамъ, мистеръ Сентъ-Джонъ! Много чести. Я разумѣла не васъ.

Аделина бросила ей быстрый, смущенный взглядъ.

— Вы секретничаете, Роза, сказалъ онъ смѣясь.

— Да. Но я могла бы разказать многое, еслибы захотѣла.

— Я не боюсь, отвѣчалъ мистеръ Сентъ-Джонъ. — Говорите.

— Вы сами знаете, что въ Англіи есть одна особа, которая пользуется исключительнымъ правомъ получать отъ васъ письма, не говоря уже о томъ что вы спите и видите ее.

— Роза! воскликнула Мери Карръ, смутно понимая ея намеки. — Какъ вамъ не стыдно болтать такой вздоръ мистеру Сентъ-Джову?

— Онъ самъ напросился. Вѣдь онъ знаетъ, что это правда. Посмотрите на его лицо, дерзко продолжала она.

— Единственная женщина въ Англіи, которую я удостоиваю своею перепиской, сказалъ онъ серьезно нежели говорилъ до сихъ поръ,—это мистрисъ Сентъ-Джовъ.

— Очень близко къ правдѣ, но не совсѣмъ, воскликнула досадная дѣвчонка.—Покаместъ она еще только *будущая* мистрисъ Сентъ-Джовъ.

Сердце Аделины какъ-то странно и порывисто сжалось. Продолжала ли бы Роза, еслибъ она знала это? Догадался ли объ этомъ мистеръ Сентъ-Джовъ?

— Я разумѣлъ мою мать, Роза, сказалъ онъ. — Она единственная женщина, которая имѣетъ право на мои письма и получаетъ ихъ.

— Честное слово? спросила Роза.

— Честное слово, повторилъ мистеръ Сентъ-Джовъ:— слово ея единственного сына.

— Можно же вамъ вѣрить послѣ этого! воскликнула Роза.— Неужели вы станете отпѣкиваться, что въ Англіи есть особа, имѣющая всѣ права на ваши письма, хотя бы она ихъ и не получала? Особа прекраснѣйшей мечты художника, и за которою вы гонялись какъ тѣнь въ продолженіе многихъ, многихъ мѣсяцевъ и, быть-можетъ, лѣтъ?

— Ба, Роза! оказалъ онъ съ гордою, насмѣшливою улыбкой:—вы, кажется, начинаете восторгаться.

— Хотите, я сейчасъ назову по имени даму его сердца? спросила Роза съ торжествующимъ, веселымъ лицомъ.—Мери Карръ уже знаетъ ее.

— Вы съ ума сошли! съ жаромъ воскликнула Мери Карръ.— Пожалуйста, не воображайте, что мы повѣримъ вашимъ сказкамъ.

— Назвать? назвать? повторяла Роза, не уступая своей позиціи и не теряя самообладанія.

— Да, назовите, равнодушно сказалъ мистеръ Сентъ-Джовъ. Могъ ли онъ подозрѣвать, что она знала такъ много?

— Назовите, повторила Аделина, но эти слова не столько можно было разслышать, сколько понять по движению ея блѣдныхъ губъ.

— Сара Боклеркъ!

Минутное удивленіе пробѣжало по лицу мистера Сентъ-Джона и снова исчезло. *Аделина видѣла это*: съ той безумно-горькой минуты мучительная тоска змѣей обвилась вокругъ ея сердца и поселилась въ немъ на вѣки.

— Вы ошибаетесь, Роза, равнодушно сказалъ мистеръ Сентъ-Джонъ.

— Неужели? Стало-быть весь свѣтъ ошибался, утверждая, что честь обладавія рукою мистера Сентъ-Джона выпадеть на долю Сары Боклеркъ.

— Конечно свѣтъ ошибался, если только онъ утверждалъ это. А это могло бы стать лишь въ томъ случаѣ, еслибъ онъ былъ населенъ одними Розами Дарлингъ.

— Глядите, воскликнула Роза, срывая его носовой платокъ съ позолоченной клѣтки, на которую онъ набросилъ его, чтобы защитить сидѣвшую въ ней красивую птицу отъ лучей заходящаго солнца. — Глядите, его имя — Фредерикъ Сентъ-Джонъ, вышитое волосами.

Какъ нарочно, это былъ тотъ самый носовой платокъ, который Мери подяла въ мастерской во время ихъ перваго визита на мызу. Безпечная Роза болтала безъ умолку, не заботясь о производимомъ ею впечатлѣніи, между тѣмъ какъ Аделина ловила каждое ея слово.

— Это *я* работа, я совершенно въ этомъ увѣрена. Посмотрите какое чудное шитье! Какъ отчетливо сдѣланы зубчики герба. И волосы эти *я*, Сары Боклеркъ.

Предположеніе Розы ни на чемъ не основывалось, но она и не думала объ этомъ. При ея настоящемъ настроеніи духа она готова была утверждать все что угодно. Весьма возможно, — не то чтобы вѣроятно, а только возможно, — что сказавъ это, она случайно попала на истину. Мистеръ Сентъ-Джонъ, ничего не отрицая, оставался совершенно равнодушнымъ, а она въ припадкѣ неугомонной веселости неудержимо продолжала болтать.

— Это его любимый носовой платокъ, ужъ я не разъ это замѣчала; на другихъ мѣтки сдѣланы чернилами, а этотъ платокъ не только вышить ея рукой, но даже и подарить ею. Оставьте его, мистеръ Сентъ-Джонъ: я покажу его всей ком-

паня, если мнѣ вздумается. Подарокъ многозначительный отъ такой очаровательной дѣвушки! Не правда ли? Но вѣдь это извѣстно, что она была безъ ума отъ него. И онъ тогда платилъ ей взаимностію: вѣчно бывало сидить у декана. Не знаю какъ теперь, прибавила она послѣ небольшого молчанія, бросивъ значительный взглядъ на Аделину; потомъ, дерзко посмотрѣвъ на мистера Сентъ-Джона, она запѣла своимъ звучнымъ, роскошнымъ голосомъ на мотивъ собственнаго сочиненія:

„Прежде чѣмъ новой вѣзкобѣ отдаться
Пріятно покончить всѣ счеты съ прошедшей.“

Аделина встала и твердымъ шагомъ молча вышла въ гостиную: какія глубокія страданія скрываетъ иногда спокойная наружность; но мистеръ Сентъ-Джонъ ничего не подозрѣвалъ.

— Роза, сказалъ онъ, цитируя одно извѣстное французское изреченіе, — *vous aimez bien à rire, mais rien n'est beau que le vrai.*

— Ахъ, отвѣчала она другимъ изреченіемъ, — *ce n'est pas être bien aise que de rire.*

И это была едва ли не величайшая истина, сказанная ею во весь вечеръ.

Аделина сохранила наружное спокойствіе въ гостиной, но что-за безумное отчаяніе овладѣло ея душой, когда, вернувшись къ себѣ въ комнату, она упала къ изголовью постели. Въ одну минуту выстрадать такъ много и не умереть! Разказъ этотъ не вымыселъ: я описываю здѣсь одну изъ тѣхъ чувствительныхъ натуръ, которымъ суждено страдать и переносить удары судьбы. Отдать всю свою любовь одному человѣку, сдѣлать его своимъ кумиромъ, пожертвовать ему своими лучшими привязанностями, и вдругъ узнать, что есть на свѣтѣ женщина, которой уже принадлежала его любовь, которая уже выслушивала его клятвы!

Мечты, поддерживавшія Аделину въ продолженіе этихъ мѣсяцевъ, если и не разлетѣлись въ прахъ, то совершенно утратили свой прежній радужный колоритъ. Змѣя сомнѣнія вползла въ ея сердце: демонъ ревности овладѣлъ имъ навсегда.

Конечно, благодаря мужественной красотѣ и рѣдкимъ умственнымъ способностямъ, Фредерикъ Сентъ-Джонъ приваа-

лежалъ къ числу немногихъ бадовней судьбы. Аделинѣ казалось, что весь міръ могъ, не красѣя, обожать его. Онъ обратилъ ея жизнь въ элизіумъ, описанный поэтами, и вдругъ она узнаетъ, что онъ любитъ или любилъ другую. Подобно свѣжной лавинѣ, которая, сорвавшись съ Альповъ, засыпаетъ собою злополучнаго путешественника, обрушились на ея сердце эти вѣсти и смяли его.

Насилу прояснивъ свое чело, Аделина де-Кастелла сошла внизъ. Она не считала времени, но судя по вечернимъ сумеркамъ, отсутствіе ея продолжалось около часу, такъ что Роза спросила, ужь не схоронили ли ее гдѣ-нибудь.

Вслѣдъ за Аделиной на террасу, гдѣ собралось теперь все общество, явился и старый Испанецъ Сильва, держа въ рукѣ письмо на имя мистера Сентъ-Джона. Зловѣщія слова: „безотлагательно нужно“ заставили госпожу Баретъ какъ можно скорѣе препроводить его въ замокъ.

— Отвѣтъ нуженъ? спросилъ онъ.

— Señor, sí.

— Хорошо, сказалъ онъ и отошелъ въ сторону.

— Вы, вѣрно, получили неприятныя извѣстія! воскликнула госпожа де-Кастелла, когда онъ снова вернулся къ нимъ.

— Да, сказалъ онъ, едва сдерживая свое волненіе.—Я долженъ немедленно ѣхать въ Англію.

Хорошо, что сумерки уже сгущались, иначе всѣ замѣтили бы испугъ Аделины и страшную блѣдность ея лица.

Мистеръ Сентъ-Джонъ далъ имъ прочесть письмо. Бѣдственная случайность постигла его мать. Карету ея повесли лошади. Въ испугъ она отворила дверку и соскочила на землю, вслѣдствіе чего доктора опасались потрясенія мозга.

— Какъ, вы уже ѣдете? воскликнулъ господинъ де-Кастелла, когда Сентъ-Джонъ протянулъ ему руку.

— Да. Мнѣ каждая минута дорога, чтобы не опоздать.

И онъ скрылся, церемонно простившись съ Аделиной, какъ и со всѣмъ остальнымъ обществомъ. Ни время, ни мѣсто не позволяли ему проститься съ нею наединѣ, такъ, какъ бы ему хотѣлось.

— Я не стала бы сердить его, еслибы предвидѣла это, навѣрно сказала Роза, оставшись на террасѣ съ Аделиной.

— А вы развѣ разсердили его?

— Кажется, невозможно. А онъ въ другой разъ не вызывай меня на это.

Перегнувшись через балюстраду, Аделина смотрѣла и прислушивалась, но не видала ничего. На языкѣ у нея вертѣлся тягостный вопросъ; а бѣдное, чувствительное сердечко ея—о, какъ неспособно оно было переносить житейскія невзгоды!—билось такъ сильно, что она принуждена была переждать прежде чѣмъ предложить свой вопросъ Розѣ.

— Вѣдь это все не правда, что вы говорили, Роза, да?

— А что я такое говорила? отвѣчала Роза, мысли которой, благодаря ея беззаботности, перенеслись уже на другіе предметы.

— Что онъ любилъ... какъ бишь ея имя?... Сару Боклеркъ.

Что за прелесть эта притворная забывчивость: какъ бишь ея имя! Какъ будто это имя не врѣзалось въ ея мозгу огненными буквами, съ той минуты какъ оно было произнесено Розой!

Роза отвѣчала подъ впечатлѣніемъ минуты:

— Я сказала сущую правду, Аделина. И онъ самъ знаетъ, что это правда. Я такъ же мало сомнѣваюсь въ томъ, что онъ любилъ ее, какъ и въ томъ, что мы стоимъ на этомъ мѣстѣ. Говорятъ, что она давно была бы его женой, еслибы не разрывъ, происшедшій между имъ и его братомъ. Онъ не можетъ жениться на ней, пока мѣсть долги его не будутъ уплачены, и вѣроятно преспокойно выжидаетъ этого времени. Послушали бы вы что говорить объ этомъ Маргарита: она многое поразказала мнѣ передъ отъѣздомъ моимъ сюда.

Бѣдное, разбитое сердце снова затрепетало.

— Вы говорите, она не дурна собою?

— Не дурна!.. Она красавица! Одна изъ очаровательнѣйшихъ дѣвушекъ въ свѣтѣ: прекрасное, гордое лицо, какъ у него самого. Джорджина Боклеркъ также очень хороша собою, но она ничто въ сравненіи съ ней.

Слушая эти похвалы своей соперницѣ, Аделина готова была заплакать съ отчаянія; но ей удалось кое-какъ овладѣть своимъ голосомъ, и она довольно твердо спросила:

— А кто это Джорджина Боклеркъ?

— Это ея двоюродная сестра. Дочь декана Вестерберітскаго, а Вестербері, какъ вамъ извѣстно, родина Фреда Сентъ-Джона. Сара, племянница декана, дочь его брата, генерала Боклерка. Мать ея, леди Сара, умерла, и съ тѣхъ поръ она живетъ у леди. По связямъ и даже по состоянію она можетъ быть весьма хорошею партіей для Сентъ-Джона.

— А по чувствамъ?...

Розу поразило какое-то особенное дрожаніе въ голосѣ Аделины. Она посмотрѣла ей прямо въ лицо.

— Судя по тому что слышала, я совершенно готова вѣрить, что между ними была любовь, отвѣчала Роза.—Можетъ-быть, и теперь есть. Право, я говорю это не съ дурнымъ намѣреніемъ, Аделина, но потому что вамъ не мѣшаетъ знать истину. Несмотря на мою обыкновенную беззаботность и необдуманность, я могу иногда быть серіозною, именно теперь я говорю не шутя. Вы знаете какъ онъ пріятель въ обществѣ, за всѣми ухаживаетъ,—это обыкновенное свойство подобныхъ ему любезниковъ, но я совершенно убѣждена, что онъ любилъ Сару Боклеркъ.

Съ этими словами Роза вошла въ комнату. Намѣренія ея дѣйствительно были добрыя. Полагая, что Аделина готовилась полюбить Фредерика Сентъ-Джона, несмотря на слово данное ею барону, она хотѣла въ-время предостеречь ее дружескимъ замѣчаніемъ. Роза и не подозрѣвала какъ далеко зашло у нихъ дѣло.

Прошелъ часъ. Всѣ, за исключеніемъ Аделины, собрались въ комнату, гдѣ уже поданы были свѣчи. Одни играли въ шахматы, другіе въ ѳкарте, третьи разказывали только-что вошедшему отцу Марку о причинѣ неожиданнаго отъѣзда молодого Англичанина. Роза сидѣла въ это время за фортепіано, тихо напѣвая англійскіе мотивы. „Сладкій голосокъ“, говаривала старая госпожа де-Бофуа и никогда не могла наслушаться этихъ старинныхъ пѣсенъ своей родины.

Аделина продолжала стоять на террасѣ, опираясь на балюстраду и, повидимому, вглядываясь во мракъ. Еслибы госпожа де-Кастелла замѣтила ея отсутствіе, она давно позвала бы ее въ комнату, боясь ночной прохлады.

„О Милордъ, берегитесь ревности!
Это зеленоглазое чудовище
Само нарождаетъ для себя пищу.“*

Никогда не высказывалъ великій знатокъ чловѣческаго сердца болѣе великой истины, болѣе необходимаго предостереженія. И какъ напрасно! Хорошо намъ смѣяться теперь надъ тѣми „пустяками“, которые нѣкогда вводили насъ въ

* Слова Яго (Отелло, актъ III).

заблужденіе; но въ то время мы не смѣялись. Известно, что ревность обуславливается страшною любовью: кто станетъ оспаривать это? Любовь въ высшей степени требовательна. Кумиръ ея долженъ быть глухъ и слѣпъ къ совершенствамъ другой женщины. Чуть замѣтная тѣнь подозрѣнія возбуждаетъ ревность; чего же можно было ожидать теперь, когда факты и подробности были осязательны, какъ, напримѣръ, въ разказѣ Розы? Они возбудили самыя изысканныя пытки развѣдающей страсти; нѣтъ сомнѣнія, что она жестоко разыгралась въ сердцѣ Аделины. Нельзя сказать, чтобъ Аделина безусловно повѣрила всему: намекъ на возможность его брака съ Сарою Боклеркъ безъ слѣда скользнулъ по ея слуху. Она была слишкомъ увѣрена въ его благородствѣ, чтобы хотя на минуту усомниться въ томъ, что онъ не сталъ бы предлагать ей свою руку, еслибы былъ связанъ другимъ обѣщаніемъ. Но Аделина была убѣждена, что нѣкогда онъ страстно любилъ эту дѣвушку, и она стояла, предаваясь этимъ горькимъ мыслямъ и спрашивая себя, долго ли останется онъ въ Англии, и часто ли онъ будетъ встрѣчать тамъ ея прекрасную соперницу. Уже одно то обстоятельство, что онъ уѣхалъ не сказавъ ей ни одного нѣжнаго слова на прощанье, казалось ей зловѣщимъ предзнаменованіемъ.

Но что это двигается въ отдаленіи? Кто выходитъ такими быстрыми шагами изъ-за темныхъ деревьевъ? Ахъ! безумно забывшееся сердце уже подсказало ей кто это, прежде чѣмъ выяснилась фигура на блѣдной полосѣ свѣта! То былъ онъ, онъ, съ кѣмъ, казалось, она простилась на вѣки. Охватившая ее радость была такъ сильна, что на минуту заглушила всю горечь сомнѣнія. Переодѣтый въ дорожное платье, онъ шелъ легкими, неслышными шагами по лужайкѣ, и еще легче взбѣжалъ на террасу.

— Какое счастье, что ты здѣсь, Аделина! прошепталъ онъ.— Я не могъ уѣхать, не попытавшись увидеть тебя, хотя и сомнѣвался чтобъ это мнѣ удалось.

Зволнованная, дрожащая, Аделина въ смущеніи пробормотала нѣсколько словъ о томъ, что онъ теряетъ время.

— Нѣтъ, перерывъ ее мистеръ Сентъ-Джонъ,—я былъ бы повиненъ въ чудовищной неблагодарности, которой не испыало бы никакое позднѣйшее раскаяніе, еслибы терялъ хоть одну драгоценную минуту. Кто знаетъ, быть-можетъ, я

пріѣду лишь для того, чтобы получить послѣднее благословеніе моей умирающей матери, быть-можетъ, я пріѣду и найду ее.... Онъ вдругъ остановился и послѣ минутнаго молчанія продолжалъ: — Собственно мои дорожные сборы были скоро кончены; но гораздо труднѣе было найти способъ къ перѣѣзду въ Одескъ. Такъ обыкновенно случается въ подобныхъ обстоятельствахъ: рессорная карета, — другаго экипажа у меня подъ рукой нѣтъ, — уступлена была на нынѣшній день фермеру Пишону. Баретъ отправилась выручать ее и пріѣдетъ въ ней прямо сюда, такъ какъ это по дорогѣ. Ты видишь, стало-быть, что я не теряю ни одной минуты. Мы ставемъ первый поѣздъ. Чтѣ ты такъ дрожишь, моя милая? спросилъ онъ, когда рука ея задрожала въ его рукѣ. — Не озябла ли ты?

Озябла! Но многіе муцины сдѣлали бы тотъ же вопросъ.

— Теперь, Аделина, поговоримъ серіозно. Долженъ ли я сдѣлать письменное предложеніе господину де-Кастелла, или мнѣ оставить это до моего возвращенія?

— О, погоди, погоди, умоляю тебя! упрасивала она.

— Я самъ бы желалъ этого, сказалъ мистеръ Сентъ-Джонъ; — я чувствую, что во время этого объясненія мнѣ нужно будетъ поддерживать тебя своимъ присутствіемъ. Но если обстоятельства задержать меня долѣе нежели я желалъ бы, тогда, Аделина, мнѣ не останется другаго выбора: скоро начнутся дѣятельныя приготовленія къ твоей свадьбѣ, и я необходимо долженъ буду объясниться.

Она припала головой къ его рукѣ и зарыдала.

— Ободришь, прошепталъ онъ. — Вѣдь я говорю о самомъ дурномъ исходѣ; но всего вѣроятнѣе, что черезъ нѣсколько дней я опять буду здѣсь. Пиши мнѣ каждый день, Аделина, ничего не утаивая, чтобы я могъ судить, сколько времени можно мнѣ быть въ отсутствіи. По дорогѣ сюда, мнѣ пришло въ голову, что гораздо лучше было бы пересылать тебѣ мои письма на имя Розы или Мери. Ты знаешь, что я говорю это не для себя, — я гордился бы правомъ писать къ тебѣ открыто, — но твое спокойствіе для меня дороже всего. Если я буду адресовать свои письма прямо на твое имя, это можетъ подать поводъ къ объясненіямъ до моего возвращенія сюда.

„Постоянная забота о ней!“ — Ея сердце забилось благодарностью.

— На имя Мери Карръ, сказала она.

— Теперь мы должны разстаться, прошепталъ онъ, заслышавъ издали легкій стукъ кареты.— Вотъ мнѣ сигналъ. Карета сейчасъ будетъ здѣсь.

— Не правда ли, ты тотчасъ же вернешься, какъ скоро будешь свободенъ? со вздохомъ спросила она.

— Конечно, не теряя ни минуты. Нужно ли спрашивать объ этомъ, Аделина?

Онъ привлекъ ее къ своему сердцу, и горькія слезы ручьемъ потекли по ея щекамъ.

— Богъ да благословитъ и да сохранить тебя до моего возвращенія, жизнь моя, дорогая моя, единственная моя любовь!

И когда онъ скрылся, Аделина въ недоумѣніи спрашивала себя, пылая румянцемъ, дѣйствительно ли она не отвѣчала на этотъ послѣдній, долгій, прощальный поцѣлуй, который онъ напечатлѣлъ на ея устахъ.

Въ продолженіи этого неожиданнаго и кратковременнаго свиданія она позабыла о Сарѣ Боклеркъ.

На другой день по отъѣздѣ мистера Сентъ-Джона, когда всѣ еще сидѣли за столомъ, Сильва подавъ письма, между которыми были два письма изъ Англіи, запечатанныя, по выраженію Розы Дарлингъ, гербами всѣхъ Сентъ-Джоновъ. Одно изъ нихъ адресовано было госпожѣ де-Кастелла, другое миссъ Карръ.

Мери посмотрѣла на него съ невыразимымъ удивленіемъ. Дѣло въ томъ, что не ожидая извѣстія отъ мистера Сентъ-Джона ранѣе слѣдующаго дня, Аделина, по свойственной ей застѣчивости, откладывала до послѣдней минуты свое объясненіе съ Мери Карръ.

— Что это мистеру Сентъ-Джону вздумалось писать ко мнѣ? воскликнула Мери. Но Аделина, сидѣвшая съ ней рядомъ, пропустила свою руку подъ скатерть и судорожно сжала ея колѣно.

Общій смѣхъ былъ отвѣтомъ на это замѣчаніе. Многимъ въ первый разъ только пришло въ голову, что мистеръ Сентъ-Джонъ заинтересованъ миссъ Карръ.

— Читайте ваше письмо безъ церемоніи, моя милая, сказала Агнеса де-Бофуа. — Вы здѣсь какъ дома.

Мери Карръ подняла-было руку чтобы сломать печать, но Аделина еще сильнѣе сжала ея колѣно. Тогда Мери, смутно

догадываясь въ чемъ дѣло, положила письмо около своей десертной тарелки.

— Отчего же вы не распечатываете его, Мери Карр? нетерпѣливо повторила Роза.

— Не хочу, сказала миссъ Карр полушутя, полусерьезно.— Тутъ могутъ быть секреты, которые я не желала бы читать при всѣхъ.

Роза, любопытство которой было сильно возбуждено, охотно бы дала ей въ эту минуту пощечину.

— Мистеръ Сентъ-Джонъ пишетъ, что матери его лучше, сказала госпожа де-Кастелла.— Ушибъ гораздо легче нежели полагали. Онъ надѣется съ слѣдующею же почтой извѣстить насъ о ея полномъ выздоровленіи.

— Мнѣ кажется, письмо это не ко мнѣ, Аделина, воскликнула Мери Карр, когда онѣ остались вдвоемъ.

— Вы можете распечатать его, робко отвѣчала Аделина.— Быть-можетъ,—я полагаю,—что тутъ приложено другое письмо ко мнѣ.

Мери Карр распечатала конвертъ. Онъ заключалъ въ себѣ нѣсколько вѣжливыхъ строкъ отъ мистера Сентъ-Джона, который просилъ ее передать, при удобномъ случаѣ, прилагаемое письмо Аделинѣ.

— Видите, до чего дошло? прошептала ей Аделина.

— Я давно это замѣчала, Аделина.

Аделина ушла въ свою комнату и заперлась на ключъ, чтобы на свободѣ прочитать письмо. То было длинное посланіе, отличавшееся, впрочемъ, несравненно бѣльшимъ смысломъ отъ обыкновенныхъ любовныхъ посланій. Мистеръ Сентъ-Джонъ не могъ выразиться иначе; но зато въ его письмѣ проглядывало столько страстной вѣжливости, что ею могла бы удовлетвориться даже Аделина, еслибы не горькія сомнѣнія, возбужденныя въ ея душѣ Розой въ этотъ роковой вечеръ. Они всюду ее преслѣдовали. Съ тѣхъ поръ ни днемъ, ни ночью она не знала ни минуты покоя или счастья; невѣрный Фредерикъ Сентъ-Джонъ постоянно грезился ей въ объятіяхъ другой женщины. Сара Боклеркъ получила въ ея воображеніи даже „осязательныя формы“. На другой день послѣ отъѣзда Сентъ-Джона, когда она передвигалась съ своими подругами прошлогодніе нумера *Альбола Красавицъ*, Роза внезапно воскликнула, указывая на одну изъ картинокъ:

— Вотъ это точь-въ-точь Сара Боклеркъ!

— Ваша вчерашняя сказка, Роза, совершенная бессмыслица! воскликнула Аделина съ отчаяннымъ усиленіемъ говорить спокойно.

— Она не только имѣетъ смыслъ, но вдобавокъ истинная правда, возразила Роза.

— Ну, вѣтъ, не совсѣмъ, сказала Мери Карръ. — Это была не любовь, а простое волокитство, Роза.

— Очень можетъ быть, поддакнула вѣтреная Роза. — Какъ привлекательный молодой человекъ, мистеръ Фредерикъ Сентъ-Джонъ порхаетъ себѣ мотылькомъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, лобзая каждый и не останавливаясь ни на одномъ.

И чтобы придать болѣе вѣса своей безпечной болтовнѣ, она продекламовала начальныя строки одной старинной пѣсни, нѣкогда бывшей въ большомъ ходу въ пансіонѣ M-me de-Nino:

Возмъ бы взялъ нашъ мотылецекъ
Только въ славухѣ изъязъ:
День-деньской на солнцѣ вьется,—
Расписной на немъ кафталъ.
Дома женушку оставить
Подъ шатромъ листьвы густой;
Самъ по цвѣтикамъ, цѣлуясь,
Кружить ровню холостой.

Аделина долго смотрѣла на картинку. То было прекрасное, молодое лицо съ очаровательнымъ выраженіемъ невинности и въ то же время гордости. Впрочемъ, ни одинъ безпристрастный наблюдатель не предпочелъ бы его ея собственному лицу; но такъ велика ослѣпляющая сила ревности, что она преувеличила въ ея глазахъ прелести этого мнимаго портрета и придала ему нѣчто больше обыкновенной миловидности. Быть-можетъ, эта картинка едва напоминала собой молодую дѣвушку, о которой говорила Роза; но что за дѣло! Для Аделины то была Сара Боклеркъ, и съ этой минуты образъ этотъ неизгладимо врѣзался въ ея воображеніи какъ образъ ея счастливой соперницы. А между тѣмъ она вѣрила въ мистера Сентъ-Джона и знала что онъ искалъ ея собственной руки! Истинно несослѣдимы пути, по которымъ пробираются въ сердце сомнѣнія ревности!

Наконецъ, изнемогая отъ нестерпимой тоски и ожиданія,

она рѣшилась въ одномъ изъ своихъ писемъ намекнуть ему на его прежнюю короткость съ Сарою Боклеркъ. Отвѣтъ его для всѣхъ, кромѣ Адсаины, остался тайной; но что онъ разсѣялъ ея ревность, это можно было заключить изъ того, что съ тѣхъ поръ лицо ея снова просіяло.

Между тѣмъ мистеръ Сентъ-Джонъ оставался въ Лондонѣ, у постели своей больной матери. Опасность миновала, и въ сущности самое паденіе не было такъ сильно, какъ сначала предполагали. Леди Анна Сэвилль также находилась при ней. Исаакъ Сентъ-Джонъ лежалъ больной въ замкѣ Веферъ. До возвращенія своего во Францію Фредерикъ намѣренъ былъ посѣтить своего брата, чтобъ испросить согласіе на предлагаемый имъ бракъ съ Аделиной де-Кастелла. Но этому визиту не суждено было осуществиться.

Однажды послѣ обѣда обитатели замка де-Бофуа удивлены были неожиданнымъ прїездомъ барона де-ла-Шасса. Желая посоветоваться съ господиномъ де-Кастелла о какомъ-то важномъ дѣлѣ, онъ объявилъ, что вмѣсто письма предпочелъ явиться самъ. Всѣ присутствующіе выразили ему на этотъ счетъ свое удовольствіе, кромѣ Адсаины, которая была внѣ себя отъ изумленія, ужаса и отчаянія. Въ тотъ же вечеръ, ложась спать, она написала объ этомъ мистеру Сентъ-Джону.

IV. Хоть на ножи.

Дня два спустя, все общество сидѣло вечеромъ въ биллиардной передъ тѣмъ какъ разойтись по спальнямъ. Ночь была душная, но сильный вѣтеръ, дувшій въ открытыя окна, колебалъ пламя свѣчей и заставлялъ ихъ оплывать. Было уже около одиннадцати часовъ вечера, игра затаянулась, потому что баронъ игралъ медленно и обдуманно. Вдругъ дверь неожиданно отворилась, и въ комнату вошелъ мистеръ Сентъ-Джонъ. Аделина вскочила съ своего мѣста, едва сдерживая невольное восклицаніе; она никакъ не воображала, что онъ вернется такъ скоро. Письмо ея, повидимому, застало его на сборахъ въ замокъ Веферъ; вмѣсто того, онъ немедленно повернулъ на континентъ.

Какъ онъ поправился, похорошѣлъ. Всѣ замѣтили это, несмотря на то что онъ былъ въ дорожномъ платьѣ. Можно

ли было порицать Аделину за то, что она его любила? Со всѣхъ сторонъ посыпались на него вопросы о здоровьи мистрисъ Сентъ-Джонъ. Онъ отвѣчалъ, что она въ всякой опасности и уже выздоравливаетъ.

— Смѣю ли я просить васъ, сэръ, чтобы вы удѣлили мнѣ завтра утромъ полчаса времени для разговора, громко сказалъ онъ, обращаясь къ господину де-Кастелла, такъ что всѣ могли его слышать.

— Конечно, отвѣчалъ господинъ де-Кастелла, и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Сентъ-Джона.

— Въ которомъ часу, сэръ?

— Когда вамъ угодно. Выбирайте сами время.

— Въ такомъ случаѣ, въ десять часовъ, заключилъ мистеръ Сентъ-Джонъ и сталъ прощаться.

Выходя изъ комнаты, онъ вѣжно пожалъ руку Аделины, и хорошо сдѣлалъ, потому что сердце ея громко билось, когда онъ говорилъ съ ея отцомъ. Она удалилась въ свою комнату, но не для того чтобы предаться отдыху: тревожное ожиданіе грядущаго дня далеко гнало отъ нея сонъ. И несмотря на томительную отерочку, на страхъ неизвѣстнаго, но близкаго будущаго, на ужасныя сомнѣнія и терзанія, вызываемыя образомъ Сары Боклеркъ, въ душѣ ея блеснулъ радостный лучъ солнца: онъ опять былъ съ нею. Она снова слышала его обожаемый голосъ, снова чувствовала пожатіе его руки, и міръ опять сталъ для нея раемъ, хотя и былъ пока еще подкрашенъ тѣмъ ненавистно-рыжимъ цвѣтомъ.

На другой день, въ десять часовъ утра, мистеръ Сентъ-Джонъ явился въ замокъ. Розѣ онъ принесъ свертокъ нотъ, а Мери Карръ прелестный письменный приборъ, вѣроятно, въ благодарность за услугу, которую она оказала ему и Аделинѣ. Впрочемъ, онъ не сдѣлалъ ей ни малѣйшаго намека и прямо прошелъ въ кабинетъ господина де-Кастелла.

Свиданіе длилось цѣлый часъ, въ продолженіе котораго Аделина находилась въ совершенной неизвѣстности. Она не могла оставаться на одномъ мѣстѣ, и то всходила на верхъ, то спускалась внизъ. Чуть ли не въ сотый разъ проходила она черезъ залу, когда дверь кабинета отворилась, и въ ней показадся мистеръ Сентъ-Джонъ. Онъ схватилъ ее за руку и увелъ въ желтую гостиную. Она дрожала съ головы

до ногъ, какъ наканунѣ его отъѣзда въ Англію. Въ первый разъ послѣ его возвращенія находились они наединѣ. Онъ вѣжно поцѣловалъ ее и прижалъ къ своему сердцу.

— Ты вѣрно принесъ мнѣ дурныя вѣсти! произнесла она наконецъ.—Мы должны разстаться, не правда ли?

— Мы не разстанемся, Аделина. Но странно, странно! продолжалъ онъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ:—въ заблужденіи своемъ эти люди воображаютъ, что ради давняго слова можно насиловать чувства. Господинъ де-Кастелла не понимаетъ и не можетъ понять, что дѣло идетъ о твоемъ счастіи. Короче сказать, онъ обратилъ это въ шутку.

— А что, онъ очень разсердился?

— Нѣтъ, но конечно ему это неприятно. Такъ какъ намъ ежеминутно могутъ помѣшать, то я разкажу тебѣ все въ нѣсколькихъ словахъ. Я сказалъ ему, что страсть, возникшая между нами, развилась неволью, что я не становилась на твоей дорогѣ съ намѣреніемъ похитить твою любовь, что насъ случайно свели обстоятельства, бывшія всему причиной. Я доказалъ ему, что ты ни въ какомъ случаѣ не заслуживаешь упрека, что вся вина падаетъ на меня одного, такъ какъ вмѣсто того чтобы бѣжать отъ возникавшаго между нами чувства, я остался и далъ ему окрѣпнуть.

— Вы простились въ ссорѣ? спросила она.

— Напротивъ. Господину де-Кастелла очень хочется повернуть все это въ шутку, и даже онъ намекнулъ мнѣ, чтобъ я никогда болѣе не возобновлялъ этого разговора. Я увѣренъ, что онъ такъ и смотрѣлъ на это дѣло, потому что сегодня же пригласилъ меня къ обѣду.

— И ты придешь, Фредерикъ! не правда ли?

— Ради тебя, Аделина, приду.

— О! воскликнула она, вздрагивая:—чѣмъ все это кончится?

— Жизнь моя, сказалъ онъ серьезно,—ты должна быть спокойна. Чего тебѣ бояться, когда я съ тобою? Повѣрь мнѣ, что мы соединимся.

— Мистеръ Сентъ-Джонъ, воскликнула Роза, когда они вошли въ западную гостиную,—вы привезли мнѣ ноты. Мері Карръ письменный приборъ, а Аделинѣ что?

— Себя, спокойно отвѣчалъ онъ.

— Въ шуткѣ часто бываетъ много правды, смѣясь сказала Роза.—Надѣюсь, вы не думали, что вамъ удалось обмануть меня, мистеръ Сентъ-Джонъ, вашими письмами

къ Мери Карръ и ея отвѣтами къ вамъ? Bah, pas si bête!

И она, вальсируя, направилась къ колоннадѣ.

Мистеръ Сентъ-Джонъ обратился къ миссъ Карръ и поблагодарилъ ее за услугу, оказанную ему и Аделинѣ.

— Вамъ, вѣроятно, извѣстно было, сказалъ онъ,—что наша переписка съ Аделиной была совершенно законна, хотя до моего возвращенія я не желалъ никому объявлять, что мы обручены другъ съ другомъ?

— Я уже давно опасалась этого, мистеръ Сентъ-Джонъ.

— Опасались?

— Да, вы знаете, что Аделина обѣщана другому: а Французы считаютъ подобныя обѣщанія священными.

— Да, вообще. Но иногда бываютъ исключенія. Надѣюсь, что вы не откажете намъ въ добрыхъ желаніяхъ?

— Конечно, вѣтъ, потому что для Аделины это вопросъ жизни и смерти. Она такое вѣжное растеньице.

— И найдете самый заботливый уходъ.

За обѣдомъ всѣ чувствовали себя неловко. Мистеръ Сентъ-Джонъ былъ спокоенъ и рѣшителенъ, де-ла-Шассъ—внѣ себя отъ бѣшенства. Послѣ полудня разнесся слухъ о предложеніи мистера Сентъ-Джона, и де-ла-Шассъ, пользуясь его отсутствіемъ, разбилъ его публично. Выйдя изъ-за стола, сивьдоръ де-Кастелла пригласилъ своихъ гостей въ биллиардную, надѣясь, что стукъ шаровъ разгонитъ принужденіе. Но вмѣсто того произошла ссора. Поводомъ къ ней послужилъ небольшой споръ насчетъ игры. Сентъ-Джонъ показалъ себя надменнымъ и неуступчивымъ.

Взбѣшенный де-ла-Шассъ до такой степени забылся, что назвалъ мистера Сентъ-Джона мотомъ, который, прокутивъ свое собственное состояніе, гонится теперь за состояніемъ Аделины.

— Вы лжете! крикнулъ мистеръ Сентъ-Джонъ, забывъ приличіе и быстро поворачиваясь къ барону. Но его дальнѣйшія дѣйствія были парализованы Аделиной, которая, внѣ себя отъ ужаса, бросилась черезъ всю комнату къ Сентъ-Джону, и схвативъ его за руку, тихо умоляла его успокоиться ради ея. Де-ла-Шассъ выступилъ впередъ и подаль руку Аделинѣ, но Сентъ-Джонъ съ гордымъ презрѣніемъ удержалъ ее подаль себя.

— Mademoiselle, вы роняете себя! сказалъ господивъ де-ла-Шассъ. — Отойдите отъ него.

Сентъ-Джонъ не отвѣчалъ на это ни слова. Сознавая свое могущество, онъ продолжалъ спокойно улыбаться и удерживать послѣ себя Аделину. Баронъ кипятился, но очень хорошо зная, что увести молодую дѣвушку насильно было такъ же невозможно, какъ пошатнуть замокъ, ужь не говоря о томъ, что ему между прочимъ пришлось бы вылетѣть за окно.

— Прошу васъ вступиться въ это, воскликнулъ онъ, почти заикаясь отъ гнѣва и обращаясь къ господину де-Кастелла, который не успѣлъ еще вставить ни одного слова: такъ быстро произошла эта ссора.— Могу ли я допустить, чтобы мою нареченную невѣсту оскорбляли такимъ образомъ въ моемъ присутствіи?

— Аделина, строго вмѣшался господивъ де-Кастелла,—вернись къ матерю.

— Она моя нареченная невѣста, сказалъ мистеръ Сентъ-Джонъ барону:—я имѣю на нее другія права, которыхъ вы никогда не получите,—права любви.

Де-ла-Шассъ задыхался отъ бѣшенства, которое представляло вслѣдствіи контрастъ съ холоднымъ спокойствіемъ мистера Сентъ-Джона.

— Я не намѣренъ терять съ нимъ словъ, синьйоръ де-Кастелла, и лишь тогда возвращусь въ вашъ салонъ, когда въ немъ не будетъ этого человѣка.

Съ этими словами баронъ повернулся на каблукахъ и вышелъ изъ комнаты, громко хлопнувъ дверью. Съ минуту длилось молчаніе. Сентъ-Джонъ, все еще удерживая Аделину, оставался на самомъ отдаленномъ концѣ комнаты; синьйоръ де-Кастелла, полупараализованный этимъ скандаломъ, стоялъ у билліарда; всѣ остальные собрались вокругъ малиновой оттоманки. Агнеса де-Бофуа безпрестанно крестилась, а госпожа де-Кастелла погружена была въ нѣмое отчаяніе.

— Сударыня, сказалъ наконецъ синьйоръ своей дочери, которая громко рыдала отъ волненія и ужаса,—какъ смѣете вы не слушаться моихъ приказаній? Я велѣлъ вамъ идти къ вашей матерю.

— Она не ослушивается васъ, и никогда не сдѣлаетъ этого съ намѣреніемъ, отвѣчалъ мистеръ Сентъ-Джонъ.—Во всемъ виноватъ я одинъ.

Онъ почти церемонно взявъ Аделину за руку и повелъ черезъ всю комнату къ ея матери.

— Пора положить конецъ этимъ сценамъ, мистеръ Сентъ-Джонъ, закричалъ синьйоръ де-Кастелла.—Вы уже получили сегодня утромъ мой отвѣтъ на этотъ счетъ.

— Но я опять возвращаюсь къ тому же разговору, сэръ. Подробности, о которыхъ я умолчалъ тогда, должны-быть разказаны теперь.

— Я вовсе не желаю ихъ слушать, съ сердцемъ сказалъ синьйоръ де-Кастелла.

Мистеръ Сентъ-Джонъ спокойно перебилъ его.

— Я этого требую по праву, сказалъ онъ.—Мнѣ извѣстно, что сегодня, въ присутствіи всѣхъ членовъ вашей семьи, баронъ позволилъ себѣ слишкомъ рѣзко выразиться о моемъ поведеніи, и вы должны дать мнѣ возможность оправдать себя.

— Раздражительность барона весьма понятна, и вамъ легко извинить его, мистеръ Сентъ-Джонъ, при вашемъ здравомъ смыслѣ и холодномъ разсудкѣ.

— Я такъ и поступилъ, искренно отвѣчалъ мистеръ Сентъ-Джонъ.—Онъ вѣроятно считаетъ себя оскорбленнымъ, и я выказалъ ему должное свисхождение. Будь другой на мѣстѣ де-ла-Шасса, я... я поступилъ бы съ нимъ иначе.

— Оставимъ этотъ неприятный разговоръ, мистеръ Сентъ-Джонъ, было рѣшительнымъ отвѣтомъ.

— Я прошу васъ выслушать мои объясненія; я прошу у васъ этого какъ милости и обещаю быть откровеннымъ. Ставъ совершеннолѣтнимъ, я получилъ хорошее состояніе. Оно все прожито теперь. Грѣхи юности, свойственные моему званію и моей неопытности, вовлекли меня въ мотовство, которому порадовался бы мой завѣшій врагъ. Но я торжественно увѣряю васъ, что никогда не осквернялъ себя ни дурною мыслию, ни безчестнымъ поступкомъ. Ни одинъ мужчина, ни одна женщина не упрекнетъ меня въ чемъ-либо, кромѣ безумной расточительности денегъ, хотя слѣдуетъ замѣтить, что большая часть ихъ пошла на удовлетвореніе нуждъ тѣхъ, кто былъ болѣе меня обдѣленъ судьбой. Съ годъ тому назадъ, я прожилъ послѣдній шиллингъ и сверхъ того далъ на вѣсколько тысячъ векселей.

— Прошу васъ, не входите въ эти подробности, мистеръ Сентъ-Джонъ, прервалъ его синьйоръ де-Кастелла.

— Съ вашего позволенія, я буду продолжать. Братъ

мой, мистеръ Исаакъ Сентъ-Джонъ, вызвалъ меня въ замокъ Веферъ. Онъ указавъ мнѣ на мои ошибки и просилъ меня размыслить о необдуманности моихъ поступковъ. Я размыслилъ, созналъ всѣ свои заблужденія и твердо рѣшился положить имъ конецъ; но человѣку, погрязшему въ долгахъ, трудно бываетъ выполнить свои добрыя намѣренія. Братъ вызвался помочь мнѣ на двухъ условіяхъ. Вопервыхъ, я долженъ былъ дать ему честное слово не входить болѣе ни въ какіе долги; вовторыхъ, жениться. На первое изъ этихъ условій я охотно согласился, но второе было мнѣ не по сердцу. Чтобы скорѣе подвинуть меня на это, братъ открылъ мнѣ свои великодушныя намѣренія. Какъ онъ, такъ и мать моя чрезвычайно желали, чтобъ я женился; поводомъ къ этому была не только боязнь чтобъ я снова не вернулся къ прежней беспорядочной жизни, но и суевѣрное опасеніе, свойственное всѣмъ членамъ нашего семейства, что со смертію моею и моего брата пресѣчется родъ Сентъ-Джоновъ. Исаакъ предлагалъ тотчасъ же отдать мнѣ замокъ Веферъ — онъ всегда имѣлъ намѣреніе поступить такимъ образомъ въ случаѣ моей женитьбы — и назначить мнѣ соразмѣрный съ этими помѣстьями доходъ. Онъ обѣщалъ также назначить хорошую часть моей жеизы, которую она уже заранѣе для меня выбрала.

— Не Саръ ли Боклеркъ? перебила его Роза, никогда не терявшая присутствія духа.

— Моей кузинѣ Аннѣ, продолжалъ мистеръ Сентъ-Джонъ, едва удостоивъ Розу взглядомъ. — Въ это время она гостила съ моею матерью въ замкѣ Веферъ. Но этотъ бракъ былъ намъ обоимъ не по сердцу. Она была уже тайно обручена съ капитаномъ Сэвиллемъ, и я былъ повѣреннымъ ея тайны. Я рѣшился взять на себя всю тяжесть отказа — такъ какъ положеніе капитана Сэвилля не позволяло ему въ то время открыто искать руки леди Анны Сентъ-Джонъ — и объявилъ моему брату, что не могу жениться на Аннѣ. Мы повздорили и разстались. Я всегда останусь при томъ мнѣніи, что братъ слушкомъ строго отвесся ко мнѣ, то-есть къ грѣхамъ моей юности. Живя въ уединеніи, на которое съ самаго дѣтства обрекла его болѣзнь, онъ не зналъ соблазновъ свѣта, и потому не могъ допустить ихъ и въ отношеніи ко мнѣ. Онъ называлъ мои грѣхи непростительными преступленіями, а я оспаривалъ его съ увлеченіемъ. Я слушкомъ

погорячился, наговорилъ болѣе чѣмъ слѣдовало, въ этомъ настроеніи мы разстались. Я вернулся въ Лондонъ. Въ это время умерла сестра моей матери, завѣщавъ мнѣ все свое состояніе. Правда, оно было не велико, но я могъ заплатить имъ свои долги и употребилъ его для этой цѣли. Въ будущемъ ноябрѣ я выплачу послѣдній шиллингъ. Я предпочелъ бы не являться къ моему брату до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не развяжусь съ долгами, но обстоятельства вынудили меня поступить иначе. Я былъ уже на дорогѣ въ Веферъ, когда до меня дошло извѣстіе, что де-ла-Шассъ снова появился здѣсь, и потому я прямо поспѣшилъ сюда, не запасшись тѣми ручательствами, которыя въ противномъ случаѣ я непремѣнно привезъ бы съ собою. Но вы не должны сомнѣваться, господинъ де-Кастелла.

— Сомнѣваться въ чемъ?

— Въ томъ, что я могу, что я сумѣю доставить приличное положеніе вашей дочери.

— Не въ этомъ вопросъ, сэръ, хотя я, быть-можетъ, и усомнился бы. Дочь моя къ леди Анна Сентъ-Джонъ.

— Мнѣ слѣдовало бы прибавить, что леди Анна уже вышла замужъ за капитана Сэвилла, положеніе котораго измѣнилось къ лучшему; и она сама оправдала меня передъ Исаакомъ. Братъ мой пламенно желаетъ примириться со мною, и я смѣло могу васъ увѣрить, что всѣ планы и распоряженія, которые онъ имѣлъ въ виду для леди Анны, онъ возобновить для Аделины.

— Мнѣ кажется, вы слишкомъ много берете на себя, мистеръ Сентъ-Джонъ, ручаясь за другаго. Но къ чему продолжать этотъ бесполезный разговоръ? Дочь моя обѣщана барону де-ла-Шассу и не выйдетъ ни за кого другаго.

— Сэръ, въ волненіи воскликнулъ мистеръ Сентъ-Джонъ, — отвѣчайте мнѣ на одинъ вопросъ. Еслибъ я могъ упрочить за Аделиной богатый надѣлъ и ввести ее полною хозяйкой въ замокъ Веферъ, — а вы знаете, что рано или поздно онъ непремѣнно мнѣ достанется, — сочли ли бы вы меня приличною для нея партіей?

— Для чего поднимать этотъ вопросъ?

— Но я прошу васъ отвѣтить мнѣ, хотя бы только изъ вѣжливости, умоляя мистеръ Сентъ-Джонъ. — Нашли ли бы вы меня достойнымъ ея руки, по крайней мѣрѣ съ свѣтской точки зрѣнія?

— Конечно. Люди и познатѣе меня сочли бы за честь породниться съ вами.

— Въ такомъ случаѣ, сэръ, я сегодня же вечеромъ возвращаюсь въ Англію, и явлюсь къ вамъ не иначе какъ съ моими вѣрительными грамотами въ рукахъ.

— Какое безуміе! воскликнулъ сирьйоръ де-Кастелла, между тѣмъ какъ изъ груди Аделины вырвалась слабый крикъ испуга.—Я допустилъ этотъ разговоръ, мистеръ Сентъ-Джонъ единственно изъ уваженія къ вамъ; но прошу васъ выслушать отъ меня однажды навсегда, что Аделина ни когда неможетъ быть вашею женой.

— Я не хочу теперь настаивать на этомъ, сказалъ мистеръ Сентъ-Джонъ, протягивая руку госпожѣ де-Кастелла, чтобы проститься съ нею.—Мы возобновимъ нашъ разговоръ по возвращеніи моемъ изъ Англіи.

— Но вы, конечно, не предпримете этого безразсуднаго путешествія! рѣзко замѣтилъ господинъ де-Кастелла.

— Сирьйоръ де-Кастелла, сказалъ мистеръ Сентъ-Джонъ съ выраженіемъ твердой рѣшимости на блѣдномъ лицѣ и въ манерахъ,—я не откажусь отъ вашей дочери. Еслибъ я даже захотѣлъ пожертвовать своими собственными чувствами, то и тогда я долженъ былъ бы пощадить ее. Выдавать ее за де-ла-Шасса значитъ обрекать ее на вѣрную смерть. Вы сами знаете ея слабое здоровье, она не въ силахъ будетъ бороться съ горемъ. Аделина, прибавилъ онъ, обращаясь къ ней, между тѣмъ какъ она истерически рыдала,—къ чему это отчаяніе? Я уже увѣрялъ тебя, когда ты опасалась этихъ объясненій, что не уступаю тебя не только де-ла-Шассу, но никому на свѣтѣ. Теперь, въ присутствіи твоихъ родителей, я снова повторяю тебѣ, что съ помощію Божіею ты станешь моею женой.

— А пока ты еще въ моей власти, Аделина, саркастически замѣтилъ господинъ де-Кастелла,—не угодно ли тебѣ уйдти въ свою комнату.

Она повиновалась, и рыдая пошла къ дверямъ.

— Погодите, закричалъ мистеръ Сентъ-Джонъ умоляющимъ голосомъ,—если вы удаляете ее ради меня, то я лучше самъ уйду. Прощайте.

Онъ отворилъ дверь, и держась за нее, нерѣшительно смотрѣлъ на Аделину. Чувства ея доведены были до высочай-

шей степени возбужденія; потерявъ всякое самообладаніе, она стремительно ринулась впередъ, и съ истерическимъ рыданіемъ припала къ рукѣ мистера Сентъ-Джона.

— Ты вернешься, ты не бросишь меня, ты не уступишь меня ему? проговорила она.

Онъ нѣжно положилъ свою руку на ея плечо, какъ будто они были одни.

— Теперь я поневолѣ долженъ оставить тебя, Аделина, прощенталъ онъ. — Но повѣрь мнѣ, что я не буду напрасно тратить времени. Черезъ три дня жди моего возвращенія, и тогда, жизнь моя, мы уже никогда болѣе не расстанемся.

Онъ еще ниже наклонилъ свою голову и страстно поцѣловалъ ее въ уста. Потомъ выпустилъ ее изъ своихъ объятій, отвернулся и ушелъ. Въ немъ было много отваги.

Аделина закрыла руками вспыхнувшее лицо. Изумленіе присутствующихъ было выше всякаго описанія: поцѣловать молодую дѣвушку считается во Франціи несравненно бѣльшимъ преступленіемъ нежели осквернить себя семью смертными грѣхами. Госпожа де-Кастелла немедленно увела Аделину къ себѣ въ комнату, а свѣдые волосы миссъ де-Бофуа встали дыбомъ.

— А право, Фердинандъ, онъ хорошій и честный человекъ и не имѣлъ никакого дурнаго намѣренія, сказала добрая старая госпожа де-Бофуа, обращаясь къ своему зятю. — У насъ въ Англіи это ровно ничего не значитъ. Когда я была молода, меня также цѣловали, и право я ничего не потеряла отъ этого.

Ночь прошла въ тревогѣ, а утро было еще непріятнѣе. Аделина лежала въ постелѣ съ головою болью, а баронъ съ двѣнадцати-часовымъ поѣздомъ возвратился въ Парижъ. Онъ думалъ, заодно съ сирѣйоромъ де-Кастелла, — хотя, быть-можетъ, послѣдній говорилъ и не искренно, — что мистеръ Сентъ-Джонъ навсегда уѣхалъ въ Англію. Аделину онъ не порицалъ, но вся его ярость обращена была на соперника. Что же касается до любви Аделины къ мистеру Сентъ-Джону, баронъ никогда не думалъ о ней и никогда бы ея не помялъ.

Меру подавно было оглашеніе свадьбы и, по обычаямъ страны, скоро должно было появиться въ газетахъ. Оно было слѣдующаго содержанія: „Альфонсъ Жавъ - Ипполитъ баронъ де-ла-Шассъ и Аделина Луиза де-Кастелла.“

Всѣ распоряженія насчетъ свадьбы были уже сдѣланы, чему, вѣроятно, способствовалъ страхъ, внушенный мистеромъ Севтъ-Джономъ. Религіозный обрядъ долженъ былъ совершиться въ сосѣдней часовнѣ, гражданскій — у мера, въ Одескѣ. Вечеромъ того же дня въ замкѣ Бофуа назначенъ былъ великолѣпный балъ, а на слѣдующее утро молодые уѣзжали въ Парижъ, черезъ нѣсколько дней къ нимъ присоединились бы господинъ и госпожа де-Кастелла, и всѣ вмѣстѣ должны были отправиться на югъ.

Роза безцеремонно высказывала свои замѣчанія относительно этого плана.

— Ужь я бы не дала имъ распоряжаться за меня, Аделина, и показала бы имъ дорогу съ ихъ французскими идеями! говорила она.

Прошло три дня, а мистера Севтъ-Джона нѣтъ какъ нѣтъ. Аделина была въ ужасномъ волненіи. Добрый отецъ Маркъ, любившій ее съ самаго дѣтства и горячо принимавшій къ сердцу ея интересы, смотрѣлъ на нее съ глубокимъ участіемъ всякій разъ, когда имъ приходилось встрѣчаться. Наконецъ, на третій день вечеромъ, онъ сказалъ ей:

— Дитя мое, мнѣ больно видѣть твои страданія. Этотъ молодой Англичанинъ весьма привлекателенъ, и я понимаю твою тоску по немъ. Но его отъѣздъ долженъ облегчить тебѣ исполненіе твоей обязанности.

Священникъ думалъ, что Севтъ-Джонъ уѣхалъ навсегда. Аделина промолчала, но готова была упасть на грудь добраго священника и выплакать передъ нимъ свое горе.

— Онъ хорошо сдѣлалъ, что покомчилъ съ этимъ, дитя мое. Одни безплодныя огорченія ожидали тебя въ его присутствіи. Никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ тебѣ не слѣдовало бы вступать въ супружество съ еретикомъ. Такъ лучше, дитя мое! Да будетъ надъ тобой благословеніе святыхъ угодниковъ!

Когда наступило утро четвертаго дня, и Севтъ-Джонъ не являлся, положеніе Аделины стало невыносимымъ. Съ чѣмъ можно было бы сравнить ея безпокойство? Читатель, вѣроятно, извѣстна сказка о *Синей Бородѣ*.

„— Сестра Анна, сестра Анна, нѣтъ ли кого на дорогѣ?

„— Увы, нѣтъ, сестрица, только пыль несетса отъ стада овецъ.

„— Сестра Анна, сестра Анна, не разглядишь ли кого на дорогѣ?“

То же было и съ Аделиной. Когда глаза ея утомлялись смотрѣть вдаль, она отходила на минуту отъ окна, говоря Розѣ: „Роза, Роза, не видишь ли ты его?“

— Нѣтъ ни души.

Тогда она обращалась къ другой подругѣ, говоря: „Мери, Мери! подойди къ окну. Не увидишь ли ты его?“

Но и этотъ день проходилъ подобно вѣжнимъ, а онъ все не ѣхалъ. Трудное это было для нея время. Предоставленная самой себѣ, не поддерживаемая Сентъ-Джовомъ, она не осмѣлилась бы противиться своему отцу, и свадьба непременно бы состоялась. Но на пятое утро—о счастье!—онъ возвратился. Посмотри на него, Аделина. Какая смѣлая, торжествующая походка, какая самоувѣренная улыбка на прекрасномъ лицѣ, какое довольство въ честныхъ, любящихъ глазахъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ вернулся Сентъ-Джовомъ владѣльцемъ замка Вефера.

Миссъ де-Бофуа, Аделина и Мери сидѣли втроемъ: всѣ прочіе ушли на ферму. Онъ подошелъ къ Аделинѣ, взялъ ее за руку и понялъ, что должна она была выстрадать за это время.

— Но теперь все кончено, прощенталъ онъ ей,—я никогда, никогда болѣе не разстанусь съ тобой, Аделина.

— Какъ вы неблагоразумно поступили, вернувшись сюда, мистеръ Сентъ-Джовъ, сказала тетушка Агнеса, пожимая ему руку.

— Напротивъ, я чрезвычайно хорошо сдѣлалъ что сѣздалъ къ брату, воскликнулъ онъ съ румянцемъ торжества на лицѣ. — Ахъ, дорогая миссъ де-Бофуа, вы скоро прѣдете къ намъ въ замокъ Веферъ, не правда ли? А гдѣ же господинъ де-ла-Шассъ?

— Онъ уѣхалъ въ Парижъ.

— Весьма прискорбно.

Аделина посмотрѣла на него.

— Онъ назвалъ меня искателемъ приключеній, говорящимся за состояніемъ Аделины. Но будь онъ здѣсь, я заставлялъ бы его теперь отказаться отъ этихъ словъ.

— Естьликакая-нибудь надежда? невольно спросила Аделина.

— Много, много надеждъ, жизнь моя, отвѣчалъ онъ.—Вѣрь тому, что я говорю тебѣ.

Подобно какому-нибудь посланнику, Сентъ-Джовъ привезъ съ собою вѣрительныя грамоты отъ своего брата. Все, въ

чемъ онъ увѣрялъ наединѣ господина де-Кастелла, теперь осуществилось. Братъ принялъ его съ распростертыми объятіями, радуясь возможности примириться. Онъ тотчасъ же поручилъ своимъ стражамъ уплатить послѣдніе долги Фредерика и выкупить его имущество изъ залога. А послѣ свадьбы Фредерикъ долженъ былъ получить отъ него замокъ Веферъ съ огромнымъ доходомъ. Онъ въ яркихъ краскахъ изобразилъ Аделину своему брату, налегая не столько на ея красоту, которая, по его словамъ, должна была сама говорить за себя, сколько на прекрасныя качества ея ума и сердца. Слушая эти похвалы, Исаакъ примирился съ неудачнымъ исходомъ перваго сватовства съ леди Анною Сентъ-Джонъ, и написалъ Аделинѣ, что онъ готовъ полюбить и принять ее какъ родную дочь. Приданое, назначенное имъ для леди Анны, онъ отдавалъ теперь ей безъ всякихъ измѣненій.

Синьоръ де-Кастелла еще ни разу не бывалъ въ такомъ смущеніи. Мы охотно вѣримъ въ то чего желаемъ, и онъ въ самомъ дѣлѣ былъ убѣжденъ, что мистеръ Сентъ-Джонъ не возвратится. Дѣло, повидимому, принимало серьезный оборотъ. Скрѣпя сердце, принялъ онъ письмо, подавленное ему отъ мистера Исаака Сентъ-Джона. Оно заключало въ себѣ формальное предложеніе Аделинѣ съ вышеприведенными подробностями о назначаемомъ ей приданомъ, и все это отдавалось на усмотрѣніе и одобреніе синьора де-Кастелла. Въ концѣ упоминалось объ одной просьбѣ, которую Фредерикъ долженъ былъ передать ему лично, а именно, чтобы синьоръ съ своимъ семействомъ поспѣшилъ посѣтить замокъ Веферъ и ознакомиться съ тѣмъ домомъ, въ который онъ отдаетъ свое дитя. Свадьба могла бы совершиться въ самомъ непродолжительномъ времени, смотря по желанію, въ Англіи или во Франціи; а за тѣмъ Фредерикъ увезъ бы свою молодую жену въ болѣе теплый климатъ на весь зимній сезонъ.

Не взирая на затрудненія, которыя окружали его со всѣхъ сторонъ, господинъ де-Кастелла былъ въ высшей степени польщенъ сдѣланною ему честью, ибо онъ хорошо зналъ, что Исаакъ Сентъ-Джонъ изъ замка Вефера имѣлъ право претендовать на болѣе знатный союзъ для своего брата. Впрочемъ, онъ не преминулъ выказать свое неудовольствіе.

— Вы не хорошо поступили, мистеръ Сентъ-Джонъ, какъ

относительно меня, такъ и относительно вашего брата. Позвольте узнать, сказали ли вы ему, что Аделина невѣста другого?

— Я разказалъ ему все, съ твердостью отвѣчалъ мистеръ Сентъ-Джонъ, — и онъ совершенно согласился со мною, что если не ради себя, то ради самой Аделины я долженъ избавить ее отъ этой ужасной участи.

— Вы слишкомъ смѣлы, сэръ, воскликнулъ господинъ де-Кастелла, краснѣя отъ гнѣва.

— Да, возразилъ мистеръ Сентъ-Джонъ, — я смѣлъ и рѣшителенъ, и вы должны простить мнѣ это признаніе. Мнѣ не пристало бы дѣйствовать иначе, когда дѣло идетъ о такихъ важныхъ для меня интересахъ.

Господинъ де-Кастелла отодвинулъ назадъ свое кресло, бывшее единственнымъ исключеніемъ изъ неудобной съ прямыми спинками мебели, украшавшей его кабинетъ.

— Выслушайте меня, сказалъ онъ; — надѣюсь, что это будетъ въ послѣдній разъ. Ваша поѣздка въ замокъ Веферъ, какъ я и предупреждалъ васъ, оказалась бесполезною: настоящій разговоръ нашъ не поведетъ ни къ чему. Никакія убѣжденія, никакія угрозы, еслибы вы мнѣ вздумали ихъ дѣлать, не измѣнятъ моего рѣшенія ни на одну іоту. Аделина выйдетъ за барона де-ла-Шасса.

— До сихъ поръ я ничего не говорилъ о моихъ собственныхъ чувствахъ, съ жаромъ сказалъ мистеръ Сентъ-Джонъ, — но вы должны знать, что дѣло идетъ о моемъ счастьи, что все мое будущее связано съ Аделиной.

— Вы хорошо дѣлаете, что не высказываете своихъ чувствъ, я не перемѣнилъ бы своего мнѣнія. Мнѣ весьма прискорбно, что это такъ; но разницы не было бы. Пора намъ кончить это, мистеръ Сентъ-Джонъ. Я уже благодарилъ васъ за честь, которую вы оказали мнѣ, пожелавъ вступить со мною въ родственныи союзъ. Я выскажу эту благодарность и вашему брату. Въ самомъ дѣлѣ, у меня нѣтъ никакой причины скрывать отъ васъ, что при другихъ обстоятельствахъ, несмотря на различіе вѣроисповѣданій, я польстился бы на этотъ бракъ. Но теперь между вами и Аделиной воздвигнуты непреодолимая преграды.

— О, господинъ де-Кастелла, прошу васъ размыслить хорошенько. Увѣраю васъ, что я воспитанъ былъ въ такихъ же строгихъ понятіяхъ о чести, какъ и вы, и надѣюсь, что

никогда и ничѣмъ не придется мнѣ запятнать этой чести. Но я нахожу въ вышей степени несправедливымъ жертвовать этому чувству счастіемъ ближняго и своею единственною дочерью.

— Тсъ! тсъ! Слова: жертва! счастье! это все химеры воображенія, которыхъ мы не признаемъ. Аделина, быть-можетъ, и потоскуетъ немного, посятуетъ про себя недѣлку-другую, но разъ вышедши за барона, она скоро примирится съ своимъ положеніемъ.

Вы убьете ее, запальчиво воскликнулъ Сентъ-Джонъ.— Быть-можетъ, вы не видите этого, сэръ, но я говорю вамъ правду. Если тягостная неизвѣстность и волненіе, въ которыхъ жила она это время, продлятся еще, она непременно умретъ.

— Въ такомъ случаѣ, мистеръ Сентъ-Джонъ, насмѣшливо возразилъ синьоръ де-Кастелла,—вы должны положить конецъ этимъ волненіямъ, удалившись отсюда!

— Этого я никогда не сдѣлаю; я не могу отказаться отъ Аделины. Я болѣе его достоинъ ея руки.

— На васъ падаетъ величайшая отвѣтственность за все случившееся. Зная, что Аделина обѣщана другому, вы должны были бѣжать отсюда, или, по крайней мѣрѣ, отдалиться отъ нея на время, когда вы почувствовали, что начинаете любить ее.

— Не знаю, отдавалъ ли я себѣ тогда отчетъ въ этомъ. Но еслибъ и такъ, то, вѣроятно, не удалился бы отсюда. Будь я нищій, какъ называлъ меня этотъ человекъ, или стои я ниже ея на общественной ступени, тогда мой долгъ былъ бы ясенъ; но наследникъ замка Вефера не имѣлъ нужды скрываться какъ трусъ.

— Дѣло не въ томъ, дѣло не въ томъ. Еслибъ Аделина была простая крестьянка, обѣщанная другому, вы и тогда должны были бы уважать въ ней невесту и оставить ее въ покоѣ.

— Я и не старался снискать ея любовь. Увѣряю васъ, синьоръ, что страсть, зародившаяся въ сердцахъ нашихъ, возникла сама собою, вслѣдствіе частыхъ встрѣчъ, взаимной симпатіи и сходства во вкусахъ; я твердо убѣжденъ, что она овладѣла нашими сердцами прежде нежели я успѣлъ выговорить слово или совершить поступокъ, который можно было бы назвать волокитствомъ. Наконецъ, простите мнѣ, что

я напоминаю вамъ объ этомъ, еслибъ Аделина питала къ де-ла-Шассу любовь, которая могла бы сдѣлать ее счастливою съ нимъ, такъ она бы осталась совершенно равнодушною ко мнѣ.

— Наше совѣщаніе кончено, вставая, замѣтилъ господиць де-Кастелла,—и я прошу васъ никогда болѣе не возобновлять этого разговора. Повторяю опять, что я весьма вамъ обязанъ за честь, которую вы оказали Аделинѣ; но мнѣ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ уклониться отъ этой чести.

— Вы можете измѣнить ваше рѣшеніе, сирьйоръ де-Кастелла.

— *Не могу*, клянусь честью, не могу. Угодно вамъ самимъ передать мое письмо въ замокъ Веферъ?

— Нѣтъ. Я остаюсь здѣсь.

— Я не имѣю права контролировать ваши дѣйствія, мистеръ Сентъ-Джонъ, но вы хорошо сдѣлали бы, уѣхавъ отсюда на время свадьбы моей дочери. Ваша встрѣча съ барономъ можетъ повести къ большимъ непріятностямъ.

— Его здѣсь нѣтъ, и потому опасаться нечего.

— Я не желалъ бы, чтобы наши добрыя отношенія прекратились: скажу болѣе, я былъ бы весьма радъ попрежнему видѣть васъ въ своемъ домѣ, еслибы только вы обѣщали быть благоразумнымъ. Вы должны знать (и голосъ сирьйора снова принялъ прежній дружескій тонъ), что мы всѣ чрезвычайно любили васъ, мистеръ Сентъ-Джонъ, и находили величайшее удовольствіе въ вашемъ обществѣ. Это доброе чувство къ вамъ и поставило меня въ затрудненіе: не будь его, я уже давно заперъ бы вамъ двери. Оставайтесь здѣсь, продолжайте посѣщать насъ, и вы всегда найдете привѣтъ въ моемъ домѣ, подѣ условіемъ быть благоразумнымъ и не мѣшать ходу дѣлъ.

Мистеръ Сентъ-Джонъ не отвѣчалъ ни слова. Онъ поклонился сирьйору де-Кастелла, и выбѣжавъ изъ кабинета, чуть-чуть не наткнулся на отца Марка, который ждалъ своей очереди, чтобы войти въ него.

За тѣмъ, какъ говорится, наступило затишье передъ бурей. Сентъ-Джонъ изрѣдка прѣзжалъ въ Бофуа и, повидимому, случайно встрѣчалъ Аделину гдѣ-нибудь около замка; но слухъ о притязаніяхъ его совершенно смолкъ. Между тѣмъ шли

дѣятельныя приготовленія къ свадьбѣ, и обѣ молодыя подруги Аделины, съ разрѣшенія своихъ родныхъ и мадамъ де-Нию, должны были присутствовать на брачной церемоніи.

V. Не удалось!

Теперь мы приступаемъ къ той части нашего разказа, о которой такъ непріятно говорить. Мистеръ Севтъ-Джонъ сдѣлалъ послѣднюю попытку поколебать рѣшимость сивьора де-Кастелла, но ему строго замѣтили, чтобъ онъ никогда болѣе не поднималъ этого вопроса. Тогда ему не осталось другаго выбора, какъ склонять Аделину къ побѣгу. Мысль эта испугала ее и вызвала съ ея стороны упреки, что было весьма естественно; она почувствовала себя оскорбленною не только самимъ предложеніемъ, но и тѣмъ, что оно шло отъ мистера Севтъ-Джона. Однако онъ стоялъ на своемъ. Прежде всего онъ спросилъ у нея, какимъ образомъ избѣгнетъ она замужства съ де-ла-Шассомъ, если не рѣшится на подобный шагъ? Потомъ онъ началъ приводить ей самыя краснорѣчивыя доводы, а краснорѣчіе дѣйствуетъ убѣдительно, исходя изъ любимыхъ устъ.

Отдадимъ справедливость Севтъ-Джону. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ убѣжденъ, что дѣйствуетъ честно для блага Аделины. Да и едва ли можно было назвать побѣгомъ поступокъ, къ которому онъ склонялъ ее, ибо онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы получить помощь и содѣйствіе своей семьи. Онъ разказалъ своимъ роднымъ все какъ было, открылъ имъ всю истину и умолялъ ихъ спасти Аделину. Было бы излишне слѣдить за нимъ въ этомъ дѣлѣ изо дня въ день, шагъ за шагомъ; довольно будетъ сказать, что хотя поздно и не охотно, однако Аделина дала ему свое согласіе.

До торжественной свадьбы оставалось только три дня. Въ одинъ знойный вечеръ они стояли оба въ кустахъ. Дѣйствительно, ему нельзя было терять времени, если онъ уже рѣшился спасти ее. Онъ подалъ ей письмо своей матери.

„Дорогая Mademoiselle де-Кастелла! Фредерикъ пишетъ мнѣ, что доводы мои не убѣдили васъ, потому что вы думаете, будто я высказала ихъ только изъ вѣжливости. Вы правы, если предполагаете, что я строго смотрю на тайный побѣгъ; каждая порядочная женщина не можетъ смотреть на это иначе, если она добросовѣстна. Но вы нахо-

дитесь въ неключительномъ положеніи. Дѣло идетъ о вашемъ будущемъ счастіи, можетъ-быть, о самой жизни вашей; и я дѣйствительно думаю, что Фредерикъ правъ, говоря, что считаетъ священною обязанностью спасти васъ отъ тягостнаго и вынужденнаго брака. Не жестоко ли жертвовать вашимъ счастьемъ только для того, чтобы сдержать данное слово, — а вѣдь это такъ, если я не ошибаюсь? Синьйоръ де-Кастелла самъ высказалъ (въ письмѣ къ моему пасынку, мистеру Исааку Сентъ-Джону), что есаубы не это несчастное слово, которымъ онъ связалъ себя, онъ гордился бы вступити въ родство съ Фредерикомъ, что онъ ничего не имѣетъ лично противъ моего сына. Сказать вамъ правду, мнѣ самой показалось изъ этого письма (которое пасынокъ мой препроводилъ ко мнѣ), что вашъ отецъ былъ бы радъ найдти предлогъ къ нарушенію своего слова, но что онъ просто считаетъ невозможнымъ найдти его. Этотъ фактъ или, лучше сказать, мнѣніе отца вашего и побудило меня главнымъ образомъ поддерживать Фредерика въ его намѣреніи. И если оно осуществится (я опять повторяю, что для васъ нѣтъ другаго выхода), пусть лучше я освящу его своимъ участіемъ, которое въ послѣдствіи оправдаетъ васъ въ глазахъ свѣта.

„Я не совсѣмъ еще оправдалась отъ своей болѣзни, чтобы выѣхать вамъ навстрѣчу, но леди Анна Севилль вызвалась замѣнить меня. Послѣ завтра она отправляется съ мужемъ въ Фокстонъ, гдѣ и приметъ васъ изъ рукъ Фредерика. Оттуда она привезетъ васъ прямо ко мнѣ въ Лондонъ, гдѣ вы пробудете до вашей свадьбы, которою, разумѣется, не къ чему медлить; потомъ вы съѣздите на короткое время въ замокъ Веферъ, а оттуда уже на югъ. Контрактъ готовъ, и ждетъ вашей и Фредериковой подписи. Мистеръ Исаакъ Сентъ-Джонъ уже скрѣпилъ его своею рукою и встрѣтитъ васъ въ Лондонѣ.

„Я жду васъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Повѣрьте мнѣ, дорогое дитя мое, что я постараюсь быть для васъ вѣжною матерью.

„Селина Сентъ-Джонъ.“

— Будь готова завтра вечеромъ, шепнулъ онъ Аделинѣ, когда она сложила письмо.

— Когда же мы обѣдичаемся? въ смущеніи спросила она послѣ минутнаго молчанія и потупила свое очаровательное лицо.

— Ты видишь, Аделина, что говорить моя мать. Я выхлопоталъ особенное разрѣшеніе, по которому протестантскій обрядъ совершится тотчасъ же по прибытіи нашемъ въ Лондонъ, такъ чтобы намъ болѣе не разлучаться. Если же обряды твоей церкви потребуютъ вѣкоторой отсрочки, чего я,

впрочемъ не предполагаю, ты пробудешь у моей матери до тѣхъ поръ, пока и они не будутъ выполнены.

— А ты... ты будешь добръ ко мнѣ? пролепетала она, заливаясь слезами. — Я покидаю домъ, въ которомъ была счастлива, мать, отца, друзей моего дѣтства, я все покидаю для тебя; будешь ли ты всегда такой добрый?

— Аделина! воскликнулъ Сентъ-Джонъ, прижимая ее къ своему сердцу: — какъ можешь ты спрашивать меня объ этомъ? Ты скоро станешь моею дорогою женою, и я буду лелѣять тебя такъ, какъ никто еще тебя не лелѣялъ. Твои родители любили тебя горячо, но развѣ любовь ихъ можетъ сравниться съ моею? Богъ да поможетъ мнѣ устроить твою жизнь такъ, чтобъ она казалась тебѣ счастливымъ своимъ. Ни одна мать еще не берегла такъ своего первенца, какъ буду я беречь и лелѣять тебя.

Еслибы не сильное біеніе ея сердца, которое онъ чувствовалъ подъ своею рукою, ее можно было бы упрекнуть въ холодности—такъ неподвижно она стояла. Но это было безмятежное спокойствіе безграничной любви, слишкомъ глубокой, слишкомъ чистой для наружнаго проявленія.

— Ты мѣняешь этотъ домъ на болѣе прекрасный, продолжалъ онъ, — ты простишь мнѣ эти слова, когда увидишь замокъ Веферъ. Ты будешь его кумиромъ. Я говорю не о себѣ одномъ, но и о вѣрныхъ, преданныхъ моихъ слугахъ. Они переходили къ намъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; они служили моему отцу, моему брату и будутъ служить мнѣ, а тебя, свою госпожу, они станутъ боготворить. Ты будешь чувствовать себя счастливою въ этомъ домѣ. Иногда мы будемъ уѣзжать въ чужіе края, предаваться свѣтскимъ удовольствіямъ, но за то будемъ возвращаться въ свой домъ съ такимъ отраднымъ чувствомъ, что намъ современемъ станетъ тяжело покидать его. Тамъ будемъ воспитывать нашихъ дѣтей и научать ихъ добру; тамъ будемъ жить такъ, чтобы сдѣлаться достойными вѣчной жизни; пути къ спасенію различны, но вѣра и цѣль, къ которой мы стремимся, для всѣхъ одинаковы: одна надежда, одно Небо, одинъ Богъ! О, Аделина, оставь твой страхъ за будущее, оставь всѣ сомнѣнія, если они у тебя были. Другихъ я сталъ бы увѣрять честью, а тебя я прошу довѣриться моей любви.

Посвятивъ еще нѣсколько минутъ на окончательное обсу-

жданіе своего плана, они повернули было къ дому, какъ вдругъ около нихъ раздался кашель. Сентъ-Джонъ бросился въ сторону и увидалъ сидѣвшаго на скамьѣ отца Марка. Давно ли онъ былъ здѣсь? Если такъ, то онъ, вѣроятно, слышалъ то, чего ему не слѣдовало знать, потому что онъ понималъ по-англійски. Сентъ-Джонъ въ досадѣ закусилъ губы.

— Это вы, отецъ мой?

— Сейчасъ только пріѣхалъ, сынъ мой. Уже не молодъ, и ноги у меня болятъ посабъ долгой ходьбы. А сегодня вечеромъ я далеко-таки прогулялся.

„Онъ вѣрно сейчасъ только пришелъ“, подумалъ мистеръ Сентъ-Джонъ.

— А это кто же съ вами, неужели Mademoiselle de Castella? продолжалъ священникъ, потому что Аделина нарочно осталась позади. — Зачѣмъ, дитя мое, выходите вы такъ поздно вечеромъ?

— Я уже провожаю ее домой. Да вѣдь ночь еще не наступила.

И точно, еще не совсѣмъ смерклося; но уже поднимался туманъ, какъ это всегда бываетъ послѣ знойнаго дня. Время стояло жаркое, жаркое даже для конца августа, и солнце пекло цѣлый день. Аделина поспѣшила войти въ комнату; хотя она пробыва въ саду не болѣе пяти минутъ, однако боялась чтобъ ея не хватились.

Планъ побѣга былъ такъ разчитанъ. Въ слѣдующую ночь Аделина должна была уйти къ себѣ въ комнату ранѣе обыкновеннаго, подъ предлогомъ головной боли или какого-нибудь другаго легкаго нездоровья, и отпустивъ Луизу, одѣться по дорожному. Потомъ тайкомъ спуститься внизъ, выйти изъ дома прежде чѣмъ его успѣютъ запереть на ночь и присоединиться къ Сентъ-Джону, который будетъ ждать ее въ саду. Тотъ же неудобоописываемый экипажъ, не разъ уже служившій мистеру Сентъ-Джону, родъ даинной одноконки съ бѣлымъ коленкоровымъ верхомъ, легкій и прѣткій, будетъ стоять у подъѣзда и помчитъ ихъ въ Одескъ. Тамъ они захватятъ ночной поѣздъ, идущій изъ Аміена въ Булонь, а въ Булонь уже прямо садутъ на пароходъ *Фокстонъ*, который, по наведеннымъ заранѣе справкамъ, отплывалъ рано утромъ вмѣстѣ съ приливомъ. По прибытіи въ Фокстонъ, Сентъ-Джонъ сдастъ Аделину на попеченіе капитана Сэвилля и его жены, леди Анны. Такимъ образомъ они надѣялись быть

цѣлаю ночь въ дорогѣ, прежде чѣмъ бѣгство ихъ могло быть замѣчено въ Бофуа. Въ теоріи планъ этотъ казался довольно исполнимымъ; увидимъ, каковъ онъ будетъ на практикѣ.

Наступилъ роковой день, ужасный для Аделины! Обманъ вообще былъ несвойственъ ей натурѣ; но свой настоящій поступокъ, тайный побѣгъ изъ родительскаго дома, она считала гнуснымъ преступленіемъ. Не любовь къ Сентъ-Джону придавала ей такую рѣшимость; подъ вліяніемъ одного этого чувства она все-таки не нашла бы въ себѣ достаточно силы, чтобы бѣжать: ее подвинулъ на то страхъ сдѣлаться женою де-ла-Шасса. Ахъ, еслибъ она могла хоть на одинъ день помѣняться характеромъ съ миссъ Розой Дарлингъ!

Но день дотянулся кое-какъ до вечера даже и для Аделины. Послѣ обѣда они всѣ сидѣли въ „любимой западной гостиной, когда въ нее вошелъ Сентъ-Джонъ; его встрѣтили съ удивленіемъ, потому что посѣщенія его въ послѣднее время были весьма рѣдки. Въ этотъ разъ онъ былъ противъ обыкновенія молчаливъ и задумчивъ, да и всѣ вообще были какъ-то неразговорчивы. Сильборъ де-Кастелла игралъ въ шахматы съ Агнесой, и поздоровавшись съ Сентъ-Джономъ, не сказалъ съ нимъ болѣе ни слова. Старая мадамъ де-Бофуа играла въ карты съ Мери Карръ.

Зловѣщее уныніе, казалось, тяготѣло надъ всѣми. Въ комнатѣ было какъ-то черезчуръ тихо. Роза, для которой скука была хуже яда, вскочила со стула, и въ надеждѣ развеселить всѣхъ, стала усердно рыться въ кунѣ воть. Она выкопала оттуда одну старую-престарую пѣсню, которую она не пѣла цѣлые мѣсяцы, а можетъ-быть даже и годы. Какимъ образомъ напала она на нее? Это была чистая случайность, просто, судьба. Еслибы кто-нибудь изъ постороннихъ попросилъ Розу спѣть эту пѣсню, она, разумѣется, отвѣтила бы на эту просьбу сарказмомъ, посмѣялась бы надъ „извращеннымъ вкусомъ“, надъ „англійскими идеями“, „готскимъ вандализмомъ“ и вмѣсто пѣсни прокричала бы какую-нибудь италіанскую или нѣмецкую арію. Но въ этотъ вечеръ ей самой вздумалось спѣть ее, и въ этомъ — я снова повторяю — участвовала сама судьба.

„Лишь только я вспомню, что надо расстаться съ Эрикомъ,
съ тобою —

Расстаться на цѣлые годы, быть-можетъ, навѣки.“

Едва успѣла Роза пропѣть эти строки, какъ въ комнатѣ раздались рыданія Аделины. Она полулежала въ креслѣ своей бабушки, блѣдная и спокойная, между тѣмъ какъ въ душѣ ея кипѣла буря. Слова пѣсни были удивительно примѣнны къ ней, и она вслушивалась въ нихъ съ невыразимою тоской. Да, удивительно примѣнны! И она также на цѣлые годы, быть-можетъ навсегда, покидала свой домъ, своихъ дорогихъ родителей. Въ подобныя минуты самое ничтожное обстоятельство можетъ поколебать вѣншее спокойствіе. Рыданія Аделины усиливались все болѣе и болѣе, и она, наконецъ, потеряла всякое самообладаніе. Всѣ присутствующіе взглянули на нее съ изумленіемъ, и Роза вдругъ оборвала пѣсню.

Мистеръ Севтъ-Джонъ, стоявшій у фортепiano, инстинктивно бросился-было къ Аделинѣ, но на полдорогѣ также инстинктивно остановился и отошелъ назадъ. Всѣ съ безпокойствомъ обступили Аделину, ея мать оставила свое шитье и подошла къ ней. Но Аделина какъ бы по мановенію волшебнаго жезла вдругъ преодолѣла себя. Она въ короткихъ словахъ разсѣяла общее недоумѣніе: она была, просто, не въ духѣ сегодня, цѣлый день ей нездоровилось, и пѣсня Розы ее разстроила; все прошло теперь. Мистеръ Севтъ-Джонъ шепнулъ Розѣ, чтобъ она спѣла что-нибудь другое, и Роза начала новую пѣсню. Тогда онъ протиснулся со всѣмъ обществомъ и ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ и Аделина, сославшись на усталость, объявила, что идетъ спать.

— Пойди, дорогое дитя мое, сказала г-жа де-Кастелла, — ты въ самомъ дѣлѣ, кажется, нездорова.

— Прощайте, дорогая, дорогая моя, мамаша, сказала она, обвивая руками шею матери, а неудержимыя слезы снова брызнули изъ ея глазъ. Она, кажется, отдала бы половину будущаго счастья своего, чтобы мать благословила ее въ эту минуту, но какъ попросить ее объ этомъ? Обойдя всѣхъ, она нетвердымъ шагомъ подошла къ отцу и поцѣловала его — что было изъ рукъ вонъ, ибо отецъ ея неспособенъ былъ поощрять даже въ своей дочери такую фамилярность въ отношеніи себя. Потомъ она вышла изъ комнаты, конвульсивно подавляя рыданія. Посидѣвъ нѣсколько минутъ у себя и оправившись немного, она позволила Луизу. Вошедшая горничная не могла скрыть своего удивленія, что молодая госпожа ея такъ рано ложится спать.

Аделина сказала, что у ней болитъ голова, велѣла раздѣть себя и отпустила Луизу. Заперѣвъ дверь на задвижку, она оглянулась вокругъ себя. Прежде всего ее поразило, что гардеробъ былъ запертъ и ключъ вынутъ. А платье и шляпа, которыя она думала надѣть на себя, были въ гардеробѣ; она опять позвонила.

— Дай мнѣ ключъ отъ гардероба, сказала она вошедшей Луизѣ. — Онъ запертъ.

Луиза пошарила у себя въ карманѣ, вынула оттуда ключъ и настежъ отворила шкафъ.

— Что прикажете достать, сударыня?

Отвѣчать было довольно трудно. Въ другое время Аделина, просто, велѣла бы отворить гардеробъ и идти. Но страхъ быть открытою заставилъ ее замяться.

— Мнѣ нуженъ.... нуженъ.... носовой платокъ, сказала она, заикаясь.

Быстро захопнулись дверцы шкапа, замокъ щелкнулъ, и ключъ опять очутился въ карманѣ у Луизы.

— Parbleu, Mademoiselle, воскликнула она, подходя къ комоду, — да развѣ платки ваши въ гардеробѣ?

Аделина знала это не хуже самой Луизы, но она растерялась и начинала приходить въ отчаяніе.

— Можно подумать, у насъ воры въ домѣ, что ты держишь мои вещи подъ замкомъ! воскликнула она. — Оставь гардеробъ открытымъ, Луиза!

— Разумѣется, у насъ въ домѣ нужно все прятать какъ отъ воровъ, проворчала Луиза. — Когда Сусанна ищетъ что-нибудь для барыни, ей покажется, что это здѣсь, она и пойдетъ рыться въ вашихъ вещахъ. Третьяго дня я цѣлый часъ убирала здѣсь послѣ нея.

— Хорошо, оставь гардеробъ открытымъ на вывѣшную ночь, сказала Аделина. — Завтра ты можешь его опять запереть, если хочешь.

Мамзель Луиза отперла шкафъ и вышла изъ комнаты.

Аделина начала одѣваться. Она надѣла темное шелковое платье, легкую свѣтлую кашемировую шаль и соломенную шляпу съ бѣлыми лентами. Потѣмъ накинула на плеча дорогой шелковой дорожной бурнусъ, подбитый и опушенный горностаемъ. Онъ былъ подаренъ ей госпожою де-Бюфуа для путешествія на югъ. Черезъ нѣсколько минутъ она уже была совсѣмъ готова, но еще не пришла пора идти. Аделина

была блѣднѣе смерти; блѣдна до такой степени, что испугалась собственнаго отраженія въ зеркалѣ. Голова кружилась, ноги дрожали, ей дѣлалось дурно. Она уже начинала думать, что не въ силахъ будетъ идти. Сѣла и стала ждать.

Минуты быстро летѣли одна за другою; скоро наступитъ время идти, если она уже рѣшилась на это. Она опустила руку въ карманъ; все было при ней: кошелекъ съ нѣсколькими наполеондорами, носовой платокъ, маленькая стеклянка съ одеколономъ и ящикъ съ его письмами и подарками.

Она встала, взялась за ручку двери; но изнемогая отъ волненія, вернулась назадъ, выпила стаканъ воды и опять сѣла. Однако, чѣмъ долѣе она медлила, тѣмъ хуже ей становилось. Наконецъ, сдѣлавъ надъ собою отчаянное усиліе, она погасила свѣчку, отворила дверь и проскользнула на лѣстницу. Все, повидимому, было спокойно. До ея слуха долетали только невнятные голоса слугъ изъ отдаленныхъ комнатъ и ничего болѣе; она тихо спустилась по лѣстницѣ и прошла черезъ освѣщенную переднюю. Когда она отворяла наружную дверь, кто-то вышелъ изъ западной гостиной; Аделина сдѣлала быстрое, нервное усиліе надъ собою, и прежде чѣмъ можно было разглядѣть кто идетъ, перешагнула за дверь, тихо затворивъ ее за собою.

О, горе! о, ужасъ! Прямо противъ нея, на послѣдней ступени лѣстницы, какъ будто погруженный въ раздумье, сидѣлъ отецъ Маркъ. Онъ взбѣжалъ на лѣстницу и схватилъ Аделину за руку. Она испустила страшный, пронзительный крикъ.

Этотъ крикъ услышала Агнеса де-Бофуа, которая въ это время проходила черезъ переднюю и выбѣжала на крыльцо. Услыхавъ его и Севтъ-Джонъ, притаившійся за однимъ изъ львовъ фонтана и, съ своей стороны, поспѣшилъ туда же.

— О, Аделина, заблудшее дитя, что это такое? воскликнула ея тетка.—Ты хотѣла тайно бѣжать изъ родительскаго дома! Ты, Аделина де-Кастелла!

— Тетущка, тетущка! Сжальтесь надо мною! Я, кажется, умираю! Лучше бы, мнѣ умереть чѣмъ выносить что я перенесла за это время!

— И лучше бы сдѣлала, позоръ хуже смерти, строго возразила ей тетка.

Слова ея были прерваны появленіемъ Севтъ-Джона. Аде-

лина вырвалась изъ рукъ тетки и священника, и бросившись въ его объятія, закричала:

— О, Фредерикъ, Фредерикъ, защити меня въ эту ужасную минуту!

Тогда Агнеса де-Бофуа побѣжала въ гостиную съ громкими криками, что Сентъ-Джонъ собирается похитить Аделину, и всѣ высыпали оттуда толпой. Первымъ движеніемъ Сентъ-Джона было успокоить Аделину, потомъ онъ повелъ ее домой, между тѣмъ какъ добрый священникъ удался по направленію къ часовнѣ.

Нѣкоторое время всѣ были въ неописанномъ изумленіи и смущеніи. Каждый говорилъ свое, и всѣ въ одинъ голосъ упрекали Сентъ-Джона, а она все еще прижималась къ нему, какъ будто разстаться съ нимъ было для нея такъ же тяжело какъ разстаться съ жизнью. Сентъ-Джонъ храбро защищалъ ее. Прежде всего раздались въ этой суматохѣ слова сеньора де-Кастелла:

— Такъ вотъ ваша признательность къ намъ! Низко обмануть ее, навлечь на нее позоръ!

Никогда еще Сентъ-Джонъ не былъ такъ блѣденъ какъ въ эту минуту, но голосъ и наружность его были совершенно спокойны.

— Я готовилъ ей счастье, отвѣчалъ онъ, — еще нѣсколько часовъ, и она стала бы моею законною женой. Мать моя по нездоровью не могла сама встрѣтить насъ въ Факстонѣ, вмѣсто ея Аделину ожидаетъ тамъ леди Анна Свилль, женщина, извѣстная своими высокими правилами и пользующаяся всеобщимъ уваженіемъ. Братъ мой уступаетъ намъ замокъ Веферъ, контрактъ, въ томъ видѣ какъ я предлагалъ его вамъ, уже готовъ и ждетъ только нашихъ подписей, а до совершенія свадебнаго обряда, еслибы даже намъ пришлось ждать не болѣе одного часа, Аделина оставалась бы подъ защитой моей матери, къ которой привезла бы ее леди Анна. Вотъ доказательства того, что я говорю правду, прибавилъ онъ, бросая на столъ нѣсколько писемъ. — Я склонялъ ее къ безчестию! Еслибы вы, сеньоръ де-Кастелла такъ же заботились о счастья вашей дочери, какъ я забочусь о ея чести, между нами и не возникло бы никакого спора.

— А ты, безстыдная дѣвушка, какъ могла ты рѣшиться опозорить свое имя!

— Не упрекайте ея, прервалъ Сентъ-Джонъ. — Я не позволю

вамъ сказать ей ни одного обиднаго слова въ моемъ присутствіи. Если кого можно порицать въ этомъ дѣлѣ, такъ это меня одного. Аделина долго не хотѣла и слышать о побѣгѣ и только тогда согласилась на него, когда вся семья моя выказала свое одобреніе и даже сочувствіе по поводу этого рѣшенія. Деликатность теперь неумѣстна, сирьѣоръ де-Кастелла, а потому я прямо объявляю вамъ, что она будетъ моею женой. Ныѣшніе планы наши разрушены, но если новая попытка на побѣгъ намъ не удастся, знайте, что Аделина передъ алтаремъ отречется отъ того мужа, котораго вы для нея избрали.

— Вы становитесь дерзкимъ, милостивый государь, сказалъ сирьѣоръ де-Кастелла.

— Нѣтъ, я не дерзокъ, а рѣшительнъ, отвѣчалъ Сентъ-Джонъ.

Слишкомъ долго было бы описывать этотъ споръ до конца. Онъ былъ продолжителенъ и буренъ. Госпожа де-Кастелла плакала, а старая госпожа де-Бофуа слегка склонялась на сторону Сентъ-Джона. Нельзя сказать, чтобъ она оправдывала его попытку на побѣгъ, но онъ былъ ея любимцемъ, такъ что она не могла долго сердиться на него и уже не разъ въ отвѣтъ на его рѣчи одобрительно постукивала своею тростью, какъ стучать въ парламентъ при крикахъ: „слушайте, слушайте!“

Аделина стояла около мистера Сентъ-Джона и конвульсивно рыдала; бѣлая вуаль закрывала ея лицо, а дорогой бурвусъ, спустившись съ плечъ, волочился по полу. Отецъ ея вдругъ обратился къ ней.

— Аделина де-Кастелла, рѣшилась ли ты выйдти замужъ за этого человѣка?

— Говори же, сказалъ Сентъ-Джонъ Аделинѣ, которая не рѣшалась отвѣчать.

— Я... не могу... выйдти... за де-ла-Шасса, едва внятно пролепетала она.

— И ты рѣшилась выйдти за него, за этого протестанта-Англичанина.

— Да, если вы позволите, прошептала она и зарыдала еще сильнѣе.

— Завтра утромъ я переговорю съ тобой, продолжалъ сирьѣоръ де-Кастелла, все еще обращаясь къ своей дочери.— Послѣ свиданія со мною ты будешь свободна выбрать себѣ

въ мужа кого пожелаешь: назначеннаго ли мною жениха или того, кто теперь стоитъ возлѣ тебя.

— Честное слово? воскликнулъ Сентъ-Джонъ внѣ себя отъ изумленія.

— Мое слово такъ же крѣпко, какъ и ваше! гордо возразилъ синьйоръ де-Кастелла. — Когда дочь моя выслушаетъ все что я имѣю сказать ей, она получитъ полное право поступить по своему усмотрѣнію. Я буду тогда въ сторонѣ.

— И вы позволите мнѣ узнать ея рѣшеніе изъ ея собственныхъ устъ?

— Повторяю вамъ, что я не стану болѣе стѣснять ее. Она будетъ также свободна въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ и мы съ вами. А теперь, мистеръ Сентъ-Джонъ, желаю вамъ спокойной ночи.

— Ахъ, еслибъ я могъ теперь остаться съ тобой, чтобъ охранять тебя въ эту ночь, шепнулъ онъ Аделинѣ, неохотно прощаясь съ нею. — Ты такъ нуждаешься въ утѣшеніи, а здѣсь некому тебя утѣшить! Но успокойся, дорогая моя, если синьйоръ де-Кастелла сдержитъ свое слово, это будетъ наша послѣдняя разлука.

— А вѣдь онъ благородный человѣкъ, несмотря на всѣ свои недостатки, мысленно проговорила Агнеса де-Бофуа, слѣдившая за прощаніемъ мистера Сентъ-Джона съ Аделиной. — Да и въ чемъ заключались всѣ его недостатки? что хотѣлъ увезти чужую невесту съ тѣмъ чтобы самому на ней жениться.

— Вотъ чего не ожидала отъ Аделины! въ восторгѣ воскликнула Роза, обращаясь отчасти ко всему обществу, отчасти къ самой себѣ. Роза въ это время ощущала невыразимое наслажденіе. Теперь уже ни Аделина, ни Мери не смѣютъ попрекнуть ее старыми грѣхами!

VI. Переломъ въ жизни.

Разговоръ съ синьйоромъ де-Кастелла, котораго такъ страшилась Аделина, все еще продолжался. Прислонясь къ прямой спинкѣ кресла въ его кабинетѣ, она скорѣй походила на трупъ чѣмъ на живое существо, — до того убили въ ней слова отца всякую энергію, всякую надежду.

Когда мистеръ Сентъ-Джонъ въ первый разъ заговорилъ

о своемъ предложеніи, онъ только раздосадовалъ господина де-Кастелла, не хотѣвшаго и слышать о нарушеніи своего условія съ де-ла-Шассомъ. Однакожь, несмотря на холодность обращенія, сирѣдъ де-Кастелла въ душѣ былъ не равнодушенъ къ счастью Аделины. И когда онъ увидалъ, что она безпредѣльно любитъ Сентъ-Джона, когда послѣдній предложилъ свои богатые условія и отправился въ Англію, чтобы торжественно скрѣпить ихъ согласіемъ брата, тогда рѣшимость его поколебалась. Но тутъ вмѣшалось третье лицо.

Читателю, вѣроятно, извѣстно, что во многихъ римско-католическихъ семействахъ духовникъ пользуется огромнымъ вліяніемъ не только въ религиозныхъ, но и въ свѣтскихъ вопросахъ. И хотя духовнику семейства де-Кастелла, отцу Марку, до сихъ поръ еще не приходилось вмѣшиваться въ ихъ семейныя дѣла, онъ увидалъ теперь въ этомъ свою обязанность. Читатель, впрочемъ, весьма ошибется, если подумаетъ, что отецъ Маркъ принадлежалъ къ числу тѣхъ властолюбивыхъ священниковъ, которыхъ описываютъ въ повѣстяхъ. Провыры найдутся вездѣ, какъ въ римской церкви, такъ и въ нашей реформатской, но отецъ Маркъ былъ не таковъ. Онъ былъ добросовѣстный, добрый старикъ, правда, черезчуръ строгій католикъ, но вся строгость его проявлялась въ чрезмѣрной преданности своей вѣрѣ, той вѣрѣ, въ которой онъ родился и выросъ. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что никакая религія, кромѣ католической, не можетъ спасти человѣка, и думалъ, что дѣйствуетъ теперь для блага Аделины, для ея будущаго блаженства. Можно ли порицать его? онъ искренно любилъ эту дѣвочку, выросшую на его глазахъ. По его мнѣнію, допустить Аделину выйти замужъ за Англичанина-еретика и признать своимъ вторымъ отечествомъ протестантскую Англію, значило погубить ее. Вотъ почему онъ возсталъ своимъ veto противъ этого брака и воспретилъ нарушеніе контракта съ де-ла-Шассомъ. Считая это дѣло отчаяннымъ, онъ употребилъ отчаянныя мѣры; впрочемъ, цѣль, по его мнѣнію, оправдывала средства. Словомъ, отецъ Маркъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по внутреннему совѣсти, полагая, что исполняетъ свои обязанности въ отношеніи къ Аделинѣ, къ своей религіи и къ Богу.

Теперь Аделина все узнала: почему такъ упорствовалъ отецъ, почему онъ принуждалъ ее отказаться отъ Сентъ-Джона и выйти за де-ла-Шасса. Аделина узнала, что если

она вступить въ супружество съ еретикомъ съ согласіа отца или даже противъ его воли, церковное проклятіе поразить ее и все ихъ семейство. *Церковное проклятіе!* Она съ дѣтства приучена была слѣпо вѣрить ученіямъ католической церкви, и потому ей такъ же трудно было пренебречь этимъ грознымъ проклятіемъ, какъ и наложить на себя руки. Она закинула голову на спинку кресла, и болѣзненные стоны вырвались изъ ея измученной груди. Отецъ Маркъ жестоко поступилъ съ Аделиной, но имъ руководила искренняя любовь къ ней. Отчаянные случаи требуютъ крутыхъ мѣръ!

— Нельзя ли мнѣ пойдти въ монастырь? сказала она.

— Нѣтъ, возразилъ г. де-Кастелла съ убійственною холодною, которую онъ сохранялъ во все время разговора, какъ бы опасаясь своихъ собственныхъ чувствъ.— Ты должна выйдти замужъ. Я и мать твоя не согласимся потерять тебя, такъ какъ, по волѣ Провидѣнія, мы уже лишились Маріи. Ты должна выбирать между Сентъ-Джономъ и тѣмъ женихомъ, съ которымъ ты обручена. Если ты выйдешь за этого Англичанина, двери рая навсегда закроются для насъ, Аделина. Выходи за того, кто надѣется черезъ два дня стать твоимъ мужемъ, и ты будешь вести спокойную жизнь на землѣ, съ твердымъ упованіемъ на достиженіе вѣчнаго блаженства.

— Знаешь ли объ этомъ мамаша? спросила Аделина.

— Нѣтъ, она еще успѣетъ узнать о твоемъ рѣшеніи, если оно будетъ противъ насъ.

— Ахъ, папаша, папаша, продолжала Аделина, на минуту отдаваясь убивавшимъ ея чувствамъ,—развѣ я не могу обойтись безъ замужства и жить вмѣстѣ съ вами и съ мамашей?

— Не можешь, Аделина. Единственная дочь оставшаяся намъ на утѣшеніе должна выполнить призваніе женщины, а не уклоняться отъ него, прибавилъ онъ сурово.

Не объ чемъ распространяться! Все ясно! она поняла все свое положеніе и убѣдилась, что для нея нѣтъ болѣе ни спокойствія, ни счастья на землѣ! Картина будущаго быстро промелькнула въ ея умѣ, и она увидала себя въ борьбѣ съ жизнью посреди дѣлаго океана безысходнаго горя. Сердце ея страшно забилось, и странное чувство тяжести сдавило ей мозгъ. Она встала, шатаясь, и ухватилась за столъ, чтобы не упасть.

— Больше... Больше ничего? прошептала она.

— Ничего, Аделина. Тебѣ остается только передать твое рѣшеніе мистеру Сентъ-Джону.

Аделина уже подошла къ двери, когда сивьоръ де-Кастелла остановилъ ее. Она принуждена была прислониться къ одному изъ письменныхъ столовъ, пока онъ говорилъ.

— Я не спрашиваю у тебя, Аделина, на что ты рѣшилась. Я обязанъ былъ изложить передъ тобою все дѣло, безъ оговорокъ, безъ обмана, и затѣмъ предоставить тебѣ полную свободу дѣйствій, что я и сдѣлалъ, свято выполнивъ обѣщаніе, данное тебѣ вчера.

Слова его прозвучали насмѣшкой въ ея ушахъ, и въ головѣ ея пробѣжала дикая мысль—упасть къ ногамъ отца и умолять его о пощадѣ. Но она вспомнила, что онъ не имѣлъ къ ней никакого состраданія. Сивьоръ де-Кастелла испугался, взглянувъ на Аделину. Онъ подошелъ къ ней, взялъ ее за обѣ руки и съ непривычнымъ для него волненіемъ оказалъ ей:

— Да поможетъ тебѣ Пресвятая Дѣва перенести это испытаніе, Аделина! Я забочусь только о твоёмъ благомъ, и еслибы дѣло шло объ однихъ земныхъ интересахъ, я и не подумалъ бы препятствовать твоей любви. Повѣрь мнѣ, дитя мое, я отдалъ бы половину своего состоянія, чтобъ устроить тебѣ счастливую жизнь на землѣ. Но когда дѣло идетъ о вѣчности, намъ, кажется, не остается выбора; мы принадлежимъ церкви и должны повиноваться ей. Впрочемъ, это только мое личное мнѣніе, а ты поступай какъ хочешь, я не принуждаю тебя. Если твое рѣшеніе не будетъ соответствовать моимъ желаніямъ, ты сегодня же отправишься въ Лондонъ, въ сопровожденіи тетюшки Агнесы, которая дожидается тамъ твоей свадьбы. Постои! не сообщай мнѣ своего рѣшенія, не забывай, что я въ точности желаю исполнить свое обѣщаніе и предоставляю это дѣло тебѣ одной. Рѣшайся же, и затѣмъ передай свое рѣшеніе мистеру Сентъ-Джону.

Сказавъ это, сивьоръ де-Кастелла освободилъ ея руки. Аделина взялась-было за дверь, но онъ опять остановилъ ее.

— Еще одно слово, Аделина. На что бы ты ни рѣшилась, настоящая причина моего отказа мистеру Сентъ-Джону навсегда должна остаться для него тайной.

— Какъ, скрыть отъ него причину! сказала она, задыхаясь, и самые слова эти слишкомъ ясно говорили, на что она рѣшилась: — скрыть это отъ него!

— Святые угодники! конечно скрывать, прибавилъ онъ голосомъ, который звучалъ удивленіемъ, гнѣвомъ и тревогой. — Я думалъ, что ты и безъ меня догадаешься объ этомъ! Такъ знай же, Аделина, что ты не должна измѣнить себѣ ни единымъ словомъ. Церковь наша запрещаетъ открывать образъ дѣйствій ея еретикамъ.

Синьйоръ де-Кастелла остановился на послѣднемъ словѣ, какъ бы не рѣшаясь произнести его, потому что несмотря на холодность и изувѣрство, въ немъ было много истинной деликатности. Аделина, сложивъ руки, умоляла отца о пощадѣ, но онъ остановилъ мольбу, бродившую на ея устахъ, словами:

— *Невозможно, дочь моя*, ты знаешь, что мистеръ Севтъ-Джонъ не принадлежитъ нашей церкви! Я надѣюсь, что ты сама не охладѣла къ ней, прибавилъ онъ рѣзко. — Мнѣ и то уже не разъ приходило въ голову, что я напрасно позволялъ тебѣ такъ часто гостить у твоей бабушки. Она была прежде протестантка, и вышедши замужъ, приняла нашу вѣру, но я сомнѣваюсь, чтобы госпожа де-Бофуа была когда-либо ревностною католичкой въ душѣ.

Слезы выступили на глазахъ Аделины при этомъ обвиненіи, но она была слишкомъ убита, слишкомъ взволнована, чтобы заплакать.

— Только намекнуть бы ему, папаша! умоляла она. — Сжалось надо мной, позвольте хоть намекнуть.

— Ни намека, ни полслова, строго отвѣчалъ синьйоръ. — Именемъ церкви запрещаю тебѣ открывать эту тайну, Аделина! Поклянись мнѣ, что ты свято исполнишь мою волю!

— Клянусь, произнесла она едва внятно, уступая его настоячивымъ требованіямъ.

— И подѣлуй распятіе, прибавилъ онъ, поднося къ ея губамъ небольшое, прекрасное изваяніе Спасителя изъ слоновой кости, которое всегда висѣло у него надъ каминомъ. Аделина прикоснулась къ кресту и такимъ образомъ скрѣпила свою клятву.

Тѣмъ и кончился ея разговоръ съ отцомъ. Выхода изъ кабинета, Аделина олицетворяла собою глубокое отчаяніе. Навстрѣчу ей попалась Роза.

— Какъ вы долго тамъ оставались! воскликнула молодая дѣвушка, обращаясь къ Аделинѣ. — Вѣнчалное платье привезли и еще цѣлый ворохъ разныхъ вещей, чуть не бит-

комъ набитый фургонъ, говоритъ Луиза. Всѣ пошли наверхъ смотрѣть ихъ, а я все васъ поджидала, хоть самой до смерти хотѣлось пойдти за ними. Въ самомъ дѣлѣ, отчего же и не полюбоваться на свои наряды, хотя и не все дѣлается по-нашему. Но... Аделина!

Услыхавъ это восклицаніе, Аделина подняла глаза.

— Какой у васъ болѣзненный видъ! продолжала Роза.

— Мистеръ Сентъ-Джонъ въ гостиной? спросила ее Аделина вмѣсто отвѣта.

— Да, уже прошло съ полчаса, какъ я его оставила тамъ одаого во всемъ его блескѣ, потому что не въ силахъ была выдержать долѣе, сказала Роза.—Если вы не придете сейчасъ, Аделина, я отправлюсь наверхъ одна.

— Я приду всадъ за вами, едва внятно произнесла Аделина.

— Откройте мнѣ всю правду, Аделина, я васъ не выдамъ, сказала Роза.—Вѣдь вы надѣнете свое вѣнчальное платье для свадьбы съ де-ла-Шассомъ, да? или нѣтъ?

— Да, слабымъ голосомъ отвѣтила ей Аделина и пошла въ западную гостиную.

Роза приостановила свои торопливые шаги и посмотрѣла ей всадъ.

„Что это значитъ, подумала она, и отчего у нея такой болѣзненный видъ? Она сказала мнѣ, что выходить за де-ла-Шасса; желала бы я знать, правду она говоритъ, или это только одинъ отводъ? Когда наступитъ день свадьбы, мы пожалуй еще увидимъ шутки. Вотъ будетъ потѣха!“

Мистеръ Сентъ-Джонъ ходилъ по комнатѣ, когда Аделина взошла въ гостиную. Онъ встрѣтилъ ее съ радостною улыбкой и простеръ къ ней объятія; но Аделина де-Кастелла, всегда отличавшаяся необыкновенною прямою чувства, не допустила его до этого. Она была убѣждена теперь, что черезъ два дня станетъ женой де-ла-Шасса, какъ прежде, несмотря на всѣ свои сомнѣнія, надѣялась стать женой мистера Сентъ-Джона. Итакъ она уклонилась отъ его объятій и сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, задыхаясь отъ волненія.

Увидавъ ея мертвенную блѣдность и выраженіе ужаса, написанное на ея лицѣ, Сентъ-Джонъ встревожился. Онъ взялъ ее за руку, но она отняла ее прочь.

— Ради самого Бога, Аделина, что это значитъ? спросилъ онъ.

Она хотѣла было отвѣчать, но спазмы душили ее и не давали ей вымолвить ни слова. Дыханіе ея становилось все тяжелѣй.

— Какъ можешь ты такъ долго томить меня, Аделина, продолжалъ Сентъ-Джонъ!

— Я... я... силюсь сказать вамъ, проговорила она задыхаясь и сильно вздрагивая послѣ каждаго слова, — что я... выхожу... замужъ... за него... за де-ла-Шасса.

Съ минуту онъ смотрѣлъ на нее, не говоря ни слова.

— Ты больна, Аделина, сказалъ онъ наконецъ. — Я еще вчера замѣтилъ это и дорого далъ бы тогда, чтобъ остаться съ тобой.

— Я не въ бреду, отвѣчала она, угадавъ его мысль. — Я говорю правду, что должна выйти за него.

— А если ты въ полной памяти, Аделина, такъ объясни, что ты хочешь этимъ сказать; я рѣшительно не понимаю, сказалъ Сентъ-Джонъ.

— Все ясно, возразила она, прислоняясь къ широкому подоконнику, чтобы не упасть. — Въ субботу, день, назначенный ими для нашей свадьбы, я обвѣнчаюсь съ нимъ.

— О, это ужасно, это постыдно! воскликнулъ Сентъ-Джонъ. — Какъ могли они такъ переработать тебя?

— Они не принуждали меня, Фредерикъ, я рѣшилась на это добровольно.

— Это безчестно, да, безчестно! продолжалъ Сентъ-Джонъ. — Гдѣ сирьйоръ де-Кастелла? я выскажу ему все что думаю о его поступкѣ. И онъ послѣ того толкуетъ о чести!

Сентъ - Джонъ собирался выйти изъ комнаты, но Аделина удержала его за руку.

— Отецъ ничего не можетъ объяснить, сказала она, — послѣднее рѣшеніе мое еще неизвѣстно ему, и потому я прошу тебя не порицать его.

— Какъ же онъ вчера вечеромъ сказалъ мнѣ, что ты будешь свободна въ своемъ выборѣ, нетерпѣливо замѣтилъ ей Сентъ-Джонъ.

— Я совершенно свободна, Фредерикъ. Онъ... изложилъ... (она не знала какъ ей выразиться яснѣе, не нарушая своей клятвы)... онъ изложилъ мнѣ всѣ обстоятельства дѣла, и представилъ самой рѣшить его. Она сказалъ мнѣ, что если я выберу тебя, тетушка Агнеса проводитъ насъ въ Англію и

пробудеть тамъ до нашей свадьбы. Но.... я.... не посмѣла.... я.... (Аделина залилась горькими слезами).... я должна выйти за де-ла-Шасса.

— Объясни же мнѣ, закричалъ Сентъ-Джонъ, начиная горячиться.

— Мнѣ нечего объяснять. Я могу сказать лишь одно, что папаша предоставилъ это дѣло на мое рѣшеніе и что я должна выйти за де-ла-Шасса, а между тѣмъ сердце мое разрывается.

Когда онъ вполне понялъ ее, понялъ, что для него потеряна всякая надежда, онъ разразился цѣлымъ потокомъ ужасныхъ упрековъ. Но можно ли было обвинять его? Онъ разстался съ нею наканунѣ въ полномъ убѣжденіи, что она будетъ его женой, да и какъ же ему было сомнѣваться въ этомъ послѣ того, что случилось между нимъ, и послѣ обѣщанія, даннаго господиномъ де-Кастелла. И вдругъ теперь, безъ всякаго предупрежденія, безъ всякой причины, она объявляетъ ему, что отказывается отъ него навсегда въ пользу его соперника. Причину отказа она, по несчастью, не смѣла открыть ему.

Еще разъ, несмотря на сопротивленіе Аделины, Сентъ-Джонъ прижалъ ее къ своему сердцу. Слова его звучали такимъ вѣжливымъ, такимъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, онъ умолялъ ее бѣжать съ нимъ и стать его дорогою женой. Аделина принуждена была вырваться изъ его объятій и увѣрять, что всѣ его мольбы напрасны, что она будетъ еще упорнѣе своего отца.

Читатель знаетъ, что въ случаяхъ важныхъ мистеръ Сентъ-Джонъ, къ несчастію, бывалъ горячъ и вспыльчивъ; но никогда еще не овладевалъ имъ такой порывъ гнѣва, какъ въ настоящую минуту. Упреки его были ѣдки и до крайности несправедливы; да развѣ можетъ разгнѣванный человѣкъ взвѣшивать свои слова?

— Притворщица, кокетка, никогда ты меня не любила, говорилъ Сентъ-Джонъ. — Теперь мнѣ все ясно: ты обманывала меня до послѣдней минуты, чтобы только увеличить торжество де-ла-Шасса. Ты была заодно съ нимъ. Искренніе обѣты принадлежали ему, а ложные мнѣ.

Аделина взяла его за руки и умоляла сжадиться надъ нею. Она стала-было передъ нимъ на колѣни, но онъ суровымъ движеніемъ заставилъ ее подняться.

— Я убѣждена, что ты не то говоришь что думаешь, иначе твои слова убили бы меня, пролепетала она. — Едлибъ я стала твоею женой, въ чемъ я была увѣрена до настоящаго дня, о чемъ я всегда молилась, ты узналъ бы тогда, какъ безгранично я тебя люблю, ты убѣдился бы, что любовь моя кончится только съ моею жизнью! Теперь, когда мы расстаемся навсегда, когда, быть-можетъ, мы въ послѣдній разъ видимъ другъ друга въ этомъ мірѣ, я могу сказать тебѣ это. О, Фредерикъ, пощади меня! Не говори, что ты думаешь, будто я люблю другаго.

— Вѣдь ты выходишь за него замужъ?

— Выхожу, ненавида *его*, и люблю *тебя*. Скажи, развѣ мало еще мнѣ горя?

— Не будь я живой человѣкъ, если я что-нибудь понимаю въ этомъ, возразилъ мистеръ Сентъ-Джонъ. — Вѣдь ты сама сказала мнѣ, что отецъ предоставилъ тебѣ право выбора?

— Мнѣ кажется, я умру, слабо произнесла она; — вотъ уже нѣсколько недѣль какъ я испытываю это странное ощущеніе. Точно что-то давитъ мнѣ мозгъ, продолжала она, какъ бы въ забытыи, проводя рукою по лбу.

— Аделина, нетерпѣливо повторялъ Сентъ - Джонъ, — не обманываешь ли ты меня? Скажи мнѣ, правда ли, что твой отецъ предоставилъ тебѣ свободу выбора?

— Да, изложивъ мнѣ всѣ обстоятельства дѣла, онъ предоставилъ мнѣ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, принужденно отвѣчала она.

— И ты добровольно идешь за де-ла-Шасса, а меня безъ всякихъ объясненій отталкиваешь прочь?

— Я не смѣю объяснить тебѣ причину моего отказа. То есть, прибавила она, стараясь смягчить слова, которыя невольно сорвались у нея съ языка,—мнѣ нечего объяснять тебѣ. О, Фредерикъ, дорогой мой Фредерикъ, позволь мнѣ въ первый и послѣдній разъ въ жизни назвать тебя этимъ именемъ; не упрекай меня, повѣрь мнѣ, что я *должна* выйти за де-ла-Шасса.

— Ты хочешь сказать мнѣ, Аделина, что въ будущую субботу ты добровольно пойдешь къ алтарю съ де-ла-Шассомъ, чтобы стать его женой? Не такъ ли? повторилъ Сентъ-Джонъ.

Она отвѣчала утвердительноымъ жестомъ и судорожно зарыдала. Отъ волненія и страха нарушить данную клятву,

Аделина выражалась еще безсвязнѣе нежели можно было ожидать. Но врядъ ли кто изъ насъ былъ бы послѣдователемъ въ подобную минуту.

— Хороша же ты, нечего сказать, презрительно вскрикнулъ Сентъ-Джонъ. — И ты хвастаешь своею любовью! Какъ не хвастать въ самомъ дѣлѣ! вѣдь ты практиковалась съ двумя любовниками! Я все помялъ теперь; я помялъ, почему ты до послѣдней минуты мѣшала мнѣ объясниться съ господномъ де-Кастелла: тебѣ хотѣлось имѣть двухъ поклонниковъ, которые удовлетворяли бы твоему тщеславію! Ты дурачила меня, притворяясь, что раздѣляешь мою любовь, ты обманывала меня, ты играла мною какъ рабомъ, котораго собиралась принести въ жертву *ему!* Успокойся же, я съ радостью уступаю тебя, теперь мы поквитались!

— Сжаалься, пощади меня! умоляла Аделина, падая къ ногамъ Сентъ-Джона и въ отчаяніи ломая руки.

— И я, глупецъ, позволялъ такъ дурачить себя! продолжалъ онъ. — Такой вѣтренной кокеткѣ нѣтъ мѣста въ сердцѣ честнаго человѣка; ни слѣда, ни воспоминанія не оставляю въ своемъ сердцѣ; благодаря Бога, это вовсе не такъ трудно: чары уже разрушены! Безсовѣстная обманщица, вотъ когда, наконецъ, обнаружилось это притворство! Хорошо еще, что я разгадалъ его до свадьбы! Какъ ни низко твой поступокъ со мною, хоть за это благодарю тебя!

Она сдѣлала слабое, болѣзненное усиліе, чтобы прервать его слова, но тщетно; бурный потокъ язвительныхъ словъ его былъ неудержимъ.

— Я навсегда расстаюсь съ тобой и со всемъ, что можетъ напомнить мнѣ о тебѣ, говорилъ Сентъ-Джонъ. — *Во всю жизнь мою я ни разу не вспомяну о тебѣ добровольно!* Какъ ты отвергла меня съ презрѣніемъ, такъ и я постараюсь вырвать изъ груди моей не только прежнюю любовь, но и малѣйшее воспоминаніе о тебѣ. Прощай же навсегда! надѣюсь, впрочемъ, что ставъ женою де-ла-Шасса, ты не поступишь съ нимъ такъ же, какъ поступила со мною.

Странная, ноющая боль, ни разу еще не испытанная Аделиной, овладѣла и тѣломъ, и душой ея; мысли ея представляли какой-то хаосъ, изъ котораго выдѣлялось лишь одно ужасное сознаніе, что онъ покидаетъ ее съ насмѣшкой и презрѣніемъ. Въ ней заговорило неодолимое желаніе остано-

вить его, разубѣдить его по крайней мѣрѣ въ томъ, что она не такая притворица, какою онъ представлялъ ее, усаманать отъ него нѣсколько ласковыхъ словъ и заставить его отказаться отъ *тылъ*, которые такъ болѣзненно раздражали ее, наполняя ее сердце тоскою и отчаяніемъ.

Бросивъ ей въ лицо прощальную насмѣшку, онъ выбѣжалъ изъ комнаты и направился къ колоннадѣ; это былъ ближайшій путь къ его дому, а въ настоящую минуту онъ не въ силахъ былъ соблюдать приличія. Аделина бросилась за нимъ, но онъ шелъ такъ быстро, что она не могла его догнать. Съ отчаянья она начала громко звать его къ себѣ.

Онъ обернулся, увидалъ, какъ она спустилась по лѣстницѣ, и бѣжала за нимъ, но у него лишь вырвался отталкивающій, надменный жестъ, и самъ онъ пошелъ еще быстрее. Аделина замѣтила это презрительное движеніе, но не переставала бѣжать; и уже достигла до середины луга, какъ вдругъ ноги ея подкосились, и она упала на колѣни, все еще простирая къ нему свои руки, и какъ бы призывая его назадъ. Раздирательный стонъ вырвался изъ ея груди.

Зачѣмъ не оглянулся Сеятъ-Джонъ? Онъ еще не успѣлъ скрыться въ темныхъ кустахъ, и зрѣлище, которое онъ увидалъ бы, смягчило бы его бурный гнѣвъ. Но все сильнѣе раздражаясь, онъ шелъ далѣе, не удостоивая даже взглядомъ происходившаго позади.

Въ это время вся семья собралась наверху осмотрѣть только что привезенное изъ Парижа приданое. Роза, случайно подойдя къ окну, видѣла какъ упала Аделина. Она громко вскрикнула и выбѣжала вонъ изъ комнаты. Крикъ ея привлекъ Мери Карръ къ окну, но она неторопливо поспѣдовала за Розой, ничего не подозревая; ей показалось только, что Аделина нагнулась къ травѣ, чтобы разсмотрѣть что-то. Когда Мери дошла до колоннады, Роза уже стояла возлѣ Аделины и приподнимала ея голову.

Что это значитъ? Миссъ Карръ остолбенѣла, не вѣря своимъ глазамъ. Обѣ молодыя дѣвушки были въ свѣтлыхъ платьяхъ, и на каждомъ изъ нихъ видѣлись какія-то странныя красныя пятна, которые на солнцѣ казались еще ярче.

Неужели это кровавыя пятна? и неужели ротъ Аделины въ крови? Мери догадалась, и сердце ея замерло. У Аделины, вѣроятно, порвалась кровяной сосудъ, подумала она.

Миссъ Карръ совершенно растерялась. Она изъ всѣхъ

силъ рванула за звонокъ, громко крича бросилась вонъ и побѣжала по лугу. На крикъ ея сначала выскочила прислуга, а потомъ и вся семья.

Роза, блѣдная отъ ужаса, стояла на козлыкахъ въ травѣ и грудью поддерживала голову Аделины. Концы ея золотистыхъ кудрей окрашены были кровью; руки испятнаны, а сама Аделина... Госпожа де-Кастелла безъ чувствъ упала на-земь.

VII. Испорченный портретъ.

Да, у нея порвался сосудъ; горе и волненія ея были саишкомъ сильны; они произвели разрывъ одного изъ этихъ маленькиихъ проводниковъ жизни. Многие изъ окружавшихъ ее въ эту минуту всеобщаго оцѣпенѣнія поняли, что ея слабыя легкія были только поддержаны на нѣкоторое время но далеко не излѣчены.

Ее осторожно подняли, и обойдя ступени террасы, прямо перенесли въ желтую гостиную, гдѣ и положили на дорогой, хотя нѣсколько старомодный диванъ. На чтò была она похожа! Блѣдное лицо, закрытыя вѣки, подъ которыми едва теплилась жизнь, и кровавыя пятна, рѣзко выдѣлявшіяся на желтыхъ бархатныхъ подушкахъ дивана. Въ Одескъ послали верховаго за докторомъ, съ приказаніемъ скакать, какъ только позволитъ дорога. Ему велѣно было также отправить телеграмму въ Бельпортъ къ тому французскому доктору, который лѣчилъ Аделину весной; а этотъ послѣдній долженъ былъ привезти съ собою еще одного англійскаго врача.

Какъ склонны мы обманывать, или, лучше сказать, пытаться обмануть себя! Опомнившись отъ перваго потрясенія, сеньоръ де-Кастелла принялъ беззаботный видъ, стараясь увѣрить себя, что у Аделины порвалась только маленькая жилка и положеніе ея не опасно. А она неподвижно лежала на диванѣ, вполнѣ сознавая все происшедшее вокругъ нея; это можно было замѣтить по открывавшимся иногда вѣкамъ. Госпожа де-Кастелла, нервная и впечатлительная по натурѣ, чувствовала себя больною и удалилась въ свою комнату, гдѣ съ ней поминутно дѣлалась дурнота. Госпожа де-Бофуа сидѣла подлѣ нея, а сеньоръ, вѣжливый и любящій супругъ, то и дѣло заходилъ къ жемъ.

Бѣдная старушка де-Бофуа пошла было взглянуть на Аделину, но вскорѣ вернулась, поддерживаемая своею горничною, и въ отчаяніи ломая руки. Такимъ образомъ при Аделинѣ оставались только двѣ ревностныя, но перепуганныя подруги, горничныя и тетушка Агнеса. При видѣ бѣдной дѣвушки, лежавшей на диванѣ, все негодованіе, возбужденное наканунѣ ея поступкомъ, начинало ослабѣвать. Зачѣмъ было удерживать ее отъ побѣга? Жить ей во всякомъ случаѣ оставалось не долго. Не все ли равно, еслибъ она прожила остатокъ дней своихъ любящею, счастливою невѣстой, или несчастною разочарованною дѣвушкой? Трудно было опредѣлить на сколько чувство стыда, столь сильно овладѣвшее ея душой въ продолженіе послѣднихъ часовъ, содѣйствовало ея настоящему потрясенію. Больше другихъ возмущена была ея поступкомъ Агнеса де-Бофуа; она до сихъ поръ еще не могла опомниться отъ этого позора.

Аделина повернула свою голову къ Розѣ, проходившей мимо нея.

— Я вѣдь умираю? спросила она.

— О, Аделина, вамъ не слѣдуетъ говорить! съ испугомъ отвѣчала Роза. — Сейчасъ пріѣдетъ докторъ. Умираете! Конечно, нѣтъ.

— Гдѣ папаша?

— Пожалуста не говорите! Онъ сейчасъ былъ тутъ, и вѣрно опять придетъ.

— Роза, тихо прошептала она, несмотря на запрещеніе, — кажется, я умираю. Мнѣ хотѣлось бы видѣть Фредерика Сентъ-Джона; хотя на минуту, скажите ему.

Не посоветовавшись ни съ кѣмъ и обливаясь слезами, Роза на-скоро написала записку мистеру Сентъ-Джону. Ей также казалось, что смерть была за плечами. Она написала ему своимъ отрывистымъ, рѣзкимъ тономъ, но ясно и рѣшительно, потомъ тихонько вызвала Луизу изъ желтой гостиной и отправила ее на мызу. А между тѣмъ время тянулось.

Аделинѣ необходимо было совершенное спокойствіе, какъ нравственное, такъ и физическое; но она была очевидно взволнована и не сводила глазъ съ дверей, напрасно поджидая мистера Сентъ-Джона, который не являлся. Луиза также не возвращалась. Хорошо ли сдѣлала Роза, написавъ эту записку? Аделина молча лежала въ совершенномъ изнеможеніи, но внутренняя тревога ея не стихала.

Наконецъ вошла Луиза, по обыкновенію раскрасившись отъ хольбы и повода кругомъ сверкающими черными глазами. Ей бы слѣдовало вызвать Розу изъ комнаты; но она прямо подошла съ вѣсточкой къ Аделинѣ. Въ гостиной никого не случилось въ эту минуту изъ старшихъ: сибѣоръ де-Кастелла снова ушелъ къ женѣ, а миссъ де-Бофуа стояла у большого подъѣзда, съ нетерпѣніемъ поджидая доктора изъ Одеска. Луиза духомъ слетала къ мадамъ Баретъ и обратно и вошла въ гостиную даже не снявъ перчатокъ,—единственнаго прибавленія (за исключеніемъ краснаго дождеваго зонта), необходимаго для того, чтобы домашній костюмъ ея превратился въ выѣздной. Что сказала бы на это английская горничная? Въ рукѣ у нея былъ толстый, запечатанный конвертъ, адресованный на имя Аделины рукой мистера Сентъ-Джона. Глаза больной безпокойно слѣдили за нимъ, между тѣмъ какъ Роза принимала его изъ рукъ Луизы.

— Распечатать? прошептала Роза, наклоняясь къ ней.

Аделина взоромъ изъявила согласіе, и Роза вскрыла пакетъ прямо передъ ея глазами. Въ немъ находился простой бѣлый листъ бумаги, въ которомъ завернуты были всѣ ея письма къ Сентъ-Джону. Они грудой посыпались на больную; а Роза, освоенная съ такими дѣлами, смекнула въ чемъ дѣло и гнѣвно обратилась къ Луизѣ.

— Это самъ мистеръ Сентъ-Джонъ передалъ тебѣ?

— О нѣтъ, сударыня. Мистеръ Сентъ-Джонъ уѣхалъ.

— Уѣхалъ!

— Уѣхалъ въ Англію. Совсѣмъ уѣхалъ.

Роза снова собрала письма въ пакетъ и стала задумчиво складывать разломанныя половинки печати. Она не знала что ей сказать, что бы такое слѣвать. Глаза Аделины были закрыты, но по ея тяжело вздымавшейся груди и пылавшимъ щекамъ, которыя лишь за минуту предъ тѣмъ покрыты были смертною блѣдностію, можно было судить, что она *все* слышала. Простушка Луиза, ничего не замѣчая, продолжала въ полголоса свой разговоръ съ Розой, и некому было остановить ея болтовню.

— Я не захватила его какихъ-нибудь три минуты... да, кстати, сударыня, вотъ и ваша записочка къ нему. Мадамъ Баретъ уже надѣвала другой чепчикъ, чтобы нести сюда этотъ толстый пакетъ, который мистеръ Сентъ-Джонъ называлъ какъ можно аккуратноѣе передать барышня въ соб-

ственныя руки. Такъ вотъ она и хотѣла привести его сама. Она сильно разстроена его отъѣздомъ, тетушка-то Баретъ; никогда и никого еще, говорить, а такъ не любила, какъ мистера Сентъ-Джона.

— Но чтѣ было причиною такого внезапнаго отъѣзда? спросила Роза, въ разгарѣ любопытства забывая объ Аделинѣ.

— Мадамъ Баретъ говоритъ, что она охотно дала бы обрубить себѣ уши, лишь бы узнать это, отвѣчала Луиза. — Она полагала, что здѣсь вышла какая-нибудь неприятность, какой-нибудь споръ, или вѣчто въ этомъ родѣ. Но я разувѣрила ее въ противномъ. Конечно, говорю я, у насъ случилось сегодня большая неприятность, да чѣмъ же тутъ виноватъ мистеръ Сентъ-Джонъ, когда онъ гораздо прежде уѣхалъ изъ замка! Тогда она подумала, не получилъ ли онъ дурныхъ извѣстій изъ Англіи, но почта въ это утро не приходила. Ужъ какъ бы тамъ ни было, а онъ вернулся страшно взбѣшенный и портретъ испортилъ.

— Какой портретъ? быстро спросила Роза.

Но прежде нежели мы услышимъ отвѣтъ Луизы, не мѣшаетъ объяснить читателю, что портретъ Аделины былъ давно оконченъ и отвезенъ въ замокъ. Между тѣмъ, вернувшись изъ Парижа, господинъ де-Кастелла пожелалъ сдѣлать кое-какія измѣненія въ аксессуарахъ и для этого снова отослалъ портретъ на мызу. Но послѣ того произошло столько событій, не говоря уже о двухъ поѣздкахъ мистера Сентъ-Джона въ Англію, что портретъ долго оставался безъ поправки. Впрочемъ, въ продолженіе послѣднихъ дней Сентъ-Джонъ работалъ надъ нимъ довольно усердно, кончилъ его и еще наканунѣ вечеромъ, надѣясь бѣжать съ Аделиной, распорядился, чтобъ его на другой же день отвезли въ Бофуа.

— Какой портретъ? нетерпѣливо спросила Роза.

— Да барышня, чтѣ онъ самъ снималъ, отвѣчала Луиза. — Какъ вернулся домой, такъ и бросился прямо въ мастерскую и все перевернулъ вверхъ дномъ. Мадамъ Баретъ прибѣжала на стукъ, чтобы посмотреть кто тамъ возится; но такъ какъ она была въ ночномъ чепчикѣ, то и не рѣшилась войти въ комнату, а только посмотрѣла сквозь щелку, и тутъ-то ужъ она его и увидала! Подвернулся ему подъ руку палитра съ синею краской, онъ схватилъ мокрую кисть, да какъ хватить ею портретъ-то прямо по лицу.

Ma foi! видно ужь очень осерчалъ, коли наложилъ руку на свое издѣлье. А ужь какую красавицу-то написалъ!

Наступила пауза. Роза только глаза таращила отъ удивленія: она, подобно всѣмъ прочимъ, ничего не знала о разрывѣ между Сентъ-Джономъ и Аделиной.

— Я всегда подозрѣвала, что онъ склоненъ къ бѣшенымъ порывамъ, сказала она.—Я даже это высказала ему однажды.

Луиза продолжала свой разказъ.

— И какъ не стыдно, сказала мадамъ Баретъ, нашель на чезъ выметать свою злобу! что за безразсудство! Вѣдь это, такъ сказать, личное оскорбленіе для мадемуазель Аделины, какъ будто она въ чемъ-нибудь провинилась передъ нимъ. Конечно, я поддакнула тетушкѣ Баретъ, сказавъ, что онъ поступилъ весьма гнусно: но что жь бы вы думали, сударыня? какъ она вдругъ накинется на меня, да и ну клясться и божиться, что дескать никому не позволить сказать дурнаго слова про мистера Сентъ-Джона; что у него золотое сердце, что онъ щедръ какъ принцъ, и что съ нимъ, вѣроятно, случилось что-нибудь особенное, необыкновенное, если онъ могъ до такой степени забыться, до такого ребячества.

Роза взглянула на Аделину, только теперь, кажется, вспоминая объ ней. Румянецъ сбѣжалъ съ ея блѣдныхъ щекъ, дрожанія вѣки были опущены: кто знаетъ, какихъ усилій стоило ей лежать неподвижно, ничѣмъ не обнаруживая своего волненія?

— Ужь я-то ровно ничего противъ него не имѣю, продолжала Луиза обиженнымъ тономъ, какъ будто еще обращаясь къ отсутствующей хозяйкѣ мызы.—Я только изъ вѣжливости поддакнула тетушкѣ Баретъ, а она Богъ знаетъ изъ-за чего подняла гвалтъ. То такъ скажетъ, то иначе. Да ужь о мистерѣ Сентъ-Джонѣ нечего говорить, онъ велъ себя какъ настоящій джентльменъ, особенно въ отношеніи къ намъ, къ прислугѣ; а по-французски-то какъ говорилъ, да вы сами знаете, Mademoiselle Роза, — настоящій Ангель.

„Comme un vrai ange“ были ея подлинныя слова. Роза кивнула головой.

— Чего нельзя сказать объ Англичанахъ вообще, прибавила Луиза.

— Но почему же онъ такъ внезапно уѣхалъ? разспрашивала Роза.

— Этого никто не знаетъ, сударыня. Возвращаясь домой,

онъ встрѣтилъ Виктора... того лѣтя, что живетъ у дяди Баретъ—я бы давно прогнала его—и приказалъ ему осѣдлать себѣ лошадь. Потомъ пошелъ въ мастерскую, гдѣ и видѣла его тетушка Баретъ, только она не показала ему, затѣмъ что чепецъ-то на ней ночью былъ. Долго онъ тамъ оставался и наконецъ ушелъ къ себѣ наверхъ, а ужъ когда вышелъ оттуда, гнѣвъ его стихъ, и онъ никогда не былъ такъ кротокъ и милъ, какъ въ эту минуту: позвалъ къ себѣ тетушку Баретъ, передалъ ей пакетъ для мадемуазель Аделины и просилъ ее, чтобъ она сама его доставила. Потомъ онъ объявилъ ей о своемъ отъѣздѣ, такъ она едва на ногахъ устояла: просто, говоритъ, пусти въ меня дядя Баретъ изъ трубки дымокъ, такъ бы и свалилась. Да я и не удивляюсь этому: одно дѣло — неожиданное извѣстіе, опять же и ночью чепецъ, котораго еще не успѣла сбросить. Не знаю, случается ли хоть разъ въ годъ, чтобы мадамъ Баретъ была не оправлена, развѣ вотъ что сегодня у нея были трубочисты.

— Да оставь ты, пожалуста, ея чепецъ и трубочистовъ въ покоѣ, нетерпѣливо воскликнула Роза.—Я хочу чтобы ты разказывала толкомъ, Луиза.

— Итакъ, сударыня, когда тетушка Баретъ опомнилась немного отъ поразившаго ее удара, она спросила мистера Сентъ-Джона, надолго ли онъ уѣзжаетъ и когда намѣренъ возвратиться. Онъ сказалъ, что никогда, никогда болѣе не вернется сюда, и что причину этого онъ объяснить въ письмѣ къ господину д'Эстивалю. Онъ поблагодарилъ тетушку Баретъ за ея попеченія о немъ и сказалъ, что она съ мужемъ скоро получатъ отъ него извѣстіе. Потомъ онъ уѣхалъ верхомъ, приказавъ выслать вслѣдъ за собой свои вещи и оставивъ кучу денегъ для прислуги.

— Но куда же онъ уѣхалъ? разспрашивала Роза.—Въ Англію, что-ли?

— Именно такъ предполагаетъ тетушка Баретъ, сударыня. Во всякомъ случаѣ туда будутъ высланы его вещи. Теперь онъ поѣхалъ въ Одескъ, вѣроятно, захватить поѣздъ въ Парижъ, или въ Кале.

Богъ знаетъ, долго ли бы продолжались еще розказни Луизы и разспросы Розы, еслибы не раздался въ это время на дворѣ стукъ лошадиныхъ копытъ, и Луиза не поспѣшила къ окну, въ надеждѣ увидать доктора изъ Одеска. Какъ ни опасенъ былъ для Аделины этотъ разговоръ, но

съ другой стороны, быть-можетъ, лучше было разомъ узнать истину и успокоиться.

Дѣйствительно, то былъ докторъ изъ Одеска. Какія странныя совпаденія случаются иногда на бѣломъ свѣтѣ! Когда оба всадника, прищипывая своихъ коней во всю прыть, повстрѣчались между собою на дорогѣ и обмѣнялись вѣжливыми поклонами, подозрѣвалъ ли мистеръ Сентъ-Джонъ, что докторъ спѣшилъ къ покинутой имъ Аделинѣ, противъ которой до сихъ поръ кипѣло въ немъ негодованіе, и которая лежала, быть-можетъ, на своемъ смертномъ одрѣ!

Да, она должна была умереть; если не нынче и не завтра, то черезъ нѣсколько недѣль; во всякомъ случаѣ смерть была неизбѣжна. Этотъ приговоръ доктора, переданный на ухо дѣвицѣ де-Бофуа, постепенно распространился между перепуганными домашними. Впрочемъ, иные не хотѣли ему вѣрить, въ томъ числѣ господинъ де-Кастелла и Роза. Докторъ отвѣчалъ, что это его личное мнѣніе, отъ котораго онъ былъ бы весьма радъ отказаться, еслибъ оно не оправдалось. Онъ чувствовалъ лежавшую на немъ отвѣтственность и былъ весьма доволенъ, что телеграфировано за двумя другими врачами.

При его помощи Аделину осторожно перенесли наверхъ, въ ея спальню. Роза несла за нею письма и спрятала ихъ въ безопасное мѣсто, которое больная могла постоянно имѣть на глазахъ. Прежде всего докторъ предписалъ ей полнѣйшее нравственное и физическое спокойствіе. Онъ полагалъ, что если удастся остановить изліяніе крови и залѣчить ранку, то жизнь ея, пожалуй, еще могла бы продлиться. Впрочемъ, слова эти сказаны были нерѣшительно, какъ будто докторъ самъ сомнѣвался въ ихъ истинѣ; а Роза, пробравшаяся внизъ на совѣщаніе, говорила потомъ, что она готова была задушить доктора.

Поздно вечеромъ пріѣхали изъ Бельпорта два другіе медика: докторъ Дорре и еще одинъ англійскій врачъ. Они были гораздо сдержаннѣе въ своихъ мнѣніяхъ нежели ихъ собратъ изъ Одеска. Судя по ихъ словамъ, Аделина была внѣ всякой опасности, и они, повидимому, сами этому вѣрили.

Англичанинъ былъ старъ, Французъ сравнительно съ нимъ молодъ. Аделина чувствовала себя тогда уже гораздо лучше и, быть-можетъ, они въ самомъ дѣлѣ не нашли ея положеніе опаснымъ. Она лежала спокойно, улыбалась имъ, и по вре-

медамъ немного разговаривала. Всѣ внѣшніе признаки внезапнаго недуга исчезли, только на лицѣ оставалась блѣдность. Утренняя тревога въ домѣ замѣнилась теперь необычайною тишиной, и госпожа де-Кастелла снова ободрилась и успокоилась.

Осмотрѣвъ Аделину, доктора удалились въ особенную комнату, для консультаціи. Черезъ нѣсколько минутъ они вышли оттуда и подтвердили мнѣніе перваго доктора, что прежде всего Аделинѣ нужно спокойствіе, молчаніе и отсутствіе всякаго возбужденія. Въ комнатѣ ея не должно быть болѣе одного человѣка заразъ, и всего лучше если это будетъ сидѣлка. Госпожа де-Кастелла, съ жаромъ ловившая каждое ихъ слово, охотно изъявила свое согласіе на все. Докторъ Дорре предложилъ взять ту же англійскую сидѣлку, которая ходила за Аделиной весной. Онъ сказалъ, что лучшей и болѣе полезной женщиной онъ еще не встрѣчалъ въ свою жизнь.

— Я завтра же утромъ разузнаю о ней, сказалъ онъ.—Кажется, у меня есть ея адресъ, и я пришлю ее сюда.

На другой день онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ англійскимъ врачомъ пріѣхать въ Одеску для свиданія съ тамошнимъ докторомъ, такъ какъ по отдаленности Бельпорта они не могли ежедневно пріѣзжать въ Бофуа.

— Отыскивать сидѣлку Брайфордъ будетъ совершенно бесполезно, милая мадамъ де-Кастелла, воскликнула Роза, узнавъ объ этомъ рѣшеніи. — Она уѣхала съ моею сестрой мистрисъ Карльтонъ Сень-Джонъ, и теперь онѣ вѣрно путешествуютъ гдѣ-нибудь по Германіи. Развѣ я не говорила вамъ, что Шарлотта увезла ее?

— Но у нея ли она теперь? Быть-можетъ, сидѣлка уже возвратилась домой?

— Можетъ-быть, съ разстановкой произнесла Роза, какъ будто размышляя.— Впрочемъ, не думаю. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ изъ Лондона мамаша говорила мнѣ, что для бѣдной Шарлотты, вѣроятно, готовится тяжелое испытаніе, потому что отъ нея нельзя добиться ни строчки. Шарлотта вѣдь всегда была на первомъ планѣ у мамашы, между тѣмъ какъ насъ считали ни за что. Только мной одной не могла она поведѣвать, прибавила Роза, встряхивая своими золотистыми кудрями и поднимая носикъ къверху.

— Если Джоржу стало лучше, то сидѣлку, быть-можетъ,

и отпустили, замѣтила госпожа де-Кастелла, припомнивъ теперь, для чего увезена была мистрисъ Брайфордъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что ему, вѣроятно, хуже, отвѣчала Роза.—Такъ писала мнѣ Маріанна. Впрочемъ, мы поощремъ сидѣлку, надѣюсь, что она уже возвратилась.

Не мѣшаетъ сказать, что сирьоръ де-Кастелла послалъ нарочнаго къ барону де-ла-Шасеу, прося его повременить своею поѣздкой въ Бофуа. Но несмотря на это, баронъ пріѣхалъ и, разумѣется, былъ сильно огорченъ. Съ Аделиной онъ только повидался въ присутствіи ея матери и тетки. Въ этотъ самый день назначена была ихъ свадьба. Ея смертная блѣдность, увеличенная его присутствіемъ, произвела на него ужасное впечатлѣніе, но онъ постарался выразить ей надежду на ея скорое выздоровленіе, слегка намекнувъ, что онъ сильно въ этомъ заинтересованъ.

— А вѣдь она серьезно больна! сказалъ онъ Розѣ, встрѣтивъ ее внизу передъ своимъ отъѣздомъ.

— И очень серьезно, грустно проговорила Роза.—Какъ подумаешь, что весь этотъ великолѣпный, свадебный нарядъ, который она должна была надѣть сегодня, запертъ на ключъ и убранъ въ ящики!

— А гдѣ этотъ самонадѣянный Англичанинъ? спросилъ баронъ.

— Вернулся въ отечество, безпечно отвѣчала Роза.—Мнѣ кажется, будто цѣлый вѣкъ уже прошелъ съ тѣхъ поръ. Право, вы совершенно напрасно спорили изъ за нея, Monsieur le baron.

Онъ понялъ смыслъ ея словъ, онъ понялъ, что Аделина не будетъ принадлежать ни одному изъ нихъ, и грустно потупивъ голову, сталъ задумчиво гладить свой шелковистый, рыжій усъ. Потомъ онъ съ чувствомъ заговорилъ о ея болѣзни, о томъ весеннемъ недугѣ, который снова обнаруживался теперь, когда всѣ считали его излеченнымъ; ему и въ голову не приходило, да и придти не могло, что причиной всему этому были чрезмѣрные душевные страданія.

Между тѣмъ мистрисъ Брайфордъ тщетно искали въ Бельпортѣ. Она еще не возвращалась отъ маленькаго наслѣдника Авикъ-Галла. Въмѣсто нея, въ Бофуа привезли другую сидѣлку, высокую, худую, черноглазую, проворную Французенку, въ черномъ платьѣ, повидимому, добрую и лѣвкую, но такую же болтушку какъ Луиза.

VIII. Комната больной.

— Отдерните занавѣску, Роза, едва внятно сказала Аделина де-Кастелла. — Солнца нѣтъ.

Пусть взглянетъ на нее читатель, между тѣмъ какъ она лежитъ на диванѣ. Уже нѣсколько недѣль прошло со времени печальнаго событія, но перемены къ лучшему въ ней незамѣтно. Лицо исхудало еще болѣе, осунулось, а подъ глазами образовались темные круги. Опасные симптомы въ легкихъ не повторялись: поврежденіе, казалось, тотчасъ же прошло само собою, но вмѣсто того открылась лихорадка, сопровождаемая ужасною слабостью. Доктора напрасно задумывались надъ причиною этой упорной лихорадки, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ домашнихъ хорошо понимали, что причиною всему была снѣдавшая ее грусть. Теперь не оставалось болѣе ни малѣйшаго сомнѣнія, что чахотка наложила на нее свою роковую печать, но можно было надѣяться, по крайней мѣрѣ, на задержку развитія болѣзни. Роза и Мери находились при ней безотлучно. Аделина и слышать не хотѣла объ ихъ отъѣздѣ. „Пусть мнѣ уступятъ васъ до конца,“ говорила она, намекая на ихъ родственниковъ, и молодыя дѣвушки, новидимому охотно, примирялись съ своимъ положеніемъ. Онѣ постоянно сидѣли около больной подруги, и хотя французская сидѣлка все еще оставалась въ домѣ, но ея должность при Аделинѣ была почти упразднена; въ настоящее время она ухаживала только за больною госпожою де-Бофуа. Сидѣльоръ де-Кастелла находился по дѣламъ въ Парижѣ, — у него постоянно были тамъ какія-то дѣла, которыхъ, впрочемъ, никто не могъ хорошенько разобрать. Агнеса де-Бофуа большею частію оставалась подлѣ своей матери. Госпожа де-Кастелла чувствовала себя почти такъ же дурно, какъ и Аделина, безпрестанно грустила, сѣтовала и жаловалась. Она часто навѣщала свою больную дочь, но долго оставаться у нея не могла, потому что, не умѣя владѣть своими чувствами, скоро впадала въ истерику. Самый веселымъ, разговорчивымъ и наиболѣе частымъ посѣтителемъ былъ отецъ Маркъ. Онѣ разказывалъ Аделинѣ разные занимательные

анекдоты о сосѣдяхъ и нерѣдко вызывалъ улыбку на ея уста. О религіозныхъ предметахъ онъ никогда съ нею не заговаривалъ, но крайней мѣрѣ въ присутствіи молодыхъ дѣвушекъ, и никогда не намекалъ ей о близости кончины. Роза значительно исправилась за это время отъ своего легкомысленнаго тщеславія, всѣ полюбили ее. Она горько оплакивала теперь свои безполезныя и преувеличенныя изліянія относительно Сары Боклеркъ. *Въ низъ*, по ея убѣжденію, скрывалась главнѣйшая причина страданій Аделины; и хотя послѣдняя никогда объ этомъ не упоминала, будучи молчаливѣе могилы, но тайна ея иногда обнаруживалась невольно. Она уже нѣсколько разъ впадала въ бредъ — иначе нельзя было назвать ту полудремоту, тотъ полусонъ на яву, въ продолженіе котораго она высказывала тяготившія ея мысли. Это обыкновенно случалось въ сумерки, но пробуждаясь, Аделина, повидимому, теряла всякое сознаніе о происшедшемъ. Читателю, быть-можетъ, случится когда-нибудь видѣть подобный случай. Да будетъ ему извѣстно тогда, что положеніе больного въ высшей степени опасно.

Вмѣсто прежней комнаты, Аделинѣ отвели другую, выходящую окнами на югъ. Постель, по заведенному въ этой странѣ обычаю, помѣщалась въ альковѣ или, лучше сказать, въ особенной маленькой спальнѣ съ двумя окнами и двумя дверями. За ней находилась большая, веселая комната или, лучше сказать, гостиная, съ высокимъ потолкомъ, большими окнами, съ красивымъ каминомъ и разостланными по блестящему полу яркими турецкими коврами. Диванъ Аделины стоялъ прямо противъ оконъ; онъ былъ легокъ и свободно поворачивался на колесцахъ во всѣ стороны; госпожа де-Кастелла сидѣла въ креслѣ, почти столь же блѣдная и изнуренная какъ сама Аделина; Мери Карръ работала; Роза разсѣянно перелистывала одинъ изъ красивыхъ альбомовъ, лежавшихъ на большомъ кругломъ столѣ.

— Отдерните занавѣску, Роза, сказала Аделина, — солнца вѣтъ.

Роза исполнила ея желаніе. За часъ передъ тѣмъ блѣдное, туманное солнце, лѣживо выглянувъ изъ-за сѣрыхъ облаковъ, прямо блеснуло въ глаза Аделинѣ, такъ что нужно было задернуть гардину. Несмотря на слабый блескъ лучей, они все еще были слишкомъ ярки для ея больныхъ глазъ.

Вдумываясь въ судьбу Аделины, можно было найдти странное соотвѣтствіе между ея счастьемъ, здоровьемъ и состояніемъ погоды. Сырая, бурная и мрачная съ весны, во все время ея продолжительной болѣзни и вплоть до прїѣзда въ Бофузъ, — погода стала теплою, ясною и очаровательною съ той минуты, какъ начались отношенія съ Фредерикомъ Сентъ-Джономъ; но какъ скоро съ отъѣздомъ его кончилась эта любовь, и Аделина заболѣла, — погода опять перемѣнилась, и снова наступили холодные, сырые, мрачные дни. Читатель знаетъ уже, что съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько недѣль, но погода оставалась такою же мрачною, и не было надежды на перемѣну, по крайней мѣрѣ до начала зимы. Какой-то суевѣрный страхъ закрадывался въ душу Мери Карръ, когда, сидя въ темные вечера у постели Аделины, она прислушивалась къ стонамъ и завыванію вѣтра. Сильно бушевалъ онъ вокругъ не защищеннаго замка, обрывая послѣдніе листья съ полунагихъ деревьевъ, и въ столахъ его какъ будто слышался погребальный звонъ по умиравшей дѣвушкѣ. Подруги съ содроганіемъ посматривали на небо, жалуясь на эту скучную, мрачную погоду, и всюю душой призывая перемѣну; но онѣ забывали, что самый очаровательный лѣтній день, самое яркое небо не могли бы оживить домъ, изъ котораго улетѣла радость, или успокоить сердце, покинутое надеждой. Все это лишь мечта воображенія, скажутъ читателю! Какое отношеніе имѣеть погода къ нашимъ житейскимъ тревоженіямъ? Конечно, никакого. А между тѣмъ это былъ замѣчательный годъ; зима, лѣто и опять зима; не было ни весны, ни осени.

Покаместъ Роза отдергивала занавѣску, напѣвая веселый мотивъ, такъ какъ веселость была ея неразлучнымъ спутникомъ, Аделина встала съ дивана и пересѣла въ спокойное кресло подлѣ каміна.

— Мамаша, сказала она, посмотрѣвъ на болѣзненно-апатичное лицо госпожи де-Кастелла, — почему бы вамъ не пойдти погулять? Сегодня нѣтъ дождя, а свѣжій воздухъ оживилъ бы васъ.

— О, Аделина, со вздохомъ проговорила несчастная мать, — ничто не оживитъ меня, пока ты будешь въ такомъ положеніи.

— Опять, съ упрекомъ замѣтила Роза. — Вы на нее смо-

трите въ мрачномъ свѣтѣ! Аделина съ каждымъ днемъ становится крѣпче и здоровѣе.

Это было отчасти справедливо. Но на долго ли? Быть-можетъ, сама Роза въ глубинѣ души своей сознавала всю непрочность этой перемены. Госпожа де-Кастелла порывисто встала и вышла изъ комнаты, а Роза выразительно пожала прелестными плечиками. Иногда она сознавалась Мери Каррѣ, что охотно побила бы госпожу де-Кастелла за подобныя выходки. Но въ настоящую минуту ограничилась только тѣмъ, что выместила свой гнѣвъ на подушкѣ Аделины, начавъ безпощадно колотить ее, будто бы для того, чтобы сдѣлать ее мягче и покойнѣе.

— Я вамъ подушку оправляю, Аделина.

— Не нужно, милая Роза. Мнѣ и такъ хорошо. Но все-таки благодарю васъ.

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы попробовали этого желе; оно превкусное.

— Богъ съ нимъ, охоты никакой нѣтъ, равнодушно отвѣчала она.

— Не почитать ли вамъ? спросила Роза.

— Какъ хотите, милая Роза; мнѣ все равно. Во всякомъ случаѣ благодарю васъ.

Такою была она постоянно: тиха, покорна, благодарна за всѣ заботы о ней, но безъ малѣйшаго участія къ чему-либо земному. О Сентъ-Джонѣ не было никакихъ слуховъ; въ какой части свѣта находился онъ, зналъ ли онъ о положеніи Аделины, никто не могъ этого сказать. Всѣ предполагали, что онъ былъ въ Лондонѣ, а Аделина ни на минуту въ этомъ не сомнѣвалась. И въ продолженіе всего этого времени ни единой строки отъ него, ни малѣйшаго воспоминанія!

Роза подошла къ столу, и пересмотрѣвъ лежавшія на немъ книги, выбрала стихотворенія Теннисона.

— Нѣтъ, не ту, быстро сказала Аделина, слегка краснѣя, — что-нибудь другое.

Еще бы! Разумѣется, не *ту*. Эта книга была его подаркомъ, и онъ имѣлъ обыкновеніе читать ей изъ нея вслухъ. Могла ли она переносить теперь это чтеніе изъ другихъ устъ?

Роза попробовала взять Беранже.

— Нѣтъ, и это не годится, сказала она. — Вы насмѣялись бы надъ моимъ французскимъ выговоромъ!

— Но вашъ выговоръ вовсе не дуренъ, Роза.

— Въ разговорѣ, можетъ-быть, еще сойдеть съ рукъ. Но читать вслухъ стихи на какомъ бы то ни было языкѣ, кромѣ своего собственнаго.... Это что такое! сказала Роза, прерывая свою рѣчь, и раскрывая новую книжку, которую, впрочемъ также скоро и закрыла. То были *Рейнскіе Пилигримы* Бульвера.

— Все равно, прочтите хоть это, сказала Аделина.

— Нѣтъ, коротко отвѣчала Роза, не то пожимая плечами, не то содрагаясь.

Аделина протянула къ ней руки, и притянувъ ее къ себѣ, прошептала ей на ухо:

— Вы боитесь, читая о Гертрудѣ, напомнить мнѣ о моемъ собственномъ положеніи, Роза. Но между нами вѣтъ другаго сходства, прибавила она съ горькою улыбкой, — кромѣ недуга и близкой смерти. *Ея* судьбѣ можно было бы позавидовать.

— Мнѣ не нравится эта книга, настаивала Роза.

— А мнѣ очень нравится, сказала Аделина. — Особенно тамъ есть одинъ разказъ, который я могла бы слушать безконечно. Я позабыла его заглавіе, но онъ начинается такъ: „Небесные Ангелы настраивали свои арфы, и....“

— Знаю, знаю, перебила Роза, быстро переворачивая страницы, — вотъ онъ. „Душа въ чистилищѣ, или любовь сильнѣе смерти.“ Это разказъ о постоянствѣ женской любви.

— *И о ея награды*, со вздохомъ произнесла Аделина. — Прочтите его. Онъ не великъ.

Роза начала читать. Трудно было бы опредѣлить, слушала ли ее Аделина: она молча сидѣла въ своемъ креслѣ, закрывъ лицо рукой; даже когда чтеніе кончилось, она продолжала сидѣть въ такомъ же положеніи, не сдѣлавъ ни малѣйшаго замѣчанія, покамѣстъ не вошла сидѣлка, чтобы дать лѣкарство.

— Я тамъ пока не нужна, сказала она съ развязностью, свойственною всѣмъ французскимъ слугамъ, но которая, впрочемъ, никогда не доходитъ до фамилиарности, — такъ я посижу немного здѣсь.

— Подвинь диванъ къ огню, няня, сказала Аделина.

Диванъ подвинули, и Аделина легла на него. Роза начала читать другой разказъ и прочитала до самыхъ сумерокъ.

— Не развести ли пожарче огонь, Аделина, и не кончить

ли вамъ этотъ разказъ теперь? или подождать пока принесутъ свѣчи?

Отвѣта не послѣдовало. Мери Карръ потихомьку подкралась къ Аделинѣ и увидѣла, что она спитъ. Сномъ, впрочемъ, нельзя было назвать это безпокойное дремотное состояніе. Молодымъ дѣвушкамъ часто приходило въ голову, не даетъ ли ей этотъ докторъ изъ Одеска опиума, который поддерживаетъ въ ней лихорадочный бредъ? Дрожащій огонь камина причудливо игралъ на лицѣ Аделины, озаряя ее очаровательную красоту и мертвенную блѣдность. Роза закрыла книгу, а Мери отошла отъ дивана, и ставъ у окна, смотрѣла въ темную ночь. Сидѣлка, убаюканная монотонными и непонятными звуками иностраннаго языка, заснула было подъ шумокъ, но вдругъ очнулась, и выступивъ впередъ, произнесла шепотомъ:

— Mesdemoiselles, я пойду внизъ за дровами. Если барышня проснется и потребуетъ чего-нибудь прежде чѣмъ я успѣю возвратиться, то потрудитесь позвонить.

— Ну, теперь она закатится на цѣлый часъ! воскликнула Роза, обращаясь къ Мери Карръ, между тѣмъ какъ сидѣлка тихо вышла изъ комнаты: — вотъ увидите. Я въ первый разъ встрѣчаю такую болтушку. Не странно ли это, Мери, что отъ мистера Сеятъ-Джова до сихъ поръ нѣтъ писемъ?

— Ничуть не странно; я вовсе и не думаю объ этомъ. Эти лѣтнія проказы давно миновали; Аделина была бы гораздо счастливѣе, еслибъ ихъ вовсе не было. Оставляя въ сторонѣ эти идеальныя бредни и смотря на дѣло съ простой, здравой точки зрѣнія... я скажу вамъ, что мнѣ весьма странно, какъ это родные Аделины не употребятъ болѣе энергичныхъ мѣръ для ея развлечения. Къ чему они держатъ ее наверху, въ этой гостиной или, лучше сказать, спальнѣ, вмѣсто того чтобы свести ее внизъ и поставить лицомъ къ лицу съ обыденною жизнію.

— Да некому заняться этимъ, сказала Роза. — Старая мадамъ де-Бофуа больна; Агнеса ухаживаетъ за своею матерью; что же касается до госпожи де-Кастелла, вы сами видите, на что она годна. По моему мнѣнію, если вамъ угодно знать его, Аделинѣ здѣсь гораздо лучше нежели внизу. Тамъ все напоминало бы ей о прошедшемъ; и притомъ въ эту ужасную погоду комнаты внизу похожи на мрачныя кельи.

Какъ бы я желала, чтобы господинъ де-Кастелла вернулся поскорѣе!

— Мнѣ кажется, вамъ безъ конца придется желать этого, возразила Мери. — Знаете ли, что я думаю, Роза? Онъ уѣхалъ именно потому, что ему тяжело видѣть Аделину.

— Они ее убили сообща, замѣтила Роза.

— Нѣтъ, не убили, а только ускорили ея конецъ. Этотъ исходъ былъ, повидимому, неизбеженъ. Вопросъ заключался только во времени: немного раньше, немного позже.

— Еслибы господинъ де-Кастелла...

Мери-Карръ жестомъ остановила свою собесѣдницу, потому что въ эту минуту Аделина зашевелилась и начала бредить. Отвернувшись отъ темнаго окна, у котораго онѣ вели свою тихую бесѣду, молодыя дѣвушки затаили дыханіе и стали прислушиваться. Ясно раздавался этотъ бредъ въ тишинѣ комнаты:

— Полноте! Полноте! бормотала Аделина: — Я вамъ говорю, надежды нѣтъ. Онъ слишкомъ давно уѣхалъ: разъ, два, три, четыре недѣли... вы думаете, я не считала?... Отчего онъ не ѣдетъ?... Отчего онъ не пишетъ?... Онъ былъ такъ взбѣшенъ и гордъ въ этотъ ужасный день, но еслибъ онъ любилъ... *никогда не вспомнитъ обо мнѣ добровольно во всю свою жизнь!* Не увѣряйте меня, что онъ не говорилъ этого: я сама слышала. Не это ли новая комната, которую онъ пристроилъ въ замкѣ Веферъ? Кто приказалъ ее выстроить? Его тамъ не было. Гдѣ же картины? Ахъ, какъ мало! Послушайте! Послушайте! Роза, видите, вонъ онъ, идетъ сюда. О! Не пускайте ко мнѣ де-ла-Шасса! Папаша, не могу я за него выйти! Ужъ разсвѣтаетъ, а онъ не идетъ. Кто говоритъ, что онъ не идетъ? Отецъ Маркъ? А, вотъ и онъ! Онъ идетъ, идетъ! Фредерикъ, Фредерикъ, милый Фредерикъ! Зачѣмъ вы меня удерживаете и не пускаете къ нему? А это кто крадется за нимъ? Какая красавица! Ахъ! (и въ комнатѣ раздавался слабый крикъ.) Это она, это Сара Боклеркъ. О жестокій! жестокій! Промѣнять меня на нее! Онъ сказалъ, что я буду его женой. Это что? Мои письма къ нему, которыя онъ бросилъ мнѣ въ лицо съ язвительною насмѣшкой и презрѣніемъ? Что это онъ читаетъ Сарѣ Боклеркъ? Свои письма ко мнѣ? О, сжался! Сжался!

Эти отрывочныя фразы произносились съ большими промежутками, и многія изъ нихъ были такъ безсвязны, что

въ нихъ нельзя было отыскать смысла. На послѣднемъ словѣ въ комнату вошла сядѣлка, нагруженная дровами. Она воздержалась на этотъ разъ отъ продолжительной болтовни, но по несчастію, одно изъ принесенныхъ ею полѣвъ скатилось на полъ, и стукъ этотъ разбудилъ Аделину. Слезы градомъ струились по лицу Розы. Дѣйствуя подъ увлеченіемъ минуты, она, съ своею обычною неосмотрительностію, подбѣжала къ дивану и рыдая припала къ подушкѣ Аделины.

— О, Аделина, проговорила она, — зачѣмъ было принимать это такъ близко къ сердцу. Если для любви вашей наступилъ конецъ, — я не знаю и не хочу знать, что было тому причиною, — но если дѣйствительно все кончено между вами съ мистеромъ Сентъ-Джономъ, то онъ поступилъ благородно, возвративъ назадъ ваши письма. Въ самомъ дѣлѣ онъ всегда поступалъ какъ честный и благородный человѣкъ. Другой на его мѣстѣ удержалъ бы ваши письма у себя, хвасталъ бы ими, показывалъ бы ихъ въ обществѣ. О, еслибъ я могла получить назадъ всѣ свои любовныя записочки! вдругъ воскликнула Роза, безцеремонно переходя отъ дѣлъ Аделины къ своимъ собственнымъ сердечнымъ дѣламъ: — то-то бы набралась ихъ куча!

— Что вы хотите сказать этимъ? спросила Аделина, тревожно приподнимаясь съ дивана. — Развѣ я проговорилась во снѣ?

— Немного, лишь нѣсколько словъ, пояснила Мери Карръ, выступая впередъ и говоря тихимъ спокойнымъ тономъ, въ противоположность разгоряченному тону Розы. — Но вѣдь намъ все ясно, Аделина, прошептала она. — Мы знаемъ, что у васъ съ мистеромъ Сентъ-Джономъ вышла ссора, что онъ уѣхалъ отсюда въ негодованіи, и что съ тѣхъ поръ вы стали молчаливы и грустны не отъ одной только боли. Эта внутренняя тоска снѣдаетъ васъ незамѣтно. Еслибы вы успокоились душою, время, быть-можетъ, залѣчило бы ваши легкія, но теперь вы сами отнимаете у себя всякую надежду на выздоровленіе.

— Для меня нѣтъ надежды, отвѣчала она, — ты это знаешь, Мери. Будь я даже попрежнему счастлива, осуществись мои мечты и выдь я замужъ за мистера Сентъ-Джона, мнѣ и тогда не пришлось бы жить долго; нѣтъ.

Мери Карръ знала это, но она все еще старалась ее утѣшить.

— Впрочемъ, я должна была предвидѣть все случившееся, съ улыбкой сказала Аделина, пытаюсь обратить этотъ разговоръ въ шутку. То была первая невынужденная улыбка на ея устахъ. — Помните ваше замѣчаніе, Роза, въ этотъ достопамятный вечеръ на Новый годъ, когда у насъ танцовали? Вы говорили, что французскіе ноготки предсказываютъ мнѣ смерть и несчастную любовь!

— Какой вздоръ! рыдая сказала Роза. — Стало-быть, я была дура, дважды дура; да я и не помню этого.

Но Роза слишкомъ хорошо помнила, какъ Аделина смѣялась тогда надъ ея словами, будучи въ полномъ блескѣ своей красоты и торжества. Роскошное лѣто ея счастья миновало, и мечты ея поблекли теперь, какъ цвѣты отъ зимняго холода!

Теперь уже не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія: по приговору докторовъ, она умирала отъ чахотки, но истинная причина ея болѣзни скрывалась въ сердцѣ. Тоска грызла его день и ночь; какія же легкія могли бы устоять противъ этого разрушительнаго вліянія?

Тяжело продолжать эту часть разказа, и пріятнѣе было бы сразу перейти къ концу. Никому не весело читать однообразную повѣсть послѣднихъ дней умирающей: въ ней такъ мало событій, такъ мало интереса. Аделинѣ становилось то лучше, то хуже; доктора продолжали свои визиты и совѣщанія, мѣняли лѣкарства: пилюли на микстуру, микстуру на пилюли; и такъ шли дни за днями. Впрочемъ, всѣ эти средства прописывались только англійскимъ докторомъ. Французы не любятъ прибѣгать къ нимъ. Они не предпшутъ вамъ ни одного приѣма тамъ, гдѣ Англичанинъ готовъ задушить васъ лѣкарствами. И это совершенно справедливо. Чего, чего не надастъ вамъ Англичанинъ? И пилюль, и порошокъ, и микстуръ, по крайней мѣрѣ пятьсотъ разныхъ средствъ, между тѣмъ какъ Французъ не дастъ ничего. Послѣдній не скупится только на теплыя ванны и діету. За то онъ слишкомъ злоупотребляетъ ланцетомъ, пиявками и всякаго рода кровопусканіями. Въ первый годъ пребыванія Элеоноры Сеймуръ (если читатель еще не за былъ ея) въ пансіонѣ *M-me de-Nipo*, между воспитанницами появилась какая-то простудная лихорадка, вслѣдствіе чего и послали за домовымъ докторомъ, тѣмъ самымъ Дорре, который лѣчилъ теперь Аделину де-Кастелла. У пяти или

шести младшихъ дѣвочекъ, сверхъ того, показалась накожная сыпь. Господинъ докторъ объявилъ, что у нихъ, вѣроятно, откроется корь или скарлатина, а до произнесения окончательнаго приговора велѣлъ положить ихъ въ постель и дать имъ сахарной воды. Потомъ онъ послалъ за остальными воспитанницами и каждой изъ нихъ по очереди пустилъ кровь. * „Просто предохранительная мѣра“, сказалъ онъ M-me de-Nino.

Впрочемъ, если непременно нужно продолжать это грустное повѣтствованіе о послѣднихъ дняхъ Аделины, воспользуемся лучше нѣкоторыми извлеченіями изъ дневника Мери Карръ. Хорошо что она веда его; иначе, намъ мало пришлось бы разказать читателю о первой половинѣ заключительнаго акта этой трагедіи.

Между прочимъ не лишнее будетъ упомянуть здѣсь, что Аделиной овладѣло безумное желаніе вернуться въ Бельпортъ. Сначала всѣ противились этому, говоря, что въ приморскомъ городѣ холодъ гораздо чувствительнѣе нежели въ Бофуа, и что путешествіе зимою можетъ повредить ей. Но одно обстоятельство сильно говорило въ ея пользу: въ Бельпортѣ жили ея доктора. Здоровье ея видимо поправилось, такъ что сирьйоръ де-Кастелла, вернувшись домой, съ удивленіемъ замѣтилъ эту перемѣну. Онъ, вѣроятно, не ожидалъ ея.

Отрывокъ изъ дневника Мери Карръ.

3-го ноября.

„Что ей такъ хочется возвратиться въ Бельпортъ? Въ ней разгорѣлось какое-то лихорадочное нетерпѣніе, которое не ускользаетъ даже отъ господина и госпожи де-Кастелла. Роза сейчасъ предлагала мнѣ держать пари на пару перчатокъ, что все это непременно кончится нашею побѣдой. Дай Богъ! Этотъ домъ, повидимому, обреченъ на всевозможныя болѣзни. Госпожа де-Бофуа до сихъ поръ не поправляется, а у одного изъ слугъ сдѣлалась желудочная лихорадка.

„Бельпортъ! Бельпортъ! Вотъ ея единственное желаніе въ жизни, вотъ о чемъ она ежедневно молить Бога. Не думаетъ ли она услышать тамъ о *мнѣ*, или даже увидѣть

* Истинный фактъ во всѣхъ его подробностяхъ. *Прим. авт.*

его? Наконецъ, не хочетъ ли она простится съ этимъ мѣстомъ и въ то же время съ своими воспоминаніями? Какъ она поправилась! Она сходитъ теперь внизъ и одѣвается попрежнему. Только волосы ея собраны въ одну косу подъ хорошенькимъ кружевнымъ чепчикомъ: Французы такъ любятъ держать голову въ теплѣ! Иногда она набрасываетъ на себя легкую кашемировую шаль, ту самую, которая была на ней въ ночь ея неудавшагося побѣга съ мистеромъ Сентъ-Джонъ. „Желала бы я знать, думаетъ ли она иногда объ этомъ?“ спросила я вчера у Розы. „Что вы за осликъ!“ любезно отвѣчала Роза, какъ будто она не думаетъ объ этой злополучной ночи ежечасно, ежеминутно!

„Теперь мы знаемъ, что мистеръ Сентъ-Джонъ въ Лондонѣ. Просматривая *Times*, который аккуратно доставляется сюда къ старой М-ше де-Бофуа, я нашла его имя между именами другихъ лицъ, присутствовавшихъ на какомъ-то митингѣ: Фредерикъ Сентъ-Джонъ, сквайръ изъ замка Вефера. Я сунула газету въ руки Аделины, указавъ ей на списокъ именъ, а сама вышла изъ комнаты. Когда я снова вернулась, журналъ уже былъ на столѣ, а она сама лежала въ креслѣ, опустивъ лицо въ подушку.

„Неужели это замѣтное улучшение въ ея здоровьѣ будетъ обманчиво? Быть-можетъ, оно и не было бы обманчиво, еслибы не тревожная, вѣчно волнуемая душа: повидимому, все тихо и спокойно, а внутри ея все такъ и кипитъ. Прежней слабости нѣтъ и слѣда, кашель почти совершенно прошелъ. Но она попрежнему равнодушна, апатична, погружена въ самое себя. Эту томную апатію, это полнѣйшее равнодушіе къ жизни и ея интересамъ родные объясняютъ физическою слабостію; они не противодѣйствуютъ ей никакими возбуждающими средствами, и Аделина безпрепятственно предается своему горю.“

6-го ноября.

„Стоявшее въ послѣдніе дни вѣдро дало намъ возможность исполнить желаніе Аделины, и вотъ мы опять въ Бельпортѣ. Теперь, когда переѣздъ совершился благополучно, мы всѣ чрезвычайно довольны, что она ближе къ докторамъ. Перемѣна воздуха для нея очевидно полезна: здоровье ея улучшается съ каждымъ днемъ. Но надолго ли? Роза снова ужъ

предается своей необузданной веселости и хочет служить молебень въ благодарность за то, что разсталась съ старымъ мрачнымъ замкомъ и его привидѣнiями.

„Аделинѣ устроили спальню въ нижнемъ этажѣ, въ задней гостиной. Такъ оно и лучше, ей можно теперь выходить къ намъ въ переднюю гостиную, не подвергаясь холодному воздуху на лѣстницѣ. А если она опять сляжетъ, что, повидимому, неизбежно, то комната эта будетъ гораздо удобнѣе для прислуги, да и во многихъ другихъ отношенiяхъ ей тутъ лучше.“

7-го ноября.

„Сегодня была у насъ M-me de-Nino съ двумя изъ старшихъ воспитаницъ. Аделина много разсуживала о пансионѣ и въ ней, кажется, пробудилось неподдѣльное участiе. Перебывало много знакомыхъ, такъ что сравнительно съ мрачнымъ уединенiемъ Бофуа, здѣсь у насъ каждый день ходитъ на приемный. Доктора, очевидно, не находятъ въ этомъ ничего вреднаго, иначе они запретили бы это. Но *мнѣ* кажется, что для Аделины это даже полезно: ей некогда слишкомъ задумываться о прошедшемъ. Горе свое она тщательно скрываетъ до сихъ поръ и никогда не упоминаетъ о немъ ни единымъ словомъ. Имя мистера Сентъ-Джона при ней никто не произноситъ, такъ что всѣ событiя послѣднихъ шести мѣсяцевъ можно принять за сонъ.

„Люди толкуютъ иногда о красотѣ чахоточныхъ, но посмотрѣли бы они на Аделину де-Кастелла. Почти всѣ видимые признаки болѣзни исчезли передъ концомъ, они, вѣроятно, снова вернутся, но въ настоящую минуту отъ нихъ не осталось и слѣда. Никогда не была она такъ прекрасна, какъ теперь; конечно, это хрупкая, тѣнная красота, но въ женщинѣ она имѣетъ особенную прелесть. Очаровательные контуры ея лица, тихая грусть ея томныхъ, карихъ глазъ, прозрачный румянецъ нѣжныхъ щекъ болѣе чѣмъ когда-либо влекутъ къ себѣ взоры. Посѣтители смотрятъ на нее съ изумленiемъ, почти не довѣряя ея недавней болѣзни, и находятъ, что она быстро поправляется. А между тѣмъ энергiи все нѣтъ какъ нѣтъ: то же равнодушiе, та же безжизненность, сидитъ она или лежитъ, держа въ своихъ трепетныхъ, горячихъ рукахъ какую-нибудь англiйскую газету, и напрасно отыскивая все то же необрѣтаемое имя.

„Вчера, когда Роза читала ей стихотвореніе Шеллея, ей подали письмо изъ Англіи. Судя по почерку, оно было отъ мистрисъ Дарлингъ. Аделина, вспыхнувъ отъ нетерпѣнія, быстро взглянула на Розу, дѣлая ей знакъ, чтобъ она поскорѣе прочитала письмо. Госпожа де-Кастелла съ аристократическимъ удивленіемъ смотритъ на это очевидное волненіе, всякій разъ какъ приходятъ письма къ Розѣ. Но мы понимаемъ это: Роза всегда читаетъ Аделинѣ свои письма; Дарлинги находятся теперь въ Лондонѣ, у нихъ есть общіе знакомые съ мистеромъ Сентъ-Джономъ, и Аделина надѣется услышать его имя въ этихъ письмахъ.

„— Письмо подождетъ, сказала Роза, наскоро пробѣжавъ его глазами; она положила его подлѣ себя и снова взялась за книгу.

Еще люблю, не вѣруя въ любовь,
Еще томлюсь желаньемъ безъ надеждъ,
И грезами не прочь упиться явью,
Но сладкій сонъ бѣжитъ усталыхъ вѣждъ;
Проскусь въ слезахъ, а день-деньской тоска
Змѣею сердце гложетъ.....

„Я невольно взглянула на Аделину: такъ шли къ ней эти стихи. Роза тоже остановилась, и взоръ ея обратился въ ту же сторону. Глаза Аделины встрѣтились съ нашими. Вѣроятно, всякому случалось пережить хоть одну изъ такихъ неловкихъ минутъ. Аделина вспыхнула, потому что въ стихахъ было много правды.

Проскусь въ слезахъ, а день-деньской тоска
Змѣею сердце гложетъ....

„Увы! Увы!

„Роза получила дурныя извѣстія о своемъ семействѣ. Съ одного взгляда смекнула она въ чемъ дѣло и отложила письмо въ сторону, не желая поразить Аделину неприятною новостью. Въ самомъ дѣлѣ Роза стала теперь гораздо осторожнѣе прежняго. Бѣдный ребенокъ, наследникъ Анвикъ-Галла, жизнь котораго обезпечивала столько земныхъ благъ его матери, умеръ съ недѣлю тому назадъ. По ея собственному выраженію, Роза впала теперь въ меланхолію. Впервыхъ, ей жаль ребенка: она видѣла его только одинъ разъ въ жизни, нынѣшнимъ лѣтомъ въ Бельпортѣ, но искренно къ нему при-

вязалась. Вовторыхъ, потеря эта сильно разстроитъ ея мать; страхъ за жизнь мальчика, повидимому, неотступно преслѣдовалъ мистрисъ Дарлингъ въ послѣднее время. Втретьихъ, Розѣ приказано облечься въ трауръ. Итакъ сегодня она груститъ и горюетъ, а завтра будетъ злиться какъ оса. Если Роза ненавидитъ что-либо въ этомъ мирѣ, такъ это черную шляпку.

„Аделина стояла сегодня у камина, когда къ ней вошелъ англійскій докторъ. Его поразила счастливая перемена въ ея лицѣ.

„— Да вы насъ просто надуваете, сказалъ онъ.—Мы еще попируемъ у васъ на свадьбѣ.

„— Или на похоровахъ, докторъ, спокойно отвѣчала Аделина.

„— Я говорю что думаю, сказалъ онъ серьезно.—Теперь есть надежда на ваше выздоровленіе. Еслибы только можно было перевезти васъ на югъ!

„— Аделина, воскликнула я, когда онъ вышелъ, и мы остались вдвоемъ,— вы слышали, что онъ сказалъ? Эти слова можно цѣнить на вѣсь золота.

„— А я не придавала имъ никакого значенія, сказала она.— Я очень хорошо понимала его побужденія. Онъ воображаетъ, что могила непременно должна мнѣ казаться чѣмъ-то ужаснымъ, и хочетъ во что бы то ни стало ободрить меня надеждой, настоящею или ложною—для него все равно; это ихъ ремесло. Но въ душѣ онъ вполне убѣжденъ, что я должна умереть.

„— Съ какимъ спокойствіемъ вы это говорите! Можно подумать, что вы *ужаждете* смерти!

„— Нѣтъ, но и жизнью я не дорожу.

„— Неужели она для васъ утратила всю свою прелесть?

„— Жизнь навсегда потеряла для меня свою прелесть, Мери. А еще недавно въ ней было столько очарованія!

„— О, лучше бы вамъ никогда не встрѣчаться съ Фредерикомъ Сентъ-Джономъ! неволью воскликнула я, не думая о томъ что говорю.

„— Не говорите этого! Онъ былъ мнѣ посланъ для моего блага.

„Рыданія заглушали ея голосъ. Я была потрясена до глубины души. Это было въ ней первое сильное проявленіе горя съ тѣхъ поръ какъ она заболѣла.

„— Ну вот! Это все вы виноваты, воскликнула она съ болѣзненнымъ усиленіемъ казаться веселою. — Говоря о сожалѣніяхъ, вы напомнили мнѣ о моихъ дорогихъ родителяхъ. Ихъ горе будетъ ужасно.

„— О, Аделина, не пытайтесь обмануть меня, проговорила я нервнѣе, не зная что оказать ей и страшно негодуя на самое себя. — Что разумѣете вы подъ этими словами, что мистеръ Севтъ-Джонъ былъ посланъ для вашего блага?

„— Все: и отчаяніе, и униженіе, и сердечную истому, испытанную мною въ эти ужасные дни, въ эти ужасныя ночи, сказала она. — Моему горю нѣтъ конца: это одно вѣчное, не-смыслимое терзаніе.

„— Какъ вы должны ненавидѣть мистера Севтъ-Джона!

„— Его ненавидѣть! О, Мери! Хоть разъ бы еще сложила усталую голову на груди его, певнуть ему, что я все простила, услышать отъ него словечко любви, какъ въ старину, добиться его прощенья, — вотъ что ни днемъ, ни ночью не даетъ мнѣ покоя, хоть и знаю, что этому не бывать никогда.

„Она была сильно взволнована, глаза ее горѣли, щеки пылали, а бѣлыя, хрупкія, горячія руки крѣпко сжимали мои пальцы.

„— Вы крѣпко его любили, Аделина?

„— Крѣпко ли! Я иногда спрашиваю себя, любилъ ли кто-нибудь такъ какъ я. — А теперь онъ у ногъ другой женщины!

„— Я понимаю, какъ горька должна быть эта мысль!

„— Нѣтъ, вы не можете понять этого. — Еслибъ я могла обнажить передъ вами мое сердце, такъ что вы увидали бы сокрытыя въ немъ терзанія, они показались бы и вамъ, и ему невообразимымъ, немислимымъ безуміемъ.

„— А вы еще говорите, что онъ былъ посланъ для вашего блага!

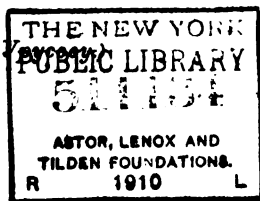
„— Да, да, для моего блага! Теперь я это вижу. Иначе могла ли бы я примириться со смертію? Во мнѣ всегда были зародыши чахотки, сказала она послѣ минутнаго молчанія. — Вы, пансіонерки, бывало говорили мнѣ, что я наследовала всѣ характеристическія черты англійской націи; вѣроятно, въ числѣ ихъ и чахотку.

ВЪ ЧУЖОМЪ ПОЛѢ

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

(Александръ Ивановичу Курочкинъ)

ГЛАВА I.

Марикита ждала Боровскаго не въ тотъ день, когда Англичанинъ былъ у него, а на завтра. Она очерь удивилась и обрадовалась.

Предъ тѣмъ какъ идти въ Rue Balzac, Боровской цѣлые два часа проводивался въ своей комнатѣ. Сначала онъ ни за что не хотѣлъ идти, предчувствуя не то западню, не то рядъ глупыхъ и унижительныхъ сценъ. Кончилось однако тѣмъ, что онъ все-таки пошелъ.

— Я тебя не ожидала, сказала ему Марикита, увлекала въ маленькую гостиную.

— Да, я самъ собрался вдругъ...

— Мужъ мой не поѣдетъ въ Лѣсъ; его вѣтъ дома. Мы можемъ отправиться вдвоемъ.

— И прекрасно, отвѣтилъ Боровской, не зная что сказать.

— Да что ты какой сегодня? спросила его Марикита, когда они въ открытой коляскѣ показались на главной аллеѣ Елисейскихъ полей.

„Что я такое въ самомъ дѣлѣ!“ говорилъ онъ себѣ, отворотивъ глаза отъ лица Марикиты, разрумяненнаго рѣзкимъ весеннимъ воздухомъ.— „Развѣ это можетъ такъ продолжаться? Лгать и передъ ней, и передъ самимъ собой,

быть игрушкой Англичанина и ежесекундно опошлявать свое чувство.“

А день, какъ нарочно, стоялъ веселый и яркій. Рядомъ съ ихъ открытою коляскою неслись къ Булонскому Лѣсу блестящіе экипажи и элегантныя всадники. Никто, казалось, не мѣшалъ полному наслажденію всѣмъ, что только стояло предъ глазами: и свободой молодости, и любовью прелестнѣйшей женщины, и приманками народной праздности.

Какъ ни настроивалъ себя Боровской, онъ все-таки не могъ развеселиться; не могъ даже отвѣчать на ласковыя и игривыя выходки Марикиты.

Когда коляска, сдѣлавъ кругъ около озера, поѣхала назадъ, Боровской торопливо спросилъ Марикиту:

— Сэръ-Робертъ вернется къ обѣду?

— Не знаю; я думаю, что вернется. Вчера, я забыла тебѣ сказать, онъ былъ очень страненъ со мной; почему-то спрашивалъ все о Пюжакѣ, желалъ его видѣть и увѣрялъ меня, что ему будетъ пріятно пробыть въ Парижѣ какъ можно дольше, что нашъ отъѣздъ отсюда совершенно зависитъ отъ меня.

— Къ чему это онъ говорилъ?

— Не знаю. Онъ, можетъ-быть, задумалъ интригу противъ меня; да вѣдь я этого вовсе не боюсь и тебѣ совѣтую поступать также. Я ужъ тебѣ разъ сказала: какъ только я замѣчу въ тебѣ страхъ передъ мужемъ, между нами все кончено... Мнѣ такого не надо! добавила она съ громкимъ смѣхомъ и шаловливо ударила его кончиками пальцевъ по рукаву.

Боровской вторилъ этому смѣху какимъ-то глупымъ звукомъ.

— Посмотри! сказалъ онъ, указывая Марикитѣ на жирнаго мопса, который, по парижской модѣ, посаженъ былъ рядомъ съ кучеромъ и степенно оглядывалъ мимо ѣдущихъ.

— Да, славный мопсъ, отозвалась Марикита и тотчасъ же добавила: — вотъ видишь, онъ безъ намордника, а очень тихъ и не лаетъ ни на кого. Такъ точно и мой Англичанинъ; мы его сдѣлаемъ ручнымъ.

„Сдѣлаешь его ручнымъ!“ отчаянно подумалъ Боровской, „мы съ тобой скорѣй провалимся!“

Разговоръ опять оборвался, и Боровской даже не замѣтилъ, что они, молча, доѣхали до дому. У него было сильнѣйшее желаніе распрощаться съ Марикитой на крыльцѣ; но на

такое движеніе онъ не рѣшился и угрюмо вступилъ вслѣдъ за ней въ гостиную, гдѣ уже сидѣлъ сэръ-Робертъ Рексъ.

— Хорошо катались? спросилъ онъ Боровскаго, подходя къ нему очень близко и непринужденно протягивая руку.

Марикита прошла къ себѣ во внутрешнія комнаты.

— Я вамъ очень благодаренъ, продолжалъ Англичанинъ и пожалъ руку Боровскаго, — я никакъ не могъ сегодня прожать леди Рексъ.

Боровской украдкой взглянулъ въ лицо его. Лицо было деревянно-улыбающееся.

„Издѣвается, каналья!“ подумалъ Боровской и закусилъ губы.

— Я не люблю Буловскаго Лѣса, говорилъ Англичанинъ не мѣняя интонаціи, — лошади здѣсь плохія, а на остальное не стоить смотрѣть!

— А на женщинъ? спросилъ съ нѣкоторою смѣлостію Боровской.

— Да, и на женщинъ. Кто же всего больше блистаетъ? *Les dames du lac?*... Вотъ, видите ли, my dear prince, есть особая порода людей, занимающихся волокитствомъ за замужними женщинами. Это старые холостяки, эгоисты. Имъ завидно, что женатые люди устроили себѣ домашній уголъ. Ни вы, ни я не принадлежимъ къ ихъ числу.

И сэръ-Робертъ Рексъ разсмѣялся равнымъ и очень добродушнымъ смѣхомъ.

„Неужели это будетъ такъ каждый день?“ спросилъ себя Боровской.

Вошла Марикита. Она одѣлась къ обѣду очень нарядно: ярко-малиновое платье прикрытое черными кружевами, драпировано было широкими свѣтлоокрасными лентами, брошеными на юбку. Боровской взглянула на нее и на нѣсколько секундъ забыла и о супругѣ, и о своей странной роли.

— Вы невозможно познакомились? заговорила Марикита, указывая рукой на мужа.

— О, да! отвѣтилъ съ особеннымъ довольствомъ сэръ-Робертъ Рексъ.

Боровской только молча нагнувъ голову.

Обѣдъ прошелъ чопорно, по-англійски. Сэръ-Робертъ Рексъ ѣлъ точно дѣло дѣлалъ, прожевывая каждый кусокъ методически, рыбу, разумѣется, ѣлъ съ помощію корячки хлѣба

и вилки; спросилъ зубочистку послѣ третьяго блюда, ротъ полоскалъ довольно громко, съ особенною, ненавистною Боровскому, брезгливостью.

Нѣсколько разъ во время обѣда Марикита взглядывала на Боровскаго. Онъ отвѣчалъ на эти взгляды туго, робко, даже подъ конецъ обѣда покраснѣлъ: глаза Марикиты были ужъ слишкомъ выразительны.

— Чтѣ съ тобой дѣлается? спросила она его, когда сэръ-Робертъ Рексъ удалился въ кабинетъ курить.

— Нездоровится что-то, отвѣтилъ Боровской, беря ее за руку, но осторожно.

— Ты ужасно смѣлъ понѣ сегодня!

— Чѣмъ же?

— Да помилуй, ты на меня ни разу не взглянулъ!

— Вѣдь, нельзя же, мой другъ...

— Видишь чтѣ, Мисель, начала вдругъ Марикита совсѣмъ другимъ тономъ, — на мелкій обманъ я неспособна! Это слишкомъ скучно! Я буду обманывать мужа до гтѣхъ поръ пока это мнѣ нравится...

— Марикита, прервалъ Боровской, — твой мужъ не такъ глупъ, какъ кажется!

— Умень?

— Даже очень умень!

— Ха, ха, ха, ха! Когда ты успѣлъ разглядѣть его?

— На это не нужно большихъ объясненій.

— Ахъ, полно!... Лучше я вотъ чтѣ тебѣ скажу: наши тріо мнѣ скоро надоѣдятъ. Я буду отправлять мужа въ сергле.

„Хороши будутъ и дуэты,“ жалобно думалъ Боровской. — „Та рыжая собака замышляетъ теперь въ кабинетѣ какую-нибудь гадость, а тутъ — миндальничай!“

Онъ, однако, устыдился своихъ размышленій, взялъ Марикиту за руку и поцѣловалъ въ нѣсколько приемовъ.

Англичанинъ, точно будто давъ имъ позабыться, появилась въ дверяхъ маленькой гостиной какъ разъ послѣ того какъ раздался послѣдній поцѣлуй.

— Какъ вы располагаете вашимъ вечеромъ? спросилъ онъ жену.

— Я буду дома, а вы въ сергле?

— Да, я поѣду. — Вы, сэръ, обратилъ онъ къ Боровскому, — въ карты не играете?

— Понятія не имѣю.

— Въ такомъ случаѣ я вполне понимаю, почему вы такъ любите другія невинныя удовольствія: театры, прогулки, концерты.... Я не намѣренъ нарушать вашихъ удовольствій. Позвольте мнѣ поручить вамъ леди Рексъ на весь вечеръ. Я буду покоенъ и навѣрно выиграю.

Сэръ-Робертъ Рексъ повернулся на каблучкахъ и исчезъ.

— Что это такое? порывисто спросила Марикита. — Намеки?

„Началось“, пробормоталъ про себя Боровской.

— Что жь ты мнѣ не отвѣчаешь?

— Нечего отвѣчать!

— Это что-то новое.... Точно будто вы съ нимъ условились о чемъ-то....

— О чемъ же?

— Онъ просто смѣется надъ тобой! Я этого никакъ не ожидала.... Я могла предполагать, что мой мужъ будетъ ревновать тебя, или глупо молчать, или дѣлать мнѣ сцены, но.... смѣяться!...

Боровской сидѣла потупившись, чувствуя, какъ кровь все выше и выше поднималась по лицу его.

— Марикита! Не мучь ты меня, Бога ради!

— Кто тебя мучитъ?... Я изумлена словами Англичанина, а ты ничего мнѣ не говоришь!

— Да что жь я могу тебѣ сказать? горячо возразилъ Боровской съ искренностію лжи. — Ты вотъ нѣсколько лѣтъ живешь съ мужемъ, а все-таки онъ тебя поражаетъ! Да и какое намъ до этого дѣло? Сама же ты не хочешь знать ни про что, кромѣ нашей любви.... А додумаешься до чего-нибудь, скажи мнѣ. Я, признаюсь, въ этомъ дѣлѣ глупъ и буду ждать твоихъ приказаній.

Все это было сказано скороговоркой, молодымъ, горячимъ тономъ, который могъ очень легко подкупить такую женщину какъ Марикита. Боровской только на половину лгалъ; остальное было искреннимъ проявленіемъ чувства опасности, порывистымъ желаніемъ отдѣлаться поскорѣе отъ самой мысли объ этой опасности.

Марикита наклонилась къ нему и сверкнула глазами. Губы открылись въ страстную улыбку.

— Вотъ это такъ! вскричала она. — Такъ ты долженъ говорить! Я за тебя подумаю!...

И поцѣлуй раздался какъ заключительный аккордъ.

Опять сэръ-Робертъ Рексъ стоялъ въ дверяхъ, такъ что Боровской совсѣмъ почти побѣлѣлъ отъ испуга. Но бакенбарды Англичанина показались между двумя портьерами какъ разъ въ ту минуту, когда Боровской откинулся послѣ подѣлуя Марикиты.

— Я вамъ не мѣшаю? спросилъ сэръ-Робертъ Рексъ, натягивая перчатку.—Я сейчасъ удалюсь. Не ѣздите никогда въ circle, даже если женитесь, сэръ.

— Не буду ѣздить, отвѣтилъ автоматически Боровской.

— Прощайте, my dear.

Англичанинъ подошелъ къ женѣ, протянулъ ей кончики пальцевъ и беззвучно скрылся за портьеры.

„Проѣхало“, радостно подумалъ Боровской и припалъ опять къ рукѣ Марикиты....

ГЛАВА II.

Пюжакъ сидѣлъ у себя въ рабочей комнатѣ, передъ обѣдомъ, часу въ пятомъ. Онъ былъ доволенъ своимъ вчерашнимъ днемъ. Его экзаменъ прошелъ блистательно. Но не любя прибѣгать къ отдыхамъ, онъ и на другой день послѣ экзамена работалъ точно такъ же, какъ въ тотъ день, когда готовился къ нему. Фелисите окончательно успокоилась. Она, разумѣется, не сказала ни слова Пюжаку про выходку Боровскаго. На это неспособна ни одна Француженка изъ той породы, къ какой принадлежала Фелисите.

Пюжакъ давно не видалъ Боровскаго и также давно не былъ у Марикиты.

Стукъ въ дверь оторвалъ его отъ чтенія. Онъ крикнулъ своимъ звонкимъ голосомъ „entrez“, но не всталъ съ мѣста.

— Мистеръ Пюжакъ! раздалось позади его большаго кресла, стоявшаго спиной къ двери.

Пюжакъ вскочилъ. Увидавъ мужа Марикиты, онъ поклонился ему довольно церемонно и проговорилъ по-англійски:

— Я очень радъ видѣть васъ, сэръ. Садитесь, пожалуйста.

Лицо сэръ-Роберта Рекса имѣло почему-то особенный улыбающийся лоскъ. Онъ глядѣлъ на Пюжака совсѣмъ не такъ, какъ высматривалъ Боровскаго, когда явился къ нему въ Hôtel Johnson.

— Вы насъ совсѣмъ забыли, мистеръ Пюжакъ, заговорилъ съ угловатою игривостію сэръ-Робертъ Рексъ.

— Да вотъ, видите, я работаю къ экзамену.

И Пюжакъ показалъ рукой на свои книги и тетрадки.

— Все-таки вы бы намъ удѣлили хоть нѣсколько часовъ въ недѣлю. Да и почему вамъ не остаться, напримѣръ, послѣ обѣда, и работать у насъ? Мой кабинетъ былъ бы къ вашимъ услугамъ.

Пюжакъ вытаращилъ глаза на Англичанина.

— Благодарю васъ, сэръ, но это не оловомъ удобно. Я долженъ былъ бы перенести къ вамъ всю свою библіотеку.

— По крайней мѣрѣ, перебилъ его гость, — приходите къ намъ хоть два раза въ недѣлю. Часъ обѣда во всякомъ случаѣ у васъ пропадаетъ въ одной изъ тѣхъ „тавернъ“, гдѣ вы имѣете обыкновеніе обѣдать.

Пюжакъ слушалъ Англичанина и потряхивалъ своими кудрями. Обычная его нервная усмѣшка проскользнула по губамъ. Онъ что-то соображалъ.

— Вотъ, напримѣръ, сегодня, сэръ, продолжалъ гость, — все болѣе и болѣе пододвигая свое кресло, — у насъ обѣдаетъ вашъ новый другъ, съ которымъ вы познакомили леди Рексъ въ мое отсутствіе....

Произошло крошечное молчаніе. Пюжакъ вскинулъ глазами на гостя. Глаза эти мгновенно заискрились. Онъ, должно-быть, понялъ въ чемъ дѣло.

— Какъ вы находите этого молодого джентльмена? спросилъ онъ гостя добродушнѣйшимъ тономъ.

— Онъ, кажется, человекъ хорошей фамиліи....

— Вамъ нравится его умъ?

— Да.... Ему только недостаетъ „respectability“, отличающей людей нашей расы.

— Къ сожалѣнію, сэръ, разсмѣялся Пюжакъ, — я не имѣю права на такое мнѣніе о самомъ себѣ. Во мнѣ, какъ вамъ извѣстно, англійскаго очень мало.

— Да, оттянулъ сэръ-Робертъ Рексъ, — но вы пользуетесь великимъ благомъ, вы — подданный Британской имперіи, и этого священнаго права никогда лишиться не можете.

— Да, оттянулъ въ свою очередь не безъ ироніи Пюжакъ. — Я представилъ моего новаго друга леди Рексъ, потому что онъ мнѣ показался совершеннымъ джентльменомъ, безукоризненнымъ даже въ вашихъ глазахъ, сэръ. Въ людяхъ его расы есть много оригинальнаго, — вы въ этомъ, вѣроятно, уже убѣдились; я хотѣлъ ввести въ вашъ домъ изящнаго,

умнаго и очень развитаго молодаго Русскаго. Зная, что леди Рексъ пользуется тою свободой, какая должна существовать при разумныхъ отношеніяхъ супруговъ, я не считъ неумѣстнымъ представить моего друга въ ваше отсутствіе.

Пюжакъ произнесъ этотъ церемонный спичъ, нагнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ, съ полузакрытыми глазами и капризною усмѣшкой.

— Вы, сэръ, отвѣтилъ ему Англачанинъ, — точно будто успокоиваете меня; къ чему это? Я, какъ мужъ, отношусь ко всему объективно; но вы совсѣмъ другое дѣло... Вы, по моему мнѣнію, стали слишкомъ равнодушны къ правамъ друга леди Рексъ, заслуженнымъ вами такъ добросовѣстно...

Пюжакъ вскочилъ и прошелся по комнатѣ, что у него означало вторую ступень волненія.

— Могу ли я съ вами говорить болѣе откровенно, сэръ? спросилъ его гость.

— А до сихъ поръ вы какъ же говорили?

Этотъ вопросъ Пюжакъ предложилъ гостю, подбѣдя къ нему очень близко, съ засунутыми въ карманы руками.

— Я говорилъ съ вами, сэръ, о вещахъ, не касающихся прямо интимной жизни вашихъ друзей.

— Далѣе, я васъ слушаю!

— Я смотрю на васъ какъ на брата леди Рексъ; то, что я считалъ бы совершенно неприличнымъ сообщить простому знакомому, вамъ я сообщу свободно. Вашъ новый другъ (слова эти Англачанинъ особенно отчеканилъ) вполне удовлетворилъ тѣмъ соображеніямъ, которыя вы имѣли, когда представляли его леди Рексъ, какъ молодаго и изящнаго джентльмена. Но, такъ какъ вы, сэръ, очень давно не были въ моемъ домѣ, то вы, разумѣется, и не знаете, въ какой степени этотъ молодой джентльменъ сдѣлался необходимымъ для досуговъ леди Рексъ... Я же позволяю себѣ думать, что этотъ вопросъ не можетъ быть для васъ индифферентнымъ. Леди Рексъ все еще такъ молода, что весьма важно для ея друзей знать въ какомъ обществѣ проводитъ она свое время. Увѣрены ли вы вполне въ вашемъ молодомъ другѣ? Я хочу сказать, въ характерѣ его нравственнаго развитія?

— Помилуйте, сэръ! вскричалъ Пюжакъ:—какую роль вы мнѣ навязываете! Вы мужъ леди Рексъ. Если князь Боровской кажется вамъ почему-либо вреднымъ или опаснымъ

для общества вашей жены, то извольте высказать ваши опасенія яснѣе и отклоняйте опасность сами, насколько это въ вашихъ средствахъ.

Пюжакъ еще сильнѣе заходилъ по комнатамъ.

— Я пришелъ сюда, сэръ, не затѣмъ чтобы говорить вамъ льстивыя фразы. Въ нѣсколькихъ словахъ я формулирую мою просьбу, обращенную къ вамъ, какъ къ старому другу леди Рексъ. Если между вами не произошло ничего неприятнаго въ мое отсутствіе, то вамъ нѣтъ причины такъ рѣдко видѣть леди Рексъ. Дружба къ ней подскажетъ вамъ ваше поведеніе. Но что бы вы ни увидали, сэръ, какой бы характеръ отношеній вы ни нашли между молодымъ русскимъ джентльменомъ и моею женой, я убѣдительно прошу васъ, во имя той же дружбы, не дѣлать никакого замѣчанія, ни малѣйшаго намека ни князю Боровскому, ни женѣ моей; а главное, оставить въ глубочайшей тайнѣ то, что было переговорено между нами сію минуту.

— Но въ такомъ случаѣ, вскричалъ Пюжакъ, — я васъ рѣшительно не понимаю! Чего желаете вы, сэръ? Вы хотите, чтобъ я, какъ другъ леди Рексъ, принялъ участіе въ ея шумной жизни, и въ то же время требуете, чтобъ я былъ вѣкъ какъ рыба!

— Я не смѣю ничего требовать отъ васъ, сэръ. Я не прошу васъ наблюдать за поведеніемъ леди Рексъ съ цѣлю упрекать въ чемъ-нибудь предосудительномъ; я обращаюсь только къ вашему сердцу и предвараю васъ о томъ, что можетъ быть опасно для ея спокойствія. Дайте же мнѣ слово, что вы не пророните ни одного звука, который могъ бы смутить леди Рексъ, что бы предъ вами ни происходило.

— Даю вамъ это слово, вскричалъ Пюжакъ, протягивая ему руку, — потому что, признаться вамъ, ровно ничего не понимаю.

Англичанинъ отвѣчалъ на это своимъ дробнымъ смѣхомъ и закончилъ:

— У меня къ вамъ есть еще одна просьба, сэръ, но не отъ меня, а отъ леди Рексъ: она приказала привезти васъ непремѣнно сегодня обѣдать.

Пюжакъ тотчасъ же согласился. Смуглое его лицо давно уже покраснѣло отъ внутренняго волненія. Поспѣшно одѣваясь въ спальнѣ, онъ даже что-то бормоталъ про себя и разводилъ руками.

Черезъ пять минутъ онъ уже сидѣлъ въ кабріолетѣ сэръ-Роберта Рекса, который съ мастерствомъ англійскаго кучера правилъ наемною, но бойкою лошадыю красно-буланого цвѣта.

ГЛАВА III.

Пюжакъ вошелъ съ Англичаниномъ въ маленькую гостиную и засталъ тамъ Марикиту и Боровскаго въ обычныхъ позахъ: ее на низкомъ диванчикѣ, его — на такомъ же низкомъ пуффѣ. Онъ оглянулъ ихъ своимъ бойкимъ, французскимъ взглядомъ и шумно поздоровался.

— Наковець-то! вскричала Марикита, пожимая его руку.

— Я должна была послать за вами сэра-Роберта.

— Я тоже не видалъ васъ цѣлую вѣчность! отозвался Боровской.

Пюжакъ сѣлъ между ними съ тою безцеремонностью, какую онъ приобрѣлъ въ гостиной Марикиты, и началъ болтать о своихъ экзаменахъ, представлять въ лицахъ манеру профессоровъ и свои отвѣты.

Болтая такимъ образомъ, онъ не спускалъ глазъ съ Боровскаго. Казалось, онъ понималъ все, или почти все, что могло произойти между его пріателемъ и мужемъ Марикиты. Когда пошли въ столовую обѣдать, онъ на нѣсколько секундъ призадумался. Во время обѣда Пюжакъ старался занимать сэръ-Роберта Рекса и вступилъ съ нимъ въ одинъ изъ долгихъ споровъ о недостаткахъ англійской конституціи. Марикита, сидѣвшая между Пюжакомъ и мужемъ, заговаривала нѣсколько разъ съ Боровскимъ. Онъ ей отвѣчалъ урывками и часто взглядывалъ то на мужа, то на Пюжака. Эта тревожность не укрылась отъ Пюжака и заставила его, въ промежуткахъ своихъ обильныхъ рѣчей о политикѣ, призадумываться по нѣскольку секундъ.

Послѣ обѣда Англичанинъ думалъ-было посадить Пюжака играть съ нимъ въ шахматы, но Пюжакъ уклонился. Ему хотѣлось перебросить хоть два-три слова наединѣ съ Марикитой. Она какъ будто понимала это желаніе.

— Займите неможно моего мужа, тихо сказала она Боровскому.— Я вижу, что Рауль волнуется, у него вѣрно есть до меня дѣло.

Черезъ пять минутъ Пюжакъ сидѣлъ уже около нея, засунувъ руки въ карманы панталонъ.

— Ну, Рауль, что вы скажете?

— Я ничего не долженъ говорить.

— Какъ такъ?

— Далъ слово вашему супругу.

— Съ какихъ это поръ вы служите Англичанамъ?

— Я ихъ всегда готовъ былъ продавать и теперь продамъ.

Но прежде всего, Марикига, будьте осторожныѣ.

— Ха, ха, ха! Только-то?

— Разрывать съ Англичаниномъ, началъ почти шепотомъ Пюжакъ,—было бы безумно.

— Ну такъ что жь?

— Стало-быть, надо слѣдить за нимъ.

— Ахъ, полвоте, Рауль! Вы всегда съ вашими совѣтами...

— Подумайте, по крайней мѣрѣ, о Вогонску...

— Вотъ это мнѣ мило! Если мужчина ничѣмъ не хочетъ рисковать, онъ транка!

— Я убѣжденъ, что между вами что-то такое уже было...

— Вы думаете? живо спросила Марикига.

— Не думаю, а увѣренъ.

— Не можетъ быть, онъ бы мнѣ сказалъ.

— Это совсѣмъ не доказательство: передавать вамъ такіа вещи совершенно лишнее.

— Но что жь могло между вами быть? Вы видите, что сэръ-Робертъ Рексъ очень хорошъ съ нимъ.

— Вотъ это-то меня и смущаетъ...

— Вы мнѣ все-таки скажите, прервала его Марикига, раскрасившись, — какой у васъ былъ разговоръ съ Англичаниномъ? Гдѣ вы его видѣли?

Пюжакъ вскинулъ глазами на Марикигу, и потянувшись всѣмъ тѣломъ, издалъ не совсѣмъ кстати французское восклицаніе:

— Ouida! Вы знаете, Марикига, что между нами секретовъ нѣтъ. Но я вамъ пока не скажу ничего...

— Почему же?

— Чтобы не испортить дѣла.

— Говорите, я приказываю!

— Нѣтъ ужъ, какъ вамъ угодно, сердитесь не сердитесь, а визитъ сэръ-Роберта Рекса ко мнѣ...

— Ахъ, Боже мой, да вѣдь это я его къ вамъ послала!

— Вы? Но то, что онъ говорилъ мнѣ, заставляетъ меня предостеречь прежде всего васъ, а съ Вогousку я буду имѣть другой разговоръ.

— Пожалуста, не надоѣдайте ему! Ему опротивѣтъ его любовь. И что это за объясненія! Если между Англичаниномъ и имъ была какая-нибудь сцена, Мисель мнѣ навѣрно скажетъ.

— Приставать къ нему не слѣдуетъ. Сколько я его пови-маю, ему трудно быть откровеннымъ даже съ самыми близкими людьми!

Эта фраза, сказанная очень просто, заставила задуматься Марикиту.

— Какой вы дурной, Пюжакъ, промолвила она, — ничего дѣльнаго не сказали....

— Призадумались?

— Вздоръ! я не глупѣе сэръ-Роберта Рекса. Не онъ меня *терпитъ*, а я его.

— Вы... неисправимы! вскричалъ Пюжакъ и всталъ.

— А то, что вы говорили о Миселѣ, продолжала Марикита, — я узнаю, если мнѣ нужно будетъ.

Марикита улыбулась и махнула правою рукою.

— Дитя мое! заговорилъ Пюжакъ болѣе искреннимъ тономъ, съ нѣкоторою даже дрожью въ голосѣ. — Мнѣ нечего васъ увѣрять, какъ вы мнѣ дороги! Развѣ я говорю что-нибудь противъ выбора, который вы сдѣлали...

Марикита слегка вздрогнула при этихъ словахъ.

— Я радовался тому, что вы немного разцвѣли, что вы кого-нибудь полюбили.... Но въ любви, Марикита, нужно, чтобы любимый человекъ былъ поставленъ въ самыя выгодныя условія: надобно, чтобы онъ нравственно перева-ствовалъ надъ мужемъ...

— Къ чему вы это говорите, Рауль?

— А къ тому, дитя мое, что мужъ вашъ долженъ играть такую роль, какую хотите ему дать вы и тотъ, кого вы любите.

— Онъ и будетъ играть такую роль! вскричала Марикита.

— Можетъ-быть, если вы поведете себя иначе. Мы съ вами до сихъ поръ считали сэръ-Роберта Рекса ничтожною личностью... Мы ошибались.

— То же самое говорилъ мнѣ и Мисель.

— Вотъ видите! И онъ правъ. И вамъ будетъ очень горько, Марикита, если Англичанинъ займетъ болѣе видное мѣсто въ борьбѣ, которая, если я не ошибаюсь, уже началась.

Прошла пауза, минуты въ двѣ. Марикита выпрямилась и наклонила свою головку. Пюжакъ смотрѣлъ на нее не то съ улыбкой, не то со страстью.

— Добрый Рауль! сказала Марикита, протягивая ему руку, — вы, можетъ-быть, и правы, но оставьте меня дѣйствовать противъ Англичанина такъ, какъ мнѣ кажется лучшимъ. Кто всего меньше боится, тотъ и больше наслаждается; а я хочу жить, и жить!

Разговоръ этотъ дальше не пошелъ. Пюжакъ умолкъ; Марикита вышла изъ малѣйкой гостиной и отправилась въ кабинетъ мужа, гдѣ Боровской игралъ въ шахматы съ сэръ-Робертомъ Рексомъ. Эта партія успѣла уже издергать всѣ его нервы. Англичанинъ молчалъ и пыхтѣлъ, взглядывая отъ времени до времени на Боровскаго своими оловянными глазами. Боровской, разумѣется, не могъ обдумывать ходовъ. Онъ думалъ только объ одномъ: какія соображенія роятся въ головѣ Англичанина. Взгляды сэръ-Роберта Рекса каждый разъ будили краску на его лицѣ. Онъ чувствовалъ неотразимо, съ какою-то особенною ясностью, какъ этотъ обманутый супругъ долженъ презирать его, несмотря на то что онъ любовникъ его жены. „Рыжая ты собака! говорилъ про себя Боровской, знаю, что ты теперь перебираешь въ своемъ мозгѣ: какъ вы, молъ, себя чувствуете, молодой человѣкъ; сознаете ли, молъ, вы, что ваше положеніе гораздо похуже моего. Вы, счастливый любовникъ, поставлены теперь такъ, что каждая ваша ласка моей женѣ, каждый tête à tête, каждое страстное слово отравлены. Вы дѣйствуете на этомъ поприщѣ до тѣхъ поръ, пока я вамъ позволю. И теперь, мое британское спокойствіе позволяетъ мнѣ обдумывать всѣ шахи и маты, и сидя противъ васъ, наслаждаться вашими язвительными ощущеніями; вы же, молодой человѣкъ, не сдѣлали ни одного удачнаго хода и проиграете мнѣ эту партію точно такъ же, какъ проиграете мнѣ же болѣе крупную партію.“

Боровской давнымъ-давно потерялъ почти всѣ свои фигуры, королева находилась уже въ плѣну у сэръ-Роберта Рекса, только одинъ несчастный офицеръ забить было куда-

то въ уголь и ожидалъ тамъ неминуемой и безславной смерти. Боровской безъ цѣли переставлялъ оставшіяся пѣшки. На безцвѣтныхъ и некрасивыхъ губахъ Англичанина заиграла улыбка, какая бываетъ у фехтовальныхъ учителей, когда они дерутся съ кадетами.

Королю объявленъ былъ шахъ. Въ кабинетъ вошла Марикита. Боровской почувствовалъ ея приближеніе. Тяжелое шелковое платьѣ шуршало по ковру пріятно раздражающимъ звукомъ. Боровской не рѣшился поднять глаза на Марикиту, которая остановилась сбоку его стула и даже оперлась рукой на спинку.

— Кто выигрываетъ? спросила Марикита, ни къ кому не обращаясь.

— Вы видите, я проигрываю, проговорилъ Боровской, все-таки не поднимая на нее глазъ.

— Князь немного разсѣянъ, процѣдилъ сэръ-Робертъ Рексъ добродушнымъ тономъ.

— О чемъ же вы думаете? спросила Марикита Боровскаго.

— Соперникъ мой хочетъ, вѣроятно, сдѣлать подъ конецъ какой-нибудь неотразимый ударъ, поэтому онъ не бережетъ своихъ силъ.

Англичанинъ выговорилъ эту фразу еще болѣе добродушнымъ тономъ и погрузился въ соображенія роковаго мата.

Марикита нагнулась ниже надъ Боровскимъ и сказала многозначительно:

— Не робѣйте. Если вы и проиграете партію, то проиграете ее отъ хорошаго недостатка, отъ молодости.

— Въ шахматахъ, замѣтилъ въ скобкахъ сэръ-Робертъ Рексъ,—это недостатокъ капитальный!

— Я не скажу, возражала Марикита,—М-г Воронску гораздо лучше играть чѣмъ кажется...

— А вы какъ это знаете? прервалъ ее Боровской, которому этотъ діалогъ начиналъ очень претить.

Марикита бросила на него недоумѣвающимъ, почти укоризненнымъ взглядъ.

— Не хотите ли поиграть за меня? спросилъ ее Боровской.

— Чтò же? Я попробую! весело воскричала она.

Боровской всталъ, и наклонясь черезъ столъ, сказалъ хозляву:

— Вы позволите, сэръ?

— Это не въ правилахъ игры, отозвался съ улыбкой Англичанинъ,—но ваше положеніе такъ не блестяще, что я не имѣю духа протестовать.

Послѣ этой фразы Марикита кинула на Боровскаго уже очень вопросительный взглядъ, отъ котораго тотъ мгновенно потупился.

Онъ уступилъ Марикитѣ свое мѣсто и нѣсколько секундъ помялся около нея. Воспользовавшись тѣмъ, что она нарочно, или серьезно, задумалась надъ ходомъ, онъ ретировался изъ кабинета. Когда Пюжакъ взялъ его сзади за плечи, онъ вздрогнулъ и даже рванулся въ сторону.

— Ну, что же? спросилъ адвокатъ.

— Ахъ, Пюжакъ! вырвалось у Боровскаго: — не на радость мы съ вами встрѣтились. Я очень разстроены; уйдемте отсюда...

— Какъ, куда?

— Выдумайте что-нибудь, соворите... скажите, что вы сегодня назначали мнѣ идти съ вами на conférence, куда-нибудь, все равно!

— Да объясните же мнѣ, что такое случилось?

— Здѣсь я не могу; пожалуста, уведите меня, Пюжакъ, поскорѣй!

Добрый Французъ ни мало не медля пошелъ въ кабинетъ и сочинилъ тамъ цѣлую сцену о томъ, съ какимъ трудомъ онъ добывалъ для Боровскаго билетъ на вечернюю лекцію въ Сорбоннѣ. Онъ говорилъ такъ искренно, что даже Марикита поддавалась на обманъ.

— Какъ же ты мнѣ ничего не сказалъ? успѣла она шепнуть Боровскому.

— Я совсѣмъ забылъ, чуть слышно премолилъ Боровской.

Серъ-Робертъ Рексъ удержалъ Пюжака на порогѣ гостиной.

— Вы не нарушили вашего обѣщанія, мистеръ Пюжакъ? сказалъ онъ обыкновеннымъ тономъ, ни тише, ни громче.

— Нѣтъ, сэръ! Я ни слова не говорилъ леди Рексъ о томъ, что было сегодня утромъ между нами.

На улицѣ Боровской пошелъ впередъ и все молчалъ.

Пюжакъ предложилъ ему войти въ маленькое кафе на углу улицы St. Honoré.

— Успокойтесь, сказалъ ему съ усмѣшкой адвокатъ,—и если можете, разкажите въ подробностяхъ все, что было между вами и Англичаниномъ.

— Пюжакъ! прежде всего я долженъ вамъ объявить, что серъ-Робертъ Рексъ поставилъ меня въ безысходное положеніе.

— Онъ все знаетъ?

— Хуже того: онъ смѣется надо мной!

— Быть не можетъ.

— Мнѣ сдѣшкомъ тяжело, Пюжакъ, повторять вамъ все, что я переживалъ въ эти два-три дня; но, ради Бога, ни слова Марикитѣ!

Пюжакъ посмотрѣлъ на него пристально и покачалъ головой.

— Вы хотите скрываться отъ Марикиты? Мой милый другъ, это самый дурной путь. Она изъ тѣхъ женщинъ, которыя простятъ вамъ все на свѣтѣ, кромѣ скрытности, кромѣ малодушія....

— Вы говорите невозможныя вещи, Пюжакъ! вскричалъ Боровской съ сердцемъ.—Какъ бы на меня ни взглянула Марикита, я не могу самъ своими руками душить себя, являться передъ ней, Богъ знаетъ, въ какомъ свѣтѣ.

— Да что такое? Въ чемъ дѣло? Вы волнуетесь, а ничего не говорите толкомъ!

Слова Пюжака только раздражали Боровскаго. Онъ не могъ, или, лучше сказать, не хотѣлъ передать ему самую суть дѣла. Пюжакъ захватилъ его въ самый располухъ. Всѣ эти дни онъ былъ постоянно въ лихорадочномъ возбужденіи и не пришелъ еще ни къ чему рѣшительному. Нужно было Пюжаку выказать чудеса искренности, чтобы вызвать въ Боровскомъ простое признаніе того, что онъ услышалъ отъ серъ Роберта Рекса.

Такъ бесѣда и оборвалась. На этотъ разъ Пюжакъ не на шутку разсердился.

— Берегитесь, Вогопску! сказалъ онъ, надѣвая шляпу.— Ваше малодушіе погубитъ васъ! Но этого мало: вы заставите и любящую женщину пройти черезъ цѣлый рядъ оскорбительныхъ ощущеній. Я вамъ не навязываю своей дружбы. Когда понадобится, знайте, что несмотря на вашу болѣз-

ненную сдержанность, мое слово и моя рука будутъ дѣйствовать въ вашихъ интересахъ!

Боровской долго еще шатался по стихающимъ улицамъ. Дождь его мочилъ. Онъ чувствовалъ, вмѣстѣ съ усталостью, неуговорное недовольство, весьма близкое къ презрительному взгляду и на свою личность, и на дилеттантскую жизнь Парижа, и на свою быструю, такую же дилеттантскую любовь....

ГЛАВА IV.

Весеннее тепло совсѣмъ уже размягло воздухъ. На бульварахъ зазеленѣли деревья. Въ окрестностяхъ Парижа зацвѣли наши июльскіе цвѣты. Веселый людъ Латинскаго квартала кинулся за городъ; началось катанье на лодкахъ, бѣготня по жидкимъ лѣскамъ и паркамъ, и такой же плясъ подъ открытымъ небомъ, какой происходитъ въ душномъ сараѣ у Бюле.

Да и въ самомъ дѣлѣ все тянуло вонъ изъ города истыхъ Парижанъ; а иностранцамъ бульвары развернули свою блестящую приманку на протяженіи нѣсколькихъ верстѣ.

Въ яркій полдень, въ концѣ апрѣля, на дебаркадерѣ сѣверной желѣзной дороги Марикита встрѣтилась съ Боровскимъ. Она была одна. Ей было очень весело. Боровской, одѣтый немного не по сезону, взялъ два билета 1-го класса и пошелъ вмѣстѣ съ ней въ залу, имѣющую, какъ и вездѣ на французскихъ желѣзныхъ дорогахъ, видъ большого отгороженнаго стойла. Онъ тоже былъ веселъ. Они много болтали. Поѣздъ черезъ полчаса остановился въ Enghien.

Тутъ они вышли и почти побѣжали въ сторону сада, гдѣ источникъ свѣжихъ водъ. Очень хорошо дышалось въ этотъ день. Жаръ еще не давалъ себя знать. Небольшое Ангиенское озеро слало прохладу по всему нарядному прибережью, покрытому затѣшливыми дачами въ разныхъ стиляхъ.

Около источника, на самомъ берегу, въ бѣломъ досчатомъ домикѣ, Боровской и Марикита наняли лодку. Красивый молодой малый, въ красной матросской рубашкѣ и въ клеенчатой шляпѣ съ надписью: „Lac d'Enghien,“ началъ дѣй-

ствовать двумя веслами и повезъ ихъ сначала на средину озера или, по-просту, вглубь.

— Ты увѣрена, спросилъ вдругъ Боровской у Марикиты, что Англичанинъ дѣйствительно уѣхалъ въ Лондонъ?

— Что мнѣ до этого за дѣло! Я знаю, что сегодняшній день принадлежитъ намъ. Мнѣ весело, а тебѣ скучать также не изъ чего. Мы здѣсь позавтракаемъ, вонъ тамъ, видишь, въ томъ рестораникѣ, гдѣ балконъ; потомъ мы поднимемся пѣшкомъ въ гору....

— Ты развѣ хочешь кататься на ослухъ?

— Нѣтъ. Мы пойдемъ въ лѣсъ.

Марикита повертывалась во всѣ стороны. Ее тѣшило все, начиная съ маленькой лодки, раскрашенной въ разные цвѣта, и кончая солнцемъ, обливавшимъ легкую рябь жидкимъ ирландичнымъ блескомъ.

— Чей это домъ? спросила она гребца, указывая на красивую дачу съ башенками и другими барскими затѣями.

— C'est à monsieur Émile de Girardin; отвѣтилъ гребецъ, забирая правымъ весломъ.

— А это? спросилъ Боровской, указывая на другую дачу, видѣвшуюся справа изъ-за стройнаго ряда тополей.

— Cette campagne était aussi à monsieur Émile de Girardin, il l'a vendue.

— Сколько же у него домовъ? вскричалъ Боровской.

— О! онъ очень богатъ! внушительно отвѣтилъ гребецъ.— У него здѣсь была еще земля, онъ ее также продалъ.

И молодой малый началъ имъ разказывать, что Эмиль де-Жирарденъ нажилъ себѣ состояніе газетой, что у него очень умная жена, что жена эта писала за него статьи, что противъ Эмиля де-Жирардена нѣтъ землевладѣльцевъ на Ангиенскомъ озерѣ.

— Ну, а кто же по-вашему, пошутилъ съ нимъ Боровской,— выше, какъ писатель: этотъ самый Эмиль де-Жирарденъ, или Thimotée Trimme?

Гребецъ только разсмѣялся, но никакого литературнаго мнѣнія не выразилъ.

— Вонъ тотъ домъ, указалъ онъ на двухъэтажную постройку въ готическомъ стилѣ, совсѣмъ заброшенъ; видите, крыша недодѣлана. Тамъ, на дворѣ, живетъ старушка, владѣтельница этого участка земли. Она вотъ пятый годъ все строитъ. Гостиною отдѣлала, а крыши не хочетъ крыть.

Совсѣмъ сумашедшая! заключилъ словоохотливый гребецъ и разсмѣялся молодымъ, веселымъ смѣхомъ.

Въ карманѣ у Боровскаго значилось тридцать франковъ, послѣднiе изъ взятыхъ у Пюжака. Но Марикита сама предложила ему поѣхать погулять по окрестностямъ, на другой день какъ сэръ-Робертъ Рексъ отправился въ Лондонъ, неизвѣстно съ какою цѣлью.

— Прекрасные тополи! похваливалъ Боровской.—Красивый отблескъ воды, славный воздухъ!

— А какой у меня аппетитъ, еслибы ты зналъ! вторила Марикита, играя водой и бросая брызги вслѣдъ цѣлой вереницѣ лебедей, приученныхъ къ бѣлому хлѣбу....—Вотъ прямо отсюда я бы сѣла въ вагонъ и поѣхала бы на югъ. Парижъ надоѣлъ. Мы можемъ сдѣлать маленькiй сюрпризъ сэръ-Роберту Рексу!

— Сдѣлаемъ! отвѣтилъ шаловливо Боровской.

Онъ въ эту минуту чувствовалъ себя внѣ всякаго давленiя личности супруга.

Обѣхавъ два раза озеро, они вернулись опять къ бѣлому домику; Боровской далъ гребцу франкъ и повелъ Марикиту въ тотъ ресторанчикъ, на который она указывала.

Въ верхнемъ этажѣ, на балконѣ, они уютно помѣстились около столѣика на двѣ персоны. Явился прислуживать весьма приличный гарсонъ, не имѣвшiй однако настоящаго парижскаго закала. Онъ предложилъ имъ классическiй французскiй завтракъ: *hors-d'oeuvre*, состоящiй изъ масла съ редисками, филе съ шампиньонами и *omelette aux fines herbes*.

Все это они потребили, запивая хорошимъ бургонскимъ, франковъ въ семь. Послѣ яичницы закусили сыромъ. Гарсонъ подалъ счетъ. Боровской взглянулъ на него быстро и небрежно; *addition* показывало цифру 19 франковъ 60 сантимовъ. Легкiя мурашки пробѣжали у него по тѣлу. Изъ 30 франковъ оставалось у него на всѣ предбудущiя наслажденiя прогулки 7 франковъ съ сантимами. Онъ вынулъ изъ портмоне единственную двадцати-франковую монету и мужественно вручилъ ее гарсону съ прибавкой франка. Затошвило его немного, не отъ сѣденной пищи, а отъ предвкусиа нѣкоторыхъ извѣстныхъ подробностей дальнѣйшихъ удовольствiй. Марикита, точно малое дитя, побѣжала въ гору, по направленiю къ Монморанси. Дорога шла узкимъ переулочкомъ

между каменными заборами. Солнце начинало припекать сильнее чѣмъ грѣло въ полдень. Немного запыхавшись, вышли они на площадку—самый бойкій пунктъ деревни. День былъ воскресный, и довольно всякаго народа ходило взадъ и впередъ. Желтый дилижансъ стоялъ наготовѣ по лѣвую руку у трактира. Средину площади занимало странное на видъ зданіе, въ два этажа. Подъ верхнимъ жильемъ помѣщалась открытая со всѣхъ сторонъ площадка. Тамъ старыя крикливыя крестьянки предлагали Парижанамъ своихъ ословъ, стоявшихъ тутъ же. Боровской и Марикита для шутки прицѣпились. Толстая-претолстая старуха, съ головой повязанною платкомъ совершенно такъ же, какъ повязываются русскія няньки, запросила у нихъ тридцать су въ часть. Боровской рѣшительно не понималъ, почему Монморанси славится своими ослами. Ослы были самые мизерные, немного больше телятъ, худые и забитые.

— Пойдемъ пѣшкомъ, сказала Марикита,—я ужъ довольно въ свою жизнь каталась на этихъ милыхъ животныхъ.

Они разспросили какъ пройти къ лѣсу. Надо было подняться узкимъ ущельемъ, мимо *эрмитажка* Ж. Ж. Руссо, гдѣ по праздникамъ, въ саду рестораника, даются балки. Долго шли они по глинистой дорогѣ. Ихъ перегоняли съ визгомъ и хохотомъ дѣти на ослахъ. Каштановый лѣсокъ давалъ мало тѣни, но заманивалъ внутрь, гдѣ было побольше травы и темнѣли погуще листья. Забрались они на самую гору и тамъ выбрали себѣ мѣстечко въ чащѣ молодыхъ каштановыхъ деревьевъ. Съ этой вышки имъ видна была окрестность: и озеро, и даже какъ будто Парижъ. Свѣжая трава благоухала, одуванчики расхохлились, покрывая небольшія полянки между группами каштанника. Лѣсъ былъ одѣтъ необычайно пріятною, свѣжею зеленью того цвѣта, какой даютъ недавно распустившіеся каштановые листья.

— Ухъ! вздохнула Марикита, садясь на траву.—Дальше, Мишель, я не пойду. Здѣсь мы устроимъ бивакъ.

Она прилегла къ стволу небольшого, низменнаго каштана, сняла шляпку и оперлась на правую ладонь. Ея два рожа немножко растрепались, и тонкіе волосы блуждали по блестящему, откровенному лбу. Боровской, сидя рядомъ, нагнулся и долго, долго глядѣлъ на ея свѣтые глаза.

— Убѣжимъ на югъ! пролепетали яркія уста Марикиты.

— Куда? тихо спросилъ Боровской.

— Ко мнѣ въ Кадикосъ.

— Дитя!

— А ты старикъ?

— Да развѣ ты способна, вотъ сейчасъ, бросить мужа?

— Отчего же нѣтъ?

— Ахъ, Марикита! Вѣдь надо заглянуть хоть на нѣсколь-
ко шаговъ впередъ!

— Я не знаю препятствій, кромѣ своихъ желаній! Теперь
я не хочу разрывать такъ съ Англичанинномъ; но еслибы ты
сказалъ мнѣ: Марикита, поѣдемъ, одѣлаемъ маленькое путе-
шествіе, я бы ни минуты не задумалась; мужъ мой [не по-
смыслъ бы плакнуть!

— Да, Марикита... но на это нужны средства...

Боровской потупился.

— Средства? повторила она.—Что жъ толковать о такомъ
вздорѣ, Мишель! Я тебѣ давно хотѣла сказать! ты скрываетъ
часть въ самыхъ пустякахъ... Ты, можетъ-быть, нуждаешь-
ся въ деньгахъ и до сихъ поръ ни слова мнѣ [не сказалъ
объ этомъ!

Боровской началъ краснѣть какъ школьникъ.

— Зачѣмъ говорить о такихъ подробностяхъ, Марикита....

— Это дурно! прервала она его.—Очень [дурно! Стыдиться
своей бѣдности! Ты молодой человѣкъ, вѣроятно, зависишь
отъ отца, а отцы иногда неаккуратно высылаютъ деньги
своимъ сыновьямъ.... Это все такъ просто, а ты скрываешь
отъ меня, изъ ложной гордости.

— Но согласись, Марикита, что это хозяйственные
вещи, лучше умалчивать о нихъ.

— Совершенный вздоръ! Ты самъ хорошо понимаешь, что
поступалъ дурно.... Я у тебя ничего объ этомъ не спраши-
вала по очень простой причинѣ: еслибы я была не при день-
гахъ, или получала мало, развѣ я стала бы церемониться съ
тобой?

— Женщина совѣтъ другое дѣло... пробормотала Боров-
ской.

— Оц, Мишель! Какія гадости! Какъ тебѣ не стыдно такъ
разсуждать!

Марикита даже отвернулась.

— Ну, полно! началъ просительно Боровской.

— Нѣтъ, Мишель, я не ожидала такой мелочности!

И она опять обернула къ нему свое милое, ласкающее лицо, и на жаркихъ губкахъ уже сіяла улыбка прощенья.

— Зачѣмъ скрывать отъ меня то, что, вѣроятно, извѣстно каждому твоему пріятелю, хозяйкѣ отеля, гдѣ ты живешь, послѣднему гарсону... Я говорю это не какъ пустая, капризная женщина, а какъ твой другъ. Я тебя воевкала въ нѣкоторые расходы, не зная твоихъ средствъ; ты ихъ дѣлалъ, скрѣпя сердце, и отравлялъ этимъ всѣ свиданія со мною.... Ты ничего не долженъ Пюжаку?

— Ахъ, Боже мой, Марикита!

— Отвѣть мнѣ просто: да или нѣтъ? Если ты задолжалъ Раулю, это еще лучше, хотя все-таки мнѣ непріятно.

— Да, я ему долженъ...

— Сколько, сколько?

— Да всего сто франковъ, жалобно отвѣтилъ Боровской.

— И ты не могъ мнѣ объ этомъ сказать? Значитъ, Рауль видѣлъ, что ты скрываешь отъ меня подробности твоей домашней жизни? Послушай, Мисель: развѣ я свѣтская женщина? Взгляни ты на меня! Съ какою-нибудь маркизой ты могъ бы еще рисоваться, поддерживать свой титулъ, но со мною!

— Прости, не буду! запищалъ Боровской и бросился цѣловать ея влатье.

Она сперва нехота, а потомъ съ дурако скрываемою нѣгой отвѣтила на его ласки.

— Ты дитя, Мисель, а не я! говорила Марикита, поправляя рукой его непокорные волосы.—Это тебя всего больше оправдываетъ. Я не буду тебя бранить!

Боровской чувствовалъ себя тронутымъ и совершенно побитымъ. Каждое слово Марикиты дышало искреннимъ протестомъ противъ его самолюбивой мелочности.

— Ну, говори же мнѣ теперь, начала она болтать своимъ обыкновеннымъ тономъ,—сколько у тебя долговъ?

Боровской не сразу отвѣтилъ.

— Да говори же, Мисель! Это непростительное малодушіе.

— Франковъ около трехсотъ.

— Кому же ты еще долженъ, кромѣ Пюжака?

— Я... заложилъ свои вещи, въ Mont de Piété....

— Ха, ха, ха! Чтò жь тутъ ужаснаго? Я думаю, у насъ тамъ въ кварталѣ нѣтъ ни одного студента, у котораго бы не лежало цѣпочки или часовъ въ закладѣ... Ахъ, какой ты ребенокъ! Я совсѣмъ съ тобой помирилась! И она бросилась цѣловать его.

Въ эту минуту за деревьями, на узкой тропинкѣ, поднимавшейся по крутизнѣ, послышались голоса. Марикита при- молкла.

— Non, Adolphe, говорилъ картавый и очень высокiй женскiй голосъ, — je suis á sec, mon cher, tu me paies à diner aujourd'hui, et demain tu auras une douzaine ordinaire avec une demie supérieure!

— Que tu es chien, Fifine, отвѣчалъ молодой мужской го- лосъ, — je t'ai proposé maintes consommations, j'ai bien le droit de te carrotter un petit peu.

— As tu fini, malheureux?

И женскiй голосъ пускливо и задорно запѣлъ:

C'est lui q'fait le mieux connaitre l'amour,
C'est un tambour, c'est un tambour.

Боровской раздвинулъ вѣтки, и подавшись впередъ, выгля- нулъ на тропинку. По ней поднималась пара: молоденькая, блòкурная швейка въ кисейномъ платьѣ, бойко припод- нятомъ спереди, и юноша, по всѣмъ признакамъ, студентъ, въ поярковой шляпѣ на затылкѣ, въ свѣтлыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ и башмакахъ; свой пиджакъ онъ несъ на палкѣ и охватывалъ правою рукою талию своей подруги, подталки- вая ее въ гору.

— Ты слышалъ? тихо просила Марикита.

— Слышалъ.

— Вотъ какъ говорятъ о деньгахъ, когда любятъ другъ друга.

— Помилуй, Марикита! Какъ же ты сравниваешь....

— А какая разница между нами и этою парой? Я хочу, чтобы ты меня именно любилъ какъ вотъ этотъ студентъ любить бѣдную дѣвушку-грязетку.

— Ты забываешь, Марикита, началъ опять прежнимъ то- номъ Боровской, — что мы поставлены совсѣмъ въ другiя условiя... У тебя въ гостиниой я не бѣдный студентъ, ты не подруга, живущая съ нимъ въ одной комнатѣ.

— Предъ кѣмъ ты желаешь охранять мое достоинство?

Кромѣ мужа и Пюжака, около насъ никого нѣтъ. Съ мужемъ я не церемонюсь. Рауль знаетъ твои обстоятельства. Ты меня никакъ бы не оскорбилъ, обращаясь со мной какъ съ простою гризеткой, да, *une femme du quartier!*

Марикита разгорѣлась. Она сидѣла на травѣ, выпрямившись, и пронизывала Боровскаго взглядомъ своихъ крупныхъ глазъ.

— Сознайся, что ты не правъ! вскричала она;—ты не понималъ меня.

— Если и такъ, Марикита, промолвилъ смиреннымъ голосомъ Боровской,—будь свисходительна ко мнѣ, меня уже давно заѣдаетъ ложная гордость; я и не оправдываюсь. Вотъ уже слишкомъ два года, какъ я долженъ разчитывать каждый франкъ, Марикита. Чтò жь удивительнаго, если я не захотѣлъ вводить тебя въ мои дразги!

Боровской держалъ Марикиту за руку и говорилъ, съ опущенными глазами, надорваннымъ голосомъ, въ которомъ слышалось еще другое, болѣе затаенное горе.

— Я тебѣ вѣрю, отвѣтила твердо Марикита;—но мнѣ больно, что ты входилъ въ лишніе расходы....

— Какъ же бы я могъ сблизиться съ тобой, Марикита, безъ этихъ маленькихъ лишнихъ расходовъ? Да и чтò объ этомъ долго говорить. Я задолжалъ, потому что отецъ вотъ уже два слишкомъ мѣсяца ничего не высылаетъ мнѣ.

— Не высылаетъ? переспросила Марикита.

— Да; правда, онъ самъ не въ очень блестящихъ обстоятельствахъ, но я бы, разумѣется, не поѣхалъ за границу, еслибъ отецъ не обѣщалъ мнѣ высылать по 200 франковъ въ мѣсяцъ.

На Боровскаго нашелъ стихъ откровенности, чтò всегда бываетъ, какъ скоро человекъ броситъ свою сдержанность о какомъ-нибудь щекотливомъ вопросѣ.

— Ты получаешь всего 200 франковъ въ мѣсяцъ? вскричала Марикита.—О, мой милый! Да это ужасно!

— Чтò жь тутъ ужаснаго, Марикита? Еслибъ я не получалъ ни одного франка, я все-таки считалъ бы Парижъ раемъ, и ничто меня отсюда не выгонитъ до тѣхъ поръ, пока ты здѣсь.

— Ну, вотъ чтò, Мишель, хлопотливо заговорила Марикита,—отнынѣ ты не смѣешь обращаться за деньгами ни къ кому, кромѣ меня.

— Полно!..

— Если ты еще скажешь хоть одно слово въ такомъ тонѣ, я замочу и оставляю тебя здѣсь. Это, просто, глупая гордость. Заплати свои долги, возьми у меня 500 франковъ.

— Когда же я ихъ тебѣ отдамъ, Марикита? отвѣкивался Боровской.

— Ахъ Боже мой, когда, когда? Ну, когда-нибудь! Получишь вексель отъ отца....

Марикита порывисто достала изъ кармана маленькій портмоне изъ желтой кожи и высыпала на ладонь лѣвой руки нѣсколько золотыхъ.

— Вотъ, возьми! Тутъ, кажется, около пятисотъ франковъ. У меня еще останется заплатить за обѣдъ! добавила она со смѣхомъ.—Я тебя хочу угощать, слышишь?

Боровской опять покраснѣлъ, но все-таки положилъ золотые въ карманъ жилета.

— Ну, теперь спустимся внизъ! вскричала Марикита, вставая съ земли.—Пора обѣдать. Мы пойдемъ въ эрмитажъ Ж. Ж. Руссо и тамъ отобѣдаемъ въ саду.

Боровской приблизился къ ней, взялъ ее за обѣ руки, прижалъ къ себѣ и поцѣловалъ тихо въ лобъ.

— Мнѣ совѣстно, Марикита! пробормоталъ онъ.

— Ахъ, какой глупый!

И Марикита пустилась бѣжать внизъ по тропинкѣ.

Въ эрмитажѣ Ж. Ж. Руссо они пообедали въ саду, подъ кустами сирени, съ плохенькимъ видомъ. Марикита опять развеселилась и не заводила разговора ни о себѣ, ни о мужѣ, ни о любви. Когда пришлось расплачиваться, она не допустила Боровскаго.

— Жить на твой счетъ я не хочу, шепнула она ему, а желаю, чтобы ты бралъ мои деньги, когда тебѣ нужно.

Къ вечеру, на платформѣ, въ верхней части садика, гдѣ они обѣдали, начался сельскій балчикъ. Крестьяночки, въ муслиновыхъ платьяхъ, довольно неуклюже вертѣлись въ вальсѣ. Кадрилы шли чинно, безъ примѣси столичнаго канкана. Марикита захотѣла танцевать. Боровской сдѣлалъ съ ней нѣсколько туровъ польки и пришелъ въ неописанный восторгъ отъ ея изящной и страстной манеры танцевать.

— Я бы очень желала, говорила она, раскраснѣвшись, — чтобы теперь явился сюда Англичанинъ и увидалъ, какъ я танцую съ тобой на деревенскомъ балѣ.

— А можетъ-быть, онъ и здѣсь гдѣ-нибудь, отозвался Боровской.

— Ты думаешь?

— Отъ сэра-Роберта можно всего ожидать!

Марикита задумалась на минуту. Въ это время оркестръ доигрывалъ первую фигуру кадрили. Они сидѣли въ сторонѣ, въ небольшой бесѣдкѣ изъ дикаго винограда, откуда была видна вся платформа.

— Вотъ что, Мисель! вдругъ заговорила Марикита серьезнымъ тономъ, который у ней какъ-то особенно ярко контрастировалъ со взрывами неугомонной игривости.—Три недѣли тому назадъ Рауль смутилъ меня.

— Чѣмъ? тревожно спросила Боровской, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ.

— Онъ тебѣ ничего не говорилъ?

— Нѣтъ.

— Ну, и прекрасно!

Она помолчала.

— Рауль возбудилъ опять во мнѣ подозрѣнiе; оно разъ у меня вырвалось, помнишь, когда Англiчанинъ отправился въ клубъ и обратился къ тебѣ съ такою странною фразой. Я подумала, не было ли между вами какого-нибудь объясненiя обо мнѣ. Потомъ этотъ разговоръ съ Раулемъ... Я очень возмущилась и въ первую минуту захотѣла непременно добиться, было ли что-нибудь между тобою и моимъ мужемъ.

Боровской все блѣднѣлъ и блѣднѣлъ. Сумерки и тусклый свѣтъ бумажныхъ фонариковъ спасали его.

— Я сдержала свой порывъ. Въ тотъ же день я уже рѣшила, что не стану у тебя спрашивать: всѣ эти вопросы вздоръ! Вотъ, Мисель, единственная вещь, которой ты не зналъ.

Боровской прошелъ чрезъ цѣлый рядъ ощущенiй, слушая рѣчь Марикиты. На этотъ разъ онъ былъ спасенъ; не только отчасти отагло у него отъ сердца. Довѣрчивое чувство Марикиты ранило его по большому мѣсту. Онъ сознавалъ, что надо было все ей сказать въ эту минуту; но малодушiе взяло верхъ, и Боровской сумѣлъ только беззвучно приложиться къ ея рукѣ.

— И знай, Мисель, закончила Марикита,—что я тебя совершенно избавляю отъ обязанности передавать мнѣ твои

разговоры съ Англичаниномъ. Я хочу, чтобы въ моей любви къ тебѣ не упоминалось ни о комъ, кромѣ тебя, и всего меньше объ сэрѣ-Робертѣ Рексѣ.

— Не опоздать бы намъ къ повѣду, сказалъ послѣ небольшой паузы Боровской.

— Мнѣ здѣсь очень хорошо; противно возвращаться въ этотъ дымный и грязный Парижъ.

— Не почевать же здѣсь?

Она пристально посмотрѣла на него, и молча, поднялась.

Они дошли пешкомъ до Монморанси. Желтый дилижансъ довезъ ихъ къ Англической станціи. Повѣздъ врѣмелъ минутъ черезъ десять.

Въ Парижѣ, на дебаркадерѣ, только что они, стѣсненные большою толпою, начали спускаться по широкой лѣстницѣ внизъ, въ сторону между двумя вагонами, Боровскому показалась пара бѣлокурыхъ бакенбардъ.

Онъ дернулъ за руку Марикиту.

— Что съ тобой? шепнула она.

— Мнѣ показалось... мужъ твой слѣдитъ за нами.

— Ты бредишь!

— Смотри скорѣй на лѣво!

Марикита взглянула черезъ его плечо. Бѣлокурыхъ бакенбардъ уже не было видно; но изъ-за колонны видѣлась удаляющаяся фигура, совершенно сходная съ фигурой сэра-Роберта Рекса.

— Это онъ? спросилъ Боровской.

— Онъ! отвѣтила Марикита и тотчасъ же отвернулась.

Молча спустились они внизъ. Боровской тяжело дышало, но успѣлъ замѣтить, что рука Марикиты твердо лежала на его рукѣ. Въ лицѣ ея не дрогнула ни одна черта.

— Не провожай меня! сказала она на улицѣ. — Завтра ты все узнаешь. Жди письма.

Ни одного слова, ни одной ласки не нашлось у Боровскаго. Онъ посадилъ ее въ фіакръ и долго стоялъ на тротуарѣ съ сумбуромъ въ головѣ и съ неопредѣленнымъ страхомъ во всѣхъ внутренностяхъ.

Медленными, робкими шагами пошелъ онъ отъ Gare St. Lazare, гдѣ происходила сцена. Пройдя аркады, онъ повернулъ безсознательно въ какой-то переулокъ. Путь ему пресѣкъ омнибусъ. Задумчиво взглянулъ онъ на цвѣтные фонари

и терпѣливо сталъ ждать, пока, вслѣдъ за омнибусомъ, пройдетъ большая повозка.

Повозка прошла. Омъ все еще стоялъ. Вдругъ ему показалось, что кто-то дотронулся до его руки.

— How are you, sir?

Боровской очутился носъ къ носу съ сэръ-Робертомъ Рексомъ.

— Развѣ вы не въ Лондонѣ, сэръ? спросилъ омъ его беззвучнымъ голосомъ.

— Какъ видите, нѣтъ! отвѣчалъ Англичанинъ, поправивъ свой воротничокъ.

— Какъ же такъ?

— Я видѣлъ, какъ вы пріѣхали съ моею женой; я знаю, какъ вы катались съ ней по озеру и гуляли въ лѣсу...

— Вы шпионили? вырвалось у Боровскаго.

— Да, я шпионилъ! Вы знаете, что мое поведеніе все то же. Для леди Рексъ я теперь въ Лондонѣ.

„Она васъ видѣла“, хотѣлъ-было крикнуть Боровской, но почему-то удержался.

— Вы слышите, сэръ, жена моя не должна знать про это свиданіе. Я вернусь черезъ пять дней.

— Оставьте меня... шепталъ Боровской.—Я ничего не хочу знать... Ваше поведеніе отвратительно!

— А ваше?

И Англичанинъ, приподнявъ шляпу, оставилъ Боровскаго и началъ переходить улицу.

Цѣлые полтора часа шелъ Боровской до Rue des Mathurins St. Jacques, точно подъ гнетомъ какой-нибудь тяжести.

ГЛАВА V.

„Другъ мой! Я въ первый разъ поставлена въ тупикъ дѣйствіями моего любезнаго супруга. Омъ не являлся въ отель. Можно было бы послать ему депешу въ Лондонъ, по его обыкновенному тамъ адресу, но это ни къ чему не послужитъ. Вѣроятно, если омъ скрывается, омъ распорядился, чтобы, въ случаѣ депеши, кто-нибудь отвѣтилъ за него. Когда я вчера сѣла въ фіакръ, была минута сомнѣнія: не ошиблись ли мы съ тобой, не показался ли намъ двойникъ сэръ-Роберта? Но нѣтъ, Мисель, я прекрасно знаю его фигуру. Его *затылка* не найдешь ни у кого! И потомъ англійскій покрой его свѣтлаго нью-марктъ очень хорошо мнѣ

извѣстенъ. Другаго сэръ-Роберта Рекса быть не можетъ во всемъ свѣтѣ. Его шпіонство всего менѣе меня тревожить. Боже мой! если на то пошло, я брошу его сію минуту. Я не говорила тебѣ вчера, Мишель: у меня есть свои деньги, свои капиталы, свои бумаги! Да, я не завISHу отъ Англичанина. Съ такимъ человѣкомъ какъ сэръ-Робертъ Рексъ, нужно было прежде всего обезпечить себя, *стоить* что-нибудь на деньги, хотя бы эти деньги были взяты изъ его кармана! Я продала ему себя; онъ мнѣ заплатилъ *пятьдесятъ тысячъ фунтовъ!* Вотъ, мой другъ, какъ я богата, по крайней мѣрѣ для Франціи. Тебѣ нечего беспокоиться о томъ, придетъ тебѣ отецъ денегъ во-время или нѣтъ.

„Англичанинъ заплатилъ мнѣ пятьдесятъ тысячъ фунтовъ и почувствовалъ, что сдѣлалъ глупость. Какъ же могу я зависѣть отъ него, если имѣю матеріальное независимое положеніе? Нравственныхъ правъ надо мною у него нѣтъ. Я видѣла, что это его точить, и я радовалась его страданіямъ. Почему? Я ужъ тебѣ говорила въ первые дни нашего знакомства. Но ты правъ; въ одномъ я ошибалась: *онъ, дѣйствительно, не такъ глупъ, какъ я это думала.* Меня ослѣпило, можетъ-быть, сознаніе моего торжества надъ этимъ человѣкомъ. Я хотѣла, когда полюблю, измѣнить ему, да и не ему, а неприкосновенности его имѣи самымъ смѣлымъ, самымъ дерзкимъ образомъ. Я это и сдѣлала! Ты очень хорошо знаешь, Мишель, что ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ, я не старалась скрывать наши отношенія. Все что замужняя женщина можетъ себѣ позволить, не разрывая окончательно съ мужемъ, все это я дѣлала, дѣлала сознательно и съ намѣреніемъ. Сначала я вовсе не интересовалась тѣмъ, какъ сэръ-Робертъ Рексъ поведетъ себя, догадается онъ или нѣтъ о нашей связи. Въ этой безпечности я находила наслажденіе, я торжествовала надъ британскою ненавистною мнѣ гордостью. Я попирала ногами „*respectability*“ тупаго и высокомернаго эсквайра; я тѣшилась глупою и позорною ролью человѣка, который, въ своей страсти ко мнѣ, былъ когда-то такъ ненавистенъ своимъ эгоизмомъ, своею ядовитою спѣсью!

„Онъ скоро увидалъ какъ я веду себя. Его невозмутимость сразу показалась мнѣ странною. Не знаю, сдѣлалъ ли онъ тебѣ какую-нибудь сцену, но я чувствовала, Мишель, вчера, когда мы объ этомъ говорили въ Монморанси, у тебя что-то дрогнуло въ лицѣ, ты что-то затаилъ отъ меня. Я не требую признанія. Но если сэръ-Робертъ Рексъ, послѣ своего шпіонства, вернется ко мнѣ съ своимъ свѣтло-улыбающимся лицомъ, не вызоветъ тебя, не скажетъ мнѣ ни одного упрека, не приготовитъ и не нанесетъ никакого удара, какъ бы этотъ ударъ ни былъ тяжелъ, я тогда ясно увижу, что онъ началъ со мною борьбу на равномъ оружіи. Это побудитъ меня или сейчасъ же разорвать съ нимъ, или... ты, можетъ-быть, не знаешь, Мишель, что для меня не суще-

ствуешь ничего страшнаго. Вынести разчитанное равнодушіе Англичанина, сдѣлаться игрушкой его маневровъ, помириться съ мыслью, что онъ считаетъ мою любовь къ тебѣ дѣтскою вспышкой и приведетъ меня своимъ джентльменскимъ спокойствіемъ къ трогательному раскаянію? Нѣтъ, этому не бывать! *Будь готовъ на все.* Онъ обѣщаль быть здѣсь черезъ пять дней. Въ эти пять дней я тебя не увижу: Пускай его ищетъ насъ или ждетъ на улицѣ. Я хочу встрѣтить его одна. Я доведу его до взрыва. Если же онъ уклонится, то еще нѣсколько дней послѣ его появленія покажутъ мнѣ что дѣлать!“

„Твоя Марикита.“

„P. S. Вздоръ я это все говорю.... Какъ можно намъ пять дней не видать другъ друга; да и вовсе этого не нужно! Я до сихъ поръ не была у тебя. Жди меня около обѣда. Я тебя приглашаю обѣдать въ Пале - Ройяль. *Будь готовъ на все.*“

Боровской читалъ и перечитывалъ четыре мелко написанныя страницы. Съ этихъ страницъ глядѣло на него столько ужасающей правды, что чувство глубокой подавленности совсѣмъ овладѣло имъ.

„Кто жъ она, эта женщина? спрашивалъ онъ, глядя на письмо, и машинально повторяя вслухъ нѣкоторыя фразы: чего она хочетъ? Какую роль я играю во всемъ этомъ? Куда же мы придемъ съ ней?“ Его влекла какая-то волна; править ею онъ не могъ; бѣжать назадъ было уже поздно!

„Будь готовъ на все“, эти роковыя слова окончательно поражали его. Неужели на какое-нибудь преступленіе? И что же онъ, лично, имѣлъ противъ сэръ-Роберта Рекса? Ненависть къ нему Марикиты? Но онъ не зналъ всѣхъ подробностей ихъ первоначальной встрѣчи. Кто правъ, кто виноватъ, судить онъ не могъ. Наконецъ, кто же мѣшалъ Марикитѣ, имѣя свои средства, разойтись съ мужемъ гораздо раньше? Цѣлая система возмездія, которую она задумала и приводила въ исполненіе, была ея личнымъ дѣломъ, имѣвшимъ только для нея такой трагическій смыслъ. Онъ же не могъ сознательно участвовать въ этой личной ненависти. Она ему представлялась даже какою-то мрачною забавой празднои впечатлительности. Она только страшила и болѣзненно подавляла его.

„На что же мнѣ готовиться?“ спрашивалъ себя Боровской. И тутъ только стало ему ясно, что его чувство къ Марикитѣ не было для него ни страстью, ни радостью. Ея

ненависть не проникла къ нему въ сердце, она не сдѣлалась его кровною заботой, не воспламенила его, а только испугала. Ему была противна фигура сэръ-Роберта Рекса, но почему? потому что мужъ заставилъ его играть смѣшную и унизительную роль, потому что онъ боялся этой эксцентричной, видимо преобладающей надъ нимъ личности, а не потому что вражда Марикиты проникла въ плоть и кровь его.

Предъ нимъ носился веселый, наивно-простодушный обликъ этой блѣлой женщины. Вспомнилось ему, что въ дѣтствѣ, когда ему было лѣтъ четырнадцать, отецъ повезъ его изъ деревни въ уѣздный городъ на ярмарку. И тамъ, въ балаганномъ театрѣ, какой-то трагикъ, въ роли Отелло, завывалъ на разные лады о Дездемонѣ:

„Существо столь кѣжвое, существо столь слабое!“

Онъ могъ теперь сдѣлать то же восклицаніе. Эта молоденькая женщина съ дѣвичьимъ лицомъ проявляла столько суровой энергіи, дерзости, злобы! Онъ чувствовалъ себя мальчишкой и начиналъ предвидѣть, что чѣмъ больше раскроется передъ нимъ натура Марикиты, тѣмъ страшнѣе для него станетъ исходъ драмы, въ которую онъ такъ быстро и, казалось побѣдоносно вступался.

„Она богата,—продолжалъ онъ допрашивать письмо,—у ней пятьдесятъ тысячъ фунтовъ. Чтѣ же я-то дѣлаю? Эти пятьсотъ франковъ точно залогъ моей кабалы.“

Послѣдній пунктъ довершилъ тревогу Боровскаго. Пятьсотъ франковъ представились ему въ такомъ неблагоприятномъ свѣтѣ, что онъ смотрѣлъ уже на нихъ почти съ ужасомъ.

„Отдамъ ихъ сегодня же“, рѣшилъ онъ, даже ни минуты не думая чѣмъ онъ будетъ существовать на другой день.

Какъ ни безпомощно чувствовалъ себя Боровской послѣ полученія письма Марикиты, онъ все-таки не побѣжалъ за совѣтомъ къ Пюжаку. Какая-то особая, ему самому непонятная недовѣрчивость удержала его отъ изліяній, хотя онъ прекрасно зналъ добрую натуру Француза. Ему показалось, что лучше уже погибать или срамиться одному чѣмъ вмѣшиваться третье лицо въ разыгрывающуюся „трагедію“.

Чѣмъ ближе подходило время къ пяти часамъ, тѣмъ все больше и больше пугался Боровской личнаго свиданія съ Марикитой. Онъ ожидалъ его почти съ такимъ же чувствомъ,

какое вдругъ наполнило его, когда цѣль посѣщенія сэръ-Роберта Рекса стала для него ясна.

Около половины шестаго явилась Марикита, все такая же веселая, какъ вчера на озерѣ и въ каштановомъ лѣсу.

— Вотъ гдѣ ты живешь! Меня кучеръ подвезъ совсѣмъ къ другому дому. Какъ высоко!

Она пристѣла къ бюро. Ея письмо лежало развернутымъ.

— Когда ты получилъ?

— Въ десять часовъ, отвѣтилъ Боровской, не зная о чемъ начать разговоръ.

— Погода прекрасная! болтала Марикита.—Мы пойдемъ пѣшкомъ въ Пале-Рояль. Ты завтракалъ?

— Нѣтъ.

— Что жь ты дѣлалъ?

— Читалъ твое письмо, выговорилъ съ усиліемъ Боровской.

— Долго же ты его читалъ!... Я могла тебѣ все это разказать, да вчера нечѣмъ было наполнить ночь. Я надѣюсь, что ты не волнуешься. Мы еще успѣемъ сговориться, когда онъ будетъ здѣсь.

Боровской молчалъ.

— Сегодня, продолжала Марикита, — мы посмѣемся въ Пале-Рояль, и даже я тебя прошу, если ты увидишь опять Англичанина гдѣ-нибудь, внизу или вверху, пожалуста не говори мнѣ.

— Марикита! промолвилъ наконецъ Боровской.

— Какое у тебя лицо! Ты точно собираешься говорить спичъ.

— Я получилъ сегодня отъ отца письмо съ деньгами....

— Ну, такъ что жь?

— Прошу тебя взять твои деньги назадъ.

— Зачѣмъ это? Развѣ ты не можешь ихъ удержать у себя?

— Я не нуждаюсь въ нихъ!

— Ахъ, какой вздоръ! Что за счеты?

— Я говорю тебѣ очень серьезно. Теперь у меня есть деньги, лишнихъ расходовъ я дѣлать не буду, къ чему же мнѣ твои пятьсотъ франковъ?

— Когда ты получилъ деньги?

Марикита пристально взглянула на него смѣющимися глазами. Боровской смутился.

— Я говорю тебѣ, что я получилъ....

Она быстро встала и подошла къ нему.

— Нѣтъ, ты это все выдумалъ! Никакихъ денегъ ты не получаешь.

— Ты не можешь, Марикита, заставить меня взять деньги насильно.

Онъ приблизился къ бюро и положилъ на него тѣ двадцатифранковыя монеты, которыя Марикита высыпала вчера въ Монморанси на ладонь своей ручки.

— Если ты такъ капризничаешь, сказала она спокойнымъ, веселымъ голосомъ, — то надо тебя утѣшить какъ малаго ребенка.

И съ этими словами она взяла съ бюро золотые и начала ими играть, перебрасывая изъ одной руки въ другую.

Боровской слѣдилъ глазами за этою игрой, и все тѣ же вопросы не лавали ему покоя.

— Пойдемъ! выговорилъ онъ наконецъ и, молча, началъ нагибать пальто и шляпу.

Всю дорогу говорила одна Марикита. Назъ Боровскимъ вѣдомо два запрета: своя собственная боязнь и нежеланіе Марикиты вести до поры до времени какіе бы то ни было разговоры о мужѣ. Почти насмѣшкой казалась ему, съ ея стороны, программа ихъ времяпровожденія.

ГЛАВА VI.

Пять дней Боровской не разставался съ Марикитой. Пятьсотъ франковъ хотя и вышли изъ его портмоне, но всѣ расходы брала на себя Марикита. Боровской подчинялся этому: въ карманѣ его было нѣсколько франковъ.

Наканувъ того дня, когда сэръ-Робертъ Рексъ долженъ былъ вернуться изъ своей предполагаемой поѣздки въ Лондонъ, Марикита удержала Боровскаго дольше обыкновеннаго. Пятидневное ожиданіе сдѣлало то, что Боровской перешелъ отъ тяжелаго страха почти къ той же безпечности, какую онъ видѣлъ въ Марикитѣ.

— Завтра, говорила она ему на прощаньи, — если ты не получишь отъ меня письма, приходи къ обѣду. Мы не должны измѣнять *нашего* образа жизни, какъ бы ни повелъ себя Англичанинъ.

Ночь прошла у Боровскаго тревожно. Въ первый разъ, сколько онъ себя помнилъ, сдѣлалась съ нимъ бессонница.

и инстинктъ самосохраненія сказывался сильнѣе всего остальнаго. Въ эти пять дней онъ все-таки ничего не узналъ такого о Марикутѣ, что бы давало ему полную разгадку ея чувства къ сэръ-Роберту Рексу. Не то чтобъ она скрытничала, или отклоняла разговоръ, но онъ самъ боялся говорить съ ней, боялся угадать многое, къ чему онъ не былъ ни сколько подготовленъ ни характеромъ своего чувства къ Марикутѣ, ни смѣлостью, какая нужна въ подобныхъ переломкахъ.

Давно ли въ этой самой кровати улаживалъ онъ свое самолюбіе, перебирая въ головѣ удачное волокитство за Марикутой! Какъ выгодно онъ поставилъ себя между добродушнымъ Французомъ и тупымъ Англичаниномъ; какъ приятно было ему тогда чувствовать свое превосходство.

И что же изъ всего этого осталось?..

„Развѣ я совсѣмъ не люблю Марикуту? спрашивалъ себя Боровскій, поворачиваясь на разсвѣтѣ въ широкой французской постели.—Люблю ли я ее или нѣтъ?“

Онъ любилъ эту женщину по-своему, ни сколько не обманывая себя; но ему дорога была Марикута, которую онъ зналъ, а не жена сэръ-Роберта Рекса. Слитъ эти двѣ фигуры въ одинъ образъ онъ не могъ. Восхищеніе ея красотой, ея страстною наивностью, малѣйшими проявленіями своеобразнаго, смѣлаго ума стоило рядомъ съ себялюбивымъ, равнодушнымъ чувствомъ къ ея симпатіямъ, къ ея враждамъ, къ ея прошедшему, ко всему, что было трагическаго въ образѣ этой женщины.

Такъ и не заснулъ Боровскій. Вставъ, онъ сѣлъ на свой балкончикъ и поджидалъ появленія фактора, или комиссіонера со стороны бульвара St-Michel.

Показался комиссіонеръ въ половинѣ одиннадцатаго. Боровскій не ошибся, признавъ, что комиссіонеръ шелъ съ письмомъ Марикуты.

Въ письмѣ стояло слѣдующее:

„Онъ явился. Никакой сцены не произошло. Тотъ же тотъ же самый какъ и до отъезда; но я не ошиблась, онъ хочетъ довести меня до раскаянія, играетъ мной какъ ребенкомъ. Будь сегодня готовъ и ожидай меня на Южной желѣзной дорогѣ въ семь часовъ. Много вещей съ собой не бери.

„Марикута.“

„Бѣжать! вскричалъ вслухъ Боровскій.—Куда же?“

Онъ совершенно растерялся. Къ семи часамъ надо было все рѣшить, то-есть связать свою судьбу съ эксцентричною женщиной и, быть-можетъ, втиснуться въ какое-нибудь ужащающее дѣло. Бросить ее въ такую минуту—подло; идти въ Rue Balzac и успокаивать Марикиту глупо и, пожалуй, еще опаснѣе чѣмъ встрѣтиться съ ней въ семь часовъ на желѣзной дорогѣ. Взять посредникомъ Пюжака было уже поздно: Марикита хоть и любитъ его, но мнѣнше его въ рѣшительную минуту не подчинится; да, наконецъ, при мужѣ, какъ ни велика ея свобода, невозможно дѣлать подобныя опыты.

— Вхвать на ся счетъ я не хочу! вскричалъ Боровской, ходя по комнатѣ.—А гдѣ же у меня деньги?

Щеки его пылали, утомленная бессонницей голова хваталась за обрывки мыслей...

— Нечего дѣлать! вскричалъ онъ: — другаго средства нѣтъ! Онъ поспѣшно одѣлся и спустился въ третій этажъ къ г. Жуліа.

На этотъ разъ, безъ всякихъ прелиминарій, онъ сказалъ реполитанскому гвардейцу, который еще прохлаждался въ кровати.

— Мнѣ нужно имѣть триста франковъ, господинъ Жуліа!

— О! вы проигрались?

— Нѣтъ. Но не въ томъ дѣло. Я готовъ отправиться съ вами къ этому аббату...

— Къ отцу Бино? вскричалъ проходимецъ, смотря на Боровскаго своими заспанными, нахальными глазами.

— Мы можемъ это сдѣлать теперь же? приставалъ Боровской.

— Да, сейчасъ.

— Но могу ли я надѣяться получить сегодня же деньги?

— Отчего же нѣтъ!

Жуліа надѣвалъ свой faux-col передъ зеркаломъ, и отвѣчая Боровскому, побрякивалъ съ особеннымъ самодовольствомъ.

— Я вамъ говорилъ, молодой человекъ, обратился онъ къ Боровскому, — что вы кончите этимъ. Очень радъ! Ха-ха-ха!

Боровскаго подергивало, но онъ удержался, и сѣвъ на кровать, смотрѣлъ неподвижными глазами на фигуру Жуліа, облакавашагося въ свой обыкновенный костюмъ.

— Вы, значить, согласны поступить въ войско его святѣйшества?

— Согласенъ! отвѣчалъ со злобью Боровской.

— Разумѣется, тутъ есть вопросъ вѣроисповѣданія, но... мы будемъ надѣяться, что вы сами скоро убѣдитесь.... въ заблужденіяхъ вашей.... схизмы. Торопитесь вамъ осо бѣнно нечего, можете погулять здѣсь еще, по крайней мѣрѣ, мѣсяць..

— Хорошо, хорошо!... повторялъ Боровской.

Жуліа былъ готовъ. Они скорымъ шагомъ дошли до бульвара St-Michel, перебрались на другую сторону и по Rue Casine направились къ церкви St.-Sulpice.

Жуліа, шедшій впереди, юркнулъ въ узкую дверку стараго, закоптѣлаго дома, гдѣ въ нижнемъ этажѣ помѣщался магазинъ съ церковною утварью. Вся эта улица всегда обдавала Боровскаго клерикальнымъ воздухомъ.

Нужно было подняться въ четвертый этажъ. Жуліа довольно робко позвонилъ и въ то же время поглядѣлъ на Боровскаго такимъ взглядомъ, точно приглашалъ его изобразить на лицѣ своемъ должное благоговѣніе къ тому мѣсту гдѣ они находились.

Имъ отворила старая женщина въ большомъ чепцѣ крестьянскаго фасона.

— Отецъ Бино дома? спросилъ Жуліа тихо и трусливо.

— У себя, отвѣтила женщина, пропуская ихъ въ темную прихожую, гдѣ Боровской почувствовалъ запахъ не то ладану, не то сухихъ травъ.

Откуда-то слышался отрывистый старческій кашель. Звукъ этого кашля произвелъ въ Боровскомъ ощущеніе грифеля по доскѣ. „Зачѣмъ я здѣсь?“ пронеслось въ головѣ его. „Во свѣ что ли это, или на яву?“

— Пожалуйте сюда! сказала старая женщина, отворяя дверь.

Жуліа двинулся впередъ, взявъ Боровскаго за руку. Онъ придалъ своему пухлому солдатскому лицу пресмѣшное выраженіе. Еслибы Боровской былъ въ другихъ чувствахъ, фигура Жуліа заставила бы его очень громко разсмѣяться.

Они вступили въ небольшую низкую комнату съ старомодною мебелью краснаго дерева. На стѣнахъ висѣли разныя клерикальныя изображенія: размалеванныя статуэткы мадоннъ, освѣщенные высохшими вѣтвями, и гравюры легитимистскаго характера, представлявшія тюремную жизнь и казнь Лудовика XVI.

Въ противоположныхъ дверяхъ показался сѣдой старичокъ въ черной сутанѣ, приподнятой сбоку на тесемкѣ, въ сере-

бравыхъ очкахъ, съ ястребинымъ носомъ и лоснящимся отъ бритья подбородкомъ.

Жуліа подошелъ къ нему точно на ординарцахъ и отпра- портовалъ:

— Имѣю честь представить вамъ, преподобный отецъ, мо- лодаго человека, о которомъ уже докладывалъ.

„Такъ ты уже докладывалъ, каналья,“ подумалъ Боров- ской, не безъ любопытства осматривая личность аббата.

Старичокъ кашлянулъ три раза въ руку, точно считалъ поклоны по четкамъ.

— Вы русскій князь?

Старичокъ картавилъ и произносилъ слова въ носъ. Этакъ читаютъ, обыкновенно, французскіе духовные стараго покроя

— Да, господинъ аббатъ, отвѣтилъ, чуть раскрывъ ротъ, Бо- ровской.

— Вы греческой схизмы?

— Да, господинъ аббатъ, отвѣтилъ съ тою же интонаціей Боровской.

— Престолъ святѣйшаго отца поддерживается вѣрными, но есть много вашихъ едиковѣрцевъ, которыя признаютъ высокое главенство его святѣйшества.

„Что онъ меня въ унию что ли обращаетъ?“ подумалъ Бо- ровской.

— Исповѣданіе, продолжалъ старичокъ, покашливая, не можетъ быть препятствіемъ къ вашему поступленію на службу, только бы мы были увѣрены въ вашихъ чувствахъ по отношенію къ святому престолу.

Жуліа шепнулъ аббату что-то на ухо.

— Хорошо, хорошо отвѣтилъ начальническимъ тономъ старичокъ, и приблизившись къ Боровскому, сказалъ ему тѣмъ же тономъ, глядя поверхъ очковъ: — Мы можемъ дать вамъ вспоможеніе на ваше слово христіанина и дворянина поступить чрезъ мѣсяцъ на службу его святѣйшества, какъ вы условились...

И онъ указалъ рукой въ сторону Жуліа.

Боровской ничего не говорилъ. Онъ только кивнулъ голо- вой въ знакъ согласія.

— Перейдемте въ другую комнату, пригласилъ старичокъ. Всѣ трое перешли въ кабинетъ, полный книгами сверху донизу.

— Присядьте, я васъ долго держать не буду, промовая аббата и взялся за большую книгу, лежавшую на бюро.

Жуліа не посмѣлъ съѣсть, а сталъ почти на вытѣжку у камина. Боровской помѣстился прямо противъ аббата съ наружной стороны стола.

— Не угодно ли вамъ будетъ сказать мнѣ вашъ полный титулъ, имя и фамилію, лѣта, званіе, какое вы имѣли въ нашемъ отечествѣ?

Боровской сказалъ все это.

— Вы еще очень молоды. Васъ можетъ ожидать прекрасная карьера на службѣ его святѣйшества. Кто знаетъ, можетъ-быть, вы перемѣните военный мушкетиръ на другое платье. У васъ есть мѣсто всякимъ дарованіямъ. Но дисциплина, смиреніе, въ простомъ званіи солдата, есть лучшая школа. Вы увидите, въ какомъ блистательномъ обществѣ будете вы проходить свое служеніе.

Аббатъ говорилъ все это на распѣвъ, записывая въ книгу, по столбцамъ, свѣдѣнія о Боровскомъ.

— Я знаю, продолжалъ аббатъ, — многихъ изъ вашихъ естественниковъ. Святѣйшій отецъ имѣетъ между вами ревностныхъ поборниковъ, какъ среди принадлежащихъ наружно къ греческой схимѣ, такъ и среди открыто исповѣдующихъ единую католическую вѣру.

Когда имя, лѣта и званіе Боровскаго были внесены въ книгу съ должными комментаріями, старичокъ взялъ листъ бумаги, свернулъ его въ восьмушку, написалъ нѣсколько строкъ и черезъ столъ подавъ Боровскому вѣсѣть съ перомъ.

— Не угодно ли вамъ будетъ прочесть и подписать?

Въ бумагѣ стояла росписка въ полученіи отъ аббата Бино трехсотъ франковъ, съ обязательствомъ быть готовымъ къ 1-му июля отправиться по его назначенію въ Римъ и поступить солдатомъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ его святѣйшества.

Боровской два раза перечелъ эту бумажку, и ему сдѣлалось очень неловко. Но пытаться назадъ и что-либо возражать было уже невозможно.

Его волненіе выразилось только тѣмъ, что онъ еще разъ безъ нужды обмакнулъ перо въ чернильницу. Расписался онъ съ красивымъ росчеркомъ и отодвинулъ бумагу въ сторону аббата.

Старичокъ взглянулъ на подпись, поправилъ очки, и улыбувшись, проговорилъ:

— Вы можете, молодой человекъ, получить вашу субвенцію сегодня же; но будьте такъ добры, потрудитесь доставить завтра, въ этотъ часъ, вашъ паспортъ и всѣ бумаги, какія при васъ находятся. Вы легко поймете, что я действую такъ не по недоверью къ вашей личности, но мнѣ необходимо имѣть ваши бумаги для сообщенія куда слѣдуетъ. Вы ихъ получите назадъ черезъ нѣсколько дней.

„Вотъ тебѣ на!“ опросилъ себя Боровской. „Какъ же я сделаюсь, если сегодня придется ѣхать куда-нибудь далеко.“

Аббатъ вынулъ изъ-подъ бюро маленькую шкатулку и началъ въ ней рыться. Боровской отвернулся и сталъ разсматривать фигуру Жуліа, стоявшаго все въ той же позѣ около камина. На отдутыхъ щекахъ Жуліа значилось въ эту минуту довольство унтеръ-офицера, представившаго начальству виднаго и исправно обмундированнаго ординара. Больше на его физиономіи ничего не изображалось.

— Вотъ триста франковъ! раздался голосъ старичка.

Боровской взялъ въ руку три банковые билета и въ ту же минуту всталъ.

— Весьма пріятно, молодой человекъ, произнесъ заключительнымъ тономъ аббатъ, — видѣть въ васъ одного изъ лучшихъ служителей святаго престола.

Боровской промолчалъ что-то, и неловко повернувшись, поклонился какъ-то въ полъ-оборота. Жуліа отошелъ отъ камина, и приблизившись къ аббату, что-то ему опять прошепталъ.

— C'est bien, промолвилъ старичокъ и движеніемъ руки какъ бы пригласилъ Жуліа увести Боровскаго.

Неаполитанскій гвардеецъ, отвѣсивъ поклонъ, ретировался задомъ и въ дверяхъ кабинета догналъ Боровскаго, взявъ его подъ руку.

Отъ этого прикосновенія чувство гадливости проникло Боровскаго. Онъ безъ всякой церемоніи посмотрѣлъ въ лицо Жуліа съ полнымъ отвращеніемъ. Проходимецъ не только не обратилъ на это вниманія, но самымъ весело-нахальнымъ тономъ прошепталъ ему въ ухо:

— Vous voici enfoncé!

Руки его опять очутились въ карманахъ, фертонъ, и онъ съ большою жантильностью раскладался со старухой, выдвинувшею ихъ изъ передней.

— Теперь, восклицалъ онъ на улицѣ, — надо поплотнѣе позавтракать на вашъ счетъ! Я самъ, въ июнѣ мѣсяцѣ, думаю перебраться въ Римъ. Попадете, можетъ-быть, подъ мою команду.... Я, молодой человѣкъ, уже пять лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ.... Подчиненными моими были герцоги и графы! Чокнемся сегодня съ вами, по-товарищески!

— Видите ли, monsieur Жуліа, заговорилъ Боровской, — мнѣ нужно было бы забѣжать тутъ къ одному адвокату....

— Ха-ха-ха! Куда вамъ спѣшить? Позавтракаемте! Теперь ужъ вамъ много бѣгать не годится. Мы за вами надзоръ устроимъ! Ха-ха-ха!

— Какой надзоръ?

— Чтобы вы не убѣжали отъ насъ!

Лицо Боровскаго выразило крайнее недоумѣніе.

— Ха-ха-ха! разливался Жуліа. — Не бойтесь! Стѣснять васъ очень не будемъ. Съ тремястами франковъ далеко не уйдешь! А у васъ, кажется, должки есть, молодой человѣкъ! Сколько долгу-то? Признайтесь?

— Больше трехсотъ франковъ!

— Отчего вы такъ мало просили? Аббатъ Бино еще бы прибавилъ. Это, впрочемъ, не уйдетъ. При вашемъ отправленіи, вы имѣете полное право потребовать еще столько же. И я надѣюсь, молодой человѣкъ, что вы оцѣните должнымъ образомъ мои старанія и.... заплатите мнѣ извѣстный процентъ.

Жуліа подкрѣпилъ эту фразу весьма безцеремонною улыбкой.

— Какой же это процентъ, господинъ Жуліа?

— Франковъ пятьдесятъ по крайней мѣрѣ.

— Хорошо.

— Теперь я ничего не требую съ васъ. Вы имѣете дѣло съ порядочнымъ человѣкомъ.... Есть здѣсь въ Парижѣ не мало людей, доставляющихъ мѣста, но все это мошенники; а я обрабатываю дѣла солидно. Такъ зайдите вотъ сюда, въ Rue M-g le Prince, къ Блери. Я васъ раззорать не хочу.... Мнѣ дюжину устрицъ и бутылку макову, и потомъ еще чего-нибудь....

— Хорошо, хорошо! повторилъ Боровской, точно въ какомъ-то кошмарѣ.

Такъ ему было скверно, что не будь Жуліа, онъ бросился бы бѣжать къ себѣ, и тамъ заперся бы, чтобы никого не видать до вечера.

Первое лицо, попавшееся ему въ нижней комнатѣ рестораника Баери, былъ Пюжакъ.

— Гдѣ вы пропадаете? вскричалъ онъ. Я сейчасъ былъ у васъ.

— По дѣламъ, отвѣтилъ Боровской и разсѣялся гаупнымъ смѣхомъ.

— Мы слѣдемъ вотъ тутъ! заговорилъ Жудіа, безцеремонно беря его за локоть.

Пюжакъ прищурился на проходимца.

— Мнѣ такъ много нужно вамъ сказать, cher Bogousky!

— Оставимъ до другаго дня; теперь я не одинъ....

— Вижу, вижу, прервалъ съ удареніемъ Пюжакъ.—Я вамъ не буду мѣшать; только назначьте мнѣ, по крайней мѣрѣ, день и часъ, у васъ ли, у меня, или гдѣ-нибудь въ кафе....

— Да я готовъ завтра, если хотите.

Говоря это, Боровской покраснѣлъ.

— Прекрасно, прекрасно!

— Только я васъ попрошу, Пюжакъ, на два слова туда наверхъ.

— Хоть на десять словъ.

Пюжакъ взялъ его подъ руку и повелъ къ винтовой лѣстницѣ. Господинъ Жудіа, только что было помѣстившійся за столомъ, всталъ опять, и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, проводилъ глазами пріятелей вверхъ по лѣстницѣ.

— Рауль! заговорилъ Боровской взволнованнымъ голосомъ, заведя Пюжака въ маленькую комнату налѣво: — вы меня одожили съ такимъ добрымъ чувствомъ, благодарю васъ.

— И только-то! разсѣялся Пюжакъ.—Изъ-за этого не стоило тащить меня наверхъ.

— Вотъ сто франковъ; пожалуйста, возьмите ихъ; я получилъ деньги.

— Боже мой! Къ чему такая поспѣшность? Развѣ это не успѣлось бы завтра!

— Все равно!

— Да что съ вами, 'Bogousky? Руки у васъ какъ въ огнѣ, лицо блѣдное....

— Ничего, Рауль, я здоровъ.

— Не знаю, здоровы ли вы, только вы ужасно страшились. Что Мариquita? Я цѣлую вѣчность не былъ въ Rue Balzac. Зато вы можете меня поздравить: я докторъ!

— Поздравляю, Рауль, поздравляю.

— Я разсуждалъ такъ, Вогонску: есабм случилось что-нибудь особенное съ вами, или съ Марикитой, вы, конечно, дали бы мнѣ знать.

— Конечно, конечно! повторалъ весь въ лихорадкѣ Боровской, и посябъ крошечной паузы прибавилъ:— простите меня, Раудъ! я дѣйствую скверно, а плачу за вашу дружбу малодушною скрытностью. О, Пюжакъ! какъ вы лучше меня!

— Ха-ха-ха! разразился адвокатъ.— Вы, право, большыи, Вогонску! Побудьте-ка лучше дома, да пейтесь теплаго.

— Да, я напысь.... Прощайте, Пюжакъ, закончилъ онъ съ особеннымъ выраженіемъ.

— До свиданія. Не обманите же меня завтра!

Онъ спустился. Пюжакъ вышелъ на улицу, кивнувъ еще разъ Боровскому, а г. Жуліа, глотая уже вторую устрицу, посмотрѣлъ шпіонскимъ глазомъ вслѣдъ адвокату.

Боровской почти упалъ на стулъ противъ неаполитанскаго гвардейца, имѣвшаго привычку не только глотать устрицы, но и разжевывать ихъ съ весьма противнымъ чавканьемъ.

ГЛАВА VII.

Былъ седьмой часъ. Боровской еще отдѣлялся отъ Жуліа къ тремъ часамъ. Проходимецъ, должно-быть, не на шутку желалъ слѣдить за нимъ. Вхатъ на желѣзную дорогу съ чемоданомъ было рискованно. Неаполитанскій гвардеецъ могъ увидать, остановить, произвести скандалъ. На-скоро положилъ Боровской въ сакъ-воляжъ нѣсколько бѣлья и написалъ письмо М-ше Richard, гдѣ онъ просилъ ее удержать за нимъ квартиру и хранить письма, какія придутъ къ нему изъ Россіи. Онъ обѣщавъ извѣстить ее въ скоромъ времени, когда вернется въ Парижъ. Написалъ онъ еще письмо къ отцу, просилъ его не замедлить высылкой денегъ, прибавивъ, что пора ему проститься съ Парижемъ и что отъ отца будетъ зависѣть ускорить его отъѣздъ въ Россію и поступленіе на службу.

Какъ нарочно Франсуа явился къ нему въ пятомъ часу, въ легкомъ подпитіи, и тотчасъ же обратилъ вниманіе на приготовленный мѣшокъ.

Съ трудомъ спровадилъ его Боровской, наказавъ, однако, чтобъ онъ доложилъ, когда Жуліа вернется домой.

Въ четверть седьмого Боровской спускался тихо по лест-

видѣ, держа въ лѣвой рукѣ маленькій кѣшочекъ. Онъ никакого не встрѣтилъ въ корридорѣ. На бульварѣ St-Germain взялъ онъ фіакръ и приказалъ ѣхать на Южную желѣзную дорогу. На поворотѣ около рѣшетки сада, принадлежащаго музею Клоди, на тротуарѣ выросла фигура г. Жуліа. Боровской сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его; но Жуліа замахалъ рукой и закричалъ кучеру. Карета остановилась.

Боровской засунулъ кѣшочекъ подъ себя, и выставивъ голову изъ окна, крикнулъ:

— Что вамъ угодно?

— Куда вы? спросилъ Жуліа и взялся за ручку кареты.

— На свиданіе; не задерживайте меня,—мнѣ некогда.

Жуліа не замѣтилъ кѣшка, но внимательно осмотрѣлъ внутренность кареты.

— Вы за городъ?

— Не задерживайте меня! повторилъ Боровской и крикнулъ кучеру.

Лошади тронули. Жуліа чуть не слетѣлъ съ погѣ.

Въ эту минуту Боровской былъ далеко отъ всякаго нравственнаго анализа. Онъ точно забылъ утреннюю сцену у аббата Биво, свое обязательство, полученіе денегъ и ожидающія его послѣдствія. Отправляясь на желѣзную дорогу, онъ ѣхалъ, быть-можетъ, за нѣсколько сотъ миль отъ Парижа, и очень могло случиться, что онъ не только не вернется назадъ черезъ мѣсяцъ, но и не возвратитъ денегъ.

Подѣхавъ къ дебаркадеру и выскочивъ изъ кареты, онъ оглянулся. Ничего подозрительнаго не было. Онъ взялъ кѣшочекъ, вошелъ въ залу, положилъ его и сталъ прохаживаться около кассы. Только что онъ сдѣлалъ два-три оборота, предъ нимъ опять предсталъ г. Жуліа съ заложенными въ карманъ руками:

— Такъ вотъ гдѣ у васъ свиданіе! заготовилъ онъ, становясь на дорогѣ Боровскаго.

— Да, здѣсь! отвѣтилъ Боровской съ сердцемъ.

— Вы мнѣ ничего не сказали, молодой человекъ; я думалъ, что вы совсѣмъ ѣдете изъ Парижа.

— Что за мысли, господи! Жуліа!

— То-то! Вы здѣсь только побудете, или хотите подальше пуститься? Все у васъ любовныя исторіи, хе-хе-хе.

— Да ужъ, пожалуста, не мѣшайте мнѣ.

— Не желаю вамъ мѣшать... Вотъ еслибѣ вы задумали

взять билетъ, то, конечно, это побудило бы меня.... Ну, да вы сами понимаете, молодой человекъ!

Боровской круто повернулась и пошла въ другой конецъ дебаркадера. Положеніе ея достигло критическаго предѣла: ничего хуже нельзя было себѣ представить, какъ этотъ надзоръ господина Жуліа.

„Что я выигралъ?“ спрашивалъ себя Боровской, обливаясь нервнымъ потомъ. „Неужели мнѣ лучше теперь, оттого что я отвергъ деньги Марикиты и разыгралъ неблагоприятную комедію съ папистами?“

Время шло. Давно открыли кассу, и хвостъ пассажировъ былъ уже на исходѣ. Марикита все не появлялась.

„Хоть бы что-нибудь случилось поскорѣе“, молилъ про себя Боровской,—„хоть скандалъ какой-нибудь, а эдакъ дольше я не вытерплю.“

Раздался первый звонокъ. Боровской заметался туда и сюда, побѣжалъ къ залу перваго класса, но его не пустили; а господинъ Жуліа стоялъ у выходной двери рядомъ съ сержантомъ и не отводилъ глазъ съ Боровскаго.

Прозвонили второй разъ: Марикиты все не было. У Боровскаго загорѣлось вдругъ желаніе уйти.

— Вотъ она! почти вскрикнулъ онъ, увидя сквозь открытыя двери женскую фигуру въ черномъ, выходящую изъ ремизы. На каретѣ не было ни одного сундука.

— Ты опоздала! прошепталъ Боровской, подбѣгая къ Марикитѣ и бера ее за руку.

— Я знаю, отвѣчала она скороговоркой и осматривалась во все стороны.

Боровской замѣтилъ, что она была очень блѣда; вокругъ глазъ высинились темные круги.

— Куда же мы ѣдемъ? прошепталъ Боровской.

— Сегодня мы не ѣдемъ.

Онъ покраснѣлъ отъ радости.

— Что случилось?...

— Ты не видалъ ея здѣсь? прервала Марикита, все еще оглядываясь.

— Нѣтъ, не видалъ.

— Хорошо. Ёдемъ къ тебѣ; у меня ремиза. Ты не бралъ съ собой много вещей?

— Всего одинъ маленькій мѣшокъ.

— Идемъ, идемъ поскорѣй.

Боровской взялъ свой мѣшокъ. Нельзя ему было сдѣлать это такъ, чтобъ укрыться отъ Жуліа, продолжавшаго стоять около дверей, рядомъ съ сержантомъ.

Держа мѣшокъ подъ мышкой, онъ пошелъ вслѣдъ за Марикитой.

На подъѣздѣ Жуліа остановилъ его.

— Это вашъ мѣшокъ? спросилъ онъ, хихикая.

— Мой, вырвалось у Боровскаго.

— Вы, стало-быть, собирались куда-нибудь?

— Не задерживайте меня.

— Oh! fagotier! Ужь не вздумали ли бѣжать?

— Oui, oui! крикнулъ Боровской и сбѣжалъ по ступенькамъ, догоняя Марикиту, которая уже сѣла въ карету.

— Помните! кричалъ ему вслѣдъ Жуліа:—что насъ надуть трудно!

— Кто этотъ господинъ? спросила Марикита, когда Боровской захопнулъ за собой дверцу кареты.

— Это такъ, Французъ; живетъ со мной въ одномъ отелѣ.

— Какъ ты можешь быть знакомъ съ такими личностями?

— Скажи мнѣ лучше, Марикита, прервалъ ее Боровской,—что произошло въ Rue Balzac?

Она звонко вздохнула.

— Что я тебѣ писала, это такъ! Онъ хочетъ довести меня до бѣшенства!

Марикита обвила руками шею Боровскаго, и въ первый разъ почувствовалъ онъ на своемъ лицѣ горячія слезы, излившія боль этого мятежнаго сердца!

— Я должна была, шептала Марикита,—перечувствовать презрѣніе, съ которымъ онъ говорилъ не о моей невѣрности, но о тебѣ. Мисель, о твоей любви ко мнѣ.... Ты бы его возненавидѣлъ не меньше меня! И вотъ что меня заставляетъ вѣрить, что ты не слышалъ ничего ужаснаго. Иначе ты долженъ былъ бы задушить его своими руками, иначе ты не мушкетеръ, не любовникъ мой, а жалкій трусъ.... О-о-о! Этого быть не могло! заключила Марикита съ судорожною дрожью.

У Боровскаго потемнѣло въ глазахъ....

— Что жъ мы будемъ дѣлать? прошептала она.

— Для меня все ясно: до тѣхъ поръ пока онъ живъ, ваша любовь невозможна! Онъ не долженъ жить, Мисель.... Онъ не долженъ жить!

Марикита повторила фразу твердо, звучно, точно произнесла приговоръ.

— Какъ? ты....

И слова замерли на губахъ Боровскаго.

Сверкающій, ослѣпительный взглядъ пронизалъ его, и въ этомъ взглядѣ было не то презрѣніе, не то вопросъ.

— Что я тебя писала? также твердо промолвила Марикита.— Ты долженъ быть на все готовъ....

— Ради Бога, не говори такъ громко! беззвучно столмалъ Боровской.

— Это правда; выдавать себя не нужно. Но не выходи отсюда, скажи мнѣ, Мишель, что ты готовъ идти рядомъ со мной.... Тутъ вопросъ о жизни и смерти!

— Марикита! почти съ плачемъ вырвалось у Боровскаго. Онъ скрылъ лицо на ея груди.

Карета стояла передъ дверьми отеля Джомсовъ.

ГЛАВА VIII.

— Monsieur Bogousky! встрѣтилъ Боровскаго Франсуа, вась тамъ дожидаются.

Боровской и Марикита переглянулись.

— Молодой человекъ, черноволосый? спросилъ Боровской.

— Sarrésti! Нѣтъ, не черноволосый, monsieur Bogousky, все не черноволосый.

Въ глазахъ Боровскаго показался испугъ.

— Кто бы это могъ быть? спросилъ онъ Марикиту.

— Я бы желала, чтобъ это былъ сэръ-Робертъ Рексъ!

Боровской ничего не отвѣтилъ, но скорѣе обыкновеннаго вбѣжалъ на первую площадку; тамъ онъ остановился, подождалъ Марикиту, и подавъ ей руку, сталъ подниматься вверхъ спокойно.

— Какъ же ты войдешь, Марикита? сказалъ онъ ей на третьей площадкѣ.— Если это кто-нибудь изъ моихъ знакомыхъ....

— Это, навѣрно, онъ!

Боровской приотворилъ дверь слегка: затылокъ сэръ-Роберта Рекса бросился ему сейчасъ же въ глаза. Онъ поднялся назадъ.

— Ты слишкомъ рискуешь, Марикита; не входи.... прощенталъ онъ.

Вмѣсто всякаго отвѣта, она широко отворила дверь и вошла, отстранивъ Боровскаго.

Сэръ-Робертъ Рексъ всталъ и медленнымъ поворачиався.

Боровской съ замирающимъ сердцемъ оглянулъ ихъ обоихъ. Марикита остановилась у кровати, неподвижно, съ блѣдыми, но не робѣющимъ лицомъ.

— Сэръ! обратилась къ нему Англичанинъ:—я знаю, что вы будете сюда не одни.... Извините меня за то, что я безъ васъ вошелъ въ эту комнату. Намъ нечего терять время. Деди Рексъ, вероятно, передала вамъ разговоръ со мною.

— Что это, судилище, прервала Марикита,—или глупая комедія?

— Ни то, ни другое! снисходительно отвѣтилъ Англичанинъ.—Я помогаю вамъ же самимъ. Между нами отношенія такъ выяснились, что нужно только сказать послѣднее, заключительное слово.

— Не вамъ его говорить! прервала опять Марикита глухимъ, но твердымъ голосомъ.—Вы хотите дѣлать надо мной опыты, но я этого не желаю! Вотъ онъ,—она указала на Боровскаго,—знаетъ, какъ я ненавижу васъ! За что? спросите вы. За то, что въ вашихъ глазахъ я была презрѣнная дѣвочка, годная только для вашихъ наслажденій! Но это все вздоръ! Боже мой, сколько женщинъ были бы счастливы на моемъ мѣстѣ! Вы меня ожесточили прежде чѣмъ я поняла, что женщина можетъ любить и не за деньги!

„Сцена изъ *Испорченной жизни*,“ подумалъ Боровской.

— Вы кончили? спросилъ сэръ-Робертъ Рексъ.

— Я не оправдываюсь передъ вами, вскричала Марикита.— Я говорю это вотъ для него!—и она указала на Боровскаго.—Онъ долженъ видѣть, какъ я лицомъ къ лицу стою здѣсь и прокливаю мое прошедшее, связанное съ вашимъ именемъ! Еслибы вы позволили себѣ возмутиться тѣмъ, что я оповѣрила ваше имя, это, можетъ-быть, смягчило бы немного меня.... Но теперь, видя, что вы желаете доводить меня до исправленія, мнѣ нечего одерживаться. Я васъ ненавижу еще больше. Вы бездушный трусъ! Вы прикрываете свое ничтожество цѣлою сатанинскою системою исправленія жены!

— Теперь вы кончили? повторилъ еще разъ сэръ-Робертъ Рексъ.

— Какъ назвать ваше поведеніе? Кто вамъ подсказалъ такую программу дѣйствій? Вы хотите поразить насъ джентль-

менскимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, — и скрывается, подсматриваете, шпионите! Вы не хотите сознаться, что я, насмѣясь надъ вами, отдалась ему почти сразу; вы боретесь съ вашимъ униженіемъ; и для чего? Для того чтобы, подъ конецъ, когда мнѣ надобно васъ обманывать, когда я буду стара и захочу, можетъ-быть, подумать о спасеніи души, вступить въ полное обладаніе вашихъ супружескихъ правъ! Ха, ха, ха! Вотъ куда привела васъ британская мудрость, порадайтесь!

Марикита присѣла на постель и скинула съ плечъ черныя кружевной платокъ.

Сэръ-Робертъ Рексъ слушалъ ее, нагнувъ немного голову. Глаза Боровскаго перебѣгали отъ него къ ней. Онъ уже не чувствовалъ большого смущенія, а напротивъ въ немъ началъ подниматься задоръ въ родѣ того, какой онъ долженъ былъ сдерживать, когда Англичанинъ пришелъ къ нему въ первый разъ.

— Вы удивляетесь, началъ сэръ-Робертъ Рексъ, — моему поведенію.... Вы до сихъ поръ не можете понять, что руководитъ мной? Мое поведеніе, миледи, объясняется очень просто: я любилъ и люблю васъ!

Эти слова произнесъ онъ съ спокойнымъ и прочувствованнымъ джентльменствомъ.

— Не смѣйте говорить про любовь! вырвалось у Марикиты.

— Но запретите ли вы мнѣ дать вамъ объясненія на ваши вопросы? возразилъ сэръ Робертъ Рексъ. — Вѣрить или не вѣрить имъ — ваше дѣло. Миледи, только одна любовь побуждала меня дѣйствовать такъ, какъ вы видѣли. Вернувшись въ первый разъ изъ Лондона, я почти былъ увѣренъ въ вашей страсти къ этому джентльмену. Да, я употребилъ хитрость; но согласитесь, въ ней нѣтъ для васъ ничего обиднаго.... Вы меня ненавидите, прекрасно. Вы, вѣроятно, желаете покинуть меня, ваше желаніе вполне послѣдовательно. Но позвольте же мнѣ выполнить мою обязанность. Я хочу только, чтобы вы, переставая быть моею женой, знали въ настоящемъ свѣтѣ и меня, и новаго вашего друга, чтобы вы ни минуты не задумались признать его превосходство надо мной!

Боровской судорожно вздрогнула.

— Зачѣмъ мнѣ это знать? вскричала Марикита. — Никто вамъ не дастъ права контролировать мою любовь. Если я

васъ ненавижу, изъ-за чего же вы бьетесь? Кого бы я ни полюбила, этотъ человѣкъ дорогъ для меня не по своимъ достоинствамъ, а потому что я его люблю. Сдайте оружіе, сэръ-Робертъ Рексъ! Вы мнѣ дѣлаетесь жалки!...

— Я вамъ объяснилъ мое поведеніе; остается, чтобъ этотъ джентльменъ сказалъ хоть два слова отъ себя. У меня отнято все, и я не ропщу; но я желаю, чтобы приобрѣтатель вель себя какъ человѣкъ, изъ-за котораго происходитъ не комедія, а серьезная драма, миледи!

Произошла пауза.

Боровской стоялъ съ неподвижными глазами, устремленными на Англичанина. Его душило что-то изнутри, онъ не находилъ ни мыслей, ни возгласовъ.

— Чего вы отъ него требуете? заговорила Марикита.—Какое ему дѣло до вашихъ страданій? Я никогда не допущу, чтобъ онъ мѣрился съ вами въ моихъ же глазахъ.

— Но вопросъ уже поставленъ! промолвилъ сэръ-Робертъ Рексъ, и только тутъ послышался тонкій адъ въ его дикцію.

— Я отсюда не выйду, миледи, продолжалъ онъ,—безъ заключительнаго слова. Я жду его отъ васъ, сэръ! обратился онъ къ Боровскому.

— Ваше желаніе, началъ нетвердо Боровской,—ненужная эксцентричность. Чтò же я могу вамъ сказать? Какой же мужъ, въ вашемъ положеніи, добивается подобныхъ объясненій! Если вы оскорблены, вызывайте меня! Если же вы считаете дуэль глупостью, то вся эта сцена дѣйствительно смѣшная и безчестная комедія!

— А та сцена, которая была между нами въ этой комнатѣ, сэръ? Каково ваше мнѣніе объ ней?

Марикита вдругъ покраснѣла и подалась впередъ, устремивъ взглядъ на Боровскаго.

— Вы помните, сэръ, чтò я вамъ тогда говорилъ?

— Помню! отвѣтилъ задорно Боровской.

— Какъ же вы назовете, миледи, поведеніе этого джентльмена? Теперь я не считаю нужнымъ скрывать отъ васъ чтò бы то не было. Я сказалъ вашему любовнику: мнѣ все извѣстно; каждый вашъ шагъ вы будете дѣлать съ моего позволенія; я не стану мѣшать вамъ ни въ чемъ, но знайте, что не вы обманываете меня, а я васъ заставляю играть роль какую мнѣ угодно. Скажите же мнѣ, миледи, какъ онъ вель себя съ вами? Вамъ это должно быть извѣстно. Исполнялъ ли

онъ мои приказанія? Я запретилъ ему говорить вамъ о нашемъ свиданіи, и онъ молчалъ, я въ этомъ увѣренъ. И онъ обманывалъ васъ, онъ былъ на столько эгоистъ, что не избавилъ васъ отъ моего надзора, не спасъ вашу страсть отъ оскорбленія, невыносимаго для вашей южной натуры. Вы называли меня трусомъ, миледи, вы заклеили мое поведеніе позорнымъ именемъ, пускай! Предоставляю вамъ судить, что позорнѣе: программа ли моихъ дѣйствій или короткая, гуманная осторожность вашего друга?

— Вы жете! крикнулъ Боровской.—Марикита, не вѣрьте ему!

Боровской подбѣжалъ къ Марикитѣ. Онъ весь дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Предъ глазами у него вертѣлись земные круги.

— Это не правда? спросала Марикита, не отводя отъ него широко раскрытыхъ глазъ.—Онъ не былъ у тебя, Мисель?

— Да, онъ былъ.... но что жъ изъ этого? Я щадилъ тебя, Марикита, я хотѣлъ проникнуть въ его цѣли, спасти тебя отъ его злости. О, какъ я васъ ненавижу! вскрикнулъ вдругъ Боровской, вѣя себя, и бросился на Англичанина.

Стыдъ, весь грузъ вѣдкихъ ощущеній, агонія нравственной боли, все слилось въ одинъ взрывъ ярости....

Въ рукѣ сэра-Роберта Рекса показался маленькій револьверъ. Губы его улыбались, брови были сжаты.

Марикита бросилась къ мужу, вырвала пистолетъ и держа Англичанина за руку, другою рукой остановила Боровскаго.

Она была дивно хороша въ эту минуту.

— Убей его, крикнула она Боровскому,—если онъ солгалъ! Но я тебя сама убью, если солгалъ ты, а не онъ!

Боровской отшатнулся и смотрѣлъ на нее помутившимися глазами. Марикита прочла въ нихъ позорное признаніе.

— Мисель! скажи хоть слово, умоляю тебя!

— Онъ жетъ, онъ жетъ! закричалъ Боровской и бросился опять съ сжатыми кулаками на Англичанина, засловеннаго Марикитой.

Когда онъ пришелъ въ себя, его держали двѣ крѣпкія руки. Онъ узналъ Пюжака.

— Мистеръ Пюжакъ! Благодарю васъ, сказалъ сэръ-Робертъ Рексъ, и обращаясь къ Марикитѣ, прибавилъ:—Миледи, вамъ, кажется, здѣсь больше нечего дѣлать; вы теперь се знаете.

Онъ взявъ шляпу со стола и спокойно направился къ двери. Марикита, не глядя на Боровскаго, сдѣлала нѣсколько шаговъ и остановилась посреди комнаты.

Пюжакъ отпустилъ руки своему пріятелю. Боровской все еще хорошенько не пришелъ въ себя. Онъ опустился на стулъ; съ нимъ чуть-чуть не сдѣлалось обморока.

Сэръ-Роберта Рекса уже не было въ комнатѣ.

— Что же вы молчите? прошептала Марикита.

— Вы мнѣ не повѣрите, я долженъ молчать. Идите, идите отсюда! Это невыносимо! вырвалось у него.

Марикита отшатнулась. Странная улыбка явилась на лицѣ ея: не то жалости, не то прощенія.

— Пюжакъ! сказала она адвокату:—приведите въ себя вашего друга. Я вижу, что я здѣсь не нужна.

Она пошла къ двери. Боровской рванулся вслѣдъ за ней.

— Марикита, не презирай меня!

— Ты больной мальчикъ! отвѣтила она спокойно и вышла.

Боровской кинулся на постель и зарыдалъ.

Когда припадокъ его нервности кончился, Пюжакъ сѣлъ къ нему на кровать, и держа его за руку, сказалъ:

— Скажите же мнѣ хоть одно слово, Вогонску! Что здѣсь было?

— Развѣ для васъ не все ясно, Пюжакъ?

— Да, я вижу, что все погибло. Какъ же можно было довести себя до того, что ему все стало ясно, что онъ пришелъ даже сюда.

— Пюжакъ! началъ дрожащимъ голосомъ Боровской: — я недостойнъ вашей дружбы. Вы видѣли, она ушла отъ меня, ушла, чувствуя полное презрѣніе...

— За что же? вскричалъ Пюжакъ.

— Слушайте за что.

И Боровской съ болѣзненною искренностію разказалъ адвокату всю оборотную сторону своей связи съ Марикитой и всѣ подробности только-что происшедшей сцены.

Адвокатъ слушалъ съ пожирающимъ вниманіемъ. Когда Боровской передавалъ ему слова Марикиты, ея сивѣле и и страстные порывы, яркій огонь загорался въ глазахъ Пюжака.

— И вы такъ поступили съ этою женщиной! вскричалъ онъ, прерывая Боровскаго. — Неужели вы сразу не постигли, что ей нужно отдаться совѣмъ, сдѣлаться ея рабомъ,

проникнуться всѣми ея ненавистями! Сколько счастья ожидало васъ, еслибы вы захотѣли любить эту женщину такъ, какъ любятъ въ ваши года.

— Она до сихъ поръ для меня — загадка! повторилъ Боровской, не зная что сказать въ свое оправданіе.

— Загадка! Я знавалъ ее дѣвочкой тринадцати лѣтъ, въ лохмотьяхъ, съ тамбуриномъ въ рукахъ, бѣдною плясуньей. Я не покидалъ ея съ тѣхъ поръ; я знаю какъ зародились въ ней всѣ ея мысли, заботы; какъ научилась она ненавидѣть, оставаясь ангельски доброю. О, Bogousky! Еслибъ это дитя было для васъ ясно, какъ мнѣ, вы бы не задавали пустыхъ вопросовъ!..

Пюжакъ вскочилъ съ кровати и началъ ходить по комнатамъ; Боровской также приподнялся, но не поднималъ глазъ на адвоката.

— Что жъ мнѣ теперь дѣлать? повторялъ онъ тоскливо.

— Что дѣлать, Bogousky! Надо стереть съ лица земли Англичанина, вотъ что нужно сдѣлать!

— Я ему предлагалъ дуэль....

— Дратся онъ не станетъ! Онъ будетъ драться только съ тѣмъ, кто ему „представленъ“; а онъ насъ съ вами считаетъ, чортъ знаетъ за кого! Надо было, Bogousky, когда Марикита сказала вамъ: *будь готовъ на все*, дѣйствительно рѣшиться на все! Да и какъ не рѣшиться? вскричалъ Пюжакъ, останавливаясь противъ кровати:—любовь такой женщины какъ Марикита, да вѣдь за это можно отдать сто жизней! Я старше васъ, но я бросилъ бы дѣла, занятія, карьеру!..

Пюжакъ примокъ; опустившись на стулъ, онъ подперъ голову ладонями и оставался такъ нѣсколько секундъ.

Боровской смотрѣлъ на него съ возрастающимъ вниманіемъ.

— Бѣдное мое дитя! заговорилъ Пюжакъ со слезами въ голосъ.—И тутъ ей нѣтъ удачи! И почему же не остановится она на такой привязанности, гдѣ бы все слодось въ одномъ обожаніи? Неужели нельзя умиротворить эту кипучую душу, неужели нельзя привлечь ее къ себѣ, сказавъ: Марикита, только вымолви слово, я пойду на преступленіе, я убью это со Англичанина, я сдѣлаю все что только страсть мужчины способна совершить? И въ награду мнѣ нужны твое довольство, твоя улыбка, твой радостный смѣхъ!

Боровской быстро подошелъ къ Пюжаку, взялъ его за плечи, посмотрѣлъ прямо въ глаза и вскричалъ:

— Вы любите ее, Пюжакъ? Вы страстно любите ее!

Адвокатъ не смутился.

— Да, я люблю ее... отвѣтилъ онъ, точно самъ про себя.— Еслибы въ сердцѣ вашемъ, Bogousky, была къ ней моя любовь, вы бы знали что вамъ теперь дѣлать!...

— И вы меня познакомили съ ней, Пюжакъ! проговорилъ Боровской, все также пристально смотря въ глаза Французу.

— И я васъ знакомилъ! повторилъ тотъ медленно.— Я хотѣлъ, Bogousky, прервать всякія сношенія съ Марикитой. Ваше увлеченіе ею было для меня поразительною случайностью. Моя любовь, думалъ я, скорѣи замретъ. Пускай она проявится въ желаніи создать для Марикиты новую жизнь, жизнь чувства, котораго она еще не испытала!

Боровской бросился на шею къ Пюжаку.

— Je suis un misérable! прошепталъ онъ.— Aimez-la! aimez-la, Pujac!

— Теперь ужъ поздно! вскричалъ адвокатъ съ какою-то наивною глубиной чувства, и быстро мѣняя тонъ, прибавилъ:— Довольно объ этомъ! Вы должны, Bogousky, держаться до конца. Если вы ее любите, она вамъ все проститъ; надо дѣйствовать. Я беру на себя пойдти къ ней!

— Что между вами выйдетъ?

— Если она не броситъ его сегодня же, онъ, навѣрно, будетъ выжидать. Зачѣмъ ему мѣнять свою тактику?

— Гдѣ же могу я ее встрѣтить?

— Она сама вызоветъ васъ! Выслушайте свой приговоръ какъ муцина!

— Я ужъ его выслушалъ, прошепталъ Боровской.

— А теперь, сказалъ Пюжакъ, взявшись за шляпу,— успокойтесь. Вамъ еще нужно много силъ. Я вижу: приближается развязка.

Боровской поглядѣлъ унылымъ взглядомъ на удаляющагося Пюжака. Страстное утомленіе подкосило его ноги, и онъ упалъ на кровать.

ГЛАВА IX.

Пространное зеркало бассейна въ Люксамбургскомъ саду играло на яркомъ солнцѣ. Было около полудня. Въ дальней части сада стояла масса гуляющихъ. Цѣлый рядъ навѣзъ

сидѣлъ подъ каштанами, а немного поодаль отъ нихъ дѣвочки разнаго калибра бѣгали и играли съ хохотомъ и визгомъ. На площадкѣ, вправо отъ кофейной, нѣсколько студентовъ безъ сюртуковъ упражнялись въ мячъ. Въ разныхъ направленіяхъ ходили молодые люди и солидные господа съ газетами и книжками въ рукахъ. Въ питомникѣ, отгороженномъ визкимъ плетнемъ, прохаживались кое-гдѣ гризетки квартала, безъ шляпокъ, въ свѣтлыхъ платьицахъ.

Противъ вафельной лавки: *A la renommée des gaufres du café*, на одной изъ каменныхъ скамеекъ сидѣлъ Боровской съ книгой въ рукахъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него съ десятокъ дѣвочекъ, взявшись за руки, прыгали и пѣли звонкими картавыми голосами:

„En chasse, en chasse,
A nous les beaux papillons!“

Французскимъ весельемъ дышало во всемъ саду. Такъ и металась въ глаза эта легкая, удобная, бойкая жизнь!

Боровской только держалъ книгу въ рукахъ, но онъ не читалъ ея. Томительная тревога выгнала его въ этотъ день изъ квартиры. На воздухъ и въ зелени ему было полегче. Дѣти, смѣхъ и пискъ, довольныя лица женщинъ и студентовъ, все это прерывало нить нерадостныхъ мыслей. Позади его щелкали вафельницы. Оттуда доносился приятный запахъ жженого сладкаго тѣста.

Боровской обернулся: цѣлая кучка потребителей стояла около прилавка и ѣла съ большимъ аппетитомъ рыхлыя, вкусныя вафли, посыпанныя сахаромъ.

Только тутъ онъ почувствовалъ, что не завтракалъ. Онъ всталъ и приблизился къ прилавку. Передъ нимъ стояла спиной женщина въ свѣтлосіромъ платьѣ и черной маленькой шляпкѣ. Въ эту минуту она подносила ко рту вафлю. Платье показалось Боровскому знакомымъ.

Онъ пододвинулся еще и заглянулъ немного въ лицо женщины.

— Фелисите! пещуль онъ.

Дѣвушка обернулась.

Это была дѣйствительно Фелисите. Боровской взглянулъ на нее и удивился. Лицо дѣвушки было очень тревожно: глаза заплаканы. Она жевала вафлю, и это жеванье составляло какой-то странный контрастъ съ ея почти убитымъ обликкомъ.

— А, monsieur Bogousky! выговорила она, проглативъ кусокъ.—Какъ это хорошо, что я васъ встрѣтила!

— А что такое, Фелисите? Отойдите въ сторону.

— Да вы хотите ѣсть, Bogousky?

— Успѣю. Я вижу что вы разстроены, Фелисите; идите, идите!

Боровской взялъ ее подъ руку и повелъ въ питомникъ. Тамъ, завернувъ за уголъ, гдѣ не видѣлось гуляющихъ, онъ посадилъ Фелисите на скамейку подъ кустомъ розовой акаціи и самъ сѣлъ рядомъ.

— Вы спрашиваете меня съ такимъ участіемъ, начала Фелисите надорваннымъ голосомъ,—а сами очень страдаете; я знаю! Вънз у васъ какое лицо! Вы, вѣрно, не завтракали: подите поѣшьте лучше вафель, хоть двѣ вафли; а я васъ подожду здѣсь. Я сама сегодня не ѣла еще. Мнѣ нужно идти въ магазинъ, а я вотъ хожу по Люксамбургу, не знаю куда мнѣ дѣться.... Право, съѣшьте хоть двѣ вафли. Здѣсь по два су: дорого немножко, да вкусно.

— Полноте, я не голодець! перебилъ ее Боровской.—Бѣдная Фелисите! проговорилъ онъ такъ искренно, что дѣвушка улыбулась и крѣпко пожала ему руку.

Какою мягкостью и простодушіемъ вѣяло отъ Фелисите! Боровской держалъ ее за руку и чувствовалъ, что съ этою дѣвушкой было бы покойно и радостно жить. Онъ былъ очень близокъ къ ней въ эту минуту. Онъ понималъ, какъ страдаетъ ея незлобивое сердце. Фелисите была, въ его глазахъ, изъ одного съ нимъ лагеря. Пюжакъ и Марикита представлялись чѣмъ-то чуждымъ, слишкомъ тревожнымъ, слишкомъ затягивающимъ въ роковую, болѣзненную борьбу.

— Чѣмъ-же вы такъ разстроены, Фелисите?

— Ахъ, Боже мой! не спрашивайте меня! Для насъ съ вами, Bogousky, одна дорога. Вы меня давно не видали? заторопилась она;— все это время Рауль сдавалъ экзамены. Онъ много работалъ, это правда, но я видѣла, что онъ готовится къ чему-то кромѣ экзамена. Онъ не спалъ ночей; на меня совсѣмъ не глядѣлъ, говорилъ со мною мало, сухо, иногда даже кричалъ на меня. Наконецъ, вчера, въ девятомъ часу, я пришла къ нему раньше обыкновеннаго; онъ тотчасъ же убѣжалъ, говоря, что ему нужно къ вамъ...

— Онъ и былъ у меня! подсказалъ Боровской.

— Да, я знаю. Онъ убѣжалъ, я осталась ждать... Онъ вер-

нулся поздно; я уже не помню въ какомъ часу, но очень поздно: часа въ два, въ три, можетъ-быть, даже въ четыре. Никогда я его не видала такимъ: волосы въ беспорядкѣ, онъ былъ точно сумашедшій. „Фелисите, сказалъ онъ мнѣ, я долженъ буду скоро ѣхать, на дняхъ; я не могу тебя взять, но ты должна къ этому приготовиться. Знаю, что ты будешь убита, но что жь мнѣ дѣлать? Я не хочу тебя обманывать... Я долженъ спасти эту женщину, служить ей до смерти, до послѣдняго издыханія!“

Проговоривъ все это, Фелисите откинулась немного назадъ и вопросительно взглянула на Боровскаго глазами, полными слезъ.

— Это меня не удивляетъ, Фелисите! Онъ страстно любилъ и любитъ Марикиту.

— Значитъ онъ соперникъ вамъ?

— Нѣтъ, не соперникъ! — Предъ такою любовью, какъ у Рауля къ Марикитѣ, моя ничто!

— Вы въ этомъ сознаетесь, Bogonsky? изумленно проговорила дѣвушка.

— Сознаюсь, Фелисите!

— Но она, эта канатная плясунья, она хочетъ погубить всѣхъ насъ: и мужа, и васъ, и Рауля, и меня! Bogonsky! Я не злая дѣвушка; я плачу, когда меня обижаютъ; но, довольно терпѣть! Я вижу что она изъ васъ сдѣлала; не разказывайте мнѣ ничего, я все знаю!

Фелисите утерла слезы, и вся выпрямилась.

— Вы должны ее ненавидѣть, — начала она шепотомъ, — убейте ее; если вы боитесь, то я это сдѣлаю. Зазовите ее къ себѣ, она придетъ, она непременно придетъ, такой женщины нужно надъ кѣмъ-нибудь издѣваться. Сдѣлайте это скорѣе! Рауль увидетъ съ ней, и тогда все будетъ кончено.

Боровской слушала дѣвучку и не вѣрилъ своимъ ушамъ. Эта кроткая, степенная Фелисите, съ наивными проблесками парижекой ревности, превратилась въ какую-то леди Макбетъ. Она навела на него страхъ.

— Полноте, Фелисите, заговорилъ онъ: — Рауль честный человекъ. Онъ обѣщалъ быть у меня. Онъ ничего не сдѣлаетъ скрытно.

— А вамъ легче будетъ, вскричала Фелисите, — когда онъ придетъ и скажетъ: „Bogonsky, возвращайтесь въ Россію, вамъ здѣсь нечего дѣлать; Марикита вѣсь больше не

любить, я заступлю ваше мѣсто!“ И это будетъ, Bogousky! И мы съ вами останемся здѣсь... Останемся! Мушцины всѣ одни!

Она приблизила лицо свое къ Боровскому, и истерически смѣясь, спросила:

— Помогите мнѣ, по крайней мѣрѣ, умереть, если у васъ не достанетъ воли задушить эту подлую женщину!

— Я ничего не могу вамъ сказать, Фелисите.

— Чего же вы ждете? Вотъ мы съ вами здѣсь сидимъ, а развѣ имъ тамъ жалко насъ? Рауль такой добрый, съ такимъ ангельскимъ характеромъ, и что она изъ него сдѣлала! Больше я вамъ ничего не скажу, Bogousky.

Дѣвушка встала.

— Куда же вы, Фелисите. Посидите, удерживалъ ее Боровской.

— Мнѣ нужно въ магазинъ.

Фелисите еще разъ крѣпко пожала руку Боровскаго и пошла скорою походкой.

Онъ смотрѣлъ на удаляющуюся фигуру дѣвушки. Ему сдѣлалось такъ жалко ея, что онъ вскочилъ и догналъ Фелисите около кофейной.

— Фелисите! крикнулъ онъ ей. — Пойдите.

Дѣвушка остановилась.

— Скажите же мнѣ, когда и гдѣ я васъ увижу?

— Вы меня больше не увидите, Bogousky!

— Какъ, совсѣмъ?

— Я вамъ сказала, что Рауль больше уже не вернется ко мнѣ. Я этого не переживу.

— Я съ вами не прощаюсь, Фелисите.

— Какъ хотите, мнѣ пора, я спѣшу.

Боровской уже не провожалъ ее дальше. Облокотясь о плетень, онъ долго слѣдилъ за ней глазами и спрашивалъ себя: „чѣмъ же кончить эта кроткая дѣвушка?“ Сознавалъ ли онъ, что ея горе чище и крупнѣе его волсеній?

Фелисите спустилась въ нижнюю часть сада. Боровской началъ медленно двигаться по тому же направленію. Хотя онъ и не съѣлъ ни одной вафли, но голодъ его прошелъ. Онъ хотѣлъ бы оставаться тутъ цѣлый день или уѣхать куда-нибудь по желѣзной дорогѣ: въ Версаль, въ Анверъ, куда-нибудь, только бы не возвращаться опять въ Rue des

Mathurins St. Jacques. Но надо было идти ожидать Пюжака, ожидать известій о Марикиѣ....

Въ той части сада, которая выходитъ на бульваръ St.-Michel, онъ хотѣлъ было опять присѣсть. Передъ нимъ появилась фигура г. Жуліа.

— Вы гуляете, молодой человекъ?

— Гуляю, отвѣтилъ Боровской, глядя въ сторону.

— А скажите-ка, проказникъ, зачѣмъ это вы брали вчера на желѣзную дорогу мѣшокъ? Онъ развѣ вамъ нуженъ былъ для свиданія съ тою дамою въ черномъ платьѣ?

— Нуженъ, отвѣтилъ такимъ же тономъ Боровской.

— А я ужь думалъ, не хотите ли вы проѣхать куда-нибудь подальше.

— Monsieur Joulia! вы меня задерживаете.

— Не моя вина, молодой человекъ. Вы немножко забывчивы. Вчера вы обѣщали аббату Бино доставить ваши бумаги. Извините, что я васъ беспокою; но я формалистъ, Аббатъ Бино дожидается...

— Хорошо, хорошо! перебилъ Боровской. — Я сегодня же доставлю вамъ эти документы.

— Вы отсюда домой?

— Да, я долженъ торопиться.

Боровскому особенно противна была физіономія Жуліа, это напоминаніе объ обязательствѣ, которое онъ принялъ на себя Богъ знаетъ изъ какихъ соображеній.

„Отъ проходимца не уйдешь“, сказалъ онъ про себя, и цѣлая перспектива неприятныхъ, а можетъ-быть и позорныхъ ощущеній открылась передъ нимъ.

— Тамъ, у M-me Richard, докладывалъ ему Жуліа, когда они проходили мимо бронзовой статуи, окруженной цѣлымъ ковромъ желтофіолей, — лежитъ письмо на ваше имя.

— Изъ Россіи? съ живостью спросилъ Боровской.

— Кажется, изъ Россіи. Я такихъ марокъ никогда не видалъ.

Боровской прибавилъ шагу. Они вошли въ отель черезъ кафе.

— Monsieur Borousky! раздавая хриплый голосъ madame Richard изъ-за деревянной перегородки.

— Plait-il?

— Письмо изъ Россіи.

— Гдѣ же?

— Тутъ, на конторкѣ...

Въ дверяхъ перегородки появился рябой носъ M-me Richard все въ томъ же неизмѣнномъ голубомъ капорѣ.

— Я такъ рада за васъ, вы давно не получали писемъ изъ Россіи, а конецъ мѣсяца подходитъ...

— Сейчасъ заговорить объ Альфонсѣ, подумалъ Боровской.

Madame Richard подбѣжала къ конторкѣ и достала изъ-подъ кабачка съ графинами конвертъ обыкновеннаго формата, но толстоватый.

Глаза Жудіа слѣдили за всѣми движеніями Боровскаго.

— Вы мнѣ позволите, молодой человекъ, зайти къ вамъ, сказалъ онъ весьма наязливымъ тономъ.

— Торопиться нечего! отвѣтилъ Боровской. — Подождите меня, я вотъ только пойду прочту письмо.

И не дожидаясь отвѣта Жудіа, онъ побѣжалъ къ себѣ.

Письмо было отъ отца. Боровской предварительно оцупалъ его. Въ конвертѣ чувствовалось нѣкоторая консистенція. Боровской разорвалъ его осторожно. Изъ почтового листа большого формата, на какихъ отецъ всегда писалъ ему, выпала сѣровая бумажка, сложенная поперекъ въ четверо.

Какъ ни былъ онъ разстроенъ, но видъ этой бумажки прояснилъ его лицо. На бумажкѣ значилась цифра въ 700 франковъ.

„Теперь, рожа,“ вскрикнулъ про себя Боровской, обращаясь мысленно къ неаполитанскому гвардейцу, „мы съ тобой потолкуемъ.“

И тотчасъ же вся его продѣлка съ папистами начала представляться ему въ болѣе благовидномъ свѣтѣ. Фигура г. Жудіа значительно оправдывала эту продѣлку.

Родитель Боровскаго изобразилъ слѣдующій комментарий къ сѣрой бумажкѣ.

„Съ трудомъ могъ я сколотить тебѣ, мой другъ Мишель, сумму, при семъ прилагаемую, на банкирскій домъ Дютфуа и К^о. Пора, любезный сынъ, собраться въ путь. Считаю долгомъ извѣстить тебя, что до зимы будущаго года не предвидится ни малѣйшей возможности доставить тебѣ какую-нибудь денежную поддержку. Ты теперь достаточно уже пожилъ въ Парижѣ. Надо, мой другъ, подумать о чемъ-нибудь положительномъ. Хотя къ службѣ ты не выказывалъ большаго желанія, но безъ оной не откроется тебѣ дороги на жизненномъ пути. Il faut se résigner, mon cher. Твой

дипломъ и твои способности дадутъ тебѣ ходъ куда угодно. Да къ тому же и имя, которое ты носишь. Я надѣюсь, что князь Егоръ Александрычъ, въ Петербургѣ, скажетъ о тебѣ кому слѣдуетъ. La bonne noblesse est toujours la base de l'édifice. Распростись-ка съ своимъ Парижемъ и направляйся, нимало не медля, въ Петербургъ. Я бы, конечно, душевно желалъ, чтобы ты поступилъ въ иностранную коллегію. Приятно было бы моему сердцу знать, что ты на дорогѣ, приличной человѣку твоего происхожденія и твоихъ связей. Но что жь дѣлать, мой другъ, когда колесо фортуны повернуло въ другую сторону! Il faut que l'état paye des traitements doubles aux jeunes gens qui portent des noms princiers, comme le nôtre par exemple. Явившись въ Петербургъ, отправляйся къ князю Егору Александрычу. Я уже изготавилъ къ нему письмо. Получивъ какое-нибудь обнадеженіе, прѣзжай на дѣто ко мнѣ поскучать и поразказать про всѣ твои похождения. Ничего ты мнѣ не пишешь по части женскаго пола. Какъ вы нынче плохи стали, это удивительно! De mon temps, mon cher, nous savions ce que c'est que l'amour, да не то что съ какими-нибудь шлюхами... Надо чтобы любовныя отношенія облагораживали молодого человѣка. Приятно имѣть связь съ свѣтскою женщиной, qui vous pousse dans le monde. Ты, кажется, всѣмъ обладаешь для этого?...

„Прощай, другъ мой; цѣлую тебя и благословляю. Тщетно ожидалъ присылки карточекъ для стереоскопа. Неужели не можешь ты сдѣлать экономіи и утѣшить меня въ моемъ одиночествѣ? Да вотъ еще какая просьба къ тебѣ: купи ты мнѣ, пожалуйста, не дорогою револьверъ. Читалъ я гдѣ-то недавно про новую систему, восемь выстрѣловъ, безъ ствола, такъ что удобно класть въ карманъ. Въ Парижѣ это не можетъ стоить дороже какихъ-нибудь пятидесяти франковъ. Поискалъ бы ты гдѣ-нибудь на аукционѣ, ou chez un marchand de bric à brac; тамъ вѣдь у васъ такія лавки на каждомъ шагѣ. Ты, можетъ-быть, спросишь, зачѣмъ мнѣ револьверъ? Я, мой другъ, окруженъ дикими стихіями: бѣгаютъ бѣшеные волаки, да это бы еще ничего, но мои милые временно-обязанные положительно злоумышляютъ, если не на жизнь мою, то на единственныя оставшіяся въ моемъ отряпкѣ дубовыя деревья, растущія по берегу пруда. Je brûle la cervelle à qui oserait, ramper ces saupailles, toucher à une branche! Недѣльки черезъ три буду поджидать отъ тебя извѣстій изъ Петербурга. Надѣюсь, что порадуешь чѣмъ-нибудь приятнымъ сердцу

„любящаго тебя отца.“

Револьверъ вызвалъ улыбку на лицѣ Боровскаго. Отецъ его ни одной іотой не измѣнилъ себѣ въ этомъ посланіи.

Присылка денегъ и рѣшительный отказъ высылать что-

либо еще до наступленія зимы сейчасъ же показали Боровскому, что больше ничего не остается, кромѣ отъѣзда; но надо было прежде покончить *съ свои дѣла*.

А какъ ихъ покончить? Марикита, точно тяжелый кошмаръ, давила его и привлекала къ себѣ, какъ боа привлекаетъ кролика. Любовь еще не исчезла; сознание своего ничтожества только усидило цѣну женщины, затянувшей его въ омутъ. Онъ ничѣмъ не могъ освѣтить образъ своихъ дѣйствій; онъ чувствовалъ себя какъ приговоренный къ смерти за полчаса до казни....

Дѣло съ папистами было гораздо легче. Въ своихъ собственныхъ глазахъ Боровской винилъ себя только за то, что прибѣгнулъ къ самому странному способу избавиться отъ денежной зависимости, налагавшей на его любовь къ Марикитѣ пошлый характеръ. Но онъ вовсе не думалъ церемониться ни съ проходимцемъ, ни съ его патрономъ изъ Rue St. Sulpice.

А проходимецъ, въ своемъ нетерпѣннѣи, стучался уже въ дверь Боровскаго, и не дождавъ нисъ отвѣта, вошелъ къ нему безъ позволенія.

— Monsieur Joulia! заговорилъ съ нимъ Боровской совсѣмъ на другой манеръ.—Я вамъ не дамъ моихъ бумагъ сегодня, потому что самъ объяснюсь съ аббатомъ Бино.

— Вы, вѣрно, получили деньги!

И проходимецъ ткнулъ пальцемъ въ сѣрую бумажку, развернутую на бюро.

— Да, я получилъ вексель.

— Но мы надѣемся, что вы исполните ваше обязательство, молодой человекъ.

— Съ вами, старый человекъ, я объ этомъ объясняться не стану.

— Monsieur, si vous vous prenez avec moi sur un ton comme ça....

— Г. Жуліа! Мнѣ некогда! отрѣзалъ Боровской и обернулся спиной къ проходимцу.

Онъ готовъ былъ бы побить его, такъ ему стало гадко отъ продолжительнаго столкновенія съ неаполитанскимъ гвардейцемъ.

Г. Жуліа помялся на мѣстѣ, но видя что Боровской не оборачивается, промычалъ что-то сквозь зубы и исчезъ.

ГЛАВА X.

„Сегодня въ 7 часовъ, въ Пале-Рояль, около фонтана.“

Больше ничего не стояло въ маленькой запискѣ, полученной Боровскимъ по городской почтѣ.

Оставалось не больше часу до времени свиданія.

„Значить, она не хотѣла придти сюда,“ думалъ Боровской, переходя Pont St.-Michel.

Какая могла быть цѣль этого свиданія? Ничего новаго онъ ей не скажетъ. Просить прощенія у такой женщины, какъ Марикита, значило окончательно губить себя въ ея глазахъ....

Но Боровской все шель и шель, и чѣмъ ближе подходилъ къ Пале-Роялю, тѣмъ все больше разгоралось въ немъ желаніе видѣть Марикиту.

Въ этотъ день съ половины шестаго играла, внутри двора, военная музыка; вокругъ оркестра, доигрывающаго послѣдній нумеръ, стояла цѣлая стѣна зѣвакъ. Подъ навѣсомъ Café de la rotonde, гдѣ Боровской читывалъ иногда русскія газеты, все было усыпано потребителями палерояльскихъ обѣдовъ, пьющихъ свой послѣобѣденный кофе съ коньякомъ.

„Вотъ и фонтанъ, она сюда придетъ!“ повторилъ про себя Боровской, вспомнивъ сцену изъ *Бориса Годунова*.

Онъ остановился около дерева. Музыканты доиграли маршъ изъ Тангейзера; толпа разсѣялась на части и двинулась.

Прямо противъ фонтана, въ одной изъ аркадъ Пале-Рояля, стояла Марикита. Боровской подошелъ къ ней молча.

Онъ не сразу поднялъ на нее глаза. Лицо Марикиты было совершенно спокойно.

— Я васъ не заставила ждать? сказала она и потомъ тихимъ голосомъ прибавила:—Пойдемъ отсюда, Мишель! Я не знала, что сегодня здѣсь будетъ такъ много народу.

Боровской не вѣрилъ своимъ ушамъ: Марикита назвала его „Мишель“.

Онъ подалъ ей руку; они вышли изъ Пале-Рояля къ

Лувру и по аркадамъ Rue de Rivoli достигли Тюльерійскаго сада. Въ саду было на этотъ разъ мало гуляющихъ. Боровской повелъ Марикиту въ сторону отъ большой аллеи. Онъ взглядывалъ на нее урывками и ничего не могъ прочесть въ ея ясныхъ глазахъ.

— Ты чувствуешь, заговорила она, сѣвъ на каменную скамью, — что я уже не люблю тебя такъ, какъ любила вчера.

— Да, чуть слышно отвѣтилъ Боровской.

— Теперь намъ вѣкогда говорить о любви. Отложимъ чувства до другаго раза. Вчера Пюжакъ плакалъ предо мной, просилъ за тебя, Мишель, сказалъ мнѣ, что онъ готовъ исполнить все, что я только прикажу.... Я въ первый разъ увидѣла, Мишель, какъ этотъ человекъ любить меня! Боровской склонилъ голову, какъ бы въ знакъ согласія.

— Но я отвергла его предложенія. Ты своимъ малодушіемъ много виноватъ, но я все-таки хочу дѣйствовать съ тобой....

Марикита какъ будто не договорила. Опять чѣмъ-то зловѣщимъ запахло въ воздухъ страсти, окружавшемъ Боровскаго.

— Я хотѣлъ только видѣть тебя, Марикита! заговорилъ онъ, давая ходъ другому, болѣе отрадному для него чувству. — Ты слишкомъ добра, чтобы казнить меня за свое превосходство. Если суждено намъ не видаться больше, по крайней мѣрѣ въ эту минуту дай мнѣ подышать свободно здѣсь, около тебя.

Въ словахъ его не было страсти: они дышали только признаніемъ слабости. Марикита, выслушала ихъ съ недоумѣніемъ во взглядѣ, который тотчасъ же показалъ Боровскому, что совсѣмъ не то слѣдуетъ ему говорить.

— Объ этомъ послѣ.... прервала его Марикита. — Я [не убѣгу отъ мужа. Наружно настанетъ миръ. Ты, конечно, не будешь являться къ намъ. Черезъ недѣлю мы уѣдемъ въ Италію; я тебѣ дамъ денегъ, ты поѣдешь за нами. Мы поселимся на Лаго-Маджоре, въ уединенной виллѣ. Тамъ.... голосъ Марикиты замедлился — мы должны встрѣчаться. Ты помѣстишься гдѣ-нибудь въ деревушкѣ.... Но изъ этого путешествія, Мишель, сэръ-Робертъ Рексъ не долженъ возвращаться.

— Что? вскричалъ Боровской. Голосъ у него оборвался.

— Вотъ моя программа! продолжала Марикита, не обративъ даже вниманія на его возгласъ.— Вотъ цѣна моей любви, Мишель! Если ты способенъ теперь такъ же ненавидѣть Англичанина, какъ и я, черезъ три мѣсяца ты будешь моимъ мужемъ.

Она встала и протянувъ руку Боровскому, твердо выговорила:

— На жизнь и смерть! И больше объ этомъ ни слова!

Ни минуты колебанія не было въ Боровскомъ. Онъ содрогнулся, и закрывъ глаза, прошепталъ:

— Нѣтъ, Марикита, на преступленіе я не пойду.

— Не пойдешь? слышался ему голосъ Марикиты.

— Нѣтъ!

Больше онъ не въ состояніи былъ ничего вымолвить.

Медленно раскрылъ онъ глаза. Предъ нимъ стояла Марикита: глаза ея совсѣмъ ушли въ орбиты, яркія губы сократились въ явственную улыбку презрѣнія.

Ему послышался тихій смѣхъ, который точно проникалъ во всѣ его внутренности и тамъ застывалъ.

— Такъ вотъ ты какъ меня любишь? Вотъ какъ ты отвѣчаешь на оскорбленіе? Ха, ха, ха!

— Марикита, голосъ Боровскаго принялъ умоляющій тонъ,— я не хочу быть убійцей; я не понимаю любви, гдѣ непременно нужно преступленіе! Брось мужа! Если онъ будетъ тебя преслѣдовать, тогда я его убью; но такъ, предательски, какъ два злодѣя, которые задумали свой адскій планъ спокойно и придашатъ свою жертву когда она безоружна... Нѣтъ, Марикита, никогда я на это не пойду! Я умоляю тебя: будь хоть немного женщиной, смягчи свое сердце! нельзя же жить для одной ненависти.... Наша любовь будетъ кровавою сдѣлкой... Она задушитъ насъ самихъ!

Слова Боровскаго прерывались рыданіями.

— Чѣмъ же инымъ, вскричала Марикита,— можетъ-быть закрѣплена наша связь? Кто довелъ меня до вчерашней сцены съ Англичаниномъ? Ты! Еслибы ты любилъ меня какъ мущина, смѣло, самоотверженно, я бы, можетъ-быть, бросила мужа и забыла о немъ, *смягчила бы свое сердце*, какъ ты выражаешься! Но теперь, ни примиренія, ни забвенія быть не можетъ! Съ такимъ любовникомъ, какъ ты, серъ-Робертъ будетъ всегда язвить меня, отравлять по

каплѣ все, что въ любви моей къ тебѣ есть отраднаго. Довольно! Рѣшаешься ты?

— Нѣтъ!

Въ эту минуту нравственная боль была такъ искренна въ Боровскомъ, что онъ страдалъ столько же за себя, сколько и за Марикиту.

— Да, я вижу, раздался голосъ Марикиты,—что серъ-Робертъ Рексъ герой передъ вами! Его можно ненавидѣть, васъ не стоить даже жалѣть! Возвращайтесь къ себѣ, разказывайте вашимъ друзьямъ, что имѣли интригу съ женой англійскаго эсквайра! Еслибы вы были покрупнѣе, я бы заплатила вамъ за вашъ эгоизмъ, за все что я переиспытала оскорбительнаго. Живите! Много такихъ, какъ вы, бродятъ безъ дѣла на континентѣ. Моя вина, что вмѣсто человѣка я выбрала куклу!

Боровской, блѣдный, со слезами на щекахъ, въ убитой позѣ, не проронилъ ни одного звука. Онъ глядѣлъ въ это время на кончикъ носа статуи, видѣвшейся изъ-за ствола широколиственнаго каштана.

— Вы со мной больше не встрѣтитесь. Все молчите! воскликнула Марикита съ какимъ-то чуднымъ цинизмомъ негодованія.—Хоть бы проклетіе какое-нибудь!

— Будьте счастливы! вымолвилъ Боровской.

Въ отвѣтъ слышался ему смѣхъ.

Онъ такъ и окаменѣлъ на своей каменной скамьѣ.... Совсѣмъ почти стемнѣло: кругомъ него не было ни души!

ГЛАВА XI.

Три дня не выходилъ Боровской изъ своей комнаты. Онъ все ожидалъ, не зайдетъ ли Пюжакъ, но самъ къ нему идти не рѣшался. Онъ хотѣлъ все-таки знать что-нибудь о Марикитѣ.

Пюжакъ не являлся. Боровской чувствовалъ заочно, что въ судьбѣ Марикиты произошелъ въ эти три дня какой-нибудь поворотъ.

Грусть, тихая и беззлобная, сошла въ его сердце... Чувство позора онъ уже пережилъ. Изъ самообвиненій ничего не выходило новаго: слова Марикиты въ Тюльеритскомъ

саду горѣли еще въ его ухахъ, и сильнѣе наказанія нельзя было придумать.

Четвертый день высиживаясь дома пришелся на воскресенье. Съ утра Боровской почувствовалъ невыносимую тоску, желаніе куда-нибудь дѣваться, убѣжать изъ Парижа. Часу въ одиннадцатомъ онъ услышалъ ввизу, въ кафе, звуки плохой, разбитой скрипки и слабый, точно дѣтскій голосокъ.

Онъ вышелъ въ корридоръ и позвонилъ. Гарсонъ, счетомъ восьмой съ тѣхъ поръ какъ Боровской жилъ въ отелѣ Джонсонъ, явился на зовъ съ вопросительнымъ и медовольнымъ видомъ.

— Кто тамъ поетъ ввизу? спросилъ его Боровской.

— Дѣвочка, нищая.

— Тамъ есть кто-нибудь въ кафе?

— Madame Richard, да еще кто-то изъ жильцовъ.

— Попросите ее сюда.

Гарсонъ ухмыльнулся.

— Она собой очень дурна и лѣтъ, кажется, тринадцати, сказалъ онъ, подмигивая глазомъ.

— Я васъ объ этомъ не спрашиваю.

— И потомъ она ужасно деретъ на скрипкѣ... Впрочемъ...

Онъ не договорилъ и поспѣшилъ выйти.

Послышались скорые и нетвердые шаги и вслѣдъ за ними стукъ въ дверь.

Боровскій отворилъ и впустилъ въ комнату дѣвочку со скрипкой. Она была очеть маленькаго роста. Гарсонъ сказалъ, что ей тринадцать лѣтъ, но по росту казалось никакъ не больше десяти. Лицо у ней было довольно крупное, со строгимъ носомъ, съ синеваатою блѣдностью и воспаленными, слезливыми глазами. На ней надѣтъ былъ чепчикъ съ лопастями, придававшій ей дѣтской головкѣ какое-то комическое старчество; сѣрое шерстяное платье было прикрыто черною, весьма грязною пелериной и коленкоровымъ фартукомъ. Дѣвочка держала скрипку не подъ мышкой, а точно поднось, въ обѣихъ рукахъ.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ Боровскій.

— Magia! проговорила дѣвочка хриплымъ, не по лѣтамъ грубымъ голосомъ.

— Спойте мнѣ что-нибудь.

Дѣвочка, сохраняя строгое, почти суровое выраженіе, взяла скрипку, какъ виолончель, за грифъ, уперла подгрифкомъ въ

колѣна и проиграла ригурнель. Потомъ, вытянувъ шею, съ навичнымъ движеніемъ головы, начала крикливымъ, безжающимъ голосомъ:

Charmante hirondelle...

Она акомпанировала себѣ очень странно: то подыгрывая мелодію, то выдѣлывая на баскѣ оригинальныя фіоритурны. Куплеты обрывала она точно по командѣ и начинала опять мелодію, не измѣняя ни на іоту интонаціи. Въ ея пѣніи была однако какая-то болѣзненная пріятность. Свое ли горе пѣлъ этотъ оборвышъ парижскихъ улицъ или научили ее съ голоса нѣсколькимъ томительно надрывающимъ звукамъ.

— Спойте что-нибудь другое, прервалъ ее Боровской на третьемъ куплетѣ.

Дѣвочка, не двигаясь, передернула только губами, и сдѣлавъ большое усиліе грудью, начала тягуче-разговорный французскій романсъ, дополняя низкія ноты дѣтскимъ крикомъ.

Когда она дошла до припѣва, щеки ея разгорѣлись, воспаленные глаза также заблестѣли.

Она пѣла:

*Je t'aime comme dans la vie
On aime une fois, sans retour!*

Боровскій остановился передъ дѣвочкой. Мотивъ припѣва дразнилъ и надрывалъ ему душу.

Но послѣ втораго куплета онъ не удержался и повторилъ вслѣдъ за дѣвочкой:

*Je t'aime comme dans la vie
On aime une fois, sans retour!*

Въ третій разъ онъ уже не далъ дѣвочкѣ начать припѣва.

— Довольно! сказалъ онъ ей и подалъ два франка.

Дѣвочка посмотрѣла на него удивленно.

— *Allez, mon enfant!* сказалъ ей Боровскій и отворилъ дверь.

Лицо пѣвуньи приняло прежнее суровое выраженіе, и она, присѣвъ, вышла, шлепая большими, стоптанными башмаками.

*Je t'aime comme dans la vie
On aime une fois sans retour,*

запѣвъ Боровской, ходя по комнатѣ.

О, какъ ему захотѣлось видѣть Марикуту! Еслибы въ эту минуту она явилась передъ нимъ, онъ безъ лжи, со всѣмъ натискомъ молодой страдающей натуры, вскричалъ бы: люблю тебя такъ, какъ въ жизни любятъ всего разъ, безвозвратно!

Ему стало невыносимо душно въ комнатѣ. Черезъ пять минутъ онъ уже шелъ по бульвару St-Michel, а черезъ пятнадцать подходилъ къ станціи Версальской желѣзной дороги. Ему надо было куда-нибудь уѣхать изъ Парижа, не возвращаясь домой до ночи. Касса была наводнена пассажирами. Въ этотъ день пускали въ первый разъ „большія воды“.

Въ часъ Боровской входилъ на дворцовый дворъ, отбиваясь отъ промышленниковъ, которые совали ему въ руки виды и альбомы версальскихъ достопримѣчательностей. Онъ справился въ которомъ часу начинаютъ бить фонтаны. Ему сказали, что около пяти часовъ.

Впереди было еще около четырехъ часовъ. Онъ отправился вслѣдъ за толпой по галлереймъ. Черезъ полчаса онъ уже чувствовалъ томительную усталость отъ ходьбы и отъ однообразнаго впечатлѣнія батальной живописи. Онъ не находилъ въ себѣ на этотъ разъ своей обычной любви къ хорошей живописи. Скукой отзывались эти безконечныя комнаты, набитыя сверху до низу все одними тѣми же классически-казенными фигурами рыцарей, лошадей, генераловъ, солдатъ. А убижать было уже нельзя: приходилось двигаться вслѣдъ за толпой и продѣлать всю вереницу замъ точно по командѣ.

Предъ одною картинкой Мессонье, изображающею Наполеона III со свитой, Боровской постоялъ подольше и пересчиталъ, сколько пуговицъ на мундирѣ военнаго медика, нарисованнаго въ лѣвомъ углу картинки, въ приподнятой, некавалерійской посадкѣ.

Когда онъ забрался въ верхній этажъ, имъ овладѣла еще бóльшая скука отъ галереи генераловъ. Онъ забрелъ въ одну изъ отдаленныхъ маленькихъ комнатъ, гдѣ висятъ карандашные наброски портретовъ разныхъ военныхъ знаменитостей.

Въ эту комнату никто не заходилъ. Стояли тамъ два одинокіе стула. Боровской опустился на одинъ изъ нихъ и просидѣлъ съ полчаса. Въ дверь ему видно было, какъ двигалась мимо приваженная буржуазная толпа: шли вновь пріѣзжіе иностранцы съ книжечками въ красномъ переплетѣ,

съ напряженно тупымъ вниманіемъ, шли работники въ новыхъ коленкоровыхъ блузахъ, лавочки и портные съ разряженными женами, молодые пѣхотные солдаты съ киверами на затылкѣ и руками въ карманахъ красныхъ шараваръ. Все это двигалось съ тою праздною медленностью воскреснаго досуга, какую всего лучше наблюдать въ музеяхъ Европы.

Изъ-за мѣховою шапки гвардейскаго артиллериста ему мелькнула женская головка, окаймленная тюлемъ модной шляпки.
— Марикита! вскричалъ Боровской и бросился изъ комнаты.

Толпа повернула въ слѣдующую залу. Тамъ она раздѣлилась на двѣ половины: и направо и налево были двери. Боровской, толкая всѣхъ, бросился направо и пробѣжалъ нѣсколько залъ.

Бѣлая шляпка исчезла.

— Мнѣ показалось! успокаивалъ онъ себя. — Чего она не видала здѣсь, въ Версали?

И опять усталая скука охватила его. Онъ, еле волоча ноги, пошелъ, не останавливаясь ни въ одной залѣ и даже не любопытствуя знать, проходилъ онъ тутъ, или еще нѣтъ.

Такъ протянулось время почти до четырехъ часовъ. Боровской вспомнилъ, что онъ не былъ еще въ Трианонѣ. По одной изъ аллей жидкаго Версальскаго парка онъ очень медленно добралъ до рѣшетки Трианона. Тутъ ему сказали, что взойдти нельзя: впервыхъ, поздно, — осматривать дворецъ можно только до четырехъ часовъ; а вовторыхъ, нужно имѣть особый билетъ.

Вдоль аллеи стояло нѣсколько извожичьихъ колясокъ. Кучера приглашали его сѣсть. Онъ былъ очень утомленъ, но все-таки отправился пѣшкомъ. Къ нему вернулась опять прежняя расчетливость. Онъ долженъ былъ сообразить, достанетъ ли у него присланныхъ отцомъ денегъ на то, чтобы расплатиться съ долгами, выкупить вещи и доѣхать до Петербурга.

Назадъ онъ не попалъ въ ту аллею, по которой дошелъ, а очутился въ одной изъ улицъ города и сталъ въ тупикъ, какъ ему пройти къ тому мѣсту сада, гдѣ большой бассейнъ, окруженный фонтанами.

При вѣздѣ въ одну изъ улицъ стоялъ конный жандармъ на свѣтлобурой лошади, въ ботфортахъ и трехъ-угольной шляпѣ, надѣтой поперекъ. Жандармъ сидѣлъ очень молодцо-

вато; его курносое лицо съ шикарно-закрученными усамы покрыто было какимъ-то праздничнымъ лоскомъ. Вся его фигура дышала необычайнымъ довольствомъ и сознаниемъ своего административнаго положенія.

— Какъ пройти къ большому фонтану? спросилъ его Боровской, стоя на тротуарѣ.

Жандармъ пріятно улыбулся, переложилъ поводья изъ правой руки въ лѣвую по правиламъ искусства, и вытягивая правую руку въ замшевой перчаткѣ съ разстругами, проговорилъ, тряхнувъ своею трехъ-угольною шляпою:

— Vous prendrez la troisième à droite, la deuxième à gauche et la première à droite! Et vous y êtes, monsieur!

Жандармъ заключилъ своею законическую фразу тѣмъ, что приложился къ кокардѣ шляпы.

Боровской остался имъ очень доволенъ. Въ паркѣ къ большому фонтану онъ попалъ во-время. Предъ бассейномъ поставлены были ряды стульевъ. Толпа сплошную стѣною окружала бассейнъ. Боровской хотѣлъ было нанять стулъ, но удержался, увидавъ, что со стульевъ хуже видно чѣмъ стоя на берегу.

Ровно въ пять часовъ пустила *вода*. Французская толпа отвѣчала гуломъ одобренія. Боровской смотрѣлъ на дѣлую стѣну свѣжыхъ брызговъ. Онъ ожидалъ чего-нибудь позатѣвливше и пограндіознше. Посмотрѣлъ нѣсколько минутъ; ему опять сдѣлалось скучно, и онъ двинулся вокругъ бассейна, чтобъ обогнувъ его, подняться вверху ко дворцу.

Масса женщинъ всякаго сорта, двигавшихся въ толпѣ, не возбуждала его вниманія, онъ ни на кого почти и не взглянулъ.

По ту сторону бассейна было меньше зѣвакъ и гуляющихъ. Боровской остановился, чтобы бросить сбоку послѣдній взглядъ на дѣль фонтановъ. Повернувшись, онъ увидалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя спускающуюся по склону пару: мущина въ низкой англійской шляпѣ велъ даму въ бѣломъ платьѣ. Боровской почему-то устался на эту пару. Тутъ онъ только замѣтилъ, что, по разсѣянности, смотрѣлъ все время на фонтанъ безъ *rien-à-rien*.

Онъ надѣлъ его и застылъ на мѣстѣ; къ нему подходила Марикита, опираясь на руку сэръ-Роберта Рекса. Боровской стоялъ точно въ столбикѣ. Вотъ уже она въ трехъ шагахъ отъ него: Марикита вся въ бѣломъ; на головѣ—крошечная

шляпка съ газомъ, который придавалъ поразительную свѣжесть ея лицу. Рожковъ уже не было; греческая, взбитая прическа, съ громаднымъ шпильономъ сзади, совсѣмъ измѣнила очертанія ея головки. Но она была все также прелестна съ этимъ волнистымъ склономъ волосъ. Лобъ сдѣлался больше, лицо—открытѣе, наивно-чувственный ротъ беззаботно улыбался. Тонкій дѣвичій станъ сдѣлался точно еще гибче, облитый въ бѣлое, мягкаго оттѣнка, шелковое платье, шитое съ очень высокою таліей и узкими рукавами. Марикита шла, закинувъ немного голову назадъ, легкою и вмѣстѣ лѣтнею походкой.

Пара поровнялась съ Боровскимъ. Онъ стоялъ все въ той же позѣ. Въ одинъ и тотъ же моментъ и Марикита, и мужъ ея обернулись въ его сторону. У него замыло подъ ложкой; но глазъ онъ не опустилъ, а напротивъ упорно уставилъ ихъ на нее.

Марикита обратила къ нему улыбающееся лицо, гдѣ не было ни удивленія, ни злобы, ни насмѣшки. Оно глядѣло на Боровскаго точно такъ же, какъ на всю остальную толпу. Сэръ-Робертъ не повелъ ни однимъ мускуломъ.

Боровской вздохнулъ только тогда, когда ему стали видны ихъ спины. Онъ сдѣлалъ было нѣсколько шаговъ и опять остановился: ноги отказывались служить ему. Черезъ дорожку стояла скамейка, онъ добрелъ до нея и оттуда продолжалъ глядѣть на удаляющуюся пару.

„Невозможно!“ шепталъ онъ про себя.

И дѣйствительно, необычайною казалась ему эта прогулка Марикиты подъ руку съ мужемъ. Лицо ея такъ безмятежно сіяло, точно будто она явилась сюда въ садъ показать встрѣчному-поперечному свое домашнее счастье! Не прошло четырехъ мѣсяцевъ съ того вечера, когда Боровской въ первый разъ увидалъ эту женщину также въ бѣломъ и также бокъ-о-бокъ съ фигурой Англичанина. Ему могло представиться даже, что онъ совсѣмъ не знакомъ съ этой женой англійскаго туриста, что между ними ничего не было, что все это произошло какъ несбыточный на яву сонъ. Яркія, улыбающіяся уста Марикиты были послѣднимъ словомъ приговора.

„Неужели только этотъ равнодушно-улыбающійся взглядъ заслужилъ я?“

Что въ ней осталось отъ любви? онъ не зналъ. О себѣ онъ уже не спрашивалъ....

— *Bogousky!* раздалось надъ нимъ.

Онъ поднялъ голову. Пюжакъ трепалъ его по плечу.

Что-то новое шевельнулось въ Боровскомъ. Онъ почти неприязненно взглянулъ на адвоката.

— Вы ее видѣли? спросилъ Пюжакъ.—Какая случайность!

— Она меня не узнала... сказалъ съ безсильною ироніей Боровской.

— Да, да, да! прервалъ его Пюжакъ, точно будто онъ видѣлъ какъ все это случилось.—*Mon cher, Bogousky! C'est une femme schakespearienne!* Я не смѣю сказать вамъ что-нибудь въ упрекъ. Добрый мой, *Bogousky*, тяжело должно быть вамъ среди нашихъ эксцентричныхъ характеровъ!

И онъ обнялъ Боровскаго лѣвою рукою. Боровской неприязно вздрогнулъ: ему дѣлалось противно добродушіе Пюжака.

— Къ чему эти сентенціи, Пюжакъ?

Адвокатъ посмотрѣлъ на него кроткими глазами и ударилъ рукою по колѣну.

— Вы выйдѣте скоро, *Bogousky*... Но не считайте ее безхарактерною женщиной. Она гуляетъ съ мужемъ и улыбается...

— Но внутренно, прервалъ Боровской,—остается при томъ же намѣреніи придушить мужа!

— О, *Bogousky!* Этого не будетъ... Я надѣюсь! Я хочу дать ей чувству другой исходъ... Здѣсь не мѣсто говорить! Я долженъ догнать ихъ. Многое можетъ измѣниться въ судьбѣ моей, *Bogousky*; но вы первый узнаете обо всемъ... Вы остаетесь здѣсь?

— Нѣтъ, сухо отвѣтилъ Боровской.— Черезъ нѣсколько дней я уѣду.

— До свиданія! вскричалъ адвокатъ.—Я не говорю вамъ послѣдняго слова. Оживайте скорѣй, *Bogousky!* Я васъ любилъ и всегда буду вашимъ адвокатомъ въ воспоминаніяхъ Марикиты! Пожалуйте это бѣдное и чудное дитя!

Пюжакъ съ искреннимъ жаромъ схватилъ обѣ руки Боровскаго и началъ ихъ трести. Какъ ни болѣзненно привалъ его изліявія Боровской, отъ него все-таки пахнуло заразительною добротой Француза и хорошею горячностью его нервной натуры.

— Прощайте, Пюжакъ! вымогилъ онъ почти тронутымъ голосомъ.

Пюжакъ побѣжалъ, расталкивая встрѣчныхъ. Его потер-

тая шляпа мелькала мимо деревьевъ и по ту сторону бассейна до тѣхъ поръ пока не ступевалась въ толпѣ.

— Глупъ, потому и счастливъ! выругался Боровской, и тутъ только голодъ далъ ему знать о себѣ. Онъ двинулся въ ближайшій рестораникъ, и послѣ долгой думы надъ картою, спросилъ себѣ порцію бифтекса съ картофелемъ.

ГЛАВА XII.

Господинъ Жулиа еще разъ напомнилъ Боровскому о паспортѣ. Онъ положительно сдѣлалъ за нимъ какъ полицейскій агентъ. Боровской видѣлъ что нужно поскорѣе свалить съ плечъ свиданіе съ аббатомъ Бино, но все-таки оттягивалъ. Онъ пошелъ сперва сдѣлать нѣкоторыя дорожныя покупки. Лѣтній его туалетъ находился въ совершенной немощи.

Наконецъ таки отправился онъ въ Rue St. Sulpice пораньше утромъ. Аббатъ былъ дома и принялъ его съ двусмысленною усмѣшкой.

— Здравствуйте, молодой человекъ! сказалъ онъ ему, покашливая.—Я васъ ожидалъ нѣсколькими днями ранѣе.

Боровской сдержалъ свое смущеніе.

— Я не могъ лаконически изъясниться онъ, доставая изъ кармана бумажникъ.

Аббатъ посмотрѣлъ на бумажникъ сверхъ очковъ, не мѣняя своей двусмысленной усмѣшки.

— Вы привесли ваши бумаги?

— Нѣтъ, я не принесъ ихъ, г. Бино.

— Какъ же такъ? Мнѣ давно нужно было навести о васъ всѣ должныя справки.

— Зачѣмъ же? началъ подшучивать Боровской.—Если вы дали мнѣ денегъ, значитъ, вы уже довѣряли моей личности. Окажись я вовсе не то лицо, дѣло уже сдѣлано!

— Вы очень ошибаетесь, молодой человекъ: мы не поступаемъ такъ опрометчиво; мы знаемъ, что вы Русскій, носите хорошее имя, но намъ нужны всѣ офиціальныя свидѣнія, чтобы знать съ кѣмъ мы будемъ имѣть дѣло въ случаѣ какихъ-нибудь домогательствъ вашихъ родственниковъ....

— А! оттанулъ Боровской и больше ничего ему не отвѣтилъ.

— Позвольте же мнѣ ваши документы, заговорилъ старичокъ ласковѣе, — я очень занятъ сегодня!

— Господинъ аббатъ! Я не могу выполнить даннаго мною обѣщанія...

Боровскому не очень-то легко было выговорить эти слова. Рѣчь его пресѣклась на первомъ же приступѣ.

— Какъ, молодой человѣкъ, вы откажетесь отъ своей подписи?

И аббатъ взялся за большую книгу.

— Обстоятельства вынуждали меня...

— Достать гдѣ-нибудь денегъ? подсказалъ язвительно аббатъ.

— Да, господинъ аббатъ, достать денегъ! Вы, какъ духовное лицо, знаете, что молодой человѣкъ можетъ иногда испытывать трагическую крайность... Мнѣ нужны были деньги: я занялъ ихъ у васъ и теперь пришелъ возвратить!

Аббатъ разсмѣялся.

— Гдѣ вы заимствовали, молодой человѣкъ, такіа правила морали? Въ вашемъ отечествѣ? Вы смотрите на это какъ на простой заемъ? Развѣ слугителя святаго отца ростовщикъ?

— Я этого не знаю, врервалъ Боровской, — но что они вербовщикъ, не сомнѣваюсь ни малѣйшимъ образомъ!

— Прошу васъ воздержаться, милостивый государь, отъ неприличныхъ выходокъ. Я позволю себѣ сказать, что ваше поведеніе несомнѣнно съ характеромъ честнаго человѣка! Послѣ этого первому попавшемуся студенту понадобятся деньги, онъ явится къ намъ съ предложеніемъ услугъ, а потомъ скажетъ, что сдѣлалъ простой заемъ!

Старичокъ весь заколыхался.

— Ваши упреки, г. аббатъ, только на половину справедливы. Я поступилъ очень дурно, что позволилъ себѣ поддаться на предложеніе вашего вербовщика, г. Жуліа.

— Осторожнѣе, прошу васъ! визгливо крикнулъ аббатъ.

— Почему же не называть вещи ихъ именами? Это мелочность, не совмѣстная съ характеромъ духовнаго, народированнаго Боровской фразы аббата. — Мнѣ очень прискорбно, что я прибѣгъ къ этому способу. Я чистосердечно каюсь и убѣдительно прошу васъ, г. аббатъ, во вниманіе къ моей молодости, возвратить мнѣ мою росписку, получивъ съ меня выдаваемые вами триста франковъ.

Старичокъ сжалъ губы и нѣсколько секундъ молчалъ.

— Это невозможно, молодой человѣкъ! И вы напрасно

думаете, что подобный поступокъ останется безнаказаннымъ. Мы сдѣлаемъ все что нужно и доведемъ его до свѣдѣнія лицъ, очень вліятельныхъ въ вашемъ отечествѣ. Вы будете скомпрометтированы, и ваша карьера убита!

Тутъ разсмѣялся уже Боровской.

— Это вовсе не страшно, господинъ аббатъ! весело отвѣтилъ онъ. — Прежде нежели вы поведете интригу противъ меня, я, вернувшись въ свое отечество, прямо разкажу исторію моего опредѣленія въ войска его святѣйшества. Не скрою, что признаться въ этомъ будетъ мнѣ не совсѣмъ легко, но не сомнѣваюсь, что никто изъ моихъ образованныхъ соотечественниковъ не объяснитъ это иначе какъ самою крайнею нуждой. Скажу даже больше: я васъ эксплуатировалъ, а не вы меня! Еслибъ у меня не было надежды получить эти триста франковъ, я бы, мнѣ по крайней мѣрѣ *теперь* такъ кажется, никогда и не помыслилъ серьезно надѣть мундиръ панскаго зуава! Не обижайтесь, г. аббатъ. Васъ поддѣвнутъ разъ, а вы поддѣвнете сто разъ! *Justitia est constans et perpetua voluntas suum cuique tribuere!*

— *Honeste vivere*, хотѣли вы сказать.

— *Neminem laedere*, господинъ аббатъ! Я вамъ чистосердечно признался и просилъ извинить меня. Вамъ остается, какъ умному человѣку и представителю христіанскаго принципа, обоидтись со мною кротко.

— Но мы васъ не выпустимъ! вскричалъ вдругъ аббатъ. — У насъ есть документа.

— Подвоте! отвѣтилъ спокойно Боровской. — Я вамъ уплачиваю эти деньги, вотъ онѣ! А что касается до второй половины росписки, я не задумаюсь, г. аббатъ, представить все дѣло въ такомъ свѣтѣ, что вы, конечно, попытитесь назадъ. Да и это лишнее: я не выйду изъ вашего кабинета до тѣхъ поръ, пока вы не возвратите мнѣ моей росписки.

Старичокъ покраснѣлъ и задорно вскинулъ очки на Боровскаго. Крупная, плечистая фигура Русскаго, должно-быть, смирила задоръ духовнаго отца. Онъ фыркнулъ и полъ въ шкатулку.

— Пожалуйте деньги.

Боровской подаль три банковые билета правою рукою, а лѣвую протянулъ для полученія росписки.

Ему было и совѣстно, и смѣхъ его разбиралъ.

— Мнѣ ясно, прошипѣлъ аббатъ, — что вы подослали раз-

грать всю эту комедію лицами вашей схизмы, которая, не знаю почему, называетъ себя христіанскимъ вѣроисповѣданіемъ.

— Предоставляю полную волю вашему воображенію, г. аббаты! отвѣтилъ съ поклономъ Боровской. — Благодарю васъ за то, что недолго меня держали. *Dixi et animam laevavi!* выговорилъ онъ, произнося латинскія слова на французскій манеръ, и вторично расшаркался.

Аббать, конечно, не пошелъ провожать его.

Только что Боровской показался на улицу, господинъ Жюліа схватилъ его за руку,

— *Et bien mon gaillard! A la fin des fins vous voilà enrégimenté.*

Боровской, молча, показавъ ему расписку, держа ее обѣими руками, и тутъ же разорвалъ на мелкія кусочки.

Въ первый разъ исчезъ съ лица г. Жюліа самодовольный видъ.

— Но какъ же это? А мое вознагражденіе, молодой человекъ?

— Вы его получите отъ господина Бино! отвѣтилъ Боровской.

Руки вывалились изъ кармановъ г. Жюліа.

— *Pas trop de zèle, monsieur Joulia, pas trop de zèle!*

И не дожидаясь отвѣта, Боровской пошелъ дальше.

Въ этотъ же день выкупилъ онъ свои вещи въ *Mont de Piété* и на Итальянскомъ бульварѣ встрѣтилъ опять, какъ въ тотъ разъ когда ходилъ закладывать цѣпочку, милѣйшаго г. Карнаухова.

— Всѣ разъѣзжаются, Боровской! тянулъ московскій фешетъ-клубъ. — Варвара Павловна тоже уѣхала. Эти Французики такъ надоѣли со своими скачками! Пустой народъ! Вы, пожалуйста, напишите, въ какой день соберетесь. Повѣдмте вѣсть. Скука смертная одному валяться въ вагонѣ.

„Съ тобой-то особенно весело!“ подумалъ Боровской. „Держи карманъ! дамъ я тебѣ знать.“ Онъ сухо раскланялся съ Карнауховымъ и оставилъ его на бульварѣ въ тотъ моментъ, когда онъ собирался начать новую тираду.

ГЛАВА XIII.

Все было справлено къ дорогѣ. Счетъ хозяйкѣ уплаченъ, причемъ она потребовала дополнительнаго платежа за двѣ недѣли впередъ. Старьевщику продано было лишнее изысканное платье. Комната Боровскаго являла уже переходный видъ: на полу валялись бумажки, со стола убраны были всѣ книги, чемоданъ вытасченъ на средину; а все Боровской не назначилъ еще себѣ дня отъѣзда.

Точно что-то говорило ему о необходимости дожидаться вѣстей изъ Rue Balzac. Онъ не ошибся. Пюжакъ исполнилъ свое слово, и въ его письмѣ Боровской нашелъ все чего желалъ.

„Еслибъ я не зналъ что вы добры, Bogousky, писалъ Французъ, я не посмѣлъ бы сознаться вамъ въ моихъ надеждахъ, въ моемъ счастьи. Когда вы получите это письмо, меня уже не будетъ въ Парижѣ. Я ѣду съ нею и съ ея мужемъ въ Италию. Мы проведемъ лѣто на Лаго-Маджоре, она выбрала эту мѣстность. Вы понимаете, что Марикига *позволила* мнѣ вѣхать съ ней. Нѣсколько лѣтъ сразу я хотѣлъ быть ея рабомъ, она не допускала меня. „Nous sommes trop amis cochons, Pijeas!“ говорила она мнѣ, когда у меня вырывались проблески любви. И вотъ мнѣ позволено бросить роль друга и отдаться безвозвратно служенію одной страсти. Вы ее вызвали, Bogousky, эту страсть, и вѣрите, я не злобствую, я не ревную Марикигу къ тѣмъ тремъ мѣсяцамъ вашего счастья. Боже мой! я такъ привыкъ къ своей страдальной, глупо-дружеской роли, что давно потерялъ смѣлость чего-либо требовать или возмущаться чѣмъ-нибудь. Поэтому мнѣ и кажется, что я такъ неизмѣримо счастливъ теперь! Но вы все-таки счастливѣе меня, Bogousky: вы обладали этою женщиной и какъ? побѣдоносно, съ дерзостью, съ законнымъ, я говорю искренно, юношескимъ эгоизмомъ. Вамъ ужъ никогда, ни здѣсь, ни въ вашей странѣ ничего подобнаго не переживать! Моя фраза кажется избитою, выкраденною изъ колѣчечнаго журнала, но я знаю, что вы ей дадите настоящую цѣну. Вы повторите за мной, что даже ненавидѣть Марикигу высокое наслажденіе! Я отсюда вижу васъ, ваше умное, славянское, теперь нервно измученное лицо и предугадываю вопросъ, который будетъ еще долго глотать васъ: кто же она и что за драма происходитъ между ею и ея мужемъ? Я, кажется, Bogousky, обѣщаль вамъ поднять завѣсу... Но еслибы теперь, въ этомъ письмѣ, я

началъ разказывать исторію Марикиты съ самыми живыми подробностями, вы бы мнѣ отвѣтили: все это ничего не объясняетъ, она сама не знаетъ чего ей нужно. Вы бы непременно сказали это, и, можетъ-быть, я вторилъ бы вамъ, еслибы меня не звали Рауль Пюжакъ, и еслибы этотъ Рауль Пюжакъ не считалъ себя на верху блажества, оттого что Марикита, бросивъ васъ, позволяетъ ему на вѣки отдаться ей рабодѣнно! Вижу отсюда и другой тревожный вопросъ: преступленіе?! смерть мужа!... Не волнуйтесь, Вогонску; ничего этого не будетъ. Я пошелъ бы и совершилъ убійство такъ же легко, какъ сэръ-Робертъ Рексъ надѣваетъ свои красныя перчатки, но чего коснулась моя глуподородная натура, тамъ преступленія быть не можетъ. Но я все-таки ненавижу эсквайра и каждый день буду умолять Марикиту бросить Европу и вернуться опять къ намъ въ колонию. Туда не поѣдетъ сэръ-Робертъ Рексъ, а если явится, то мы его просто затравимъ. Марикита *не прикажетъ* мнѣ ничего трагическаго.

„Вы подумаете, можетъ-быть, о моей бѣдной подружѣ, Фелисите. Никогда Марикита не отдастъ мнѣ и одной тысячной части своего душевнаго добра, а Фелисите любитъ меня какъ собака. А вѣдь, вы знаете, что собаки (я принадлежу къ этой же породѣ), потому только и считаются ниже людей, что онѣ умѣютъ любить *по-собачьи*. Предъ вами-то я ужъ не стану оправдываться! Не только Фелисите, но буквально все на свѣтѣ я послалъ бы къ чорту изъ-за проблеска надежды быть для Марикиты чѣмъ-нибудь больше „друга“. Если вы останетесь еще нѣсколько дней въ Парижѣ, зайдите узнать о Фелисите; она, вѣрно, сидитъ у меня въ квартирѣ... Можетъ-быть, она сошла съ ума, Парижанки очень къ этому склонны. Тогда она будетъ, конечно, довольнѣе судьбой чѣмъ даже ея Рауль. Страданія женщины такая обыкновенная, безвкусная вещь, когда въ нихъ нѣтъ ничего демоническаго; да и мужчины точно также! Чтѣ значили мои терзанія? Марикита просто и не знала ихъ... Однако, вамъ-то отъ этого не легче! Прощайте, добрый другъ. Если будете кому-нибудь разказывать въ Россіи про Рауля Пюжака, скажите, что онъ вамъ часто надѣвдалъ и дослужился до причиненія вамъ сердечной боли. Ваши друзья меня поругаютъ; вамъ будетъ отъ этого полегче.

„Вашъ Рауль.“

— Экая ерунда! вскричалъ Боровской и скомкалъ письмо. И внезапно вся исторія съ Марикитой представилась ему въ новомъ, совершенно отрицательномъ свѣтѣ. Дѣло оказывалось такъ просто: этотъ Пюжакъ, любившій нѣсколько лѣтъ Марикиту, свелъ его съ нею изъ того расчета, за который болѣзненно хватаются безнадежно влюбленные. Опытъ

удался: Пюжакъ добился своего, сдѣлается любовникомъ Марикиты, доведетъ ее юридическимъ путемъ до развода, женится на красавицѣ и будетъ себѣ поживать съ женинымъ капиталомъ въ пятьдесятъ тысячъ фунтовъ.

— Ясно какъ Божій день! вскричалъ Боровской подъ конецъ этихъ соображеній.

Но кто же былъ жертвой дальновидныхъ замысловъ любви адвоката? Опять онъ же, Боровской. Даже Пюжакъ, наивный, болтливый, простодушный студентъ, сдѣлалъ его орудіемъ ловко выдержанной интриги. И мужъ, и другъ вели въ одно время разные мины, подкосившія любовника.

Все это казалось безусловно вѣрнымъ Боровскому, и онъ съ какимъ-то самоуслажденіемъ взвѣшивалъ свою глупость.

Ему захотѣлось пойдти къ Фелисите, чтобы посмотрѣть на ея слезы и наговорить ей разныхъ язвительныхъ вещей о Пюжакѣ. Онъ, нимало не медля, отправился къ Одеону. У привратника онъ ничего не спросилъ, разчитывая, что Фелисите, вѣроятно, сидитъ въ квартирѣ Пюжака и обливается горячими слезами. На дворикъ и въ сѣняхъ, которыя вели въ квартиру Пюжака, толпился народъ. Женщины высовывались изъ оконъ и перекрикивались сверху внизъ.

— Что такое случилось? спросилъ Боровской у кухарки солиднаго вида, лѣтъ подъ пятьдесятъ.

— Сумашедшая дѣвушка, запѣла она, — лишила себя жизни жаровней... Жилъ тутъ студентъ, бросилъ ее...

И она вздохнула въ нѣсколько приемовъ, прибавивъ:

— Имъ это ни почемъ, гризеткамъ, лишать себя жизни.

Боровской не хотѣлъ вѣрить.

— Какъ ее звали?

— Фелисите! подсказала какая-то дѣвочка.

Это его совсѣмъ ошеломило.

— Гдѣ же она?

— Ее свезли въ assistance publique, сообщила кухарка.

Боровской хотѣлъ было пойдти туда, но сдѣлавъ страшный жестъ рукой, повернулся и очень скоро зашагалъ по двору.

Ему стало страшно: смерть дунула на него, и въ эту минуту онъ только увидалъ, какъ неудержимо хотѣлось ему жить.

Онъ даже не повторилъ простыхъ словъ Пюжакова письма:
„Бѣдная Фелисите!“

ГЛАВА XIV.

Послѣ дождливаго дня на Парижъ спустились густыя, влажныя сумерки. Очень скоро стемнѣло. Въ воздухѣ стояла приятная для кожи майская теплота и мягкость. Но за то на небѣ не мигало почти ни одной звѣздочки. Все обволоклось темною завѣсой; точно шапка понадвинута была надъ гудѣвшимъ во всѣхъ концахъ городомъ.

У рѣшетки Люксамбурга стоялъ, опустивъ голову, молодой человѣкъ въ высокой шляпѣ. Тротуаръ былъ покрытъ грязноватою сыростью и блестѣлъ, тамъ и сямъ, отражая трепещущее пламя газовыхъ рожковъ. Семеня ножками, бѣжали женщины квартала въ Бюлье, шли студенты по пяти, по шести человѣкъ въ рядъ, распѣвая: „*Entrez bonnes d'enfants et soldats!*“ Тащились блузники съ работы; а молодой человѣкъ въ высокой шляпѣ все стоялъ...

Это былъ Боровской, наканунѣ отъѣзда. Онъ прощался съ кварталомъ. Медленно двинулся онъ съ своей стоянки, вверхъ по бульвару, къ площадкѣ, гдѣ, въ этотъ вечеръ, надъ фронтономъ деревяннаго сарая, горѣло газовое слово: *Prado*. Въ толпѣ мальчишекъ, коммисіонеровъ и кухарокъ простоялъ Боровскій и тутъ, съ четверть часа, въ деревянной позѣ, уставившись на освѣщенный фронтонъ, совсѣмъ не чувствуя что его ежеминутно толкаютъ...

Дѣтское, безпредметное любопытство овладѣло имъ. Онъ чего-то все искалъ, точно дитя въ игрушечной лавкѣ; а на сердцѣ у него сосало, на глазахъ дрожали слезы. Еслибы кто-нибудь изъ звѣакъ, стоявшихъ передъ входомъ къ Бюлье, заговорилъ съ нимъ, бросилъ ему одну изъ фамилярныхъ уличныхъ фразъ, онъ бы, можетъ-быть, кинулся къ нему на шею и зарыдалъ... Но никто съ нимъ не заговорилъ. Въ половинѣ десятаго онъ сѣлъ на имперіалъ омнибуса.

Громоздкая карета катила, покачиваясь, внизъ по бульвару *St-Michel*. Боровской глядѣлъ на линіи огней. Что-то затягивающее было въ этой перспективѣ свѣтящихся точекъ. Съ каждымъ новымъ поворотомъ омнибуса, Боровской все сильнѣе и сильнѣе испытывалъ неожиданное для него, но

глубоко-искреннее чувство тоски при прощаньи съ Парижемъ. Въ эту послѣднюю ночь, проводимую имъ на улицѣ, онъ позналъ, какъ нелегко ему покидать городъ, гдѣ онъ хватилъ только одну крупицу всемірной жизни, огущенной въ этомъ громадномъ приемникѣ. Не думалъ онъ уже о дилеттантски-прсведенномъ времени, о томъ, что возвращался домой безъ свѣжаго запаса идей и знаній! Ему было жалко всего: домовъ, деревьевъ, шуму, даже грязи жалко было, этой жидкой парижской грязи!

Спустившись съ имперіала на переѣздѣ черезъ бульваръ Монмартръ, онъ пошелъ внизъ по лѣвой сторонѣ. Въ *последній* разъ вдыхалъ онъ въ себя воздухъ бульваровъ, токался въ толпѣ, имѣющей около десяти часовъ всегда одну и ту же физиономію. И кафе казались ему блестяще, и штукатуренныя женщины свѣже и пикантѣе. Огни, гулъ, крики, все это говорило ему: „смотри, помни же бульвары; не забудь, какъ слепая по грязи и прощаясь съ нимъ, ты дышалъ въ послѣдній разъ ихъ воздухомъ.“

У Мадлены онъ сѣлъ на одну изъ двойныхъ скамеекъ, рядомъ съ женскою фигурой изъ числа ночныхъ искательницъ приключеній.

Боровской былъ въ такомъ настроеніи, что могъ говорить только о своемъ отъѣздѣ.

— Пожалуйте меня! обратился онъ къ сидѣвшей около него фигурѣ:—я долженъ завтра ѣхать.

Она отвѣчала ему какою-то пошлостью, непріятнымъ голосомъ, съ акцентомъ.

Этотъ акцентъ повелъ его къ вопросу, какой она національности.

— Я Испанка! отвѣтила дѣва.

Боровской сталъ выяснять давно ли она въ Парижѣ и гдѣ живетъ.

Дѣва, смягчивъ интонацію, отвѣтила, что ее съ малыхъ лѣтъ привезли во Францію, а живетъ она въ Rue Joubert. Боровскому показалось очень страннымъ, что послѣдній разговоръ пришлось ему имѣть съ Испанкой. Это его какъ-то особенно размягло. Онъ еще разъ заявилъ дѣвѣ, что оставляетъ завтра Парижъ. Она начала хихикать и говорить ему, что онъ вовсе не иностранецъ, а только притворяется туристомъ. Боровской не унялся и продолжалъ говорить много и долго о томъ, какъ дорогъ сдѣлался для него

Парижъ. „Что нужды, подумалъ онъ, глядя искоса на дѣву, что около меня сидитъ простая удичная лоретка. И она близка мнѣ въ настоящую минуту; и съ ней я могу говорить какъ съ живымъ человѣкомъ, а завтра будутъ меня какъ чемоданъ перекидывать изъ вагона въ вагонъ.“

— Вы счастливы! вскричалъ Боровской послѣ получасоваго разговора. — Вы остаетесь здѣсь! Вамъ можетъ показаться страннымъ, что я говорилъ вамъ о своихъ ощущеніяхъ. Ничего! Я вѣдь иностранецъ, а иностранцамъ нужно многое прощать!

Онъ замолкъ. Дѣва видимо скучала, выжидательно посмотрѣла на него и отвернулась. Должно-быть, она увидала по позѣ Боровскаго, что онъ не имѣетъ никакого желанія предложить ей руку и проводить въ Rue Joubert.

— Monsieur nous prend pour des brutes! раздался надъ самымъ ухомъ Боровскаго сильный женскій голосъ.

Онъ обернулся. На задней половинѣ скамейки онъ увидалъ какую-то салонницу, подкравшуюся совершенно незамѣтно. Она обратила къ нему свое еще не очень старое, покрытое прыщами и злобно нахальное лицо. Отъ нея шелъ спиртный запахъ.

— Plait-il? спросилъ Боровской, немного отшатнувшись.

— Что вы намъ разказываете? засипѣла салонница и дерзко разсмѣялась.—Кому какое дѣло до вашихъ сантиментальностей? Какой вы туристъ? Vous êtes un calicot qui se rose en prince russe. И позвольте мнѣ вамъ доложить, что всѣ ваши фразы были очень нескладны. Вы желали поразить насъ своимъ умомъ, и совершенно не кстату! На бульварѣ не разсуждаютъ, молодой человѣкъ, и не проповѣдуютъ, какъ какой-нибудь профессоръ! Вы думали, что напали на дурь, которая придутъ въ восхищеніе отъ вашихъ сладкихъ фразъ: очень ошиблись! Много здѣсь ходитъ такихъ франтовъ: важничаютъ, а въ карманѣ нѣтъ пяти франковъ. Хорошія дѣвушки только попусту тратятъ съ ними время!

Все это было сказано такимъ ядовитымъ тономъ, что Боровскаго покорибило.

— Что вамъ угодно? рѣзко отвѣтилъ онъ. — Я не съ вами говорилъ; оставьте меня въ покоѣ!

— Никто съ вами и не станетъ сидѣть! прервала еще нахальнѣе салонница. — Уѣзжайте скорѣе! Такимъ дуракамъ въ

Парижъ не мѣсто! Пойдемъ, Марикита! позвала она дѣву, и обѣ скрылись за Мадлену.

— Марикита! вскричалъ Боровской и смолкъ. Въ отвѣтъ послышался хохотъ.

Въ нѣсколько минутъ перебралъ Боровской свои „приключенія“. И быть-можетъ, не о себѣ одномъ скорбѣлъ онъ... Не предстади ли предъ нимъ знакомые образы, цѣлая вереница людей, несостоятельныхъ въ любви, пострадавшихъ отъ немощей духа, отъ молодого старчества, отъ молодой распущенности и сомнѣнiя... Длинна вереница этихъ *первыхъ* любовниковъ!..

На бульварахъ совсѣмъ стихло. Послѣднiй омнибусъ обогнулъ уголъ Rue Royale, направляясь къ Пантеону. Боровской сидѣлъ недвижно, и только около часа ночи встрепенулся. Тяжелыми шагами пошелъ онъ къ набережной Сены, точно не замѣчая куда двигался. Въ половинѣ втораго онъ миновалъ Chatelet, все держась праваго берега.

За Notre Dame Боровской опять очнулея. Онъ стоялъ у моста, противъ *Морги*... Облокотившись обѣ рѣшетку, среди густаго мрака поднимавшагося съ рѣки, онъ опустилъ голову и замеръ.

Вернулся ли онъ въ Hôtel Jhonson? Конечно.

ПЕТРЪ БОБОРЫКИНЪ.

Москва.

1-го ноября 1866 г.

ЧЕРНОГОРЦЫ

Поэма Ивана Мажураича. *

Переводъ съ сербско-хорватскаго.

I.

Смаиль-ага слугъ сзываетъ
Въ укрѣпленъи сильномъ, въ Стольцѣ,
Въ глубинѣ Герцеговины: **
„Гей! скорѣе выводите
Бѣрдявъ, *** мною полоненныхъ
На студеной той Морачѣ. ****
Приведите и Дурака,
Что совѣтовалъ мнѣ, шельма,
Всѣхъ ихъ выпустить изъ плѣна.
Влахи ***** люты, говорилъ ояъ,

---

* Разказъ Мажураича имѣеть историческую основу: Измаиль-ага Чекгичъ былъ убитъ дружиной Дробняковъ и Черногорцевъ въ 1840 году. Потомки его и теперь живутъ въ Сараевѣ.

** Столацъ, укрѣпленіе въ Герцеговинѣ, на югъ отъ Мостара.

*** Бердянами называютъ жителей *брѣ* — горы въ сѣверо-восточной части Черногорья, которая и называется Брѣ.

**** Морача, отличающаяся низкою температурой воды, впадаетъ въ Скадрское озеро.

***** *Влахомъ* Турокъ называетъ каждаго христіанина (несмотря на вѣроисповѣданіе) въ Боснѣ, Герцеговинѣ и Черногоріи.

Отомстятъ мнѣ, будто, смертью
 За смерть этихъ жалкихъ влаховъ.
 Будто хищный волкъ боится
 Исхудалой горной мыши!“

Побѣжали тотчасъ слуги
 И плѣнныхъ выводили.
 На ногахъ у нихъ оковы,
 На рукахъ большія цѣпи.
 Увидавъ ихъ, грозный ага
 Подаль знакъ водамъ тяжелымъ —
 И водамъ и хищнымъ рысамъ —
 Палачамъ, и всѣхъ плѣнныхъ
 По-турецки награждалъ онъ:
 Острый колъ даритъ юнакамъ;
 Или колъ, или веревку,
 Или саблю назначаетъ.

„Вотъ дары вамъ; раздѣлите
 Ихъ между собой по-братски:
 То про васъ я, Турокъ, приготовилъ,
 И про васъ, и про другихъ всѣхъ Бердянъ,
 Чтò для васъ, то и для цѣлой Берды.“

Ага подаль знакъ.... но трудно ль
 Умирать за христіанство
 Тѣмъ, кто за него воюетъ?
 Скрикнулъ колъ неоднократно,
 Засвисталъ палашъ турецкій,
 Вотъ и висѣлица дрогла,
 А не слышны вопли Черногорцевъ.
 Хоть бы пискъ!... Хоть зубъ заскрежеталъ бы!
 По полянѣ кровь ужъ побѣжала,—
 Хоть бы пискъ!... Хоть зубъ заскрежеталъ бы!
 Ужъ полна поляна теплыхъ труповъ,—
 Хоть бы пискъ!... Хоть зубъ заскрежеталъ бы!
 Лишь иной изъ нихъ взываетъ: „Боже!“
 А другой взываетъ: „Иисусе!“
 Такъ легко на вѣкъ прощались съ свѣтомъ
 Умирать привыкшіе герои.

Кровь бѣжитъ рѣкою по полянѣ;
 Турки смотрятъ лишь скрестивши руки.
 Молодые смотрятъ съ наслажденьемъ
 На мученья христіанъ поганныхъ;
 Старики же эти муки
 Въ страхъ чувствуютъ впередъ ужь
 На себѣ отъ лютыхъ влаховъ.

Мрачно смотритъ лютый ага,
 Удивляется неволью
 Левъ могучій горной мыши.
 Отомстить юнаку невозможно,
 Если онъ не поддается страху.
 Ага столько погубилъ юнаковъ:
 Тѣло гибло, духъ былъ бодръ, не падалъ:
 Всѣ они предъ нимъ безъ страха пали.

Берегись того, кто можетъ
 Безъ тревоги свѣтъ оставить.

Видитъ ага эту силу
 И въ груди ужь чувствуетъ холодъ;
 Словно жало ледяное
 Ледянымъ концомъ вонзилось
 Въ душу аги-господаря.

Не отъ жалости ль къ юнакамъ,
 Такъ напрасно умерщвленнымъ?
 Турокъ жалости не знаетъ
 Къ христіанамъ.... Не отъ страха-ль?
 Не за голову ль боится?
 Это все въ душѣ его таится.
 Иль не видишь, какъ желаетъ
 Храбрый воинъ пересилить
 Холодъ, отъ малѣйшей раны
 Пробѣгающій по тѣлу?

Посмотри, какъ голова-то
 Гордо смотритъ вверхъ на небо,
 И чело свѣтло, и око
 Такъ и искрится; взгляни лишь

Хоть на эту крѣпость тѣла:
Зная силу за собою,
Какъ оно спокойствомъ дышетъ!
И потомъ скажи, ну есть ли
Хоть малѣйшій признакъ страха?!

А теперь послушай рѣчи
Аги къ цѣлому собранью,
Какъ онъ трусовъ злобно укоряетъ:
„Дуракъ, ты старикъ безмозглый,
Что теперь? Куда ты хочешь?
Нѣтъ мышей вѣдь горныхъ больше.
Въ горы? Тамъ вѣдь много Бердянь;
Въ поле? Спустятся и въ поле.
Хочешь жить, чтобъ головы лишиться?
Лучше бъ было къ облакамъ подняться:
Мышь грызетъ, но на землѣ вертится;
Лишь орелъ подъ небеса стремится....
И его на висѣлицу эту,
Пусть узнаетъ онъ за трусость плату.
Если гдѣ еще найдется Турокъ,
Что боится этихъ жалкихъ влаховъ,
Такъ и онъ поднимется туда же
На добычу вороньямъ голоднымъ.“

Молча рабская прислуга
Исполняетъ приказанье
И свою добычу тащить.
„Аманъ, * аманъ!“ проситъ старецъ,
И Новица, сынъ, напрасно
„Аманъ, аманъ!“ слезно проситъ.

Ага смотритъ горнымъ звѣремъ
И стоитъ какъ столпъ, какъ камень:
Лишь рукою знакъ онъ подаѣ,
Старика какъ не бывало.
Лишь „медеть!“ ** старикъ промолвилъ,
Ужъ палачъ накинулъ петлю.
Дуракъ вскрикнулъ.... все замолкло.

* *Аманъ* — помилуй, турецкое слово.

** *Медеть* — то же что и *аманъ*.

II.

Солнце скрылось, мѣсяцъ показался.
 Кто же тамъ въ ущелье изъ ущелья
 Такъ ползеть украдкой къ Черногорью?
 Въ ночь бредеть, и днемъ лишь отдыхаетъ,
 Былъ юнакомъ, не юнакъ теперь ужъ,
 А тростникъ отъ вѣтерка дрожащій.
 Бросится ль змѣя съ его дороги,
 Или заяцъ изъ травы высокой —
 Овъ, когда-то бывший злѣе змѣя,
 Струситъ чуть ли не побольше зайца
 И, бѣдняжка, думаетъ, что волка
 Повстрѣчалъ, иль — что еще опаснѣй —
 Что набрелъ на бердскаго гайдука.*
 Все боится, что какъ разъ погибнетъ,
 Прежде чѣмъ до цѣли овъ достигнетъ.

То гайдукъ, или шпионъ турецкій,
 Что слѣдитъ за стадомъ мягкорунныхъ,
 Иль воловъ тяжелыхъ, виторогихъ?
 Не гайдукъ овъ, не шпионъ турецкій,
 А Новица, кавазъ** Ченгичъ-аги,
 Лютой Турокъ, врагъ Черногорья,
 Старому и малому извѣстный.
 И его не пронесли бы вилы,***
 А тѣмъ меньше собственныя ноги,
 Въ Черногорье при сияньи солнца.

На плечъ его виситъ винтовка,
 Ятаганъ за поясомъ засунуть,
 Съ ятаганомъ пара пистолетовъ.
 Этихъ гадовъ принакрылъ овъ струкой.****

* Гайдуками называютъ Болгаръ и Сербовъ оставившихъ, вслѣдствіе преслѣдованій со стороны Турокъ, семейства и бѣжавшихъ въ горы съ цѣлью мстить Туркамъ.

** *Кавазъ* — денщикъ, сауга, полицейскій служитель.

*** *Вилы* — кинжалы, русаки, музы у Сербовъ.

**** *Струка* — палка изъ грубой шерстяной матеріи.

На ногахъ его одни опанки,*
 На юнацкой головѣ лишь феска.
 О чалмѣ вѣтъ даже и помину.
 Безъ чалмы плетется бѣдный Турокъ;
 Видно, онъ погибнуть такъ боится,
 Знать есть цѣль, къ которой онъ стремится.

Осторожно онъ пробрелъ чрезъ Цуцы,
 Пробрался чрезъ храбрые Бѣлицы,
 Ужь подходитъ онъ къ Чекличамъ** горнымъ —
 Къ нимъ подходитъ, а самъ Бога молить,
 Чтобъ помогъ Онъ миновать и этихъ
 Тайно, тихо, никому не зримо.
 Умереть, какъ видно, онъ боится;
 Знать есть цѣль, къ которой онъ стремится.

Лишь вторые пѣтухи пропѣли
 На Цетинскомъ полѣ, ужь Новица
 Очутлася на Цетинскомъ полѣ;
 А пропѣли третьи на Цетиньѣ,
 Ужь стоитъ Новица у Цетинья,
 И съ привѣтомъ приступаетъ къ стражѣ:
 „Богъ на помощь, стража!“ говоритъ онъ,
 А цетинскій стражникъ отвѣчаетъ:
 „Здравствуй, добрый молодецъ! Зачѣмъ ты?
 Ты откуда, изъ какого края?
 Что теперь тебя сюда приводитъ,
 Что такъ рано ты сюда приходишь?“

Ловкій Турокъ, хоть ему неловко,
 Ловкій Турокъ ловко отвѣчаетъ:
 „Я тебѣ скажу на это правду:
 Знай — юнакъ съ студеной я Морачи.
 Изъ Тасины, небольшой деревни
 У подошвы Домритора,*** знаетъ?

* *Опанки* — обувь Черногорцевъ изъ цѣльнаго лоскута бѣлой кожи, мѣсто въ родѣ башмаковъ.

** Цуцы, Бѣлицы, Чекличы и др., слѣдующіе ниже, — потомки сербскихъ фамилій, отъ которыхъ и самыя села получили свое названіе.

*** Домриторъ — одна изъ вершинъ на сѣверовостокѣ Черногоріи. Высота ея восходитъ за 7.000 футовъ.

У меня есть на-сердцѣ три горя:
 Первое, что гложетъ это сердце,
 То, что Ченгичъ погубилъ Морачанъ;
 А другое, что мнѣ гложетъ сердце,
 То, что Ченгичъ погубилъ злодѣйски
 Моего родителя, а третье,
 Что такъ больно сердце это гложетъ,
 Горе всѣхъ другихъ страшнѣе, выше, —
 То, что лютый врагъ мой еще дышетъ.
 Ну, такъ ради Бога, умоляю,
 Допусти меня ты къ господарю
 Твоему и моему съ тѣмъ вмѣстѣ,
 Можетъ-быть, онъ въ горѣ мнѣ поможетъ.

Стражъ ему на это отвѣчаетъ:
 „Скинь сперва, юнакъ, свое оружье,
 И ступай, куда тебѣ угодно.“

Входитъ онъ во дворъ черезъ ворота,
 И звѣзда, померкшая послѣдней
 Въ небесахъ — была звѣзда Ченгича.

III.

Поднялась чета, * собравшись
 На Цетиньѣ въ Черногорьи,
 Не велика, но отважна:
 Въ ней всего-то сто юнаковъ,
 И юнаковъ не отборныхъ
 По наружности, по виду,
 Но по храбрости геройской.
 Каждый радъ ихъ ударить
 На двоихъ, зато навѣрно;
 А не на десять, чтобъ послѣ
 Отступить, бѣжать съ позоромъ.

* Чета — дружина Черногорцевъ или Герцеговинцевъ, отправляющаяся противъ Турокъ.

Всѣ они погибнуть рады
 За тотъ честный крестъ, которымъ
 Знаменать себя привыкли,
 За тотъ крестъ и золотую волю.

Удивительное дѣло!
 Та чета не собиралась,
 Какъ собираются другія,
 И не слышалось, какъ прежде:
 „Кто юнакъ, впередъ, въ ущелье!“
 — „Кто юнакъ, впередъ, въ ущелье!“
 Эхо горъ не повторяло.

Словно гласъ духовъ неясный,
 Словно говоръ безтѣлесныхъ
 Разносился Черногорьемъ
 Отъ скалы къ скалѣ, и—диво!—
 Въ мракѣ чудилось, что дышетъ
 Жизнью даже мертвый камень,
 Что дрожить, ползеть и къ верху
 Даже голову вздымаетъ,
 Изъ скалы недвижной кажется
 Овъ могучую десницу,
 Ногу крѣпкую; сказалъ бы,
 Что въ его холодныхъ жилахъ
 Кровь кипитъ и бьетъ потокомъ.

Видишь длинное ружье тамъ,
 Вверхъ направленное стволомъ;
 Что же въ поясѣ хранится,
 То отъ всѣхъ скрываетъ струка,
 И того чужія очи
 Не увидятъ.... тьма густая
 Закрываетъ тайны ночи;
 Голосъ водить всѣхъ — не очи.

Часъ глухой и темной ночи....
 Свѣтлыхъ звѣздъ не видно въ тучахъ,
 Ни блестящаго оружья
 Въ тьмѣ ночной подъ жесткой струкой.

Такъ идетъ чета ночная,
 Передъ ней юнакъ безстрашный;
 Въ тихомъ шепотѣ другъ другу
 Каждый звалъ героя Миркомъ.

Такъ идетъ чета!... Куда же?
 Тщетно ты ее спросилъ бы.
 Тщетно спрашивалъ бы молвы,
 Тщетно спрашивалъ бы громы,
 Далеко-ль они несутся?
 Всѣ на это отзовутся:
 „Знаетъ то лишь громовержецъ,
 Тотъ, Кому міры подвластны.“

Такъ идетъ чета.... Куда же?
 Знаетъ только Онъ, Всевышній...
 Вѣрно, тотъ — великій грѣшникъ,
 На кого Онъ насыпаетъ
 Эту силу съ звѣздной выси,
 Судъ Своей предвѣчной правды.

Тихо, глухо всѣ ступаютъ
 Въ этой тьмѣ глухой и тихой.
 Говоръ, шепотъ, смѣхъ и пѣсня
 Тамъ не слышались; изъ сотни
 Голосовъ не слышенъ голосъ.

Словно туча градовая,
 Страшный бичъ въ себѣ скрывая,
 Приближается неслышно,
 Угрожая горемъ краю,
 Надъ которымъ вдругъ нависнетъ,—
 И чета во тьмѣ глубокой
 Походила на десницу Божью;
 Тихо шла, чтобъ преступленье знало,
 Что оно еще не безопасно,
 Если громъ не вдругъ ударитъ съ неба;
 Чѣмъ поздне, тѣмъ онъ бьетъ сильнѣе.

Не звучитъ нигдѣ оружье,
 Не звенитъ и стволъ ружейный,
 Не звучать литые токи *
 При походѣ тихой, легкой;
 Словно зная кто ступаетъ,
 Подъ опанками юнаковъ
 Подается тамъ стремнина,
 Опускается пригорокъ.
 Всѣ другъ съ другомъ ровно идутъ,
 Неразлучно, вѣрно, твердо,
 Словно близнецы свѣтила
 По закатѣ тихомъ солнца.

Уже Комляне, Загорачь,
 Бѣлопавличи — всѣ были
 Далеко за вами, къ Ровцамъ
 Каменистымъ ужь подходятъ;
 А за Ровцами къ разсвѣту
 Прибыла чета къ Морачѣ,
 Къ той Морачѣ, отъ которой
 Цѣлый край названье принялъ.

Храбрая чета на дневку
 Избрала Морачскій берегъ.
 Кто, склонившися къ росистой
 Травкѣ, своимъ желаетъ силы
 Подкрѣпить, другой же смотритъ
 На замокъ ружейный, или
 Счетъ ведетъ своимъ зарядамъ,
 Или ножъ булатный точитъ;
 Кто, добывъ огнивой искру
 И подъ сушь огонь запрятавъ,
 Богатырскимъ дуновеньемъ
 Быстро пламя раздуваетъ
 А иной, взявъ часть барана,
 Даръ незлобиваго стада,
 Жарилъ весело на прутѣ
 Изъ орѣшника; другой же

* Токи — тѣсные ряды серебряныхъ или мѣдныхъ пуговицъ, нашитые спереди на курткѣ, называемой сверху.

Изъ своей походной сумки
 Доставалъ кусочекъ сыру.
 Пить захочеть?... Вѣдь Морача возлѣ.
 Чашу-ль нужно?... Есть на это руки.

Вотъ и день ужъ наступаетъ,
 И ужъ слышится въ сѣдствѣ
 Голосъ пастыря, который
 Гонитъ стадо; колокольчикъ
 На вождѣ-баранѣ громко
 Вторитъ пастырской свирѣли.

И другой тамъ показался пастырь
 Кроткій, къ своему грядущій стаду.
 Не украшенъ серебромъ иль златомъ,
 Онъ украшенъ доблестью во взорѣ,
 Лишь въ простую мантию одѣтъ онъ,
 Нѣтъ за нимъ проводниковъ блестящихъ,
 Нѣтъ ни свѣчъ, ни факеловъ зажженныхъ,
 И не слышно звона съ колокольни;
 Свѣтитъ только на закатѣ солнце,
 Да звучитъ звонокъ вождя-барана.

Храмъ его—одно лишь поднебесье,
 А алтарь—лишь горы и долины,
 Оиміамъ—лишь то благоуханье,
 Что горѣ возносится на небо
 Отъ земли изъ полевыхъ цвѣточковъ
 И изъ крови, пролитой за вѣру.

Подойдя къ четѣ, слуга достойный
 Своего Владыки, говоритъ ей:
 „Богъ на помощь!“ и въ кружкѣ юнаковъ
 Онъ вступаетъ на холодный камень,
 И оттуда говоритъ собравью:

„Чада, чада, храбрые герои,
 Вотъ земля, въ которой вы родились;
 Хоть она скалиста, но безцѣнна.
 Дѣды ваши родилися здѣсь же,

И отцы у васъ родились здѣсь же,
 Да и сами вы родились здѣсь же:
 Нѣтъ земли для васъ на свѣтѣ лучше.

„За нее кровь лили ваши дѣды,
 За нее же и отцы кровь лили,
 За нее вы льете кровь и сами:
 Нѣтъ земли для васъ дороже въ свѣтѣ.
 И орелъ вьетъ гнѣзда на вершинѣ:
 Не найдти свободы на равнинѣ!

„Вы, которые привыкли
 Жить умѣренно и трезво,
 Не заботитесь, даютъ ли
 Виноградный сокъ утесы;
 Не заботитесь, даютъ ли
 Вдоволь хлѣба ваши скалы;
 Не заботитесь, даютъ ли
 Ваши горы шелкъ, покуда
 Есть вода въ ручьяхъ холодныхъ
 И мычать волю въ долинахъ,
 Да блеять въ ущельяхъ овцы!

„Порохъ есть, да и свинцу довольно,
 И сильна десница у юнака,
 И соколье око подъ рѣсницей;
 А въ груди кипить-стучится сердце,
 И тверда, неколебима вѣра;
 Побратимъ за побратимомъ * смотреть,
 Вѣрный мужъ любимъ супругой вѣрной;
 Нѣтъ оружья?... Турокъ вамъ приноситъ:
 Вотъ и все, что сердце ваше просить.

„Сверхъ всего, что красить эти скалы,
 Честный крестъ, воздвигнутый надъ ними.
 Онъ лишь васъ въ несчастьи укрѣпляетъ,
 Только онъ вамъ открываетъ небо.

* Побратимство или братство совершается какъ обрядъ, съ извѣстными молитвами. Впрочемъ, побратимство заключается и безъ обряда, какъ клятва на вѣчную дружбу.

„Еслибъ всѣ народы остальные
 Увидали изъ равнинъ, откуда
 Нѣтъ и вида, этотъ крестъ всеопытный,
 Никогда еще не побѣжденный,
 Что стоитъ на Ловченѣ * высокомъ,
 Поднимаясь къ праведному небу;
 Еслибъ знали, какъ нечистый Турокъ
 Поглотить его желалъ бы ачной пастью,
 Тщетно зубъ ломая здѣсь о скалы.
 О! они, сложивъ спокойно руки,
 Не могли бѣ смотрѣть на ваши муки;
 Дикарями бѣ васъ за то не звали,
 Что вы гибли, какъ они всѣ спали!

„Вы за крестъ тотъ умирать готовы,
 За него теперь идете на смерть,
 Исполняя свято гнѣвъ небесный.
 Кто жь грядетъ служить всей вѣрой Богу,
 Тотъ служить обязанъ съ чистымъ сердцемъ;
 Чьей души ничто ужъ не тревожить, —
 Судь небесъ лишь тотъ исполнить можетъ.

„Брата кто изъ васъ не оскорбилъ ли?
 Жизнь противнику кто не пресѣкъ ли,
 Осквернивъ тѣмъ душу? предъ прохожимъ
 Затворилъ ли дверь? иль давши слово,
 Не остался вѣренъ обѣщанью?
 Или жаждущаго не насытилъ,
 Бросилъ раненаго безъ призывья?—
 Все то грѣхъ, все дѣло осужденья:
 Покаянье лишь даетъ прощенье.

„Кайтесь, пока еще есть время,
 Кайтесь, чада, времени довольно;
 Кайтесь, покуда ваши души
 Не зовутся предъ престолъ Владыки!
 Кайтесь: теченье этой жизни
 Незамѣтно движется къ закату.

* Ловченъ, вершина въ Черногорьѣ. Высота за 6.000 футовъ.

Кайтесь, кайтесь: можетъ-быть, денница
 Многихъ васъ уже не встрѣтитъ завтра.
 Кайтесь же....“

Но въ горлѣ старца
 Рѣчь уже остановилась,
 И на бородѣ повисла
 Слезка чистая, блистая
 Словно перлъ при яркомъ солнцѣ.
 Можетъ-быть, онъ вспомнилъ время
 Юныхъ лѣтъ, не безъ укора
 Проведенныхъ имъ, и язвы
 Въ юномъ стадѣ исцѣляя,
 И свои почуялъ раны:
 Добрый пастырь не однимъ совѣтомъ,
 Но и дѣломъ самъ примѣръ предъ свѣтомъ.

И растроганные доброй
 Рѣчью доблестнаго старца,
 Всѣ въ безмолвіи стояли;
 Агачи кроткіе вдругъ стали
 Изъ могучихъ львовъ тѣхъ! Чудо!
 Такъ всеильно Божье слово всюду.

Кто жь явился въ это время
 Предъ четой, теперь смиренной,
 Что взялся за ятаганы
 Сотни рукъ въ одну минуту?
 Непомытное явленье!
 Сто сердець могло мгновенно
 Отвратить оно отъ неба,
 И къ чему стремилась сотня
 Самыхъ пламенныхъ желаній, —
 Все оно могло разрушить!...
 То заклятый врагъ, Новица,
 То Новица—весь свобода—
 Подойдя къ святому мѣсту,
 Приступаетъ ближе къ старцу
 И свой голосъ возвышаетъ:

„Ради Бога, братья Черногорцы,
 Не хватайтесь за свое оружье!
 Я Новица, но уже не прежній —
 Не на васъ иду, иду я съ вами,
 Чтобъ въ крови турецкой вымыть руки.
 Все что прежде я имѣлъ у Турокъ,
 У меня все отнялъ лютый Турокъ
 Лишь осталась у меня десница,
 Да и та принадлежитъ отнынѣ
 Ужъ не мнѣ, а братьямъ Черногорцамъ!...
 Христіанамъ любъ юнакъ крещеный,
 Такъ молю—меня вы окрестите,
 Часъ насталъ, не время больше мѣшкать.“

Сто десницъ при этомъ словѣ
 Мигомъ бросили оружье,
 И сто глазъ сквозь слезы видятъ
 Только радугу—не солнце.

Старецъ подалъ знакъ и мигомъ
 Ужъ держалъ съ водою чашу.
 „Вѣруй, чадо, въ Трисвятаго Бога,
 Вседержителя: Отца и Сына
 И Святаго Духа, вѣруй, сынъ мой,
 Вѣруй, вѣруй, и спасетъ тя вѣра!“
 И сказавъ то, старецъ вылилъ воду
 На невѣрнаго.... Крутыя горы,
 А внизу ихъ дѣти—Черногорцы,
 Были тамъ свидѣтелями тайны.

И потомъ, воздвигши къ небу очи,
 Кроткія, незлобивыя очи,
 И сухія руки, старецъ пастырь
 Отпустилъ юнакамъ согрѣшенья
 И потомъ сталъ присѣщать ихъ Богу:
 Каждому юнаку далъ частицу
 Тайной пищи, неземнаго хлѣба;
 Каждому юнаку далъ по каплѣ
 Тайнаго небеснаго напитка.

Смотритъ солнце на такое диво,
 Какъ, самъ слабый, старецъ подкрѣпляетъ
 Тоже слабыхъ, чтобъ отнынѣ сила
 Ихъ была достойна воли Божіей.

И когда имъ старецъ подалъ силы,
 По-раду они всѣ цѣловались.
 Такъ стоитъ исполнена Всевышнимъ
 Та чета, ужь не какъ ножъ кровавый,
 Наносящій смерть своимъ ударомъ —
 Какъ перо святое, золотое,
 Имъ же небо пишетъ для потомства
 Подвиги героевъ старыхъ, предковъ.

Ужь и солнце сѣло за горами,
 Отошелъ уже и старецъ-пастыръ,
 И чета направилася дальше.

IV.

Гацко поле, Гацко поле, *
 Какъ бы ты привольно было,
 Еслибъ съ голодомъ не зналось,
 Еслибъ съ голодомъ не зналось,
 Съ злой неволей не встрѣчалось!
 На тебѣ сегодня пиръ кровавый,
 Кровопійцы всюду, да оружье,
 Боевые кони, да палатки,
 Тяжкія желѣза да фелеки. **
 Что же это тамъ за кровопійцы?
 Для чего тамъ свѣтлое оружье?
 Что за кони? и зачѣмъ шатры тамъ,
 Тяжкія желѣза и фелеки?
 Смаиль-ага подать тамъ собираетъ
 И на Гацкомъ и около Гацка.

* Гацко поле — въ Герцеговинѣ, на сѣверозападъ отъ Черногорья.

** *Фелеки* — орудіе, которымъ сдерживаются ноги при извѣстномъ
 макаваніи по пяталю

Середь поля онъ шатры раскинулъ,
 Растурилъ онъ сборщиковъ удалыхъ,
 Сборщиковъ, заѣли бы ихъ волки!
 Хочетъ онъ съ души взять по дукату,
 Съ хижины по жирному барану,
 На ночь же по дѣвущкѣ-красоткѣ.

Вотъ ужь ѣдутъ сборщики съ востока,
 За собой ведутъ нагую раю; *
 Показались сборщики съ заката,
 За собой ведутъ нагую раю.
 Ёдутъ, змѣи, съ сѣвера и юга,
 За собой ведутъ нагую раю.
 По сѣздамъ коней ступаетъ рая,
 Связаны у раи бѣдной руки,—
 За спиною связаны веревкой.
 Боже, въ чемъ же провинилась рая?
 Въ томъ ли, что отъ нечисти мрутъ Турки?
 Въ томъ ли, что нужда подѣвла Турокъ?
 Провинилась!... въ чемъ же?... въ томъ, что дышетъ,
 А не можетъ, по желанью Турка,
 Дань давать ни золотомъ, ни хлѣбомъ.

Вотъ передъ шатрами ага
 На конѣ лихомъ кружится
 И копые далеко мечетъ,
 Упражняя зоркій глазъ свой
 И могучую десницу.
 То обговитъ вѣрныхъ Турокъ въ скачкѣ,
 То метнетъ копые свое всѣхъ дальше.
 Онъ юнакъ, повидимому, добрый,
 Еслибъ онъ былъ добрымъ человѣкомъ!

Но увидѣвши добычу,
 Ту, что сборщики тащили,
 Онъ стрѣлою къ нимъ помчался
 На конѣ лихомъ и мечетъ
 На бѣгу копыемъ—джилитомъ. **

* *Рая* — вотъ турецкіе подданные, не исполняющіе ислама.

** *Джилитъ* — легкое копые.

Вѣтъ, копые поднявши кверху,
 Онъ прицѣлился во влаха.
 Но и у юнака можетъ
 Дрогнуть сильная десница.
 Такъ и здѣсь случилась неудача.
 Легкій конь гвѣдой споткнулся,
 И копые ужъ засвиствѣло,
 Но въ своемъ кривомъ полетѣ
 вмѣсто агнца поразило волка,
 И Саферу, что привелъ тѣхъ влаховъ,
 Прямо въ глазъ оно вонзилось. Выпалъ
 Глазъ съ копьемъ на мураву, а Турокъ
 Облился своею черной кровью.
 Зашипѣлъ онъ ядовитымъ змѣемъ.
 Вспыхнулъ Чевгичъ-ага словно пламень.
 Просто срамъ подобному юнаку
 Давъ собирать и не собрать той дами.
 Въ цѣль копые свое метать и цѣли
 Не достигнуть: вмѣсто бѣдной раи
 Выбить глазъ у преданнаго Турка,
 Словно на смѣхъ злобымъ христіанамъ.
 Вспыхнулъ Чевгичъ-ага словно пламень,
 Боже, что жь отнынѣ будетъ съ влахомъ,
 Если влахъ и прежде не былъ правымъ!
 „Гей, Гассанъ, Омеръ, Яшаръ, скорѣе,
 На коней скорѣе, вы, собаки!
 Провеситесь вы широкимъ полемъ,
 Поглядимъ, какъ бѣгаютъ тѣ влахи!“
 Заревѣлъ онъ какъ сердитый быволъ.

Слуги тотчасъ слушаются аги;
 Повесался лихіе кони полемъ,
 Крики слугъ съ коней вдругъ раздалися,
 Топотъ конскій слышенъ подъ саугами,
 Вѣпли раи слышны за конями.
 Первую минуту, какъ посмотришь,
 Рая носится быстрѣй, чѣмъ кони;
 А вторую ужъ не разбираешь: кони
 Или рая бѣгаетъ быстрѣе;
 Въ третью кони напередъ несутся,

Отстаеъ измученная рая;
 А потомъ на землю пала рая,
 И влекутъ ужь кони раю
 И по пыли, и по грязи,
 Словно Гектора подъ Троей,
 Лишь забыли боги Трою.

Ага, Турки молча смотрятъ
 И тѣмъ зрѣлищемъ ужаснымъ
 Утоляютъ чувство зрѣнья,
 Угашаютъ жажду крови —
 Влашской крови, мукой влаховъ.
 Иногда, развеселившись,
 Дружный хохотъ подымали,
 Увидавъ, какъ эта рая,
 Эти псы вдругъ падали на землю.
 Такъ могли лишь демоны смѣяться,
 Видя муки грѣшниковъ въ гееннѣ.

Не устали злые Турки;
 Уставали только кони,
 Той живою бороною
 Заборанивая поле,
 Уставали, на бѣгу уставали.

Ага вскрикнулъ: „Гей, вы слуги,
 Мреть ужь рая, мреть моя добыча;
 Ужь теперь вы воскрешайте раю,
 Чтобъ моя добыча уцѣлѣла!“

Злые слуги злѣйшаго владыки
 Соскочили всѣ съ коней на землю,
 И держа въ рукахъ бичи тройные,
 Бросились на чуть живую раю,
 Чтобъ пришли въ себя собаки вlahи:

Свищетъ бичъ въ рукѣ искусной,
 Разсѣкая мертвый воздухъ;
 Зубъ тройной грызетъ страдальцевъ,
 Отворяя токи крови.

Ошибется ль ловкая десница
И на тѣлѣ страшную картину
Черно-синихъ лютыхъ змѣй напишетъ,
А подъ ними жертва еле дышетъ.

„Ну жь вставай скорѣе, рая!
На ноги, собаки влахи!“
Раздается по полю крикъ Турокъ.
Кто сильнѣе,—собираетъ
И послѣднія усилія,
Послѣ страшныхъ истязаній
Хочетъ на ноги подняться,
Извуренныя риставьемъ.
Кто слабѣе, тотъ какъ будто
Сквозь свой сонъ тяжелый, вѣчный,
Слыша страшныя проклятья,
Чуя боль отъ злаго жала,
Удержать въ себѣ желаетъ
Отлетающую душу,
Двигается кой-какъ на четверенькахъ,
Ползаетъ тамъ по зелено-полю.
Тяжело помыслить, что не только
Голосъ трубный пробудить способенъ
Въ день суда послѣдняго, но даже
Бичъ тройной способенъ вызвать къ жизни.

Лишь съ шатрами поравнялась
Рая, кровью облитая,—
Ага бѣшеный, какъ страшный
Призракъ, зарычалъ предъ нею:
„Подать, рая, подать подавай мнѣ,
Подать, подать, или хуже будетъ!“

Вседержитель птицамъ отдалъ воздухъ,
Дупла далъ, спокойныя далъ гнѣзда;
Рыбамъ воду, глубины морскія,
Свѣтлые кристалльные чертоги;
Звѣрю далъ лѣса, крутыя горы,
Тѣнь пещеръ и шелкъ луговъ зеленыхъ;

Бѣдной раѣ.... не далъ корки хлѣба,
 Чтобъ ее слезами оросила.
 Нѣтъ! и ей онъ далъ удѣлъ отраднѣй!
 Да все отнялъ Турокъ кровожаднѣй!

„Подать, подать!“ Гдѣ взять раѣ подать?
 Гдѣ взять злата, если нѣтъ и крова,
 Подъ которымъ голову склонила бѣ?
 Гдѣ взять злата, если нѣтъ и поля,
 Лишь чужое по́томъ орошаешь?
 Гдѣ взять злата, если нѣтъ и стада,
 На скалахъ же лишь пасешь чужое?
 Гдѣ взять злата, если нѣтъ одежды,
 Гдѣ взять злата, если нѣтъ и хлѣба?

— „Голодъ, холодъ, господарю!
 Подожди пять-шесть деньковъ лишь,
 Христа ради соберемъ мы подать!“

— „Подать, подать, рая, треба!“
 — „Хлѣба, хлѣба, господарю!
 Мы давно уже безъ хлѣба!“

„Погодите, псы, лишь только
 Ночь съ небесъ сойдетъ на землю,
 Будетъ мясо вмѣсто хлѣба!
 Гей, ребята! эти влахи босы,
 Такъ подкуйте ихъ, чтобъ имъ издохнуть....“
 Отвѣчалъ онъ и вошелъ въ шатеръ свой.
 Тотчасъ слуги бросились къ раѣ.
 Веселѣе всѣхъ рабовъ Ченгича
 Тутъ запрыгалъ одноглазый Саферъ.
 Къ общей пущей радости онъ хочетъ
 Вымѣстить на раѣ глазъ пропавшій.
 То раздастся скрипъ фелековъ,
 То рыканіе Сафера:
 „Подать, подать, рая, треба!“
 То отвѣтъ несчастной раи:
 — „Хлѣба, хлѣба, господарю,
 Мы давно уже безъ хлѣба!“

„Погодите, псы, лишь только
Ночь съ небесъ соидеть на землю,
Будеть мясо вмѣсто хлѣба!“
Повторялъ злодѣй слова злодѣя.

Но опишетъ ли кто вѣрно
Эти тяжкія страданья?
Да и кто же равнодушно
Могъ бы слушать эту повѣсть?...

Минулъ день, сошелъ на землю сумракъ,
А за нимъ и ночь сошла на землю.
Небеса усыялись звѣздами,
Только западъ былъ еще во мрактѣ;
Подумъсядъ шелъ по полунебу,
Освѣщая грустную картину.

Средь пустаго поля липа
Вѣковѣчная стояла,
Окруженная шатрами.
Между ними наилучшій,
Наилучшій, наибольшій,
Возвышавшійся надъ всеми
Былъ шатеръ Ченгича-аги,
Словно бѣлый стройный лебедь
Въ голубивой бѣлой стаѣ.

Въ тихомъ, кроткомъ лунномъ свѣтѣ
Бѣлые шатры бѣлѣлись,
Какъ могилы въ грудахъ сѣвга,
Надъ которыми въ глухую
Пору вьются злые духи
И прохожаго ночнаго
Привидѣньями пугаютъ,
Или ухо оглушаютъ
Мнимымъ лаемъ псовъ, рыканьемъ лвынымъ,
Воплями страдающихъ за гробомъ.

Мнилось, здѣсь лежитъ кладбище
Славныхъ праотцевъ славянскихъ,—
Тѣхъ Славянъ, которыхъ слава
Разносилася далеко,

И вокругъ которыхъ дикій
 Турокъ вился днемъ и ночью,
 Долго голову ломая,
 Чѣмъ и какъ задать бы страху,
 Чтобъ несчастные потомки
 Славныхъ предковъ, въ злой неволѣ,
 Молча ждали лучшей доли!...
 То какъ будто Турокъ львомъ рыкаетъ,
 То какъ будто псомъ голоднымъ воетъ.
 То услышишь жалкій вопль страдалицевъ,
 Крики, стонъ, мучительные вздохи,
 Или страшный звукъ цѣпей тяжелыхъ,
 И за нимъ мольбы, призывъ на помощь...
 Слушай, братъ, ужели вопли—призракъ?
 Слушай.... слушай.... нѣтъ не призракъ это...
 Вижу я, какъ тяжело ты дышешь....
 Что?... ты плачешь?... Нѣтъ, не призракъ это.
 Вѣдь бы ты предъ призракомъ не плакалъ.

Разведенъ огонь предъ шатрами,
 И вокругъ его мелькаютъ Турки.
 Тотъ въ огонь подкладываетъ хворостъ;
 Тотъ, надувшись точно мѣхъ кузнечный,
 Повемногу раздуваетъ пламя;
 Тотъ сидитъ, поджавши ноги, возлѣ,
 На огнѣ ворочая барана.
 На угляхъ шипитъ баранье мясо,
 И огонь его какъ будто лижетъ,
 Освящая потъ, который градомъ
 Падалъ внизъ изъ-подъ чалмы турецкой.

И когда баранъ ужъ былъ изжаренъ,
 Тотчасъ снятъ онъ былъ съ тяжелой жерди,
 Цѣликомъ потомъ на столъ наваленъ
 И ножомъ огромнымъ весь разсѣченъ.
 Тутъ къ трапезѣ приступили Турки,
 Какъ голодные лѣсные волки,
 И добычу стали рвать руками.
 Первый бросился къ барану Ченгичъ,

Послѣ Баукъ и другіе Турки—
 Словно звѣри бросились на пададь.
 Запасшися ракіей и хлѣбомъ,
 Турки тотчасъ стали подкрѣпляться
 Мясомъ съ хлѣбомъ, заливая жажду
 Жгучей водкой, бѣшенымъ напиткомъ.

Утоливши голодъ и удвоивъ
 Бѣшенство тѣмъ бѣшенымъ напиткомъ,
 Вспыхнулъ Ченгичь-ага словно пламень.
 Просто срамъ подобному юнаку—
 Дань собирать и не собрать той дани,
 Въ цѣль копье свое метать и цѣль-то
 Мировать, а вмѣсто бѣдной раи,
 Выбить глазъ у преданнаго Турка,
 Словно на смѣхъ злобнымъ христіанамъ.
 Вспыхнулъ Ченгичь-ага словно пламень
 И сказалъ слугамъ: „Довольно мяса!
 Кости выбросьте голодной раѣ,
 Бросьте кости, мясо приберите,
 Какъ скажу, такъ чтобъ готово было.“
 Проревѣвъ онъ и ушелъ въ палатку.

Тотчасъ слуги бросили свой ужинъ
 И пошли готовить все къ веселью,—
 Крѣпкія веревки и солому
 Чтобы раю обкурить порядкомъ,
 Привязавъ ее къ кудрявой липѣ
 Головою внизъ, ногами кверху;
 Обкурить, чтобъ тотчасъ выжать злато
 Изъ несчастной, неодожденной раи,
 У которой не было и хлѣба.
 Что же рая?... Что же раѣ дѣлать?
 Мать земля жестка, далеко небо;
 Плачетъ сердцемъ, видя что съ ней будетъ,
 Плачетъ сердцемъ, хоть не плачутъ очи.

И когда все было ужъ готово,
 Ждали, не могли дожидаться слуги,
 Всѣхъ же больше одвоглазый Саферъ,
 Скоро ли имъ крикнетъ Ченгичь-ага:

„Будетъ съ этимъ липовымъ народомъ;
Ужь пора его на липу вздернуть!“ *

А межъ тѣмъ сидитъ въ палаткѣ ага:
Съ нимъ—лукавый Баукъ, воевода,
Мустафа, его совѣтникъ вѣрный,
И другіе старшіе изъ Турокъ.

На полу въ шатрѣ повсюду
Пестрые ковры лежали,
И на нихъ вездѣ подушки
Предлагали тѣлу нѣгу,
Нѣгу и отдохновенье.
А въ углу на огонькѣ трещала
Только что отсѣченная вѣтка
И трещала, словно пѣсню пѣла,
Пѣла съ плачемъ, плакала же съ пѣснью.
А въ средивѣ, на высокой жерди,
Около которой разстилалась
Гордая палатка Чевгичь-аги,
Пышное оружіе блестяло:
Ружья и холодное оружье.
Тамъ клинки дамасскіе, кривые,
Сотни разъ купавшіеся въ крови
Влашской, возлѣ восемь ятагановъ,
Меньшихъ же ножей не сосчитаешь;
Много видишь тамъ и длинныхъ ружей
Съ золотой изящною насѣчкой,
Пистолетамъ просто нѣтъ и счета.

Что же тамъ склонилось къ шестоперу?
Никогда невиданное диво:
Кроткій агнецъ съ хитрымъ злобымъ волкомъ,
Со змѣею призрачная вила?
Видишь, гусли; но не бойся, братъ мой,
Что тѣ гусли шестоперьъ расщеплетъ,
Что ихъ струны превратитъ въ вериги,
А смычекъ невинный въ лукъ ужасный,
И въ коня удалаго кобылку.
Вѣрь, Славянки-вилы не боятся

* *Липовый человекъ, липовый христианинъ (krst) — слабый поддательный Славянинъ на языкъ Турка.*

Шума битвъ и грохота оружья;
Знай, что гдѣ покоится оружье,
Не слышать и пѣсни тамъ славянской.

Небо, чистое въ то время,
Все одѣлось черной мглою.
И когда бы кто оквозъ тучи
Могъ смотрѣть, то увидалъ бы
Какъ дрожали тамъ плеяды,
Эти маленькія звѣзды,
Надъ палаткой бѣлой Ченчичь-аги,
И какъ мѣсяцъ виторогій
Съ запада смотрѣлъ передъ звѣздами,
Какъ баранъ вожатый передъ стадомъ.
Ночь глухая наступила,
Не слышать ни гдѣ ни звука,
Лить роса спускалась тихо,
Словно слезы плачущаго неба.
Страшный мракъ, стущавшійся все больше,
Овладеѣлъ горами и долами
Такъ, что перста своего не видишь,
А тѣмъ меньше предъ собой тропишку.
Горе тѣмъ, кого застигла
Эта ночь въ пути-дорогѣ,
Если нѣтъ по близости ночлега.

Расходился, разыгрался вѣтеръ,
Засверкала молнія, бичуя
Воздухъ, землю пламенемъ небеснымъ.
То предъ взоромъ свѣтъ невыносимый,
То опять одѣнется все тьмою —
Тьмою большей чѣмъ казалось прежде.
Вотъ и громъ слышался внезапный,
Загремѣвшій гдѣ-то въ отдаленьи.
Вотъ все ближе, громче и страшнѣе
Отдается грохотъ по ущельямъ.
Гулъ глухой идетъ горѣ и долу,
Эхо — по долинамъ и пригоркамъ:
Быть бѣдѣ, не обойдтись безъ бури!
Горе тѣмъ, кого застигла
Эта ночь въ пути-дорогѣ,
Если нѣтъ надежнаго ночлега.

Еслибъ ты спиною къ вѣтру
 Сталъ въ тотъ мигъ, какъ молнія блеснула,
 И внимательно взглянулъ бы
 Прямо по вѣтру въ равнину —
 Увидалъ бы тамъ толпу народа:
 Вмѣстѣ всѣ, лишь мракъ ихъ разделяетъ.
 То гроза покажетъ имъ дорогу,
 То вдругъ тьма опять ее отниметъ;
 Но они походкой легкой
 Ближе все подходятъ къ стану.
 Ночь черна! хотятъ чрезъ тьму прораться,
 Чтобъ скорѣй къ ночлегу лишь добраться.

Слова молнія блеснула,
 Путники ночные уже близко,
 И теперь ужъ можно было видѣть,
 Кто ихъ вожьдъ и кто идетъ съ нимъ рядомъ.
 Знать одинъ изъ нихъ глава дружины,
 А другой надежный ихъ вожатый,
 Знающій всѣ доли и всѣ горы
 И во тьмѣ ведущій всю дружину.
 Посмотри, какъ онъ легко ступаетъ,
 Кажется, по воздуху плыветъ онъ.
 Чтò жь его влечетъ впередъ? Зачѣмъ же
 По его слѣдамъ еще проходить
 Двѣсти ногъ дружины той? Быть-можетъ—
 Онъ боится ночи, любитъ нѣгу
 И теперь торопится къ ночлегу?

Молнія, блеснувшая въ то время,
 Видѣла дружину за шатрами,
 Какъ она въ порядокъ становилась,
 Становилась въ три ряда дружина.
 И стоитъ чета ночная,
 Словно сила громовая,
 Иль пылающая лава,
 Чтò съ горы несется долу
 Въ часъ, какъ спать всѣ люди беззаботно.

Вотъ чета прислушиваться стала:
 Разузнать ей хочется гдѣ ага.

Долетаютъ до нея ужь крики:
 То Саферъ съ достойною дружиной
 Напередъ безстыдно издѣвался
 Надъ страдаемъ горемычной раи.

А въ палаткѣ ага възсѣдаетъ,
 Курить онъ и тянетъ черный кофе.
 Ясное чело Ченгича
 Было въ этотъ мигъ въ морщинахъ,
 Быстрыйъ взоръ его какъ будто
 Былъ подернутъ мрачною тучей.
 Онъ хранитъ глубокое молчанье.
 Въ головѣ его кружатся мысли
 О красавицахъ и объ оружьѣ,
 Объ охотѣ, соколахъ ученыхъ,
 О войнѣ упорной и о златѣ,
 И о кольяхъ, и о Черногорцахъ,
 О метаньи въ цѣль копьемъ-джилитомъ.
 Снова вспыхнулъ ага словно пламень:
 Просто срамъ подобному юнаку
 Дать собирать и не собрать той дани,
 Въ цѣль копье свое метать и цѣль-то
 Мировать, а вмѣсто бѣдной раи,
 Выбить глазъ у преданнаго Турка,
 Словно на смѣхъ злобнымъ христіанамъ.
 Вспыхнулъ Ченгичъ-ага словно пламень.
 Но когда юнакъ увидѣлъ гусли,
 Что вистѣли на столбѣ съ оруьемъ,
 Бѣшенство въ крови его утихло,
 Усладилась горечь черной крови,
 Словно онъ гармоніей небесной
 Тронуть былъ; и жажда крови въ агѣ
 Превратилась въ жажду пѣсни—
 Такъ могуча сладость звуковъ!

Говоритъ Бауку Ченгичъ-ага:
 „Гей, Баукъ, почтенный воевода,
 Удадьство твое, я слышалъ, хвалятъ,
 Ну, а что, когда бѣ на насъ напали
 Эти мыши горныя неожиданно,
 Сколько бы мышей одинъ убилъ ты?“

— „Да съ шестерку, господарь, убилъ бы.“
 — „Просто дрянъ ты, баба! Я вѣдь думалъ,
 Что и вправду ты юнакъ удамый!
 Пусть ударятъ два десятка Бердявъ—
 Да поможетъ мнѣ святая вѣра,
 Я одинъ бы всѣхъ ихъ обезглавилъ.
 А вѣдь я чуть-чуть не расхандрился
 Съ трубкою и съ мыслями, что эта
 Ночь забавѣ нашей помѣшаетъ
 И не дастъ намъ подкурить тѣхъ влаховъ.
 Знаешь что? вѣдь ты пѣвецъ искусный,
 Я бы радъ былъ слышать пѣснь подъ гусли.
 Такъ запой, исполнь мое желанье.“

Всталъ Баукъ, снялъ съ гвоздя гусли,
 Послѣ, скромно подвернувши ноги,
 Сѣлъ на прежнее оное мѣсто;
 И на мягкую подушку
 Предъ собой кладетъ оны гусли.

Вправо, влѣво оны проводитъ;
 Раздалось потомъ колка скрипѣнье,
 И потомъ звукъ струвъ раздался,
 Громкій голосъ, и пѣвецъ лукавый
 Началъ:

„Милый Боже, что за чудо!
 Ужь каковъ былъ Ризванъ-ага сильный,
 Какъ искусно оны владѣлъ оружьемъ,
 Острой саблей и копьемъ булатнымъ,
 И ружьемъ, и лютымъ ятаганомъ,
 И конемъ своимъ духимъ, удамымъ!
 Ага сходитъ на Косово поле,
 Собираетъ оны цареву * подать,
 Хочетъ оны съ души взять по лукату,
 Съ дома взять по жирному барану,
 Хочетъ на-ночь оны достать красотку.
 Собираетъ оны цареву подать,

* Сербы, привыкшіе называть византийскихъ императоровъ цезарями — царями, перенесли этотъ титулъ и на турецкаго султана.

Злая рая платитъ и не платитъ.
 Гдѣ съ души онъ хочетъ по дукату,
 Тамъ не видитъ часто мѣдной пары,
 Хочетъ съ дома жирнаго барана,
 А достанется — на перечетъ всѣ ребра,
 А гдѣ на ночь онъ красотку ищетъ,
 Не находитъ и сморчка-старухи.

„Запираетъ ага злую раю,
 А потомъ ее выводитъ въ поле,
 Въ полѣ ставитъ онъ ее рядами,
 На конѣ черезъ нее онъ скачетъ:
 Первый рядъ перескочилъ удачно,
 И другой перескочилъ удачно,
 А когда хотѣлъ скакнуть чрезъ третій,
 Дикій конь его встряхнулся дико,
 Лишь скакнулъ онъ, лопнула подруга,
 Сильный ага на траву свалился.

„Съ той поры прошло еще немного,
 Ужъ изъ устъ въ уста несется шепотъ
 По широку, по Косову полю.
 Чѣмъ онъ дальше, тѣмъ растетъ сильнѣе;
 Послѣ смѣхъ, потомъ насмѣшки раи,
 А потомъ сложилась пѣснь подъ гусли,
 И поютъ слѣпые на Косовѣ:
 Просто дрянь былъ Ризванъ-ага сильный!“

Эта пѣснь еще звучала,
 А ужъ каждый могъ бы видѣть,
 Кто смотрѣлъ не на пѣвца, — на агу,
 Что въ лицѣ его видѣлись
 Боль, досада, злоба, ярость
 И другія злыя страсти,
 И кровавыми когтями
 Раздирали сердце ага
 При язвительныхъ намекахъ.

И кровавый пламень грозно вспыхнулъ
 Въ гнѣвномъ сердцѣ противъ злобно раи,

Противъ влаховъ, псовъ, креста гнилаго,
 Чтò въ соудствѣ съ правовѣрнымъ Туркомъ
 Недостойнъ солнечнаго свѣта.

Цѣпи, ядъ, веревка, сабля,
 Ножъ, огонь, котель съ кипящимъ
 Масломъ, колъ ужасный, сотни
 Мукъ въ одну минуту бродятъ .
 Въ головѣ юнака аги,
 Чтòбъ изгладить слѣдъ насмѣшекъ
 И сберечь нетронутую славу,
 Имя въ пѣсни подъ бряцанье гуслей.

Брови аги сдвинулись какъ тучи,
 Загорѣлись очи словно пламя;
 По лицу огонь зловѣщій бѣгалъ,
 И отъ гнѣва расширились ноздри;
 На устахъ, ужъ всплывающихъ отъ злости,
 Выраженъ ада показалось.
 И легко въ немъ каждый прочталь бы:
 „Такъ скорѣй погибнетъ эта рая,
 Чѣмъ меня погубитъ пѣсня злая!“

Не успѣлъ Баукъ окончить пѣсни,
 Какъ у аги мысль уже мелькнула,
 Что и тутъ свидѣтелемъ позора
 Не одна лишь злая рая будетъ,
 И что очи и уста не только
 Раѣ злой даны природой щедрой:
 Раю мучь, да съ ней души и Турокъ,
 Сбереги лишь имя отъ позора.

Этотъ страшный помыслъ ага
 Хочетъ спрятать въ глубинѣ сердечной,
 И черты лица онъ украшаетъ,
 А на немъ все ярче и виднѣе
 Выступаетъ пламя дикой злобы.
 Хочетъ онъ казаться всѣмъ спокойнымъ,
 А межъ тѣмъ дрожить и весь трясется.
 Наконецъ, безсильный скрыть ту злобу,
 Онъ поднялся въ ярости и вскрикнулъ:

„Ужь пора покончить съ этой раей!
 Палаши, ножи, огонь и колья!
 Распустить сейчасъ всё силы ада!
 Я юнакъ, отъ пѣсци жду я славы;
 Для того задамъ имъ пиръ кровавый...“

Не успѣвъ домолвить ага,
 Какъ уже раздался выстрѣлъ
 И затмилъ другое око
 У Сафера, что всёхъ прежде
 Подскочилъ на голосъ аги;
 Что отъ дrevка началось,
 То окончилось отъ пули.

„Влахи! влахи!“ всюду слышны крики.
 Въ ту минуту часть отряда
 Залпъ дала по всёмъ палаткамъ.
 „Влахи! влахи!“ слышны крики.
 „Гей, коня мѣв!“ голосъ аги.

Тутъ другая часть отряда
 Залпъ дала. „Повсюду влахи!
 Ружья, ружья, ятаганъ!
 Гей, коня, Гассанъ, коня мѣв!“

Вотъ и третій залпъ раздался.
 Ужь Гассанъ коня выводитъ;
 На коня садится ага;
 Но сверкнула словно молнья,
 И винтовочная пуля
 Агу вновь свела на землю.
 Ночь мрачна; не знаешь, чья та пуля,
 Но вблизи стрѣлялъ въ то время Мирко,
 И во тьмѣ порхнула безъ одежды
 Та душа безъ мира и надежды....

Ага палъ, а Турки еще бьются,
 Но отъ всёхъ сокрыто было мракомъ,
 Что въ борьбѣ геройство совершало.

Ничего не разберешь во мракѣ.
 Лишь когда мелькнетъ огонь небесный
 Иль ружейный выстрѣлъ, очень часто
 Видитъ Турокъ заклятаго влаха
 Въ разстоянн только ятагана,
 Между тѣмъ какъ прежде каждый думалъ,
 Что стоитъ онъ отъ врага на выстрѣл.
 И летятъ въ желѣзные объятя,
 И звучатъ желѣзные лобзанья,
 И падутъ къ землѣ нерѣдко оба,
 Такова кипитъ въ душѣ ихъ злоба.

Подъ покровомъ черной ночи
 Ходитъ смерть, бросая слѣдъ кровавый;
 Очи смерти свѣтятся какъ молнии,
 И сквозь кости вѣетъ вѣтръ холодный;
 Словно громъ гремитъ она: то „горе!“
 То „медеть!“ то „помоги намъ, Боже!“
 И вздыхаетъ, и хрипитъ, и стонетъ,
 И беретъ то христанъ, то Турокъ,
 Очи ихъ смежая безпробудно.

Тутъ погибъ совѣтникъ аги, Муя,
 Яшаръ злой, Гассанъ, Омеръ и тридцать
 Мусульманъ изъ свиты Ченгичь-аги;
 Мракъ ночной отъ смерти спасъ Баука
 И другихъ, бѣжавшихъ съ поля битвы.

Кто же тамъ прикинулъ возлѣ аги?
 Самъ мертвецъ, на трупъ онъ щеритъ зубы.
 То Новица. Онъ убить Гассаномъ
 Въ мигъ какъ онъ, продравшися средь Турокъ,
 Подскочилъ къ поверженному звѣрю,
 Чтобъ отрѣзать голову у аги.
 Ковчился смертельный градъ изъ ружей,
 Начался уже и градъ небесный;
 И чета сокрылась подъ шатрами.
 Ночь страшна, облита черной кровью,
 Ночь темна, черна; чета довольна:
 Ужь нашла себѣ ночлегъ привольный.

V.

Въ небеса уходитъ гордый Ловченъ,
 А подъ нимъ вблизи лежитъ долина,
 А въ долину той живетъ пустынный,*
 А въ его жилища лишь свѣтелка,
 А въ свѣтелкѣ, говорятъ, есть диво:
 Предъ Распятьемъ преклоненный Турокъ.

Онъ одѣтъ великолѣпно, пышно,
 И въ чалмѣ, и съ наточеной саблей,
 И съ ружьемъ, и съ лютымъ ятаганомъ:
 Страхъ беретъ, убьетъ тебя, пожалуй.
 Но не бойся, побратимъ мой милый;
 Турокъ кротокъ, онъ тебя не тронетъ,
 Турокъ смиренъ, самъ всего боится.
 Лишь ногой ударишь ты о землю,
 Онъ крестъ-на-крестъ тотчасъ сложить руки,
 Руки сложить, голову наклонить
 И десницу вдругъ къ челу подниметъ
 И ужь долго такъ онъ держитъ руку.

Подойди поближе, да припомни:
 — Чья чалма та пышная на Туркѣ?
 „Та чалма Смаиль-Ченгича-аги,
 Но чело ужь мрачно обвиваетъ.“
 — Ну, а чье подъ ней чело, скажи-ка?
 „То чело Смаиль-Ченгича-аги,
 Но ужь въ немъ угасли искры-очи.“
 — Чья же эта кованая сабля?
 „Эта сабля Смаиль-Ченгичъ-аги;
 Но ужь ей не быть въ рукахъ Ченгича.“

* *Пустынникомъ* называлъ себя владыка Петръ II. Черногорцы съ Гацка пригнали въ Цетинье головы Турокъ и сердце Ченгичъ-аги, вмѣстѣ со всею добычей, отнятою у Турокъ. Владыка взялъ себѣ только оружіе Ченгича и раздарилъ его своимъ приближеннымъ, въ память событія.

— Чье оружье съ золотой насѣлкой?
„То оружье Смаиль-Ченгичь-аги,
Но ужь мирно ржавѣтъ за шалью.“
— Чья же златотканая одежда?
„То одежда Смаиль-Ченгичь-аги,
Но ужь ей не засіять на солнцѣ.“

М. П-ИИ.

ВЪ ШУМАВСКИХЪ ГОРАХЪ*

ПОВѢСТЬ БОЖЕНЫ НѢМЦОВОЙ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЧЕШСКАГО.

ХП.

Въ то самое время, какъ Еленка разговаривала съ Дорлой въ саду, въ хижину Шершня входилъ человѣкъ, котораго мы видѣли въ корчмѣ, когда проѣзжалъ графъ, и когда Белла такъ разсердилась, что ее не могли успокоить. Онъ хромалъ, но несмотря на это онъ шелъ довольно скоро. Шершень неможко озадачился, увидавъ его, но желая скрыть это отъ него и отъ жены, онъ вѣжливо принялъ его и сказалъ женѣ, чтобы велѣла принести пива и угостила чѣмъ-нибудь гостя. Жена ушла, думая, что это долженъ быть рѣдкій гость, потому что Шершень былъ скупъ и не охотно угощалъ. Мушны остались одни.

— Ну, какво, идетъ ли на ладъ? спросилъ незнакомецъ, и тотчасъ было слышно, что онъ плохо говоритъ по-чешски и приплетаешь грубую нѣмечину.

— Я еще не могу дать тебѣ никакой надежды; съ нимъ, вѣдь, нужно быть похитрѣе.

— Ну, у насъ немного времени; когда вернется графъ, то будетъ еще труднѣе. Ты сказалъ ему обо всемъ, и о наградѣ, которую онъ получить? Половину того что награбимъ и десять талеровъ.

— Да мнѣ десять, когда дѣло пойдетъ на ладъ, и десять, когда я отправлю собаку, да кромѣ того барыши; ну... вотъ мнѣ и довольно.

---

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 9, 10 и 11.

— Ну, только чтобъ и я былъ доволенъ; вѣдь ты знаешь: какова работа, такова и плата.

— Ты будешь доволенъ мною, но такъ скоро, какъ ты думаешь, нельзя сладить съ этимъ парнемъ; онъ упрямъ, а деньгами его не удивишь; вѣдь молодой-то человекъ еще не знаетъ имъ цѣны такъ, какъ мы старики; мы уже знаемъ, что съ деньгами все сдѣлаешь. Если я его не завербую, такъ ужъ нечего дѣлать.

— Нечего? вѣдь мы уговорились, кажется, и хорошо поняли другъ друга. Ты сердитъ на графа, радъ бы отмстить ему, и ты сказалъ мнѣ, что твой племянникъ на твоей сторонѣ?

— Онъ лишилъ меня ремесла, я бы желалъ отмстить ему за это; безъ того ужъ нашими руками жаръ гребутъ... отчего бы и намъ не заглянуть разокъ въ ихъ кладовую и не взять то чего намъ не достаетъ и что для нихъ лишнее?... Но этотъ парень не слишкомъ уменъ, его на это не поддѣнешь... Еслибъ удалось привлечь его, онъ сумѣлъ бы убить хоть самого графа; но обокрасть не согласится, хотя бы ты ему и обѣщалъ половину добычи и двадцать талеровъ.

— Но вѣдь онъ намъ не нуженъ при уводѣ овецъ; пусть только во время караула не ходитъ въ ту сторону гдѣ стоитъ овчарня, пока мы не выведемъ всѣхъ овецъ, а...

Въ эту минуту пришла жена Серны съ пивомъ и хлѣбомъ и прервала ихъ разговоръ. Когда же она вышла по знаку мужа, гость уже не хотѣлъ договорить начатую фразу.

Послѣ краткаго размышленія, Серна сказалъ ему:

— Будь что будетъ, положишься во всемъ на меня, и развѣ одинъ чортъ намъ помѣшаетъ. Если парень не поддастся, то мы управимся и одни. Перваго мая въ замкѣ будетъ праздникъ, день рожденія барышни, молодежь бываетъ тамъ въ этотъ день и танцуетъ. Я разчиталъ, что именно въ тотъ день приходится очередь Павла идти въ караулъ. Они танцуютъ всегда въ большой залѣ, большія стеклянныя двери которой видны изъ деревни, отъ нихъ идетъ лѣстница въ садъ. Овчарня же на заднемъ дворѣ, тамъ не будетъ ни души, около воротъ вездѣ кусты, можно тамъ укрыться, когда пойдетъ дозоръ; а овцы будутъ уже за прудомъ раньше чѣмъ онъ вернется назадъ.

— Ну, такъ хорошо, я полагаюсь на тебя, и если удастся,

то ты получишь большіе барыши. Мы не подлецы: кто намъ сослужить службу, тому мы хорошо заплатимъ, не постоимъ изъ-за нѣсколькихъ талеровъ. Ты контрабандничаешь у насъ, а мы у васъ.

— Съ тою разницей, замѣтилъ съ пренебреженьемъ Серна, — что я у васъ покупаю товаръ на деньги, а вы берете у насъ даромъ скотъ и дичь въ лѣсахъ.

— Иногда, братъ, это обходится намъ очень дорого, отвѣчалъ воръ, ухмыляясь и потягивая изъ кружки. — Посмотри на мою ногу.

— Надоумилъ же васъ чортъ тогда; вы бы только подумали, чего взять съ подмастерья да проволочника!

— Мы нуждались въ деньгахъ; мы тотчасъ замѣтили, что это не ремесленникъ. Какъ онъ зазвенѣлъ талерами, мы тотчасъ подумали, что будетъ хорошая добыча. Мы не имѣли намѣренія убивать. Мы думали, что проволочникъ, замѣтивъ что дѣло идетъ не о его шкурѣ, не будетъ намъ противиться; но онъ, дуракъ, защищалъ графа какъ самого себя. Мы окончательно разсердились, тутъ дѣло шло о жизни. Какъ только вспомню объ этой схваткѣ, которую я тогда вынесъ, да къ тому жь еще тюрьма... такъ бы и желалъ отплатить хорошенько! Постарайся, чтобъ это по крайней мѣрѣ удалось, да не забудь собаку. Собачья образина, какая у нея память: вѣдь она чуть меня не выдала! Ты знаешь, что я вечеромъ обыкновенно бываю въ баварской гостиницѣ; дай мнѣ туда знать. Но остерегайся Михля... онъ честень... не станетъ скрывать воровъ.

— Гмъ, я его зваю; онъ честный дуракъ, не пошелъ бы самъ въ барскій лѣсъ за дровами или стрѣлять серъ; но если ему принесутъ ихъ, то онъ охотно купитъ! Онъ не хочетъ съ нами знаться, а все-таки не выдалъ бы насъ, сказалъ Серна.

— Такъ мы теперь сладились?

— Сладились; а знаешь, что иногда и не напрасно щелкнуть нѣсколькими талерами!... Еслибъ этому парню попало въ руки серебро, то оно, можетъ-быть, и ослѣпило бы его. Камень искушаетъ золото, а золото людей, но и серебро постоитъ за себя. Какой-нибудь задаточекъ?

Незнакомецъ немножко призадумался, потомъ вынулъ изъ-за пояса кошелекъ, досталъ десять талеровъ и отдалъ ихъ Сернѣ.

— Вотъ тебѣ задатокъ; но помни, что ты общалъ, а не то берегись; я не скоро забываю.

Контрабандистъ проводилъ вора до дверей, и онъ ушелъ, сказавъ: Adieu! женѣ Серны, которая стояла въ дверяхъ.

— Скажи пожадуста, что это значитъ? спросила жена, когда онъ ушелъ. — Я принесла ему хлѣба, а онъ говоритъ: Tanke sehr! Развѣ за даръ Божій говорятъ: Tanke sehr? а вмѣсто прощайте — Adieu? Хорошо долженъ быть.

— Ты дура, не знаешь свѣтскихъ обычаевъ, дальше гумна нигдѣ не была. Онъ человѣкъ образованный и говорить такъ, какъ того требуетъ приличіе.

— Да вѣдь Богъ властелинъ всего свѣта, и люди должны восхвалять его; кто стыдится Бога, того Богъ не видитъ.

— Молчи ты съ своими предсказаніями, опять выкопала ихъ изъ проповѣди? Съ тѣхъ поръ какъ здѣсь этотъ священникъ, вы всѣ точно обезумѣли. Что онъ ни скажетъ, все хорошо; а еслибъ онъ не былъ такъ смазливъ, то вы бы его не очень слушали. Почему вы не любите такъ покойника? Потому что онъ былъ старый ворчунъ, не такъ-ли? Тогда вы бѣгали отъ проповѣди, и она вамъ казалась очень длинною.

— Замоли ты, горлопанъ, ты все и всѣхъ злословишь. Что мы его не любите, это не правда; но онъ не умѣлъ такъ проповѣдывать какъ этотъ, потому что онъ былъ старый и дряхлый человѣкъ. Этотъ объясняетъ все подробно и разбираетъ совѣсть; еслибъ и ты сходилъ на проповѣдь, такъ былъ бы инымъ и позналъ бы себя.

— Я себя знаю, священникъ не научитъ меня знать себя; каковъ я есть, таковъ и буду, другимъ не сдѣлаюсь. А ты, дура, если хочешь быть со мной въ ладахъ, такъ держи языкъ за зубами и не смѣй ругать того, кого я уважаю, понимаешь?... Вѣдь ты меня знаешь!

— Ну, ужъ хорошо; а все-таки когда-нибудь дойдетъ до того, что ты познаешь себя. Что же касается до твоего гостя, то я уважу, его если это для тебя такъ важно; но все-таки буду думать, что Богъ не даромъ сотворилъ его хромымъ и рыжимъ.

Съ этими словами жена Серны вышла во избѣжаніе заа.

— Проклятый языкъ, непременно должна возражать. Вздумала еще мнѣ на старости лѣтъ читать проповѣди, каждую

минуту суетъ мнѣ имя Божіе, чтобъ я бросилъ контрабанду, и все такое. Вижу, отчего ей такъ вдругъ не понравилось, что я занимаюсь другимъ ремесломъ чѣмъ другіе; это ужъ вѣрно священникъ наговорилъ ей объ этомъ, или Павлова мать пристала къ ней; та такая же глупая гусыня и тоже думаетъ, что мы живемъ на свѣтѣ единственно для того чтобъ терпѣть нужду, да еще благодарить Бога за то, что онъ другому далъ деньги, а намъ оставилъ пустую суму. Надо ее опять попугать, а моей женѣ наколотить горбъ, чтобъ онѣ оставили меня въ покоѣ, не сплетничали и не стояли поперекъ дороги, говорилъ со злостью Серна. Потомъ вытаскивалъ изъ-подъ кровати дубовый сундучокъ, и вынувъ ключикъ, висѣвшій у него на шеѣ, продолжалъ свой монологъ:—Только бы мнѣ какъ-нибудь отлучить Петра отъ Павла, а то этотъ паренъ мнѣ все испортитъ! Я такъ руководилъ этимъ мальчикомъ, что онъ всегда слушался и придерживался меня; а нынче онъ каждую минуту мѣняется, и еслибъ я не возстановилъ его противъ этой дѣвчонки, то они давно бы были ужъ заодно, и онъ перешелъ бы на ихъ сторону. Проклятыя женщины.... онѣ рады парней сдѣлать бабами! Павелъ не долженъ жениться на Дорлѣ. Объ этомъ ужъ я позабочусь. Мнѣ дочь говорила, что Дорла постоянно хвораетъ, что бабушка не знаетъ чтò съ нею; гмѣ, я знаю, я бы сказалъ бабушкѣ, что она любитъ Павла, чтобъ бабушка хорошенько разсердилась; но такъ можетъ все испортиться, и Павелъ могъ бы узнать, а этого не должно быть. Говорятъ, тоже поѣдутъ въ Прагу.... хорошо же.... для меня это будетъ очень кстати!... Нѣтъ, Павликъ, будешь ты опять служить мнѣ, женишься на той, на которой я захочу, и твой домъ когда-нибудь все-таки будетъ моимъ.

Серна поглядѣлъ въ окно, чтобъ удостовѣриться, что никто на него не смотритъ, не подслушиваетъ и не идетъ мимо, потомъ торопиво отперъ сундучокъ, поднялъ платье, лежавшее сверху, досталъ со дна кожаный кошель, наполненный деньгами, и положилъ туда десять талеровъ, которые получилъ въ задатокъ.

—Такъ - то, мои талерочки, васъ прибавилось; еслибы вы всегда такъ прибывали! Серна посмѣялся бы надъ всѣми! А это такъ и будетъ, коли Богъ велитъ; еще годокъ, и я имъ щелкну подъ носъ! Зачѣмъ Павлу столько денегъ, онъ не умѣетъ съ ними обходиться; впрочемъ, я ему пообщаю!

Шепча такимъ образомъ, онъ завязалъ кошель, сунулъ его внизъ, поставилъ сундучокъ опять подъ кровать, и повѣсивъ ключикъ опять за шею, отправился къ Павлу.

Жилья ихъ были близко одно отъ другаго. На дворѣ онъ встрѣтился съ Петромъ, который, идя съ поля, зашелъ къ Павлу. Павелъ ждался, что не выдержитъ долѣе дома, что у него сокращаются жилы, что пора за работу. Петръ отговаривалъ его, потому что по лицу еще было видно, какою болѣзнию онъ страдалъ; онъ уговаривалъ его не выходить днемъ и общалъ вечеромъ зайти за нимъ, чтобы немножко пробѣжаться въ деревни; на этомъ они и порѣшили.

Серна лукаво поздоровался съ Петромъ, но онъ едва отвѣтилъ ему. „Лучше бы мнѣ не видать тебя!“ подумалъ Петръ, а Серна подумалъ про себя: „Еслибъ я тебя могъ утопить!“ Матери Павла не было дома, и Серна былъ радъ этому.

— Ну, парень, ты все еще сидишь дома? Стыдно! говоришь что мущина, а самъ смотришь старую бабой!

— Я не хочу позориться и поэтому не показываюсь въ людъ съ такимъ лицомъ! отвѣчалъ Павелъ сердито.

— Вотъ чтѣ.... стоить ли обращать вниманіе на лицо? Дрались парни и поумиѣ тебя, и уходили домой съ синяками, зачѣмъ же тебѣ стыдиться ихъ? Вѣдь ты дрался за то, что Фридль хотѣлъ поцѣловать твою Анну-Лизу, а тебя обругалъ браконьеромъ; какой же парень позволить себя ругать?

— По-настоящему, я желалъ поколотить другаго, но ужъ онъ попался подъ кулакъ, такъ ему и досталось. Но онъ былъ правъ.

— Такъ ты думаешь, что люди правы, ругая тебя?

— Конечно, правы, но только человекъ не охотно слышитъ правду, какъ вамъ извѣстно. А бываетъ время, что мнѣ становится досадно, что я послушалъ васъ на свою голову.

— Такъ ты хочешь идти на покаяніе? спросилъ съ усмѣшкой Серна;—хорошо! Конечно, я веду жалкую жизнь, какую велъ и твой отецъ; при такомъ ремеслѣ мало барышей, постоянная опасность, да теперь еще людскіе пересуды. Прежде насъ считали по крайней мѣрѣ честными людьми, которые живутъ, какъ могутъ; теперь же каждый хочетъ угодить графу и священнику и не хочетъ насъ знать. Ты былъ все-таки хорошимъ малымъ, а теперь и тебя они обули въ свои

сапоги. Дѣлай какъ хочешь; я тебя не буду уговаривать, чтобы ты послѣ на меня не жаловался; я не имѣлъ противъ тебя злаго умысла. Я не хотѣлъ, чтобы ты по цѣлымъ днямъ мозолилъ руки въ полѣ и надрывался для господъ изъ-за пары грошей. Я хотѣлъ, если уже человѣкъ долженъ надрываться, чтобы ты велъ болѣе свободную жизнь, причеиъ бы ты лучше могъ употребить свою силу и умъ нежели тамъ, гдѣ ты по цѣлымъ днямъ запряженъ какъ волъ. Какъ хочешь; сиди дома, работай... женись, Анна-Лиза...

— Молчите, дядя, прошу васъ, я знаю что вы хотите сказать; но я вамъ скажу, что мнѣ противно слышать о ней!

— Правда, бываютъ странныя прихоти: что человѣку нравится сегодня, то ему противно завтра; но она красивая дѣвушка, получитъ въ приданое нѣсколько тысячъ, да и любитъ тебя, я это знаю. Я знаю и то, что ты любишь Дорлу; я бы желалъ отъ души, чтобы ты женился на ней, она прекрасная дѣвушка, но что же въ этомъ, если она нравится еще другимъ.

— Еще бы не нравилась, когда она такъ красива, сказалъ Павелъ; — красота пріятна для глазъ.

— Правда; но не каждый удовольствуется однимъ лицезрѣніемъ, у многихъ и сердце затужитъ по такой красотѣ. Ну, кому она досталась, тотъ и счастливъ; а другой бѣднякъ долженъ утереть губы, да и идти съ носомъ. Жаль мнѣ тебя, парень!

— Не за что! отрывисто отвѣтилъ Павелъ.

— Не заприрайся, вѣдь я знаю что тебя гнететъ, и мнѣ больно: вѣдь я братъ твоего покойнаго отца, мы одной крови, такъ какъ же мнѣ быть равнодушнымъ, когда я вижу, что ты несчастливъ? Я уже всячески уговаривалъ тебя, но что дѣлать, любовь такая болѣзнь, отъ которой не хочется выздоровѣть, хотя бы въ ней и была очевидная погибель. То же самое и съ тобой. Но не вѣчно же будетъ тайной то, что теперь скрывается, и ты увидишь тогда, что я былъ правъ. Я простой малый, но ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы быть ширмой для графа, какъ ты, глупенькій.

— Дядя, прошу васъ, не раздражайте меня опять, я за себя не ручаюсь и не позволю оскорблять эту дѣвушку! Она не такая, какъ вы говорите!

— Если она не такая, такъ отъ моихъ словъ не сдѣлается

такую. Я же тебѣ говорю, что это такъ. Взгляни на нее, какова она на видъ: прежде она была словно пiónъ, а нынче какая-то потерянная, даже бабушка, говорятъ, не можетъ ей помочь. Гмъ... такъ и у бабушки иногда умъ за разумъ заходитъ. Дорла, говорятъ, поѣдетъ въ Прагу посоветоваться съ докторами.

Павель схватился за голову и прикусилъ губу такъ, что кровь брызнула, но все-таки смолчалъ.

— Ну, тамъ она выздоровѣетъ, вернется домой свѣженькая какъ цвѣточекъ и выйдетъ за молодаго глупца, который будетъ радъ красавицѣ женѣ и хорошей службѣ. Злѣшняго парня графъ не можетъ одурачить, это бы сейчасъ разнеслось. Люди увидали бы, что онъ такой же какъ другіе, только похитрѣе. Можетъ-быть, Дорла и любила бы тебя, еслибъ его не было; а то вѣдь одинъ носитъ шпоры, а у бѣдняка смотрятъ пальцы; это большая разница! Дѣвушка хитрая, панъ ей понравился; онъ красивъ собой, умѣетъ красиво выражаться, а ты неученый, глупый, неотесанный парень, не умѣешь строить куры такой дѣвушкѣ какъ Дорла, которая знаетъ съ барышней. Бѣдная Дорла все-таки не поняла, долго ли будетъ нравиться графу? Пока онъ не найдетъ лучше ея! тогда онъ оставитъ ее, пусть себѣ мучится. Я это знаю! Жаль ея, ты могъ бы быть съ нею счастливъ.

Павель сидѣлъ на лавкѣ какъ оконченый; онъ то хотѣлъ бѣжать, то хотѣлъ броситься на дядю, но не могъ двинуться съ мѣста. Не хотѣлъ вѣрить ни одному слову, а все-таки каждое слово было каплей масла, падающею на огонь.

— Конечно, продолжалъ Серна съ притворною таинственностью, кто знаетъ, можетъ-быть, она бы охотнѣе вышла за тебя чѣмъ за этого проволочника? Петръ вѣрно принесъ тебѣ поклонъ? Онъ тоже желаетъ тебѣ того, чего себѣ не хочетъ. Дѣйствительно, если человекъ кого-нибудь любить, то прощаетъ ему все. Ты бы тогда зажилъ хорошо, могъ бы ходить и въ лѣсъ, графъ благоволилъ бы къ тебѣ.

Павель захрипѣлъ, вскопчилъ съ лавки, и схвативъ Серну за грудь, затрясъ его какъ грушу.

— Парень! не забывай, что предъ тобой стоитъ братъ твоего отца и что я имѣю надъ тобой право. Какой же ты глупый! Пойди да потряси такъ того, кто укралъ у тебя

любовь дѣвушки; отмсти ему и за себя, и за нее! Что, ты хочешь мстить мнѣ? мнѣ, который открылъ тебѣ глаза? Ты долженъ благодарить меня, сказалъ холодно Серна, отрывая руки Павла.

— За то что вы отравляете мнѣ душу? о, вы хуже дьявола! закричалъ Павелъ, падая на стулъ.—Отмстить? повторилъ онъ минуту спустя.

— Я бы поступилъ такъ; я бы вредилъ ему гдѣ только могъ: помогалъ бы другимъ, которые его также ненавидятъ; я бы не щадилъ ничего что принадлежитъ ему. Я слѣдовалъ бы по его пятамъ какъ Божье наказанье, разгромилъ бы его, а потомъ бѣжалъ бы за границу. Я знаю мѣсто, гдѣ бы мнѣ были рады, гдѣ бы я зажилъ паномъ, охотился бы въ лѣсахъ, не боясь полѣсовщика, и денегъ у меня было бы вдоволь.

Такъ какъ въ комнатѣ мало-по-малу начинало темнѣть, то Серна и не могъ видѣть, какъ при послѣднихъ словахъ его лицо Павла становилось все покойнѣе, и онъ дышалъ уже ровнѣе; поэтому онъ очень испугался, когда Павелъ совершенно измѣнившимся голосомъ холодно сказалъ ему, указывая на дверь:

— Уйди, дьяволъ, чтобы духу твоего здѣсь не было!

Серна вскочилъ со злостью и чуть не вѣднулся въ Павла; но превозмогъ себя, вспомнилъ о своей задачѣ.

— Я и это прощаю тебѣ; вѣдь ты не знаешь что дѣлаешь. Настанетъ время, когда ты убѣдишься, что я говорилъ правду; тогда ты поймешь мое предложеніе, сказалъ онъ, и заслышавъ шаги у завалины, ушелъ не простившись.

— И повѣрю, но твоего предложенія, которое хорошо понималъ, я не приму, еслибы ты даже говорилъ правду, сказалъ Павелъ про себя.

Вошелъ Петръ.

— Фи!... я даже не могъ ужинать, сказалъ онъ входя:— все имѣло горькій вкусъ, потому что этотъ дядюшка посмотрѣлъ на меня. Мнѣ было бы пріятнѣе, еслибы заяцъ перебѣжалъ мнѣ дорогу, хотя это, говорятъ, обозначаетъ несчастье, чѣмъ встрѣтиться съ дядюшкой.

— Ты правъ, сказалъ Павелъ съ грустью.

— Я ужъ чувалъ, что послѣ него придется выкуривать ладаномъ. Сбрось, пожалуйста, ханару, которую онъ нагналъ на

тебя, да поидемъ поскорѣе вонъ, тамъ повеселѣтъ сердце! Куда ни повернешься, всюду аромать; мнѣ даже не хотѣлось въ комнату послѣ поля и садовъ.

Павелъ вздохнулъ, одѣлся, и они пошли.

Вечеръ былъ прекрасный; сады были полны цвѣтовъ и благоуханія, небо сіяло звѣздами, изъ домовъ, съ дворовъ неслись пѣсни молодежи, которая частью была еще за работою, а частью уже собиралась въ кружокъ. Графиня, Еленка и священникъ сидѣли на балконѣ, откуда видна была деревня и дорога, на которую Еленка иногда посматривала съ тоской; учитель сидѣлъ съ ключницей около домика садовника, а неподалеку отъ нихъ, подъ большою липой, садовникъ игралъ въ фанты съ графскою прислугой и бывалъ всегда очень доволенъ, когда его посылали къ сѣроглазой бѣлильщицѣ полотень, чтобъ онъ сдѣлалъ съ ней то, что соловей дѣлаетъ съ розой, или чтобы превратилъ ее въ вишню, а самъ сдѣлался воробьемъ, щиплющимъ вишви. Женщины всегда доставляли ему это удовольствіе, потому что въ воскресенье онъ всегда снабжалъ ихъ цвѣтами; да и мужчины не хотѣли его дразнить и предоставили ему скромную бѣлильщицу, которая отлично умѣла бѣлить полотно, и сама бывала всегда чиста какъ лебедь. На дворѣ, на лавочкѣ около людской, сидѣла Манка съ бабушкой, а Гонзикъ и бѣлый Дувча возились около ихъ ногъ.

Иоза сидѣлъ въ саду на лавочкѣ подъ окнами и игралъ на новой скрипкѣ. Дорла, покончивъ работу, сѣла на дерновую скамейку подъ цвѣтущими вишнями и грустно опустила голову на руки. Казалось, что она одна только въ этой окружающей природѣ носить печаль въ сердцѣ, и тучи были только на лицѣ Павла. Ни веселость Петра, ни благоуханіе, ни пѣсни не могли разогнать ихъ.

— Послушай! Иоза играетъ! сказалъ Петръ, когда они дошли до бабушкиной кельи, которую Павелъ хотѣлъ съ намѣреніемъ обойти, хотя его только туда и тянуло.—Мнѣ всегда очень нравится, когда онъ играетъ наши пѣсенки.

. Катилось, катилось
Красное яблочко.

Затянулъ онъ подъ звуки скрипки, и допѣвъ строфу, сказалъ Павлу:

— Еслибы ты сказалъ: „Только на меня не сердись“, тебѣ бы тотчасъ отвѣтили:

Не сержуюсь я на тебя:
Только мнѣ досадно,
Что ты бродишь за другою
По полю....

— Молчи! сказалъ Павелъ, закрывая рукой его ротъ: — вѣдь мы около самаго сада. Тихе, тамъ кто-то говоритъ, шепнулъ онъ, наклоняя ухо къ саду, отъ котораго они были въ нѣсколькихъ шагахъ, тогда какъ ихъ не было видно изъ-за деревьевъ.

— Это, кажется, голосъ Петра, сказалъ Иоза.— Буду играть дальше, можетъ-быть, онъ опять отзовется.

— Нѣтъ, Иоза, пожалуста, не играй эту, просила Дорла.

— Почему? Ты всегда любила этотъ напѣвъ, да и сама пѣсня не была тебѣ противна; отчего же ты теперь такъ не взлюбила ея?

— Ты знаешь, что человекъ не всегда одинаковъ: иной разъ онъ плачетъ отъ того, что прежде заставило бы его смѣяться.

— Ты мнѣ не нравишься, Дорлочка, ты такъ печальна, а безъ твоей пѣсни и весь домъ печаленъ, и мама сердита цѣлый день. Я думалъ, что когда земля одѣнется и запоютъ жаворонки, то и ты начнешь съ ними; а ты все еще молчишь. Что съ тобой? Можно угадать?

— Нѣтъ, не угадывай, но имѣй терпѣніе со мной, я не могу съ собой сладить.... можетъ-быть, Богъ поможетъ мнѣ, отвѣчала со вздохомъ дѣвушка.

„Что съ нею?“ подумалъ Павелъ; а Петръ опять запѣлъ

Катались, катались
Два,—другъ противъ друга;
Другъ мой! Не другому—
Я тебѣ достанусь.

— Я зналъ что это Петръ! отозвался Иоза изъ сада.

— Да, Петръ и Павелъ.... Добрый вечеръ! сказалъ, здороваясь, Петръ.

Павелъ тоже поздоровался, остановившись у плетня.

— Ну, я очень радъ, что апостолы опять вмѣстѣ. Тебѣ ужъ лучше, Павелъ? Послѣзавтра первое мая, день рожденія барышни; мы хотимъ отслужить обѣдню, и ты долженъ пѣть.

— Мнѣ еще не до пѣнія.

— Что должно быть, того не переменяй; если ты не будешь пѣть, то я долженъ буду пѣть и теноръ, и басъ, и это выйдетъ очень красиво, замѣтилъ Петръ.

— Помогай какъ знаешь, только бы въ-время; я тоже иногда пѣвалъ теноръ и басъ, сказалъ Иоза.

— Я еще разъ дождусь этого чуда, что ты, Иоза, будешь на хорахъ одинъ-одинехонекъ, будешь играть на всѣхъ инструментахъ разомъ и пѣть на всѣ голоса, сказалъ смѣясь Петръ.

— Ты сегодня въ хорошемъ расположеніи духа, отвѣчалъ Иоза весело.

— Боже мой, да что бы было, еслибъ я еще былъ печаленъ.... Дорлочка сидитъ, вотъ, какъ грустная верба около пруда, а Павелъ задумался, какъ олень у лѣсу, о томъ, идти ли ему на зеленый лугъ, или вернуться назадъ; только твоя скрипка оживляетъ садъ. Въ твоей скрипкѣ заключается какъ будто какое-то волшебство... смѣхъ... плачь... гнѣвъ... боль... все въ ней слышится, когда ты играешь свои пѣсенки.

— Которыя не имѣютъ словъ, по выраженію Дорлы, замѣтилъ Иоза.

— И все-таки говорятъ сердцу, отозвался Павелъ.

— Музыка—сладкая, нѣжная рѣчь, понятная для каждаго. Въ ней есть такія выраженія для всякаго чувства, какихъ нѣтъ ни въ одномъ языкѣ, въ ней каждый найдетъ отголосокъ. Слышите!

— Соловей, соловей! вскричали всѣ и съ минутою вслушались въ его кипучую пѣсню.

— Это тоже пѣсни безъ словъ, а сколько въ нихъ выраженія! замѣтилъ Иоза.

— Звуки выкатываются у него изъ горла какъ жемчужины, сказала Дорла, превозмогши наконецъ смущеніе, въ которое привелъ ее приходъ Павла.

— У него выпадаютъ жемчужины, а у тебя, какъ у Маринки въ сказкахъ, выпадаютъ розы, сказалъ Петръ.

— Только иногда на нихъ бываетъ очень много шиповъ, добавилъ Павелъ.

— Кто идетъ собирать розы и не хочетъ колотиться о шипы, тотъ долженъ обернуть чѣмъ-нибудь руку и быть осторожнымъ, сказала Дорла.

— Или хорошенько обломать шипы, отозвался Петръ.

— Чѣмъ бы она защищалась, еслибъ у нея не было оружія? возразила Дорла.

— Роза женскаго пола, а женщинамъ оружіе неприлично, замѣтилъ Іоза.

— И безъ того каждый сдается на ихъ милость, онѣ и безъ бою побѣждаютъ, не правда ли, Павелъ?

— Не каждый, Петръ! Многіе станутъ охотнѣе защищаться, на сколько это возможно, нежели просить милости, отвѣчалъ Павелъ.

— Это продолжается не долго, Павелъ! сказалъ Петръ, и перегнувшись черезъ плетень, прибавилъ: — Мнѣ милѣе тѣ цвѣты, на которыхъ нѣтъ шиповъ, фіалки, буковицы, и еслибы Дорлочка не была такая гордая, то давно бы догадалась дать по букету двумъ парнямъ-сиротинкамъ; или мнѣ ужъ перескочить туда да украсть.

— Ну, погоди, я тебѣ дамъ, сказала Дорла, встала, сорвала нѣсколько ароматичныхъ буковицъ, сдѣлала два букета, достала нитку изъ отвореннаго окна, перевязала и черезъ плетень подала ихъ парнямъ. Петръ взялъ букетъ и понюхалъ его; Павелъ же схватилъ не букетъ, а руку, которая его подавала; онъ держалъ букетъ, но не хотѣлъ выпустить и руку, и Дорла должна была подвинуться къ плетню, чтобы не наступить на грядку.

— Ты все-таки самая лучшая, самая роскошная,

Дорлочка моя,
Миленькая,
До гробовой дошки
Ты мнѣ милѣе всѣхъ:
Не будетъ у меня другой!

запѣлъ Петръ, и бросивъ вверхъ шапку, началъ пристукивать, а Іоза ему наигрывалъ.

— Не будетъ другой! шепталъ Павелъ, и наклонившись къ Дорлѣ, жарко поцѣловалъ ее въ плечо.

Она оттяла у него свою руку, и когда отскочила назадъ, то вишневая вѣтка ударила ее по лбу.

— За это мы тебя отломимъ! сказалъ Павелъ, желая оторвать вѣтку.

— Нѣтъ, запрещала Дорла, она такъ хороша, а завяла бы такъ же, какъ и ея сестра, которую на святкахъ взяли у меня злой парень, чтобы посердить меня.

— Хоть это только повѣрье, но я не хотѣлъ видѣть ее въ другихъ рукахъ; если она была приготовлена для другаго, то ты получишь ее назадъ, сказалъ Павелъ.

— Оставь ее у себя, сказала шепотомъ Дорла и скрыла лицо въ вѣткахъ вишни, боясь, чтобы Павелъ при свѣтѣ мѣсяца не замѣтилъ ея радости.

Павелъ хотѣлъ схватить ее за руку, но въ эту минуту раздался стукъ экипажа. Петръ и Иоза, которые пѣли и играли, вдругъ умолкли.

— Это графскія лошади, вскричалъ Петръ.

— Вѣрно, графъ прѣвхалъ, и Янъ и Мича! вскричала радость Дорла и торопливо нагнулась черезъ плетень.

— Здравствуйте! Какъ поживаете? послышалось изъ экипажа, когда онъ вѣхалъ мимо.

— Хорошо, слава Богу! Съ благополучнымъ возвращеніемъ отвѣчали стоявшіе у плетня; одинъ Павелъ молчалъ и стоялъ точно упавшій съ неба. Экипажъ быстро подвигался къ замку; за ними бѣжала Белла съ радостнымъ лаемъ. Съ балкона послышалось радостное восклицаніе, и всѣ исчезли съ него.

Петръ хотѣлъ еще подождать; но Павелъ заторопился домой, пожелалъ доброй ночи и ушелъ, не обращая вниманія на Петра.

„Что опять влѣзло ему въ голову?“ думалъ Петръ, идя за нимъ. Дорла долго смотрѣла имъ въ слѣдъ, потомъ, покачавъ головой, пошла тихонько въ комнату.

XIII.

— Хорошо мнѣ было дома, хорошо, но я все-таки видѣлъ, что уже не тамъ мой домъ, сказалъ Мича женѣ на другой день утромъ, когда онъ уже обошелъ весь дворъ и собирался идти въ поле.

— Я очень рада; а то я боялась, чтобы тебѣ тамъ не слишкомъ понравилось и чтобы ты потомъ не скучалъ здѣсь, сказала Манка.

— Охъ нѣтъ, жена моя милая, ужъ я останусь здѣсь, пока Богъ не позоветъ меня къ Себѣ, отвѣчалъ Мича, и взявъ на руки Гонзика, не хотѣвшаго отстать отъ отца, отправился на службу.

Янъ же ходилъ изъ дома въ домъ, навѣщая своихъ знако-

мыхъ. Онъ привезъ съ собой различныя вещи, вырѣзан-
ныя изъ дерева, которыя обыкновенно дѣлаются въ горахъ.
Дорла онъ привезъ красивую пряслицу и веретено, которые
ей прислала Елена; Іозъ — большую пастушью свирѣль, на
которой Янъ тотчасъ и поигралъ ему.

— Отъ этого въ ухахъ звенить, замѣтила бабушка.

— Да, въ избѣ; а вы бы послушали, какая это хорошая
музыка, когда въ горахъ вечеромъ играютъ на свирѣляхъ,
или когда парни играютъ подъ окнами у дѣвушекъ! возра-
жалъ Янъ.

— А что ты привезъ барышнѣ и графинѣ? спросила шутя
Дорла, думая, что онъ не привезъ имъ ничего.

— Желалъ бы я поднести барынѣ овечьяго сыру, но толь-
ко онъ теперь уже не такъ хорошъ, какъ осенью и зимой —
а кашасонькѣ я привезъ валаха.

— А что это такое валахъ? спросила бабушка.

— Чему же вы, мама, удивляетесь? Вѣдь вы знаете, что
овечьихъ пастуховъ они называютъ валахами. Вѣрно, онъ
вырѣзанъ изъ дерева, отвѣчалъ Іоза.

— Вотъ что, сказала бабушка; я ихъ хорошо понимаю,
хотя нѣкоторыя слова они совсѣмъ перевернули, но нѣко-
торыя вещи они называютъ именами, которыя я все забы-
ваю. Ну, покажи же намъ своего валаха!

Янъ вынулъ изъ сумки, безъ которой не могъ обойтись,
вырѣзаннаго изъ дерева пастуха, который сидѣлъ, держа въ
одной рукѣ свирѣль и положивъ другую на шею собаки, лас-
кающейя къ нему.

— И это ты самъ сдѣлалъ? спросила Дорла, рассматривая
работу, конечно, не художественную, но довольно хорошо и
чисто выполненную.

— Да, я самъ, отвѣчалъ Янъ скромно.

— Такъ изъ тебя, парень, выйдетъ хорошій рѣщикъ! ска-
залъ Іоза, оцупывая работу.

То же самое сказала ему и барышня, когда онъ отдавалъ
ей свой подарокъ, и онъ отвѣтилъ ей на это:

— Если прикажете, такъ я буду!

— Это зависитъ стъ твоей воли и отъ твоего желанія,
сказала барышня.

— Баринъ говорилъ мнѣ, что я буду учиться, а когда вы-
учусь, тогда буду имѣть право сдѣлаться рѣщикомъ, или
учиться какому-нибудь ремеслу, или идти въ полѣсовцики,

или могу даже сдѣлаться хозяиномъ, и изъ меня можетъ выйдти порядочный человѣкъ.

— Такъ, мы всѣ такого мнѣнія о тебѣ. Къ чему же ты чувствуешь больше охоты? Чему желаешь учиться?

— Охъ, милая моя кишасонька, я бы всего охотѣе сталъ... пасти овецъ, отвѣчалъ юноша, помолчавъ немного и подыавъ на нее съ доврчивостью свои прекрасные глаза.

— Пасти овецъ? спросила съ удивленіемъ барышня.— Такъ ты не имѣешь желанія учиться?

— Я могу и учиться, и пасти овецъ; я могу играть на свирѣли и вырѣзывать разныя бездѣлицы.

— Такъ нельзя; если хочешь все дѣлать аккуратно, то нельзя вѣзаться вдругъ за два дѣла, сказала барышня, и показывая на статуетки и бюсты изъ мрамора и гипса, разставленные въ комнатѣ, она спросила:— А развѣ ты не хочешь умѣть дѣлать вотъ такія вещи?

— А зачѣмъ мнѣ это? спросилъ Янъ, пожимая плечами и разсматривая статуетки.

— А вѣдь я думала, что у тебя особенная страсть къ такимъ вещамъ, потому что ты охотно вырѣзываешь и надѣлалъ мнѣ довольно различныхъ вещей?

— Это вамъ нравилось, кишасонька, и если у меня не бывало иной работы, то я вырѣзывалъ.

— Вѣдь ты мнѣ говорилъ, что садовникъ продалъ нѣкоторыя изъ твоихъ вещей, которыя ты сплелъ изъ проволоки; развѣ ты не былъ доволенъ деньгами?

— Чтò вы! вѣдь садовникъ продалъ ихъ такъ хорошо, какъ я бы никогда не продалъ, отвѣчалъ Янъ.— На чтò же мнѣ много денегъ? если я буду работать, то получу и плату, а если буду беречь деньги, то у меня ихъ всегда будетъ довольно. Вѣдь Илена уже замужемъ.

— А не хочется тебѣ побывать въ свѣтѣ, узнать чужіе края, красивыя мѣстности и все въ нихъ замѣчательное? продолжала разспрашивать Еленка.

Янъ засмѣялся, и замотавъ головою, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я уже довольно узналъ свѣтъ. Свѣтъ золъ... только Богъ одинъ добръ. Эхъ, есть бѣдные люди даже и въ Вѣнѣ. Баринаъ водилъ насъ по Прагѣ, все показывалъ; мнѣ тамъ очень понравилось, тамъ очень красивыя церкви, богатые магазины, превосходные дома. Мы были и въ театрѣ, какъ тамъ хорошо пѣли!

— Тебѣ нравилось то что пѣли? Ты все понялъ?

— Конечно, нравилось, но я ужь очень смѣялся, когда они мотали головами и вправо, и влѣво, и бѣгали какъ сумасшедшіе. Только одна пѣвица вышла такая задумчивая, запѣла грустно, какъ соловей посаженный въ неволю, въ клѣтку. Я догадываюсь, что ее не хотѣли отдать за того, кого она любила. Подъ конецъ она умерла, да и онъ, кажется, умеръ. Какъ же я тутъ плакалъ! Мнѣ тамъ очень понравилось, но я все-таки не хотѣлъ бы жить въ Прагѣ. Какъ я закричалъ отъ радости, когда услышалъ, что поѣдемъ опять сюда. Здѣсь мнѣ нравится больше всего; но и въ Кораловицахъ мнѣ было бы хорошо, еслибы баринъ жилъ тамъ.

— Такъ тебѣ у насъ не будетъ скучно?

— Конечно, нѣтъ. Люди меня здѣсь любятъ такъ же, какъ дома. Когда я иду по деревнѣ, каждый меня спрашиваетъ: Какъ поживаешь, Янъ? Семья бабушки, панъ священникъ, панъ учитель, все это добрые люди! Нашъ панъ учитель въ Кораловицахъ такой угрюмый человекъ.... чуть заглядишься, сейчасъ дастъ подзатыльникъ. А баринъ съ барыней, нечего и говорить, какіе они добрые. А кишасонька.... Боже мой!... какъ я дома вспомнилъ о васъ, ничто мнѣ уже тамъ не нравилось, меня такъ и тянуло сюда, говорилъ искренній юноша.

— Ты говорилъ, что очень любишь сестру: не соскучишься бы ты безъ нея?

— Вѣдь у Елены есть уже мужъ. Когда мы прощались, она сказала мнѣ: „Ну, Янко, мой милый братъ, возвращайся къ намъ поскорѣе.“ А я отвѣчалъ: „Милая сестра моя, я уже долго не приду къ тебѣ, но никогда тебя не забуду.“ Теперь, вѣдь, она счастлива, и Паликъ ей милѣе меня. — И стирая слезу, онъ вдругъ всталъ предъ Еленкой на колѣни и сказалъ: — Чтò бы со мной ни случилось... гдѣ бы я ни былъ, вездѣ буду благодарить Бога.... никогда не забуду доброты вашей.

— Вѣдь и мы тебя любимъ, и если ты не оставишь намъ-ремѣя сдѣлаться пастухомъ, то братъ, вѣроятно, не будетъ ничего имѣть противъ этого, если только ты сдѣлаешься полезнымъ человекомъ, отвѣчала Еленка, тронутая горячностью Яна.

— Но я бы сдѣлался и рѣшникомъ, и въ свѣтъ пустился бы, еслибы вы приказали; я все сдѣлаю, на чтò будетъ ваша воля, прибавилъ еще Янъ, боясь, что поступитъ дурно, если

не покорится совершенно волѣ графа; но Еленка объяснила ему это, и онъ съ облегченнымъ сердцемъ ушелъ изъ замка.

Когда Еленка разказала объ этомъ разговорѣ графу, то онъ сказалъ:

— Я не намѣренъ принуждать его къ чему-нибудь такому, въ чемъ онъ не находитъ удовольствія, и не хочу ни въ чемъ стѣснять его свободу; пусть будетъ пастухомъ или ху-дожникомъ, онъ всегда будетъ мнѣ милъ.

Петръ не зная, отчего Павелъ вдругъ такъ измѣнился, поэтому поторопился догнать и спросить его; но Павелъ ему не отвѣтилъ, началъ говорить о другомъ, не хотѣлъ высказаться, и когда, наконецъ, Петръ заговорилъ о графѣ, то онъ окончательно замолчалъ.

При прощаніи же, когда Петръ опять спросилъ его, что такъ быстро измѣнило его настроеніе, то онъ отвѣчалъ:—

— Вотъ что, Петръ: ты видишь чистый, ясный родникъ, вѣтъ на немъ ни пузырька... а ударило въ него копыто, вся муть бросается вверхъ, и онъ превращается въ лужу. Покойной ночи.

— Только не муди ее, пусть устоится! закричалъ Петръ ему вслѣдъ.

На другой день Павелъ, не обращая уже ни на что вниманія, отправился на работу.

— А что, Павелъ, развѣ послѣ горячки бываютъ такіе синаки на лицѣ? спрашивали дѣвушки, встрѣчаясь съ нимъ.

— Убирайтесь, убирайтесь, чтобъ я васъ не спросилъ, отчего у васъ синаки вотъ здѣсь на щекѣ, и здѣсь на шеѣ, и здѣсь на плечѣ, отвѣтилъ коротко Павелъ, ткнувъ одну въ щеку, другую въ шею, а третью въ круглое плечо.

— Пойдемте, дѣвушки, оставьте его... вѣдь вы знаете, что онъ всегда такъ отдѣливается. Кто самъ черенъ, тотъ радъ каждому зачернить.—Пойдемте, пойдемте, отозвалась Лидка Краликъ, увлекая за собой дѣвушекъ. Она боялась, чтобы Павелъ не сказалъ больше, потому что онъ кое-что зналъ о ней и о другихъ.

Павелъ же усмѣхнулся, говоря: „Я попалъ въ цѣль, не правда ли?“

Парни тоже спрашивали его, что съ нимъ было.

— Что бы ни было, отвѣчалъ онъ коротко.

— Говорятъ, ты дрался? сказали они, желая подразнить его.

— Дрался; еслибъ я дрался съ вами, то на мнѣ не было бы знаковъ, отвѣчалъ имъ Павелъ, и парни прикусили языкъ.

Петръ встрѣчалъ его нѣсколько разъ, но Павелъ все еще былъ мраченъ, а Петръ подумалъ: „Родникъ еще не устоялся.“ Идя предъ обѣдомъ мимо барскаго сада, Павелъ видѣлъ Дорлу стоящую съ Еленкой и съ графомъ, съ которыми она, какъ ему показалось, бесѣдовала очень довѣрчиво послѣ обѣда его опять тянуло къ бабушкиной кельѣ, и тутъ онъ услышалъ голосъ Яна, который пѣлъ:

Довольно тебѣ тѣни,
Вишня, черешня,
Отъ солнца:

Не затворай же,
Мое сердечко,
Оконца.

Затвораешь ли его,
Отвораешь ли,
Я вижу тебя;

За окошечкомъ,
Мое сердечко,
Не окрывайся.

„Подъ окномъ Дорлы растутъ вишни и черешни, это онъ ей поетъ“, подумалъ Павелъ и, какъ подстрѣленный олень, бросился бѣжать. Янъ хотя и стоялъ передъ хижинкой, но смотрѣлъ не на Дорлино окно, а на замокъ, гдѣ въ одномъ окнѣ бѣлая ручка опустила кармазиновыя занавѣси и невольно заставила Яна высказать свою мысль въ пѣснѣ.

Парни рано возвращались съ поля; былъ канунъ перваго мая, у нихъ была еще важная работа. У нѣкоторыхъ изъ нихъ деревья были уже готовы, и не доставало только украшенія; но кто хотѣлъ, чтобы любовь его осталась тайной, чтобы даже и дѣвушка не знала кто ей поставилъ май, тотъ ждалъ до послѣдней минуты, чтобы прикрыть свою тайну покровомъ ночи.

Вмѣстѣ съ вечеромъ въ деревнѣ началось какое-то таинственное движеніе. Дѣвушки рано покончили съ коровами, а хозяйки напомнили имъ: „Не забудьте на дворѣ ситочки, дойки, чтобы намъ эти вѣдьмы не сглазили коровъ.“ Вся утварь уносилась въ домъ, хлѣвы плотно запирались, окна заткались, а когда омеркло, хозяйки взяли святую воду, окропили всѣ двери въ домѣ, всѣ пороги; передъ порогомъ у хлѣва положили большой четверугольникъ дерна и окропили

его тоже водой. Нѣкоторые мужья грозили женамъ: „Постой, дай только узнать объ этомъ священнику; развѣ вы не знаете, что онъ говоритъ о повѣрьяхъ?“ Но жены боялись вѣдьмъ больше чѣмъ священника. Священникъ дѣйствуетъ заодно съ Богомъ, а эти вѣдьмы знаются, говорятъ, только съ чортомъ, и когда онъ осѣдлають метлу и скачутъ по воздуху, то добрыя души должны ихъ остерегаться.

Бабушка хотя и говорила всегда, что не свѣдуетъ вѣрить въ чары и повѣрья, но каждый годъ кропила водой и клала дернъ, и пребольшущій кусокъ, чтобъ было что посчитать этимъ чертовкамъ. * Она сама не знала, что заставляло ее дѣлать это — страхъ или привычка; но еслибъ ея коровы вдругъ начали худѣть, или терять молоко, то все-таки она обвинила бы себя въ томъ, что не поостереглась чаръ.

Кое-гдѣ изъ саду или изъ двора крадся парень, и неся подъ полой топоръ и пилку, свѣшилъ въ лѣсъ, чтобы никто не подстерегъ его. У кого же деревцо было дома, тотъ искалъ закоулокъ, гдѣ бы онъ могъ его разукрасить.

— Ну, Павелъ, приготовилъ ли ты *май*? спросилъ Петръ своего друга, встрѣтивъ его подъ вечеръ.

— Къ чему? Мнѣ некому ставить *май*, отвѣтилъ сердито Павелъ.

— Скажи лучше, что у тебя еще апрѣль, а майскій свѣтъ тебѣ еще не свѣтитъ. ** Безумецъ! что опять влѣзло тебѣ въ голову, что ты такъ говоришь! Я думалъ, что ты будешь пѣть и плясать по-вчерашнему, а ты ходишь, точно куры у тебя все зерно выклевали.

— А макину оставили, ты угадалъ, именно такъ, отвѣчалъ Павелъ съ горечью, и засмѣялся „студенымъ смѣхомъ“, какъ говорила бабушка.

Петръ съ минуту стоялъ передъ Павломъ со сложенными руками, потомъ сказалъ печальнымъ голосомъ:

— Я понимаю тебя, хорошо понимаю! Вѣдь я могъ это предвидѣть: здѣсь былъ Серна! Жаль, очень жаль, что ты свою голову подставляешь подъ его шапку! Еслибъ я не любилъ тебя

* Еслибы вѣдьма захотѣла войти въ хлѣвъ, чтобъ испортить корову, то должна была сначала пересчитать всѣ травки въ дернѣ, и тогда только ей дозволялся входъ въ хлѣвъ.

** Отъ второй четверти мѣсяца, говорятъ, начинается свѣтъ свѣдующаго мѣсяца, такъ, около половины апрѣля начинается майскій свѣтъ.

такъ сильно, то сказалъ бы: „Богъ съ тобой!“ и бросилъ бы тебя. Но я знаю, что ты скоро создаешь себя и выбросишь рака, котораго онъ сунулъ тебѣ за пазуху.

Съ этими словами Петръ ушелъ; Павелъ его не удерживалъ, но слова Петра произвели на него сильное впечатлѣнiе.

— Еслибъ я Дорла могъ вѣрить такъ же, какъ тебѣ, Петръ! вскричалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.—Онъ красивъ, ученъ; она же умна и видитъ, что я въ сравненiи съ нимъ дуракъ! сказалъ онъ нѣсколько минутъ спустя, ходя по комнатѣ быстрыми шагами.—О, этотъ дьяволъ, онъ посадилъ мнѣ за пазуху рака, который щиплетъ меня въ самое сердце! А вчера она вѣдь жала мнѣ руку и такъ посмотрѣла на меня, что я положилъ бы голову къ ея ногамъ! Будто бы она умѣетъ лгать? Не можетъ быть! Дуракъ, дуракъ! вскричалъ онъ, ударивъ себя по лбу: — развѣ ты не видалъ, какъ радостно она вскричала увидавъ его; какъ ласково онъ посмотрѣлъ на нее; а развѣ они не разговаривали сегодня въ саду? А можетъ-быть, и вчера.... вѣдь она можетъ приходиться въ замокъ когда вздумается, для нея двери всегда отперты, и онъ можетъ придти къ ней. Охъ, чортъ возьми, еслибъ было такъ, какъ говорить дядя, еслибъ ее любилъ графъ, а не Янъ! Не все ли это равно? Йоза тоже говорилъ, что они поѣдутъ въ Прагу! Графъ ее любитъ! И онъ ее броситъ? Онъ отдастъ ее за другаго и такимъ образомъ возвратитъ ей честь, сдѣлаетъ ее счастливою?... Нѣтъ.... этого онъ не смѣетъ.... я бы убилъ его, вырвалъ бы изъ глотки этотъ коварный азыкъ! вскричалъ онъ страстно, грозя кулаками. Но чрезъ минуту, ломая руки, онъ сказалъ почти съ плачемъ:—Но вѣтъ.... нѣтъ.... это не можетъ быть.... все это ложь.... я не знаю самъ что говорю!... Прости, Дорла, прости, я тебя оскорбилъ! Ты ангелъ, а я негодяй!

Тутъ онъ закрылъ лицо руками и замолчалъ.

Съ площади послышалось щелканье многихъ бичей; это парни изговяли вѣдьмъ. Они шли всѣ въ рядъ по десяти и двѣнадцати человекъ и всѣ щелкали подъ тактъ. Ребятишки бѣгали за ними, ободряя ихъ, а пожилые говорили: „Ну, мастера же эти парни, ни одна изъ нихъ не укроется, всѣхъ отщелкаютъ.“

Павелъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

— Да ты еще дома! сказала съ удивленiемъ мать, прибиравшая кое-что въ сѣняхъ.

— А гдѣ же мнѣ быть?

— Я думала, что ты пойдешь въ дѣсь; ты приготовилъ себѣ топоръ и пилку. Вотъ они! сказала мать, и взявъ оба инструмента изъ впадины у хлѣва, подала ихъ Павлу.—Но, сказала она, вглядываясь въ темноту,—тебѣ бы слѣдовало идти пораньше, теперь уже поздно въ дѣсь. Да ты вѣдь хочешь, чтобы никто тебя не увидалъ? Я не скажу, не бойся, сказала старушка съ ласковою улыбкой.

Павелъ почувствовалъ въ эту минуту желаніе броситься на шею къ матери и пожаловаться ей; ему казалось, что только она можетъ успокоить его, какъ въ прежніе годы, когда ея пѣсенки усыпляли его. Но ему было какъ-то стыдно обнаружить передъ нею свое чувство. Онъ спряталъ подъ полу топоръ и пилку, даже не подумавъ о томъ зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, и пожавъ матери руку, простился съ нею.

— Мнѣ надо тебѣ еще кое-что сказать, парень, сказала мать, удерживая его. — Сегодня, когда здѣсь былъ Петръ, шелъ къ намъ дядя; онъ хотѣлъ говорить съ тобой, но я, прости, Господи, мое согрѣшеніе, сказала ему, что тебя нѣтъ дома.

— Хорошо сдѣлала, мамочка, я не хочу съ нимъ знаться, сказалъ Павелъ уже въ дверяхъ.

— Ну, и слава Богу; а то меня морозъ подиралъ по кожѣ, когда онъ говорилъ съ тобой, сказала старушка, провожая сына.

„Куда же это я пойду?“ спросилъ себя Павелъ, дойдя до воротъ. Онъ задумался на минуту, все еще колеблясь, наконецъ пошелъ къ чудотворной водѣ, куда вела ближайшая дорога въ дѣсь.

Цѣлую ночь по деревнѣ бѣгали парни, былъ слышенъ шумъ передъ каждымъ домомъ гдѣ были дѣвушки, и только предъ разсвѣтомъ парни убѣжали отъ своихъ деревьевъ, которыми они караулили, чтобы никто ихъ не подмѣнилъ и не унесъ. Петръ былъ въ караулѣ и ходилъ около замка. Онъ только что протрубилъ одиннадцать часовъ и пошелъ около сада, какъ вдругъ замѣтилъ мужскую фигуру, приближающуюся къ садовой стѣнѣ и несущую на плечѣ дерево. Петръ скрылся въ тѣнь деревьевъ, росшихъ около стѣны и старался разсмотрѣть кто это. Это былъ Янъ. „Кому же этотъ парень несетъ май?“ подумалъ Петръ и сталъ наблюдать за Яномъ. Янъ прислонилъ дерево къ стѣнѣ, влѣзъ на нее, перетащилъ дерево на другую сторону, а потомъ спрыгнулъ и самъ.

„Что за штука?“ подумалъ Петръ и сталъ смотрѣть черезъ стѣну, куда пойдетъ Янъ съ своимъ деревомъ. Парень пробрался сквозь кусты на тропинку и черезъ нѣсколько мгновеній стоялъ уже подъ барышниннымъ окномъ; тутъ онъ всадилъ въ землю стройную бѣлую березу, которую еще засвѣтло выбралъ въ лѣсу. Онъ постоялъ еще съ минуту, слушая, можетъ-быть, пѣснь соловья, который такъ и разливался въ роцѣ; потомъ направился къ дому садовника, гдѣ онъ обыкновенно спалъ.

— Гмъ, такъ стало-быть не Дорла! сказалъ про себя Петръ, отходя отъ стѣны. Въ полночь онъ подходилъ къ бабушкиной хижинѣ; подъ окномъ Дорлы уже стояло дерево, но очень маленькое. — Зачѣмъ онъ хочетъ осрамить ее? заворчалъ Петръ.

Но въ эту минуту изъ тѣни вишенъ передъ хижиной вышелъ Павелъ и сдѣлалъ ему знакъ, чтобъ онъ подождетъ.

— Это Ондра ей поставилъ, а самъ храпитъ подъ нимъ. Я хочу увести у него дерево. Если же онъ проснется, то дѣло дойдетъ до драки, какъ тебѣ извѣстно; такъ ты лучше уходи съ дороги. Ты, какъ караульный, не долженъ видѣть такія вещи. Если же онъ не проснется, то ты затруби ему въ уши, чтобъ онъ проснулся и поскорѣе убирался съ дороги.

Павелъ шепталъ все это на ухо Петру. Петръ отошелъ немножко назадъ, чтобъ его не было видно; Павелъ же подкрался къ дереву, какъ котъ, который хочетъ схватить птичку, и раскачавъ его, потихоньку вытащилъ изъ земли. Взявъ его въ руки, онъ прокрался съ нимъ назадъ около саду. Ондра только храпѣлъ-себѣ и не зналъ ни о чемъ. Петръ приложилъ трубу къ губамъ и затрубилъ полночь, на сколько хватаю силъ, ия съ намѣреніемъ мимо Ондры очень тихимъ шагомъ. Ондра проснулся, въ испугѣ вскочилъ, началъ протирать глаза, сталъ сглядываться... дерева какъ не бывало! Петръ отрубилъ полночь, даже и не взглянулъ на него и пошелъ потихоньку дальше.

„Онъ этого не сдѣлалъ, но, можетъ-быть, видѣлъ кто приходилъ сюда,“ сказалъ себѣ Ондра и бросился за нимъ.

— Откуда ты взялся? спросилъ съ удивленіемъ Петръ.

— Откуда я взялся? Ну, если тебѣ необходимо знать, такъ знай: я поставилъ Дорлѣ *май*, караулилъ его, задремалъ, а кто-то его и увезъ.

— Тутъ дѣло не въ *мать*, ихъ полонъ лѣсъ; было бы хуже, еслибы тебя унесъ кто-нибудь. Такіе парни, какъ ты, на дубахъ не растутъ.

— Не смѣйся надо мной, сказалъ сердито гордый, но глупый Ондра,—а скажи мнѣ, не видалъ ли ты кто унесъ мой май?

— Ты знаешь, что я не стою на одномъ мѣстѣ; когда я бываю на другомъ концѣ, то не могу видѣть что дѣлается здѣсь. Спроси кого-нибудь другаго, а я совѣтую тебѣ не спать какъ убитый, когда ты караулишь.

Съ этими словами Петръ пошелъ дальше. Ондра же, измученный и пристыженный, отправился домой. Павелъ унесъ его дерево за овинъ и поставилъ его тамъ какъ слѣдуетъ. Потомъ вернулся назадъ, и вмѣсто низенькаго деревца, поставилъ высокую отройную сосну, кора которой была вырѣзана лентой до самой вершины, украшенной красною лентой въ нѣсколько аршинъ.

— Вотъ это такъ, сказалъ Петръ, проходя опять мимо. Павелъ стоялъ у окошка и караулилъ; когда Петръ проходилъ мимо, они подсмѣивались надъ Ондрой. Когда же Павелъ остался одинъ, то ему сдѣлалось грустно; ему хотѣлось узнать, о комъ Дорла думаетъ и кого она видитъ во снѣ. На разсвѣтѣ, когда стукнуло окошко, онъ бросился бѣжать, чтобы она его не увидала. Дорла посмотрѣла ему вслѣдъ и подумала: „пожалуй, бѣги, я уже знаю, что это былъ ты!“ И взглянувъ на красивое дерево, она покраснѣла отъ радости, и на губахъ ея показалась веселая улыбка.

Проснувшись утромъ и откинувъ бѣлую занавѣску постели, Еленка увидѣла прекрасный букетъ въ вазѣ на столикѣ около постели. Ее тронуло такое нѣмое, но понятное для нея поздравленіе, она наклонилась къ ароматичнымъ цвѣтамъ, перецѣловала ихъ медовыя чашечки, а въ глазкахъ ихъ прочитала посланіе, которое они должны были ей передать. Нѣжная улыбка играла на ея устахъ, а на глазахъ показались слезы. Она поставила букетъ опять на столъ, выпрыгнула изъ мягкой постели, какъ птичка изъ гнѣздышка и одѣлась даже безъ помощи бѣллицы, которая ей всегда прислуживала, потомъ, отдернувъ бѣлыя занавѣски, открыла окно.

Солнце только что всходило; синева-зеленые холмы и вершины горъ были облиты золотымъ блескомъ, а темные

ихъ силуэты красиво рисовались на ясномъ небѣ, покрытомъ золотыми полосками. Зеленое ущелье было еще въ тѣни, но деревья и окна замка были уже освѣщены солнцемъ. Строеніе едва видѣлось между деревьями, вершины которыхъ были усѣяны цвѣтами; только колокольня съ блестящимъ крестомъ на шпигѣ воздымалась вверхъ, да крыши домовъ священника и школы краснѣлись между зеленью деревьевъ. Изъ роуца, изъ лѣса, изъ каждаго кустарника слышалось цѣніе птицъ, воздухъ былъ полонъ благоуханія, всюду, куда достигалъ глазъ, было видно, что природа празднуетъ торжество любви.

Первое чтò попалося Еленкѣ на глаза, когда она открыла окно, была береза. Хотя у панства не было этого обыкновенія, но она догадывалась, что вѣрно графъ послѣдовалъ ему. „Кто же другой можетъ мнѣ поставить *май*?“ думала она, смотря на красивое дерево, которое стояло передъ нею не съ поднятою головой, украшенною развѣвающимся лентой, а дрожа всѣмъ тѣломъ, съ наклоненною головой, не украшенною ничѣмъ, кромѣ длинной губкой листвы, одѣвавшей его бѣлое тѣло; оно было печально, какъ будто хотѣло попросить любви у этой красивой дѣвушки. Она смотрѣла на горы и доли, и на украшенную деревню; улыбка не сходила съ ея лица, и она невольно раскрывала объятія, какъ бы желая прижать къ своему любящему сердцу весь этотъ прекрасный міръ.... и грустную березу.

Никогда еще природа не казалась Еленкѣ такою прекрасною, никогда еще не чувствовала она такой горячей привязанности къ Богу и людямъ, и никогда она не чувствовала себя такою счастливою какъ въ это утро. Сложивъ руки на груди, взволнованной набожнымъ чувствомъ, она встала на колѣни и со вздохомъ, изъ глубины души, вскричала:

— Господи! благодарю тебя!

Долго она стояла у окна, погруженная въ молитву и размышленія. Слезы блестяли у нея на щекахъ какъ капельки росы на лепесткахъ розы. Со вчерашняго дня Еленка была невѣстой Гануша, и графиня благословила ее!

Отойдя отъ окна, она взяла вазу съ букетомъ и тихонько вошла въ свой рабочій кабинетъ. Она едва не вскрикнула отъ удивленія. Комната была украшена прекрасными цвѣтами, какихъ Еленка никогда не видала въ саду. На столѣ лежали новымъ, дорогія книги; на подставкѣ стояла прекрасная

картина. Въ этихъ подаркахъ Еленка узнала вкусъ графини и Гануша; но взоръ ея всего чаще падалъ на портретъ покойной матери, обвитый зеленымъ плющомъ. Долго всматривалась она въ благородное лицо, потомъ обратила влажный взоръ къ цвѣтамъ, и наконецъ остановилась предъ новою картиною, изображавшею семейное счастье. Подъ дубомъ, обвитымъ до самой вершины бѣлыми вьюнами, сидитъ красивая, молодая женщина, на козляхъ ея играетъ прехорошенькій русоголовый и голубоокий ребенокъ. Около нея сидитъ крѣпкій мужчина съ выразительнымъ загорѣлымъ лицомъ и забавляется съ ребенкомъ. Недалеко, въ зеленомъ полѣ, стоитъ отложенный паугъ, лошадь пасется, а жеребенокъ скачетъ около нея, между тѣмъ какъ ихъ хозяинъ отдыхаетъ послѣ работы близъ жены и ребенка. Еленка засмотрѣлась на эту прекрасную картину, и чувство невыразимаго блаженства, которымъ дышало лицо молодой женщины, смотрящей на своего ребенка, отражалось и во взорѣ Еленки. Приблизившись къ самой картинѣ, она запечатлѣла поцѣлуй на бѣломъ лобикѣ ребенка и глубоко вздохнула: сердце ея было переполнено.

Въ эту минуту двери тихонько отворились, и въ нихъ показался графъ; увидавъ Еленку, онъ вошелъ въ комнату. Никогда еще онъ не видалъ ее такою прекрасною какъ въ то мгновеніе, какъ она обернулась къ нему, зардѣвшаяся румянцемъ, съ влажнымъ взоромъ, выражавшимъ самую горячую любовь. Онъ молча обнялъ ее, а она, обвивъ его руками, скрыла на его груди лицо, орошенное слезами.

— Сегодня ночью, сказала Еленка, освобождаясь изъ объятій Гануша и указывая вокругъ себя, — здѣсь господствовала какая-то волшебная сила, которая своимъ железомъ превратила все окружающее въ рай; меня же, недостойную, надѣлила щедрѣе всѣхъ.

— Богъ и во снѣ своихъ избранныхъ надѣляетъ, замѣтилъ графъ съ улыбкой.

— Добрый царь духовъ велѣлъ даже поставить мнѣ *май*, да еще самое лучшее дерево изъ всего лѣса, прибавила Еленка съ нѣжною улыбкой, указывая въ окно на березу.

Графъ высунулся изъ окна, и увидавъ березу, сказалъ съ удивленіемъ:

— Сознаюсь откровенно, Еленка, что о *май* я ничего не знаю.

— Не знаешь! Такъ кто же его поставилъ?

— Не знаю, но непременно узнаю кто осмѣлдся, сказалъ графъ угрюмо.

— Прошу тебя, Ганушъ, не сердись; вели лучше увести березу, если тебѣ это непріятно, но не сердись за это ни на кого; вѣроятно, кто-нибудь хотѣлъ доставить мнѣ удовольствіе, зная, что мнѣ этотъ обычай очень нравится. Можетъ-быть, самъ садовникъ поставилъ ее, сказала Еленка.

— Это своего рода объясненіе въ любви; я не могу быть равнодушнѣе къ тому, чтобы кто-нибудь осмѣлдся дѣлать подобное признаніе моей невѣствѣ. Но не бойся, я не стану никого наказывать за то, что ты ему понравилась, сказалъ графъ, взглянувъ на нее съ любовью; садовникъ же не могъ этого сдѣлать. До ночи онъ былъ занятъ у меня, а потомъ пошелъ ставить *май* бѣльщицѣ. Онъ мнѣ сказалъ вчера, что онъ желалъ бы жениться. Я одобрилъ его намѣреніе, и онъ хочетъ сегодня попросить у матушки позволеніе жениться на бѣльщицѣ.

— Ахъ, какъ я рада, что и эта хорошая дѣвушка будетъ счастлива! Садовникъ хорошій человекъ, сказала Еленка, и обрадовавшись, что разговоръ принялъ другой оборотъ, продолжала:—Я чувствую себя невыразимо счастливою и желала бы, чтобы всѣ люди были счастливы. Еслибы еще Дорла стала повеселѣе и дождалась бы счастья. Навѣрное Павелъ поставилъ ей *май*; посмотри: ея *май* всѣхъ выше, и на немъ, какъ флагъ, развивается лента. Она будетъ очень довольна.

— Такъ Павелъ закрался въ сердце Дорлы? Такъ о чемъ же она груститъ, если онъ ее любитъ?

— Вотъ въ этомъ-то она и сомнѣвается; еслибъ она знала навѣрное, то многое бы простила ему. Да какъ же и не простить, когда она любитъ его! Но бабушка не согласится на это, говорила Еленка и рассказала Ганушу все слышанное о Павлѣ и его отношеніяхъ къ Дорлѣ, прося Гануша взять Павла подъ свою защиту.

— Если онъ достоинъ ея, то я постараюсь; тебѣ извѣстно, что я, какъ и ты, желаю всякому такого счастья, какимъ Богъ наградилъ меня, сказалъ графъ.

Пришла графиня, и они просидѣли втроемъ, пока не раздался благовѣстъ къ обѣднѣ. День рожденія Еленки былъ всегда праздникомъ для молодежи; поутру была обѣдня, потомъ учитель водилъ школьничковъ въ замокъ, гдѣ старшая

изъ дѣвочекъ поздравляла Еленку и подносила ей букетъ отъ всѣхъ школьниковъ и отъ всей деревни, потому что не только графъ съ графиней заботились о школѣ во всѣхъ отношеніяхъ, но и Еленка часто доставляла удовольствіе дѣтямъ на свои собственные средства. Послѣ обѣда вся молодежь приглашалась въ замокъ. Тамъ бывали танцы съ угощеніемъ, продолжавшіеся до поздней ночи. Также было все устроено и въ этотъ годъ, и Мича предупредилъ Яна, что это будетъ развеселый день.

Еще до обѣдни, одною изъ первыхъ явилась въ замокъ Дорла пожелать барышнѣ счастья; не имѣя ничего болѣе рѣдкаго, чтобы подарить ей, она приучила для нея парочку бѣлыхъ голубей, такъ что они ѣли изъ рукъ, ходили за ней какъ собачки и садились къ ней на плечи. Она и не думала, что очень обрадуетъ барышню такимъ подаркомъ.

— А кто тебѣ поставилъ такой прекрасный *май*, навѣрное Павелъ? было первымъ вопросомъ Еленки.

— Да, онъ; вѣдь хорошъ, не правда ли? Всѣ смотрятъ на него, но всѣ думаютъ, что его поставилъ Петръ, и бабушка тоже. Она уже ворчала на то, что будто парни начинаютъ уже летать за мной, какъ пчелы за медовымъ цвѣткомъ. Охъ, она вовсе не желаетъ, чтобы Павелъ ходилъ къ намъ; она скорѣе бы позволила Петру, хоть и говорила, что для меня время еще не ушло, говорила зарумянившись Дорла, а сама залилась слезами.

— Вѣришь ты теперь Павлу, Дорла? спросила Еленка.

— О, конечно! отвѣчала шепотомъ дѣвушка.

— Такъ будь терпѣлива, и все устроится, сказала въ утѣшеніе ей Еленка, и прижавъ обѣ руки Дорлы къ своему бьющемуся сердцу, сообщила ей, что она невѣста Гануша.

Дорла не вѣрила своему слуху и удивлялась, потому что она считала графа братомъ Еленки; но когда Еленка объяснила ей, что это любовь не братская, то она очень обрадовалась и сказала почти со слезами:

— Да, человекъ и не знаетъ, да и не спрашиваетъ, откуда берется эта любовь. Она является и исчезаетъ какъ солнце на небѣ, и мы не можемъ сказать ей ни „постой“, ни „убираться“. Такъ ужь устроилъ Богъ. Ужь буду же я пѣть на вашей свадьбѣ, барышня, если даже сердце мое будетъ плакать, прибавила она весело.

— Къ моей свадьбѣ и ты будешь невѣстой. Но пока помолчи о томъ, что я тебѣ сейчасъ сообщила, сказала Еленка.

И дѣвушки разстались.

Началась обѣдня; когда бастъ запѣлъ соло, всѣ оглянулись на хоры, говоря шепотомъ: „Это поетъ Павелъ!“ Дорла покраснѣла, Еленка улыбнулась, графъ слушалъ съ наслаждениемъ, Иоза потиралъ руки отъ радости, а Петръ думалъ: „Ну, теперь онъ на хорошей дорогѣ.“ Когда вышли изъ церкви, Павлу очень хотѣлось подойти къ Дорлѣ, но та шла съ бабушкой, а къ бабушкѣ дорогою присоединились графиня, графъ и барышня, и Павелъ съ неудовольствіемъ повернулъ въ сторону. Весь разговоръ молодыхъ и старыхъ вертѣлся на *май*. Родители дѣвушекъ, получившихъ *май*, хвалили или бранили его, смотря по тому, соотвѣтствовалъ ли онъ ихъ намѣреніямъ; парни и дѣвушки, не имѣвшіе себѣ пары, занимались критикой, а дѣвушки, получившія *май*, потихоньку благодарили его виновниковъ.

— Но кто такъ отличился передъ Дорлой? У нея дерево красивѣе всѣхъ, говорили нѣкоторые.

— Это Янъ или Петръ; кому же еще? былъ отвѣтъ.

— А знаете ли вы, дѣвушки, что кто-то поставилъ *май* Ондрѣ? И гдѣ? угадайте-ка!... За овиномъ! отозвалась одна очень веселая дѣвушка.

— Это вѣрно какая-нибудь вѣдьма, отвѣчали весело другія.

— Развѣ которая-нибудь изъ нихъ хотѣла отличить его, этого Рауля! сказала первая.

— Посмотрите-ка, передъ школой опять стоитъ *май* съ бѣлою траурною лентой! вскричали многіе.

Учитель, шедшій съ Иозою, сказалъ, слышавъ это восклицаніе:

— Я бы очень желалъ знать кто его ставитъ и кому?

— Дѣвочкамъ, которыя учатся въ школѣ, чтобъ и онѣ могли порадоваться маю, сказалъ Иоза.

Но Петръ, который шелъ съ Павломъ за ними, думалъ иначе и съ грустью посмотрѣлъ на бѣлую ленту, которая развѣвалась надъ мѣстомъ его прошлыхъ радостей.

— Посмотрите-ка! вскричала вдругъ бабушка: — барышни тоже поставили *май*, и посмотрите какъ красива эта береза, недостаетъ только красной ленты!

Но кто ее поставилъ, этого не зналъ никто, кромѣ Яна и

Петра, и никто бы не угадалъ, потому что каждый думалъ, что это сдѣлалъ графъ въ шутку.

Послѣ обѣда панъ-учитель явился съ дѣтми въ замокъ, пришелъ священникъ и судья; всѣ шли поздравить барышню, которая была со всѣми привѣтлива и добра какъ ангелъ. Въ этотъ день Еленкѣ постоянно хотѣлось плакать. Какъ цвѣтокъ склоняетъ головку, когда на него сильно падаютъ солнечные лучи, такъ и Еленка, обезсилѣвшая отъ блаженства и счастья, тоже склонила свою головку.

XIV.

Послѣ обѣда въ большой залѣ замка панство задавало молодежи пиръ или „банкетъ“, какъ говорятъ въ городахъ. Всего было вдоволь, кушанья, питья и музыки, и именно такой, отъ которой у всѣхъ ноги не могутъ устоять на мѣстѣ, то-есть воляка и скрипка. Молодежь была въ праздничныхъ костюмахъ, всѣ парни были въ чистыхъ чулкахъ, въ блестящихъ башмакахъ съ пряжками, а дѣвушки были словно лебеди. Хотя имъ нечего было стѣсняться въ замкѣ, но каждый изъ нихъ все-таки чувствовалъ, что онъ не въ гостиницѣ у Вавры. Всѣ были веселы, но никто не былъ неприличенъ. Послѣ угощенія столы были вынесены, дѣти отправились домой съ гостинцами, и начались танцы, къ которымъ въ послѣдствіи присоединились и молодые, женатыя парочки.

Когда Петръ послѣ обѣда зашелъ за Павломъ и сказалъ ему, что Дорла и Юза уже въ замкѣ, то Павелъ не хотѣлъ идти, отговариваясь тѣмъ, что не желаетъ никому мѣшать и что онъ долженъ идти въ караулъ; но когда Петръ разсердился и сказалъ, что еще будетъ время и для караула, то онъ все-таки сталъ одѣваться, и противъ своего обыкновенія, съ величайшею аккуратностью. Петръ смѣлся въ душѣ, но не сказалъ ничего; мать же этому очень радовалась, думая, что ея сынъ начинаетъ быть человѣкомъ.

Они пошли, но Павелъ шелъ какъ-то неохотно, хотя его сильно тянуло туда. Когда они пришли, молодежь сидѣла еще за столомъ, парни тотчасъ окружили ихъ и заставили сѣсть вмѣстѣ съ ними, что Павлу очень не понравилось, потому что ему хотѣлось сѣсть возлѣ Дорлы. Дѣвушки смотрѣли на него и дивились, что онъ такъ хорошо одѣтъ, а

Дорла улыбулась. Когда угощеніе кончилось, дѣти ушли, какъ было уже сказано выше, столы были вынесены, и скрипачъ уже готовился играть скочну *, Павелъ подошелъ къ Дорлѣ, хотѣлъ говорить съ нею, хотѣлъ спросить что хорошаго случилось ей, но не могъ сказать ни слова. Въ эту минуту изъ сосѣднихъ комнатъ вышелъ въ залъ графъ, Еленка, графиня, священникъ, учитель, управляющій и докторъ, и волынщикъ заигралъ танецъ. Павелъ уже хотѣлъ взять Дорлу за руку, какъ вдругъ Петръ тихонько толкнулъ его и сказалъ: „пригласи барышню, мы должны оказать ей предпочтеніе“.

— Чтобъ она меня осмѣяла? сказалъ Павелъ.

— Ступай только, развѣ ты хуже другихъ. Не ударь же лицомъ въ грязь; ну, живо!

И Павелъ, взявъ въ руки платокъ, подошелъ къ Еленкѣ и спросилъ ее, негодно ли ей встать съ нимъ въ кружокъ. Еленка улыбулась, подала ему руку и онъ, едва осмѣливаясь дотронуться до нея, отправился въ кружокъ. Графъ же взялъ за руку Дорлу и танцевалъ за ними; остальные всѣ дожидались, уступая имъ, первенство. У Дорлы горѣло лицо и сіяли глаза, она готова была расцѣловать руки барышню; подъ Павломъ же какъ будто загорѣлась земля, когда онъ увидалъ около себя графа, кружащагося съ Дорлой, и замѣтилъ ея веселость. Онъ думалъ, что она такъ счастлива въ обществѣ съ графомъ. Онъ потанцевалъ, откланялся, и вмѣшавшись между парнями, быстро исчезъ изъ зала.

— Посмотрите-ка, на что рѣшился Павелъ! замѣтилъ со злостью Ондра.—Однако еслибы барышня знала что это за человекъ, то она навѣрное не пошла бы съ нимъ.

Петръ не замѣтилъ, что Павелъ исчезъ, протанцевалъ съ барышней, потомъ съ Дорлой, и только когда она спросила его куда дѣвался Павелъ, онъ сталъ искать его глазами, и только что собирался идти за нимъ, какъ изъ сосѣдней комнаты, куда удалилось опять панство, предоставляя свободу молодежи, показался докторъ и сдѣлалъ ему знакъ.

— Который же твой пациентъ? шутливо спросилъ онъ.

Петръ покраснѣлъ, смотрѣлъ то на одного, то на другаго, и мямлѣ шапку, не зная, выдать ли Павла, или нѣтъ.

— Ну, сказалъ онъ вдругъ рѣшительно,—рѣшето ужъ прогорѣло, и еслибъ я промолчалъ, то все-таки легко добратъся.

* Чешскій танецъ.

Вѣдь Павла не повѣсятъ за то, что я скажу, что онъ тотъ самый, чья голова была пробита.

Графъ, который при вопросѣ доктора уже не сомнѣвался что это былъ Павелъ, и желалъ лучше узнать его, приказалъ Петру разказать поподробнѣе о своемъ пріятелѣ, Павлѣ. Петръ не колебался, вошелъ съ обществомъ, въ которомъ былъ и Иоза, въ комнату, гдѣ они прежде сидѣли, и началъ разказывать о Павлѣ, ничего не умалчивая.

Когда Павелъ какъ бѣшеный выбѣжалъ изъ зала, то увидалъ на дворѣ дядю Серну; онъ ласкался къ Беллѣ, давая ей что-то ѣсть; но собака ворчала на него и не дотрогивалась до подачки.

— Эй, что это вы ей даете? спросилъ Мича, проходившій мимо.

— Кусочекъ мяса. Я очень люблю собакъ.

— Ну, она не голодна и не возьметъ ни отъ кого, кромѣ самого барина, сказалъ Мича и отправился въ залъ.

— Что вы тутъ дѣлаете, дядя? спросилъ съ удивленіемъ Павелъ.

— Гмъ, иду посмотрѣть, какъ васъ заманиваютъ въ ловушку, отвѣчалъ ухмыляясь Серна.

Павелъ не отвѣчалъ ему, выбѣжалъ изъ воротъ, а Серна побѣжалъ за нимъ, спрашивая его, не въ караулѣ ли онъ сегодня.

— Въ караулѣ или нѣтъ, это мое дѣло, отвѣтилъ отрывисто Павелъ, и отдѣлавшись отъ него, побѣжалъ съ горы.

Въ деревнѣ было обыкновеніе, чтобы сыновья и сауга сами караулили ночью; они чередовались по двое каждую ночь, одинъ ходилъ по деревнѣ, другой вокругъ замка. До пріѣзда священника въ деревню, въ караулъ ходили сами хозяева; но когда священникъ началъ учить парней садоводству и предложилъ имъ самимъ караулить свои сады, чтобы никто не портилъ деревьявъ и плодовъ, тогда въ караулъ стала ходить молодежь, и священникъ высказалъ такое мнѣніе, что молодые всегда должны караулить, а отцы отдыхать. Старики боялись, чтобы молодежь не надѣлала бѣдъ; но священникъ сказалъ, что полагается на ихъ честь, что они будутъ дорожить всеобщимъ довѣріемъ, и парни поклялись въ этомъ и просили отцовъ спать покойно. Съ тѣхъ поръ въ караулъ ходила молодежь. Подростки съ нетерпѣніемъ ждали дня, когда они должны будутъ въ первый разъ идти къ судѣ за пикой и трубой; они считали

это первымъ шагомъ къ возмужалости. Какъ бы парень ни былъ необузданъ, въ караулѣ онъ не допускалъ ни себя, ни другихъ до исторіи; эту обязанность выполнялъ каждый.

Въ девять часовъ Павелъ съ другимъ еще парнемъ пришли къ судья за пиками и трубами. Волосы, которые за вѣскольکو минутъ были такъ гладко причесаны, стояли опять дыбомъ на его головѣ, лицо его было блѣдно, а глаза какъ будто заплаканы. Съ нимъ хотѣли поговорить, но онъ не остановился; взявъ трубу съ пикой и ушелъ.

— Ты пойдешь на гору или внизъ? спросилъ другой парень.

— На гору, отвѣтилъ коротко Павелъ и пошелъ скорыми шагами къ замку.

Онъ протрубилъ девять часовъ; тутъ подошелъ къ нему Петръ.

— Что ты убѣждалъ, какъ съ цѣпи? Дорла тебя искала, а ба-рышня похвалила тебя, что ты хорошо танцуешь, сказалъ онъ.

— Оставь меня, не напѣвай мнѣ этихъ пѣсень, которыя сбиваютъ меня съ толку; все это неправда, я самъ уже видѣлъ. Полно, Петръ, я знаю, что ты откровененъ, да и на Дорлу я не сержусь; я, конечно, не такъ хорошъ, какъ...

— Выбрось ты эту чертовщину! Еслибъ я тебѣ разказалъ то, что я узналъ сегодня ночью, ты бы увидалъ, что Янъ думаетъ не о Дорлѣ, а о другой... бѣдняжка. Я понимаю его, и поэтому я подружился съ нимъ.

Павелъ помолчалъ съ минуту, потомъ вскричалъ:

— Петръ, я знаю, что мой соперникъ не проволочникъ... не онъ, а графъ!

Съ этими словами онъ убѣждалъ.

— Однако онъ убѣдится, что это не такъ. Еслибъ я могъ сказать ему что я знаю, то онъ бы очень удивился. Оставаю его; надо идти къ Дорлѣ, чтобъ она не беспокоилась о немъ, подумалъ Петръ и пошелъ въ замокъ.

Серна вылѣзъ изъ кустарника, гдѣ онъ подслушалъ разговоръ парней, и бросился за Павломъ.

— Глупый, мсти ему, какъ онъ тебѣ! совѣтовалъ онъ ему.— Послушай, я даю тебѣ хорошій совѣтъ; экая ты тряпка! Постыдись, парень, ты позволяешь водить себя за носъ дѣвухѣ и парню, который заодно съ вами и только притворяется передъ тобою.

— Убирайтесь, дядя, и молчите! При вашихъ словахъ только мнѣ пришло въ голову, что я извергъ, а еслибъ я не

слушалъ васъ, то не мучился бы такъ. Я вамъ говорю, берегитесь меня: если я буду мстить, то прежде всего вамъ!

Онъ такъ накинулся на него, что Серна испугался.

— Такъ будь же ширмой для графа!

Съ этими словами, сказанными со злостью, Серна ушелъ.

Павелъ пошелъ дальше въ обходъ; эта обязанность казалась ему очень горькою въ эту минуту; онъ бы охотнѣе блуждалъ въ безлюдномъ лѣсу чѣмъ вблизи замка, гдѣ была Дорла, которая, вѣроятно, веселилась въ ту минуту, слушала сладкія рѣчи графа, между тѣмъ какъ его сердце обливалось кровью. Онъ рѣшился утромъ же сорвать красную ленту съ *мая*.... эту эмблему радости, и не ухаживать болѣе за Дорлой. Онъ размышлялъ о томъ, не лучше ли ему сдѣлаться полковникомъ и не возвращаться болѣе въ деревню.

Такія и тому подобныя мысли занимали его, когда онъ протрубилъ десять часовъ и подходилъ къ овчарнѣ. Тутъ ему послышался какой-то шумъ у воротъ и шелестъ въ кустарникѣ. Онъ окликнулъ, никто не отвѣчалъ; онъ подошелъ къ кустарнику, ткнулъ въ него пикой; но все было тихо. Онъ постоялъ еще съ минуту, осмотрѣлъ всѣ кусты.... ничего не оказалось. Онъ пошелъ дальше, но безпрестанно останавливался; шумъ этотъ показался ему необыкновеннымъ.

Въ залѣ замка еще играла музыка, но старики уже поднимались съ своихъ мѣстъ. „Ужь довольно, пора идти домой“ говорили они молодежи, которая просила: „еще одну пѣсенку“. Миша тоже расходился, началъ танцовать передъ женою и запѣлъ.

„Гой ты, Манка, сердце мое!

Когда я умру все будетъ твое:

И сапоги, и гуля,

И баранья шапка!“

— Ухъ! закричалъ онъ, бросилъ вверхъ шапку, повернулся на каблукѣ и схватилъ въ объятія свою Манку.

— Ну, ну... старикъ.... что ты, обезумѣлъ? сказала Манка краснѣя и освобождаясь изъ его объятій.

Господа сидѣли еще въ залѣ, и Еленка, замѣтивъ что Дорла какъ-то печальна и разсѣянна, взяла ее въ свое общество.

Янъ ходилъ съ мѣста на мѣсто; то Миша хваталъ его, заставляя танцовать, то дѣвушки останавливали его, то

пожилыя женщины пускались съ нимъ въ разговоръ. Онъ былъ веселъ, но не слишкомъ, хотя и самъ не зналъ ничего, что бы мѣшало его веселью; вѣдь всѣ его такъ любили! Минутами на него напала какая-то тоска, ему приходило желаніе уйдти подальше отъ замка и странствовать вмѣстѣ съ бѣдными проволочниками.... а между тѣмъ замокъ былъ его раемъ.

— Пойдемте-ка, парни, немножко въ садъ, здѣсь какъ-то душно! сказалъ Петръ, взявъ Иозу и Яна за руки и повелъ ихъ черезъ террасу въ садъ. Они погуляли тамъ.

— Споемъ-ка, Янъ, словенскую, сказалъ Иоза и тотчасъ затянулъ:

Летали, летали надъ нами двое орловъ:
 О, Всемогущій Боже! что же будетъ съ нами?
 Всѣхъ соколовъ и голубей распугали,
 Даю воли обижать вороньямъ, ястребамъ.
 Пока соколы летали по нашему краю,
 До той поры и голуби смѣло ворковали.
 Теперь злыя птицы обижаютъ, совы завываютъ,
 А голуби печально прячутся по угламъ.
 Ахъ милые соколуки, слетайтесь сюда,
 Не допустите до мести голубокъ, горлицокъ."

— Нѣтъ не эту, она слишкомъ печальна, сказалъ Янъ.—
 Постойте здѣсь, я вамъ поиграю на свирѣли. Съ этими словами онъ побѣжалъ въ домикъ садовника, и чрезъ минуту въ саду послышались меланхолическіе звуки пастушеской свирѣли. Иозѣ нравилась эта музыка, однако онъ замѣтилъ, что слушать слѣдуетъ издалека. Они встали подъ окнами зала, а общество, заслышавшее раньше пѣсню парня, тоже слушало игру на свирѣли.

Музыка въ залѣ умолкла, молодежь собиралась домой. Было одиннадцать часовъ. Мича хотѣлъ уже идти домой, но услышавъ звуки свирѣли, остался и вышелъ на террасу, чтобы лучше слышать.

Вдругъ послышался троекратный пронзительный свистъ, сильно раздавшійся въ замкѣ, въ деревнѣ и даже въ лѣсу.

— Боже мой! съ Павломъ что-то случилось! вскричалъ Петръ и бросился чрезъ садъ къ выходу. Дорла побѣжала и упала въ кресло, графъ какъ стрѣла выбѣжалъ изъ двери, Мича исчезъ съ террасы, всѣ парни выбѣжали на дворъ; Петръ былъ впереди всѣхъ и отъ воротъ бросился

прямо въ ту сторону, откуда раздался свистъ свистка, которыми караульные всегда давали знать, что имъ нужна помощь.

За овчарней, со стороны пруда, лѣса и полей, гдѣ цѣлый вечеръ никого не было, кромѣ караула, у воротъ Павелъ защищался трубой и пикой отъ двухъ негодяевъ, старавшихся ударить его и зажать ему ротъ.

Ворота были отворены, и двое другихъ молодцовъ всѣми силами старались вытолкать въ нихъ овецъ.

— Что, вы еще отъ него не отдѣлались? Пойдите! шепнуйте одинъ изъ нихъ, я ему зажду ротъ.

— Въ эту минуту Павлу удалось засвистать; но и онъ уже лежалъ на землѣ, а тотъ же самый сильный воръ заткнулъ ему ротъ, связалъ руки и всталъ колѣномъ на грудь его, такъ что онъ не могъ пошевелиться.

— Ну, а вы поворачивайтесь поскорѣе, сказалъ онъ остальнымъ.

Въ эту минуту послышался шумъ и голосъ Петра: „Павелъ, гдѣ ты? откликнись!“ Павелъ не могъ откликнуться, его держали за горло.

— Чортъ возьми! этотъ свистокъ все-таки насъ выдалъ! Унесите, по крайней мѣрѣ, ягнятъ. Скорѣе, скорѣе, я не выпущу этого молодца; пусть теперь узнаетъ, что значитъ идти противъ насъ!

— Я не уйду не отступивъ, сказалъ одинъ изъ троихъ остальныхъ, которые выбѣжали за ворота. Двое побѣжали въ поле, а одинъ скрылся между деревьями.

Шаги уже приближались, и только теперь воръ выпустилъ Павла и убѣжалъ вслѣдъ за другими.

Павелъ лежалъ съ минуту почти безъ памяти.

— Павелъ! закричалъ Петръ:—что тутъ дѣлается? Боже мой, неужели онъ умеръ!

Онъ наклонился къ Павлу, и замѣтивъ при свѣтѣ мѣсяца, что онъ связанъ веревками и что у него заткнутъ ротъ, онъ освободилъ его въ одно мгновеніе.

— Воры... хотѣли украсть скотъ... бѣгите за ними, вонъ туда! были первыя слова его, и онъ показалъ на пеле и лѣсъ, куда тотчасъ бросился Петръ съ парнями, которые пришли вслѣдъ за нимъ. Павелъ всталъ, поднялъ трубу и пикю и хотѣлъ послѣдовать за ними, но вдругъ вспомнилъ слова послѣдняго изъ воровъ, который пошелъ не съ осталь-

ными, а въ садъ, откуда онъ могъ незамѣтно прокрасться къ замку.

Тутъ прибѣжала остальная молодежь, деревенскій дозоръ, Мича, графъ, и всѣ спрашивали что случилось. Павелъ разказалъ коротко обо всемъ, и молодежь бросилась въ поле. Мича въ испугъ побѣжалъ въ овчарню, гдѣ у самаго входа запнулся за убитую овцу. Привнеся огонь, онъ замѣтилъ, что недостаетъ троихъ ягнятъ. Графъ съ Павломъ направились къ замку, одинъ черезъ садъ, а другой по дорогѣ, осматривая тѣнистыя мѣста, не спрятался ли гдѣ-нибудь воръ.

— Туда, баринъ, онъ выбѣжалъ изъ парка, ворота отперты. Ужь онъ тамъ... скорѣе за нимъ!

И графъ съ Павломъ пустились бѣгомъ.

— Ахъ, баринъ, не суйтесь такъ впередъ, онъ можетъ вдругъ выскочить и убить васъ на мѣстѣ. Вѣдь они скоты. У меня грудь одервенѣла, такъ онъ мнѣ ее измѣлъ. Возьмите по крайней мѣрѣ пику, баринъ, вотъ она! говорилъ Павелъ, предостерегая графа и подавая ему пику при входѣ въ паркъ, гдѣ были надѣланы узенькія аллеи между кустами, были бесѣдки и такія толстыя деревья, что человѣкъ легко могъ спрятаться.

— Ну, здѣсь вдвоемъ мы ничего не сдѣлаемъ, сказалъ графъ останавливаясь. — Надо побольше людей и огня... побѣжимъ къ замку.

Остальное общество, состоявшее изъ священника, учителя, доктора и женщинъ, ожидало со страхомъ извѣстія о томъ что случилось. Наконецъ пришелъ Янъ, который тоже бѣгалъ вмѣстѣ съ другими, и разказалъ, что воры хотѣли увести скотъ, что имъ однако не удалось, и что парни бросились за ними въ погоню. Дорла опять зарумянилась и успокоилась. Еленка едва удержала ее, чтобъ она не выбѣжала вонъ.

— А гдѣ же Иоза? Боже мой, я забыла о немъ, а онъ не знаетъ въ этомъ саду всѣхъ тропинокъ, какъ въ деревнѣ, вскричала Дорла.

— Погоди, я тебѣ приведу его, сказалъ Янъ и сбѣжалъ съ террасы. Иоза стоялъ на томъ же мѣстѣ гдѣ его оставилъ Петръ. Крикъ и шумъ сбили и его съ толку, и онъ не зная куда дѣваться, остался у дерева подъ окнами.

— Ну, пойдѣмъ, Иоза, я думаю, парни уже поймали воровъ. Злой вѣтеръ занесъ ихъ сюда! Ну пойдѣмъ... Дорла напу-

гасась, сказалъ Янъ и хотѣлъ взять слѣпаго за руку, какъ вдругъ замѣтилъ, что кто-то промелькнулъ около кустовъ.

— Кто тутъ? спросилъ онъ, но когда никто не отозвался на его вопросъ, то онъ началъ кричать:—Эй, люди добрые, сюда! Сюда, парни! Здѣсь воръ! Съ этими словами онъ самъ бросился за нимъ.

— Мы здѣсь, Янъ, мы здѣсь! послышались голоса Павла и графа, и чрезъ минуту они оба прибѣжали.

— Къ калиткѣ, Павелъ! вскричалъ графъ, и Павелъ бросился внизъ къ калиткѣ, чрезъ которую вела ближайшая дорога въ деревню.

— Здѣсь, баринъ, здѣсь я увидалъ его! кричалъ Янъ, и указавъ на густой кустъ сирени у самой стѣны, побѣжалъ прямо къ нему. Графъ схватилъ его за руку съ желаніемъ удержать его. Въ это мгновеніе воръ выскочилъ изъ-за кустарника, пистолетъ сверкнулъ въ его рукѣ... раздался выстрѣлъ.... и Янъ упалъ на руки графа.

— Это за мою ногу! закричалъ злодѣй и бросился опять въ садъ, откуда вышелъ.

— Ловите его!... Огня сюда!... Павелъ! кричалъ графъ.

Двѣ дѣвушки раньше всѣхъ другихъ сбѣжали съ террасы, когда раздался выстрѣлъ и послышался крикъ. „Боже мой! Ганушъ!... Павелъ!... Иоза... что случилось?“ кричали всѣ. Вездѣ мелькали огни, всѣ бѣжали изъ замка въ садъ, Белла съ Зефиромъ послѣдовали за ними. Собаки прямо бросились къ хозяину.

— Ищи, Белла! ступай, ступай, ищи! кричалъ на нихъ графъ, и собака начала обнюхивать землю, бѣгала взадъ впередъ, поднимала морду и выла; но вдругъ она стрѣлой помчалась въ садъ, а за ней послѣдовалъ Павелъ.—Сюда, сюда огня, скорѣе! закричалъ графъ.

Въ эту минуту къ нему подбѣжали дѣвушки и лакей со свѣчей. Обѣ вскричали отъ состраданія, увидавъ Яна, [лежавшаго безъ чувствъ на рукахъ у графа.

— Можетъ-быть еще можно помочь! Скорѣе, доктора! сказалъ графъ, передавая Яна на руки прислугѣ.

Яна понесли на верхъ, въ замокъ; тутъ въ верхней части сада послышался шумъ, вой и лай собакъ, крики и проклятія. Графъ поспѣшилъ туда. Прибѣжавъ къ пруду, онъ увидалъ злодѣя, боровшагося съ Павломъ, и собакъ, бросающихся на него; въ особенности Белла впилась зубами въ его

ногу, и получивъ отъ него толчокъ, снова повисла на немъ, не обращая вниманія даже на клучку графа.

— Какая у нея отличная память! сказалъ графъ, при свѣтѣ огня, принесеннаго прислугой, узнавъ злодѣя, котораго встрѣтилъ когда-то въ баварскомъ лѣсу.

— И я не забылъ! Еслибъ этотъ негодяй далъ ей то, что я ей прислалъ, то она бы меня не выдала; пуля же моя предназначалась, графъ, именно тебѣ! злобно вскричалъ разбойникъ.

— Разбойникъ стрѣляетъ, а Богъ пули разсылаетъ! замѣтилъ старый слуга.

Вора связали. Въ это время вернулись парни, погнавшіеся за остальными ворами; пришелъ и Мича.

— Ахъ ты мерзавецъ, откуда ты взялся! вскричалъ онъ, узнавъ злодѣя.

Графъ велѣлъ отвести вора во дворъ и крѣпко стеречь, а самъ поспѣшилъ къ замку, кивнувъ Мичѣ, чтобъ онъ шелъ за нимъ. Павелъ пошелъ вмѣстѣ съ парнями.

Въ комнатѣ, возлѣ зала, гдѣ незадолго предъ тѣмъ было такъ весело, все было тихо и печально, когда графъ съ Мичей вошли туда. Янъ лежалъ на диванѣ, у изголовья стояла Еленка, а возлѣ нея докторъ, державшій бѣдняжку за руку; остальные съ нѣмою грустью стояли около него.

— Каково, докторъ? спросилъ графъ.

— Никакой надежды, рана смертельна! отвѣчалъ тихонько докторъ.

Графъ вздохнулъ, и слезы выступили у него на глазахъ; Мича же закричалъ: „О, мерзавецъ!“ и громко заплакалъ.

Янъ открылъ глаза, и увидавъ Еленку, нагнувшуюся къ нему, улыбнулся; по лицу его разлился радостный свѣтъ.

— Какой хорошій сонъ я видѣлъ.... зашепталъ онъ, я былъ на небѣ.... видѣлъ Пресвятую Дѣву Марію.... она мнѣ такъ сладко улыбнулась.... сказала.... Янъ, сынъ мой.... ты будешь здѣсь у меня.... Илена! сестра моя.... я долго не приду!.... Богъ милостивъ.... свѣтъ злой.... пасти овецъ.... Белла.... Гонзикъ, не ходи туда.... гдѣ моя свирѣль.... разбойникъ.... сюда, парни.... ловите его! говорилъ онъ отрывисто, хотѣлъ встать, но кровь лила изъ раны, жизнь улетала, голова его опять упала, лицо посинѣло.

— Янъ! вскричала со слезами Еленка, наклоняясь къ нему.

— Каша-а-а-совька.... моя.... сладкая.... Дѣва.... Марія.... я

люблю тебя! шепталъ онъ улыбаясь. Потомъ умолкъ, и глаза его закрылись.

Докторъ положилъ руку ему на сердце.

— Умеръ! сказалъ онъ минуту спустя.

Страшный плачь раздался въ комнатѣ. Мича бросился къ нему и причиталъ надъ нимъ какъ надъ собственнымъ ребенкомъ; Иоза, не будучи въ состояніи плакать, только стоналъ. Въ комнату вошли бабушка и Манка, за ними Петръ и Павелъ, которые еще на дворѣ узнали печальную новость.

Бабушка тихонько подошла къ Иозѣ, обняла его, прижавъ его голову къ своей груди, и сказала съ нѣжностью:

— Тише, батюшка, тише! успокойся, Богъ вѣдаетъ, что творить. Ему тамъ лучше, этому парню, чѣмъ здѣсь.

Дорла все еще стояла въ нѣмой печали, какъ будто не видя никого около себя; но когда вошелъ Павелъ, то она бросилась къ нему навстрѣчу, схватила его за обѣ руки, и взглянувъ на него съ выраженіемъ горячей любви, залилась слезами. Павелъ обнялъ ее своими мощными руками и прижалъ ее къ сердцу.

— Не ожидалъ я этого, парень, сказалъ тихонько Петръ, подходя къ Яну и взглянувъ съ грустью на его блѣдное лицо, на которомъ еще не исчезло выраженіе радости.—Вчера, когда ты ставилъ подъ окно березу, я не думалъ, что такъ найду тебя сегодня!

При этихъ словахъ Еленка взглянула на графа, съ печальною улыбкой протянула ему руку, и наклонившись, поцѣловала Яна въ лобъ.

Съ тѣхъ поръ какъ существовала деревня, у людей никогда не было столько толковъ, какъ на другой день послѣ этой печальной ночи. Утромъ судья увезъ вора въ судъ, а крестьяне нашли около лѣса до полу-смерти избитаго Шершня. Хотя онъ и разказывалъ, что на него напали какіе-то воры, но Павелъ предполагалъ, что это была месть воровъ. Позже узналъ обо всемъ и священникъ, потому что Серна смирился во время продолжительной болѣзни и во всемъ покаялся.

Болѣе же всего удивило всѣхъ обращеніе Дорлы съ Павломъ, которое женщины хорошо подмѣтили, хотя все ихъ вниманіе было обращено на бѣднаго Яна. „Вѣдь они обни-

мались!" говорили онѣ. Бабушка тоже поговорила объ этомъ съ Дордой, когда голова ея пришла въ порядокъ. Она думала, что это была ошибка. Когда же Дорда призналась, что любить Павла и что никогда не любила и не будетъ любить никого другаго, то бабушка остолбенѣла отъ удивленія.

— Этого я отъ тебя не ожидала! сказала она со вздохомъ и не хотѣла объ этомъ и слышать, когда даже Иоза сталъ защищать Павла и уговаривать ее, чтобъ она выдала за него Дорду.—Выдать эту дѣвушку за такого одичалаго парня, браконьера, контрабандиста? Нѣтъ, этого отъ меня не ждите!

Всегда и вездѣ разсудительная, бабушка никакъ не хотѣла уступить, а Павелъ, который хотѣлъ придти попросить ее, не смѣлъ показаться къ ней на глаза.

Графъ разослалъ по всѣмъ окрестностямъ приглашеніе, чтобы всѣ Словаки-проволочники собрались въ замокъ и проводили своего земляка до могилы. Они собрались, и одѣтые всѣ въ свой національный праздничный костюмъ, несли гробъ, на которомъ лежалъ зеленый вѣнокъ, свирѣль и сѣкирка Яна, въ головахъ же на гробѣ лежалъ каравай хлѣба, по обычаю, изстари господствующему въ деревнѣ. Друзья его, графъ, Мича и Иоза впереди всѣхъ, и множество народа изъ окрестностей и изъ города, проводили его на кладбище, бывшее у лѣса, недалеко отъ чудотворной воды. Когда его опустили въ могилу, парни пропѣли ему, всѣ поплакали надъ нимъ и покрыли могилу зеленымъ дерномъ. Ставя крестъ надъ могилой, Мича сказалъ со слезами: „Спи сладко, милый мой сынъ, вѣдь и мы къ тебѣ придемъ. Не жалѣй о свѣтѣ.... тамъ, наверху, ты будешь пасти лучшихъ овецъ и узнаешь больше радости!“

Потомъ взялъ хлѣбъ, лежавшій на гробѣ, и по возвращеніи въ замокъ раздѣлилъ его между пріятелями. Потомъ пошелъ въ комнату, гдѣ Янъ лежалъ мертвый, отворилъ двери и окна, и махая сѣкиркою по всѣмъ угламъ, приговаривалъ: „Если ты здѣсь, то иди вонъ.... если ты здѣсь, то иди вонъ!“ И не услышавъ ничего, онъ успокоился, въ увѣренности, что душа Яна въ небѣ, заперъ всѣ окна и двери и пошелъ домой. Остальные проволочники и деревенскіе парни пошли въ гостиницу и тамъ потанцовали за его „душу“, какъ этого требовалъ обычай. Пожилые люди говорили между собой:

— Вотъ этотъ молодой парень умеръ, а старый Боръ еще живетъ на свѣтѣ.

— Ну, и ему немного остается, замѣтила бабушка.

Послѣ похоронъ графиня пригласила бабушку къ себѣ и стала ее разспрашивать о здоровьѣ Дорлы, замѣтивъ при этомъ, что ей очень не нравится то, что она всегда такая блѣдная. Не догадавшись куда мѣтить графиня, бабушка сказала, что не знаетъ что съ дѣвучкой, что она не хочетъ сказать.

— Ты говоришь, что отъ каждой болѣзни есть лѣкарство, но что человѣкъ только иногда не знаетъ его. Это правда. Ты нашла лѣкарство отъ болѣзни моей дочери, а я вылъчу твою Дорлу, если ты меня уполномочишь въ этомъ и будешь имѣть довѣріе къ моему лѣченію, сказала графиня, взглянувъ ласково на бабушку.

Бабушка была въ замѣшательствѣ, не зная что сказать, но однако дала утвердительный отвѣтъ. Графиня взяла ее за руку и ввела въ сосѣдную комнату, гдѣ были въ сборѣ Юза, Дорла, Павелъ, Еленка, графъ, учитель, священникъ и докторъ.

Графиня взяла Павла за руку, подвела его къ Дорлѣ и сказала бабушкѣ:

— Вотъ такъ Дорла выздоровѣетъ, да выздоровѣетъ и Павелъ!

Бабушка всплеснула руками; было видно, что она и хотѣла бы исполнить желаніе графини, но что-то ее удерживало.

— Я буду ходатаемъ за Павла, сказалъ графъ, подходя къ Павлу:—я прошу, бабушка, руку Дорлы для своего будущаго лѣсничаго. Онъ, конечно, сдѣлалъ нѣсколько проступковъ, но ихъ мы припишемъ обстановкѣ, въ которой онъ жилъ, и страсти, но никакъ не злему сердцу. Черезъ два года, въ продолженіе которыхъ онъ приучится къ своему будущему занятію, позвольте ему ввести Дорлу хозяйкой въ свой домъ, а до тѣхъ поръ пусть будетъ она его невѣстой.

Бабушка не могла говорить, отъ словъ графа у нея перевернулось сердце; она со слезами протянула руки Павлу и Дорлѣ. Но Павелъ, не подозрѣвавшій умысла графа, о которомъ знали только графиня съ Еленкой, вспрыгнулъ отъ радости, потомъ вдругъ упалъ на колѣна передъ графомъ и со слезами умолялъ его о прощеніи. Графъ протянулъ ему руку.

Всѣ присутствовавшіе восхваляли графа. Петръ, услыжавъ

эту новость, вскричалъ: „Только цыкни кто-нибудь противъ него! Боръ правъ въ томъ, что не всѣ паны одинаковы.“

Но многіе въ деревнѣ не могли понять назначенія Павла лѣсничимъ, и самъ управляющій дивился, какъ это графъ рѣшается довѣрить коту жаркое.

Когда графъ вѣнчался съ Еленкой въ сельской церкви, Дорла, какъ обрученная невѣста Павла, была ея дружицкой, а когда черезъ два года Павелъ вернулся изъ лѣсной школы, куда его послалъ графъ, и сдѣлался отличнымъ, опытнымъ лѣсничимъ, то бабушка сказала Іозѣ:

— Можно ли было ожидать этого отъ такого парня! Вѣдь дѣдъ-то его говорилъ правду, что изъ него будетъ лѣсничій; но еслибы не было графа, изъ него могъ бы выйдти и бродяга.

— Да, матушка, еслибы онъ не любилъ Дорлу, сказалъ Іоза, который нерѣдко грустилъ по смерти Яна и всего чаще бывалъ съ Петромъ. Они часто ходили вмѣстѣ на кладбище и разговаривали о своихъ знакомыхъ.

— А ты, Петръ, навсегда останешься одинокимъ? спросилъ однажды Іоза.

— Развѣ ты не слышалъ о людяхъ, которые любятъ только одинъ разъ въ жизни? отвѣчалъ Петръ съ грустью.

Іоза ничего не отвѣтилъ, взялъ скрипку и началъ играть свои пѣсни безъ словъ; а надъ ними дрожали и шептали листочки березы, какъ будто разумѣли эти меланхолическіе звуки.

Солнце, склоняясь къ западу, освѣщаетъ подъ березой сѣрый мраморный памятникъ надъ могилой Яна, и на памятникѣ этомъ блеститъ золотая надпись, состоящая только изъ двухъ словъ, которыя графъ велѣлъ вырѣзать: „Братъ брату.“

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ*

Р О М А Н Ъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

VII.

Въ тотъ же день, но уже вечеромъ, часу въ седьмомъ, Раскольниковъ подходилъ къ квартирѣ матери и сестры своей, — къ той самой квартирѣ въ домѣ Бакалѣева, гдѣ устроилъ ихъ Разумихинъ. Входъ на лѣстницу былъ съ улицы. Раскольниковъ подходилъ, все еще сдерживая шагъ и колеблясь: войти или нѣтъ? Но онъ бы не воротился ни за что; рѣшеніе его было принято. „Къ тому же все равно, они еще ничего не знаютъ“, думалъ онъ, „а меня уже привыкли считать за чудака“.... Костюмъ его былъ ужасенъ: все грязное, пробывшее всю ночь подъ дождемъ, изорванное, истрепанное. Лицо его было почти обезображено отъ усталости, непогоды, физическаго утомленія и чуть не сущою борьбою съ самимъ собою. Всю эту ночь провелъ онъ одинъ, Богъ знаетъ гдѣ. Но по крайней мѣрѣ онъ рѣшился.

Онъ постучалъ въ дверь; ему отперла мать. Дувечки дома не было. Даже и служанки на ту пору не случилось. Пульхерія Александровна сначала онѣмѣла отъ радостнаго изумленія; потомъ схватила его за руку и потащила въ комнату.

— Ну, вотъ и ты! начала она, запинаясь отъ радости.— Не сердись на меня, Родя, что я тебя такъ глупо встрѣ-

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* 1866 г., №№ 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8 и 11.

чаю, со слезами: это я смѣюсь, а не плачу. Ты думаешь, я плачу? Нѣтъ, это я радуюсь, а ужь у меня глупая привычка такая: слезы текутъ. Это у меня со смерти твоего отца, отъ всего плачу. Садись голубчикъ, усталъ, должно-быть, вижу. Ахъ, какъ ты испачкался.

— Я подъ дождемъ вчера былъ, мамаша.... началъ было Раскольниковъ.

— Да нѣтъ же, нѣтъ! вскинулась Пульхерія Александровна, перебивая его:—ты думалъ, я тебя такъ сейчасъ и допрашивать начну, по бабьей прежней привычкѣ; не тревожься. Я вѣдь понимаю, все понимаю; теперь я ужь выучилась по-здѣшнему и, право, сама вижу, что здѣсь умнѣе. Я разъ навсегда разсудила: гдѣ мнѣ понимать твои соображенія и требовать у тебя отчетовъ? У тебя, можетъ-быть, и Богъ знаетъ какія дѣла и планы въ головѣ, или мысли тамъ какія-нибудь зараждаются; такъ мнѣ тебя и толкать подъ руку: объ чемъ дескать думаешь? Я вотъ.... Ахъ, Господи! Да что же это я толкусь туда и сюда, какъ угорѣлая.... Я вотъ, Родя, твою статью въ журналѣ читаю уже въ третій разъ, мнѣ Дмитрій Прокофьевичъ привесъ. Такъ я и ахнула какъ увидѣла: вотъ дура-то, думаю про себя, вотъ онъ чѣмъ занимается, вотъ и разгадка вещей! Ученые всегда такіе. У него, можетъ, новыя мысли въ головѣ, на ту пору; онъ ихъ обдумываетъ, я его мучаю и смущаю. Читаю, другъ мой, и конечно много не понимаю; да оно, впрочемъ, такъ и должно быть: гдѣ мнѣ?

— Покажите-ка, мамаша.

Раскольниковъ взялъ газетку и мелькомъ взглянулъ на свою статью. Какъ ни противорѣчило это его положенію и состоянію, но онъ ощутилъ то странное и язвительно-сладкое чувство какое испытываетъ авторъ, въ первый разъ видящій себя напечатаннымъ, къ тому же и двадцать три года сказались. Это продолжалось одно мгновеніе. Прочитавъ нѣсколько строкъ, онъ нахмурился, и страшная тоска сжала его сердце. Вся его душевная борьба послѣднихъ мѣсяцевъ напомнилась ему разомъ. Съ отвращеніемъ и досадою отбросилъ онъ статью на столъ.

— Но только, Родя, какъ я ни глупа, но все-таки я могу судить, что ты весьма скоро будешь однимъ изъ первыхъ людей, если не самымъ первымъ въ нашемъ ученомъ мѣрѣ. И смѣли они про тебя думать, что ты помѣшался. Ха-ха-ха!

ты не знаешь — вѣдь они это думали! Ахъ, низкіе червяки, да гдѣ имъ понимать что такое умъ! И вѣдь Дунечка, Дунечка тоже чуть не вѣрила—каково! Покойникъ отецъ твой два раза отсылалъ въ журналы, — сначала стихи (у меня и тетрадка хранится, я тебѣ когда-нибудь покажу), а потомъ ужъ и цѣлую повѣсть (я сама выпросила, чтобъ онъ далъ мнѣ переписать), и ужъ какъ мы молились оба чтобы приняли,—не приняли! Я, Родя, дней шесть-семь назадъ убивалась, смотря на твое платье, какъ ты живешь, что ѣшь и въ чемъ ходишь? А теперь вижу, что опять-таки глупа была, потому захочешь, все теперь себѣ сразу достанешь, умомъ и талантомъ. Это ты покажѣшь, значитъ, не хочешь теперь и гораздо важнѣйшими дѣлами занимаешься...

— Дуни дома нѣтъ, мамаша?

— Нѣту, Родя. Очень часто ея дома не вижу, оставляетъ меня одну. Дмитрій Прокофьевичъ, спасибо ему, заходитъ со мной посидѣть и все объ тебѣ говорить. Любитъ онъ тебя и уважаетъ, мой другъ. Про сестру же не говорю, чтобъ она ужъ такъ очень была ко мнѣ непочтительна. Я вѣдь не жаждуся. У ней свой характеръ, у меня свой; у ней свои тайны какія-то завелись; ну, у меня тайна отъ васъ нѣтъ никакихъ. Конечно, я твердо увѣрена, что Дуня слишкомъ умна, и кромѣ того, и меня и тебя любитъ.... но ужъ не знаю къ чему все это приведетъ. Вотъ ты меня осчастливилъ теперь, Родя, что зашелъ, а она-то вотъ и прогуляла; придетъ, я и скажу: а безъ тебя братъ былъ, а ты гдѣ изволила время проводить? Ты меня, Родя, очень-то и не балуй: можно тебѣ—зайди, нельзя—нечего дѣлать, и такъ подожду. Вѣдь я все-таки буду знать, что ты меня любишь, съ меня и того довольно. Буду, вотъ, твои сочиненія читать, буду про тебя слышать что всѣхъ, а нѣтъ-нѣтъ—и самъ зайдешь провѣдать, чего жь лучше? Вѣдь вотъ зашелъ же теперь, чтобъ утѣшить мать, я вѣдь вижу....

Тутъ Пульхерія Александровна вдругъ заплакала.

— Опять я! не гляди на меня, дуру! Ахъ, Господи, да что жь я сижу, вскричала она, срываясь съ мѣста,—вѣдь кофеи есть, а я тебя и не подчую! Вотъ вѣдь эгоизмъ-то старушечій что значить. Сейчасъ, сейчасъ!

— Маменька, оставьте это, я сейчасъ пойду. Я не для того пришелъ. Пожалуста, выслушайте меня.

Пульхерія Александровна робко подошла къ нему.

— Маменька, что бы ни случилось, что бы вы обо мнѣ ни услышали, что бы вамъ обо мнѣ ни сказали, будете ли вы любить меня такъ, какъ теперь? спросилъ онъ вдругъ отъ полноты сердца, какъ бы не думая о своихъ словахъ и не взвѣсивая ихъ.

— Родя, Родя, что съ тобою? Да какъ же ты объ этомъ спрашивать можешь? Да кто про тебя мнѣ что-нибудь скажетъ? Да я и не повѣрю никому, кто бы ко мнѣ ни пришелъ, просто прогоню.

— Я пришелъ васъ увѣрить, что я васъ всегда любилъ, и теперь радъ, что мы одни, радъ даже, что Дунечки нѣтъ, продолжалъ онъ съ тѣмъ же порывомъ, — я пришелъ вамъ сказать прямо, что хоть вы и несчастны будете, но все-таки знайте, что сынъ вашъ любитъ васъ теперь больше себя и что все что вы думали про меня, что я жестокъ и не люблю васъ, все это была неправда. Васъ я никогда не перестану любить... Ну, и довольно; мнѣ казалось, что такъ надо сдѣлать и этимъ начать...

Пульхерія Александровна молча обнимала его, прижимала къ своей груди и тихо плакала.

— Что съ тобой, Родя, не знаю, сказала она наконецъ;— думала я все это время, что мы просто надоѣдаемъ тебѣ, а теперь вижу по всему, что тебѣ великое горе готовится, оттого ты и тоскуешь. Давно ужъ я предвижу это, Родя. Прости меня, что объ этомъ заговорила; все объ этомъ думаю и по ночамъ не сплю. Эту ночь и сестра твоя всю напролетъ въ бреду пролежала и все о тебѣ вспоминала. Разслушала я что-то, а ничего не поняла. Все утро какъ передъ казнью ходила, чего-то ждала, предчувствовала и вотъ дождалась! Родя, Родя, куда же ты? ъдешь, что ли, куда-нибудь?

— Ёду.

— Такъ я и думала! Да вѣдь и я съ тобой поѣхать могу, если тебѣ надо будетъ. И Дуня; она тебя любитъ, она очень любитъ тебя, и Софья Семеновна, пожалуй, пусть съ нами ѣдетъ, если надо; видишь, я охотно ее вмѣсто дочери даже возьму. Намъ Дмитрій Прокофьичъ поможетъ вмѣстѣ собраться... но... куда же ты... ѣдешь?

— Прощайте, маменька.

— Какъ! сегодня же! вскрикнула она, какъ бы теряя его на вѣки.

— Мнѣ нельзя, мнѣ пора, мнѣ очень нужно....

— И мнѣ нельзя съ тобой?

— Нѣтъ, а вы становте на колѣни и помолитесь за меня Богу. Ваша молитва, можетъ, и дойдетъ.

— Дай же, я переkreщу тебя, благословлю тебя! Вотъ такъ, вотъ такъ. О Боже, что это мы дѣлаемъ!

Да, онъ былъ радъ, онъ былъ очень радъ, что никого не было, что они были наединѣ съ матерью. Какъ бы за все это ужасное время разомъ размягчилось его сердце. Онъ упалъ предъ нею, онъ ноги ей цѣловалъ, и оба, обнявшись, плакали. И она не удивлялась и не спрашивала на этотъ разъ. Она уже давно понимала, что съ сыномъ что-то ужасное происходитъ, а теперь присѣла какая-то страшная для него минута.

— Родя, милый мой, первенецъ ты мой, говорила она рыдая, вотъ ты теперь такой же, какъ былъ маленькій, также приходилъ ко мнѣ, также обнималъ и цѣловалъ меня; еще когда мы съ отцомъ жили и бѣдовали, ты утѣшалъ насъ однимъ уже тѣмъ, что былъ съ нами, а какъ я похоронила отца,—то сколько разъ мы, обнявшись съ тобой вотъ такъ, какъ теперь, на могилкѣ его плакали. А что я давно плачу, то это сердце материнское бѣду предузнало. Я какъ только въ первый разъ увидѣла тебя тогда, вечеромъ, помнишь, какъ мы только что прѣехали сюда, то все по твоему взгляду одному угадала, такъ сердце у меня тогда и дрогнуло, а сегодня какъ отворила тебѣ, взглянула, ну, думаю, видя пришелъ теперь часъ роковой. Родя, Родя, ты вѣдь не сейчасъ ѣдешь?

— Нѣтъ.

— Ты еще приедешь?

— Да.... приду.

— Родя, не сердись, я и спрашивать не смѣю. Знаю, что не смѣю, но такъ, два только словечка скажи мнѣ, далеко куда ты ѣдешь?

— Очень далеко.

— Что же тамъ, служба какая, карьера что ли тебѣ?

— Что Богъ пошлетъ.... помолитесь только за меня....

Раскольниковъ пошелъ къ дверямъ, но она ухватилась за него и отчаяннымъ взглядомъ смотрѣла ему въ глаза. Лицо ея исказилось отъ ужаса.

— Довольно, маменька, сказалъ Раскольниковъ, глубоко раскаиваясь, что вздумалъ придти.

— Не на вѣкъ? Вѣдь еще не на вѣкъ? Вѣдь ты придешь, завтра придешь?

— Приду, приду, прощайте.

Онъ вырвался наконецъ.

Вечеръ былъ свѣжій, теплый и ясный; погода разгулялась еще съ утра. Раскольниковъ шелъ въ свою квартиру; онъ спѣшилъ. Ему хотѣлось кончить все до заката солнца. До тѣхъ же поръ не хотѣлось бы съ кѣмъ-нибудь повстрѣчаться. Поднимаясь въ свою квартиру, онъ замѣтилъ, что Настасья, оторвавшись отъ самовара, пристально слѣдитъ за нимъ и провожаетъ его глазами. „Ужь нѣтъ ли кого у меня?“ подумалъ онъ. Ему съ отвращеніемъ померещился Порфирій. Но дойдя до своей комнаты и отворивъ ее, онъ увидѣлъ Дунечку. Она сидѣла одна-одинешенька, въ глубокомъ раздумьи и, кажется, давно уже ждала его. Онъ остановился на порогѣ. Она привстала съ дивана въ испугѣ и выпрямилась предъ нимъ. Ея взглядъ, неподвижно устремленный на него, изображалъ ужасъ и неутолимую скорбь. И по одному этому взгляду онъ уже понялъ сразу, что ей все извѣстно.

— Чтò же мнѣ входить къ тебѣ, или уйти? спросилъ онъ недоувѣрчиво.

— Я цѣлый день сидѣла у Софьи Семеновны; мы ждали тебя обѣ. Мы думали, что ты непременно туда зайдешь.

Раскольниковъ вошелъ въ комнату и въ изнеможеніи сѣлъ на стулъ.

— Я какъ-то слабъ, Дуня; ужь очень усталъ; а мнѣ бы хотѣлось хоть въ эту-то минуту владѣть собою вполне.

Онъ недоувѣрчиво вскинулъ на нее глазами.

— Гдѣ же ты былъ всю ночь?

— Не помню хорошо; видишь, сестра, я окончательно хотѣлъ рѣшиться и много разъ ходилъ близъ Невы; это я помню. Я хотѣлъ тамъ и покончить, но... я не рѣшился... прошепталъ онъ, опять недоувѣрчиво, взглядывая на Дуню.

— Слава Богу! А какъ мы боялись именно этого, я и Софья Семеновна! Стало-быть, ты въ жизнь еще вѣруешь; слава Богу, слава Богу!

Раскольниковъ горько усмѣхнулся.

— Я не вѣровалъ, а сейчасъ вмѣстѣ съ матерью, объяв-

шисъ, плакали; я не вѣрую, а ее просилъ за себя молиться. Это Богъ знаетъ какъ дѣлается, Дунечка, и я ничего въ этомъ не понимаю.

— Ты у матери былъ? Ты же ей и сказалъ? въ ужасъ воскликнула Дуня.— Неужели ты рѣшился сказать?

— Нѣтъ, не сказалъ... словами; но она многое поняла. Она слышала ночью какъ ты бредила. Я увѣренъ, что она уже половину понимаетъ. Я, можетъ-быть, душно сдѣлалъ, что заходилъ. Ужь и не знаю, для чего я даже и заходилъ-то. Я низкій человекъ, Дуня.

— Низкій человекъ, а на страданье готовъ идти! Вѣдь ты идешь же?

— Иду. Сейчасъ. Да, чтобъ избѣжать этого стыда, я и хотѣлъ утопиться, Дуня, но подумалъ, уже стоя надъ водой, что если я считалъ себя до сей поры сильнымъ, то пусть же я и стыда теперь не боюсь. Это гордость, Дуня?

— Гордость, Родя.

Какъ будто огонь блестялъ въ его потухшихъ глазахъ; ему точно пріятно стало, что онъ еще гордъ.

— А ты не думаешь, сестра, что я просто струсилъ воды? спросилъ онъ съ безобразною усмѣшкой, заглядывая въ ея лицо.

— О, Родя, полно! горько воскликнула Дуня.

Минуты двѣ продолжалось молчаніе. Онъ сидѣлъ потупившись и смотрѣлъ въ землю; Дунечка стояла на другомъ концѣ стола и съ мученіемъ смотрѣла на него. Вдругъ онъ всталъ:

— Поздно, сказалъ онъ,—пора. Я сейчасъ иду предавать себя. Но я не знаю, для чего я иду предавать себя.

Крупныя слезы текли по щекамъ ея.

— Ты плачешь, сестра, а можешь ты протянуть мнѣ руку?

— И ты сомнѣвался въ этомъ?

Она крѣпко обняла его.

— Развѣ ты, идучи на страданіе, не смываешь уже вполнину свое преступленіе? вскричала она, сжимая его въ объятіяхъ и цѣлуя его.

— Преступленіе? Какое преступленіе? вскричалъ онъ вдругъ:—то, что я убилъ гадкую, злоредную вошь, старушонку-процентщицу, никому не нужную, которую убить сорокъ грѣховъ простать, которая изъ бѣдныхъ сокъ высасывала, и это-то преступленіе? Не думаю я о немъ и смыывать

его не думаю. И что мнѣ всѣ тычуть со всѣхъ сторонъ: „преступленіе, преступленіе!“ Я только удивляюсь теперь, какъ могъ я въ эти дни предполагать, что не прожить мнѣ теперь всю жизнь съ этою тайной и что мнѣ жить на свѣтѣ нельзя попрежнему. Только теперь вижу ясно всю нелѣпность всего этого малодушія, теперь, какъ ужь рѣшился идти на этотъ ненужный стыдъ! Просто, отъ низости и бездарности моей рѣшаюсь, да развѣ еще изъ выгоды, какъ предлагалъ... этотъ... Порфирій!...

— Братъ, братъ, что ты это говоришь! Но вѣдь ты кровь пролилъ! въ отчаяніи вскричала Дуня.

— Которую всѣ проливають, подхватилъ онъ чуть не въ изступленіи,—которая льется и всегда лилась на свѣтѣ какъ водопадъ, которую льютъ какъ шампанское и за которую вѣнчаютъ въ Капитоліи и называютъ потомъ благодѣтелемъ челоуѣчества. Да ты взгляни только пристальнѣе и разгляди. Я самъ хотѣлъ добра людямъ и сдѣлалъ бы сотни, тысячи добрыхъ дѣлъ, вмѣсто одной этой глупости, даже не глупости, а просто неловкости, такъ какъ вся эта мысль была вовсе не такъ глупа, какъ теперь она кажется, при неудачѣ... (при неудачѣ все кажется глупо!) Этою глупостью я хотѣлъ только поставить себя въ независимое положеніе, первый шагъ сдѣлать, достичь средствъ, и тамъ все бы загладилося неизмѣримою, сравнительно, пользой. Но я, я и перваго шага не выдержалъ, потому что я — подлець! Вотъ въ чемъ все и дѣло! И все-таки вашимъ взглядомъ не стану смотрѣть: еслибы мнѣ удалось, то меня бы увѣнчали, а теперь въ канканъ!

— Но вѣдь это не то, совсѣмъ не то! Братъ, что ты это говоришь!

— А! договорились: не та форма, вотъ въ чемъ все и дѣло! подхватилъ онъ, горько смѣясь. — Пожалуй, не такъ эстетически хорошая форма, хотя рѣшительно не понимаю: почему лупить въ людей бомбами, правильною осадой, болѣе почтенная форма? Боязнь эстетики есть первый признакъ безсилія!... Никогда, никогда яснѣе не сознавалъ я этого, какъ теперь, и болѣе чѣмъ когда-нибудь не понимаю моего преступленія! Никогда, никогда не былъ я сильнѣе и убѣжденнѣе чѣмъ теперь!...

Краска даже ударила въ его блѣдное лицо. Но проговаривая послѣднее восклицаніе, онъ нечаянно встрѣтился взгля-

домъ съ глазами Дуни и столько, столько муки за себя встрѣтилъ онъ въ томъ взглядѣ, что невольно опомнился. Онъ почувствовалъ, что не стоитъ такой любви и все-таки сдѣлалъ несчастными этихъ двухъ бѣдныхъ женщинъ. Все-таки онъ же причиной...

— Дуня, милая! Если я виновенъ, прости меня, хоть меня и нельзя простить, если я виновенъ. Прощай! не будемъ спорить! Пора, очень пора. Не ходи за мной, умоляю тебя, мнѣ еще надо зайти... А пооди теперь и тотчасъ же сядь подлѣ матери. Умоляю тебя объ этомъ! Это послѣдняя, самая большая моя просьба къ тебѣ. Не отходи отъ нея все время; а оставилъ ее въ тревогѣ, которую она врядъ ли перенесетъ: она или умретъ, или сойдетъ съ ума. Будь же съ нею! Разумихинъ будетъ при васъ; я ему говорилъ... Не плачь обо мнѣ: я постараюсь быть и мужественнымъ, и честнымъ всю жизнь, хоть я и убійца. Можетъ-быть, ты услышишь когда-нибудь мое имя. Я не осрамлю васъ, увидишь; теперь покаместъ до свиданья, поспѣшилъ онъ заключить, опять замѣтивъ какое-то странное выраженіе въ глазахъ Дуни при послѣднихъ словахъ и обѣщаніяхъ его.—Что же ты такъ плачешь? Не плачь, не плачь, вѣдь не совсѣмъ же разстанемся!... Ахъ, да! Постои, забудь!...

Онъ подошелъ къ столу, взялъ одну толстую, запыленную книгу, развернулъ ее и вынулъ заложенный между листами маленькій портретикъ, акварелью, на слоновой кости. Это былъ портретъ хозяйкиной дочери, его бывшей невесты, умершей въ горячкѣ, той самой странной дѣвушки, которая хотѣла идти въ монастырь. Съ минуту онъ всматривался въ это выразительное и болѣзненное личико, поцѣловалъ портретъ и передалъ Дунечкѣ.

— Вотъ съ нею я много переговорилъ и объ этомъ, съ нею одной, произнесъ онъ вдумчиво;—ея сердцу я много сообщилъ изъ того, что потомъ такъ безобразно сбылось. Не беспокойся, обратился онъ къ Дунѣ, — она не согласна была, какъ и ты, и я радъ, что ея ужъ нѣтъ. Главное, главное въ томъ, что все теперь пойдетъ по-новому, перекомится на двое, вскричалъ онъ вдругъ,—все, все, а приготовляешь ли я къ тому? Хочу ли я этого самъ? Это, говорятъ, для моего испытанія нужно! Къ чему, къ чему всѣ эти бессмысленныя испытанія? Къ чему они, лучше ли я буду сознавать тогда, раздавленный муками, idiotствомъ, въ стар-

ческомъ безсиліи послѣ двадцатилѣтней каторги, чѣмъ теперь сознаю, и къ чему мнѣ тогда и жить? Зачѣмъ я теперь-то соглашаюсь такъ жить? О, я зналъ, что я подлець, когда я сегодня, на разсвѣтѣ, стоялъ надъ Невой!

Оба наконецъ вышли. Трудно было Дунѣ, но она любила его! Она пошла, не утерпѣвъ, чтобы, отойдя шаговъ пятьдесятъ, не обернуться еще разъ взглянуть на него. Его еще было видно. Но, дойдя до угла, обернуся и онъ; въ послѣдній разъ они встрѣтились взглядами; но замѣтивъ что она на него смотритъ, онъ нетерпѣливо и даже съ досадою махнулъ рукой, чтобы она шла, а самъ круто повернулъ за уголъ.

„Я золь, я это вижу“, думалъ онъ про себя, устыдясь чрезъ минуту своего досадливаго жеста рукой Дунѣ. „Но зачѣмъ же онъ сами меня такъ любятъ, если я не стою того! О, еслибъ я былъ одинъ и никто не любилъ меня, и самъ бы я никого никогда не любилъ! Не было бы всего этого! Я не просилъ, я не требую ихъ любви. Вѣдь я признаю, разъ на всегда, что я недостойнъ любви, ну, и довольнo! А любопытно, неужели въ эти будущія пятнадцать-двадцать лѣтъ такъ уже смирится душа моя, что уже не будетъ болѣе никогда во мнѣ такихъ жестовъ, и я съ благоговѣніемъ буду хныкать предъ людьми, называя себя ко всякому слову разбойникомъ? Да, именно, именно! Для этого-то они и ссылаютъ меня теперь, этого-то имъ и надобно... Вотъ они снуютъ всѣ по улицѣ взадъ и впередъ, и вѣдь всякій-то изъ нихъ подлець и разбойникъ уже по натурѣ своей; хуже того,—идіотъ! А попробуй обойди меня ссылкой, и всѣ они взбѣсятся отъ благороднаго негодованія! О, какъ я ихъ всѣхъ ненавижу!“

Онъ глубоко задумался; онъ серіозно спрашивалъ себя: „какимъ же это процессомъ можетъ такъ произойти, что онъ наконецъ предъ всѣми ими уже безъ разсужденій смирится, убѣжденіемъ смирится? А что жь, почему жь и вѣтъ? Конечно, такъ и должно быть. Развѣ двадцать лѣтъ непрерывнаго гнета не добьютъ окончательно? Вода камень точитъ. И зачѣмъ, зачѣмъ же жить послѣ этого, зачѣмъ я иду теперь, когда самъ знаю, что все это будетъ именно такъ какъ по книгѣ, а не иначе!“

Онъ уже въ сотый разъ, можетъ-быть, задавалъ себѣ этотъ вопросъ со вчерашняго вечера, но все-таки шелъ.

VIII.

Когда онъ вошелъ къ Сонѣ, уже начинались сумерки. Весь день Соня прождала его въ ужасномъ волненіи. Онъ ждалъ вмѣстѣ съ Дуней. Та пришла къ ней еще съ утра, вспоминая вчерашнія слова Свидригайлова, что Соня „объ этомъ знаетъ“. Не станемъ передавать подробностей разговора и слезъ обѣихъ женщинъ, и насколько сошлись онъ между собой. Дуня изъ этого свиданія по крайней мѣрѣ вынесла одно утѣшеніе, что братъ будетъ не одинъ: къ ней, Сонѣ, къ первой пришелъ онъ со своею исповѣдью; въ ней искалъ онъ человѣка, когда ему понадобился человѣкъ; она же и пойдетъ за нимъ, куда пошлетъ судьба. Она и не спрашивала, но знала, что это будетъ такъ. Она смотрѣла на Соню даже съ какимъ-то благоговѣніемъ и сначала почти смущалась ея этимъ благоговѣйнымъ чувствомъ, съ которымъ къ ней относилась. Соня готова была даже чуть не заплакать: она, напротивъ, считала себя недостойною даже взглянуть на Дуню. Прекрасный образъ Дуни, когда та отклонялась ей съ такимъ вниманіемъ и уваженіемъ во время ихъ перваго свиданія у Раскольникова, съ тѣхъ поръ на вѣки остался въ душѣ ея, какъ одно изъ самыхъ прекрасныхъ и недосыгаемыхъ видѣній въ ея жизни.

Дунечка наконецъ не вытерпѣла и оставила Соню, чтобы ждать брата въ его квартирѣ; ей все казалось, что онъ туда прежде придетъ. Оставшись одна, Соня тотчасъ же стала мучиться отъ страха при мысли, что, можетъ-быть, дѣйствительно онъ покончитъ самоубійствомъ. Того же боялась и Дуня. Но обѣ онѣ весь день наперерывъ разубѣждали другъ друга всѣми доводами въ томъ, что этого быть не можетъ, и были спокойнѣе, пока были вмѣстѣ. Теперь же, только-что разошлись, и та, и другая стали объ одномъ этомъ только и думать. Соня припоминала, какъ вчера Свидригайловъ сказалъ ей, что у него двѣ дороги — Владимірка или... Она знала къ тому же его тщеславіе, завосчность, самолюбіе и невѣріе. Неужели же одно только малодушіе и боязнь смерти могутъ заставить его жить? подумала она наконецъ въ отчаяніи. Солнце между тѣмъ уже закатывалось. Она

грустно стояла предъ окномъ и пристально смотрѣла въ него, — но въ окно это была видна только одна капитальная, небѣленая стѣна сосѣдняго дома. Наконецъ, когда ужъ она дошла до совершеннаго убѣжденія въ смерти несчастнаго, — онъ вошелъ въ ея комнату.

Радостный крикъ вырвался изъ ея груди. Но взглянувъ пристально въ его лицо, она вдругъ поблѣднѣла, закрылась руками и опустилась на постель, точно ноги у нея подкосились.

— Ну, да! сказалъ усмѣхаясь Раскольниковъ:—я за твоими крестами, Соня. Сама же ты меня на перекрестокъ посыла-ла; что жъ теперь, какъ дошло до дѣла, и струсила?

Соня быстро приподнялась и въ изумленіи смотрѣла на него. Страненъ показался ей этотъ тонъ; холодная дрожь прошла было по ея тѣлу, но чрезъ минуту она догадалась, что и тонъ и слова эти, все было напускное. Онъ и говорилъ-то съ нею, глядя какъ-то въ уголъ и точно избѣгая заглянуть ей прямо въ лицо.

— Я, видишь, Соня, разсудилъ, что такъ, пожалуй, будетъ и выгоднѣе. Тутъ есть обстоятельство.... Ну, да долго разказывать, да и нечего. Меня только, знаешь, что заить? Мнѣ досадно, что всѣ эти глупыя, звѣрскія хари обступятъ меня сейчасъ, будутъ палить прямо на меня свои буркалы, задавать мнѣ свои глупые вопросы, на которые надобно отвѣчать,—указывать пальцами.... Тьфу! Знаешь, я не къ Порфирию иду; надобно онъ мнѣ. Я лучше къ моему другу Пороху пойду, то-то удивлю, то-то эффекта въ своемъ родѣ достигну. А надо бы быть хладнокровнѣе; слашкомъ ужъ я желчевъ сталъ въ послѣднее время. Вѣришь ли: я сейчасъ угрозилъ сестрѣ чуть не кулакомъ за то только, что она обернулась въ послѣдній разъ взглянуть на меня. Свинство вѣдакое состояніе! Эхъ, до чего я дошелъ! Ну, что же, гдѣ же кресты?

Онъ былъ какъ бы самъ не свой. Онъ даже и на мѣстѣ не могъ устоять одной минуты, ни на одномъ предметѣ не могъ сосредочить вниманія; руки его слегка дрожали.

Соня молча вынула изъ ящика два креста, кипарисный и мѣдный, перекрестилась сама, перекрестила его и надѣла ему на грудь кипарисный крестикъ.

— Это, значить, символъ того, что крестъ беру на себя, хе! хе! И точно я до сихъ поръ мало страдалъ! Кипарисный, то-есть простонародный; мѣдный — это Лизаветинъ, себѣ

берешь,—покажи-ка? такъ на ней онъ былъ.... въ ту минуту? Я знаю тоже подобныхъ два креста, серебряный и образокъ. Я ихъ сбросилъ тогда старушонкѣ на грудь. Вотъ бы тѣ кстата теперь, право, тѣ бы мнѣ и надѣтъ.... А впрочемъ, вру я все, о дѣлѣ забуду; разсѣянъ я какъ-то!... Видишь, Сося, — я собственно затѣмъ пришелъ, чтобы тебя предупредить, чтобы ты знала.... Ну, вотъ и все.... Я только затѣмъ вѣдь и пришелъ. (Гмъ, я впрочемъ думалъ, что больше скажу.) Да вѣдь ты и сама хотѣла, чтобы я пошелъ, ну, вотъ и буду сидѣть въ тюрьмѣ, и сбудется твое желаніе; ну, чего жь ты плачешь? И ты тоже? Перестань, полно; охъ, какъ мнѣ это все тяжело!

Чувство однакоже родилось въ немъ; сердце его сжалось на нее глядя:—„Эта-то, эта-то чего?“ думалъ онъ про себя;— „я то что ей? Чего она плачетъ, чего собираетъ меня, какъ мать, или Дуня? Неужели я взаправду тогда угадалъ, что она *полюбила* меня, — эта сердобольная идиотка? Хе! хе! И въ какое время! О, Господи! А впрочемъ, бываютъ такіа, у которыхъ все такъ ни на что не похоже выходитъ; да и въ лицо только стоить ей посмотреть... Нянька будетъ моя!“

— Перекрестись, помолись хоть разъ, выходя, дрожащимъ робкимъ голосомъ попросила Сося.

— О, изволь, это сколько тебѣ угодно! И отъ чистаго сердца, Сося, отъ чистаго сердца...

Ему хотѣлось, впрочемъ, сказать что-то другое.

Онъ перекрестился нѣсколько разъ. Сося схватила свой платокъ и накинула его на голову. Это былъ зеленый драдедамовый платокъ, вѣроятно, тотъ самый, про который упоминалъ тогда Мармеладовъ, „фамилійный“. У Раскольниковъ мелькнула объ этомъ мысль, но онъ не спросилъ. Дѣйствительно, онъ уже самъ сталъ чувствовать, что ужасно разсѣянъ и какъ-то безобразно встревоженъ. Онъ испугался этого. Его вдругъ поразило и то, что Сося хочетъ уйти вмѣстѣ съ нимъ.

— Что ты! Ты куда? Оставайся, оставайся! Я одинъ, вскричалъ онъ въ малодушной досадѣ, и почти озлобившись, пошелъ къ дверямъ.—И къ чему тутъ цѣлая свита! бормоталъ онъ, выходя.

Сося осталась среди комнаты. Онъ даже и не простился съ ней, онъ уже забылъ о ней; одно язвительное и бунтующее сомнѣніе вскипѣло въ душѣ его:

„Да такъ ли, такъ ли все это? думалъ онъ, сходя съ лѣстницы: — такъ ли я рѣшился? Зачѣмъ? Не новую ли глупость я опять начинаю? Зачѣмъ я иду? Неужели нельзя еще остановиться и опять все переправить.... и не ходить? Конечно, многое испорчено, но....“

Но онъ все-таки шелъ. Онъ вдругъ почувствовалъ окончательно, что нечего себѣ задавать вопросы. Выйдя на улицу, онъ вспомнилъ, что не простился съ Соей, что она осталась среди комнаты, въ своемъ зеленомъ платкѣ, не смѣя шевельнуться отъ его окрика, и приостановился на мигъ. Въ то же мгновеніе вдругъ одна мысль ярко озарила его, — точно ждала, чтобы поразить его окончательно.

„Ну для чего, ну зачѣмъ я приходилъ къ ней теперь? Я ей сказалъ: за дѣломъ; за какимъ же дѣломъ? Никакого совсѣмъ и не было дѣла! Объявить, что *иду*; такъ что же? Эка надобность! Люблю что ли я ее? Вѣдь нѣтъ, нѣтъ? Вѣдь вотъ отогналъ ее теперь, какъ собаку. Крестовъ что ли мнѣ въ самомъ дѣлѣ отъ нея повадилось? О, какъ низко упалъ я! Нѣтъ, — мнѣ слезъ ей надобно было, мнѣ испугъ ея видѣть надобно было, смотрѣть, какъ сердце ея болитъ и терзается! Даже и не этого; просто надо было хоть обо что-нибудь зацѣпиться, помедлить, на человѣка посмотреть! И я смѣлъ послѣ этого такъ на себя надѣяться, такъ мечтать о себѣ, нищій я, ничтожный я, подлець, подлець!“

Онъ шелъ по набережной канавы, и недалеко ужъ оставалось ему. Но дойдя до моста, онъ приостановился и вдругъ повернулъ на мостъ, въ сторону, и прошелъ на Сваную.

Онъ жадно осматривался направо и налево, всматривался съ напряженіемъ въ каждый предметъ и ни на чемъ не могъ сосредоточить своего вниманія; все выскользало. „Вотъ, чрезъ недѣлю, чрезъ мѣсяцъ, меня провезутъ куда-нибудь въ этихъ арестантскихъ каретахъ по этому мосту, какъ-то я тогда взгляну на эту канаву, — запомнить бы это?“ мелькнуло у него въ головѣ. Или: „вотъ эта вывѣска, какъ-то я тогда прочту эти самыя буквы? Вотъ тутъ написано: *Таварищество*, ну, вотъ и запомнить это *а*, букву *а*, и посмотреть на нее чрезъ мѣсяцъ, на это самое *а*: какъ-то я тогда посмотрю? Что-то я тогда буду ощущать и думать? Боже, какъ это все должно быть низко! Конечно, все это, должно-быть, любопытно.... въ своемъ редѣ.... (ха-ха-ха! объ чемъ я думаю!) но, я ребенкомъ дѣлаюсь, я самъ предъ собою фан-

фароню; ну чего я стыжу себя? Фу, какъ толкаются! Вотъ этотъ толстый,—Нѣмецъ должно-быть,—что толкнулъ меня: ну, знаетъ ли онъ кого толкнулъ? Баба съ ребенкомъ проситъ милостыню, любопытно, что она считаетъ меня счастливей себя. А что, вотъ бы и подать для куріозу. Ба, такъ удѣлалъ въ карманѣ, откуда? На, на... возьми, матушка!“

— Сохрани тебя Богъ! послышался плачевный голосъ нищей.

Онъ вошелъ на Сѣнаую. Ему неприятно, очень неприятно было сталкиваться съ народомъ, но онъ шелъ именно туда гдѣ видѣлось больше народу. Онъ бы далъ все на свѣтѣ чтобъ остаться одному; но онъ самъ чувствовалъ, что ни одной минуты не пробудетъ одинъ. Въ толпѣ безобразничалъ одинъ пьяный: ему все хотѣлось паясать, но онъ все валялся на сторону. Его обступили. Раскольниковъ протиснулся оквозь толпу, нѣсколько минутъ смотрѣлъ на пьянаго и вдругъ коротко и отрывисто захохоталъ. Черезъ минуту онъ уже забылъ о немъ, даже не видавъ его, хоть и смотрѣлъ на него. Онъ отошелъ наконецъ, даже не помня гдѣ онъ находится; но когда дошелъ до середины площади, съ нимъ вдругъ произошло одно движеніе, одно ощущеніе овладѣло имъ сразу, захватило его всего—съ тѣломъ и мыслию.

Онъ вдругъ вспомнилъ слова Сони: „Поди на перекрестокъ, поклонись народу, поцѣлуй землю, потому что ты и предъ ней согрѣшилъ, и скажи всему міру вслухъ: „я убійца!“ Онъ весь задрожалъ, припомнивъ это. И до того уже давила его безвыходная тоска и тревога всего этого времени, но особенно послѣднихъ часовъ, что онъ такъ и ринулся въ возможность этого цѣльнаго, новаго, полнаго ощущенія. Какимъ-то припадомъ оно къ нему вдругъ подступило: загорѣлось въ душѣ одною искрой и вдругъ, какъ огонь, охватило всего. Все разомъ въ немъ размягчилось, и хлынули слезы. Какъ стоялъ, такъ и упалъ онъ на землю....

Онъ сталъ на колѣни среди площади, поклонился до земли и поцѣловалъ эту грязную землю, съ наслажденіемъ и счастьемъ. Онъ всталъ и поклонился въ другой разъ.

— Ишь нахлестался! замѣтилъ подлѣ него одинъ парень. Раздался смѣхъ.

— Это онъ въ Иерусалимъ идетъ, братцы, съ дѣтьми, съ родиной прощается, всему міру поклоняется, столпный

городъ Санктпетербургъ и его грунтъ лобызаетъ, прибавилъ какой-то пыленькій изъ мѣщанъ.

— Ишь, вѣдь, весь въ грязи, какъ свинья, извалялся! Парнишка еще молодой! ввернулъ третій.

— Изъ благородныхъ! замѣтилъ кто-то солиднымъ голосомъ.

— Новѣ ихъ не разберешь, кто благородный, кто нѣтъ.

Всѣ эти отклики и разговоры сдержали Раскольниковъ и слова: „я убилъ“, можетъ-быть готовившіяся слетѣть у него съ языка, замерли въ немъ. Онъ спокойно однакожь вынесъ всѣ эти крики, и не озираясь, пошелъ прямо чрезъ переулокъ по направленію къ конторѣ. Одно видѣніе мелькнуло предъ нимъ дорогой, но онъ не удивился ему; онъ уже почувствовалъ, что такъ и должно было быть. Въ то время когда онъ, на Свѣной, поклонился до земли въ другой разъ, оборотившись влѣво, шагахъ въ пятидесяти отъ себя, онъ увидѣлъ Союю. Она пряталась отъ него за однимъ изъ деревянныхъ бараконъ, стоявшихъ на площади, стало-быть, она сопровождала все его скорбное шествіе! Раскольниковъ почувствовалъ и понялъ въ эту минуту, разъ навсегда, что Союя теперь съ нимъ на вѣки и пойдетъ за нимъ хоть на край свѣта, куда бы ему ни вышла судьба. Все сердце его перевернулось.... но,—вотъ ужъ онъ и дошелъ до роковаго мѣста....

Онъ довольно бодро вошелъ во дворъ. Надо было подняться въ третій этажъ. „Покажѣсть еще подымусь“, подумалъ онъ. Вообще ему казалось, что до роковой минуты еще далеко, еще много времени остается, о многомъ еще можно передумать.

Опять тотъ же соръ, тѣ же скорлупы на винтообразной лѣстницѣ, опять двери квартиръ отворены настежь, опять тѣ же кухни, изъ которыхъ несетъ чадъ и вонь. Раскольниковъ съ тѣхъ поръ здѣсь не былъ. Ноги его нѣмѣли и подгибались, но шли. Онъ остановился на мгновеніе, чтобы перевести духъ, чтобы оправиться, чтобы войти *человѣкомъ*. „А для чего? зачѣмъ?“ подумалъ онъ вдругъ, осмысливъ свое движеніе. „Если ужъ надо выпить эту чашу, то не все ли ужъ равно? Чѣмъ гаже, тѣмъ лучше.“ Въ воображеніи его мелькнула въ это мгновеніе фигура Ильи Петровича Пороха. Неужели въ самомъ дѣлѣ къ нему? А нельзя ли къ другому? Нельзя ли къ Никодиму Фомичу? Поворотить сейчасъ и пойдти къ самому надзирателю на квартиру? По

крайней мѣрѣ обойдется домашнимъ образомъ.... Нѣтъ, нѣтъ! Къ Пороху, къ Пороху! Пить, такъ пить все разомъ....“

Похолодѣвъ и чуть-чуть себя помня, отворилъ онъ дверь въ контору. На этотъ разъ въ ней было очень мало народу, стоялъ какой-то дворникъ и еще какой-то простолудинъ. Стороожъ и не выглядывалъ изъ своей перегородки. Раскольниковъ прошелъ въ сабдующую комнату. „Можетъ, еще можно будетъ и не говорить“ мелькало въ немъ. Тутъ одна какая-то личность изъ писцовъ, въ приватномъ сюртукѣ, прилаживалась что-то писать у бюро. Въ углу усаживался еще одинъ писарь. Заметова не было. Никодима Омича, конечно, тоже не было.

— Никого нѣтъ? спросилъ было Раскольниковъ, обращаясь къ личности у бюро.

— А вамъ кого?

— А-а-а! Слыхомъ не слышать, видомъ не видать, а русскій духъ.... какъ это тамъ въ сказкѣ.... забылъ! М-мае п-пачтенье! вскричалъ вдругъ знакомый голосъ.

Раскольниковъ задрожалъ. Предъ нимъ стоялъ Порохъ; онъ вдругъ вышелъ изъ третьей комнаты. „Эта сама судьба“, подумалъ Раскольниковъ, „почему онъ тутъ?“

— Къ намъ? По какому? восклицалъ Илья Петровичъ. (Онъ былъ, повидимому, въ превосходѣшемъ и даже капельку въ возбужденномъ состоянiи духа.) Если по дѣлу, то еще рано пожаловали. Я самъ по случаю.... А впрочемъ, чѣмъ могу. Я признаюсь вамъ.... какъ? какъ? Извините....

— Раскольниковъ.

— Ну что: Раскольниковъ! И неужели вы могли предположить что я забылъ! Вы ужъ, пожалуста, меня не считайте за такого.... Родіонъ Ро.... Ро.... Родіонъчъ, такъ, кажется?

— Родіонъ Романъчъ.

— Да, да-да! Родіонъ Романъчъ, Родіонъ Романъчъ! Этого-то я и добивался. Даже многократно справлялся. Я, признаюсь вамъ, съ тѣхъ поръ искренно горевалъ, что мы такъ тогда съ вами.... мнѣ потомъ объяснили, я узналъ, что молодой литераторъ и даже ученый.... и, такъ сказать, первые шаги.... О, Господи! Да кто же изъ литераторовъ и ученыхъ первоначально не дѣлалъ оригинальныхъ шаговъ! Я и жена моя,—мы оба уважаемъ литературу, а жена, такъ до страсти!... Литературу и художественность! Былъ бы благородень, а

прочее все можно приобрести талантами, знаніемъ, разсудкомъ, гениемъ! Шляпа,—ну что, напримѣръ, значить шляпа? Шляпа есть блинъ, я ее у Циммермана куплю; но что подъ шляпой сохраняется и шляпой прикрывается, того ужъ я не куплю!... Я, признаюсь, хотѣлъ даже къ вамъ идти объясниться, да думалъ, можетъ, вы.... Однакожъ и не спрошу: вамъ и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь надо? Къ вамъ, говорятъ, родные пріѣхали?

— Да, мать и сестра.

— Имѣлъ даже честь и счастіе встрѣтить вашу сестру,—образованная и прелестная особа. Признаюсь, я пожалѣлъ, что мы тогда съ вами до того разгорячились. Казусъ! А что я васъ тогда, по поводу вашего обморока, нѣкоторымъ взглядомъ окинулъ,—то потомъ оно самымъ блистательнымъ образомъ объяснилось! Изувѣрство и фанатизмъ! Понимаю ваше негодованіе. Можетъ-быть, по поводу прибывшаго семейства квартиру перемѣняете?

— Н-вѣтъ, я только такъ.... Я зашелъ спросить.... я думалъ, что найду здѣсь Заметова.

— Ахъ, да! вѣдь вы подружились; слышалъ-съ. Ну, Заметова у насъ нѣтъ,—не застали. Да-съ, лишились мы Александра Григорьевича! Со вчерашняго дня въ наличности не имѣется; перешелъ.... и, переходя, со всѣми даже перебрался.... такъ даже невѣжливо.... Вѣтрый мальчишка, больше ничего; даже надежды могъ подавать; да, вотъ, подите съ ними, съ блистательнымъ-то юношествомъ нашимъ! Экзаменъ что ли какой-то хочеть держать, да вѣдь у насъ только бы поговорить, да пофанфаронить, тѣмъ и экзаменъ кончится. Вѣдь это не то, что напримѣръ вы, али тамъ господинъ Разумихинъ, вашъ другъ! Ваша карьера учная часть, и васъ уже не собьютъ неудачи! Вамъ всѣ эти красоты жизни, можно сказать—*nil est*, аскетъ, монахъ, отшельникъ!... для васъ книга, перо за ухомъ, ученыя изслѣдованія,—вотъ гдѣ парить вашъ духъ! Я самъ отчасти.... записки Ливингстона изволила читать?

— Нѣтъ.

— А я читалъ, нынче впрочемъ очень много нигилистовъ распространилось; ну, да вѣдь оно и понятно; времена-то какія, я васъ спрошу? А впрочемъ я съ вами.... вѣдь вы ужъ конечно не нигилистъ! Отвѣчайте откровенно, откровенно!

— Н-вѣтъ....

— Нѣтъ, знаете, вы со мной откровенно, вы не стѣсняетесь, какъ бы наединѣ самъ себѣ! Иное дѣло служба, иное дѣло.... вы думали я хотѣлъ сказать: *дружба*, нѣтъ-съ, не угадали! Не дружба, а чувство гражданина и человѣка, чувство гуманности и любви ко Всевышнему. Я могу быть и офиціальнымъ лицомъ, и при должности, но гражданина и человѣка я всегда ощущаю въ себѣ обязанъ и дать отчетъ... Вы вотъ изволили заговорить про Заметова. Заметовъ, оный соскандалитъ что-нибудь на французскій манеръ въ неприличномъ заведеніи, за стаканомъ шампанскаго или донскаго,—вотъ что такое вашъ Заметовъ! А я, можетъ-быть, такъ сказать, сгорѣлъ отъ преданности и высокихъ чувствъ, и сверхъ того имѣю значеніе, чинъ, занимаю мѣсто! Жевать и имѣю дѣтей. Исполняю долгъ гражданина и человѣка, а оный кто, позвольте спросить? Отвошусь къ вамъ, какъ къ человѣку, облагороженному образованіемъ. Вотъ еще этихъ повивальныхъ бабокъ чрезмѣрно много распространяется.

Раскольниковъ поднялъ вопросительно брови. Слова Илья Петровича, очевидно недавно вышедшаго изъ-за стола, стучали и сыпались передъ нимъ большею частью какъ пустые звуки. Но часть ихъ оный все-таки кое-какъ понималъ; оный глядѣлъ вопросительно и не зналъ чѣмъ это все кончится.

— Я говорю про этихъ стриженныхъ дѣвокъ, продолжалъ словоохотливый Илья Петровичъ,—я прозвалъ ихъ самъ отъ себя повивальными бабками и нахожу, что прозваніе совершенно удовлетворительно. Хе! хе! Лѣзутъ въ академію, учатся анатоміи; ну, скажите, я вотъ заболѣю, ну позову ли я дѣвицу лѣчить себя? Хе! хе!

Илья Петровичъ хохоталъ, вполне довольный своими остротами.

— Оно, положимъ, жажда къ просвѣщенію неумѣренная; но вѣдь просвѣтился, и довольно. Зачѣмъ же злоупотреблять? Зачѣмъ же оскорблять благородныя личности, какъ дѣлаетъ негодяй Заметовъ? Зачѣмъ оный меня оскорбилъ, я васъ спрошу?... Вотъ еще сколько этихъ самоубійствъ распространилось, — такъ это вы представить не можете. Все это проживаетъ послѣднія деньги и убиваетъ самого себя. Дѣвчонки, мальчишки, старцы.... Вотъ еще сегодня утромъ сообщено о какомъ-то недавно пріѣхавшемъ господинѣ. Нилъ Павлычъ, а Нилъ Павлычъ! какъ его,

джентльмена-то, о которомъ сообщили давеча, застрѣлился-то на Петербургской?

— Свидригайловъ, сипло и безучаство отвѣтилъ кто-то изъ другой комнаты.

Раскольниковъ вздрогнулъ.

— Свидригайловъ! Свидригайловъ застрѣлился! вскричалъ онъ.

— Какъ! вы знаете Свидригайлова?

— Да.... знаю.... Онъ недавно пріѣхалъ....

— Ну да, недавно пріѣхалъ, жены лишился, человекъ поведенія забубеннаго, и вдругъ застрѣлился, и такъ скандально, что представить нельзя.... оставилъ въ своей записной книжкѣ нѣсколько словъ, что онъ умираетъ въ здоровомъ разсудкѣ и проситъ никого не винить въ его смерти. Этотъ деньги, говорятъ, имѣлъ. Вы какъ же изволите знать?

— Я.... знакомъ.... моя сестра жила у нихъ въ домѣ гувернанткой...

— Ба, ба, ба.... Да вы намъ, стало-быть, можете о немъ сообщить. А вы и не подозревали?

— Я вчера его видѣлъ.... онъ.... пилъ вино.... я ничего не зналъ.

Раскольниковъ чувствовалъ, что на него какъ бы что-то упало и его придавило.

— Вы опять какъ будто поблѣднѣли. У насъ здѣсь такой спертый духъ....

— Да, мнѣ пора-съ, пробормоталъ Раскольниковъ,—извините, обезпокоилъ....

— О помилуйте, сколько угодно! удовольствіе доставили, и я радъ заявить....

Илья Петровичъ даже руку протянулъ.

— Я хотѣлъ только.... я къ Заметову....

— Понимаю, понимаю, и доставили удовольствіе.

— Я.... очень радъ.... до свиданія-съ... улыбался Раскольниковъ.

Онъ вышелъ; онъ качался. Голова его кружилась. Онъ не чувствовалъ, стоитъ ли онъ на ногахъ. Онъ сталъ сходить съ лѣстницы, упирался правою рукой объ стѣну. Ему показалось, что какой-то дворникъ, съ книжкой въ рукѣ, толкнулъ его, взбираясь навстрѣчу ему въ контору; что какая-то собачонка заливалась-лаяла гдѣ-то въ нижнемъ этажѣ, и что какая-то женщина бросила въ нее скалкой и

закричала. Онъ сошелъ внизъ и вышелъ во дворъ. Тутъ на дворѣ, недалеко отъ выхода, стояла блѣдная, вся помертвѣвшая, Соня и дико, дико на него посмотрѣла. Онъ остановился передъ нею. Что-то больное и измученное выразилось въ лицѣ ея, что-то отчаянное. Она всплеснула руками. Безобразная, потерянная улыбка выдавилась на его губахъ. Онъ постоялъ, усмѣхнулся и повернулся наверхъ, опять въ контору.

Илья Петровичъ усѣлся и рылся въ какихъ-то бумагахъ. Предъ нимъ стоялъ тотъ самый мужикъ, который только что толкнулъ Раскольникова, взбираясь по лѣстницѣ.

— А-а-а! Вы опять! оставили что-нибудь?... Но что съ вами?

Раскольниковъ съ поблѣднѣвшими губами, съ неподвижнымъ взглядомъ, тихо приблизился къ нему, подошелъ къ самому столу, уперся въ него рукой, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ; слышались лишь какіе-то безсвязные звуки.

— Съ вами дурно, стулъ! Вотъ, садьте на стулъ, садитесь! воды!

Раскольниковъ опустился на стулъ, но не спускалъ глазъ съ лица весьма неприятно удивленнаго Ильи Петровича. Оба съ минуту смотрѣли другъ на друга и ждали. Принесли воды.

— Это я... началъ было Раскольниковъ.

— Выпейте воды.

Раскольниковъ отвелъ рукой воду и тихо, съ разстановками, но внятно проговорилъ:

— *Это я убилъ тогда старуху чиновницу и сестру ея Лизавету топоромъ, и ограбилъ.*

Илья Петровичъ раскрылъ ротъ. Со всѣхъ сторонъ сбѣжались.

Раскольниковъ повторилъ свое показаніе . . . . .

. . . . .

Э П И Л О Г Ъ.

I.

Сибирь. На берегу широкой, пустынной рѣки стоитъ городъ, одинъ изъ административныхъ центровъ Россіи; въ городѣ крѣпость, въ крѣпости острогъ. Въ острогѣ уже девять мѣсяцевъ заключенъ ссыльно-каторжный втораго разряда, Родионъ Раскольниковъ. Со дня преступленія его прошло почти полтора года.

Судопроизводство по дѣлу его прошло безъ большихъ затрудненій. Преступникъ твердо, точно и ясно поддерживалъ свое показаніе, не запутывая обстоятельство, не смягчая ихъ въ свою пользу, не искажая фактовъ, не забывая малѣйшей подробности. Онъ разказалъ до послѣдней черты весь процессъ убійства: разъяснилъ тайну *заклада* (деревянной дощечки съ металлическою полоскою), который оказался у убитой старухи въ рукахъ; разказалъ подробно о томъ, какъ взялъ у убитой ключи, описалъ эти ключи, описалъ укладку и чѣмъ она была наполнена; даже исчислилъ нѣкоторые изъ отдѣльныхъ предметовъ, лежавшихъ въ ней, разъяснилъ загадку объ убійствѣ Лизаветы; разказалъ о томъ, какъ приходилъ и стучался Кохъ, а за нимъ студентъ, передавъ все что они между собой говорили; какъ онъ, преступникъ, сбѣжалъ потомъ съ лѣстницы и слышалъ визгъ Миколки и Митьки; какъ онъ спрятался въ пустой квартирѣ, пришелъ домой, и въ заключеніе указалъ камень на дворѣ, на Воздвиженскомъ проспектѣ, подъ воротами, подъ которыми найдены были вещи и кошелекъ. Однимъ словомъ, дѣло вышло ясное. Следователи и судьи очень удивлялись между прочимъ тому, что онъ спряталъ кошелекъ и вещи подъ камень, не воспользовавшись ими, а пуще всего тому, что онъ не только не помнилъ въ подробности всѣхъ вещей имъ похищенныхъ, но даже въ числѣ ихъ ошибся. То собственно обстоятельство, что онъ ни разу не открылъ

шелька и не зналъ даже сколько именно въ немъ лежить денегъ, показалось невѣроятнымъ (въ кошелекъ оказалось триста семнадцать рублей серебромъ и три двугривенныхъ; отъ долгаго лежанья подъ камнемъ нѣкоторыя верхнія, самыя крупныя, бумажки чрезвычайно попортились.) Долго добивались разузнать: почему именно подсудимый въ одномъ этомъ обстоятельстве лжетъ, тогда какъ во всемъ другомъ сознается добровольно и правдиво? Наконецъ, нѣкоторые (особенно изъ психологовъ) допустили даже возможность того, что и дѣйствительно онъ не заглядывалъ въ кошелекъ, а потому и не зналъ чтѣ въ немъ было, и не зная, такъ и свесъ подъ камень, но тутъ же изъ этого и заключали, что самое преступленіе не могло иначе и случиться, какъ при нѣкоторомъ временномъ умопомѣшателствѣ, такъ - сказать, при болѣзненной маноманіи убійства и грабежа, собственно для убійства и грабежа, безъ дальнѣйшихъ цѣлей и расчетовъ на выгоду. Тутъ кстати подоспѣла новѣйшая модная теорія временнаго умопомѣшателства, которую такъ часто стараются примѣнять въ наше время къ разнымъ преступникамъ. Къ тому же давнишнее эпохондрическое состояніе Раскольниковъ было заявлено до точности многими свидѣтелями, докторомъ Зосимовымъ, прежними его товарищами, хозяйкой, прислугой. Все это сильно способствовало заключенію, что Раскольниковъ не совсѣмъ похожъ на обыкновеннаго убійцу, разбойника и грабителя, но что тутъ что-то другое. Къ величайшей досадѣ защищавшихъ это мнѣніе самъ преступникъ почти и не пробовалъ защищать себя; на окончательные вопросы: чтѣ именно могло склонить его къ смертоубійству и чтѣ побудило его совершить грабежъ, онъ отвѣчалъ весьма ясно, съ самою грубою точностью, что причиною всему было его скверное положеніе, его нищета и безпомощность, желаніе упрочить первые шаги своей жизненной карьеры съ помощью по крайней мѣрѣ трехъ тысячъ рублей, которые онъ рассчитывалъ найдти у убитой. Рѣшился же онъ на убійство вслѣдствіе своего легкомысленнаго и малодушнаго характера, раздраженнаго, сверхъ того, лишеніями и неудачами. На вопросы же чтѣ именно побудило его явиться съ повинною, прямо отвѣчалъ, что чисто-сердечное раскаяніе. Все это было почти уже грубо...

Приговоръ однакожъ оказался милостивѣе чѣмъ можно было ожидать, судя по совершенному преступленію, и

можетъ-быть именно потому, что преступникъ не только не хотѣлъ оправдываться, но даже какъ бы изъявлялъ желаніе самъ еще болѣе обвинить себя. Всѣ странныя и особенныя обстоятельства дѣла были приняты во вниманіе. Болѣзненное и бѣдственное состояніе преступника до совершенія преступленія не подвергалось ни малѣйшему сомнѣнію. То, что онъ не воспользовался ограбленнымъ зачтено частію за дѣйствіе пробудившагося раскаянія, частью за несовершенно здоровое состояніе умственныхъ способностей во время совершенія преступленія. Обстоятельство вѣчнаго убійства Лизаветы даже послужило примѣромъ, подкрѣпляющимъ послѣднее предположеніе: человекъ совершаетъ два убійства и въ то же время забываетъ, что дверь стоитъ отпертая! Наконецъ, явка съ повинною, въ то самое время, когда дѣло необыкновенно запуталось вслѣдствіе ложнаго показанія на себя упавшаго духомъ изувѣра (Николая), и кромѣ того, когда на настоящаго преступника не только ясныхъ уликъ, но даже и подозрѣній не имѣлось (Порфирій Петровичъ вполнѣ сдержалъ слово), все это окончательно способствовало смягченію участи обвиненнаго.

Объявились, кромѣ того, совершенно неожиданно и другія обстоятельства, сильно благоприятствовавшія подсудимому. Бывшій студентъ Разуმიкинъ откопалъ откуда-то свѣдѣнія и представилъ доказательства, что преступникъ Раскольниковъ, въ бытность свою въ университетѣ, изъ послѣднихъ средствъ своихъ помогалъ одному своему бѣдному и чахоточному университетскому товарищу и почти содержалъ его въ продолженіе полугода. Когда же тотъ умеръ, ходилъ за оставшимся въ живыхъ старымъ и разслабленнымъ отцомъ умершаго товарища (который содержалъ и кормилъ своего отца своими трудами чуть не съ тринадцатилѣтняго возраста), помѣстилъ наконецъ этого старика въ больницу, и когда тотъ тоже умеръ, похоронилъ его. Всѣ эти свѣдѣнія имѣли нѣкоторое благоприятное вліяніе на рѣшеніе судьбы Раскольникова. Сама бывшая хозяйка его, мать умершей невѣсты Раскольникова, вдова Зарицына, засвидѣтельствовала тоже, что когда они еще жили въ другомъ домѣ, у Пяти-Угловъ, Раскольниковъ во время пожара, ночью, вытащилъ изъ одной квартиры, уже загорѣвшейся, двухъ малелькихъ дѣтей, и былъ при этомъ обожженъ. Этотъ фактъ былъ тщательно разслѣдованъ и довольно

хорошо засвидѣтельствованъ многими свидѣтелями. Однимъ словомъ, кончилось тѣмъ, что преступникъ присужденъ былъ къ каторжной работѣ втораго разряда, на срокъ всего только восьми лѣтъ, во уваженіе явки съ повинною и нѣкоторыхъ облегчающихъ вину обстоятельствъ.

Еще въ началѣ процесса мать Раскольниковъ сдѣлалась больна. Дуна и Разумихинъ нашли возможнымъ увести ее изъ Петербурга на все время суда. Разумихинъ выбралъ городъ на желѣзной дорогѣ и въ близкомъ разстояніи отъ Петербурга, чтобъ имѣть возможность регулярно слѣдить за всѣми обстоятельствами процесса и въ то же время какъ можно чаще видѣться съ Авдотьей Романовной. Болѣзнь Пульхеріи Александровны была какая-то странная, нервная, и сопровождалась чѣмъ-то въ родѣ помѣшательства, если не совершенно, то по крайней мѣрѣ отчасти. Дуна, воротившись съ послѣдняго свиданія съ братомъ, застала мать уже совсѣмъ больною, въ жару и въ бреду. Въ этотъ же вечеръ сговорилаь она съ Разумихинымъ что именно отвѣчать матери на ея вопросы о братѣ и даже выдумала вмѣстѣ съ нимъ, для матери, цѣлую исторію объ отъѣздѣ Раскольниковъ куда-то далеко, на границу Россіи, по одному частному порученію, которое доставить ему наконецъ и деньги, и извѣстность. Но ихъ поразило, что ни объ чемъ объ этомъ сама Пульхерія Александровна ни тогда, ни потомъ не спрашивала. Напротивъ, у ней у самой оказалась цѣлая исторія о внезапномъ отъѣздѣ сына; она со слезами разказывала, какъ онъ приходилъ къ ней прощаться; давала при этомъ знать намеками, что только ей одной извѣстны многія весьма важныя и таинственныя обстоятельства, и что у Роды много весьма сильныхъ враговъ, такъ что ему надо даже скрываться. Что же касается до будущей карьеры его, то она тоже казалась ей несомнѣнною и блестящею, когда пройдутъ нѣкоторыя враждебныя обстоятельства; увѣряла Разумихина, что сынъ ея будетъ современемъ даже человѣкомъ государственнымъ, что доказываетъ его статья и его блестящій литературный талантъ. Статью эту она читала непрерывно, читала иногда даже въ слухъ, чуть не спала вмѣстѣ съ нею, а все-таки гдѣ именно находится теперь Родя почти не спрашивала, несмотря даже на то, что съ нею видимо избѣгали объ этомъ разговаривать,—что уже одно могло возбудить ея мыслитель-

ность. Стали наконецъ бояться этого страннаго молчанія Пульхеріи Александровны насчетъ вѣкоторыхъ пунктовъ. Она, напримѣръ, даже не жаловалась на то, что отъ него нѣтъ писемъ, тогда какъ прежде, живя въ своемъ городкѣ, только и жила одною надеждой и однимъ ожиданіемъ получить поскорѣе письмо отъ возлюбленнаго Роды. Последнее обстоятельство было ужъ слишкомъ необъяснимо и сильно беспокоило Дуню: ей приходила мысль, что мать, пожалуй, предчувствуетъ что-нибудь ужасное въ судьбѣ сына и боится спрашивать, чтобы не узнать чего-нибудь еще ужаснѣе. Во всякомъ случаѣ, Дуня ясно видѣла, что Пульхерія Александровна не въ здоровомъ состояніи разсудка.

О своемъ Родѣ она, конечно, не могла не говорить и говорила непрерывно. Раза два, впрочемъ, случилось, что она сама такъ навела разговоръ, что невозможно было, отвѣчая ей, не упомянуть о томъ гдѣ именно находится теперь Рода; когда же отвѣты по неволѣ должны были выйдти неудовлетворительными и подозрительными, она стала вдругъ чрезвычайно печальна, угрюма и молчалива, что продолжалось весьма долгое время. Дуня увидѣла наконецъ, что трудно агать и выдумывать, и пришла къ окончательному заключенію, что лучше ужъ совершенно молчать объ извѣстныхъ пунктахъ; но все болѣе и болѣе становилось ясно до очевидности, что бѣдная мать почти подозрѣваетъ истину. Дуня припомнила между прочимъ слова брата, что мать вслушивалась въ ея бредъ, въ ночь наканунѣ того послѣдняго роковаго дня, послѣ сцены ея съ Свидригайловымъ; не разслышала ли она чего-нибудь тогда? Часто, иногда послѣ нѣсколькихъ дней и даже недѣль угрюмаго, мрачнаго молчанія и безмолвныхъ слезъ, больная какъ-то истерически оживлялась и начинала вдругъ говорить вслухъ, почти не умокая, о своемъ сынѣ, о своихъ надеждахъ, о будущемъ... Фантазіи ея были иногда очень странны. Ее тѣшили, ей поддакивали (она сама, можетъ-быть, видѣла ясно, что ей поддакиваютъ и только тѣшатъ ее), но она все-таки говорила....

Пять мѣсяцевъ спустя послѣ явки преступника съ повинною послѣдовалъ его приговоръ. Разумихинъ видѣлся съ нимъ въ тюрьмѣ постоянно, когда только это было возможно. Соня тоже. Наконецъ послѣдовала и разлука; Дуня поклялась брату, что эта разлука не на вѣки; Разумихинъ тоже. Въ моло-

дой и горячей головѣ Разумихина твердо укрѣпился проектъ положить въ будущіе три-четыре года, по возможности, хотъ начало будущаго состоянія, скопить хотъ нѣсколько денегъ и переѣхать въ Сибирь, гдѣ почва богата во всѣхъ отношеніяхъ, а работниковъ, людей и капиталовъ мало; тамъ поселиться въ томъ самомъ городѣ гдѣ будетъ Родя и... всѣмъ вмѣстѣ начать новую жизнь. Прощаясь, всѣ плакали. Раскольниковъ самые послѣдніе дни былъ очень задумчивъ, много спрашивалъ о матери, постоянно о ней беспокоился. Даже ужъ очень о ней мучился, что тревожило Дуню. Узнавъ въ подробности о болѣзненномъ настроеніи матери, онъ сталъ очень мраченъ. Съ Соней онъ былъ почему-то особенно неговорливъ во все время. Соня, съ помощью денегъ оставленныхъ ей Свидригайловымъ, давно уже собралась и изготовилась послѣдовать за партией арестантовъ, въ которой будетъ отправленъ и онъ. Объ этомъ никогда ни слова не было упомянуто между ею и Раскольниковымъ; но оба знали, что это такъ будетъ. Въ самое послѣднее прощанье онъ странно улыбался на пламенные увѣщанія сестры и Разумихина о счастливой ихъ будущности, когда онъ выйдетъ изъ каторги, и предрекъ, что болѣзненное состояніе матери кончится вскорѣ бѣдой. Онъ и Соня наконецъ отправились.

Два мѣсяца спустя Дунечка вышла замужъ за Разумихина. Свадьба была грустная и тихая. Изъ приглашенныхъ былъ, впрочемъ, Порфирій Петровичъ и Зосимовъ. Во все послѣднее время Разумихинъ имѣлъ видъ твердо рѣшившагося человѣка. Дуня вѣрила слѣпо, что онъ выполнитъ всѣ свои намѣренія, да и не могла не вѣрить; въ этомъ человѣкѣ видѣлась желѣзная воля. Между прочимъ, онъ сталъ опять слушать университетскія лекціи, чтобы кончить курсъ. У нихъ обоихъ составлялись поминутно планы будущаго; оба твердо разчитывали чрезъ пять лѣтъ навѣрное переселиться въ Сибирь. До той же поры надѣялись тамъ на Соню....

Пульхерія Александровна съ радостью благословила дочь на бракъ съ Разумихинымъ; но послѣ этого брака стала какъ будто еще грустнѣе и озабоченнѣе. Чтобы доставить ей пріятную минуточку Разумихинъ сообщалъ ей между прочимъ фактъ о студентѣ и дряхломъ его отцѣ и о томъ, что Родіонъ Романовичъ былъ обожженъ и даже хворалъ, спасши

отъ смерти, прошлаго года, двухъ малютокъ. Оба извѣстія довели и безъ того разстроенную разсудкомъ Пульхерію Александровну почти до восторженнаго состоянія. Она непрерывно говорила объ этомъ, вступала въ разговоръ и на улицѣ (хотя Дуня постоянно сопровождала ее). Въ публичныхъ каретахъ, въ лавкахъ, поймавъ хоть какого-нибудь слушателя, наводила разговоръ на своего сына, на его статью, какъ онъ помогалъ студенту, былъ обожженъ на пожарѣ, и прочее. Дунечка даже не знала какъ удержать ее. Уже кромѣ опасности такого восторженнаго, болѣзненнаго настроенія, одно уже то грозило бѣдой, что кто-нибудь могъ припомнить фамилію Раскольниковъ по бывшему судебному дѣлу и заговорить объ этомъ. Пульхерія Александровна узнала даже адресъ матери двухъ спасенныхъ отъ пожара малютокъ и хотѣла непременно отправиться къ ней. Наконецъ безпокойство ея возрасло до крайнихъ предѣловъ. Она иногда вдругъ начинала плакать, часто заболѣвала и въ жару бредила. Однажды, по утру, она объявила прямо, что по ея расчетамъ скоро долженъ прибыть Родя, что она помнитъ, какъ онъ, прощаясь съ нею, самъ упоминалъ, что именно чрезъ девять мѣсяцевъ надо будетъ ожидать его. Стала все прибирать въ квартирѣ и готовиться къ встрѣчѣ, стала отдѣлывать назначавшуюся ему комнату (свою собственную), отчищать мебель, мыть и надѣвать новыя занавѣски, и прочее. Дуня встревожилась, во молчала и даже помогала ей устраивать комнату къ приему брата. Однажды, послѣ тревожнаго дня, проведеннаго въ непрерывныхъ фантазіяхъ, въ радостныхъ грезахъ и въ слезахъ, въ ночь, она заболѣла и на утро была уже въ жару и въ бреду. Открылась горячка. Чрезъ три недѣли она умерла. Въ бреду вырывались у ней слова, по которымъ можно было заключить, что она гораздо болѣе подозрѣвала въ ужасной судьбѣ сына чѣмъ даже предполагали.

Раскольниковъ долго не зналъ о смерти матери, хотя корреспонденція съ Петербургомъ и была установлена еще съ самаго начала водворенія его въ Сибири. Устроилась она черезъ Соню, которая аккуратно каждый мѣсяцъ писала въ Петербургъ на имя Разумихина и аккуратно каждый мѣсяцъ получала изъ Петербурга отвѣтъ. Письма Сони казались сперва Дунѣ и Разумихину какъ-то сухими и не-удовлетворительными; но подъ конецъ оба они нашли, что и

писать лучше невозможно, потому что и изъ этихъ писемъ, въ результатѣ, получалось все-таки самое полное и точное представленіе о судьбѣ ихъ несчастнаго брата. Письма Соии были наполняемы самою обыденною дѣйствительностью, самымъ простымъ и яснымъ описаніемъ всей обстановки каторжной жизни Раскольникова. Тутъ не было ни изложенія собственныхъ надеждъ ея, ни загадокъ о будущемъ, ни описаній собственныхъ чувствъ. Въмѣсто попытокъ разъясненія его душевнаго настроенія и вообще всей внутренней его жизни, стояли одни факты, то-есть собственные слова его, подробныя извѣстія о состояніи его здоровья, чего онъ пожелалъ тогда-то при свиданіи, о чемъ попросилъ ее, что поручалъ ей, и прочее. Всѣ эти извѣстія сообщались съ чрезвычайною подробностью. Образъ несчастнаго брата подъ конецъ выступилъ самъ собою, нарисовался точно и ясно; тутъ не могло быть и ошибокъ, потому что все были вѣрные факты.

Но мало отраднато могли вывести Дуня и мужъ ея по этимъ извѣстіямъ, особенно въ началѣ. Соия непрерывно сообщала, что онъ постоянно угрюмъ, не словоохотливъ и даже почти нисколько не интересуется извѣстіями, которыя она ему сообщаетъ каждый разъ изъ получаемыхъ ею писемъ; что онъ спрашиваетъ только о матери; и когда она, видя что онъ уже придугадываетъ истину, сообщила ему наконецъ объ ея смерти, то, къ удивленію ея, даже и извѣстіе о смерти матери на него какъ бы не очень сильно по дѣйствовало, по крайней мѣрѣ такъ показалось ей съ наружнаго вида. Она сообщала между прочимъ, что несмотря на то что онъ, повидимому, такъ углубленъ въ самого себя и ото всѣхъ какъ бы заперся, — къ новой жизни своей онъ отнесся очень прямо и просто; что онъ ясно понимаетъ свое положеніе, не ожидаетъ вблизи ничего лучшаго, не имѣетъ никакихъ легкомысленныхъ надеждъ (что такъ свойственно въ его положеніи) и ничему почти не удивляется среди новой окружающей его обстановки, такъ мало похожей на что-нибудь прежнее. Сообщала она, что здоровье его удовлетворительно. Онъ ходитъ на работы, отъ которыхъ не уклоняется и на которыя не напрашивается. Къ пищѣ почти равнодушенъ, но что эта пища, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, такъ дурна, что наконецъ онъ съ охотою пріялъ отъ нея, Соии, нѣсколько денегъ,

чтобы завести у себя ежедневный чай; насчетъ всего же остальнаго просилъ ее не беспокоиться, увѣряя, что всѣ эти заботы о немъ только досаждаютъ ему. Далѣе Сося общала, что помѣщеніе его въ острогѣ общее со всѣми; внутренности ихъ казармъ она не видала, но заключаетъ, что тамъ тѣсно, безобразно и нездорово; что онъ спитъ на нарахъ, подстилая подъ себя войлокъ, и другаго ничего не хочетъ себѣ устроить. Но что живетъ онъ такъ грубо и бѣдно вовсе не по какому-нибудь предвзятому плану или намеренію, а такъ просто отъ невниманія и наружнаго равнодушія къ своей судьбѣ. Сося прямо писала, что онъ, особенно въ началѣ, не только не интересовался ея посѣщеніями, но даже почти досадовалъ на нее, былъ не словоохотливъ и даже грубъ съ нею, но что подъ конецъ эти свиданія обратились у него въ привычку и даже чуть не въ потребность, такъ что онъ очень даже тосковалъ, когда она нѣсколько дней была больна и не могла посѣщать его. Видится же она съ нимъ по праздникамъ у острожныхъ воротъ или въ кордегардіи, куда его вызываютъ къ ней на нѣсколько минутъ; по буднямъ же на работахъ, куда она заходитъ къ нему, или въ мастерскихъ, или на кирпичныхъ заводахъ, или въ сараяхъ на берегу Иртыша. Про себя Сося увѣдомляла, что ей удалось приобрѣсть въ городѣ даже нѣкоторыя знакомства и покровительство; что она занимается шитьемъ, и такъ какъ въ городѣ почти нѣтъ модистки, то стала во многихъ домахъ даже необходимою; не упоминала только, что чрезъ нее и Раскольниковъ получилъ покровительство вачальства, что ему облегчаемы были работы, и прочее. Наконецъ пришло извѣстіе (Дуня даже примѣтила нѣкоторое особенное волненіе и тревогу въ ея послѣднихъ письмахъ) что онъ всѣхъ чуждается, что въ острогѣ каторжные его не полюбили; что онъ молчитъ по цѣлымъ днямъ и становится очень блѣденъ. Вдругъ, въ послѣднемъ письмѣ, Сося написала, что онъ заболѣлъ весьма серьезно и лежитъ въ госпиталѣ, въ арестантской палатѣ....

II.

Онъ былъ боленъ уже давно; но не ужасы каторжной жизни, не работы, не пища, не бритая голова, не лоскутное платье сломили его: о! что ему было до всѣхъ этихъ мукъ и истязаній! Напротивъ, онъ даже радъ былъ работѣ: измучившись на работѣ физически, онъ, по крайней мѣрѣ, добывалъ себѣ нѣсколько часовъ спокойнаго сна. И что значила для него пища,—эти пустыя щи съ тараканами? Студентомъ, во время прежней жизни, онъ часто и того не имѣлъ. Платье его было тепло и приспособлено къ его образу жизни. Кандаловъ онъ даже на себѣ не чувствовалъ. Стыдиться ли ему было своей бритой головы и половничатой куртки? Но предъ кѣмъ? Предъ Соней? Соня боялась его, и предъ нею ли было ему стыдиться?

А что же? Онъ стыдился даже и предъ Соней, которую мучилъ за это своимъ презрительнымъ и грубымъ обращеніемъ. Но не бритой головы и кандаловъ онъ стыдился; его гордость сильно была уязвлена; онъ и заболѣлъ отъ уязвленной гордости. О, какъ бы счастливъ онъ былъ, еслибы могъ самъ обвинить себя! Онъ бы снесъ тогда все, даже стыдъ и позоръ. Но онъ строго судилъ себя, и ожесточенная совѣсть его не нашла никакой особенно ужасной вины въ его прошломъ, кромѣ развѣ простаго *промаху*, который со всякимъ могъ случиться. Онъ стыдился именно того, что онъ, Раскольниковъ, погибъ такъ слѣпо, безнадежно, глухо и глупо, по какому-то приговору слѣпой судьбы, и долженъ смириться и покориться предъ „безсмыслицей“ какого-то приговора, если хочеть сколько-нибудь успокоить себя.

Тревога безпредметная и безцѣльная въ настоящемъ, а въ будущемъ одна непрерывная жертва, которою ничего не приобреталось — вотъ что предстояло ему на свѣтѣ. И что въ томъ, что чрезъ восемь лѣтъ ему будетъ только тридцать два года и можно снова начать еще жить! Зачѣмъ ему жить? Что имѣть въ виду? Къ чему стремиться? Жить, чтобы существовать? Но онъ тысячу разъ и прежде готовъ былъ отдать свое существованіе за идею, за надежду, даже за фантазію. Одного существованія всегда было мало ему; онъ

всегда хотѣлъ большаго. Можетъ-быть, по одной только силѣ своихъ желаній, онъ и счелъ себя тогда человѣкомъ, которому болѣе разрѣшено чѣмъ другому.

И хотя бы судьба послала ему раскаяніе, — жгучее раскаяніе, разбивающее сердце, отгоняющее сонъ, такое раскаяніе, отъ ужасныхъ мукъ котораго мерещится петля и омутъ! О, онъ бы обрадовался ему! Муки и слезы — вѣдь это тоже жизнь. Но онъ не раскаивался въ своемъ преступленіи.

По крайней мѣрѣ, онъ могъ бы злиться на свою глупость какъ и злился онъ прежде на безобразныя и глупѣйшія дѣйствія свои, которыя довели его до острога. Но теперь, уже въ острогѣ, на свободѣ, онъ вновь обсудилъ и обдумалъ всѣ прежніе свои поступки и совсѣмъ не нашелъ ихъ такъ глупыми и безобразными, какъ казались они ему въ то роковое время, прежде.

„Чѣмъ, чѣмъ,“ думалъ онъ, — „моя мысль была глупѣе другихъ мыслей и теорій, роящихся и сталкивающихся одна съ другой на свѣтѣ, съ тѣхъ поръ какъ этотъ свѣтъ стоитъ? Стоитъ только посмотреть на дѣло совершенно независимымъ, широкимъ и избавленнымъ отъ обыденныхъ вліяній взглядомъ, и тогда, конечно, моя мысль окажется вовсе не такъ... странною. О, отрицатели и мудрецы въ пятачокъ серебра, зачѣмъ вы останавливаетесь на подорогѣ!“

„Ну, чѣмъ мой поступокъ кажется имъ такъ безобразенъ?“ говорилъ онъ себѣ. — „Тѣмъ, что онъ — злодѣяніе? Чтò значить слово злодѣяніе? Совѣсть моя спокойна. Конечно, сдѣлаю уголовное преступленіе; конечно, нарушена буква закона и пролита кровь, ну, и возьмите за букву закона мою голову... и довольно! Конечно, въ такомъ случаѣ, даже многіе благодѣтели человѣчества, не наслѣдовавшіе власти, а сами ее захватившіе, должны бы были быть казнены при самыхъ первыхъ своихъ шагахъ. Но тѣ люди вынесли свои шаги, и потому *они правы*, а я не вынесъ, и стало-быть, я не имѣлъ права разрѣшить себѣ этотъ шагъ.“

Вотъ въ чемъ однимъ признавалъ онъ свое преступленіе: только въ томъ, что не вынесъ его и сдѣлалъ явку съ повинною.

Онъ страдалъ тоже отъ мысли: зачѣмъ онъ тогда себя не убилъ? Зачѣмъ онъ стоялъ тогда надъ рѣкой и предпочелъ явку съ повинною? Неужели такая сила въ этомъ желаніи

жить и такъ трудно одолѣть его? Одолѣлъ же Свидригайловъ, боявшійся смерти?

Онъ съ мученіемъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ и не могъ понять, что ужъ и тогда, когда стоялъ надъ рѣкой, можетъ-быть, предчувствовалъ въ себѣ и въ убѣжденіяхъ своихъ глубокую ложь. Онъ не понималъ, что это предчувствіе могло быть предвѣстникомъ будущаго перелома въ жизни его, будущаго воскресенія его, будущаго новаго взгляда на жизнь.

Онъ скорѣе допускалъ тутъ одну только тупую тягость инстинкта, которую не ему было порвать и черезъ которую онъ опять-таки былъ не въ силахъ перешагнуть (за слабостію и ничтожностію). Онъ смотрѣлъ на каторжныхъ товарищей своихъ и удивлялся: какъ тоже все они любили жизнь, какъ они дорожили ею! Именно, ему показалось, что въ острогѣ ее еще болѣе любятъ и цѣнятъ, и болѣе дорожатъ ею чѣмъ на свободѣ. Какіхъ страшныхъ мукъ и истязаній не перенесли иные изъ нихъ, напримѣръ, бродяги! Неужели ужъ столько можетъ для нихъ значить одинъ какой-нибудь лучъ солнца, дремучій лѣсъ, гдѣ-нибудь въ невѣдомой глуши холодный ключъ, отмѣченный еще съ третьяго года и о свиданіи съ которымъ бродяга мечтаетъ какъ о свиданіи съ любовницею, видеть его во снѣ, зеленую травку кругомъ его, поющую птичку въ кустѣ? Воображаясь дальше, онъ видѣлъ примѣры еще болѣе необъяснимые.

Въ острогѣ, въ окружающей его средѣ, онъ, конечно, многого не замѣчалъ, да и не хотѣлъ совсѣмъ замѣчать. Онъ жилъ какъ-то опустивъ глаза; ему омерзительно и не выносимо было смотрѣть. Но подъ конецъ многое стало удивлять его, и онъ, какъ-то поневолѣ, сталъ замѣчать то, чего прежде и не подозрѣвалъ. Вообще же и наиболѣе стала удивлять его та страшная, та непроходимая пропасть, которая лежала между нимъ и всѣмъ этимъ людомъ. Казалось, онъ и они были разныхъ націй. Онъ и они смотрѣли другъ на друга недовѣрчиво и непріязненно. Онъ зналъ и понималъ общія причины такого разъединенія; но никогда не допускалъ онъ прежде, чтобъ эти причины были на самомъ дѣлѣ такъ глубоки и сильны. Въ острогѣ были тоже осыльные Поляки, политическіе преступники. Тѣ просто считали весь этотъ людъ за невѣжды и клоповъ и презирали ихъ омыска; но Раскольниковъ не могъ такъ смотрѣть: онъ ясно видѣлъ, что эти невѣжды во многомъ гораздо умнѣе этихъ

самыхъ Поляковъ. Были тутъ и Русскіе, тоже слишкомъ презиравшіе этотъ народъ,—одинъ бывший офицеръ и два семинариста: Раскольниковъ ясно замѣчалъ и ихъ ошибку.

Его же самого не любили и избѣгали всѣ. Его даже стали подъ конецъ ненавидѣть,—почему? Онъ не зналъ того. Презирали его, смѣялись надъ нимъ, смѣялись надъ его преступленіемъ тѣ, которые были гораздо его преступнѣе.

— Ты баринъ! говорили ему.—Тебѣ ли было съ топоромъ ходить; не барское вовсе дѣло.

На второй недѣлѣ Великаго поста пришла ему очередь говѣть вмѣстѣ съ своею казармой. Онъ ходилъ въ церковь и молился вмѣстѣ съ другими. Изъ-за чего, онъ и самъ не зналъ того,—произошла однажды ссора; всѣ разомъ напали на него съ остервененіемъ:

— Ты безбожникъ! Ты въ Бога не вѣруешь! кричали ему.— Убить тебя надо.

Онъ никогда не говорилъ съ ними о Богѣ и о вѣрѣ, но они хотѣли убить его, какъ безбожника; онъ молчалъ и не возражалъ имъ. Одинъ каторжный бросился было на него въ рѣшительномъ изступленіи; Раскольниковъ ожидалъ его спокойно и молча: бровь его не шевельнулась, ни одна черта его лица не дрогнула. Конвойный успѣлъ во-время стать между нимъ и убійцей,—не то пролилась бы кровь.

Не разрѣшимъ былъ для него еще одинъ вопросъ: почему всѣ они такъ полюбили Сою? Она у нихъ не заискивала; встрѣчали они ее слишкомъ рѣдко, иногда только на работахъ, когда она приходила на одну минутку, чтобы повидать его. А между тѣмъ всѣ уже знали ее, знали и то, что она *за мнѣ* послѣдовала, знали какъ она живетъ, гдѣ живетъ. Денегъ она имъ не давала, особенныхъ услугъ не оказывала. Разъ только, на Рождествѣ, привнесла она на весь острогъ подаваніе: пироговъ и калачей. Но мало-по-малу между ними и Сою завязались нѣкоторыя болѣе близкія отношенія: она писала имъ письма къ ихъ роднымъ и отправляла ихъ на почту. Ихъ родственники и родственницы, пріѣзжавшіе въ городъ, оставляли, по указанію ихъ, въ рукахъ Сою вещи для нихъ и даже деньги. Жены ихъ и любовницы знали ее и ходили къ ней. И когда она являлась на работахъ, приходя къ Раскольникову, или встрѣчалась съ партіей арестантовъ, идущихъ на работы, на улицѣ, — всѣ снимали шапки, всѣ кланялись: „Матушка, Софья Семеновна, мать ты

наша, вѣжная, болѣзная!" говорили эти грубые, клейменныя каторжные этому маленькому и худенькому созданію. Она улыбалась и откланивалась, и всѣ они любили когда она имъ улыбалась. Они любили даже ея походку, оборачивались посмотрѣть ей въ слѣдъ какъ она идетъ, и хвалили ее; хвалили ее даже за то, что она такая маленькая, даже ужъ не знали за что похвалить. Къ ней даже ходили лѣчиться.

Онъ пролежалъ въ больницѣ весь конецъ поста и Святую. Уже выздоравливая, онъ припомнилъ разъ одинъ свой сонъ, когда еще лежалъ въ жару и бреду. Ему грезилось, будто весь міръ осужденъ въ жертву какой-то страшной, неслышанной и невиданной моровой язвѣ, идущей изъ глубины Азіи на Европу. Всѣ должны были погибнуть, кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, избранныхъ. Появились какія-то новыя трихины, существа микроскопическія, вселявшіяся въ тѣла людей. Но эти существа были духи, одаренные умомъ и волей. Люди, принявшіе ихъ въ себя, становились тотчасъ же бѣсноватыми и сумашедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя такъ умными и непоколебимыми въ истинѣ, какъ считали эти зараженные. Никогда не считали непоколебимѣе своихъ приговоровъ, своихъ научныхъ выводовъ, своихъ нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій. Цѣлыя селенія, цѣлыя города и народы заражались и сумашествовали. Всѣ были въ тревогѣ и не понимали другъ друга, всякій думалъ, что въ немъ одномъ заключается истина, и мучился, глядя на другихъ, билъ себя въ грудь, плакалъ и ломалъ себѣ руки. Не знали кого и какъ судить, что считать зломъ, что добромъ. Не знали кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали другъ друга въ какой-то бессмысленной злобѣ. Собирались другъ на друга цѣлыми арміями, но арміи, уже въ походѣ, вдругъ начинали сами терзать себя, ряды разстраивались, воины бросались другъ на друга, кололись и рѣзались, кусали и ѣли другъ друга. Въ городахъ цѣлый день били въ набатъ: созывали всѣхъ, но кто и для чего зоветъ, никто не зналъ того, а всѣ были въ тревогѣ. Оставили самыя обыкновенныя ремесла, потому что всякій предлагалъ свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледѣліе. Кое-гдѣ люди сбѣгались въ кучи, соглашались вмѣстѣ на что-нибудь, клялись не разставаться, — но тотчасъ же начинали что-нибудь

совершенно другое чѣмъ сейчасъ же сами предполагали, начинали обвинять другъ друга, дрались и рѣзались. Начались пожары, начался голодъ. Всѣ и все погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спасти въ всемъ мѣрѣ могли только нѣсколько человѣкъ, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый родъ людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигдѣ не видалъ этихъ людей, никто не слышалъ ихъ слова и голоса.

Раскольниковъ мучило то, что этотъ бессмысленный бредъ такъ грустно и такъ мучительно отзывается въ его воспоминаніяхъ, что такъ долго не проходитъ впечатлѣніе этого сна. Шла уже вторая недѣля послѣ Святой; стояли теплые, ясные, весенніе дни; въ арестантской палатѣ отворили окна (рѣшетчатая, подъ которыми ходилъ часовой). Сося, во все время болѣзни его, могла только два раза его навѣстить въ палатѣ: каждый разъ надо было испрашивать разрѣшенія, а это было трудно. Но она часто приходила на госпитальный дворъ, подъ окна, особенно подъ вечеръ, а иногда такъ только, чтобы постоять на дворѣ минутку и хоть издали посмотреть на окна палаты. Однажды, подъ вечеръ, уже совсемъ почти выздоровѣвшій Раскольниковъ заснулъ; проснувшись, онъ нечаянно подошелъ къ окну и вдругъ увидѣлъ вдали, у госпитальныхъ воротъ, Союю. Она стояла и какъ бы чего-то ждала. Что-то какъ бы произошло въ ту минуту Раскольниковъ; онъ вздрогнулъ и поскорѣе отошелъ отъ окна. Въ слѣдующій день Сося не приходила, на третій день тоже; онъ замѣтилъ, что ждетъ ея съ безпокойствомъ. Наконецъ его выписали. Придя въ острогъ, онъ узналъ отъ арестантовъ, что Софья Семеновна заболѣла, лежитъ дома и куда не выходитъ.

Онъ былъ очень безпокоенъ, посылалъ о ней справляться. Скоро узналъ онъ, что болѣзнь ея не опасна. Узнавъ въ свою очередь, что онъ объ ней такъ тоскуетъ и заботится, Сося прислала ему записку, написанную карандашомъ, и уведомляла его, что ей гораздо легче, что у ней пустая легкая простуда, и что она скоро, очень скоро, придетъ повидаться съ нимъ на работу. Когда онъ читалъ эту записку, сердце его сильно и больно билось.

День опять былъ ясный и теплый. Раннимъ утромъ, часовъ въ шесть, онъ отправился на работу, на берегъ рѣки, гдѣ въ сараѣ устроена была обжигательная печь для але-

бастра, и гдѣ тоакали его. Отправилось туда всего три работника. Одинъ изъ арестантовъ взялъ конвойнаго и пошелъ съ нимъ [въ крѣпость за какимъ-то инструментомъ; другой сталъ изготовлять дрова и накладывать въ печь. Раскольниковъ вышелъ изъ сарая на самый берегъ, сѣлъ на складенныя у сарая бревна и сталъ глядѣть на широкую и пустынную рѣку. Съ высокаго берега открывалась широкая окрестность. Съ дальняго другаго берега чуть слышно доносилась вѣсна. Тамъ, въ облаитой солнцемъ необозримой степи, чуть примѣтными точками, чернѣлись кочевыя юрты. Тамъ была свобода, и жили другіе люди, совсѣмъ не похожіе на здѣшнихъ, тамъ какъ бы само время остановилось, точно не прошли еще вѣка Авраама и стадо его. Раскольниковъ сидѣлъ, смотрѣлъ неподвижно, не отрываясь; мысль его переходила въ грезы, въ созерцаніе; онъ ни о чемъ не думалъ, но какая-то тоска волновала его и мучила.

Вдругъ подлѣ него очутилась Сося. Она подошла едва слышно и сѣла съ нимъ рядомъ. Было еще очень рано; утренній холодокъ еще не смягчился. На ней былъ ея бѣдный, старыи бурнусъ и зеленый платокъ. Лицо ея еще носило признаки болѣзни, похудѣло, поблѣднѣло, осунулось. Она привѣтливо и радостно улыбнулась ему, но, по обыкновенію, робко протянула ему свою руку.

Она всегда протягивала ему свою руку робко, иногда даже не подавала совсѣмъ, какъ бы боялась, что онъ оттолкнетъ ее. Онъ всегда какъ бы съ отвращеніемъ бралъ ея руку, всегда точно съ досадою встрѣчалъ ее, иногда уперно молчалъ во все время ея посѣщенія. Случалось, что она трепетала его и уходила въ глубокой скорби. Но теперь ихъ руки не разнимались; онъ мелькомъ и быстро взглянулъ на нее, ничего не выговорилъ и опустилъ свои глаза въ землю. Они были одни, ихъ никто не видѣлъ. Конвойный на ту пору отворотился.

Какъ это случилось, онъ и самъ не зналъ, но вдругъ что-то какъ бы подхватило его и какъ бы бросило къ ея ногамъ. Онъ плакалъ и обнималъ ея колѣни. Въ первое мгновеніе она ужасно испугалась, и вселицо ея помертвѣло. Она вскопчила съ мѣста и, задрожавъ, смотрѣла на него. Но тотчасъ же, въ тотъ же мигъ она все поняла. Въ глазахъ ея засвѣтилось безконечное счастье; она поняла, и для нея уже не

было сомнѣнія, что онъ любить, бесконечно любить ее, и что настала же наконецъ эта минута..

Они хотѣли было говорить, но не могли. Слезы стояли въ ихъ глазахъ. Они оба были блѣдны и худы; но въ этихъ большихъ и блѣдныхъ лицахъ уже сіяла заря обновленнаго будущаго, полного воскресенія въ новую жизнь. Ихъ воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другаго.

Они положили ждать и терпѣть. Имъ оставалось еще семь лѣтъ; а до тѣхъ поръ столько нестерпимой муки и столько бесконечнаго счастья! Но онъ воскресъ, и онъ зналъ это, чувствовалъ вполнѣ всѣмъ обновившимся существомъ своимъ, а она—она вѣдь и жила только одною его жизнью!

Вечеромъ того же дня, когда уже заперли казармы, Раскольниковъ лежалъ на парахъ и думалъ о ней. Въ этотъ день ему даже показалось, что какъ будто всѣ каторжные, бывшіе враги его, уже глядѣли на него иначе. Онъ даже самъ заговаривалъ съ ними, и ему отвѣчали ласково. Онъ припомнилъ теперь это, но вѣдь такъ и должно было быть: развѣ не должно теперь все измѣниться?

Онъ думалъ объ ней. Онъ вспомнилъ, какъ онъ постоянно ее мучилъ и терзалъ ея сердце; вспомнилъ ея блѣдное, худенькое личико, но его почти и не мучили теперь эти воспоминанія: онъ зналъ какою бесконечною любовью искупить онъ теперь всѣ ея страданія.

Да и что такое эти всѣ, *всѣ* муки прошлаго! Все, даже преступленіе его, даже приговоръ и ссылка, казались ему теперь какимъ-то вѣшнимъ, страннымъ, какъ бы даже и не съ нимъ случившимся фактомъ. Онъ, впрочемъ, не могъ въ этотъ вечеръ долго и постоянно о чемъ-нибудь думать, сосредоточиться на чемъ-нибудь мыслью; да онъ ничего бы и не разрѣшилъ теперь сознательно; онъ только чувствовалъ. Вмѣсто діалектики наступила жизнь, и въ сознаніи должно было выработаться что-то совершенно другое.

Подъ подушкой его лежало Евангеліе. Онъ взялъ его машинально. Эта книга принадлежала ей, была та самая, изъ которой она читала ему о воскресеніи Лазаря. Въ началѣ каторги онъ думалъ, что она замучитъ его религіей, будетъ заговаривать о Евангеліи и навязывать ему книги.¹ Но къ величайшему его удивленію она ни разу не заговаривала объ этомъ, ни разу даже не предложила ему Евангелія. Онъ самъ

попросилъ его у ней не задолго до своей болѣзни, и она молча принесла ему книгу. До сихъ поръ онъ ея и не раскрывалъ.

Онъ не раскрылъ ея и теперь, но одна мысль промелькнула въ немъ: „развѣ могутъ ея убѣжденія не быть теперь и моими убѣжденіями? Ея чувства, ея стремленія, по крайней мѣрѣ“....

Она тоже весь этотъ день была въ волненіи, а въ ночь даже опять захворала. Но она была до того счастлива и до того неожиданно счастлива, что почти испугалась своего счастья. Семь лѣтъ, *только* семь лѣтъ! Въ началѣ своего счастья они оба готовы были смотрѣть на эти семь лѣтъ какъ на семь дней. Онъ даже и не зналъ того, что новая жизнь не даромъ же ему достается, что ее надо дорого купить, заплатить за нее великимъ, будущимъ подвигомъ....

Но тутъ уже начинается новая исторія, исторія постепеннаго обновленія человѣка, исторія постепеннаго перерожденія его, постепеннаго перехода изъ одного міра въ другой, знакомства съ новою, доселѣ совершенно невѣдомою дѣйствительностью. Это могло бы составить тему новаго разказа,—но теперешній разказъ нашъ оконченъ.

М. ДОСТОЕВСКІЙ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ

„Нельзя желать, чтобы, цивилизуясь, народы теряли свои особенные, сродные имъ типы. Цивилизація должна выдвинуть ихъ на свѣтъ исторіи, но не обезличить.“ * Такими словами заканчиваетъ г. Цебальскій свой прекрасный разборъ книги г. Кинглека о *Крымской войнѣ*, указывая вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ, въ томъ или другомъ смыслѣ, на столько же, безъ сомнѣнія, зависитъ политическая будущность самой Россіи, какъ и будущность христіанскихъ народностей, славянскихъ и греческихъ, Балканскаго полуострова, ближайшихъ наследниковъ своего большого властелина.

Имѣя подъ рукою родственную имъ страну, которая могла бы передать имъ продукты всемірной жизни въ формахъ приспособленныхъ къ ихъ національнымъ условіямъ, на языкѣ имъ понятномъ, будутъ ли наши славянскіе собраты, пренебрегая этимъ удобствомъ, искать себѣ на Западѣ образцовъ для законодательства, администраціи, литературы, промышленности; заимствовать тамъ науку и искусства; вводить въ свою общественную и домашнюю жизнь не сродный имъ бытъ? И еслибъ они пошли по этому опасному пути, и политика Запада получила господство между ними, политическое возрожденіе Славянъ, при таковыхъ условіяхъ, не было

---

* Русск. Вѣстн. 1866 г. № 9 стр. 178.

ли бы гибелью самой основы ихъ національности и независимости?

Что же дѣлать Славянамъ, чтобъ избѣгнуть этого опаснаго пути и его губительнаго исхода? Что дѣлать Россіи, чтобы предохранить южныхъ Славянъ отъ утраты ихъ національности и независимости?

„Политическая система Европы перестраивается на совершенно новыхъ основаніяхъ; Европа распределяется на большія племенные группы“; группа германская осуществляется, о такой же группировкѣ романскихъ народовъ мыслить Наполеонъ III; къ тому же стремятся и скандинавскія племена. „Почему же не составиться подобному союзу и изъ государствъ славянскихъ?“ спрашиваетъ г. Цебальскій. Для достиженія этой цѣли достаточно было бы, по его мнѣнію, Славянамъ, не боясь ассимиляціи, соединиться съ нами, въ политическомъ отношеніи, „общностью представительства предъ Европой“. Россіи, замѣчаетъ онъ, одна лишь *смѣлая, рѣшительная и откровенная политика* можетъ доставить въ этомъ дѣлѣ успѣхъ, и она должна „не отрекаться отъ панславизма, а напротивъ, написать его крупными буквами на своемъ знамени.“

Но указывая на цѣль, къ которой мы должны стремиться, съ достиженіемъ которой столь тѣсно связаны судьбы Россіи въ славянскомъ мірѣ, г. Цебальскій не распространялся о тѣхъ средствахъ, о томъ образѣ дѣйствія, какими мы можемъ ея достигнуть. Между тѣмъ, выраженіе панславизмъ можетъ имѣть различное значеніе, и на него вервѣдко ссылались наши противники въ видахъ враждебныхъ всему русскому. Нашимъ южнымъ соплеменникамъ панславизмъ представлялся какъ стремленіе Россіи поглотить всѣ славянскія независимости въ кругѣ своего владычества; опасеніямъ Европы и мнительности Турціи—какъ наше орудіе къ возбужденію смутъ и безпокойствъ среди восточныхъ христіанъ. Вотъ почему, кажется мнѣ, мы должны, по возможности часто, разъяснять тотъ смыслъ, въ какомъ панславизмъ могъ бы быть принятъ символомъ русской политики на Востокѣ. Чтобы предупредить злоствыя толкованія противниковъ и не обмануть надеждъ нашихъ славянскихъ братьевъ, мы должны высказывать имъ опредѣлительно, въ какой мѣрѣ могутъ они разчитывать на наше содѣйствіе въ дѣлѣ своего возрожденія; мы должны поступить такъ тѣмъ болѣе, что это

дѣло есть точно также *наше* дѣло, дѣло призванія Россіи на христіанскомъ Востокѣ, которое мы не можемъ уступить никому, ибо съ нимъ связаны всѣ жизненные интересы нашей политической будущности и нашего значенія въ средѣ еврейскихъ державъ.

Не забудемъ прежде всего, что при настоящемъ положеніи дѣлъ на Востокѣ восточный вопросъ получить свое разрѣшеніе безъ всякаго вмѣшательства матеріальной силы извѣтъ. Турецкая имперія должна пасть и падетъ не отъ ударовъ силы, а отъ собственнаго своего безсилія; она падетъ оттого, что старческая дряхлость ея руки не въ силахъ уже поднять меча Османа, единственнаго условія ея владычества въ Европѣ. Образецъ того, чему предназначено быть, мы уже имѣемъ предъ глазами въ критскомъ дѣлѣ: всѣ смотрятъ на борьбу, считаютъ и оцѣниваютъ удары, но никто не бросаетъ и не броситъ своего меча на ту или другую чашку вѣсовъ. Такое, повидимому, равнодушіе, съ коимъ могущественныя христіанскія державы смотрятъ на всѣ ужасы этой борьбы, вызываетъ невольное негодованіе на эгоистическія побужденія политики, требующей, чтобы христіане смотрѣли сложа руки на льющіеся къ ихъ ногамъ потоки христіанской крови. Въ сущности же, и для будущихъ судебъ восточныхъ христіанъ, въ этомъ грустномъ фактѣ и лежитъ именно залогъ ихъ возрожденія, и главное, ихъ независимости, и груды падающихъ на Критъ страдальцевъ лягутъ незаблемою основой торжества знаменія Христа надъ полудніемъ Магомета.

Узелъ, мирнымъ путемъ развязанный на Дунаѣ, борьба, откровенно успѣшная, цѣлые мѣсяцы выдерживаемая горстью храбрыхъ противъ организованныхъ силъ цѣлаго государства,—вотъ два факта предзнаменующіе естественный ходъ, какимъ суждено разрѣшиться судьбамъ восточныхъ христіанъ; въ нихъ указаніе и Славянамъ, и Грекамъ Балканскаго полуострова того образа дѣйствія, какимъ побѣдятъ они свою горькую четырехвѣковую судьбу.

То что совершилось въ Дунайскихъ Княжествахъ должно убѣдить ихъ, что ученіе о неприкосновенности Турецкой имперіи еще недавно казавшееся аксіомой, дожило свой краткій вѣкъ, и ему предстоитъ навсегда покониться въ архивной пыли дипломатическихъ канцелярій.

Борьба, вопреки всѣмъ журнальнымъ завѣреніямъ плато-

ническихъ друзей Турціи, еще продолжающаяся на одномъ пунктѣ государства, и притомъ на островѣ, должна убѣдить восточныхъ христіанъ въ ихъ силѣ, въ немогущей слабости ихъ противника, но вмѣстѣ съ тѣмъ она должна бы ясно доказать имъ и то, что лишь подъ лозунгомъ бельгійскаго льва они свергнутъ оковы съ своего восточнаго орла. „Въ единствѣ сила!“ вотъ сборный ключъ, коимъ долженъ огласиться Востокъ для своего возрожденія.

Забудьте свои распри, свои мѣстные вражды и недоразумѣнія, сконите свои силы, дайте имъ единую цѣль и единое дѣйствіе, помните и имѣйте въ виду лишь едиааго, общаго врага, и дружнымъ напоромъ свергайте съ себя презрѣнное иго; запечатайте союзъ свой общимъ знаменіемъ православнаго креста и вѣруйте, что общая молитва объ успѣхѣ, на какомъ бы языкѣ она ни возносилась къ престолу Всевышняго, найдетъ Того въ чьей длани лежатъ судьбы и царей, и народовъ! Вотъ та русская рѣчь, которая должна, помимо всякой матеріальной силы, звучать на Востокѣ среди нашихъ единовѣрцевъ, какого бы рода и племени они ни были, и Славянъ, и Грековъ.

Матеріальнаго пособія имъ не отъ кого ожидать, да и не къ чему. Общей ихъ силы станетъ чтобы поборотъ своего большаго стараго тирана. Западныя государства не помогутъ, ибо чувствуютъ, что чаемое возрожденіе рано или поздно ускользнетъ изъ ихъ орбиты. Противодѣйствовать же силой они неспособуютъ предъ общественнымъ христіанскимъ мнѣніемъ, которое и теперь удерживаетъ ихъ мечъ въ рукахъ. Мы не должны думать о матеріальной помощи, затѣмъ именно, чтобы не дать нашимъ западнымъ соперникамъ предлога ухватиться за мечъ и прикрыть предъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ недавно, и свои корыстае виды, и свое антихристіанское дѣло, пугаломъ московскаго честолюбія; для того, наконецъ, чтобы освобожденная страна осталась достойнаемъ своего туземнаго христіанскаго населенія.

Подъ этимъ лишь условіемъ возможно будетъ образованіе тѣхъ отдѣльныхъ группъ, о которыхъ говоритъ въ своей статьѣ г. Щебальскій, предусматривая будущее возрожденіе Славянъ. Тогда-то обозначится и самый вопросъ, указываемый имъ, и обнаружится, въ какой мѣрѣ подготовились мы къ тому, чтобы передать имъ] „продукты всемірной жизни въ формахъ приспособленныхъ къ ихъ національнымъ услови-

амъ“, чтобы предохранить ихъ отъ „дѣйствія болѣе сильныхъ культуръ иноплеменныхъ народовъ“, чтобы преподавать имъ „образцы для законодательства, администраціи, литературы, промышленности, для наукъ и художествъ.“

Здѣсь цѣлая программа народной, общественной и правительственной жизни, которую намъ предстоитъ вдохнуть въ воскресшее тѣло, чтобы достигнуть того, въ чемъ мы видимъ вѣнецъ дѣла, — желанной цѣли, осуществленной уже Пруссіей въ Германіи, а для Россіи крѣпко связанной съ ея судьбами въ славянскомъ мірѣ. Сущность этой цѣли лежитъ въ томъ, чтобы народы Обреновичей, Нѣгмшей и пр. пришли, какъ народы германскихъ герцогствъ Мекленбурга, Ольденбурга и др., къ убѣжденію, что ихъ народная самостоятельность вѣрнѣе всего можетъ быть ограждена силой скипетра могущественной державы, въ коей они признаютъ свою мать и подъ сѣнью которой скорѣе всего могутъ найдти миръ, независимость и преуспѣяніе.

Цѣли, подобныя той, которой намъ предстоитъ достигнуть, лежали въ основѣ замысловъ Фридриха I, когда онъ заимѣвалъ маркграфскую корону королевскою; лежали онѣ и въ мысляхъ Екатерины II, когда она возвращала Россіи западное ея достояніе, или когда зарождалась въ ея великой головѣ идея о родственной христіанской имперіи на Востокѣ.

Благодаря такому-то дѣйствию слиянія, обобщенія національныхъ интересовъ были, въ послѣдніе десятки лѣтъ, мирнымъ путемъ, безъ всякой огласки, одною лишь силой умственныхъ и матеріальныхъ связей, приобщены прилежавшія къ Пруссіи отдѣльныя части германской семьи. Безразлично учась въ стѣнахъ тѣхъ же университетовъ, поступаая на службу въ прусскія войска или администрацію, пользуясь одними и тѣми же правами и льготами въ торговыхъ и промышленныхъ условіяхъ своей жизни, въ силу общаго таможеннаго союза, объединявшаго ихъ матеріальныя интересы, Мекленбургцы, Ольденбургцы, Ганноверцы, Гессенцы, Нассаусцы, хотя и жили подъ отдѣльными правленіями, во почерпая у главнаго, богатѣйшаго источника расточаемые имъ дары, незамѣтно стали свыкаться съ мыслью о естественности, даже о необходимости гегемоніи Пруссіи, для огражденія интересовъ, сдѣлавшихся общими съ нею у всѣхъ ея сосѣдей. Насталъ, наконецъ, благоприятный моментъ — и единымъ, вѣрнымъ ударомъ окрѣпившаго организма соста-

вышшеея силой вещей положеніе вошло въ законную силу. Не забудемъ о томъ значеніи, какое имѣла въ этомъ дѣлѣ ассимиляціи сила умственного притяженія, сосредоточенная въ *шести университетскихъ разсадникахъ*, служащихъ идеѣ духовнаго единенія германской народности *.

Когда Россія вступала окончателно во всецѣлое обладаніе своего родоваго достоянія, мы видѣли ея мудрую правительницу засѣвающую такими же родными плодотворными сѣменами возвращенное поле; но немного лѣтъ прошло, и державная сѣятельница склонила уже свою многотрудную голову на вѣчный покой, и не суждено было ни ей, ни Россіи видѣть всходовъ посѣянныхъ сѣменъ. Явился другой пахарь, и вмѣсто того чтобы продолжать обработку посѣяннаго, взрылъ сызнова поле и засѣялъ его опять старыми, не сродными ему сѣменами. Взоспѣлъ въ свое время плодъ, горькій плодъ, который намъ пришлось собирать въ кровавомъ поту въ теченіе тѣхъ самыхъ десятковъ лѣтъ, въ какіе сосѣди наши вкушали уже всю сладость всходовъ брошеннаго ими зерна.

Лишь на дняхъ, и чувствуя уже всѣ признаки отравы, уразумѣли мы, что тутъ дѣло идетъ о самой жизни нашей родной кормилицы. Не задумался пахарь; распахалъ другой разъ поле, нашелъ у себя въ житницахъ екатерининскихъ сѣменъ и принялся за новый посѣвъ. Да поможетъ ему Богъ въ его многотрудномъ, благомъ начинаніи, и да благословитъ вновь разрабатываемую ниву!

Было и другое поле, если не родное, то сродное намъ, на которое Екатерина обратила свое прозорливое око.

Оно было также въ рукахъ врага; врага не одной Россіи, врага всего христіанства, въ то время еще сильнаго, и съ которымъ борьба представлялась въ условіяхъ быть или не быть, или ему, или будущности Россіи. То поле былъ христіанскій Востокъ; то были наши славянскіе и греческіе единовѣрцы, удрученныя вѣковымъ игомъ ислама. Предстояла борьба, но предстояло также дальновидному зору Екатерины готовить почву возрожденія христіанскаго Востока. какъ крѣпкаго, единаго цѣлаго, которое бы имѣло силу стать со временемъ братомъ и вѣрными союзникомъ своей мощной избавительницы.

* Келлгсбергъ, Грейфсвальдъ, Берлинъ, Бреславль, Галле и Вомъ.

Однаго изъ царственныхъ внуковъ великой государыни увидѣли окруженнымъ греческими наставниками и приближенными. Семействамъ, спасавшимся отъ яростнаго мщенія Турокъ, открывались ядра новаго отечества и давалась въ немъ щедрая осядаемость. Дѣтямъ ихъ, или падавшихъ на полѣ битвы Грековъ и Славянъ, проливавшихъ кровь свою въ однихъ потокахъ съ русскою кровью, открывались русскія учебныя заведенія, гдѣ они, подѣ зоркимъ наблюдениемъ самой императрицы, готовились быть полезными дѣятелями, куда бы ни призвали ихъ будущія событія; открывалось имъ наконецъ поприще русской службы, гдѣ не одинъ изъ нихъ стяжалъ себѣ славу достойнаго и благодарнаго питомца.

Въ этомъ моментѣ нашей исторіи и лежитъ основа того родственнаго сочувствія нашихъ восточныхъ единоверцевъ къ Россіи, которое ничѣмъ, никакими нашими, съ тѣхъ поръ, ошибками или неудачами донынѣ не поколебалось; та народная увѣренность, которая живетъ на Востока, что съ Сѣвера долженъ просіять на нихъ спасительный лучъ ихъ возрожденія къ свободѣ.

Взошла заря, и вся эта *подготовленная масса дѣателей*, съ Ипсилантиями, съ Каподистріями во главѣ, ринулась, съ крестомъ въ рукахъ, съ именемъ Россіи на устахъ, одни на освобожденіе, другіе на устройство роднаго края. Лишь малую часть его удалось горсти героевъ исторгнуть изъ-подъ ига, но и въ этой свободной частицѣ Востока слышится еще доселѣ отголосокъ той великой мысли, коей оно обязано своимъ освобожденіемъ; и всѣ козни, всѣ прельщенія, вся матеріальная сила Запада не превозмогли противъ кровныхъ чувствъ, переданныхъ дѣтямъ отцами, къ матери, питомицѣ ихъ — Россіи. Здѣсь лежитъ незыблемая основа того, что въ свободной Греціи, какъ и на всемъ Востока, западные наши противники зовутъ русскою партией, противъ которой направлено цоками все дѣйствіе ихъ дипломатіи, возбуждались всѣ гоненія, употреблялись всѣ средства для ея уничтоженія, и которая, вопреки всему, стоитъ непоборима; и не потому стоитъ она, чтобы мы что дѣлали, какъ намъ это приписываютъ, для ея поддержанія; давно уже отказались мы отъ славныхъ преданій екатери-нинской мудрости; на Востока же преданіе это связано съ

инстинктивнымъ чувствомъ вѣрованія въ исполненіе Россіей ея призванія, передается съ молокомъ матерей изъ рода въ родъ, и ничто не можетъ его искоренить. Намъ досталось еще видѣть немногіе удѣлавшіе остатки этого поколѣнія; мы слышали отцовъ и видѣли на дѣлѣ ихъ дѣтей.

Съ тѣхъ поръ въ освобожденномъ уголкѣ Востока, хотя и далеко не достигшемъ должнаго процвѣтанія, образовалась однако и развилась, превыше всѣхъ другихъ условій общественнаго благоустройства, одна притягательная сила, которая сдѣлала его центромъ сближенія всѣхъ отраслей греческаго рода.

Мы говоримъ о народномъ просвѣщеніи.

Разбросанные своими коммерческими интересами во всѣхъ краяхъ Европы греческіе негодіанты, Греки Константинополя, какъ и жители Эпира, Фессалии, части Македоніи, азіатскаго побережья и турецкаго Архипелага, считаютъ воспитаніе своихъ дѣтей несовершеннымъ, если они не прошли университетскаго курса въ Аѣнахъ. Въ томъ числѣ значительный процентъ приходится на уроженцевъ Турціи и Россіи: первой, за отсутствіемъ педагогическихъ средствъ; второй, какъ намъ часто объясняли родители, за невозможностью развивать въ дѣтяхъ классическое знаніе своего роднаго языка, воспитывая ихъ въ Россіи.

Послѣдствія этого стремленія къ умственному объединенію дѣлой народности проявляются при каждомъ случаѣ въ сочувствіи, возбуждаемомъ греческимъ дѣломъ, гдѣ бы оно ни подало голосъ, гдѣ бы ни прозвучала греческая рѣчь: въ Манчестерѣ, въ Нью-Йоркѣ, въ Марсели, какъ въ Москвѣ и Одессѣ, равно слышится отголосокъ роднаго края; нѣтъ греческаго торговца или конторщика, который бы не открывалъ своего сундука или кошелька, чтобы трудомъ нажитою копѣйкой помочь дѣлу, считающемуся, вопреки разстояніямъ или случайнымъ національностямъ жертвователей, общимъ, кровнымъ, роднымъ дѣломъ.

Существуетъ ли подобный центръ умственнаго, самороднаго развитія, подготовляющій къ единству дѣйствій, гдѣ либо въ славянской части христіанскаго Востока, и сдѣлали ли мы что въ этомъ смыслѣ, съ этою дѣлюю, въ то время, когда въ нашихъ рукахъ была возможность руководить его

будущаю? Припомнить ли здѣсь, къ случаю, послѣднюю и недавнюю попытку болгарскаго переселенія въ Крымъ!

Цѣлымъ своимъ краемъ Россія прилегаетъ къ своимъ южнымъ соплеменникамъ. Кишиневъ, Одесса, Херсонъ, Симферополь, Керчь, Таганрогъ, — вотъ цѣлый рядъ мѣстностей, которыя могли бы быть притягательными центрами русскаго образовательнаго вліянія для Молдо-Валаховъ, для Болгаръ, для Сербовъ, для Черногорцевъ. Университетскій центръ въ Одессѣ съ сильными филологическими факультетами, въ особенности для славянскихъ нарѣчій и для классическихъ языковъ Востока, — греческаго и арабскаго; цѣлая система народнаго просвѣщенія, приуровненная къ данной цѣли, къ подготовленію сочувственныхъ, пріязненныхъ и подъ нашимъ крыломъ вскормленныхъ дѣтелей будущаго развитія славянскихъ группъ Балканскаго полуострова; всевозможныя льготы и поощренія для привлеченія въ этотъ научный центръ и въ его разсадники какъ воспитанниковъ, такъ и преподавателей изъ сосѣднихъ славянскихъ земель; всего этого, особенно при разумномъ содѣйствіи нашихъ въ тѣхъ краяхъ представителей, не трудно было бы достигнуть, и всякій отецъ: Молдаванинъ, Валахъ, Сербъ или Болгаринъ, съ радостію бы предпочелъ посылать дѣтей своихъ на благовѣсть православія чѣмъ на своекорыстный призывъ западныхъ державъ. Но благовѣсть до сихъ поръ молчала, а западный призывъ все звучнѣе и настойчивѣе звалъ къ себѣ преемниковъ. Устроили мы и Дунайскія Княжества, и Сербію, и ни тутъ, ни тамъ не подумали объ устройствѣ центровъ самороднаго національнаго развитія; отъ себя же постоянно отталкивали всевозможными трудностями и формальностями.

А Франція между тѣмъ открывала настежь свои двери. Даже среди самороднаго развитія, образовавшагося въ Греціи, успѣла она пустить свои корни: въ Афинахъ уже двадцатый годъ существуетъ французская школа, гдѣ готовящіеся къ профессорскимъ кафедрамъ правительственные стипендіаты словеснаго факультета центральной нормальной школы, до полученія диплома, должны проводить два года для ознакомленія съ настоящимъ греческимъ произношеніемъ. Школа эта находится подъ управленіемъ члена французскаго института. Она снабжается преподавателями изъ молодыхъ людей, выходящихъ изъ Афинскаго университета или даже изъ студентовъ, которые, въ постоянныхъ сношеніяхъ

съ своими учеными воспитанниками, научаются скоро и языку, и образу мыслей ихъ, и такимъ образомъ незамѣтно образуютъ цѣлую среду, сочувственную западной пропагандѣ. Изъ нихъ вѣрѣдко выписываются даже во Францію учителя греческаго языка для французскихъ коллегій, и затѣмъ часто происходитъ то, что Грекъ, родившійся въ Россіи и, по пріѣздѣ на родину, говорившій правильнѣе по-русски чѣмъ по-гречески, кончаетъ тѣмъ, что забываетъ русскую рѣчь, а изучаетъ, напротивъ, французскій языкъ, чтобы имѣть въ будущемъ какой-либо исходъ для приобрѣтаемыхъ имъ знаний. А мы, между тѣмъ, въ значительной части гимназій затрудняемся открыть греческія каѳедры *за неимѣніемъ преподавателей*.

И въ средѣ Славянъ стремленіе къ умственному развитію повлекло цѣлое поколѣніе къ источникамъ образованности, хотя и не сроднымъ, но единственно доступнымъ, а потому и не подлежащимъ выбору. Явились вкорѣ группы новыхъ дѣятелей: юная Молдо-Валахія или Румынія, юная Сербія, явилась даже юная Болгарія! Первая имѣла большею частію своими представителями выходцевъ изъ парижскаго центра и разразилась дѣйствіемъ подъ именами Кузы, Гаки и подобныхъ, ничего не приобрѣтя изъ чужой цивилизаціи, и лишь утрата все родное, даже вѣру и преданія отцовъ.

Но не поздно ли, скажутъ, противодѣйствовать злу, пустившему уже столь глубокіе корни, и можно ли еще помочь горю?

Сколько намъ кажется, — можно и должно. Можно, хотя бы потому, что никогда не поздно стараться стать на добрый путь и исправлять свои ошибки. Должно — ибо еслибъ освобожденіе восточныхъ Славянъ и свершилось въ часъ въ оны же не ожидаемъ, много пройдетъ времени прежде чѣмъ у нихъ образуется свой самородный правильный центръ просвѣщенія, а на *это-то* время и слѣдовало бы имѣть для нихъ наготовѣ расадники, чтобы не поставить ихъ въ необходимость искать свѣтлаго луча на Западѣ и не дать поблкнуть ихъ самородному свѣту.

Одесса, по нашему мнѣнію, могла бы быть, при благоприятныхъ условіяхъ, центромъ этого нравственно-образовательнаго дѣйствія Россіи на Востокъ. Многое въ этомъ отношеніи зависитъ отъ дѣятельности ея вновь преобразованнаго учебнаго округа. Доселѣ оны былъ, казалось, обреченъ

владѣть лишь официальную жизнь, былъ лишень собственныхъ жизненныхъ *русскихъ силъ*, могъ даже сдѣлаться центромъ, если не явно враждебнымъ, то во всякомъ случаѣ неприязненнымъ русскимъ интересамъ; онъ могъ сдѣлаться центромъ польскимъ.

Одесса должна, полагаемъ мы, остаться порто-франко и въ коммерческомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Она должна быть открытою дверью для безпрепятственного общенія съ нашими восточными соплеменниками. Въ финансовомъ же отношеніи, будь таможня въ портѣ или за чертой города, никакого ущерба ни правительству, ни краю отъ того быть не можетъ. Одесса стоитъ въ всякихъ центровъ русской мануфактурной промышленности, и не имѣя своей, должна пробавляться заграничнымъ привозомъ. Отдаленность же отъ европейскихъ центровъ производства при закрытомъ портѣ ведетъ къ послѣдствію парализующему всякое процвѣтаніе: дороговизнѣ, доходящей до такихъ размѣровъ, что жизнь съ умѣренными средствами ото дня на день становится невозможнѣе, и ни бѣдному ученику, Сербу или Болгарину, ни преподавателямъ, принужденнымъ довольствоваться своимъ жалованьемъ, недоступна. А потому, первымъ и непремѣннымъ условіемъ, — условіемъ политическаго значенія, — было бы возвратить Одессѣ ея портовую свободу, дабы облегчить жизненное, плодотворное развитіе ея учебнаго округа и дать дѣятельности его направление, соответствующее той высокой цѣли, для которой этотъ городъ, по самому положенію своему, можетъ быть вѣрнѣшею опорною точкой.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется намъ то вліяніе, какое, помимо всякаго обращенія къ матеріальной силѣ, мы еще можемъ и должны имѣть на разрѣшеніе восточнаго вопроса, на будущее самородное развитіе южныхъ Славянъ и на предохраненіе ихъ отъ поработщающаго дѣйствія болѣе сильныхъ культуръ иноплеменныхъ народовъ.

В. НЕКЛЮДОВЪ.

Москва

10 го декабря 1836 г.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ДНЕВНИКЪ КОРБА *

21-го сентября (1-го октября 1698 г.). Пятнадцать человекъ изъ приведенныхъ недавно и доведенныхъ до сознанія мятежниковъ, оставшіеся живыми послѣ пытокъ, были колесованы и обезглавлены.

23-го сентября (3-го октября). Царь отправился въ Ново-дѣвичій монастырь допрашивать сестру свою Софью, заключенную въ томъ монастырѣ; ее вообще считали виновною въ недавнемъ открытомъ возмущеніи. Говорятъ, что при первомъ взглядѣ другъ на друга оба они залился слезами **.

Священникъ, о которомъ прежде было говорено (Иванъ Клябковъ), настойчиво увѣрялъ, что всѣ священники, сколько ему извѣстно, молились Богу о благополучномъ возвращеніи царскаго величества, а когда подвергли его пыткамъ, онъ, не вытерпѣвъ жестокихъ мученій, признался, что поощрялъ мятежниковъ, одобрилъ ихъ намѣреніе и благословилъ предприятие.

24-го, 25-го сентября (4-го, 5-го октября). Всѣ друзья царицы вызываются въ Москву, но сомнительно, чтобъ они явились, а когда по городу прошли слухи о разводѣ съ царицей, стали видѣть въ томъ предзнаменованіе бѣды.

* См. Русск. Вѣстн. № 4, 1866 г.

** По подлиннымъ документамъ, 23-го сентября царь допрашивалъ царевну Марю, а не Софью, которая подвергнута допросу 27-го числа. Устряловъ, III, 214.

Мятежниковъ, послѣ упорнаго заперательства, повели къ пыткамъ, которыя были неслыханно жестоки. Послѣ жесточайшаго стеченія кнутомъ, ихъ жгли на огнѣ, послѣ огня опять сбѣли, а послѣ ударовъ снова подвергали огню. Такъ въ Москвѣ смѣняются одни другими истязанія на пыткахъ. Царь такъ сдѣлался недовѣрчивъ къ своимъ боярамъ, что не вѣрилъ въ ихъ добросовѣтность и опасался поручить имъ даже малѣйшее участіе въ допросѣ; самъ составляетъ допросные пункты, самъ допрашиваетъ преступниковъ, запирающихся доводить до признанія, а тѣхъ, которые упорно молчатъ, приказываетъ подвергать жестокой пыткахъ; для этой цѣли въ Преображенскомъ, гдѣ производится строжайшій розыскъ, ежедневно разводится было до тридцати костровъ и болѣе.

26-го, 27-го сентября (6-го, 7-го октября). Невыносимая жестокость пытки лишила подполковника Карпакова* способности говорить; его отдали на попеченіе царскому медику, чтобы медицинскими средствами привести его въ чувство и потомъ опять подвергнуть пыткахъ. Тѣхъ, которыхъ воевода Шенивъ, въ отсутствіе царя, за деньги возвелъ въ разные военные чины, царь сегодня опредѣлялъ разжаловать. О такихъ страшныхъ и жестокихъ ежедневныхъ истязаніяхъ узналъ патриархъ и почелъ своею обязанностію убѣждать раздраженнаго царя склониться на милость; онъ думалъ, что всего причинѣе явиться къ царю съ иконой Богоматери, чтобы при взглядѣ на нее, душа царя, дошедшая до ожесточенія, пришла въ сознаніе человѣческой участи и въ обычное состраданіе; но выставка на показъ притворнаго благочестія не могла испровергнуть истинныхъ началъ правосудія, которыми царь измѣрялъ важность такого злодѣянія; ибо дѣло дошло до того, что нужно было со всею Россіей справляться жестокими мѣрами, а не лаской. Такую строгость въ укрощеніи мятежа неправильно называютъ тиранией, потому что иногда и суровость имѣетъ свое оправданіе, въ особенноти когда болѣзнь или упорное гнѣвие такъ усилилось въ членахъ, что для возвращенія общаго здравія политическому тѣлу, не остается другихъ лѣкарствъ, кромѣ желѣза и огня, посредствомъ которыхъ тѣ члены должны отдѣлиться отъ тѣла. Поэтому царь обратился

* Василій Копаковъ.

къ патриарху съ гнѣвомъ, достойнымъ его величія: „Зачѣмъ ты здѣсь съ иконой? Какая обязанность привела тебя сюда? Уходи скорѣе и поставь икону на подобающее ей мѣсто; знай, что я почитаю Бога и Пресвятую Богородицу, можетъ быть, больше чѣмъ ты. Дѣло моей высокой обязанности и должной любви къ Богу охранять народъ и публично наказывать за преступленія, направленные къ общей гибели народа.“

Въ тотъ же день учили одного московскаго пѣвчаго въ томъ, что онъ секретно свосился въ своемъ домѣ съ четырьмя стрѣльцами, виновными въ оскорбленіи царскаго величества; такъ какъ онъ былъ обвиненъ уже другой разъ въ заговорѣ, то самъ царь въ присутствіи князя Ромодановскаго и генерала Артемона (Головина) подвергъ его допросу.

Двѣ постельницы свѣтаѣвшихъ сестеръ, Жукова, царевны Марѣы, и Вѣра (Фіера) *, царевны Софьи, захваченныя самимъ царемъ въ Кремлѣ, послѣ угрозъ и нѣсколькихъ ударовъ, съ пытки показали, что преимущественною причиною мятежнаго замысла была ненависть Москвитянъ къ генералу Лефорту и ко всѣмъ Нѣмцамъ....

29-го сентября (9-го октября). Царь воспринималъ при крещеніи перваго сына датскаго посланника и далъ ему имя Петръ. Восприемниками были еще генералъ Лефортъ, начальникъ гарнизона генералъ Карловичъ, датскій комиссаръ Бауденапъ; женщины: вдова покойнаго генерала Менезія, жена полковника Блюмберга и дѣвица Монсъ. Въ продолженіе всего дѣйствія, въ царѣ замѣтенъ былъ веселый видъ: когда стали ребенка кропить водою крещенія, и онъ заплакалъ, царь сталъ цѣловать его; милостиво принявъ поднесенную датскимъ посланникомъ табакерку и не почелъ для себя унижительнымъ принять въ объятія посланника. Князя Бориса Алексѣевича Голицына, пріѣхавшаго туда вечеромъ, въ знакъ особеннаго расположенія привѣтствовалъ поцѣлуемъ. Замѣтивъ, что фаворитъ его Алексашка (Меншиковъ) во время танцевъ былъ опоясанъ шпагой, царь пощечиною вразумилъ его, что при этомъ обыкновенно снимаютъ шпагу; о силѣ удара свидѣтельствовала кровь, сильно потекшая у него изъ носа. Та же участь могла постигнуть полковника Блюмберга за то, что не обративъ вниманія на внушеніе со

* Вѣра Васютинская.

стороны царя, ояъ во время танцевъ замѣшкалъ снять шпагу. Но Блюмбергъ сталъ усиленно просить прощенія въ погрѣшности, и царь простилъ его. Черезъ молодаго Лефорта царь передалъ посланнику цесарскому, что завтра займется расправой съ мятежниками.

30-го сентября (10-го октября). Самъ царь, окруженный своими солдатами, топоромъ казнилъ въ Преображенскомъ пятерыхъ мятежниковъ за сдѣланную ему пзмѣну; при этомъ никто изъ постороннихъ близко допущенъ не былъ. Двѣсти тридцать другихъ мятежниковъ были повѣшены, и на это ужасное зрѣлище, кромѣ великаго множества Нѣмцевъ, смотрѣли: царь, иностранные министры и московскіе вельможи.

Одинъ стрѣлецъ, который утверждалъ, что генералъ Лефортъ подалъ поводъ къ возмущенію, въ присутствіи Лефорта былъ спрошенъ самимъ царемъ: узналъ ли ояъ помянутаго генерала? Какимъ дурнымъ поступкомъ Лефортъ заслужилъ общую ненависть? Можетъ-быть, знаетъ ояъ за нимъ какія-нибудь дѣйствительныя преступленія? На эти вопросы стрѣлецъ отвѣчалъ: что Лефорта ояъ не вѣдаетъ и не знаетъ навѣрное, правда ли то, за что вообще на него жаловались, что ояъ повѣрилъ письмамъ и одинъ не могъ противоборствовать общей жалобѣ на Лефорта. Когда спросили его потомъ: что бы ояъ сдѣлалъ, еслибы предпріятіе удалось, и еслибы ояъ захватилъ царя или самого Лефорта? Стрѣлецъ быстро отвѣчалъ: „къ чему спрашивать о подобныхъ вещахъ? Самъ лучше можешь догадаться объ этомъ. Еслибы не покунуло насъ счастье, мы, овладѣвъ Москвой, не стали бы дѣлать подобныхъ пустыхъ разспросовъ, а наказали бы бояръ такъ, что всѣ были бы довольны“. Царь приказалъ колесовать этого стрѣльца за то особенно, что осмѣлился называть генерала Лефорта виновникомъ царскаго отъѣзда (за границу).

Царь, надѣвъ траурную одежду, провожалъ похороны одного нѣмецкаго подполковника, и за нимъ слѣдовали четверо молодыхъ людей изъ московской знати.

1-го (11-го) октября. Русскимъ закономъ предписано, чтобы всякую находку доставляли въ приказъ; здѣсь записывали имя привешаго, и день, когда найдена и доставлена вещь; предметы неодушевленные хранятся въ приказѣ, а животныя въ царской конюшнѣ. Такимъ образомъ, если кто потерялъ какую-нибудь вещь, тотъ обращается въ приказъ, а если пропало животное, отыскиваетъ оное въ царской

конюшѣ, и когда отыщеть и докажетъ, что оно ему принадлежитъ, можетъ взять оное за легкій и сносный выкупъ; такъ, когда у одного изъ нашихъ за нѣсколько дней предъ симъ пропала лошадь, чрезъ приказъ она была возвращена, и за это нужно было заплатить напередъ три рубля.

2-го (12-го) октября. Земля покрылась густымъ снѣгомъ, и все сковало сильнѣйшимъ морозомъ.

3-го (13-го) октября. Принявъ во вниманіе молодые годы и слабость незрѣлаго образа мыслей, освободили отъ смертной казни пятьсотъ стрѣльцовъ *, однакоже обрѣзали имъ носы и уши и сослали въ отдаленныя пограничныя мѣста съ навсегда оставшимся клеймомъ совершеннаго ими злодѣянія.

Вѣра, постельница царевны Софьи, по допросу царя созналась во всѣхъ тайныхъ умыслахъ и приведена была къ пыткамъ; когда же сняли съ нея платье, и она, обнаженная, застонала подъ ударами кнотовъ, оказалось, что она была беременна, и призналась царю въ преступной связи съ однимъ пѣвчимъ; признаніе въ этомъ и во многомъ другомъ, о чемъ спрашивали, избавило ее отъ многихъ ударовъ.

4-го (14-го) октября. Французъ Яковлевичъ Лефорть праздновалъ день своихъ именинъ и сдѣлалъ великолѣпный пиръ, который почтилъ своимъ присутствіемъ царь со многими боярами. Думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ, не знаю за какую вину заслужилъ гнѣвъ царскій, и заботясь о сомнительной своей безопасности, дошелъ до самыхъ крайнихъ мѣръ униженія. Сверхъ того всѣ бояре, какъ бы сговорившись, одинъ за другимъ стали просить за него; однакожь государь все еще его отвращался; наконецъ Лефорть, подозвавъ царя къ окну, оправдалъ думаго дьяка за нѣкоторый подарокъ; несмотря на это, до сихъ поръ (ще не видно никакихъ признаковъ, чтобъ онъ возвратилъ себѣ благоволеніе царя.

5-го и 6-го (15-го и 16-го) октября. Главный виновникъ бунта Бачка Гуринъ ** въ своемъ упорномъ молчаніи не могъ быть побѣжденъ жесточайшими пытками, повторенными четыре раза, а на очной ставкѣ съ своимъ двадцатилѣтнимъ

* По документамъ сослаано 100 человекъ на заключеніа въ арваную цѣку. Устрялова, томъ III, стр. 406, прим. 3.

** Васъка Заравъ, десятникъ полка Козакова.

слугой, котораго, захвативъ на границахъ Россіи, насильно взялъ къ себѣ въ услуженіе, началъ по порядку разказывать о всемъ злоумышленіи. Въ этотъ день вечеромъ пріѣхалъ вице-адмиралъ царскаго флота, родомъ Голландецъ. *

7-го (17-го) октября. Отъ многихъ было слышно, что и въ этотъ день его царское величество совершалъ публичную расправу съ нѣкоторыми мятежниками. Продолжавшіяся до сего времени жесточайшія пытки до того изуродовали подполковника Карнакова, что онъ потерялъ способность говорить и двигаться. Поэтому онъ порученъ былъ искусству и заботамъ царскаго медика; по небреженію, медикъ оставилъ въ тюрьмѣ ножъ, при помощи котораго, вѣроятно, готовилъ лѣкарство; раздосадовавъ, что, при помощи медикаментовъ, ему, почти уже умирающему, возвращаютъ жизненные силы, коварно съ тою цѣлю, чтобы подвергнуть его опять новымъ и жесточайшимъ мученіямъ, Карнаковъ подноситъ ножъ къ горлу, чтобы прекратить жизнь и найдти смерть, которая положить конецъ столькимъ страданіямъ; но рукъ, уже близкой къ совершенію преступленія, не достало силъ; отъ раны онъ выздоровѣлъ, и сегодня опять артачили его къ пыткамъ.

8-го (18-го) октября. Царь обѣдалъ у генерала Лефорта.

9-го (19-го) октября. Полковникъ Чамберсъ устроилъ дорогой пиръ, на которомъ со многими другими былъ и царь; не знаю, какая буря нарушила веселье, только царь схватилъ Лефорта, ударилъ его объ полъ и топталъ ногами. Кто ближе къ огню, тотъ ближе къ пожару.

10-го и 11-го (20-го и 21-го) октября. У бѣлой стѣны, около города, при каждахъ воротахъ городскихъ, повѣшены еще двѣсти тридцать преступниковъ.

Сегодня царь выдалъ приказъ выбрать по двое изъ каждаго сословія, изъ бояръ, князей, офицеровъ, полковниковъ, подъячихъ и крестьянъ и предоставилъ имъ власть, собравшись на правахъ собора, допрашивать Софью и расслѣдывать о ея пагубныхъ замыслахъ, и какое ей присудятъ наказаніе, то записать и объявить всенародно.

12-го и 13-го (22-го и 23-го) октября. Генералъ Лефортъ съ посланнымъ далъ знать, чтобы посланникъ (цесарскій) прислалъ къ нему кого-нибудь изъ своихъ чиновниковъ,

* Корне. іѳ Крѣйсъ.

по тому что имѣеть порученіе сообщить ему вѣчто по приказанію царя. Къ нему посланъ былъ секретарь, и Лефорть объявилъ ему, что въ слѣдующее воскресенье царь имѣеть намѣреніе обѣдать у посланника; но при этомъ высказано было условіе, чтобы не приглашали ни польскаго посла, ни цесарскаго артиллерійскаго полковника Граге.

Еще нѣсколько сотъ мятежниковъ повѣшены у бѣлой стѣны въ Москвѣ.

14-го и 15-го (24-го и 25-го) октября. Въ эти два приглашали гостей и все приготовляли на богатую руку, что казалось необходимымъ для достойнаго приѣма ожидаемаго свѣтлѣйшаго гостя.

16-го (26-го) октября. Послѣ десяти часовъ царь пріѣхалъ въ каретѣ на пиръ, роскошно устроенный; прочихъ почетныхъ гостей прилагается списокъ: бояринъ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, генералъ Лефорть, князь Голицынъ, князь Апраксинъ, бояринъ Головинъ, посланникъ датскій, генералъ Гордонъ, генералъ Карловичъ, баронъ Блюмбергъ, племянникъ генерала Лефорта, полковникъ Чамберсъ, полковникъ Гордонъ, сынъ генерала Гордона, Адамъ Вейде, шведскій комиссаръ Книпперъ, датскій комиссаръ Бауденапъ, подполковникъ Менезитъ, Эрхель, царскіе медики: Карбонари и Зоппотъ, вице-адмиралъ, полковой попъ, царскій любимецъ Алексашка, и кромѣ того многіе дворяне московскіе. Дамы: госпожа Монсъ, дѣвица Монсъ, вдова генерала Менезия съ дочерью, генеральша Гордонъ, полковницы Блюмбергъ и Гордонъ съ дочерью, полковница Чамберсъ, Двигте, госпожа Книпперъ, госпожа Бауденапъ, госпожа Балкъ, * госпожа Коломбъ, ** супруга Адама Вейде, госпожа Эрхель, баронесса Боргедорфъ, жена Гваскови съ дочерью, жена Ровеля, двѣ дочери Бальтевъ, дочь Келлермана, дочь Гульста. Пиръ отличался роскошными произведеніями кухни и дорогими винами; тутъ было токайское, венгерское, красное, испанскій ссектъ, рейнвейнъ, красное французское, отличное отъ мушкателя, разные меды, и разнаго рода пиво, и въ добавокъ важнѣйшій напитокъ у Москвитянъ—горѣлка. Бояринъ Головинъ имѣеть природное отвращеніе отъ салата и отъ уксуса; царь при-

* Матрена Ивановна Монсъ, бывшая въ замужествѣ за Ф. Н. Балкъ.

** Жена подполковника.

казалъ полковнику Чамберсу какъ можно крѣпче держать Головина и насильно напихалъ ему и въ ротъ, и въ нозь салату и уксусу, такъ что отъ сильнаго кашля пошла у него изъ носа кровь. Спустя немного послѣ холоднаго кушанья, царя схватила боль въ желудкѣ, и пробѣвши внезапно ознобомъ по всемъ суставамъ, внушила опасеніе, не вышло бы изъ этого что-нибудь дурное. Генералъ Лефортъ, вмѣстѣ съ прочими, безпокоился о здоровьи государя, и приказалъ врачу Карбонари де-Бизенеггъ изслѣдовать пульсъ; тотъ сказалъ, что произошло маленькое охлажденіе отъ дурноты, и для исцѣленія болѣзни потребовалъ токайскаго вина, которое было здѣсь отличнаго сорта. Эта заботливость о лѣченіи весьма пріятна была для государя, и онъ не отложилъ на долго употребленіе такого спасительнаго лѣкарства; между тѣмъ спросилъ у доктора: зачѣмъ онъ хотѣлъ продать свою жену. Тотъ, слегка засмѣявшись, смѣло отвѣчалъ: зачѣмъ, что ты откладываешь выдачу мнѣ годоваго жалованья. За нѣсколько дней предъ симъ, изяснивъ свои нужды князю Ромодановскому, Карбонари просилъ жалованья; когда князь замѣтилъ, чтобъ онъ взялъ денегъ въ займы, докторъ возразилъ, что ему, кромѣ жены, нечего дать въ залогъ; и прочемъ, если князь рѣшится дать ему денегъ въ займы, то онъ готовъ отдать въ залогъ или продать свою жену. Царь на открытомъ лицѣ выказалъ признаки сердечнаго удовольствія.

17-го (27-го) октября. Вышепоименованныя двѣ постельницы живыя зарыты въ землю, если вѣрить тому, что гласила молва. Много бояръ и вельможъ присутствовало на сборѣ, которымъ оставлено опредѣленіе противъ мятежныхъ стрѣльцовъ, и въ вышній день виновные призваны къ новому суду и распределены партіями по боярамъ; каждый долженъ былъ высказанное мнѣніе привести въ исполненіе посредствомъ топора. * Князь Ромодановскій, бывшій до возмущенія воеводою четырехъ полковъ, по настоянію царя, однимъ палашомъ казнилъ четверыхъ стрѣльцовъ; болѣе жестокій Алексашка хвастался, что онъ двадцатерымъ отрубилъ головы. Несчастный Голицынъ, оттого что дурно

* *Записки Желазуф.* 58. .А въ Преображенскѣ у того рязанца были и тѣхъ стрѣльцовъ казнили бояре и всѣ палатные люди сами топорами и палашами.*

рубиль, много прибавилъ страданія преступникамъ. Триста тридцать человѣкъ, вмѣстѣ выведенные на смертную казнь, обогрели обширную площадь нечестивою, хотя и мужественно пролитою кровью. Къ той же обязанности палача были приглашаемы генералъ Лефортъ съ барономъ Блюмбергомъ, но они извинились, что у нихъ въ отечествѣ это не въ обычаѣ, и это извиненіе было уважено. Самъ царь, сидя въ креслахъ, спокойно (*siccis oculis*, сухими глазами) смотрѣлъ на всю эту трагедію и на страшную бойню такого множества людей, и сердился только на одно, что бояре дрожащими руками принимались за это непривычное дѣло. Впрочемъ, нѣтъ угодые Богу жертвы, какъ смерть злодѣя. *

18-го (28-го) октября. Сегодня наказывали священниковъ, которые, желая привлечь простой народъ на сторону мятежниковъ, носили съ собою иконы Богоматери и Св. Николая и обычными молитвами у престола испрашивали помощь Божію для счастливаго исхода нечестиваго замысла: одного повѣсили на висѣлицѣ предъ Троицкою церковью, другому отрубили голову, а тѣло для позора положили на колесо. ** Два брата, виновные въ измѣнѣ, послѣ того какъ палачъ переломилъ у нихъ руки и ноги, живые привязаны были къ колесу, и когда въ числѣ другихъ двадцати человѣкъ, усѣченыхъ топоромъ и обрызганныхъ кровью, съ завистью усмотрѣли своего третьего брата, сердились и горько роптали, что оторванъ отъ нихъ ускореннымъ видомъ смерти тотъ, котораго сперва природа, потомъ проступокъ связали съ ними преступною любовью. Неподалеку отъ Новодѣвичьяго монастыря поставлено было тридцать висѣлицъ, представлявшихъ видъ четвероугольника, и на нихъ затаюты петлей головы 280 стрѣлковъ, достойныхъ болѣе жестокой казни; трое зачинщиковъ опаснаго возмущенія, которые написали просьбу, приглашая Софью къ управленію государствомъ, повѣшены на стѣнахъ помянутаго монастыря близъ окна

* Мовильомъ въ своей исторіи Петра Великаго влагаетъ сіи слова въ уста Петра.

** Желяб. „А поны, которые съ тѣми стрѣльцами были у нихъ въ подкахъ, одинъ передъ туескою шабою повѣшенъ, а другому отсѣчена голова и воткнута на колъ, а тѣло его положено было на колесо, также что и стрѣльца.“ Это были распяты: Борисъ Леонтьевъ и Есимъ Самсоновъ.

Софьиной спальни. Среднему изъ этихъ висѣльниковъ вложена была въ руки бумага, сложенная по формѣ челобитной. Это для того, чтобы сознание прошедшаго угрызало Софью непрестанною тоской.

19-го (29-го) октября. Инженеръ Лаваль, который за нѣсколько дней предъ симъ присланъ въ Москву императоромъ (австрійскимъ) и возведенъ царемъ въ чинъ генеральскій, изъ Азовской крѣпости прибылъ въ Москву въ желѣзныхъ кандалахъ и посаженъ въ новомъ приказѣ въ тюрьму, какъ обвиненный въ измѣнѣ.

20-го (30-го) октября. Двое царскихъ пословъ, которые недавно правили посольство при дворѣ цесарскомъ, генералъ Лефорть и бояринъ Головинъ вступили въ Москву тѣмъ же порядкомъ, съ какимъ въѣзжали въ Вѣну; множество каретъ въ шесть лошадей, сколько можно было найти, увеличивали блескъ процессіи, и царь не почелъ унизительнымъ для себя вмѣшаться въ число свиты. Процессія направилась ко дворцу князя Федора Юрьевича Ромодановскаго, бывшаго тогда намѣстникомъ. Младшій Лефорть, какъ секретарь посольства, несъ впереди, не знаю, чьи-то вѣрительныя грамоты, которыя подали означенному князю съ забавною и нигдѣ не встрѣчающеюся торжественностію; вѣроятно, это были затѣи царя: вмѣсто подарка, поднесена была обезьяна, и она заключила всю комедію потѣхой. Никому изъ свиты не дозволено было являться иначе какъ въ нѣмецкомъ платьѣ, для того особенно, чтобы князь Ромодановскій бѣсился отъ ненавистнаго зрѣлища. Когда ему сказали, что посолъ Головинъ надѣвалъ въ Вѣнѣ нѣмецкое платье, тотъ съ негодованіемъ отвѣчалъ: „не вѣрю, будто Головинъ до такой степени слабъ и безуменъ, чтобы возненавидѣлъ національное платье“.

21-го (31-го) октября. У двоихъ мятежниковъ, главнѣйшихъ коноводовъ между измѣнниками, переломали руки и ноги, и живыхъ вложили въ колеса, чтобы въ медленной смерти они приняли наказаніе, достойное лютой ихъ замысла. *

22-го октября (1-го ноября). Посланникъ одного изъ сѣверныхъ государствъ узналъ, что царь въ эту ночь спалъ въ домѣ датскаго комиссара Бауденапа; онъ отправился

* Это были стрѣльцы Чубарова полка Колокольниковъ и Оучковъ.

туда, думая, что смиренною услужливостію приобрѣтетъ онъ себѣ расположеніе отъ царя больше чѣмъ другіе. И не ошибся, потому что царь повелѣлъ его съ собою и показывалъ ему Ивана Великаго, или самый большой колоколъ въ мірѣ; но чуть-чуть не лишился онъ въ одну минуту той милости, которую приобрѣлъ съ такимъ трудомъ. Вмѣстѣ съ другими представителями онъ приглашенъ былъ на роскошный пиръ, устроенный первымъ министромъ Львомъ (Нарышкинымъ) и пришелъ туда съ царемъ. Онъ сидѣлъ за столомъ весьма близко отъ царя, и вмѣстѣ съ другими посланниками и царскими министрами упросилъ царя (хотя долго онъ не соглашался) посредствомъ выстрѣла пулей сократить продолжительное мученіе преступниковъ, которые вчерашній день были положены на колеса и еще до сихъ поръ были живы; царскій любимецъ Головкинъ, * которому поручено было исполнить это приказаніе, возвратился и объявилъ, что одинъ изъ осужденныхъ еще нѣсколько времени живъ былъ и послѣ выстрѣла; по этому случаю царь разказалъ слѣдующую исторію. Одинъ извожикъ въ Польшѣ, вслѣдствіе случайнаго выстрѣла изъ ружья, которое носилъ съ собою, такъ былъ раненъ, что пуля попала въ ротъ и вышла въ затылокъ; несмотря на это, онъ прожилъ послѣ того еще девять дней. Посланникъ, о которомъ я сказалъ выше, на основаніи утренней услужливости предположивъ, что этотъ день будетъ для него счастливымъ, приписалъ разказанный случай какому-то чуду, а царь между тѣмъ усиливался подтвердить истину своихъ словъ тѣмъ болѣе, чѣмъ больше видѣлъ изумленія въ посланникѣ; этотъ наконецъ представилъ нѣсколько физическихъ основаній и разсуждалъ относительно истинности происшествія съ выраженіемъ сомнѣнія, и присовокупилъ, что онъ съ трудомъ этому вѣритъ. Царь встревожился, оттого что такъ упрямо возстаютъ противъ вѣрности его словъ, призвалъ генерала Карловича и приказалъ ему сначала разказать по порядку о томъ событіи. Этотъ разказалъ то же самое. Тогда царь съ гнѣвомъ сказалъ философу, который публично возражалъ ему: „что, не вѣришь еще? Если и до сихъ поръ это представляется тебѣ невѣ-

* Гаврила Ивановичъ Головкинъ, постельничій Петра и начальникъ казеннаго деора, въ послѣдствіи графъ и государственныи канцлеръ.

роятнымъ, я напишу польскому королю и его свидѣтельствомъ подтвержу тебѣ истину моихъ словъ.“ За столомъ была рѣчь о различіи странъ. Сдѣлаво было дурное замѣчаніе о странѣ, которая весьма близко граничитъ съ Россіей. Присланный изъ этой страны посолъ возразилъ, что онъ много замѣтилъ въ Россіи такого, что стоило бы критики. Царь возразилъ на это: „еслибы ты былъ изъ моихъ, я придалъ бы тебя въ товарищи къ моимъ вѣстальникамъ, потому что мнѣ хорошо извѣстно, къ чему клонится твоя рѣчь“. Этому же послу царь съ умысломъ доставилъ случай плясать съ своимъ придворнымъ шутомъ; при этомъ послѣдовалъ всеобщій смѣхъ, а между тѣмъ посланникъ не понявъ, какую позорную сыгралъ съ нимъ комедію; только цесарскій посанникъ, который всегда имѣлъ у того посланника большой лѣсъ, чрезъ одного изъ своихъ приближенныхъ учтиво напомнилъ ему, чтобъ онъ вспомнилъ о важности своего званія; въ другомъ случаѣ, пощечины, нанесенныя царскою рукой въ игрѣ, тотъ же посланникъ изъяснилъ какъ выраженіе любви. Такъ одни и тѣ же дѣйствія получаютъ свое названіе отъ другихъ, свое отъ насъ, и часто приходится видѣть, что одни и тѣ же дѣйствія, по различію обстоятельствъ и нравовъ, то бываютъ обидой, то милостью.

Указомъ запрещено принимать въ уплату ефимки (реихсталеры), а велѣно ихъ доставлять на моветный дворъ, и тамъ мѣнять на копѣйки. Отъ этого царь получаетъ большую выгоду, потому что изъ ефимка, за который даютъ въ обмѣнъ 55 копѣекъ, вычеканиваютъ иногда 110 копѣекъ, какъ въ наше время испытали мы на самомъ дѣлѣ.

23-го октября (2-го ноября). Царь предъ отъѣздомъ въ Воронежъ приказалъ генералу Дефорту устроить пиръ, и кромѣ почетныхъ бояръ, пригласить всѣхъ посланниковъ. Царь пріѣхалъ позже обыкновеннаго, безъ сомнѣнія потому, что былъ занятъ немаловажными дѣлами. Во время самага стола, не обращая вниманія на присутствіе посланниковъ, разсуждалъ кой-о-чемъ съ своими боярами. Но отъ разсужденій весьма не далеко было до спора; царь не щадилъ ни словъ, ни жестовъ, когда всѣ, съ чрезвычайнымъ и опаснымъ въ присутствіи царя жаромъ, принялись упорно защищать свои мнѣнія; такъ спорили между собой, что доходили даже до обличеній. Двое, будучи ниже по службѣ, не вмѣшивались въ этотъ трудный споръ; но другимъ способомъ, хотя

нѣсколько грубымъ, снискивали благоволеніе за веселую шутку. Взявъ со стола хлѣбъ, оди́въ пустилъ его въ голову другого и за это заслужилъ похвалу, какъ будто сдѣлалъ прекрасное дѣло. Всякій старался представить подлинныя доказательства истиннаго своего происхожденія: Впрочемъ между самими московскими гостями нашлись нѣкоторые, въ которыхъ скромное обращеніе съ государемъ показывало прекрасное сердце; пожилой князь Алегуковичъ * отличался ровнымъ и серьезнымъ характеромъ; бояринъ Головинъ зрѣлымъ благоразуміемъ въ совѣтахъ; Артамоновичъ ** хорошимъ знаніемъ общественныхъ дѣлъ; эти достоинства тѣмъ ярче блистали, чѣмъ рѣже случалось ихъ видѣть.

Разсердившись, что къ царскимъ обѣдамъ допускаютъ столько разныхъ сумазбродовъ, Матвѣевъ на латинскомъ языкѣ, который хорошо знаетъ, громко сказалъ думному дяку сибирскаго приказа: *** *stultorum plena sunt omnia* (свѣтъ наполненъ дураками), такъ что голосъ его легко долетѣлъ до всѣхъ знавшихъ латинскій языкъ. Послѣ стола послѣдовали танцы; послѣ танцевъ былъ отпускъ польскому послу. Въ близъ находившуюся спальню, въ которой хранились кубки, стаканы и разные напитки, изъ толпы веселящихся гостей, съ неожиданною быстротою устремился царь и велѣлъ идти за собой польскому послу. Туда стекалась и вся толпа гостей, желая видѣть, о чемъ будетъ тамъ дѣло. Не всѣ еще успѣли проникнуть въ спальню (чему помѣшала самая толкотня), какъ царь уже выдалъ польскому послу отпускныя грамоты, и выходя оттуда, заставилъ покрасѣть тѣхъ, которые еще намѣревались и усиливались взойти въ комнату. По ходатайству генерала Лефорта, двое Голландцевъ, капитаны кораблей, виновные въ явномъ ослушаніи и осужденные военнымъ совѣтомъ на смертную казнь, допущены были къ царю, и высказавъ напередъ свою просьбу, упали ему въ ноги; царь отдалъ имъ шпаги и возвратилъ жизнь, почести и прежнія должности—поразительный опытъ высочайшей милости царской. Послѣ того, прощаясь, царь поцѣловался со всѣми боярами и посланниками, и особенно съ цесарскимъ посланникомъ, исключая польскаго, котораго отъ послѣдняго при-

* Черкасскій.

** Матвѣевъ.

*** Андрею Вуіуоу.

вѣтствія царскаго отвлекло, повидимому, обратное полученіе кредитивовъ. Около шести часовъ вечера царь отправился въ Воронежъ, и кромѣ другихъ лицъ, неизвѣстныхъ важности службы, спутниками его были: вице-адмиралъ Голландецъ *, начальникъ гарнизона генералъ Карловичъ и Адамъ Вейде. Карловичу назначены та же почести и то же содержаніе, какими пользовался прежде польскій посолъ; поэтому послѣдній не безъ основанія, какъ онъ думалъ, могъ подозрѣвать, что такой неожиданный и скорый отъѣздъ его былъ устроенъ тайными происками Карловича.

24-го октября (3-го ноября). Двадцать четыре человѣка, вмѣстѣ съ священниками, обвиненные вновь въ томъ, что своимъ совѣтомъ возбуждали въ мятежникахъ мужество, взяты въ тюрьму и къ розыску.

25-го октября (4-го ноября). Указомъ вмѣнено въ обязанность всѣмъ, кто имѣлъ торговыя лавки на площади близъ Кремля, сломать ихъ въ скорѣйшемъ времени, безъ всякихъ отговорокъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ потери имущества и понесенія тѣлеснаго наказанія. Причину этого указа думаютъ видѣть въ желаніи сообщить городу большій блескъ и красоту.

Польскому послу давъ царскій пиръ, какіе обыкновенно даются отъѣзжающимъ посланникамъ.

26-го октября (5-го ноября). Въ силу вчерашняго указа уже ломаютъ лавки ближайшія къ Кремлю: нужно было повиноваться.

Царскимъ указомъ всѣ нѣсколько подростіе, крѣпкаго сложенія мальчики посылаются въ Воронежъ для обученія у работавшихъ тамъ мастеровъ строенію судовъ; двѣсти человѣкъ, назначенные для отправки въ Голландію, сегодня пустились въ путь. Слабость сложенія избавила отъ отправки двоихъ сыновей покойнаго генерала Менезія.

27-го октября (6-го ноября). Инженеръ Лавалль допрошенъ генераломъ Шейнымъ, и когда заперся, что ничего не писалъ, говорятъ, уличенъ былъ почеркомъ своей руки.

Князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій узналъ, что царскій медикъ Зоппоть держитъ у себя въ услуженіи одного Нѣнца, которымъ пользуется въ качествѣ переводчика, и

---

* Крейсь. Кромѣ его и еще двоихъ поименованныхъ у Корба, съ царемъ поѣхали Мекшиковъ и Шаутбегахъ Реед.

думая, что этотъ человекъ и для него, и для сына его во многомъ будетъ полезенъ, постарался насильно отвязать его у Зоппота, хотя и Нѣмецъ этого не желалъ, и Зоппотъ не соглашался.

28-го октября (7-го ноября). Опять началась сильный холодъ, который на нѣсколько дней прекращался.

29-го октября (8-го ноября). Медику Зоппотъ пожаловался генералу Лефорту, что у него силой отвязали переводчика, и Ромодановскій принужденъ былъ сегодня его отпустить.

Одинъ подъячій изъ царской канцелярiи принесъ этому же медику обезьяну, съ приказанiемъ, чтобъ онъ ее вылѣчилъ; но тотъ извинился, что не знаетъ русскаго языка, и подставилъ вмѣсто себя своего товарища Карбонари, который, зная русскій языкъ, будто удобнѣе могъ лѣчить.

Польскій дворянинъ, который вмѣстѣ съ генераломъ Карловичемъ провожалъ царя до Москвы, отличенный милостию и щедростию царя, поѣхалъ назадъ въ Польшу.

2-го (12-го ноября). Польскому послу объявлено, чтобъ онъ въ трехнедѣльный срокъ очистилъ свою квартиру и отправился изъ Москвы, потому что эта квартира назначена министерствомъ для чрезвычайнаго посланника, имѣющаго прибыть отъ курфюрста Бранденбургскаго.

Царевна Марѳа отправлена въ одинъ отдаленный отъ Москвы монастырь, какъ бы на вѣчное заточенiе *.

3-го и 7-го (13-го и 17-го ноября). Генералъ Лефортъ дѣлалъ большой пиръ.

Всѣмъ цирюльникамъ и хирургамъ онъ запретилъ носить шапки, потому что прежде часто совершали они убiйства.

8-го и 9-го (18-го и 19-го) ноября. Шведскiй комиссаръ Квинперъ угостилъ множество гостей роскошнымъ пиромъ.

10-го (20-го) ноября. Пришедшіе изъ похода нѣмецкіе офицеры открыто жаловались, что Долгорукій ничего достойнаго воинской доблести не сдѣлалъ въ продолженiе всей экспедиціи этого года. Хотя онъ положительно зналъ, что во всемъ Крыму не жило болѣе 10.000 человекъ всякаго пола и возраста, однакоже съ 60.000 солдатъ ничего не рѣшился предпринять. Такое нерадѣніе военачальника крымскіе

---

* Марѳа сослана въ Александрову Слободу, въ Успенскiй дѣвичiй монастырь, тамъ пострижена съ именемъ Маргариты и скончалась въ 1707 году.

Татары наказали бѣдственнымъ пораженіемъ, ворвавшись подобно вихрю въ русскіе предѣлы. Они сожгли и разграбили Валуйки, пограничный русскій городъ, и переправившись чрезъ рѣку Осколь, прошли съ страшнымъ огненнымъ истребленіемъ до Бѣгорода. Деревни, села, города и поселенія жестоко истреблены пожарами и обратились въ головни и въ пепель; 6.000 человекъ, какъ скоты, отведены въ тягчайшее рабство; весьма немногіе нашли убѣжище въ лѣсахъ и звѣринныхъ берлогахъ. Сверхъ того, Русскихъ, въ ихъ собственныхъ лагеряхъ, поразилъ болѣе страшный непріятель: князь Долгорукій, не знаю вслѣдствіе какихъ несчастныхъ соображеній, не позаботился о необходимомъ продовольствіи для войска; ни одному офицеру не заплатили жалованья, и 15.000 солдатъ погибло отъ голода.

16-го (26-го) ноября. Хотя недавній жесточайшій розыскъ мятежниковъ въ продолженіе немногихъ дней истребилъ веревкой, желѣзомъ и колесомъ нѣсколько тысячъ человекъ, однакоже Россія не очищена еще отъ всѣхъ подонковъ измѣны. Съ тѣхъ поръ какъ царь уѣхалъ въ Воронежъ, тайныя сходки нѣкоторыхъ безпокойныхъ людей внушаютъ опасеніе честнымъ гражданамъ, что можетъ возникнуть упорнѣйшая междоусобная война; но до сихъ поръ это есть только тайное предположеніе, развѣ только секретно дано знать царю, чтобы прежде нежели заговоръ придетъ въ силу, заблаговременно приняты были болѣе сильныя мѣры противъ вырождающагося зла. Одинъ курьеръ, въ прошедшую ночь отправленный къ царю въ Воронежъ съ письмами и съ нѣкоторыми драгоценностями, на Каменномъ мосту въ Москвѣ былъ злодѣйски схваченъ и ограбленъ; на разсвѣтѣ нашли на мосту изодранныя письма, съ разломанными печатями, но куда дѣвались драгоценныя вещи, и куда пропалъ самъ курьеръ, не было никакого слѣда. Это злодѣйство приписали дурному умыслу заговорщиковъ и предполагаютъ, что курьеръ брошенъ подъ ледъ протекающей тутъ рѣки Неглинной.

17-го (27-го) ноября. Одного изъ матросовъ, Голландца, царскій солдатъ пронзилъ копьемъ во время ссоры.

18-го, 19-го и 20-го (28-го, 29-го и 30-го) ноября. Мы ѣздили въ саняхъ къ Новодѣвичьему монастырю съ тѣмъ, чтобы посмотреть на огромную четверугольную висѣлицу и на трехъ преступниковъ, висѣвшихъ у окна Софійной спальни.

21-го ноября (1-го декабря). Корабли, построенные на деньги вельможъ, по приказу царя спускаютъ на воду, какъ опытъ искусства и основаніе надежды на будущее. Корабль патриаршій больше всѣхъ былъ въ опасности, въ случаѣ несчастія, разбиться и разлетѣться въ дребезги.

22-го ноября (2-го декабря). Двое Голландцевъ найдены на площадяхъ мертвыми; подозрѣваютъ, что ихъ убили Русскіе. Говорили, что еще 7.000 мятежниковъ собираются въ тридцати верстахъ отъ Москвы.

23-го ноября (3-го декабря). Адамъ Вейде возвратился съ генераломъ Карловичемъ изъ Воронежа.

24-го ноября (4-го декабря). Поимано семьдесятъ человекъ московскихъ ночныхъ грабителей, и изъ нихъ два полицейскіе чиновника, бывшіе прежде священниками, первые принуждены были идти на дыбу.

25-го ноября (5-го декабря). Вина и другіе необходимые предметы, купленные въ Архангельскомъ портѣ и охраняемые конвоемъ изъ царскихъ солдатъ на протяженіи трехсотъ миль пути, привезены въ цѣлости и сохранности.

26-го ноября (6-го декабря). Отправившись въ царскій звѣринецъ, мы разсматривали, бѣлаго невѣроятной величины медвѣдя, леопардовъ, рысей и многихъ другихъ животныхъ, которыхъ тамъ держатъ для того только, чтобы смотрѣть на нихъ. Посолъ польскій просилъ, чтобъ его допустили къ царю въ Воронежъ, но министерство отказало ему, такъ какъ онъ вполнѣ уже отпущенъ, и на немъ не лежитъ больше никакой официальной обязанности.

27-го и 29-го ноября (7-го и 9-го декабря). По ходатайству царскаго посланника, инженеръ Лаваль освобожденъ воеводою Шеинымъ изъ тюрьмы и отъ оковъ и получилъ разрѣшеніе при караулѣ изъ трехъ солдатъ жить въ Нѣмецкой слободѣ и заниматься богомольемъ въ католической церкви. Но употребивъ во зло полученную свободу, онъ опять взятъ въ канцелярію и задержанъ тамъ подъ арестомъ.

30-го ноября (10-го декабря). Думаютъ, что царь отправился изъ Воронежа въ Бѣлгородъ, чтобы досконально изслѣдовать дѣло воеводы Долгорукаго.

1-го и 2-го (11-го и 12-го декабря). Триста бочекъ различнаго вина, привезенныя купцами изъ Архангельскаго порта, генералъ Л. форть приказалъ отнести въ свой погребокъ; царь платитъ за всѣ подобные расходы, служащіе къ удоволь-

ствію. Всѣ эти вина обыкновенно подлежатъ пошлинѣ; за всякій оксофтъ испанскаго вина должно заплатить пошлины 60, за оксофтъ рейнвейна 40 ефимковъ; а въ оксофтѣ содержится четыре ведра.

3-го и 6-го (13-го и 16-го) декабря. Одинъ морской капитанъ жилъ съ женой на квартирѣ въ домѣ одного боярина; въ ночное время онъ поѣхалъ съ бояриномъ, по его приглашенію, прокатиться на саняхъ, чтобъ освѣжиться, и когда возвратился, нашелъ свою жену съ отрубленною головою; а объ убійцѣ нельзя было имѣть никакого свѣдѣнія.

7-го и 8-го (17-го и 18-го) декабря. Генералъ Лефортъ показывалъ царскому посланнику, который у него обѣдалъ, присланный ему портретъ принца Савойскаго*, украшенный жемчугомъ и драгоценными камнями; онъ присовокупилъ, что такой же портретъ пожалованъ брату его, синдику Жевневскому.

9-го и 11-го (19-го и 21-го) декабря. Польскій посолъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ нѣсколько русскихъ вельможъ. Послѣ значительной попойки, онъ, щедрый до расточительности, предложилъ отдать гостямъ все что у него было, и гости не отказались отъ предложеннаго: одинъ выпросилъ себѣ карету съ шестью лошадьми, другой—пару дорогихъ пистолетовъ, третій—книгу, которая, какъ онъ замѣтилъ, только одна и оставалась; каждую изъ вещей посолъ раздарилъ поодиночкѣ, присовокупивъ: „пусть видятъ Русскіе, что изъ Россіи я ничего не увезу, что получалъ отъ нихъ.“

12-го (22-го) декабря. Генералъ Лефортъ сдѣлалъ большой пиръ.

13-го и 15-го (23-го и 25-го) декабря. Мать съ дочерью замыслили убить мужа, и злодѣйство совершено двумя убійцами, подкупленными за тридцать крестовиковъ; обѣ онѣ живыя по шею закопаны въ землю и понесли наказаніе, достойное злодѣянія. На сильнѣйшемъ морозѣ мать прожила до трехъ дней, а дочь больше шести дней. Трупы умершихъ вытащены изъ ямъ, и рядомъ съ вышепомянутыми убійцами, погибшими на висѣлицѣ, повѣшены за ноги, головой внизъ. Такому наказанію подлежатъ только жены за убійство мужей, а убійца жены не пресѣдуются съ такою строгостію и очень часто за преступленіе штрафуется только денежною пеней.

* Евгенія.

16-го (26-го) декабря. Начальникъ гарнизона генералъ Карловичъ хлопоталъ въ московскомъ министерствѣ о скорѣйшей посылкѣ на границу 20.000 солдатъ, вслѣдствіе новыхъ опасныхъ движеній въ Литвѣ. Противъ этого предпріятія протестовалъ посолъ польскій и внушалъ Карловичу: пусть онъ разсмотритъ, въ пользу Поляковъ или Русскихъ будетъ поведено это дѣло, потому что невѣроятно, чтобы Русскіе, не сдѣлавъ никакого дѣла, возвратились безъ добычи и прибрѣтснн. Даже болѣе: воспользовавшись вождѣльнымъ случаемъ, они нанесутъ неисцѣляемыя раны Рѣчи Посполитой. Кажется, умѣе будетъ, если царь чрезъ своего резидента принесетъ Рѣчи Посполитой жалобу объ оскорбительныхъ ея умыслахъ, именно: что царь видитъ пренебреженіе къ себѣ, ибо послѣ избранія и коронованія короля, объявленнаго законнымъ порядкомъ, хотятъ принять мысль объ избраніи новаго.

17-го (27-го) декабря. Шесть тысячъ крестьянъ и столько же солдатъ отправлено въ Воронежъ для предохраненія отъ вторженія Татаръ, котораго опасались.

18-го и 20-го (28-го и 30-го) декабря. По возвращеніи изъ Воронежа, царь былъ воспріимникомъ при крещеніи дочери полковника барона Блюмберга; воспріимниковъ было семнадцать, почти изъ всѣхъ вѣроисповѣданій; между ними почетные: посланникъ цесарскій, генералъ Лефортъ, Карловичъ и Адамъ Вейде. Между другими разговорами, цесарскій посланникъ повелѣлъ рѣчь о наказаніи за мужеубійство и объ извѣстномъ относительно сего обычая—оставшихся черезъ три дня живыми вынимать изъ ямъ и отсылать въ монастырь на рабочую жизнь. Царь, до слуха котораго этотъ разговоръ дошелъ въ неясномъ видѣ, спросилъ: о чемъ идетъ рѣчь, и узнавъ, что говорятъ о свисходительности вышеупомянутаго обычая, отвѣчалъ, жаждавшимъ послушать его: „этотъ обычай мало имѣетъ силы; и я самъ знаю, что одна женщина, не такъ давно осужденная на ту же казнь, двѣнадцать дней прожила безъ пищи, и потомъ омыла преступленіе заслуженною ею смертію.“ Пока осужденная влачитъ жизнь въ ямѣ, караульные солдаты, подѣ страхомъ жесточайшаго тѣлеснаго наказанія, имѣютъ приказъ: не давать ей никакой пищи или питья, что могло бы поддержать силы преступницы, дабы такимъ образомъ она терпѣла болѣе продолжительныя мученія. Въ самую полночь

царь пришелъ къ этой женщинѣ, и, говорятъ, допрашивалъ ее, быть-можетъ, съ цѣлю оказать ей милость, если окажется того стоющею, но этому воспрепятствовала важность преступленія и опасность прощениемъ подать примѣръ злодѣямъ. Другіе утверждаютъ, будто царь выразилъ желаніе, чтобы кто-нибудь изъ караульныхъ солдатъ пулей избавилъ эту женщину отъ дальнѣйшихъ мукъ медленной смерти, но противъ этого намѣренія возроптавъ генералъ Лефорть, сказавъ, что солдату неприлично стрѣлять пулей въ женщину, даже осужденную на смерть; этими и другими сказанными при семъ безучастными словами царь убѣдился, и приказалъ несчастной дожидаться смертнаго исхода.

21-го (31-го) декабря. Генералъ Лефорть дѣлалъ великолѣпный пиръ, на которомъ, кромѣ царя, было 200 знатнѣйшихъ гостей, но царь до того разсерженъ былъ пошлыми ругательствами между собою двухъ лицъ, которыхъ первое мѣсто по царѣ сдѣлало соперниками, что въ виду всѣхъ грозилъ порѣшить сеору головой кого-нибудь изъ нихъ, того именно, кто изъ нихъ окажется болѣе неправымъ. Въ комиссары для разбирательства дѣла онъ назначилъ князя Ромодановскаго, а когда Лефорть подошелъ къ царю, съ цѣлю смягчить его гнѣвъ, царь оттолкнулъ его отъ себя сильными ударомъ кулака.

22-го и 23-го декабря (1-го и 2-го января). Въ Преображенское къ царю, по приказу, явились всѣ бояре; происходили совѣщанія относительно мира и войны. Въ Нѣмецкой слободѣ нашли мертвого поселянина со множествомъ ранъ; язвины показывали, что онъ убитъ былъ ножомъ, но преступленіе осталось ненаказаннымъ, потому что не открыто никакихъ слѣдовъ скрывшагося убійцы.

Бу втовщики изъ Азова привезены въ Москву и наказаны за измену; священникъ, бывший соучастникомъ въ бунтѣ, былъ обезглавленъ рукой самого царя. Еще казнены шесть дѣлателей фальшивой монеты; фальшивую монету разтопили и валили имъ въ ротъ.

24-го декабря (3-го января). Сегодня, наканунѣ Рождества Христова (старого стила), которому предшествуетъ у Русскихъ шестинедѣльный постъ, всѣ рынки и перекрестки наполнены были мясомъ; здѣсь неимоверное множество гусей, тамъ такое множество убитыхъ свиней, что подумаешь, ихъ достанетъ на цѣлый годъ; также чрезвычайно много

битыхъ быковъ; разнаго рода птицы какъ будто со всей Россіи и со всѣхъ ея концовъ слетѣлись въ одну Москву. Напрасно я сталъ бы перечислять различные сорта мяса: здѣсь было все, чего ни пожелаешь.

Одинъ изъ бояръ слишкомъ свободно поговорилъ съ царемъ въ Преображенскомъ; его подвергли тѣлесному наказанію, и боль отъ ударовъ достаточно вразумила его, что съ государемъ нужно говорить почтительно.

25-го декабря (4-го января). Царь навѣстилъ генерала Гордона, болѣзнию прикованнаго къ постелѣ, и открылъ ему, что у него твердое намѣреніе съ кораблями своими отправиться по морямъ, несмотря на условія мира, который, можетъ-быть, вскорѣ будетъ заключенъ, и который воспрещалъ бы всякія враждебныя демонстраціи. Гордонъ поздравилъ царя съ этимъ рѣшительнымъ намѣреніемъ, но присовокупилъ, что первыя заботы должны быть о безопасности порта, иначе весь флотъ сдѣлается игроущемъ вѣтровъ и добычей непріятелей. Царь одобрилъ бы здравый умъ въ больномъ тѣлѣ, еслибы жажда славы могла терпѣть отсрочку. Поэтому Гордону, который беспокоился о пристани и о безопасности флота болѣе чѣмъ можно было это перенести великодушію государя, царь, оставивъ правила благоразумія, ствѣчалъ сообразно съ своимъ честолюбіемъ: „корабли мои найдутъ пристань на морѣ.“ У Шеина отнята власть производить въ офицеры, за то что онъ продавалъ чины военнымъ, и поручена на время Гордону, какъ исполнителю болѣе честному, и онъ скоро изучилъ эту должность, производя капитана Штрауса въ подполковники, начальники гарнизона.

26-го декабря (5-го января). Царь обѣдалъ у генерала Артамона Михайловича Головина.

27-го декабря (6-го января). Женщину, которая убила и мужа и мать, спросили: какимъ побужденіемъ доведена она до такого безчеловѣчнаго злодѣйства? Развѣ не знала она, какою жестокою казнію наказываются подобныя преступленія? Къ удивленію допрашивающаго, она неустрашимо отвѣчала: „я недавно видѣла какъ двѣ женщины, обвиненныя въ мужеубійствѣ, ожидали медленной смерти въ своихъ ямахъ, и я не сомнѣваюсь, что такая же казнь ждетъ и меня, и я ничего себѣ не вымалываю; съ меня довольно, что убивъ мужа и мать я наслаждаюсь такимъ сильвымъ преступленіемъ.“

Ей назначена обыкновенная казнь—зарытіе въ яму, но въ придачу предъ тѣмъ жгли ся тѣло на огнѣ.

28-го декабря (7-го января). Изъ Персіи прибылъ посланикъ съ пятью только лицами.

29-го и 30-го декабря (8-го и 9-го января). Царь обѣдалъ у князя Голицына, когда внезапная тревога дала знать, что произошелъ пожаръ, который истребилъ уже домъ одного извѣстнаго боярина. Царь быстро вскочилъ изъ-за стола и бѣгомъ устремился къ тому мѣсту, гдѣ, какъ узналъ онъ, свирѣпствовалъ пожаръ; для потушенія огня онъ дѣйствовалъ не совѣтомъ только, но и собственными руками, и видно было, какъ онъ работалъ на самыхъ развалинахъ истребляемаго дома.

31-го декабря (10-го января). Изъ посольскаго приказа послано пятнадцать подводъ къ польскому послу, чтобъ онъ не откладываетъ дальѣе своего отъѣзда. Посему въ этотъ самый день, послѣ публичной молитвы священника, онъ простился со всѣмъ обществомъ католиковъ.

2-го (12-го) января (1699 года). Отправивъ впередъ свой обозъ, посолъ польскій сталъ собираться въ путь. Одинъ фокусникъ не такъ давно пріѣхалъ въ Москву, съ огромною надеждой на свое искусство въ земляхъ столь отдаленныхъ. Прибывъ изъ Шотландіи, своей родины, онъ тщеславно выхвалялъ племенное происхожденіе тѣхъ, которымъ генералъ Гордонъ отличными подвигами въ Россіи доказалъ славный блескъ своей родины. Повидимому, можно было узнать, что онъ изъ Шотландіи, еслибы низкое ремесло фокусника, которое одно и было его занятіемъ, не возбудило предубѣжденія противъ его происхожденія, такъ какъ храбрые орлы не рожаютъ робкаго голубя. * Этого бѣдняка, покинутаго своимъ гордымъ родствомъ, судьба постояннымъ несчастіемъ довела до крайняго положенія; поссорившись съ однимъ капитаномъ, который прозывался Шмидъ, онъ нажилъ себѣ величайшее несчастіе. Когда капитанъ схватился съ фокусникомъ руками, и готовъ былъ упасть, на помощь къ нему прибѣжала жена со взрослыми дочерьми, и когда фокусникъ былъ схваченъ множествомъ рукъ, онъ вынужденъ былъ рѣшиться на жестокія мѣры: выхвативъ кияжаль, который носилъ съ собою, онъ такъ глубоко всадилъ его въ бокъ капитана, что

* Статъ изъ Горація. IV. 4. 31.

тотъ, вслѣдствіе сильнаго кровоточенія, умеръ. Совершивъ убійство, фокусникъ прибѣгъ къ польскому послу подъ покровительство, но расчетъ не удался, потому что посолъ, собиравшійся на дняхъ отправиться изъ Москвы, усомнился, можно ли ему безъ опасенія увести съ собой бѣдняка. Поэтому быстро и недовольно зрѣло разсудивъ, самъ отвезъ его на саняхъ съ польскаго двора въ Нѣмецкую слободу, изъ мѣста убѣжища и безопаснаго пристанища на открытую опасность тюрьмы, казни и смерти. Онъ думалъ, что у полковника Гордона, состоявшаго на службѣ царской и имѣвшаго власть всѣмъ распоряжаться, фокусникъ долже можетъ скрываться нежели у тѣхъ, которыхъ единодушное признаніе народовъ оградило нѣкоторою святостію законовъ. Самъ посолъ, пріѣхавъ въ слободу вечеромъ, съ безпокойною поспѣшностію, возбудилъ подозрѣніе относительно того, кого онъ привезъ; ибо тотчасъ, какъ только освѣдомились о привезенномъ, фокусникъ выданъ былъ полицейскому служителю, и ему народное мнѣніе, по обычаю, опредѣлило жесточайшія наказанія за то, что онъ отгвалъ у жены мужа, а у четверыхъ дѣтей отца. На допросѣ подъ пыткой, которая, по ненависти къ нему Москвитянь, втрое была жесточе, онъ въ свою защиту доказывалъ неизбѣжность убійства, представляя, что онъ вынужденъ былъ совершить это преступленіе, дабы предотвратить задушеніе, которое ему угрожало.

Одинъ слуга, убившій господина, вымолилъ себѣ пощалу и милостиво избавленъ отъ смертной казни, на которую былъ осужденъ; однакоже царь, узнавъ что онъ совершилъ еще новое убійство, приказалъ посадить его въ кандалы и предать смертной казни.

3-го (13-го) января. Во время рождественскихъ праздниковъ нашего Спасителя, разыгрываютъ великолѣпную комедію. Почетныя лица изъ Русскихъ, по выбору царя, украшаются различными санами, заимствованными отъ духовенства. Одинъ представляетъ патриарха, другіе митрополитовъ, архимандритовъ, священниковъ, діаконовъ, иподіаконовъ и проч. Какое кто изъ этихъ именъ получить по нареченію царя, тотъ непременно одѣвался въ соответствующія ему одежды. Сценическій патриархъ, съ своими придуманными митрополитами и другими, съ посохомъ, въ митрѣ и въ другихъ знакахъ принятаго имъ сана, въ 80 саняхъ съ 200 чело-
вѣкъ ѣздилъ по Москвѣ и въ Нѣмецкую слободу. Всѣ

заѣзжали къ богатымъ Москвичамъ и нѣмецкимъ офицерамъ, и къ купцамъ, славили Христа, и хозяева домовъ должны были платитъ большую цѣну за пѣніе. Генералъ Дефорть, послѣ того какъ прославили у него, всѣхъ ихъ угостилъ болѣе пріятною музыкой, парушкой и танцами.

4-го (14-го) января. Богатѣйшій московскій купецъ, по фамиліи Филадиловъ, тѣмъ, что за славление Христа далъ царю съ боярами только 12 рублей, такъ оскорбилъ царя, что царь тотчасъ же послалъ въ домъ означеннаго купца 100 мужиковъ, съ приказомъ, чтобы тотъ немедленно заплатилъ каждому по рублю. Чужая опасность сдѣлала болѣе осторожнымъ князя Черкаскаго, котораго чествать именемъ богатѣйшаго мужика; чтобы не заслужить гнѣва царскаго, онъ поднесъ толпѣ славильщиковъ тысячу рублей: такую же готовность должны были изъяслять и Нѣмцы. У нихъ звездѣ накрыты были столы и наполнены холодными кушаньями, чтобы не застали ихъ неготовыми.

5-го и 6-го (15-го и 16-го) января. Праздникъ трехъ царей или, лучше, Богоявленіе Господне ознаменовано было освещеніемъ рѣки Неглинной. Чтобы посмотреть на это особенное торжество въ году, посланникъ цесарскій отправился въ посольскую канцелярію, изъ которой выходили окна на мимо протекавшую рѣку. Процессія направилась къ рѣкѣ, скованной зимнимъ холодомъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: Впереди шелъ полкъ генерала Гордона; начальникъ гарнизона полковникъ Менезій велъ роту, а полковникъ Гордонъ занималъ подобающее ему мѣсто въ полку; новая обмундировка изящнаго краснаго цвѣта придавала блескъ процессіи. За полкомъ Гордона шелъ другой полкъ — Преображенскій, отличавшійся зеленымъ цвѣтомъ новыхъ кафтановъ; мѣсто капитана занималъ царь, высокимъ ростомъ внушавшій уваженіе къ своему величеству; затѣмъ слѣдовалъ третій полкъ, называвшійся Семеновскимъ; маленькіе барабанички на столько придавали красоты полку, насколько отягла ее природа у обыкновеннаго человѣческаго роста; кафтаны на солдатахъ были лазореваго цвѣта. Въ каждомъ полку было по два хора музыкантовъ, по 18 человѣкъ въ каждомъ; за полкомъ Преображенскимъ везли восемь, а за прочими полками по шести пушекъ. Офицеры въ полкахъ почти всѣ были Нѣмцы. На рѣкѣ, покрытой льдомъ, была выстроена іордань; полкъ Гордона стоялъ выше къ той сторонѣ рѣки, Семеновскій ниже,

а вдоль рѣки, по сторонамъ іордани, стоялъ полкъ Преображенскій, и при каждомъ полку разставлены были пушки. На этой недѣлѣ полкъ генерала Лефорта ходилъ въ караулъ; поэтому двѣ его роты шли впереди духовенства, а другія двѣ, съ бѣлыми плащами въ рукахъ, прокладывали дорогу и сторонили во множествѣ собравшійся народъ. Предъ самымъ же духовенствомъ шли впереди 12 земскихъ (служители при царской кухнѣ) съ метлами, чтобы чистить улицы. Пять сотъ духовныхъ лицъ, иподіаконы, діаконы, священники, архимандриты, епископы и архіепископы въ облаченіяхъ, причествующихъ сану и должности и богато украшенныхъ золотомъ, серебромъ, жемчугомъ, и драгоценными камнями, придавали еще болѣе величественный видъ священной церемоніи. Предъ большимъ золотымъ крестомъ 12 причетниковъ несли фонарь, въ которомъ горѣли три восковыя свѣчи, потому что не прилично и не пристойно, по мнѣнію Русскихъ, быть кресту въ публичномъ мѣстѣ безъ свѣчи. Неимовѣрное множество народа стеклось отовсюду; зрителями наполнены были улицы, заняты крыши и городскія стѣны. Когда духовенство заняло помѣщеніе въ іордани, начался священныи обрядъ, зажжено было много свѣчей, и началось божественное цѣліе. Когда совершали положенныя молитвы къ Богу, митрополитъ обходилъ съ кадиломъ всю іордань, въ срединѣ которой, на подобіе проруби, заступомъ пробить былъ ледъ и обнаружена была вода; троекратно покадивъ воду, и трижды окунувъ въ нее зажженную свѣчу, онъ освятилъ ее обыкновеннымъ благословеніемъ; сбоку іордани воздвигнуть былъ столбъ, выше стѣны іордани, на которомъ съ царскимъ знаменемъ стоялъ тотъ, кого царскій выборъ почтетъ достойнымъ этой чести, потому что считается особенною царскою милостію быть назначеннымъ на эту должность; яснѣйшимъ доказательствомъ этого служить то, что царь обыкновенно даритъ такому человѣку новую одежду съ головы до ногъ, и кромѣ того, нѣсколько золотыхъ. Знамя это бѣлаго цвѣта, и на немъ блеститъ вышитый золотой двуглавый орелъ; знамени нельзя развернуть, пока духовенство не войдетъ въ ограду іорданъ, потомъ знаменосецъ долженъ наблюдать за церемоніей, когда происходитъ каженіе и освященіе, и о каждомъ изъ сихъ дѣйствій онъ даетъ знать движеніями знамени; то же аккуратно соблюдаютъ прочія полковыя знамена, чтобы

производить соответствующія движенія. По совершеніи водосвященія, приближаются къ тому мѣсту знамена всѣхъ полковъ и окружаютъ іордань, чтобы получить окропленіе святою водою; послѣ того патріархъ или, въ отсутствіе его, митрополитъ, выходя изъ іордани, кропитъ обыкновенно царя и все войско. Къ довершенію праздничнаго торжества, по командѣ царя, палили изъ всѣхъ полковыхъ пушекъ, затѣмъ послѣдовалъ пріятный звукъ трехъ залповъ изъ ружей. Предъ началомъ церемоніи на шести бѣлыхъ лошадяхъ царскихъ везли сосудъ, по своей фигурѣ похожій на саркофагъ; онъ покрытъ былъ краснымъ сукномъ, и въ немъ надлежало отвезти освященную воду въ царскій дворецъ; три причетника несли сосудъ для патріарха и много другихъ сосудовъ для бояръ и вельможъ московскихъ.

7-го (17-го) января. Русскіе, вчера торжественно совершавшіе таинство крещенія Христова, праздновали нынѣ праздникъ Іоанна Крестителя. Посолъ польскій выѣхалъ изъ Москвы.

8-го (18-го) января. Изъ матросовъ, недавно нанятыхъ въ Голландію и только что пріѣхавшихъ въ Москву, многіе поженились, а своихъ женъ, на которыхъ женились въ Голландію, оставили тамъ до своего возвращенія. Узнавъ это, генералъ и адмиралъ Дефорть запретилъ пасторамъ, приходскимъ священникамъ и миссіонерамъ всѣхъ вѣроисповѣданій и церквей, чтобы впередъ они не смѣли сочетовать бракомъ кого-нибудь безъ его вѣдома, и безъ его собственнаго разрѣшенія. Это запрещеніе въ сущности было справедливо, потому что иначе легко могло случиться, что люди легкомысленные, поправъ Бога, религію и нравственность, стали бы впадать въ пагубнѣйшее безуміе многоженства.

9-го, 10-го (19-го, 20-го) января. Когда царскій медикъ Григорій Мартиновичъ Карбонари де-Бизенеггъ былъ у насъ за обѣдомъ, онъ позванъ былъ аптекаремъ Гозеномъ къ больному монаху. Можетъ-быть, вечернее время, тогда наступившее, не дало человѣку видѣть очевидное разстояніе между людьми; только, вопреки обыкновенію и учтивости, безъ требуемаго приличія предварительнаго доклада, съ грубою фамильярностію, свойственною постояннымъ дворамъ, аптекарь вошелъ въ комнату, гдѣ обыкновенно обѣдалъ царскій посланникъ съ своими гостями. Всѣ изумились неучтивости этого человѣка потому особенно, что онъ не былъ

довольно знакомъ, и многіе его не жаловали; ничего не говоря, онъ указываетъ на доктора и поведительнымъ знакомъ вымываетъ его къ себѣ: тотъ разсердился, что у него будетъ дѣло съ безумцемъ, и ясно далъ знать, что эта рожа ему не нравится. И царскій посланникъ не сталъ долго терпѣть этого дурака, который, какъ видно было, должно ссымался на царскую власть, и велѣлъ своимъ людямъ вывести его изъ своей квартиры и объявить ему, что если онъ вторично рѣшится на такую дерзость, то она не останется безъ наказанія. Кто бы подумалъ, что этого человѣка, который по недостатку разсудка впалъ въ открытую ярость, употребляютъ на службу государю? Справедливость требованія казалась для доктора сомнительною и потому, что онъ только что пришелъ отъ больнаго, котораго хотѣлъ навѣстать царь. Но у безумца возрасло сумасбродство: аптекаръ какъ можно скорѣе, какъ бываетъ съ разъяренными, полетѣлъ къ царю, и сильно пожаловался ему о неуваженіи къ царскому приказу, о своей обидѣ и непростительномъ ослушаніи доктора. Этой жалобѣ пособили тѣ, которые состояли съ нимъ въ родствѣ по браку, или товарищи его по вѣроисповѣданію. Клеветами своими возбудили они въ царѣ гнѣвъ противъ невиннаго доктора, и чтобы сдѣлать оный еще болѣе опаснымъ для него, рѣшились на другую безчестную хитрость: когда докторъ, посѣтивъ опять больнаго, хотѣлъ изъ услужливости взойти къ царю, знаменосецъ, который въ то время стоялъ на караулѣ, въ продолженіе цѣлыхъ двухъ часовъ не соглашался впустить его, съ намѣреніемъ, чтобъ отъ самаго промедленія, котораго тогда нельзя было извинить доктору, несправедливыя жалобы приобрѣли вѣроятіе. Отъ этого произошло то, что царь, когда наконецъ допущенъ былъ къ нему докторъ, не сталъ его слушать, но какъ публично обвиненнаго, тотчасъ приказалъ арестовать.

Вечеромъ отправляли похороны недавно убитаго капитана Шмида; ихъ провожалъ царь.

11-го (21-го) января. О вчерашнемъ случаѣ, именно о безуміи аптекаря и о невинности арестованнаго доктора по правдѣ донесено боярину Федору Алексѣевичу Головину, начальнику царской аптеки, чтобы по разсмотрѣніи оскорбленія, нанесеннаго несправедливымъ донощикомъ, докторъ скорѣе освободился изъ-подъ ареста.

12-го (22-го) января. До сихъ поръ и не помышляютъ о мирѣ, и всѣ намѣренія клонятся къ войнѣ, хотя подданные, изнуренные постоянными налогами, съ сокрытымъ негодованіемъ смотрятъ на невыгоды войны и ежедневно вздыхаютъ, пламенно желая вождельнаго мира. А чтобы всѣмъ было извѣстно о твердомъ намѣреніи вести войну, царскіе бояре, по желанію царя, объявили, чтобы всѣ князья до послѣдняго стольника (stoloposk), то-есть до послѣдняго дворянина, были готовы къ скорому походу съ такимъ количествомъ слугъ, которое соотвѣтствуетъ ихъ средствамъ. Такъ легко въ Россіи собрать многочисленное войско.

13-го и 14-го (23-го и 24-го) января. Около трехъ часовъ вечера привѣзъ, чрезвычайный посланникъ бранденбургскій, торжественно вступилъ въ Москву въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) рота конныхъ солдатъ недавно только сформированная и состоящая изъ 72 человекъ, подъ предводительствомъ капитана со шпагой въ рукахъ, передніе 24 человека сидѣли на воровыхъ лошадяхъ, середніе на бѣлыхъ, а задніе также на воровыхъ; 2) за ними слѣдовали три лошади, которыхъ вели конюхи; 3) восемь чиновниковъ бранденбургскаго посланника, величественно сидѣвшіе на царскихъ лошадяхъ, которыя блистали позолоченными сѣдлами и чепраками; 4) переводчикъ на саняхъ; 5) помощникъ царскаго шталмейстера также на саняхъ; 6) царскій позолоченный возокъ, запряженный въ пару бѣлыхъ лошадей, въ которомъ сидѣлъ посланникъ съ приставомъ; кромѣ двѣнадцати служителей царскихъ, одѣтыхъ въ красныя одежды, возокъ сопровождали четыре гайдука посланника, въ одеждѣ лазореваго цвѣта; 7) карета, назначенная для выѣздовъ посланника, запряженная въ шесть бѣлыхъ лошадей; 8) повозка, за которою слѣдовали 48 саней, наполненныхъ разнымъ грузомъ. Таковъ былъ торжественный въѣздъ. Для помѣщенія посланника отведены комнаты на посольскомъ дворѣ, въ которыхъ недавно жилъ польскій посолъ.

Вскорѣ послѣ въѣзда, начальникъ гарнизона, генералъ Карловичъ, вздумалъ приобрести себѣ расположеніе бранденбургскаго посланника, и съ слѣшкомъ заботливою участіемъ, первый явился поздравить его; вѣроятно, онъ сожалѣлъ освѣдомиться и о здоровьѣ его. Бранденбургскій посланникъ, вмѣсто взаимной любезности, приказалъ коротко отвѣчать ему, что онъ не знаетъ Карловича и подлинно

удивляется, почему онъ навѣдывается о здоровьѣ незнакомаго человѣка. Это весьма непріятно подѣйствовало на Карловича. Бранденбургскій посланникъ привезъ съ собой семь мальчиковъ музыкантовъ (ихъ зовутъ гобоистами), которыхъ царь приобрѣлъ у учителя ихъ за 1.200 червонцевъ.

Князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій и Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ были въ одномъ мѣствѣ. Князь Ромодановскій, вслѣдствіе обычной необразованности, сперва напалъ на Апраксина съ сильными ругательствами, потомъ готовъ былъ ударить его палкой, которую держалъ въ рукахъ; Апраксинъ, человѣкъ благороднѣйшаго характера, раздраженный такимъ непристойнымъ и грубымъ обхожденіемъ, обнажилъ палашъ, и грозилъ убить его, если онъ не уймется. Ромодановскій ужаснулся отъ такого неожиданнаго и смѣлаго измѣренія, и обнявъ колѣна Апраксина, просилъ прощенья и напоминалъ, что онъ не врагъ ему, а другъ и братъ. Ромодановскій жестокъ съ бѣдными и робокъ съ отважными.

Хорошили пристава полковника и гарнизоннаго командира, который недавно былъ въ Вѣнѣ съ великимъ московскимъ посольствомъ въ должности гофмейстера; обыкновенныя послѣ похоронъ поминки, устроенныя генеральшею Мензигусъ, почтилъ своимъ присутствіемъ царь, и когда попробовалъ вино, которое обносили кругомъ, и замѣтилъ что оно слишкомъ кисло, сказалъ, что оно вполне идетъ къ похоронамъ.

15-го (25-го) января. Царскій медикъ Карбонари Бизенгъ, нынѣ освобожденный изъ-подъ ареста, спрашивалъ у князя Ромодановскаго о причинѣ своего долгаго заключенія подѣ карауломъ и получилъ въ отвѣтъ, что это было сдѣлано только для того чтобъ его подразнить. Нечего сказать: очень забавна и пріятна эта шутка, когда человѣку, надѣ которымъ пошутили, причиняетъ она опасность и ущербъ, если не жизни, то, по крайней мѣрѣ, чести. Подобная шутка не вразумитъ потерпѣвшаго обиду, но отнимаетъ разсудокъ у наносящаго оную.

16-го (26-го) января. День рожденія одной дѣвицы изъ низкаго происхожденія, которой отецъ, Монсъ, какъ говорятъ, былъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, сталъ извѣстнымъ, потому что царь почтилъ оный своимъ присутствіемъ.

17-го (27-го) января. Купецъ Канкенгиссеръ выдалъ дочь свою замужъ, и на торжественной и великолѣпной свадьбѣ

царь взялъ на себя обязанность услуживать всѣмъ гостямъ. Должность шафера исполняли генералъ Лефортъ и Адамъ Вейде съ полковникомъ Балкомъ.

18-го (28-го) января. Бояринъ Плещеевъ, на дорогѣ, въ одномъ мѣстечкѣ Цуккермандъ, насильно и ложными увѣреніями склонилъ Эрнеста Вильгельма Зеуффа пріѣхать въ Россію, но ему жить въ Москвѣ было очень плохо, потому что ему давали только хлѣбъ и квасъ; а когда онъ просилъ себѣ чего-нибудь другаго, Русскіе ударили его головой объ стѣну. Этому шестнадцатилѣтнему мальчику бояринъ Плещеевъ предлагалъ многихъ дѣвушекъ въ невѣсты; еслибъ онъ принялъ русскую вѣру, онъ могъ бы выбрать себѣ самую красивую; у него было опасеніе, чтобы съ нимъ не вышло чего-нибудь дурнаго, вслѣдствіе какого-нибудь другаго нелѣпаго обычая. Въ первый день Рождества онъ со слезами прибѣгъ подъ защиту къ цесарскому посланнику; между тѣмъ царь, по настоянію боярина, потребовалъ, чтобы этого мальчика прислали къ нему, для причисленія его къ дворцовой прислугѣ, и обѣщавъ, что за свою вѣру онъ не подвергнется строгости, бѣдности, или насилію. Впрочемъ, сегодня онъ получилъ полную свободу и возвратился къ посланнику.

Одному англійскому купцу назначено было заплатить штрафа 1.000 рублей за то, что братъ его не уплатилъ по векселю 2.000 червонцевъ Русскимъ, отправлявшимся изъ Англіи въ Каталонію, несмотря на то, что по всей справедливости надлежало бы поставить это въ вину самимъ Русскимъ, которые при отъѣздѣ требовали только 500 червонцевъ.

19-го (29-го) января. Захвачены пятьдесятъ дѣлателей фальшивой монеты, которые, послѣ надлежащей улики въ преступленіи, осуждены на высѣченіе кнутомъ. Это замѣняетъ сѣченіе палками употребляемое въ нашихъ странахъ.

Несогласно съ нравами и обычаями Русскихъ, если послы иностранныхъ государей, не видавъ ясныхъ очей царя, то есть не получивъ аудіенціи, будутъ принимать у себя кого-нибудь, или сами поѣдутъ къ кому-нибудь; несмотря однако на это, датскій посланникъ посѣтилъ бранденбургскаго, можетъ-быть, нетерпѣливо желая особенно съ нимъ познакомиться.

20-го (30-го) января. Чрезвычайный посланникъ курфирста бранденбургскаго былъ принятъ въ аудиенцію; онъ ѣхалъ съ приставомъ въ позолоченномъ царскомъ возкѣ, который сопровождали двѣнадцать слугъ царскихъ, двое слугителей посланника и четыре гайдука; впереди ѣхали его чиновники, на царскихъ лошадяхъ, богато украшенныхъ; предъ самымъ возкомъ маршалъ посольства несъ кредитивныя грамоты, покрытыя голубою шелковою матеріей. Аудиенція дана въ томъ зданіи, которое выстроено на царскій счетъ, съ царскою роскошью, и въ которомъ жилъ между тѣмъ генералъ Лефортъ. Когда царь послѣ обычныхъ церемоній ушелъ, Лефортъ щедро угостилъ посланника и всю его свиту виномъ, потому что не задолго до того времени великій посолъ царскій имѣлъ его своимъ комиссаромъ во владѣніяхъ бранденбургскихъ, и до сихъ поръ былъ знакомъ съ нимъ и любилъ его.

Изъ десяти другихъ дѣлателей фальшивой монеты одинъ осужденъ на повѣшеніе, а прочіе высѣчены кнутомъ.

21-го (31-го) января. Мужа найденнаго на улицѣ израненнымъ и убитымъ, и запачканнаго кровью, жена положила предъ собой въ возкѣ, и привезла домой съ плачевными и жалобными воплями.

Всѣмъ военнымъ офицерамъ опять настрого приказано, чтобы готовы были къ скорому походу.

Примѣчаніе. Въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сохранились черновые листы составленнаго въ первые годы XVIII вѣка перевода дьячка Корба на русскій языкъ. Я пересмотрѣлъ листы этого перевода за послѣднія числа іюля (26—31) 1698 года, за августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь того же года, за январь, февраль и за 12 дней марта 1699 года.

Нельзя оказать чтобы переводъ этотъ былъ ясенъ и точенъ. Многія мѣста не покаты переводчикомъ и переведены невѣрно, или даже совсѣмъ опущены. Любопытно, что во мѣстахъ рѣзкіе отзывы о Петрѣ I выпущены. Предоставляю нѣсколько образцовъ этого перевода для сличенія съ подлинникомъ.

6-го августа (1698) Apud Ruthenos iteram solennitate speciali omnes terrae fructus benedicebantur.

„У Русскаго народа ихъ причѣннымъ моленіемъ во всѣхъ земляхъ Богъ благословилъ овецемъ.“

22-го августа. Chrysostomus Vögelein in officium translatoris acceptus in Cancellaria Legatoria Missionario Caesareo D. Emiliani formulam

praelegente iuramentum fidelitatis praestitit. Bis erectus ad imaginem Ruthenicam cereus bis iterum delapsus est; placuit aliquibus id in ventorum omen accipere.

„Хризостоусъ Богелешиъ на услуги переводчика принять въ приказъ посольскомъ миссіонарію цесарскому господину Емилиану Калъву върности преступилъ. Дважды предъ образомъ русскимъ брасало ево, потому дважды самъ надъ; поправилоса некоторымъ, что на вѣтеръ имя Христово призываетъ.“

26-го сентября. Evenit enim, ut necesse esset toti Moscoviae, crudelitate, non pietate, consuli; quae tamen eoercitionis severitas male tyrannis vocatur; cum sua etiam interdum vigori constet aequitas; maxime quando membrorum morbus, aut contumax putredo ita invaluit, ut nulla ad publicam politici corporis sanitatem remedia supersint, quam ferrum et ignes, quibus illa separantur a corpore.

„Пришло до того, что надобеть было всей Москвѣ жестокостію, не прошеиетъ совѣтъ дати, которая злость бунтовщиковъ неводержаніемъ называлася, когда меровная твердость вкоренила, иначе нареду смерть такъ злость и непослушаніе вселило, хотябъ невидомо какіе здравіе лекарства не могутъ улечати, развѣ желѣзо и огонь разлаучать отъ тѣла.“

Довольно этихъ образцовъ, чтобы судить о достоинствѣ перевода.

Прибавимъ, что въ первой статьѣ нашей, въ апрѣльской книжкѣ, вкрадась опечатка, и на страницѣ 768, строка 19, вмѣсто: „одинъ изъ миссіонеровъ“ должно читать: „одинъ изъ жмѣровъ“.

С. СМЕРНОВЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦІИ *

I.

Нежданный-негаданный *coup de théâtre* миролюбивых завѣреній циркуляра отъ 16-го сентября 1866 года, жестоко разочаровавъ кичливую самонадѣянность Французовъ, заключилъ рядъ откровеній избранника Франціи своимъ избирателямъ. Въ октябрьской книжкѣ *Вѣстника* я старался показать, на сколько это послѣднее откровеніе Тюльерійскаго кабинета противорѣчило всѣмъ его обѣщаніямъ, всѣмъ надеждамъ и мечтамъ, имъ же самимъ искусственно возбужденнымъ во Французахъ. Съ самаго начала можно было предвидѣть, что это противорѣчіе было слишкомъ вопиющее и не могло не броситься въ глаза не только просвѣщеннымъ классамъ, но и систематически ослѣпляемымъ массамъ „великой націи“. Всему есть конецъ въ нашемъ дольнемъ мірѣ, и самому Наполеону III пришлось въ этотъ разъ отказаться отъ привычки разчитывать на довѣріе избравшихъ его массъ. Дѣйствительно, какъ ни пониженъ нынѣ въ этихъ массахъ общій уровень умственнаго и нравственнаго развитія, но всякому крестьянину болѣе или менѣе понятно, что для Франціи нынѣ дѣло не въ величіи Россіи и не въ величіи Америки, а въ неестественномъ союзѣ и въ насильственномъ объединеніи Германіи и Италіи, уже упразднившихъ значеніе Франціи въ центрѣ Европы, то значеніе,

* Настоящая статья составляетъ продолженіе статьи: *Циркуляръ маркиза Ласалетта и современная политика Франціи*, помещенной въ октябрьской книжкѣ (№ 10) *Русскаго Вѣстника*.

которое завѣщено современной Франціи политическимъ преданіемъ всѣмъ ея великихъ правителей: Лудовика XI, Генриха IV, кардинала Ришелье, такъ же какъ и республиканскаго конвента и императора Наполеона Великаго. Если гибкая философія Наполеона III смиренно рѣшилась „любить что онъ имѣеть, за невозможностію имѣть что онъ любить“, то въ народъ и даже въ армию невольнo замѣчаютъ, что хотя императоръ и увѣряеть, что нынѣ изорваны ненавистные ему трактаты 1815 года, но, какъ кажется, изорвана въ нихъ только та часть, благодаря которой Франція имѣла средство поддерживать свое великое политическое преданіе въ Германіи и Италиі; тогда какъ часть этихъ трактатовъ, признанная Франціей за хищеніе ея достоянія и оскорбленіе ея достоинства, гдѣ Франція присуждена къ лишенію своихъ естественныхъ границъ завѣщанныхъ Бонапартомъ и республикой,—именно эта часть Высшихъ трактатовъ нынѣ не только уцѣлѣла, но и упрочилась, такъ что о ней даже не упомянуто ни слова въ дипломатическомъ послѣсловіи великой австро-прусской драмы. Всѣ эти оскорбительныя сознанія фактически подтверждены и усилены въ массахъ новою ошибкой: неосторожная поспѣшность обѣщанія приступить немедленно къ радикальному преобразованію военной организациі Франціи постановила предъ здравымъ разсудкомъ всякаго крестьянина весьма неутѣшительный вопросъ: если въ настоящее время Франція нуждается въ ежегодномъ наборѣ въ 400.000 человекъ для сохраненія великаго положенія, ограждаемаго до сихъ поръ ежегоднымъ наборомъ во 100.000 человекъ, то не означаетъ ли это, что Франція нынѣ вчетверо слабѣе прежняго?

Итакъ, несмотря на удовольствіе изъявленное циркуляромъ отъ 16-го севтября по поводу рѣшенія Никольсбургскаго и Пражскаго международныхъ судилищъ, досада, недовѣріе и ропотъ стали быстро углубляться и укореняться въ густыхъ массахъ даже сельскаго населенія Франціи, тогда какъ въ городахъ начало уже высказываться убѣжденіе, что по самому своему реакціонному характеру, бонапартистскій цезаризмъ будетъ причиною гибели величія, благосостоянія, свободы и значенія Франціи, такъ какъ тѣ же причины, подъ влияніемъ которыхъ даже геній Наполеона I не оказался въ состояніи сохранить за Франціей великое положеніе, завѣщанное ему республикой, должны тѣмъ болѣе лишить

Наполеона III возможности сохранить за Франціей положеніе, завѣщанное ей кратковременною, но цвѣтущею эрой ея политическаго полнотравія.

Отъ 16-го сентября до 1-го января Наполеонъ III успѣлъ убѣдиться, въ какой мѣрѣ всѣ эти весьма не лестныя для него мысли вкоренились въ разочарованной и оскорбленной „великой націи“. Какъ было уже сказано въ статьѣ № 42 *Современной Лѣтописи: Наполеонъ III и французская нація*, естественнымъ результатомъ этого убѣжденія оказалась рѣшимость Наполеона III во что бы то ни стало не допустить представителей Франціи до гласнаго обсужденія его политики. Явное неудовольствіе оскорбленной въ прошломъ году правительствомъ „средней партіи“ (tiers-parti), къ которой, въ новѣ мѣсяцѣ, неволью стали присоединяться выведенные изъ терпѣнія даже истые бонапартисты, какъ бы указывало уже Наполеону III, какъ глубоко поколебались убѣжденія до сихъ поръ покорнаго ему большинства палаты. Понятно, до какой степени эта горькая истина внезапно затруднила положеніе избранника Франціи, такъ сказать наканунѣ разчетовъ его съ представителями его избирателей. Для всей просвѣщенной части французской націи было очевидно, что это гласное обсужденіе политическаго баланса Бонапартовскаго цезаризма не могло имѣть другаго результата, какъ торжественное изобличеніе его несостоятельности. При невозможности разчитывать далѣе на усердное, добросовѣстное и единодушное исполненіе известной системы стуканія ногами и ногами, очевидно предстояло приискать новые способы, прежде всего дабы избѣгнуть гласнаго обсужденія политическаго баланса, а затѣмъ дабы переманить на свою сторону отдѣлившуюся отъ большинства палаты часть оглушительнаго оркестра, которымъ столь блистательно управлялъ покойный герцогъ Морни.

Таково было, къ Новому Году, весьма не комфортабельное statu quo французскаго правительства, въ виду предстоявшаго ему открытія законодательной сессіи. Вполнѣ сознавая трудности этого положенія, многіе Французы предвидѣли неизбежность появленія какой-нибудь стѣснительной мѣры, провозглашеніе которой, не безъ тревоги, ожидалось въ одномъ изъ двухъ обычныхъ случаевъ, когда голосъ избранника Франціи торжественно обращается къ представителямъ Европы или къ представителямъ Франціи: въ отвѣтъ

на поздравленія съ Новымъ Годомъ и въ тронной рѣчи. Но Новый Годъ прошелъ благополучно: слова произнесенныя въ этотъ день Наполеономъ III были просто подтвержденіемъ миролюбной темы, развитой циркуляромъ отъ 16-го сентября. Затѣмъ, для узнанія своей участи, Франціи оставалось дожидаться тронной рѣчи императора при предстоящемъ открытіи законодательной сессіи 1867 года. Надъ публикой тяготѣло какое-то смутное, инстинктивное предчувствіе, какъ вдругъ, 20-го января, *Moniteur* сообщилъ публикѣ новую письменную загадку Тюльерійскаго сфинкса.

Если въ прошломъ году можно было завѣрять торжественнымъ образомъ, въ присутствіи посланника сѣверо-американской республики и представителей Франціи и цѣлой Европы, будто мексиканская экспедиція предпринята безъ всякаго затаеннаго замысла противъ Соединенныхъ Штатовъ, — то въ настоящемъ году нѣтъ затрудненія увѣрять Францію, будто немедленное упраздненіе права обсуждения адреса, замѣненнаго стѣсеннымъ правомъ запроса, должно быть признано либеральнымъ прогрессомъ, вожделѣннымъ для цѣлой Франціи увѣнчаніемъ ея политическаго зданія, и будто рѣшимость совершить это увѣнчаніе вызвана единственно увѣренностію избранника Франціи въ твердости почвы, прочной его четырнадцатилѣтнимъ царствованіемъ. Едва появилось это вопіющее противорѣчіе самымъ очевиднымъ и естественнымъ, но весьма не лестнымъ для Наполеона III результатамъ его четырнадцатилѣтняго цезаризма, какъ вся правительственная печать затрубила хоромъ громкую славу императорскому либерализму; самъ г. Жирарденъ, въ надеждѣ на министерскій портфель для своего друга Э. Оливье, исчислилъ въ видѣ обвиненія, направленнаго противъ права адреса, продолжительность преній объ адресахъ съ 1860 по 1866 годъ и заявилъ твердыя надежды на самый либеральный исходъ обѣщанныхъ щедротъ. Но болѣе всѣхъ отличились въ этомъ случаѣ, какъ всегда, работнымъ потворствомъ, газеты *la Patrie* и *le Pays*, въ своихъ опасеніяхъ относительно своевременности чрезмѣрныхъ либеральныхъ стремленій императора. Какъ ни вопіюще недѣлы эти опасенія газетъ, выдающихъ себя за органы большинства палаты, но на нихъ нельзя не обратить вниманія какъ на довольно характеристичное знаменіе времени, какъ выразился г. Форкадъ въ *Revue des deux Mondes*, — знаменіе, повтореніе кото-

раго, во всѣмъ вѣроятіямъ, можно ожидать въ средѣ этого большинства, и особенно въ средѣ комиссій, которымъ будетъ поручено воплощеніе неопредѣленныхъ обѣщаній императорскаго письма отъ 19-го января 1867 г. въ осязательныя формы опредѣлительнаго закона.

Неужели же и этому новому фокусу суждено увѣнчаться успѣхомъ и ослѣпить еще разъ націю, скромно признающую самое себя „остроумнѣйшею націей Европы“? За кончиной бойкаго и просвѣщеннаго *Courrier du Dimanche*, принесеннаго въ жертву графу Бисмарку, — ни одна газета не осмѣлилась снять, какъ бы слѣдовало, живо-либеральную личину съ письма отъ 19-го января. Одинъ *Siècle* выразился сначала насчетъ этого письма съ смѣлою добросовѣстностію, вообще не свойственною редакціи, управляемой г-мъ Аверемъ, извѣстнымъ цѣлой Европѣ своими наивными прошлогодними откровеніями насчетъ пресловутаго „господина въ черномъ фракѣ“. Между тѣмъ въ *Монитеръ*, одновременно съ письмомъ императора, появилось странное заявленіе, что „правительство готово отвѣчать на запросы о заграничной политикѣ“; въ то же время почти ежедневно рассылались во всѣ города Франціи и въ большую часть городовъ Европы телеграфныя извѣстія, что во время прогулки своей императоръ былъ встрѣченъ публикой съ восторгомъ. Само собою разумѣется, что во всемъ этомъ есть нѣкоторая доля истины. Нѣтъ сомнѣнія, что въ предстоящей законодательной сессіи, особенно въ началѣ ея, будутъ слѣваны запросы насчетъ иностранной политики, и правительство будетъ отвѣчать на эти запросы, несмотря на то что они будутъ предложены хотя бы и его прошлогодними противниками; но можно признать за вѣрное, что всѣ эти запросы будутъ обставлены такимъ образомъ, что они доставятъ правительству пріятный трудъ пожинать дешевыя лавры надъ своими противниками и что ораторамъ подобнымъ гг. Жюлю-Фавру, Беррье, Тьеру, Пельтану и пр. будетъ почти невозможно провестъ съ успѣхомъ хоть одинъ серіозный запросъ, развѣ съ горя или въ видѣ окольнаго пути, вздумается имъ постановить какой-нибудь запросъ насчетъ Польши, Закавказья, Амура, Туркестана и вообще на единственной почвѣ, на которой имъ постоянно предоставляется полная свобода изливать свою желчь, то-есть на почвѣ политики Россіи. Что же касается восторга, встрѣчающаго вынѣ прогулки Наполеона III, то объяснить его себѣ

весьма не трудно, вспомнить, что всѣ эти прогулки направляются постоянно мимо Богадѣльни Инвалидовъ (*Hôtel des invalides*), гдѣ безногія и безрукія жертвы безпокойнаго честолюбія Тюльерітскаго кабинета впадаютъ въ какое-то восторженное изступленіе при видѣ „племянника маленькаго капрала“, да на Марсово поле, гдѣ нѣсколько тысячъ всякаго рода работниковъ охотно кричатъ и будутъ кричать: „Vive l'Empereur!“ пока не будетъ окончено сооружаемое ими колоссальное зданіе всемірной выставки.

Молчаніе печати прикрываетъ непроницаемою пеленой все внутреннее волненіе общественнаго мнѣнія, и этимъ еще болѣе способствуетъ распространенію этого волненія. Роль самыхъ смѣлыхъ либеральныхъ публицистовъ Франціи ограничивается нынѣ неопредѣленными намеками на всеобщее неудовольствіе, возбужденное отмѣной преній объ адресѣ, и выраженіемъ надеждъ на либеральный исходъ обѣщанныхъ преобразованій. Само собою разумѣется, что если вникнуть въ сущность этихъ намековъ, и особенно этихъ надеждъ, не трудно разгадать въ нихъ довольно прозрачно скрытый характеръ указаній на требованія общественнаго мнѣнія и до нѣкоторой степени характеръ предостереженій, даже угрозы, въ случаѣ неисполненія этихъ требованій. Лучше всего можно оцѣнить этотъ характеръ по статьѣ г. Прево-Парадоля въ *Journal des Débats*, отъ 29-го января 1867 года, изъ которой нельзя не привести здѣсь нѣсколько выдержекъ. „Непредвидѣнная мѣра, возвышенная публикѣ 19-го января,“ говоритъ даровитый публицистъ, столь смѣло и блистательно выражавшій свои мнѣнія въ *Courrier du Dimanche*, „могутъ раздѣлиться на двѣ весьма рѣзко отличающіяся части: въ нихъ есть, во-первыхъ, мѣра совершенная и уже несомнѣнно исполненная: упраздненіе права адреса, замѣннаго правомъ запроса, и мѣра, которую еще предстоитъ принять, то-есть обѣщаніе пересмотра, въ либеральномъ смыслѣ, нашихъ законовъ о печати и о правѣ сходокъ. Предположимъ однако, что изъ этихъ двухъ мѣръ существуетъ только первая и что грамота отъ 19-го января состоитъ единственно въ отмѣнѣ адреса, весьма несовершенно замѣннаго правомъ запроса, подчиненнымъ, какъ оно и есть, предварительному одобренію четырехъ отдѣленій изъ девяти. Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы фактъ возвышенный 19-го января, ограниченный единственно этою мѣрой, могъ бы тогда быть признанъ про-

грессомъ. Въ чемъ же состоитъ обстоятельство, которое до сихъ поръ причиняетъ колебанія общественнаго мнѣнія по поводу заявленій 19-го января, и благодаря которому многие усматриваютъ въ нихъ скорѣе выигрышъ чѣмъ потерю для общественной свободы? Обстоятельство это — надежда на прекращеніе произвольной власти правительства надъ газетами; возвышеніе двухъ либеральныхъ законовъ о правѣ сходовъ и о печати. Такимъ образомъ, прежде всего необходимо чтобъ эти два закона были дѣйствительно либеральны и чтобы правительство составило себѣ вѣрное понятіе о томъ, чего ожидаетъ отъ него публика. Едва ли нужно упомянуть при этомъ, что мы съ удовольствіемъ увидѣли бы возвращеніе правительства къ истиннымъ принципамъ судопроизводства о печати, къ принципамъ „добавочнаго акта“ * и закона 1819 года, то-есть къ суду присяжныхъ, но такъ какъ присяжные формально устранимы самимъ письмомъ императора, выразившимся въ пользу судопроизводства исправительнаго, то необходимо по крайней мѣрѣ, хотя бы и на этой почвѣ, подвинуться такъ далеко, какъ только возможно. Такимъ образомъ, прежде всего должно исчезнуть предварительное разрѣшеніе, такъ чтобы право основать газету не было впредь признаваемо за милость. Обѣщанная реформа оказалась бы миеомъ, и публикѣ было бы все равно, что правительство отказалось отъ права убивать газеты, еслибъ оно предоставило себѣ, попрежнему, право не допускать ихъ рожденія. Сверхъ того, мы не перестанемъ настаивать не только передъ правительствомъ, но если нужно и передъ палатами, чтобы дѣла печати были судимы апелляціоннымъ порядкомъ, въ полномъ собраніи всѣхъ отдѣленій (*chambres*) суда, и мы не теряемъ надежды на успѣхъ, такъ какъ тутъ дѣло идетъ о достоинствѣ и о чести самого правительства, требующихъ чтобъ оно избѣгало всякаго заподозрѣнія (заявленіе котораго было бы неминуемо) въ умысленномъ

* *Acte additionnel*, дарованный Наполеономъ I въ 1815 г., по возвращеніи съ острова Эльбы, превзошелъ своимъ либерализмомъ всѣ обѣщанія Лудовика XVIII и этимъ перевелъ на сторону имперіи всю либеральную партію, встрѣтившую Лудовика XVIII какъ освободителя отъ ига всемоглой диктатуры Бонапарта. Въ 1848 и 49 годахъ напоминаніе объ этомъ актѣ Наполеона I оказалось однимъ изъ вѣтлѣвѣйшихъ орудій избранія Лудовика Наполеона сначала въ депутаты, и въ посѣдствіи на должность президента.

составленіи апелляціонной палаты, съ цѣлю сдѣлать неизбежнымъ произнесеніе приговоровъ надъ печатью. Наконецъ, что касается личной обиды (diffamation), то было бы и прилично, и справедливо возвратиться къ мудрому различію, установленному закономъ 1819 года между истцомъ частнымъ человѣкомъ и истцомъ состоящимъ на общественной службѣ. * Доказательство справедливости обвиненій не было допущено въ первомъ случаѣ и было допущено во второмъ; вывъ оно не допущено ни въ какомъ случаѣ. Приличіе и справедливость требуютъ, чтобъ это различіе было восстановлено.

„Что касается права сходовъ, то трудно повѣрить слуху, распускаемому уже нѣсколько дней, будто въ продолженіе періода выборовъ, новый законъ не разрѣшитъ политическихъ собраній, съ соблюденіемъ простой формальности объявленія о нихъ. Что же разрѣшитъ онъ, въ такомъ случаѣ?... Намъ кажется невозможнымъ, чтобъ этотъ слухъ былъ основателемъ и чтобы серьезно принятое предъ публикой обѣщаніе не было исполнено. Что народныя выборы на основаніи общей подачи голосовъ могли состояться у насъ при запрещеніи избирательныхъ собраній (réunions électorales) и избирательныхъ комитетовъ (comités électoraux), это уже само по себѣ составляло прискорбную аномалію, изобличаемую неоднократно въ продолженіе 14 лѣтъ. Въ исторіи нѣтъ примѣра подобнаго противорѣчія, и весьма естественно, что читая обѣщанія отъ 19-го января, французская публика чистосердечно повѣрила, что этому противорѣчію настала конецъ. Разочарованіе насчетъ столь важнаго предмета было бы изъ самыхъ чувствительныхъ для публики; для самого правительства оно имѣло бы весьма прискорбныя послѣдствія.“

На сколько право разрѣшать по своему произволу открытіе газетъ до сихъ поръ было вредно для самого правительства, объ этомъ судить не трудно, если вспомнить, что благодаря затрудненіямъ, которыми неизбежно обставлено это разрѣшеніе для всякаго человѣка, хотя и преданнаго, но не проданнаго прави-

---

* Законъ отъ 25-го мая 1819 г. стат. 20: доказательство справедливости обвиненія освобождаетъ автора его отъ всякаго наказанія, въ случаѣ если это обвиненіе направлено противъ представителей или агентовъ правительства, или противъ лицъ, дѣйствовавшихъ съ публичнымъ характеромъ.

тельству, оно сосредоточило всю власть, всю силу печати въ рукахъ небольшого числа хоть нѣсколькихъ независимыхъ редакцій и образовало въ пользу ихъ грозную монополію, съ которою оно рѣшительно не оказалось въ силахъ выдержать борьбу въ Парижѣ, Лионѣ, Руанѣ, Марсели и многихъ другихъ городахъ, въ продолженіе общихъ выборовъ 1863 г. и въ большей части послѣдовавшихъ за ними мѣстныхъ выборовъ. Но въ этомъ заключается не единственный недостатокъ системы предварительныхъ правительственныхъ разрѣшеній: увлекаясь по этому окольному пути, администрація невольно входитъ въ неизбѣжную крайность, вліяніемъ которой колеблются въ обществѣ всѣ основанія уваженія къ ней. Фактъ этотъ весьма легко объясняется тѣмъ, что требуя отъ основателей новыхъ газетъ прежде всего самаго раболопнаго покорства, администрація, по необходимости, насильно толкаетъ въ лагерь своихъ соперниковъ честныхъ и добросовѣстныхъ людей самыхъ умѣренныхъ мнѣній и даже преданныхъ правительству, но одаренныхъ извѣстною степенью умственной и нравственной независимости; въ замѣнѣ же этой опоры людей пользующихся всеобщимъ уваженіемъ, администрація, въ виду необходимости избавиться отъ упрека въ безусловномъ отказѣ разрѣшенія основать новыя газеты, невольно оказываетъ свое покровительство и снисхожденіе людямъ иногда уже окончательно заклеяннымъ презрѣніемъ общественнаго мнѣнія. Такимъ образомъ, увлекаясь своимъ неограниченнымъ произволомъ, министерство Лавалетта, по примѣру своихъ предшественниковъ, отказало въ разрѣшеніи открыть новыя политическія газеты не только даровитымъ, добросовѣстнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма умѣреннымъ публицистамъ, подобнымъ гг. Эрве (Hervé), почтенному Вейсу, бывшему столько лѣтъ секретаремъ редакціи *Journal des Débats*, но также и г. Э. Оливье, повидимому, пользующемуся нынѣ полнымъ довѣріемъ императора, и г. Эдуарду Уссей (Houssaye), бывшему префекту второй имперіи и брату извѣстнаго писателя, бонапартиста Арсэна Уссей. Причину этихъ отказовъ угадать не трудно: въ глазахъ г. министра всѣ эти господа являлись въ видѣ хотя и не строгихъ, но слишкомъ прозорливыхъ и неподкупныхъ судей продѣлокъ административнаго произвола.

Впрочемъ, вся затѣя 19-го января 1867 года имѣетъ своею главною цѣлью принудить къ молчанію оппозицію палаты,

переманить на свою сторону среднюю партію,—безъ которой право запросовъ, несмотря на данную ему стѣснительную обстановку, легко могло бы открыть какое-нибудь значительное отверстіе голосу подавленной оппозиціи,—и наконецъ набросать народу громкихъ фразъ и блестящихъ обѣщаній. Именно для предупрежденія успѣха этой послѣдней цѣли, оппозиція опредѣлила въ своемъ *ultimatum*, какимъ по справедливости можетъ считаться статья г. Прево-Парадола, тѣ непрѣмьныя условія, которыя одни могутъ придать обѣщанной реформѣ дѣйствительно либеральный характеръ. Что же касается второй цѣли, то-есть привлеченія на сторону правительства около полусотни колеблющихся членовъ средней партіи, то благодаря хвастливому самолюбію Французовъ, эта цѣль, повидимому, до нѣкоторой степени уже достигнута обѣщаніями преобразования, довольно согласнаго съ прошлогоднею программой средней партіи. На сколько можно судить по происходящему нынѣ, въ достиженіи этой цѣли болѣе всего удостовѣряетъ предисловіе, помѣщенное господиномъ Латуръ-Дюмуленомъ, однимъ изъ вожаковъ этой партіи, во главѣ полного собранія его рѣчей, такъ какъ въ этомъ предисловіи авторъ самодовольно извѣщаетъ публику, что либеральными щедротами письма отъ 19-го января она обязана усиліямъ средней партіи, „искреннихъ и преданныхъ друзей правительства, совѣты которыхъ не могли не быть приняты въ уваженіе, несмотря на то что въ прошломъ году министры (г. Руэръ) указывали на нихъ какъ на враговъ правительства“. Но для увѣщанія и упроченія этого успѣха было необходимо привлечь на сторону правительства самого блестящаго оратора средней партіи, бывшаго заклятаго республиканца Э. Оливье, потребовавшаго въ 1849 году „головы президента“ и озадачившаго въ 1863 г. всю палату своимъ возгласомъ: „мы, республиканцы!“, но про котораго, въ тотъ же вечеръ, опытный и провицательный французскій сановникъ, съ улыбкой, сказалъ: „посмотрите, не пройдетъ трехъ-четырехъ лѣтъ, и г. Оливье будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ!“ Если вѣрить парижскимъ толкамъ и бельгійскимъ газетамъ, это предсказаніе едва не сбылось нынѣ, до извѣстной степени. По словамъ газеты *Etoile Belge*, г. Оливье имѣлъ неоднократно, но совершенно тайныя свиданія съ Наполеономъ III, а въ настоящее время онъ окончательно обворо-

женъ искреннимъ либерализмомъ бывшего президента покойной республики.

Итакъ, едва ли подлежитъ сомнѣнiю, что старанiя Наполеона III привлечь на свою сторону среднюю партiю увѣнчались нынѣ весьма удовлетворительнымъ для него успѣхомъ. Увѣренность его въ этомъ отношенiи доказывается уже тѣмъ, что, какъ слышно, имъ нынѣ оставлено всѣмъ извѣстное намѣренiе замѣнить г. Деланглема или г. Барошема председателя палаты, графа Валевскаго, родственника и друга императора, но преданности и искусства котораго было бы однако недостаточно для управленiя пренiями палаты, безъ отчужденнаго права адреса и безъ присоединенiя къ большинству колеблющихся членовъ средней партiи. Оставленiе графа Валевскаго на своемъ мѣстѣ доказываетъ лучше всего, что императоръ Французовъ доволенъ результатомъ дѣла, совершеннаго имъ 19-го января 1867 года: по его мнѣнiю, очевидно, законодательная сессiя 1867 года, несмотря на неудачи императорской политики въ Мексикѣ, въ Германiи, въ Италии и пр., представить Европѣ, собранной на парижской выставкѣ, вождѣнное для Наполеона III зрѣлище единства и общности видовъ, чувствъ и стремленiй избранника „великой нации“ и ея представителей.

Все дѣло, слѣдовательно, въ томъ, чтобы Парижъ вполне насладился своею выставкой, чтобы ничто не помѣшало Европѣ съѣхаться на этотъ великiй умственный, художественный и промышленный праздникъ. Тайныя дѣла, которыя могутъ быть достигнуты не иначе какъ цѣной войны, раззорительной и ожесточенной, для которой Наполеонъ III не находитъ Францiю достаточно приготовленною, приходится отодвинуть на дальнiй планъ. Военная организацiя Францiи кажется ему несравненно слабѣе прусской, и всѣмъ извѣстно какъ настойчивы, какъ неотступны усилiя его привести эту категорiю силъ Францiи по крайней мѣрѣ въ уровень съ состоянiемъ ихъ въ Пруссiи. Но для борьбы съ Пруссiей и съ ея несомнѣнною союзницей Италией, Францiи нужны также союзники, а Наполеоновская политика до того уединила Францiю въ Европѣ, что ей приходится разчитывать единственно на союзъ обезсиленной, раззоренной Австрiи, постыдно изгнанной изъ родиненной ей „великой нѣмецкой семьи“. Извѣстно, что естественною союзницей Францiи предлагаетъ себя Польша;

но у этого напрашивающагося союзника, для Франціи, одно неудобство: его прежде всего надо создать; а для этого нужна война, опять таки съ Пруссіей, но уже не съ одною Пруссіей, а также и съ Россіей. Затѣмъ, въ цѣлой Европѣ, въ виду объединенной Германіи, для Франціи одинъ только дѣйствительно естественный союзникъ, это Россія, и можно признать за вѣрное, что Наполеонъ III готовъ на многое чтобы сблизиться съ нею, но тутъ опять ложится на него, всею своею заслуженною тягостью, бремя вѣроломной политики послѣдняго времени, обязывающей Россію не вступать въ сближеніе безъ полученія неоспоримыхъ, прочныхъ и обязательно заявленныхъ ручательствъ въ вѣрности союза. Императоръ Наполеонъ не въ состояніи дать подобныхъ гарантій, не подвергая опасности шаткихъ основаній своего величія, и вотъ почему всѣ обязательства его относительно Россіи, по необходимости, должны ограничиться свойственными ему таинственными обѣщаніями, которымъ было бы неблагоуразумно оказывать вѣру.

За невозможностью приобрести союзъ съ Россіей, за несостоятельностью Австріи для оказанія дѣйствительной пользы Франціи въ предстоящей ей борьбѣ съ ея прошлогодними друзьями—Пруссіей и Италіей—Наполеону III остается одно средство удовлетворить непреодолимымъ требованіямъ своего дѣйствительно труднаго положенія: выиграть время, потерпѣть годъ или два, пользуясь этимъ промежутокъ времени для преобразованія военной организаціи Франціи и для предоставленія Австріи возможности оправиться отъ своихъ пораженій. На всякій случай, если оскорбленное самолюбіе Франціи не будетъ въ состояніи долго терпѣть умаленіе ея значенія, на всякій случай не лишнее приготовить все для легкаго завоеванія беззащитной Бельгіи, повидимому, отданной на сѣдленіе г. Бисмаркомъ, несмотря на то что занятіе Бельгіи очевидно открываетъ Франціи оконечность праваго фланга операціонной линіи Пруссіи, въ случаѣ войны ея съ Франціей. Понятно, что для завоеванія Бельгіи приготовленія Франціи не должны быть ни трудны, ни раззорительны; все дѣло состоитъ въ терпѣливомъ накопленіи всякаго рода предлоговъ къ вторженію, а на этой почвѣ нельзя не отдать справедливости настойчивости и неотступности усилій всякаго рода агентовъ французскаго правительства. Этотъ почти непрерывный рядъ

усилій начался съ Парижскаго конгресса 1856 года, когда вдругъ, безъ всякаго повода и причины, предсѣдатель конгресса, графъ Валевскій, торжественно указалъ представителямъ великихъ державъ на Бельгiю, какъ на неукротимый притонъ революціонной печати, демагогической пропаганды и пр. и пр., — какъ на постоянную угрозу не для одной Франціи, но и для цѣлой Европы. Затѣмъ до кончины Леопольда I французское правительство, опасаясь извѣстной проицательности бельгійскаго короля, не обнаруживало особенной настойчивости въ направленіи, указанномъ пробнымъ шаромъ, пущеннымъ графомъ Валевскимъ въ 1856 году. Дабы убѣдиться до какой степени эта воздержность Франціи по отношенію къ Бельгiи измѣнилась немедленно по кончинѣ Леопольда I, достаточно бѣлаго обзора французской печати, болѣе или менѣе вдохновляемой Тюльеріискимъ кабинетомъ. Письмо Наполеона III къ Леопольду II, писанное съ цѣлью успокоить Бельгійцевъ насчетъ независимости ихъ отечества, какъ будто послужило сигналомъ газетамъ *Etendard, Pays, France, Patrie* и многимъ другимъ, для самыхъ недѣльных и неотвязчивыхъ придирокъ къ бельгійской печати, для безпрестанныхъ доносозъ на враждебное расположеніе къ французскому правительству какъ націи, такъ и администраціи, но особенно печати Бельгiи. Особенно сильно и единодушно начался этотъ литературный походъ противъ Бельгiи со времени окончательной неудачи домогательствъ Франціи получить отъ Пруссiи какое-нибудь территориальное вознагражденіе. Въ концѣ іюля, лондонскій *International* явно сталъ доказывать пользу и необходимость, для самой Бельгiи, „броситься въ объятія Франціи“, а съ половины августа онъ выдвинулъ довольно оригинальный планъ подчинить Бельгiю военной и дипломатической гегемоніи Франціи, ни дать, ни взять какъ Пруссiя поступила съ Мекленбургомъ. Но все это были только аванпостныя стычки въ еравненіи съ правильнымъ, систематическимъ походомъ, предпринятымъ противъ Бельгiи съ половины октября газетою *le Pays*, выдающею себя за органъ большинства палаты, а за нею, газетою *la France*, выраженіемъ официальнаго мнѣнія большинства сената. Обѣ эти газеты вдругъ предложили себѣ спеціальную цѣль: не давать Бельгiи ни отдыха, ни покоя и доказать во что бы то ни стало, хотя бы вопреки Гроцію и Вателю, будто

вооруженіемъ Антверпена и предусмотрительнымъ усиленіемъ своей арміи Бельгія нарушаетъ нейтралитетъ, гарантированный ей великими державами Европы. Не странно ли, что эта специальность нападковъ на Бельгію выпала на долю какъ разъ тѣмъ газетамъ, которыя выдаютъ себя и признаются органами большинства законодательной палаты и сената? Ужь не намекаетъ ли эта особенность на то, что въ предстоящей сессіи само большинство палаты и сената постановить, можетъ-быть, вопросъ о необходимости завладѣнія Бельгіей и поручить своимъ предсѣдателямъ, графу Валевскому и г. Тролону, повторить императору Наполеону заявленіе, сдѣланное въ 1857 году графомъ Валевскимъ, прибавивъ къ этому заявленію требованіе, чтобъ естественный выводъ и заключеніе этого заявленія были приведены въ исполненіе?

Съ конца минувшей осени предположеніе это высказывалось неоднократно посреди тысячи разнорѣчивыхъ толковъ, постоянно обращающихся въ Парижѣ, этой истой столицѣ болтовни и лжи. Нельзя однако не признать, что подобное требованіе сената и палаты чрезвычайно облегчило бы въ этомъ дѣлѣ роль Наполеона. Правда, что Бельгія до сихъ поръ смотритъ довольно равнодушно на грозы готовящіяся ей со стороны Франціи; Бельгійцы, можетъ-быть излишне, увѣрены, что Англія не допуститъ погашенія ихъ отечества. Что торійское министерство питаетъ сильныя сочувствія къ независимости Бельгіи, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ же какъ и то, что единственная причина, не позволившая сначала этому министерству выразить свои сочувствія болѣе энергическимъ образомъ, заключалась въ соображеніи, что такъ какъ главнымъ орудіемъ торіевъ для низверженія ихъ предшественниковъ по министерству послужили искусныя и настойчивыя нападки на безпрестанныя вмѣшательства послѣднихъ въ дѣла европейскаго материка, то на первое время сами торіи естественно должны были воздержаться отъ всего, что могло способствовать передачѣ этого орудія въ руки ихъ соперниковъ. Тѣмъ не менѣе, они успѣли на столько выразить свое сочувствіе въ пользу независимости Бельгіи, что не только въ Брюсселѣ, но даже въ Парижѣ публика убѣждена, что занятіе Бельгіи французскими войсками не обошлось бы безъ войны между Англіей и Франціей. Таково убѣжденіе

публики обѣихъ странъ и даже, какъ кажется, правительства Бельгiи; къ ея несчастiю, однако, едва ли можно допустить возможность подобнаго убѣжденiя у Наполеона III, такъ какъ лордъ Коулей, свидѣтельствуя постоянно о высокомъ значенiи придаваемомъ Англіей независимости Бельгiи, при всемъ томъ сознавался, хотя и неохотно, но неоднократно и довольно гласно, что онъ сомнѣвается чтобъ эти сочувствiя могли простираться до объявленiя Англіей войны Франціи. Что же касается роли Пруссiи въ этомъ случаѣ, то стоить пробить сутки въ Берлинѣ, чтобы вынести изъ этого пребыванiя убѣжденіе, до какой степени общественное мнѣніе Пруссiи покусно настроено въ смыслѣ поощренiя Франціи къ завладѣнію Бельгiей, о которой вся протестантская Пруссiя единодушно отзывалась какъ о притонѣ клерикальных интригъ папизма, притонѣ даже болѣе опасномъ и вредномъ чѣмъ самъ Римъ.

Циркуляръ отъ 16-го сентября заявилъ довольно ясно, что незначительнымъ сосѣдямъ Франціи предстоитъ весьма неутѣшительная доля разчитываться съ „непреодолимою силой, побуждающею народы соединяться въ большія массы, цвѣтущая второстепенныя державы“. Но удовлетворилось ли бы неосторожно возбужденное національное самолюбіе Франціи поглощенiемъ Бельгiи; при всемъ его значенiи? Есть всѣ поводы думать, что императоръ Наполеонъ готовится къ болѣе серьезной борьбѣ; таково общее предчувствіе Франціи, таково убѣжденіе Пруссiи, и натянутыя и преувеличенныя взаимныя любезности Наполеона и Бисмарка нисколько не мѣшаютъ ни тому, ни другому принимать всѣ зависящiя отъ нихъ мѣры, дабы приготовиться къ совершенно другаго рода любезностямъ. Нельзя не отдать въ этомъ случаѣ должной справедливости прусскому министру-патріоту: его отечество готово, хоть завтра, вступить въ самую упорную борьбу; ближайшій врагъ его разбить, обезсилить, не получивъ въ-время вождѣвннкой и ожидаемой имъ помощи; однимъ вѣрнымъ союзомъ Пруссiя уже обезпечена, благодаря поддержкѣ оказываемой Франціей остаткамъ римской теократіи; другой союзъ, если не вполне вѣренъ, то вѣроятенъ, подъ вліяніемъ древнихъ дружескихъ преданій, въ виду общаго врага и при отсутствіи столкновенiя интересовъ; остальная же Европа только можетъ сочувствовать Пруссiи въ случаѣ борьбы ея съ Франціей и Австріей.... Таково положеніе

созданное нынѣ для Франціи четырнадцатилѣтнимъ полномочіемъ Наполеона III. Военная организація ея можетъ выдержать борьбу продолжительную, но не въ состояніи выставить съ самаго начала войны такіа грозныя массы какъ Пруссія; всѣхъ прежнихъ союзниковъ своихъ она оттолкнула; она утратила довѣріе и сочувствіе Европы, возбудила опасенія и ненависть сосѣдей, а единственная держава цѣлой Европы, которая готова протянуть ей руку, Австрія, благодаря политикѣ Тюльерітскаго же кабинета, приведена въ такое положеніе, что ей нужеъ по крайней мѣрѣ годъ, можетъ-быть два, можетъ-быть и больше, чтобы рука, протягиваемая ею Франціи, могла *не просить, а предложить* дѣйствительную помощь.

II.

Еще въ 1863 году лордъ Пальмерстонъ сказалъ, что шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ спичка, отъ которой воспламенится цѣлая Европа. Извѣстно, что на этотъ результатъ болѣе всего разчитывалъ Наполеонъ III, не перестававшій тереть о что могъ эту несчастную спичку. Осуществленію предсказанія Пальмерстона и расчетовъ Наполеона помѣшала быстрота побѣдъ Пруссіи: на первое время, пожаръ ограничился одною центральною Европой. Но бурей страстей здѣшняго дольнаго міра искры палящаго пожараща занесены далеко. Какимъ-то магическимъ фокусомъ, совершившимся втихомолку, по соглашенію между Парижемъ и Берлиномъ, никому неизвѣстный прусскій корнетъ сдѣлался вдругъ вождѣмъ избранныкомъ жителей Румыніи, и пока Турція протестовала и подвигала войска къ берегамъ Дуная, а Парижская конференція одобряла протестъ, но останавливала войска, волшебный корнетъ, съ береговъ Шпрее, очутился на берегахъ Димбовицы. Еще Германія не успѣла воспламениться отъ тренія шлезвигъ-гольштейнской спички, а перелетѣвшій черезъ весь центръ Европы фосфоръ уже зажегъ, на берегу Дуная, вѣками накопленную кучу гнили всѣхъ возможныхъ національностей. Турція продолжала передвигать войска, конференція продолжала протестовать; а волшебный корнетъ преспокойно продолжалъ княжить на берегахъ Димбовицы, обращаясь къ

Турціи только что не какъ къ завоеванной имъ странѣ, а къ Европѣ—какъ истый ученикъ и наперсникъ графа Бисмарка. Кромѣ Турціи, кому бы, казалось, какъ не Австріи, озабочиваться неожиданнымъ-негаданнымъ, а въ сущности даже довольно грознымъ для нея воцареніемъ на юго-восточной ея границѣ молодого, предприимчиваго князя, родственника и подданнаго ея наследственнаго врага на сѣверѣ? Но Австрія не протестуетъ; напротивъ того, австрійскій уполномоченный при Парижской конференціи подаетъ голосъ въ пользу соблюденія принципа невмѣшательства *eo intusrennii дѣла Румыніи*; австрійскія газеты отзываются о новомъ княженіи въ весьма сочувственныхъ выраженіяхъ, а полуофициальный, полу-французскій, полу-австрійскій, *Mémorial diplomatique* то и дѣло рукоплещетъ торжеству принципа воцаренія иностраннаго князя въ Румынію, принципа, про который, еще въ мартѣ мѣсяцѣ, отзывались мы на страницахъ *Русскаго Вѣстника* какъ о принципѣ равнозначительномъ отпаденію Румыніи отъ Турціи. Но не одна Австрія удивляла Европу своимъ внезапнымъ сочувствіемъ къ прусскому князю, воцарившемуся въ Букарештѣ вопреки Турціи, вопреки конференціи, вопреки трактатамъ. Мало-помалу сталъ измѣняться относительно Румыніи толь самой Турціи; султанъ, подъ вліяніемъ того же магического фокуса, который сначала обворожилъ Румыновъ, взявшись надъ своимъ вассаломъ, такъ безцеремонно похищающимъ у него цѣлыя двѣ области, и поемвогу сталъ переходить отъ угрозъ къ холодному достоинству, за тѣмъ къ прощенію, затѣмъ только что не къ одобренію, а наконецъ ко всякаго рода любезностямъ, разрѣшившимся, повидимому, почти тельною повѣдкой вассала испрашивающаго инвеституры, а въ сущности, полною независимостью Румыніи, въ замѣнъ незначительнаго увеличенія слабой дани, платимой ею ежегодно Турціи.

Такимъ образомъ, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, благодаря Франціи и Пруссіи, на берегахъ Дуная стали накапливаться матеріалы для будущей грозы. Такъ какъ всякое столкновеніе на Востокѣ не можетъ не отозваться и на Австріи, то весьма естественно, что всѣ враги послѣдней, готовясь вступить съ ней въ борьбу, имѣли прямой интересъ возмущать Востокъ и особенно долину Дуная, населенную одноплеменными съ частью австрійскимъ подданнымъ Славянами

и Румынами. Такимъ образомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что не только Франція и Пруссія, но также и Италия, съ марта, а особенно съ начала апрѣля прошлаго года, принимала самое дѣятельное участіе въ событіяхъ, приведшихъ къ избранію Карла Гогенцоллерна и грозившихъ цѣлое лѣто возстаніемъ всѣхъ турецкихъ христіанъ. На это, впрочемъ, направляло ее завѣщаніе величайшаго изъ ея государственныхъ мужей, графа Кавура, взиравашаго на восточный вопросъ какъ на одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ вопросовъ по отношенію къ будущимъ судьбамъ Италіи. А извѣстно, что въ мечтахъ сторонниковъ „великой Италіи,“ часть Босніи, вмѣстѣ съ Далмаціей, присоединяется къ объединенной и округленной державѣ, нѣкогда заклѣпленной Меттернихомъ прозваніемъ: „географическое выраженіе“. Перелистывая газеты, безпрестанно можно было встрѣчать свидѣнія то о таинственной поѣздкѣ значительныхъ лицъ Италіи въ Букарештъ, то о подобной же поѣздкѣ такихъ же лицъ Валахіи во Флоренцію, все на нѣсколько дней, все съ „самыми тайными порученіями“. Газета *Siccle*, извѣстная своими тѣсными и давнишними сношеніями съ Флорентійскимъ кабинетомъ, уже 2-го апрѣля 1866 года утверждала, что „всѣ государственные люди Италіи давно смотрятъ на восточный вопросъ какъ на единственное средство разрѣшить вопросъ венеціанскій.“ 16-го апрѣля она возвращается къ этому воззрѣнію и уже въ болѣе опредѣлительныхъ выраженіяхъ: оказывается, что Италия, нуждаясь въ разрѣшеніи восточнаго вопроса для дароваго пріобрѣтенія Венеціи, заботится не только о *Славянахъ* и о Румынахъ, но также и о *Грекахъ*. „Пока мы во Франціи“, говоритъ эта преданная Италіи газета, „обращаемъ взгляды наши единственно на Рейль, многіе взгляды, въ Италіи, обращаются къ востоку... въ ней столько же озабочены восточными вопросами, какъ и австро-прусскими.“ Какая причина побуждала Италію, уже готовившуюся въ то время къ грозному столкновенію съ Австріей, отвлекаться отъ животрепещущаго для нея вѣдѣкаго вопроса въ пользу, повидимому второстепеннаго для нея, восточнаго вопроса, и какимъ образомъ послѣдній могъ служить единственнымъ разрѣшеніемъ венеціанскаго вопроса, все это весьма просто объясняется тѣмъ, что въ то время, и даже гораздо ранѣе, тянулись переговоры между Франціей, Италіей и Австріей объ обмѣнѣ Венеціи,

уступаемой Италіи, на одну или два Славянскія или Румынскія княжества, принадлежащія Турціи. Видно, Австрія сильно дорожилась въ то время „жемчугомъ Адриатики,“ какъ величали въ старину Венецію поэты Италіи, этимъ перломъ, который она такъ смیرهнно повергла, въ послѣдствіи, къ ногамъ „европейскаго посредника“, единственно въ надеждѣ, что онъ спасетъ ее отъ когтей прусскаго орла. По мѣрѣ того какъ она дорожилась, увеличивался и предлагаемый ей выкупъ, дошедшій до того, что Австрія, пожалуй, могла бы серьезно приняться за выполненіе программы возрожденія въ ея пользу Византійской имперіи, посуленной ей щедротами флорентійскаго корреспондента *Revue Britannique* въ августѣ 1865 года. Но Австрія требовала вознагражденія за Венецію не на счетъ Турціи, а на счетъ Пруссіи, какъ видно изъ слѣдующей выдержки вѣнской газеты *Presse*, получавшей въ то время довольно частыя сообщенія отъ графа Мендорфа: „Ни Сербія, ни Черногорія, ни Валахія, ни Молдавія не составляютъ въ этомъ случаѣ равнозначительнаго „вознагражденія... Одна Силезія, оторванная у насъ тому „мазандъ одно столѣтіе, составила бы совершенное вознагражденіе за Венецію.“

Въ маѣ заботы Италіи о славянскихъ населеніяхъ Турціи начинаютъ выражаться новыми фактами: французскія и англійскія газеты поговариваютъ о появленіи прусскихъ и италіянскихъ агентовъ среди славянскихъ, румынскихъ и греческихъ населеній турецкаго материка. Письма изъ Корфу, отъ 10-го мая, извѣщаютъ газету *la France*, что Англія послала винтовой корветъ *Cossack* и броненосный корветъ *Entreprise* наблюдать за берегами Албаніи. Въ первоначальныхъ проектахъ о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ является, между прочимъ, и мысль о высадкѣ Гарибальди при устьяхъ рѣчки Каттаро, съ тѣмъ чтобъ одновременно произвести возстаніе и въ Далмаціи, и въ Босніи, опять „для приготовленія Австріи вознагражденія за Венецію,“ какъ выражались и французскія, и италіянскія газеты; а въ самомъ разгарѣ австро-прусскаго столкновенія газета г. Жирардеа, *Liberté*, постоянно проводившая мысли и мнѣнія являвшіяся за тѣмъ либо въ рѣчахъ или письмахъ самого Наполеона, либо въ дипломатическихъ документахъ Тольерійскаго кабинета,*

* Въ статьѣ *Циркуляръ Маркіза Дивалетта о сосредоточеніи полѣтика Франціи* (Русскій Вѣстникъ за октябрь 1866 г.) указало уже

напечатала несколько обширных передовых статей под громким заглавием: „Восточный вопрос“, „Третий вопрос“ и пр., служивших всё доказательствомъ того же учения, которое развивалось газетой *Sicde* въ началѣ апрѣля, съ прибавленіемъ къ нему разрѣшенія австро-нѣмецкаго вопроса и... удовлетворенія завѣтныхъ стремленій Наполеона III къ приобретенію лѣваго берега Рейна. „*Les frontières du Rhin seraient-elles à Constantinople?*“ таковъ вопросъ, которымъ заключается одна изъ статей этой газеты, служащей, безъ всякаго сомнѣнія, вѣрнымъ выраженіемъ самыхъ сокровенныхъ замысловъ иностранной политики Наполеона III.

Всякому извѣстно, съ какою мелочною, неупустительною предусмотрительностью графъ Бисмаркъ, уже за годъ до разрыва Пруссіи съ Австріей, не пренебрегалъ никакими вспомогательными средствами, дабы приготовить свое отечество къ борьбѣ и обезпечить за нимъ всевозможныя условія успѣха. То же можно сказать и объ италіанскомъ правительствѣ, такъ что обширный и таинственный заговоръ Пруссіи и Италіи, при соучастіи и поощреніи Франціи, противъ окончательныхъ результатовъ событій 1848 г., основавшихъ преобладаніе Австріи въ Германіи и въ Италіи, по справедливости займетъ въ исторіи видное мѣсто между самыми зрѣлыми, самыми основательными дипломатическими комбинаціями. Что касается до того, чтобы принудить Турцію удовлетворить безъ всякаго возмездія всѣмъ требованіямъ трехъ союзниковъ, то для этого не представлялось надобности прибѣгать къ войнѣ: достаточно дружнаго восстанія ея христіанскихъ населеній въ Европѣ. Сами турецкіе христіане, сознавая свою силу и полагаясь единственно

до какой степени отрывко это постоянно вѣрное предсказаніе газетой *Liberté* теорій, мыслей и системъ, которые, съ прошлаго апрѣля мѣсяца, по прошествіи нѣсколькихъ дней или недѣль послѣ того какъ высказаны г. Жирардемомъ, мѣсячно являлись въ видѣ официальныхъ мнѣній самого французскаго правительства. Многие научные политическіе диалектики говорятъ при этомъ: „*L'Empereur a adopté le programme Girardin!*“ Не вѣрнѣ ли полагать напротивъ, что императоръ Наполеонъ, задумавъ какую-нибудь новую затѣю, просто поручаетъ г. Жирардену провести въ публичку главныя основанія и принципы этой затѣи, дабы облегчить за тѣмъ благосклонный пріемъ официальнаго заявленія о ней?

на свое неотрицаемое нравственное превосходство надъ своими притѣснителями, особенно со времени сближенія двухъ главныхъ національностей ихъ—греческой и славянской, уже болѣе года не желали и не просили ничего другаго, какъ признанія Европой принципа невмѣшательства въ борьбу ихъ съ мусульманскимъ игомъ. Положительно извѣстно, что съ предложеніями и просьбами подобнаго рода турецкіе христіане неоднократно обращались къ Наполеону III не только въ 1866, но и въ 1865 году. Извѣстно также, что императоръ Французовъ не отвергалъ ихъ просьбы; напротивъ, онъ постоянно поддерживалъ и поощрялъ ихъ надежды, уговаривая ихъ только подождать, откладывая выполнение ихъ рѣшимости до болѣе удобнаго времени; а между тѣмъ Тюльерійскій кабинетъ не упустилъ ни одного средства для успѣшнаго веденія въ цѣлой Турціи, и особенно въ ея христіанскихъ населеніяхъ, самой дѣятельной, систематически-организованной французско-латинской промышленной, финансовой, политической, нравственной и религіозной пропаганды, начатой со времени Крымской войны, и въ сущности составлявшей продолженіе ея, такъ какъ главная, или лучше, единственная явная цѣль этой пропаганды состояла въ разрывѣ всѣхъ многочисленныхъ и естественныхъ узъ, связывающихъ православныхъ восточныхъ христіанъ съ единовѣрными и, болѣею частью, соплеменными имъ братьями русской народности. Кому не извѣстно, до какой степени жалкое правительство Турціи, увлекаясь своею ненавистью къ Россіи и своими опасеніями, само и безразсудно вдалось въ искусные обманъ Тюльерійскаго кабинета, не подозревая, что это систематическое возбужденіе подвластныхъ Портъ христіанъ къ враждѣ противъ Россіи имѣло окончательною цѣлью подвинуть ихъ къ образованію одной сильной, самостоятельной, но исключительно христіанской державы, существенно враждебной Россіи и способной, такимъ образомъ, создать ту пресловутую „преграду“ мнимому „честолюбію Московитовъ“, къ осуществленію которой, по мнѣнію враждебной намъ западной Европы, Турція съ 1856 г., несмотря на неотступную раззорительную поддержку Англии и Франціи, оказалась рѣшительно неспособною. И эти подземныя происки Тюльерійскаго кабинета не пріостанавливались ни разу съ 1856 г., не смотря ни на дружескія отношенія возобновившіяся

между Россіей и Франціей немедленно по заключеніи Парижскаго мира, ни на болѣе тѣсную ихъ дружбу, получающую характеръ совершеннаго союза, въ 1859 г., во время приготовленій Франціи къ войнѣ за Италію противъ Австріи, ни на дѣйствительныя услуги, оказанныя въ это время Россіей Франціи, * ни на то обстоятельство, что въ 1861 году, въ Варшавѣ, самъ Русскій Царь лично заявилъ энергическій протестъ противъ предложенія графа Рехберга возобновить противъ Франціи грозную коалицію Священнаго Союза, и что Россія первая подала Европѣ примѣръ признанія присоединенія Ниццы и Савойи къ Франціи.

Въ чемъ состоятъ способы и средства упорной франко-польско-латинской пропаганды въ Турціи, преимущественно между Славянами и Румынами, на это было указано съ нѣкоторою подробностію въ апрѣльскихъ „Корреспонденціяхъ и замѣткахъ“ *Русскаго Вѣстника*. Въ сущности, эти способы обнимали рѣшительно всѣ стороны государственной и общественной жизни. И въ Константинополѣ, и въ Букарештѣ, и въ Бѣградѣ французскіе, но больше польскіе офицеры служили и служатъ до сихъ поръ наставниками и организаторами арміи; комиссіи французскихъ чиновниковъ, проникнутыхъ ненавистію къ Россіи и преданностію Польшѣ, сопровождаемые и часто даже руководимые Поляками, занимались устройствомъ администраціи, юстиціи и финансовъ и пользовались всѣми средствами, дабы распространять гнусныя клеветы насчетъ такъ-называемой „татарско-тѣмечкой бюрократіи“, будто бы угнетающей Россію, насчетъ „финско-монгольскихъ“, неисправимо-дикихъ наклонностей русскаго народа, насчетъ какого-то „идолопоклонническаго“ уклоненія Русскихъ отъ основныхъ принциповъ православной вѣры **; наконецъ, насчетъ „безжизненности“, „порабощенія“

* Припомнимъ предложеніе конгресса передъ войной и дѣлану князя Горчакова отъ 27-го мая 1859 года, настаивавшую у Германскаго Союза на необходимости признанія и соблюденія принципа невмѣшательства, относительно борьбы Австріи съ Франціей и Италіей, и требовавшей локализованія этой борьбы въ предѣлахъ одной Италіи.

** Сочиненіе: *Chrétiens et Turcs en Orient* неоднократно указываетъ на успешное распространеніе между дунайскими Славянами мѣтвѣн о такъ-называемой *idolâtrie Russe* (русскаго идолопоклонства), — ученіе, на которое враги наши смотрятъ какъ на самое

нашей церкви и разврата, корыстолюбия и невѣжества русскаго духовенства. * Пропаганда, производимая сверху официальными агентами Тюдлерійскаго кабинета въ войскахъ, въ правительственныхъ сферахъ и въ вышнемъ кругу греческихъ, румынскихъ и славянскихъ населеній Турціи, велась еще дѣятельнѣе внизу, въ народныхъ массахъ этихъ населеній, французскими и польскими ксендзами и безчисленными множествомъ сестеръ милосердія, по большей части Полякъ. Необходимымъ дополненіемъ всего этого являлись школы, управляемыя также польскимъ и французскимъ духовенствомъ. Среди славянскихъ народовъ, особенно въ Болгаріи, главнымъ орудіемъ этой пропаганды служить дестъ мѣстному національному чувству, защита его самолюбія и систематическое возбужденіе его противъ наплыва и преобладанія такъ-называемаго „грецизма“, дѣйствительно успѣвшаго вѣкогда, подъ покровительствомъ турецкаго правительства, почти совершенно замѣнить греческимъ языкомъ въ высшихъ кругахъ болгарскаго общества славянскій языкъ, заклеименный было Греками и болгарскою знатью презрительнымъ названіемъ „хлонскаго“ языка. Польско-французскія школы Болгаріи весьма искусно воспользовались этимъ обстоятельствомъ, дабы заслужить довѣріе народа, какъ истые защитники его національности противъ наплыва „грецизма“, будте бы покровительствуемаго Россіей, превращенною такимъ образомъ, благодаря Полякамъ и Французамъ, въ какого-то приврачнаго врага славянской національности. Не забудемъ при этомъ отдать справедливость нашему константинопольскому посольству: благодаря ему, въ настоящее время эта недѣльная клевета окончательно опровергнута въ общественномъ мнѣніи Болгаръ. Къ тому же благотѣльное прекращеніе соперничества между Греками и Славянами лишило Поляковъ-панистовъ глав-

важное средство для охлажденія естественныхъ сочувствій Славянъ къ Россіи. Франко-польское общество *Seniores des Ecoles d'Orient* переняло это ученіе у Поляковъ, но что касается предозвученныхъ успѣховъ этого ученія, не увлекаются ли Французы и Поляки, въ этомъ случаѣ, свойственнымъ Полякамъ хвастачивымъ и легкомысленнымъ втроеваніемъ въ успѣхъ своихъ козлей?

* Довольно полное помятіе объ этихъ объясненіяхъ можно получить изъ извѣстныхъ писемъ іезуита Гагарина въ редакцію газеты *День*, въ 1865 г., а также изъ опроверженія ихъ письмами г. Самарина въ ту же редакцію.

ного основанія успѣха ихъ козней. Тѣмъ не менѣе и школы, и духовенство ихъ уверено продолжаютъ выполнение предпринятой ими задачи. Къ той же цѣли стремятся и другого рода пропаганда, — пропаганда журнальная, распространяющаяся изъ Константинополя по всемъ славянскимъ владѣніямъ султана, разумѣется, не иначе какъ на счетъ его собственной, и безъ того уже тощей, казны. До Крымской войны въ Константинополѣ существовала только одна газета, разумѣется официальная, *Journal de Constantinople* *, издававшаяся на французскомъ языкѣ. Эта газета существуетъ и нынѣ; всѣ редакторы ея поступаютъ не иначе какъ по рекомендаціи или, по крайней мѣрѣ, съ одобренія французскаго посольства, и обѣщаніе, суда по статьямъ этой газеты, слѣпой, предвзятой вражды противъ Россіи и всего русскаго есть непремѣнное условіе такой рекомендаціи. Тѣмъ же направленіемъ отличаются и остальные константинопольскія газеты, издаваемые на разныхъ языкахъ съ конца Крымской войны. Въ этомъ отношеніи, болѣе прочихъ заслуживаетъ нашего вниманія газета *Turquia*, издаваемая на болгарскомъ языкѣ польскимъ іезуитомъ Геновичемъ, задавшимъ себѣ специальную и легкую задачу издавать искаженные, обрѣзанные и переименованные статьи *Московскихъ Вѣдомостей*, съ тѣмъ чтобы доставлять себѣ дешевое удовольствіе опровергать свои же собственные выдумки. Основная тема этой газеты, по отношенію къ европейской политикѣ, не что иное какъ повтореніе известной программы брошюръ гг. Фогтъ и Мюзеусъ, нѣмецкихъ писателей, состоявшихъ на жалованьи Тюльерійскаго

---

* О правдивости и здравомъ смыслѣ *Journal de Constantinople* можно составить себѣ понятіе по извѣстіямъ передававшимъ имъ своими читателямъ въ 1853—55 годахъ о побѣдахъ Русскихъ надъ Турками, въ Малой Азіи. Такъ о Ватъ-Кадыкарскомъ (Огузманскомъ) сраженіи (19-го ноября 1853 г.), въ которомъ 8.700 Русскихъ разбили и разсѣли 48.000 турецкій корпусъ и взяли у него 4 орудія, *Journal de Constantinople* отозвалась какъ о „стыкѣ“, происшедшей между „двумя турецкими батальонами, сопровождавшими 24 орудія“, и цѣлою русскою арміей, числомъ въ 25.000 человекъ. Настоящій редакторъ и собственникъ этой газеты г. Горъ (Hore), Французъ, какъ самъ шло, купившій ее на деньги французскаго посольства, но получающій значительную ежегодную денежную поддержку отъ турецкаго министерства иностранныхъ дѣлъ.

кабинета и повторавшихъ, въ свою очередь, ученія, первоначально развитое Мѣрославскимъ, въ его бойкомъ, но весьма неслѣпномъ сочиненіи: *De la nationalité polonaise dans l'équilibre européen*. Что касается собственно отношеній Турціи къ Россіи, г. Геневичъ счелъ нужнымъ принять въ руководство извѣстное сочиненіе одного изъ французскихъ официальныхъ наставниковъ Румыніи, г. Леклера, доказывающаго, будто въ Румыніи Россія не имѣла другой цѣли какъ упрочить работво, предать народъ гнету боярства и уничтожить всѣ основы нравственной и политической самостоятельности и правительства, и общества, и народа, и все это, разумется, съ корыстною цѣлью присоединенія Румыніи къ своимъ обширнымъ „степамъ“. Такова, впрочемъ, тема всѣхъ, безъ исключенія, газетъ издающихся въ Турціи, но кромѣ ихъ, для поддержанія постоянного сообщенія и обмѣна мыслей и чувствъ между дѣятелями франко-польской пропаганды и Франціей, а еще болѣе для возбужденія къ ней участія и вызова поддержки, въ Парижѣ выходитъ ежемѣсячное изданіе подъ заглавіемъ: *Oeuvres des Ecoles d'Orient*, направленное противъ вліянія Россіи и православной церкви и состоящее почти исключительно изъ корреспонденцій, присылаемыхъ преимущественно польскими ксендзами, сестрами милосердія и т. под., и описывающихъ православное духовенство, его образъ жизни, нравы и обычаи въ краскахъ, которыя не нуждаются въ комментаріяхъ, и мрачность коихъ должна выставляться тѣмъ болѣе рѣзко, что возлѣ этой картины являются безпрестанно напыщенные, восторженные разказы о блистательныхъ подвигахъ героизма, самоотверженія, безкорыстія и аскетическихъ добродѣтелей папистовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ турецкихъ христіанъ завѣряютъ, будто въ продолженіи ихъ угнетенія виновны единственно ихъ безграничное довѣріе и ихъ теплыя сочувствія Россіи, ихъ вѣра въ искренность и вліятельность ея дружбы, ихъ надежды на ея помощь, и будто Европа поспѣшитъ дарованіемъ имъ независимости, какъ только она удостовѣрится въ искренности и безвозвратности ихъ разрыва съ Россіей, для чего имъ представляется только одно средство: отречься отъ православія. Въ то же время другаго рода пропаганда, финансовая, коммерческая и промышленная, быстро передаетъ въ руки Франціи всѣ производительныя силы Турціи, и сама Англія, въ этомъ отношеніи, не въ состояніи бороться съ лихора-

дочлею дѣятельностью Французовъ, энергически поддерживаемыхъ своимъ правительствомъ и сильныхъ стройною организаціей пропаганды, охватывающей всю населенія и всю ословія турецкихъ христіанъ съ тѣмъ, чтобы, когда будетъ нужно, произвести, единственно въ свою собственную пользу, окончательный разрывъ между мусульманскимъ міромъ и христіанскимъ.

Это указаніе цѣлей франко-польской пропаганды объясняетъ весьма многое въ настоящемъ положеніи дѣла. Оно объясняетъ, вопервыхъ, почему все христіанскія населенія Турціи вдругъ оказались готовыми къ дружному вооруженному возстанію, и почему во всемъ этомъ они обращались не къ соседней, соплеменной и единовѣрной имъ Россіи, а къ отдаленной Франціи, не сочувствующей ни ихъ вѣрѣ, ни ихъ національности. Оно объясняетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, почему эти братья наши по вѣрѣ такъ опасались, въ случаѣ вооруженной борьбы, заступничества или патронажа Россіи въ ихъ пользу. Оно объясняетъ наконецъ, и болѣе всего, какія именно европейскія державы имѣли, въ началѣ 1866 года, прямой интересъ спѣшить подготовленіемъ христіанъ къ возобновленію восточнаго вопроса. Державы эти, очевидно, были не иныя какъ тѣ, которыя могли считать себя заинтересованными, сначала, въ возбужденіи, въ видѣ диверсіи, по всей южной границѣ Австріи, сильнаго національнаго и религіознаго движенія, которое естественно могло бы послужить операціонною базой для распространенія такого же революціоннаго движенія въ самыя ядра австрійскихъ владѣній, а затѣмъ, въ подготовленіи по всей этой границѣ достаточныхъ вознагражденій за все требуемая отъ Австріи уступки. Такимъ образомъ выходитъ, что вся отвѣтственность за возбужденіе въ прошломъ году восточнаго вопроса должна падать на Пруссію и Италію, а преимущественно на Францію, державшую въ своихъ рукахъ бразды всей этой затѣи, такъ какъ ни Пруссія, ни Италія не могли бы ничего сдѣлать на Востокѣ, не только безъ согласія и одобренія, но даже безъ прямого содѣйствія Тюльерітскаго кабинета, употребившаго десять лѣтъ неотступной пропаганды, чтобы завладѣть двигательными силами восточнаго вопроса. Ни въ одной изъ областей подвластныхъ Турціи французская пропаганда не увѣчалась такимъ быстрымъ, рѣшительнымъ успѣхомъ, какъ посреди несостоятельной, слабой духомъ

и нравственностью румынской национальности Валахія, рѣшительно отпавшей, подъ вліяніемъ Франціи, отъ своихъ многочисленныхъ славянскихъ началъ и приставшей окончательно къ латинской национальности, къ которой, въ сущности, она принадлежитъ не болѣе какъ и ко всѣмъ прочимъ элементамъ перемѣшавшимся въ ея крови *. Эти особенности Румыновъ приобрѣли имъ сочувствіе всѣхъ сторонниковъ принципа латинской народности и удостоились особеннаго вниманія графа Кавура, будто бы указывающаго на нихъ, въ своемъ предсловіи къ завѣщанію, какъ на естественное, необходимое воспроизводительное ядро и основаніе будущаго перерожденія Востока, избавленнаго отъ мусульманскаго ига, но не иначе какъ въ смыслѣ непреодолимой преграды, неразрушимой платины противъ поднимающагося русскаго прилива, какъ выражается по этому поводу *Opinion Nationale*, и съ цѣлью превратить Средиземное море въ Латинское озеро. ** При этомъ

---

* Древняя Дакія (нынѣшняя Молдо-Валахія) была завоевана во второй столѣтіи императоромъ Траяномъ, пославшимъ для этой цѣли пять римскихъ легионовъ, изъ которыхъ три состояли изъ Испанцевъ. По совершеніи этого завоеванія, легионы были колонизованы по всей Дакіи, и хотя эта колонія въ началѣ V вѣка призвана обратно въ Италію, дабы спасти ее отъ безпрестанно возобновлявшагося и возрастающаго напора Славянъ, въ этомъ трехвѣковомъ пребываніи въ Молдо-Валахіи латинской колоніи заключается все латинское происхожденіе, которымъ нынѣ гордятся Румыны, и которымъ такъ искусно воспользовалась франко-польская пропаганда, дабы перенести сочувствіе и довѣріе Румынъ съ Россіи на Францію. Между прочимъ, судя по названіямъ мѣстностей (Черно-Воды, Вѣла-рѣка и пр.) и всѣхъ предметовъ домашняго употребленія, относящихся къ первобытному состоянию народовъ, многіе ученые, но безъ основанія, полагаютъ, что сами Даки были народъ славянскаго племени, на что, между прочимъ, какъ бы указываетъ неоднократно замѣчательная статья г. Иванова-Желудкова, подъ заглавіемъ: *Словацкія села подѣ Пребургомъ, въ Русскомъ Вѣстникѣ* за октябрь 1866 года, стр. 1 по 29.

** Не имѣвъ случая видѣть это завѣщаніе, мы можемъ судить о немъ только по слухамъ, вѣданія которыхъ, какъ кажется, было достаточно, чтобы окружить головы румынской молодежи, взирающей на себя какъ на предназначенныхъ самимъ Провидѣніемъ исполнителей завѣщанія „величайшаго изъ государственныхъ нуждъ Италіи“. Необходимо замѣтить при этомъ, что намъ не случилось встрѣчать никого, кто бы лично видѣлъ это предсказанное завѣ-

нельзя не замѣтить, до какой степени во всемъ этомъ дѣлѣ замѣтно на каждомъ шагѣ вліяніе Наполеона: въ войнѣ родственниковъ прусскаго короля, представителя протестантскаго принципа въ цѣлой Европѣ, для вознагражденія въ Молдо-Валахіи назначенъ князь Карлъ-Эйтель-Фридрихъ-Зефиринъ-Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, вѣроисповѣданія латинскаго и родственникъ Наполеона по своей матери, рожденной княгини Мюрать, и по своей сестрѣ, супругѣ маркша Пеполи (Іоакимъ-Наполеонъ), наперника и подданнаго короля итальянскаго, и роднаго внука разстрѣляннаго Австрійцами короля неаполитанскаго, Іоакима Мюрата. Этимъ удачнымъ выборомъ государя Румыніи графъ Бисмаркъ очевидно старался угодить всѣмъ тремъ сторонамъ, прямо заинтересованнымъ въ борьбѣ его съ Австріей.

20-го апрѣля состоялся въ Молдо-Валахіи плебисцитъ объ избраніи князя Карла Гогенцоллерна; 3-го мая парижская конференція торжественно протестовала противъ этого избранія; не взирая на этотъ протестъ, 10-го мая новая палата представителей Румыніи подтвердила рѣшенье плебисцита, а 22-го мая князь Карлъ торжественно въѣзжаетъ въ Букарештъ.... Всѣ газеты Греціи и христіанскихъ народовъ, подвластныхъ Турціи, свидѣтельствуютъ о ликорадошномъ и сочувственномъ вниманіи, съ которымъ весь восточный христіанскій міръ слѣдилъ за всѣми фазами этого небывалаго въ новѣйшей исторіи воцаренія, такъ же какъ и о естественныхъ надеждахъ внушенныхъ прочимъ турецкимъ христіанамъ неожиданнымъ, немислимымъ успѣхомъ этой

щаніе. Сколько можно судить по слухамъ, оно имѣло въ виду создать отдѣльную латинскую политику, одна изъ главныхъ цѣлей которой состояла бы въ превращеніи Средиземнаго моря въ Латинское озеро, вслѣдствіе чего Тангеръ, въ Гибралтарскомъ проливѣ, и Константинополь, въ Босфорѣ, должны были навсегда закрыты доступъ въ это озеро военнымъ судамъ Англіи и Россіи и всего остальнаго міра. Тангеръ предназначался будто бы Кануромъ Испаніи, а въ Константинополѣ имѣлось въ виду возобновить латинскую Византійскую имперію, съ императоромъ изъ дома Габсбурговъ. Такая программа была неоднократно развиваема съ тѣхъ поръ многими итальянскими газетами и корреспонденціями, а въ числѣ ихъ и извѣстною флорентійскою корреспонденціей *Revue Britannique*, за августъ 1865 года, на которую многіе дипломаты въ Парижѣ смотрѣли какъ на выраженіе окровавленныхъ замысловъ Наполеона III.

снѣмой затѣи. Европа не могла надѣвиться, но не вмѣшивалась; Турція негодовала, протестовала, но не вмѣшивалась; Франція какъ будто смѣялась надъ всеми этими, но не только не вмѣшивалась, а даже не допускала и Турцію вмѣшиваться въ это дѣло. Но вниманіе Европы все болѣе и болѣе отвлекалось отъ Востока къ центру ея: австро-прусскій споръ со дня на день принималъ болѣе грозный характеръ; „внимательный нейтралитетъ“ Франціи ободрялъ обѣ спорящія стороны, и благодаря этому отвращенію, никто не обратилъ вниманія на грозное волненіе турецкихъ Славянъ и особенно Грековъ, несмотря на то, что уже 14-го мая, чрезъ четыре дня послѣ акта, которымъ румынская палата подтвердила избраніе князя Карла и разорвала разомъ и трактатъ 1856 года, и протоколъ конференціи 3-го мая 1866 года, мужественные Горцы древняго Крита, заповѣдаемаго гнѣзда патриотическихъ возстаній греческой народности, подали султану прошеніе объ отбѣнѣ разныхъ угнетательныхъ мѣръ и налоговъ и объ устраненіи всякаго вмѣшательства мусульманскаго мудлы въ дѣла христіанъ. Какъ обыкновенно, отбѣтомъ на это прошеніе былъ фирманъ, милостивый на словахъ, но оказавшійся ложью на дѣлѣ. Между тѣмъ, назидательный примѣръ успѣха, которымъ окончательно увѣнчалась смѣлость и дерзость румынскихъ затѣй, невольно ободрялъ предприимчивость Кандіотовъ. Въ половинѣ іюня провѣся слухъ, что какъ бы нарочно съ цѣлью ободрить ихъ, императоръ Наполеонъ торжественно заявилъ еще разъ о своемъ почтеніи къ „свободно выраженной волѣ народовъ“, къ „независимости національностей“ и къ принципу „невмѣшательства во внутреннія дѣла иностранныхъ державъ“.* Въ Кандіи раздались ружейные выстрѣлы; стали происходить кровавыя схватки; жители городовъ бѣжали въ горы. Искра отдѣлившаяся при треніи шлезвигъ-гольштейнскій спички, перелетѣвъ черезъ Германію въ Румынію, а оттуда черезъ Турцію въ Архипелагъ, быстро разгоралась на огненной почвѣ патриотическаго Крита....

Небывалая, неслыханная, невыслышанная несостоятельность Австріи внезапно измѣнила, какъ благопріятную для Кандіотовъ обстановку политическаго состоянія Европы, такъ и

* Подлинныя слова письма - манифеста Наполеона III отъ 11-го іюня 1866 года.

существенныя потребности державъ, до того столь очевидно заинтересованныхъ въ возстаніи восточнаго христіанскаго міра. Для Пруссіи, для Италіи, для Франціи исчезла необходимость держать на-готовѣ территориальныя вознагражденія на счетъ владѣній Оттоманской Порты. Такимъ образомъ, торжество Пруссіи должно было имѣть своимъ естественнымъ послѣдствіемъ, по крайней мѣрѣ на первое время, какъ со стороны ея самой, такъ и со стороны ея союзницы, Италіи, равнодушіе къ поощренному ими возстанію. Что же касается императора Наполеона, главнаго виновника этого возстанія, то первымъ интересомъ и его самого, и его новой естественной союзницы Австріи, сдѣлалось вдругъ сохраненіе спокойствія на Востокѣ и міра въ Европѣ. А между тѣмъ пожаръ, зажженный имъ на Востокѣ, разгорѣлся; въ Кандіи горсть мужественныхъ горцевъ неоднократно наносила турецкой арміи жестокіе удары; вдохновленные этимъ примѣромъ, Греки Эссалии и Эпира брались за оружіе, Славяне волновались, выжидая распространенія возстанія. Восторженная прокламація Кандіотовъ напоминала всѣмъ Грекамъ присягу 1821 года *, а дѣятельное участіе египетскаго паши въ подавленіи возстанія христіанъ естественно должно было вызвать и Грецію, по крайней мѣрѣ, къ громкому выраженію своихъ сочувствій къ участи и дѣлу угнетенныхъ братьевъ. Отголосокъ кандіотскихъ перестрѣлокъ раздавался далеко, и вотъ, вслѣдъ за *memorandum* Аѣинскаго кабинета, заговорила и Россія, именемъ человѣколюбія обращающаго вниманіе Европы на ужасы кандіотской

---

* Первая прокламація Критянъ только намекала на эту присягу, напоминая, что возстаніе Грековъ въ 1821 г. началось, какъ и мыслѣ, на островѣ Кандіи. Вмѣстѣ съ толками о намѣреніи Наполеона III, подъ предлогомъ присоединенія Кандіи къ Египту, приобрѣсть въ ней сильную морскую военную позицію для прикрытія сѣвернаго устья Суэзскаго канала, въ Парижѣ выказывалось нѣкое, будто Кандіоты ограничили этимъ намекомъ, для того чтобы не оттолкнуть отъ себя, преждевременно, сочувствій и поддержки Тюльерійскаго кабинета, такъ какъ присяга 1821 г. обязывала воиъхъ патриотовъ настоять на нераздѣльномъ съ Греціей освобожденіи Кандіи отъ турецкаго ига. Согласно тѣмъ же толкамъ, Франція отстала отъ кандіотскаго дѣла только по повеленіи меморандума греческаго правительства и по обнародованіи истинной дѣла возстанія: присоединенія къ Греческому королевству.

рѣзни и предлагая совокупнымъ посредничествомъ великихъ державъ, положить конецъ кровопролитію.

Упорство кандіотскаго движенія значительно усложняло трудное положеніе, въ какое поставило себя французское правительство своими ошибками въ австро-прусскомъ спорѣ. Надѣясь на силы Турціи и тайно уговаривая ее поспѣшить подавленіемъ возстанія, императоръ Французовъ отозвался о геройской борьбѣ Кандіотовъ какъ объ отдѣльной вспышкѣ, вызванной совершенно неосновательными требованіями и притязаніями необразованныхъ и своевольныхъ горцевъ. Между тѣмъ, на мѣсто уволеннаго Друэнъ-де-Люиса назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ маркизъ де-Мутье, какъ человѣкъ близко знакомый со всеми обстоятельствами восточнаго вопроса, и одно это назначеніе уже достаточно доказываетъ, до какой степени отзывъ Наполеона насчетъ возстанія Кандіотовъ противорѣчитъ его дѣйствительнымъ убѣжденіямъ. Но программа его относительно этого возстанія уже была рѣшена въ его умѣ: дабы успокоить Австрію, дабы отвратить всякій поводъ къ новому, несвоевременному для него столкновенію интересовъ Европы, онъ рѣшился во что бы то ни стало замаять вызванное имъ движеніе и заглушить въ Европѣ отголосокъ воплей несчастной Кандіи. Для этого прежде всего, требовалось устранить отъ себя всякое подозрѣніе въ возбужденіи этого возстанія; затѣмъ, очевидно слѣдовало принять безотлагательныя мѣры къ ограниченію круга греко-славянскаго движенія предѣлами одной Кандіи; наконецъ, надлежало выказать передъ Европой самое безмятежное равнодушіе къ событіямъ Востока. Для исполненія первой задачи приходилось, по обычаю, прибѣгнуть къ многоголоснымъ крикамъ и нареканіямъ безчисленныхъ французскихъ и иностранныхъ газетъ, покорныхъ внушеніямъ пресловутаго „господина въ черномъ фракѣ“. Какъ бы по данному сигналу, въ известной части газетъ цѣлой Европы вдругъ стали взводиться противъ Россіи неслыханныя обвиненія въ умышленномъ возбужденіи ею восточнаго вопроса, какъ будто сами факты не указывали ясно, противъ кого, по всей справедливости, должны были обращаться эти обвиненія, видимо перекосившія „съ больной головы на здоровую“ отвѣтственность за проливаемую кровь. За неокончаніемъ своихъ желѣзныхъ дорогъ, за недовершеніемъ своихъ

внутреннихъ преобразованій, Россія нымѣ, менѣ чѣмъ когда-нибудь, могла быть расположена къ умышленному зачинанію восточнаго вопроса; самое ея предложеніе совокупнаго посредничества великихъ державъ по справедливости должно было устранить отъ нея въ этомъ дѣлѣ всякое подозрѣніе въ своекорыстной цѣли. Но съ нѣкоторыхъ поръ всѣ клеветы французской печати противъ Россіи пользуются какою-то странною привилегіей — оставаться постоянно безъ опроверженія. На этотъ разъ, опроверженіе это было тѣмъ труднѣе, что никакой газетѣ, дорожащей продажей во Франціи, не представлялось никакой возможности безнаказанно высказать всю истину. Одна оппозиционная *Gazette de France* рѣшительно заявила мнѣніе, что возстаніе Кандіотовъ есть движеніе чисто-національное, общее всей греческой народности, и что извѣстный своею покорностью внушеніямъ сверху газеты *la Patrie* и *le Pays* несправедливо обвиняютъ Россію въ возбужденіи этого движенія. *Gazette de France* была въ этомъ случаѣ органомъ религіозной пропаганды Франціи на Востокѣ; она предвидѣла очень вѣрно, до какой степени внезапный переворотъ, совершившійся въ политикѣ Наполеона относительно турецкихъ христіанъ, неминуемо повредитъ дѣлу, съ такою неотступною настойчивостью веденному этою пропагандой въ продолженіе десяти лѣтъ. Обращая при этомъ вниманіе Франціи на то, что болгарская молодежь по большей части воспитывается въ русскихъ школахъ, *Gazette de France* заявляла безотлагательную необходимость для Франціи принять на себя въ восточномъ вопросѣ энергическую защиту христіанъ, дабы уничтожить обаяніе громкаго сочувствія Россіи къ ея единовѣрцамъ. Въ пылу журнальной полемики, само собою, высказывалась, можетъ-быть и не совсѣмъ сознательно, своекорыстная, завыставившая цѣль франко-польской пропаганды.

Затѣмъ, для ограниченія возстанія и борьбы предѣлами одной Кандіи, императору Наполеону, прежде всего, слѣдовало побудить Грецію остаться равнодушною къ героической и отчаянной борьбѣ ея единовѣрныхъ братьевъ. Маркизу Мутье предписано было имѣть, проѣздомъ черезъ Аѳины, свиданіе съ молодымъ королемъ Георгіемъ I, а агентамъ Франціи въ христіанскихъ областяхъ Турціи отдано приказаніе дѣйствовать согласно съ смысломъ инструкцій данныхъ маркизу де-Мутье. Но если для подготовленія Востока

къ движенію было употреблено десять лѣтъ неотступной, разносторонней пропаганды, то понятно, что по возбужденіи разъ этого движенія, остановить его было не легко. Энергическое заявленіе новаго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ о полномъ отсутствіи во Франціи сочувствія къ кандіотскому возстанію далеко не произвело въ Афинахъ желаннаго дѣйствія, и по прибытіи г. де-Мутье въ Біаррицъ, всему двору немедленно передано его нерасположеніе къ Георгію I, о которомъ вся придворная публика стала презрительно утверждать, будто „по юношеской неопытности своей онъ не въ состояніи выполнить ожиданій Европы“. Не болѣе этого увѣчалась успѣхомъ лихорадочная дѣятельность агентовъ Франціи, раскиданныхъ посреди христіанскихъ населеній Турціи: позднее время года, неожиданность переворота совершившагося въ Европѣ, а не угрозы Франціи, побудили восточный христіанскій міръ пріостановить на время общее національное возстаніе.

Наконецъ, для выполненія третьей задачи: отвлечь вниманіе Европы отъ событій происходящихъ и готовящихся на Востокѣ, Тюльерітскому кабинету представлялось не мало способовъ. Первый изъ нихъ представился самъ собою по случаю признанной императоромъ Наполеономъ необходимости оправдать свои политическія неудачи послѣдняго времени. Извѣстно, что оправданіе это возложено было на пресловутый циркуляръ маркиза Лавалетта, отъ 16-го сентября 1866. Въ этомъ циркулярѣ подробно обзрѣвается весь *status quo* цѣлой Европы, но о восточномъ вопросѣ, но о борьбѣ несчастной Кандіи противъ грозныхъ силъ турецкаго султана и противъ вопіющаго вмѣшательства египетскаго паши не упомянуто ни слова. И это въ томъ самомъ циркулярѣ, къ которому, — въ порывѣ досады противъ Соединенныхъ Штатовъ, за унижительныя для Франціи депеши, и противъ Россіи, за напоминаніе ею Европѣ о возстаніи Кандіотовъ — императоръ Французовъ, безъ всякой видимой причины, при послѣднемъ прочтеніи совѣту министровъ, нежданно самъ приписалъ параграфъ, указывающій на величіе Россіи и Америки какъ на факты самаго грознаго характера для будущей независимости Европы. Печать въ свою очередь должна была способствовать затемненію истины, и по приѣздѣ маркиза де-Мутье, во всей правительственной печати Франціи организовалось систематическое отрицаніе

самого существованія восточнаго вопроса и не менѣе систематическая передача *in extenso* всей официальной лжи турецкихъ телеграммъ, причѣмъ греческія депеши передавались въ краткомъ искаженіи.

До прибытія маркиза не было, повидимому, дано никакихъ рѣшительныхъ указаній правительственной печати относительно событій на востокѣ Европы, и новый министръ, какъ слышно, высказалъ даже совѣту министровъ, что онъ весьма недоволенъ положеніемъ принятымъ этою печатью по отношенію къ возникающему восточному вопросу. Мнѣніе де-Мутье о критскомъ возстаніи было изложено съ нѣкоторою подробностью въ брошюрѣ изданной еще въ Константинополь главнымъ редакторомъ *Journal de Constantinople*; нѣсколько сотъ экземпляровъ этой брошюры были отправлены во Францію, въ редакціи всѣхъ безъ исключенія газетъ. Тѣмъ не менѣе, бѣольшая часть изъ нихъ даже не упоминала о твореніи г. Гора; нѣкоторыя газеты только сдѣлали объ ней объявленіе, прибавивъ къ нему какъ бы вынужденныя одобренія; другія посвятили ей цѣлыя статьи, но въ сущности не поняли основной мысли этой брошюры: энергическаго отрицанія всякаго повода, всякой причины, всякаго признака возобновленія восточнаго вопроса. Редакторъ *Memorial diplomatique*, перепечатавъ въ № отъ 23-го сентября своего еженедѣльнаго изданія нѣсколько длинныхъ выдержекъ изъ брошюры г. Гора, объявилъ затѣмъ (и получилъ, говорятъ, потомъ за это выговоръ) 30-го сентября, вѣроятно подъ вліяніемъ опасеній своего другаго вдохновителя, князя Меттерниха, что „оборотъ принятый событіями на островѣ Критѣ не позволеть намъ долѣе скрывать отъ себя, что восточный вопросъ нынѣ наканунѣ своего вторичнаго появленія на свѣтъ“. Но 2-го октября маркизь де-Мутье пріѣхалъ въ Парижъ; въ ближайшемъ послѣ его пріѣзда номерѣ своемъ, *Memorial diplomatique*, отъ 7-го октября, и думаетъ, и говоритъ иначе; онъ опровергаетъ свое же собственное мнѣніе, которое на этотъ разъ приписывается вліяніямъ козней Россіи. Такъ какъ эта статья признана многими знаатоками внутреннюю, если не продиктованною г. де-Мутье, то взглядъ ея на восточный вопросъ и самое мнѣніе выраженное насчетъ нашего посланника бывшимъ товарищемъ его въ Константинополь вполнѣ заслуживаютъ вниманія русскихъ читателей. „Человѣкъ, говоритъ эта статья,

самый тихій, самый хитрый, самый скромный: таковъ тотъ, кого Россія послала представителемъ своимъ въ Константинополь, — генералъ Игнатьевъ... Обязанность продолжать дѣло князя Лобанова возложена Россіей на очень военнаго (*très soldat*), но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень любезнаго полномочнаго министра. Надо признаться, онъ исполняетъ это порученіе съ превосходствомъ, относительно котораго было бы не лишне заботливое вниманіе Европы. Въ Константинополь у него только цѣвты и гирлянды; между Портой и великой сѣверною державою отношенія самыя пріятныя. Но тѣмъ временемъ, основы мусульманства какъ будто трещать отовсюду; отъ перепечатыванія къ перепечатыванію русскія, нѣмецкія, англійскія газеты дошли до того, что въ головѣ своихъ статей ставятъ: *Восточный Вопросъ*. Между тѣмъ, въ подобномъ дѣлѣ, ставить вопросъ не значитъ разрѣшать его; ставить вопросъ, это создать его. Страхъ вреденъ: онъ рождаетъ затрудненія. Прежде даже чѣмъ Порта подтвердила оружіемъ свое державное право надъ Кандіей, греко-славянское дѣло уже обозначалось на четырехъ углахъ Румелии.... Россія, въ продолженіе минувшей грозы, думала о своихъ собствнныхъ дѣлахъ. Она предалась не разоруженію и не торговлѣ, а политикѣ междуконтинентальной, согласно своимъ нуждамъ и по-своему. Пока вооруженная эскадра привозила въ Финскій заливъ американскую миссію, въ Босфорѣ г. Джой Мурисъ (Joy Mooris) испрашивалъ у Порты „складочное мѣсто для угля“ для „купческаго флота“ въ оттоманскомъ архипелагѣ.“

Описывая за тѣмъ пріемъ американскаго посольства въ Россіи, *Mémorial* выражается слѣдующимъ образомъ о сходствахъ между двумя союзниками: „Царь освободилъ крестьянъ, Линкольнъ освободилъ рабовъ. Линкольнъ убитъ, Царь едва не подвергся той же участи. Америка задавила мятежъ, Россія задавила Польшу. Императоръ Александръ сказалъ: порядокъ возстановленъ въ Варшавѣ; президентъ Джонсонъ отвѣчалъ: Джефферсонъ Девисъ въ цѣпяхъ.“

Замѣчая при этомъ, что для Француза должно быть памятно еще и другое сходство—сходство двухъ депешъ „самыхъ тяжкихъ для чтенія нашихъ канцелярій,“ которыми заключены, Россіей въ 1863 г., а Америкой въ 1866 г., переписки по польскому и мексиканскому вопросамъ, и указывая, по примѣру циркуляра Лавалетта, на опасность будто

бы угрожающую Европѣ въ случаѣ вмѣшательства сѣвероамериканской республики въ разрѣшеніе восточнаго вопроса, двуличный органъ Тюльерійскаго и Австрійскаго кабинетовъ рѣшительно сбрасываетъ живую личину либерализма, надѣтую на всѣхъ своихъ слугъ Тюльерійскимъ кабинетомъ, и заключаетъ свою аргументацію слѣдующимъ наглымъ заявленіемъ: „Если разрѣшить восточный вопросъ приходится цѣной этихъ вмѣшательствъ, намъ кажется сто разъ предпочтительнѣе затупить его, отложить его, отрицать его.“

Сколько замѣчательныхъ признаній во всѣхъ этихъ строкахъ! Онѣ начинаются почти обязательными любезностями къ бывшему товарищу; сами любезности эти могли быть высказаны только человекомъ близко знакомымъ съ генераломъ Игнатьевымъ. Но между тѣмъ его обвиняютъ въ интригахъ, благодаря которымъ всѣ газеты Европы печатаютъ статьи подъ заглавіемъ: *Восточный вопросъ*, какъ будто не французская печать, еще съ начала апрѣля, то и дѣло писала о предстоящемъ возобновленіи восточнаго вопроса; какъ будто передъ началомъ и при началѣ войны всѣ безъ исключенія парижскія газеты, а особенно *Liberté*, не печатали безпрестанно статей подъ заглавіемъ: *Восточный вопросъ*. Весь этотъ шумъ французской печати о восточномъ вопросѣ сталъ утихать лишь послѣ военныхъ пораженій Австріи и дипломатическихъ пораженій Франціи. По прибытіи своемъ въ Біаррицъ, маркизъ де-Мутъ завѣрилъ своего государя, что все движеніе на Востокъ будетъ замято къ 15-му октября; это завѣреніе сдѣлалось какъ бы лозунгомъ для парижской печати, которой для этого, вѣроятно, приказано было слѣпо вѣрить официальной лжи константинопольскаго телеграфа. Принимая за вѣрное эту систематическую ложь, *Mémorial* сознается однако, что до мнимыхъ побѣдъ Турціи надъ Кандіотами „греко-славянское дѣло уже обозначилось на четырехъ углахъ Румелии“. Сознаніе это драгоцѣнно во многихъ отношеніяхъ, и особенно потому что опровергаетъ отрицаніе самого существованія восточнаго вопроса.

Но пока Европа завѣреніями Тюльерійскаго кабинета успокаивается насчетъ „критской вспышки“, проходитъ 15-е октября, а завѣреніе новаго Наполеоновскаго министра все не сбывается. Борьба не только не прекращена, но свирѣпствуетъ, напротивъ, съ безпрестанно возрастающимъ ожесточеніемъ. Масгитый архимандритъ взлетаетъ на воз-

духъ, вмѣстѣ съ своимъ монастыремъ; его геройская смерть одушевляетъ всѣхъ братьевъ православнаго Востока. Общественное мнѣніе Россіи просто и энергически высказываетъ свое глубокое сочувствіе жестокой участи критскихъ героевъ и безвыходному положенію прочихъ турецкихъ христіанъ. Но Франція, которая, какъ только идетъ дѣло о бунтующей шляхетской Польшѣ, готова опрокинуть всю Европу на Россію, въ виду единодушнаго, самоотверженнаго возстанія Брита не соглашается даже присоединиться къ предложенному Европѣ совокупному посредничеству, не имѣющему другой цѣли какъ положить конецъ вопіющему кровопролитію! Между тѣмъ борьба грозила разлиться по четыремъ угламъ Румелии, а геройская защита Кандіотовъ и ужасъ безпощаднаго мусульманскаго мщенія, для отвращенія котораго нельзя было полагаться на миѣческую гарантію обѣщаній турецкаго правительства, вмѣняли въ обязанность Европѣ, по меньшей мѣрѣ, признать за Бритомъ права на независимость наравнѣ съ тѣми, которыя такъ дешево достались Румынамъ. Но и этой уступки не могло быть достаточно для успокоенія взволнованнаго Востока: сосѣдая съ Румыніей Сербія, самый грозный для Турціи членъ греко-славянскаго союза, за которымъ нѣкогда были признаны трактатами одинаковыя съ Молдавіей и Валахіей права на независимость, имѣла неотъемлемое право требовать именемъ этихъ трактатовъ, чтобъ эти права были сравнены, но въ настоящее время, до открытія военныхъ дѣйствій съ Турціей, она удовлетворилась бы очищеніемъ всѣхъ своихъ крѣпостей отъ занятія турецкими войсками...

Если принять въ соображеніе несостоятельность Турціи совладать съ возстаніемъ однихъ Кандіотовъ и грозную обстановку готовящагося возстанія, нельзя не удивляться умѣренности этого *minimum* требованій Грековъ и Славянъ, требованій, удовлетвореніемъ которыхъ, тѣмъ не менѣе, въ концѣ ноября мѣсяца могло быть предупреждено внезапное расширеніе театра кровопролитія. Въ Англій всѣ эти предложенія встрѣчены были съ большимъ и искреннимъ сочувствіемъ и даже найдены весьма умѣренными. Въ Австріи баронъ фонъ-Бейстъ, противорѣча тону всѣхъ вдохновляемыхъ имъ газетъ, не только выразилъ самое живое участіе къ участи турецкихъ христіанъ и совершенное согласіе съ предложенными ему воззрѣніями, но даже намекъ, что

выполненіе ихъ не можетъ быть отложено на продолжительное время. Мнѣнія Тьюлерійскаго кабинета оказались далеко не столь опредѣлительными и не столь сочувственными къ христіанамъ, какъ мнѣнія выраженныя лордомъ Станлеемъ и барономъ Бейстономъ. Сквозь двуязычіе и уклончивость заявленій Франціи можно было разгадать однако какъ бы присутствіе своекорыстныхъ заднихъ мыслей. Въ началѣ декабря по Парижу стали носиться толки о неудовольствіи и безпокойствѣ, съ которыми французское правительство взирало на полное согласіе возрѣвній Россіи и Англіи, а также на выраженія горячихъ сочувствій послѣдней къ участи несчастныхъ Кандіотовъ, тѣснимыхъ уже не одними союзными Турками и Египтянами, но также морозами, ненастьемъ и лишеніями.

Стали ходить толки о какомъ-то чрезвычайно продолжительномъ свиданіи Наполеона III, въ своемъ кабинетѣ, съ маркизомъ де-Мутье и съ княземъ Меттернихомъ, а также и о томъ, что всѣ лица участвовавшія въ этомъ свиданіи вынесли изъ него какое-то особенно веселое расположеніе духа. Извѣстно, что за завтракомъ послѣ этого свиданія императоръ шутилъ болѣе обыкновеннаго и неоднократно потиралъ обѣ руки, вѣрный знакъ, что онъ чѣмъ-то очень доволенъ. Какая была причина этого удовольствія, о какомъ предметѣ была рѣчь въ кабинетѣ Наполеона, это, разумѣется, подробности, о которыхъ намъ, простымъ смертнымъ, можно судить только нѣсколько дней, а иногда и нѣсколько мѣсяцевъ спустя, и то только по догадкамъ, если самые поводы нашего любопытства не изгладились изъ нашей памяти.... Между тѣмъ, газета *Liberté* вдругъ напечатала длинную, по видимому весьма благосклонную для Россіи, передовую статью о восточномъ вопросѣ и о весьма естественномъ нерасположеніи Россіи къ трактатамъ 1855 года; въ заключеніе же этой статьи, помѣстивъ выдержку изъ старой статьи *Московскія Вѣдомостей* объ этомъ же предметѣ, *Liberté* выводила, что если Франція заявила о своей ненависти къ трактатамъ 1815 года, то и Россія, какъ видно, тоже не скрываетъ, что она питаетъ подобныя же чувства къ трактатамъ 1855 года. Все показывало, что готовятся новыя неожиданности.

АЛЕКЪ.

ПОПРАВКА. Въ романъ „въ Чужомъ полѣ“, въ октябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, на 613 стр., строки 9 и 10 снизу, *напечатано*: „чувственной жажды волненій и тревоги“; *слѣдуетъ читать*: „чувственной жажды и тревоги“. На той же страницѣ, строки 2 и 3 снизу, *напечатано*: „лишь отвѣчающую требованіямъ такой юности“; *слѣдуетъ читать*: „отвѣчающую требованіямъ его юности“.

9-го ноября.

„Миссъ де-Бофуа прѣѣхала сюда дня на два, и вчера у насъ былъ препятный маленькій вечеръ. Въ избыткѣ радости отъ замѣтнаго улучшенія въ здоровьѣ Аделины, тетушка Агнеса нарядилась въ великолѣпное шелковое платье канареечнаго цвѣта, съ богатою отдѣлкой, и ковыляя, спустилась внизъ, бѣдняжка! Но какъ бы вы думали, кто явился послѣ чаю? Monsieur le Comte Le Coq de-Monty! Онъ прѣѣхалъ въ Бельпортъ по дѣламъ къ субъ-префекту и весьма некстати спросилъ, имѣемъ ли мы какія-нибудь извѣстія о мистерѣ Сентъ-Джонѣ. Пока мы собирались отвѣчать ему, Роза, всегда находчивая и бойкая, уклончиво отвѣчала, что мистеръ Сентъ-Джонъ въ Англіи и живетъ въ замкѣ Веферъ. Лицо Аделины въ эту минуту было обращено въ другую сторону, но прочіе члены семьи нахмурились. Де-Монти совершенно наивно, но весьма невпопадъ, началъ восхвалять мистера Сентъ-Джона, говоря, что никогда не встрѣчалъ человѣка болѣе привлекательнаго; а такая похвала Англичанину изъ устъ Француза что-нибудь да значитъ.

„Аделина была такъ хороша сегодня утромъ, сидя въ своемъ большомъ креслѣ, что я не могла удержаться отъ восклицанія. Но она одинаково относится къ похваламъ и къ невниманію; ничто не выводитъ ея изъ этой мечтательной апатіи.

„— Да, наша семья красива, отвѣчала она. — Посмотрите какъ хорошъ папаша! Я наслѣдовала его черты.

„И при этомъ ни малѣйшаго признака польщеннаго самолюбія. Оно исчезло вмѣстѣ съ Фредерикомъ Сентъ-Джонъ.

„Я согласилась съ нею, что сирьоръ де-Кастелла чрезвычайно красивъ, но при этомъ замѣтила, что она гораздо красивѣе его.

„— Вся разница въ цвѣтѣ лица, отвѣчала Аделина. — Папаша блѣденъ, даже нѣсколько желтъ, а у меня цвѣтъ лица мамыши, которая, вѣроятно, обязана имъ своему англійскому происхожденію; у Француженки трудно встрѣтить такой чудный цвѣтъ лица, ослѣпительно свѣжій и въ то же время нѣжный.

„Я дивилась ея непостижимому равнодушію.

„— Было время, когда вы сознавали свою красоту, Аделина; а теперь выказываете къ ней какое-то странное равнодушіе.

„— Я пережила много чувствъ, Мери, нѣкогда весьма сильныхъ. Еще бы *жить*-то быть тщеславной!

„— Пережили? Довольно странное выраженіе для дѣвушки вашихъ лѣтъ.

„— Оно какъ нельзя болѣе пристало мнѣ, быстро отвѣчала она. — Въ нѣсколько мѣсяцевъ я изжила цѣлые вѣка.

„— Но это невозможно, Аделина!

„— Читали вы когда-нибудь, какъ волосы сдѣвуютъ въ одну ночь? прошептала она;—то же самое случилось и съ моими чувствами. Они мгновенно поблекли. Я жила въ такомъ упоеніи, что вся земля казалась мнѣ чуднымъ раемъ, и вдругъ настало пробужденіе. Оно-то и состарило мое сердце на цѣлый вѣкъ.

„— Я не могу этого понять, сказала я.—И дѣйствительно не могу понять.

„— Надѣюсь, что вамъ и не придется понимать это, Мери. Одинъ опытъ могъ бы вразумить васъ; никакія описанія, никакіе доводы не въ состояніи этого сдѣлать.

„— Вы, вѣроятно, разумѣете то время, когда мистеръ Сентъ-Джонъ уѣхалъ отсюда послѣ размолвки съ вами?

„— Нѣтъ, прошептала она, едва внятно, —но когда я узнала о его прежней любви.

„— Мнѣ кажется, это только игра воображенія, Аделина, сказала я, рѣшившись спорить съ ней для ея собственнаго блага.—Могъ ли онъ въ одно и то же время думать о васъ и о Сарѣ Боклеркъ? Вѣдь не могъ же онъ любить васъ обѣихъ разомъ.

„— Конечно, не могъ, сказала она, смущаясь и краснѣя.— Но онъ любилъ ее прежде чѣмъ узналъ меня, и теперь онъ опять съ нею. Развѣ вы не можете вывести изъ этого своихъ заключеній?

„— Но изъ того что вы говорите вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ теперь съ нею. Мы еще не знаемъ гдѣ онъ въ настоящую минуту. Хороша ли была ваша сестра, Аделина? спросила я.

„— Марія была красавица, отвѣчала она.—Лицомъ мы обѣ походили на папашу, а сложеніемъ и цвѣтомъ лица на мамашу.

„— И она тоже умерла отъ чахотки. Что за коварная болѣзнь! Въ ивыхъ семействахъ она дѣлается какъ бы наслѣдственною!

„— Что это вамъ пришло въ голову, Мери? Марія умерла отъ скарлатины. Она была очень слабого сложенія, и доктора боялись чтобы въ ней не развилась въ послѣдствіи чахотка. Не-знаю, что подало поводъ къ подобному мнѣнію: быть-можетъ, ея нѣжная, хрупкая красота.

„— Если чахотка любитъ выбирать свои жертвы между красавицами, смѣсь замѣтила я,—то не вздумалось бы ей когда-нибудь похитить Розу.

„— Розу! отвѣчала Аделина, и даже на ея устахъ появилась улыбка:—если Розѣ суждено быть когда-нибудь похищенною, такъ это четверомѣстною свадебною каретою съ бѣлыми бантами.

„И такъ идутъ дни безъ всякой перемѣны для Аделины. Глядѣть на нее—она какъ будто совершенно здорова и чрезвычайно хороша собой. Но вѣдь такую она была и прежде. О еслибы можно было перевезти ее на югъ! Но доктора говорятъ, что зимой это невысмыслимо. Она умерла бы на дорогѣ. Зачѣмъ было не воспользоваться вѣвремя чудною, лѣтнею погодою! Зачѣмъ? Зачѣмъ? Зачѣмъ? Многихъ преслѣдуютъ въ жизни эти неотступные вопросы, подобно тому какъ они будутъ преслѣдовать, быть-можетъ, господина и госпожу де-Кастелла.“

IX. Смерть Ребенка.

Читатель вѣрно обратилъ вниманіе на то мѣсто въ дневникѣ Мери Карръ, гдѣ она упоминаетъ о смерти малолѣтняго наслѣдника Анвика, и вѣроятно узналъ въ немъ маленькаго Джорджа Сентъ-Джона.

Недѣли за двѣ или за три до смерти сына, мистрисъ Карльтонъ Сентъ-Джонъ пріостановила свои безпокойныя странствованія, продолжавшіяся съ самаго отъѣзда ея изъ Бельпорта. Этимъ она обязана была вмѣшательству сидѣлки, мистрисъ Брайфордъ.

— Гдѣ же ему выздоровѣть при такой жизни, какую вы ведете, сказала она однажды.—Если вы не перестанете таскать за собою ребенка изъ города въ городъ, я принуждена

буду оставить васъ. Я не могу смотрѣть на это равнодушно; вы его скоро сведете въ могилу.

Пронзительный крикъ вырвался изъ груди матери при этихъ словахъ. Мысль о близкой смерти ребенка еще прежде запада въ ея душу (и кто знаетъ съ какихъ поръ?), но она мужественно боролась съ нею и всячески старалась заглушить въ себѣ это сознаніе. Теперь слова сидѣлки, повидимому, раскрыли ей глаза; факты были такъ очевидны, что трудно было сомнѣваться или обольщать себя несбыточною надеждой. Въ это время они пріѣхали въ городъ Эйпернъ, лежащій въ Бельгіи или западной Фландріи, извѣстный своими саржевыми и суконными фабриками. Тамъ и остановилась мистрисъ Сентъ-Джонъ. Она поспѣшила отыскать покойное помѣщеніе и перевезла въ него Джорджа, казавшагося не столько больнымъ, сколько слабымъ и изнуреннымъ. Между тѣмъ предсказаніе мистрисъ Брайфордъ сбылось, потому что не прошло двухъ дней послѣ ихъ пріѣзда въ Эйпернъ, какъ въ болѣзни ребенка наступилъ кризисъ. Теперь мистрисъ Сентъ-Джонъ не могла вѣхать далѣе, чтобы не нанести окончательнаго удара здоровью Джорджа, которое и безъ того сильно пошатнулось отъ этихъ безконечныхъ перѣздовъ. Какъ описать горе матери? Читатель вѣрно замѣтилъ, какою пылкою и ревнивою любовью любила она своего сына; это было единственное существо, которое наполняло собой ея гордую, безстрастную душу. Изъ-за него она ненавидѣла и Веню, по смерти котораго — ей одной было извѣстно содѣйствовала ли она этой смерти или нѣтъ — Джорджъ сталъ наслѣдникомъ Анвика. Но что кромѣ опасенія за жизнь сына, ее постоянно преслѣдовалъ еще какой-то страхъ, — это всякій могъ замѣтить.

На другой день послѣ прибытія мистрисъ Карльтонъ въ Эйпернъ, болѣзнь Джорджа стала быстро развиваться; опасность увеличилась, и конецъ былъ близокъ. Двинуться изъ Эйперна невозможно, какъ бы ни желала этого мистрисъ Сентъ-Джонъ. Она созывала одного за другимъ лучшихъ докторовъ въ городѣ, съ большими издержками выписала двухъ врачей изъ Лондона и послала мистеру Пиму приглашеніе немедленно прибыть въ Эйпернъ. Однако никто изъ собравшихся докторовъ не нашелъ малѣйшей возможности спасти ея сына. Она замѣчала какъ его прекрасное личико становилось все блѣднѣе и блѣднѣе, какъ лихорадка изнуряла его

ослабѣвшее тѣло, но ни одной слезы не выкатилось у нея. Все время она сохраняла неестественное спокойствіе и только дважды дала волю своимъ чувствамъ: тяжело было видѣть ихъ проявленіе постороннему, но каково было ей самой! Одинъ изъ этихъ припадковъ случился съ нею въ присутствіи сына. Бѣдная женщина, вѣроятно, не могла удержатъ себя и до полусмерти напугала Джорджа. Какъ помѣшанная бѣгала она по большой комнатѣ, рвала на себѣ волосы и кричала сыну, чтобъ онъ остался съ нею, чтобъ онъ не умиралъ.

— Перестань, мама, перестань! лепеталъ испуганный ребенокъ. — Не горюй обо мнѣ. Я иду на небо, къ Венѣ.

При первомъ восклицаніи Джорджа она мгновенно оставилась и упала подлѣ него на колѣни. Но когда она поняла его слова, она опять вскочила и начала метаться по комнатѣ какъ бѣсноватая, сжимая себѣ голову руками.

— Мама, не пугай меня! кричалъ ребенокъ. — Мнѣ самому хочется къ Венѣ.

Молчи, Джорджикъ, молчи! Каждое твое слово, невинный ребенокъ, кинжаломъ вонзается въ сердце твоей бѣдной матери. Посмотри, она уже падаетъ на полъ отъ изнеможенія и не въ силахъ удержать свои громкіе вопли.

Въ этотъ же самый день, черезъ нѣсколько времени послѣ припадка, пріѣхалъ и мистеръ Пимъ. Совершенно неускусившійся во французскомъ языкѣ и не привыкшій къ путешествію по чужимъ краямъ, да и вообще къ какому бы то ни было путешествію, такъ какъ никогда еще не двигался изъ Анвика, добрякъ сумѣлъ попасть въ Эйперъ двумя днями позже чѣмъ бы слѣдовало; вмѣсто того чтобы держаться прямого пути, онъ проколесилъ Богъ вѣсть куда. Впервыхъ, онъ ошибся въ названіи города, и вмѣсто Эйпера, искалъ какихъ-то „Виперъ“, что было далеко не надежнымъ способомъ попасть на мѣсто. Впрочемъ, онъ таки добрался до цѣли своего путешествія, правда нѣсколько смущенный и сковфуженный, но впрочемъ благодарный судьбѣ за то, что она наконецъ сжалась надъ нимъ, и вывела его на прямую дорогу.

Джорджъ лежалъ обложенный подушками, когда къ нему вошелъ докторъ; блѣдный, слабый, исхудалый, онъ былъ тѣнью прежняго Джорджа. Но увидавъ знакомое лицо мистера

Пима, съ радостною улыбкой протянулъ ему маленькую прозрачную ручонку.

— Я васъ помню! произнесъ онъ съ усиленіемъ, едва переводя дыханіе.—Мама сказала, что вы ѣдете къ намъ, и мы ждали васъ вчера.

— Я и самъ думалъ, что попаду сюда раньше, Джорджикъ, отвѣчалъ докторъ,—но я... я обился съ дороги.

Мистеръ Пимъ придвинулъ стулъ къ кровати мальчика и молча смотрѣлъ на него. Казалось, что во всю долготѣющую практику ему еще не приходилось видѣть такого изнеможенія въ ребенкѣ; ребенку оставалось лишь нѣсколько дней жизни, пожалуй и того менѣе. Большіе, блестящіе, голубые глаза Джорджа обращены были на доктора, между тѣмъ какъ изнуренная горячая ручонка его неподвижно лежала въ крѣпкой, здоровой рукѣ врача.

— А вы видѣли Венина пони? спросилъ мальчикъ.

— Венина пони! машинально повторилъ докторъ, мысли котораго были такъ далеки отъ всякихъ пони.—Я думаю, онъ еще стоитъ въ конюшнѣ въ Анвикѣ.

— Прякъ и бабушка сказала, что я буду кататься на Вениномъ пони, когда вернусь домой. Мнѣ очень хотѣлось бы домой, покататься на пони и видѣть Брава, но теперь нельзя.

— Да, теперь нельзя, сказалъ докторъ,—ты еще очень слабъ, Джорджикъ, не правда ли? А здорова ли твоя мама?

— Я сейчасъ извѣщу мистрисъ Сентъ-Джонъ о вашемъ пріѣздѣ, сэръ! прервала его женщина почтенной наружности, вставъ со стула на противоположномъ концѣ большой комнаты.

Голосъ ея чуть не испугалъ мистера Пима, который не замѣтилъ ея присутствія. Женщина вышла изъ комнаты и затворила за собою дверь.

— Кто это, Джорджикъ, спросилъ докторъ?

— Это мистрисъ Брайфордъ! отвѣчалъ Джорджъ.

— Ахъ, да; сидѣлка Брайфордъ. Я слышалъ о ней отъ мистрисъ Дарлингъ.

— Мама не велитъ называть такъ; она говоритъ, что мнѣ не нужно сидѣлки, и потому мы зовемъ ее просто Брайфордъ. А Вению видѣли? продолжалъ мальчикъ, говоря теперь гораздо свободнѣе, потому что волненіе, возбужденное въ

вѣмъ появленіемъ доктора, уже нѣсколько стихло, но на послѣднихъ словахъ голосъ его незамѣтно понизился.

— Видѣлъ ли я Веню, повторилъ мистеръ Пимъ съ изумленіемъ. — Ты хочешь сказать Венюу могилу? Да, у него хорошенькая могила; хотя, на мой взглядъ, памятникъ слишкомъ высокъ для его возраста.

— Нѣтъ, сказалъ Джорджъ. — Я говорю: Веню.

— Чтò ты, дитя мое! развѣ я могъ видѣть Веню? Вѣдь онъ ушелъ отъ насъ на небо, возразилъ докторъ.

— А какъ же мама видитъ его?

— И мама не видитъ, сказалъ мистеръ Пимъ послѣ короткой паузы.

— Нѣтъ, видитъ, утверждалъ Джорджъ, — она видитъ его по ночамъ; и тогда хватаетъ меня и прчетъ свое лицо. Мама видитъ и зажженную церковь, какъ она вспыхиваетъ иногда.

Странное раздумье отразилось на лицѣ мистера Пима, когда онъ взглянулъ на невиннаго ребенка.

— Мама это видитъ воемъ, сказалъ онъ, — какъ это со всѣми случается. Помнишь, Джорджикъ, моего стараго коня, Боба? Онъ издохъ вынѣшнимъ лѣтомъ отъ старости. А между тѣмъ я его вижу иногда во снѣ, Джорджикъ, какъ будто онъ несетъ меня крупною рысью по дорогѣ.

Пылкое воображеніе мальчика, еще болѣе возбужденное физической слабостью, мгновенно разыгралось.

— Вы видите и сѣдло его, и уздечку, мистеръ Пимъ? прибавилъ онъ.

— И сѣдло, и уздечку, и стремя, все; даже его старую гриву и хвостъ. Они очень у него поствѣдали, Джорджикъ. Это былъ такой вѣрный старый слуга, какого у меня никогда не будетъ болѣе, сказалъ докторъ.

— Вы купили другую лошадь? спросилъ мальчикъ. — Ее зовутъ также Бобъ?

— Да, у меня есть другая лошадь, но ее зовутъ Джакъ. Ей далеко до Боба, Джорджикъ. Когда ей приходится ждать меня съ одноколкой гдѣ-нибудь у подѣзда, она просто пляшетъ отъ нетерпѣнія. А разъ, когда я ѣхалъ на ней верхомъ, она вздумала-было сбросить меня, — тутъ ужъ мы съ ней повоевали; потомъ, въ другой разъ, хотѣлъ было повернуть ее къ Бельярду, она возьми — да прямо въ щеточную лавку такъ и лѣзетъ; тутъ мы съ ней опять имѣли сраженіе.

Джорджикъ смѣялся на сколько у него хватало силы.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ не сталъ держать такую лошадь, сказалъ онъ.—Веникъ пови никогда не дѣлалъ этого.

— Вотъ видишь, Джорджикъ; я хочу научить ее вести себя поприличнѣй, и потому держу ее, несмотря на то что она презлая.

— Отчего вы не возьмете Веника пови? спросилъ мальчикъ.—Я увѣренъ, что мама отдастъ вамъ его; она говоритъ, что ничѣмъ не дорожитъ теперь въ Анвикѣ. Вѣдь онъ назывался мнѣ, но я уже не вернусь туда, я иду на небо.

— Ахъ ты мой великодушный мальчикъ! Да развѣ Веникъ пови свезетъ меня? Вѣдь я тяжелѣе и тебя, и Вени, прибавилъ докторъ.—А что твой французскій языкъ, Джорджикъ? Начинаешь ли ты понимать его?

— Здѣсь не по-французски говорятъ, а по-фламандски, отвѣчалъ мальчикъ.—У насъ двое Фламандцевъ въ услуженіи, и то-то вы послушали бы, мистеръ Пимъ, какъ они тараторятъ.

Мистеръ Пимъ откинулъ назадъ бѣлокурые волосы мальчика: они были влажны и безжизненны. По рѣчамъ и рассудительности Джорджъ, казалось, выросъ года на три, а между тѣмъ не было еще и полныхъ двѣнадцати мѣсяцевъ, какъ онъ уѣхалъ изъ Анвика.

Дверь отворилась, и въ комнату вошла мистрисъ Сентъ-Джонъ. Въ ней не было и тѣни той сокрушенной, взволнованной женщины, которая за два часа передъ тѣмъ доходила до безумнаго отчаянія; это была холодная, высокообразованная аристократка, безстрастная физіономія которой показывала необыкновенное самообладаніе. Блестящіе черные волосы ея изящно причесаны, а дорогое черное шелковое платье отличалось богатою и щегольской отдѣлкой.

— Я еще третьяго дня ждала васъ сюда, сказала она, подходя къ мистеру Пиму,—а сегодня уже отказалась отъ надежды васъ видѣть и стала ожидать письма.

— Что дѣлать, сказалъ мистеръ Пимъ протягивая ей руку,—совсѣмъ сбился съ дороги; мы сейчасъ говорили объ этомъ съ Джорджикомъ; сроду не путешествовалъ; развѣ только и озадачило меня чужое нарѣчіе, да и то въ Вельсѣ.

Изъ всего что онъ сказалъ, мистрисъ Сентъ-Джонъ поняла только одно слово: Джорджикъ.

— Какъ вы его находите, мистеръ Пимъ? спросила она.

— Да, не мѣшало бы ему быть помѣстивъ, коротко от-

вѣчалъ докторъ и скорѣе шутивымъ нежеди смущеннымъ тономъ; онъ зналъ какъ жадно ловилось каждое его слово.

— Если кто-нибудь въ состояннн помочь ему, такъ это вы одни, мистеръ Пимъ, сказала мистрисъ Сентъ-Джонъ.— Здѣшнне доктора отказались отъ него; выписанные мною изъ Лондона врачи также объявили, что ничего не могутъ для него сдѣлать, и уѣхали обратно; тогда я рѣшилась послать за вами.

— Такъ, такъ, отвѣчалъ докторъ, ничего не выразивъ этимъ восклицаннемъ.— Мнѣ очень прнятно повидаться съ такимъ маленькимъ другомъ. Мы съ Джорджикомъ всегда были въ большихъ ладахъ, только за лѣкарства немножко ссорились. Помнишь, Джорджикъ, тѣ порошки, изъ-за которыхъ у насъ поднималась всегда война.

— Еще бы мнѣ забыть ихъ! отвѣчалъ Джорджъ.— Но вы побѣждали, вы все-таки заставляли меня принимать ихъ.

Докторъ расмѣялся.

— Не дадите ли вы ему и теперь какихъ-нибудь порошковъ? спросила мистрисъ Сентъ-Джонъ равнодушнымъ тономъ, между тѣмъ какъ въ глазахъ ея отражалось тревожное ожиданнн.

— Не знаю навѣрное, порошки ли, уклончиво отвѣчалъ докторъ.— Мы еще увидимъ.

Мистрисъ Сентъ-Джонъ отошла къ дальнему окну и остановилась около него. Она прижала свое лицо къ холодному стеклу, какъ бы отъ сильной боли въ лицѣ, но сейчасъ же выпрямилась и снова приняла надменный, повелительный видъ; прекрасное лицо ея казалось въ эту минуту совершенно спокойнымъ, а въ рѣшительномъ взорѣ нельзя было подмѣтить и тѣни горестнаго чувства. Но, вѣроятно, это наружное спокойствнн, которое не покидало ея во все время пребываннн мистера Пима въ Эппернѣ, стоило ей гораздо болѣе чѣмъ онъ воображалъ.

Обернувшись назадъ, она поманула его къ себѣ. Мистеръ Пимъ прикрылъ шелковымъ одѣяломъ уже засыпавшаго отъ изнеможеннн Джорджа и подошелъ къ мистрисъ Сентъ-Джонъ. Окно, у котораго она стояла, выходило на зеленныя поля; тутъ не было ни шума, ни суетнн; все это было на противоположной сторонѣ дома. Въ полѣ торчала старая, невысокая фламандская башня съ часами безъ стрѣлокъ: часы эти со-

бирались снять оттуда, какъ объяснилъ Флаамандецъ-поваръ, когда разборчивая Пряньсъ замѣтила ихъ безобразіе.

— Я съ двойкою цѣлюю выписала васъ, мистеръ Пимъ, сказала мистрисъ Сентъ-Джонъ, садясь подаѣе отъ Джорджа, чтобъ онъ не разслыхалъ ихъ разговора, и указывая доктору на другой стулъ. — Врачи, которыхъ я призывала, одни прямо сказали мнѣ, другіе только дали почувствовать, что сынъ мой долженъ умереть, но всѣ они отказались лѣчить его, и всѣ были одного мнѣнія насчетъ его болѣзни. Два доктора, которые ежедневно навѣщаютъ его, были у меня сегодня утромъ. Я видѣла какъ они, перешептываясь, выходили изъ комнаты, и убѣдилась, что даже и они потеряли всякую надежду. Я ждала васъ, мистеръ Пимъ, чтобы вы подтвердили или опровергли ихъ слова; вамъ знакомо сложеніе всѣхъ Сентъ-Джонъ и моего Джорджика. Скажите же мнѣ, правда ли, что онъ долженъ умереть?

Лицо ея не выражало ни малѣйшаго признака волненія. Глядя на нее, нельзя было повѣрить, чтобъ это была та самая женщина, которая нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ поражаа всѣхъ своею раздражительностью, а припадками своего отчаянія наводила ужасъ на прислугу.

Она сидѣла, новидимому, безстрастная, равнодушная, голосъ ея былъ ровень и спокоенъ. Только въ пальцахъ ея можно было замѣтить какое-то судорожное движеніе. Она держала въ рукахъ тонкій носовой платокъ и украдкой щипала его уголокъ, такъ что къ концу разговора тонкая ткань не выдержала, и въ платкѣ образовалась большая прорѣха. Мистеръ Пимъ зналъ, что Джорджъ долженъ умереть; онъ понялъ съ перваго взгляда, что ангелъ смерти уже приосѣнилъ его своими крыльями; но говорить объ этомъ матери ему казалось жестоко и неумѣстно. Онъ началъ было уклончивымъ отвѣтомъ, но она тотчасъ же остановила его.

— Я посылала за вами, чтобъ узнать отъ васъ истину, сказала она. — Скажите мнѣ прямо: Джорджикъ при смерти?

Докторъ видѣлъ, что съ нею нельзя шутить, и что всякая попытка такого рода была бы безразсудна. Да сверхъ того, она такъ же ясно могла прочесть истину по лицу Джорджа, какъ онъ самъ прочесть ее.

— Волѣкъ его серіозна и опасна, отвѣчалъ онъ.

— Но это все еще не тотъ рѣшительный отвѣтъ, котораго я отъ васъ ожидала, возразила мистрисъ Сентъ-Джонъ. —

Совершивъ такое далекое путешествіе, чтобы произнести свой приговоръ, вы можете прямо отвѣчать мнѣ: умретъ онъ, или нѣтъ?

— Къ несчастью, кажется такъ, сказалъ докторъ.

— Стало-быть, болѣзнь его развилась на столько, что онъ въ скоромъ времени.... (Она остановилась-было, потому что спазмы сдавили ей грудь, но сейчасъ же преодолѣла себя и продолжала:)—ему, стало-быть, остается нѣсколько часовъ жизни.

— Я не говорю этого, возразилъ докторъ,—но во всякомъ случаѣ не болѣе нѣсколькихъ дней.

Мистрисъ Сентъ-Джонъ посмотрѣла вдаль. Глаза ея остановились на часахъ безъ стрѣлокъ, какъ бы недоумѣвая, почему не идутъ они; докторъ обрадовался спокойному выраженію ея лица, а она между тѣмъ продолжала:

— Едва ли нужно говорить о другой причинѣ, по которой я желала васъ видѣть. Я все надѣялась, что зная Джорджа съ самаго дня его рожденія, вы нападете, можетъ-быть, на такое средство, которое не пришло бы въ голову другому врачу.

— То-есть на какой-нибудь особенный способъ лѣченія, хотите вы сказать, мистрисъ Сентъ-Джонъ, возразилъ докторъ.—Сомнѣваюсь, чтобъ ему можно было помочь. Если я не могъ спасти отца, то по всей вѣроятности не спасъ бы и его.

— Но почему же всѣ Сентъ-Джоны изъ Анвика умираютъ такимъ образомъ? съ сердцемъ возразила она.

— Не говорите этого, успокоительно отвѣчалъ мистеръ Пимъ,—судьбы Божіи неисповѣдимы. Многого мы не можемъ разяснить себѣ и многое видимъ какъ бы зеркаломъ въ гаданіи. Но вѣрьте, что въ день послѣдняго суда мы увидимъ, какъ велико было къ намъ милосердіе Божіе, какъ все дѣлалось къ нашей пользѣ.

— Онъ умираетъ отъ той же изнурительной болѣзни, отъ которой умеръ его отецъ? спросила она послѣ небольшого молчанія, или отъ.... отъ.... отъ того что было за обѣдомъ въ день его рожденія?

— Да что же было тогда? спросилъ мистеръ Пимъ.—Я не слышалъ чтобъ онъ сѣлъ что-нибудь особенное въ этотъ вечеръ.

— Во всякомъ случаѣ былъ испугъ, если не то и не другое,

прибавила мистрисъ Сентъ-Джонъ.—Впрочемъ, я никогда не могла хорошенько добиться отъ него, что онъ чувствуетъ.

— Полноте, воскликнулъ докторъ.—Развѣ минутный дѣтскій испугъ или расстройство желудка могутъ окончательно разрушить здоровье ребенка?

— Но, вѣдь, онъ съ тѣхъ поръ уже не поправлялся, сказала она, понизивъ голосъ.

— Вѣроятно, эта болѣзнь уже крылась въ немъ тогда, и я полагаю, что испугъ, потрясшій въ этотъ вечеръ его нервную систему, вызвалъ ея первые симптомы, замѣтилъ мистеръ Пимъ.—Почемъ знать, можетъ-быть, болѣзнь эта перешла къ нему отъ отца?

— Такъ вы увѣрены, что ничто не могло бы спасти его? спросила мистрисъ Сентъ-Джонъ.

— Да, я такъ думаю, отвѣчалъ докторъ.—Можно съ достовѣрностью сказать, что если въ комъ есть зародышъ наследственнаго недуга, онъ навѣрное разовьется въ немъ рано или поздно.

— Не... не слишкомъ ли много я съ нимъ путешествовала? прибавила она.—Не это ли повредило ли ему?

— Не думаю, ободрительно возразилъ мистеръ Пимъ.

Что пользы было говорить ей это теперь, еслибы даже онъ дѣйствительно былъ того мнѣнія? Въ эту минуту мистрисъ Сентъ-Джонъ, просунувъ свой палецъ черезъ отверстие въ платкѣ, пристально разсматривала его, между тѣмъ какъ мистеръ Пимъ украдкой слѣдилъ за каждымъ движеніемъ ея лица.

— Какое право имѣлъ Джорджъ Сентъ-Джонъ жениться, внезапно закричала она.—зная, что въ немъ кроются зародыши наследственнаго недуга? Онъ долженъ былъ остаться холостымъ, и тогда родовое бѣдствіе вымерло бы вмѣстѣ съ нимъ.

— Хорошо, еслибы все такъ дѣлали! сказалъ мистеръ Пимъ.—А между тѣмъ въ супружество вступаютъ такіе люди, которые еще менѣе имѣютъ на то права нежели Джорджъ Сентъ-Джонъ.

Последнее замѣчаніе, повидимому, неволью сорвалось у него съ языка. Мистрисъ Сентъ-Джонъ повела на него глазами, но онъ успѣшилъ прибавить:

— Вашъ мужъ не заслуживаетъ ни малѣйшаго порицанія,

мистрисъ Сентъ-Джонъ. Когда онъ женился, онъ былъ совершенно свѣжъ и здоровъ.

— А все-таки онъ могъ предвидѣть, что эта болѣзнь разовьется и въ немъ; онъ зналъ, что всѣ его предки отъ нея умирали, сказала она.

— Не всѣ, а одинъ или двое изъ нихъ, возразилъ докторъ.— Но развѣ Джорджъ Сентъ-Джонъ могъ знать, что и самъ онъ обреченъ на то же? Развѣ онъ не могъ пойти по матери, которая была очень крѣпкаго сложенія?

— А почему же... а почему же... Джорджикъ не пошелъ помѣть?

Она произнесла это съ разстановкой, стараясь подавить въ себѣ волненіе, которое обнаруживалось въ ея неровномъ дыханіи. Страшное выраженіе пробѣжало по лицу доктора.

— Все дѣлается къ лучшему, мистрисъ Сентъ-Джонъ, оказалъ онъ,—*сърдце въ это!*

Въ эту минуту раздался слабый голосокъ Джорджа, который звалъ маму, и мистеръ Пимъ поспѣшно всталъ съ своего мѣста. По всему было замѣтно, что онъ радъ былъ прекратить этотъ разговоръ. Кроткіе, голубые глаза Джорджа смотрѣли на доктора, когда онъ наклонился къ нему, а блѣдныя губы его озарились улыбкой.

— Тамъ тебѣ будетъ лучше, несравненно лучше, прошепталъ мистеръ Пимъ, осторожно отодвигая прелестные локны ребенка съ его исхудалаго личика, и прикладывая руку къ его лбу.—Еще нѣсколько дней, и у Бога будетъ однимъ ангеломъ больше. А еслибы ты остался *здѣсь*... нѣтъ, лучше и не думать объ этомъ. Все дѣлается къ лучшему!

Пробывъ сутки въ Эйперѣ, докторъ уѣхалъ обратно въ Анвикъ, распростившись съ мистрисъ Сентъ-Джонъ, которая ни разу въ его присутствіи не потеряла самообладанія.

Роковой часъ пробилъ: Джорджикъ скончался, и его похоронили въ Бельгіи. Первые два дня послѣ его похоронъ мистрисъ Сентъ-Джонъ была неестественно спокойна, но на третій день, въ самую полночь, отчаянные крики ея разбудили весь домъ, и началась ужасная возня. Прянь заперлась съ ней наединѣ, и понемногу все стихло. Несмотря на всѣ усилія мистрисъ Брайфордъ, она только и вывѣдала отъ осторожной Прянь, что госпожа ея находится въ постоянномъ страхѣ, воображая, что къ ней идетъ призракъ Вени съ зажженною церковью въ рукахъ. Эти припадки повторялись почти каждую ночь, и отъ одного ожиданія ихъ мистрисъ Сентъ-Джонъ

приходила въ ужасное раздраженіе. Часто, къ великому огорченію Пряньсъ, несчастная женщина пила водку, единственно для того чтобы потерять сознаніе.

Что предприметь она теперь? По всей вѣроятности, она снова начнетъ свою кочующую жизнь. И дѣйствительно, не успѣли схоронить ребенка, къ ней вернулась прежняя неугомонная страсть къ перемѣнѣ мѣста. Всѣ окружающіе мистрисъ Сентъ-Джонъ полагали, что тѣло Джорджа повезутъ въ Анвикъ, гдѣ онъ и будетъ схороненъ вмѣстѣ съ своими предками. Но мистрисъ Сентъ-Джонъ не сдѣлала никакого распоряженія на этотъ счетъ. Вообще она не отдавала теперь никакихъ приказаній, и еслибы не Пряньсъ, мистрисъ Дарлингъ долго бы еще не узнала о смерти Джорджа. Послѣ сразившаго ее удара несчастная мать стала равнодушною ко всему. Кромѣ потери сына, она лишилась состоянія и положенія въ свѣтѣ, а мистрисъ Сентъ-Джонъ была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя высоко цѣнятъ эти преимущества. Правда, горькая правда, что ребенокъ былъ для нея дороже вѣчнаго блаженства, но съ его смертью она утратила и все остальное. Если въ самомъ дѣлѣ катастрофа той роковой ночи лежала на ея совѣсти, то какое ужасное возмездіе постигло ее теперь! Будь Вена живъ, она пользовалась бы богатствомъ, положеніемъ въ свѣтѣ и вліяніемъ; она продолжала бы господствовать полновластною хозяйкой въ Анвикъ-Галлѣ, о которомъ всегда такъ мечтала. А теперь, со смертію дѣтей, она лишилась всего. Правда, что никакая человѣческая сила, никакое искусство не могли спасти Джорджа; но Вена? Его-то Господь не призываетъ къ себѣ.

Образъ несчастнаго ребенка, повидимому, никогда не покидалъ ея. Онъ представлялся ей не въ видѣ горящей фигуры, съ крикомъ бѣгавшей по комнатамъ (какъ это, вѣроятно, было въ дѣйствительности), но въ видѣ счастливаго мальчика, который расхаживалъ передъ нею, любясь своею игрушкой, зажженною церковью. Смерть Джорджика еще болѣе подѣйствовала на ея нервную систему и вызвала наружу всѣ признаки ея разстройства. Съ тѣхъ поръ ее постоянно преслѣдовалъ страхъ: она боялась оставаться одна въ темной комнатѣ, чтобы не увидать призрака Вены; ночью она просыпалась въ ужасѣ, такъ что Пряньсъ принуждена была спать вмѣстѣ съ нею. Можно было однако надѣяться, что со временемъ нервы ея окрѣпнутъ, а разстроенное

воображеніе снова придетъ въ свое нормальное состояніе. Но теперь она приходила въ ужасъ при одной мысли о наступавшемъ 10-мъ ноября: это былъ канунъ Мартинова дня и годовщина роковаго происшествія. Часы быстро летѣли будто на гигантскихъ шагахъ, и ужасный для нея день былъ уже на дворѣ, а она еще не знала, какъ-то ей придется пережить эти воспоминавія. „Ахъ, еслибъ онъ остался живъ, еслибъ онъ былъ теперь при мнѣ, чтобъ я могла окружить его тою любовью, въ которой отказывала ему при жизни,“ прошептала она, думая о бѣдномъ Венѣ.

Изъ Эпнера мистрисъ Сентъ-Джонъ поспѣшила въ Лилль, но пробыла тамъ не болѣе двухъ сутокъ и опять собралась въ Англію. Канунъ Мартинова дня приближался. „Не провести ли мнѣ десятое число въ дорогѣ, или ужь спокойно оставаться на мѣстѣ до одиннадцатаго?“ думала она. Спокойно! Но развѣ можно было назвать спокойствіемъ то состояніе духа, въ которомъ она находилась? Ей теперь оставалось только носиться день и ночь по бѣлому свѣту, какъ носился кровожадный воронъ, выпущенный Ноемъ изъ Ковчега.

Наступило десятое число, и мистрисъ Сентъ-Джонъ казалась довольно твердою. Но въ теченіе утра на нее напала тоска, и она отдала приказаніе людямъ собираться въ дорогу въ какой-то приморскій городокъ, принадлежащій Франціи, жители котораго до сихъ поръ однако еще говорятъ на своемъ родномъ фламандскомъ языкѣ. Оттуда отправлялся въ эту ночь пароходъ, и мистрисъ Сентъ-Джонъ вздумалось возвратиться на немъ въ Англію. Это привело въ величайшее негодованіе Прянсъ, которая отъ роду не олыхивала, чтобы порядочные люди переплывали Каналь гдѣ-нибудь, кромѣ самаго узкаго мѣста.

Мистрисъ Сентъ-Джонъ прибыла въ городъ около четырехъ часовъ пополудни, и остановилась въ большой гостиницѣ. Сидѣлка Брайфордъ все еще находилась при ней; услуги ея въ послѣднее время были необходимы для самой мистрисъ Сентъ-Джонъ при ея раздраженномъ состояніи. Но въ Англію сидѣлка не вѣхала, и потому имъ приходилось разстаться здѣсь.

— Гдѣ будетъ кушать ваша госпожа, у себя въ комнатѣ, или за общимъ столомъ? спросилъ главный буфетчикъ у лакея мистрисъ Сентъ-Джонъ довольно хорошимъ англійскимъ языкомъ.

— Вѣроятно, за общимъ столомъ, отвѣчала лакей по своимъ собственнымъ соображеніямъ.—Моя госпожа очень разстроена; она лишилась двухъ дѣтей, и ей тяжело быть одной. Сегодня какъ разъ годовщина смерти старшенькаго.

— Тіена, возразилъ буфетчикъ, — сегодня кануны Мартинова дня, у насъ въ городѣ по этому случаю ребята повеселятся.

— Да, сегодня кануны Мартинова дня, повторилъ лакей, не обращая вниманія на послѣднія слова буфетчика, которыхъ онъ даже не помялъ.

Предположеніе лакея оказалось справедливымъ; въ пять часовъ, когда раздался обѣденный звонокъ, мистрисъ Сентъ-Джонъ вошла въ общую столовую. Тамъ почти никого не было, кромѣ мужчинъ, большею частью ежедневныхъ посѣтителей, потому что въ это время года въ гостиницахъ почти не бываетъ прѣзжихъ. Обѣдъ былъ отличный, но онъ скоро кончился. Посѣтители одивъ за другимъ сложили свои салфетки и разошлось.

Мистрисъ Сентъ-Джонъ сидѣла прямо противъ камина, на которомъ стояли часы. Стрѣлки приближались къ шести, къ тому роковому часу, въ который, — годъ тому назадъ, — стрѣлъ безпомощный Веня, когда она обѣдала у себя въ столовой. Первы въ каждомъ человѣкѣ сказываются по-своему, такъ и мистрисъ Сентъ-Джонъ показалось теперь, что она услышитъ бой своихъ собственныхъ часовъ въ Анвикѣ. По всему замѣтно было, что съ нею начинался одивъ изъ тѣхъ припадковъ, которыхъ она такъ боялась. Пока въ столовой были посѣтители, она могла еще сдерживаться, не взирая на то что голова ея кружилась и руки дрожали, но теперь ни одного человѣка не оставалось въ комнатѣ. Обѣдавшіе съ нею мужчины полюбовались ея красотой, подивились ея болѣзненному виду и разошлись. Ужасное ощущеніе овладѣло ею, она чувствовала спазмы въ горлѣ, между тѣмъ какъ непогрѣшимая минутная стрѣлка подвигалась все ближе и ближе къ роковымъ шести часамъ. Чего не приходитъ иногда въ голову больному! а мистрисъ Сентъ-Джонъ была несомнѣнно больна и тѣломъ, и душою.

Волненіе ея увеличивалось. Она окинула глазами большую комнату, — въ которой стемнѣло, такъ какъ слуга тотчасъ послѣ обѣда, по обыкновенію, загасилъ боковыя лампы, — и ей представилось, что она сейчасъ увидитъ Веню. Стрѣлки

уже стояли на шести часахъ; въ комнатѣ царствовала страшная тишина, и чтобы нарушить ее, она обратилась съ какимъ-то пустымъ замѣчаніемъ къ стоявшему позади ея слугѣ, но отвѣта не послѣдовало. Мистрисъ Карльтонъ Сентъ-Джонъ быстро оглянулась и увидала, что его нѣтъ, что она одна въ этой мрачной комнатѣ. Одна! Первы ея не выдержали, и она съ крикомъ ужаса бросилась вонъ и опрометью побѣжала по широкой, освѣщенной лѣстницѣ.

Что происходитъ съ нами въ эти минуты суетнаго страха? Всѣ мы, даже гордящіеся чистотой своей совѣсти, непрѣменно испытывали когда-нибудь подобное ощущеніе: этотъ страхъ оглянуться назадъ, когда между тѣмъ насъ такъ и тянетъ повернуть голову, и мы невольно оглядываемся. Несчастная женщина сбѣжала нѣсколько шаговъ вверхъ по лѣстницѣ и съ отчаяннымъ усиліемъ обернулась назадъ; что же увидала она? Тамъ, внизу, у самой лѣстницы, стояла неясная фигура, вѣроятно, зашедшаго съ надворья мальчика, который держалъ въ рукахъ зажженную церковь. Это было совершенное подобіе той игрушки, которою забавлялся Вена въ день своего рожденія, между тѣмъ какъ до ушей мистрисъ Сентъ-Джонъ долетѣлъ какой-то глухой, страшный, неестественный ревъ, исходившій, казалось, отъ мальчика.

Въ безпамятствѣ взбѣжала она на лѣстницу и очутилась у себя въ комнатѣ, въ длинномъ корридорѣ: тамъ по крайней мѣрѣ должна быть Прясъ; но ея не оказалось; одни дрова горѣли въ каминѣ, да двѣ восковыя свѣчи стояли на полкѣ.

Въ эту самую минуту ей послышался страшный шумъ; то были самые дикіе звуки, когда-либо поражавшіе человѣчскій слухъ. Они неслись прямо съ улицы, оглашая собою воздухъ; громче и громче раздавались они, и наконецъ стали такъ оглушительны, что могли бы напугать самаго стойкаго человѣка. Та же неотразимая сила, которая заставила ее оглянуться на лѣстницѣ, повлекла ее теперь къ окну; она бросилась къ нему, быть-можетъ ища спасенья отъ своего одиночества, но что увидала она?

По всей улицѣ, въ каждомъ уголкѣ ея, и тамъ и сямъ, и вблизи и вдали, со всѣхъ концовъ площади Іоанна Бартекаго, изъ Церковной улицы, изъ Национальной улицы, изъ улицы Давидъ Д'Анжа, съ площади Наполеона несась къ гостиницѣ, прямо къ ней, цѣлыя волны зажженныхъ церквей, подобныхъ той, которую годъ тому

назадъ носилъ передъ собою несчастный мальчикъ въ Аввикѣ. Тутъ были всевозможныхъ формъ, величинъ, цвѣта и различной яркости бумажныя модели хижинъ, домовъ, башенъ, фонарей, замковъ и особенно церквей; все это толпилось, тѣснилось вперёдъ подъ аккомпаниментъ ужасныхъ, неестественныхъ звуковъ. Съ пронзительнымъ крикомъ, который замеръ въ глубинѣ высокой комнаты,—да и что можно было разслыхать посреди этого Вавилонскаго столпотворенія? — мистрисъ Сентъ-Джонъ хотѣла бѣжать, но упала на полъ въ конвульсіяхъ. Въ предшествовавшія ночи ей только казалось, что она видитъ передъ собою призракъ Вени, тогда какъ теперь мечта, повидимому, перешла въ дѣйствительность, и, какъ бы издѣваясь надъ нею, стремилась къ ней цѣлая толпа живыхъ Вени.

Гдѣ же была въ это время Прясъ? Уходя обѣдать, мистрисъ Сентъ-Джонъ велѣла ей оставаться въ своей спальнѣ, но горничная, думая что обѣдь не скоро кончится, ушла въ сосѣдную комнату. И она, и мистрисъ Брайфордъ, были обѣ погружены въ созерцаніе страннаго зрѣлища, которое не имѣло въ себѣ ничего сверхъестественнаго, какъ воображала, быть-можетъ, бѣдная мистрисъ Сентъ-Джонъ. Высузнувшись изъ окна, онѣ съ любопытствомъ смотрѣли на весь этотъ блескъ и шумъ. Для нихъ эта сцена не представляла ничего сверхъестественнаго; они не понимали только ея цѣли и значенія; любуясь ею какъ чѣмъ-то новымъ и оригинальнымъ, онѣ, впрочемъ, со смѣхомъ зажимали себѣ уши отъ оглушительнаго рева и гвалта. Зажженныя игрушки: фонари, церкви, — назовите какъ угодно,—большею частию были сдѣланы изъ тонкихъ деревянныхъ рамокъ, оклеенныхъ бумагой, съ отверстиемъ наверху, и лишь немногіе сдѣланы были изъ стекла. Ихъ несли на длинныхъ палкахъ или шестахъ преимущественно дѣти, за которыми однако шло чуть не все населеніе города. Кромѣ дѣтей, ихъ несли также фламандскія дѣвушки въ бѣлыхъ чепцахъ. Онѣ вполне раздѣляли дѣтскій восторгъ, и общая радость нарушалась только въ ту минуту, когда вспыхивалъ чей-нибудь фонарь, и его приходилось потушить. Ночь была необыкновенно тиха, и по словамъ жителей, наканунѣ Мартинава дня всегда бываетъ такая тишина въ воздухѣ. Шумъ происходилъ отъ звука роговъ; на двадцать мальчиковъ одинъ ужъ непременно былъ

вооруженъ коровымъ, глинянымъ, мѣднымъ или какимъ-либо другимъ рожкомъ, въ который и трубилъ изо всѣхъ силъ. Прясъ, вообще не отличающаяся любопытствомъ, на этотъ разъ не выдержала и пошла разузнать у прислуги, что это значило. Вотъ что ей рассказали:

Еще при жизни святаго Мартина, который поселился въ этомъ французско-фламандскомъ городкѣ, оселъ его забрелъ въ одну темную ночь на сосѣднія дюны. Святой мужъ былъ въ отчаяніи и обратился къ жителямъ съ просьбой о помощи. Населеніе единодушно выразило свое сочувствіе и вышло на поиски съ рогами и фонарями, такъ какъ въ это время стоялъ густой туманъ; преданіе гласитъ, что общія усилія увѣнчались успѣхомъ, и заблудившееся животное было доставлено его владѣльцу. Съ тѣхъ поръ вошло въ обычай, ежегодно наканунѣ Мартина днѣ и въ самую Мартинову ночь, толпами ходить по главнымъ улицамъ города, съ рогами и зажженными фонарями. Этотъ обычай принялъ характеръ религіознаго праздника, которому не препятствуютъ мѣстныя власти. Полиція не позволяетъ въ это время ѣздить по улицамъ и не пропускаетъ ни каретъ, ни телѣгъ, ни лошадей въ продолженіи трехъ часовъ, пока длится церемонія; однимъ словомъ, все въ это время уступаетъ мѣсто фонарямъ.

Странная случайность привела въ этотъ городъ мистрисъ Сентъ-Джонъ, одна изъ тѣхъ необъяснимыхъ случайностей, которымъ можно только удивляться. Прясъ и Брайфордъ, съ двумя фламандскими служанками, стояли у окна и терпѣливо выносили шумъ, то любясь на какую-нибудь изящную церковь, то смѣясь надъ вспыхнувшимъ фонаремъ, приводившимъ въ отчаяніе его владѣльца. Вдругъ Прясъ вспомнила о своей госпожѣ и бросилась въ смежную комнату.

Пронзительный крикъ ея заставилъ Брайфордъ поспѣшить къ ней на помощь; на полу лежала мистрисъ Сентъ-Джонъ, повидимому, безъ чувствъ.

X. Мнѣніе мистрисъ Брайфордъ.

Обманчивое улучшеніе въ здоровьѣ Аделины де-Кастелла все еще продолжалось. Лишь она сама, да еще, быть-можетъ, доктора понимали настоящій ходъ болѣзни. То было вспыхивающее пламя угасавшей свѣчи. По временамъ она намекала на это своимъ близкимъ, но ее слушали съ неудовольствіемъ.

Роза облеклась въ самый легкій трауръ, единственно изъ приличія; она почти ничего не знала о послѣднихъ дняхъ маленькаго наслѣдника Анвика, кромѣ того, что онъ умеръ и похороненъ въ Эйпертъ. „Вѣдь нашли же гдѣ похоронить его!“ съ удивленіемъ говорила Роза. Мистрисъ Сентъ-Джонъ возвратилась въ Англію, но не въ Анвикъ. Онъ перешелъ теперь въ руки другой линіи—Сентъ-Джоновъ изъ Вефера.

— Цѣлый рядъ несчастій! задумчиво сказала однажды Роза, читая письмо своей матери. — Все величіе Шарлотты исчезло! Сначала умеръ ея мужъ, потомъ маленькій пасынокъ, за тѣмъ ея родной сынъ, а теперь и Анвикъ уходитъ изъ рукъ.

— Развѣ у нея ничего больше не осталось? спросила Аделина. — Никакого состоянія?

— Вѣроятно, вдовья часть, отвѣчала Роза. — Для приличнаго содержанія вдовы Джорджа Сентъ-Джона изъ Анвика эта сумма все равно, что мнѣ фунтовъ пять въ годъ, которыхъ не хватило бы на однѣ шляпки. Тогда, я помню, говорили, что Джорджъ Сентъ-Джонъ не имѣлъ возможности обезпечить свою жену передъ свадьбой. Большая часть его состоянія досталась ему отъ первой жены, а наслѣдство, на которое онъ разчитывалъ, еще не было въ его рукахъ.

— Ну, что жъ, оно достанется теперьвашей сестрѣ?

— Нѣтъ. Оно перейдетъ къ Исааку Сентъ-Джону. Какъ онъ будетъ богатъ! Кстати, Аделина, мамаша имѣетъ намѣреніе провести Рождество въ Беркширѣ и спрашиваетъ меня, вернусь ли я къ этому времени домой? Что мнѣ отвѣчать ей?

— А вамъ хотѣлось бы ѣхать? спросила Аделина.

— Нѣтъ, я предпочитаю остаться здѣсь. Я никогда не любила ѣздить къ бабушкѣ. Тамъ ужасно скучно! Право, ей, навѣрно, лѣтъ девяносто.

— Я боюсь, чтобы вамъ и у насъ не было скучно, Роза.

— Ну, ужь здѣсь все не то что въ этомъ несносномъ Беркширѣ, вѣжливо отвѣчала Роза.—Да и признаюсь вамъ, Аделина, пока вы не выходите у меня изъ головы, врядъ ли гдѣ будетъ мнѣ весело. Хотите, чтобы я осталась?

— Конечно, хочу. Вы были при мнѣ въ счастіи, вы не оставляли меня въ горѣ, ужь не покидайте меня до моей смерти.

— До вашей смерти! смѣясь воскликнула Роза. — Да вѣдь вы выздоравливаете!

Въ эту минуту къ комнату вошла госпожа де-Кастелла, и разговоръ прекратился. Въ присутствіи матери Аделина никогда не упоминала о своей болѣзни.

Повидимому, она въ самомъ дѣлѣ поправлялась. Сидя за письменнымъ столомъ, она писала теперь къ одной изъ своихъ пансіонскихъ подругъ. На ней было малиновое шелковое платье. Широкіе рукава отдѣланы были дорогими кружевами, такой же кружевной воротничокъ отбѣлялъ ея шею, равнявшуюся бѣлизной слоновой кости. А лицо и теперь еще плѣвало нѣжнымъ румянцемъ и роскошными черными глазами.

— Я пришла сказать тебѣ, Аделина, что къ намъ пріѣхала та самая англійская сидѣлка, которая ходила за тобою прошедшею весной, сказала госпожа де-Кастелла.—Не позвать ли ее къ тебѣ?

— Какъ! мистрисъ Брайфордъ! воскликнула Роза, вскакивая съ своего мѣста. — Я очень желала бы ее видѣть. Я разспросила бы ее о маленькомъ Джорджѣ Сентъ-Джонѣ.

— Подождите, Роза, сказала госпожа де-Кастелла, удерживая бойкую дѣвушку. — Аделина, это очень искусная женщина; ея благоразумный уходъ за тобою принесъ тебѣ много пользы; мнѣ очень хотѣлось бы пригласить ее къ намъ на недѣлю.

Аделина приподняла голову, и слабый румянецъ на ея щекахъ сталъ появляе.

— Неужели вы находите, мамаша, что для меня мало одной сидѣлки! А мнѣ и одна-то кажется лишнею.

— Дорогое дитя мое, не думай, чтобы я хотѣла пригласить

сидѣла въ качествѣ сидѣлки. Она будетъ только наблюдать за твоимъ выздоровленіемъ и еще болѣе упрочить его своими опытными совѣтами и попеченіями. Только на одну недѣлю, дитя мое! Ты очень утѣшишь меня, согласясь на это.

— Конечно, я согласна, мамаша, если вы этого желаете. Пусть она переѣзжаетъ.

— Я сейчасъ объяснюсь другою сидѣлкой, сказала госпожа де-Кастелла, — чтобы не возбудить въ ней зависти. Эти женщины бывають иногда очень дерзки, когда ихъ раздосаדותъ.

Она позвонила, а Роза сбѣжала внизъ чтобы поболтать съ мистрисъ Брайфордъ, которую она нашла въ одной изъ комнатъ нижняго этажа. Роза была любопытна какъ Ева; она, подобно матери своей, любила вмѣшиваться во всевозможныя дѣла, какъ бы мало они ея не касались, и теперь засыпала сидѣлку вопросами. Не видя причины скрывать отъ нея что-либо, мистрисъ Брайфордъ разказала ей все какъ было. Роза особенно негодовала на то, что бѣднаго малютку похоронили въ Эпперивъ. Отчего не перевезли его въ Аввикъ? Сидѣлка не знала. Прякъ также удивлялась этому. Вѣроятно, мистрисъ Сентъ-Джонъ была слишкомъ огорчена, чтобы подумать объ этомъ.

— А что, Шарлотта, то-есть мистрисъ Сентъ-Джонъ, очень горюеть? спросила Роза.

— О, миссъ, я твердо убѣждена.... Сидѣлка остановилась, оглянувшись, какъ бы желая удостовѣриться, нѣтъ ли кого въ комнатѣ, и потомъ почти шепотомъ договорила: — горе повредило ея рассудокъ.

— Какой вздоръ! сказала Роза послѣ минутнаго молчанія. — Ты, вѣрно, обмолвилась!

— Я говорю вамъ святую истину, миссъ Дарлингъ. Ей все это время представлялся.... Вѣдь вы знаете, миссъ, что старшій-то мальчикъ погибъ ужасною смертію, отъ игрушки, которая случайно загорѣлась въ его рукахъ, когда няня оставила его одного?

— Еще бы мнѣ не знать этого, отвѣчала Роза. — Эту няньку слѣдовало бы сослать въ Ботанибей на всю жизнь!

— Итакъ, миссъ, несчастная мистрисъ Сентъ-Джонъ постоянно видѣла по ночамъ бѣднаго малютку съ горящею церковью въ рукахъ. Сначала мнѣ разказывалъ это маленькій Джорджъ; а когда онъ умеръ, ей стало еще хуже; и я

сама была свидѣтельницей одного изъ ея припадковъ. Повидимому, она ужасно боялась призрака! И не будь я Нанси Брайфордъ, если разсудокъ ея не тронуть.

— Я не слышала ничего подобнаго, воскликнула Роза.— Ей видѣть призраки! Это невозможно.

— Это вѣрно, миссъ. Теперь мнѣ не время вамъ все разказывать, но съ нами случилось престранное происшествіе. Въ послѣднемъ городѣ, гдѣ мы останавливались, и гдѣ мистрисъ Сентъ-Джонъ сѣла на пароходъ отправлявшійся прямо въ Лондонъ, по улицамъ ходила ночная процессія съ зажженными бумажными церквами и фонарями, насаженными на шесты. Такъ празднуютъ въ этомъ городѣ канунъ Мартинова дня; нельзя сказать чтобы процессія эта была не красива, но шумъ, производимый безчисленнымъ множествомъ роговъ, оглушительнъ и невыносимъ. Хуже этого я ничего не слыхивала. Войдя къ комнату къ мистрисъ Сентъ-Джонъ, мы нашли ее на полу, въ обморокѣ; очнувшись, она повесла страшную дичь, кажется, о томъ, что не она сожгла ребенка, или что-то въ этомъ родѣ, я, по правдѣ сказать; хорошеньке не разобрала. Въ эту ночь, миссъ Дарлингъ, она бѣсновалась какъ настоящая сумашедшая. Видъ зажженныхъ фонарей окончательно свелъ ее съ ума.

Роза сама не знала, содрагаться ей или хохотать. Этотъ разказъ весьма странно звучалъ въ ея ушахъ.

— Прясъ также перепугалась, продолжала сидѣлка,— а вы знаете, что она не робкаго десятка. Она сейчасъ же телеграфировала къ мистрисъ Дарлингъ, а мы перевезли мистрисъ Сентъ-Джонъ на лондонскій пароходъ, который отправлялся въ три часа утра. Къ тому времени она уже совершенно обезсилѣла, успокоилась и, повидимому, пришла въ себя. Прясъ принесла ей показать два фонаря и рогъ, чтобы она убѣдилась въ ихъ безвредности и въ дѣйствительномъ, а не воображаемомъ существованіи.

— Теперь она совершенно здорова, сказала Роза.— Сегодня утромъ я получила письмо отъ мамы, и она радуется, что грусть Шарлотты начинаетъ проходить.

— Я также радуюсь этому, миссъ, отвѣчала сидѣлка тономъ обличавшимъ полнѣйшее недовѣріе.— Надѣюсь, что все пойдетъ хорошо. Но я готова поклясться, что въ то время она рехнулась. Вы не можете себѣ представить, миссъ, какія фантазіи приходятъ въ голову инымъ сумашедшимъ. Я мно-

гихъ видала на своемъ вѣку. Воображаютъ себя убійцами и Богъ знаетъ какими преступницами, а все деликатныя дамы и вѣрно не сдѣлали ничего дурнаго во всю свою жизнь.

— Но сестра всегда была такъ спокойна.

— Да и при мнѣ также, кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда съ ней дѣлались примадки; а то просто даже естественно спокойна. Она—но я разкажу вамъ лучше въ другой разъ, миссъ Дарлингъ, сказала сидѣлка, увидавъ входившую госпожу де-Кастелла.—Это нисколько не унижаетъ бѣдную молодую леди, а она еще очень молода. Больные не виноваты, если имъ Богъ вѣсть что представляется.

Роза отвѣчала ей какимъ-то пустымъ замѣчаніемъ, какъ будто этотъ разказъ не произвелъ на нее ни малѣйшаго впечатлѣнія. Но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе задумывалась она надъ нимъ. Что, если сидѣлка была права! Если страданія и горе повредили разсудокъ Шарлотты!

Отрывокъ изъ дневника миссъ Карръ.

10-го декабря.

„О, этотъ коварный недругъ! Слабость возвратилась. Аделина уже не показывается въ нижнемъ этажѣ. Она выходитъ изъ своей комнаты только въ переднюю гостиную и большую часть дня лежитъ на диванѣ. Госпожа де-Кастелла, которая вполнѣ вѣрила въ прочность выздоровленія Аделины и болѣе всѣхъ насъ предавалась обманчивымъ надеждамъ, теперь вѣдъ себя отъ горя и отчаянія. Она упрекаетъ себя за то, что отпустила мистрисъ Брайфордъ, которая прожила здѣсь лишь нѣсколько дней; но Аделинѣ такъ получило, что смѣшно было удерживать ее долѣе, а теперь она взяла другое мѣсто и уже не можетъ возвратиться сюда. Что касается меня, я рада ея отсутствію. Она не могла бы принести Аделинѣ ни малѣйшей пользы, а между тѣмъ у нея шла непрерывная болтовня съ няней на французскомъ языкѣ. Любопытно было послушать французскій языкъ Брайфордъ!— *Le feu est sorti*, сказала она однажды, а Роза и ну кричать. Сильфора де-Кастелла мы видимъ только за обѣдомъ и изрѣдка за завтракомъ. Большею частію онъ сидитъ у себя въ кабинетѣ. Не тяготитъ ли его видъ больной дочери? Несмотря на его кажущуюся холодность и сдержанность, онъ горячо любитъ Аделину, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

15-го декабря.

„Вотъ уже пять дней, какъ Аделина не выходитъ изъ спальни! У нея опять начался кашель, и доктора полагаютъ, что она простудилась. Не понимаю, гдѣ могла она простудиться; докторъ Дорре просто изъ себя выходитъ.

„На этихъ дняхъ ей пришла охота слушать пѣнiе Розы. Въ первый вечеръ Роза сидѣла за фортепиано въ передней гостиной, между тѣмъ какъ дверь къ комнатѣ Аделины была отворена; она пѣла вполголоса какую-то англійскую пѣсню для своего собственнаго развлечения; но Аделина стала слушать и просила ее продолжать, лишь бы это были англійскія пѣсни.

„— Кажется, мой репертуаръ уже весь истощился, отвѣчала Роза,— больше я ничего не могу припомнить. Подождите! Какъ бишь называлась эта длинная пѣсня, которая такъ часто пѣлась въ нынѣшнемъ году у насъ въ пансионѣ? Мери Карръ, не помните ли вы слова?

„— Какъ же мнѣ догадаться о какой пѣснѣ вы говорите? сказала я.

„— Еще кто-то изъ насъ положилъ ихъ на музыку; такой тихій, грустный напѣвъ. Это было прошедшею весной, послѣ отъѣзда Аделины. Какъ же вамъ не помнить? Мы пѣли ее дѣлнымъ хоромъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль сряду. Она начиналась такъ, прибавила Роза и взяла нѣсколько аккордовъ.

„Тутъ и я вспомнила. Слова эти случайно попались намъ въ одномъ старомъ, изорванномъ журналѣ безъ обертки и заглавія, принадлежавшемъ, кажется, Эммѣ Моубрей. Нѣкоторымъ изъ воспитанницъ они ужасно понравились, и кто-то изъ насъ — чуть ли не Жамета Доффъ — положила ихъ на музыку.

„— Вспомнила! и Роза смѣло затянула пѣсню. Но не успѣла она пропѣть нѣсколькихъ строкъ, какъ Аделина привстала на кушеткѣ, и устремивъ глаза въ ту сторону, гдѣ сидѣла Роза, хотя и не могла ее видѣть, стала жадно прислушиваться.

Когда у дѣвы меркнетъ взоръ,
На щечкахъ вянутъ розы
Прости, краса, прости, любовь
И, вы, — о милосѣ грѣзы!

Не сядетъ рядышкомъ оны съ ней
И взовь, — рука съ рукою, —
Не заплететъ ея кудрей,
Разсыпанныхъ водою.

Минутки не побудетъ съ ней,
Хотя и взглядъ сіяетъ,
И лихорадочный огонь
Въ лицѣ ея пылаетъ.
Еще румянецъ не погасъ,
Ужь оны спѣшить простутся,
Хотя слезой печальныхъ глазъ
Померкшій взоръ мутится.

Едва покинувъ мирный домъ,
Спѣшить оны за ворота,
Гдѣ шумъ и дѣловой содомъ,
Житейскія заботы.
И смыта бурною водою
Въ лѣтъ память о разлукѣ,
И скорбь души ея больнои,
И гнетъ предсмертной муки.

„— Тутъ еще одинъ куплетъ, сказала я, когда Роза перестала пѣть.

„— Знаю, да не могу припомнить словъ, отвѣчала она. — Помню только смыслъ ихъ.

„— Попробуйте, попробуйте, воскликнула Аделина, — спойте все до конца.

„Роза оглянулась, подобно мнѣ удивленная ея настойчивостью. „Что съ ней?“ подумали мы. Она давно уже ничѣмъ не интересуется.

„— Послушайте, Мери Карръ, сказала Роза, — не помните ли вы послѣдняго куплета?

„— Ни одного слова, отвѣчала я.

„Роза начала брать аккорды, подбирая про себя слова и по временамъ останавливаясь; потомъ вдругъ запѣла какъ бы вдохновенная:

Когда жь послѣдній часъ пробьетъ
И смерть сомкнетъ ея вѣжды,
Знѣей тоска его грызетъ
И въ сердцѣ нѣтъ надежды.
Но скоро пролетитъ печаль,
Надъ свѣжею могилою:
Ему погибшаго не жаль
Въ объятыхъ новой милою.

„— Это не подлинныя слова, сказала Роза,—но все равно, годятся.

„— О, да, какъ нельзя болѣе, прошептала Аделина, снова опускаясь на кушетку. — Пройдите все сначала, Роза.

„И съ тѣхъ поръ Роза каждый вечеръ по нѣсколько разъ пѣла для нея эту пѣсню. Что она такое нашла въ ней?

23-го декабря.

„Жизнь Аделины виситъ на волоскѣ. Всѣ зловѣщія симптомы возвратились, боль почти не прекращается, и ей трудно дышать. Ахъ, мистеръ Сентъ-Джонъ, ни раскаяніе, ни любовь ваша ужь не возвратили бы ей здоровья и не продали бы ея жизнь ни на одинъ лишній день. Какъ странно, что о немъ нѣтъ никакого слуху! Гдѣ онъ теперь? Въ Лондонѣ? Въ замкѣ Веферъ? или за границей?

26-го декабря.

„Удивительно, какъ это госпожа де-Кастелла продолжаетъ заблуждаться относительно положенія Аделины или, лучше сказать, дѣлаетъ видъ, что заблуждается какъ дитя, играющее въ куклы. Вчера, то-есть въ первый день Рождества, она рѣшила чтобы всѣ обѣдали вмѣстѣ, поэтому накрыли въ гостиной, сидѣлки и Луиза постарались нарядить Аделину, и она вышла къ столу. Но ни богатое платье, ни этотъ парадный обѣдъ не замаскировали истину: всѣ видѣли, что она умираетъ. Госпожа де-Кастелла была въ ужасномъ уныніи; каждый кусокъ обливала она слезами, не взирая на всѣ усилія казаться спокойною. Сивѣоръ былъ мраченъ и сдержанъ, какъ обыкновенно въ послѣднее время. Не будь Розы, разговоръ и не завязался бы. Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ Роза сущій кладъ въ домѣ — она всегда весела и разговорчива. Послѣ обѣда мы собрались вокругъ камина и она стала для всѣхъ насъ колоть орѣхи.

„— Помните нашъ прошлогодній сочельникъ? спросила она у Аделины.

„— Въ пансіонѣ у Mme de-Nino? Какъ же, помню.

„— И ночное гаданье на картахъ Жанеты Доффъ, и „французскіе ноготки“, которые, по обыкновенію, не отставали отъ вашей ладошки?

„Аделина отвѣчала слабымъ жестомъ, выразившимъ не то да, не то нѣтъ; а Роза, опомнившись, прикусила свой болтливыи языкочекъ. Она сказала не подумавъ. Да развѣ она когда-нибудь обдумываетъ свои слова?

29-го декабря.

„Мрачный, пасмурный, но весьма замѣчательный день для Аделины. Свѣчи подали довольно рано, потому что Роза дочитывала ей вслухъ какую-то новую англійскую повѣсть, а за сумерками почти ничего не стало видно. Роза до такой степени погрузилась въ чтеніе, что когда Сусанна подала ей письмо, то она велѣла „положить его куда-нибудь“, а сама продолжала читать.

„— Нѣтъ, съ жаромъ сказала Аделина, глядя на почеркъ,— сначала прочтите письмо. Отъ кого оно?

„— Конечно, отъ Маріанны: Маргарита никогда ко мнѣ не пишетъ, а мамаша рѣдко, отвѣчала Роза, взямывая печать. И чтобы не терять времени, тотчасъ же прилась за письмо.

„Милая Роза!

„Мы пріѣхали сюда въ сочельникъ, но я до сихъ поръ не имѣла времени написать тебѣ. Бабушка видимо старѣетъ: она ужасно одряхла за этотъ годъ. Твое отсутствіе было для нея большимъ разочарованіемъ, но она надѣется, что ты стала гораздо степеннѣе и стараешься приобрести сдержанность и манеры, свойственныя порядочной дѣвушкѣ („или старой дѣвкѣ!“ въ скобкахъ замѣтила Роза). Шарлотта съ нами; тоска ея разсѣялась, и она стала прекраснѣе чѣмъ когда-либо. Утромъ, въ первый день Рождества, пріѣхалъ сюда Франкъ: ему дали отпускъ только на четырнадцать дней. Онъ говоритъ, что Ирландія, гдѣ стоитъ теперь его полкъ, находится въ ужасномъ положеніи. Что до меня касается, я не слыхкомъ-то слушаю его разказни объ этихъ дикаряхъ. Франкъ великолѣпно толкуетъ о законахъ и говоритъ, что будь онъ на время сдѣланъ вице-королемъ, онъ предпринялъ бы и то, и другое, и третье. Я увѣрена, что у него весьма добрыя намѣренія.

„Въ послѣднемъ письмѣ ты спрашиваешь о Фредерикѣ Сентъ-Джонѣ... (Роза посмотрѣла въ сторону и оставилась; но жадный взоръ Аделины, ея полуоткрытыя уста и учащенное дыханіе ясно говорили, что ничего болѣе не оставалось дѣлать какъ продолжать.) Мы встрѣтили его недавно на вечерѣ у вдовствующей леди Ревель, гдѣ было ужасно много народу. Въ прошедшемъ году ходили слухи что онъ раззорился и принужденъ былъ покинуть свое отечество, и Богъ-вѣсть чего еще не разказывали. За такіа сплетни слѣдовало бы наказывать виновныхъ. Сентъ-Джонъ не только не раззорился, а напротивъ, получаетъ великолѣпный доходъ и не имѣетъ ни копѣйки долга. Говорятъ, что братъ его передалъ ему замокъ Веферъ, чему я не совѣтъ

вѣрю. Впрочемъ, можетъ-быть, это и справедливо, такъ какъ сэръ-Исааку достался теперь Анвикъ. Сентъ-Джонъ опять неоступно слѣдитъ за Сарою Боклеркъ; по крайней мѣрѣ на этомъ вечерѣ у леди Ревель они были неразлучны, и я убѣждена, что дѣло кончится свадьбой. Мнѣ очень хотѣлось съ нимъ познакомиться, но я не рѣшилась попросить чтобы маѣ его представили: у него такой надменный видъ, да къ тому же и мамаша тутъ не было. Бабушка тебя цѣлуетъ и....“

„Я бросилась къ Аделинѣ, стараясь приподнять ее на подушки. Тщетно боролась она съ своимъ волненіемъ. Яркое пятно, которое, какъ мы надѣялись, навсегда исчезло съ ея лица, снова зардѣлось на ея впалыхъ щекахъ; она отмахивалась руками, точно ловя воздухъ, дыханіе останавливалось.

„— О, Аделина! воскликнула Роза, безцеремонно отталкивая меня въ сторону: — простите, простите меня! Право я не знала, что въ этомъ письмѣ упоминалось о немъ, до тѣхъ поръ, пока не прочла этихъ строкъ.... Что намъ дѣлать, Мери? Это волненіе можетъ убить ее. Сидѣлка! Сидѣлка! съ ужасомъ крикнула Роза: — что намъ дѣлать? Аделинѣ дурно.

Сидѣлка, находившаяся въ сосѣдней комнатѣ, быстро прибѣжала, но дыханіе Аделины уже возстановилось, и она овладѣла своими чувствами.

„— Это ничего, проговорила она, едва дыша, — это просто спазмы.

„И она опустила на подушку, прошептавъ, чтобы унесли свѣчи.

„— Въ другую комнату.... на минуту.... больно глазамъ.

„Сидѣлка вынесла свѣчи, а я стала на колѣни подлѣ ея дивана.

„— Что вы теперь скажете, Мери? прошептала она послѣ небольшого молчанія, возвращаясь къ прежнему разговору. — Онъ теперь у ногъ своей прежней любви, а я здѣсь—умираю.

„— Аделина, сказала я, — неужели вы не желаете его увидѣть? Быть-можетъ, я дурно поступила, спросивъ у нея объ этомъ.

„Она повернулась лицомъ къ стѣнѣ и не отвѣчала.

„— Я знаю, что вы разстались въ ссорѣ, но это для меня загадка. Въ чемъ бы ни заключалась причина его отчужденія, я не думаю, чтобы мистеръ Сентъ-Джонъ могъ такъ жестоко покинуть васъ почти на краю гроба.

„— Онъ оставилъ меня здоровую, произнесла она какимъ-то глухимъ голосомъ, которымъ говорила потомъ до конца дней своихъ; — еслибы вы могли знать все, то, можетъ-быть, извинили бы его. Однако.... ни разу не вспомнить обо мнѣ... за все это время, ни разу не освѣдомиться о томъ, жива ли я, умерла ли, или вышла замужъ за другаго! А я,—я отдала бы остатокъ дней своихъ, чтобы только слышать о немъ, чтобы увидеть его!

Новый годъ.

„Этотъ день мы встрѣтили въ ужасномъ волненіи. Сегодня утромъ Аделинѣ вдругъ стало хуже; мы вообразили, что она умираетъ, и въ комнату ея набралось множество народа: доктора, священники, друзья и слуги толпились вокругъ ея постели. Наконецъ, доктора одержали верхъ, выпроводили насъ всѣхъ изъ спальни и возстановили тишину. „Она еще не умретъ, сказали они; если ее оставить въ покоѣ, жизнь ея можетъ продлиться еще на нѣсколько недѣль.“ Мнѣ кажется, они правы, потому что ей уже гораздо лучше. Сегодня Аделинѣ исполнилось девятнадцать лѣтъ. Съ какимъ торжествомъ праздновала она этотъ день въ прошедшемъ году, на своемъ блестящемъ балѣ! И какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ!

„Вчера Аделина показывала свои руки молодому доктору N. Она была поражена, что ногти ея совершенно побѣлали. Меня также это удивляетъ. Докторъ сказалъ, что ему дѣйствительно рѣдко приходилось видѣть подобныя явленія, но что это бываетъ иногда вслѣдствіе сильной душевной тревоги, „которой вѣдь нѣтъ у васъ, любезная mademoiselle de-Кастелла“. Аделина поспѣшила спрятать свои руки подъ глубокое шелковое одѣяло и заговорила о другомъ.

5-го января.

„— Нельзя ли выкатить мое кресло въ другую комнату? спросила сегодня Аделина. — Мнѣ хотѣлось бы еще разъ взглянуть на бѣлый свѣтъ.

„Луиза поглядѣла на меня, я на няню, и мы обѣ не знали что намъ дѣлать. Но няня не противорѣчила, и потому мы съ Луизой осторожно выкатили кресло въ гостиную и приблизили его къ одному изъ оконъ; потомъ мы приподняли Аделину и поддерживали ее все время, пока она стояла.

„Не веселый видъ представился ей глазамъ. По улицѣ моросилъ мелкій дождь; снѣгъ, быстро таявшій на крышахъ, ручьями стремился по желобамъ, а послѣдніе остатки его на мостовой быстро превращались въ мокрую грязь. Вдали видѣлось открытое поле, окутанное въ холодный, печальный снѣжный саванъ. Изрѣдка проходившіе по улицѣ пѣшеходы прятались подъ большими демикотовыми зонтами, такими же красными и круглыми, какъ зонты Луизы; а головы женщинъ обвязаны были голубыми и желтыми платками.

„— Грустно, прошептала она, глядя на эту печальную картину.—Такъ же грустно и безнадежно, какъ послѣдніе дни моей жизни!

„Въ эту минуту кухарка старой госпожи Ж. вышла изъ дому съ глиняною миской въ рукахъ, и подставила ее подъ желобъ, чтобы набрать воды.

„— Неужели это сама госпожа Ж.! воскликнула Аделина, наблюдая за движеніями кухарки.—Куда же дѣвалась ея прислуга?

„— Это просто старая Нанета въ чепцѣ съ бѣлыми бантами, смѣясь сказала Луиза.—Ваши глаза, mademoiselle, обманываютъ васъ.

„— А это, кажется, господинъ де-Фраконвиль? продолжала Аделина, указывая на одного прохожаго, который только что показался изъ-за противоположнаго угла.

„— Да что сегодня съ вашимъ зрѣніемъ, Аделина? воскликнула Роза, стоявшая у другаго окна; этотъ прохожій по крайней мѣрѣ на полторы головы выше господина де-Фраконвиля.

„— Вы правы, замѣтила Аделина, кротко вздыхая; — мое зрѣніе помутилось, а бѣлый снѣгъ еще болѣе ослѣпилъ меня. Везите меня назадъ въ спальню.

„Послѣ этого уже не пришлось ей болѣе взглянуть на Божій міръ.

„Мы снова покатали ее въ спальню и спокойно устроили на креслѣ подлѣ камина, подложивъ ей подъ голову подушку, и поставивъ подъ ноги скамейку. Роза, шедшая за нею, взяла какую-то повѣсть, чтобы почитать ей вслухъ.

„— Нѣтъ, не то, сказала Аделина, отрицательно махнувъ рукой: — я уже покончила съ подобнымъ чтеніемъ. Тамъ, есть, Роза, *другая* книга.

„Возвратившись изъ церкви въ прошедшее воскресенье, я

позабыла въ комнатѣ Аделины свою Библію и молитвенникъ. На нихъ-то она и намекала теперь. Роза взяла Библію.

„— Съ чего начать? спросила она, садясь подлѣ нея.

Аделина не сумѣла объяснить ей, обѣ были равно несвѣдущи въ этомъ отношеніи. Для Аделины Библія всегда была закрытою, чуть не запрещенною книгой, а Роза заглядываетъ въ нее только изъ приличія. Она стала нервѣшительно перерывать одинъ листъ за другимъ.

„— Сколько главъ? прошептала она мнѣ умоляющимъ голосомъ. Скажите мнѣ, какую изъ нихъ выбрать.

„— Возьмите молитвенникъ, прервала ее Аделина, и прочтите мнѣ успокойныя молитвы, которыя читаются у васъ при погребеніи.

„Роза тотчасъ же отыскала это мѣсто, потому что оно было рядомъ съ брачными молитвами, и начала такъ:

„Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ. И всякій живущій и вѣрующій въ Меня не умретъ во вѣкъ.“

„Тутъ она остановилась; слезы мѣшали ей разбирать слова. Въ эту минуту въ комнату вошла миссъ-де-Бофуа и увидела молитвенникъ въ рукахъ Розы. Тогда въ первый разъ, въ нашемъ присутствіи, стала она умолять Аделину, чтобы та вспомнила свое вѣроисповѣданіе, и предложила ей послать за католическимъ священникомъ.

„— Дорогая тетя, трогательно воскликнула Аделина, когда вы будете такъ же близки къ смерти, какъ я теперь, вы поймете все ничтожество этихъ земныхъ различій и всю бесполезность ихъ въ глазахъ нашего общаго Отца. Царствіе Божіе едино, и мнѣ кажется, что несмотря на различіе вѣроисповѣданій, его наследуютъ всѣ искренно вѣрующіе и стремящіеся соединиться съ Богомъ. Могу ли я стать хуже отъ того, что буду слушать молитвы изъ англійскаго молитвенника: онѣ исполнены божественной силы и истины и приносятъ мнѣ большое утѣшеніе. А священники еще успѣютъ придти, послѣ.

„Это было довольно смѣлое признаніе для католички. Агнеса де-Бофуа, крестясь, вышла изъ комнаты, а Роза до конца прочитала успокойныя молитвы.

„Итакъ, жизнь Аделины виситъ на волоскѣ, но она все еще борется съ смертію.“

Читатель не встрѣтитъ болѣе отрывковъ изъ дневника Мери Карръ, да и вообще эта часть разказа, вмѣстѣ съ жизнью Аделины де-Кастелла, быстро приближается къ концу.

XI. Секретъ Луизы.

Стоило только взглянуть на комнату Аделины, чтобъ узнать въ ней гостиную, лишь на время преобразованную въ спальню. Полъ былъ устланъ роскошнымъ ковромъ; диванъ и кресла, съ изящною рѣзьбой, обтянуты набивнымъ пунцовымъ бархатомъ; бѣлыя кисейныя драпировки богатаго рисунка, сверху отороченныя пунцовымъ бархатомъ, укрѣплены на окнахъ золотыми багетами, а по стѣнамъ висѣли изящныя картины. Одна кровать была здѣсь не у мѣста,—простая французская кровать изъ краснаго дерева безъ занавѣсей. Она стояла въ углу между двумя дверями, изъ которыхъ одна отворялась въ корридоръ, а другая вела въ сосѣднюю гостиную, большую, великолѣпную комнату, меблированную въ одинаковомъ вкусѣ съ временною спальней Аделины.

Сама Аделина лежала теперь на кушеткѣ, придвинутой къ огню, блѣдная, изнуренная, едва переводя дыханіе и очевидно доживая свои послѣдніе дни. Ея большіе черные глаза, еще сохранившіе прежнее грустное выраженіе, пристально смотрѣли на огонь, съ тѣмъ упорнымъ, сосредоточеннымъ вниманіемъ, которое всегда обличаетъ глубокую задумчивость. Сидѣлка расположилась подлѣ дивана, а горничная Луиза поправляла подушки на постели. Вся семья была-внизу за обѣдомъ!

— А гдѣ же другая подушка? спросила Луиза.

— Она подъ барышней, отвѣчала сидѣлка.—Вы ужь погодите ее доставать, покажѣть мы не уложимъ барышню въ постель.

— Я хоть сейчасъ лягу, перебила Аделина.—Я что-то устала, да къ тому же вы столько накутали на меня, что я просто задыхаюсь. Дрова такъ и пышутъ жаромъ.

— Не прикажете ли отодвинуть немного, mademoiselle?

— Нѣтъ, отвѣчала Аделина,—переведите меня лучше на постель. Скоро ужь семь.

Сидѣлка позвала къ себѣ на помощь Луизу, и покажѣть онѣ раздѣвали Аделину, она вдругъ упала навзничь безъ чувствъ и движенія. — Ей дурно, вскрикнула Луиза.

— Это предсмертный припадокъ, прошептала сидѣлка.

Луиза пришла въ страшное негодованіе, и заливаясь слезами, стала упрекать сидѣлку за ея жестокосердыя слова. Но сидѣлка была права.

— Вы лучше позовите ея родителей, mademoiselle Луиза, настаивала сидѣлка,—да пошлите за докторами, хотя по правдѣ сказать, они ужь не могутъ помочь ей, бѣдняжкѣ.

— Съ ней не обморокъ, прошептала Луиза.— Она въ памяти.

— Да я и говорила, что это не обморокъ, коротко отвѣчала сидѣлка.— Мнѣ это чаще приходилось видѣть чѣмъ вамъ. Впрочемъ, она еще оправится немного отъ этого припадка.

Никто не ложился спать въ эту ночь въ домѣ сеньора де-Кастелла: всѣ плакали, волновались, приходили въ отчаяніе. По временамъ вся семья сходилась въ гостиной, и Мери Карръ до сихъ поръ не можетъ равнодушно вспомнить объ этомъ ужасномъ времени. Живо представляется ей неестественное молчаніе, царствовавшее въ комнатѣ Аделины; чайныя чашки и блюда, не убиравшіяся со стола, потому что чай дѣлали по нѣскольку разъ за ночь; двѣ восковыя свѣчи, горѣвшія подъ абажурами; непроницаемо-суровое лицо сеньора де-Кастелла; отчаяніе его жены; полуотворенная дверь, которая вела въ комнату Аделины; не ясныя тихо двигавшіяся фигуры сидѣлки и Луизы, и—самое ужасное воспоминаніе!—слабые стоны и тяжелое дыханіе умирающей, отчетливо слышныя въ тишинѣ ночи.

Рано по утру Аделина пожелала видѣть отца; онъ пробылъ съ ней около двадцати минутъ наединѣ. Что произошло между ними во время этого свиданія, никто не могъ сказать. Просила ли она его прощенія въ томъ, что вопреки его желанію полюбила человека, котораго, быть-можетъ, не должна была любить, или онъ умолялъ ее воститъ его за причиненныя ей страданія, этого никто никогда не узнаетъ. Сеньоръ де-Кастелла вернулся въ кабинетъ свойственною ему, ровною, величественною походкой, но когда онъ проходилъ черезъ гостиную, на лицѣ его замѣтны были слѣды сильнаго волненія. Думая что Аделина одна, Мери Карръ отворила было дверь, раздѣлявшую объ комнаты, и такимъ образомъ услышала кое-что изъ ея разговора съ отцомъ. Аделина сильно рыдала. Она въ послѣдній разъ слушала изъ устъ горячо-любимаго отца слова страстной нѣжности, которыхъ онъ никогда не рѣшился бы

сказать ей въ присутствіи третьяго лица или при менѣ важныхъ обстоятельствахъ; но когда въ этихъ мнимо-холодныхъ натурахъ заговоритъ гнѣвъ, или нѣжность, или какая-либо другая страсть, то вырывается изъ ихъ души бурнымъ, неудержимымъ потокомъ. Собравъ послѣдніе остатки силъ, Аделина нѣжно прижала къ себѣ отца, и стала увѣрять его, какъ дорогъ былъ онъ ея сердцу, гораздо дороже нежели онъ предполагалъ. Тутъ только сивѣоръ де-Кастелла далъ ей свое согласіе (къ сожалѣнію саишкомъ поздно) открыть Фредерику Сентъ-Джону настоящую причину его отказа.

Время шло. Сидѣлка въ двадцатый разъ поправляла сбиравшіяся подушки, когда Сусанна позвала ее обѣдать, а сама на это время, по обыкновенію, заняла ея мѣсто. Госпожа де-Кастелла, изнуренная горемъ и слезами, только что удалась въ свою комнату, чтобы не много отдохнуть. Почти не чувствуя страданій, Аделина находилась однако въ какомъ-то тоскливомъ состояніи, которое часто испытываютъ умирающіе. Когда она не была въ забытіи, она ни на минуту не оставалась спокойною, такъ что подушки и простыни ея были въ постоянномъ беспорядкѣ. Не успѣла сидѣлка выйти изъ комнаты, какъ миссъ Карръ должна была снова нагнуться надъ нею, чтобы поправить ихъ.

— Кто тамъ? глухо спросила Аделина, лежа лицомъ къ стѣнѣ, но чувствуя, подобно всѣмъ опаснымъ больнымъ, малѣйшую разницу въ прикосновеніи.

— Это я... Мери. Сидѣлка ушла обѣдать.

Аделина взяла руку миссъ Карръ и нѣсколько минутъ молча держала ее въ своихъ рукахъ.

— Мнѣ весь день хотѣлось, Мери, поговорить съ вами. Но я... все ждала.

Она не могла сказать двухъ словъ, не задыхаясь.

— Что же вы хотѣли сказать мнѣ, дорогая Аделина?

— Есть ли еще кто-нибудь въ комнатѣ?

— Кромѣ Сусанны, никого.

— Скажите ей чтобъ она вышла, я хочу остаться наединѣ съ вами.

— Но она не понимаетъ по-англійски.

— Нѣтъ, мнѣ нужно быть съ вами наединѣ, повторила Аделина.—Сусанна.

Горничная подошла къ постели.

— Поверните меня, Сусанна, у меня нѣтъ силъ.

Она повернула ее, съ большимъ трудомъ, не имѣя привычки обращаться съ больными. Аделина лежала, едва переводя дыханіе и смотря имъ въ глаза. Сусанна отерла холодный потъ на ея блѣдномъ лбу и свои собственныя слезы.

— Оставьте насъ, Сусанна. Мнѣ нужно поговорить съ mademoiselle Карръ.

— Побудьте въ сосѣдней комнатѣ, Сусанна, прошептала миссъ Карръ горячичной. Читатель, быть-можетъ, найдетъ это страннымъ, но какъ ни любила Мери Карръ Аделину, ей все-таки страшно было оставаться съ ней наединѣ. Она не пыталась анализировать это ощущеніе, но, вѣроятно, оно происходило отъ того непонятнаго ужаса, который невольно наводитъ на молодую душу видъ покойника или умирающаго.

— Я хочу дать вамъ одно порученіе, Мери, сказала она прерывающимся голосомъ. — Обѣщаете ли вы мнѣ исполнить его свято?

— Вѣрно и свято.

— Это порученіе — къ *мелу*.

— Къ мистеру Сентъ-Джону?

— Да.

Протянувъ свою блѣлую исхудалую руку, она показала на свой пюпитръ, стоявшій на одномъ изъ изкрустованныхъ столовъ, и объяснила Мери гдѣ найдти ключъ.

— Въ пюпитрѣ на правой сторонѣ есть потайная пружина, продолжала она;—пожмите ее.

Мери Карръ, хоть и не совсѣмъ ловко, исполнила требованіе Аделины, и глазамъ ея предстали двѣ-три золотыя вещицы, пучокъ засохшихъ цвѣтовъ и небольшая пачка писемъ съ истертыми уголками.

— Цвѣты бросьте въ огонь, прошептала Аделина, — остальное положите въ пакетъ и запечатайте.

— Какъ истерты письма, Аделина! воскликнула Мери.— Можно подумать, что имъ лѣтъ двадцать.

— Да, пока не слегла въ постель, я носила ихъ *здѣсь*, сказала она, указывая на грудь.—Это *его* письма.

— Не хотите ли прочесть еще разъ, прежде нежели я ихъ запечатаю? спросила миссъ Карръ.

Аделина отвѣчала отрицательнымъ жестомъ.

— Уже нѣсколько недѣль какъ я ихъ не читала, съ трудомъ

проговорила она.—Я не рѣшалась въ послѣднее время шевелить чувства, которыя они возбуждаютъ во мнѣ; меня должны занимать теперь болѣе серіозныя мысли. Въ послѣднее время я всячески старалась гнать отъ себя эти мірскія ощущенія, не думать о немъ, но все напрасно. Быть-можетъ, грѣшно любить подобное себѣ существо такъ, какъ я любила его; намъ говорятъ, что такая любовь должна принадлежать лишь одному Творцу. Но несмотря на это, я спрашивала себя иногда, въ чемъ же тутъ грѣхъ и какъ избѣжать его, когда мы не сами вложили себѣ въ сердца эту странную силу любви? Другіе, можетъ-быть, умѣютъ владѣть своими чувствами, а я напрасно боролась. Днемъ и ночью, на яву и во снѣ, онъ всегда былъ передо мною, беззавѣтно наполняя собой все существо мое. Измѣнить или умѣрить это чувство было не въ моей власти; я пыталась, но не нашла въ себѣ силы; чего не дала бы я, съ тѣхъ поръ какъ онъ уѣхалъ, чтобы забыть все: и его, и мое горе, и наконецъ самое себя! Да проститъ мнѣ Богъ это прегрѣшеніе вмѣстѣ со многими другими.

— Стало-быть, вы не станете перечитывать эти письма? снова спросила ее миссъ Карръ, которой тяжело было слушать ея прерывистое признаніе.

— Нѣтъ; на это, по крайней мѣрѣ, у меня хватитъ силы конецъ мой близко.

Миссъ Карръ поспѣшно вложила письма въ пактъ и собиралась его запечатать.

— Не этою печатью, сказала ей Аделина.—Возьмите мою собственную маленькую печать съ начальными буквами моего имени. Какъ вы думаете, Мери, въ состояніи ли я буду сама надписать адресъ?

— Вамъ писать адресъ! съ удивленіемъ воскликнула миссъ Карръ. — Но какъ же это сдѣлать?

— Еслибы вы могли приподнять и поддержать меня немного, это продолжалось бы не болѣе минуты. Мнѣ хочется самой написать адресъ.

— Такъ я лучше позову Сусанну.

— Нѣтъ, нѣтъ, никого не нужно. Положите передо мною письмо на книгу и сами попытайтесь поднять меня.

Просьба ея была исполнена съ большимъ трудомъ. Мери Карръ дрожала отъ волненія, опасаясь, чтобы это усиліе не повредило Аделинѣ, но не могла отказать ея умоляю-

щимъ взорамъ. Она приподняла ее и поддерживала до тѣхъ поръ, пока не написалъ быль адресъ Фредерику Сентъ-Джону, безъ прибавленія мистеру или эсквайру. Въ этомъ дрожащемъ, угловатомъ почеркѣ никто не узналъ бы руки Аделины. Мери опять уложила ее въ постель, и тогда Аделина объяснила ей въ нѣсколькихъ словахъ тайную причину своей размовки съ Сентъ-Джономъ, прося ее открыть ему все.

— Скажите, что я возвращаю ему все, кромѣ этого кольца, которое будетъ похоронено вмѣстѣ со мною. Скажите, что я никогда не снимала его съ моей руки, съ тѣхъ поръ какъ онъ самъ мнѣ надѣлъ его.

— Какое кольцо! съ удивленіемъ и даже съ любопытствомъ воскликнула Мери Карръ, несмотря на всю важность этой минуты. — Вѣдь этимъ кольцомъ вы обручались съ де-ла-Шассомъ, продолжала она, смотря на простое золотое кольцо едва державшееся на исхудаломъ пальцѣ Аделины при помощи снурочка.

Она слабо покачала головой.

— Ужь онъ пойметъ.

— Не сказать ли еще чего, Аделина?

— Скажите, что и за гробомъ я останусь такъ же вѣрна ему, какъ была при жизни. Больше ничего.

— Почему вы не написали ему въ послѣдній разъ? спросила Мери Карръ.

— Это могло бы быть непріятно ему. Вѣдь онъ теперь съ другою.

Время близилось къ вечеру. По одну сторону камина дремала сидѣлка; по другую молча качалась взадъ и впередъ Луиза, сидя на круглыхъ креслахъ. Мери Карръ стояла передъ окномъ, небрежно облокотившись на каминную полку, а полусонная Роза Дарлингъ сидѣла на низенькой скамеечкѣ, прижавъ головой къ постели Аделины. Въ сосѣдней комнатѣ слышенъ былъ шепотъ господина де-Кастелла, который разговаривалъ съ однимъ изъ докторовъ. Аделина въ эту минуту была спокойна и, казалось, дремала.

— Скажите, шепотомъ спросила Луиза сидѣлку, — правда ли, что сегодня утромъ барышня спрашивала у стараго доктора N. сколько часовъ ей остается жить?

Сидѣлка утвердительно кивнула головой.

— *Chère enfant!* проговорила Луиза сквозь слезы.—Что жь онъ ей отвѣчалъ?

— Да что отвѣчать? возразила сидѣлка; — онъ знаетъ не больше насъ.

— А вы что думаете?

Сидѣлка покачала головой, встала съ своего кресла, и подойдя къ постели, нагнулась надъ Аделиной, которая лежала лицомъ къ стѣнѣ.

— Она, кажется, спитъ, няня, спросонья замѣтила Роза, и снова закрыла глаза.

— Кажется, что спитъ, *mademoiselle*; я не могу хорошенько разсмотрѣть ея лица; оно закрыто одѣяломъ. Но еслибъ она не спала, то не лежала бы такъ смиренно.

— Знаете ли, я сегодня кое-что слышала, таинственно прошептала Луиза, когда сидѣлка возвратилась на свое мѣсто.

— Что же такое?

Но Луиза остановилась, замолчала и отерла свои глаза, почти не высохавшіе въ продолженіе послѣднихъ двухъ недѣль.

— Вы, кажется, хотѣли что-то сказать, замѣтила сидѣлка.

— Ужь и сама не знаю, разсуждала Луиза вслухъ. — Можетъ-быть, это и не правда, а если дѣйствительно вздоръ, такъ я, конечно, не желала бы разглашать его. Лучше промолчу.

Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ выпытать секретъ Луизы было не показывать ни малѣйшаго любопытства къ ея словамъ. Сидѣлка знала это и потому не сказала ни слова. Черезъ нѣсколько минутъ Луиза опять заговорила.

— Но вѣдь какой же можетъ быть вредъ отъ этого, если мы поговоримъ промежь себя. Мнѣ сказала объ этомъ Сусанна, а она, вѣроятно, слышала отъ самой госпожи. Она говорить... да вы точно увѣрены, что барышня заснула? вдругъ спросила Луиза, оглянувшись на постель.

— Она крѣпко спитъ, повторила сидѣлка; — иначе она не была бы такъ спокойна.

Тогда Луиза начала свой разказъ какимъ-то особеннымъ таинственнымъ шепотомъ, который какъ вельза болѣе гармонировалъ съ содержаніемъ разказа и самую обстановку, возбуждая невольный страхъ и трепетъ.

— Сусанна говоритъ, что *mademoiselle* послѣ своей смерти будетъ выставлена.

— Что? съ ужасомъ воскликнула сидѣлка.

— Qu'elle séra exposée après sa mort.

(Я предпочитаю привести эту фразу на томъ языкѣ, на какомъ она была сказана.)

— Что это значить? спросила Роза, выходя изъ дремоты.

— Я говорю, что когда mademoiselle Аделина умретъ, ее выставятъ для приѣма посѣтителей.

— Луиза, да объясните же мнѣ, что это значить? настаивала Роза, широко раскрывая глаза.

Но Мери Каррѣ уже поняла все, потому что ей болѣе нежели Розѣ извѣстны были французскіе обычаи и нравы; случайно посмотрѣвъ на большое триюмо, она увидала, что лицо ея блѣднѣе смерти.

— Я знаю, что въ Англии не держатся этого обычая, mademoiselle, прошептала сидѣлка, обращаясь къ Розѣ. — Да и здѣсь также онъ почти что вышелъ изъ моды. Рѣдко, рѣдко гдѣ случится видѣть приѣмъ покойника. Но я слышала отъ моей матушки, сударыня, она была вмѣстѣ и акушерка, и сидѣлка, что прежде почти всѣ молодыя дѣвушки знатныхъ фамилій принимали посѣтителей послѣ своей смерти. Даже и мнѣ пришлось видѣть на своемъ вѣку нѣсколько подобныхъ великолѣпныхъ приѣмовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, дрожа проговорила Мери Каррѣ, — не говорите объ этомъ.

— Что съ вами, mademoiselle, спросила сидѣлка, съ участіемъ смотря на испуганное лицо миссъ Каррѣ.—Вы нездоровы?

— Мнѣ душно, тихо отвѣчала Мери Каррѣ. — Я не въ силахъ преодолѣть этого чувства. Вы говорите о такихъ ужасныхъ вещахъ.

— Да объясните же мнѣ наконецъ, о чемъ вы говорите, нетерпѣливо перебила Роза.—Что все это значить?

— Я сейчасъ разкажу вамъ одинъ примѣръ, mademoiselle, который объяснитъ вамъ все, сказала сидѣлка. — Тетка моя служила экономкой у госпожи Марсакъ. Госпожа эта была вдова, съ тремя дѣтьми, жившая въ большомъ старомъ замкѣ недалеко отъ нашей деревни. Старшая mademoiselle Марсакъ вышла замужъ за офицера и уѣхала съ нимъ Богъ вѣсть куда, только очень далеко, потому что это было во время Наполеона, когда мы воевали почти съ цѣлою Европой

Единственный сынъ госпожи Марсакъ, бывшій капитаномъ въ томъ же полку, также находился въ отсутствіи. Только одна mademoiselle Эмма оставалась дома, и мать не чаяла въ ней души. То-то красавица была! свѣжая какъ роза! Всякій поручился бы своею головою, что она проживетъ долго. Анъ нѣтъ! Бѣдняжка вдругъ заболѣла. Одни говорили, что это простуда, другіе утверждали, что она покушала чего-то вреднаго, только у нея сдѣлалось внутри воспаленіе, и черезъ недѣлю она умерла. Госпожа Марсакъ чуть съ ума не сошла отъ горя, и тетка моя говорила, что тяжело было слышать какъ она кричала и плакала ночью, моля Пресвятую Дѣву взять ее вмѣстѣ съ дочерью. Но рано по утру въ замокъ пріѣхала сестра госпожи Марсакъ и приказала выставить тѣло бѣдной mademoiselle Эммы.

— Продолжайте, продолжайте, умоляла Роза, щеки которой поблѣднѣли теперь почти такъ же какъ у Мери Карръ.

— Я была тогда еще очень маленькою дѣвочкой, сударыня, вѣдь это было въ 1812 году; тетка вдругъ неожиданно потребовала меня въ замокъ. Госпожа Марсакъ не могла держать много слугъ, средства-то ея были не велики. Кромѣ моей тетки и стараго садовника, у ней была еще одна горничная, такъ что и я была не лишнею. Клянусь честію, сударыня! мнѣ никогда этого не позабыть: я въ жизнь не видывала ничего подобнаго. На покойницу надѣли, будто на неврѣсту, богатое бѣлое платье, цвѣты, брилліанты, бѣлыя перчатки и бѣлые атласные башмаки. Потомъ ее поставили стоймя въ концѣ большаго зала, и всѣ сосѣди на нѣсколько миль въ окружности, какъ богатые, такъ и бѣдные, которымъ удалось только получить доступъ въ замокъ, пришли поклониться ея тѣлу. Тетка толкнула меня въ комнату, и я оставалась тамъ минутъ пять. Странно было такъ глядѣть! На одномъ концѣ комнаты стояла разодѣтая покойница, а съ другаго входили почитатели, также разодѣтые въ наилучшія платья, но большею частію блѣдные и дрожавшіе отъ страха. Вдоль комнаты поставленъ былъ большой длинный столъ; они огибали его, съ поклономъ проходили мимо покойницы и молча удалялись. Мнѣ кажется, сударыня, не хорошо сдѣлала моя тетка, показавъ мнѣ, пятнадцатилѣтней дѣвчкѣ, такое страшное зрѣлище; но она всегда баловала меня, и думала доста-

вить мнѣ этимъ большое удовольствіе. Я едва могла одолѣть свой страхъ, оставаясь въ одной комнатѣ съ умершею, и вѣроятно была такъ же блѣдна и испугана, какъ теперь mademoiselle Мери. Долго послѣ того боялась я входить въ темную комнату и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сразу не могла сладить съ этимъ чувствомъ. Хотя съ тѣхъ поръ мнѣ приходилось видѣть много подобныхъ зрѣлищъ, однако ни одно не врѣзалось въ моей памяти такъ, какъ это. Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ я долго смотрѣла на него въ то время: я только разъ и взглянула на тотъ конецъ комнаты, гдѣ выставлено было вѣнчальное платье.

— Но для чего одѣваютъ ихъ въ вѣнчальное платье? задыхаясь, спросила Роза.

— А въ знакъ того, что онѣ Христовы невесты. По крайней мѣрѣ я всегда такъ объясняла себѣ это, mademoiselle Роза, отвѣчала сидѣлка.

— Первый покойникъ, котораго мнѣ случилось видѣть, перебила Луиза, завидуя сидѣлкѣ, не перестававшей говорить все время,—былъ одинъ молодой священникъ въ Гіени. Постойте, онъ, кажется, еще не былъ настоящимъ священникомъ, а только готовился къ этому званію. Его звали Теодоръ Борнъ. Онъ умеръ отъ боли въ рукѣ, и тѣло его было выставлено для торжественнаго приѣма. Кромѣ его, я видѣла еще двухъ покойницъ: сестру графа Плесси, старую дѣвицу лѣтъ сорока, да еще одну молодую дѣвушку, здѣшнюю горожанку, дочь мебельнаго торговца, который продавалъ и отпускалъ на прокатъ мебель и нажилъ себѣ кучу денегъ. Ужь и разодрали же ее бѣдняжку! Она была единственная дочь у родителей, и они не пожалѣли денегъ чтобъ убрать ея тѣло. На ней надѣта была настоящая брюссельская вуаль; а платье ея было убрано брюссельскими кружевами и букетами изъ флеръ д'оранжа, перевязанными бѣлыми атласными бантиками. Такъ какъ лавка ихъ находилась противъ самаго рынка, то они выставили тѣло у окна, лицомъ къ площади *. День пришелся базарный, площадь была биткомъ набита народомъ, и цѣлая толпа собралась посмотреть на покойницу. А погода-то была какая сырая, ужасъ! Многія дѣти были перепуганы этимъ зрѣлищемъ.

* Истинный фактъ.

Сусаннѣ вотъ ни разу не приходилось видѣть этого обычая, до тѣхъ поръ пока она не пріѣхала сюда; она говоритъ, что у нихъ подѣ Парижемъ ничего подобнаго и не слыживали; по крайней мѣрѣ она не слыжала. Такъ вотъ этотъ-то Теодоръ Борнъ...

Въ эту минуту Аделина пошевелинулась. Языкъ Луизы такъ и замеръ, какъ бы прострѣленный насквозь, а сидѣлка бросилась къ постели. Большая проснулась и попросила пить.

Между тѣмъ какъ сидѣлка принимала отъ нея чай и чайную ложку, докторъ Дорре, все время сидѣвшій въ сосѣдней комнатѣ, пришелъ еще разъ взглянуть на Аделину передъ своимъ отъездомъ. Она была въ полной памяти и, сказала ему, что чувствуетъ себя хорошо. Пока онъ уходилъ, а сидѣлка провожала его съ лѣствицы, Аделина протянула руку Мери Карръ, которая стояла подлѣ ея постели. Голосъ ея былъ очень слабъ, такъ что Мери должна была наклониться надъ нею, чтобы слышать ея слова.

— Я... я не спала, когда Луиза рассказывала. Я слышала все. Мери! не давайте имъ этого дѣлать.

Мери Карръ была въ отчаяніи. Она не знала что ей сказать.

— Я... я увѣрена, что ничего не сдѣлаютъ противъ вашего желанія, Аделина, проговорила она, запинаясь.— Луиза, вѣроятно, ошибается. Не поговорить ли мнѣ съ госпожой де-Кастелла?

— Нѣтъ, не теперь. Когда я умру, и вы увидите что начинаются приготовленія, тогда поговорите мамашѣ.

— Не огорчайтесь этимъ, Аделина, продолжала Мери, мысленно посылая Луизу въ преисподнюю за то, что она подняла этотъ неумѣстный разговоръ въ присутствіи Аделины.— Повѣрьте, что малѣйшее желаніе ваше будетъ свято исполнено.

— Это вовсе не огорчаетъ меня, слабо отвѣчала она.— Но я желала бы, чтобы послѣ смерти меня оставили въ покоѣ.

Госпожа де-Кастелла сошла было внизъ, къ дочери, но вскорѣ опять удалилась къ себѣ наверхъ, потому что ея истерическія рыданія беспокоили Аделину; Агнеса де-Бюфуа осталась съ сестрой и убѣждала ее не покидать своей комнаты. Въ домѣ съ минуты на минуту ожидали пріѣзда ста-

рой госпожи де-Бофуа, и около пяти часовъ господинъ де-Кастелла отправился встрѣчать ее на станцію желѣзной дороги. Роза и Мери пили чай въ гостиной, когда старый слуга Сильва подалъ имъ на подносѣ письмо.

— Кому? спросила Мери.

— Pour mademoiselle Rose Darling, отвѣчалъ старикъ.

Роза, сидѣвшая передъ каминомъ протянувъ ноги на рѣшетку, лѣнливо взяла письмо, и не повернувъ головы, даже не взглянувъ на адресъ, бросила его на столъ.

— Что за скучная эта Марианна! Конца нѣтъ ея письмамъ; и ничего въ нихъ нѣтъ, кромѣ скучныхъ нотаций. Если онѣ думаютъ, что я стану отвѣчать имъ на всѣ эти разглагольствія, то онѣ очень ошибутся. Я и за деньги-то не стала бы это дѣлать.

— Это не ея почеркъ, сказала Мери Карръ.

— Не ея? (И Роза соблаговолила томно взглянуть на письмо.) Это что значитъ! Письмо, кажется, отъ Франка! воскликнула она, вырывая его изъ рукъ Мери. — О чемъ это онъ можетъ писать мнѣ? Ужь не умерла ли бабушка и не оставила ли намъ всѣмъ наслѣдства! Нѣтъ, печать красная.

И распечатавъ письмо, она быстро пробѣжала его содержаніе.

— Боже праведный! Какъ странно! Мери! Мери!

Миссъ Карръ посмотрѣла на нее съ удивленіемъ. Роза, въ теченіе цѣлаго дня блѣдная отъ волненія и бессонной ночи, вдругъ зардѣлась яркимъ румянцемъ.

— Онъ ѣдетъ сюда, въ Бельпортъ. Какъ все это странно, Мери! Неужели тайное, невѣдомое сочувствіе влечетъ его сюда въ эту минуту?

— Кого? вашего брата?

— Вотъ еще! Неужели вы думаете, что его пріѣздъ могъ бы взволновать меня такимъ образомъ? Какой вы глупышъ, Мери Карръ! Слушайте:

„Милая Роза, дорогая наша почтенная бабушка (да хранятъ ее святые ангелы, хотя ея продолжительное существованіе начинается завѣдать нашъ собственный вѣкъ) дала мнѣ по пріѣздѣ моемъ въ Лондонъ, дня два тому назадъ, одно порученіе, касающееся до тебя. Она сработала, или купила, однимъ словомъ, приготовила для тебя великолѣпный подарокъ; но я рѣшительно не знаю дать ли ему названіе комелька или мѣшка, такъ какъ, по моимъ неразумнымъ понятіямъ, онъ слишкомъ великъ для пераго и слыш-

комъ малъ для послѣдьяго. Великолѣпная штука, а тебѣ скажу, вся расшитая серебрянымъ бисеромъ и блестящими шелками, и *снабженная* ея обыкновеннымъ праздничнымъ приношеніемъ тебѣ. Будучи самъ въ великодушномъ настроеніи духа и зная твое пристрастіе къ кружевамъ, перьямъ и всякаго рода дорогимъ бездѣлушкамъ, я вложилъ и отъ себя небольшую ленту. Этотъ подарокъ, какъ водится, упакованный для отправки и адресованный на имя господи de Nino съ передачей тебѣ, привезенъ былъ мною въ Лондонъ съ тѣмъ, чтобы передать его твоей бывшей пансіонской подругѣ, миссъ Сингльтонъ, которая должна была возвратиться въ Бельпортъ. Ты, милая сестрица, невѣдомо честила меня замѣчаніемъ, что у меня въ головѣ ничего не держится; и дѣйствительно, бабушкино порученіе, вмѣстѣ съ мѣшкомъ, совершенно изъ нея выскользнуло. Укладывался сегодня утромъ передъ отъѣздомъ въ очаровательную Ирландію, въ которую я направляю теперь свой полетъ, я случайно попалъ на эту злополучную посылку. Чтѣ было дѣлать? Я кликнулъ кѣбъ и поскакалъ къ миссъ Сингльтонъ, не переставая проклинать свою забывчивость. Но все было напрасно. Миссъ Сингльтонъ и архидіаконъ уже уѣхали въ Бельпортъ. Возвращаясь назадъ по улицѣ Брукъ-Стритъ, я спрашивалъ себя, какъ мнѣ поступить съ деньгами, и кто изъ моихъ рыжихъ ирландскихъ друзей возьметъ доставить тебѣ этотъ мѣшочекъ, какъ вдругъ натыкаюсь на Фреда Сентъ-Джона, или лучше сказать, онъ наткнулся на меня.

— Скажите, гдѣ вы пропадали? спросилъ я.

— Жилъ въ замкѣ Веферъ почти цѣлый мѣсяцъ, а завтра уѣзжаю въ Парижъ. Нѣтъ ли порученій?

— Непременно найдутся, если только дорога ваша лежитъ черезъ Бельпортъ. И тутъ я вручилъ ему злополучную посылку и разказалъ ея исторію.

— Однимъ словомъ, Роза, ты можешь быть увѣрена, что скоро получишь свой мѣшокъ цѣлымъ и невредимымъ, хотя трудно опредѣлить когда именно, потому что неакуратность и измѣнчивость Сентъ-Джона вошли въ пословицу.

— Надѣюсь, что здоровье твоей подруги, mademoiselle de Castella, поправляется. Я просилъ бы тебя передать ей мой поклонъ, но увѣренъ, что она давно обо мнѣ забыла. Впрочемъ, пожелай ей отъ меня самаго скорого выздоровленія.

— Твой любящій братъ, милая Роза,

„Франкъ Дарлингъ.“

— Какое извѣстіе для Аделины! не мѣшайте мнѣ теперь, Мери Карръ.

— Роза, съ укоромъ оказала миссъ Карръ, — не годится и говорить ей объ этомъ.

— Вотъ еще чтѣ выдумали! воскликнула Роза.

— Аделина покорилась теперь своей участи. Дайте ей умереть спокойно. Извѣстіе о немъ только взволнуетъ и расстрожитъ ее.

— Перестаньте, пожалуйста. Пустите меня! сказала Роза, вырываясь изъ рукъ Мери.

— Роза, вы поступаете весьма неблагоуразумно. Ея предсмертныя страданія уже начались, и все земное теперь ей чуждо.

— Вы этихъ вещей не понимаете, возразила Роза съ презрительною улыбкой,—да и гдѣ вамъ понять ихъ? Развѣ не жаждала она видѣть его въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду? Развѣ его холодное равнодушіе, его молчаніе и отсутствіе не ускорили ея смерти? А вы хотите скрыть отъ нея теперь, что онъ ѣдетъ сюда! Нѣтъ, Мери, говорю вамъ, что это утѣшитъ ее въ послѣднюю минуту.

Она сильно рванулась впередъ и вошла къ умирающей. Заслышавъ ея приближеніе, Аделина открыла глаза. Что именно прошептала ей Роза, склонившись надъ ея изголовьемъ,—Мери Карръ не могла слышать; но даже въ этотъ послѣдній часъ блѣдныя щеки Аделины покрылись яркимъ румянцемъ. Какой безумно-жадный взглядъ устремила она на Розу!

— Теперь ужь поздно, со вздохомъ прошептала она,—слишкомъ поздно; меня ужь не будетъ тогда на свѣтѣ. Вотъ, еслибъ онъ пріѣхалъ денькомъ пораньше!

Глаза ея снова закрылись, и она замолчала. Потомъ черезъ нѣсколько минутъ она обратилась къ миссъ Карръ.

— Мери, помните, что говорила сегодня Луиза?

— Да, да. Помню.

— Если мамаша пожелаетъ этого, вы не препятствуйте ей. Я... я желала бы, чтобъ онъ видѣлъ меня горемычную. А тогда ему можно будетъ придти, вы привезли бы его.

Роза съ жаромъ выразила свое согласіе, прежде нежели Мери Карръ успѣла выговорить слово.

— Да, еслибъ его и не было здѣсь, не все ли равно, думаю я, для чего противорѣчить мамашѣ, что мнѣ отъ этого? Еслибъ у меня самой была дочь и также умерая бы, можетъ-быть, и я захотѣла бы того же. Не мѣшайте мамашѣ. Но вы приведете его?

— О да, дорогая Аделина, воскликнула Роза, — если только его можно будетъ найти. Общаю вамъ это торжественно.

— А теперь, дорогіе друзья моей юности, Роза, Мери, прошептала она, протягивая имъ руки, — мнѣ остается сказать вамъ послѣднее прощаніе. Все кругомъ меня подергивается туманомъ. Еслибы знали вы, какъ я благодарна вамъ за ваши попеченія! Будете ли вы вспоминать обо мнѣ, когда я умру?

Молчаніе, наступившее послѣ этихъ словъ, нарушалось одними рыданіями Розы. Сердце Мери Каррѣ болѣло молча.

— Не забывайте, особенно вы, Роза, что здѣшняя жизнь непродолжительна, но есть другая, вѣчная. Старайтесь наследовать ее. Поцѣлуйте же меня въ послѣдній разъ.

Онѣ склонились надъ нею по очереди, и съ скорбію въ сердцѣ, обливаясь слезами, дали ей послѣднее цѣлованіе.

— Мы... вѣдь... увидимся... въ небѣ?..

Едва успѣла она произнести эти слова, послѣднія, которыя онѣ слышали отъ нея, какъ Луиза съ торжественною важностью въ лицѣ широко растворила двери въ корридоръ и что-то таинственно прошептала сидѣлкѣ. Та вскочила, отодвинула назадъ свой стулъ и молча упала на колѣни.

— Что случилось? воскликнула Роза.

— Развѣ вы не понимаете? поспѣшно отвѣчала Мери, увлекая за собой Розу и скрываясь въ гостиную.

Оттуда, черезъ полуотворенную дверь, онѣ увидали священниковъ въ бѣлыхъ одеждахъ, входившихъ на лѣстницу; впереди ихъ несли серебряное распятіе и тѣло Господне, благоговѣнно скрытое отъ взоровъ. Луиза, подобно сидѣлкѣ, опустилась на колѣни въ корридорѣ, и священники торжественно прошли мимо нея въ комнату Аделины, не оборачиваясь ни направо, ни налево. По обряду римско-католической церкви они пришли напутствовать ее къ смерти и въ послѣдній разъ причастить святыхъ таинъ.

ХІІ. Торжественный приемъ усопшей.

Тяжело описывать день, наступившій послѣ этой ночи. Аделина тихо скончалась около полуночи, окруженная своими родными, не теряя сознанія до послѣдней минуты.

Не только тяжело, но и трудно описывать главное событіе этого дня, которое читатель, быть-можетъ, приметъ за неприятный вымыселъ, если ему не приходилось встрѣчать его въ своей жизни. А между тѣмъ это фактъ, не подлежащій сомнѣнію, столь же вѣрный, какъ и тѣ, о которыхъ я упоминала въ предшествующей главѣ; только я постараюсь теперь изложить его какъ можно подробнѣе и точнѣе.

Луиза была права: тѣло Аделины де-Кастелла имѣло быть выставленнымъ для торжественнаго приѣма.

Въ домѣ поговаривали, что сирѣторъ де-Кастелла былъ противъ этой церемоніи, и что онъ уступилъ только желанію убитой горемъ жены. Старая госпожа де-Бофуа явно высказывала отвращеніе къ этому обычаю, который сильно противорѣчилъ ея англійскимъ воззрѣніямъ. Но госпожа де-Кастелла настояла на своемъ. Ея растерзанная душа, быть-можетъ, находила своего рода утѣшеніе въ той мысли, что люди еще разъ взглянутъ на ея дорогое, прекрасное дитя, окруженное всею роскошью и великолѣпіемъ жизни, прежде нежели могила сокроетъ его на вѣки.

Рано утромъ по Бельпорту разсланы были печатные циркуляры съ черными каемками, заготовленные еще ночью:

„Господинъ и госпожа де-Кастелла, госпожа де-Бофуа, дѣвица де-Бофуа имѣютъ честь извѣстить васъ о тягостной потерѣ, постигшей ихъ въ лицѣ дѣвицы Аделины Луизы де-Кастелла, ихъ дочери, внучки и племянницы, скончавшейся въ Бельпортѣ, 8 января, 19 лѣтъ отъ роду. Молитесь о ней.“

Приглашенія на торжественный приемъ, или лучше сказать извѣдомленія о немъ, разсланы были по знакомымъ и друзьямъ черезъ прислугу, не официальнымъ, а частнымъ образомъ; и нужно прибавить, что извѣстіе это произвело въ городѣ большое впечатлѣніе, о которомъ помнать до сихъ поръ.

Около полудня въ маленькій будуаръ нижняго этажа, занимаемый только Розой и Мери (такъ какъ прочіе члены семейства оставались въ своихъ комнатахъ), вошелъ старый слуга Сильва. Онъ доложилъ, что одна изъ служанокъ *M-me de Nino* желаетъ видѣть миссъ Дарлингъ.

— Пусть она войдетъ сюда, Сильва, сказала Роза, вставая съ маленькаго низенькаго стула, на которомъ она сидѣла передъ каминомъ, и проводя рукой по своимъ отяжѣвшимся вѣкамъ.

Служанка вошла; это была Юлія. Она подала Розѣ посылку, въ которой та сейчасъ угадала бабушкинъ подарокъ.

— Это было доставлено сегодня утромъ въ пансіонъ на ваше имя, *mademoiselle*.

— А кто доставилъ? спросила Роза.

— Высокій, красивый Англичанинъ, я сама отворяла ему калитку, отвѣчала Юлія.—Онъ спросилъ васъ, *mademoiselle*, а когда я сказала ему что васъ нѣтъ дома и что вы гостите у знакомыхъ въ городѣ, то онъ подаль мнѣ свою карточку. Переверните посылку, *mademoiselle* Роза, и вы найдете ее подъ веревкой: я нарочно подсунула ее туда, чтобы не потерять дорогой.

Розѣ нечего было смотрѣть на карточку. Она догадалась, что это Фредерикъ Сентъ-Джонъ.

— Не сказалъ ли онъ тебѣ, гдѣ онъ остановился? Въ какой гостиницѣ?

— Ничего не сказалъ, *mademoiselle*, только оставилъ посылку и карточку, да просилъ передать его поклонъ. *M-me de Nino* поручила мнѣ спросить у васъ, *mesdemoiselles*, въ которомъ часу придти ей проститься съ бѣдною молодою барышней? продолжала Юлія, понизивъ голосъ.

— Приѣмъ начнется въ два часа, Юлія. Пусть она придетъ когда ей угодно, отъ двухъ до пяти часовъ.

— Ахъ, какъ бы и мнѣ хотѣлось посмотрѣть на нее! воскликнула Юлія.—Кажется, пансіонскую-то прислугу ужъ можно бы допустить: вѣдь мы такъ долго за ней ходили.

— Я думаю, что можно, сказала Роза.—Конечно, можно, такъ и скажи отъ меня *M-me de Nino*.

— Юлія, перебила Мери Барръ,—и я также пойду прощаться съ Аделиной; это сочли бы за невѣжливость съ моей стороны, еслибъ я не пошла; но увѣряю тебя, что я скорѣе

предпочла бы сдѣлать десять верстъ пѣшкомъ нежели идти въ эту комнату.

— Но вы только подумайте какое это будетъ великолѣпное зрѣлище, mademoiselle Карръ! доказывала Юлія.— Говорятъ, будто на нее надѣнуть настоящее вѣнчалное платье, цвѣты и брилліанты. Ахъ, бѣдняжка, бѣдняжка! воскликнула служанка, принимаясь плакать.— Давно ли, кажется, была и здорова, и счастлива, и собиралась выйдти замужъ, а теперь вонъ что.

— Мери, сказала Роза, когда они остались вдвоемъ, — теперь мы знаемъ что онъ въ городѣ, и я пойду отыскивать его. А вы пойдете со мной?

Мери Карръ колебалась.

— Прилично ли намъ, Роза, ходить по гостиницамъ и узнавать о молодыхъ людяхъ? Мнѣ это вовсе не нравится.

— Мало ли что намъ не нравится, саркастически замѣтила Роза. — Не боитесь ли вы, что насъ тамъ съѣдятъ?

— Но воля ваша, это вещь неприличная.

— Для васъ, конечно, неприличная, такъ вы и оставайтесь дома; мнѣ даже жаль, что я просила васъ. Но я обѣщала бѣдной Аделинѣ привести его къ ней, если только найдетъся хоть малѣйшая возможность исполнить ея желаніе, и непременно сдержу свое слово.

— Въ такомъ случаѣ и я пойду съ вами.

— О! возразила Роза.

Приготовленія къ торжественному приему еще не были окончены. Даже теперь, при одномъ воспоминаніи, я ощущаю почти ту же дурноту, которую испытывала въ то время; а между тѣмъ уже нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Большая гостиная, рядомъ съ тою гдѣ умерла Аделина, приготовлена была для посѣтителей; часть мебели вынесли, и вдоль всей комнаты устроили барьеръ, раздѣлившій ее на двѣ половины. Это была большая, длинная гостиная, какъ нельзя болѣе удобная для приема. *Ее*, то-есть Аделину, стояща поставили къ стѣнѣ, на самомъ дальнемъ концѣ комнаты, лицомъ къ посѣтителямъ, которыхъ она будто готовилась привѣтствовать. Ужь не знаю какимъ образомъ установили ея трупъ; я и тогда не спрашивала объ этомъ, да и теперь не желала бы знать этихъ подробностей; довольно однихъ крупныхъ фактовъ.

Идя по лѣстницѣ за шляпкой, Мери Карръ услышала

голоса въ комнатѣ умершей и заглянула туда. Аделину въ это время одѣвали. Сидѣлка стояла передъ вытянутымъ во весь ростъ трупомъ и поддерживала его на своемъ плечѣ, отворачиваясь лицомъ въ другую сторону; парикмахеръ стоялъ сзади и убиралъ волосы. Луиза также помогала поддерживать мертвый грузъ, а Сусанна подавала парикмахеру шпильки. Кажется, нѣтъ ужаснѣе обязанности, какъ убирать покойника! Мери Карръ становилось дурно; она быстро захлопнула дверь и прислонилась къ стѣнѣ, чтобы не упасть.

— Въ какую гостиницу думаете вы идти? спросила она Розу, очутившись съ ней на улицѣ и радуясь тому, что онѣ удалились на время изъ траурнаго дома и отъ этой мрачной сцены.

— Я перепробую ихъ всѣ поочереду, до тѣхъ поръ пока не отыщу его, отвѣчала Роза.—Онъ вѣрно остановился въ Hôtel de Bains. Франкъ всегда тамъ останавливается.

Роза направила свои шаги къ этой извѣстной гостиницѣ и смѣло вступила во дворъ. Навстрѣчу ей вышелъ человѣкъ съ салфеткой въ рукѣ, очень похожій на трактирнаго слугу.

— Не здѣсь ли остановился г. де-Сентъ-Джонъ? спросила она.

Слуга отвѣчалъ ломанымъ французскимъ языкомъ: „не comprendais pas“, и Роза признала въ немъ природнаго Англичанина. Онъ сообщилъ, что мистеръ Сентъ-Джонъ дѣйствительно стоитъ въ этой гостиницѣ, что вечеромъ онъ уѣзжаетъ въ Парижъ, а теперь его нѣтъ дома.

— Нѣтъ дома! воскликнула озадаченная Роза.—Куда же онъ ушелъ?

Слуга, конечно, не могъ отвѣчать ей. Роза сказала ему, что у нея есть важное дѣло къ мистеру Сентъ-Джону, и что она непременно должна его видѣть. Всѣ трое стояли въ нерѣшимости и смотрѣли другъ на друга.

— Если вамъ угодно войти въ его номеръ и подождать, то я сейчасъ отворю, сказалъ слуга.—Это въ нижнемъ этажѣ.

— Чтѣ намъ дѣлать, Мери? воскликнула Роза, сердито топнувъ ножкой.

— Пожалуста, не спрашивайте меня. Это ваше дѣло, а не мое.

Неизвѣстно, какъ бы поступила Роза. Она въ нерѣшимости смотрѣла на слугу, быть-можетъ, помышляя о томъ,

не войти ли ей въ комнату, какъ вдругъ передъ ней очутился самъ мистеръ Сентъ-Джонъ.

Онъ былъ все тотъ же. Та же легкая поступь, та же величественная осанка, та же изящная наружность, тѣ же открытыя манеры, которыя такъ влекли къ нему всѣ сердца.

Роза въ смущеніи поздоровалась съ нимъ; она не хотѣла говорить ему истины, боясь получить отказъ, и просила его только идти вмѣстѣ съ ней. Мистеръ Сентъ-Джонъ былъ конечно къ ея услугамъ, и скоро всѣ трое вышли на улицу.

— Кажется, въ цѣломъ свѣтѣ никто до такой степени не держится этикета, какъ Мери Карръ, начала Роза.— Я удивляюсь, отчего она не ищетъ мѣста фрейлины при дворѣ! Слуга предлагалъ намъ войти въ вашу комнату, чтобы дожидаться тамъ вашего возвращенія, и мнѣ кажется, я непременно сдѣлала бы это, еслибы вы не вернулись. А она отъ одной этой мысли готова была упасть въ обморокъ.

Мистеръ Сентъ-Джонъ засмѣялся. Все тотъ же тихій, мелодичный смѣхъ!

— Ну что же тутъ было ужаснаго? продолжала Роза.— Вѣдь мы двоюродные.

— Конечно, двоюродные, отвѣчалъ мистеръ Сентъ-Джонъ.— Я думалъ, впрочемъ, что вы обѣ давно уже въ Англии.

— Мы скоро отправляемся туда, по крайней мѣрѣ я. Что касается до Мери, то она, если не ошибаюсь, поѣдетъ сперва въ Голландію. А вы, мистеръ Сентъ-Джонъ? Вы уѣзжаете сегодня въ Парижъ, какъ я слышала?

— Да, но не надолго. Мною опять овладѣла прежняя страсть къ путешествіямъ, которой я и намѣренъ предаться. Одинъ изъ моихъ парижскихъ друзей ѣдетъ на будущей недѣлѣ въ Палестину, и я, кажется, пристану къ нему.

„А вѣдь не похоже, чтобъ онъ собирался жениться на Сарѣ Боклеркъ“, подумала Роза.

Ни одного слова, ни одного вопроса не вырвалось у него объ Аделинѣ! А между тѣмъ давно ли были они въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, готовые соединиться священными и неразрывными узами брака? О, какъ все измѣнчиво въ этомъ преходящемъ мірѣ! Она уже простилась съ тревоженіями жизни и спала теперь непробуднымъ сномъ могилы, а онъ шелъ, полный силъ и гордаго равнодушія, не спрашивая даже гдѣ она, вышла ли она замужъ, жива ли она, или умерла.

Такимъ образомъ они достигли дома господина де-Кастелла. Сентъ-Джонъ вступилъ во дворъ, не подозрѣвая куда его вѣдутъ. Онъ былъ здѣсь только однажды вечеромъ, и то въ каретѣ сэръ-Санди Максвелла. Двери прихожей были открыты настежь. На одной сторонѣ стоялъ Сильва съ обнаженной головой, а насупротивъ его другой слуга, и оба молча кланялись входившимъ посѣтителямъ. Таковъ былъ обычай. Мистеръ Сентъ-Джонъ подошелъ къ дверямъ, не переставая говорить съ Розой; но увидавъ Сильву, онъ отступилъ назадъ. Старый слуга привѣтливо посмотрѣлъ на него, потому что всѣ любили Сентъ-Джона въ домѣ господина де-Кастелла. Тогда Мери Карръ оставила ихъ и побѣжала наверхъ.

— Для чего вы привели меня сюда? спросилъ онъ у Розы.

— Это домъ сивьора де-Кастелла!

— Я имѣю на это свои причины, мистеръ Сентъ-Джонъ.

Прошу васъ, пойдите со мною.

— Нѣтъ, ужъ увольте, сказалъ онъ холодно.

— Невозможно, отвѣчала Роза.— Неужели вы думаете, что я пошла бы отыскивать васъ по гостиницамъ и скандализировать такимъ образомъ Мери Карръ и прислугу, безъ особенно важной причины? Пойдемте, пожалуйста: мы загроживаемъ входъ.

Мистеръ Сентъ-Джонъ въ самомъ дѣлѣ увидалъ, что позади ихъ дожидалась цѣлая группа дамъ. Онъ вошелъ въ прихожую и пропустилъ дамъ: больше ему ничего не оставалось дѣлать. Гости стали тихо взбираться по широкой лѣстницѣ, а онъ отошелъ съ Розой къ сторонѣ.

— Роза, сказалъ онъ,—такъ не шутятъ. Для чего вы привели меня сюда? Я сейчасъ же прощусь съ вами.

— Увѣряю васъ, прошептала она, въ волненіи хватая его за руку и боясь чтобъ онъ не ускользнулъ отъ нея, — увѣряю васъ, что это не шутка. Неужели вы думаете, что Мери Карръ согласилась бы тогда помогать мнѣ? а вѣдь вы видѣли, что и она приходила со мной. Пойдемте наверхъ, мистеръ Сентъ-Джонъ, прошу васъ.

— Вы забываете, снова началъ онъ, скорѣе въ отвѣтъ на ея волненіе нежели на ея слова,—что не говоря уже о моемъ личномъ нерасположеніи, присутствие мое въ этомъ домѣ можетъ быть непріятно всему семейству.

— Вы никого не увидите. Они не выйдутъ сегодня.

— Но что это за люди, идущіе по лѣстницѣ? спросилъ онъ

съ удивленіемъ, смотря на прибывавшія группы посѣтителей, которыхъ Сильва встрѣчалъ молчаливымъ поклономъ.—Это похоже на приемъ.

— Это и есть приемъ, отвѣчала Роза; — только никто изъ семейства де-Кастелла въ немъ не участвуетъ. Вотъ идетъ M-me de Ninol Смотрите, какъ она строго поводитъ на насъ глазами. Ужь я непременно получу отъ нея выговоръ за то, что перешепываюсь съ вами. Да поидемте же, мистеръ Сентъ-Джонъ.

— Я не понимаю этого, Роза. Для чего же эта толпа гостей, если, какъ вы говорите, никто изъ семейства не будетъ принимать ихъ? Къ кому же они собираются? И для чего вы хотите, чтобъ я шелъ наверхъ?

— Тамъ.... тамъ сегодня выставка, заикаясь проговорила Роза. — Вотъ почему всѣ собираются. Я хочу, чтобы и вы тоже видѣли это.

— Выставка цвѣтовъ? насмѣшливо спросилъ мистеръ Сентъ-Джонъ.

— Да, поблекшихъ, проментала Роза, взявъ его за руку и таща за собой по лѣстницѣ.

Вся его фигура выражала нерѣшительность и смущеніе; еслибы не настойчивость молодой дѣвушки, которой онъ не могъ сопротивляться, изъ опасенія навлечь на себя упрекъ въ грубости, онъ, конечно, не пошелъ бы. Богъ вѣсть какъ и почему, въ умъ его промелькнуло въ эту минуту воспоминаніе о прошедшемъ: какъ нѣкогда онъ, Фредерикъ Сентъ-Джонъ, насильно тащилъ одного школьнаго товарища къ ихъ общему умиравшему другу.

На верху лѣстницы ихъ встрѣтила Мери Карръ съ маленькимъ запечатаннымъ пакетомъ въ рукахъ.

— Меня просили вчера передать вамъ это въ собственныя руки, мистеръ Сентъ-Джонъ, сказала она.—Я имѣю также и другое порученіе.

— Которое можете передать ему сейчасъ же, перебила Роза.

Онъ взглянулъ на пакетъ, на печать съ начальными буквами имени: A. de-C; и наконецъ, обернувъ пакетъ на другую сторону, посмотрѣлъ на странный, ломаный почеркъ.

— Неизящная надпись, безопасно замѣтилъ онъ, опуская пакетъ въ боковой карманъ своего платья.—Я не узнаю этого почерка.

— А между тѣмъ было время, когда вы хорошо его знали.

— Быть не можетъ! отвѣчалъ онъ.—По крайней мѣрѣ я не помню.

Они подошли къ дверямъ гостиной. Въ предчувствіи ожидаемаго зрѣлища, Роза съ ужасомъ оперлась на руку мистера Сентъ-Джона, какъ бы не разчитывая на свои собственные силы.

— Вы нездоровы! спросилъ онъ, смотря на ея блѣдное лицо.

— Маѣ дурно прошептала она. — Но это пройдетъ.

Когда они вошли, тѣло стояло прямо противъ нихъ на противоположномъ концѣ комнаты. Они не могли сразу различить его за толпившимся передъ ними народомъ. Впрочемъ, благодаря своему высокому росту, мистеръ Сентъ-Джонъ увидалъ его скорѣе нежели Роза.

— Кто это стоитъ тамъ и принимаетъ посѣтителей? быстро спросилъ онъ.—Точно будто... да нѣтъ, это невозможно! Неужели это Аделина?

— Да, это Аделина де-Кастелла, едва дыша отвѣчала Роза, а зубы ея дрожали какъ въ лихорадкѣ.—У нея сегодня приемъ.

Аделина *де-Кастелла*. Не странно ли звучало это имя въ ушахъ мистера Сентъ-Джона? Но почему не спросилъ онъ, не Аделина ли это де-ла-Шассъ?

— Вы обманули меня, миссъ Дарлингъ, строго сказалъ онъ: — Вы увѣрили меня, что здѣсь не будетъ ни одного изъ членовъ семейства де-Кастелла. Скажите, что это значитъ?

— Да ихъ и нѣтъ здѣсь, прошептала Роза, лицо и губы которой были такъ же блѣдны, какъ у мертвой.

— Нѣтъ здѣсь! а развѣ это не Аделина?

— Да, это Аделина, прошептала Роза.—Но она не будетъ говорить съ вами. Вы... вы только мимоходомъ посмотрите на нее, какъ смотреть на картину. Вернуться назадъ теперь невозможно, даже еслибы вы и захотѣли: посмотрите, какая толпа народа! Но довѣрьтесь мнѣ хоть разъ въ жизни, мистеръ Сентъ-Джонъ, прибавила она, хватая его за руку:—Аделина не будетъ говорить съ вами, не будетъ, клянусь вамъ жизнью!

Частию отъ невозможности вернуться назадъ, потому что они шли въ той линіи, которая подвигалась впередъ, а не въ той, которая возвращалась назадъ, — частию изъ уваженія къ мольбамъ Розы Дарлингъ, а наконецъ и ради собственнаго въ высшей степени возбужденнаго любопытства, мистеръ

Сентъ-Джонъ продолжалъ идти впередъ, по временамъ бросая взглядъ на стоявшую передъ ними неподвижную фигуру, мимо которой проходили посѣтители.

— Можетъ ли статья, чтобъ это была Аделина! невольно воскликнулъ онъ.— Но какое сходство! Кто же это? Чтѣ это такое? Какой у нея странный видъ!

— Она была больна, какъ видите, дрожа проговорила Роза,— и очень похудѣла. Но это Аделина.

Въ эту минуту они почти поровнялись съ трупомъ. Роза, еще не смѣя взглянуть на покойницу, прижалась къ рукѣ мистера Сентъ-Джона; а онъ смотрѣлъ на Аделину, и его лицо, обыкновенно блѣдное, стало еще блѣднѣе.

О, въ какое роскошное, длинное платье нарядили ее! То было вѣнчальное платье изъ бѣлаго атласа, украшенное дорогими бѣлыми кружевами, бѣлыми цвѣтами и лентами, надѣтое на покойницу, изнуренную страданіями и болѣзнію. Узенькая бѣлая атласная лента, поддерживая челюсть, крѣпко стагивала ее подбородокъ, но ея почти не видно было подъ волосами, вѣнкомъ и распущенною сзади вуалю. Даже въ самое цвѣтущее время Аделининой жизни не вились такъ изящно кудри по плечамъ, какъ вились онѣ теперь по ея блѣдымъ, впалымъ щекамъ. Но ни богатое платье, ни вьющіяся кудри, ни цвѣты и кружева, ничто не могло оживить мертвенныя черты или смягчить неподвижный взглядъ погасшихъ глазъ. А между тѣмъ въ обликѣ лица все еще было что-то невыразимо прелестное. Постороннему человѣку, подобно мистеру Сентъ-Джову, не посвященному въ эту тайну, Аделина показалась бы только больною и странною; и могъ ли мистеръ Сентъ-Джонъ, не имѣвшій понятія объ этомъ обычаѣ, угадать истину? Пришло ли ему въ голову, что Аделина стояла теперь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ впервые увидѣлъ ее годъ тому назадъ, и гдѣ разыгрался маленькій эпизодъ съ французскими ноготками? Поразило ли его зловѣщимъ предчувствіемъ мрачное молчаніе, царствовавшее въ комнатѣ, и не напомнило ли оно ему скорѣе похороны, или смертный одръ, нежели веселый пріемъ? Онъ подошелъ къ уснувшей и остановился прямо противъ нея, между тѣмъ какъ Роза, стоя позади его, дрожала какъ въ лихорадкѣ. Вѣроятно позабывъ объ увѣреніи Розы, что Аделина не станетъ говорить съ нимъ, или просто дѣйствуя подъ впечатлѣніемъ минуты, онъ машинально протянулъ ей руку, но отвѣта не было. Мистеръ Сентъ-Джонъ

стоялъ какъ вкопанный, окидывая ее быстрымъ взглядомъ. Сначала взглядъ его палъ на роскошныя, кружевные воаны ея платья, потомъ устремился на ея лицо, которое онъ могъ рассмотреть только теперь, на суровыя, неподвижныя черты, на мертвенный взоръ стеклянныхъ глазъ: и ужасная истина какъ молнія сверкнула въ головѣ его, поразивъ его ужасомъ и дурнотою.

Не Аделима де-Кастелла стояла передъ нимъ, а только мертвое тѣло ея.

Сентъ-Джонъ былъ человекъ съ крѣпкою волей; онъ умѣлъ сдерживать свои чувства и сохранять самообладаніе, но тутъ онъ зашатался и въ изнеможеніи припалъ къ стѣнѣ, у которой стояла уснувшая. Испуганная Роза, боясь за послѣдствія своего поступка, ударила въ слезы, стала на колѣни и начала оттирать его руки.

— Отворите окна, дайте немного воздуху, крикнулъ маленькій Monsieur Durante, пріѣхавшій издалека нарочно чтобы видѣть это зрѣлище.—Съ джентльменомъ сдѣлался припадокъ.

— Ни чуть ни бывало, отвѣчалъ какой-то Англичанинъ, бывшій въ числѣ посѣтителей,—ему просто дурно, вотъ и все: не тревожьтесь, миссъ. Онъ вѣрно пришелъ сюда, не ожидая подобнаго зрѣлища, и это потрясеніе было ему не подъ силу. А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, престранный обычай! Смотрите: ему уже лучше.

Мистеръ Сентъ-Джонъ очнулся; онъ медленно всталъ, отрезвился, и бросивъ послѣдній, долгій, жадный взглядъ на уснувшую, прижнулся къ толпѣ, возвращавшейся назадъ. Но тутъ его остановила миссъ Карръ: она еще не передала ему порученія Аделимы.

— Адресъ на пакетѣ сдѣланъ ея собственною рукою, мистеръ Сентъ-Джонъ, пролепетала Мери;—она надписала его вчера за нѣсколько часовъ до своей смерти. Она поручила мнѣ также сказать вамъ, что вы найдете въ пакетѣ все, кромѣ кольца, которое никогда не покидало ея пальца, съ тѣхъ поръ какъ вы сами надѣли его, и которое будетъ похоронено вмѣстѣ съ нею, и что она оставалась вамъ вѣрно до самой смерти.

Мистеръ Сентъ-Джонъ слушалъ разсѣянно, кивалъ головой, какъ человекъ, не понимающій того что ему гово-

рять, и только безсознательно потрогивалъ боковой карманъ своего платья, гдѣ лежалъ пакетъ.

— Есть еще нѣчто, продолжала Мери,—но я не рѣшусь говорить объ этомъ здѣсь. Быть-можетъ, послѣ?

Онъ опять молча и разсѣянно кивнулъ головой и снова примкнулъ къ толпѣ, которая, посмотрѣвъшись до-сыта, выходила изъ комнаты.

— А какой красавецъ, воскликнулъ Monsieur Durante, съ восхищеніемъ слѣдя глазами за Сентъ-Джономъ.—Но онъ очень блѣденъ; видно, еще не совсѣмъ пришелъ въ себя.

— Не диво ли, что такой красивый и крѣпкій молодой человекъ могъ свалиться какъ снапъ при видѣ трупа! замѣтилъ сосѣдъ.—*Qu'ils sont drôles ces Anglais-là!*

ХІІІ. Позднее раскаяніе.

Роза Дарлингъ выбралась изъ толпы вслѣдъ за мистеромъ Сентъ-Джономъ, безъ котораго боялась остаться въ этой мрачной комнатѣ. Они спустились внизъ по лѣстницѣ вмѣстѣ съ толпой, хотя молчаливою и сдержанною, но все-таки толпой, а потомъ Роза ввела его въ уютную комнату, служившую на этотъ день убѣжищемъ для нея и для Мери Карръ.

Мистеръ Сентъ-Джонъ сѣлъ, облокотясь и склонивъ голову на руку. Притворяться равнодушнымъ послѣ такого удара онъ не могъ; онъ всегда держалъ себя независимо, не подчиняясь ложнымъ тонкостямъ свѣта. Роза тихо вышла изъ комнаты и принесла ему рюмку вина, но онъ отказался, покачавъ головой. Мери Карръ не было съ ними. Она думала, какъ въ послѣдствіи оказалось, что онъ уже уѣхалъ.

— Когда она умерла? былъ его первый вопросъ.

— Нынче въ ночь, за нѣсколько минутъ до двѣнадцати часовъ.

— Въ то самое время, какъ я взошелъ на палубу парохода въ Фокстонъ, прошепталъ онъ самъ себѣ.— Для чего же она стоитъ тамъ, Роза? одѣтая такъ странно? Что они съ ума сошли, что ли?

— Таковъ, повидимому, обычай во Франціи, но я никогда не слыхала о немъ прежде, отвѣчала Роза.— Чу! слышите, какъ шумитъ толпа?

Онъ задрожалъ при одномъ воспоминаніи, но тотчасъ же овладѣлъ собой. Роза развязала черныя левты своей соломяной шляпки и положила ее на столъ.

— Я полагаю, мы оба въ траурѣ по одному и томъ же лицѣ, сказала она, замѣтивъ узкую полоску чернаго крена на его шляпѣ: — по маленькомъ Джорджѣ Сентъ-Джонѣ, не правда ли?

— Да, коротко отвѣчалъ онъ. — Отъ чего она умерла?

— Отъ чахотки, сказали бы вамъ доктора. А я ужъ помолчу объ ея разбитомъ сердцѣ.

Мистеръ Сентъ-Джонъ ничего не отвѣчалъ. Роза продолжала:

— Съ той минуты какъ у нея порвался кровяной сосудъ, погибла всякая надежда на ея выздоровленіе. Но въ одно время она такъ было поправилась, что даже я стала надѣяться.

Онъ взглянулъ на Розу; ея слова, повидимому, возбудили его любопытство.

— Когда же порвалась эта артерія?

— Это случилось въ Бофуа, когда, битье да, такъ, въ тотъ самый день, когда вы были тамъ въ послѣдній разъ, мистеръ Сентъ-Джонъ, почти что у васъ на глазахъ. Помните то утро, когда вы ушли отъ насъ и не возвращались болѣе? Замѣтили ли вы, какъ Аделина бѣжала за вами по террасѣ, умоляя васъ остановиться? Замѣтили ли вы, какъ она упала на траву, какъ будто отъ усталости?

— Мнѣ кажется, замѣтилъ, сказалъ онъ, отвѣчая на ея предпослѣдній вопросъ.—Я видѣлъ, что она шла за мной по террасѣ.

— Тогда-то и произошелъ разрывъ артеріи, вѣроятно отъ излишняго волненія. Еслибы вы хоть разъ оглянулись назадъ, вы увидѣли бы случившееся. Я никогда не забуду этого зрѣлища. Сначала я думала, что она оступилась, потому, что она шутя стала на колѣни, но когда я подошла къ ней, я поняла все. Останьтесь вы на одну минуту долѣе, и вы увидали бы всю семью, собравшуюся на лугъ. Ее немедленно внесли въ комнаты и послали за докторами. Нужно было видѣть общее смятеніе! Ей казалось, что она умираетъ, и я убѣждена, что главнѣйшимъ желаніемъ ея сердца было видѣть васъ.

— Отчего же вы не прислали за мной?

— Мы послали. Я даже написала вамъ записку, которую Луиза отнесла на мызу. Но васъ уже тамъ не было, а мадамъ Баретъ была какъ помѣшанная.

— Вы могли написать ко мнѣ въ Англію.

— Конечно, могла бы, еслибы знала что вы въ Англіи. Но почему же мнѣ было знать это? Я, пожалуй, вздумаю написать на лулу, такъ вѣдь и туда нуженъ адресъ! Такимъ образомъ недѣли шли за недѣлями, мистеръ Сентъ-Джонъ, а мы не имѣли отъ васъ ни полслова и не знали гдѣ вы, въ Англіи ли, въ другой ли части свѣта, или на днѣ моря.

— Стало-быть, она не вышла за де-ла-Шасса!

Эти слова вырвались у него скорѣй въ видѣ замѣчанія нежели вопроса. Роза, чувствуя въ себѣ близкій припадокъ ироніи, отвѣчала:

— А вамъ хотѣлось бы, чтобы за него отдали умирающую? Доктора тутъ же объявили, что ничто не можетъ спасти ее. По крайней мѣрѣ таково было ихъ мнѣніе. Недугъ, таившійся въ ней до тѣхъ поръ, вдругъ развился вслѣдствіе послѣдняго потрясенія и сложилъ ее въ постель. Даже при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ,—а я полагаю, что счастье для нея заключалось въ надеждѣ стать вашею женой, саркастически прибавила Роза,—она долго не важила бы. Де-ла-Шассъ видѣлъ ее лишь на нѣсколько минутъ въ день назначенный для ихъ свадьбы, и конечно, выказалъ большое участіе; но я не думаю, чтобы онъ слишкомъ сокрушался объ этомъ.

— И съ тѣхъ поръ она была больна?

— Постоянно. Болѣзнь то усиливалась, то ослабѣвала. Иногда, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль сряду, она бывала при смерти; потомъ ей опять становилось лучше, но какъ бы то ни было, болѣзнь шла впередъ. Знаете ли, что я скажу вамъ, Фредерикъ Сентъ-Джонъ, взволнованно продолжала Роза, близеховько подходя къ нему,—вы ни на минуту не выходили у нея изъ памяти; ея несчастная любовь къ вамъ не покидала ее ни днемъ, ни ночью, а страстное желаніе видѣть васъ передъ смертью—желаніе, которому не суждено было осуществиться, томилло ее ежечасно.

— Почему же вы не дали знать мнѣ? Какъ будто вы не могли написать? рѣзко спросилъ онъ, и въ голосѣ его слышно было страданіе.

— Впервыехъ, я уже сказала вамъ, что не знала вашего

адреса. А ввотрыхъ, Аделина не позволила мнѣ писать. Она воображала, что вы не хотите болѣе ее видѣть, что вы, быть-можетъ, и не поѣхали бы, еслибъ она позвала васъ. А я,—Роза остановилась на минуту и съ сердцемъ сжала губы,—я дала бы отрѣзать себѣ языкъ за прошлую болтливость. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что самымъ горькимъ осадкомъ въ чашѣ страдающей Аделины была мысль о Сарѣ Боклеркъ.

У Сентъ-Джона вырвалось восклицаніе.

— И о вашей любви къ ней... Повторяю вамъ, что я лучше бы задушила Сару Боклеркъ и себя вмѣстѣ съ ней, чтобы только не произносить ея имя при Аделинѣ. Не будь этого, не вообрази себѣ Аделина, что чувства ваши принадлежатъ Сарѣ, избранницѣ вашего сердца, она послала бы за вами на край свѣта для послѣдняго прощальнаго свиданія.

Онъ сидѣлъ, опершись головой на руку и устремивъ глаза на огонь въ каминѣ.

— Чтò за несчастная путаница! проговорилъ онъ.—Цѣлая вереница недоразумѣній. Сара Боклеркъ!

— Въ подобную минуту вы конечно простите мнѣ одинъ вопросъ; скажите: вы женитесь на Сарѣ Боклеркъ?

— Я никогда не искалъ ея руки. Было время, когда она мнѣ нравилась, но это не пошло далѣе. А съ тѣхъ поръ какъ я расстался съ Аделиной, я ужь ни о комъ не думалъ.

— Нѣсколько времени тому назадъ, медленно заговорила Роза,—я получила изъ Лондона письмо, въ которомъ имя ваше стояло подлѣ имени миссъ Сары Боклеркъ. Мнѣ писали, что вы преслѣдуете ее какъ тѣнь.

— Кто же это писалъ вамъ?

— Чтò вамъ за дѣло? Одна дама.

— Ваша корреспондентка была въ ужасномъ заблужденіи, Роза, и вы можете это сказать ей для ея успокоенія. Сара Боклеркъ дѣйствительно выходитъ замужъ, только не за меня.

— За кого же?

— За лорда Рейнора.

Роза выразила свое удивленіе возгласами; она думала, что Сара Боклеркъ будетъ избранницей Фредерика Сентъ-Джона; она была такъ увѣрена въ этомъ! А онъ сидѣлъ молча, не слушая ея возгласовъ: воспоминанія прошлаго толпились передъ нимъ. Чтò онъ готовъ былъ полюбить Сару Боклеркъ—

это не подлежало никакому сомнѣнію; и не встрѣтятся онъ съ Аделиной, чувство это могло бы развиться и созрѣть. На вечерѣ у леди Ревель, о которомъ Маріанна писала Розѣ, онъ узналъ, что она, то-есть Сара, выходитъ замужъ за виконта Рейнора, человѣка уже давно ее любившаго. Она сама объявила объ этомъ Сентъ-Джону. Спокойнымъ, холоднымъ, даже рѣзкимъ тономъ заговорила она съ нимъ о его предполагаемой женитьбѣ на mademoiselle де-Кастелла, быть-можетъ, съ цѣлью упрекнуть его, или найти въ этомъ оправданіе для своего собственнаго замужества. Какъ бы то ни было, для нихъ исчезла теперь всякая возможность когда-либо соединиться между собою, но Фредерикъ Сентъ-Джонъ не сожалѣлъ объ этомъ. Онъ думалъ только объ одной Аделинѣ.

— О, еслибъ Аделина знала это! прошептала Роза сквозь слезы неподдѣльной горести. — Неужели вы не слышали, что она умираетъ, мистеръ Сентъ-Джонъ?

— Ничего не слыжалъ.

— Были ли вы въ Англіи съ тѣхъ поръ какъ уѣхали отъ насъ?

— Изъ Бофуа я прямо отправился въ Лондонъ, повидался тамъ съ братомъ Исаакомъ, переговорилъ съ нимъ обо всемъ и проводилъ его въ замокъ Веферъ. Оттуда я поѣхалъ въ Шотландію охотиться за ланями; изъ Шотландіи съѣздивъ еще разъ въ Лондонъ для свиданія съ матерью. Передъ Рождествомъ прожилъ тамъ еще цѣлую недѣлю и оттуда проводилъ мою мать въ замокъ Веферъ. Вотъ и все, Роза. А объ Аделинѣ я ничего не слыжалъ.

— Быть-можетъ, вы нарочно уклонялись отъ всякихъ извѣстій.

— Оно такъ и было.

— Ужь это, значитъ, характерецъ!

— Вы правы, Роза. Всякій проступокъ самъ себя и наказываетъ.

— Мы слышали, что вы вернулись тогда къ тетущкѣ Баретъ въ страшномъ бѣшенствѣ, замѣтила Роза, безпощадно касаясь самыхъ щекотливыхъ предметовъ.

— Тогда я думалъ, что имѣю право на это. Впрочемъ, я и теперь не знаю, почему Аделина меня отвергла.

— Мери Карръ объяснитъ вамъ это. Бѣдная, бѣдная Аделина! Она съ радостію отдала бы остатки жалкихъ дней

своихъ, чтобъ имѣть право открыть вамъ все и оправдать себя въ вашихъ глазахъ. Дѣло въ томъ, прибавила Роза послѣ небольшого молчанія,—что браку этому воспротивилась церковь, и Аделину клятвенно обязали хранить молчаніе. До нынѣшняго дня я и сама ничего не знала. Аделина думала о васъ до послѣдней минуты, мистеръ Сентъ-Джонъ, и умирая, вымолила у отца позволеніе открыть вамъ истину. Мери поручено было это сдѣлать.

Глаза мистера Сентъ-Джона сверкнули гнѣвомъ:

— А! такъ это были продѣлки отца Марка!

— Вѣроятно, такъ. Онъ очень любилъ Аделину и, конечно, воображалъ, что бракъ съ еретикомъ погубитъ ее и въ здѣшней, и въ будущей жизни. Впрочемъ, вы не должны почитать его за это: на его мѣстѣ вы сдѣлали бы то же самое, еслибъ были, какъ онъ, преданы своей вѣрѣ. Отецъ Маркъ одинъ изъ самыхъ приятныхъ болтуновъ въ мірѣ. Послѣ вашего отъѣзда онъ часто приходилъ навѣщать Аделину, и я чуть-чуть не влюбилась въ милого старичка.

Въ другое, менѣе горькое время, мистеръ Сентъ-Джонъ, вѣроятно, спросилъ бы себя: „станетъ ли Роза когда-нибудь посерьознѣе?“

— И я увѣрена, что болтовня его развлекала Аделину, продолжала она.—Въ эти минуты она какъ бы забывала о своихъ страданіяхъ. Но какъ ни велико было ваше негодованіе, мистеръ Сентъ-Джонъ, могли ли вы сомнѣваться въ томъ, что любовь ея всецѣло принадлежитъ вамъ?

Кто знаетъ? можетъ-быть, въ глубинѣ души своей онъ никогда не сомнѣвался въ этомъ. Онъ сидѣлъ теперь подавленный воспоминаніями, углубившись въ прошедшее и скорбно жавъ свои красивыя, тонкія губы.

— Какъ жаль, что нѣтъ ея портрета! продолжала Роза, безъ всякаго злаго умысла, но единственно изъ легкомыслія.— А тотъ, что былъ снятъ вами, вы сами испортили.

— Полноте, Роза!

Слова эти вырвались у него стономъ. Раскаяніе его и безъ того было слишкомъ велико, чтобъ еще увеличивать его упреками. У Розы было доброе сердце: слова Сентъ-Джона, особенно тонъ, которымъ они были сказаны, заставили ее замолчать. Она сидѣла, размышляя о своемъ легкомысліи и играя лентами своей шляпки, лежавшей подлѣ нея на столѣ.

Не продолжительное молчаніе было не въ ея натурѣ. Нѣ что,—быть-можетъ черныя ленты ея шляпки,—дало ея мыслямъ другое направленіе; да притомъ ей и не хотѣлось болѣе говорить объ Аделинѣ.

— Не рокъ ли это преслѣдовалъ ихъ, какъ подумаетъ? Всѣ трое умерли одиныхъ за другими! вдругъ воскликнула она.

Мистеръ Сентъ-Джонъ очнулся отъ своего горькаго раздумья и посмотрѣлъ на нее вопросительно.

— Кто трое? спросилъ онъ.

— Я думала объ Анвикѣ. Сначала умеръ мистеръ Карлтонъ Сентъ-Джонъ, а потомъ и оба мальчика. Вѣроятно, вы теперь наслѣдникъ?

— Нѣтъ: мой братъ. Тутъ въ самомъ дѣлѣ что-то роковое, какъ вы говорите.

— Много ли Шарлотта получила на свою долю?

— Право, не знаю, не думаю чтобы много.

— А какъ она разчитывала на то, чтобы стать леди Сентъ-Джонъ!

— Въ томъ-то, кажется, и проходитъ бóльшая часть нашей жизни, замѣтилъ онъ, — что мы разчитываемъ на вещи, которыя никогда не осуществяются.

— Вы не видали ея съ тѣхъ поръ?

— Видѣлъ. Пріѣхавъ передъ Рождествомъ въ Лондонъ, я узналъ, что она живетъ у мистрисъ Дарлингъ, и былъ у нихъ съ визитомъ.

— Каковъ у нея былъ видъ? Какъ она вамъ показалась? жадно разспрашивала Роза.

— Она показалась мнѣ совершенно здоровою. Правда, немножко худоцава, но бодрая такая, здоровая.

— Не замѣтили ли вы въ ней какого-нибудь особеннаго раздраженія?

— Напротивъ. Она поразила меня своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ. Мнѣ въ первый разъ пришлось видѣть такую женщину.

— А понравилось вамъ ея лицо?

— Этого мало, я назвалъ ее прекрасною.

— А что вамъ говорила обо мнѣ мамаша? Да ужъ кстати и Маргарита съ Маріанной? Вѣрно, много дурнаго. Онѣ всегда бранятъ меня.

— Я не видалъ ихъ. Мистрисъ Карлтонъ Сентъ-Джонъ

сказала, что онѣ ушли въ гости къ какой-то старой подругѣ.

— Ну, потеря не велика. Мамашу вы знаете; противъ нея я ничего не имѣю, хотя ей право грѣшно держать меня до сихъ поръ въ пансіонѣ: но Маріанна и Маргарита пренесносныя и пречопорныя старыя дѣвы. Конечно, имъ ужъ подѣ тридцать! Недавно, чтобы наказать ихъ за неумѣстное вмѣшательство, я послала каждой по чепцу. Лотти Сигль-тонъ и отвезла имъ эту посылку. То-то они залились!

Онъ слабо улынулся.

— Гдѣ же теперь будетъ жить Шарлотта? снова начала Роза.—Вы ничего не слышали?

— Ничего. Кажется, Исаакъ писалъ къ ней, прося ее возвратиться въ Анвикъ и оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока ей заблагоразсудится. Но она отказалась.

— Лишь бы не вздумала переселиться къ намъ, сохрани Господи, закричала Роза, откинувъ назадъ свои золотыя кудри.—Шарлотта всегда любила командовать, а теперь особенно. Вы точно увѣрены, что не замѣтили въ ней никакого раздраженія? вдругъ спросила она послѣ минутнаго молчанія.

— Къ чему вы это спрашиваете? На мои глаза она была даже неестественно спокойна.

— Мнѣ кажется, я рѣшусь открыть вамъ все, сказала легкомысленная дѣвушка.

И тутъ она сообщила мистеру Сентъ-Джону все слышанное ею отъ мистрисъ Брайфордъ. Конечно, она поступила весьма неосторожно, но безъ всякаго дурнаго умысла. Она была убѣждена, что горе подѣйствовало на разсудокъ Шарлотты такъ, какъ дѣйствуютъ горячка и бредъ. Вотъ все, что она думала о ея положеніи, хотя на словахъ она, какъ водится, много преувеличивала. Разказъ Розы, къ величайшему ея удивленію, произвелъ сильное впечатлѣніе на Фредерика Сентъ-Джона, такъ что онъ позабылъ на минуту о своемъ собственномъ горѣ.

— Не можетъ быть, Роза, чтобы Шарлотта... чтобы ваша сестра была сумашедшая въ то время когда умеръ ребенокъ! сказалъ онъ.

— Именно сумашедшая. Иначе съ чего бы ей видѣть его призракъ? То-есть не ея сына, а маленькаго наследника Анвикскаго, Веню. Она постоянно видѣла его передъ собой съ зажженною церковью въ рукахъ, съ тою самою бумажою

церковью, что была причиною его смерти. Съ ней дѣлались отъ этого ужасные припадки, которые чуть не на смерть пугали Джорджика.

Мистеръ Сентъ-Джонъ ничего не отвѣчалъ. Устремивъ глаза на Розу, онъ обдумывалъ ея слова.

— Это мнѣ сказала мистрисъ Брайфордъ, сидѣлка, ходившая весной за Аделаидой. Вы, вѣроятно, слышали, что она увѣжала изъ Бельпорта съ мистрисъ Карльтонъ Сентъ-Джонъ для присмотра за Джорджемъ. Но я увѣрена, что она не все мнѣ высказала, прибавила Роза, припоминая прошедшее:— она какъ будто утаила что-то. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ показалось въ то время.

— У сестры вашей, вѣроятно, была горячка, замѣтилъ мистеръ Сентъ-Джонъ.

— Просто сумашествіе, отвѣчала Роза.— Тутъ во Франціи, въ какомъ-то городишкѣ, есть, говорятъ, престранный обычай: наканунѣ Мартинова дня жители выходятъ ночью съ роговою музыкой и зажженными бумажными фонарями и такимъ образомъ расхаживаютъ по улицамъ нѣсколько часовъ сряду. И случись же Шарлоттѣ заѣхать туда именно въ эту ночь: она дождалась парохода, отправлявшагося въ Лондонъ. Фонари были различной формы, съ различными надписями, и многіе изъ нихъ имѣли форму церквей; когда началась процессія, Шарлотта, сидя въ своей комнатѣ, увидала ее изъ окна. Отъ страха съ ней сдѣлался ужасный припадокъ, шепотомъ продолжала Роза.— А когда она пришла въ себя, то была какъ помѣшанная и воображала, что тысячи Веней идутъ ее мучить. Прежде, когда приближался подобный припадокъ, Прянсъ всегда высылала Брайфордъ изъ комнаты; но тутъ она не могла этого сдѣлать, потому что Шарлотту нужно было держать: такъ она бѣсновалась.

— Какъ это странно, сказалъ мистеръ Сентъ-Джонъ.

— Вотъ почему я и спрашивала у васъ, не замѣтали ли вы въ ея обращеніи чего-нибудь особеннаго, какого-нибудь волненія, или раздраженія. Конечно, я не могу объ этомъ писать и спрашивать у нашихъ. Мнѣ говорятъ, что Шарлотта здорова, но еслибы съ ней и сдѣлалось что-нибудь, я увѣрена, что мнѣ этого не скажутъ, а я люблю знать всю подноготную. Ужь на этотъ-то счетъ я истинно по маменькѣ пошла!

— Роза, лучше бы вамъ не говорить этого мнѣ.

— А что такое? воскликнула Роза, широко раскрывая глаза. Слова эти вырвались у него бессознательно, но удивленный тонъ Розы вызвалъ его изъ задумчивости, и онъ снова очнулся.

— Я не могу равнодушно слышать о страданіяхъ женщины. А ваша сестра, должно-быть, много вынесла.

— О, да, бѣдняжка, я воображаю! Я не стану больше бранить ее и надѣюсь, что это помѣшательство прошло теперь.

— Она казалась совершенно здоровою. Я не замѣтилъ въ ней ни малѣйшихъ слѣдовъ сумашествія. Это, вѣроятно, была горячка. Знаете ли, Роза, будь я на вашемъ мѣстѣ, я никогда не сталъ бы говорить объ этомъ.

— Да я никому и не говорила, кромѣ васъ. Смѣю васъ увѣрить, что еслибы меня завтра же обѣщали сдѣлать императрицей, я и тутъ не сказала бы этого мамашѣ; она бы славно оттузила меня, какъ бывало въ дѣтствѣ.

Мистеръ Сентъ-Джонъ всталъ.

— Вы ничего болѣе не имѣете сообщить мнѣ, Роза?

Роза очень хорошо понимала, что онъ намекаетъ на Аделину, но отвѣчала, что покажеться ничего не имѣеть сказать ему. Вѣроятно, Мери Карръ увидится съ нимъ въ послѣдствіи.

Онъ пожалъ ей руку и уже собирался уйди, когда въ комнату вошла миссъ Карръ. Увидавъ мистера Сентъ-Джона, Мери вскрикнула отъ удивленія.

— Я думала, что вы уже уѣхали, сказала она.— Не хотите ли навѣстить со мной старую мадамъ де-Бофуа? Я сейчасъ отъ нея и говорила ей, что вы были здѣсь; она очень сожалѣетъ, что не видала васъ, и заплакала, вспоминая о томъ счастливомъ, невозвратномъ времени, когда вы были ихъ общимъ любимцемъ.

Не желая встрѣчаться съ кѣмъ-либо изъ семейства де-Кастелла, особенно въ этотъ день, мистеръ Сентъ-Джонъ неохотно послѣдовалъ за Мери Карръ. Посѣтителю все еще продолжали толпиться на лѣстницѣ: одни шли наверхъ, другіе внизъ.

Мадамъ де-Бофуа сидѣла въ своей комнатѣ: во Франціи есть обыкновеніе принимать гостей въ спальнѣ. Это была большая, изящно-меблированная комната съ кроватью, покрытою голубымъ одѣяломъ стеганого атласа, и большими четырехъугольными подушками изъ тончайшаго кембрика,

обшитыми дорогами мехельскими кружевами. Пока старушка протягивала руку мистеру Сентъ-Джону и усаживала его подлѣ каминъ, горячія слезы струились по ея морщинастому, но все еще прекрасному лицу.

— Ахъ, другъ мой любезный! воскликнула она, заговоривъ съ нимъ по-английски:—отдай они ее за васъ, не то бы теперь было. Сколько разъ говорила я Маріи, чтобъ ея не разлучали съ Фредерикомъ Сентъ-Джовомъ. Но моя бѣдная дочь ничего не могла сдѣлать; въ ней не было ни малѣйшаго ханжества; это все помы надѣлали. А впрочемъ, должно вѣрить, что Богъ все устраиваетъ къ лучшему, хотя бѣдная Аделина и поплатилась за это жизнью.

Сентъ-Джонъ слушалъ ее молча, не проронивъ ни одной слезы; горе его было слишкомъ глубоко для внѣшняго проявленія, но оно сказывалось въ каждой складкѣ, въ каждой чертѣ его суроваго, скорбнаго лица.

— Видитъ Богъ, что не этого желалъ я, тихо отвѣчалъ онъ. — Впрочемъ, говорятъ, никакое счастье, никакія заботы не могли бы спасти ея.

— Полно! отвѣчала старушка. — Величайшею ошибкой съ ихъ стороны было то, что они не перевезли ея заблаговременно на югъ. Будь это сдѣлано, да отдай они ее за васъ замужъ, она прожила бы еще долго. Я не говорю, что она дотянула бы до глубокой старости, — на этомъ-то они и настаиваютъ теперь всего болѣе,—но, по крайней мѣрѣ, бѣдняжка извѣдала бы счастье и не была бы такъ рано скошена смертію.

Несмотря на горе раздиравшее его душу, Сентъ-Джонъ невольно подумалъ, что все дѣлается къ лучшему. Останься Аделина въ живыхъ, она, быть-можетъ, передала бы его дѣтямъ свое слабое, хрупкое сложеніе.

— Вѣдь вы любили ее, мистеръ Сентъ-Джонъ?

— Всѣмъ сердцемъ, всею душой.

— Охъ-охъ, а ужъ какъ она-то васъ любила! И къ чему было разлучать васъ? Да и мы-то всѣ васъ любилн. Что до меня касается, продолжала добрая старушка,—хоть объ этихъ вещахъ и не совсѣмъ-то ловко говорить, однако я того мнѣнія, что всѣ религіи хороши, лишь бы человекъ исполнялъ свои обязанности. Она точно также могла бы попасть въ рай, будучи вашею женой, какъ и женой де-ла-Шасса, котораго я никогда не любила.

— Искренно вѣрю этому.

— Я сама приняла католическую вѣру единственно изъ угожденія мужу и его семьѣ, но это нисколько не приблизило меня къ раю. Опять-таки скажу, что не для чего было жертвовать Аделиной. Я слышала, что вы когда-то взглянуть на нее?

— Да. Но я не зналъ какое зрѣлище ожидало меня.

— Слыхавное ли это дѣло! Что за варварскій обычай! Но Марія ничего не хотѣла слышать, и Агнеса ее поддерживала. Удивляюсь, какъ допустилъ это сивѣоръ. Но ужь меня они туда не замаятъ. Я прощусь съ моею бѣдною внучкой сегодня вечеромъ, когда ее положатъ въ гробъ; а видѣть ее дѣйствующимъ лицомъ въ этой комедіи не хочу, ни за что не хочу.

Рѣчь старушки была прервана появленіемъ госпожи де-Кастелла. Она ничего не знала о присутствіи Сентъ-Джона и сначала хотѣла-было удалиться. Но потомъ одумалась, и зарыдавъ, протянула ему обѣ руки. Общая скорбь ихъ вылилась нѣсколькими отрывочными перемолвками, но подъ конецъ сцена эта стала невыносимою для мистера Сентъ-Джона. Госпожа де-Кастелла громко, истерически рыдала, а слезы ея матери струились тихо и не слышно. Онъ почти молча простился съ ними.

— Не хотите ли вы быть на похоронахъ? спросила старушка. — Ее будутъ хоронить завтра.

— Завтра! машинально повторилъ онъ: по его англійскимъ понятіямъ, эта посѣшность была въ высшей степени неприлична.

— Завтра, въ одиннадцать часовъ утра.

— Быть-можетъ, мистеръ Сентъ-Джонъ не пожелаетъ присутствовать? рыдая, проговорила госпожа де-Кастелла. — Вѣдь и баронъ также пріѣдетъ.

— А пусть его пріѣзжаетъ! воскликнула старушка. — Ужели и теперь еще не кончена всякая вражда между вами? Будьте здѣсь завтра въ три четверти одиннадцатаго, другъ мой, если желаете проститься съ нею въ послѣдній разъ.

О, да, никакой вражды болѣе не было, и Сентъ-Джонъ не преминулъ явиться. Такихъ пышныхъ покоренъ давно не видали въ Бельвортѣ. Въ длинномъ ряду священниковъ выступалъ отецъ Маркъ; онъ узналъ Сентъ-Джона и вѣжливо раскланялся съ нимъ, какъ бы забывъ о прошед-

шемъ и о своемъ участіи въ этомъ дѣлѣ. Сивильоръ де-Кастелла шелъ за гробомъ съ непокрытою головою; за нимъ слѣдовали де-ла-Шассъ и еще одинъ изъ ближайшихъ друзей дома. Сентъ-Джонъ смѣшался съ толпой провожатыхъ и шелъ подлѣ графа де-Кока де-Монти.

— Вельма счастливъ, имѣя честь снова видѣть васъ, хотя жаль, что при такихъ грустныхъ обстоятельствахъ! заговорилъ болталивый графъ, подбѣгая къ мистеру Сентъ-Джону.—Что за ужасная болѣзнь эта чахотка! И де-ла-Шассъ тутъ! Воображаю, какъ тяжело ему лишиться такой очаровательной молодой дѣвушки.

Процессія двинулась сначала въ церковь, а потомъ на кладбище. Но несмотря на эту пышную обстановку, на большія восковые свѣчи, на блестящія распятія, на траурныя хоругви, не взирая на длинный рядъ священниковъ въ величественномъ облаченіи, на ихъ тихое пѣніе, слабо раздававшееся по улицамъ; не взирая даже на эту черную массу, мѣрно двигавшуюся впереди на рукахъ восьми носильщиковъ; и составлявшую самый рельефный предметъ въ шествіи; не взирая на свою грусть о томъ, что было сокрыто въ этомъ гробѣ,—о своей погибшей любви—мистеръ Сентъ-Джонъ невольно задумывался иногда о совершенно-постороннихъ вещахъ.

Любопытный разказъ Розы Дарлингъ о странностяхъ мистрисъ Карльтонъ Сентъ-Джонъ, слышанный имъ наканунѣ, неотступно ввязался въ его головѣ со словами Гоноріи Триттонъ, которая случайно проговорилась при немъ въ замкѣ Веферъ.

XIV. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

На дворѣ стоялъ августъ. Яркій солнечный день смѣнился сумерками, и въ гостиныхъ замка Веферъ засвѣтились огни. Послѣднія пять или шесть недѣль у Исаака Сентъ-Джона были гости, небольшой кружокъ друзей или, лучше сказать, родственниковъ. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли ихъ въ послѣдній разъ. Владѣлецъ замка Веферъ получалъ въ это время наследство, на которое такъ рассчитывала мистрисъ Карльтонъ Сентъ-Джонъ для своего собственного сына; да и здоровье его стало теперь гораздо

крѣпче нежели въ былые годы. Взгляните: вотъ онъ сидитъ въ самомъ отдаленномъ уголкѣ комнаты, за столомъ, покрытымъ книгами и освѣщеннымъ маленькою лампой подъ абажуромъ. Но теперь онъ не читаетъ, онъ съ кроткою улыбкой прислушивается къ словамъ прелестной молодой дѣвушки въ бѣломъ вечернемъ нарядѣ, которая, сидя подлѣ него, что-то тихо ему разказываетъ. Ея большіе голубовато-сѣрые глаза прямо засматриваютъ ему въ лицо, а съ прекрасныхъ бѣлыхъ плечиковъ скользитъ блестящая золотая цѣпочка, между тѣмъ какъ сама она нагибается къ нему и, повидимому, выпрашиваетъ какую-то милость; но сэръ-Исаакъ желаетъ ее помучить: онъ отрицательно качаетъ головой, хотя его ласковый взоръ и кроткая улыбка явно говорятъ другое. Мы уже знакомы съ этою молодою дѣвушкой: это миссъ Джоржина Боклеркъ, дочь декана Вестерберійскаго.

Но пусть замѣтитъ читатель какъ непріятно дѣйствуютъ эта улыбка и этотъ нѣжный взглядъ Исаака Сентъ-Джона на одну особу, сидящую поодаль. Граневый хрусталь люстры, — только одна люстра обыкновенно зажигалась въ замкѣ въ эти тихіе, лѣтніе вечера, — играетъ тысячами разноцвѣтныхъ огней и ярко освѣщаетъ лицо женщины съ гнѣвно сверкающими, черными глазами, которая полулежитъ въ голубомъ атласномъ креслѣ, не замѣчаемая никѣмъ. Но женщина это, или дѣвушка? Дѣйствительно, это черное шелковое платье съ гладкимъ открытымъ лифомъ и короткими рукавами, обшитыми узкимъ рюшемъ изъ бѣлаго крена, дѣлаетъ ее скорѣе похожею на дѣвушку; на видъ она почти такъ же моложава, какъ миссъ Боклеркъ. Но она уже не молода; ей стукнуло за тридцать, и читатель, вѣроятно, узналъ въ ней вдову Джорджа Карльтона Сентъ-Джона изъ Анвика. Въ замкѣ Вестеръ ее зовутъ мистрисъ Карльтономъ, въ отличіе отъ мистрисъ Сентъ-Джонъ, матери Фредерика, что намѣрены дѣлать и мы. Но ей болѣе нравится простое имя Шарлотты, потому что она терпѣть не можетъ фамиліи Карльтоновъ, принадлежавшей нѣкогда первой женѣ ея покойнаго мужа. Прямо подъ люстрой сидятъ мистрисъ Сентъ-Джонъ и мистрисъ Дарлингъ, обѣ занятая какимъ-то рукодѣльемъ. Мистрисъ Сентъ-Джонъ хотя и оправилась отъ своего прошлогодняго паденія, однако оно наложило на нее печать какой-то томности, и она частенько пре-

дается ей. Исаакъ Сентъ-Джонъ какъ нельзя болѣе радъ гостямъ: они развлекаютъ его мачиху (которую онъ чрезвычайно любитъ и уважаетъ) отъ ея мнимыхъ недуговъ. Последнее приключеніе съ лошадьми подѣйствовало на нее такъ сильно, что состарило ее лѣтъ на десять, и ей можно дать теперь около шестидесяти. Еще далѣе, болтая и смѣясь, мелькаютъ въ раскрытыхъ стеклянныхъ дверяхъ балкона Роза Дарлингъ съ Фредерикомъ Сентъ-Джономъ. Они то входятъ въ комнату, то снова удаляются на террасу, чтобы подышать ароматнымъ вечернимъ воздухомъ. Фредерикъ только что пріѣхалъ въ замокъ Веферъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія, которые онъ преимущественно провелъ въ Палестинѣ, а прочіе гости уже шесть недѣль какъ живутъ въ замкѣ Веферъ.

И какъ незамѣтно пролетѣли эти шесть недѣль! Искренно сочувствуя положенію мистрисъ Карльтонъ, Исаакъ сталъ убѣдительно звать ее къ себѣ въ гости и вѣжливо предложилъ мистрисъ Дарлингъ сопутствовать ей въ замокъ Веферъ съ одною изъ младшихъ дочерей. Мистрисъ Дарлингъ приняла предложеніе и привезла съ собою Розу. Двѣ другія дочери остались въ Беркширѣ съ своею старою бабушкой, которая процвѣтала какъ нельзя лучше и грозила дожить до ста. Тонко-деликатному Исааку Сентъ-Джону казалось, что онъ почти обидѣлъ Шарлотту Сентъ-Джонъ, наследовавъ имѣніе, которое принадлежало бы ея мужу и сыну, еслибы они остались въ живыхъ. Найдя онъ возможность упрочить за ней какимъ-нибудь деликатнымъ путемъ хорошій годовей доходъ, онъ сдѣлалъ бы это непременно. Онъ даже намекнулъ объ этомъ мистрисъ Дарлингъ, но та отвѣчала ему, что гордость Шарлотты не позволитъ ей принять это пожертвованіе. Впрочемъ, Исаакъ не переставалъ надѣяться и убѣждалъ Шарлотту не слѣдовать примѣру матери, уже собиравшейся въ обратный путь, и еще нѣсколько времени погостить у него въ замкѣ Веферъ. Мистрисъ Дарлингъ весь этотъ мѣсяць поговаривала объ отъѣздѣ, но завтра наступалъ послѣдній срокъ. Она увѣжала съ Розой въ Парижъ, а Шарлотта рѣшалась остаться въ замкѣ. Судьба ея дѣйствительно внушала сочувствіе. Потерявъ мужа, обожаемаго сына, и наконецъ, не только состояніе, но и положеніе въ свѣтѣ, которое она надѣялась упрочить за собой, выходя замужъ за владѣльца Анвика, она повеловѣ должна была

довольствоваться теперь самою окромяною жизнью. Здоровье ея опять поправилось: все ея грустное прошедшее, казалось, миновало какъ сонъ: она была прекраснѣе чѣмъ когда-либо, и пожирившій ее вѣкогда внутренній огонь теперь уже не изнурялъ ея болѣе. Мистрисъ Дарлингъ серьезно говорила съ ней о ея будущихъ планахъ: вѣчная мать ничего такъ не желала бы, какъ удержать при себѣ навсегда любимую дочь; но младшія возстали противъ этого намѣренія, въслѣдствіе чего произошелъ довольно крупный споръ. Роза, по обыкновенію, высказалась прямо и откровенно: она объявила, что если Шарлотта останется съ ними, такъ ужъ ей не дадутъ болѣе командовать; а Маріанна и Маргарита Дарлингъ съ своей стороны прибавили, что онѣ до тѣхъ поръ не вернутся отъ бабушки, пока имъ не очистятъ мѣста въ домѣ матери. Шарлотта возстановила ихъ противъ себя именно тою надменностію, о которой такъ явно говорила Роза. Мистрисъ Дарлингъ была въ большомъ затрудненіи; но такъ какъ она была женщина съ весьма уживчивымъ и мягкимъ характеромъ, то она не стала противорѣчить и предоставила рѣшеніе этого вопроса времени и случаю. Торопиться было не къ чему: пребываніе Шарлотты въ замкѣ Веферъ, противъ желанія самой мистрисъ Дарлингъ, должно было продолжаться на весьма неопредѣленное время.

Кто знаетъ, быть-можетъ, ей удастся плѣнить собой холостого владѣльца замка Веферъ? И кто знаетъ, не питала ли сама Шарлотта подобныя надежды? Мистрисъ Дарлингъ сдѣлалось, что оно такъ и есть; она отличалась самою тонкою провицательностію во всемъ касавшемся Шарлотты. Не взирая на свой горбъ, Исаакъ Сентъ-Джонъ былъ весьма привлекателенъ, такъ что любая красавица могла бы пожелать его себѣ въ мужа.

Мистрисъ Дарлингъ въ этотъ вечеръ вышивала что-то золотымъ бисеромъ по камѣ. И воикій разъ, когда поднимала голову чтобы надѣть на иглу золотую бисеринку, она украдкой посматривала на Шарлотту. Какъ спокойно сидѣла мистрисъ Карьтонъ въ своемъ креслѣ, сложивъ на колѣняхъ свои прекрасныя, вѣжныя руки. Еслибы не глаза ея, устремленные въ одинъ уголъ комнаты и по временамъ сверкавшіе гнѣвомъ, мистрисъ Дарлингъ считала бы ее совершенно спокойною. Повидимому, стараясь найти лучшее освѣщеніе для своей работы, мистрисъ Дарлингъ повернула свой стулъ

такъ, чтобы ни на минуту не терять изъ виду занимавшую ее сцену.

Въ это время Джорджина Боклеркъ, положивъ обѣ руки на руку сэръ-Исаака и приблизивъ къ нему свое прекрасное, умоляющее лицо, заемотривала ему прямо въ глаза своими выразительными сѣрыми глазами. А сэръ-Исаакъ, шутя, схватилъ ея руки и удерживалъ ихъ въ своихъ рукахъ. Въ комнатѣ было такъ тихо, что каждое слово раздавалось внятно и явственно.

— Стало-быть, вы общаете мнѣ это! приставала миссъ Боклеркъ.

Исаакъ засмѣялся и отрицательно покачалъ головой.

— Вы не знаете что это за неисправимый человекъ, Джорджина.

— Тѣмъ болѣе причиня, чтобы простить его.

— Еслибы деканъ былъ здѣсь, я увѣренъ, что онъ не сказалъ бы этого. Ему таки много пришлось повозиться съ нимъ, Джоржина.

— Вотъ почему я *васъ* и прошу, игриво и задорно воскликнула молодая дѣвушка. — Папаша отказалъ бы мнѣ наотрѣзъ, а вы не посмѣете. Вѣдь вы сами знаете, что *не смѣете*.

— А что дадите, если я скажу: да?

— Я вамъ позволю.... она повизила голосъ и засмѣялась.

Исаакъ нагнулся и поцѣловалъ ея розовую щечку. Поцѣловалъ такъ, какъ отецъ цѣлуетъ дочь; но она стыдливо уклонилась отъ него, покраснѣвъ до ушей, и украдкой взглянула на балконъ.

Какой-то тихій и гнѣвный возгласъ вырвался въ эту минуту изъ груди Шарлотты Карльтонъ, но она заглушила его внезапнымъ кашлемъ. Только ухо матери разслышало этотъ звукъ; только заботливые материнскіе глаза замѣтили, какъ неподвижныя руки дочери неволью сжались. Мистрисъ Дарлингъ выпрямилась на своемъ стулѣ и посмотрѣла въ ту сторону, куда устремлены были глаза Шарлотты.

— Получили ли вы сегодня обѣщанныя свѣдѣнія, сэръ-Исаакъ?

Сэръ-Исаакъ опять смѣялся — о, какъ замѣтно поправилось за это время его здоровье! — и не разсмыскалъ вопроса.

— Вы *мнѣ* говорите, мистрисъ Дарлингъ?

— Да, я васъ спрашиваю, получили ли вы табличку встрѣчныхъ поѣздовъ, которую вы обѣщали мнѣ достать?

— Брумъ получалъ ее. Я думалъ, что онъ уже передалъ вамъ этотъ листокъ. Я навѣрное знаю, что у него есть печатное подробное расписание всѣхъ часовъ и поѣздовъ.

— А вы не знаете, сэръ-Исаакъ, могу ли я сдѣлать этотъ обѣздъ?

— Кажется, нѣтъ, и вы не попадете въ Лондонъ завтра вечеромъ.

— О, Боже мой, какая тоска! Какъ неудобны эти поперечныя линіи! Еслибъ я могла остаться здѣсь!

— Я и самъ желалъ бы этого, подхватилъ сэръ-Исаакъ. — Уступите общему желанію, мистрисъ Дарлингъ, и оставайтесь. Да и что бы мы стали дѣлать, потерявъ миссъ Розу?

— Я охотно осталась бы, сэръ-Исаакъ, еслибы могла. Что же касается до Розы, то у васъ все-таки остается миссъ Боклеркъ?

— Кто призываетъ мое имя все? воскликнула Роза, выставляя изъ-за дверей свое хорошенькое, веселое личико.

Въ продолженіе послѣднихъ пяти минутъ Фредерикъ Сентъ-Джонъ находился внутри комнаты, а Роза стояла на порогѣ балкона. Между тѣмъ какъ онъ болталъ съ ней, глаза его случайно остановились на лицѣ мистрисъ Карльтонъ, и его поразило странное, почти гнѣвное выраженіе ея глазъ. Отъ него не ускользнуло даже конвульсивное сжатіе ея рукъ, ясно говорившее объ ея затаенныхъ страданіяхъ. Какъ молнія промелькнули въ его умѣ нѣкоторые факты по поводу мистрисъ Карльтонъ, о которыхъ онъ почти совсѣмъ забылъ въ послѣднее время. Въ чемъ заключалась причина ея антипатіи къ миссъ Боклеркъ? А что глаза эти выражали глубокую антипатію, въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія.

Покаместъ онъ думалъ объ этомъ, дѣйствующія лица перемѣнили свои мѣста. Джорджина Боклеркъ, такая же безпечная и веселая какъ Роза, подошла къ столу своему легкому посту: ю, а сэръ-Исаакъ послѣдовалъ за нею болѣе медленнымъ шагомъ и сѣлъ подлѣ мистрисъ Карльтонъ.

— У васъ очень довольный видъ, моя милая, замѣтила мистрисъ Сентъ-Джонъ, взглянувъ на Джорджину.

— Да, я приставала къ сэръ-Исааку и выпросила у него что мнѣ было нужно. Но — вы не видали, — и она улыбну-

лась, — я должна была поцѣловать его въ благодарность за свисожденіе.

— Это весьма опасное выраженіе благодарности, замѣтила мистрисъ Дарлингъ, до слуха которой долетѣли эти слова. — Другой холостой мужчина, въ положеніи сэръ-Исаака, принялъ бы это за весьма ясный намекъ.

Она положила свое рукодѣлье на столъ, и смѣло взглянула въ лицо Джорджинѣ, ожидая, что та начнетъ отпѣкиваться. Не тутъ-то было. Джорджина съ громкимъ смѣхомъ откинула назадъ свою хорошенькую головку, и мистрисъ Дарлингъ показалось, что смѣхъ этотъ звучалъ торжествомъ.

— О чемъ же вы просили его, милая моя? спросила мистрисъ Сентъ-Джонъ.

— А это секретъ между имъ и мною, — и сказавъ это, миссъ Джорджина Боклеркъ завальсировала къ балкону, какъ бы стремясь подышать душистымъ вечернимъ воздухомъ.

Разстлавшійся кругомъ ландшафтъ, освѣщенный яркою луной, какой часто случается видѣть въ августѣ, казался еще очаровательнѣе ночью, благодаря причудливой игрѣ свѣта и тѣни. Мистрисъ Карльтонъ, согнавъ съ своего лица всякій слѣдъ неудовольствія, разговаривала съ сэръ-Исаакомъ Сентъ-Джономъ; голосъ ея былъ тихъ и нѣженъ, а блѣдное, неподвижное лицо въ высшей степени интересно. Исаакъ Сентъ-Джонъ очень полюбилъ ее, и она знала это. Но не знала, быть-можетъ, что любовь его до сихъ поръ ограничивалась дружбой и уваженіемъ. Никому еще не приходило въ голову, чтобъ эти чувства могли перейти въ болѣе нѣжныя. Онъ всегда высказывалъ намѣреніе жить и умереть холостякомъ, и всѣ считали это дѣломъ рѣшеннымъ.

Фредерикъ Сентъ-Джонъ стоялъ прислонясь къ стѣнѣ, отчасти скрытый голубою атласною драпировкой балкона. Онъ пристально наблюдалъ за Шарлоттой, и въ воспоминаніи его мало-по-малу возникали тѣ слухи, что нѣкогда заронили такое странное подозрѣніе въ его душу. Думая теперь объ этомъ, онъ пришелъ наконецъ къ тому убѣжденію, что подозрѣнія эти никогда не исчезали въ немъ совершенно, но только поизгладились на время. *Ее* считать сумашедшею! сумашедшею теперь, когда онъ смотрѣлъ на нее! Да, это было невысказанно! Ни малѣйшаго признака помѣшательства, ни прошлаго, ни настоящаго, ни будущаго, нельзя было замѣтить въ этомъ тихомъ, мелодичномъ голосѣ, въ этомъ

спокойномъ, сдержанномъ выраженіи лица, въ этихъ большихъ черныхъ глазахъ, оживленныхъ пріятною улыбкой. И съ чего вздумала Роза вѣрить этимъ бреднямъ и передавать ихъ ему? Нѣтъ, онъ самъ виноватъ, что выслушалъ ее. Эта Роза попрежнему суетна, вѣтренна, безвѣчна! Мистеръ Сентъ-Джонъ не разъ уже въ продолженіе послѣдней недѣли задавалъ себѣ вопросъ о томъ, что изъ нея выйдетъ.

Между тѣмъ какъ онъ смотрѣлъ на Шарлотту, въ умѣ его вдругъ промелькнула одна мысль. Со времени своего пріѣзда въ замокъ Веферъ, онъ замѣтилъ много странностей въ ея поведеніи относительно сэръ-Исаака: она видимо старалась ему нравиться: прогуливалась съ нимъ пѣшкомъ, каталась въ экипажѣ, сидѣла съ нимъ по утрамъ въ егопріемной; была очаровательно мила по отношенію къ его камердинеру мистеру Бруму; словомъ, цѣль ея жизни, повидимому, состояла лишь въ томъ, чтобъ исключительно посвятить себя сэръ-Исааку. Какъ она добра и внимательна къ нему, думалъ Фредерикъ, впрочемъ, нѣсколько удивляясь ея необыкновенной любезности; до настоящей минуты онъ въ самомъ дѣлѣ былъ чрезвычайно благодаренъ ей, какъ и всякому кто цѣнилъ его брата; но теперь какъ будто повязка упала съ его глазъ, и онъ повялъ, что Шарлотта надѣется стать леди Сентъ-Джонъ.

Въ душѣ Фредерика Сентъ-Джона поднималась цѣлая буря. Не противъ женитьбы брата возставалъ онъ, онъ радъ былъ бы завтра же видѣть его женатымъ, еслибъ это могло принести ему счастье и утѣшеніе. Но допустить его жениться на ней, быть-можетъ, носящей въ себѣ зародышъ сумашествія? Нѣтъ, нѣтъ, пусть онъ выберетъ себѣ кого угодно, только не Шарлотту Карльтонъ. Фредерикъ вдругъ стало душно и тѣсно въ комнатѣ, и онъ порывисто вышелъ на балконъ, схвативъ себя за голову.

— Кто это? Не сбейте меня съ ногъ, мистеръ Сентъ-Джонъ.

Онъ дѣйствительно чуть-чуть не наткнулся на нее; такъ тихо стояла она у дверей балкона, прислонившись къ стѣнѣ.

— Виноватъ, Джорджина; я задумался.

— Не правда ли, какая очаровательная ночь?

— Да, кажется. Долго ли, — тутъ онъ понизилъ голосъ, — думаетъ пробыть здѣсь мистрисъ Карльтонъ? Вы не знаете?

— Нѣтъ, не знаю. Да и почему же мнѣ знать? Мистрисъ Дарлингъ и Роза уѣзжаютъ завтра.

Наступила пауза. Онъ подавъ ей руку, и они стали молча ходить по террасѣ. Озаренная голубоватымъ свѣтомъ луны, Джорджина была такъ хороша, такъ привлекательна.

— Вы не простудитесь, Джорджина?

— Простудиться въ эту теплую ночь! Возможно ли это?

— Какимъ образомъ мистрисъ Карльтонъ рѣшается остаться здѣсь безъ матери и сестры?

— Почему жъ я знаю! Вѣроятно, сэръ-Исаакъ упросилъ ее. Онъ еще недавно говорилъ ей, что такъ какъ мистрисъ Сентъ-Джонъ проведетъ зиму въ замкѣ Веферъ, то и она должна обѣщать ему то же.

У Фредерика Сентъ-Джона вырвалось досадливое восклицаніе.

— Развѣ она вамъ не нравится? спросила миссъ Боклеркъ.

— Н-н-не слишкомъ.

— А мнѣ она очень нравилась. Я не могу вамъ выразить, какъ мнѣ было жаль ея. Въ самомъ дѣлѣ, не ужасно ли это: потерять мужа, двухъ дѣтей и сверхъ того Анвикъ? Но она не хочетъ, чтобъ я ее любила, она такъ холодна со мною; въ ней есть даже что-то отталкивающее, такъ что, мнѣ кажется, я разлюблю ее. Но въ такомъ случаѣ вина будетъ не моя. А знаете ли кого я очень, очень полюбила? это Розу.

Онъ засмѣялся.

— Да вѣдь Розу нельзя не любить; несмотря на всѣ недостатки, ея душа ясна какъ день. Было время, Джорджина, когда я находилъ ее очень похожею на васъ?

— Лицомъ?

— Нѣтъ. А впрочемъ и въ лицѣ между вами есть нѣкоторое сходство: обѣ вы бѣлокуры, и обѣ миленькія. Нечего бѣжать отъ меня, точно я клеветцу? Но я собственно разумѣлъ сходство въ вашихъ манерахъ. Вы были нѣкогда такъ же рѣзвы и вѣтренны, какъ теперь Роза.

— Вы, кажется, часто видались съ ней прошедшимъ лѣтомъ, мистеръ Сентъ-Джонъ, когда она гостила у Аделины де-Кастелла?

— Да, лаконически отвѣчалъ онъ.

Джорджина Боклеркъ оперлась на рѣзную рѣшетку террасы и стала смотрѣть въ даль, а онъ молча стоялъ подлѣ нея.

— Вы и теперь находите меня такою же вѣтренною? спросила она.

— Нѣтъ; вы очень измѣнились.

— Ахъ, старое времечко!—я вѣдь сама знаю, что была вѣтрена тогда, — оно исчезло какъ сонъ. Оно кажется мнѣ такою старинной! А между тѣмъ, если считать по календарю, такъ вѣдь немного времени прошло съ тѣхъ поръ. Знаете ли, что въ нѣсколько мѣсяцевъ можно прожить цѣлые года, мистеръ Сентъ-Джонъ?

Пользуясь правами дружбы съ дѣтства, онъ повернулъ къ себѣ ея лицо и увидалъ, что на голубыхъ глазахъ дрожали слезы.

— Чтò съ вами, дитя?

— Ничего. Иногда грустно бываетъ вспомнать прошлое.

— Знаете ли, что вы очень, очень измѣнились?

— Вы хотите сказать, что я перестала быть вѣтреною? Да, я теперь остепенилась.

— А чтò же остепенило васъ?

— Какъ вамъ сказать?—и она остановилась:—мнѣ кажется, собственный здравый смыслъ.

— А теперь позвольте спросить у васъ, почему это вы называете меня мистеромъ Сентъ-Джономъ? Вы это дѣлаете въ продолженіи всей послѣдней недѣли.

Слезы мгновенно исчезли, и на хорошенькихъ губкахъ появилась улыбка.

— Оттого что вы теперь мистеръ Сентъ-Джонъ.

— Но не для васъ, кажется.

— О, я помню, какой нагой вы мнѣ задали однажды за то, что я назвала васъ Фредомъ.

— Очень вѣрю. Я въ то время безпрестанно дѣлалъ вамъ нагой; иногда съ сердцемъ, а иногда просто ради шутки. Нагой, о которомъ вы теперь говорите, принадлежалъ именно къ послѣднему разряду.

— Я помню какъ вы иногда сердились на меня. Вы, должно-быть, крѣпко ненавидѣли меня въ то время.

— А вотъ и ошибаетесь, миссъ. Еслибъ я не любилъ васъ, то я не дѣлалъ бы вамъ выговоровъ. Насъ не сердятъ тѣ, кого мы не любимъ. Я и теперь не прочь бы пожурить васъ, еслибы нашлась причина.

Джорджина засмѣялась. Онъ снова подалъ ей руку, и они опять стали ходить по террасѣ.

— Я всегда былъ увѣренъ въ васъ, Джорджина, хотя васъ нужно было строго держать въ рукахъ. Вѣдь вы сами это

знаете, и никто не станетъ опровергать этого. Такой вѣтреной рѣзвухи, какою вы были тогда, я и не желалъ бы встрѣчать болѣе. Это хорошо, что характеръ вашъ измѣнился.

— Вы хотите сказать: мои манеры?

— Называйте какъ хотите, только теперь вы нравитесь мнѣ гораздо больше чѣмъ прежде.

— А вотъ Исаакъ никогда не бранилъ меня.

— Исаакъ рѣдко видѣлся съ вами, да при немъ вы, вѣроятно, держали себя тише, изъ состраданія къ его слабому здоровью. Но что это за пламя вдали? Точно потѣшный огонь! спросилъ Фредерикъ.

Они остановились и стали смотрѣть на огонь, сверкавшій въ отдаленіи.

— Знаю, знаю, воскликнула Джорджина.— Это старый Филиппъ жжетъ свое засохшее дерево. Сэръ-Исаакъ сказалъ ему сегодня утромъ, чтобъ онъ не оставлялъ его поперекъ дороги.

— Развѣ вы были тамъ сегодня съ Исаакомъ? Вѣдь это очень далеко!

— Да, мы ходили туда втроемъ: онъ, мистрисъ Карльтоузъ и я. Онъ теперь мастеръ ходить.

— Знаете ли, Джорджина, какую басенку рассказала мнѣ объ васъ одна маленькая птичка, когда я проѣзжалъ черезъ Лондонъ, сказалъ Фредерикъ, возобновляя свою прогулку по террасѣ. — Сказать?

— Пожалуй, скажите. Что же вы узнали?

— Что вы, можетъ-быть, скоро сдѣлаетесь владѣлицей Гаукхорста, потому что его лордство...

— Какая гнусная ложь! воскликнула она такъ же рѣзко и порывисто какъ въ бывшее время. — Кто вамъ сказалъ это? Вѣрно, Сара; вѣдь она знаетъ, что я ему отказала.

— Но онъ весьма благонамѣренный молодой человекъ, мягкій, такой добронравный, и прочее, и прочее.

— Онъ глупъ какъ филинъ, съ сердцемъ возразила Джорджина. — О, да я вижу, вы просто сгѣветесь надо мной.

— Но скажите мнѣ однако, почему вы не хотите за него выйти? Помните, какъ мы, бывало, говорили другъ другу секреты? Помните тотъ ужасный случай, когда вы чуть-чуть не сожгли вашъ домъ, подставивъ лампу подъ кружевные гардины, а я обжегъ себѣ руки, туша огонь, и потому не хуже любого обойщика снялъ гардины съ окна чтобы

схоронить концы въ воду? Я думаю, деканъ и до сихъ поръ не знаетъ истины.

— По крайней мѣрѣ мамаша не знаетъ, что гораздо важнѣе. Она и теперь въ томъ убѣжденіи, что ихъ украли. По счастью, онѣ были великолѣпны.

— Мнѣ нравится, что вы говорите: по счастью! Но вы еще не сказали мнѣ, почему Гаукхорстъ и его дворянская корона были отвергнуты вами.

— Будь у него хоть десять коронъ, я все-таки не пошла бы за него.... да и ни за кого.

— Какъ! Неужели вы никогда не намѣрены выйдти замужъ, миссъ Джорджина?

— Никогда, никогда. Я одна у папаша съ мамашей и никогда съ ними не разстанусь.

Кровь такъ сильно прилила ей къ лицу, что даже при лунѣ можно было видѣть ее смущеніе. Но какъ бы желая подавить его, она смѣло подняла голову и стала смотрѣть впередъ.

— Такъ вы видѣлись съ Сарой проѣздомъ черезъ Лондонъ! Она, говорятъ, сдѣлала хорошую партію, правда это?

— Отличную во всѣхъ отношеніяхъ. Мужъ ея богатъ, знатенъ, и сверхъ того,—для графа по крайней мѣрѣ,—необыкновенно даровитый человекъ.

— Для графа! Ну, а еще что? Попрежнему ли хороша Сара?

— Н-н-кѣтъ: она поблѣднѣла и похудѣла. Но я полагаю, что она скоро опять поправится.

— Я увѣрена, что она счастлива, а это важнѣе всего. На будущую зиму они прѣдутъ къ намъ въ Вестербери. Кстати о Вестербери, продолжала Джорджина;—Роза Дарлингъ получила сегодня письмо оттуда.

— Въ самомъ дѣлѣ! Я не зналъ что у Розы есть тамъ знакомые. Да вотъ и она сама.

Роза стояла въ дверяхъ балкона, и слышавъ свое имя, подошла узнать, не призываютъ ли его все, какъ она уже освѣдомлялась объ этомъ въ гостиной.

— Миссъ Боклеркъ говоритъ, что вы получили сегодня письмо изъ Вестербери.

— Да, это правда, отвѣчала Роза. — Мнѣ пишетъ Мери Карръ, которая гоститъ тамъ у своихъ друзей, какъ бишь ихъ фамилія? Кажется, мистеръ и мистрисъ Трависъ Аркель.

— Знаю, знаю, сказалъ мистеръ Сентъ-Джонъ.—Трависъ писалъ мнѣ недавно.

— Что онъ пишетъ о Люси? спросила Джорджина.

— Онъ только передалъ мнѣ ея поклонъ, прибавивъ, что большаго никакъ не могъ отъ нея добиться, потому что она слишкомъ занята теперь своею новою игрушкой — новорожденнымъ ребенкомъ.

— Мери Карръ пишетъ, что вы приглашены быть крестнымъ отцомъ, замѣтила Роза.

— Неужели? воскликнула Джорджина.

Онъ кивнулъ головой.

— А что у нихъ — дѣвочка или мальчикъ?

Мистеръ Сентъ-Джонъ подумалъ немного и засмѣялся.— Право не знаю, сказалъ онъ:—должно-быть, или то, или другое. Трависъ, кажется, писалъ мнѣ, но я забылъ. Извѣстіе о томъ кто будетъ крестною матерью, заставило меня позабыть о ребенкѣ.

— А кто крестная мать? Мистрисъ Дондейкъ?

— Совсѣмъ нѣтъ. Гораздо позначительнѣе, по крайней мѣрѣ въ объемѣ. Миссъ Фоутлерой.

Джорджина засмѣялась, а Роза была озадачена: эти намеки на незнакомыхъ ей лицъ были для нея совершенно непонятны. Да при томъ она была не въ духѣ. Всякій разъ какъ миссъ Роза удостоивала кого-либо своимъ особеннымъ вниманіемъ, а Фредерикъ Сентъ-Джонъ давно имъ пользовался—она ужь не любила, чтобы предметъ ея нѣжныхъ чувствъ занимался кѣмъ-либо, кромѣ ея самой. Она встряхнула своими золотыми кудрями, вокругъ которыхъ вилась голубая лента, и граціознымъ движеніемъ головы откинула ихъ назадъ.

— Долго ли ваша сестрица намѣрена прогостить у насъ, Роза? спокойно спросилъ ее мистеръ Сентъ-Джонъ.

— По моему мнѣнію, она останется ровно столько, сколько ее попросятъ: пожалуй, навсегда и еще съ дѣлкомъ на прибавку, если такъ угодно будетъ сэръ-Исааку. Берегитесь ея, Фредерикъ Сентъ-Джонъ! Мнѣ еще никогда не случалось видѣть, чтобы Шарлотта Карльтонъ такъ сильно кокетничала какъ теперь.

Вѣтревая, безпечная Роза говорила просто наудачу: ей и въ голову не приходило, чтобы сестра ея расточала свою любезность съ какою-либо особенною цѣлю. Это было бы

такъ не похоже на холодную, гордую, надменную Шарлотту, какою всегда считала ее Роза.

— Еслибы мы ѣхали не въ Парижъ, я почти готова была бы просить мамашу, чтобъ она взяла съ собою Шарлотту, а меня оставила здѣсь, продолжала молодая дѣвушка. — Впрочемъ, Парижъ Парижемъ, а разъ какъ сюда пріѣхали вы, я все-таки предпочла бы остаться здѣсь.

— Благодарю васъ, Роза, отвѣчалъ онъ.

— Ну что бы намъ вернуться раньше, Фредерикъ Сентъ-Джонъ! Цѣлыхъ шесть недѣль я здѣсь, а кромѣ сэръ-Исаака не съ кѣмъ было и покетничать. Я даже подозреваю, что вы пріѣхали теперь только потому что я увѣжаю.

— Еще разъ благодарю васъ, Роза. Вотъ уже годъ, какъ я пересталъ вамъ противорѣчить.

Въ эту минуту мистрисъ Сентъ-Джонъ подошла къ балкону и стала звать молодыхъ дѣвушекъ домой. Было уже слѣшкомъ поздно, чтобъ оставаться на воздухѣ безъ теплой одежды.

Итакъ они вошли въ комнаты: Джорджина подъ руку съ Фредерикомъ Сентъ-Джономъ, а Роза рядомъ съ нимъ, болтая, смѣясь и кокетничая. Между тѣмъ Шарлотта Карлтономъ продолжала сидѣть, во всеоружіи своихъ прелестей, въ голубомъ атласномъ креслѣ и томнымъ, вѣжливымъ шепотомъ разказывала сострадательному сэръ-Исааку о своихъ минувшихъ несчастіяхъ.

XV. Жизнь въ замкѣ Веферъ.

Роза и мистрисъ Дарлингъ на другой же день уѣхали изъ замка Веферъ, оставивъ тамъ Шарлотту и Джорджину Боклеркъ. Деканъ и мистрисъ Боклеркъ, гостившіе пока у своихъ друзей въ Шотландіи, скоро должны были возвратиться въ приходъ, который, какъ извѣстно читателю, отдѣлялся отъ замка Веферъ только кустарниками, да приходскимъ садомъ. Съ пріѣздомъ ихъ и Джорджина должна была переселиться домой.

Жизнь въ замкѣ Веферъ текла однообразно, и еслибы не присутствіе Джорджины, въ замкѣ не было бы замѣтно никакого движенія. Роза увезла съ собою три четверти прежняго шума и веселья. Мистрисъ Сентъ-Джонъ, повидимому,

обмѣнялась привычками съ пасынкомъ своимъ, сэръ-Исаакомъ. Слабый, увѣчный, рѣдко выходившій изъ своихъ комнатъ до полудня, онъ теперь каждое утро пилъ чай вмѣстѣ съ другими, между тѣмъ какъ еще не оправившаяся послѣ своего приключенія и крайне причудливая мистрисъ Сентъ-Джонъ стала появляться только къ завтраку.

Погода стояла чудесная, и маленькое общество почти все утро проводило на воздухѣ. Никогда еще Исааку Сентъ-Джону не приходилось такъ много ходить по своимъ владѣніямъ, какъ теперь; сегодня онъ отправлялся въ одну сторону, завтра въ другую, на слѣдующій день въ третью. Постоянными спутниками его были Шарлотта Карльтоуъ и Джорджина Боклеркъ, отъ которыхъ не отставалъ и Фредерикъ. Послѣ обѣда сэръ-Исаакъ возилъ обыкновенно одну изъ нихъ въ кабриолетѣ на своихъ пони, между тѣмъ какъ другая оставалась дома съ мистрисъ Сентъ-Джонъ, или отправлялась съ нею кататься въ каретѣ. Что же касается до Фредерика, то хотя и можно было подумать, что онъ ведетъ праздную жизнь, однако въ сущности онъ былъ занятъ не менѣе всякаго лондонскаго сыщика. Онъ безмолвно наблюдалъ за мистрисъ Карльтоуъ. Въ продолженіе трехъ недѣль, съ самаго отъѣзда Розы и мистрисъ Дарлингъ, онъ внимательно слѣдилъ за ней, и теперь убѣдился, что подмѣтилъ въ ней несомнѣнные признаки развивающагося сумашествія.

Однимъ изъ его открытій, не допускавшимъ ни малѣйшаго сомнѣнія, была ея ненависть къ Джорджинѣ Боклеркъ. Это чувство не обнаруживалось въ ней, какъ у всѣхъ, суровостью или презрѣніемъ; напротивъ, она была чрезвычайно вѣжлива, а иногда даже ласкова съ Джорджиной, но если послѣдней случалось раздосадовать Шарлотту, тогда въ глазахъ ея внезапно вспыхивалъ огонь дикаго мщенія, между тѣмъ какъ длинныя, тонкіе пальцы ея судорожно сжимались, какъ бы желая задушить кого-то. Впрочемъ, все это мгновенно проходило и оставалось непримѣтнымъ для постороннихъ; но отъ Фредерика ничто *не ускользало*.

Онъ замѣчалъ также, что въ каждой подобной вспышкѣ Шарлотты непременно замѣшалъ былъ сэръ-Исаакъ. Немного избалованная и все еще своенравная Джорджина находила особенное наслажденіе угождать сэръ-Исааку и съ помощью самыхъ нѣжныхъ ласкъ исключительно завоевы-

вать себѣ его вниманіе, даже въ ущербъ мистрисъ Карльтоуъ. Тутъ-то и проявлялись обыкновенно тѣ признаки нетерпѣнія и гнѣва, которые не ускользали отъ Фредерика. Разъ даже дѣло чуть-чуть не дошло до открытой войны.

Это было утромъ. Сэръ-Исаакъ велѣлъ запречь пони въ кабріолетъ, потому что отправлялся довольно далеко. Въ его приемной сидѣли въ это время Фредерикъ и мистрисъ Карльтоуъ, и дѣло устроилось такимъ образомъ, что Шарлотта должна была сопровождать его. Фредерикъ не могъ въ это время внимательно слѣдить за нею, потому что онъ занятъ былъ письмами; впрочемъ, ему все-таки показалось, что мистрисъ Карльтоуъ сама вызвалась ѣхать съ сэръ-Исаакомъ, не дождавшись его приглашенія. Какъ бы то ни было, только она уже одѣлась и вернулась въ комнату, когда въ нее вбѣжала и Джорджина съ шляпкой и бурнусомъ въ рукѣ.

— Вы отправляетесь куда-нибудь? спросила ее мистрисъ Карльтоуъ, плотно кутая шалью свой тонкій, стройный станъ.

— Я ѣду съ сэръ-Исаакомъ, отвѣчала Джорджина.

— Нѣтъ, я ѣду съ сэръ-Исаакомъ, возразила мистрисъ Карльтоуъ послѣ едва примѣтной паузы.

— Вотъ ужъ не правда! воскликнула Джорджина голосомъ своевольнаго, избалованнаго ребенка.—Сэръ-Исаакъ отправляется въ Хазертонъ, и онъ самъ знаетъ почему мнѣ надо съ нимъ ѣхать, почему онъ долженъ скорѣе взять меня чѣмъ кого-либо другаго. Не правда ли, сэръ-Исаакъ? прибавила она, взявъ его подъ руку.

— Ахъ вы баловень! нѣжно сказалъ онъ. — Почемъ вы знаете что я ѣду въ Хазертонъ?

— Мнѣ сказалъ Брумъ, отвѣчала Джорджина.—Я спрашивала у него зачѣмъ такъ рано подали вамъ кабріолетъ. Вѣдь вы меня возьмете, не правда ли? прибавила она такимъ нѣжнымъ, умоляющимъ голосомъ, что не было возможности отказать ей.

— По неволѣ придется взять, отвѣчалъ сэръ-Исаакъ,—если только мистрисъ Карльтоуъ позволитъ, если она извинитъ меня за напрасный трудъ, который она приняла на себя, одѣваясь. Ну, живѣй! надѣвайте вашу шляпку, капризное, неугомонное дитя. Вы даже птицу сумѣете выманить изъ гнѣзда!

Сэръ-Исааку и въ умъ не приходило, чтобы между Шарлоттой и Джорджиной могло быть какое-нибудь соперниче-

ство. Последняя выросла на его глазахъ, и онъ до сихъ поръ смотрѣлъ на нее какъ на ребенка. Онъ такъ же подчинялся ея прихотямъ, какъ подчиняются вѣжные родители прихотямъ любимаго дитяти. Онъ вѣжно любилъ Джорджину, и съ тѣхъ поръ какъ не удалась его попытка женить Фредерика на леди Аннѣ, онъ не переставалъ дѣлать въ своей душѣ тайное желаніе, чтобы дочь декана замѣнила леди Анну. Но ни единымъ словомъ не рѣшился бы онъ измѣнить своей тайнѣ; онъ искренно желалъ, чтобы дѣло уладилось само собой, безъ всякихъ плановъ и попытокъ съ его стороны: такъ памятно было ему горькое разочарованіе, которое онъ испыталъ отъ неудавшагося сватовства Фредерика съ леди Анной. Ему и въ голову не приходило теперь, чтобы мистрисъ Карльтонъ могла серьезно ревновать его къ Джорджинѣ и смотрѣть на нее иначе, какъ на милаго и ласковаго ребенка.

Взявъ подъ руку сэръ-Исаака и болтая безъ умолку, Джорджина отправилась съ нимъ къ экипажу. Онъ посадилъ ее въ кабріолетъ, и удостовѣривъ что ей покойно и удобно, помѣстился возлѣ нея. Веселое лицо молодой дѣвушки и блестящіе сѣрые глаза ея сіяли неподдѣльнымъ торжествомъ, когда обернувшись назадъ, она прокричала остававшимся:

— Прощайте, поминайте какъ звали!

Отладимъ должную справедливость Джорджинѣ Бокаеркъ. Подобно сэръ-Исааку, она и не подозрѣвала, чтобы мистрисъ Карльтонъ могла считать ее своею соперницей. Она расхоталась бы при одной мысли объ этомъ. Еслибы кто-нибудь шепнулъ Джорджинѣ, что мистрисъ Карльтонъ разставляетъ любовныя сѣти владѣльцу замка Веферъ, она удалась бы отъ него на почтительное разстояніе, да изподтишка посмѣялась бы себѣ надъ этими маневрами. Оба они казались ей слишкомъ старыми; на мистрисъ Карльтонъ она смотрѣла какъ на вдову, потерявшую все что было ей дорого въ жизни, а на сэръ-Исаака—какъ на втораго отца, который съ своимъ горбомъ казался ей гораздо старше самого декана, и потому она держала себя съ нимъ также свободно и безцеремонно, какъ бы въ самомъ дѣлѣ будучи его дочерью.

Мистрисъ Карльтонъ стояла у окна, когда кабріолетъ отъѣзжалъ отъ крыльца. Она вполне заблуждалась насчетъ Джорджины, какъ и всякій человекъ, въ которомъ сильно гово-

рить предубѣжденіе. Въ сіяющей фізіономіи молодой двушки, которая такъ далеко была отъ всякаго умысла оскорбить кого-либо, она прочла не искреннюю радость и веселье, а злобное торжество надъ нею. Прощальныя слова Джорджины, болѣе дерскія по тону чѣмъ по смыслу, и не относившіяся ни къ кому болѣе кромѣ Фредерика, несчастная женщина приняла на свой счетъ. Тотъ же мрачный огонь снова сверкнулъ въ ея глазахъ, когда она взглянула на отъѣзжавшій экипажъ, и сильная дрожь пробѣжала по ея тѣлу.

Фредерикъ не на шутку испугался; въ эту минуту всякій принялъ бы ее за сумашедшую. Длинные пальцы ея дрожали, губы стиснулись, а лицо было блѣдно какъ смерть. Онъ молча всталъ съ своего мѣста.

— Извините, мистрисъ Карльтонъ, сказалъ онъ, подходя къ ней, — вы сейчасъ уроните вашу шаль.

Отколовшаяся шаль Шарлотты дѣйствительно скользила въ эту минуту по ея плечу, и Фредерикъ нарочно воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы заговорить съ ней ласковымъ, успокоительнымъ тономъ, и въ случаѣ надобности, удержать ее отъ бѣшеннаго порыва. Она обернулась и бросила ему яростный взглядъ. Да, въ глазахъ ея сверкала дикая ярость. Съ минуту постояла она передъ нимъ въ безпамятствѣ, повидимому, не сознавая на что она глядитъ и гдѣ находится, потомъ схватила-было стоявшій передъ ней стулъ, какъ бы собираясь изломать его, но тотчасъ же одумалась, поправила на себѣ шаль и спокойно сѣла.

— Благодарю васъ, сказала она Фредерику;—эти шелковыя шали всегда скользятъ съ плечъ.

Черезъ минуту она уже совершенно владѣла собой: блѣдное лицо ея снова приняло спокойное, даже безстрастное выраженіе, глаза утратили свой дикій блескъ и не казались болѣе страшными. Фредерикъ спросилъ у нея, не желаетъ ли она подышать свѣжимъ воздухомъ, и предложилъ ей показаться въ кабриолетѣ мистрисъ Сентъ-Джонъ.

Сначала мистрисъ Карльтонъ было отказалась, но потомъ намекнула, что боится беспокоить его. Впрочемъ, въ домѣ такъ тихо, прибавила она, — безъ сэръ-Исаака и этой вѣтренницы Джорджины, — что она охотно воспользуется его предложеніемъ, если это не помѣшаетъ его занятіямъ.

Итакъ, разбитый плетенымъ шарабанъ мистрисъ Сентъ-Джонъ, котораго она уже давно не употребляла, подкатился

къ крыльцу. Мистрисъ Карльтонъ снова приколола свою шаль, и они отправились. Фредерикъ былъ въ полномъ убѣжденіи, что везетъ съ собой полупомѣшанную женщину, которая однако казалась въ эту минуту тѣше ангела и спокойно, разсудительно говорила съ нимъ, между тѣмъ какъ въ черныхъ глазахъ ея свѣтилась самая кроткая улыбка.

Предпочтеніе, оказанное въ это утро Джордживъ, было однако исключеніемъ изъ общаго правила. Обыкновенною спутницей Исаака Сентъ-Джона была мистрисъ Карльтонъ. Она гуляла съ нимъ каждое утро, между тѣмъ какъ Джорджина съ Фредерикомъ почти всегда составляли ихъ аррьергардъ; она каталась съ нимъ послѣ обѣда, она сидѣла около него по вечерамъ, разговаривая вполголоса. Фредерикъ былъ въ полной увѣренности, что она или уже влюбила въ себя его брата, или, по крайней мѣрѣ, старалась ему понравиться. Онъ не зналъ только, замѣтно ли это другимъ.

Безпрестанно задавалъ онъ себѣ одинъ и тотъ же вопросъ—были въ ней признаки сумашествія или нѣтъ? Многие блѣднѣютъ отъ гнѣва, онъ испыталъ это на себѣ; ревность и зависть къ хорошенькой дѣвочкѣ также не новость. Все это ровно ничего не доказывало, но ея странный взглядъ, сопровождавшійся судорожнымъ движеніемъ рукъ и особеннымъ трепетомъ тѣла, наводилъ на мысль, что Шарлотта Карльтонъ дѣйствительно была сумашедшая или по крайней мѣрѣ находилась въ опасности потерять рассудокъ. Мы знаемъ, что первая подозрѣнія на этотъ счетъ заронила въ него Роза Дарлингъ; не будь этого, подобная мысль никогда и не пришла бы ему въ голову. Вотъ почему онъ серьезно анализировалъ свои опасенія, доискиваясь, не Роза ли была всею причиною.

Очень можетъ быть, что все это скоро перестало бы его тревожить, еслибы мистрисъ Сентъ-Джонъ не высказала при немъ одного замѣчанія.

Вечеромъ того дня какъ между Шарлоттой и Джорджиной произошло упомянутое столкновение, мистрисъ Карльтонъ сидѣла около сэръ-Исаака въ гостиной, что-то тихо ему нашептывая, между тѣмъ какъ прекрасная рука ея спокойно лежала на его рукѣ. Она такъ невинно и женственно старалась вывѣдать у него, какое дѣло вызвало его съ Джорджиной въ Хазертонъ. Отвѣтъ былъ очень простъ. Въ Хазертонѣ жилъ бывшій протѣгѣ декана; но въ послѣдствіи онъ

началъ вести дурную жизнь, сталъ жестоко обращаться съ своею женой и наконецъ былъ уволенъ отъ должности. Джорджина упросила сэръ-Исаака взять его къ себѣ на испытаніе и дать ему занятіе, а между тѣмъ ей хотѣлось повидаваться съ его женой. Ничего важнаго тутъ не было, и сэръ-Исаакъ даже не замѣтилъ съ какимъ *безпокойствомъ* мистрисъ Карльтонъ ждала его отвѣта. Въ эту минуту онъ всталъ съ своего мѣста, вышелъ на балконъ и сѣлъ на террасу; вечеръ былъ такой душный и жаркій, что малѣйшій вѣтерокъ приносилъ отраду. Мистрисъ Карльтонъ также вышла и сѣла подлѣ него.

— Фредерикъ, шепнула мистрисъ Сентъ-Джонъ сыну подлѣ впечатлѣніемъ минуты,—скажи, тебѣ очень будетъ досадно, если Исаакъ введетъ хозяйку въ замокъ Веферъ.

„Вотъ какъ! Стало-быть, и она замѣтила!“

— Все зависитъ отъ того, кто будетъ этою хозяйкой, отвѣчалъ Фредерикъ.

— Кажется, та, о комъ я теперь думаю, сказала мистрисъ Сентъ-Джонъ.—Выборъ его могъ быть хуже, Фредерикъ, а эта мнѣ нравится.

Фредерикъ глубоко вздохнулъ. Хуже! Если всѣ его опасенія окажутся справедливыми, можетъ ли быть что-нибудь хуже этого выбора? На всемъ бѣломъ свѣтѣ не сыскалъ бы себѣ сэръ-Исаакъ жены хуже ея. Мистрисъ Сентъ-Джонъ взглянула на сына.

— Ты что-то молчишь, Фредерикъ. Или она тебѣ не нравится?

— Пожалуй что такъ, отвѣчалъ онъ.

— Но вѣдь это одно предположеніе, прибавила мистрисъ Сентъ-Джонъ.—Я вообще не могу себѣ представить, чтобъ Исаакъ когда-нибудь женился, и совѣтую тебѣ не беспокоиться объ этомъ.

— Нѣтъ, милая матушка, вы не понимаете меня, возразилъ Фредерикъ.—Никто не порадовался бы такъ искренно женитьбѣ Исаака, какъ я, знай я только, что онъ женится по любви, но я — я не желалъ бы видѣть его мужемъ мистрисъ Карльтонъ.

Онъ сказалъ это спокойно и даже нерѣшительно, какъ бы боясь проговориться. Но при одной мысли объ этомъ кровь хлынула ему въ голову, и сердце замерло. Онъ отошелъ отъ матери и побрелъ въ садъ.

Джорджина сидѣла въ это время подлѣ Исаака. Забившись въ уголокъ между нимъ и ручкой скамьи, она поглощала все его вниманіе, отстранивъ совершенно мистрисъ Карльтонъ. Еслибы молодая дѣвушка знала, какое преступленіе совершала она теперь въ ея глазахъ! Своенравная и настойчивая шалунья, она-таки увлекла его въ нижнія аллеи сада, чтобы погулять при свѣтѣ яркихъ звѣздъ, и онъ пошелъ за ней, не извинившись передъ мистрисъ Карльтонъ, даже не выразивъ ей сожалѣнія. Медленно стали ходить они взадъ и впередъ по дорожкамъ сада, и явственно раздавались въ ночной тишинѣ ихъ веселые голоса. Фредерику было удобно наблюдать за нею въ темнотѣ, и всмотрѣвшись въ это искаженное лицо, въ эти страшные безумные глаза, онъ убѣдился, что она помѣшана и готовится ищеніе Джорджинѣ.

Это ужасно смутило Фредерика, да и все это дѣло вообще начинало сильно тревожить его. Мгновенно возникли въ его воображеніи всѣ ужасные и необыкновенные разказы о томъ, какъ люди, въ которыхъ и не подозрѣвали сумашествія, убивали въ припадкѣ безумія другихъ людей или причиняли имъ большой вредъ. Но онъ сейчасъ же опомнился и ударилъ самого себя по рукѣ, чтобъ узнать, во свѣ онъ или на яву: такъ неправдоподобны и фантастичны казались ему эти мысли. Когда всѣ возвратились въ комнату, мистрисъ Карльтонъ сѣла за фортепiano и спѣла прелестную мелодію, которая возбудила всеобщій восторгъ. Еслибы всѣ доктора Бедлама объявили ее въ эту минуту сумашедшею, всякій расхохотался бы имъ въ лицо, не исключая и самого мистера Сентъ-Джона.

Замѣтилъ ли читатель, какъ различно смотримъ мы на вещи днемъ и вечеромъ? Если мы посреди бѣлаго дня вспомнимъ свои вечернія фантазіи, которыя тогда казались намъ довольно правдоподобными, съ какимъ сожалѣніемъ посмѣемся мы надъ своею глупостью! То же самое было наслѣдующее утро и съ мистеромъ Сентъ-Джовомъ. Все время какъ онъ одѣвался, солнце весело освѣщало его комнату, и онъ стыдился самого себя, припоминая свое вчерашнее настроеніе. Какъ могъ онъ поддаться этимъ нелѣпнымъ мыслямъ? Не жестоко ли онъ обидѣлъ мистрисъ Карльтонъ? Правда, вся обида заключалась въ невысказанномъ подозрѣніи, но развѣ онъ имѣлъ право основывать свои подозрѣнія на словахъ Розы, которыя могли оказаться несправедливыми? „Меся сильно танеть

уѣхать отсюда," подумалъ онъ, „чтобы набраться побольше здраваго смысла до возвращенія.“

Въ то время какъ онъ проходилъ по корридору, мистрисъ Карльтонъ вышла изъ своей комнаты. Блѣдная, спокойная и прекрасная, она держала голову немного выше обыкновеннаго, а ея бѣлое альпаковое платье, обшитое черною отѣлкой, казалось особенно наряднымъ. Она съ улыбкой протянула руку мистеру Сентъ-Джону, который, въ новомъ припадкѣ раскаянія, вѣжливо повелъ ее съ лѣстницы.

— Я получила письмо отъ Розы, сказала она.— Не хотите ли прочесть его? Сестра говоритъ о Парижѣ какъ о земномъ раѣ.

Съ этими словами она сѣла за чай. Съ самаго отъѣзда мистрисъ Дарлингъ она всегда предсѣдательствовала за чайнымъ столомъ, такъ какъ читателю извѣстно, что мистрисъ Сентъ-Джонъ не выходила изъ своей комнаты до завтрака. Впрочемъ, въ столовой еще никого не было, и мистеръ Сентъ-Джонъ вышелъ съ письмомъ на террасу, куда отворялись почти всѣ гостиныя замка Вефера. Тамъ онъ увидалъ Джорджину; она стояла, опираясь на красивыя перила балкона, и даже не обернулась назадъ, чтобы поклониться ему.

— Что это вы такъ внимательно разсматриваете, Джорджина? спросилъ онъ.

— Я ничего не разсматриваю, а думаю, отвѣчала она.— Мнѣ все хочется припомнить, было ли со мной ночью дѣйствительное приключеніе, или я видѣла его только во снѣ.

Слова ея почему-то особенно подѣйствовали на Фредерика. Сжавъ въ рукѣ письмо Розы, которое въ эту минуту потеряло для него свой интересъ, онъ попросилъ Джорджину указать ему что съ нею было.

— Случилось это среди ночи, сказала она,—по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ кажется. Меня что-то разбудило. Я открыла глаза, и что же, Фредерикъ? я увидала такъ же ясно, какъ теперь вижу васъ, что надъ моею кроватью наклоняется какая-то фигура, и чье-то лицо близко пригибается къ моему лицу. Я закричала: „Кто тамъ? Что вамъ надо?“ но отвѣта не послѣдовало, только завѣсъ пошевелился, и потомъ мнѣ показалось, что кто-то тихо затворилъ за собой дверь. Еще не совсѣмъ очнувшись отъ сна, я бросилась къ дверямъ, отворила ихъ и выглянула въ корридоръ. И кого же я увидала или, по крайней мѣрѣ, думала что вижу?—

невозмутимую горничную мистрисъ Карльтонъ, Прянсъ; она стояла въ корридорѣ, въ бѣлой ночной кофтѣ, и могу васъ увѣрить, что я очень явственно слышала ея сердитое ворчанье. Но черезъ нѣсколько секундъ все исчезло передо мной, и когда глаза мои приглядѣлись къ тѣмнотѣ, я увидала, что всѣ двери затворены.

Фредерикъ помолчалъ съ минуту, потомъ сказалъ ей:

— Увѣрены ли вы, что это была Прянсъ? Хорошо ли вы ее разглядѣли?

— Я разсмотрѣла только ея бѣлую кофту и очертаніе ея фигуры, отвѣчала Джорджина. — Но по росту ея и по тому, что на стояла у растворенной спальни мистрисъ Карльтонъ, я догадалась, что это Прянсъ.

— Не сама ли мистрисъ Карльтонъ? спросилъ Фредерикъ.

— Нѣтъ, та гораздо выше, возразила Джорджина. — Кромѣ Прянсъ, никого и не могло быть, если только я не видала все это во снѣ; а между тѣмъ я такъ хорошо помню какъ она ворчала на кого-то, обращаясь къ растворенной комнатѣ мистрисъ Карльтонъ.

— Какъ вамъ самимъ-то кажется, Джорджина: на яву это было, или во снѣ?

— Я вполне была увѣрена, что все это происходило на яву; но Прянсъ положительно отвергаетъ это. Она говоритъ, что ни на минуту не выходила изъ комнаты, съ тѣхъ поръ какъ мистрисъ Карльтонъ легла въ постель, и она думаетъ, что у меня былъ кошмаръ.

— А гдѣ спитъ Прянсъ? спросилъ Фредерикъ. — Вѣроятно, гдѣ-нибудь въ заднихъ комнатахъ?

— Нѣтъ, она спитъ вмѣстѣ съ мистрисъ Карльтонъ, отвѣчала Джорджина. — Развѣ вы не знали этого? Въ тотъ же день какъ они пріѣхали сюда, въ комнату мистрисъ Карльтонъ поставили еще одну кровать, потому что она не любитъ спать одна.

— Когда вы говорили объ этомъ съ Прянсъ?

— Сію минуту. Я была отправилась разыскивать ее, но она попала мнѣ въ корридорѣ, и я прежде всего спросила у нея: чтó случилось у нихъ ночью? Она какъ будто не поняла моего вопроса, такъ что я должна была разказать ей все. Тогда она чуть не расхохоталась мнѣ въ лицо, прибавивъ, что у меня, вѣроятно, былъ кошмаръ.

— И она положительно утверждаетъ, что ея не было въ комнатѣ?

— Да. Но этого еще мало, она увѣряетъ меня, что тамъ никого и не могло быть; она говоритъ, что плохо спала эту ночь и потому услышала бы малѣйшій шумъ въ корридорѣ, такъ какъ кровать ея стоитъ у самой двери. Что вы думаете объ этомъ, Фредерикъ? спросила Джорджина.

Мистеръ Сентъ-Джонъ не счелъ нужнымъ открывать ей свои мысли и равнодушно отвѣчалъ:

— Пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ это былъ кошмаръ.

— Но у меня еще никогда въ жизни не было кошмара, отвѣчала Джорджина.

— Это нисколько не мѣшаетъ вамъ имѣть его теперь, прибавилъ онъ.—А вы не успѣли разсмотрѣть лицо, наклонившееся надъ вашею кроватью?

— Нѣтъ, отвѣчала Джорджина.—Я не столько видѣла это лицо, сколько ощущала его близость. То-есть, мнѣ казалось, что я вижу очертаніе головы и лица, да и то не ясно.

— Такъ вы полагаете, что это была Пряксъ? спросилъ мистеръ Сентъ-Джонъ.

— Нѣтъ, судя по фигурѣ, это не могла быть Пряксъ, а кто-то повыше ея ростомъ, возразила Джорджина.—Я, впрочемъ, сама начинаю думать, что все это пригрезилось мнѣ. Пожалуста, не смѣйтесь надо мной, мистеръ Сентъ-Джонъ.

— Конечно, пригрезилось, сказалъ онъ.—И есаубъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, Джорджина, я никому не сталъ бы объ этомъ разказывать. Во мнѣ вы можете быть увѣрены, что я не стану смѣяться надъ вами, но за другихъ я не ручаюсь; къ тому же мистрисъ Карльтонъ, быть-можетъ, не понравится, если она узнаетъ, что дверь ея комнаты была отворена или показалась вамъ отворенною среди ночи. Судя по тому что Пряксъ спитъ вмѣстѣ съ ней, должно полагать, что она очень боязлива, и воображеніе ея сочинить цѣлыя исторіи о ворахъ и разбойникахъ.

— Я и не хотѣла говорить ей объ этомъ, отвѣчала Джорджина.—Но, можетъ-быть, Пряксъ разкажетъ.

— Это уже не наше дѣло. Еще одно слово, Джорджина, сказалъ мистеръ Сентъ-Джонъ:—совѣтую вамъ на ночь заперать вашу комнату на ключъ.

Джорджина посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Заперать мою комнату, сказала она, — зачѣмъ?

— Вы тогда не будете воображать, что кто-нибудь входилъ въ вашу комнату, прибавилъ онъ послѣ минутнаго колебанія.

— Я никакъ не рѣшусь запереть свою комнату; на ночь, возразила она. — Случись въ домѣ пожаръ, я могу спортѣть прежде чѣмъ кто-нибудь догадается разбудить меня.

— Не бойтесь, Джорджина, нѣжно сказалъ онъ, положивъ свою руку на ея плечо.—Я позабочусь о васъ въ случаѣ пожара и выломаю дверь, если она будетъ заперта, а пока мѣсть запирайтесь на ключъ, прошу васъ.

— А вы скажите мнѣ прежде, чего вы боитесь, возразила она, — отъ чего именно хотите вы предостеречь меня?

— Я... я полагаю, что... въ домѣ могутъ быть лунатики.— Хоть, напримѣръ, между горничными.

— Что вы! Вотъ ужъ это не по мнѣ! воскликнула Джорджина, которая была далека отъ всякихъ подозрѣній.—Я несравненно болѣе испугалась бы, увидавъ ночью въ своей комнатѣ лунатика нежели человѣка не спящаго.

— Такъ, стало-быть, вы общаете мнѣ заперать вашу дверь. Не такъ ли?

— Общаю, Фредерикъ, отвѣчала Джорджина.

Онъ повернулся и пошелъ черезъ террасу въ столовую; она бессознательно провожала его взглядомъ, и что за лазурная бездна любви сіяла въ кротко-задумчивыхъ глазахъ ея. Напрасно боролась она до сихъ поръ съ своею любовью: ничто не помогало. Она такъ же страстно любила теперь Фредерика Сентъ-Джона, какъ и въ тѣ дни, когда онъ еще никому не выказывалъ своихъ чувствъ, кромѣ Сары Боклеркъ, когда онъ даже не встрѣчался еще съ Аделиной де-Кастелла.

XVI. Телеграмма.

Разказъ Джорджины Боклеркъ разсѣялъ и послѣднія иллюзіи Фредерика Сентъ-Джона насчетъ мистрисъ Карльтонъ. Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что все это случилось на яву, что въ комнату молодой дѣвушки приходила Шарлотта, что она ушла въ ту минуту какъ Джорджина пробудилась отъ сна, и что Прысъ, внезапно замѣтивъ отсутствіе своей госпожи, вышла ее разыскивать. Зачѣмъ Прысъ спала въ ея комнатѣ? Это казалось довольно страннымъ мистеру Сентъ-Джону. Но если даже и допустить, что это была мистрисъ Карльтонъ, — то что же привело ее въ ком-

нату Джорджины? что побудило ее наклоняться надъ спящею дѣвучкой? Не забрела ли она туда отъ тоски и бессонницы, чтобы какъ-нибудь убить время? Мистеръ Сентъ-Джонъ всячески старался убѣдиться въ этомъ; что же касается до ея намѣренія повредить Джорджинѣ, онъ положительно отказывался этому вѣрить. Ему не хотѣлось даже думать объ этомъ. Кромѣ того : что подобный поступокъ казался ему ужаснымъ, онъ находилъ его слишкомъ романтичнымъ.

Да и могъ ли онъ думать иначе? Стоило только взглянуть теперь на мистрисъ Карльтонъ. Съ какимъ спокойнымъ, кроткимъ лицомъ сидѣла она подлѣ Джорджины, и подавая Исааку чашку чаю, говорила ему съ веселою улыбкою:

— На этотъ разъ я не провинюсь передъ вами, сэръ-Исаакъ: сахару положила очень мало. А прежде я все забывала; думала, что наливаю для мистера Сентъ-Джона.

— О, ему можно подслащивать сколько угодно! отвѣчалъ сэръ-Исаакъ.—Помнишь, когда ты былъ еще маленькимъ мальчуганомъ, Фредъ, я, бывало, до половины только распускаю сахаръ въ чаю, а потомъ выну его и отдаю тебѣ?

Фредерикъ засмѣялся.

— Я помню, что ты вообще баловалъ меня не по заслугамъ, отвѣчалъ онъ.

— Сегодня я получилъ письмо изъ Анвика, сказалъ сэръ-Исаакъ, обращаясь къ мистрисъ Карльтонъ.—Дракъ протестуетъ противъ того, что мы до сихъ поръ не ѣдемъ въ Анвикъ-Галлъ. Онъ говоритъ, что еслибъ я провелъ тамъ хоть недѣлю, то еще можно бы надѣяться, что Анвикъ-Галлъ станетъ когда-нибудь обитаемъ. Что вы скажете о моемъ предположеніи съѣздить туда на недѣлку, разумѣется, если позволить здоровье мистрисъ Сентъ-Джонъ?

Никто не отвѣчалъ. Мистрисъ Карльтонъ съ испугомъ подняла было на него глаза, но потомъ сейчасъ же принялась разливать чай.

— Передѣлки въ оранжереѣ кончены, продолжалъ Исаакъ;—Дракъ пишетъ, что премиленькая вышла штучка. Помните тотъ безобразный уголъ подлѣ печки, мистрисъ Карльтонъ? И его исправил.

Мистрисъ Карльтонъ взглянула на него теперь совершенно спокойно и безстрастно.

— Я не желала бы ничего знать объ Анвикѣ, сэръ-Исаакъ, сказала она.—Я стараюсь, по возможности, забыть о

моемъ прошломъ счастіи, и всякое воспоминавіе о немъ для меня весьма тягостно.

— Простите меня, съ чувствомъ воскликнулъ сэръ-Исаакъ:—не слѣдовало мнѣ и говорить объ этомъ. Такъ, стало быть, вы не желаете туда ѣхать?

— Покамѣсть, нѣтъ, отвѣчала она.

Этимъ и кончился разговоръ. Сэръ-Исаакъ вообще оказывалъ большое вниманіе мистрисъ Карльтонъ, не только въ серьезныхъ вещахъ, но даже и въ мелочахъ. Причиной этого было, вѣроятно, состраданіе къ ея положенію, сознаніе, что онъ владѣеть доходами, на которые она всегда разчитывала; но мистрисъ Карльтонъ приписывала его вниманіе болѣе нѣжному чувству, въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія.

— Сегодня я опять поѣду въ кабриолетъ, замѣтилъ Исаакъ.— Эти два дня я не хорошо себя чувствовалъ, вѣроятно отъ того, что много ходилъ пѣшкомъ. Кто изъ васъ хочетъ покататься со мной?

— Мнѣ и думать объ этомъ нечего, жалобно сказала Джорджина.— Я еще на прошедшей недѣлѣ каждый день собиралась писать мамашѣ и все откладывала. А ужъ сегодня непременно нужно написать и отправить письмо, иначе она его не получитъ.

— Я поѣду съ вами, мой дорогой сэръ-Исаакъ.

Эти медоточивыя слова шли отъ мистрисъ Карльтонъ, и Фредерику Сентъ-Джонъ досадно было видѣть, съ какою довольною улыбкой поблагодарилъ ее сэръ-Исаакъ.

Они отправились. Джорджина ушла въ комнату мистрисъ Сентъ-Джонъ писать свои письма, а Фредерикъ забился съ своими мыслями въ самый темный уголокъ мастерской: у него и въ замкѣ Веферъ была своя мастерская. Сначала онъ думалъ было потѣшить себя, отправившись послѣ чаю на охоту, такъ какъ сентябрь былъ уже въ исходѣ, но теперь ему было не до того. Имъ овладѣло серьезное опасеніе, что братъ его непременно женится на Шарлоттѣ Карльтонъ, если никто не вступится въ это дѣло.

Не вступится! Но кому же вступиться? Когда мы бываемъ въ затрудненіи, мы всегда разсуждаемъ такъ: „Будь вопросъ поставленъ иначе, я еще рѣшился бы на это.“ То же самое думалъ теперь и Фредерикъ: „Еслибъ я не былъ наследникомъ Исаака, еслибъ его женитьба не отнимала у

меня права на наслѣдство, я могъ бы спокойно высказать ему мои опасенія. Но теперь—онъ можетъ подумать, что я вмѣшиваюсь въ его дѣла изъ собственныхъ интересовъ, и потому я никакъ не рѣшусь говорить съ нимъ.“

Быть-можетъ, онъ былъ правъ. Во всякомъ случаѣ чувства его понятны и достойны уваженія. Еще будь у него болѣе явныя доказательства сумашествія мистрисъ Карльтонъ, онъ скорѣе нашелъ бы возможность объясниться съ братомъ; но ихъ не было. Сказать же ему просто: „я боюсь, что разсудокъ ея разстроенъ, что она можетъ въ послѣдствіи сойтти съ ума“, значитъ подать поводъ къ вопросу: „на чемъ основывается ты свои предположенія?“ А въ итогѣ окажется чтó? Пустякъ, самое неосновательное подозрѣніе. Но при всемъ этомъ Фредерикъ чувствовалъ, что необходимо заблаговременно предостеречь Исаака, пока онъ не успѣлъ еще связать себя никакимъ обѣщаніемъ.

Ворча на мистрисъ Карльтонъ, на собственные осаждающія его мысли, измученный сомнѣніями и догадками, Фредерикъ Сентъ-Джонъ бродилъ по своей мастерской изъ стороны въ сторону, то отталкивая палитру, то швыряя въ уголь рисунокъ, то опуская зеленыя байковыя гардины и черезъ минуту снова поднимая ихъ, и наконецъ ему кое-какъ удалось пережить это несносное утро. Вдругъ, въ ту самую минуту, когда онъ мысленно сожалѣлъ, что у него нѣтъ крыльевъ, которыя увесели бы его на край свѣта, подальше отъ замка Веферъ, ему пришла счастливая мысль поговорить съ Гоноріей. Эта дѣвушка проронила когда-то въ его присутствіи нѣсколько неосторожныхъ словъ и могла бы теперь открыть ему болѣе важныя вещи. Онъ охотно отдалъ бы половину своего собственнаго достоянія, лишь бы уяснить терзавшій его вопросъ.

Мистеръ Сентъ-Джонъ позвонилъ и приказалъ вошедшему слугѣ позвать къ себѣ Гонорію. Онъ вспомнилъ, что съ пріѣзда домой еще ни разу не видалъ ея. Дѣло въ томъ, что Гонорія взяла теперь другую должность, которая требовала ея присутствія внизу, а не на верху. Она оставила свои прежнія обязанности горничной, которыя не пришлись ей по нраву, и ставъ помощницей экономки, училась стряпать и варить варенье. Съ тѣхъ поръ въ продолженіе дѣлаго полугодя ей ни разу не доводилось взбираться на большую дѣстницу или прислуживать гостямъ.

— Гдѣ вы это скрываетесь? спросилъ мистеръ Сентъ-Джонъ у вошедшей служанки. — Я до сихъ поръ еще не видалъ васъ.

Гонорія объяснила ему все. Она почти не перемѣнилась со времени ихъ послѣдняго свиданія, только пополнѣла немного, и все еще носила трауръ по своему любимцу, Венѣ. Она объяснила мистеру Сентъ-Джону, что не находясь болѣе въ должности горничной, не имѣетъ нужды являться наверхъ, гдѣ никто ея не требуетъ.

— Слушайте, Гонорія, сказалъ Фредерикъ, — я предложу вамъ одинъ вопросъ, на который вы должны отвѣчать мнѣ откровенно: это очень важно. Вы можете быть увѣрены, что я васъ не выдамъ, и что вамъ не будетъ никакой неприятели. Однажды вы проронили въ моемъ присутствіи нѣсколько словъ, изъ которыхъ я могъ заключить, что бывшая госпожа ваша, мистрисъ Карльтонъ Сентъ-Джонъ, помѣшана. Такъ ли это?

Гонорія молчала, не отъ страху, а по нерѣшимости, не зная чѣмъ сказать. Думая, что она боится, мистеръ Сентъ-Джонъ снова принялся увѣрять ее, что она смѣло можетъ на него положиться.

— Я не отъ того молчу, сэръ, чтобы боялась, возразила Гонорія, — я просто не знаю чѣмъ отвѣчать. Я очень хорошо помню свои слова... Тогда вы еще спрашивали меня объ этомъ ужасномъ вечерѣ и прибавили, что судя по тому какимъ образомъ сгорѣлъ ребенокъ, можно подумать, что его умышленно подожгли; а я въ попыткахъ отвѣчала вамъ, что никто не могъ сдѣлать этого кромѣ мистрисъ Карльтонъ, въ припадкѣ безумія. Вы поймали меня на словѣ, сэръ, прежде чѣмъ я успѣла докончить мою рѣчь, и спросили меня, чѣмъ я хочу этимъ сказать; я вамъ отвѣчала, что ничего особеннаго, и тѣмъ кончился нашъ разговоръ. Не разъ послѣ того раскаивалась я въ своемъ глупомъ отвѣтѣ на ваши слова, которыя, вѣроятно, сказаны были безъ особеннаго значенія.

— А ваши-то слова развѣ имѣли особенное значеніе, Гонорія? спросилъ Фредерикъ. — Вотъ это бы мнѣ и нужно знать.

— И да, и нѣтъ, сэръ, отвѣчала служанка. — Мнѣ раза три случалось видѣть мою госпожу въ страшныхъ припадкахъ гнѣва, какихъ нельзя себѣ и представить въ знатной леди; а потому я и сказала вамъ, что если она сдѣлала это, такъ

не иначе какъ въ припадкѣ своего безумнаго гнѣва. Не я была далека отъ мысли, (что именно она сожгла Веню, прибавила Говорія—я, кажется, готова была вырвать у себя языкъ за эти глупыя слова, что вырвались у меня чисто по неосмотрительности, даромъ что мистрисъ Дарлингъ предо-стерегала меня отъ этого! Да, нечего и сомнѣваться, сэръ, что поразившее насъ несчастіе произошло отъ случая.

— Отъ чего предостерегала васъ мистрисъ Дарлингъ?

— А вотъ отъ чего, сэръ. Когда все кончилось и бѣднаго Веню схоронили, у меня сдѣлалась горячка, и говорятъ, что въ бреду я высказывала разные нелѣпыя обвиненія; между прочимъ я обвиняла свою госпожу, будто она подожгла Веню и потомъ заперла его. Когда я выздоровѣла, мистрисъ Дарлингъ разказала мнѣ все и ласково просила меня никогда болѣе не говорить такихъ глупостей. Да онѣ и въ бреду не пришли бы мнѣ въ голову, еслибы не то обстоятельство, что комната, въ которой сгорѣлъ Веня, была заперта съ двухъ сторонъ. Въ то время я никакъ не могла себѣ объяснить этого, но въ послѣдствіи я согласилась съ другими, что бѣд-ный Веня, вѣроятно, нарочно заперся на крючокъ, чтобъ я не помѣшала ему играть, а другая дверь вѣрно и вовсе не была на задвижкѣ, только мнѣ показалось такъ отъ страху. И это очень можетъ быть, потому что я слишкомъ перепуга-лась дымомъ.

— И вы говорите, что въ бреду обвиняли свою госпожу въ случившемся несчастіи?

— Говорятъ, что такъ, сэръ; и вѣроятно, это правда. Удив-ляюсь только какъ могли войти мнѣ въ голову такія дур-ныя мысли. Правда, что она всегда ненавидѣла Веню и за-видовала ему съ тѣхъ поръ какъ родился ея собственный сынъ; я помнила это даже въ бреду; и не болѣе какъ за часъ до случившагося несчастія она жестоко его прибила.

— Прибила! воскликнулъ мистеръ Сентъ-Джонъ.

— Да, сэръ. Дѣло прошлое, я никому объ этомъ не гово-рила, да и къ чему было говорить? Такъ вотъ, видите ли, все это перепуталось въ моей бѣдной больной головѣ, и я повесела Богъ знаетъ что. Я очень сожалѣла объ этомъ, сэръ, когда оправилась послѣ болѣзни; развѣ подобныя мысли пришли бы мнѣ въ голову, еслибъ я была въ пол-ной памяти?

— Такъ, стало-быть, вы совсѣмъ въ другомъ смыслѣ упо-

требила слово безуміе? спросилъ ее мистеръ Сентъ-Джонъ:— и не имѣли никакой причины подозрѣвать вашу госпожу въ сумашествіи?

— Никогда и никакой, сэръ, возразила дѣвушка.— Въ минуты сильнаго гнѣва ее дѣйствительно можно было принять за безумную, но это сейчасъ же и проходило. Вы меня, надѣюсь, извините, сэръ, за мое глупое выраженіе.

— Это ничего не значитъ, Гонорія, всѣмъ намъ случается иногда оговориться. Вы можете идти теперь.

Она повернулась, чтобы выйти изъ комнаты. Мистеръ Сентъ-Джонъ быстро пробѣжалъ въ умѣ своемъ все переданное ему Гоноріей, и затрудненія его, казалось, еще болѣе увеличались. Онъ не подучилъ ни одного вѣрнаго доказательства, что мистрисъ Карльтонъ была дѣйствительно сумашедшая; за то въ словахъ служанки скрывались другіе намеки, которые сулили горькую будущность Исааку, въ случаѣ его женитьбы на Шарлоттѣ. Если...

Но въ эту минуту размышленія его были внезапно прерваны пронзительнымъ крикомъ, который раздался за дверью. Мастерская мистера Сентъ-Джона помѣщалась въ углубленіи подъ однимъ изъ поворотовъ лѣстницы, гдѣ было довольно темно. Гонорія еще не успѣла затворить за собою дверь, но повидимому, это былъ не ея крикъ. Мистеръ Сентъ-Джонъ поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты.

Крикъ этотъ вырвался у мистрисъ Карльтонъ. Стоя у противоположной стѣны, она прижималась къ ней, какъ бы желая скрыться отъ преслѣдовавшаго ее привидѣнія, и, блѣдная какъ смерть, устремляла свои испуганные глаза на Гонорію. Мистрисъ Карльтонъ только что вернулась передъ этимъ съ прогулки съ сэръ-Исаакомъ и шла на верхъ въ свою комнату, чтобы снять шляпку и оправиться къ завтраку. Бѣдная Гонорія, замѣтивъ впечатлѣніе, которое она производила на свою бывшую госпожу, стояла въ недоумѣніи, присѣдая передъ ней, но не рѣшаясь спуститься съ лѣстницы, потому что ей пришлось бы тогда пройти около самой мистрисъ Карльтонъ. Но прежде чѣмъ Фредерикъ Сентъ-Джонъ успѣлъ опомниться отъ удивленія или сообразить, чего могла такъ испугаться Шарлотта, къ ней уже подоспѣла Пряньсъ и взяла ее за руку.

— Вѣдь это Гонорія Триттонъ, сударыня, сказала она,— развѣ вы ее не узнали? А вы зачѣмъ это показываетесь ей

на глаза? прибавила Пряксъ сердитымъ шепотомъ.—Вѣдь я говорила, чтобы вы держали себя подальше, что она даже не знаетъ о вашемъ пребываніи въ замкѣ Веферъ. Развѣ видъ вашъ можетъ быть ей пріятель?

Она почти насильно увлекла свою госпожу въ спальню и заперла за собой дверь. На всемъ протяженіи корридора, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ пока уголъ, въ которомъ стояла Гонорія, не скрылся изъ глазъ мистрисъ Карльтонъ, она не сводила съ нея своего дикаго, испуганнаго, отчаяннаго взора. Неужели она приняла ее за привидѣніе?

Мистеръ Сентъ-Джонъ былъ пораженъ не менѣе самой Гоноріи.

— Что это значитъ? спросилъ онъ ее.

— Я, право, не знаю, сэръ, отвѣчала дѣвушка, едва переводя духъ.

— Правда ли это, что Пряксъ просила вамъ не показываться на глаза мистрисъ Карльтонъ?

— Да, сэръ, это правда. Она меня предупреждала, что госпожа ея не знаетъ о моемъ пребываніи здѣсь, и совѣтовала мнѣ держаться подальше отъ нея.

— Но почему же? спросилъ ее Фредерикъ.

— Этого я не знаю, сэръ. Она мнѣ сказала только, что мистрисъ Карльтонъ до сихъ поръ на меня гнѣвается, потому что приписываетъ моей оплошности смѣрть бѣднаго Вени. До сихъ поръ она еще не видала меня, но теперь мнѣ показалось, что она была скорѣе испугана чѣмъ раздражена.

То же самое показалось и мистеру Сентъ-Джону. Гонорія вернулась къ своимъ обязанностямъ, между тѣмъ какъ Фредерикъ долго еще не могъ опомниться отъ этого страннаго сцѣпленія разныхъ подозрительныхъ обстоятельствъ. Мистрисъ Карльтонъ прислала Пряксъ извиниться отъ ея имени, что она не придетъ къ завтраку: она чувствовала сильную головную боль отъ долгой прогулки по солнцу безъ зонтика и легла въ постель.

— Весьма сожалѣю объ этомъ! воскликнулъ сэръ-Исаакъ.— Она еще дорогою жаловалась, что забыла взять съ собой зонтикъ.

Долго спустя послѣ завтрака, мистрисъ Карльтонъ вошла въ гостиную, совсѣмъ уже одѣтая къ обѣду. Въ комнатѣ никого не было, кромѣ Фредерика, который изъ вѣжливости

выразилъ ей свое сожалѣніе по случаю ея нездоровья и спросилъ, прошла ли теперь ея головная боль?

— Не совсѣмъ еще, отвѣчала Шарлотта.—Сказать вамъ правду, мистеръ Сентъ-Джонъ, прибавила она совершенно спокойно,—встрѣча съ этою женщиной, Говоріей Триттономъ, столько же способствовала моей головной боли, какъ и жаръ. Знаете ли вы, какую должность она исполняла прежде? она была нянькой моего бѣднаго пасынка, и ея-то оплошности слѣдуетъ приписать смерть Вени. Я съ тѣхъ поръ не могу вспомнить о ней безъ ужаса, и неожиданное появленіе ея передо мной.... вѣдь я и не подозрѣвала, что она живетъ въ замкѣ Веферъ..... тяжело на меня подѣйствовало.

— Она состоитъ теперь въ числѣ здѣшней прислуги, замѣтилъ Фредерикъ, не зная хорошенько, что ему отвѣчать.

— Да, я слышала это, отвѣчала мистрисъ Карынтонъ.—Удивляюсь только, для чего это сэръ-Исаакъ принялъ ее сюда; впрочемъ, это не мое дѣло. Надѣюсь, прибавила она,—что Говорія не попадетса мнѣ болѣе на глаза, потому что я чувствую къ ней непреодолимое отвращеніе. Еслибы не эта дурная женщина, мы до сихъ поръ жили бы себѣ счастливо въ Анвикѣ.

Говоря это, она накинута на голову носовой платокъ, и отправилась на лугъ, гдѣ сидѣла мистрисъ Сентъ-Джонъ. Сэръ-Исаакъ былъ въ это время въ своей гостиной, и Фредерикъ пошелъ къ нему. На столѣ его были разбросаны бумаги, онъ торопливо писалъ что-то.

— Прочти это, сказалъ онъ Фредерику, подавая ему какое-то письмо, между тѣмъ какъ въ голосѣ его слышалось неудовольствіе.—Не понимаю, какъ люди могутъ быть такъ безтолковы.

— Ты пишешь для того чтобъ остановить это? спросилъ Фредерикъ, прочитавъ письмо.

— Да, я пишу объ этомъ, но придетъ ли мое письмо во время, это еще вопросъ. Извѣстіе это я подучилъ только нынче послѣ полудня.

— На твоемъ мѣстѣ я телеграфировалъ бы, сказалъ Фредерикъ.

Сэръ-Исаакъ положилъ перо на столъ.

— Дѣйствительно это будетъ лучше, сказалъ онъ:—одно неудобно, что въ телеграммѣ много не передашь.

— Пошли и письмо, и телеграмму, совѣтовалъ меньшей

братъ.—Я сейчасъ же пойду на станцію и самъ отправлю телеграмму, а письмо ты можешь послать по почтѣ. По крайней мѣрѣ ты будешь спокоенъ, что сдѣлалъ все что отъ тебя зависило.

— Да, оно будетъ лучше, сказалъ сэръ-Исаакъ, — если только ты не сочтешь за трудъ сходить на телеграфъ; но успѣешь ли ты вернуться къ обѣду?

— Разумѣется, успѣю, отвѣчалъ Фредерикъ.—Что же касается до труда, то могу тебя увѣрить, Исаакъ, что одолженіе не съ моей, а съ твоей стороны. Я съ самаго утра не въ духѣ, вѣроятно, отъ того что сижу безъ дѣла.

Сэръ-Исаакъ изготовилъ телеграмму, а Фредерикъ побѣжалъ съ ней на станцію, какъ школьникъ перескакивая съ холма на холмъ. Моціонъ значительно облегчилъ его тяжелое настроеніе. Впрочемъ, ему недалеко было идти: желѣзную дорогу изъ Лексингтона протянули теперь еще дальше, и небольшая промежуточная станція, выстроенная на томъ мѣстѣ, гдѣ находился прежде огородъ *Ячменной Жатвы*, почти примыкала къ жилищу дворника въ замкѣ Веферъ.

Мистеръ Сентъ-Джонъ вошелъ въ небольшую комнату, гдѣ помѣщалась контора телеграфа; входъ въ нее былъ изъ пріемной. Онъ подаль свою телеграмму и стоялъ, разговаривая съ конторщикомъ, когда послышался шелестъ женскаго платья и чей-то торопливый женскій голосъ. Мистеръ Сентъ-Джонъ стоялъ въ эту минуту за приподнятою доской конторки, и потому вошедшая женщина не могла его видѣть.

— Эй, молодой человекъ, могу ли я сейчасъ же отправить телеграмму? весьма нужная, сказала она.

— Можете, отвѣчалъ конторщикъ. А куда именно?

— Въ Парижъ, отвѣчалъ голосъ.

— Говорите, что нужно передать, сказалъ конторщикъ.

— Я записала это на бумажкѣ, чтобы не произошло ошибки. Это телеграмма секретная, и я прошу васъ сохранить ее въ тайнѣ. Такъ, одно маленькое дѣльце, которое ни до кого не касается, а между тѣмъ прошу васъ обратить особенное вниманіе на эту телеграмму, потому что она посылается изъ замка Веферъ. Придетъ ли она сегодня вечеромъ въ Парижъ?

— Да, смѣло отвѣчалъ конторщикъ, считая слова.

— А что будетъ стоить?

— Двѣнадцать шиллинговъ и шесть пенсовъ.

— Двѣнадцать шиллинговъ и шесть пенсовъ! повторилъ голосъ.— Да это грабежъ!

— Васъ никто не принуждаетъ платить, сказалъ конторщикъ.

— Но тогда телеграмма не пойдетъ?

— Конечно, не пойдетъ.

Раздался звукъ серебра, брошеннаго на конторку.

— Нѣкогда мнѣ съ вами торговаться, такъ ужь поневоля должна заплатить то что вы просите, проворчалъ голосъ.— А вамъ все-таки стыдно, молодой человѣкъ.

— Цѣны назначаются не мною, отвѣчалъ конторщикъ.— Прощайте, сударыня.

Она вышла изъ комнаты такъ же поспѣшно какъ и вошла, не замѣтивъ мистера Сентъ-Джона и даже не подозрѣвая, чтобы кто-нибудь стоялъ въ это время за деревянною конторкой: Фредерикъ бросился вслѣдъ за нею, отворилъ дверь и узналъ Прясъ.

„Такъ, стало-быть, я не ошибся въ ея голосъ,“ подумалъ олъ. Прясъ почти бѣжала по направлению къ замку Веферъ.

— Мнѣ нужно видѣть эту телеграмму, Джонсъ, сказалъ мистеръ Сентъ-Джонъ, вернувшись въ телеграфную.

Мистеръ Джонсъ колебался, но эти слова были произнесены такимъ твердымъ, повелительнымъ голосомъ, и къ тому же произносившій ихъ былъ наследникъ замка Вефера. Конторщикъ подалъ ему телеграмму.

„Мери Прясъ къ мистрисъ Дарлингъ.

„Привѣзжайте какъ можно скорѣй. Ей, кажется, плохо. Я опасаясь того, что считаю неудобнымъ передавать вамъ заочно.“

— Могу я отправить ее, сэръ? спросилъ конторщикъ.

— Непремѣнно, отвѣчалъ мистеръ Сентъ-Джонъ.— Благодарю васъ, Джонсъ, все въ порядкѣ. Только мнѣ необходимо было прочесть эту телеграмму.

Сказавъ это, мистеръ Сентъ-Джонъ тихо пошелъ домой, погруженный въ глубокое раздумье. Дѣйствительно, ему было надъ чѣмъ призадуматься. Въ замкѣ еще не начинали обѣдать. Джорджина Боклеркъ, сіяя прекрасными сѣрыми глазами, полными неподдѣльнаго восторга, бѣжала къ нему навстрѣчу черезъ лугъ. На ней было голубое шелковое платье, а волосы ея были перевиты жемчугомъ.

— Фредерикъ, отгадайте новость, кричала Джорджина.— Я только сейчасъ ее узнала, а вы должны сами догадаться.

Онъ взялъ Джорджину за обѣ руки и сталъ вѣжно смотрѣть ей въ глаза. Она покраснѣла.

— Итакъ я долженъ угадать вашу новость, сказалъ Фредерикъ. — Чтò бы это могло быть? Ужь не собираетесь ли вы стать скромницей?

Джорджина засмѣялась и попробовала освободить свои руки, но онъ не пустилъ ее.

— Не могу удержаться, чтобы не объявить вамъ мою радость, сказала она.— Папаша и мамаша вѣдутъ домой, завтра ихъ ждутъ въ приходъ!

— Какъ вы узнали это? спросилъ ее Фредерикъ.

— Мнѣ сейчасъ только дали знать изъ прихода. Я такъ рада, какъ будто цѣлый вѣкъ не видала папа! Но еслибъ я предвидѣла это, ни за чтò не стала бы коптѣть вчера надъ моимъ огромнымъ посланиемъ къ мамашѣ, сказала Джорджина.

— Я также очень радъ ихъ прїѣзду, прибавилъ Фредерикъ довольно серьезно.— Наконецъ-то мы сбудемъ васъ съ рукъ.

Она быстро взглянула на него въ недоумѣнїи, но лицо его подтверждало его слова.

— Для чего вы это говорите? спросила она.

— А потому что это правда: я буду очень радъ, когда вы снова переселитесь подъ крылышко декана.

Его серьезный тонъ привелъ ее въ изумленїе.

— За все это время вы еще ни разу не были такъ рѣзки со мной какъ теперь, сказала она обиженнымъ тономъ.— Свѣтъ-Исаакъ никогда не сказалъ бы мнѣ этого.

— Чтò значитъ: *за все это время*?

— То-есть съ тѣхъ поръ какъ вы вернулись въ замокъ Веферъ; вѣдь вы очень хорошо поняли, чтò я хотѣла сказать, прибавила Джорджина.

— Такъ вы называете меня рѣзкимъ? повторилъ Фредерикъ.

— Разумѣется; развѣ это любезно сказать дѣвушкѣ, что отъ нея рады отдѣлаться? Отъ меня вы никогда не слышали такихъ колкостей, даже въ самые бурные дни моей юности, возразила Джорджина.

— Да, я очень радъ отъ васъ отдѣлаться, смѣясь отвѣчалъ Фредерикъ.

Но въ то же время рука его вѣжно опустилась на голову Джорджины, и онъ съ любовью посмотрѣлъ ей въ лицо. Вѣки ея опустились, на глазахъ задрожали слезы.

— Вѣдь вы знаете, я ни крошечки не люблю васъ, Джорджина, прибавилъ онъ.

Но слова эти были сказаны такимъ голосомъ, какъ будто онъ убѣждалъ ее въ противномъ. Джорджина побѣжала отъ него прямо въ гостиную. Фредерикъ послѣдовалъ за нею и засталъ все общество на пути въ столовую; Шарлотта шла подъ руку съ сэръ-Исаакомъ.

XVII. Изломанный слонъ.

— Что вы намѣрены дѣлать съ Анвикомъ, сэръ-Исаакъ?

Этотъ вопросъ мистрисъ Карльтонъ не мало удивилъ сэръ-Исаака, такъ какъ до сихъ поръ она постоянно уклонялась отъ всякаго разговора на этотъ счетъ. Послѣ описаннаго нами въ предшествующей главѣ прошло не болѣе сутокъ, и все общество снова собралось въ столовой за десертомъ. По правую руку отъ сэръ-Исаака помѣщалась мистрисъ Карльтонъ, по лѣвую—Джорджина. Рядомъ съ Джорджиной сидѣлъ Фредерикъ, насупротивъ его крикаивый, разговорчивый и уже немолодой викарій доктора Боклерка, преподобный Давидъ Оувъ, а на противоположномъ концѣ стола, прямо противъ сэръ-Исаака, мистрисъ Сентъ-Джонъ. Викарій забѣжалъ въ замокъ по какимъ-то приходскимъ дѣламъ, а сэръ-Исаакъ оставилъ его обѣдать. Бѣдный труженникъ не прочь былъ перекусить кусочекъ, какъ онъ выражидся, но впрочемъ объявилъ, что тотчасъ же послѣ обѣда ему нужно исчезнуть.

Это были одни слова. Обѣдъ давно кончился, а онъ все еще не переставалъ болтать съ Джорджиной, съ мистрисъ Сентъ-Джонъ, и со всѣми, кто только хотѣлъ его слушать. Добрая душа! онъ болталъ безъ всякаго вреда ближнимъ. Правда, въ приходѣ звали его старой кумушкой, но тѣмъ не менѣе прихожане любили его и ни за что не захотѣли бы съ нимъ разстаться. Джорджина тараторила; не менѣе его, мистрисъ Сентъ-Джонъ отъ нея не отставала, а онъ разказывалъ имъ объ одномъ изъ своихъ прихожанъ какую-то уморительную исторію, возбуждавшую всеобщій смѣхъ.

Въ столовой было шумно, и пользуясь этимъ, мистрисъ Карльтоуъ неожиданно предложила свой вопросъ сэръ-Исаакъ: что намѣревъ онъ дѣлать съ Анвикомъ?

— Въ какомъ смыслѣ разумѣете вы? спросилъ сэръ-Исаакъ съ вѣжливымъ участіемъ, которое относилось не лично къ ней, а къ ея положенію.

— Будете ли вы когда-нибудь жить тамъ?

— Не думаю. У меня, какъ вамъ извѣстно, есть другое помѣстье, на сѣверѣ, куда я и переѣду, если придется оставить замокъ Веферъ.

— Но вы никогда не оставите замокъ Веферъ, сэръ-Исаакъ!

— То-есть перестану быть его владѣльцемъ, если Фредерикъ женится. Я всегда имѣлъ намѣреніе уступить ему Веферъ въ случаѣ его женитьбы, хотя увѣревъ, что буду гостить здѣсь по шести мѣсяцевъ ежегодно.

Она сидѣла, склонивъ свое прекрасное лицо надъ тарелкой, кроша пирожное, и повидимому, вся [погруженная въ это занятіе, между тѣмъ какъ ея блестящіе, черные волосы, украшенные душистою бѣлою розой, чуть не касались радужнаго хозяина.

— Нѣтъ, сэръ-Исаакъ, вы не оставите замокъ Веферъ.

— Я оставлю его только при тѣхъ обстоятельствахъ, о которыхъ сейчасъ упоминалъ вамъ. Это мы ужъ давно порѣшили съ Фредерикомъ.

— А развѣ онъ собирается жениться?

— Покамѣстъ ничего не извѣстно, хотя я очень желалъ бы этого!

— Ну, такъ пусть онъ переѣзжаетъ въ Анвикъ, а вы оставайтесь здѣсь. Что за идея бросать это чудное мѣсто, когда вы отдѣлали его какъ игрушку!

Сэръ Исаакъ улыбнулся.

— Вы точно сговорились съ Фредерикомъ, мистрисъ Карльтоуъ; братъ мой утверждаетъ, что пока я живъ, въ замокъ Веферъ не будетъ другаго хозяина; и все это, пожалуй, кончится тѣмъ, что мы оба скоротаемъ здѣсь свой вѣкъ старыми холостяками; впрочемъ, нѣтъ, вѣдь одинъ только старый, а другой-то еще молодой.

— Но развѣ сами вы никогда не женитесь? вкрадчиво спросила она. — Почему бы вамъ не обзавестись своею соб-

ственною семьей? О, сэръ-Исаакъ, повѣрьте, что всякій пожелалъ бы вамъ этого.

Вмѣсто отвѣта, сэръ-Исаакъ только улыбнулся. Между тѣмъ Фредерикъ Сентъ-Джонъ изъ всѣхъ силъ напрягалъ свой слухъ, чтобы не преронить ни одного слова изъ этой интересной для него бесѣды, хотя высшимъ образомъ вниманіе его принадлежало мистеру Оуэну, котораго онъ слушалъ, повидимому, съ большимъ участіемъ.

— Знаете ли, что мнѣ хотѣлось бы сдѣлать съ Анвикомъ?— и голосъ сэръ-Исаака понизился да шепота. — Я желалъ бы поселить тамъ васъ.

При этихъ словахъ на щекахъ ея зардѣлся румянецъ.

— Нѣтъ, я никогда болѣе не могу жить въ Анвикѣ. О, сэръ-Исаакъ... и она приблизила къ нему свое прекрасное лицо, на которомъ отразилось столько грусти... Подумайте, какъ много перенесла я въ Анвикѣ! Можете ли вы требовать, чтобы я возвратилась туда?

Онъ отвѣчалъ ей взглядомъ, исполненнымъ состраданія.

— Отдайте Анвикъ вашему брату, сэръ-Исаакъ. А сами оставайтесь въ замкѣ Веферъ и не смѣйте даже думать о томъ, чтобы его покинуть.

— Стало-быть, вамъ нравится замокъ Веферъ?

— Мнѣ еще нигдѣ не нравилось больше здѣшняго.

— Въ такомъ случаѣ для чего бѣжать отсюда? улыбаясь сказалъ сэръ-Исаакъ.

— Да я и не желаю бѣжать, отвѣчала она, поднимая на него свои умоляющіе, полные слезъ глаза,— мнѣ не куда бѣжать. И какъ трудно, о, какъ трудно свивать себѣ новое гнѣздо съ тѣми ничтожными средствами, которыя у меня остались! Потерявъ Анвикъ, я потеряла все.

Въ эту минуту шумно задвигали стульями. Мистрисъ Сентъ-Джонъ вставала изъ-за стола, и Фредерикъ мысленно благословлялъ свою мать за такую счастливую мысль. Изъ разговора Шарлотты Карльтоу съ его братомъ до него долетали лишь отрывочныя фразы, но онъ слышалъ на столько, чтобы уловить смыслъ бесѣды.

— А теперь, сэръ-Исаакъ, вы ужъ извините меня, я долженъ съ вами раскланяться, воскликнулъ мистеръ Оуэнъ, въ свою очередь вставая со стула, — позвольте благодарить васъ, что вы позволяете мнѣ забѣгать къ вамъ такимъ образомъ безъ церемоніи.

— Не хотите ли еще рюмку вина? спросилъ сэръ-Исаакъ.

— Благодарю васъ, я уже достаточно выпилъ. Человѣку дѣловому вино куда не годится. А у меня еще столько дѣлъ впереди: съ тѣмъ поговорить, у того побывать. Вѣдь вы знаете, что деканъ возвращается сегодня вечеромъ.

И онъ шумно вышелъ изъ комнаты. Фредерикъ придвинулъ свой стулъ къ брату и сѣлъ подлѣ него, а сэръ-Исаакъ поставилъ передъ нимъ бутылку бордо; но молодой человѣкъ машинально налилъ рюмку и не прикоснулся къ ней. Оба они были вообще чрезвычайно воздержны, въ настоящую же минуту младшій чувствовалъ себя слѣшкомъ взволнованнымъ чтобы пить: въ теченіе послѣднихъ сутокъ онъ совершенно убѣдился въ расчетахъ мистрисъ Карльтонъ Сентъ-Джонъ на сэръ-Исаака.

— Надолго ли пригласилъ ты сюда мистрисъ Карльтонъ, Исаакъ?

— Когда она прѣѣхала въ замокъ Веферъ, я просилъ ее оставаться здѣсь сколько она пожелаетъ, отвѣчалъ сэръ-Исаакъ,—и надѣюсь, что она этимъ воспользуется.

— Она тебѣ нравится?

— Чрезвычайно. Она понравилась мнѣ съ перваго раза. Бѣдняжка! Такая кроткая, ласковая и несчастная! Я отъ души ей сочувствую.

Фредерикъ Сентъ-Джонъ положилъ на кончикъ пальца серебряный десертный ножъ, и сталъ качать его, нисколько не думая о томъ что дѣлаетъ. Онъ просто не зналъ какъ ему высказать то, что его занимало.

— Она совѣтуетъ мнѣ, Фредъ, уступить тебѣ для жительства Аввикъ.

— Какая великодушная! возразилъ Фредъ, но сэръ-Исаакъ не замѣтилъ ироніи, скрытой въ этихъ словахъ.—Она, кажется, доказывала за столомъ, что тебѣ грѣшно покидать замокъ Веферъ, или что-то въ этомъ родѣ? Но вѣдь ты знаешь, что я самъ того же мнѣнія, Исаакъ.

— Увидимъ, увидимъ. Что жъ ты не пьешь своего вина?

Фредерикъ подвинулъ къ себѣ рюмку и снова оставилъ ее. Ему очень хотѣлось знать, что разумѣлъ Исаакъ подъ этими словами „увидимъ, увидимъ“. Быть-можетъ, въ нихъ не заключалось ничего особеннаго, но тѣмъ не менѣе они не нравились ему.

— Исаакъ, я намѣренъ быть очень смѣлымъ, я хочу

напасть на... чуть не сказалъ... на одно изъ твоихъ предубѣжденій. Ты любишь Шарлотту Карльтовъ. А я, я не люблю ея.

— Ты не любишь ея!

— Нѣтъ; не могу выразить какъ непріятно мнѣ видѣть ее здѣсь и не знать когда она отсюда уйдетъ. И все это,— какъ бы ты думалъ?—ради тебя!

Сэръ-Исаакъ былъ крайне озадаченъ. Онъ быстро взглянулъ на брата своими, блестящими, провинцательными глазами; но Фредерикъ смотрѣлъ не на него, а на качавшіяся ножъ.

— Чтò жь тебѣ не нравится въ ней?

— Вонпервыхъ, она, мнѣ кажется, фальшива. А вонвторыхъ...

Но въ эту минуту ножъ сорвался на дорогую десертную тарелку и отскочилъ отъ нея кусокъ. Виноватый смутился, а сэръ-Исаакъ улыбнулся.

— Старая привычка, Фредъ. Помнишь, какъ ты разбилъ ту превосходную тарелку изъ ворчестерскаго фарфора?

— Какъ не помнить! Я помню даже какъ разсердилась матушка; вѣдь я разрознилъ тогда цѣлый сервизъ. Ужь лучше бы мнѣ не клали ни ножа, ни вилки, какъ дѣтямъ. Я всегда начинаю играть ими...

— Но ты забылъ о мистрисъ Карльтовъ? продолжай же свой обвинительный актъ противъ нея.

Когда умъ нашъ колеблется, какъ сильно дѣйствуетъ на него малѣйшее слово, или даже звукъ голоса! Шутливый тонъ Исаака показался Фредерику насмѣшкой, и онъ, скрѣпя сердце, вернулся къ этому разговору, почти готовый отказаться отъ него.

— Вонвторыхъ, я хотѣлъ сказать, Исаакъ, что, мнѣ кажется, она не *изъ своего ума*.

— Чтò, чтò такое тебѣ кажется?

— Что Шарлотта Карльтовъ не въ своемъ умѣ.

Сэръ-Исаакъ пристально посмотрѣлъ на брата, какъ бы спрашивая его, не рехнулся ли онъ самъ.

— Ты шутишь, Фредерикъ?

— Ни мало. Я какъ нельзя болѣе серіозенъ.

— Ну, такъ скажи, мнѣ, по крайней мѣрѣ, на чемъ ты основываешь это мнѣніе?

Фредерикъ заранѣе предвидѣлъ этотъ подводный камень въ разговорѣ съ Исаакомъ. Какія основанія имѣлъ онъ? Ровно никакихъ. Причины, казавшіяся ему важными, были въ сущности ничтожны; ему вдругъ пришло въ голову, что

онъ не имѣлъ права повторять болтовню такой встрѣной дѣвочки, какъ Роза.

— Мнѣ уже не разъ приходилось подмѣчать въ ея глазахъ не только странное, даже дикое выраженіе, котораго не можетъ быть у людей въ здоровомъ разсудкѣ. Клянусь честію, Исаакъ, что я не сталъ бы тебѣ говорить объ этомъ, если бы не имѣлъ на то основательной причины... если бы не считалъ этого своею обязанностію.

— Мнѣ кажется, ты говоришь безъ основанія, Фредерикъ, серьезно сказалъ сэръ-Исаакъ.— У многихъ изъ насъ бывають иногда странные взгляды. Но въ ней я ничего не замѣтилъ.

— При тебѣ она бывала осторожнѣе.

— Пустяки. Сумасшедшіе умѣють остерегаться ни передъ кѣмъ; ужь не во снѣ это тебѣ приснилось?

Фредерика такъ и передернуло. Онъ видѣлъ, что Исаакъ смѣется надъ нимъ.

— У меня есть еще другія доказательства, сказалъ онъ: — это ея поступки.

— А именно?

Могъ ли Фредерикъ отвѣчать на это? Могъ ли онъ выказать ему сомнѣнія, возбужденныя въ немъ разказомъ Джорджины, что въ комнату ея приходила Шарлотта? Могъ ли онъ разказать о встрѣчѣ съ Гоноріей на лѣстницѣ? О телеграммѣ, которую онъ прочелъ обманомъ? А если бы онъ разказалъ это, то еще было ли бы это принято за доказательство? Съ Джорджиной могъ быть кошмаръ; ужасъ, который Гонорія внушала мистрисъ Карльтонъ, не имѣлъ въ себѣ ничего неестественнаго; а телеграмма Прявсъ могла относиться и не къ Шарлоттѣ. Нѣтъ, не къ чему было разказывать этого, сэръ-Исаакъ не убѣдился бы, а скорѣй обратилъ бы все это въ шутку.

— Исаакъ, мнѣ почти жаль что я заговорилъ съ тобой объ этомъ, продолжалъ онъ.— По моему мнѣнію, мои доказательства весьма убѣдительны, но ты, повидимому, смотришь на нихъ иначе.

— Конечно: дикій взглядъ еще не доказательство. Да и къ чему ты вообще заговорилъ объ этомъ?

Фредерикъ молчалъ. Онъ не могъ объяснить настоящей причины, которая заставила его говорить, а именно — опасенія, чтобъ Исаакъ не женился на Шарлоттѣ Карльтонъ. Братъ могъ дурно перетолковать его побужденія.

- Ужь не хотѣлъ ли ты возстановить меня противъ нея?
- Въ нѣкоторой степени, д-да.
- Чтобы выжить ее изъ замка Веферъ?
- Ты угадалъ.

— Въ такомъ случаѣ, или я тебя не понимаю, или — ты самъ страдаешь тѣмъ же недугомъ, въ которомъ заподозрилъ ее, бѣдняжку. Она можетъ остаться здѣсь навсегда, если ей угодно: не забудь, что я пользуюсь доходами, которые некогда принадлежали ей, и пожалуста, никогда болѣе не возобновляй этого разговора, Фредерикъ.

Съ этими словами сэръ-Исаакъ вышелъ изъ столовой, а Фредерикъ надѣлъ свою шляпу и выбѣжалъ вонъ изъ дому, съ напряженно-бившимся пульсомъ и нестерпимымъ сознаниемъ понесеннаго пораженія. Онъ не могъ говорить на этотъ счетъ съ Исаакомъ яснѣе чѣмъ говорилъ. До этого не допустила бы его несчастная гордость; а между тѣмъ онъ сознавалъ необходимость предостеречь брата. Онъ былъ убѣжденъ, что если братъ его женится на Шарлоттѣ Карльтонъ и узнаетъ потомъ, что она сумасшедшая, то это открытіе убьетъ его.

Недовольный и взволнованный, онъ побрелъ въ приходъ, исполняя желаніе Джорджины, которая просила его узнать, въ которомъ часу ожидаютъ туда ея родителей. Оказалось, что они ужъ пріѣхали и отобѣдали. Деканъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, склонивъ свое веселое лицо надъ цѣлою пачкой писемъ, которая вскрывалъ одно за другимъ. Въ его свѣтло-каштановыхъ волосахъ уже блестѣли кое-гдѣ серебристыя нити, плечи его слегка согнулись; но добрые, честные глаза — вѣрное подобіе глазъ дочери, попрежнему смотрѣли прямо и ласково, а рука была какъ и всегда готова для дружескаго пожатія.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ потерявъ отца и часто бывая въ обществѣ декана Боклерка, Фредерикъ Сентъ-Джонъ незамѣтно привыкъ смотрѣть на него, съ символическимъ чувствомъ. Вѣрно то, что здороваясь теперь съ деканомъ, онъ жаждалъ открыть ему свое затрудненіе. Никто не могъ дать ему болѣе благоразумнаго и прямиаго совѣта, какъ этотъ добрый человекъ. А у Фредерика Сентъ-Джона что задумано, то и сдѣлано. Онъ тотчасъ же приступилъ къ своему разказу, обойдя молчаніемъ только эпизодъ Джорджины.

Деканъ внимательно выслушалъ его до конца и покачалъ головой.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, другъ мой, причины ваши слишкомъ неосновательны, чтобы заподозрить мистрисъ Карльтонъ въ сумашествіи.

— Знаю, отвѣчалъ Фредерикъ, — въ этомъ-то вся и штука. Будь онъ хоть немного посерьознѣе, я дѣйствовалъ бы гораздо смѣлѣе, и не стѣсняясь, принялъ бы надлежащія мѣры.

— Ваше главное опасеніе, если не ошибаюсь, заключается въ томъ, чтобъ эта молодая женщина не завлекла сэръ-Исаака?

— Да, только прошу васъ, докторъ Боклеркъ, не перетолкуйте моихъ побужденій въ дурную сторону, быстро прибавилъ Фредерикъ. — Будь она пара Исааку, сумѣй она надѣлать его счастьемъ, я самъ побуждалъ бы его къ этому браку, увѣряю васъ. Неужели вы не понимаете, какъ тяжело мнѣ вмѣшиваться въ это дѣло? изъ ста человѣкъ девяносто девять навѣрное скажутъ, что я дѣйствую ради собственныхъ расчетовъ, изъ опасенія потерять права на наслѣдство. Но видитъ Богъ, что не таковы мои чувства, что мнѣ дорого только счастье брата. Онъ благороднѣйшее существо въ мірѣ, и я увѣренъ, что еслибъ ему пришлось жениться, онъ прежде всего обезпечилъ бы меня.

— А я такого мнѣнія, что онъ никогда не женится, сказалъ деканъ.

— Не знаю. Я боюсь этого, и боюсь именно по причинѣ ея. Еслибъ онъ женился на ней и узналъ въ послѣдствіи, что она сумашедшая, это убило бы его. Вы сами знаете, сэръ, какъ онъ чувствителенъ.

— Повторите-ка мнѣ сначала то, что вы сейчасъ разказывали, возразилъ деканъ. — Я разумѣю симптомы мистрисъ Карльтонъ.

Фредерикъ Сентъ-Джонъ повиновался. Онъ передалъ то, что разказывала ему Роза; сообщилъ о своихъ собственныхъ наблюденіяхъ надъ Шарлоттой, о встрѣчѣ на лѣстницѣ съ Гоноріей и о телеграммѣ, которую послала Прансъ. Всѣ эти обстоятельства, взятая вмѣстѣ, были довольно подозрительны, но порознь они ровно ничего не значили.

— Какъ бы то ни было, заключилъ онъ, — для меня они очень важны, и я увѣренъ, что она не въ здравомъ умѣ.

— Ужь не наслѣдственное ли это сумашествіе? задумчиво проговорилъ деканъ, который, очевидно, смотрѣлъ на это дѣло не такъ какъ Фредерикъ. — Подождите, кто она такая по отцу?

— Она урожденная миссъ Норрисъ, дочь мистера Норриса изъ Норрисъ-Корта. Ея мать мистрисъ Дарлингъ.

— Такъ, такъ, внезапно прервалъ деканъ, припоминая.— Я знавалъ ея отца, будучи приходскимъ викаріемъ въ ихъ округъ.

Мистеръ Сентъ-Джонъ съ удивленіемъ взглянулъ на само-витаго члена высокой церкви.

— Вы были викаріемъ!

Деканъ засмѣялся.

— Вѣдь мы всѣ начинаемъ съ этой должности, Фредерикъ.

Молодой человѣкъ въ свою очередь смѣялся теперь надъ своею минутною разсѣянностью.

— Такъ вы еще тогда знали мистера Норриса?

— Да, немного. Я, кажется, одинъ разъ обѣдалъ въ его домѣ. Церковь моя находилась на краю Анвикскаго прихода, не далеко отъ Норрисъ-Корта. Мистеръ Норрисъ умеръ скоропостижно передъ самымъ моимъ отъѣздомъ оттуда. Помню, что смерть его поразила весь округъ, и если не ошибаюсь, объ ней ходили какіе-то таинственные слухи.

— Отъ чего онъ умеръ?

— Не извѣстно, въ этомъ-то и заключалась загадка. Молова говорила, что онъ умеръ отъ горячки, но докторъ, лѣчившій его, мистеръ Пимъ, увѣрялъ меня, что у него была совсѣмъ другая болѣзнь, хотя онъ и не называлъ мнѣ какая именно.

— Это тотъ самый Пимъ, что живетъ въ Анвикѣ?

— Мистеръ Пимъ практиковалъ въ Анвикѣ. Быть-можетъ, онъ практикуетъ тамъ и до сихъ поръ.

— Да, онъ и теперь тамъ. Мнѣ пришлось дважды встрѣтиться съ нимъ въ Анвикъ-Галлѣ: въ первый разъ на похоронахъ Джоржа Сентъ-Джона, а потомъ на похоронахъ его старшаго сына. Исаакъ слишкомъ дурно себя чувствовалъ, чтобы самому ѣхать туда, и я былъ представителемъ его. Не предполагаете ли вы... онъ остановился въ смущеніи, но потомъ продолжалъ: — что мистеръ Норрисъ былъ сумашедшій? Я увѣренъ, что со стороны мистрисъ Дарлингъ ничего подобнаго не могло передаваться.

— Я не имѣю причинъ предполагать это, отвѣчалъ деканъ.— Въ то время мнѣ нуженъ былъ слуга, и ко мнѣ явился одинъ изъ лакеевъ мистера Норриса. Рекомендовалъ его мистеръ Пимъ, такъ какъ мистрисъ Норрисъ была больна, и къ ней

нельзя было обратиться за свѣдѣніями. Я нанялъ его. Это былъ тотъ самый слуга, который ухаживалъ за мистеромъ Норрисомъ во время его послѣдней болѣзни.

— И онъ никогда не разказывалъ вамъ отъ чего умеръ мистеръ Норрисъ?

— Нѣтъ, онъ былъ чрезвычайно скрытенъ; одинъ изъ скрытѣйшихъ людей, которыхъ мнѣ только случалось видѣть. А между тѣмъ, превосходный былъ слуга. Однажды я спросилъ его, отъ какой болѣзни умеръ его господинъ, и онъ отвѣчалъ мнѣ, что отъ горячки. Я замѣтилъ ему, что мистеръ Пимъ находилъ въ немъ совсѣмъ другую болѣзнь. На это онъ сказалъ, что мистеръ Пимъ не понялъ хорошенько болѣзни мистера Норриса, но что это непременно была горячка, или одинъ изъ ея видовъ.

— Онъ и до сихъ поръ у васъ?

— Нѣтъ, онъ умеръ, бѣдняга. Мѣсто у меня было ему не подъ силу, потому что я держалъ тогда одного только слугу, что говорится: малаго на всѣ руки, и онъ оставилъ меня для другой, болѣе легкой должности. Потомъ вернулся къ своей прежней госпожѣ, вышедшей въ то время замужъ за полковника Дарлингга; а чрезъ нѣсколько времени я услышалъ, что онъ уже умеръ.

Фредерикъ Сентъ-Джонъ не слушалъ этихъ подробностей; онъ впалъ въ глубокую задумчивость. Деканъ посмотрѣлъ на него.

— Никто, кромѣ мистера Пима, не можетъ объяснить это темное дѣло, докторъ Боклеръ. Я попросилъ бы васъ написать ему.

— Для чего это?

— Чтобъ узнать отъ чего умеръ мистеръ Норрисъ. Быть-можетъ, онъ былъ сумашедшій.

— Но люди не умираютъ отъ сумашествія.

— Во всякомъ случаѣ бѣды не будетъ, если вы напишете.

— Я подумаю, сказалъ деканъ.

— А теперь мнѣ надо уйди, сказалъ Фредерикъ, вставая. — Не пойдете ли и вы со мной, чтобы повидаться съ Джорджиной?

— Ахъ, Фредерикъ, ужъ вы знаете чѣмъ соблазнить меня! Чтобъ увидать ее, я готовъ бы былъ идти гораздо дальше чѣмъ въ замокъ Веферъ. Дорогая моя! Я думаю, никто не знаетъ ей настоящей цѣны.

Они вышли вмѣстѣ, заглянувъ сначала въ гостиную, чтобы предупредить мистрисъ Боклеркъ о своемъ уходѣ. Она сидѣла тамъ съ миссъ Денисовъ, пожилою особой, которая пріѣхала къ нимъ погостить мѣсяца на два и была сущимъ наказаніемъ для Джорджины.

Въ ожиданіи своего отца, а можетъ-быть, одного его спутника, Джорджина стояла на порогѣ балкона. Фредерикъ захотѣлъ удивить ее: онъ заставилъ декана обогнуть домъ, и они какъ будто выросли передъ ней изъ земли. Молодой человѣкъ внимательно наблюдалъ за этимъ свиданіемъ: онъ видѣлъ, какъ дочь прильнула къ отцу, какъ радостныя слезы заструились по ея щекамъ, и теперь окончательно убѣдился, что у нея было любящее сердце. Да онъ и прежде не сомнѣвался въ этомъ, не взирая на ея вѣтренность.

— А гдѣ мамаша? Отчего она не пришла съ вами?

— Я оставилъ ее съ миссъ Денисовъ.

Джорджина вскрикнула.

— Папаша! неужели вы привезли ее къ намъ?

— Не я, а мамаша это сдѣлала. Она пріѣхала сюда гостить, Джорджи, мѣсяца на два.

Джорджи такъ и ахнула.

— Ну, такъ я останусь въ замкѣ Веферъ!

— Нѣтъ, вы не останетесь здѣсь, воскликнулъ Фредерикъ, и тотчасъ же поспѣшилъ повернуть эту нелюбезность въ шутку. — Мы не должны удерживать васъ, Джорджина.

— Да и я не могу обойтись безъ тебя, сказалъ деканъ.

Они вошли въ комнату. Счастливая Джорджина, на прекрасныхъ глазахъ которой еще блестяли радостныя слезы свиданія, гордо опиралась на руку своего отца. Сэръ-Исаакъ, игравшій въ это время въ шахматы съ мистрисъ Карльтономъ, всталъ чтобы привѣтствовать декана; а мистрисъ Карльтонъ, которая еще ни разу не видала его, также оставила игру, и они были представлены другъ другу. Спокойно, безстрастно, сдержанно стояла она, обмѣниваясь привѣтствіями съ докторомъ Боклеркомъ; ея прекрасныя черты были въ высшей степени привлекательны, а тонкіе пальцы держали одну изъ хрустальныхъ шахматныхъ фигуръ изящной работы. Кто же могъ менѣе Шарлотты Карльтонъ походить на сумашедшую? деканъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Фредерика, какъ бы недоумѣвая, не въ бреду ли онъ наговорилъ ему все это. Въ эту минуту Джорджина тихо

подкралась къ владѣльцу замка Веферъ и подняла на него свои умоляющіе глаза.

— Позвольте мнѣ еще остаться здѣсь хоть на нѣсколько дней, сэръ-Исаакъ? сказала она. — Позвольте, не правда ли?

— Нечего и спрашивать объ этомъ. Разумѣется, оставайтесь!

— Но вы попросите за меня папашу?

— Непремѣнно, моя прелесть. Да развѣ онъ хочетъ увести васъ?

— Конечно, хочетъ. А вы знаете что надѣлала мамаша? Она привезла къ намъ эту ужасную миссъ Девисонъ. Не понимаю, какъ это папаша позволилъ. Въ послѣдній разъ какъ мы были вмѣстѣ, это было въ Вестербернѣ, она мучила весь домъ. Она безпрестанно со мной ссорилась, ну, да и я, конечно, не оставалась въ долгу. Все, что я ни дѣлала, было дурно; а однажды она-таки подбила мамашу запереть меня на два часа въ особенную комнату, за то что я будто бы наговорила ей грубостей. Упросите же, чтобы меня оставили здѣсь, сэръ-Исаакъ.

Онъ улыбнулся ей своею кроткою одобрительною улыбкой и снова сѣлъ за шахматы. Деканъ разговаривалъ съ мистрисъ Сентъ-Джонъ, Джорджина безпрестанно перепархивала отъ нихъ къ игрокамъ и обратно, оживляя каждого своею милою болтовней; только одинъ Фредерикъ не принималъ участія въ общемъ весельѣ. Онъ сидѣлъ одинъ подлѣ чайнаго стола, съ чашкой чая въ рукѣ, какъ будто весь интересъ его жизни заключался въ этомъ занятіи.

Время шло, и когда часы пробили десять, деканъ съ удивленіемъ всталъ, ибо не ожидалъ, чтобы уже было такъ поздно.

— Вѣдь вы оставите у насъ Джорджину? сказалъ сэръ-Исаакъ, вставая изъ-за шахматовъ, чтобы проститься съ деканомъ.

Но мистрисъ Карльтонъ, повидимому, такъ любила эту игру, что не могла оторваться отъ нея.

— Пусть она остается у васъ до завтра, а потомъ ужъ милости просимъ и домой.

— О, папаша! раздался умоляющій голосъ: — позвольте мнѣ погостить здѣсь подольше. Вы знаете почему я желаю этого, — еслибы не эта противная миссъ Девисонъ....

Лицо декана сдѣлалось серьезно.

— Еще нѣсколько девчонковъ, папаша, чтобы оправиться отъ этого удара, а потомъ я и вернусь домой.

Глаза ея смѣялись, когда она говорила это, и деканъ также невольно улыбулся. Между тѣмъ какъ онъ пожималъ руку мистрисъ Карльтонъ, Джорджина внезапно повернулась къ Фредерику.

— Неужели вы не замолвите за меня словечко, мистеръ Сентъ-Джонъ? Вѣдь вы сами вѣкогда называли миссъ Денисовъ старою колдуньей.

— Можетъ-быть, когда я былъ грубымъ мальчишкой, отвѣчалъ онъ.

— Стало-быть, вы не попросите за меня?

— Нѣтъ, сказалъ онъ тихимъ и серьезнымъ голосомъ, — мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы оставались здѣсь, Джорджина. Не успѣла еще Джорджина опомниться отъ удивленія, какъ въ комнату поднялась суетня. Обернувшись, она увидѣла даму въ дорожномъ костюмѣ, въ которой узнала мистрисъ Дарлингъ. Появленіе ея всѣхъ поразило своею неожиданностью. Особенно Фредерикъ не вѣрилъ глазамъ своимъ. Какъ могла она такъ скоро исполнить телеграмму!

Въ эту минуту деканъ, единственный изъ присутствующихъ, который не поспѣшилъ на встрѣчу пріѣзжей, стоялъ подлѣ мистрисъ Карльтонъ и на досугѣ разсматривалъ выраженіе ея лица, на которое случайно упалъ его взглядъ. Въмѣсто того чтобы кинуться навстрѣчу матери, мистрисъ Карльтонъ отшатнулась назадъ; лицо ея помертвѣло, въ глазахъ сверкнулъ страшный, дикій огонь, и одна изъ хрустальныхъ шахматныхъ фигуръ выпала изъ ея рукъ, раздробленная въ куски. Фредерикъ Сентъ-Джонъ тоже видѣлъ это. Неужели всякая нечаянность производитъ на нее подобное дѣйствіе? Или это были несомнѣнные признаки близкаго сумашествія? Если хрустальный слонъ былъ раздавленъ ея рукой, а не самъ разбился при паденіи, то какою необыкновенною силой должна была владѣть она! Едва успѣлъ Фредерикъ Сентъ-Джонъ замѣтить взглядъ декана, прикованный къ мистрисъ Карльтонъ, какъ суматоха стала общою: всѣ заговорили разомъ, а мистрисъ Дарлингъ весело смѣялась, раскланиваясь направо и налево и пожимая руку то тому, то другому. Она знала, что всѣхъ поразить своимъ пріѣздомъ, и заранѣе восхищалась этою мыслію. Письмо, полученное ею изъ Коттеджа, откуда спрашивали ея приказаній насчетъ какихъ-то поправокъ въ домъ, побудило ее немедленно пуститься въ дорогу; но она

рѣшила завернуть сперва въ замокъ Веферъ, чтобъ узнать, не поѣдетъ ли съ ней Шарлотта.—Что дѣлаетъ Роза?—О, она совершенно здорова и осталась погостить въ Парижѣ у де-Кастелла. Милая Шарлотта! Какъ она похорошѣла и поправилась!

Между тѣмъ милая Шарлотта пришла въ себя и снова стала спокойною, кроткою, безстрашною Шарлоттой. Повидавшись съ матерью, она въ разговорѣ обратилась къ сэръ-Исааку, между тѣмъ какъ Фредерикъ и Джорджина поднимали съ пола разбитые куски хрустала.

Простить ли ее сэръ-Исаакъ? Разознать такой великолѣпный шахматный приборъ! И какимъ образомъ словъ могъ выскользнуть изъ ея рукъ? Еще менѣе могла она понять, почему разбился онъ на мягкомъ коврѣ? Ужь не ударила ли онъ о костяную ножку шахматнаго стола? Напрасно убѣждалъ ее сэръ-Исаакъ не беспокоиться о такихъ пустякахъ: она не переставала умолять его о прощеніи.

— Мистрисъ Карльтонъ, что это съ вашею рукой? Вы, должно-быть, сами раздробили слона?

Это сказала Джорджина Боклеркъ, которая, стоя на коврѣ, случайно замѣтила порѣзы на прекрасной, бѣлой рукѣ Шарлотты и сочившуюся изъ нихъ кровь. Гнѣвно сверкнула очами мистрисъ Карльтонъ на неосторожную дѣвушку и протянула свою бѣлую руку сэръ-Исааку, который принялся ее обвязывать.

— Странно, что мы почти никогда не можемъ объяснить себѣ подобные случаи, сказала она съ очаровательною улыбкой.— У миссъ Боклеркъ, должно-быть, весьма неопредѣленныя понятія о силѣ, если она предполагаетъ, что я могла изломать этого слона. Благодарю васъ, сэръ-Исаакъ.

Фредерикъ Севтъ-Джонъ вышелъ вмѣстѣ съ деканомъ.

— Надѣюсь, что теперь вы напишете мистеру Пиму? сказалъ онъ.

— Напишу, отвѣчалъ деканъ.

XVIII. Сборъ на обѣдъ.

Если мистрисъ Дарлингъ поспѣшила въ Англію чтобы подвинуть работы въ Коттеджѣ, пришедшія въ застою по причинѣ ея отсутствія, то работы эти оставались и теперь

въ застоѣ, потому что сама она не поѣхала дальше замка Веферъ. На другой день послѣ ея пріѣзда сэръ-Исаакъ весьма любезно спросилъ у нея, не проведетъ ли она съ ними нѣсколько дней? Мистрисъ Дарлингъ поймала его на словѣ и осталась. Джорджина также осталась, и все, повидимому, шло довольно гладко и тихо. Только мистрисъ Карльтонъ долѣе прежняго оставалась въ своей комнатѣ, да лицо матери ея, какъ казалось Фредерику Сентъ-Джону, имѣло какой-то угрюмый, озабоченный видъ.

— Какъ здоровье мистрисъ Карльтонъ? спросилъ онъ у нея однажды.

— Она совершенно здорова, благодарю васъ, отвѣчала мистрисъ Дарлингъ, нагибаясь надъ большимъ воздушнымъ гераніемъ, чтобы сорвать съ него нѣсколько цвѣтковъ.

— Мнѣ не совсѣмъ-то нравилась ея видъ въ послѣднее время, смѣло продолжалъ Фредерикъ. — Мнѣ кажется, она не.... не хорошо себя чувствуетъ.

— Напротивъ, она совершенно здорова, отвѣчала мистрисъ Дарлингъ, стараясь выразить на своемъ лицѣ удивленіе. — Шарлотта всегда была крѣпкаго сложенія. Она и Роза пошли въ меня, природа надѣлила ихъ крѣпкимъ здоровьемъ, чего нельзя оказать объ остальныхъ моихъ дочеряхъ. Я собираюсь ѣхать въ Коттеджъ, мистеръ Сентъ-Джонъ, и мнѣ очень бы хотѣлось увезти съ собой Шарлотту; но она совсѣмъ не расположена ѣхать, и я замѣтила, что мой неожиданный пріѣздъ даже разсердилъ ее. Она, повидимому, очень счастлива здѣсь.

Тамъ и кончилась этотъ разговоръ. Мистрисъ Дарлингъ тотчасъ же ушла куда-то, и вылазка Фредерика Сентъ-Джона осталась безъ послѣдствій.

Въ свое время деканъ получилъ отвѣтъ отъ мистера Пима, который сообщалъ ему, что маистеръ Норрисъ изъ Норрисъ-Корта умеръ въ припадкахъ сумашествія. Вдова его, въ послѣдствіи мистрисъ Дарлингъ, сумѣла, ради дочери, сохранить его болѣзнь втайнѣ и замаять всѣ толки. Мистеръ Пимъ еще никогда и никому не открывалъ этого, но онъ имѣлъ такое высокое мнѣніе о деканѣ Вестерберійскомъ, что рѣшился смѣло вѣрить ему эту тайну, чувствуя, по писью его, какъ важно было для него это открытіе.

— Вы видите, что я былъ правъ, воскликнулъ Фредерикъ, когда деканъ показалъ ему писью.

— Не совсѣмъ, возразилъ деканъ. — Вы правы лишь въ томъ, что въ семействахъ ихъ есть этотъ недугъ; но развѣ это доказательство, чтобы мистрисъ Карльтонъ была имъ одержима?

— Многие, быть-можетъ, не найдутъ это достаточнымъ доказательствомъ; а для меня это весьма важно. Вы согласитесь, по крайней мѣрѣ, что нельзя пожелать такой жены для Исаака.

— Согласенъ; хотя, по моему мнѣнью, Фредерикъ, она такъ же опасна для него, какъ и для васъ. Повѣрьте, что онъ и не думаетъ о женитьбѣ.

Фредерикъ молчалъ. Онъ отчасти соглашался съ деканомъ; но онъ зналъ, какъ увлекательно могло быть общество хитрой, красивой женщины для сэръ-Исаака, который никогда не имѣлъ до сихъ поръ подобныхъ сношеній.

Прошло два или три дня, и ничто не нарушало спокойствія даже мнительнаго Фредерика Сентъ-Джона. Жизнь въ замкѣ Веферъ шла своимъ заведеннымъ порядкомъ: однообразіе нарушалось только визитами изъ замка въ приходъ и изъ прихода въ замокъ. Сентябрь приближался къ концу; погода стояла очаровательная, теплая, такъ что сэръ-Исаакъ Сентъ-Джонъ, мистрисъ Карльтонъ и Джорджина почти жили на воздухѣ. Не мучь его это мрачное подозрѣніе, Фредерикъ Сентъ-Джонъ былъ бы въ высшей степени счастливъ, видя какимъ прекраснымъ здоровьемъ пользовался теперь его братъ. Впрочемъ, даже и эти подозрѣнія не могли омрачить того странно-радостнаго чувства, которое незамѣтно начинало охватывать все существо его, и котораго онъ не хотѣлъ анализировать. Кто знаетъ, быть-можетъ, обаятельное вліяніе Джоржины постепенно проникало въ его сердце; а можетъ-быть, чувство къ ней уже давно таилось въ немъ, только онъ не умѣлъ отдать себѣ въ этомъ отчета.

Мистрисъ Дарлингъ сидѣла въ своей комнатѣ и занималась корреспонденціей. Вечерняя почта завезла ей въ замокъ Веферъ три письма, изъ которыхъ два—одно отъ лондонской приятельницы, другое отъ дочерей—были совершенно ничтожны, такъ что каждый могъ бы прочесть ихъ. Третье же заключало въ себѣ лишь одну строку. Прочитавъ ее, мистрисъ Дарлингъ быстро сунула письмо въ карманъ и украдкой взглянула на Шарлотту, чтобы посмотреть, замѣтила ли она этого движенія.

— Бабушкѣ лучше, сказала мистрисъ Дарлингъ. — Не

хочешь ли прочесть письмо Маргариты, душа моя? А вотъ и другое, отъ мистрисъ Уэйльзъ.

Мистрисъ Карлтонъ стояла въ эту минуту у окна, въ полъоборота, то поглядывая на зеленые, покатыя холмы, разстилавшіеся передъ ея глазами, то наблюдая за своею матерью. Она протянула руку за письмомъ, и роскошная складка ея серебристо-сѣраго шелкового платья зашумѣла отъ этого движенія. Она носила теперь самый легкій трауръ. Мистрисъ Дарлингъ подала ей оба письма.

— И то, и другое совершенно пусты, Шарлотта.

Разсѣянно пробѣжавъ ихъ содержаніе, Шарлотта бросила ихъ на столъ съ полупрезрительнымъ жестомъ и посмотрѣла на мистрисъ Дарлингъ, снова углубившуюся въ свою корреспонденцію.

— А отъ кого было третье, мамаша?

— Третье!

— Да, то, что вы сунули въ карманъ.

— О, это было не письмо, а счетъ.

— На конвертѣ стоялъ штемпель Аввика.

„Какое зрѣніе“, чуть не вырвалось у мистрисъ Дарлингъ, но тотчасъ же она совершенно равнодушно прибавила:

— Мы всегда присылаютъ счеты, которыхъ не могутъ заплатить безъ меня за неимѣніемъ большихъ суммъ, милая Шарлотта, прибавила мистрисъ Дарлингъ (и нужно прибавить, что Шарлотта совершенно удовольствовалась отвѣтомъ матери, ни на минуту не заподозривъ его правдивости);—такъ какъ рѣчь зашла теперь о долгахъ, то позволь мнѣ еще разъ спросить тебя, когда намѣрена ты ѣхать со мной?

— Я не возвращусь болѣе въ Аввикъ. Выходя замужъ за Джорджа Севтъ-Джона, я навсегда покинула Коттеджъ.

— Куда же ты хочешь ѣхать? Въ Беркширъ? Въ Лондонъ? Въ Брайтонъ? Въ Парижъ? Только скажи куда. Я не требую, чтобы ты непременно возвратилась въ Аввикъ.

— Пожалуста, не приставайте ко мнѣ, мамаша. Мнѣ очень хорошо тамъ гдѣ я теперь, и я хочу продать свое пребываніе въ замкѣ Веферъ. Въ тотъ вечеръ, когда вы пріѣхали сюда такъ неожиданно, я, право, думала, что это ваша тѣнь, потому что еще наканунѣ получила отъ васъ письмо, въ которомъ вы ни слова не упоминали о намѣреніи оставить Парижъ; я уже догадалась для чего вы пріѣхали. Я знала,

что вы хотите попытаться увести меня изъ замка Веферъ. Но я предупреждаю васъ, чтобы вы не трудились.

Мистрисъ Дарлингъ ничего не отвѣчала. Она знала по опыту, что это будетъ напрасный трудъ. Всю жизнь свою она убѣждалась въ томъ, что принуждать къ чему-либо Шарлотту было „напраснымъ трудомъ“, и тяжело становилось ей подчасъ это бремя. Наклонившись надъ бумагами, она молча продолжала писать, какъ вдругъ Шарлотта неожиданно заговорила съ нею.

— Долго ли еще пробудетъ здѣсь эта дѣвчонка? спросила она.

Голова мистрисъ Дарлингъ занята была въ эту минуту многими пріятными и непріятными мыслями, и она вообразила, что слово „дѣвчонка“ относится къ Говоріи Триттовъ. Глаза Шарлотты сверкнули дикимъ гнѣвомъ за эту невольную ошибку; бѣдная мистрисъ Дарлингъ готова была откусить свой неосторожный языкъ; но желая поправиться, она еще больше запуталась.

— Шарлотта, другъ мой, извини меня пожалуйста. И сама не знаю, какъ она пришла мнѣ въ голову. Развѣ не отъ того ли, что я утромъ говорила съ ней сегодня. Ты....

— Вы говорили съ ней! рѣзко прервала Шарлотта: — желала бы я знать, мамаша, о чемъ вы можете говорить съ ней. Еслибы каждаго наказывали по заслугамъ, то Говорія Триттовъ давно была бы.... была бы.... что она смѣла говорить вамъ обо мнѣ?

— Милая Шарлотта! воскликнула несчастная мать, испугавшись голоса, которымъ сказаны были эти послѣднія слова: — она ни слова не говорила мнѣ о тебѣ. Я случайно встрѣтилась съ ней въ одномъ изъ корридоровъ нижняго этажа. Она только поклонилась мнѣ и спросила о моемъ здоровьѣ — вотъ и все.

— На двухъ эта женщина осмѣлилась нарочно стать на моей дорогѣ. Я это знаю, презрительно сказала мистрисъ Карльтовъ. — И еслибъ я не боялась унизить себя, обращая вниманіе на такую тварь, я попросила бы сэръ-Исаака прогнать ее изъ замка Веферъ.

— Ахъ, Шарлотта! Неужели за то, что она попала съ тебѣ на лѣстницѣ?

— Нѣтъ. Но за то горе, которое она привнесла мнѣ въ

прошедшемъ. Для чего она *здѣсь*, желала бы я знать? Въ прошлую ночь мнѣ приснилось, что она пришла убить меня.

Мистрисъ Дарлингъ еще прежде слышала о встрѣчѣ Шарлотты съ Гоморіей и хорошо знала всѣ подробности этой встрѣчи. Но она благоразумно обошла ее молчаніемъ и заговорила о другомъ лицѣ.

— Стало-быть, ты разумѣла миссъ Боклеркъ, Шарлотта?

— Конечно, миссъ Боклеркъ. Чего она не возвращается домой?

— Ахъ, моя милая, какъ же ты не хочешь понять, что она здѣсь почти какъ у себя дома, успокоительно проговорила мистрисъ Дарлингъ. (Уже прежде замѣчено было, что въ разговорахъ съ Шарлоттой голосъ мистрисъ Дарлингъ всегда принималъ этотъ ласкающій, успокоительный тонъ, какъ будто она вѣчно боялась какого-нибудь взрыва)—Приходя такъ близко отсюда, и обѣ семьи такъ дружны между собой, что Джорджина и здѣсь, и тамъ чувствуетъ себя какъ дома.

— Какой вздоръ, мамаша! Здѣсь она чужая; ея домъ въ приходѣ, и ей пора бы вернуться туда, когда отецъ и мать уже вернулись. Я хочу *знать что ей тутъ нужно?*

Тихій и выразительный шепотъ, которымъ произнесены были эти слова, крайне удивилъ мистрисъ Дарлингъ. Что еще забрала себя въ голову Шарлотта?

— Мнѣ кажется, тебѣ должно быть все равно, моя милая, здѣсь она или у себя дома.

— Напротивъ; для меня это очень важно. Она постоянно слѣдитъ за мной какъ шпионъ.

— Какъ шпионъ? Шарлотта!

— Ну да. Она употребляетъ всѣ усилія, чтобы возстановить противъ меня сэръ-Исаака.

— Ахъ, Шарлотта! какъ ты ошибаешься. Я увѣрена, что у нея и въ головѣ вѣтъ ничего подобнаго.

— А я вамъ говорю, что да, смотрите сюда!

Мистрисъ Дарлингъ встала, повинувшись повелительному приказанію дочери и посмотрѣла изъ окна въ то мѣсто, куда указывала Шарлотта. Въ эту минуту Джорджина Боклеркъ, уже совсѣмъ одѣтая къ обѣду, — на ней было свѣтлое кисейное платье съ голубыми атласными вѣточками, — шла подъ руку съ сэръ-Исаакомъ. Ея хорошевка бѣлокурая головка такъ близко наклонялась къ нему въ разговорѣ, что

шелковистые волосы и голубыя денты почти касались его лица. Даже издали видно было, съ какою нѣжною любовью смотрѣлъ сэръ-Исаакъ на свою прелестную спутницу.

— Сегодня послѣ полудня, продолжала мистрисъ Карльтонъ, — онъ обѣщалъ ѣхать со мною верхомъ; онъ на своемъ пони, а я на сѣрой лошади мистера Сентъ-Джона, какъ вдругъ она явилась и увела его. Онъ ушелъ съ ней, едва извинившись передо мною, и они прогуливались гдѣ-то пѣшкомъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ сряду. Она ни на минуту не отстаеетъ отъ него. Не успѣетъ она одѣться къ обѣду, какъ уже опять приманитъ его къ себѣ. И вы скажете послѣ того, что она не интригуетъ противъ меня?

Что могла сказать мистрисъ Дарлингъ? Подозрѣніе крѣпко зашло въ головѣ Шарлотты, и никакіе доводы не могли бы ее разуверить. Темное предчувствіе бѣды, съ которою она не въ силахъ будетъ справиться, какъ холодомъ охватило душу мистрисъ Дарлингъ; и когда Шарлотта порывисто вышла изъ комнаты, она достала изъ кармана скомканное письмо и еще разъ пробѣжала его съ чувствомъ радостной благодарности: оно извѣщало ее о скоромъ пріѣздѣ того, чья помощь могла быть теперь гораздо дѣйствительнѣе нежели ея собственная.

Мистрисъ Карльтонъ спустилась съ лѣстницы, заглядывая во всѣ углы направо, налево и даже черезъ вызолоченную балюстраду внизъ, въ приемную, что она постоянно дѣлала со времени своей встрѣчи съ Гоноріей Триттонъ. Но смотрѣла не прямо и открыто, а украдкой, какъ бы боясь снова увидѣть ее. Потомъ она вошла въ гостиную, и притаившись за голубую атласною драппировкой балкона, стала смотрѣть въ растворенныя двери. Джорджина шла по террасѣ съ сэръ-Исаакомъ: на нихъ-то и устремился ея взглядъ, злой, гнѣвный, угрожающій. Въ глазахъ ея сверкалъ мрачный огонь, губы побѣдѣли, руки конвульсивно сжимались, какъ бы отъ непреодолимаго гнѣва. Но посреди этихъ злобѣщихъ симптомовъ, какой-то внутренній инстинктъ шепнулъ ей, что она не одна; она быстро повернулась и увидѣла Фредерика Сентъ-Джона, который сидѣлъ за ближайшимъ столомъ и преспокойно наблюдалъ за ней.

Она тотчасъ же опомнилась и подошла къ нему. Лицо ея

приняло прежнее, безстрастное выраженіе, на прекрасныхъ бѣлыхъ пальцахъ руки блестѣли роскошные перстни.

— Какой сегодня теплый день, мистеръ Сентъ-Джонъ!

— Да, очень теплый.

— А вы что-то рано собрались къ обѣду, сказала она, намекая на его обыкновенно позвѣе появленіе къ столу; ему часто случалось приходиться, когда всѣ уже сидѣли за супомъ.

— Я сегодня дома не обѣдаю. Я иду съ миссъ Боклеркъ въ приходъ.

— И сэръ-Исаакъ также? быстро спросила она.

— Не думаю.

— Видѣли вы сегодня мистрисъ Сентъ-Джонъ.

— Да. Ей лучше. Она сегодня сойдетъ къ обѣду.

Мистрисъ Карльтонъ не сказала болѣе ни слова. Фредерикъ Сентъ-Джонъ снова углубился въ газету. Все яснѣе раздавались голоса сэръ-Исаака и Джорджины, по мѣрѣ того какъ они приближались къ балкону. Они всѣ трое ходили послѣ полудня въ приходъ, и деканъ просилъ ихъ вернуться къ обѣду, чтобъ избавить его отъ скучнѣйшаго tête-à-tête съ миссъ Денисонъ, которая на всѣхъ умѣла наводить уныніе. Такимъ образомъ рѣшено было, что Джоржина и Фредерикъ отправятся въ приходъ, но сэръ-Исаакъ не далъ положительнаго обѣщанія, и Джоржина, повидимому, уговаривала его теперь идти вмѣстѣ съ ними.

— Это весьма не великодушно съ вашей стороны, сэръ-Исаакъ. Вѣдь вы знаете, что это для папаша, чтобъ избавить его отъ общества этой статуи. Еслибы васъ заперли въ одномъ домѣ съ какою-нибудь Готтентоткой, и вы стали бы просить папашу спасти васъ отъ этой пріятной собесѣдницы, ужъ вѣрно онъ не сталъ бы отказываться.

— Но мнѣ нельзя сегодня, возразилъ сэръ-Исаакъ, и голосъ его звучалъ смѣхомъ.—Вѣдь я сказалъ декану, почему мнѣ нельзя придти сегодня.

— Стало-быть, вы рѣшитесь пустить меня одну, безъ себя! О, какъ это не любезно, сэръ-Исаакъ! А вдругъ меня украдутъ? Вѣдь тутъ могутъ быть похитители въ кустахъ.

— У васъ будетъ болѣе надежный защитникъ чѣмъ я, сильный и молодой, а я старъ и хилъ.

— Для меня вы никогда не состаритесь, никогда....—и слезы уже готовы были брызнуть изъ ея глазъ.—О, какъ я желала бы увести васъ съ нами!

— Мнѣ и самому хотѣлось бы этого, Джорджина; вѣдь вы для меня словно красное солнышко, при васъ свѣтло, а безъ васъ темно и скучно. Но дѣло въ томъ, что я, какъ хозяйка дома, не могу оставить своихъ гостей. Случись это въ другой день, когда мистрисъ Севтъ-Джонъ сошла бы къ обѣду, мое отсутствіе осталось бы не замѣтнымъ. Но теперь невозможно.

— Что за несносно-скучные люди! воскликнула Джорджина, безцеремонно намекая на мистрисъ Карльтонъ и ея мать.— Я знаю, что вы охотнѣе пошли бы съ нами. Я такъ и скажу папашѣ, что если онъ прикованъ къ миссъ Демисонъ, то вы пригвождены къ мистрисъ Карльтонъ. Не знаю, что бы вы дѣлали съ ней все это время, если бы не я.

Они вошли въ комнату, Джорджина съ дерзкимъ, задорнымъ выраженіемъ на предестномъ личикѣ, сэръ-Исаакъ съ нѣжною, любящею улыбкой. Мистрисъ Карльтонъ успѣла разглядѣть обоихъ и быстро отошла въ сторону; ни одинъ изъ нихъ и не подозрѣвалъ, что слова ихъ были подслушаны.

Фредерикъ Севтъ-Джонъ всталъ.

— Мы непременно опоздаемъ, Джорджина!

— Вы думаете? Ну, такъ я скажу, что всему виной вы одни, воскликнула счастливая дѣвушка, поспѣшно хватая со стула бѣлую мантилью и соломенную шляпку.— Я ужь готова.

— Развѣ вы не надѣнете вашу мантилью?

— Нѣтъ, я беру ее только для вечера, когда мы будемъ возвращаться домой. А теперь можете нести ее.

Она бросила ему на плечо мантилью, повѣсила себѣ на руку шляпку, и подъ защитой ея крошечнаго, щегольского зонтика оба отправились въ путь. Между тѣмъ мистрисъ Карльтонъ наблюдала за ними, стоя у открытаго окна.

— Знаете ли вы который часъ, Джорджина? спросилъ онъ.

— Да, я думаю, уже болѣе пяти.

Онъ показалъ ей часы. Было безъ двадцати минутъ шесть.

— Конечно, вы можете свалить вину на меня, если хотите, но во всякомъ случаѣ мистрисъ Боклеркъ очень разсердится на насъ обоихъ.

— А все не такъ, какъ миссъ Демисонъ, смѣясь возразила Джорджина.— Старая причудливица! Увѣряетъ, что у нея разстраивается желудокъ, какъ скоро она обѣдаетъ позднѣе половины шестаго. Будь я на мѣстѣ папаша, я велѣла бы подавать собственно для нея супъ и двѣ бараньи котлетки,

а настоящій обѣдъ назначила бы въ семь. Она у меня скоренько перестала бы привередничать.

— Будь вы на мѣстѣ вашего отца, вы дѣйствовали бы такъ же, какъ онъ, воскликнулъ Фредерикъ.—А когда вамъ придется жить своимъ собственнымъ домою, Джорджина, я увѣренъ, что вы не уступите ему въ любезности.

— Можетъ-быть, только ужъ не къ миссъ Денисонъ. Но я постараюсь никогда не приглашать къ себѣ такихъ неприятныхъ людей. Вотъ хоть бы, напримѣръ, эту мистрисъ Карльтонъ.

— А вы развѣ находите мистрисъ Карльтонъ неприятною? спросилъ онъ, оборачиваясь къ Джорджинѣ, которая уже занялась просовываніемъ ручки своего зонтика въ кусты, совершенно позабывъ о неудовольствіи своей матери и о голодной миссъ Денисонъ. — Кажется, вы говорили, что она вамъ нравится.

— Да, прежде она мнѣ нравилась. Мнѣ было очень жаль ея. Но теперь она становится весьма неприятною. Она иногда смотритъ на меня такъ зло, какъ будто хочетъ укусить; да вотъ, посмотрите, что она сдѣлала вчера.

Джорджина протянула Фредерику кисть руки и указала на синее пятно, какъ бы отъ сильнаго давленія.

— Неужели это она сдѣлала! воскликнулъ онъ, взявъ ея руку обѣими руками.—Какимъ образомъ?

— Конечно, безъ намѣренія; то-есть не для того чтобы повредить мнѣ. Мы съ ней поспорили за что-то: кажется, насчетъ прогулки съ сэръ-Исаакомъ. Она утверждала, что мнѣ не годится ходить по такой жарѣ, а я говорила, что чѣмъ жарче тѣмъ пріятнѣе, и когда я хотѣла убѣждать, она поймала меня за руку; увѣраю васъ, я думала, что меня схватила гіена. Я вскрикнула отъ боли! Сэръ-Исаакъ услышалъ это и обернулся. Тутъ она стала смѣяться, я также засмѣялась, да и убѣжала отъ нея. А сегодня утромъ гляжу—на рукѣ синякъ.

Онъ все еще смотрѣлъ на пятно, повертывая хорошенькую ручку въ своей мужественной рукѣ.

— Говорили вы объ этомъ сэръ-Исааку?

— Не помню. Впрочемъ, погодите, я, кажется, говорила ему, что мистрисъ Карльтонъ прочла мнѣ цѣлое наставленіе по поводу солнечныхъ ударовъ и веснушекъ, продолжала безпечная дѣвушка.—Пустите мою руку, мистеръ Севтъ-Джонъ.

Синякъ вовсе не замателевъ, чтобы разсматривать его такъ долго.

Онъ молча выпустилъ ея руку, и они пошли далѣе. Джорджина поржала подлѣ него, то забѣгая впередъ, то оставаясь позади, но вездѣ, куда только проникали косые лучи заходящаго солнца, они играли на ея бѣлокурой головкѣ, обвитой голубыми лентами.

— Ей, вѣрно, часто случается бывать не въ духѣ, продолжала Джорджина, все еще намекая на мистрисъ Карльтонъ.— Видѣли вы ее сейчасъ у окна, когда мы уходили? Какъ она на меня покосилась.

— Вѣроятно, она имѣетъ на это свои причины, замѣтилъ мистеръ Сентъ-Джонъ.

— Какія же?

— Она васъ ревнуетъ.

— Ревнуетъ меня! къ кому?

— Къ сэръ-Исааку.

Большіе сѣрые глаза Джорджины сдѣлались еще больше и съ невыразимымъ удивленіемъ устремились на Сентъ-Джона.

— Ревновать меня къ сэръ-Исааку? Къ сэръ-Исааку? Но откуда взялась у нея такая нелѣпная мысль?

— Что это вы такъ особенно налегааете на сэръ-Исаака? Развѣ еще есть другой, къ которому бы она скорѣе могла...

Онъ не кончилъ своей фразы и устремилъ на нее такой глубокій взоръ, что она отвернулась въ смущеніи. Яркимъ румянцемъ, гораздо ярче розовой полосы на горизонтѣ, задрѣялось ея лицо, и онъ съ улыбкой прервалъ свою рѣчь.

Впрочемъ, Джорджина скоро оправилась, но не довольная имъ, не довольная собой, почти съ сердцемъ начала оправдываться какъ могла.

— Право, я не понимаю васъ, мистеръ Сентъ-Джонъ, или вы сдѣлались такъ же безтолковы, какъ мистрисъ Карльтонъ. Ну развѣ *можно* ревновать меня къ сэръ-Исааку? Пусть ужъ лучше ревнуетъ къ палатѣ.

— Мистрисъ Карльтонъ, вѣроятно, думаетъ, что въ качествѣ старшей гостьи, она имѣетъ болѣе правъ на вниманіе хозяина нежели кто-либо другой, сказалъ онъ, не желая посягать ей болѣе.— Вотъ почему ей не нравится, что вы заговорили сэръ-Исаака.

— Только отъ этого! воскликнула Джорджина, вздернувъ свой хорошенькій носикъ.— А я поняла это иначе. Ну, такъ

я завтра же, на зло ей, цѣлый день не отпущу отъ себя сэръ-Исаака. Вотъ увидите.

Сентъ-Джонъ ничего не отвѣчалъ, онъ думалъ. Не его виная Джорджина до сихъ поръ оставалась въ замкѣ Везферъ; онъ и теперь не находилъ благовиднаго предлога для ея удаленія. А между тѣмъ, въ глубинѣ сердца, его такъ и подымало желаніе, чтобъ она была подальше отъ нихъ, подальше отъ всякой опасности и бѣды. Этотъ сныкъ на ея рукѣ! что если...

— Накиньте на меня мантилью, мистеръ Сентъ-Джонъ, сказала Джорджина.

Она нацѣла шляпку на самую маковку и остановилась въ ожиданіи мантильи, спиною къ Сентъ-Джону.

— А что, вамъ холодно! Нужно было надѣть ее съ самаго начала.

— Холодно! Въ такой теплой вечеръ! Ни мало. Но мы сейчасъ вступимъ на приходскую землю и можемъ повстрѣчать мамашу, или ея очаровательную гостью. Тогда мнѣ ужъ не уйти отъ ихъ упрековъ, если онѣ увидятъ меня безъ мантильи. Такой полнумуть дуэтъ, что просто бѣда! Не знаю которая будетъ кричать сильнѣе. Миссъ Девисонъ имѣетъ привычку за полчаса до обѣда бродить по дорожкамъ. Это у нея называется укрѣплять свою конституцію. Какъ противно мнѣ это слово! Благодарю васъ; теперь ей не къ чему будетъ придраться.

Бѣлая шелковая мантилья была уже надѣта и завязана шелковыми снурками, а мистеръ Сентъ-Джонъ все еще не выпускалъ Джорджину изъ своихъ рукъ.

— Это что значитъ? спросила она, поворачивая къ нему голову.

— Ничего. Я думалъ, какъ хорошо было бы, еслибъ я могъ всегда беречь и охранять васъ такимъ образомъ отъ всякаго зла.

Онъ выпустилъ ее изъ своихъ объятій, и она стрѣлой понеслась впередъ, прокричавъ ему, что обѣдъ уже давно, давно ждетъ. Но когда она обернулась назадъ, ее поразило серьезное выраженіе его лица.

Мистрисъ Боклеркъ была брюзгливая дама лѣтъ сорока-пяти; миссъ Девисонъ — еще болѣе брюзгливая дѣва, лѣтъ около пятидесяти; и на Джорджину полился цѣлый ливень упрековъ за то, что она заставила себя ждать къ

обѣду. Но молодая дѣвушка свалила всю вину на мистера Сентъ-Джона и къ своему величайшему удовольствію увидѣла, какъ миссъ Денисонъ пронзила его своими убійственными взглядами.

— Я никакъ не могла его увѣрить, что вы обѣдаете по-старинному, въ половинѣ шестаго, воскликнула шамуна. — Чѣмъ болѣе убѣждала его торопиться, тѣмъ медленнѣе онъ шель.... Да, мамаша, мистрисъ Сентъ-Джонъ говоритъ, чтобы вечеромъ мы всѣ пришли въ замокъ Веферъ.

Она украдкой взглянула на Фредерика. Онъ стоялъ спокойный, прямодушный, устремивъ на нее взглядъ, полный нѣжнаго укора за этотъ невинный обманъ, но не сказалъ ни слова.

XIX. Нежданный гость.

Деканъ и мистеръ Сентъ-Джонъ сидѣли вдвоемъ послѣ обѣда, когда слуга доложилъ о пріѣздѣ какого-то джентльмена, желающаго видѣть доктора Боклерка. Деканъ спросилъ фамилію, но слуга отвѣчалъ, что джентльменъ не назвалъ себя по имени и желаетъ лично объясниться съ докторомъ Боклеркомъ.

— Введите его сюда, сказалъ деканъ, къ которому всякій имѣлъ свободный доступъ.

Слуга удался и скоро ввелъ маленькаго сѣденькаго господина въ очкахъ. Лицо его было незнакомо декану; но зато Фредерикъ Сентъ-Джонъ съ удивленіемъ призналъ въ немъ мистера Пима изъ Анвика. Мистеръ Пимъ объяснилъ декану, что будучи вызванъ къ больному въ этомъ округѣ, онъ воспользовался случаемъ (вслѣдствіе недавней переписки) повидаться съ докторомъ Боклеркомъ. Докторъ Боклеркъ, котораго, внѣ его каедральнаго города, почти никто не называлъ мистеромъ деканомъ, — такъ не привыченъ былъ этотъ титулъ для постороннихъ, а для мистера Пима, кажется, и вовсе не извѣстенъ, — докторъ Боклеркъ спросилъ стараго медика давно ли онъ въ ихъ округѣ. Мистеръ Пимъ отвѣчалъ, что онъ только что прибылъ съ вечернимъ поѣздомъ и прямо съ дебаркадера явился въ приходъ.

Это возбудило подозрѣніе въ умѣ декана, и онъ заговорилъ съ нимъ подъ этимъ впечатлѣніемъ.

— Не нарочно ли вы прѣехали изъ Анвика, мистеръ Пимъ, чтобы повидаться со мною?

— О нѣтъ, клянусь честью, отвѣчалъ старичокъ, принимая изъ рукъ декана рюмку вина, но отказываясь отъ всякаго другаго угощенія.— Меня вызывали въ Лексингтонскій округъ къ больному; и разъ уже заѣхавъ сюда, я непременно хотѣлъ повидаться съ вами, докторъ Боклеркъ. Моя главнѣйшая цѣль, прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанія,—состоить въ томъ, чтобы узнать отъ васъ, сэръ, не имѣли ли вы какихъ-либо особенныхъ причинъ интересоваться болѣзнию мистера Норриса.

Деканъ молча посмотрѣлъ на Фредерика Сентъ-Джона, какъ бы спрашивая его, довѣряться имъ медику или нѣтъ?

— Я спрашиваю васъ не изъ пустаго любопытства, докторъ Боклеркъ, продолжалъ медикъ, замѣтивъ его нерѣшительность,—я никогда не осмѣлился бы этого сдѣлать, еслибы у меня не было весьма важныхъ причинъ.

— Лучше открыть ему все, воскликнулъ Фредерикъ, который угадалъ мысль декана и порывался скорѣе уяснить дѣло.— Я увѣренъ, что на мистера Пима смѣло можно положиться; да къ тому же онъ можетъ помочь намъ своимъ совѣтомъ.

— Пусть будетъ по-вашему, сказалъ деканъ.— Но не забывайте, мистеръ Фредерикъ, что подозрѣнія эти ваши, а не мои.

— Да, да, я все беру на себя, нетерпѣливо отвѣчалъ молодой человѣкъ, боясь упустить этого новаго союзника, котораго такъ кстати послала имъ судьба.— Мистеръ Пимъ, вы уже давно знаете мистрисъ Карльтонъ Сентъ-Джонъ, не правда ли? Она, кажется, прежде была Шарлотта Норрисъ.

— Да, таки давненько, отвѣчалъ докторъ.— Могу сказать, что съ самаго дня ея рожденія, потому что я принималъ ее.

— Ну, такъ вѣтъ въ чемъ дѣло: у васъ, то-есть у меня, возникло недавно на ея счетъ весьма непріятное, даже ужасное подозрѣніе; такое подозрѣніе, о которомъ непріятно и упоминать.

— Какое же! воскликнулъ докторъ.

— Въ ней обнаруживаются признаки помѣшательства.

Съ этими словами Фредерикъ Сентъ-Джонъ взглянулъ на мистера Пима, ожидая, что тотъ выразитъ свое удивленіе, но докторъ спокойно поднесъ рюмку къ губамъ, хлебнулъ глотокъ и опять поставилъ ее на столъ.

— А! сказалъ онъ:—что жь далѣе?

Тутъ рѣчь мистера Сентъ-Джона полилась неудержимымъ потокомъ. Онъ, обыкновенно холодный и безстрастный, въ совершенствѣ владѣвшій не только своимъ голосомъ, но даже каждымъ биеніемъ своего пульса, казалось, переродился въ этотъ вечеръ. Онъ былъ въ высшей степени возбужденъ, чтобы не сказать болѣе. Но по мѣрѣ того какъ онъ разказывалъ, возбужденіе ослабѣвало, а спокойствіе возвращалось. Впрочемъ, въ другое время онъ былъ бы еще яснѣе и отчетливѣе въ изложеніи фактовъ.

Мистеръ Пимъ молча слушалъ, не прерывая его ни единымъ словомъ. По окончаніи разказа онъ подождать еще минуты двѣ, ожидая, что разказчикъ будетъ продолжать, но потомъ заговорилъ самъ.

— И вы увѣрены, что телеграмму эту посылала Пряксъ?

— Совершенно увѣренъ. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

— А вѣдь нужно признаться, преосторожная женщина, замѣтилъ докторъ.—Никого не назвала по имени. Вы понимаете, что слова ея могли относиться столько же къ мистрисъ Карльтонъ, сколько и ко всякому другому.

— То же самое говорю и я, замѣтилъ деканъ, въ первый разъ еще вмѣшиваясь въ разговоръ.—Я доказывалъ мистеру Сентъ-Джону, что симптомы и факты, которымъ онъ придаетъ такое важное значеніе, сами по себѣ ничтожны.

— Слишкомъ ничтожны, чтобы на основаніи ихъ подозрѣвать кого-либо въ сумашествіи, сказалъ докторъ.—Потрудитесь сказать мнѣ, мистеръ Сентъ-Джонъ, что впервые возбудило подозрѣніе въ вашемъ умѣ? Какъ ни эксцентричны кажутся намъ иногда поступки нашихъ друзей, однако мы рѣдко рѣшаемся заподозрить ихъ въ сумашествіи.

— Вы хотите знать, что впервые возбудило мои подозрѣнія? повторилъ Фредерикъ.—Я думаю, мнѣ никогда не пришло бы это въ голову, еслибы... подождите, я забылъ разказать вамъ еще одно обстоятельство, вдругъ началъ онъ, вспоминая, что въ торопяхъ еще не сообщилъ мистеру Пиму о своемъ разговорѣ въ Бельпортѣ съ Розой Дарлингъ.

Тутъ онъ передалъ ему о мнѣніи сидѣлки Брайфордъ насчетъ сумашествія мистрисъ Карльтонъ и объ ужасѣ, овладѣвшемъ послѣднюю при видѣ зажженныхъ фонарей въ одномъ фламандскомъ городѣ наканунѣ Мартинова дня.

Мистеръ Пимъ все молчалъ. Онъ только вынулъ свою записную книжку и отмѣтилъ въ ней что-то карандашомъ.

— Не можете ли вы намъ помочь, мистеръ Пимъ? Вы не полагаете, чтобъ она была сумашедшая?

— Этого я не могу сказать. Но я всегда боялся за нее.

— Вы, кажется, писали декану, что отецъ ея умеръ сумашедшимъ.

— Бѣшено-сумашедшимъ. Если вы довѣрились мнѣ, то я не вижу причины таиться отъ васъ; впрочемъ, предупреждаю, что объ этомъ никому не должно разказывать. Сумашествіе его, какъ я узналъ поздѣе, было наследственное; но въ противоположность дочери, онъ во всю свою жизнь пользовался прекраснымъ здоровьемъ и не страдалъ никакими припадками. Однажды ночью меня внезапно потребовали въ Норрисъ-Кортъ. Я тогда былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ такъ тридцати; теперь мнѣ шестьдесятъ стукнуло. До меня въ этомъ домѣ обыкновенно лѣчилъ мой покойный предшественникъ и собратъ, мистеръ Дживонсъ, но ужь очень одряхлѣвъ и отказался отъ практики. Я думалъ, что меня зовутъ къ мистрисъ Норрисъ, у которой я долженъ былъ принимать ребенка; пріѣхавъ въ Кортъ, я узналъ совсѣмъ другое. У мистера Норриса вдругъ открылись припадки сумашествія, а бѣдная жена его чуть сама не поумшалась отъ страха. Онъ всегда ревновалъ ее; но въ этотъ день какое-то ничтожное обстоятельство особенно возбудило его ревность, и сдѣлавъ ужасную сцену женѣ, онъ пытался зарѣзать ее бритвой. Желая спастись отъ него, она случайно или намѣренно разбила рукой зеркало: никогда не забуду я того отчаянія и ужаса, въ которомъ я нашелъ ее по пріѣздѣ моемъ въ Кортъ. Мужъ ея въ то время уже успокоился, вѣроятно, обезсиленный припадкомъ и лежалъ подъ надзоромъ своего слуги Джемса. Въ эту ночь мы должны были надѣть на него горячую рубашку. Бѣдняжка мистрисъ Норрисъ, ей еще не было тогда и двадцати лѣтъ, горько плакала, разказывая мнѣ о ревности своего мужа. Она никакъ не могла понять что раздражило его въ этотъ день. Изъ гостей у нихъ былъ только другъ ея мужа, съ которымъ она, по обыкновенію, разговаривала и смѣялась сидя въ гостиной, какъ сдѣлала бы это со всякимъ другимъ посетителемъ; но я объяснилъ ей, что не ревность была причиною сумашествія, а сумашествіе—причиной ревности. Для

черезъ три или четыре родилась Шарлотта. Я взялъ дитя и повесъ его къ мистеру Норрису, надѣясь, что видѣ ребенка смягчитъ его; но я ошибся: впечатлѣніе было совершенно противоположное. Въ этотъ день больному было лучше, онъ казался спокойнѣе, такъ что слуга снялъ съ него горячую рубашку. Но при видѣ ребенка имъ снова овладѣло бѣшенство; онъ вскочилъ съ постели и хотѣлъ схватить его; я укрылъ малютку подъ кровать и кинулся помогать Джемсу, который боролся съ своимъ господиномъ; признаюсь, это была самая отчаянная схватка, какую мнѣ когда-либо случалось вынести. Съ той минуты спокойствіе не возвращалось къ мистеру Норрису, и онъ умеръ черезъ нѣсколько дней въ припадкѣ бѣшенства.

— Но, прервалъ деканъ, какимъ образомъ могли вы скрыть все это отъ домашнихъ? Прислуга, если не ошибаюсь, воображала, что господинъ ихъ умеръ отъ горячки.

— Вы правы, докторъ Боклеркъ. По счастью, комната, въ которой положили мистера Норриса, находилась въ срединѣ другихъ комнатъ, такъ что крики его не распространялись никуда. Прислугу удалили, подѣ тѣмъ предлогомъ, что болѣзнь мистера Норриса заразительна, а въ помощь Джемсу взяли изъ сумашедшаго дома одного довѣреннаго служителя, на котораго прислуга смотрѣла какъ на обыкновеннаго больничнаго служителя. Бѣдная мистрисъ Норрисъ умоляла насъ, ради своего ребенка, сохранить въ тайнѣ болѣзнь ея мужа; и мы, конечно, согласились на это. Но я часто спрашиваю себя, хорошо ли мы сдѣлали, поступивъ такимъ образомъ.

Мистеръ Пимъ задумался, но Фредерикъ Сентъ-Джонъ прервалъ его молчаніе.

— Вы говорите, что это сумашествіе было наследственное?

— Когда мистеръ Дживонсъ узналъ о случившемся, онъ поспѣшилъ пріѣхать въ Кортъ. Отъ него мы узнали, что двое изъ ближайшихъ родственниковъ мистера Норриса умерли за границей сумашедшими; что мистеръ Норрисъ зналъ это и часто толковалъ объ этомъ съ докторомъ Дживонсомъ, который всегда опасался за его разсудокъ. Но мистеръ Норрисъ увѣрялъ Дживонса, что онъ никогда не женится, и Дживонсъ сильно поддерживалъ его въ этомъ мнѣніи. Впрочемъ, онъ все-таки кончилъ тѣмъ, что женился, и мистеръ Дживонсъ, конечно, не могъ этому воспрепят-

ствовать. Все это онъ разказалъ мнѣ дорогой, когда мы вѣхали въ Кортъ. Мистрисъ Норрисъ также пожелала узнать эти подробности, и когда мужъ ея умеръ, мистеръ Дживонсъ открылъ ей все. О, какую страшную перемѣну произвело въ ней это открытіе! Я думаю, она благословляла бы судьбу, еслибы ребенокъ ея умеръ въ то время. „Если дочь моя вырастетъ, сказала она при мнѣ мистеру Дживонсу,—я постараюсь, чтобъ она не вышла замужъ;“ и нѣсколь-ко разъ въ продолженіе этого свиданія она умоляла его сказать ей, не насладуетъ ли дитя роковую болѣзнь отца.

— Однако дочь ея все-таки вышла замужъ за мистера Карльтона Сентъ-Джона, прервалъ деканъ.

— Да, яблочко не далеко падаетъ отъ яблони. Должно полагать, что мистрисъ Норрисъ, то-есть мистрисъ Дарлингъ, пыталась остановить ее, но безуспѣшно. Могли ли подѣйствовать на Шарлотту убѣжденія матери, когда причина была ей неизвѣстна? Мнѣ кажется, лучше было бы съ самаго начала открыть ей истину. По моему мнѣнію, Шарлотта еще до замужества часто близка была къ немѣстатель-ству. Припадки гнѣва у нея обыкновенно переходили въ дикую ярость, чего не можетъ быть у людей здоровыхъ.

— А не старалась ли мистрисъ Дарлингъ извинять передъ вами эти бѣшеные порывы?

— Она никогда не говорила со мной объ этомъ съ тѣхъ поръ какъ умеръ ея мужъ, отвѣчалъ мистеръ Пимъ. Она какъ будто совѣмъ отрекалась отъ прошедшаго. Не подмѣчай я иногда на ея лицѣ извѣстнаго выраженія, да не избѣгай она по временамъ моего взгляда, я счелъ бы ее убѣжденною въ томъ, что воспоминаніе о прошломъ совершенно изгладилось изъ моей памяти. Когда я услышалъ, что Джорджъ Сентъ-Джонъ женится на миссъ Норрисъ, я сдѣлалъ визитъ ея матери и между прочимъ разговоромъ какъ бы случайно спросилъ у нея, находитъ ли она этотъ бракъ полезнымъ для своей дочери. Мистрисъ Дарлингъ, повидимому, оскор-лась моимъ замѣчаніемъ, и спросила что я хочу сказать этимъ.

— Но развѣ вы не могли.... (Фредерикъ Сентъ-Джонъ остано-вился, какъ бы размышляя, имѣеть ли онъ право предлага-ть такой щекотливый вопросъ)—развѣ вы не могли шепнуть словечко мистеру Джорджу Сентъ-Джону?

— Конечно, не могъ. Мысль эта приходила мнѣ въ голову,

но я думалъ, что не имѣю на это права. Еслибы мистрисъ Дарлингъ заговорила со мной иначе, я, быть-можетъ, еще рѣшился бы, хотя сомнѣваюсь, чтобы предостереженіе мое могло принести пользу. Джорджъ Сентъ-Джонъ былъ тогда влюбленъ въ миссъ Норрисъ, или, по крайней мѣрѣ, воображалъ себя влюбленнымъ. Вѣроятно, онъ не послушался бы моего совѣта и женился бы на ней, не смотря ни на что.

— А послѣ замужества обнаруживались ли въ ней когда-нибудь признаки сумашествія?

— Я почти увѣренъ въ этомъ, хотя не сталъ бы доказывать этого въ судѣ, отвѣчалъ мистеръ Пимъ. — Одно несомнѣнно, что она наслѣдовала ревнивый характеръ своего отца. До какой степени доходила эта ревность у мистера Норриса, я не знаю, но у Шарлотты она проявлялась въ такихъ ужасныхъ размѣрахъ, что ее можно было назвать сумашествіемъ. Я не слыхалъ, чтобъ она когда-нибудь ревновала своего мужа; зато въ любви къ ребенку страсть эта проявилась во всей своей силѣ. До его рожденія у ней, кажется, не было другихъ припадковъ, кромѣ обыкновенныхъ припадковъ гнѣва, которые казались такъ странны Джорджу Сентъ-Джону. Но, по моему мнѣнію, эти бѣшеные порывы и эта безпричинная ревность были несомнѣнными признаками сумашествія.

Наступило молчаніе. Фредерикъ Сентъ - Джонъ первый прервалъ его, высказавъ одно сомнѣніе, которое уже не разъ приходило ему въ голову.

— Подозрѣвали ли вы, то-есть имѣли ли вы причину подозрѣвать, что она участвовала въ смерти маленькаго Вена?

— Подозрѣвалъ. Я хочу сказать, что вопросъ этотъ часто занималъ меня, тихо прибавилъ мистеръ Пимъ. — Въ этомъ дѣлѣ было одно скверное обстоятельство, которое всегда казалось мнѣ подозрительнымъ, это запертыя двери уборной мистрисъ Карльтонъ. Но я все-таки долженъ замѣтить, что противъ нея не было ни тѣни доказательствъ. Впрочемъ, я никакъ не могъ отдѣлаться отъ моихъ сомнѣній, и, если не ошибаюсь, ее мать также раздѣляла ихъ.

— Ее мать, мистрисъ Дарлингъ?

— Да, я такъ полагаю. Мы оба поймали другъ друга въ одной и той же попыткѣ захлопнуть дверь уборной и посмотреть, можетъ ли она сама собой запереться на задвижку.

Вотъ видите ли, когда мы начинаемъ подозрѣвать кого-либо въ сумашествіи, воображеніе наше сильно разыгрывается, чего мы не позволяемъ себѣ относительно людей здоровыхъ.

— Совершенно справедливо, выразительно замѣтилъ деканъ.

— Горше всѣхъ въ этой катастрофѣ пришлось, конечно, Гоноріи, что весьма естественно. Но даже она не подозрѣвала мистрисъ Карльтонъ. Правда, она обвиняла ее, будучи въ бреду, но бредъ ничего не значитъ. Если Гонорія и подозрѣвала кого-нибудь, такъ это скорѣе Пряксъ.

— Пряксъ! повторилъ мистеръ Сентъ-Джонъ.

— Да, она мнѣ разказывала тогда цѣлую исторію о томъ, какъ она видѣла Пряксъ, притаившуюся въ нишѣ коридора насупротивъ дѣтской. Но принимая въ расчетъ смятеніе Гоноріи, я не обратилъ тогда должнаго вниманія на ея слова, а Пряксъ положительно опровергла ихъ, сказавъ, что она и не думала быть тамъ.

— Стало-быть, вы не можете помочь намъ, мистеръ Пимъ? спросилъ Фредерикъ Сентъ-Джонъ тономъ обманутаго ожиданія:—вы не въ состояніи подкрѣпить мои подозрѣнія о ея настоящемъ сумашествіи?

— Какимъ же образомъ могу я это сдѣлать, спросилъ мистеръ Пимъ,—когда я еще не видалъ ея?

Фредерикъ забарабанилъ пальцами по столу.

— Но не странно ли вамъ кажется, что Пряксъ такъ таинственно телеграфировала къ мистрисъ Дарлингъ, и что мистрисъ Дарлингъ прилетѣла сюда какъ бы на крыльяхъ вѣтра и до сихъ поръ остается въ замкѣ Веферъ.

— Конечно, странно, отвѣчалъ докторъ;—особенно, если допустить, что въ телеграммѣ Пряксъ говорилось о Шарлоттѣ, въ чемъ, повидимому, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Физически мистрисъ Карльтонъ здорова; стало-быть, Пряксъ намекала на ея разсудокъ.

— Я очень желалъ бы, чтобы вы сами ее видѣли! съ жаромъ сказалъ Фредерикъ.—Я желалъ бы, чтобы вы послали за ней такъ, какъ слѣдилъ я.

— Да я и безъ того намѣренъ былъ повидаться съ ней, отвѣчалъ мистеръ Пимъ,—и прямо отъ васъ отправлюсь къ мистрисъ Дарлингъ.

— Да, пожалуйста, повидайтесь, упрашивалъ Фредерикъ,—и устройте такъ чтобы провести въ замкѣ Веферъ нѣсколько

дней сряду. Вы можете сказать, что приглашены мною, что вы мой гость. Впрочемъ, постойте; я сегодня же вечеромъ при всѣхъ предложу вамъ погостить въ замкѣ, и вы можете принять мое предложеніе.

— Я подумаю объ этомъ, сказалъ мистеръ Пимъ, вставая.—А теперь, докторъ Боклеркъ, позвольте мнѣ удалиться, иначе будетъ поздно идти къ мистрисъ Дарлингъ. Не укажете ли вы мнѣ ближайшую дорогу въ замокъ Веферъ?

— Я самъ провожу васъ, сказалъ мистеръ Сентъ-Джонъ:— кратчайшій путь лежитъ кустарникомъ, и мы въ пять минутъ будемъ тамъ.

Они вышли, а деканъ прибавилъ, что не замедлитъ явиться вмѣстѣ съ дамами, такъ какъ всѣ они приглашены были провести вечеръ въ замкѣ Веферъ. Но зайдя въ гостиную, деканъ уже никого не нашелъ въ ней: дамы ушли впередъ, и онъ не сталъ торопиться.

Тихая лунная ночь свѣтло и серебристо облегла окрестность; мистеръ Сентъ-Джонъ и докторъ Пимъ пустились въ путь, горячо толкуя между собой. Мистеръ Сентъ-Джонъ разказалъ мистеру Пиму,—чего онъ не рѣшился бы сдѣлать при деканѣ,—о ревности мистрисъ Карльтонъ къ миссъ Боклеркъ, о мрачныхъ взглядахъ, которые бросала иногда на нее Шарлотта, и о ночномъ приключеніи Джорджины.

— На насъ лежитъ страшная отвѣтственность, мистеръ Пимъ, замѣтилъ онъ;—и я особенно сознаю ее теперь, послѣ вашего разказа. Если отецъ мистрисъ Карльтонъ помѣшался отъ ревности, или въ припадкѣ ревности,—ужь я не знаю какъ вы доктора назовете это,—и покушался на жизнь своей жены, то какъ знать, на чтò можетъ рѣшиться мистрисъ Карльтонъ относительно миссъ Боклеркъ?

— А миссъ Боклеркъ, если не ошибаюсь, молода и красива.

— И то, и другое. Сверхъ того, у ней очаровательныя манеры: смѣсь женственной граціи съ милымъ своеволіемъ бабланнаго ребенка. Словомъ, въ ней есть все, чтобы возбудить ревность въ соперницѣ.

— Но, вѣдь, это одно воображеніе со стороны мистрисъ Карльтонъ; вѣдь у миссъ Боклеркъ нѣтъ ничего такого съ сэръ-Исаакомъ?

Фредерикъ Сентъ-Джонъ расхохотался.

— Сэръ-Исаакъ любитъ ее какъ родную дочь, а она ува-

жаетъ его какъ отца. Другаго чувства между ними нѣтъ, мистеръ Пимъ, увѣряю васъ.

Мистеръ Пимъ искоса поглядѣлъ на Фредерика. Тонъ, которымъ говорилъ молодой человекъ, ясно доказывалъ, что если не сэръ-Исаакъ влюбленъ въ Джорджину, такъ навѣрное кто-нибудь другой.

— Допустимъ даже, что мистрисъ Карльтонъ была до сихъ поръ совершенно здорова, и что мои подозрѣнія на ея счетъ не болѣе какъ миеъ, продолжалъ Фредерикъ. — Ей во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ выходить за сэръ-Исаака. Вы сами согласились бы со мною, докторъ, еслибы знали чрезмѣрную чувствительность, даже мнительность моего брата. Одна мысль имѣть жену подверженную сумашествію внушила бы ему ужасъ.

— Да и не ему одному, а многимъ, сказалъ докторъ.

— Мнѣ кажется, наступило время все открыть Исааку. До сихъ поръ я не смѣлъ говорить съ нимъ откровенно, боясь, чтобы не перетолковали моихъ побужденій въ дурную сторону. Нужно вамъ сказать, докторъ, что братъ мой, неисправимый старый холостякъ, воспиталъ меня въ той мысли, что я буду его наследникомъ; онъ даже приучилъ меня разчитывать на это, такъ что теперь меня могутъ заподозрить въ корыстныхъ побужденіяхъ.

— Понимаю, сказалъ докторъ. — Но его во всякомъ случаѣ нужно спасти отъ мистрисъ Карльтонъ.

— Я до сихъ поръ не могу повѣрить, чтобъ ему угрожала съ этой стороны серіозная опасность; мнѣ кажется, онъ и не думаетъ о женитьбѣ. Но мистрисъ Карльтонъ такъ привлекательна, что нельзя поручиться ни за что. На свѣтѣ случались вещи и пострашнѣе этихъ.

— Всего лучше будетъ сразу открыть глаза сэръ-Исааку, и вмѣсто васъ, за это можетъ взяться докторъ Боклеркъ. И тогда...

Мистеръ Пимъ вдругъ замолчалъ, остановленный рукой Фредерика. Они завернули въ эту минуту въ темный лабиринтъ дорожекъ, обставленныхъ искусственными гротами, которые разграничивали владѣнія сэръ-Исаака отъ приходской земли. На встрѣчу имъ смѣло шла Джорджина Боклеркъ, накинувъ на плеча бѣлую шелковую мантилью, но попрежнему держа шляпу на перевязи. Фредерикъ Сентъ-Джовъ указывалъ доктору не на нее, а на высокую темную фигуру,

которая украдкой слѣдила за Джорджиной, какъ тѣнь, какъ гробовой призракъ, какъ злой демонъ. Фредерикъ Сентъ-Джонъ порывисто кинулся впередъ, однимъ прыжкомъ перескочивъ пространство, раздѣлявшее его отъ молодой дѣвушки, и заключилъ ее въ свои объятія.

Темная фигура быстро повернулась и пропала; но бѣлые зубы и гнѣвные очи ея злобно сверкнули во мракъ на незваного покровителя. Фредерикъ узналъ мистрисъ Карльтонъ, окутанную съ головы до ногъ въ черную кружевную мантилью.

— Ну, вотъ еще, что выдумали! воскликнула Джорджина, ничего не замѣтивъ.

Это было дѣломъ одного мгновенія, такъ что придя въ себя, молодая дѣвушка чуть не разсердилась на мистера Сентъ-Джона за его безцеремонныя ласки. А онъ все еще держалъ ее у своего сердца, которое билось въ эту минуту сильнѣе обыкновеннаго.

— Къ чему вы это сдѣлали? ужь не задушить ли меня хотѣли? спросила она.

— Въ защиту отъ бѣды, моя дорогая, сказалъ онъ, неволью давая ей то нѣжное названіе, которое подсказывало ему сердце.

Рѣдко случалось Фредерику Сентъ-Джону до такой степени терять самообладаніе. Миссъ Боклеркъ съ удивленіемъ взглянула на него; и несмотря на свое смущеніе, на свое пылавшее лицо, увидала, что онъ сильно взволнованъ.

— Зачѣмъ вы сюда попали одни? спросилъ онъ.

— Пожалуста, не гнѣвайтесь.... (голосъ его въ самомъ дѣлѣ звучалъ недовольствомъ.)—Какъ будто я не имѣю права гулять одна при лунѣ, если мнѣ это нравится! Или вы боитесь луны, какъ мамаша; она говоритъ, что и отъ луны можно загорѣть, все равно какъ отъ солнца.

— Но, скажите мнѣ, что вы тутъ дѣлали? Не возвращались ли вы одни изъ замка Веферъ. Въ такомъ случаѣ я запрещаю вамъ ходить по ночамъ одной, Джорджина.

— Неужто? А если я не послушаюсь? дерзко отвѣчала она, желая скрыть смущеніе и восторгъ, возбужденный въ ней тѣмъ словечкомъ.—Ну, такъ знайте же. Сейчасъ, по дорогѣ въ замокъ Веферъ, мамаша и миссъ Денисонъ такъ привалялись бранить меня, что я не захотѣла идти вмѣстѣ съ ними и тихонько вернулась назадъ, навстрѣчу вамъ и

папашѣ. Мамаша остановилась, стала звать меня, спрашивать куда я иду, и зачѣмъ, а миссъ Денисонъ даже толкнула на меня ногой и грозно закричала, чтобъ я немедленно вернулась. Но я притворилась что не слышу.

Между тѣмъ мистеръ Сентъ-Джонъ, взявъ Джорджину подъ руку, велъ ее обратно въ приходъ. Онъ шелъ такъ быстро, что она едва поспѣвала за нимъ.

— Скажите, пожалуйста, куда вы меня тащите?

— Къ декану. Онъ проводитъ васъ потомъ въ замокъ Велферъ.

Быть-можетъ, Джорджина подумала, что самъ Фредерикъ могъ бы проводить ее туда, но не сказала ни слова. Почти у самыхъ воротъ прихода мистеръ Сентъ-Джонъ остановился въ тѣни высокаго развѣсистаго лавра.

— Я долженъ серьезно поговорить съ вами, Джорджина, сказалъ онъ; — отложите смѣхъ до другаго раза, и выслушайте меня внимательно. Я увѣренъ, что избавилъ васъ сегодня отъ большой опасности и въ награду требую отъ васъ одного обѣщанія.

— Отъ большой опасности! повторила она, невольно становясь серьезною. — Какая же это опасность? И что вы разумѣете?

— Теперь я ничего не могу объяснить вамъ, хотя я совершенно убѣжденъ, что предположенія мои справедливы. Вамъ не слѣдуетъ ходить одной ни въ сумерки, ни ночью. Обѣщайте мнѣ это, Джорджина.

— Но что же такое можетъ случиться со мной? прошептала она, невольно прижимаясь къ его рукѣ.

— Погодите, узнаете. А покамѣстъ дѣлайте то что я вамъ говорю. Итакъ, обѣщаете?

— Если это необходимо, такъ, пожалуй, обѣщаю.

Лицо ея, освѣщенное луной, выражало испугъ и недоумѣніе. Она никогда не видала его такимъ торжественнымъ какъ въ настоящую минуту. Онъ близко наклонилъ къ ней свою голову.

— Надо скрѣпить нашъ договоръ, Джорджина, сказалъ онъ.

Истиникъ и нѣжный серьезный тонъ его словъ подсказали ей, что разумѣлъ онъ, говоря это. Глаза ея наполнились слезами, но лицо не уклонялось, и на губахъ остался поцѣлуй.

— Не забывайте, Джорджина, что это крѣпче клятвы, ска-

замъ онъ, подходя къ дому.—Берегитесь нарушить обѣщаніе. На это есть важныя причины. Когда-нибудь, дитя мое, если вы будете умны и послушны, я открою вамъ не только это, но и многое другое.

Она стояла, потупивъ пылающее лицо и какъ бы желая скрыть свое смущеніе. Казалось, само небо разверзлось передъ нею въ эту минуту.

— Ба, ба! воскликнулъ деканъ, встрѣчая ихъ въ прихожей.— А я думалъ, что ты ушла съ мамашей, Джорджина.

— Она вернулась назадъ, чтобъ идти съ вами, сэръ, сказалъ мистеръ Сентъ-Джонъ, и не дожидаясь отвѣта, со всѣхъ ногъ бросился назадъ.

Онъ нашелъ мистера Пима между гротами.

— Куда это вы спрятались? воскликнулъ Фредерикъ.— Вы точно провалились сквозь землю, и васъ нигдѣ не было видно.

— Я притаился вотъ за этимъ камнемъ, отвѣчалъ докторъ, указывая на выступъ въ гротѣ.— Кажется, одна изъ этихъ дамъ была мистрисъ Карльтонъ?

— Да, это была она.

— Стало-быть, я хорошо сдѣлалъ, что спрятался отъ нея. Пусть она думаетъ, что я попалъ въ замокъ Веферъ случайно.

Фредерикъ кивнулъ головой.

— Замѣтили вы, докторъ, какъ сверкали ея зубы и глаза? спросилъ онъ.— Она, словно кошка, украдкой слѣдила за миссъ Боклеркъ; но съ какою улію желалъ бы я знать? Слава Богу, что мы случились тутъ.

— А гдѣ теперь миссъ Боклеркъ?

— Она идетъ съ деканомъ. Я предупредилъ ее, чтобъ она не ходила теперь одна. Скажите, что намъ дѣлать, мистеръ Пимъ? Такой порядокъ вещей не можетъ быть терпимъ долге, и я обращаюсь къ вамъ какъ къ доброму и честному человѣку, прося васъ помочь намъ, если вы можете.

Мистеръ Пимъ не отвѣчалъ ни слова. Онъ шелъ въ своей любимой позѣ, заложивъ руки за спину, какъ въ тотъ вечеръ, когда мы впервые познакомились съ нимъ въ комнатѣ молодой умирающей матери; и мистеру Сентъ-Джону показалось, что лицо доктора, освѣщенное луной, имѣло странное, тревожное выраженіе.

XX. Прогулка по террасѣ.

Мистеръ Пимъ вошелъ въ домъ одинъ, будто случайно понавъ въ замокъ Веферъ. Въ залѣ онъ также случайно повстрѣчался съ Фредерикомъ Сентъ-Джономъ, который прямо повелъ его въ столовую. Никто изъ присутствующихъ не подозрѣвалъ, что за часъ передъ тѣмъ они видѣлись въ приходѣ и даже вмѣстѣ пришли оттуда.

Мистрисъ Сентъ-Джонъ, мистрисъ Боклеркъ, мистрисъ Карльтонъ и сэръ-Исаакъ сидѣли за вистомъ, между тѣмъ какъ мистрисъ Дарлингъ и миссъ Девисонъ разговаривали за среднимъ столомъ. Последняя сильно бранила Джорджину, называя ее самою необузданною дѣвочкой въ мірѣ, на что мистрисъ Дарлингъ замѣчала, что въ вѣтренности и легкомысліи ужъ вѣрно никто не превзойдетъ ея дочери, Розы. При входѣ мистера Пима въ столовую, мистрисъ Дарлингъ отлично разыграла свою роль. Она притворилась въ высшей степени удивленною, спрашивала его какъ попалъ онъ въ Лексингтонъ, благодарила за любезное желаніе повидаться съ ней, и сама подвела его къ сэръ-Исааку. При видѣ доктора мистрисъ Карльтонъ вздрогнула, на лицѣ ея отразилась ужасъ, но черезъ минуту она опять была спокойна и граціозно протянула свою руку мистеру Пиму. Кто сказалъ бы, глядя на эту красивую, сдержанную леди, съ мягкими манерами и мелодичнымъ голосомъ, сидѣвшую насупротивъ сэръ-Исаака, что она украдкой бродила при лунѣ, какъ привидѣніе, или какъ браконьеръ забравшійся на чужую землю? Самъ докторъ легко могъ усомниться въ этомъ.

— Какъ вы похорошѣли и поправились! воскликнулъ онъ, пожимая еѣ руку.

И дѣйствительно, это былъ не пустой комплиментъ. Онъ видѣлъ передъ собою женщину во всемъ блескѣ красоты и молодости, которая такъ же мало походила на грустный призракъ, видѣнный имъ въ Эппертъ, какъ онъ самъ на фонарный столбъ. Мистрисъ Карльтонъ засмѣялась.

— Да, сказала она, — я теперь совершенно здорова.

Мистеръ Пимъ просилъ чтобы для него не прерывали игры и отошелъ въ сторону. Вскорѣ послѣ того явился деканъ

съ миссъ Джорджиной, и наконецъ подали чай. Докторъ наскоро проглотилъ свою чашку и незамѣтно для всѣхъ вышелъ съ мистрисъ Дарлингъ на террасу.

— Вы видите, что я исполнилъ ваше требованіе, мистрисъ Дарлингъ, началъ онъ; — я заѣхалъ въ замокъ Веферъ, будто случайно. О чемъ желали вы посоветоваться со мною?

Уходя изъ комнаты, мистрисъ Дарлингъ захватила съ собою черную кружевную мантилью своей дочери и накинула ее на голову, точь-въ-точь какъ за часъ передъ тѣмъ накидывала ее Шарлотта, бродя по кустамъ.

— Я желаю говорить съ вами насчетъ моей дочери: мнѣ кажется, она больна, и съ этими словами мистрисъ Дарлингъ плотнѣе закуталась въ мантилью.

— Какую же болѣзнь подозреваете вы въ ней: физическую или нравственную?

Мистрисъ Дарлингъ видимо боролась; но даже теперь, не смотря на издержки и затрудненія, съ которыми она написала къ себѣ доктора, языкъ ея не поворачивался намекнуть на роковую болѣзнь.

— Нравственную! съ негодованіемъ повторила она.— Я васъ не понимаю, мистеръ Пимъ. Какое же нравственноестройство можетъ быть у Шарлотты?

— Какъ угодно, равнодушно отвѣтилъ онъ.— Я сегодня же могу вернуться домой, если помощь моя здѣсь не нужна.

Въ эту минуту они дошли до конца усыпанной пескомъ дорожки, и мистрисъ Дарлингъ остановилась, какъ бы любуясь прелестнымъ видомъ, который разстилался передъ замкомъ. Луна освѣщала ея озабоченное лицо, и еслибы не эти коварные лучи, мистеръ Пимъ и не догадался бы о происходившей въ ней борьбѣ.

— Почему вамъ кажется, что разсудокъ ея не въ порядкѣ? вторично спросила она доктора, и на этотъ разъ въ голосъ ея слышалось болѣе скорби чѣмъ раздраженія.

— Мнѣ нужно откровенно объясниться съ вами, мистрисъ Дарлингъ. Я пріѣхалъ сюда не для того, чтобы со мною шутили. Одно изъ двухъ: или почтите меня вашимъ довѣріемъ, или позвольте мнѣ сейчасъ же удалиться. Я имѣю основаніе думать, что разсудокъ вашей дочери разстроенъ. И если мнѣ придется уѣхать отсюда, то уѣжая, я сочту своею обязанностію предупредить объ этомъ сэръ-Исаака Сентъ-Джона.

Мистрисъ Дарлингъ пришла въ ужасъ.

— Что вы хотите сказать, мистеръ Пимъ? воскликнула она.

— Ровно то, что я уже сказалъ, мистрисъ Дарлингъ, отвѣчалъ докторъ. — Вѣдь это, право, смѣшно, что какъ только рѣчь зайдетъ о вашей дочери, мы начинаемъ обманывать другъ друга, какъ дѣти, играющіе въ прятки! И вѣдь это длится цѣлые годы, съ тѣхъ поръ какъ родилась Шарлотта! Ну, скажите, благоразумно ли это? Развѣ могли вы забыть насколько мнѣ извѣстно прошедшее? Неужели вы думаете, что я окунулся въ Лету? Повѣрьте мнѣ, если есть на землѣ человѣкъ, съ которымъ вы можете откровенно посоветоваться насчетъ вашей дочери, такъ это, конечно, я. Мнѣ столько же извѣстна ся болѣзнь, сколько и вамъ самимъ, мистрисъ Дарлингъ.

Слезы брызнули изъ глазъ бѣдной матери, и она долго рыдала.

— Теперь мнѣ будетъ легче, сказала она. — Одному Богу извѣстно, сколько накопило во мнѣ за все это время!

— Ну, а теперь расскажите мнѣ всю исторію съ начала до конца, сказалъ мистеръ Пимъ болѣе ласковымъ голосомъ. — Вамъ давно слѣдовало это сдѣлать. Повѣрьте, что я употребляю всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы быть вамъ полезнымъ; въ добромъ совѣтѣ часто кроется спасеніе.

Послѣ этого приступа, мистрисъ Дарлингъ уже свободнѣе перешла къ подробностямъ и скоро почувствовала облегченіе, которое испытываетъ каждый человѣкъ, излившій въ задушевной бесѣдѣ давно скрываемое горе. Она сообщила мистеру Пиму, что еще со времени Великой смерти стала замѣчать въ Шарлоттѣ признаки умственного расстройства, и откровенно призналась ему, что ее вызвала теперь въ замокъ Веферъ телеграмма Прянсъ, которая испугалась болѣзненныхъ симптомовъ своей госпожи.

— Какого же рода были эти симптомы? спросилъ докторъ.

— Не умѣю вамъ назвать ихъ опредѣлительно; это были маленькія странности и причуды, которыя стала замѣчать въ ней Прянсъ; взять ихъ порознь, такъ, пожалуй, не будетъ ничего особеннаго, но все вмѣстѣ довольно странно. Конечно, Прянсъ не могла передать мнѣ ихъ въ телеграммѣ; я узнала о нихъ уже по пріѣздѣ сюда. Вотъ что меня особенно поразило. Однажды ночью Прянсъ проснулась и увидела, что госпожи ея нѣтъ въ комнатѣ. Она кинулась ее разыс-

кивать и встрѣтила въ корридорѣ Шарлотту, выходящую изъ комнаты миссъ Боклеркъ. Нужно сказать вамъ, что Шарлотта Богъ вѣсть почему не влюбила миссъ Боклеркъ.

— Позвольте, мистрисъ Дарлингъ, сказалъ докторъ.— Если вы ждете отъ меня совѣта, вы должны быть откровенны. Зачѣмъ говорить: Богъ вѣсть почему? назовите прямо причину, если вы ее знаете.

Новая борьба въ душѣ мистрисъ Дарлингъ: неужели она *должна* признаться и въ этомъ?

Она въ отчаяніи всплеснула руками.

— О! какъ горько мнѣ говорить такіа вещи, и о комъ же? о Шарлоттѣ, которая всегда держала себя такъ сдержанно, такъ благородно, несмотря на свои прочіе недостатки. Но лучше ужъ разомъ покончить съ этимъ. Мнѣ кажется.... она ревнуетъ миссъ Боклеркъ къ Исааку Сентъ-Джону.

— Дочь ваша, вѣроятно, не прочь была бы навсегда остаться въ замкѣ Веферъ въ качествѣ владѣлицы этого замка и жены сэръ-Исаака? спросилъ докторъ.

— Я полагаю такъ, мистеръ Пимъ. А между тѣмъ я скорѣе весь свѣтъ заподозрила бы въ подобныхъ замыслахъ нежели Шарлотту. Какъ ни старалась я убѣдить ее, чтобъ она вѣхала отсюда со мной, все было напрасно. Избави Богъ, если она во второй разъ выйдетъ замужъ.

— Ей и въ первый разъ не слѣдовало выходить, замѣтилъ докторъ.

— Чтò дѣлать! Я не могла удержать ее, сказала мистрисъ Дарлингъ,—хотя употребляла всѣ усилія; одинъ Богъ знаетъ, сколькихъ заботъ стоила мнѣ Шарлотта!

— Кстати о миссъ Боклеркъ, замѣтилъ докторъ.— Вы дѣйствительно думаете, что мистрисъ Карльтонъ можетъ причинить ей какой-нибудь вредъ?

— До тѣхъ поръ пока она сохранитъ разсудокъ, этого нельзя ожидать; но.... если онъ оставитъ ее хоть на минуту.... впрочемъ.... Послушайте, мистеръ Пимъ, вдругъ начала мистрисъ Дарлингъ,—еслибъ я не чувствовала своего безсилія въ этомъ дѣлѣ, я не вызвала бы васъ сюда.

— Вы должны немедленно увести ее изъ замка Веферъ, сказалъ докторъ.

— Но какимъ же образомъ, когда она не хочетъ вѣхать отсюда? отвѣчала мистрисъ Дарлингъ.— Во всѣхъ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ она такъ же здраво мыслитъ, какъ

и мы съ вами; разумно судить, и разумно дѣйствуетъ. Съ ней лишь изрѣдка бываютъ извѣстные припадки. Быть-можетъ, это припадки гнѣва, которому она всегда была подвержена, а можетъ-быть, и другіе, гораздо похуже. Въ подобныя минуты она бываетъ не въ силахъ преодолѣть себя, и еслибъ ей представился тогда случай повредить кому-нибудь, я увѣрена, что она имъ воспользуется. Въ замкѣ Веферъ есть два лица, къ которымъ она чувствуетъ непримиримую ненависть: миссъ Боклеркъ и Гонорія Триттоузъ: попадись ей которая-нибудь въ минуту подобнаго припадка...

Мистрисъ Дарлингъ не договорила; ей слишкомъ тяжело было продолжать. Но докторъ спокойнымъ тономъ докончилъ ея рѣчь:

— И мы увидѣли бы повтореніе Анвикской трагедіи.

Ночь была такъ свѣтла, что онъ могъ замѣтить какъ отшатнулась отъ него мистрисъ Дарлингъ. Но все-таки она пыталась отвѣчать ему съ необычайнымъ спокойствіемъ.

— Анвикской трагедіи! я васъ не понимаю.

— Да, когда Анвикскаго наследника—сожгли, продолжалъ докторъ.

— О, мистеръ Пимъ, мистеръ Пимъ, неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что эта ужасная смерть не была чистою случайностью? Вся вина падаетъ на Гонорію.

— Можетъ-быть, намъ никогда не придется узнать истину, отвѣчалъ онъ.—Но, по моему крайнему убѣжденію... будемъ откровенны, мистрисъ Дарлингъ... дочь ваша не совсѣмъ чиста въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ помнится, что и вы въ то время держались того же мнѣнія.

Мистрисъ Дарлингъ ничего не отвѣчала. Она шла впередъ, закинувъ голову, между тѣмъ какъ обличительница-луна освѣщала ея испуганное лицо и побѣлѣвшія губы.

— Зная о Шарлоттѣ то, что мы съ вами знаемъ, я даже и тогда находилъ вѣроятнымъ ея участіе въ смерти Вени, но теперь я убѣдился въ этомъ еще болѣе. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду ее преслѣдовалъ призракъ Вени съ зажженою церковью въ рукахъ? А во время уличной процессіи съ фонарями наканунѣ Мартинова дня во Франціи...

— Какъ вы узнали объ этомъ? прервала его мистрисъ Дарлингъ.

— О, до меня многое доходить, возразилъ онъ,—а какимъ

путемъ—это для васъ рѣшительно все равно. Мнѣ кажется только, что этотъ страхъ въ такомъ холодномъ и безстрастномъ существѣ, какъ ваша дочь, есть несомнѣнный признакъ преступной совѣсти.

— Зачѣмъ вспоминать объ этомъ? сказала мистрисъ Дарлингъ, загнувъ на минуту свои рыданія. — Я думаю, что подозрѣнія ваши неосновательны.

— Ужь конечно, я не для того вспоминаю объ этомъ, чтобъ огорчать васъ, сказалъ мистеръ Пимъ. — Я хочу только довести васъ до убѣжденія, что намъ необходимо увести отсюда мистрисъ Карльтонъ.

— Я не менѣе васъ самихъ сознаю эту необходимость, мистеръ Пимъ, возразила мистрисъ Дарлингъ. — Но вы знаете, какую настойчивостью отличалась всегда Шарлотта. И если наши подозрѣнія относительно ея разсудка несправедливы, мы не имѣемъ права насиловать ея дѣйствія. Можете ли вы провести здѣсь нѣсколько дней въ качествѣ наблюдателя, чтобы составить себѣ точное понятіе о ея положеніи? По сосѣдству отсюда есть очень хорошая гостиница подъ фирмой „Ячменной Жатвы“, а днемъ вы оставались бы въ замкѣ Веферъ.

— Да ужъ насчетъ этого я постараюсь какъ-нибудь устроить, чтобы мнѣ не выѣзжать отсюда, замѣтилъ докторъ, закашлявшись. — Братъ сэръ-Исаака такой славный малый: овъ ужъ навѣрное будетъ приглашать меня. Но, сказать вамъ правду, мистрисъ Дарлингъ, если ужъ я возьмусь наблюдать за Шарлоттой, то буду слѣдить непрерывно каждый шагъ ея.

— Каждый шагъ непрерывно! повторила мистрисъ Дарлингъ, на которую неприятно подѣйствовали эти слова. — Я такъ боюсь чтобы не возбудить подозрѣній насчетъ умственного разстройства Шарлотты.

— Эти подозрѣнія уже возбуждены, замѣтилъ докторъ. — Правъ вашей дочери, эти припадки, о которыхъ вы говорите, уже обратили на себя вниманіе и вызвали разные толки. Для за два передъ тѣмъ какъ мнѣ получить ваше приглашеніе, я имѣлъ изъ здѣшнихъ мѣстъ письмо, въ которомъ мнѣ выражали сомнѣніе въ здравости разсудка мистрисъ Карльтонъ и спрашивали, не было ли въ ея семействѣ сумасшедшихъ.

Мистрисъ Дарлингъ обомлѣла.

— Кто же могъ написать вамъ это? Ужь вѣрно не сэръ-Исаакъ!

— Письмо было секретное, и я не имѣю права назвать вамъ того кто его написалъ, отвѣчалъ докторъ.

— Если не сэръ-Исаакъ, такъ вѣрно Фредерикъ Сентъ-Джонъ, замѣтила мистрисъ Дарлингъ.—Для чего ему вмѣшиваться въ это дѣло?

— Ручаюсь вамъ, что это ни Фредерикъ Сентъ-Джонъ, ни сэръ-Исаакъ, продолжалъ докторъ. — Упомянувъ объ этомъ, я имѣлъ въ виду лишь одну цѣль: убѣдить васъ, что при всемъ нашемъ желаніи, настоящій порядокъ вещей не можетъ продолжаться. Тяжелая отвѣтственность лежитъ на мнѣ, мистрисъ Дарлингъ; такъ или иначе, а я долженъ дѣйствовать. И мнѣ кажется, я во всякомъ случаѣ пріѣхалъ бы въ Л.-ксингтонъ, еслибы даже вы не звали меня сюда.

Мистрисъ Дарлингъ молча дошла до конца террасы. Дѣло, повидимому, усложнялось. Неужели въ самомъ дѣлѣ наступило время огласки? Съ какимъ ужасомъ она всегда ожидала ея!

— Но что намѣрены вы сдѣлать? спросила она.—Предположимъ, что наблюдая за Шарлоттой, вы придете наконецъ къ тому заключенію, что она совершенно здорова.

— Въ томъ-то и дѣло, что я никакъ не приду къ подобному заключенію, прервалъ ее докторъ.—Еслибъ я пробмалъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ, не получивъ ни малѣйшихъ доказательствъ ея сумашествія, я и тогда не поручился бы, что оно не откроется въ ней въ послѣдствіи. Мы знаемъ какъ хитрятъ подобныя больныя, а....

— О, мистеръ Пимъ, какъ жестоки ваши слова!

— Мнѣ очень больно огорчать васъ, мистрисъ Дарлингъ, сказалъ докторъ,—но могъ ли я иначе отвѣчать на вашъ вопросъ? Допустимъ, что покаместъ еще нѣтъ повода для опасеній, однако я долженъ имѣть ихъ въ виду. Короче сказать, мы оба боимся за Шарлотту, и я вижу только два исхода, мистрисъ Дарлингъ: или вы немедленно увезете вашу дочь изъ замка Веферъ до моего собственнаго отвѣзда отсюда, или я сниму съ себя всякую отвѣтственность, открывъ мои опасенія сэръ-Исааку Сентъ-Джону.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни ему, никому на свѣтѣ, если только можно обойтись безъ этого, умоляла мистрисъ Дарлингъ.— Я увезу Шарлотту, я готова на все кромѣ огласки. Вспомните, какъ долго я скрывала это!

— Огласки и не будетъ, если я скажу только сэръ-Исааку. Да притомъ я уже предупредилъ васъ, мистрисъ Дарлингъ, чтобы вы перестали считать это такою непровицаемою тайной. Впрочемъ, если вы увезете отсюда Шарлотту, поручившись за то что она не вернется болѣе въ замокъ Веферъ, мнѣ не зачѣмъ будетъ и говорить съ сэръ-Исаакомъ.

— Я все сдѣлаю, я употреблю всѣ усилія, сказала мистрисъ Дарлингъ.—А теперь поговоримъ о вашемъ пребываніи въ замкѣ Веферъ. Какъ намѣрены вы это устроить?

— Ужъ предоставьте это мнѣ, возразилъ мистеръ Пимъ.—У насъ, медиковъ, водятся иногда запасные ключи, которые въ случаѣ надобности всюду отворятъ намъ двери. Я думаю, мистрисъ Карльтоизъ не понравится, если я здѣсь останусь. Она не слишкомъ-то мнѣ обрадовалась.

— Вы думаете?

— Мнѣ такъ показалось. Въ ту минуту какъ я вошелъ, ею овладѣлъ страшный трепетъ, а на лицѣ отразился ужасъ.

— Какъ вы наблюдательны! сказала мистрисъ Дарлингъ.—А я такъ ничего не замѣтила.

— Мы наблюдатели по ремеслу.

— Конечно. Привычка весьма полезная.

— Вы что-то упоминали мнѣ о Гоноріи Триттоизъ, продолжалъ докторъ, не отвѣчая на ея послѣднее замѣчаніе.— Почему вы предполагаете....

— Таше! остановила его мистрисъ Дарлингъ и для вящаго предостереженія слегка подавила ему плечо.—Это, кажется, Шарлотта?

Кто-то осторожно подвѣлъ окно въ верхнемъ этажѣ и смотрѣлъ внизъ. Зоркіе глаза мистера Пима тотчасъ же увидали, что это была не Шарлотта, а Прянсъ, которая обладала такимъ же запасомъ любопытства, какъ и другіе болѣе нескромныя смертныя.

— Не лучше ли намъ войти въ комнату, мистрисъ Дарлингъ, замѣтилъ докторъ.—Если мистрисъ Карльтоизъ придетъ сюда и увидитъ насъ вмѣстѣ, она, пожалуй, вообразитъ, что я пріѣхалъ въ замокъ Веферъ на ея счетъ, и будетъ осторожнѣе, какъ въ тотъ разъ, когда я пріѣзжалъ къ ней въ Эйперъ.

Вечеръ еще не кончился, когда озабоченные друзья вернулись въ гостиную; карточные игроки только что встали изъ-за виста, и мистрисъ Карльтоизъ прямо подошла къ

мистеру Пиму. Красивая, статная, съ спокойнымъ лицомъ и граціозными манерами, одѣтая въ роскошное длинное платье, волочившееся по полу, она казалась здоровѣе самого мистера Пима, который заглядѣлся въ эту минуту на миссъ Боклеркъ: Чтò за очаровательно милая дѣвушка въ хорошенькомъ бѣломъ платьѣ, съ бѣлокурою головкой и синими откровенными глазами.

— Когда вы пріѣхали въ Лексингтонъ, мистеръ Пимъ? спросила мистрисъ Карытонъ, опускаясь подлѣ него въ кресла.

Докторъ отвѣчалъ, что онъ былъ вызванъ къ больному и пріѣхалъ только сегодня вечеромъ.

— А кто этотъ больной? спросила она.

— Одинъ молодой человекъ, страдающій болѣзнію сердца, быстро отвѣчалъ докторъ, считая эту увертку необходимою и позволительною.

— Такъ вы и воспользовались случаемъ чтобы заѣхать въ замокъ Веферъ, сказала она, и въ голосѣ ея слышалась едва замѣтная досада, которая не ускользнула, впрочемъ, отъ чуткаго уха мистера Пима.

— Именно такъ, отвѣчалъ онъ. — Если некуда дѣваться, мы рады бываемъ воспользоваться прежними приглашеніями, которые намъ сдѣланы были вскользь. Я вспомнилъ, что при встрѣчѣ со мной въ Анвикѣ, мистеръ Фредерикъ Сентъ-Джонъ звалъ меня къ себѣ въ замокъ Веферъ, если мнѣ придется когда-нибудь заѣхать въ эту сторону.

— О! сказала она. — Фредерикъ Сентъ-Джонъ ужасно любить подобнаго рода внезапныя приглашенія. Когда же вы увѣжаете? завтра?

— Нѣтъ, я не увижу не окончивъ съ своимъ больнымъ.

Итакъ мистеръ Пимъ остался погостить въ замкѣ Веферъ. Не возбуждая никакихъ подозрѣній насчетъ руководившей имъ причины, Фредерикъ Сентъ-Джонъ самымъ естественнымъ образомъ пригласилъ маленькаго доктора. Въ замкѣ Веферъ, говорилъ онъ, мистеръ Пимъ найдетъ болѣе удобствъ, нежели въ „Ячменной Жатвѣ“; а сверхъ того, его пребываніе въ замкѣ доставитъ ему, Фредерику, возможность упрочить знакомство, начатое въ Анвикѣ, гдѣ они встрѣтились на похоронахъ мистера Карытона Сентъ-Джона. Мистеръ Пимъ согласился на это любезное приглашеніе и такимъ образомъ занялъ свой секретный постъ наблюдателя надъ мистрисъ

Карльтоуъ. А между тѣмъ ни одна изъ сторонъ, содѣйствовавшихъ его водворенію въ замкъ, не подозрѣвала о соучастіи другой. Какія странныя сдѣленія обстоятельствъ бываютъ иногда на бѣломъ свѣтѣ!

Впрочемъ, рѣшеніе, принятое мистеромъ Пимомъ, было почти бесполезно, потому что сэръ-Исаакъ во всякомъ случаѣ, долженъ былъ узнать истину. Прося доктора остаться на два или на три дня въ замкѣ Веферъ, мистрисъ Дарлингъ надѣялась въ это время увести Шарлотту изъ замка и такимъ образомъ отстранить внимательство сэръ-Исаака. Вѣроятно, это такъ и случилось бы, еслибы дѣло ограничилось однимъ мистеромъ Пимомъ; но тутъ вмѣшался деканъ.

Новыя и непріятныя подозрѣнія насчетъ помѣшательства мистрисъ Карльтоуъ, вынесенныя имъ изъ послѣдняго разговора съ мистеромъ Пимомъ въ приходѣ, показались декану достаточнымъ основаніемъ для объясненія съ сэръ-Исаакомъ. Онъ самъ рѣшился переговорить съ нимъ и, на слѣдующее же утро по пріѣздѣ мистера Пима, отправился въ замокъ и имѣлъ тайное свиданіе съ сэръ-Исаакомъ, въ его гостиной.

Какъ не похожъ былъ этотъ разговоръ на тотъ, къ которому такъ неудачно приступалъ Фредерикъ. Пока спокойный, разумный, внушавшій полное довѣріе деканъ разказывалъ ему фактъ за фактомъ, въ заключеніе прибавивъ, что мистеръ Пимъ остался въ замкѣ Веферъ единственно для того чтобы наблюдать за Шарлоттой Карльтоуъ, сэръ-Исаакъ слушалъ его съ возрастающимъ удивленіемъ.

— И вы говорите, что Фредерикъ зналъ объ этомъ! воскликнулъ онъ. — Почему же онъ не предупредилъ меня?

— Онъ пытался, но ему не удалось. Я полагаю, что его чрезмѣрная совѣстливость и боязнь, чтобы даже вы не перетолковали его побужденій въ дурную сторону, не позволили ему быть слишкомъ откровеннымъ.

— Но какимъ образомъ могъ я перетолковать его побужденія?

Деканъ объяснилъ ему деликатность чувствъ молодого человека; но сэръ-Исаакъ не переставалъ удивляться.

— И ему казалось, что мистрисъ Карльтоуъ замата мной! что она имѣетъ на меня виды! На меня! Но вы, вѣрно, хотите сказать на Фредерика.

— Совсѣмъ не на него, а на васъ. Фредерикъ убѣжденъ,

что она его ненавидитъ. Да и мнѣ самому сдается, что она не прочь была бы стать леди Сентъ-Джонъ, по вашей милости.

Когда сэръ-Исаакъ понялъ хорошенько эту чудовищную, по его мнѣнію, гипотезу, онъ разразился неудержимымъ смѣхомъ. Тогда все стало ясно для декана: Исаакъ Сентъ-Джонъ былъ такъ твердъ въ своемъ намѣреніи никогда не жениться, онъ такъ свыкъ съ этою мыслию, что одно предположеніе быть увлеченнымъ какою-либо женщиной казалось ему болѣе чѣмъ невозможнымъ.

— Стало-быть, вы никогда не думали о мистрисъ Карьтонъ? спросилъ деканъ.

— Въ этомъ смыслѣ, конечно, никогда не думалъ, не только о ней, но и ни о комъ другомъ, отвѣчалъ сэръ-Исаакъ. — Я скорѣе рѣшился бы удавиться нежели взять себѣ жену. И вы, право, ошибаетесь, предполагая въ ней подобныя виды. Молодой и красивой женщиной связать свою судьбу съ моею! Да вы взгляните на меня: на что я похожъ? Нѣтъ, нѣтъ. Это невозможно. Да и при томъ она слышкомъ недавно потеряла мужа и ребенка, чтобы позабыть ихъ такъ скоро.

— Ну, такъ вотъ почему Фредерикъ не рѣшался говорить съ вами, сказалъ деканъ. — Не мудрено, что эта мысль его удерживала. Правда, я съ нимъ не соглашался. Я былъ убѣжденъ, что вы такъ же далеки отъ намѣренія жениться, какъ я, отъ живой жены.

— Теперь я до конца дней моихъ буду трунить надъ Фредерикомъ, сказалъ сэръ-Исаакъ. — *Мнѣ* жениться? Пусть-ка онъ женится, если ужъ къ слову пришлось! Однако, нужно подумать о бѣдной мистрисъ Карьтонъ. Я желалъ бы видѣть мистера Пима.

Докторъ немедленно явился на конференцію, и по укладу декана, открылъ сэръ-Исааку свои опасенія насчетъ того, чтобы мистрисъ Карьтонъ не причинила какого-либо вреда миссъ Боклеркъ или Говоріи. Деканъ и не подозревалъ объ этомъ.

— Я вижу лишь одно средство устранить отъ нихъ эту опасность, закончилъ сэръ-Исаакъ. — Какъ ни жестка можетъ показаться подобная мѣра, но мистрисъ Карьтонъ должна немедленно оставить замокъ Веферъ.

XXI. На замкѣ.

Мистеръ Пимъ, казалось, распоряжался въ замкѣ Веферъ какъ у себя дома. Ему отвели одну изъ лучшихъ комнатъ въ корридорѣ, какъ-разъ напротивъ комнаты занимаемой мистрисъ Карльтонъ и Пряксъ, и отходя ко сну, онъ нарочно приотворилъ свою дверь, чтобы не выпускать изъ виду корридора. Быть-можетъ, онъ даже и спалъ только однимъ глазкомъ.

На другой день, вставъ ранѣе другихъ, онъ сошелъ внизъ, отыскалъ Гонорію, и усѣвшись въ комнатѣ экономки, сталъ съ нею разговаривать. Мистеръ Пимъ сдѣлалъ это безъ всякой задней мысли. Онъ былъ просто добродушный и словоохотливый джентльменъ и желалъ оказывать вниманіе дѣвушкѣ, съ которой видѣлся прежде такъ часто при жизни Веви.

Гонорія была въ восторгѣ. Впервыхъ, она обрадовалась свиданію съ докторомъ, воторыхъ, возможности поболтать съ нимъ и удовлетворить своему любопытству. Она почти ничего не знала объ Анвикѣ съ тѣхъ поръ какъ уѣхала оттуда, а вслѣдъ за нею выбыла изъ Анвикъ-Галла и тетка ея, мистрисъ Триттонъ. Гонорія осыпала мистера Пима вопросами о разныхъ перемѣнахъ и новостяхъ и, вѣроятно, не кончила бы и черезъ часъ, еслибы мистеръ Пимъ, обладавшій необыкновенно острымъ зрѣніемъ и слухомъ, такъ что всѣ даже удивлялись для чего носить онъ очки, не услышалъ вдругъ легкаго звука, или скрѣпе шороха за полуотворенною дверью, какъ будто тамъ кто-то подслушивалъ.

— Ужь не хочетъ ли кто-нибудь войти сюда, Гонорія? спросилъ онъ.

Гонорія толкнула дверь и растворила ее настежь: тамъ никого не было. Но почти одновременно со словами мистера Пима послышался тихій шелестъ платья, быстро удалявшагося отъ двери.

— Взгляните-ка за дверь, быстро проговорилъ онъ.

Гонорія выглянула и успѣла только увидать кончикъ юбки мистрисъ Карльтонъ, мелькнувшій въ поворотѣ корридора.

— А! мистрисъ Карльтонъ? равнодушно повторилъ док-

торъ, когда Говорія сообщила ему свое замѣчаніе. — Что она часто приходитъ навѣщать васъ?

— До сихъ поръ я еще никогда не видала ея здѣсь, сэръ. Быть-можетъ, она искала васъ?

— А можетъ быть, безопасно отвѣчалъ мистеръ Пимъ. — Такъ вы говорите, Говорія, что слышала о моей поѣздкѣ въ Германію для свиданія съ маленькимъ Джорджемъ? Что жъ, это правда, хотя и не возьму грѣха на душу, не знаю навѣрно что это Германія, или Франція, или еще какая часть обитаемаго міра. Во всякомъ случаѣ, спасти его я не могъ: онъ былъ уже на краю гроба. Но отъ кого вы это слышали?

— Отъ мистрисъ Дарлингъ, сэръ. Въ послѣдній пріѣздъ свой сюда она часто разговаривала со мною и между прочимъ упоминала, что васъ выписывали къ мистеру Джорджу; но это не послужило ни къ чему. Экое, право, горе, что его не могли вылѣчить!

— Ахъ, Говорія, мало ли горя на свѣтѣ! Однако, надо идти, а то меня будутъ дожидаться къ чаю. Но я еще увижусь съ вами до отъѣзда.

Онъ отправился въ столовую и сѣлъ за чай вмѣстѣ съ прочими.

Лицо мистрисъ Карльтонъ было, по обыкновенію, безстрастно; но докторъ замѣтилъ, что она такъ же зорко наблюдаетъ за нимъ, какъ онъ за ней. Послѣ чая, какъ бы на зло ему, она заперлась въ комнатѣ мистрисъ Сентъ-Джонъ, и никто не могъ къ ней туда пробраться. Въ то же время произошло и свиданіе декана съ сэръ-Исаакомъ.

— Я поручаю вамъ это дѣло, мистеръ Пимъ, сказалъ сэръ-Исаакъ. — Быть-можетъ, достаточно будетъ поговорить съ одною мистрисъ Дарлингъ, потому что, — вы знаете какъ святы законы гостепріимства, — я не желаю бы дѣйствовать отъ своего имени. Устройте ея отъѣздъ сами, какъ найдете удобнѣе, и только въ случаѣ крайней необходимости употребите мой авторитетъ.

Первымъ дѣломъ мистера Пима было отыскать мистрисъ Дарлингъ. Она также сидѣла запершись въ своей комнатѣ. Подождавъ ее нѣсколько времени, онъ послалъ просить ее внизъ, и она немедленно явилась. Наблюдательный докторъ сейчасъ же подмѣтилъ на ея лицѣ явные слѣды смущенія.

— Я не знаю что мнѣ дѣлать съ Шарлоттой, воскликнула бѣдная женщина. — Она рѣшительно не хочетъ уѣзжать изъ

зámка Веферъ; а когда я пробовала настаивать, она положила конецъ разговору, оставивъ меня одну. Скажите, что намъ дѣлать теперь?

Докторъ ничего не могъ придумать. Онъ зналъ только, что мистрисъ Карльтонъ нынче же должна оставить замокъ.

Тогда бѣдная мистрисъ Дарлингъ начала лавировать. По ее словамъ, Шарлотта была теперь совершенно здорова, и небольшая отсрочка, на день или на два, не могла составить никакой разницы. Быть-можетъ, завтра или послѣ завтра ее можно будетъ склонить къ отъѣзду. Видя такую настойчивость, мистеръ Пимъ долженъ былъ намекнуть, наконецъ, о непремѣнной волѣ сэръ-Исаака.

Это глубоко уязвило мистрисъ Дарлингъ, и она сейчасъ же заподозрила мистера Пима.

— Я никакъ не ожидала, что вы поступите такъ вѣроломно, воскликнула она. — Вы дали мнѣ слово ничего не говорить сэръ-Исааку до тѣхъ поръ, пока мы не испробуемъ всѣхъ средствъ чтобъ увести отсюда Шарлотту!

— Да я ничего и не говорилъ ему. Онъ самъ заговорилъ объ этомъ.

— Онъ самъ!

— Ну да. Онъ попросилъ меня къ себѣ въ комнату и разказалъ мнѣ все.

— Такъ кто же могъ предупредить его? съ прискорбіемъ воскликнула мистрисъ Дарлингъ послѣ небольшой паузы.

Мистеръ Пимъ молчалъ: не его дѣло было называть декана.

— Чѣмъ меньше мы будемъ разсуждать объ этомъ, мистрисъ Дарлингъ, тѣмъ лучше. Словами горю не поможешь, а намъ еще нужно подумать какъ бы увести отсюда вашу дочь. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я не подаль бы ни малѣйшаго вида сэръ-Исааку, чтобы не поставить и его, и себя въ ложное и тягостное положеніе. Онъ настоящій джентльменъ — честный, благородный, гостепріимный; но до него дошли слухи о припадкахъ мистрисъ Карльтонъ, и онъ находитъ нужнымъ удалитъ ее отсюда.

— Я отдала бы полжизни, чтобы только узнать, кто подслужился ему своимъ наущничествомъ! воскликнула мистрисъ Дарлингъ. — Что же дѣлать теперь? Не поговорите ли вы съ Шарлоттой?

— Непремѣнно поговорю. Если вамъ не удастся убѣдить ее, то, быть-можетъ, мнѣ посчастливится. А вѣдь это будетъ

препеловкая штука, если намъ придется увозить ее силою или хитростію.

— Хитрость не поможетъ, оказала мистрисъ Дарлингъ. — Шарлотта слишкомъ провицательна, чтобъ ее можно было обмануть.

Мистеръ Пимъ дождался завтрака. Вмѣсто того чтобы нарочно просить свиданія у мистрисъ Карльтонъ, онъ счелъ за лучшее устроить его самымъ естественнымъ и незамѣтнымъ образомъ. Она сошла внизъ вмѣстѣ съ мистрисъ Севтъ-Джонъ, и завтракъ прошелъ по обыкновенію, съ тою разницой, что сэръ-Исаака не было въ этотъ день за столомъ. Мистеръ Брумъ, не объясняя причины его отсутствія, доложилъ только, что господинъ его будетъ завтракать у себя въ комнатѣ, и Джорджина смѣло пошла къ нему.

Но мистеру Пиму суждено было потерпѣть пораженіе, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени. Выходя изъ-за стола, онъ шепнулъ мистрисъ Карльтонъ, что желаетъ переговорить съ ней наединѣ, и подавъ ей руку, повелъ ее на террасу. Былъ скучный, пасмурный день, въ воздухѣ пахло дождемъ, и она разсѣянно посмотрѣла на небо. Мистеръ Пимъ осторожно и деликатно заговорилъ съ ней о томъ, что ей необходима перемѣна воздуха; что онъ и мистрисъ Дарлингъ, которымъ такъ дорого ея здоровье, считаютъ нужнымъ немедленно перевезти ее въ другое мѣсто. Но Шарлотта расхохоталась ему въ лицо; она съ презрѣніемъ отнеслась къ его совѣтамъ и желанію матери и даже обѣщала пожаловаться на нихъ сэръ-Исааку. Тогда мистеръ Пимъ принужденъ былъ намекнуть ей, какъ и мистрисъ Дарлингъ, что таково желаніе самого сэръ-Исаака.

Едва успѣлъ онъ это выговорить, какъ чертъ ея мгновенно исказился. Несмотря на свою многолѣтнюю медицинскую опытность, мистеръ Пимъ испугался: такъ помертвѣло у ней лицо, и такъ ужасно стало его выраженіе. Онъ взялъ ее подъ руку и сталъ говорить съ ней ласковымъ, успокоительнымъ тономъ. Но она вырвалась отъ него, пробормотала что-то о заговорѣ, который будто бы составляютъ противъ нея *зѣльники*, и убѣжала въ комнаты. Мистеръ Пимъ и не подозрѣвалъ, что подъ именемъ *зѣльниковъ* она разумѣла миссъ Боклеркъ и Говорію. Очень можетъ быть, что она включала туда же его и свою мать.

Онъ бросился ее отыскивать, призвавъ къ себѣ на по-

мощь мистрисъ Дарлингъ, и оба скоро убѣдились, что Шарлотта сидитъ въ своей комнатѣ, запершись изнутри на ключъ. Напрасно стучали они въ дверь — отвѣта не было. Докторъ не на шутку встревожился. Отъ такой выходки не далеко было и до настоящаго сумашествія. Въ комнатѣ слышалось по временамъ ворчанье, ускоренная ходьба, саркастическій смѣхъ и наконецъ раздался провозительный крикъ. Мистрисъ Дарлингъ была внѣ себя, даже Прясъ—безстрастная Прясъ — казалась испуганною.

— Я выломаю дверь, сказалъ мистеръ Пимъ.

Но онъ пошелъ сначала предупредить объ этомъ сэръ Исаака. Послѣдній разрѣшилъ ему дѣйствовать по усмотрѣнію и просилъ только объ одномъ, чтобы щадить, по возможности, бѣдную мистрисъ Карльтонъ. Принимая въ расчетъ случившееся, онъ даже согласился не торопить ее отъѣздомъ, съ тѣмъ условіемъ, что мистеръ Пимъ приметъ на себя всѣ заботы о ней до тѣхъ поръ, пока она въ состояніи будетъ ухажать.

Тогда мистеръ Пимъ возвратился въ корридоръ, куда пришла также и Гонорія Триттонъ.

Когда въ домѣ случаются подобныя происшествія, трудно, почти невозможно, чтобы не узнали объ этомъ домашніе. Какъ ни осторожны были докторъ и мистрисъ Дарлингъ, слухъ объ этомъ дошелъ до прислуги. Всѣ шептались между собой, что мистрисъ Карльтонъ заперлась въ своей комнатѣ и никого къ себѣ не пускаетъ. Изъ сочувствія, или изъ любопытства, Гонорія тотчасъ поспѣшила на верхъ: она думала, быть-можетъ, что имѣетъ на это нѣкоторое право въ силу своихъ прежнихъ отношеній къ мистрисъ Карльтонъ.

Мистеръ Пимъ едва замѣтилъ ее. Шумъ внутри комнаты увеличивался: шаги становились все чаще и громче. Мистрисъ Дарлингъ въ отчаяніи ломала руки и бросала умоляющіе взгляды на доктора. Потомъ она въ двадцатый разъ приложила свои губы къ замочной скважинѣ.

— Шарлотта! Дорогая Шарлотта! Пусти меня. Мнѣ нужно войти. Я... я забыла ключъ въ твоей комнатѣ, а скоро нужно будетъ одѣваться къ обѣду.

Отвѣта не было. Но шаги внутри комнаты перешли въ бѣготню. Докторъ самъ попробовалъ заговорить съ ней.

— Мистрисъ Карльтонъ, прошу васъ, отворите дверь. Если

вы не отворите, то я принужденъ буду ее выломать. Пожа-
луста, не доводите до этого.

Все было напрасно. Отвѣтомъ былъ одинъ насмѣшливый
хохоть.

Мистеръ Пимъ нагнулся, рассматривая замочную скважи-
ну; онъ желалъ войти, не разламывая двери, и спрашивалъ
себя, не подойдетъ ли къ ней одинъ изъ ключей отъ дру-
гихъ комнатъ. До сихъ поръ онъ не могъ сдѣлать этой по-
пытки, потому что ключъ внутри комнаты оставался еще
въ замкѣ. Но онъ надѣялся, что съ небольшимъ стараніемъ
ему удастся его вытолкнуть.

— Нельзя ли привести свѣчу? сказалъ онъ.

Пасмурный день перешелъ въ мрачные сумерки, вечернія
тѣни сгустились, и въ корридоръ было очень темно. Гонорія,
хорошо изучившая комнаты въ прежней должности горнич-
ной, прямо отправилась въ спальню миссъ Боклеркъ и
принесла оттуда зажженую восковую свѣчу въ серебряномъ
подсвѣчникѣ. Мистеръ Пимъ подержалъ ее съ минуту пер-
едъ замочною скважиной и потомъ отдалъ назадъ Гоноріи.

— Теперь я вижу что нужно сдѣлать, сказалъ онъ мис-
трисъ Дарлингъ. — Если одинъ изъ этихъ ключей придется
къ этой двери, то мы сейчасъ же будемъ въ ея комнатѣ.

Онъ велѣлъ принести себѣ два или три ключа, а самъ ме-
жду тѣмъ вынулъ перочинный ножикъ и началъ осторожно
вертѣть имъ въ замкѣ.

— Держи свѣчу поближе, сказалъ онъ Гоноріи.

Не многихъ усилій, стоило поставить бородку внутрен-
няго ключа прямо; докторъ искусно сдѣлалъ это, и вслѣдъ
за тѣмъ ключъ упалъ внутрь комнаты. Быстрѣ мысли, пре-
жде чѣмъ мистрисъ Карльтонъ успѣла снова вложить его
въ замочную скважину, докторъ Пимъ всунулъ другой ключъ
съ наружной стороны, но онъ не повернулся.

— Въ этомъ корридорѣ нѣтъ ни одного замка, къ которо-
му пришелся бы ключъ отъ другой двери, заговорила Гонорія.

— Въ такомъ случаѣ нечего дѣлать, воскликнулъ мистеръ
Пимъ. — Берегитесь!

Дверь подалась съ трескомъ. Прежде всего имъ бросилась
въ глаза сама мистрисъ Карльтонъ, стоявшая у противопо-
ложной стѣны и дико поводящая глазами. Даже въ обык-
новенное время, когда она бывала совершенно спокойна,
глаза ея имѣли какой-то странный взглядъ, но въ настоя-

щую минуту выраженіе ихъ было по истинѣ ужасно. Мистеръ Пимъ прямо пошелъ къ ней; но она уклонилась отъ него ловкимъ прыжкомъ, бросилась на помертвѣвшую Гонорію и сѣднлась съ ней на смерть.

Несчастливая женщина! Кто могъ угадать, какія мысли бродили въ ея головѣ во время этого добровольнаго заключенія? Одно несомнѣнно, что онѣ окончательно помutilи ея разумъ и быстро увлекли ее въ бездну сумашествія, на краю которой она давно уже находилась. Быть-можетъ, и видъ Гоноріи, стоявшей посреди ея мнимыхъ враговъ съ зажженою свѣчой въ рукахъ, невольно перевесъ ее къ той роковой ночи, послѣ которой не прошло еще и двухъ лѣтъ!

Какъ бы то ни было, по той или по другой причинѣ, или отъ совокупности многихъ, отъ оскорбительнаго ли намека на необходимость уѣхать изъ замка Веферъ, отъ пріѣзда ли мистера Пима, или разговора его по утру съ Гоноріей, отъ противорѣчія ли вынесеннаго ею въ этотъ день.... только минута, которой такъ давно страшились мистрисъ Дарлингъ и Прясъ, теперь наступила. Шарлотта помѣшалась!

Всѣ трое: докторъ, мистрисъ Дарлингъ и Прясъ бросились вязать ее, точь-въ-точь какъ тридцать лѣтъ тому назадъ докторъ и Джемсъ вязали ея отца. Перепуганную до полусмерти Гонорію освободили. Руки ея были въ синякахъ, а на прокушенной щекѣ навсегда остался слѣдъ зубовъ мистрисъ Барбтонъ.

Когда у сумашедшей отняли возможность вредить себѣ и другимъ, мистеръ Пимъ толкнулъ Прясъ и сѣдлалъ ей знакъ, чтобъ она послѣдовала за нимъ въ особенную комнату. Еслибы Прясъ была способна чему-нибудь удивляться, она удивилась бы въ настоящую минуту. Мистеръ Пимъ затворилъ за собой дверь и указалъ ей на стулъ.

— Бѣжать теперь поздно, началъ онъ. — Завтра ваша госпожа будетъ въ сумашедшемъ домѣ, Прясъ, откуда ее никогда болѣе не выпустятъ. Но знаете ли вы, для чего я привелъ васъ сюда?

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчала Прясъ, съ нѣкоторою нерѣшительностью, какъ бы догадываясь, къ чему ведетъ онъ рѣчь.

— Я намѣренъ говорить съ вами о томъ ужасномъ вечерѣ въ Амвикѣ, когда сторѣлъ Веня. Я убѣжденъ, — и онъ выразительно поднялъ на нее свой палецъ, — въ томъ, что госпожа ваша замѣшана въ этомъ дѣлѣ, и что это было

вамъ извѣстно, какъ вотъ въ томъ, что вы теперь сидите передо мной. Меня трудно провести; не взирая на всю ловкость, ваше поведеніе въ тотъ вечеръ и въ слѣдующую за тѣмъ ночь ясно показывало, что вы лгали. Я не сталъ тогда настаивать, потому что у меня были на то свои причины, но теперь я намѣренъ узнать отъ васъ все.

— Я тутъ несколько не замѣшана, сэръ, отвѣчала Прясъ, не смѣя лукавить и чувствуя, быть-можетъ, что прошла пора таиться отъ доктора.

— Я и не подозреваю васъ, отвѣчалъ мистеръ Пимъ.— Однако вы дѣйствительно были въ той нишѣ, гдѣ видѣла васъ Гонорія. Послушайте! Вы хорошо сдѣлаете, сообщивъ мнѣ всѣ подробности этого вечера: они могутъ послужить мнѣ указаніями какъ лѣчить вашу госпожу. Я долженъ знать ихъ во что бы то ни стало. Признавайтесь же. Ребенка подождла она?

— Нѣтъ, сэръ, не думаю. Развѣ какъ-нибудь печально.

— Во всякомъ случаѣ, она была въ это время въ его комнату?

— Да, была. Но я думаю, что онъ сгорѣлъ случайно. Госпожа моя прибила Веню, и въ это время, вѣроятно, загорѣлся его бѣлый фартучекъ.

— Но вѣдь это она заперла за нимъ дверь на задвижку!

Лицо Прясъ приняло на минуту отчаянное выраженіе.

— Должно-быть, она, сэръ, то-есть дверь уборной. Ну, и другую.... я была и буду увѣрена, что ребенокъ заперъ ее самъ.

— Стало-быть, она заперла дверь, когда онъ уже горѣлъ?

— Ахъ, Боже мой, какъ же мнѣ знать это, сэръ? Я, право не могу вамъ сказать навѣрное.

— Но вы сейчасъ сказали, что *должно-быть* она заперла ее.

— Да; должно-быть, а впрочемъ....

Мистеръ Пимъ сѣлъ насупротивъ Прясъ по другую сторону стола.

— Начиная съ начала, Прясъ, сказалъ онъ. — Мы только напрасно тратимъ время. Скажите мнѣ, что именно вы видѣли и слышали изъ всего случившагося въ этотъ вечеръ в Адуикѣ?

— Вы.... вы спрашиваете меня, сэръ, не для того чтобъ уличить ее въ преступленіи? спросила Прясъ.

— Уличать ее въ преступленіи! съ сердцемъ повторилъ мистеръ Пимъ. — На вашу госпожу уже нельзя болѣе док-

зывать, и никакіе законы не станутъ теперь ее преслѣдовать, Пряньсъ. Еслибъ я желала уличить ее, то я тогда же приняла бы свои мѣры. Но я молчала не хуже васъ. Теперь начинайте. Увидимъ, какое участіе принимали вы въ этомъ дѣлѣ и что заставило васъ притаиться въ нишѣ; вѣдь вы не забыли этого, я полагаю?

— О, вѣтъ, сэръ! Я слишкомъ часто и слишкомъ горько размышляла объ этомъ, сказала она, подпирая голову рукой. — Хотя въ прежнихъ моихъ показаніяхъ было много правды, однако я должна признаться, что утаила кое-что, прибавила она послѣ небольшого молчанія.

— Такъ скажите же теперь все, сказалъ мистеръ Пимъ, терпя терпѣніе.

Вотъ сущность того, что сообщила ему Пряньсъ. Вышедши изъ *луковной*, она пошла на верхъ вымыть руки, которыя, какъ она увѣряла, были въ пескѣ отъ очистки кореньевъ. Сидя потомъ въ своей комнатѣ, примыкавшей къ спальнѣ мистрисъ Карльтонъ, она услышала, какъ госпожа ея вошла къ себѣ на верхъ. Пряньсъ поспѣшила къ ней, чтобъ узнать, не нужно ли ей огня, такъ какъ сумерки совсѣмъ уже наступили, но мистрисъ Карльтонъ не оказалось въ спальнѣ: она прошла въ уборную, и остановившись на порогѣ дѣтской, пристально смотрѣла на что-то впереди себя. Изъ дѣтской выходилъ какой-то странный свѣтъ, при помощи котораго Пряньсъ могла явственно различить свою госпожу. Увлеченная любопытствомъ, она заглянула въ комнату и увидела мастера Веню, который тихо расхаживалъ по дѣтской, держа въ рукахъ освѣщенную церковь. На нее-то и устремлены были глаза мистрисъ Карльтонъ. И въ самомъ дѣлѣ, чудный эффектъ производила въ темной комнатѣ, по словамъ Пряньсъ, эта зажженная игрушка! Мальчикъ говорилъ про себя, и слова его несомнѣнно должны были раздражить ея госпожу.

— Какія же это были слова? прервалъ мистеръ Пимъ, когда Пряньсъ дошла до этого мѣста въ своемъ разказѣ. — Не можете ли повторить ихъ?

— „Вотъ что мы сдѣлаемъ, Гонорія, когда Анвикъ мой,“ повторила Пряньсъ.— „Ты будешь хозяйкой, будешь отдавать приказанія, и мы выстроимъ большую, большую стѣну, чтобы не пускать мамашу, а Джорджика возьмемъ къ себѣ, и онъ будетъ нашъ.“

Такъ говорилъ мальчикъ, и слова эти раздражила мистрисъ Карльтонъ: она ринулась въ дѣтскую и дала ребенку сильную пощечину, а Прансъ успѣшила уйти; но уходя, она слышала, какъ въ дѣтской поднялись плачъ и возня. Прансъ готова была побожиться мистеру Паму, что ей и въ голову не приходила тогда мысль о серьезной бѣдѣ. Она прошла черезъ уборную, черезъ спальню, затворила за собой дверь и спустилась въ столовую. Джорджикъ спалъ на большомъ креслѣ, свѣсивъ ноги внизъ. Черезъ нѣсколько минутъ—почти вслѣдъ за нею—въ столовую вошла и ея госпожа, и Прансъ съ удивленіемъ замѣтила, что она заперла за собой дверь на щеколду. Мистрисъ Карльтонъ была сильно взволнована; она металась по комнатамъ изъ стороны въ сторону, и Прансъ думала, ужь не поссорилась ли она съ Гоноріей. Вдругъ она сѣла и положила ноги Джорджика къ себѣ на колѣни. Тогда Прансъ воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы повернуть щеколду и ускользнуть изъ комнаты, но она не скоро рѣшилась на это и провела по крайней мѣрѣ четверть часа въ столовой. Оттуда Прансъ пошла къ себѣ наверхъ, нигдѣ не слыша ни малѣйшаго шума. Високоубѣжденная, что Гонорія сидитъ въ дѣтской съ мастеромъ Веней, она постояла минуты двѣ въ корридорѣ, надѣясь подслушать что-нибудь изъ ихъ разговора о ссорѣ. Но не услышавъ ничего, подумала, не уведла ли Гонорія мастера Веню въ людскую, что было строго запрещено мистрисъ Карльтонъ. Желая изобличить ее, Прансъ стала тихо красться по корридору, какъ вдругъ она увидала Гонорію, бѣжавшую по задней лѣстницѣ, и чтобы не попасть ей на глаза, спряталась въ нишу, выжидая пока Гонорія войдетъ въ дѣтскую. Стало-быть, мастеръ Вена былъ въ дѣтской. Но Гонорія никакъ не могла отворить дверь и громко спрашивала у него, для чего завернулъ онъ крючокъ. Тогда Прансъ выглянула изъ ниши; она увидала, какъ Гонорія высыпала что-то изъ фартука и стремглавъ пробѣжала мимо нея въ уборную. Прансъ думала въ то время, что Гонорія не замѣтила ея, такъ какъ въ корридорѣ было довольно темно. Она успѣшила возвратиться въ свою комнату и стала зажигать свѣчу, когда ее испугали крики Гоноріи. Выглянувъ изъ комнаты, она увидала Гонорію бѣжавшую по главной лѣстницѣ съ дикими, неистовыми воплями. Скоро прибѣжали

слуги изъ людской, мистрисъ Карльтонъ и Джорджикъ изъ столовой, и тогда только Пряксъ узнала все.

— И вы хотите увѣрить меня, что ничего не подозрѣвали въ то время? спросилъ мистеръ Пимъ, когда она замолчала.

— Клянусь жизнью, сэръ, я не подозрѣвала ничего, отвѣчала Пряксъ съ легкимъ волненіемъ.—Я поражена была не мѣше самой Гоноріи.

— А отчего же вы не признались, что сидѣли въ нишѣ?

— Ахъ, сэръ, я не посмѣла. Вѣдь при допросѣ это могло навлечь подозрѣнія на мою госпожу! Какъ только я узнала, что Гоноріи не было въ комнатѣ въ то время какъ госпожа моя ударила мастера Вею, я испугалась до-смерти, думая, что не она ли подошла его. Я...

— Погодите. Я не совсѣмъ понимаю, прервалъ мистеръ Пимъ.—Вы говорите, что заглядывали въ дѣтскую. Стало-быть, вы видѣли, что Гоноріи тамъ не было.

— Увѣряю васъ, сэръ, что я не замѣтила этого. Я видѣла только одинъ уголъ комнаты; дверь отворяется у самой стѣны, такъ что изъ-за нея трудно видѣть что-либо, особенно съ того мѣста гдѣ я стояла. Не будь я увѣрена, что Гоноріа сидитъ на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, я никакъ не оставила бы ребенка одного съ мистрисъ Карльтонъ. Да и самъ мальчикъ невольно ввелъ меня въ заблужденіе. Слова, которыя говорилъ онъ, обращены были къ Гоноріи. Уже потомъ только сообразила я, что услышавъ шаги своей мамы, онъ, вѣроятно, подумалъ, что вошла Гоноріа, но былъ слишкомъ занятъ своею игрушкой, чтобъ обернуться назадъ.

— Ужасный случай! воскликнулъ мистеръ Пимъ.

— Отъ него-то госпожа моя и помѣшалась, отвѣчала Пряксъ.—Но увѣряю васъ, сэръ, что она не умышленно подожгла его. Во время ея припадковъ у нея вырывались слова, которыя убѣдили меня въ этомъ. Церковь упала, вспыхнула и подожгла его фартукъ, это она простонала разъ ночью въ бреду; и я увѣрена, что это такъ и было.

— Но вѣдь дверь-то заперла за нимъ она?

— Къ несчастію: да; она заперла ее, зная что онъ горитъ—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Она сама проговорила объ этомъ. Вѣроятно, она сдѣлала это безсознательно, въ припадкѣ безумія, потому что сердце у нея не злое, и она становится жестокою только во время этихъ припадковъ. Да къ тому же... къ тому же.....

— Ну? спросилъ докторъ.

— Она выпила слишкомъ много вина въ этотъ день, продолжала Прянсъ, понижая голосъ. — Не съ намѣреніемъ, не по страсти къ напиткамъ, а такъ, неумышленно. Ей пришлось обѣдать въ тотъ часъ, когда она обыкновенно завтракала, и я замѣтила, что она очень мало ѣсть. Но у ней была сильная жажда, и она много пила: и шампанскаго, и хересу, и портвейну. Все это, конечно, ударило ей въ голову; не будь этого, я увѣрена, что она не прибила бы маленькаго Вениу въ столовой. Да ужь какъ же и мучилась она въ послѣдствіи!

— Воображаю, сказалъ докторъ.

— Я думаю, она и помѣшалась-то больше отъ угроженій совѣсти. Уже во Фландріи я боялась за ея разсудокъ; но тамъ она какъ-то превозмогла себя. Сколько разъ говорила она, что съ радостью отдала бы свою жизнь, лишь бы воскресить Вениу; мнѣ кажется, она пожертвовала бы даже жизнью Джорджика. Она совершила это въ припадкѣ помѣшательства, самозабвенія, и съ тѣхъ поръ не переставала оплакивать свой поступокъ, вѣчно опасаясь, чтобъ ее не изобличили. Ненависть къ Гоноріи возникла въ ней отъ той мысли, что еслибы Гонорія не ушла отъ Вени, ничего этого не случилось бы, и на душѣ ея не лежалъ бы теперь этотъ грѣхъ. Увѣряю васъ, сэръ, что она скорѣе достойна сожалѣнія нежели порицанія.

— Пусть будетъ по-вашему, Прянсъ, замѣтилъ мистеръ Пимъ.—А знаетъ ли объ этомъ мистрисъ Дарлингъ?

— Знаетъ, только безъ подробностей, сэръ. Однажды я какъ-то намекнула ей словечко, а объ остальномъ она, вѣрно, сама догадалась; но я ей ничего не рассказывала.

— Да и хорошо сдѣлали, сказалъ докторъ.—Эта тайна должна остаться между нами.

XXII. Встрѣча въ Парижѣ.

— Любопытно знать, за что меня здѣсь арестовали? воскликнула Джорджина Боклеркъ.

Говоря это, она стояла у открытаго балкона, въ родительскомъ домѣ, а вопросъ ея обращенъ былъ къ Фредерику Сентъ-Джову, который шелъ изъ замка Веферъ по убитой пескомъ дорожкѣ, между тѣмъ какъ осенній

денекъ уже смѣнялся сумерками. Джорджина пришла въ приходъ вскорѣ послѣ полудня, и почти вслѣдъ за нею явился посланный отъ сэръ-Исаака, съ просьбой, чтобъ она не возвращалась въ замокъ Веферъ до тѣхъ поръ, пока за ней не пришлютъ. Это въ высшей степени озадачило, разсердило и заинтересовало молодую дѣвушку. Арестъ ея начался около трехъ часовъ, а теперь было уже совсѣмъ темно, время близилось къ обѣду; но ея не освобождали. Деканъ, мистрисъ Боклеркъ и ихъ прелестная гостья были въ Лексингтонѣ, такъ что миссъ Джорджина все время просидѣла въ одиночествѣ и страшно соскучилась.

Подходя къ ней, Фредерикъ снялъ шляпу и вытеръ себѣ лобъ носовымъ платкомъ: онъ былъ въ испаринѣ отъ слишкомъ быстрой ходьбы.

Джорджина вошла въ комнату и стала ждать его у балкона.

— Пришелъ разрѣшить ваши узы, сказалъ онъ, отвѣчая на ея вопросъ.—Я радъ, что вы послушались меня и остались.

— Ужь если я послушалась кого-нибудь, такъ конечно не васъ, а сэръ-Исаака!

— Но вѣдь распоряженіе-то шло отъ меня, Джорджина.

— Очень сожалѣю что не знала! воскликнула она, задыхаясь.—Тогда я ни за что бы не исполнила его!

Онъ засмѣялся.

— Вотъ почему я и дѣйствовалъ отъ имени сэръ-Исаака. Я зналъ, что вы не станете мнѣ повиноваться.

— Еще бы вамъ повиноваться, мистеръ Сентъ-Джонъ! Надѣюсь, что не стала бы. Вы сыграли надо мной славную шутку!

И она сердито тряхнула своей хорошенькою головкой. Мистеръ Сентъ-Джонъ опять засмѣялся.

— А вашихъ нѣтъ дома, Джорджина?

— Да, уѣхали, а я, по вашей милости, просидѣла тутъ одна. Мнѣ странно, что вы даже не чувствуете раскаянія.

— И мнѣ тоже очень странно.

— Желала бы я знать причину моего ареста? Въ жизнь мою еще никто не поступалъ со мной такъ дурно.

— А вѣдь вы такъ много прожили, такъ много испытали, Джорджи!

— Ну, ну, прошу не насмѣхаться. Я сейчасъ же иду въ замокъ Веферъ, и сэръ-Исаакъ, вѣрно, объяснитъ мнѣ все. А

вы оставайтесь себѣ тутъ, кога хотите; дожидайтесь нашихъ.

Она завязала шляпку, застегнула мантію, которыхъ не снимала до сихъ поръ, въ ожиданіи что за ней сейчасъ придутъ, и поспѣшно вышла черезъ балконъ.

Но Фредерикъ остановилъ ее за руку.

— Нѣтъ, Джорджина, вы не пойдете; я пришелъ, чтобы задержать васъ здѣсь.

— Но вѣдь вы сказали, что пришли разрѣшить мои умы!

— Подъ словомъ „умы“ я разумѣлъ нѣчто другое: я пришелъ разрѣшить ваши недоумѣнія и удовлетворить ваше любопытство, которое, вѣроятно, такъ сильно васъ помучило. Знайте же, что вы не вернетесь болѣе въ замокъ Веферъ; вы тамъ не нужны.

— А мнѣ все равно, возразила Джорджина, сбрасывая съ себя шляпку. — Но вы могли бы, по крайней мѣрѣ, сказать мнѣ это раньше, а то легкое ли дѣло сколько я прождала тутъ, не раздѣваясь!

— Мнѣ нельзя было придти раньше. Ну, такъ что же, открытъ вамъ мой секретъ или нѣтъ?

Опять то же своеправное движеніе хорошенькой головки.

— Какъ хотите. Мнѣ все равно.

— Я увѣренъ, что вамъ не все равно, сказалъ онъ. — Но знаете ли, Джорджина, и его полунасмѣшливый, полушутливый тонъ вдругъ перешелъ въ серьезный: — это такой предметъ, о которомъ мнѣ непріятно говорить съ вами. Мистръ Карльтонъ заболѣлъ. Вотъ почему мы изгоняемъ васъ на время изъ замка Веферъ.

Настроеніе Джорджины мгновенно измѣнилось: ея глѣзъ былъ напускной, а не настоящей.

— Заболѣлъ! ахъ, какъ жаль. Но это не заразительная болѣзнь?

— Я сейчасъ скажу вамъ, Джорджина, что у нея: она помѣшалась. Я уже давно замѣчалъ, что она была не въ своемъ умѣ, но сегодня послѣ завтрака ей вдругъ сдѣлалось хуже. Она заперлась къ себѣ на ключъ, такъ что мистръ Пимъ принужденъ былъ выломать ея дверь, и теперь она въ ужасномъ положеніи. Сегодня, послѣ того какъ она заперлась въ свою комнату, мистръ Пимъ сказалъ мнѣ, что онъ опасается кризиса; и я тотчасъ же послалъ къ вамъ гонца. Исаакъ также находитъ, что вамъ лучше провести

ывѣтшій вечеръ дома: въ замкѣ Везеръ будетъ сегодня очень грустно, и мы должны уважить чувства мистрисъ Дарлингъ.

— Понимаю, понимаю! съ жаромъ прервала Джорджина, въ которой опять заговорило ея мягкое, доброе сердце. — Конечно, тамъ теперь не мѣсто для постороннихъ. Вѣдая мистрисъ Дарлингъ! но правда ли это, Фредерикъ? Неужели она въ самомъ дѣлѣ помѣшалась?

— Кажется, что такъ.

— Можетъ-быть, это горячка, которая пройдетъ современемъ?

— Богъ знаетъ, будемъ надеяться. А покажьтесь, я прошу васъ никому не выдавать этого секрета.

— Конечно, если вы желаете.

— Мнѣ кажется, такъ будетъ лучше. Она можетъ выздороветь, и въ такомъ случаѣ ей непріятно было бы узнать, что слухъ о ея болѣзни распространился. Я знаю, что могу на васъ положиться; иначе я не сталъ бы и говорить. Но вѣдь у васъ съ вами и прежде были секреты, Джорджина.

— А развѣ вы ничего не скажете папашѣ?

— Ему я конечно скажу, потому что онъ давно зналъ обо всемъ. Но кромѣ его, никому. Конечно, если болѣзнь ея не пройдетъ, то подъ конецъ всѣ узнаютъ.

— Знаете ли, когда вы пришли сюда, я сейчасъ же догадалась по вашему лицу, что вы привезли мнѣ дурныя вѣсти, продолжала Джорджина. — У васъ былъ такой изнуренный, озабоченный видъ. Впрочемъ, вотъ уже нѣсколько дней какъ у васъ такое лицо.

— Неужели? вѣроятно, я слишкомъ утомленъ бессонными ночами. Вѣдь я всѣ эти дни не ложился въ постель. Я все дежурилъ.

— Дежурил! Гдѣ?

— У себя дома, въ корридорѣ.

Джорджина посмотрѣла на него съ удивленіемъ. — Кого же вы тамъ высматривали? спросила она.

— Какъ кого? привидѣній.

— Ну, полвоте шутить. Объясните мнѣ вашу мысль, а васъ не понимаю.

— Я такъ люблю говорить секреты, Джорджина, что, кажется, открою вамъ и этотъ. Помните вашъ ночной кошмаръ?

— Мой ночной кошмаръ? Ахъ, да, когда мнѣ представилось, что кто-то вошелъ въ мою комнату. Ну, такъ что жъ?

— Ну, а мнѣ вообразилась, что это былъ не кошмаръ, а дѣйствительность, что въ вашу комнату приходила мистрисъ Карльтовъ, томимая бессоницей; и признаюсь, эта мысль была мнѣ очень неприятна. Съ тѣхъ поръ я каждую ночь сталъ выходить въ корридоръ, изъ опасенія, чтобы не повторилась та же продѣлка.

Джорджина сообразила съ быстротой молніи:

— Вы боялись за меня! Вы заботились обо мнѣ!

— Неможко. Но запирали ли вы вашу дверь послѣ того какъ я предупредилъ васъ?

— Запирала; кромѣ одной ночи, когда я забыла это сдѣлать.

— Такъ; такъ. Я зналъ, что имѣю дѣло съ безпечною, вѣтровою дѣвушкой, и потому предпочелъ положиться на самого себя. А славная была бы штука, еслибы мистрисъ Карльтовъ похитила васъ!

Ало-золотистыя полосы заката догорали на горизонтѣ, освѣщая сумерки пасмурнаго дня. Джорджина Бокаеркъ пристально смотрѣла на западъ, и на лицѣ ея видна была дума. Вдругъ она повернулась къ мистеру Сентъ-Джону.

— Скажите, имѣли ли ваши вчерашнія слова, о томъ чтобы я никуда не выходила одна, какое-нибудь отношеніе ко всему случившемуся?

Она утвердительно кивнулъ головой.

— Заподозривъ болѣзнь мистрисъ Карльтовъ, я не могъ знать, кого она оставить въ покоѣ, кого нѣтъ, тѣмъ болѣе, что я видѣлъ какъ она бродила въ полѣ.

— Когда, вчера вечеромъ?

— Да, вчера вечеромъ. Она слѣдила за вами.

Одной минутѣ достаточно было для Джорджины, чтобы понять все. Она вздрогнула и почти прижалась къ мистеру Сентъ-Джону.

— Теперь я все понимаю, Фредерикъ, сказала она. — Я помню, что вы говорили мнѣ объ ея ревности: вы, стало-быть, оберегали меня; да?

— По крайней мѣрѣ старался, оказалъ мистеръ Сентъ-Джонъ.

— Какъ мнѣ благодарить васъ за это? А я еще позволяла себѣ говорить вамъ дерзости и дуться! Быть-можетъ, я и жизнью-то своею обязана вамъ!

— Но я вѣдь не даромъ это дѣлалъ, миссъ, предупреждаю васъ. Я все время придумывалъ себѣ награду!

Рука его обвилась вокругъ ея стана, прежде нежели Джорджина успѣла уклониться, и онъ привлекъ ее къ своему сердцу. Голосъ его сталъ тихъ и нѣженъ; а лицо, склонившееся надъ ея лицомъ, было такъ убѣдительно краснорѣчиво.

— Вчера я говорилъ вамъ, что избавилъ васъ отъ большой опасности.

— Но вы ужь получали свою награду, прервала бойкая вострушка, вся вспыхнувъ.

— И не думалъ. Не знаю, оттого ли что мнѣ пришлось оберегать васъ это время, или отъ чего-нибудь другого, только я пришелъ къ тому убѣжденію, что мнѣ нужно сберечь васъ для себя на всю жизнь. Джорджина, мы давно могли предвидѣть этотъ конецъ.

— Могли предвидѣть! Когда вы ненавидѣли меня!

— Если я ненавидѣлъ васъ прежде — чего впрочемъ никогда не было — такъ я люблю васъ *теперь*. Джорджина, я не могу разстаться съ вами, а никогда съ вами не останусь. Да, вѣрно, и вы также не захотите разстаться со мной?

Сердце ея било тревогу, а по щекамъ струились слезы. Навя она и не мечтала о такомъ счастьи; оно лишь изрѣдка грезилось ей во снѣ. Фредерикъ отеръ ея слезы поцѣлуемъ.

— Но я никакъ не могу повѣрить, чтобы вы любили меня, прошептала она.

— Я люблю васъ нѣжно, искренно; а знаете ли, я нѣкогда увѣрялъ одного изъ вашихъ друзей, что ни за что на свѣтѣ не женюсь на Джорджинѣ Боклеркъ, даже если кромѣ ея не останется ни одной дѣвушки въ цѣлой Англiи. Но другъ вашъ одаренъ былъ предвѣдѣніемъ и читалъ въ моемъ сердцѣ лучше нежели я самъ.

— Вы говорили это? Одному изъ моихъ друзей! Но кому же?

— Тому, кто покочется теперь въ Вестерберійскомъ аббатствѣ.

Глаза ея опять устремились на полосы заката. Давно-минувшее воскресло въ ея воображеніи, и она вспомнила о красивомъ мальчикѣ, который такъ искренно былъ къ ней привязанъ.

— Вы никогда не любили его, бѣдняжку, замѣтилъ мистеръ Сентъ-Джонъ.

— Я только одного и любила въ своей жизни, тихо прошептала она.

— Знаю, и онъ первый намекнулъ мнѣ на это, хотя, сказать правду, я не нуждался въ намекахъ. Джорджина, говорятъ, что браки устраиваются самими Богомъ; мнѣ кажется, мы тогда же могли предвидѣть, что назначены другъ для друга.... что съ вами?

Джорджина отскочила отъ него какъ ужасенная. Слухъ ея былъ тоньше чѣмъ у мистера Сентъ-Джона. Она слышала карету декана, которая быстро приближалась.

— Но вы, вѣрно, позволите мнѣ говорить съ вашимъ отцомъ, Джорджина?

— Да если я скажу нѣтъ, вы вѣдь не послушаетесь. Вы всегда были настойчивы; вѣрно и теперь захотите поставить на своемъ. Но знаете ли что? Какой вы безчувственнымъ, жестокой, — да и я тоже хороша!

— Я понимаю васъ: вамъ больно, что мы увлеклись нашимъ счастьемъ и позабыли о бѣдной мистрисъ Карльтоузъ! Намъ еще хватитъ времени для состраданія. О, дитя! Если бы вы знали какъ я за васъ боялся! Впрочемъ, эти опасенія окончательно убѣдили меня въ томъ, о чемъ я только догадывался, — въ моей любви къ вамъ.

Въ эту минуту вошелъ деканъ. Джорджина побѣжала къ матери и къ миссъ Демисонъ; послѣдняя встрѣтила ее бранью.

— А! подумала Джорджина: — если бы ты знала кто беретъ меня замужъ, ты не посмѣла бы такъ обращаться со мной, и не помня себя отъ счастья, она поцѣловала удивленную миссъ Демисонъ.

Мистеръ Сентъ-Джонъ заговорилъ съ деканомъ сначала о мистрисъ Карльтоузъ. Вѣсть эта чрезвычайно поразила и огорчила доктора Боклерка. Потомъ Фредерикъ сообщилъ ему, что по мнѣнію сэръ-Исаака, Джорджина должна оставить на время замокъ Веферъ.

— Онъ правъ, сказалъ деканъ. — Ей вовсе не слѣдовало оставаться тамъ такъ долго. И я, конечно, не оставилъ бы ея, если бы предвидѣлъ все это. Впрочемъ, съ ней трудно было бы сладить. Вѣдь вы сами знаете, какъ она любитъ замокъ Веферъ.

— А вы рѣшились бы, сэръ, отпустить ее туда навсегда? спросилъ Фредерикъ.

— Что-о? съ удивленіемъ протянулъ деканъ, пытливо смотря на мистера Сентъ-Джона. — Развѣ кто-нибудь желаетъ этого?

— Я желаю и сейчасъ только спрашивалъ у нея, согласна ли она на это.

— Что же она вамъ отвѣчала?

По губамъ мистера Сентъ-Джона пробѣжала улыбка.

— Она говоритъ, что я всегда былъ настойчивъ, и что вѣрно и теперь поставлю на своемъ.

— Такъ! Этого нужно было ожидать! Но какъ тяжело мнѣ будетъ разстаться съ ней. Впрочемъ, пусть будетъ по-вашему, Фредерикъ Сентъ-Джонъ,—и голосъ декана задрожалъ, между тѣмъ какъ онъ сжималъ его руку,— пусть ужъ лучше вы возьмете ее отъ меня, чѣмъ кто другой.

Наступила весна; въ Парижѣ было шумно и весело. Въ изящно убранной гостиной одного роскошнаго дома, помѣщавшагося въ лучшемъ кварталѣ города, сидѣла небольшая группа изъ трехъ лицъ: то были двѣ юныя новобрачныя и одинъ джентльменъ. Трудно было бы представить себѣ что-нибудь прелестнѣе этихъ двухъ женщинъ: хозяйки этого дома, баронессы де-ла-Шаосъ, и мистрисъ Фредерикъ Сентъ-Джонъ.

Узнаетъ ли читатель въ этой молодой хозяйкѣ бывшую Розу Дарлингъ? Она весело смѣется и попрежнему откидываетъ назадъ свои золотистые кудри. Свадьба ея удивила многихъ, въ томъ числѣ и Фредерика Сентъ-Джона, который шутитъ и разговариваетъ съ ней объ этомъ въ настоящую минуту.

— Я просто не хотѣлъ вѣрить, Роза. Я думалъ, вы никогда не удостоите своей руки Француза.

— Конечно, я предпочла бы васъ, откровенно созналась Роза, и всѣ засмѣялись.—Но онъ много измѣнился съ тѣхъ поръ, и благодаря мнѣ, сталъ гораздо благообразнѣе; я намѣрена держать его въ рукахъ.

— О, я знаю, что вы счастливы, Роза! сказала Джорджина:— это видно по вашему лицу. Такъ же счастливы, какъ и я.

— Что жъ, нужно признаться, я немножко люблю его, отвѣчала Роза съ стыдливимъ румянцемъ на лицѣ, который былъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ.— И притомъ онъ такъ любить меня, такъ гордится мною, окружаетъ меня такою роскошью! А все это случилось отъ того, что я провела прошедшую осень у де-Кастелла; онъ постоянно бывалъ у нихъ.

— Знаете ли, Роза,—мистеръ Сентъ-Джонъ взялъ ее за руку, и голосъ его зазвучалъ нѣжностью, — что я отъ всего сердца желаю вамъ обоимъ полнаго, невозмутимаго счастья.

— Надѣюсь, что и я желаю вамъ того же, отвѣчала она.— Однако, что же вы не сказали мнѣ, когда я дразнила васъ Сарою Боклеркъ, что я ошибаюсь только въ первомъ имени? Я еще въ прошедшемъ году замѣтила кое-что, когда видѣла васъ вмѣстѣ въ замкѣ Веферъ.

— Нѣтъ, прервала Джоржина, — тогда вы ничего не могли замѣтить, Роза.

— Однако замѣтила, ужъ на этотъ счетъ никому не уступлю въ провинительности, мистрисъ Сентъ-Джонъ. Я очень хорошо видѣла, какъ глаза его слѣдили за вами повсюду, и онъ во всякое время готовъ былъ оставить меня, чтобы бѣжать къ вамъ. Здоровъ ли сэръ-Исаакъ?

— Совершенно здоровъ, отвѣчалъ мистеръ Сентъ-Джонъ,— и какъ дитя радуется моей свадьбѣ. На словахъ, наша резиденція будетъ въ Анвикѣ; но мы по крайней мѣрѣ восемь мѣсяцевъ въ году будемъ проводить у него, въ замкѣ Веферъ.

— А что моя несчастная сводная сестра, мистрисъ Карлтонъ Сентъ-Джонъ, спросила Роза, и грустная тѣнь облегла ея сіяющее лицо. — Неужели нѣтъ никакой надежды на ея выздоровленіе?

— Кажется, никакой, отвѣчалъ онъ.

— Желала бы я знать, хорошо ли ей въ этой частной лечебницѣ?

— О, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. — По временамъ ее навѣщаетъ мистеръ Пимъ, а мистрисъ Дарлингъ даже очень часто. Но объ этомъ вы, конечно, знаете больше чѣмъ я.

— Передъ отъѣздомъ изъ Англіи я просила мамашу свозить меня къ ней; но она отказалась.

— Хорошо сдѣлала, сказалъ мистеръ Сентъ-Джонъ. — Это могло бы быть очень вредно для васъ, *madame de la Chasse*.

— *Madame de la Chasse*, повторила она. — Какъ странно звучить это имя въ вашихъ устахъ! Да! все это такъ мудро сложилось: онъ женился на мнѣ; а вы.... бѣдная Аделина! Жена ваша знаетъ о ней? внезапно спросила Роза съ обычнымъ легкомысліемъ.

— Конечно, знаю, отвѣчала Джоржина.

— Прежняя любовь ровно ничего не значитъ, когда мы вступаемъ въ бракъ. Мы тогда смѣемся надъ прошлымъ и

называемъ себя глупыми влюбчивыми дѣтми. Вотъ хоть бы я, напримѣръ, стала теперь самою степенною и разсудительною женой.

— Оно и похоже на то, воскликнулъ мистеръ Сентъ-Джонъ.

— Оно — правда, возразила Роза, — а ужъ похоже или не похоже, это ваше дѣло. Вотъ вы увидите, что я буду такою же доброю и степенною матроной, какъ и ваша дорогая женка, которая любитъ васъ до конца ногтей.

Джорджина смѣялась и краснѣла, прощальсь съ молодою баронессой; а Роза взяла съ нихъ слово видаться съ ней какъ можно чаще во все время ихъ пребыванія въ Парижѣ.

Выходя, они встрѣтили барона. Джорджина была въ высшей степени удивлена, увидавъ такого красиваго молодаго человѣка, потому что мистеръ Сентъ-Джонъ описалъ ей въ самомъ смѣшномъ видѣ его подстриженные волосы и завитые усы. Все это измѣнилось теперь. Волосы отросли и лежали легкими волнистыми прядями; а усы приведены были въ надлежащій порядокъ: Роза правду сказала, что сдѣлала его благообразнымъ.

Онъ встрѣтилъ ихъ чрезвычайно привѣтливо, повидимому, совершенно забывъ свою прежнюю неприязнь къ мистеру Сентъ-Джону, и весьма радушно приглашалъ ихъ бывать у него какъ можно чаще, покажутъ они останутся въ Парижѣ. Ихъ частое присутствіе въ его домѣ, сказалъ онъ, можетъ только довершить его счастье и счастье его жены.

— Фредерикъ, задумчиво воскликнула Джорджина, когда они вернулись въ свою гостиницу, — какъ ты думаешь, любилъ ли баронъ Аделину такъ, какъ онъ любитъ Розу? Онъ просто души въ ней не слышитъ.

— Быть-можетъ, и не любилъ. Его бракъ съ Аделиной устраивался по контракту, а въ Розу онъ успѣлъ влюбиться.

— Но, можетъ-быть, и ты не любилъ ея слишкомъ страстно! робко проговорила Джорджина, поднимая на него свои прекрасные глаза.

— На это я скажу тебѣ только то, отвѣчалъ онъ улыбаясь, — что если одна молодая леди изъ моихъ короткихъ знакомыхъ не довольна еще любовью своего мужа...

Она не дала ему договорить, и вся въ слезахъ отъ волненія и счастья, бросилась въ его объятія...

— О мой милай, радость моя! знаешь, знаешь? Мнѣ кажется, ты всегда любишь меня немножко, даже когда мы осорились съ тобой въ Вестербери.

— Я и самъ такъ думаю; но въ одномъ можешь быть увѣрена, это—что я не промѣнялъ бы теперь своей жены ни на одну изъ женщинъ, какъ живыхъ, такъ и умершихъ. И надѣюсь, при благословеніи свыше, до конца дней моихъ любить ее такъ, какъ люблю теперь.

— Аминь, тихо прошептала Джорджина.

КОНЕЦЪ.

н. м.

JUN 16 1941

